

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XIV Международные Лихачевские научные чтения
15–20 мая 2014 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать вторые по счету и четырнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

При реализации проекта «XIV Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 29 марта 2013 года № 115-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

Санкт-Петербург
2014

Научный редактор материалов пленарного заседания, круглого стола и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

3-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ

4-я секция — **Л. А. Пасешникова**, первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права

5-я секция — **Е. П. Ефимова**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Д44 **Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихачевские научные чтения**, 15–20 мая 2014 г. — СПб. : СПбГУП, 2014. — 592 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0791-4

В сборнике опубликованы материалы пленарного заседания, круглого стола и пяти секций XIV Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 15–20 мая 2014 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди 186 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: М. К. Горшков, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, В. В. Наумкин, В. Ф. Петренко, М. Б. Пиотровский, А. В. Смирнов, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, известные государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь и Г. А. Гаджиев, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, председатель Комитета Госдумы РФ по труду А. К. Исаев, зам. министра иностранных дел РФ Г. М. Гатлилов, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, зам. председателя ФНИПР Е. И. Макаров, президент Адвокатской палаты Москвы Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков и др.

В рамках XIV Чтений состоялся круглый стол «Построение Большой Европы: проблемы и возможности» с участием премьер-министра Франции (2005–2007) Д. де Вильпена, министра иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратиноса, зам. министра иностранных дел РФ А. Ю. Мешкова, министра иностранных дел РФ (1998–2004) И. С. Иванова, посла Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марка.

Среди иностранных авторов сборника — представители 18 стран: послы в РФ Г. Касулидис (Кипр) и М. Санаи (Иран), Генеральный консул в Санкт-Петербурге М. Файетта (Швейцария), Генеральный секретарь ЕврАзЭС Т. А. Мансуров (Казахстан), литературовед Чжан Иу, писатели Ван Хунцзя, Чжоу Сяофэн (Китай), поэт П. О. Ильинский (США), представители иностранных академий наук: П. П. Толочко (Украина) и В. Проданов (Болгария); профессора Т. Бауэр, Б. Вольф (Германия), Ш. Вебер (США), Е. Вятр (Польша), В. Ингимундарсон (Исландия), Х. Карам (Ливан), Г. Кёхлер (Австрия), С. Б. Байзаков, Б. К. Султанов, Н. Н. Турецкий (Казахстан), Ф. Т. Мамедов (Азербайджан), А. И. Лученок (Беларусь) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XIV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на XIV Международных Лихачевских научных чтениях. Ваш авторитетный форум ежегодно проводится по инициативе Конгресса петербургской интеллигенции и назван в честь Д. С. Лихачева. Имя этого выдающегося мыслителя для миллионов людей в России и за ее пределами стало олицетворением глубоких нравственных начал нашего народа.

«Сотрудничество, диалог и взаимопонимание являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилий и войн», — писал академик Лихачев еще в прошлом веке. Но сегодня эти слова актуальны как никогда. Они созвучны тем задачам, которые стоят перед человечеством, и перекликаются с темой нынешних Чтений — диалог культур и партнерство цивилизаций. Уверен, что на вашей встрече гуманистические идеи Дмитрия Сергеевича получат дальнейшее развитие, помогут найти ответы на сложные вопросы истории и современности. Желаю всем участникам Чтений полезного общения, успехов и всего самого доброго, а нашим зарубежным гостям — незабываемых впечатлений от пребывания в Северной столице России.

Председатель Правительства Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

14 мая 2014 года

Организаторам, участникам и гостям XIV Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую организаторов, участников и гостей XIV Международных Лихачевских научных чтений, которые ежегодно становятся заметным событием в научной и общественно-политической жизни России.

Надеюсь, и в этом году дискуссия, посвященная диалогу культур, будет интересной и насыщенной, а выработанные по итогам обсуждения рекомендации внесут практический вклад в определение ценностных приоритетов и предотвращение конфликтов между различными культурами.

Желаю участникам форума плодотворной работы и всего наилучшего.

Председатель Государственной Думы Российской Федерации

С. Е. НАРЫШКИН

Организаторам, участникам и гостям XIV Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XIV Международных Лихачевских научных чтений.

Из года в год ваш авторитетный форум собирает в городе на Неве представителей научной и творческой интеллигенции, видных общественных деятелей, политиков и экспертов из разных стран для конструктивного обмена мнениями по широкому кругу вопросов, включая тематику диалога культур и партнерства цивилизаций.

В сегодняшнем беспокойном мире осмысление ключевых тенденций глобального развития призвано способствовать поиску эффективных ответов на общие для всех вызовы.

Особое значение в этой работе приобретает противодействие межкультурным и межрелигиозным разломам, опасность которых на нынешнем переходном этапе в мировых делах возрастает. Отсюда — востребованность наращивания усилий по укреплению атмосферы партнерства и доверия в международных отношениях при опоре на верховенство права, базовые нравственные ценности, принципы справедливости и уважение права на самостоятельный выбор народами пути своего развития.

Убежден, что ваш форум будет способствовать осознанию безальтернативности коллективных действий в интересах решения актуальных международных проблем и продвижения к новому полицентричному демократическому миропорядку.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации

С. В. ЛАВРОВ

Москва, 15 мая 2014 года

Организаторам и участникам XIV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать организаторов и участников XIV Международных Лихачевских научных чтений. Ваш научный форум вот уже более десяти лет является своего рода лабораторией по исследованию диалога культур, который на протяжении этого времени вы рассматриваете с самых разных точек зрения. На этот раз участникам Чтений предложено проанализировать этот важнейший общественный феномен с позиции партнерства цивилизаций. В последнее время международные отношения подверглись значительным изменениям, появились новые вызовы мирному сосуществованию стран и народов. А потому сегодня для политиков и общественников, деятелей науки и культуры очень важно найти ответы на эти вызовы, а также новые пути решения цивилизационных конфликтов. Желаю вам плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений, мира, здоровья и счастья.

Министр культуры Российской Федерации

В. Р. МЕДИНСКИЙ

Москва, 8 мая 2014 года

Организаторам, участникам и гостям XIV Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые члены Оргкомитета!

Уважаемые участники и гости XIV Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Федерации независимых профсоюзов России сердечно приветствую Вас и поздравляю с началом работы этого авторитетного форума.

Современное общество как никогда нуждается во всестороннем обсуждении такой актуальной темы, как диалог культур и цивилизаций. Ваш форум является не только хорошим примером конструктивного диалога, способствующего осмыслению происходящих в мире кардинальных перемен, но и формирует уникальную духовную среду общения. Творческая атмосфера, царящая на Международных Лихачевских чтениях, способствует поиску ответов на актуальные вопросы, волнующие международное сообщество.

Объединяя миллионы трудящихся России, Федерация независимых профсоюзов заинтересована в мобилизации интеллектуальных ресурсов ведущих ученых, способствующих своими исследованиями осмыслению тенденций мирового развития. Ваш представительный форум, несомненно, внесет свой вклад в разработку модели стабильного будущего, способствуя отстаиванию профсоюзами России идеалов социальной справедливости.

Желаю участникам и организаторам XIV Международных Лихачевских научных чтений больших успехов.

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

М. В. ШМАКОВ

5 мая 2014 года

**Организаторам, участникам и гостям
XIV Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые члены Оргкомитета!

Уважаемые участники и гости XIV Международных Лихачевских научных чтений!

Рада приветствовать всех вас!

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов выполняет сложную и ответственную задачу по развитию наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, чья научная, педагогическая и общественная деятельность стала нравственным и гражданским эталоном.

Идеи Д. С. Лихачева как никогда актуальны в современной ситуации, когда развивается диалог культур, интенсифицируется и обретает новые формы партнерство цивилизаций. Это очень сложные и неоднозначные по своей природе и результатам процессы, пониманию которых во многом способствуют работы Д. С. Лихачева и его последователей.

Гуманистические ценности лежат и в основе философии ЮНЕСКО. Они занесены в Устав и неизменно являются ориентирами для Организации по упрочению мира, который должен основываться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Продолжая добрую традицию участия в Чтениях, хочу отметить, что ежегодно темы конференций ощутимо приближаются к задачам, которые ЮНЕСКО пытается реализовать в масштабах международной деятельности.

Желаю всем участникам предстоящих дискуссий плодотворной и успешной работы! Выражаю признательность Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов за организацию и проведение этого значимого мероприятия.

Генеральный директор ЮНЕСКО

И. БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России, в 2013-м — и при поддержке Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Диалог культур в условиях глобализации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшекласников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2014 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIV МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	10

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКЛАДЫ:

Ф. А. АСАДУЛЛИН , заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук КАРАВАН-САРАЙ МОСКВА: К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ	21
Н. С. БОНДАРЬ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ КОНСТИТУЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ДИНАМИЗМА И СТАБИЛЬНОСТИ	24
ВАН ХУНЦЗЯ , писатель, заместитель председателя Комитета очерковой литературы Китайской ассоциации писателей (Пекин) В ПЕТЕРБУРГЕ РАЗМЫШЛЯЮ О ЧТЕНИИ	29
Ш. ВЕБЕР , научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики;	
П. А. ДОВЕР , профессор Российской экономической школы, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, доктор философии в области экономики;	
Д. В. ДАВЫДОВ , ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, заведующий кафедрой математических методов в экономике Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук НЕОДНОРОДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	32
Е. ВЯТР , министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН	36
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП ИСТОРИЧЕСКИ СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ПРАВА РОССИЙСКОГО НАРОДА БЫТЬ САМИМ СОБОЙ	38
Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	42
М. К. ГОРШКОВ , директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	45
А. А. ГРОМЫКО , профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МИРОВОМ МАСШТАБЕ	52
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	55
А. В. ДМИТРИЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, советник РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор СТЕРЕОТИПЫ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЗИДЕНТОВ И МИГРАНТОВ	58
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ РОССИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ (К вопросу о современной теории и практике евразийства)	60
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПОВЫШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПОНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	66

П. О. ИЛЬИНСКИЙ , <i>ученый-биолог, поэт, прозаик, преподаватель Бостонского университета (США)</i> ДОЛГОЕ МГНОВЕНИЕ (Заповздавшая рецензия, которая продолжает оставаться злободневной)	68
В. ИНГИМУНДАРСОН , <i>профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ И «ИДЕОЛОГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ»	71
А. К. ИСАЕВ , <i>председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	76
Х. КАРАМ , <i>посол, постоянный представитель Ливана в ЮНЕСКО, профессор</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	78
Г. КЁХЛЕР , <i>президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии</i> ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И ДИАЛОГОМ: ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	80
Г. Б. КЛЕЙНЕР , <i>заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор</i> А. СМИТ, Т. ВЕБЛЕН, В. ВЕРНАДСКИЙ, Д. ЛИХАЧЕВ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЭКОНОМИКИ	85
А. Б. КУДЕЛИН , <i>директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор</i> ИЗ ИСТОРИИ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА («Авраамический» монотеизм в интерпретации средневековых мусульманских богословов)	88
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , <i>заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор</i> ГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	93
В. Л. МАКАРОВ , <i>директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОПОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ	97
Е. И. МАКАРОВ , <i>заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП</i> ДИАЛОГ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (По материалам мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации, проведенных в 2013 г.)	98
Т. А. МАНСУРОВ , <i>Генеральный секретарь ЕвразЭС, доктор экономических наук, доктор политических наук</i> О ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОЕКТЕ	101
Х. А. МАРК , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)</i> ПРОБЛЕМА РАЗНЫХ СТАДИЙ КОНКУРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	104
А. П. МАРКОВ , <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ</i> БИНАРНОСТЬ УНИВЕРСАЛИЙ «МЫ–ОНИ» КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	106
В. В. МИРОНОВ , <i>декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ МОНОЛОГ?	111
М. Ф. МОНТЕС , <i>старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики</i> ДЕМОКРАТИЯ, РАЗУМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГЛАВЕНСТВО ЗАКОНА: ОТНОСИТСЯ ЛИ ЭТО К МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ?	116
М. А. МОРАТИНОС , <i>министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП</i> «АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ЦЕННЫЙ И НЕОБХОДИМЫЙ ИНСТРУМЕНТ	124
В. В. НАУМКИН , <i>директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор</i> НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ	131
С. Б. НИКОНОВА , <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук</i> МИСТИЧЕСКИЙ «ЧУЖОЙ» ГЛОБАЛЬНОГО МИРА	137
В. Ф. ПЕТРЕНКО , <i>заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор</i> МИРООЩУЩЕНИЕ ВСЕЕДИНСТВА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	139
В. ПРОДАНОВ , <i>член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор</i> СЕМЬ КУЛЬТУР ГЛОБАЛИЗОВАННОГО НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА	142
Г. М. РЕЗНИК , <i>президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП</i> ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ	146
М. САНАИ , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНЯТИЯХ И ОСНОВАХ	148

А. В. СМИРНОВ , заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ	154
В. А. ТИШКОВ , академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	158
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО ЕВРО-АМЕРИКАНСКИ И КРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОУСТРОЙСТВА	165
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова	
В ЛЮБОМ ДИАЛОГЕ ВСЕГДА ЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЬ	169
Н. А. ХРЕНОВ , главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор	
СУДЬБА КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ВОЙНЫ КАК ФОРМЫ КОНТАКТА МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ	171
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;	
В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ДИАЛОГ ПОЛИТИКИ И НАУКИ	179
ЧЖАН ИУ , профессор факультета китайской литературы Пекинского университета (КНР)	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	181
ЧЖОУ СЯОФЭН , писатель, член Союза писателей Пекина (КНР)	
ТОСКА ПО МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ	182
А. О. ЧУБАРЬЯН , директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
КУЛЬТУРА ДИАЛОГА И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ	184
В. Е. ЧУРОВ , председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор	
ВОЙНА КАК СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР (Лекция в четырех эпизодах)	186
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор	
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	188
ДИСКУССИЯ	190
Выступающие: Н. С. Бондарь, Ван Хунцзя, Ш. Вебер, Е. Вятр, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, Ю. С. Голигорский, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундарсон, Г. Касулидис, Г. Б. Клейнер, А. Б. Куделин, В. Л. Макаров, Е. И. Макаров, Х. А. Марк, В. В. Миронов, М. Ф. Монте, М. А. Моратинос, В. В. Наумкин, В. Ф. Петренко, М. Б. Пиотровский, В. Проданов, Г. М. Резник, А. В. Смирнов, В. А. Тишков, П. П. Толочко, Ж. Т. Тошенко, В. Т. Третьяков, Н. А. Хренов, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, В. Е. Чуров	
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОСТРОЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ»	222
Выступающие: Д. де Вильпен, премьер-министр Франции (2005–2007); А. С. Запесоцкий, ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук; И. С. Иванов, министр иностранных дел РФ (1998–2004); Х. А. Марк, посол Испании в РФ (2008–2011); А. Ю. Мешков, заместитель министра иностранных дел РФ; М. А. Моратинос, министр иностранных дел Испании (2004–2010)	
Секция 1. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	
ДОКЛАДЫ:	
Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ , независимый журналист, продюсер (Великобритания)	
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР	243
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук	
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	246
В. К. МАМОНТОВ , журналист, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент редакции газеты «Известия»	
ЧЕРТА ЕВРООСЕДЛОСТИ	249

М. ФАЙЕТТА , <i>Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге</i> ШВЕЙЦАРИЯ — СТРАНА ТРЕХ КУЛЬТУР: БАЛАНС МЕЖДУ РАЗНООБРАЗИЕМ И ИНТЕГРАЦИЕЙ	252
Е. В. ХАРИТОНОВА , <i>старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ АФРИКИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ (На примере ЮАР и Руанды)	254

ДИСКУССИЯ	258
------------------------	-----

Выступающие: Ф. А. Асадуллин, Ш. Вебер, Е. Вятр, Г. М. Гатилов, Ю. С. Голигорский, А. А. Громыко, А. С. Запесоцкий, П. О. Ильинский, Г. Касулидис, Ф. Т. Мамедов, В. К. Мамонтов, Х. А. Марк, М. Ф. Монтес, М. А. Моратинос, В. В. Наумкин, А. В. Смирнов, В. В. Согрин, П. П. Толочко, Е. В. Харитонова, В. А. Черешнев, Чжан Иу, А. О. Чубарьян

Секция 2. ДИАЛОГ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДОКЛАДЫ:

Б. В. АКСЮМОВ , <i>профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук</i> ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	275
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , <i>профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЯХ: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?	277
Г. М. БИРЖЕНЮК , <i>заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i> КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОЧНИКИ ДИАЛОГА И КОНФЛИКТА	280
Ю. Б. БОРЕВ , <i>главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук, профессор</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	282
О. А. БОРИСЕНКО , <i>доцент кафедры философии, специалист Управления международной деятельностью Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	285
Н. В. БУРОВ , <i>директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, народный артист России, профессор</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИДЕИ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ	287
М. Н. ВЕТЧИНОВА , <i>профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук</i> РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	289
В. В. ГОРШКОВА , <i>декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор</i> ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДИАЛОГ ИЛИ КОНФЛИКТ?	291
Ю. И. ГУРОВА , <i>заместитель заведующего кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат филологических наук, доцент</i> КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ПЕРЕВОДА В УКРЕПЛЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	292
А. В. ДЕНИСОВ , <i>профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения</i> МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	294
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ , <i>доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии</i> БРЕНД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	295
С. Ю. ИВАНОВА , <i>главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ ДИАЛОГА И КОНФЛИКТА КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	298
Д. Н. КАТЫШЕВА , <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ</i> ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОГО ТЕАТРА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	299
С. С. КОМИССАРЕНКО , <i>профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i> ГУМАНИЗМ КАК ОСНОВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	301

В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР	303
А. В. КОСТИНА , декан факультета философии, культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор	
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	305
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
ПАРАДИГМА НАРОДНОСТИ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	309
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент	
РОССИЯ: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ ПАРАДОКСЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ?	311
К. С. ПИГРОВ , профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук	
ПРАЗДНИЧНОСТЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	314
С. В. ПОПОВА , доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук	
РУССКИЙ МИР КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИИ	318
А. П. САДОХИН , профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор культурологии, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	320
С. В. СНАПКОВСКАЯ , заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор	
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР	322
К. Б. СОКОЛОВ , заведующий сектором социологии искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук;	
Ю. В. ОСОКИН , главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор	
ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ	324
Л. Н. СОЛОВЬЕВА , доцент кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), кандидат философских наук	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	327
Е. А. СПИРИНА , доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств, кандидат культурологии	
ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА	328
Л. Г. ТИТОВА , заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	331
Л. В. ШАБАНОВ , профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук	
ОТЧУЖДЕНИЕ КАК КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР	333
ДИСКУССИЯ	335
Выступающие: Б. В. Аксюмов, Н. Г. Багдасарьян, М. Н. Ветчинова, М. К. Горшков, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Ю. А. Запесоцкий, С. Ю. Иванова, Т. В. Кузнецова, Е. И. Макаров, М. А. Мануильский, А. Н. Мосейко, А. П. Охота, С. В. Попова, А. П. Садохин, С. В. Снапковская, Л. Г. Титова	

Секция 3. СВОИ И ЧУЖИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ДОКЛАДЫ:

С. Р. АБРАМОВ , заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор	
ЛОГОС И НЕБЫТИЕ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ВОЗМОЖНОМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ТОЛКОВАНИЮ	355
О. Н. АСТАФЬЕВА , заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ И ТЕХНОЛОГИИ ИМИДЖЕЙ	357

А. В. ВОРОНЦОВ , председатель профильной комиссии по науке и высшей школе Законодательного собрания Санкт-Петербурга, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ЗЕРКАЛЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА	359
Т. А. ВОРОНЦОВА , профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, доктор филологических наук ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧУЖОЙ» В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	360
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРНОСТИ	362
Г. Д. ГРИЩЕНКО , главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных наук Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор «СВОЙ» И «ЧУЖИЕ» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КУЛЬТУР?.....	365
Н. В. ГРИШАНИН , заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии, доцент ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» КАК ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ БРЕНДА ГОРОДА	366
П. С. ГУРЕВИЧ , главный научный сотрудник Сектора истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор ЭКЗОТИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ	369
В. А. ДОМАНСКИЙ , профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор педагогических наук СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО И МОСКОВСКОГО ТЕКСТОВ: ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»	373
Е. Э. ДРОБЫШЕВА , профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук АПОЛОГИЯ УМЕСТНОСТИ В ПРОСТРАНСТВАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	374
В. Ю. ДУНАЕВ , заведующий сектором политических технологий Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор; В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ «Я–ДРУГОЙ» В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛИЗАХ	376
О. А. ЖУКОВА , профессор философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук, кандидат культурологии «СВОЙ» И «ЧУЖИЕ» В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ МЕДИА	380
А. Е. ЗИМБУЛИ , профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: ПРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ	384
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук КУЛЬТУРА НЕ БЫВАЕТ ЧУЖОЙ	386
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: РАЗНЫЕ, НО НЕ ЧУЖИЕ	388
А. В. ИЛЬИЧЕВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук «ЧИСТЕЙШЕЙ ПРЕЛЕСТИ ЧИСТЕЙШИЙ ОБРАЗЕЦ»: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР	390
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ ФЕНОМЕН БИНАРНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	392
И. Ф. КЕФЕЛИ , заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	394
С. М. КЛИМОВА , профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖИЕ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	395
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭСТЕТИКЕ, ИЛИ ВЫЗОВ К ДИСКУССИИ О ЛЕГИТИМНОСТИ ПОП-КУЛЬТУРЫ	397
Л. К. КРУГЛОВА , заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор ИДЕИ И. А. ИЛЬИНА О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»	399

Л. В. ЛЫТКИНА , профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СМЫСЛОВОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XIX ВЕКА (Проблемно-тематический и архитектурный уровни).....	401
И. В. МАЛЫГИНА , заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор «СВОЙ–ЧУЖИЕ» В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛОМОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА.....	403
А. Л. МАРШАК , главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА МОДИФИКАЦИИ ДИХОТОМИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»	405
А. М. МЕЛИХОВ , писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева», кандидат физико-математических наук РУССКОЕ ГЕТТО И ПРОИЗВОДСТВО ГЕНИЕВ	407
Л. А. МЕНЬШИКОВ , заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, проректор Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, кандидат философских наук, доцент СВОЕ И ЧУЖОЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ	409
М. В. МОСКАЛЮК , директор Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова, профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, доктор искусствоведения «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА	411
А. П. НАЗАРЕТЯН , главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В «ВЕК БИФУРКАЦИЙ»	415
А. А. ОГАНОВ , заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук; И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА , декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук МНОГОЛИКОСТЬ ИНАКОВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	418
И. В. ПАЛАГУТА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В АРХАИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	420
О. В. ПЛЕБАНЕК , доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук «ЧУЖОЙ–СВОЙ» И «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	421
М. Р. ПРОСКУРЯКОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук ОБРАЗ «ВРАГА» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	422
В. Ш. САБИРОВ , заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ; О. С. СОИНА , профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И МЕОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ЗЛА	425
Т. Б. СИДНЕВА , проректор, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ГРАНИЦА-ИЗОЛЯЦИЯ И ГРАНИЦА-ДИАЛОГ В СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	427
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук МЕНТАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРА «СВОЙ–ЧУЖОЙ» КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	429
В. В. СОГРИН , руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ АНТИАМЕРИКАНИЗМ И РУСОФОБИЯ КАК ДИСКУРСЫ «СВОЕГО–ЧУЖОГО»	431
О. И. СТАВЦЕВА , доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук СВОЙ, ЧУЖОЙ, МНОГИЙ... (К анализу концепта «множество» в современной мысли)	434
А. И. СУБЕТТО , доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ПРОБЛЕМА «СВОЙ–ЧУЖИЕ» В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НООСФЕРНОЙ ПЛАНЕТАРНОЙ КООПЕРАЦИИ НАРОДОВ-ЭТНОСОВ НА ЗЕМЛЕ	435
А. В. ТОЛШИН , артист Академического театра комедии им. Н. П. Акимова, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор культурологии, кандидат искусствоведения МАСКИ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ	437
Р. А. УРИЦКАЯ , доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СВОЙ» В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДИАСПОР ЕВРОСОЮЗА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	439

А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук ПОНЯТИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	440
В. Б. УСТЬЯНЦЕВ , заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА ОППОЗИЦИИ «МЫ–ОНИ» В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ МОДУСАХ КУЛЬТУРЫ	442
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РУССКИХ И ФИННОВ	445
Н. В. ЭЙЛБАРТ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЯКОВ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ	447
О. Ю. ЮХНИНА , заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И ОСВОЕНИЕ ОПЫТА «ДРУГОГО»	448
Ю. Г. ЯСТРЕБОВ , профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, кандидат искусствоведения, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЭХО ИЗ БУДУЩЕГО	450

ДИСКУССИЯ	452
-----------------	-----

Выступающие: О. Н. Астафьева, В. С. Глаголев, А. А. Гусейнов, Е. Э. Дробышева, О. А. Жукова, А. С. Запесоцкий, А. Е. Зимбули, С. Н. Иконникова, И. Ф. Кефели, С. М. Климова, Г. Г. Коломиец, А. Б. Куделин, И. В. Малыгина, А. П. Марков, А. Л. Маршак, А. П. Назаретян, В. Ф. Петренко, З. Н. Пономарева, Т. Б. Сиднева, М. В. Силантьева, В. А. Тишков

Секция 4. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

ДОКЛАДЫ

Часть I. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. Е. АВРУТИН , профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ ГОСУДАРСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	474
С. А. АНТИПИН , заместитель генерального директора Института исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, доктор экономических наук, профессор ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ. ФЕНОМЕН ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА КИТАЯ	476
Т. БАУЭР , профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия) КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	478
О. В. ВЕРБОВАЯ , профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	481
Б. ВОЛЬФ , профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафен (Германия) РАЗВИТИЕ РОССИИ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ СИЛЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	483
В. Г. ГРАФСКИЙ , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор РОЛЬ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В МИНИМИЗАЦИИ КОНФЛИКТНОГО РАСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	485
А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук ГОСУДАРСТВО И ИДЕОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: К ПРЕОДОЛЕНИЮ КРИЗИСА ПРАВОСОЗНАНИЯ	487
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	490
В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук ЕДИНАЯ ТИПОЛОГИЯ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ	491

С. В. ИГНАТЬЕВА , профессор кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заслуженный работник высшей школы РФ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ (Теоретико-правовой аспект)	494
М. В. КАРАСЕВА (СЕНЦОВА) , заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ПУБЛИЧНЫЕ ФИНАНСЫ: ДИАЛОГ ПОДСИСТЕМ КУЛЬТУРЫ	496
Е. А. КУКЛИНА , заведующая кафедрой макроэкономического регулирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент «ГЕОМЕТРИЯ» РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.....	498
В. В. ЛАПАЕВА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук ПРИВАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	500
Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА , директор Центра социально-экономических исследований Института США и Канады ФАНО, профессор кафедры международной экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор экономических наук МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	503
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук ПРАВО И РЕЛИГИЯ: ДИАЛОГ ПОДСИСТЕМ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	505
А. А. МОИСЕЕВ , декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В РАМКАХ ОДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: О НЕКОТОРЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ПО УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ	508
Р. А. РОМАШОВ , начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ КУЛЬТУРА КАК СРЕДА КОММУНИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА	511
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	513
В. В. ТРОФИМОВ , профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук ПРАВОВАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ	515
Н. Н. ТУРЕЦКИЙ , директор НИИ государства и права им. акад. Гайрата Сапаргалиева (Астана, Казахстан), доктор юридических наук, профессор ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	519
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук; Э. С. МАРАСАНОВ , заместитель декана экономического факультета, старший преподаватель кафедры экономики и управления СПбГУП СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ	522
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ ПРАВОВОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.....	524

Часть II. ЭКОНОМИКА, ПРАВО, КУЛЬТУРА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

С. Б. БАЙЗАКОВ , научный руководитель Института экономических исследований (г. Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор О НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	528
Е. Ю. ВИНОКУРОВ , директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, доктор экономических наук ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРАЗОСКЕПТИЦИЗМА: ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	529
В. А. ЛЕПЕХИН , генеральный директор Института ЕвразЭС, советник РФ I-го класса ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	532
А. И. ЛУЧЕНОК , заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ИНТЕГРАЦИЮ СТРАН ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	535

Р. А. МАМЕДОВА , заведующая отделом Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент НАН Азербайджана, доктор искусствоведения, профессор	
МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	536
Л. В. СОКОЛЬСКАЯ , доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук	
КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	539
Б. К. СУЛТАНОВ , директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор исторических наук, доцент	
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ	541
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук	
ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ	543
В. А. ШАМАХОВ , директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, кандидат исторических наук	
КЛАСТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	545
ДИСКУССИЯ	548
Выступающие: С. А. Антипин, О. В. Вербовая, Г. А. Гаджиев, А. С. Запесоцкий, В. В. Зябриков, М. В. Карасева, Г. Б. Клейнер, Ю. В. Косов, В. В. Лапаева, Л. Ф. Лебедева, А. А. Ливеровский, В. Л. Макаров, О. В. Мартышин, В. С. Перебоев, Г. М. Резник, Е. С. Садовая, Л. В. Сокольская, Н. Н. Турецкий, Г. Ф. Фейгин, Е. Ф. Чеберко	

Секция 5. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников России)

ВЫСТУПЛЕНИЯ	574
Выступающие: Н. В. Буров, Е. П. Ефимова, А. С. Запесоцкий, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: М. Горина, А. Дубинюк, Д. Железная, К. Житина, М. Кобелева, А. Куликова, М. Сеничева, А. Сорокин, Д. Холодяков, Н. Шевчук	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	588

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

15 мая 2014 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Ф. А. Асадуллин¹

КАРАВАН-САРАЙ МОСКВА: К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ

Проблематика диалога культур и партнерства цивилизаций, вынесенная в качестве главной темы XIV Международных Лихачевских научных чтений, с особой остротой напоминает о себе, когда сталкиваешься с жизнью современных европейских мегаполисов. Необходимость «перевода» этого круга важных и актуальных вопросов с умозрительных рассуждений о пользе творческого усвоения и взаимообогащения разных этнорелигиозных традиций на сугубо практические, социально ориентированные рельсы вызвана серьезными изменениями в национальном составе и конфессиональном разнообразии населения многих европейских городов и столиц, например Берлина, Лондона или Парижа. На улицах этих многонациональных мегаполисов иммигрантов, в част-

ности из разных уголков арабо-мусульманского мира, не меньше, чем коренных жителей. Современный Берлин, по оценкам некоторых экспертов, является третьим по численности «турецким» городом после Стамбула и Анкары. В миллионном Брюсселе каждый четвертый его житель — этнический мусульманин. Аналогичная картина наблюдается в многомиллионном Лондоне, который давно освоен приезжими из Индостана. Пригород Парижа Монтрэй сегодня практически полностью заселен живущими по собственным представлениям и религиозным законам выходцами из Мали и Западной Сахары. О парижских магрибинцах, имеющих мелкие лавочки и магазины в Латинском квартале или рядом со станцией метро «Бир Хаким», говорить не приходится. Эти новые социальные, бытовые и этноконфессиональные реалии в последние годы в «явочном порядке» вошли в повседневную жизнь Москвы и Санкт-Петербурга, заметно повлияв на динамику культурного разнообразия и изменения в структуре городской жизни в целом.

Интенсивное развитие Москвы, постоянный рост ее населения, расширение городской территории вокруг столицы и соответственно рынка труда привели в начале XXI века к образованию московской городской агломерации — крупнейшей не только в России,

¹ Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Шейх. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга.

но и в Европе, с численностью постоянного населения около 15 млн человек.

Около 10 % от этого количества составляют представители мусульманских народов, для которых ислам и его обрядовая практика являются главным маркером их идентичности. Это население, гетерогенное в плане социального положения и экономических возможностей, в разной степени инкорпорировано в реалии современной московской жизни. Если для большинства родившихся в столице мусульман (прежде всего татар) такой проблемы не существует, то для трудовых мигрантов из Центральной Азии и их единоверцев из Северного Кавказа, родившихся, например, в далеких горных аулах, проблема социальной адаптации является одной из главных. Для многих из них, впервые оказавшихся в многонациональном мегаполисе, остро стоит вопрос сохранения национальной и религиозной идентичности, поэтому, как показывает опыт, представители этих народов живут, сохраняя тесные земляческие связи и редко вступая в экзогамные браки. Прежде всего это касается мигрантов из центральноазиатских государств. Общеизвестно, что сегодня именно на приезжих узбеках, киргизах и таджиках в Москве и области держатся система ЖКХ, строительство и торговля. «Динамика численности отдельных этнических групп показывает, что в столице постсоветской России наблюдается планомерное сокращение евреев, украинцев, белорусов, — отмечает эксперт Сети этнологического мониторинга О. Кульбачевская. — В то же время численность народов Кавказа и Средней Азии растет. Здесь также надо иметь в виду и неучтенных нелегальных мигрантов, среди которых выходцы с Кавказа и Средней Азии составляют существенную часть»¹. Среди нелегальных трудовых мигрантов, число которых в 4–6 раз превышает официально зарегистрированных, отмечаются высокая безработица и социальная неустроенность. Не является секретом существование неофициальной мигрантской трудовой биржи на «Площади трех вокзалов» или на окраине Москвы, в Перловке, где до недавнего времени ежедневно вербовалась дешевая рабочая сила. Мэр Москвы С. Собянин во время встречи с журналистами, отмечая возросшее число мигрантов из центральноазиатских государств, заявил, что в столице «уже существуют районы, где число русскоговорящего населения — всего 25 %»². Районы Северного и Южного Бутово — лучшая иллюстрация слов московского мэра.

Безусловной проблемой компактного проживания мусульманских этносов столицы являются естественная для большого города конкуренция граждан за «место под солнцем» и сложная диалектика взаимоотношений между «новыми» и «старыми» мусульманскими этносами, азиатами и кавказцами, светскими и практикующими мусульманами и, наконец, коренным русским населением. Корни нередко возникающих конфликтов имеют разную природу: историческую, религиозно-догматическую, национально-бытовую или

экономическую. Нередко их обусловленность связана с местом рождения и исхода того или иного этноса, сложной историей взаимоотношений региональных соседей, например азербайджанцев и дагестанцев, киргизов и узбеков.

Следует добавить, что городская среда с ее ускоренным ритмом жизни и эмоциональными перегрузками, безусловно, является сильнейшим мутагенным фактором, пагубно влияющим на психическое здоровье всех жителей мегаполиса. Среди современного поколения москвичей (включая жителей других мегаполисов) отмечается все больше психически неустойчивых людей, что также таит угрозу всплеск немотивированной агрессии к людям иной расы и религии.

Проблема миграции сегодня остается одной из главных болевых точек московского общества, что подтверждают участвовавшие случаи конфликтов на межнациональной почве, произошедшие только во второй половине 2013 года: на Матвеевском рынке (закончился избиением полицейского выходцем из Дагестана) или в Западном Бирюлево (привел к погрому и стычкам националистов с мигрантами). Мигрантофобия в значительной степени подпитывается укоренившейся ранее в российском обществе исламофобией, что является общей острой социальной проблемой всех больших городов, испытывающих приток избыточного пришлого населения.

Москва, Санкт-Петербург, а также европейские города-«миллионники» представляют собой открытые полинациональные и поликонфессиональные общества, переживающие в разной степени бурный экономический и демографический рост. В этом городском пространстве соседствуют и часто пересекаются интересы представителей разных культур и религиозных традиций, что порождает разные по типу психокультурные реакции — от взаимного интереса до спокойной индифферентности и/или взаимного отторжения. Попытки искусственного ограничения проявлений религиозности мусульман со стороны власти при явном дефиците мусульманских храмов еще несколько лет назад приводили к обратному результату — открытию «альтернативных» мечетей, так называемых «этномусалля» (земляческих молелен)³, и демонстрации религиозного энтузиазма и рвения среди мусульманской молодежи. Это было заметно в дни пятничных и праздничных богослужений. Сегодня бурный рост проявлений исламской религиозной идентичности в дни праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам заставляет городские власти принимать адекватные меры по упорядочению и организации массовых религиозных мероприятий. Помимо четырех мечетей, религиозные церемонии проходят в специально отведенных местах в Сокольниках, Южном административном округе и Чертаново, а также в близлежащих подмосковных городах. Но и этого количества мечетей уже недостаточно. Для сравнения: в столице коммунистического

¹ *Кульбачевская О.* Особенности межэтнических отношений в российской столице // Вестник российской нации. 2012. № 4–5. С. 195–196.

² Трудовые мигранты превратились в трудовых туристов // Независимая газета. 2011. 6 июня.

³ По неофициальным данным, в Москве на оптовых рынках и в местах компактного проживания мусульман-мигрантов действует около 18 узбеко-таджикских и арабо-сирийских мусалля. По многолетней практике полуденные и пятничные богослужения проходят в большинстве посольств арабо-мусульманских государств, аккредитованных в Москве.

Китай при сопоставимом числе мусульман сегодня насчитывается около 70 больших и малых мусульманских храмов и исламских центров. На наш взгляд, лучший способ интегрировать ислам в привычный общественный ландшафт города и одновременно улучшить профилактику экстремизма на религиозной почве — визуализация ислама в городской среде через создание необходимой исламской инфраструктуры. Европейский опыт в этой области, пусть и не дающий гарантированного положительного эффекта, показывает, что происходящая в городах исламизация мигрантских сообществ — это прежде всего «констатация невозможности интеграции»¹. В этом смысле Москва, имеющая многовековую историю тесного исламо-христианского взаимодействия (если быть точным, русско-татарского), находится в лучшем положении. Скорейшее завершение реконструкции московской соборной мечети, площадь которой (и соответственно вместимость) будет многократно увеличена, — важный, хотя и не единственный шаг в этом направлении.

Рассуждая о проблемах, связанных с процессами социализации мигрантов и поиском путей их коммуникации с принимающим обществом, важно отметить опыт татарской общины, который во многом может быть показательным для новых мусульманских этносов, обживающих Москву и Подмосковье. Процесс поиска равновесия между собственной традиционной культурой и верой, с одной стороны, и новой средой и русской/российской идентичностью — с другой, долг и сложен, но его альтернативами могут быть только постоянно продуцируемая с обеих сторон взаимная осторожность и рецидивы нетерпимости. Московские татары прошли этот путь, в целом сохранив свой язык, веру и обычаи. Можно согласиться с рядом известных ученых, отстаивающих в этом вопросе перспективность идеи межкультурной гибридации новых и коренных резидентов современных мегаполисов.

Анализируя ситуацию с мусульманской диаспорой на Западе, член-корреспондент РАН В. В. Наумкин отмечает: «Победа гибридации способна снизить уровень конфликтности, в том числе и между мусульманами и немусульманами на Западе»². Агентами гибридации могут быть как проявления многообразной городской социальной и культурной деятельности (учебные заведения, музеи и другие объекты культуры), так и богатство национальных и религиозных традиций. Так, хиджаб в постперестроечной Москве и в целом в России часто воспринимался как вызов устоявшимся представлениям нормативного общественного поведения. Сегодня хиджаб — это вполне легальная возможность самовыражения мусульманки в демократическом обществе. Острая реакция москвичей на появление в общественном месте девушки-мусульманки в платке уходит в прошлое.

Важным фактором гармонизации межнациональных отношений остается и демонстрация многона-

ционального характера российской истории и культуры. Признавая факт значительной роли представителей мусульманской интеллигенции в истории страны, в мае 2011 года в Москве, недалеко от Дома Асадуллаева, был открыт памятник Габдулле Тукаю, в июне 2013-го — Расулу Гамзатову, что имело положительный отклик среди старейшин татарской и дагестанской общин.

Современная Москва впервые в своей новейшей истории столкнулась с феноменом функционирования мигрантских сетей, о чем свидетельствуют действующие в столице формальные и неформальные объединения узбеков, таджиков, узбеков из Таджикистана, киргизов, уйгуров и т. д. С 2005 года (с перерывами) в столице издается российская газета для мигрантов «Узбегим» (главный редактор Хабиб Абдуллаев); в 2013 году стало выходить информационно-аналитическое издание «Российские кыргызы» — орган Общероссийской общественной организации «Кыргызский конгресс». По инициативе этого конгресса формируются пилотные проекты, направленные на социальную поддержку, внедрение образовательных и бизнес-программ для киргизской диаспоры в России. Поскольку с конца 2012 года тестирование по русскому языку для трудовых мигрантов, желающих работать в сфере ЖКХ, розничной торговли или бытового обслуживания, стало обязательным, Межрегиональное общественное движение трудовых мигрантов Кыргызстана и Центр межрегионального и международного сотрудничества «Диалог культур» с мая 2013 года на базе одной из московских библиотек открыли бесплатные курсы русского языка для приезжих в Россию из ближнего зарубежья. С 2015 года такое требование должно распространиться на все категории мигрантов, которые, помимо русского языка, обязаны будут сдавать экзамен по истории и основам законодательства России³.

Сегодня можно констатировать, что «московский» этноислам представляет собой значительный и динамично развивающийся сегмент общественно-религиозной и культурной жизни не только московского региона, но и всей России. История мусульманской общины Москвы, в которой отражена история российского ислама в целом, показывает его сложную и порой трагическую судьбу. Религия, которой была уготована почетная официальная роль в начале XIV века, в эпоху Золотой Орды, после покорения Казани Иваном Грозным стала гонимой, позднее, начиная со времени правления Екатерины II, терпимой и, наконец, уже в наше время вновь обрела статус государственной религии как неотъемлемой части исторического наследия народов России.

Сосредоточением исламской жизни столицы сегодня является имеющий большой опыт институционального взаимодействия с государством Совет муфтиев России, который за короткий исторический срок фактически стал объединяющим религиозным органом для российских мусульман. Заметная роль в этом процессе принадлежит общественным, молодежным, национальным и иным организациям — Фонду Марджани, Ассоциации культурно-просветительских

¹ Латтон С. Мусульманская молодежь Европы: на пути к общей идентичности? // Ислам в Европе и в России. М., 2009. С. 120–121.

² Наумкин В. В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. Избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг. М., 2011. С. 136.

³ Российские кыргызы. 2013. № 4. Сент. С. 6.

общественных объединений «Собрание», «Эльбрус-ид», культурно-образовательному фонду «Надежда», центру «Духовная традиция и современность». Традиционно в организации культурно-религиозной жизни московских мусульман важную роль играют посольства арабо-мусульманских государств, расположенные в Москве, а также различные национальные землячества.

Современная Москва — это огромный мегаполис, мусульманская составляющая которого в условиях глобализации в социальных процессах будет увеличиваться. Уже сегодня российская столица с учетом быстроразвивающихся национальных диаспор из Азербайджана, республик Северного Кавказа, центральноазиатских и других исламских государств (Египта, Сирии, Ливана, Пакистана, Турции) является самым крупным мусульманским городом России, насчитывающим около 3 млн человек, этнически и духовно связанных с исламом¹. По прогнозам ученых, их роль в общественном пространстве столицы, несмотря на всплески исламофобии и бытовой дискриминации, а также существующие административные барьеры, будет неуклонно возрастать.

Для того чтобы Москва стала, как отмечают ученые-урбанисты, *livable city* — «городом, удобным для жизни», необходимо наряду с хозяйственно-экономи-

ческими и градостроительными вопросами решить проблему нелегальной миграции и, как следствие, избыточного населения, что позволит привести уровень межнациональных и межконфессиональных отношений в соответствие с интересами жителей московского мегаполиса. По словам академика Е. М. Примакова, иммиграция должна быть «заключена в жесткие законодательные и исполнительные рамки», чтобы люди, «проработавшие в России, не только оставаясь в нашей стране, но и уезжая на родину, оставались нашими преданными, искренними друзьями»². Вместе с тем, учитывая вышеназванные тенденции, важно не закрывать глаза на возросшее значение исламского фактора в стране и мире в целом, а на практике через государственные и городские социальные программы расширять представления россиян об исламе как неотъемлемой части исторического наследия народов многонационального Российского государства.

В заключение уместно вспомнить высказывание Александра Герцена о двойственном характере России, которой «суждено стать *великим караван-сараям* цивилизации между Европой и Азией». Это пророчество яркого самобытного русского мыслителя, многие идеи которого сегодня приобретают новое звучание, в отношении современной Москвы выглядит не преувеличением, а свершившимся фактом.

Н. С. Бондарь³

КОНСТИТУЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ДИНАМИЗМА И СТАБИЛЬНОСТИ

В условиях современных государственно-правовых систем вопрос о самом понимании конституции, как

¹ Согласно статистическим данным, азербайджанцы составляют 14 % (то есть около 1 млн 680 тыс. человек) московского населения, опережая татар и башкир, составляющих приблизительно 10 % (то есть более 1 млн человек). Далее следуют таджики, узбеки, казахи и киргизы — 5 %, чеченцы, дагестанцы, ингуши — 4 %, или примерно 1 млн человек (журнал «РБК». 2007. № 11). См. также: Статистический материал к слушаниям в Общественной палате РФ (осень 2009 г.).

² Выступление академика Е. М. Примакова на заседании «Меркурий-клуба» «Проблемы совершенствования и применения государственной политики в отношении иммиграции в России», 12 марта 2014 года.

³ Судья Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации», «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)», «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России», «Конституционная ценность избирательных прав граждан России», «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия», «Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия» и др. Автор-учредитель постоянно действующей серии изданий «Библиотека судебного конституционализма». Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамо-

и о соотношении ее стабильности и динамизма, во многом является отражением диалога англосаксонской и романо-германской правовых культур. Если англосаксонская правовая культура основана на прецедентном праве и, реализуя традиции судебного правотворчества, исходит из того, что сами по себе условия жизни, а не только формально-юридические факторы, устремления законодателя лежат в основе развития правовых систем, то романо-германская правовая традиция придерживается принципа примата закона и, соответственно, предполагает признание ведущей, приоритетной роли законодателя в установлении и изменении законодательной основы общественных отношений. Это важно иметь в виду, учитывая и то обстоятельство, что получившие более двух веков назад формально-юридическое признание ценности парламентаризма, разделения властей, как и вечные, священные ценности свободы, равенства, справедливости, прав частной собственности, неприкосновенности личности, других прав человека и гражданина, не остаются неизменными и могут пониматься различным образом в странах, принадлежащих к тому или иному типу правовой культуры.

По какой Конституции живет сегодня Россия? *Это прежнее Конституция XX века*, принятая в 1993 году

той Президента РФ, ведомственными и региональными государственными наградами.

в условиях военного противостояния законодательной и исполнительной властей, когда общество было в шаге от гражданской войны, или это Конституция России XXI века, Основной закон общества, устремленного в будущее, поставившего — и уже сегодня решающего — задачи модернизации социальной, экономической, политической, правовой жизни?

Ответы на эти «простые» вопросы автор обязан формулировать исключительно на юридическом языке. Но при этом нельзя не учитывать, что сама ориентация на юридическую лексику и правовые оценки отнюдь не тождественна чисто формально-юридическому подходу к анализу соответствующего явления. Конституция — при всей космополитичности и юридической заданности этого понятия — представляет собой явление конкретно-историческое, социокультурное, национально-специфическое.

Конечно, действующая Конституция России насчитывает не 200, а «всего лишь» два десятка лет. Но слова «всего лишь» завычены не случайно. В течение прошедших 20 лет после принятия Конституции 1993 года Россия прошла исторический путь к признанию демократических ценностей современного конституционализма, совершила переход от одной социально-экономической и политической формации к другой, равный не одной сотне лет. То же касается и внешнеполитических отношений: новая Россия стала открытым, равноправным, активным членом мирового сообщества в принципиально новых для нее (и, нельзя не отметить, не во всем комфортных) геополитических условиях. Поэтому в российской Конституции спрессован как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический исторический опыт, равный отнюдь не 20-летнему периоду ее действия.

Приняв свой Основной закон два десятилетия назад и заложив в его Букву и Дух (!) национально-генетический код конкретно-исторического, социокультурного облика многонационального общества и государства, современная российская Конституция содержит нормативно-правовую энергию собственного развития, преобразования и «взросления» как уникального политико-правового явления, призванного обеспечивать на длительную перспективу юридические и нравственные императивы общества, государства, личности. Поэтому есть все основания исходить из того, что *сегодня Россия находится в конституционно-правовой системе координат XXI века, живет по Конституции не вчерашнего дня, а сегодняшнего завтра.*

В доктринальном плане это означает, что, возможно, одним из главных достоинств Конституции России, принятой в крайне сложных условиях 1993 года, явилось сочетание в ней стабильности и динамизма.

Стабильность Конституции — в ее динамизме

Парадокс данного утверждения, вынесенного в подзаголовок, казалось бы, очевиден, если иметь в виду по крайней мере требования формальной логики: стабильность текста в этом случае отождествляется с его неизменностью, а динамизм, напротив, связывается с переменами, возможностью обновления. При таком подходе в рамках оценки уровня и критери-

ев *стабильности* в качестве едва ли не определяющего фактора называются юридические характеристики конституции (включая Конституцию РФ), касающиеся усложненного порядка внесения в нее поправок и пересмотра. Более того, современному конституционализму известна доктрина так называемой *нерушимости конституции*, связанная с установлением пределов возможного пересмотра текста Основного закона.

При этом возможны по крайней мере два основных подхода к законодательному решению этого вопроса. Один из них — *предметный*, предполагающий указание в тексте конституции на те сферы (институты), которые составляют суть, основу конституционного правопорядка страны и не могут быть изменены путем внесения поправок в конституцию. Такой подход, определяющий предметные (материальные) пределы пересмотра конституции, реализован, например, в Основном законе ФРГ, конституциях Мексики, Португалии, Италии и др. Иной подход — *структурный* (формально-юридический) — сводится к указанию на конкретные структурные части конституции (главы, статьи), исключающие возможность внесения в них изменений. В Конституции РФ 1993 года реализован именно этот второй подход: в основу ограничителей на внесение в нее поправок положен такой формально-определенный критерий, как указание на конкретные главы, которые не могут быть пересмотрены (1, 2 и 9). Это позволяет отнести и наш Основной закон к так называемым жестким конституциям (наподобие, например, Конституции США).

Что же касается *динамизма*, то здесь тоже все предельно очевидно: с развитием общества и государства неизбежно возникает необходимость во внесении изменений в текст конституции, несмотря на повышенные гарантии ее стабильности.

Но действительно ли динамизм, развитие конституции должны связываться в своей основе с изменением ее текста? И является ли усложненный порядок внесения изменений, как и определение пределов таковых в рамках доктрины нерушимости конституции, решающей гарантией стабильности конституции? Исследование соответствующих вопросов предполагает в конечном счете уяснение не только юридических, но прежде всего социально-политических, социокультурных предпосылок и условий соотношения стабильности и динамизма конституций современных обществ и государств.

Главная юридическая гарантия стабильности Конституции очевидна — это, как отмечалось, особый, усложненный порядок внесения поправок и пересмотра Конституции.

Что же касается динамизма Конституции России, то сегодня на основе 20-летнего опыта ее реализации можно со всей определенностью отметить, что *речь должна идти как о формально-юридических, так и о социокультурных факторах, социологическом динамизме.* В этом плане сам динамизм Конституции должен связываться прежде всего с ее духом, принципами, ценностями, другими основополагающими конституционными началами, их воплощением в правовой и социальной действительности. Одновременно

это предполагает ее способность быть восприимчивой к конкретно-историческим, социокультурным условиям и, соответственно, возможность всегда быть своевременно прочитанной, понятой и воспринятой современниками как акт своей, а не прошлой эпохи.

Впрочем, это не есть особенность и тем более изобретение России. Для США, например, жесткость их давней и, стало быть, наиболее стабильной конституции является отнюдь не главной гарантией более чем двухвековой сохранности ее текста. Основной парадокс американского конституционализма заключается, пожалуй, в ином: имея весьма архаичный текст, Конституция США (1787) оказалась самой стабильной из всех современных конституций благодаря своей гибкости. Показательно в этом плане мнение Уильяма Джозефа Бреннана, одного из знаменитых судей Верховного суда США (судья в 1956–1990 гг.): «Мы, современные судьи, считаем Конституцию единственно доступным для нас способом — как американцы XX века. Мы учитываем историю ее создания, но главный вопрос в том, что означают ее слова в наше время. *Гениальность Конституции не в неизменности смысла, который она имела в мире, ныне ушедшем в далекое прошлое, но в способности ее основных принципов приспособляться к текущим проблемам и нуждам* (выделено мною. — Н. Б.)»¹.

Это актуально для всех государств и их конституционных систем, основанных на современных конституциях как основных законах, обладающих высшей юридической силой и являющихся актами прямого действия, а не политическими декларациями.

Сам факт жизни и активного действия Конституции РФ на протяжении двух судьбоносных десятилетий позволяет сделать вывод, что *политико-правовой режим российского конституционализма обретает качества нормативно-правовой, юридической стабильности*. В основе этих процессов — сочетание юридической стабильности Конституции 1993 года с социокультурной динамикой Основного закона.

Соответственно и ответ на вопрос о том, по какой Конституции живут сегодня россияне — по Конституции XX века или же по современной Конституции XXI века, — лежит в русле *философско-мировоззренческого понимания Конституции как живого организма*, основанного на сочетании формально-юридических и социокультурных, нравственно-этических, национально-исторических начал. С точки зрения философии конституционализма это имеет своей основой заложенную в самой Конституции России 1993 года методологию мировоззренческого плюрализма как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности.

Квинтэссенцией методологического плюрализма является реализация на конституционном уровне двух типов правопонимания — позитивизма и естественно-го права. Оба они по-своему важны: в системе философско-мировоззренческого восприятия правовой действительности первый, условно говоря, обеспечивает

юридическую стабильность, а второй — социокультурный, исторический динамизм. Речь идет, таким образом, о реализации по этим двум философско-правовым направлениям различных гносеологических установок, имеющих принципиально важное, методологическое значение для сочетания стабильности и динамизма в конституционном развитии.

Конституция РФ 1993 года в полной мере может быть охарактеризована с позиций философско-мировоззренческого плюрализма. Но это не есть свидетельство некой ее мировоззренческой эклектики, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским, как бы по аналогии с конкуренцией буквы и духа Конституции.

Вполне уместно вспомнить в связи с этим библейское понимание соотношения внешней (юридической) формы и внутреннего (духовного) начала закона: «Закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1: 17). В Конституции также органично сочетаются эти два начала: а) юридическая энергия, закон как воплощение политической воли законодателя (Моисей в соответствии с Ветхим Заветом есть законодатель-пророк); б) правовой свод духовных ценностей общества, основанный на «благодати», «истине».

При этом уже опыт античной философии свидетельствует, что противоположные социально-философские начала могут быть сведены к такому отношению, когда имеющееся между ними напряжение порождает возникновение нового желаемого качества и достижение положительного, в чем-то, возможно, и неожиданного результата. Таковым применительно к предмету нашего исследования является *преобразовательный процесс развития конституционализма*, в основе которого лежит нахождение оптимального сочетания стабильности и динамизма Конституции как нормативно-правового ядра современного российского конституционализма.

Истоки сочетания стабильности и динамизма — в сущностных характеристиках Конституции

Глубинные истоки качеств Конституции России, определяющих ее «динамическую стабильность», коренятся в ее сущностных характеристиках. При наличии различных подходов к анализу данного вопроса нельзя не признать, что само назначение, действительность Конституции определяются тем, в какой мере она может выполнять назначение политико-правового инструмента согласования несовпадающих интересов различных социальных групп и политических сил общества, правовой базы достижения согласия и гражданского мира. Этим в конечном счете предопределяются основополагающие социально-правовые характеристики Конституции России как своего рода юридического зеркала, отражающего внутреннее состояние духовных сил многонационального народа, и это напрямую связано с пониманием сущности современной российской Конституции.

Не подвергая сомнению различные соображения о сущности данного документа, представляется важным учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного

¹ Речь У. Д. Бреннана в Университете Джорджтауна. Цит. по: *Лахути Н.* Правила жизни Уильяма Бреннана // *Право.Ru*. 2013. 5 авг.

отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость восприятия этого явления во всей его многоплановости и противоречивости, когда сущность Конституции раскрывается посредством реальных общественных отношений, коренится в сложившемся соотношении социальных сил как носителей конституционно значимых для общества политических интересов, социальных ценностей, идеалов и целей. Поскольку эти отношения определяются большой динамикой, политической конкуренцией, борьбой, основное предназначение Конституции состоит в обеспечении согласованного взаимодействия, достижения баланса интересов посредством установления адекватной общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе на каждом новом этапе его развития социальных, политических, экономических противоречий. *В этом плане именно социальные противоречия лежат в основе сущностных характеристик Конституции*, отражающих в конечном счете как тенденции к стабильности, так и динамику их развития. Более того, и сам процесс конституционного регулирования общественных отношений опосредован этими началами.

В соответствии с этим сама сущность Конституции может рассматриваться как: а) *порождение* глубинных социальных, экономических, политических противоречий, сложившихся на момент ее разработки и принятия; б) *отражение* и в какой-то мере позитивное закрепление, признание этих противоречий как неизбежных, требующих своего разрешения; в) *закрепление* на высшем уровне юридических механизмов преодоления соответствующих противоречий, конфликтов и коллизий, нормативно-правовое моделирование развития общества и государства в соответствии с провозглашенными конституционными целями, признаваемыми ценностями и идеалами.

Данный подход позволяет выявить конституционные истоки стабильности и динамизма, являющиеся отражением состояния реальных общественных отношений как предмета конституционно-правового регулирования. Это тем более важно, если иметь в виду, что новая система социально-правовых ценностей, характерная для Конституции РФ 1993 года, как и сущностные характеристики последней, является итогом сложных, противоречивых процессов не столько согласования несовпадающих интересов, сколько борьбы, дошедшей до военного противостояния различных политических сил на изломе эпох.

С учетом отмеченного не только методология познания сущности Конституции, но и оценка отдельных ее норм и институтов, работающих в современных условиях, существенно отличных от обстановки начала 1990-х годов, с неизбежностью предполагают необходимость сочетания догматического изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма, имеющей тенденцию к стабильности правовой формы, с социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим аспектами исследования соответствующих явлений конституционно-правовой действительности

в их динамике. Только на базе и с использованием соответствующих подходов становятся возможны выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных характеристик Конституции, принятой в одних исторических условиях и работающей, получающей реализацию как юридический акт — в других. Поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте обновления современного мира, — это культурно-исторический, национально-специфический аспект при оценке и применении механизмов реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Социокультурный анализ сущности и регулятивной роли Конституции предполагает необходимость формирования новых подходов, связанных, в частности, с пониманием характера и структуры конституционно-правовых реалий, выявлением ценностного значения отдельных компонентов соответствующей структуры в их диалектическом единстве и противоречивости. Реализация соответствующего методологического подхода, надо полагать, требует не только отказа от отождествления Конституции с ее достаточно стабильным формально-юридическим (текстовым) выражением, но и осмысления того, что лежащие в основе конституционного регулирования характеристики социальных противоречий во многом обусловлены характером, содержанием и сбалансированностью основополагающих социально-правовых ценностей в их конкретном социально-историческом контексте.

При всем многообразии, многоплановости проблематики, охватываемой онтологией Конституции, представляется, что такими «ценностями бытия Конституции», имеющими в системе современного конституционализма, по сути, универсальное значение, *являются власть, свобода, собственность*, которые как раз и представляют собой внутренний источник динамики конституционного развития. Одновременно именно в этом конституционном треугольнике («власть—свобода—собственность») проявляются наиболее значимые социальные, экономические, политические противоречия, определяющие в конечном счете глубинные (сущностные) начала правовой организации общества и государства. Конституция при таком ее измерении может рассматриваться как порождение и своего рода нормативный правовой код разрешения противоречий между властью, собственностью и свободой на основе сочетания стабильности данного политико-правового документа и динамизма самой жизни, изменения ее фактической конституции.

В этих условиях объективно актуализируется проблема выработки новых философско-мировоззренческих основ современного конституционализма, очевидной становится необходимость обогащения догматических методов оценки нормативно-правовой действительности социологическим, историческим, философско-мировоззренческим, нравственно-этическим методами познания сложных, метасистемных по своей природе явлений конституционно-правовой жизни. Только на этой основе становится возможным выявление глубинных внутренних связей, общих

закономерностей и социокультурных особенностей современного конституционализма, в том числе сквозь призму стабильности и динамизма Конституции, включая возможности ее развития, преобразования без изменения самого по себе текста Основного закона.

Ценность юридических свойств Конституции в соотношении с ее социокультурными характеристиками

Раскрывая в ценностном измерении природу Конституции¹, следует учитывать, что не только конкретные конституционные нормы и институты, но и сама по себе Конституция как социально-правовое явление имеет аксиологическое значение. Аксиологические нюансы данного явления были подмечены давно, например, как отмечает тонкий исследователь проблем современного конституционализма Г. Г. Арутюнян, в изданной еще в 1837 году книге конституция характеризуется как «пределительные решения и Провидение Божие»². В этом также отчетливо прослеживается то обстоятельство, что формально-юридические свойства Конституции тесно связаны с ее нравственно-этическими, культурологическими ценностными началами, получающими юридическое выражение в требованиях свободы, равенства, прав человека, государственного единства, веры в добро и справедливость, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями (Преамбула Конституции РФ). В этом проявляются качества сакральности, святости Конституции.

Социальная ценность права как такового и, соответственно, Конституции РФ, их нормативных свойств связывается, как правило, с обеспечением всеобщего устойчивого порядка, определенности в содержании общественных отношений, возможности нормативно упорядоченных действий человека, оптимального сочетания свободы и справедливости и т. п. Вместе с тем вполне обоснованно говорить и о социальной ценности самих по себе юридических свойств такого уникально-правового явления, как Конституция.

Ценностное значение Конституции РФ 1993 года как юридического акта подкрепляется весьма высоким уровнем ее юридической техники, что проявляется во всех ее основополагающих формально-юридических свойствах, имеющих не только доктринальное значение, но и нормативное подтверждение.

Это, во-первых, *ценность учредительных свойств Конституции*, проявляющаяся во всей полноте ее нормативного содержания, в особенности в гл. 1. Ценность этих свойств связана с утверждением и формированием на основе Конституции новой, основанной на демократических принципах системы российской государственности, созданием организационно-правовых, институциональных и иных механизмов реализа-

¹ См. подробнее: Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М.: Юрист, 2014. С. 49–72. (Сер. «Библиотечка судебного конституционализма»; Вып. 2).

² См.: Арутюнян Г. Г. Гарантии реализации основополагающих конституционных ценностей на уровне государственной политики и в общественной практике // Конституционное правосудие в новом тысячелетии: междунар. альманах. Ереван, 2008. С. 28.

ции этой системы на практике. В этом плане Конституция 1993 года явилась своего рода основой легитимации правового статуса многонационального народа как единственного источника власти в России, носителя суверенитета (ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4).

Во-вторых, *ценность верховенства Конституции РФ*, что предполагает ее особое место и значение как исходного и главенствующего источника всего национального законодательства, единого и универсального свода основополагающих ценностей для всего многонационального народа России и входящих в его состав этносов на всей территории страны (ч. 2 ст. 4). Важно при этом учитывать, что в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ³ верховенство Конституции проявляется в органическом единстве с общепризнанным принципом верховенства права, положенным в основу всего содержания Конституции РФ.

В-третьих, *ценность высшей юридической силы Конституции РФ*, что предполагает ее активную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции строгой правовой иерархии, имея в виду, что ни один правовой акт, входящий в состав правовой системы Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Более того, аксиологическое значение данного юридического свойства Конституции лежит фактически в основе института конституционно-судебного нормоконтроля: ведь законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), а те акты или их отдельные положения, которые признаны неконституционными, утрачивают силу без всяких дополнительных условий и процедур (ч. 5 ст. 125).

В-четвертых, *ценность прямого действия Конституции* означает в конечном счете признание ее юридической самоценности независимо от степени конкретизации в текущем законодательстве, так как конституционные нормы являются непосредственным регулятором общественных отношений, определяют способы правореализационного процесса, включая соблюдение, исполнение, использование и правоприменение (ч. 1 ст. 15). Аксиология данного свойства усиливается и тем, что посредством прямого действия Конституции обеспечивается в итоге *признание прав и свобод человека и гражданина как непосредственно действующих* (ст. 18).

В-пятых, несомненные аксиологические начала заложены в таком свойстве Конституции, как *сочетание юридической стабильности и социокультурного динамизма*. Нормативно-правовым эквивалентом этих качеств Конституции являются прежде всего ст. 134–137 во взаимосвязи, в частности, со ст. 125, а также со ст. 76, 80 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ, раскрывая смысл основополагающих формально-юридических свойств Конституции РФ, неоднократно указывал на то, что она является конституирующим актом в отношении всей право-

³ См., напр.: Постановления КС РФ: от 21 января 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699; от 19 июля 2011 г. № 17-П // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4699; от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292; от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

вой системы государства, включая конституции (уставы) субъектов Российской Федерации — их учредительный характер обусловлен учредительным характером Конституции РФ¹; верховенство, высшую юридическую силу и прямое действие имеют все и каждое положение Конституции РФ². При этом Конституционный Суд РФ, обладая возможностями «оживлять» Конституцию, развивать ее без изменения текста, в то же время не вправе проверять конституционность самой Конституции ни по каким параметрам³. Вместе с тем Конституционным Судом РФ активно задействуется аксиологический потенциал собственно конституционных норм для формирования правовых позиций по конкретным делам и разрешения конституционно-правовых споров, прежде всего это касается ценностей, выраженных в основах конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ).

При этом для устойчивого, эффективного конституционно-правового развития России одинаково опасны как недооценка социокультурных начал Конституции, так и игнорирование ее формально-юридических характеристик как нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой.

Принятие Конституции РФ 1993 года знаменовало собой не только преодоление глубокого конституционного кризиса, но и выработку некой матрицы, идеальной, устремленной в будущее модели развития демократической правовой государственности. Именно будущее — место «прописки» конституций, принимаемых на изломе социально-политических эпох, что в полной мере характерно и для действующей Конституции России. При этом надо отдавать отчет, что всякая такого рода конституция, которая, по образному выражению А. Шайо, «бредит будущим», может стать и «совершенно непригодной для решения своей реальной функциональной задачи — защитить общество и его граждан от государственной власти»⁴. Ведь конституция как юридический документ, закрепляющий идеальную (желаемую для господствующих политических сил) модель организации общества и государства, неизбежно сопряжена с конфликтом должного и сущего, в основе чего лежат, как

правило, завышенные социальные ожидания и политические иллюзии. В этом проявляется социально-психологический феномен конституционной мифологии как искаженной, основанной на завышенных ожиданиях системы мировоззренческих идей, взглядов, оценок социальной действительности политических сил, стремящихся к завоеванию власти.

Однако понимание Конституции в качестве некоего правового идеала не должно вводить в заблуждение относительно ее практической, операционной значимости, что обеспечивается во многом благодаря формально-юридическим свойствам Конституции как Основного закона государства и общества. При этом эффективность конституционно-правового регулирования во многом определяется заложенными в самой Конституции механизмами согласования конституционно-правового должностования и социальной реальности, нахождения гармонии формально-юридических и социокультурных начал Конституции.

Таким образом, история конституционализма и самой конституции убедительно свидетельствует о том, что в Основном законе как социоисторическом явлении находят свое воплощение, с одной стороны, всеобщие, космополитические начала, отражающие общие принципы (стандарты) не только права, но и нравственности современного общества, а с другой — конституция каждого конкретного государства, безусловно, выступающая в качестве явления национально-исторического, самобытного. Соответственно, развитие конституции обеспечивается во многом именно на основе взаимного обогащения сложившихся в различных национальных традициях представлений о праве, юридических и иных социальных ценностях, что наиболее ярко, зримо проявляется в настоящее время через сближение, взаимопроникновение континентальной системы права, к которой относится и Россия, и системы общего права. В этом плане и само понятие «живого» конституционализма, как и «живой» конституции, вполне может рассматриваться как результат диалога современных правовых культур.

Ван Хунцзя⁵

В ПЕТЕРБУРГЕ РАЗМЫШЛЯЮ О ЧТЕНИИ

С чувством благодарности я приехал на XIV Лихачевские чтения. Это хорошая возможность поучиться у российских и зарубежных ученых, политиков, писателей. К тому же Россия напоминает мою родину. Я уже бывал в Санкт-Петербурге, и каждый раз, когда я ступаю

на эту землю, в душе появляются теплые чувства, потому что прочитанные в юности произведения русской литературы оставили глубокий след в моем сердце.

1

Двадцать лет назад по дороге в Италию, пролетая над границей, разделяющей Европу и Азию, я пытался разглядеть под крылом самолета Уральские горы, Волгу, Санкт-Петербург, однако ничего не было видно — лишь бесконечная белизна, и, тем не менее, мне вспомнились детство и юность. Прошло уже много времени, но я до сих пор помню слова из книги Н. Островского «Как закалялась сталь»: «Когда вы на передовой и участвуете в борьбе, неужели вы думаете, что солнце не будет светить вам или что жизнь не будет прекрасной?»

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 апреля 1996 г. № 13-О // Архив КС РФ. 1996.

⁴ См.: Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 2001. С. 12.

⁵ Писатель, заместитель председателя Комитета очерковой литературы Китайской ассоциации писателей (Пекин). Автор очерковой книги «Безграничный путь», романа «Высказывать обиду» и др. Обладатель литературной награды имени Лу Синя, высшей награды очерковой литературы Китая и т. д.

Когда мне было пятнадцать лет, в моей стране началась кампания по отправке образованной молодежи в деревню, и я был в числе этих молодых людей. В то время я не мог представить, будет ли моя жизнь полезной, но процитированная фраза помогла мне справиться с невзгодами. Любовные отношения Павки с Тоней и Ритой позволили мне выстраивать свои отношения с девушками, понять красоту любви.

Один из видных представителей китайского народа — Цюй Юань — уже в IV веке до н. э. воспел в стихах жизнь крестьян — его «Девять напевов» тому подтверждение. Он с воодушевлением выражал свои идеалы и мечты, сомнения, ставил вопросы, размышлял о любви — все отразилось в его поэзии, навеянной жизнью, озаренной светом.

Через тысячу лет после Цюй Юаня танский поэт Ду Фу достиг таких же высот. Другой известный поэт этого времени — Ли Бо. Если говорить о характерных особенностях их творчества, то Ли Бо писал о свободе, а Ду Фу — о невзгодах. Поэзия Ли Бо была свободна, словно облака в небе, и отражала свободный дух танского времени. А Ду Фу описывал беды и несчастья. Во время правления династии Сун известный поэт Су Дунпо дал высокую оценку танскому литератору и мыслителю Хань Юю: «Он возродил литературу, которая находилась в упадке восемь поколений». В период процветания Тан разделение на бедных и богатых было довольно значительно, в частности, в стихотворении Ду Фу говорилось:

У богатых ворот запах мяса и вин,
на дорогах же кости замерзших.

Описывая свое время, Су Дунпо писал, что души людей словно утонули в воде, из которой их спас Хань Юй. Я был потрясен силой литературы. Но все это я осознал уже в зрелом возрасте.

В юности стихи А. Пушкина, произведения Л. Толстого, М. Горького, А. Чехова, М. Шолохова, а также повести «Сорок первый», «Повесть о Зое и Шуре», «Неотправленное письмо», «А зори здесь тихие...» позволили мне почувствовать, что такое литература. Описания жизни молодых людей — героев этих произведений, истории любви создавали удивительное чувство близости к природе: лесам, тропинкам, золотым листьям, лужайкам на берегу реки и сверкающей поверхности озер. В этом и заключена сила литературы! В процессе чтения обретали краски солнечный свет и непогода, слякоть, пламя костра и развалившиеся домики. Когда читаешь эти произведения, можно услышать песню крестьян в соломенных шляпах и испытать глубокие чувства к матери, поднявшей своих детей... В душе я всегда был благодарен русской (и советской) литературе за то, что она воспитала меня (я даже мечтал, что однажды проплыву по Волге на лодке).

Более двадцати лет назад, когда я впервые летел над Уральским хребтом, Советского Союза уже не существовало, но я верил и знал, что люди, живущие на этой земле, создали великую культуру, которая всегда будет в их душах. Сегодня, выступая на Международных Лихачевских научных чтениях, я вижу силу, пере-

дающую эту великую культуру по наследству следующим поколениям.

Как описать то, что я увидел и почувствовал? Когда десять лет назад я слушал музыку в Золотом зале Вены, больше всего меня тронули аплодисменты, которые то нарастали, то затихали, словно прилив. И тогда я понял, что Вена снискала славу как столица музыки не потому, что там много первоклассных музыкантов, а благодаря умеющим наслаждаться музыкой слушателям.

Когда осенью 2005 года я впервые приехал в Россию, то был поражен, узнав, что в Санкт-Петербурге 264 музея, 45 художественных галерей, более 2000 библиотек, свыше 80 театров, 100 с лишним трупп! Разве было бы возможно такое количество библиотек и театров без огромного количества читателей и зрителей? Фотографируясь на фоне памятников Пушкину, Достоевскому, я думал, что без такого количества читателей угасли бы литература, искусство и идейная составляющая страны. Когда интерес народа к литературе и искусству вытесняется стремлением к материальным благам, то деградирует и культурное воспитание, что намного страшнее широкомасштабного экономического упадка.

2

С великим почтением я читал труды Д. С. Лихачева. В изданном перед смертью монументальном труде «Раздумья о России» он призывал бережно обходиться с великим культурным наследием России, указывал на то, что культура гибнет. Д. Лихачев говорил о необходимости сохранять культуру нации, ее язык, литературу, музыку и другие исторические традиции, а также объекты культуры, такие как музеи, архивы и библиотеки, и только тогда Россия может называться могучей.

В «Раздумьях о России» Д. Лихачев писал: «Ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский». Мне кажется, что Россия и Китай в этом смысле похожи.

Д. С. Лихачев уделял особое внимание истории и культуре. Конфуций обобщил древнюю китайскую культуру, собрал литературные памятники, утраченные во время войн периода Чуньцю (Весен и Осеней), добавив свои комментарии. Среди них были и памятники династии Ся, насчитывающие более четырех тысяч лет. В эпоху Хань его учение было собрано в пять основных книг императором Уди под общим названием «Пять канонных (Пятикнижие)», которые стали в последующие две тысячи лет основным учебником для классического образования в Китае. Можно сказать, что это самый старый в мире учебник. Конфуций, без сомнения, оказал значительное влияние на китайскую культуру. Первым рассказал о нем западному миру итальянский проповедник Маттео Риччи, прибывший в Китай в конце династии Мин. Он перевел «Лунь Юй» на латинский язык, в 1687 году книга была издана в Париже. Среди европейцев Конфуций был так же знаменит, как греческие философы Сократ и Платон. Однако с начала XX века до настоящего времени вокруг имени Конфуция ведутся споры. Европейцы тоже пересматривают и подвергают критике наследие прошлого, но

они никогда не обрушиваются с критикой на Сократа и Платона. Китайцы же резко критикуют своего великого мыслителя и педагога Конфуция, и не просто пытаются свергнуть его с пьедестала, но и говорят о неполноценности и гнилости всей исторической культуры народа — о «природной испорченности» китайцев.

Д. С. Лихачев говорил, что многие ученые слишком мало знают о России, но при этом часто критикуют современное положение в ней и дают произвольные прогнозы на будущее. Меня радует, что россияне все-таки не говорят о дурной природе собственной нации. Лихачев полагал, что без знания и понимания истории невозможно быть уверенным в будущем. Он говорил о необходимости изучать особенности ее культуры, что невозможно без глубокого погружения в нее, в чтение книг. Если человек не знает историю предков, то у него нет духовной родины.

3

Обратимся к проблематике настоящих Чтений и взглядам Лихачева.

Китайская письменность возникла раньше прочих, моя страна — родина бумаги и книгопечатания, поэтому у нас самое богатое в мире собрание литературных памятников и самая древняя традиция чтения. Но как же так получилось, что сейчас в Китае читают очень мало книг? Д. Лихачев говорил о «катастрофическом падении» русской культуры, и эти слова побудили меня посмотреть на ситуацию в Китае, который в этом отношении похож на Россию.

Известно, что евреи любят читать. После того как две тысячи лет назад они утратили свою родину, ее им заменили книги. Перед их мудростью и достижениями преклоняется весь мир. В Гарварде сейчас более ста библиотек, и некоторые люди говорят, что даже столовую там называют читальным залом, в котором можно есть, что в кампусе каждый из спешащих по делам людей — словно ходячая библиотека. Один японец написал книгу под названием «Общество с низким IQ», в которой говорится о том, что в Китае везде можно увидеть массажные салоны, а вот книжных магазинов ничтожно мало. Из этого автор делает вывод, что Китай и есть классическое «общество с низким IQ» и не сможет в будущем развиваться. Какие ощущения вызывает у моих соотечественников такое положение?

Привычка читать воспитывается в человеке с детства. В Китае образование ориентировано на сдачу экзаменов, что приводит к тому, что у многих детей на протяжении длительного времени не развивается интерес к чтению. Учителя и родители говорят только: «Сделай домашнее задание!» И никто не спрашивает: «Какую книгу ты сегодня читал?» Мне сложно представить, какое будущее ждет нацию, в которой не возвращена привычка к чтению. Но я точно знаю (и неоднократно уже высказывался по этому поводу): главным пороком моей родной страны является именно система образования, ориентированная лишь на сдачу экзаменов, она душит будущее Китая, и вред от ее внедрения намного превышает вред от коррупции чиновников.

Естественно, и в Китае есть достойные люди, которые пытаются преодолеть сложившееся в образовании положение. Примером может служить господин Чжу Юнсинь, который не занимал никакой должности в системе образования. Я полностью поддерживаю его точку зрения: «История духовного развития человека — это история того, что он читал. Духовный уровень нации зависит от уровня начитанности людей. Школа, в которой не прививают любовь к чтению, не сможет дать истинного образования».

В истории человечества было много духовных подъемов, пиков, достичь которые возможно, лишь читая и размышляя. С юности я помню фразу М. Горького: «Книга — самое мощное орудие дальнейшего развития духовных сил человечества». Сейчас ее следует понимать как необходимость читать книги, передавая знания из поколения в поколение, чтобы человечество продолжало развиваться. Без стремления идти вверх души людей деградируют. Новое поколение, физически здоровое, возможно, станет духовным карликом. Если говорить о каждом человеке в отдельности, то чтение — это способность самостоятельно открывать и осваивать возможности души вмещать целый мир. Если не читать и не хотеть читать, то наш мир будет слишком мал.

Д. С. Лихачев в своих «Раздумьях о России» много размышлял о том, что не следует отказываться от великого культурного наследия, нужно охранять и с уважением относиться к истории, поддерживать связь с тем, что было раньше, но не преклоняться перед ним. Это глубокая мысль.

Я неоднократно подчеркивал, что для чтения требуется чувство, а не только критическая позиция. Чувства могут снять покров с истории. Без чувств мир не будет по-настоящему прозрачен. Благодаря чувствам можно в поражении увидеть борьбу, в грязи — чистоту, в уродливом — прекрасное, в унижении — уважение. К наследию необходимо подходить с уважением, беречь его, умножать. Чтение и продолжение истории предков нельзя уподобить ситуации, когда сахарный тростник отправляют на мельницу, перемалывают, отделяя сахар от жмыха, а потом сахар оставляют, а жмых выбрасывают. История человечества создавалась совместно в результате борьбы света и тьмы. Нам нужна полноценная, а не четвергованная история. История блистает, если ею дорожат. Подняться можно, только если упал.

Размышляя в Санкт-Петербурге о чтении, я пришел к выводу, что родина — это не просто территория, это и история того, как предки осваивали земли, развивались вплоть до настоящего момента, а также совокупность сформированных в процессе истории составляющих: территориальной, гуманитарной и духовной. Истинная родина — это культура, если она придет в упадок, то ослабнет и нация. Лишь читая, мы сможем стать истинными наследниками культуры предков.

В заключение я хотел бы привести слова Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая, Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, который серьезно относится

к культуре и истории Китая и неоднократно призвал руководящих работников читать книги, изучать историю. 19 августа 2013 года на очередном заседании председатель Си говорил о четырех моментах, которые следует объяснить: 1) исторические традиции, культурное наследие и положение в разных странах

отличаются; 2) в китайской культуре накоплены самые глубокие духовные устремления китайской нации; 3) выдающаяся традиционная культура — это великое преимущество китайской нации; 4) социализм с китайской спецификой коренится в почве китайской культуры. Я верю, что это — благая весть для Китая.

**Ш. Вебер¹,
П. А. Довер²,
Д. В. Давыдов³**

НЕОДНОРОДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА⁴

Конфликт неоднородных сообществ и бюджетный федерализм

Одним из обескураживающих фактов современного мира является возрастающее число внутригосударственных конфликтов, несмотря на научно-технический прогресс и рост общемирового благосостояния. Если в 1950 году во всем мире общее число конфликтов с участием военных было меньше 10, то в 2009-м это значение возросло до 27 [24]. В настоящее время сепаратистские движения наблюдаются практически по всему земному шару — в Африке, Азии, Европе, Северной и Южной Америке. Во многом они являются результатом как мирного, так и силового изменения политической карты мира, приведшего со времени окончания Второй мировой войны к существенному увеличению числа независимых государств в мире.

Одновременно с этим растет количество внутригосударственных столкновений интересов, касающихся политики межрегионального перераспределения доходов и увеличения региональной автономии. За период с 1950 по 2006 год в 31 из 42 исследуемых демократических стран были предприняты 393 реформы, затрагивающие полномочия региональных властей, и в 86 % случаев реформы касались увеличения региональных полномочий [19]. В то же время заявленный спрос на увеличение автономии со стороны отдельных регионов

или групп населения во многих случаях не удовлетворяется центральными властями [4].

Принято полагать, что политика бюджетного федерализма в целом способствует разрешению внутренних конфликтов, которые возникают по разным причинам, но в основном связаны с исторически сложившейся неоднородностью населения государства. Поэтому в данной работе мы подробно рассматриваем взаимосвязи между возникающими конфликтами и политикой бюджетного федерализма в контексте действия двух противоположенных сил: центробежной силы, определяемой степенью неоднородности общества, и центростремительной силы, определяемой экономией от масштаба [3]. Как указывает Барро, «мы можем думать об оптимальном размере юрисдикции как условии баланса: большой стране проще распределить среди налогоплательщиков издержки производства общественных благ, но сложнее удовлетворить потребности разнородного населения» [5]. Однако оптимальный размер юрисдикции не является полным решением проблем, так как межрегиональное перераспределение доходов может приводить к дополнительным стимулам к отделению [14].

Специалисты в области политической экономики полагают, что применение принципов федерализма на практике способно уменьшить издержки разнообразия за счет предоставления большей автономии, что улучшает качество общественных благ [15, 20], увеличивает межрегиональную конкуренцию [29] и предоставляет более широкие возможности для перераспределения властных полномочий.

С другой стороны, большая автономия несет свои издержки. Исследователи указывают, что децентрализация в условиях федерализма может усиливать региональные диспропорции [8]. Таким образом, с позиций исследователей политики бюджетного федерализма баланс интересов заключается между удовлетворением регионального спроса путем передачи части властных полномочий и следующим за этой передачей усилением сепаратистских настроений.

Эмпирическая проверка влияния политики бюджетного федерализма на сокращение или, напротив, усиление внутренних конфликтов дает неоднозначный результат. Наблюдаемые исторические события и их интерпретации различаются авторами как с позиции

¹ Научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики. Автор более 100 научных публикаций по экономике и политологии, экономической теории, экономике общественного сектора, политической экономике, в т. ч. монографии «Economics of Linguistic Diversity». Руководил кафедрой экономики и Центром экономических исследований им. Джонсона в Южном методистском университете (1994–2004), являлся академическим директором-организатором Международной экономической школы (Тбилиси, Грузия, 2007–2008).

² Профессор Российской экономической школы, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, доктор философии в области экономики.

³ Ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, заведующий кафедрой математических методов в экономике Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук.

⁴ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, грант Правительства РФ, договор № 14. U04.31.0002.

определения основных понятий (что считать конфликтом, какую политику интерпретировать как усиление автономии и т. п.), так и с точки зрения методов и подходов к анализу фактов и статистических данных.

В некоторых работах представлены примеры успешного применения политики бюджетного федерализма, позволившей сократить или вовсе элиминировать склонность к конфликту [6, 12, 13, 16, 21, 28]. В работе по изучению сепаратистских конфликтов на территориях Пакистана, Индии, Нигерии и бывшей Югославии показано, что налоговые перераспределения и трансферты позволяют погашать существующие конфликты [2]. Анализ конфликтов на острове Ява (Индонезия) демонстрирует сокращение противостояния после применения налоговой децентрализации, но только в районах с относительно высокими доходами [23].

Противоположного мнения придерживаются авторы некоторых исследований [9, 10, 19, 25–27]. В одной работе утверждается, что налоговая децентрализация не способствует лучшему удовлетворению локальных предпочтений неоднородного общества [2]; в другой показана неоднозначность влияния политики бюджетного федерализма на проявление националистских тенденций [17]. Из третьей следует, что децентрализация управления способствует сокращению и предотвращению конфликтов, однако сама по себе формирует predisposition к отделению территорий по мере усиления региональных политических элит [7].

Учитывая разнообразие имеющихся в научной литературе взглядов на связь конфликтов и бюджетного федерализма, перейдем к формальному описанию данных процессов.

Описание теоретической модели

Рассмотрим страну, состоящую из центра и нескольких периферийных регионов, отличающихся как числом проживающих, так и этнолингвистическим составом населения. Будем полагать, что для каждого периферийного региона можно количественно оценить величину этнолингвистического отличия от центрального региона.

Центральный регион, чьей основной целью является поддержание единства страны, имеет в распоряжении два инструмента противодействия отделению регионов. Первый — непосредственное увеличение потока трансфертов в проблемный регион, при этом политика предоставления трансфертов не обязательно должна быть единой для всех регионов. Второй, более сложный в реализации, инструмент — совокупность политических и экономических действий, сокращающих выгоды от потенциального отделения региона, но не имеющих мгновенного (краткосрочного) влияния на объем предоставляемых общественных благ. Рассмотрим эти инструменты более подробно.

Если центр обеспечивает регион некоторым потоком трансфертов, последний использует полученные трансферты по двум направлениям: производство общественных благ и строительство независимых институтов. Используя концепцию репрезентативного агента, для каждого региона можно ввести функцию полез-

ности, учитывающую его этнолингвистический состав и отражающую влияние двух указанных составляющих потока трансфертов на полезность, получаемую населением данного периферийного региона. Если полезность падает ниже некоторого заранее известного резервного уровня, соответствующий регион предпочитает отделиться, а центр готов его «отпустить».

Помимо прямого учета посредством указанной функции полезности выгод, получаемых населением региона, необходимо также формализовать возможные альтернативные мотивы и выгоды суверенитета. В отличие от общественных благ, инвестиции в создание независимых институтов не приносят мгновенной пользы, и их создание можно рассматривать как некоторое дополнительное обременение для жителей региона, выражаемое отношением двух выделенных составляющих потока трансфертов. Данное отношение может интерпретироваться как индикатор дополнительной (неэкономической) мотивации населения региона к отделению от центра.

Отделение региона несет с собой высокие риски создать независимое, но недееспособное государство. Более активное инвестирование в создание независимых институтов снижает указанные риски, поэтому для каждого региона можно определить пороговое значение, начиная с которого угрозу отделения можно считать реальной.

Второй инструмент политики бюджетного федерализма — инвестирование без немедленной отдачи — может быть реализован разными способами. Например, центр может передать региону часть активов, которые не могут быть использованы немедленно, но позволяют создать источник постоянных доходов в будущих периодах. Можно говорить о программах переселения части населения в другие регионы либо, напротив, о передаче части управленческих полномочий на уровень региона, сокращая альтернативные выгоды отделения. Формально центр может использовать данные инвестиции для уменьшения резервного (минимального) уровня полезности, достижение которого влечет отделение территории.

Таким образом, задача оптимизации благосостояния страны с учетом предвосхищения угрозы отделения регионов состоит в максимизации суммарной полезности всех регионов за счет формирования системы трансфертов с учетом возможных вариантов использования этих трансфертов внутри каждого региона.

Вводя формальные функции и параметры, налагая стандартные предположения о монотонности и выпуклости соответствующих функций, из описанной модели нетрудно получить следующие результаты:

- 1) рост трансфертов приводит как к увеличению производства общественных благ в регионах, так и к укреплению независимых институтов, что может быть нежелательным с позиции центра;
- 2) доля трансфертов, направляемая регионом на развитие «местных» институтов, увеличивается с ростом этнолингвистических отличий региона от центра и эндогенно определяет «порог отделения» от центра;
- 3) сумма инвестиций центра во все регионы, как функция от оптимальных размеров трансфертов и вложений

в указанной выше второй инструмент политики, может рассматриваться как один из вариантов индекса разнообразия [11];

4) суммарные вложения центра в регион растут с увеличением этнолингвистического разнообразия, однако по мере их дальнейшего роста монетарная составляющая трансфертов может сокращаться за счет компенсирующего роста немонетарного воздействия центра на регионы.

Построенная модель отвечает исходным представлениям о балансе между экономией масштаба от производства общественных благ и конфликтами, связанными с большим разнообразием предпочтений. Рост трансфертов из центра неизбежно подталкивает регионы к усилению локальных институтов, что сокращает возможности монетарного воздействия на поддержание целостности страны. Предложенная в модели эндогенизация пороговых ограничений, отвечающих за монетарные и немонетарные стимулы к отделению, позволяет получить дополнительный рычаг воздействия, когда регулируется не только «спрос» на независимость, но и ее «предложение». Последнее позволяет усиливать целостность государства за счет инвестирования в немонетарные стимулы, включая отложенные потоки доходов, управление миграцией на территории региона, усиление политических полномочий региона и другие альтернативы.

Гипотезы эмпирического исследования

В представленной выше модели не обсуждался вопрос прямого противостояния отдельных регионов. Учитывая, что во многих исследованиях (в том числе среди цитированных выше) представление об измерении конфликта интересов обычно сводится к оценке фактов гражданского противостояния, мы постараемся аккуратно проинтерпретировать предположения эмпирической оценки предложенной выше теоретической модели. Соглашаясь с принятой в литературе интерпретацией, что количество ресурсов, которые «растрачиваются» сторонами конфликта с целью склонить чашу весов в свою пользу, положительно коррелирует с количеством столкновений сторон конфликта, мы не моделируем данную зависимость в явном виде. В то же время мы полагаем, что политика направлена на (де)стабилизацию ситуации, если дополнительные ресурсы, задействованные центром, увеличивают (соответственно сокращают) величину «растраты» ресурсов на разрешение конфликта между его сторонами.

Используя различные меры этнических различий с целью оценки издержек неоднородности населения, мы формулируем следующие основные гипотезы, вытекающие из построенной выше модели:

а) этническая разделенность (фракционализация) увеличивает вероятность возникновения конфликта;

б) для этнически однородной страны рост трансфертов сокращает вероятность возникновения конфликта;

в) по мере усиления этнической разделенности эффект влияния трансфертов на разрешение конфликта ослабевает и может стать отрицательным;

г) можно предполагать нелинейную зависимость эффекта трансфертов (возрастание с последующим убыванием) в зависимости от степени фракционализации общества по этническому признаку.

Результаты эконометрической оценки

В настоящей работе использованы данные, доступные онлайн на сайте журнала “American Economic Review” [22]. Исходная выборка содержит показатели по 138 странам по пятилетним периодам с 1960 по 1999 год. Необходимость учета данных по трансфертам, взятым из отчетов организации «Экономическая свобода в мире» (“Economic Freedom of the World”), привела к сокращению выборки до 57 стран за период с 1970 по 1999 год, для которых имеются полные сведения, необходимые в нашей модели.

Зависимой переменной служит «возникновение гражданского конфликта», ее значения взяты из данных, предоставленных Исследовательским институтом мира в Осло (Peace Research Institute of Oslo).

Основной переменной является доля трансфертов в государственном бюджете. Значение этой переменной варьируется как по странам, так и по времени. Учитывая, что имеющиеся в распоряжении данные по гражданским конфликтам агрегированы до пятилетних периодов, мы дополняем их информацией по трансфертам за каждый первый год пятилетнего периода.

В этой работе исследование [22] расширяется различными мерами оценки этнической и лингвистической неоднородности. В частности, при построении регрессии использованы: индекс этнолингвистической фракционализации, индекс Гринберга, индекс периферийной неоднородности, индекс поляризованности Рейнал-Кэрол, индекс Эстебана-Рэя.

В качестве контрольных переменных также использованы: логарифм ВВП на душу населения за каждый начальный год пятилетнего периода; логарифм населения страны за каждый начальный год пятилетнего периода; доля экспорта сырьевых товаров; наличие гористой местности (доля соответствующей площади страны); фиктивная переменная, отвечающая несмежным государствам; индекс развития демократии [1].

Конфликт описывается бинарным значением, которое определяется латентной переменной, имеющей логистическое распределение. Построенная логит-модель связывает возникновение гражданских конфликтов с одной из выбранных мер этнической или лингвистической неоднородности, долей трансфертов и другими (контрольными) переменными. В некоторых спецификациях модели также введены слагаемые, отражающие возможное нелинейное влияние трансфертов на этническую поляризацию.

Кроме того, наряду с основной эконометрической моделью, в целом отвечающей исследованию [22], предложена альтернативная спецификация, отражающая поправку на возможную временную зависимость ошибки регрессии.

Полученные результаты эконометрического оценивания в целом подтверждают сформулированные гипотезы. Трансферты отрицательно коррелируют с возникновением конфликтов; этническая неоднородность,

напротив, выявляет положительную связь. Применяемые индексы неоднородности имеют положительные коэффициенты, однако различаются по статистической значимости. Незначимость индекса этнолингвистической фракционализации, а также индекса поляризованности Рейнал-Кэрл, в которых в качестве весов использованы лингвистические расстояния, может свидетельствовать о необходимости явного учета фактора лингвистической неоднородности при описании издержек этнического разделения.

Для стран, не имеющих этнической неоднородности, коэффициент влияния трансфертов теряет статистическую значимость, хотя и сохраняет отрицательный знак. Учет нелинейного эффекта трансфертов позволяет зафиксировать предсказанный из теоретической модели немонотонный характер их влияния: по мере увеличения разнородности общества трансферты сначала смягчают конфликт, но затем способствуют его усилению.

Литература

1. Сайт проекта Polity IV [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>
2. *Aleman E.* Fiscal politics in ethnically-mined, developing federal states: Central strategies and secessionist violence / E. Aleman, D. Treisman // *Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars.* — Ithaca : Cornell University Press, 2005.
3. *Alesina A.* On the Number and Size of Nations / A. Alesina, E. Spolaore // *Quarterly Journal of Economics.* — 1997. — Vol. 112, № 4. — P. 1027–1056.
4. *Asal V.* Minorities at Risk Organizational Behavior. Data and Codebook. Draft. 2008. Version 9/2008 / V. Asal, A. Pate, J. Wilkenfeld [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.cidcm.umd.edu/mar/data.asp>.
5. *Barro R. J.* Small is Beautiful / R. J. Barro // *The Wall Street Journal.* — 1991. — October 11.
6. *Bermeo N.* The imports of institutions / N. Bermeo // *Journal of Democracy.* — 2002. — Vol. 13, № 2. — P. 96–110.
7. *Brancati D.* Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict / D. Brancati // *International Organization.* — 2006. — Vol. 60. — P. 651–685.
8. *Buchanan J. M.* Federalism and Fiscal Equity / J. M. Buchanan // *American Economic Review.* — 1950. — Vol. 40, № 4. — P. 583–599.
9. *Buhaug H.* Local determinants of African civil wars, 1970–2001 / H. Buhaug, J. Rod // *Political Geography.* — 2006. — Vol. 25, № 3. — P. 315–335.
10. *Bunce V.* Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State / V. Bunce. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
11. *Desmet K.* Peripheral diversity and redistribution / K. Desmet, I. Ortuno-Ortin, S. Weber // *CEPR. Discussion Papers.* — 2005. — № 5112.
12. *Federalism and Territorial Cleavages* / U. M. Amoretti, N. Bermeo (eds.). — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2003.
13. *Gurr T.* *People Versus States* / T. Gurr. — Washington : United States Institute of Peace, 2000.
14. *Haimanko O.* Transfers in a Polarized Country: Bridging the Gap between Efficiency and Stability / O. Haimanko, M. Le Breton, S. Weber // *Journal of Public Economics.* — 2005. — Vol. 89, № 7. — P. 1277–1303.
15. *Hayek F.* *The Economic Conditions of Interstate Federalism* / F. Hayek // *Individualism and Economic Order.* — Chicago : University of Chicago, 1948.
16. *Hechter M.* *Containing Nationalism* / M. Hechter. — N. Y. : Oxford University Press, 2000.
17. *Hechter M.* Political Consequences of Minority Group Formation / M. Hechter, D. Okamoto // *Annual Review of Political Science.* — 2001. — № 4. — P. 189–215.
18. *Hooghe L.* *The Rise of Regional Authority: A comparative study of 42 democracies (1950–2006)* / L. Hooghe, G. Marks, A. H. Schakel. — L. : Routledge, 2010.
19. *Inman R.* Federalism's values and the value of federalism / R. Inman // *NBER Working Paper № W13735.* — 2008.
20. *Lockwood B.* *Fiscal Decentralization: A Political Economy Perspective* / B. Lockwood. — Cheltenham : Edward Elgar, 2006.
21. *Lustick I.* Secessionism in Multicultural States: Does Sharing Power Prevent or Encourage It? / I. Lustick, D. Miodownik, R. J. Eidelson // *American Political Science Review.* — 2004. — Vol. 94, № 2. — P. 209–230.
22. *Montalvo J. G.* Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars / J. G. Montalvo, M. Reynal-Querol // *American Economic Review.* — 2005. — Vol. 95. — P. 796–815.
23. *Murshed S.* Is fiscal decentralization conflict abating? Routine violence and district government in Java, Indonesia / S. Murshed, M. Tadjoeddin, A. Chowdhury // *Oxford Development Studies.* — 2009. — Vol. 37, № 4. — P. 397–421.
24. *Peace and Conflict 2012 — Executive Summary* / J. J. Hewitt [et al.]. — College Park : University of Maryland : Center for International Development and Conflict Management, 2012.
25. *Roeder P. G.* Soviet Federalism and Ethnic Mobilization / P. G. Roeder // *World Politics.* — 1991. — Vol. 43, № 2. — P. 196–232.
26. *Saiegh S.* Why is Argentina's fiscal federalism so inefficient? Entering the labyrinth / S. Saiegh, M. Tommasi // *Journal of Applied Economics.* — 1999. — Vol. 2, № 1. — P. 169–209.
27. *Snyder J.* *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Violence* / J. Snyder. — N. Y. : W. W. Norton, 2000.
28. *Suberu R. T.* *Federalism and Ethnic Conflict in Nigeria* / R. T. Suberu. — Washington : United States Institute of Peace Press, 2001.
29. *Tiebout C.* A Pure Theory of Local Expenditures / C. Tiebout // *Journal of Political Economy.* — 1956. — Vol. 64. — P. 416–424.

Ежи Вятр¹**КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН**

Немногие книги оказали такое сильное влияние на теорию политики в целом и на теорию демократии в частности, как книга «Гражданская культура», опубликованная в 1963 году, в которой приводится сравнительный анализ политических культур в пяти демократиях (Федеративная Республика Германия, Италия, Мексика, Великобритания и Соединенные Штаты Америки) [1]. Концептуальная основа исследования отошла в основном от институционального подхода, а сама работа сосредоточилась на роли политических культур — исторически возникших системах ценностей и моделей поведения, которые влияют на методы, применяемые в национальной политике.

Особенно важное значение имеет интерпретация демократической политической культуры, гражданской культуры (по терминологии Алмонда). «Модель гражданской культуры, — утверждал Алмонд несколько лет спустя, — порождает “модель рационального действия” демократического гражданина, модель, требующую, чтобы все граждане были вовлечены в политику и чтобы их участие было аналитическим, рациональным и основанным на имеющейся информации». В книге «Гражданская культура» утверждалось, что модель рационального действия демократического гражданина является одним из компонентов гражданской культуры, но не единственным. Действительно, сама по себе модель участника рационального действия не может логически поддерживать стабильное демократическое правительство. Жизнеспособная и стабильная демократия возможна только в определенном сочетании противоположностей, таких как пассивность, доверие и уважение к власти и информированность [2].

Этот подход имеет важное значение для оценки условий демократической стабильности в старых демократических государствах. Высказывается мнение, что он помог и в определении политических различий между тогдашними социалистическими государствами и повлиял на то, как там изучали политику [3]. Одним из наиболее важных последствий такого подхода стало осознание того, что существовавшие коммунистические государства, схожие по своим институциональным структурам, существенно различались в своих политических культурах. Несколько исследований коммунистических политических систем, опубликованных на Западе во времена холодной войны, в значительной степени опирались на политическую модель культуры для объяснения того, каким образом эти системы управляются [4].

Распад европейских коммунистических систем поставил перед политологами новые теоретические проб-

лемы. Первоначально наше внимание было сосредоточено на процессе отказа от диктаторских режимов, но вскоре анализ переключился на результаты политических перемен. Где и при каких условиях демократические системы сменили диктаторские? Что делает молодую демократию стабильной? На эти вопросы давались различные ответы.

Двадцать пять лет посткоммунистических трансформаций — достаточно длительный срок, чтобы можно было сформулировать теоретическое объяснение этих процессов. Изначально многие ученые были склонны делать акцент на социально-экономических факторах. Адам Пжеворский, американский политолог польского происхождения, в нескольких работах, опубликованных в конце 1980-х — начале 1990-х годов, подчеркивал важность уровня экономического роста как основного фактора, определяющего результаты демократизации. По его мнению, в тех странах, где ВВП на душу населения достигает уровня 6 тыс. долларов США, демократия может существовать благополучно (в стране, достигшей этого уровня экономического роста, отсутствуют перевороты с целью свергнуть демократическое правительство) [5].

Хотя это утверждение имеет определенную ценность, оно не объясняет огромные различия между странами одного уровня экономического благосостояния. Посткоммунистические страны с меньшим уровнем экономического развития (в частности, Средняя Азия и Кавказ, а также некоторые Балканские страны) дают очень интересное поле для сравнения. Несмотря на то что в большинстве развитых посткоммунистических стран переход к демократии осуществлялся мирным путем, обратное утверждение не всегда является верным. Некоторые экономически неразвитые страны действовали очень разумно, во многих случаях даже лучше, чем относительно богатые. Интересными примерами являются Молдавия и Черногория.

Хотя экономические условия и являются важными, они не в полной мере объясняют различия между государствами с переходной экономикой. Американский политолог Фред У. Риггс предложил институциональное объяснение. В своих двух сравнительных работах он утверждал, что молодая демократия будет иметь больший успех, если будет принята парламентская, а не президентская конституционная система [6]. Это утверждение я поддерживаю ссылкой на начальный опыт демократизации в Польше [7].

Сэмюэль П. Хантингтон в своей работе «Третья волна демократии» предлагает альтернативный подход социально-экономическим и институциональным подходам [8]. Он подчеркивает взаимосвязь между культурным происхождением и перспективой демократии в бывших странах коммунистической диктатуры. Согласно его концепции, западное христианство дало больше возможностей для демократической консолидации, чем восточное христианство (православие),

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Почетный ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

в то время как ислам предоставляет наименее благоприятные культурные условия для демократии.

История дает примеры, частично подтверждающие правоту Хантингтона. Действительно, демократические преобразования проходили довольно спокойно, и в результате в посткоммунистических странах центральной Европы, принадлежащих по классификации Хантингтона к «западной цивилизации» (Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения), были установлены демократические режимы. Единственным исключением была Хорватия, где авторитарный режим действовал до 2000 года, и эта страна выполнила условия членства в Европейском Союзе только в 2012 году. Верно и то, что ни одна посткоммунистическая страна, где доминирующей религией являлся ислам, не стала демократической.

В случае со странами восточно-христианской цивилизации ситуация намного сложнее. Некоторые посткоммунистические страны, отнесенные Хантингтоном к этой категории (Болгария, Румыния), в настоящий момент хотя и являются членами Европейского Союза, но не являются полностью демократическими, уровень демократии в этих странах считается достаточным для членства в ЕС. Сербия определена как «полностью свободная» организацией «Дом свободы» («Freedom House»).

Для сравнительного анализа наибольший интерес представляют Россия, Украина и Белоруссия. Все они принадлежат к «восточно-христианской цивилизации», по терминологии Хантингтона, и имеют одинаковые проблемы при переходе от коммунизма к демократии. Наиболее распространенным отрицательным элементом является глубина конфликта между правительством и оппозицией, о чем свидетельствует украинский кризис. Ни одна из этих стран не была определена «полностью свободной» организацией «Дом свободы», но режимы в этих странах не являются диктатурой (за исключением Белоруссии). Наиболее адекватное определение этих режимов дает концепция «делегативной демократии», предложенная в 1991 году аргентинским политологом, экс-президентом Международной ассоциации политических наук Гильермо О'Доннеллом [9]. При таких режимах существует оппозиция и конкурентные выборы, правящие власти избираются на основе свободного и честного выбора, но права и свободы граждан защищены неполностью.

Является ли это следствием влияния православной церкви, как полагал Хантингтон? Примеры Болгарии, Македонии, Молдавии, Черногории, Румынии и Сербии показывают, что здесь не все однозначно.

В моем варианте культурной интерпретации событий, изложенном в моей книге о посткоммунистической Европе [10], рассматриваются четыре исторических фактора, объясняющие, чем политические культуры в Центральной и Восточной Европе отличаются от России и других бывших советских республик (за исключением тех, которые вошли в состав СССР во время Второй мировой войны и которые во многом схожи с государствами Центральной и Восточной Европы) [11].

Первый фактор — это срок существования коммунистической системы. В бывшей Российской империи коммунистическая система была создана на одно полное поколение раньше, чем в иных коммунистических государствах. К тому времени, как коммунистические системы завершали свое существование, докоммунистическое прошлое не было частью жизненного опыта даже старших поколений советских граждан, но в памяти старшего поколения поляков, венгров и чехов оно было все еще очень живо.

Второй фактор относится к докоммунистическому прошлому. Большинство восточноевропейских государств отличались от бывших советских республик своим докоммунистическим прошлым, все они имели какой-то опыт демократии до установления коммунистического режима. Воспоминания о прошлом могут объяснить, почему политические культуры государств Центральной и Восточной Европы, хотя и менее демократичны, чем в странах Западной Европы, тем не менее более демократичны, чем политические культуры России и других стран, входивших в состав Российской империи.

Третье отличие касается модели установленного коммунистического правления. В России коммунисты самостоятельно пришли к власти, используя недовольство войной и умело организовывая новое государство таким образом, что они смогли победить своих некогда мощных противников. В Центрально-Восточной Европе, за исключением Югославии, коммунистические режимы были установлены подавляющей мощью победоносного Советского Союза с пассивным принятием этого факта западными державами, хотя местное население стран было против. Навязанные извне и очень слабо поддерживаемые изнутри вновь созданные коммунистические режимы Центральной и Восточной Европы (в частности, в Чехословакии, Венгрии и Польше) были вынуждены пойти на многочисленные уступки.

Четвертый фактор — относительно краткая продолжительность полностью тоталитарного, сталинского режима коммунистической системы в Центральной и Восточной Европе (1948–1956) по сравнению с длительностью такого тоталитарного этапа коммунистического режима в СССР (1929–1956).

История оставила свой след на политических культурах бывших коммунистических государств. Русский политолог Федор Бурлацкий, высказывая мнение в поддержку «президентской республики», указывал на старую русскую традицию доверия сильному лидеру, а не институту власти [12]. Теперь общеизвестно, что перспективы демократии и ее формы в очень большой степени зависят от политической культуры, возникшей исторически, как старой, так и новой. Подход с точки зрения политической культуры заставил нас почувствовать роль истории в современной политике. Наши ценности и образ действия были сформированы на основе нашего исторического опыта.

Однако историческое наследие не препятствует переменам, а порождает их. Подход с точки зрения политической культуры не должен рассматриваться как вариант гегелевского детерминизма. В политике нет ничего неизбежного, даже если некоторые последствия

наступают чаще, чем другие. Многое зависит от качества политической власти, от желания двигаться в правильном направлении. События, происходящие в бывших коммунистических государствах, дают нам достаточно доказательств важности лидерства. Лидеры, однако, не работают в культурном вакууме. Они сами являются продуктами национальных политических культур и должны работать в политической обстановке, созданной культурой. Но необходимо понять, что национальная модель демократии зависит от исторических и культурных традиций народа. Было бы нелепо предполагать, что все народы мира захотят принять западную модель демократии. Такие идеи, часто представленные под видом «общечеловеческих демократических ценностей», могут привести только к непониманию природы демократических процессов, которые происходят в странах с явно различными культурными традициями.

Примечания

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия пяти наций. — Принстон: Принстон юниверсити пресс, 1963.
2. Алмонд Г. Интеллектуальная история концепции общественной культуры // Еще раз к вопросу о гражданской культуре / ред. Г. Алмонд, С. Верба. — Ньюбери Парк; Л.: Нью-Дели: Сейдж Паблейшнз, 1980. — С. 16.
3. Вятр Е. Дж. Гражданская культура с марксистской социологической точки зрения // Еще раз к вопросу о гражданской культуре. — С. 103–123.
4. Обзор таких исследований был представлен британским политологом А. Х. Браун (Советская политика и политология. — Л.: Макмиллан, 1974. — С. 89–104).

5. Пжеворски А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — Кембридж: Кембридж юниверсити пресс, 1991; Устойчивая демократия / А. Пжеворски [и др.]. — Кембридж: Кембридж юниверсити пресс, 1995.

6. Риггс Ф. У. Выживание президентской Америки: пара-конституционная практика // Международное политологическое обозрение. — 1988. — Т. 9, № 4. — С. 247–278; Он же. Президентская форма правления в сравнении с парламентаризмом: последствия репрезентативности и легитимности // Международное политологическое обозрение. — 1997. — Т. 18, № 3. — С. 253–278.

7. Вятр Е. Дж. Исполнительные и законодательные отношения во время кризиса: опыт Польши 1989–1993 // Лийпхард А., Вайсман К. Институциональная структура новых демократий: Восточная Европа и Латинская Америка. — Болдер: Уэствью, 1996. — С. 103–115.

8. Хантингтон С. П. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — Л.: Изд-во Ун-та Оклахомы, 1991.

9. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Преобразование систем юго-востока: рабочий документ 21. — Чикаго, 1991.

10. Вятр Е. Дж. Europa pokomunistyczna: przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006

11. Вятр Е. Дж. Демократизации в Центральной Европе: сравнительные перспективы // Демократизации: сравнение, столкновения и контрасты / ред. Х. В. Сипрут. — Кембридж: Массачусетс; Л.: МИТ-Пресс, 2008. — С. 146–147.

12. Бурлацкий Ф. М. О политической науке. — М.: Изд-во МГУ, 2013. — С. 304.

Г. А. Гаджиев¹

ИСТОРИЧЕСКИ СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ПРАВА РОССИЙСКОГО НАРОДА БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

1

Среди 84 слов, из которых состоит преамбула Конституции России, есть слова патетические, политически страстные. Собственно, начинается Конституция с первого утверждения о том, что мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединены *общей судьбой* на своей земле.

Конечно, можно предположить, что составители конституционного текста в преамбуле проявили

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

склонность к простой риторике. Но юристы считают, что каждое слово в таких важных текстах, как тексты основных законов, обладает признаками нормативных понятий. Часто эти юридические понятия являются спецификацией философских понятий. Таким, на наш взгляд, является понятие «общая судьба» как то, чем характеризуется народ, являющийся конституционным законодателем.

Понятие «общая судьба» не разрабатывалось в доктрине конституционного права. Между тем драматические политические события последнего времени выдвигают его в эпицентр юридических и философско-правовых дискуссий.

Общая судьба на своей земле в течение тысячелетия, совместное проживание множества народов (некоторые из них исчезли, ассимилировались) имеют своим результатом как генетически единое целое, так и социальное единство, обладающее духовной общностью. Эта общность имеет волю, реализующуюся в появлении политической формы — российской

государственности, зарождение которой можно связывать или с Рюриковичами, или же, как в концепции Н. Трубецкого, с империей Чингисхана.

Общая судьба как понятие отражает не только генетические связи, но и отношения общей культурной принадлежности. Академик В. С. Степин точно подметил, что в России исторически сложились сильные традиции толерантности между многочисленными народами, населяющими ее территорию. Традицией русской государственности является бережное отношение к национальным культурам. У нас не было унификации культур в том смысле, как это происходило в Европе в эпоху становления национальных государств, когда многие этносы и этнические культуры исчезли. В России этнические анклавы исторически всегда сохранялись, но как плата за такое сохранение возникло противоречивое соединение культурных образцов и обычаев.

Конечно, это обстоятельство делает наш путь к идеалу верховенства права более длительным и извилистым. Это должны понять наши оппоненты на Западе. Они же пока придерживаются маркузианского лозунга «Будьте реалистами — требуйте невозможного».

В этой особенности исторического пути культурного развития многонационального народа России кроются причины сложности модернизации.

Диалог культур при создании российской политической нации явился важным фактором, позволяющим объяснить особенности конституционной судьбы, предопределяющей контуры конституционного облика России. Сквозь призму конституционного понятия «общая судьба на своей земле» можно найти твердую почву для нового направления в развитии конституционного права — культурологического. Конституция России в таком случае должна рассматриваться не только формально-юридически, но и под углом зрения исторически сложившихся традиций понимания свободы и справедливости.

Общая судьба как объективная данность — это следование современного поколения россиян в русле определенной, сложившейся на протяжении веков культурной традиции. Понимая это, мы можем по-иному представить себе онтологико-правовой статус Конституции: она не является просто кодификацией важнейших юридических принципов, множество из которых заимствованы, рецептированы из права других стран. Одновременно сквозь призму понятия «общая судьба», ответственности между поколениями Конституция является своеобразной кодификацией отношений с прошлым. Это идея немецкого философа права Й. Изензее о необходимости учета исторического процесса, своего рода идея историзма в доктрине конституционного права. Новая конституция всегда является новой лишь отчасти, поскольку с неизбежностью должна воспринимать какие-то элементы прежней жизни. «Здесь пролегает граница политических возможностей, — пишет Изензее, — за которую вопреки любым постулатам о суверенности власти не способен выйти ни один создатель конституции. Он в состоянии придавать новые черты лишь отдельным сторонам жизни народа, но не преобразовать всю ее разом, потому что нельзя

оторвать народ от его истории и хотя бы на мгновение остановить течение жизни.

Теория, связывающая современную конституцию с прошлым, позволяет увидеть без прикрас картину государства, соответствующую конституции. Конституционный закон — не только результат кодификации основополагающих правовых норм, но и как бы кодификация их связей с прошлым, которые придают этим нормам смысл, содержание, форму и действительность¹.

Взятое в его философском смысле понятие «общая судьба» представляет собой реальность неуниверсализированного бытия сообщества людей, считающих себя одним народом. Это идея единства, лежащая в основе принципа федерализма. (В ч. 3 ст. 5 Конституции РФ не случайно утверждается, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности.)

Общая судьба как свойство, принадлежность общества людей предполагает и энергию сопротивления тем силам, которые требуют от людей этого сообщества подчинения универсализации, превышающей разумный минимум общности. Тут очень важно не допустить крайностей.

Согласно преамбуле Конституции мы, многонациональный народ России, сознаем себя частью мирового общества. Но это именно мировое сообщество, а не отдельные его части. Правильно понятая идея общей судьбы с точки зрения идеологии должна помочь избежать крайностей национализма, который всегда основывается на культе избранности, эксклюзивности и который всегда опасно экспансивен. В речи Фихте к немецкой нации, в которой он соревнуется с глашатаями французского национализма, хорошо видны эти отрицательные черты национализма. Для того чтобы идея общей судьбы стала идеологически полезной как часть идеологии патриотизма, надо отсечь от нее все лишнее, а это намеки на особые способности, на мессианство и другие вечнозеленые мифы исключительности того или иного народа.

Общая судьба порождает прежде всего культурную идентичность, одним из проявлений которой являются традиции, *mores* — традиции патриотизма, солидаризма, поддержка семьи и т. д. Возможно, видимо, признать онтологичность традиций русской государственности. В таком случае появляется целая исследовательская программа: можно ли их рассматривать как надконституционную ценность; в чем сила и слабость традиций государственности; можно ли построить систему (градацию) таких традиций; есть ли возможность оценить силу торможения, присущую какому-то из этих традиций, с тем чтобы научиться управлять ею подобно тому, как человек научился управлять торможением автомобиля (от чего сила торможения в целом не исчезла).

2

Как сугубо юридическое понятие «общая судьба» связана с естественным коллективным правом на идентичность, самобытность, сохранение культурных традиций всех народов Российской Федерации. Россия

¹ Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 12.

в сообществе мировых наций имеет право на культурный релятивизм. Проявления этого конституционного права можно наблюдать в общественных дискуссиях современной общественной жизни. Когда принимается решение об установлении ограничительной квоты на показ американских кинофильмов на экранах российских кинотеатров, то это тоже реализация права народа на неуниверсализированное бытие.

Идея об общей судьбе ставит совершенно новый для конституционного права вопрос о реальности конституционного права будущих поколений россиян. Можно ли сейчас признать правосубъектность будущего поколения российского народа? Это далеко не праздный вопрос: от ответа на него, в частности, зависят темпы выкачивания нефти, газа из недр, состояние экологии в стране. Но самое главное, что Конституция России закрепляет ряд важных культурных прав будущих поколений. Государство, в частности, должно заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры для будущих поколений (ст. 44 Конституции РФ). Несмотря на то что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский, республики вправе устанавливать свои государственные языки. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создавая условия для его изучения и развития.

Итак, идея «общей судьбы» содержит идею идентичности и свободы. Германн Люббе писал, что это не только та свобода, которая делает частных лиц равными друг другу. Свобода быть разными в мире — это своеобразное проявление юридического принципа равноправия. Требование признания такого права в международном праве вполне легитимно, поскольку речь идет о свободе нашего бытия в контингентной исторической идентичности¹.

Традиции государственности, конечно, отличаются от тех традиций, которые составляют предметную сферу этнографии, хотя и те и другие имеют исторические корни и объективируются только в коллективном сознании людей. Ближе всего comes к понятию архетипов сознания, введенному в научный оборот К. Юнгом.

В процессе модернизации общества происходит столкновение архитрадиций с нормами новой, чаще всего заимствуемой культуры.

Если они укоренены в обществе, тогда необходимо искать механизмы их согласования с нормами модерна. Тот тип культуры, когда модернизация, особенно в экономической и научно-технической сферах, осуществляется без отказа от архитрадиций, возник не только в России, но и во многих других государствах².

Понятие «общая судьба на своей земле» вплетено в систему идей, предназначенных для разумного балансирования между ценностями архитрадиций и модернизации.

¹ Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии : сб. ст. М., 2005.

² Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 18.

Как юридическое понятие, право народа быть самим собой может быть охарактеризовано с точки зрения его содержания, то есть юридических возможностей, и его гарантий. Как правовое понятие, данное право народов является базовым для формирования той или иной системы мирового порядка.

Содержание этого права определенным образом формируется концепцией справедливости. В частности, из идеи справедливости можно почерпнуть правомочие каждого народа настаивать на равенстве в отстаивании своих прав на идентичность наравне с другими народами.

При конструировании юридического понятия права народа быть самим собой предпочтительнее ориентироваться на философскую традицию номинализма, а не на традицию реализма. Как известно, спор между этими двумя философскими традициями является по существу выбором морального мировоззрения, который всегда происходил, происходит и будет происходить. Напомним, что реалисты, то есть сторонники традиции реализма, исповедовали гносеологический и метафизический примат, онтологическое превосходство общего и идеального над частным и эмпирическим, разнообразным. Сторонники традиции номинализма склоняются к тому, чтобы признать единственной реальностью мир фактов, эмпирический мир. Реализм и номинализм — это два разных типа научной мысли, встречающиеся во всех видах знания. Вот пример, как мыслят сторонники реалистической традиции: если им нужно оценить президента, судью, профессора, то они желают видеть в них прежде всего идеального, созданного их воображением президента, судью, профессора — некий архетип, который в реальности, как правило, не встречается.

Когда же они встречаются президента, судью, профессора, имеющих, как и всякий эмпирический человек, свои достоинства и недостатки, когда они обнаруживают, что президенты, судьи, профессора чаще всего не представляют собой ту идеальную фигуру, которую построило их сознание, они разочаровываются. Это явление выражает турецкая поговорка: «Я думал, паша — это паша, а оказалось, что паша — это человек!». Номиналистически мыслящий человек обычно не поддается обаянию идеальных понятий. Такие люди обычно лучше разбираются в людях и не допускают ошибок самообмана. Увлечение традицией реализма, абстрактными понятиями в очень чувствительной сфере цивилизационных различий между народами приводит к трагическим последствиям. В качестве примера можно указать на Дж. Роулза с его понятием рационально мыслящего сообщества народов, которым он пользуется в своей книге «Право народов». Рационально мыслящее сообщество народов состоит у Роулза из либеральных и иерархических обществ.

Идеалистическое понятие либерального общества у него определяется как общество, имеющее правопорядок, пронизанный концепцией общего блага, гарантирующей, что в обществе соблюдаются права человека. При этом совершенно не учитывается, что абсолютизация прав некоторых меньшинств, таких как

сторонники однополой любви, несет в себе серьезные риски раскола общества. Позволим себе напомнить, как в книге М. Твена «Принц и нищий» последний с помощью государственной печати колот орехи. Используя это сравнение, я хочу показать, что предельно абстрактная категория прав человека в неумелых (или, наоборот, изощренных) руках может обладать разрушительной силой.

Увлечение реалистической традицией мышления опасно тем, что в нем запрограммированы предвзятость к другим цивилизациям и культурам и даже откровенный снобизм. Западная традиция индивидуализма рассматривается как очевидно самая совершенная, как аксиома, не требующая доказательств, несмотря на то что в большинстве стран мира есть традиция рассматривать человека как члена сообщества, общины, трудового коллектива.

Свобода личного самоопределения и самовыражения в ее конституционном понимании не может простирается столь широко, чтобы при этом игнорировались лежащие в основе организации общественной жизнедеятельности и получившие свое конституционное признание ценностные предпочтения демократического большинства. Тем самым ставилось под сомнение историческое и культурное самоопределение народа, его развитие в условиях гражданского мира и согласия на основе осознания своих исторических, культурных и иных национальных традиций, а также ответственности перед будущими поколениями.

Инерционное мышление — вот чем оборачивается увлечение реализмом в ущерб номинализму. Без особых доказательств Дж. Роулз предлагает считать кульминацией цивилизационного развития такую систему мирового устройства, когда суверенитет государства обязательно должен быть ограничен с помощью прав человека, стандарты которых создаются в одной мастерской, в одной части мира, которая заведомо всегда права, потому что является хранительницей разума. Если же представления какого-либо народа о правах человека вступают в противоречие с этими стандартами, то такой народ можно причислить к числу тех, которые нуждаются в принудительном исправлении.

К сожалению, Дж. Роулз искажает идею Канта, который писал о том, что первой политической обязанностью человека является обязанность оставить естественное состояние и подчиниться нормам рационального и справедливого права. Не думаю, что Кант пришел бы в восторг, если бы узнал, что, оказывается, если в каком-то обществе не уважают права человека в соответствии с унифицированными стандартами, не учитывающими цивилизационные различия, то либеральный авангард сообщества либеральных государств вправе начать бомбить такое государство.

По поводу книги Дж. Роулза возникла дискуссия между ним и Ю. Хабермасом. В своем докладе на Всемирном философском конгрессе в Стамбуле Ю. Хабер-

мас показал, что ему не по душе мышление в традиции реализма Дж. Роулза. Он заявил, что защита целостности жизненных форм и привычного образа жизни организованной в государство общности людей, если речь не идет о геноциде и преступлениях против человечности, имеет преимущественное право перед осуществлением абстрактных принципов справедливости в масштабах всего мира.

Рамки выступления не позволяют детализировать мою аргументацию. Ограничусь лишь выводом о том, что традиция реализма таит в себе риски появления опасных когнитивных установок в тех случаях, когда теория является основой политики, то есть курса действий государств. Когнитивная установка, ориентация на абстрактные понятия либерального общества, иерархического общества совсем небезобидна.

Роулз доказывает с помощью абстрактного понятия справедливости право цивилизованных наций вести «справедливые войны». Ю. Хабермас прав, утверждая, что критерии оценки, является ли война справедливой, нельзя перевести на язык права, их применение государствами не поддается проверке международными судами.

К тому же тут слишком много релятивизма: кто может определять на надгосударственном уровне, действительно ли западные правовые ценности заслуживают всеобщего признания?

Итак, право народа быть самим собой — это право иметь историческую память, являющуюся частью исторического наследия, право обладать национальным духом, в случае с российским народом — это дух непобежденных, в конце концов право на цивилизационную идентичность.

4

Вот почему необходимо настаивать на собственном понимании своих конституционных ценностей, и это стремление является частью права народа быть самим собой. Мы не можем принять предлагаемые нам западные рецепты нейтралитета государства по проблеме пропаганды однополой любви. Свобода проповедовать однополую любовь ассоциируется в нашем обществе с публичной непристойностью, осуждаемой многонациональным российским народом. Демонстрация геев может завершиться побоями, беспорядками. Мы не можем принять также рекомендацию о полном раскрепощении (либерализации) и пропаганде человеческих инстинктов, направленную на разрушение морального авторитета Русской православной церкви.

Наши оппоненты на Западе не могут не знать, что предлагаемые ими сугубо западные правовые ценности внесут раскол в российское общество. Между тем социальная ценность конституционного права состоит в том, чтобы разумно сочетать защиту прав меньшинств с принципом, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Г. М. Гатилов¹

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период глобализации международных отношений проблематика межцивилизационного, межкультурного и межрелигиозного диалога стала одним из ключевых элементов мировой политической практики. Важное место она заняла и в научном дискурсе в России и других странах мира. Лихачевские чтения в этом смысле вот уже на протяжении многих лет остаются уникальной площадкой, поскольку оттеняют значимость достижения межцивилизационного согласия, содействуют поиску взаимопонимания через открытый и неконфронтационный обмен мнениями и идеями.

Причина такой востребованности связана с нарастанием межцивилизационных противоречий в современном мире, что стало следствием обострения конкуренции между ценностными ориентирами и моделями развития различных государств и континентов. Возникает реальная угроза «перетекания» межцивилизационной конкуренции в состояние конфронтации. Таким образом, на повестку дня со всей очевидностью выходит задача предотвращения развития международной ситуации по такому сценарию. Она актуализируется в связи с развитием мировых политических процессов, в первую очередь с событиями на Украине.

Решающую предпосылку глобальной стабильности и устойчивого развития на современном этапе мы видим в налаживании конструктивного взаимодействия и диалога представителей всех культурных и религиозных традиций.

В качестве своей главной задачи мы рассматриваем продвижение позитивной и объединительной повестки дня в международных отношениях. Исходим из того, что только согласованными действиями можно добиться решения фундаментальных проблем и вызовов, стоящих перед современным миром. При этом неприемлемо использование некоторыми нашими партнерами двойных стандартов, о чем недвусмысленно в своем обращении 18 марта сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин.

В этой статье мы опираемся на новую редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой актуализированы наши приоритеты в глобализирующемся мире, а также на Указ Президента от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

Эти документы определяют в качестве основных направлений приложения сил отечественной дипломатии обеспечение благоприятных внешних условий для социально-экономического развития страны, содействие переводу российской экономики на иннова-

ционные рельсы, повышение благосостояния наших граждан.

Наглядным воплощением наших усилий явились прошедшие в феврале-марте этого года в Сочи Олимпийские и Паралимпийские зимние игры. Став неотъемлемой частью международного культурно-гуманитарного сотрудничества, они своим духом и настроением оказали позитивное влияние на укрепление международных контактов, способствовали расширению общения между людьми, консолидации межчеловеческого взаимодействия в целом.

Важной составной частью мероприятий по подготовке и организации зимних Игр стала культурная олимпиада «Сочи–2014», стартовавшая за четыре года до их официального начала и внесшая свой вклад в развитие культурного богатства нашей страны, сумевшая вовлечь российских граждан в этот праздник мира, спорта и дружбы. В ее рамках с 2010 по 2014 год на всей территории России прошло более тысячи культурных мероприятий. При этом каждый год был посвящен определенному виду искусств: 2010-й — кино, 2011-й — театру, 2012-й — музыке, 2013-й — музеям. Самое лучшее из номеров культурной олимпиады было показано гостям Игр в Сочи в феврале-марте 2014 года.

Большое значение в плане продвижения межкультурного согласия призвано сыграть и объявление в Российской Федерации 2014 года Годом культуры. В его рамках предусмотрено проведение всероссийских культурно-просветительских акций; организация мероприятий, направленных на сохранение и развитие народного творчества и традиционной культуры народов России; реализация творческих проектов в субъектах Федерации.

Россия выступает за безальтернативность диалогового формата, является сторонником укрепления тенденций, связанных с усилением коллективных начал в мировой политике. И эта линия постепенно приносит свои плоды. Так, за последний год удалось достигнуть важных решений в деле ликвидации сирийского химического оружия, на иранском направлении.

Усилиям мирового сообщества в сфере урегулирования конфликта в Сирии особое внимание уделил в своем Послании Федеральному собранию Президент России В. В. Путин, упомянув о сделанном судьбоносном выборе в пользу коллективных, ответственных решений, отметив общий успех, связанный с предотвращением внешнего военного вмешательства в сирийские дела и распространением волн конфликта далеко за пределы региона.

Благодаря целенаправленным энергичным усилиям российской дипломатии удалось создать международную конференцию по Сирии 22 января в Монте-Карло и обеспечить запуск прямых международных переговоров, в рамках которых самим сирийцам придется принять фундаментальные решения по будущим параметрам

¹ Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Специалист в области многосторонней дипломатии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «“Голубые каски” ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе», «О некоторых международных аспектах диалога культур в условиях глобализации», «Формула урегулирования в Сирии» и др. Награжден орденом Дружбы.

развития своего государства. Это полностью соответствует нашей линии на урегулирование сирийского и других региональных конфликтов. Исторический опыт свидетельствует, что силовые интервенции, экспорт моделей развития не только не содействуют преодолению кризисов, но и обостряют, загоняют вглубь существующие проблемы.

Среди ключевых направлений работы отечественной дипломатии в том, что касается развития межцивилизационного взаимодействия, — укрепление наших связей с исламским миром, причем как на двустороннем уровне, так и в рамках Организации исламского сотрудничества (ОИС), где Россия является наблюдателем. Мы также развиваем контакты и с Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры, действующей в рамках ОИС, участвуя в ее работе в аналогичном качестве.

Традиционно поддерживая на протяжении столетий многосторонние связи с большинством государств Ближнего Востока и Северной Африки, наша страна заинтересована в стабильности и спокойствии на земле наших ближневосточных друзей и партнеров.

Проводя курс, направленный на противодействие попыткам отдельных участников международных отношений расшатать основы системы международного права, Россия отстаивает принципы соблюдения справедливости, демократичности и равноправия всех государств, участвующих в мировой политике. Во избежание появления перекосов и усиления дисбалансов на различных уровнях международного сотрудничества, а также в целях недопущения расколов по межцивилизационной линии и появления конфликтов на религиозной почве мы исходим из необходимости действовать в строгом соответствии с Уставом ООН.

Такими принципами мы руководствовались в качестве председателя «Группы двадцати» и планировали в дальнейшем придерживаться их же в ходе нашего председательства в «Группе восьми». Наши приоритеты в этом интеграционном объединении весьма актуальны и важны не только, кстати, для его членов, но и для других государств мирового сообщества. Это и повышение эффективности в борьбе с наркоугрозой, противодействию терроризму и экстремизму, охране здоровья, формировании глобальной системы управления рисками природных и техногенных катастроф, содействию урегулированию региональных конфликтов.

В этих целях 3–4 марта 2014 года в Москве в качестве одного из мероприятий в рамках нашего председательства в «Восьмерке» была проведена международная конференция «Противодействие радикализации общественных настроений, питающей терроризм». В центре внимания ее участников находились вопросы объединения усилий государств и гражданского общества по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма, а также преодолению опасности радикализации общественных и политических настроений.

Как известно, одним из следствий глобализации является взаимозависимость всех участников данного процесса друг от друга. Это правило в равной степени распространяется и на членов различных интеграци-

онных объединений, в том числе и на «Восьмерку». И блага, и возможные издержки от участия в них страны несут сообща. В связи с этим сложно принять циркулирующий в определенных кругах тезис, что России «Восьмерка» нужна больше, чем другим входящим в нее странам. Уж точно не больше. Российский рынок по своему объему весьма крупный и работать на нем — это привилегия.

Деятельность России в крупных глобальных и региональных международных структурах весьма недвусмысленно свидетельствует о глубокой вовлеченности нашего государства в решение вопросов мировой повестки дня. Это показатель и той роли, которую Российское государство способно играть в мире, содействуя гармонизации отношений между странами в различных частях света, нахождению точек соприкосновения у конфликтующих сторон, расширению международного культурно-гуманитарного сотрудничества, углублению межцивилизационного и межрелигиозного диалога.

Развиваем наше участие в действующем под эгидой Организации Объединенных Наций «Альянсе цивилизаций» (АЦ), представляющем собой инициативу Генерального секретаря ООН, призванную объединить усилия государств и гражданского общества, достичь своего рода синергии в деле профилактики конфликтов, возникающих на почве межцивилизационных, межкультурных и межэтнических разногласий.

Анализу этих вопросов был посвящен пятый Форум АЦ, прошедший в Вене в феврале 2013 года. В ходе его подчеркивалось, что Альянс должен в максимальной степени стараться реализовать имеющиеся у него возможности и потенциал ведущей мировой площадки для сотрудничества международных организаций, правительств и гражданского общества в этих вопросах, в то же время не превращаясь в арену для политических баталий. Новым этапом в развитии данной межцивилизационной инициативы призван стать шестой Форум «Альянса цивилизаций», запланированный на конец августа 2014 года на острове Бали в Индонезии.

Еще на самых ранних стадиях формирования Альянса мы увидели заложенный в нем потенциал мобилизации коллективной воли международного сообщества для укрепления межцивилизационного согласия, достижения гармонии в отношениях между культурами, обществами и религиями и подключились к его реализации, сначала в качестве члена Группы высокого уровня, а впоследствии Группы друзей «Альянса цивилизаций».

Многополярность современного мироустройства предопределяет беспрецедентно богатую палитру не только форматов сотрудничества и возрастающих кооперационных связей, но и присутствия подобной системы сложностей и разногласий, противоречий и неурегулированных проблем, оказывающихся порой в центре внимания всего мирового сообщества.

Все отчетливее проявляются признаки конкуренции между различными цивилизационными и культурными традициями. Часто они приобретают весьма острый характер и, как следствие, провоцируют межрелигиозные

противоречия, повышают риски конфликтов на почве культурной идентичности.

Нас беспокоит ситуация, складывающаяся на Украине. Мы понимаем, почему она стала возможной. В течение долгих лет «самостийности» власть в этой стране не заботилась о жизни простых людей, чем в значительной мере дискредитировала себя. Об этом подробно говорил Президент России В. В. Путин в своем обращении 18 марта 2014 года. В этих условиях понятное стремление граждан к переменам. Однако, прикрываясь их справедливыми требованиями, на авансцену вскоре вышли иные действующие лица: радикалы, националисты, неонацисты. Появились уже другие лозунги. Впору говорить о том, что народная революция «затухла», но дала старт мятежу.

Возникшая вследствие этого политическая нестабильность, ставшая во многом результатом неконституционных мер так называемого нового украинского руководства и разгула радикальных движений, начала распространяться по территории этой страны, особенно остро проявившись в ее южных и юго-восточных районах.

В тех условиях Россию не могла не беспокоить безопасность наших соотечественников, проживающих на Украине. Поэтому мы были вынуждены принять определенные меры, в частности поддержали право граждан Крыма самим определить свою судьбу. Итоги проведенного там референдума со всей ясностью показали, что подавляющее большинство жителей полуострова высказались в пользу вхождения в состав Российской Федерации.

В связи с этим были предприняты правомерные законодательные шаги по принятию в состав России двух новых субъектов Федерации: города Севастополь и Республики Крым. При этом здесь будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский. И это также отражает понимание нами важности межцивилизационного согласия с учетом богатого национального, культурного и религиозного разнообразия полуострова.

Мы не против интеграционных процессов в разнообразных форматах. Они востребованы самой глобализацией, историческим ходом событий. Но мы за то, чтобы такое развитие носило постепенный, равноправный и недискриминационный характер. Для нас приоритетное значение имеет евразийская интеграция с последующим ее сопряжением с европейским интеграционным процессом в целях выхода в перспективе на создание общего экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока, в рамках которого обеспечивалось бы свободное передвижение людей, обмен товаров и услуг. Мы идем к этой цели постепенно, прежде всего через укрепление экономического фундамента, развитие на евразийском пространстве крупного интеграционного проекта — Евразийского экономического союза.

Говоря о конкуренции между цивилизациями и культурами, в последнее время все чаще обращают внимание на некоторые не всегда адекватные действия сторонников ультралиберальных подходов. Они проповедуют вседозволенность, требуют пересмотра усто-

явшихся моральных, этических и нравственных норм и ценностей, являющихся общими для всех мировых культур, религий и цивилизаций.

Беспокойство вызывает стремление одних участников процесса такой «цивилизационной конкуренции» перенести свои небесспорные установки в среду людей, их отвергающих, распространить их на подрастающее поколение. Подобные действия ущербны для общества и весьма неблагоприятны для воспитания молодежи. Нам сложно принять такие подходы.

Проводимая нами линия встречает все больше сторонников, видящих в России моральный ориентир, своего рода маяк, указывающий путь к добру и справедливости. Президент России В. В. Путин в связи с этим подчеркнул, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира».

Необходимость поиска достойных ответов на вызовы глобализации как явления, связавшего всех участников мировой политики в единую систему международного взаимодействия, становится императивом для современного периода межгосударственных отношений. Этому способствует, в частности, одновременное развитие не только классической, но и парламентской, общественной, экономической, культурной дипломатии.

Россия с ее великой историей и культурными традициями, с многовековым опытом этнической и религиозной толерантности в рамках единого государства не может оставаться в стороне от активно ведущегося на международной арене дискурса по диалоговой проблематике, касающейся межкультурного, межцивилизационного и межрелигиозного взаимодействия.

Так, в начале июля 2014 года в Санкт-Петербурге в ходе работы Форума «Азия–Европа» пройдет Конференция высокого уровня по межрелигиозному и межкультурному диалогу. Российская делегация намерена также принять деятельное участие в работе очередной конференции Совета Европы (СЕ) по религиозному измерению межкультурного диалога, которая, являясь центральным событием года в деятельности СЕ на этом направлении, состоится в сентябре 2014 года в Баку.

Тематика межрелигиозного диалога востребована и на площадке ООН. Делегации нашей страны участвуют в проводимых в рамках этой всемирной организации министерских встречах по межрелигиозному диалогу и сотрудничеству на благо мира, Трехстороннем форуме по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира.

Не хотели бы мы отказываться и от активно продвигавшейся ранее инициативы создания консультативного совета религий под эгидой ООН. Подобная структура могла бы взять на себя обеспечение постоянного взаимодействия ООН с иерархами мировых рели-

гий, включая проведение консультаций по вопросам, имеющим «вероисповедный и ценностный компонент». В сферу компетенции совета входила бы консультативная и экспертная работа по миротворчеству, проблемам глобализации, продвижению межрелигиозного диалога, борьбе с нетерпимостью и ксенофобией, защите мест религиозного поклонения и святынь, вопросам сохранения национальных и культурных традиций.

В связи с этим нельзя не отметить и усилия гражданского общества по достижению межрелигиозного и межцивилизационного согласия, предпринимаемые, в частности, по линии крупной международной НПО, действующей в этой области, — Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», на регулярной основе проводящего на греческом острове Родос свои ежегодные сессии. Отрадно, что ощутимую роль

в этой неправительственной структуре играет российская сторона.

В заключение хотел бы поделиться одной мыслью, которая, должно быть, часто посещает людей, занимающихся непосредственно практическими аспектами международных отношений, и не только в России. Думается о том, что же все-таки нужно сделать, чтобы ситуация в мире не становилась острее год от года, чтобы гармония и доброта царили среди людей и стран. Задавая такие вопросы, вспоминаются «девять заповедей гуманизма», сформулированные Д. С. Лихачевым и перекликающиеся с десятью христианскими заповедями. Безусловно, важно шире продвигать наследие Дмитрия Сергеевича, знакомить с ним людей из разных стран, пытаться достучаться до их сердец через его труды. Может быть, тогда человечество станет добрее и гуманнее.

М. К. Горшков¹

КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Реальная жизнь социума располагает огромным духовно-ценностным потенциалом культуры, который реализуется не сам по себе, а благодаря системе ее социального воспроизводства. В современных условиях эта система представляет собой массовое, основанное на новейших информационных технологиях производство символической продукции². В сущности, речь идет о культурной индустрии, которая подчиняется не столько имманентным законам развития культуры, сколько диктату рынка, где не только «спрос рождает предложение, но и предложение рождает спрос». То есть не сама культура как поле реализации человеческих сущностных сил, а система ее социального воспроизводства становится рычагом манипуляции массовым сознанием, средством осуществления геополитических интересов — по крайней мере, камуфлирующим дизайном старой как мир политико-экономической экспансии.

Поэтому ставку на культуру все в большей степени делает не только современная экономика, основой которой становится развитие творческих индустрий, но и политика. Ведь культура закладывает в челове-

ке ценностно-смысловую парадигму постижения мира, осознания своего места в нем и тем самым становится способом преобразования действительности. Поэтому она представляет собой мощный ресурс социального развития. «Именно культура, а не политика, — считает Д. П. Мойнихэн, — определяет успех того или иного общества»³.

Сама природа культуры диалогична, поэтому культурные различия изначально не могут быть источником конфликта — только инструментом в руках тех, кто его затевает в своих интересах и отношении к культуре не имеет. Конечно же, диалог — форма внутреннего саморазвития культуры. Например, в российской культуре — да и в любой другой — этот диалог никогда и не прекращался: между традицией и новаторством, поэтом и издателем, западниками и славянофилами, интеллигенцией и властью, между национальными языками, культурами. Более того, этот диалог был не только фактором самоосознания российской культуры, но и внутренним механизмом ее саморазвития.

Внешний диалог в процессе взаимодействия культур — такой же естественный и продуктивный механизм развития любой культуры, укрепляющий ее целостность. Диалог культур представляет собой «технологию» гораздо более глубинной тенденции — возрастания целостности человечества, несмотря на различия культур, систем ценностей и стилей жизни. Этот «закон всемирного взаимоотяготения» может в полной мере заработать благодаря механизмам глобализации и новейшим информационным технологиям, если они будут подчинены цели очеловечивания мира, а не обслуживанию интересов «золотого миллиарда».

О чем, в сущности, идет речь? А о том, что между культурами, безусловно, могут быть и есть различия. Но между ними не может и не должно быть конфликтов.

¹ Директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук. Автор более 300 научных трудов, в т. ч.: монографий «Общественное мнение: история и современность», «Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002», «Молодежь России: социологический портрет» (в соавт.), «Непрерывное образование в контексте модернизации» (в соавт.), «Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)», «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества»; учебного пособия «Прикладная социология: методология и методы» (в соавт.) и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член Коллегии Министерства регионального развития РФ, член Союза писателей России, член Международной социологической ассоциации, Член Европейской социологической ассоциации. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

² Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–62.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. С. 11.

Разные культуры не иерархизированы, как экономики по уровню ВВП, чтобы соревноваться друг с другом, а одинаково ценны для человечества, как бы ни отличались друг от друга своими «заслугами» и особенностями. Однако их качественное своеобразие исключает аннигиляцию и предполагает взаимообогащающий синтез. Поэтому понятие «конфликт» к взаимодействию культур если и применимо, то только как обозначение способа обновления культуры. Подобная способность к обновлению делает культуру по определению бесконфликтной, если речь идет о расширении — и даже заимствовании! — способов и практик утверждения человеческого в человеке и в окружающей его действительности. Природа культуры такова, что чем более отличны культуры друг от друга, тем более они интересны друг другу. Форма их отношений — взаимообогащающее взаимодействие. Поэтому широко используемое понятие «толерантность» скорее применимо к физическим объектам или системам принуждения и подчинения, но отнюдь не к культурам, которые самой природой своей призваны не просто «терпеть» друг друга, а продуктивно реагировать, даже если друг друга отторгают. Таким образом, культурное пространство не конфликтно. Конфликтуют не культура с культурой, а культура с невежеством, лишенным миссии очеловечивания мира.

Агрессия против другой культуры рождается не в каморке поэта или студии художника, а в кабинетах «сильных мира сего». Поэтому сводить к «конфликту культур» кровавые конфликты от Косово до Киева означает или политическую наивность, или пропагандистский камуфляж вполне прозаических и не имеющих отношения к культуре интересов, когда культура становится разменной монетой в геополитической игре и превращается из способа гуманизации действительности в утилитарное средство создания «условий, необходимых для процветания наших интересов и ценностей», как заявлено в «Национальной стратегии для нового столетия», принятой США в 1997 году.

В геополитических конфликтах культуры используются как знамена и символы. Не случайно бывший американский военачальник А. Хейг в начале 1990-х годов произнес знаменательную фразу: «Россия проиграла войну символов». Две супердержавы воевали — или противостояли, как хотите, — не только в корейском небе, в горах Афганистана и в глубинах Мирового океана, но и на киноэкране, в музыкальном эфире, на арт-выставках и печатных страницах, потому что любые символы — слова и краски, звуки музыки и архитектурные формы — несут не только эстетическую, но и огромную ценностно-смысловую нагрузку.

В условиях глобализации подобное противостояние только усилилось благодаря все более напористому и последовательному проведению в жизнь геополитических интересов Запада. Инструментом обеспечения этих интересов стала универсализация западной культурно-ценностной парадигмы в качестве обязательного «художественного сопровождения» глобализации. Поэтому в 1990-е годы многие политические деятели и интеллектуалы в нашей стране и на Западе ожидали, что Россия, как и другие страны, без особых проблем встроится в рамки утвердившейся либерально-демо-

кратической модели и, как выразился в связи с этим Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы»¹.

Однако диалог с российской, как и с другими культурами мира, превратился в североатлантический монолог, что подтверждается транснациональным доминированием Запада в культурно-информационной сфере (телевидение, кино, Интернет)². В информационное поле Запада русская культура как духовная целостность и как один из уникальных способов постижения человеческого мира не допускается. Продолжают действовать те же механизмы, которые не допускали ранее и не допускают поныне обнародования российской версии политических событий. Но если такого рода «диалог» направлен не на обмен ценностями, а на «обращение в свою веру» населения другой страны, носителей другой культуры, то это не диалог, а, по выражению В. Распутина, «культурная интервенция», рассчитанная на сбой в генотипе отечественной культуры.

Наверное, такая формулировка возмутит тех оппонентов, которые считают, может быть даже вполне искренне, что «наша задача, — как полагает С. Линдсей, — отнюдь не в том, чтобы изменить саму культуру. Цель в том, чтобы создать условия, способствующие формированию “конкурентных” компаний, ибо они выступают главными двигателями экономического роста и, в конечном счете, социального прогресса»³. Однако есть «эксперты», которые считают, что на пути создания таких компаний встает... национальная специфика российской культуры как главный тормоз либеральных социально-экономических преобразований, а неспешный ход модернизации российского общества объясняют «культурной блокировкой» (А. Аузан).

Доказательство несостоятельности такого рода положений не входит в круг обсуждаемых на данной конференции тем, да и вообще вряд ли требуется. Конкурентоспособность компаний, социальных институтов, типов личности зависит не только и не столько от степени лабильности (изменчивости), но и от внутренней стабильности национального культурно-ценностного кода, который лежит в основе любой цивилизации. Поэтому подлинные конкурентные преимущества цивилизации дает ее специфика, которую давно сформулировал Л. Вовенарг: «Чтобы сравняться с другими, надо быть самим собой».

Больше всего следовало бы обсуждать, в том числе и в ходе наших дискуссий, как выявить эти преимущества, как превратить нашу культурную специфику в фактор ускорения российской модернизации. Только в диалоге с другими культура осознает себя и находит способы самообновления, обеспечивающие социокультурное ускорение модернизации. Но в том-то и проблема, что ни диалога, ни взаимообогащения культур

¹ Тиммерман Х. Европа и ее восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 106.

² В России это особенно проявилось в 1990-е годы, когда из 100 с небольшим самых тиражных авторов только около 10 % имели отношение к России (причем любой — царской, советской или новой), количество голливудских кинолент в российском прокате доходило до 90 с лишним процентов, а все популярные ток-шоу на отечественных каналах были, по сути, кальками западных.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. С. 8.

не происходит. Вместо этого — социальная поляризация, раздвоение культуры на «рублевую» и «рублевскую», вслед за тем — партикуляция и последующий разрыв целостности социокультурного пространства страны, который, как показали события на Украине, после определенной бифуркационной точки становится необратимым и может привести к ее распаду. Это вполне соответствует определенным геополитическим интересам, которые к культуре никакого отношения не имеют. Культуры призваны не воевать, а взаимодействовать, обогащая друг друга и повышая свой созидательный потенциал.

Современная же реальность такова: культурно-информационная экспансия — агрессивная и зачастую во многом успешная — стремится доказать преимущества привносимых в «традиционные общества» ценностей либерализма и демократии. На самом деле она чем более агрессивна, тем в большей степени проявляет глубокий внутренний кризис культурного бытия западного человека. Это конвульсивная и саморазрушительная агония культуры, которая вместо Бога водрузила в центр человеческого мира золотого тельца, подменила ценность человека его ценой, сделала его не целью развития, а средством, сместила смысл жизни с духовного на материальный и даже телесный уровень человеческого существа, а свободу совести превратила в свободу от совести.

Подобные исторически чуждые нам «ценности» внедряются в массовое сознание народов России, разрушая культурные основы российской цивилизации, фундамент духовного мира личности. В нашей духовной традиции человек жил во имя человека, своего Отечества, а «я» органично сочеталось с «мы». В подтверждение этого М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Нет опасней человека... который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

Такого рода фундаментальные константы лежат в основе каждой цивилизации и составляют генотип национальной культуры как их ценностное ядро. Для россиян этими константами являются добро как нравственный императив, правда как единственная истина, красота как внутренняя установка при восприятии мира.

Подобная нравственная парадигма — отнюдь не национальная прерогатива, она имеет общечеловеческий характер и составляет основу для диалога культур во времени и пространстве. Еще Платон говорил: «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное». Но этой великой — для всех времен и народов! — истине противоречит сама природа такого общественного уклада, где «человек человеку — волк» и где нравственно оправдан любой способ достижения собственного благополучия. Развитие такого уклада ведет к крайнему индивидуализму, а «между соборной личностью и индивидом духовная пропасть, через которую нет моста»¹. Если мы будем не способны преодолеть эту пропасть на основе диалога культур, человечество ждет катастрофа.

Однако не все в реальной жизни подчинено повороту влево или вправо «вашингтонского рубильника». В условиях глобализации интенсивный диалог культур не только «обнажил существенные различия в картинах мира, менталитете отдельных народов, ценностях, целях и других аспектах социального и культурного бытия», как отмечается в программе нашей конференции. Он привел к всплеску самосознания каждой культуры, стимулировал процесс их национального и цивилизационного самоопределения. В этих условиях еще более явственно «заработал» закон самосохранения культуры, кристаллизации ее качественной специфики в меняющемся мире. А способом проявления данного закона стало не только повышение внутренней творческой отдачи каждой национальной культуры, повышение значимости традиционных форм культурной жизни, но также их обновление — тем более интенсивное, чем стремительнее меняются условия человеческого бытия и чем более соприкасаются и взаимодействуют различные культуры.

Надо констатировать, что события последней четверти XX века способствовали росту самосознания российской культуры, усилению «способности русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой...»². Одна из удивительных особенностей отечественной культуры — «восприимчивость и понимание своего и чужого как своего»³ — вовсе не означает отказа от национального своеобразия и утрату социокультурной идентичности. Какими бы противоречивыми и болезненными ни были «дрейф ценностей и трансформация культурного поля» в стране, системообразующая основа сохраняется, хотя формы организации социально-экономической, политической и социокультурной жизни эволюционируют в сторону «модернизированной демократии». Другой вопрос, что темпы такой вялотекущей, подспудной модернизации не соответствуют запросам времени. Но при оценке целесообразности путей модернизирования России следует определиться с ответом на вопрос: модернизация для России или Россия для модернизации? Второстепенный придаток в международном разделении труда, обеспечивающий бесперебойный и безропотный трансфер углеводородов и миллиардных прибылей в «метрополию», или полноценный участник мирового цивилизационного процесса, обеспечивающий материальное и духовное благосостояние народа прежде всего за счет своего человеческого и духовного потенциала? В сущности, это две разные России, две разные культуры...

В новом историческом контексте второго десятилетия XXI века культурно-историческая самобытность России воспринимается уже не как «недоразумение» или «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. В настоящее время почти половина наших сограждан (47 %), безусловно, согласны с тезисом о том, что России подходят не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Тех же, кто это утверждение отвергает, оказалось в целом почти

¹ Кара-Мурза С. Г. Покушение на Россию. М.: Русский Дом, 2003. С. 10.

² Лихачев Д. С. Русское искусство: от древности до авангарда. СПб.: Искусство-СПб., 2009. С. 19.

³ Там же. С. 20.

в два раза меньше — четверть опрошенных. Правда, преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа — примерно с 30 лет, в младших же возрастных когортах они количественно уступают «западникам»: например, среди самых молодых соответствующее соотношение составляет 31 % против 41 %. В то же время почти треть (28 %) пока не может четко определиться по этому вопросу.

Представление о реальной динамике ценностей дает автопортрет современного россиянина, «написанный» самими респондентами в ответах на вопрос, как изменились люди и их отношения за последние 15–20 лет. Около 80 % опрошенных указывают на рост агрессивности; почти 3/4 — на падение уважения к старшим; более 70 % обращают внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, эрозию альтруистической мотивации; 67 % — на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность; 68 % — на рост цинизма. Ныне россияне, по их собственному признанию, стали менее патриотичными (64 %), менее честными (70 %), менее верными принципам товарищества (47 %). Свыше 37 % наших сограждан отмечают ослабление ответственности россиян перед семьей. Даже такие качества, которые должны были, казалось бы, только усилиться в условиях демократии (трудолюбие, способность к сотрудничеству, ум, образованность), в самооценках респондентов тоже снизились. Только усиление активности, целеустремленности, инициативности отметило относительное большинство — 41 % опрошенных, но при этом 34 % указали на ослабление данных качеств.

На первый взгляд это можно оценить не только как приговор времени и новым социальным реалиям, но и как признание смены традиционного для России гуманистического, солидаристского вектора духовно-культурного развития. Но нельзя забывать о том, что негативные оценки говорят не столько о реальном положении дел, сколько о той нравственной «планке», с высоты которой даются такого рода оценки. Фактически это свидетельствует о приверженности большинства респондентов той традиционной культурной парадигме, с позиций которой и оценивались изменения в нравственности. Для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. А обеспокоенность (каждый третий опрошенный) состоянием морально-нравственного климата в обществе — признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость. Более того, сегодня значимость и актуальность большинства традиционных моральных норм заметно выше, чем в начале века, и тем более — по сравнению с 1990-ми. Тогда многие россияне отказались от лишнего «морального бремени», а игнорирование традиционных моральных предписаний стало даже экономически и социально выгодным, а в обществе из всех человеческих способностей больше всего стала цениться только одна — покупательская. Тогда же проявилось сравнительно новое для России явление

— нравственный релятивизм или мультиморальность, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей придерживаться их собственных моральных принципов.

Конечно же, за последние 15 лет в сознании россиян произошел весьма ощутимый сдвиг в сторону характерных для мировоззрения модерна норм. Сильнее стали убеждения, что человек должен иметь право отстаивать свои взгляды, даже если большинство придерживается иного мнения (лишь 9 % с этим не согласны), что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (доля несогласных — 18 %) и что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (доля несогласных — 15 %). Весьма заметно сократилась доля сторонников всевластия государства, легитимности его права влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Применительно к молодежи до 25 лет можно говорить о максимальной распространенности модернистских воззрений, в то время как в более старших возрастных когортах доминируют характерные для традиционалистского сознания внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т. д.

Однако процесс этот крайне противоречив, непоследователен и даже хаотичен. Он зависит от ряда факторов, как ситуативных, так и сущностных, вытекающих из особенностей российской цивилизации. В настоящее время россияне характеризуются крайней неоднородностью по типу мышления, нормам, установкам и ценностям. Это проявляется в несовпадении — иногда вопиющем — отношения к достигнутым ценностям, к ориентации на эффективность, инициативу, конкурентность, к индивидуалистическим установкам, к мотивации успеха и т. д. Ценностный разрыв даже среди представителей одной социальной группы достигает такой степени, что можно говорить о хаотичном состоянии нравственного сознания россиян. Но социологическая наука свидетельствует, что базовые ценности россиян обнаруживают удивительную стабильность. В 1989 году главной целью подавляющего большинства опрошенных было сделать счастливым любимого человека, опросы последних лет показывают, что главным для большинства наших сограждан является забота о своей семье, что подавляющее количество людей хотели бы жить в обществе, где государство гарантирует социальный мир, справедливость и безопасность каждому. Так что провести над нашей российской цивилизацией опыт духовно-нравственной «генной инженерии» не так-то просто. Мы не можем жить поодиночке — мы, тысячелетиями выживавшие благодаря общности, ощущавшие в локте друга свою защищенность и значимость. Война всех против всех для России неестественна, наша страна выжила благодаря братству и доброте, духовности и любви — несмотря на вопиющие отступления от этих принципов. Россияне никогда не смиряются с тем, что прав только сильный, достоин уважения только достигший высокого поста, счастлив только богатый...

Опыт сближения с Западом на основе диалога культур оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, —

преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений периода становления демократии. К концу 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства. Социологическая диагностика эмоциональных реакций наших респондентов на различные понятия показывает, что в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В связи с этим прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия «Россия», а также тесно связанного с ним понятия «русский». То, что эти понятия воспринимаются россиянами с большей теплотой, чем, допустим, «Америка», «Европа», «Евросоюз» или «Азия», может показаться вполне естественным. Но еще в 2000 году слово «Россия» вызывало у россиян положительный эмоциональный отклик чаще, чем у немцев слово «Германия» (у 94 и 85 % респондентов соответственно). По сравнению с 2000 годом снижается частота положительных откликов на слово «Европа». И хотя у молодежи к началу XXI века она достигла 90 % и практически вплотную приблизилась к результатам, которые дало «измерение» эмоциональных ассоциаций с понятием «Россия», результаты исследования показывают, что именно молодежь негативнее всего реагирует на все, что связано с концептом глобализации.

В свете диалога и конфликта культур обращает на себя внимание неблагоприятный баланс эмоциональных реакций наших сограждан на понятие «Запад». Это слово позитивно воспринимают менее половины опрошенных, а негативно — чуть более половины. Перепад между этими двумя цифрами невелик, но он носит устойчивый характер. Демонстрирует поляризацию взглядов нормативно-ценностная система россиян и в экономической плоскости — к рынку тяготеют 42 % россиян, к плановому хозяйству — 53 %. Однако наиболее устойчиво тяготение россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По мнению большинства, под контролем государства, а не бизнеса должны находиться все стратегические отрасли экономики, социальная сфера, призванная обеспечивать здоровье и благополучие нации. Существенно отличается от западного отношение россиян к частному предпринимательству и вообще к деньгам. Достаточно привести не вполне социологическое, но удивительно точное свидетельство Марины Цветаевой: «Сознание несправедливости денег в русской душе неистребимо». Возможно, поэтому нынешняя толерантность по отношению к малому и среднему бизнесу сочетается у россиян с полным неприятием крупного бизнеса, которому нет места в доминирующей нормативной модели экономического развития. В парадигме российской культуры только государство является реальным «хозяином» всего национального богатства.

Камнем преткновения в отношениях Запада и России стала социальная справедливость, которая за века

угнетения превратилась у нас из принципа организации общественной жизни в основополагающую ценность общественного бытия — тем более значимую, чем менее соответствует ей реальность. Наиболее остро россиянами воспринимается неравенство доходов. Поэтому доминирующей социальной установкой в российском самосознании является мнение о том, что человек должен иметь только те доходы, которые заработаны честным трудом, — так считает 71 % россиян. В полтора раза — с 44 до 60 % — увеличилось за последние 15 лет число тех, кто считает государство обязанным отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельного человека. При этом понимание свободы у россиян не совпадает с характерным для обществ модерна толкованием: для 60 % россиян (в 1993 г. — для 67 %) свобода — это возможность быть самому себе хозяином («воля») и лишь для 40 % — набор определенных политических прав и свобод.

Отражает ли подобное соотношение незавершенность процессов социокультурной модернизации в российском обществе или ее принципиальную незавершенность, покажет время. Общество с приоритетом индивидуальной свободы (то есть американскую модель развития общества) предпочитают в настоящее время 33 % россиян, в то время как в обществе социального равенства хотели бы жить две трети всего населения России. Интересно, что для большинства наших сограждан свобода все годы реформ была важнее, чем материальное благополучие. Однако за последние 15 лет вполне прозаические ориентации населения выросли фактически в 1,5 раза — в ущерб ценности свободы. А ведь это — лакмусовая бумажка демократических настроений.

Конечно, система жизненных ценностей значительно различается в разных по возрасту и уровню благосостояния группах. И тем не менее во всех группах существует общий каркас основных ценностей, который не только выполняет интегрирующую роль в обществе, но и позволяет говорить о том, что ценностная система россиян весьма устойчива и далека, например, от идеала «американской мечты».

В целом ни о каком «победном» шествии ценностей индивидуализма в российском обществе говорить пока не приходится, хотя отношение к индивидуализму у россиян весьма толерантное, и понятие «индивидуализм» вызывает положительные ассоциации у 61 % из них. Вступление в жизнь новых поколений усиливает эту тенденцию, но за последние 10 лет государственный интерес как главенствующий в нынешних условиях отмечают почти в два раза больше респондентов. Подобные подвижки дают основания для гипотезы о смещении центра тяжести нравственного сознания россиян в сторону неиндивидуалистических ценностей. Государство и те общности, к которым принадлежат опрашиваемые, осознаются ими как гаранты их собственной безопасности. Традиционалистская модель очень устойчива, и легитимность интересов отдельной личности весьма проблематична, а ведь именно из нее вытекает лежащая в основе современных демократий идея прав человека.

Все это разочаровывает тех, кто пытается представить российскую культуру консервативной и поэтому «сжигающей» перед собой мосты в будущее. В России же консерватизм — это, как писал Н. Бердяев, «борьба вечности со временем, сопротивление нетленности гниению».

Противоречие между традицией и модернизацией существует по определению. В России остроту этого противоречия усиливает фундированность — историческая, культурная, психологическая — традиция, которая делает возможной только системную модернизацию, охватывающую все сферы и аспекты общественной жизни. А главное — она должна носить социокультурный характер, учитывающий специфику ценностной основы российского общества. Но традиция оживает не тогда, когда консервируется, а когда умножается и развивается. Обновление духовно-культурной парадигмы, в рамках которой жили многие поколения россиян, возможно лишь путем продуктивного диалога с другими культурами — в том числе с западной. Варианты «замещения» культуры, «не подходящей» для модернизации или «трансплантации» новой культуры в российскую действительность, обречены. Это показала попытка унификации культур в рамках процедуры глобализации, которая привела к обратному — укреплению традиции в национальных культурах.

Вряд ли продуктивной формой развития культурного взаимодействия будет и модный на Западе «мультикультурализм». Такая механическая мозаика разных культур, склеенная толерантностью, оказалась несостоятельной даже на Западе отнюдь не из-за несовершенства практики его реализации. В основании этого лежит методологическая несостоятельность, непонимание сущности культуры, в том числе национальной. Разные культуры не могут сосуществовать, не соприкасаясь, наподобие независимых индивидов в обществе, как это видится в рамках либеральной социальной парадигмы. Культуры не могут не взаимодействовать в ценностно-смысловой плоскости и не «разговаривать» между собой на «своем» языке, то есть не общаться путем диалога. В фазу конфликта такой диалог переводится благодаря социальным, экономическим, политическим деструкциям, которые превращают этот диалог в монолог, а культура используется как средство для достижения «внекультурных» целей — геополитических, политических, экономических.

После распада СССР главным объектом деструктивного влияния Запада стала общенациональная идентичность России, которая является универсальным показателем состояния общества и к кризису которой привел цивилизационный сбой в 1990-е годы. Квинт-эссенция этой идентичности — национальная идея — обозначает общесоциальный вектор развития страны от прошлого к будущему. Трансформации идентичности российского общества определяют способность страны отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию; определяют перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, харак-

тер механизмов представительства интересов и политического участия, а в конечном счете — социальный климат общества. На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личном же — утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самоотдавленности, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации и раствориться в ней. В противном случае человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность, как «для всякого плода нужна своя почва, свой климат, свое воспитание» (Ф. М. Достоевский).

Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что формирование российской идентичности осуществляется в сложном, противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системе координат и деформировавшемуся образу «мы», встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества. Немалое влияние на становление российской идентичности оказали конфликт и конвергенция культур.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, когда ни одна из них не ущемляется и не вводится в стандартизованные культурные и цивилизационные рамки, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации высказывались неоднократно, в том числе Президентом РФ В. В. Путиным¹.

¹ См., например: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 7 (5493). 23 янв.; Абдулатипов Р. Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Науч. книга, 2005; Авксентьев В. А. Социокультурная идентичность в XXI веке: выбор российской перспективы // Проблема субъектов российского развития: материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», 16–19 октября 2006 г., Звенигород / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006; Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Рос. полит. энцикл., 2013; Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003; Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послел. и коммент. С. А. Вайгачев. М.: Книга-Сервис, 1991; Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: в 2 т. М.: МП «Рапрог», 1992. Т. 1; Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003; и др.

Учитывая многоаспектность подхода к интерпретации современной идентичности россиян, можно утверждать, что она представляет собой «сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменению в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹.

Сегодня внимательный наблюдатель без особого труда заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество фактически утратило психологическую потребность в том, можно сказать, «надрывном» антизападничестве, которая имела место в прежние годы. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в преодолении Россией накопившихся социально-экономических проблем. Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. А вот довольно много россиян убеждены в совершенно обратном: около половины из них полагают, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 убеждены в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами.

Что же касается факторов, сдерживающих взаимное сближение, то среди основных из них россияне называют следующие: стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастающие угрозы со стороны НАТО. Отмечаются и нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

В начале 2000-х годов количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» — в соотношении 42 на 30 %. К настоящему периоду картина заметно изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50 %, в то время как доля «еврооптимистов» упала до 30 % россиян. Без сомнения, вмешательство Евросоюза и США в собы-

тия, происходящие на Украине, эту тенденцию только усиливает. Если до этого какая-то часть российского общества еще сомневалась в характере политического отношения европейского сообщества к постсоветской России, к росту ее международного авторитета и влияния на мировую политику, то теперь для подавляющего большинства россиян «маски сброшены».

При этом важно отметить, что события на Украине, как и любая другая «цветная революция», основаны на социокультурных технологиях и только подтверждают гипотезу об экспансии ценностей как скрытой доктрине глобализма. Суть ее составляет разрушение культурного кода или генотипа культуры как способ лишения ее возможности консолидироваться и мобилизовать внутренние ресурсы для ответа на новые вызовы XXI века. Такая стратегия «перформативной» культуры и деструкции ее исторических основ направлена на лишение социальной общности конкурентных преимуществ. Она направлена на утилизацию национальных культур и провоцирование конфликтов между ними, унификации мира по американскому лекалу и не имеет ничего общего с демократией.

Эти события ставят вопрос об альтернативе нынешней глобализации, направленной на использование уникального богатства национальных культур и стилей жизни, утверждение единства человеческого рода как «цветущей сложности» (К. Леонтьев).

Многонациональный российский народ заинтересован в успешной модернизации российского общества, которая имеет судьбоносное значение для выживания страны в современном мире. Ведь речь идет о формировании конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан — и материального, и духовного. Но современная российская модернизация должна иметь не только системный характер, подразумевающий качественное обновление всех сфер общества, всех уровней организации государственной и общественной жизни. Она состоится, если сохранит внутреннюю природу того, что называется Россией, то есть национально-культурную традицию. Как отмечал Д. С. Лихачев: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей...»²

Фактически Россия превратилась сегодня для человечества в показательную площадку решения этой проблемы, где столкнулись прошлое с будущим, коллективистская система — с индивидуалистической моралью и где идут поиски продуктивного выхода в соответствии с российским видением мира и нашим национальным характером. Что при этом будет доминировать: острый конфликт, ожесточенная борьба культур или диалог социокультурных воззрений? От этого в определяющей степени и будет зависеть, каким на ближайшие десятилетия окажется вектор развития духовного облика человеческой цивилизации.

¹ Дробизева Л. М. Процессы гражданской интеграции в политическом российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 31.

А. А. Громыко¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Историки и политологи, философы и экономисты призваны не только понимать корни современных процессов, в том числе глобализации и глобального управления, но и дать политическим элитам легко усваиваемые советы и рекомендации к действию. Ценности опыта предыдущих поколений не могут быть забыты или превратно истолкованы.

История XXI века не должна стать жертвой безразличия к жизни и судьбе людей труда, как физического, так и интеллектуального. Промышленное производство и финансовые рынки не заменяют мораль и этику, цивилизации и религию. Экономические подходы могут работать только вместе с подходами духовными. Говорят, что это сделать трудно. Да, конечно, трудно, но необходимо.

Активная научная и гражданская позиция многих российских ученых проявляется, например, в их подходе к глобализации и глобальному управлению. Налицо стремление найти ответ на основные вызовы времени, объяснить настоящее и будущее международных отношений, к чему пришло и что ждет человечество. Предстоит ему быть всего лишь мигмом во времени, или люди смогут задержаться в нем надолго.

Выдающийся русский ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев, труды которого мы все еще знаем недостаточно, оценивал глобализацию как процесс взаимодействия культур в мировом масштабе. Лихачев видит в культуре основу основ для установления в международных отношениях нравственного стержня. Стремление познать историю России через ее культуру закономерно. Вызовы времени в масштабе одной страны, одной цивилизации, единственного человечества без такого подхода не понять².

Д. С. Лихачев мыслил себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, совестливости и возрождения понятия чести. Он призывал людей отказаться от веры в легковесные планы экономического и государственного спасения, самим строить свою политику, опираясь на реальные факты и традиции. «И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, — писал он, — мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью

о прошлом». Эти мысли имеют значение для отношения россиян к историческому наследию Второй мировой войны.

Разве в окружающем нас мире есть, да и вообще возможно появление идеального общества людей и созданных ими безупречных государств? Сами люди, в том числе и те из них, кто становятся лидерами, не безгрешны. Это очевидно для всех. Также очевидно и то, что Историю делают не только обстоятельства, но и исторические личности. Они действуют в духе времени, стремятся осмыслить опыт предков, не потерять историческую память.

Мировое сообщество, конечно, не стоит на месте, оно быстро меняется. При этом прослеживается истина — те, кто властвуют, имеют не только достижения, но и совершают ошибки, в том числе исторические. Очевидцам ликвидации Советского Союза эта истина более или менее понятна. Непонятно другое — есть ли у людей возможность существенно влиять на движение локомотива Истории, направлять его по пути цивилизационного мирного развития, а не дорогой беспрерывных силовых конфликтов, когда люди уничтожают друг друга в больших количествах.

Если такая возможность есть, она предполагает наличие в международных отношениях устойчивых правил поведения, их называют словом «принципы». Принципы — те же правила поведения, но только они не меняются по прихоти власти и обслуживающих ее политологов. Принципы международного права не меняются в угоду требованиям момента и интересам групп людей и отдельных личностей. Они, образно выражаясь, его «живая вода», не дают конструктивной дипломатии зачахнуть и выродиться. И тогда становится возможным иметь в международной жизни прочную колею. Международная мораль укрепляет дипломатию согласия с ее созидательным потенциалом, последний эффективен, когда опирается на принципы Устава ООН и всего международного права.

После Второй мировой войны военная сила стала в первую очередь средством обороны. В мировых делах, несмотря на холодную войну и локальные конфликты, развивались многостороннее сотрудничество и позитивная дипломатия, и основной площадкой стала ООН. На ее Устав смотрели как на инструмент мира и безопасности. Большую роль при этом играли историческая память и верность целям, за которые сражались и умирали солдаты и офицеры-союзники.

Сегодня возникает новая реальность — военная сила и дипломатия «принуждения к миру» стали средством вмешательства во внутренние дела суверенных государств — членов ООН. Дело дошло до расправ без суда и следствия с руководителями стран, которые осмелились действовать вопреки подававшимся им сигналам, командам и окрикам.

У политической верхушки ряда стран произошло крушение морали. По существу, утвердилась

¹ Профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Автор более 30 книг: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы», «Метаморфозы нашего времени» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук (Мадагаскар), член Европейской академии наук и искусств, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР.

² О значении Д. С. Лихачева как ученого, объяснившего место России в глобальном мире, обстоятельно рассказывает видный российский ученый А. С. Запесоцкий в своей работе «Культурология Дмитрия Лихачева» (СПб., 2012).

средневековая мораль. Войны уже не объявляются, они начинаются ночью, целями становятся не только военные, но и мирные объекты. Сведения о «сопутствующих потерях» скрывают бомбардировки гражданского населения. Такая реальность противоречит принципам и нормам Устава ООН, всему международному праву.

Мало призывать — «давайте улучшим глобальное управление, одолеем мировой кризис и добьемся оптимального социального и экономического прогресса»; легко сказать — «ликвидируем и не допустим новых международных конфликтов». Разве можно верить в национальный суверенитет и геополитическую стабильность любой страны, в том числе России, если не осознать, что мировое сообщество стоит перед вызовом — определить базовые опоры своего выживания, а не подпорки для сохранения равновесия перед тем, как свалиться в пропасть третьей мировой войны.

Мировому сообществу пора перестать верить в бесконечные разговоры о необходимости новых реформ!

Картина награмождения «новых реформ» безрадостна. Не успеют люди приспособиться к последним переменам, как на них накатываются новые, и нет им конца. Пыл «реформаторов» не иссякнет, более того, он набирает силу. Мало кто в этом потоке сомнительных требований и действий задает себе вопрос: «Куда мы несемся?»

Для землян пришло время спросить себя: где та колея, что выведет людей в мир стабильности и процветания? Наступило время, когда человечество должно вспомнить о разумном консерватизме. Сердцевинной такого подхода является бережное отношение к моральным ценностям. Без них глобальное равновесие не удержать, падение неотвратимо.

Для России разумный консерватизм необходим. Слишком многое в ней разрушено из-за желаний в 1990-х годах все менять и ломать.

Напомню слова В. В. Путина из выступления в Государственной Думе с отчетом о деятельности правительства: «Нам нужны новые решительные шаги по бережению и развитию народа. Однако если мы не восстановим традиционное отношение к базовым моральным ценностям, то никакие меры экономической и социальной политики не принесут устойчивого результата»¹.

В международном сообществе благополучие народа напрямую зависит от следования «базовым моральным ценностям». Они являются частью исторической памяти и не должны объявляться «устаревшими» и «ненужными». Такая потеря памяти обойдется дорогой ценой, по существу, будет утеряно право на жизнь.

Можно спорить, насколько вероятно крупномасштабная, тем более ядерная война, но не верить в ее возможность нельзя. И вряд ли процессы глобализации играют здесь решающую роль. Поле для совместных действий государств на мировой арене обширно, но не ясно, какие конфликты в ближайшие десятилетия наберут силу. Скорее всего обострится борьба за воду, питьевую и пригодную для сельского хозяйства, и за

плодородные земли, за сырье и за биологическое выживание в условиях потопа или засухи.

Современная модель глобализма либерального толка долго не просуществует, она переродится в большой беспорядок, чреватый насилием.

Если Россия согласно ст. 7 Конституции — «социальное государство», основным принципом которого является «социальная справедливость», то действовать следует с учетом этого важнейшего фактора. «Мир без войн» — цель Устава ООН, «ценность человеческой личности» и основное право людей на жизнь, без чего все остальные права просто теряют смысл, содействие социальному прогрессу — все это утверждено в Уставе ООН, пронизанном идеями терпимости и жизни при большей свободе.

Возникают три ключевых слова для российской внешней политики — «мир», «справедливость», «свобода». Лучше всего в наши времена эти ценности вписываются в социал-демократическую идеологию, не отягощенную политикой с позиции силы любителей поиграть милитаристскими «мускулами». Если проблему притягательной для внешнего мира внешней и внутренней политики России сводить лишь к экономическим категориям, вроде привлекательности нашей экономики для иностранного капитала, то далеко на этом мы не уедем. Будем и дальше плотно срачиваться с мировой экономикой, а управлять ею скорее всего станут другие политические элиты и страны.

Процессы глобализации многогранны, они не могут управляться лишь экономическими и финансовыми рычагами. Глобальный баланс сил меняется в пользу новых центров влияния на основе продвинутых демократических ценностей и стремления «...построить справедливую демократическую и устойчивую, в идеале — саморегулирующуюся систему международных отношений»².

В концентрированном виде российская внешняя политика опирается на ключевые принципы универсального порядка: защита и продвижение национальных интересов, укрепление геополитических позиций Российского государства, многовекторность и толерантность, открытость и поиск с помощью позитивной дипломатии взаимоприемлемых компромиссов. Внешняя политика России должна быть понятна не только политическим элитам, но и массам. В конце концов составляющие классы и группы миллионы людей тоже делают историю.

Да, конечно, мир сегодня находится в положении многополярности, глобализация и глобальное управление развиваются в этой исторической данности. Сетевое управление мировыми делами из разных центров силы — реальность наших дней, но оно не является незбылемым и нередко, как это было в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, подвергается изменению с помощью военной силы.

Политика с позиции силы не создает условия для глобального управления, оно может развиваться в рамках мирного сотрудничества, а не военных акций. Такие «успехи» недолговечны, «победы» призрачны (и ничего,

¹ Стратегия России // Фонд «Единство во имя России». 2012. № 5. С. 13.

² Выступление замминистра иностранных дел России С. А. Рябкова на VII Конвенте РАМИ // Вестник МГИМО (Университет). 2012. № 5 (26). С. 21.

кроме погружения в хаос (а в нем рождаются войны), силовой вариант «глобального управления» не дает).

На мой взгляд, диалог культур и партнерство цивилизаций затрудняются, когда увлекаются исследованием какой-либо одной, нередко весьма привлекательной темы в ущерб системному анализу. Примером такого подхода является преувеличение влияния на историю «русской географии».

Влияние на стратегическую стабильность, а значит, и безопасность страны или группы стран, географию, конечно, существует. Но возводить ее в абсолют, считать основным фактором истории, в том числе России, нельзя. География — важный, но не определяющий фактор истории. Известный американский ученый Роберт Каплан считает, что история России, в том числе советской, когда в мировых делах заметную роль играла холодная война, определялась «русской географией». Он утверждает, что Россия является «жесткой системой подчиненных народов, как правило, населяющих степи и горную периферию русских лесов и равнин»¹.

Казалось бы, в этом утверждении нет ничего необычного. Россия действительно расположена на обширных равнинах и в густых лесах, у нее есть возвышенности, но до самого Урала нет гор. У США примерно такая же территория, больше равнин и пустынь, чем гор.

Каплан, однако, на чисто географическом подходе не останавливается и в своих рассуждениях окунается в большую политику, отмечает, что от русского центра постоянно откалываются части территории. В середине XIII века это случилось с Киевской Русью, в начале XVIII — с Московией, в начале XX — с царской империей. Это, как он считает, приводит к мысли о том, что, когда в 1991 году был распущен Советский Союз и по существу ликвидирована территория царской империи, в этом нет ничего удивительного. Причиной распада СССР стала «русская география». Такое «географическое» объяснение русской истории ошибочно. Центробежные силы, дробившие Российское государство, были куда конкретнее и «человечнее», чем просто степи, леса и горы. И уж куда более «подчиненными» народами стали в Америке вымиравшие индейцы, в колониальной Индии — индусы, а в Европе — германские и романские племена, долгое время остававшиеся под властью Рима. Под колониализмом столетиями в угнетенном состоянии находились многие азиатские и африканские народы. География нам, если давать оценки влияния на общественное развитие сотен миллионов людей, мало что говорит.

Определенность в понимании процессов общественного развития, в том числе на современном этапе жизни землян, дает совсем другие явления. Одним из них является применение в мировых делах права силы, в первую очередь войны, и противостоящей ей силы права — особенно права международного.

Международная стабильность, перспективы сотрудничества между государствами, образно выражаясь, карабкаются вверх по стене неопределенности. Чем она выше, тем опаснее с нее сорваться. Точками опоры на крутой плоскости мировой политики явля-

ются нормы международного права. Они его инструменты. И даже в условиях усиливающейся конкуренции эти ступеньки к сотрудничеству не должны разрушаться. Без них возможности взаимодействия государств в таких областях, как культура, наука, связь, транспорт, торговля, техническое сотрудничество, становятся призрачными, сходят на нет. Особенно сильно от неопределенности в международных отношениях страдает дипломатия.

Международное право опирается на принципы, стремление политических элит к сотрудничеству, а не на политику двойных стандартов. Если последние во внешней политике государства явление привычное, даже постоянное, то сотрудничество становится невозможным. И никакая взаимозависимость, процессы глобализации не спасают положение, глобальное управление разрушается. В международных отношениях растет напряженность, усиливается опасность войны.

Политика двойных стандартов набирает силу, когда в международных отношениях одни государства считают, что им позволено делать то, что запрещается другим. И они не скрывают этого, более того, ведут себя на мировой арене вызывающе и даже оскорбительно по отношению к другим государствам и даже народам.

Стремление к единоличному лидерству в мировых делах и глобальному управлению на основе двойных стандартов выглядит слишком заманчиво, чтобы от него просто отказаться. Тем более когда североатлантической верхушке мерещится призрак вседозволенности, поощряемый, как она считает, «ослабленностью» России и сверхосторожным поведением в мировых делах Китая. Это, по моему, близорукий взгляд на один из многих международных конфликтов, возникших на южных границах России. На этот раз атлантистами используется кризис на Украине. О чем он говорит?

В первую очередь о том, что атлантисты, а среди них сегодня первую скрипку исполняют люди, у которых отшибло историческую память, забыли, с кем и за что сражались во Второй мировой войне их отцы и деды. И это лишило Запад всяких моральных тормозов. Налицо поддержка государственного переворота в Киеве. Стремление людей к социальному благополучию было использовано для устранения законно избранной власти.

Все разговоры о том, что на Украине «произошла революция», являются необоснованными. Революции, между прочим, меняют социальные и политические основы общества, а на Украине они остались старыми. Изменения произошли в самую худшую сторону, во власть проникли нацисты, антисемиты и русофобы. Жизнь показала, что там, где это происходит, коричневая рать от власти не отказывается. Атлантическим ястребам это еще, похоже, не ясно, тем хуже для них.

Неонацизм погубит не только Украину, но и демократию в Европе. Атрофия гражданского общества там набирает обороты, социальные и экономические противоречия обостряются, общечеловеческая культура атакуется с многих сторон, в том числе разрушается институт семьи, Европе грозит вырождение. На борьбу с этой опасностью должны быть брошены все силы культуры и разума, новое нашествие неофашистов должно быть пресечено в самом зародыше.

¹ Kaplan R. The Revenge of Geography. N. Y. : Random House, 2012. P. 174.

А. А. Гусейнов¹**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Первый вопрос, который следует обсудить в связи с заявленной темой, состоит в следующем: «Как она коррелирует с теорией диалога культур в глобализирующемся мире, которая является концептуальной основой Лихачевских чтений?». Совершенно очевидно, что одно несовместимо с другим.

Диалог культур представляет собой такую форму их взаимодействия, которая не ставит под сомнение различия между ними, не снимает их, не разводит по ценностному критерию, а, напротив, санкционирует, признает в качестве блага, нормы совместной жизни в современном мире. Сам смысл диалога состоит в том, чтобы располагать культуры в плоскости сотрудничества, а не конфронтации. Что касается оппозиции «свои–чужие», то это древнейший принцип разделения и противопоставления людей по признаку их групповой принадлежности. Она, конечно, является формой общественной связи, но такой, которая дана в качестве акцентированного, направленного противостояния. По сравнению со многими далекими, неведомыми объединениями людей, с которыми и к которым может не быть вообще какого бы то ни было отношения, как если бы они не существовали вовсе, «чужие» имеют то преимущество, что выделены в качестве объекта противостояния, борьбы. «Чужие» — те, с которыми мы не хотим быть вместе и по отношению к которым изгнание, изоляция, возведение границы, стены являются самыми гуманными способами действия; они нам нужны, чтобы противостоять им.

«Свои» и «чужие», которым нет места в теориях диалога культур, вдруг появляются тогда, когда разные культуры встречаются не в научных дискуссиях, а за пределами наших текстов и академических аудиторий, на улицах наших городов. Например, взять самый наглядный и вполне российский случай: эти объекты встречаются в качестве коренных жителей и иммигрантов. Они часто вступают в конфронтацию именно как группы людей, различающиеся по определенному культурному признаку. Речь в данном случае не идет о том, что конфликтующие группы изначально маркируют друг друга как «своих» и «чужих», а о том, что культурные различия (язык, обычаи и т. п.) становятся основой такого маркирования. Это как бы вторичные, производные, культурно мотивированные «свои» и «чужие». В Москве в последнее время принято шумно праздновать, в том числе уличными шествиями, завезенный из Ирландии День святого Патрика, и это воспринимается москвичами, в том числе националистически мыслящими, вполне нормально. А случа-

ющийся время от времени в общественных местах танец лезгинка вызывает возмущение. Не от ценностной ли маркировки культуры идет это различие?

Следовало бы задуматься, нет ли в концепциях диалога культур какого-то серьезного упущения, не позволяющего схватить во всей полноте реальный процесс их взаимодействия, не исключая различий в качестве аргумента для человеческих противостояний.

Философско-культурологические теории, ориентированные в своих нормативных выводах на объединяющие людей общегуманистические принципы диалога, рационального дискурса, толерантности, содержат собственные ограничения. В них нет изначально универсализма, что делает их этически уязвимыми. Они все, как правило, предполагают согласие, взаимодействие в качестве некоей аксиомы человеческого существования. Их универсализм является вторичным, обусловлен принятием самого исходного принципа, который должен этот универсализм гарантировать. Они не дают ответа на вопрос, как строить диалог, оставаться в рациональном дискурсе, быть толерантными с людьми, которые не признают этих принципов и настроены на противоположный, разделяющий, воинственный тип отношений. Не удивительно поэтому, что авторы и приверженцы таких концепций нередко приходят к выводам, которые никак не согласуются с их общегуманистическим пафосом, оправдывая, например, варварские бомбардировки Югославии или утверждая, что воюющих с Израилем палестинцев нельзя считать друзьями, то есть теми, кто достоин диалога и т. д. Проявляют ли эти авторы в данном случае простую человеческую слабость, вступая в виде индивидов в конфликт с самими собой в качестве мыслителей, или сами концепции обрекают их на такие исключения?

Диалог культур, как уже отмечалось, признает многообразие и разнообразие культур как факт, благо, адекватную и благотворную форму развития человека и общества. Это базовая идея данной концепции. Понятие в таком качестве культурное много- и разнообразие исключает взгляд на него изнутри одной культуры — взгляд, в рамках которого как раз оказывается не только возможным, но и неизбежным группирование людей по культурным признакам с целью их членения на «своих» и «чужих». Культурное многообразие предполагает некую транскультурную точку отсчета, которая является нейтральной по отношению ко всем встречающимся и вообще возможным культурам и более высокой, чем каждая из них в отдельности и все они вместе. Что это за точка отсчета и есть ли она в наших концепциях диалога культур? Мне кажется, это один из самых слабых (чаще всего замалчиваемых) и требующих разработки пунктов в этих концепциях.

Существенно важно подчеркнуть, что мы говорим не вообще о диалоге культур, а о диалоге культур в глобализирующемся мире. На этот второй, исключительно важный конкретно-исторический аспект (что

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

речь идет именно о глобализирующемся мире) обращается, как я думаю, недостаточно внимания. Если говорить о глобализирующейся перспективе всерьез и ответственно, то это означает, что мир как человеческий дом становится единым и никто в нем не является, не может быть чужим, и, что особенно важно подчеркнуть, где бы реальный живой человек ни находился, он находится в своем доме и не может по этому критерию быть подвергнут дискриминации. Что такое глобальность в финансовом или технологическом плане — это более или менее ясно и очевидно. Доллар имеет силу во всех уголках мира. И все уголки мира охвачены Интернетом. Однако мир един, и все обитающие в нем люди являются его хозяевами не потому, что он опутан Интернетом и долларами. Наоборот, его удается охватить едиными технологическими и финансовыми сетями по той причине, что он един и принадлежит всем обитающим в нем людям. Теоретическое признание этой важнейшей констатации обязывает дополнить понимание диалога культур как минимум двумя разясняющими моментами.

Во-первых, теория диалога культур предполагает и включает в качестве своей аксиологической предпосылки признание самоценности человека как человека в лице каждого индивида, признание этого до всех его культурных определений и отличий, а соответственно и признание его права на культурное развитие и оформление в том виде и направлении, которые он сам находит правильными и нужными. Вчера мы могли думать, что точка зрения христианского священника выше позиции языческого шамана, и на этом основании истреблять язычество и язычников. Вчера мы могли думать, что научный взгляд на мир несовместим с религиозным мракобесием, и на этом основании истреблять и само это мракобесие, и его упорствующих носителей. Все это считалось вехами восходящего, прогрессивного развития. Сегодня мы тоже можем думать так, но это уже не может быть основанием для того, чтобы дискриминировать, ставить под вопрос легитимность тех людей и верований, которые нам кажутся отсталыми, примитивными, может быть, даже недостойными, как иногда выражаются, высокого звания человека, не может быть основанием для того, чтобы ставить под вопрос само их право иметь собственные (с чьей-то точки зрения, отсталые) верования и обычаи.

В свете глобального взгляда на мир и человеческое существование приобретает актуальность общая ценностная установка греческих софистов, которые, как известно, впервые противопоставили человеческие установления (нормы, государственные законы, обычаи — то, что в последующем получило обобщенное название культуры) и природу. Они не просто развели природу и культуру как две качественно различные реальности человеческого существования. Софисты возвысили природу, поставили ее выше культуры, считая, что она, природа, одна для всех людей, объединяет их, в то время как установления культуры варьируются от народа к народу, от поколения к поколению и разделяют людей¹. Эта мысль о том, что природное

единство людей выше их культурных различий, наполняется в свете глобализации новым более глубоким и теперь уже вполне историческим смыслом. Она уже сама становится принципом культуры.

Но что это значит и как выразить, закрепить в культуре, в нашем понимании жизни эту простую мысль, что наш единый мир, единый теперь уже не в гениальных прозрениях философов, а в реальном опыте все расширяющейся и углубляющейся глобализации, что он принадлежит всем живущим в нем людям, с их живыми телами, прошлым и будущим, памятью и надеждами? Существует, на мой взгляд, только одна возможность для того, чтобы закрепить эту мысль в культуре, а именно принять ее в качестве безусловной истины и императива действия. Собственно, это уже было сделано, когда было сказано: «Прощайте врагов ваших» и выдвинут идеал ненасилия в качестве единственно возможной линии поведения, снимающей гибельное для человеческого существования разделение людей на «своих» и «чужих». Речь идет об изначальном и абсолютном запрете на насилие в отношении между людьми, запрете на него в каких бы то ни было формах и без каких бы то ни было исключений. Это и есть конкретное и точное признание того, что наш единый мир принадлежит всем живущим в нем людям.

Только при такой предпосылке, которая означает, что в глобализирующемся мире нет «чужих» и культурные различия, которые вторичны по отношению к различающимся в этом аспекте индивидам, не могут быть основанием для их маркирования в качестве «чужих», что они не могут стать «чужими», ибо в качестве просто людей уже являются «своими», только при такой предпосылке и при таком расширении концепция диалога культур получает надежную опору и оказывается изначальной и принципиально универсальной. Действительно становится теорией именно диалога культур. Так понятая концепция диалога культур уже не может быть смущена или бессильна перед вопросом: «Как быть в ситуациях людей и позиций, которые не признают самой идеи диалога культур?», ибо возможность существования таких людей и позиций и их право быть теми, что они суть, и занимать те позиции, которые они занимают, уже входит в саму эту концепцию. Только на основе и в контексте ненасилия как первого и абсолютного человеческого приоритета диалог культур из вынужденного и терпимого феномена превратится в желанное и радостное состояние и будет застрахован от трансформации культурных различий в противостояние «своих» и «чужих».

Второй момент, связанный с расширением и обогащением теории диалога культур, касается новых оснований и форм обитания людей в мире. Глобальный мир, если мы принимаем это определение не как фразу, а как обязывающую характеристику современного этапа развития общества, принадлежит всем обитающим в нем людям. Это означает, что везде, где бы они ни были, они будут на своем месте. Но тем не менее люди и в отдельности, и складывающимися между ними группами занимают каждый раз какое-то определенное место и не могут сразу находиться везде, ибо людям необходимо располагаться так, чтобы всем

¹ См.: Гусейнов А. А. Античная этика. М., 2011. Гл. «Софисты».

нашлось место. Здесь возникает противоречие между, с одной стороны, вновь складывающимся глобальным видением и глобальным статусом мира и, с другой — традиционным принципом закрепления людей за определенными территориями, в результате чего некоторые территории считались и считаются священными, одухотворяются в качестве культуротворящего источника жизни народов. Зримых проявлений этого противоречия достаточно много: признаваемое большинством государств право людей свободно покидать традиционные территории, которое не дополняется столь же широкой обязанностью принимать их; особый, уже сегодня во многом транснациональный и трансгосударственный статус прав человека; массовый и многовекторный характер миграционных процессов и др. Противоречия эти свидетельствуют о том, что сегодня мы находимся еще не в глобальном мире, а в мире, который направляется к нему и в котором идет поиск новых форм обитания человека.

Проблемы, возникающие в связи с массовой миграцией людей, хорошо иллюстрируют переходный (в направлении к глобальному миру) характер нашего времени. Прежде всего следует заметить, что миграция — это знамение времени, которое объясняется не только экономическими причинами, хотя они и являются самыми броскими. Воспрепятствовать ей с целью остановить, заблокировать, отменить в принципе невозможно. Правда, это и не нужно, но если бы даже было нужно, то все равно невозможно. Эмигрируют не только из стран третьего мира в развитые страны, массовое, подчиняющееся уже не моральным императивам, а социологическим законам передвижение людей имеет место также и в самих развивающихся, и в развитых странах между собой. К примеру, в России на слуху прибывающие к нам миграционные потоки. Но мы забываем об огромном числе россиян, переселившихся в другие (большой частью европейские) страны. В миграционных потоках большую роль играют, конечно, гуманитарные и культурные предпочтения, но более важно понять, что сама принимающая массовый характер решимость мигрировать, со сравнительной легкостью покидать «свои» территории является совершенно новым по сравнению с предшествующими столетиями и первостепенным по своему культурному значению и гуманитарному настрою феноменом. Это, конечно, выражение, знак глобализирующегося мира, и для его осмысления требуются новые понятия. В связи с этим представляется интересной мысль известного социолога Зигмунда Баумана, предлагающего традиционную метафору почвы (земли) заменить метафорой якоря¹. Тем самым подчеркивается, что человек не покидает «свою» почву (землю, территорию), чтобы поселиться на «чужой», он в другом месте бросает якорь. Современный житель Земли больше напоминает путешественника или моряка, бороздящего моря и океаны, чем привязанного к полю крестьянина.

Еще одна линия размышлений по поводу нашей социогуманитарной лексики и ее уточнения связана с необходимостью глубже осознать и технологически более

четко провести предложенное Максом Вебером различие между целерациональными и ценностно-рациональными действиями. Разумеется, перемещения людей в мире, складывающиеся миграционные потоки не могут не регулироваться, но это регулирование должно быть целерациональным (управленческим, техническим), касающимся его законодательного оформления, создания приемлемых условий и т. д. Но оно не может затрагивать культурных аспектов, быть формой культурной дискриминации, ограничивать свободу культурного самовыражения людей — напротив, должно способствовать тому, чтобы создавать необходимые для этого дополнительные условия.

В связи с общественными обсуждениями и реакциями на проблемы миграции не могу избежать одного замечания. В нашей стране почти не слышно голосов в защиту мигрантов (в особенности из среднеазиатских стран) в связи с их бесправным положением, не звучат даже робкие протесты против гонений, психологического прессинга, унижений, которым они подвергаются со всех сторон; практически никакой благодарности за огромный тяжелый и грязный труд, который они берут на себя, никакого сочувствия их обреченности жить вдали от своих семей; внимание акцентируется главным образом на отрицательных сторонах, проблемах и неудобствах, сопряженных с их пребыванием. Даже со стороны социалистов и левых сил крайне редки голоса против эксплуатации труда мигрантов. Не знаю, когда еще русская публичная мысль и журналистика были столь эгоистичными, жестокими и бессердечными. В связи с этим по контрасту и в укор нам хотел бы привести выдержку об иммигрантах в Европе из прочитанной недавно (в январе этого года) в Афинском университете лекции французского философа Алена Бадью: «Французский премьер-министр — социалист сказал в начале 1980-х годов: “Иммигранты — это проблема”. Нужно поставить это высказывание с головы на ноги: “Иммигранты — это возможность”. Масса иностранных рабочих и их детей свидетельствуют в наших старых и измученных странах, что у мира есть молодость, есть продолжение, есть бесконечное число новых возможностей. Благодаря иммигрантам и будет создана политика будущего. А без них мы так и погрязнем в нигилистическом потребительском и полицейском порядке. Нами тогда и начнут понукать юные лепеновцы в обнимку с полицией. Приезжие могут научить нас становиться иностранцами для самих себя, смотреть на себя со стороны и не слишком очаровываться длинной историей западных белых людей, которая подходит к концу и больше ничего не порождает, кроме чисток и войны. Не будем ждать нигилистической катастрофы нашей “гарантированной безопасности”, будем приветствовать подлинный коммунизм, всегда юный, будем ждать завтрашнего дня, который придет к нам как желанный иммигрант»². Если даже Бадью преувеличивает и ошибается, то, согласитесь, нам, философам и интеллектуалам, лучше преувеличивать и ошибаться в ту сторону, что и он, чем в противоположную.

¹ См.: Бауман З. Прощание с миром своих и чужих // Вокруг света. 2011. № 12.

² Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция // Гефтер (интернет-журнал). 2014. 31 марта.

А. В. Дмитриев¹

СТЕРЕОТИПЫ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЗИДЕНТОВ И МИГРАНТОВ

Сtereотип в рамках представленного доклада рассматривается автором как устойчивый и достаточно упрощенный образ объекта. В данном случае объектом выбраны местное население (резиденты) и трудовые мигранты. Обычно образ тех и других складывается в условиях недостатка информации и приобретения личного опыта, а также обобщения представлений, принятых в окружающей человека группе.

Заметим также, что любые стереотипы носят социальный характер, хотя условно специалисты подразделяют их на этнические, психологические, динамические и др. Они различаются также по сложности, валидности и прочим признакам. В данном случае автор, изучая отношения между резидентами и трудовыми мигрантами, находит основную разницу между автостереотипами и гетеростереотипами. Последние во взаимодействии населения проявляются довольно отчетливо, вызывая ввиду их значимости интерес аналитиков. В частности, В. И. Дятлов считает, что стереотипизация мигрантов («чужаков») ведется не на пустом месте, новые стереотипы прорастают из старых².

Здесь значительную роль играет этническая дистанция. В сознании российских жителей функционирует стереотип «среднеазиата», кавказца, но является несущественным стереотип, к примеру, украинца. На уровне больших социальных групп эти стереотипы выполняют в основном две функции: конститутивно-интегративную и дезинтегративную. Разумеется, отдельные стереотипы могут быть вспомогательным материалом при реализации таких потребностей социальных групп, как потребность организации, культурного отличия, суверенности. При этом один и тот же стереотип может выполнять несколько функций. Так, дезинтеграция посредством стереотипа на уровне большой социальной группы может способствовать интеграции с помощью того же стереотипа уже малых групп.

И все же автор настоящего выступления при оценке упомянутых двух функций стереотипов (интеграционного и дезинтеграционного) традиционен: он обращает внимание на преобладание в настоящий момент второй функции, конфликтной по своей сути. Разумеется, первая (интеграционная) в перспективе представляется более предпочтительной и через определенное, довольно длительное время, возможно, будет преобладать.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, советник РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия», «Конфликтология», «Социальный конфликт» и др. Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

² Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграция в России 2000–2012. М., 2013. С. 821.

Впрочем, возникает вопрос, почему же исследователи стереотипов, в первую очередь социальные психологи и политологи, увлеклись анализом тех стереотипов, которые направлены лишь в основном на деление (стереотипы противостоящих групп). Кроме того, осуждение всякого рода фобий — любимое и беспроблемное занятие. К тому же складывается впечатление, что в большинстве опубликованных работ преобладает описание наиболее интересных и социально важных событий, то есть изучаются лишь негативные стереотипы. Выступающий на данной конференции поддерживает эту традицию, однако все же предполагает, что возможен генезис стереотипов и в более оптимальном варианте.

Пока же люди склонны видеть больше различий между «своей» и внешней группами (ин- и аут-группы). Также склонны считать, что члены «своей» группы разделяют их представления в большей степени, чем это есть на самом деле. Следовательно, стереотипы как объект, хотя иногда и соответствуют реальным характеристикам, все же затрудняют получение адекватной информации.

В классической литературе приводятся следующие особенности автостереотипов (ин) и внешних стереотипов (аут), отражающих разницу восприятия одного и того же поведения³ (см. табл. 1).

Комплекс превосходства, характерный для многих коренных жителей, сопровождается возрастающей, неутихающей неприязнью по отношению к мигрантам, что, естественно, вызывает соответствующую реакцию последних и, как следствие, создает «встречные» образы, характеристики которых почти полностью совпадают в деталях. Здесь, по сути дела, происходит «зеркальное отражение сторон». Это явление не ново, оно и поныне существует во многих странах, в том числе и европейских. Этот список стереотипов можно продолжать до бесконечности. Подобная «имиджевая» деятельность населения, разумеется, приводит к сокращению прямых личных контактов, понижению уровня коммуникации и, возможно, к более низкому уровню самого конфликта, поскольку все же позволяет его сторонам «выпустить пар». Это, конечно, предпочтительнее, чем примитивный спор базарных баб, погромы скинхедов и деятельность этнических криминальных групп. Итак, по всей России существует зеркально-негативное восприятие «мигранты — коренное население (резиденты)». Его условно и с некоторыми оговорками можно обозначить следующим образом (см. табл. 2).

Резиденты, как правило, не отличают нелегальных мигрантов, с которыми они сталкиваются на рынке, предприятиях общественного питания или поздно вечером на пустынных улицах, от вынужденных мигрантов (беженцев), чье поведение оценивают обе категории одинаково негативно. По этой причине вынужденные мигранты не только жалуются на трудности,

³ Триандис Г. К. Культура и социальное поведение : пер. с англ. М., 2011. С. 315.

Таблица 1

Автостереотипы и стереотипы аут-групп, отражающие разницу восприятия одного и того же поведения

Автостереотипы	Стереотипы аут-группы
Мы гордимся собой, уважаем себя и почитаем традиции предков	Они эгоистичны и самолюбивы
Мы лояльные люди	Себя они любят больше, чем нас
Мы честны и доверяем друг другу, однако мы не такие простаки, чтобы чужеземцы могли нас обмануть	Они ведут клановый образ жизни, исключают из своего круга других людей
Мы храбрые и прогрессивные люди	При возможности они стараются нас не обманывать. При взаимодействии с нами у них нет никаких нравственных ограничителей, и они абсолютно нечестные люди
Мы стремимся отстаивать свои права, защищать то, что считаем своим, нас трудно запугать и унижить	Они агрессивны и стремятся к захвату. Они стремятся получать выгоду за наш счет
Мы миролюбивы, любим других людей и ненавидим только своих врагов	Они враждебно настроены и ненавидят нас
Мы нравственные люди с чистыми помыслами	Они безнравственны и нечисты на руку

Таблица 2

Стереотипы восприятия друг друга у мигрантов и резидентов

Стереотипы мигрантов — местные	Стереотипы резидентов — мигранты
Вырождающиеся индивиды, которые уделяют больше внимания домашним животным, чем родственникам	«Быстроразмножающиеся» индивиды, которые скоро вытеснят нас с нашей земли
Они порочны, больны алкоголизмом, венерическими заболеваниями	Они приносят с собой наркотики, различные болезни
Они не хотят трудиться, тяжелую работу предоставляют приезжим	Они не имеют никакого намерения найти какую-либо работу, бродяжничают и нищенствуют
Они чрезмерно гордятся культурой и языком, не признают нашей культуры и обычаев	Они чужие нам люди, говорящие на непонятном языке и не признающие нашей культуры
Они эгоистичны, заражены потребительством и не помогают нам	Они заняты добыванием средств, не желая их честно зарабатывать
Они применяют к нам методы угроз и подавления	Они создали преступные группы на этнической основе
Они монополизировали целые отрасли хозяйства и не допускают нас к управлению	Они захватили целые отрасли хозяйства (торговлю, строительство, транспорт и т. д.)
Они платят налоги частично и далеко не все	Они вообще не платят налогов, деньги переводят на родину

но и упрекают местные власти в безразличном к ним отношении. Большинство местных жителей также стремятся дистанцироваться от внутренних мигрантов, особенно выходцев с Северного Кавказа. Впрочем, в последние годы ситуация постепенно меняется. В поисках «чужого» внимание резидентов все чаще обращается на среднеазиатов.

И все же более тесное общение представителей различных поселенческих и этнических групп неизбежно. Если «меньшая» группа в ответ на давление пытается сохранить свои границы, это при определенных обстоятельствах приводит к дальнейшей стереотипизации этой группы большинством населения и, следовательно, к возникновению различных предубеждений, порождающих ксенофобию и дискриминацию. Чтобы этого не произошло, резидентам рекомендуется наблюдать и обсуждать мигрантов в рамках своего сообщества: осознавая собственные недостатки, они могли бы приспособиться к новому контексту, осмыслить реальность и ценности других.

В связи с этим напрашиваются и другие рекомендации, которые довольно банальны и просты: следует отказаться от агрессивной реакции на поведение мигрантов, наряду с призывами к толерантности жестко реагировать на любые нарушения закона (отказ от регистрации и уплаты налогов, насильственный захват земель и другие виды криминального поведения).

И, наконец, еще несколько общих положений. Мы уже отмечали: у аналитиков стереотипов по-прежнему существуют две точки зрения. Часть считает, что стереотипы по своей сути ложны, поскольку не содержат истинных суждений. В связи с этим ссылаются на работы Р. Ланира, который в свое время, изучая армянских рабочих в Калифорнии, пришел к выводу о полном расхождении существовавших тогда у них стереотипов с реальными свойствами. Другая точка зрения заключается в том, что стереотипы в принципе не отличаются от обычных сознательно конструируемых моделей, отражающих социальную действительность. Стереотипы, таким образом, могут

рассматриваться в качестве системы с ее негативными и позитивными функциями.

Кроме того, в стереотипе можно выделить не только черты деформации и упрощения, но и адекватности, то есть стереотип не только и не столько извращает социальные отношения, сколько суммирует исторический опыт больших, средних и малых групп и, разумеется, отдельного человека. На личностном уровне податливость на стереотипы по отношению к мигрантам связана с желанием зачастую абстрактно, а иногда и бессознательно сохранить свое благополучие и с ориентацией не только на свои цели, но и на соединение со «своей» группой. Здесь обычно одобряется так называемый автостереотип собственной группы.

Другая особенность: положительная оценка собственного положения, используемая индивидами в рамках групп резидентов и мигрантов, совершается не прямо, а путем указания на различные недостатки окружающей общественной среды. Отрицательная оценка собственного положения, связанная с реакцией страха («страх неадекватности»), способствует объяснению собственной «обделенности» при помощи факторов, независимых от индивида, вплоть до иллюзорного толкования неудач. Фрустрация неизбежно вызывает агрессию и желание сохранить положение доминирующих.

Объективные характеристики мигрантов и местного населения в своей основе не совпадают с их мнени-

ем друг о друге. Те и другие преувеличивают свои различия.

Негативная стереотипизация коррелирует с проявлением конфликтов, причем этнические характеристики мигрантов преобладают по сравнению с другими.

Чем чаще и ближе межкультурные контакты, тем выше схожесть групп (русские–украинцы, русские–белорусы и т. д.). При возрастании конкуренции за рабочие места или воздействии внешних факторов (обострение межгосударственных отношений) чувство схожести исчезает.

Тем не менее коммуникация между мигрантами и резидентами будет возрастать, что приведет к осознанию необходимости интенсифицировать и культурные контакты. Однако стереотипы неприятия «чужого», уходящие своими корнями еще в древнюю историю (вспомним сопротивление русского народа в эпоху Петра I), по-прежнему укоренены в российской культуре. Шансы для преодоления негативных стереотипов, тем не менее, все же сохраняются.

И в заключение хотелось бы привести высказывание Пауло Козльо: «По сути, многие правила, которым мы привыкли следовать, не имеют под собой никакого основания. Несмотря на это, стоит нам нарушить какой-нибудь стереотип поведения, как нас тут же спешат объявить “сумасшедшими” или “недоразвитыми”»¹. А между тем люди все создают и создают новые правила, которые по прошествии времени теряют всякий смысл, но продолжают действовать.

А. С. Запесоцкий²

РОССИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ (К вопросу о современной теории и практике евразийства)

I

Сегодня тематика евразийства имеет и теоретическое, и практическое значение. Она непосредственно

¹ Козльо П. Подобно реке... Харьков ; Белгород, 2012. С. 142.

² Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2000 публикаций. Член редколлегий и редсоветов журналов «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Поиск», «Партнерство цивилизаций», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «Патриот России». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и ис-

сопряжена с ключевым для современной России вопросом: куда и как должен быть выстроен вектор дальнейшего развития страны?

С одной стороны, все острее в нашем обществе звучит критика ультралиберальной идеологии чиновничества, заключающейся в слепом, бездумном копировании западных механизмов построения социально-экономической жизни, все очевиднее провал основанных на этой идеологии реформ практически во всех сферах жизнедеятельности.

С другой стороны, процессы глобализации, мировая конкуренция не позволяют даже такой огромной стране, как Россия, действовать в одиночку, вынуждая искать союзников в многополярном мире.

В связи с этим понятен курс руководства страны по реализации потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства с участием России, Казахстана и Белоруссии, с перспективами подключения Армении, Таджикистана, Киргизии, Украины и др. На данном этапе вопрос ставится о максимальной реализации свободы передвижения товаров, услуг, капиталов,

кусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

рабочей силы. Как справедливо отмечает В. В. Путин, «региональная интеграция, а весь мир идет по этому пути, — наиболее действенное средство для максимального использования внутренних ресурсов роста, повышения конкурентоспособности на мировых рынках, и, безусловно, мы уже много раз об этом говорили, вместе мы сильнее, нам проще реагировать на глобальные вызовы» [1]. Исходя из этих соображений, взят курс на строительство Евразийского союза.

Очевидно, что экономическая интеграция невозможна без укрепления ее культурных основ. Евразийский союз потребует унификации не только производственных стандартов, но и правовой базы, принципов управления и учета, образования, стандартов туризма и т. д. Создание нового колоссального рынка с более чем 165 млн потребителей — это создание и соответствующего культурного пространства. Путин призывает всех нас воспринимать данный интеграционный проект не как «верхущечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм». Особое преимущество в этом деле, по его мнению, — «мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы» [2]. В данном подходе отчетливо просматривается стремление использовать позитивный опыт строительства Евросоюза.

В связи с этим нам стоит обратить внимание на то, что Евросоюз начинался 40 лет назад с Европейского объединения угля и стали. А сегодня он основан на общих подходах к жизни, общих принципах, идеях, ценностях.

Характерно, что, говоря о стратегическом планировании развития евразийской интеграции, академик Сергей Глазьев отмечает необходимость общеприемлемой идеологии, определяющей видение общего будущего: «Пока бушует глобальный кризис и свежи в памяти чудовищные экономические и социальные последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, роль этой идеологии выполняет простая идея выживания и объединения экономических потенциалов для повышения конкурентоспособности. В дальнейшем она должна развиваться, опираясь на общее духовное наследие народов и вбирая в себя современную парадигму устойчивого развития, цели повышения качества жизни граждан, принципы общей ответственности участвующих в процессе интеграции государств за будущее человечества» [3]. Отсюда и вытекает постановка вопроса «о новой мировоззренческой модели».

Интересно, что выдающийся экономист Глазьев видит за понятием «европейский интеграционный процесс» продуманное философско-политическое направление: «После распада Российской империи оно активно продвигалось нашими философами, которые вынуждены были эмигрировать, и целая серия работ, начиная с князя Трубецкого, была посвящена осмыслению того, что будет в постсоветскую эпоху. Общая идея заключалась в том, что будет евразийское объединение, отличное от Российской империи, базой которой было православие, и от СССР, который был основан на коммунистической идеологии. Отличие в том, что в евразийском процессе сохраняется

все цивилизационное разнообразие при полном равенстве участников» [4].

Конечно, вопрос о цивилизационном разнообразии требует анализа специалистами — представителями философии, культурологии, этнологии и других отраслей гуманитарного знания. Так сама жизнь, практические потребности страны возвращают нас к давнему спору между славянофилами, евразийцами и западниками.

II

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов давно занимается этой проблематикой в контексте поисков современных подходов к процессам диалога культур. В 2007 году мы опубликовали в журнале «Москва» статью «Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве» [5], опереться на которую представляется уместным в контексте его интереса к проблематике евразийства. Если Л. Н. Гумилев был, по его собственному определению, последним «евразийцем», то фигура Д. С. Лихачева сейчас устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным западничеством.

В историко-культурном смысле два наших выдающихся земляка-гуманитария оказываются по разные стороны баррикад. Д. С. Лихачев писал: «Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства... Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся» [6, с. 358–359]. «На самом деле Россия — это никакая не Евразия. <...> Россия — несомненная Европа по религии и культуре» [7, с. 384].

Не менее категоричен был и Л. Н. Гумилев, указывая на «восточный» (и конкретно «монгольский», «ордынский») генезис российской культуры и государственности, «возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингисхана»: «Государи московские <...> положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. <...> Традиции Союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII веков, когда вся бывшая территория Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV века стало называться Россией» [8, с. 315]. Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Л. Н. Гумилеву большей частью деструктивной: «Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру, и этническое

своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение» [8, с. 313].

Евразийство искало и нашло свой ответ на вопрос о пути России, и этот ответ не вписывался ни в западную, ни в славянофильскую традиции. Главным тезисом этого направления было утверждение: «Русские люди и люди “российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты» [9, с. 43]. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, — писал князь Н. С. Трубецкой (1890–1438), — может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией...» [10, с. 17].

В итоге евразийцами еще до Гумилева была выработана особая позиция, выраженная в манифесте 1927 года, где говорилось: «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир тот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожителства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [там же]. Более того, усилия русской интеллигенции, пытавшейся в течение двух столетий ассоциировать себя с Европой, как утверждал Н. С. Трубецкой еще в 1920 году («Европа и человечество» [11]), были одной из главных причин разразившейся в 1917 году катастрофы и гибели «старой» России.

Ссылаясь на почти «гипнотическое воздействие мифа об общечеловеческом характере европейской цивилизации», Трубецкой призывал избавиться от «ненавистного ига романо-германцев» и осознать, что культура Запада — лишь одна в ряду многих, совершенно равнозначных по своей ценности культур [12, с. 258]. Что же касается народов Евразии, то им, по мнению Трубецкого (создавшего так называемую теорию языковых союзов), присущ единый «туранский» психологический тип, объединяющий угро-финнов, тюркские, монгольские, маньчжурские и самодийские народы с русской общностью черт национальных характеров.

С точки зрения Гумилева, подлинной проблемой для России были не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком «этническом состоянии» Россия на эти контакты выходила (и соответственно в каком «этническом состоянии» находится в это время как весь «европейский суперэтнос», так и конкретный объект контакта в частности).

Именно поэтому еще в те времена, когда концепция «общечеловеческих ценностей» разрабатывалась стараниями М. С. Горбачева и его соратников, Гумилев писал: «Все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но небезобидны. <...> Реально для торжества общечеловеческих ценностей

необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос <...> Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты <...> Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...» [13, с. 189–190].

Праота Гумилева подтвердилась в наши дни судьбой перебежчиков — стран Балтии, вошедших в Евросоюз ценой не только потери суверенитета, но и новых поколений молодежи, почти целиком уехавших на Запад в поисках «лучшей жизни», и ценой деградации культурного своеобразия национальных культур.

Ясное понимание этнических «возможностей» народа в конкретный момент его исторического бытия может, по мнению Л. Н. Гумилева, позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадежной стадии этнической обскурации, в момент распада этноса. Примером здесь является «гений Александра Невского», заслуга которого «заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, “от зачатия до рождения”» [14, с. 544]. Ученый очень ярко описывает трагическую дилемму великого князя: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот?

Реальный смысл гумилевской евразийства для нас сегодня — в наличии у современной России политического выбора: с кем и как объединяться в современных условиях глобализации. А присущую историософии XVIII–XIX веков оценочность — будь то западническое признание «отсталости» России или, напротив, славянофильское утверждение ее «преимущества» перед Западом — Л. Н. Гумилев «выносит за скобки» исследования проблемы как устаревшую.

Для Д. С. Лихачева Россия, безусловно, является частью Европы, ибо составляет с ней единую культурную систему. Обоснованному Гумилевым евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, безусловно, европейский, то есть единый с европейскими народами, «русский культурогенезис», блестяще изложенный им в «Культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (ввиду особого значения данного фрагмента процитируем его полностью): «XIV век — век Предвозрождения — является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. В России к XIV–XV векам относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV–XV веков выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства.

Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие. Распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастают до широчайших размеров. Сложение элементов национальных культур по всей Европе тесно связано с культурными явлениями, предвещавшими блестящую культуру Возрождения» [15, с. 96–97].

Именно на таком понимании культурного единства России и Европы Лихачев и основывает свой вывод о России как о неотъемлемой части Европы: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы — с Запада или с Юга. Характерно, что даже у “всечеловека” Пушкина мотивы из Гафиза или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии или Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) “потурченцев”, то есть представителей коренного этноса, принявших ислам. <...> Для существования и развития настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культуросфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре <...> Европейская культура — культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской» [6, с. 360].

Опорой европейской культуры Лихачев считает христианство, и прежде всего потому, что оно внесло в европейскую культуру личностное начало. Д. С. Лихачев прямо ставит христианство нравственно выше всех остальных религий как единственную из них, «в которой Бог — личность» [16, с. 365], способная понимать и страдать. Второй аспект европейской культуры, утверждающий в глазах Лихачева ее превосходство, — универсализм, то есть восприимчивость к другим культурам. И еще один «европейский принцип», на котором как на «всечеловеческом» настаивает академик Лихачев, — это принцип свободы, и прежде всего свободы внутренней, свободы творческого самовыражения личности. Здесь его позиция с позицией евразийцев расходится более всего, ибо евразийцы требовали ограничения личной свободы ради укрепления государства.

В итоге «европоцентрический» пафос Д. С. Лихачева оказывается, как мы видим, пафосом «культуроцентрическим», близким по духу даже таким критикам Запада, как «почвенник» Достоевский или, если обратиться к более позднему времени, А. А. Зиновьев: «Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Эта культура сы-

грала беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массу до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени» [17, с. 315]. Вряд ли кто-нибудь из евразийцев — от Н. С. Трубецкого до Л. Н. Гумилева — смог бы всерьез отрицать подобную характеристику.

В проевропейской позиции Д. С. Лихачева необходимо отметить и еще один очень существенный мотив, кажется, полностью проигнорированный как классическим евразийством 1920-х годов, так и евразийским модернизмом в лице Л. Н. Гумилева, — университетское образование. Хотя оно и было принесено в Европу арабами, именно здесь оно было развито и достигло невиданного другими цивилизациями взлета.

Таким образом, если «евразийство» Гумилева утверждает наличие у России политического выбора, то «западничество» Лихачева доказывает, что культурного выбора у нее нет. Это европейский выбор, он был сделан еще Древней Русью и не может быть изменен — как сущностный признак отечественной культуры.

Кто прав: Гумилев или Лихачев? Сегодня получается, что правы оба вместе. И ни один сам по себе.

Трудно сказать, насколько Владимир Путин стремился вникнуть в детали историко-культурного спора между западниками и евразийцами, но свой ответ по поводу этого спора он нашел, и весьма интересный: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенный единными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». И далее: «Таким образом, вхождение в Евразийский союз... позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу» [2].

То есть Владимир Путин видит Большую Европу как мегаобразование, включающее Евросоюз и Евразийский союз. И создание Большой Европы должно вестись в первую очередь через создание сильного Евразийского союза. Данный подход следует назвать новаторским, конструктивным и чрезвычайно перспективным с практической точки зрения.

III

Заметим, что В. В. Путиным предложена совсем иная концепция, чем, скажем, видение знаменитого американского культуролога С. Хантингтона, отделявшего от Западной Европы Россию, Украину и Белоруссию в качестве особого «славянского» типа цивилизации.

Следует также сказать, что такое видение Европы встречает в настоящее время серьезный интерес в Евросоюзе, хотя и в пользу иных моделей построения Большой Европы сегодня работают многие влиятельные силы. Евросоюз в последние годы резко активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве как альтернативная сила, стремящаяся подчинить своему влиянию страны, возникшие на месте бывшего

СССР, на основе их разделения, разжигания между ними конфронтации [18; 19; 20, с. 16, 38–39].

Как бы то ни было, представляется, что важной задачей отечественных гуманитарных наук теперь становится осмысление феномена Евразии в контексте современного знания. Специалисты в философии, культурологии, истории, этнологии, политологии, религиоведении и других отраслях знания должны концентрировать усилия не на продолжении спора между евразийством и «западничеством», а на выявлении возможностей синтеза этих двух подходов в дальнейшем развитии России, движении ее вперед.

Сегодня мировое сообщество представляет собой качественно новый контекст для завершения старого спора. Принципиально важными факторами здесь являются глобализация, модернизация, фундаментальные изменения капитализма, происходящие по мере вступления человечества в шестой технологический уклад и развития информационного общества. Теория конвергенции торжествует даже в таком непримиримом, казалось бы, споре, как конфронтация между социализмом и капитализмом.

Предложенная Владимиром Путиным концепция утверждения европейских ценностей на евразийском пространстве через евразийскую интеграцию имеет под собой фундаментальные основы. Дело в том, что, в отличие от Евросоюза, страны Евразийского экономического пространства еще не полностью завершили процесс модернизации — перехода от традиционалистского к техногенному обществу. Суть этого процесса подробно описана академиком В. С. Степиным [21, с. 99].

В связи с этим интересно присмотреться к опыту Республики Корея. Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи укрепления либеральных ценностей с прогрессом в экономике, экономический взлет этой страны не был связан с демократией, а произошел в условиях тоталитарного режима, военной диктатуры. И явился следствием разумной государственной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу.

Корейцы с начала 80-х годов XIX века создали два течения общественной жизни, похожие на российских славянофилов и западников, — юсэн и кэхва. Приверженцы юсэн, разновидности конфуцианства, выступали против реформ. Они полагали, что исконная, традиционная культура Кореи выше всех на свете, что Запад тлетворен, что ни на шаг нельзя отступать в защите своей культуры от внешних влияний. Они боролись против сторонников кэхва — модернизации Кореи. Одни считали, что путь нации к величию лежит через развитие национальной экономики за счет национального капитала, но западным путем, другие требовали пробуждения национального самосознания за счет обращения к культурным корням.

Эпоха японского колониального господства преврала эти споры с 1910 до 1945 года. Придя к власти, первый президент страны Ли Сын Ман пообещал превратить Корею в плавильный тигель, где соединятся в единое целое учения Конфуция и Христа. Но столкнулся с трудностями определения ценностных ориен-

тиров нации. С 1948 по 1960 год политика государства в области культуры была ориентирована на западные образцы, ускоренное приобщение к западной культуре. Был достигнут прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии различных профессиональных объединений интеллигенции и отработаны механизмы жесткого государственного контроля над всеми сторонами социально-экономической жизни. Вместе с тем имели место и негативные тенденции: в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок стала приходить традиционная национальная культура.

Пришедший к власти в 1960 году Пак Чжон Хи был убежден, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Он поставил решение экономических проблем на основу корейского исторического наследия, укрепляя национальную этику. Линия Пак Чжон Хи означала коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась эта линия методами диктатуры.

В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. С другой стороны, государство тогда же приняло ряд материальных и моральных мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Новое в жизни страны стало развиваться в разумном балансе с поддержкой фундаментальных традиционных ценностей общества.

Президент Чон Ду Хван, пришедший к руководству страной в 1979 году, продолжил эту линию. Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике: культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и другие, — все это, помноженное на использование реальных технологических достижений Запада и экспортно-ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея. Экономические успехи шли рука об руку с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране прошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, дальнейшему подъему творческой интеллигенции.

Не менее поучителен и опыт восприятия западных ценностей бывшими странами «восточного блока», растворившими свой суверенитет в коридорах брюссельской бюрократии. К примеру, страны Балтии стали зоной катастрофического падения промышленности, оттока рабочей силы, экономического и культурного упадка. В Евросоюзе им была уготовлена роль оккупированных стран.

В целом же Запад представляет собой очень необычную геополитическую конфигурацию послевоенного устройства. Строительство объединенной Европы произошло под военно-политическим контролем

англосаксонского блока (США и Англии), где Англия играет роль младшего партнера. При этом культурное развитие Запада имеет два разнонаправленных тренда. Один из них — формирование общей культуры Евросоюза, другой — трансформация США и ЕС в направлении мультикультурализма. Влияние США на жизнь Европы медленно ослабевает, но весьма значительную роль в консолидации Запада продолжает играть НАТО. Данный военный блок — это публичный технический инструмент, нечто вроде «верхушки айсберга» могучей структуры отношений, обеспечивающей США контроль над Евросоюзом спустя без малого 70 лет после окончания Второй мировой войны.

Известно, что Запад как американский проект не предусматривает ни равноправия стран, входящих в Евросоюз, ни независимости ЕС. Эта конструкция содержит четыре «этажа». Наверху — Англия и США. Ниже — «старая Европа»: Франция, Германия, Италия и др. Еще ниже — новые члены Евросоюза, несмотря на видимые вливания из его бюджета, играющие в ряде отношений роль доноров. И наконец, в самом низу, «в подвале» — зона стран за границей ЕС, в которой сознательно культивируется обстановка нестабильности. Так, как это происходит сегодня на Украине. Данная конструкция строится не на основе культурных сходств или различий, но с их учетом. Основа же — представление о мировой арене как своего рода шахматной доске, где различные фигуры обладают своими свойствами и способны образовывать более или менее выгодные ключевым игрокам конфигурации.

В этой ситуации строительство Евразийского союза дает всем его членам уникальные возможности для сохранения своей национально-культурной самобытности и стремительного экономического подъема в условиях глобализации.

Литература

1. Выступление В. В. Путина на заседании Высшего евразийского экономического совета (24 октября 2013 г., Минск) // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/news/19484>
2. Путин В. В. О Евразийском союзе / В. В. Путин // НАКАНУНЕ.RU [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.nakanune.ru/news/2011/10/4/22247934>
3. Глазьев С. Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: науч. доклад / С. Ю. Глазьев [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemax-i-merax-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/3/>
4. Глазьев С. Ю. Драма ассоциации : интервью / С. Ю. Глазьев // Эксперт. — 2013. — № 45 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://expert.ru/2013/11/8/drama-assotsiatsii/>
5. Запесоцкий А. С. Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве / А. С. Запесоцкий // Москва. — 2007. — № 1. — С. 203–213.
6. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 348–362.
7. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 370–387.
8. Гумилев Л. Н. Бремя таланта / Л. Н. Гумилев // Л. Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы : лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. — СПб. : Росток, 2004.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Г. П. Струве. — Париж ; М., 1996.
10. Евразийская хроника. — Париж, 1927. — Вып. 7.
11. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — М. : Прогресс, 1995. — 799 с.
12. Сто русских философов : [Текст]. — М. : Мирта, 1995.
13. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. — М. : АСТ, 2005.
14. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. — М. : Терра, 2000.
15. Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 87–163.
16. Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 363–369.
17. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма : [Текст] / А. А. Зиновьев. — М. : Центрполиграф, 1995.
18. Запесоцкий А. С. Постсоветское пространство как зона глобального противоборства / А. С. Запесоцкий // Философия и социология культуры. — СПб. : СПбГУП : Наука, 2011. — С. 521–529.
19. Глазьев С. Ю. Без России Украина и ЕС не смогут найти компромисс / С. Ю. Глазьев // Вести.Ru [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.vesti.ru/videos?vid=557981>
20. Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа : [Текст] // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. — 2008. — Вып. 6.
21. Степин В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. — СПб. : СПбГУП, 2011. — 408 с.

Ю. П. Зинченко¹

ПОВЫШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПОНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Диалог и конфликты культур стали объективной реальностью в глобализирующемся мире. Эти процессы происходят в различных средах, причем наиболее интенсивно они осуществляются в среде Интернета. Общение в Интернете, представляющем собой глобальную коммуникативную среду, обладает рядом особенностей. К их числу можно отнести: а) ситуацию социальной неопределенности коммуникантов; б) наличие множества альтернатив самоидентификации пользователя в среде Интернета; в) возможность коммуниканта избавиться от социального контроля; г) анонимность; д) затрудненность эмоционального компонента общения; е) возможность нетипичного, ненормативного поведения и др. Все это актуализирует вопрос о формировании и развитии коммуникативной культуры у молодежи как наиболее активной части «населения Интернета». Этот аспект входит в структуру более широкого явления — обеспечения информационной безопасности личности и общества.

Общепризнано, что безопасность представляет собой один из важнейших феноменов, сопровождающих не только всю историю человечества, но и эволюцию живого мира в целом. В то же время понимание такого сложного явления во многом обусловлено контекстом его рассмотрения — обыденным, научным или правовым. Поэтому в социальных науках изучение безопасности осуществляется с различных позиций, а также с точки зрения ее практического значения для различных сторон жизни общества².

Сложность, многогранность и полифункциональность этого понятия имплицитно связаны с междисциплинарными методами ситуационного анализа и имитационного моделирования.

Концепт информационной безопасности в целом (*Information Security*) вызывает беспокойство мирового сообщества, государственных структур, общества и отдельных людей и представляет собой одну из серьезных проблем современности в связи с кибертерро-

ризмом, с доступом преступных групп к информации государственного значения или личным данным.

Осуществляя системный анализ феноменов, связанных с информационной безопасностью, необходимо учитывать этап развития современной науки, который определяется как постнеклассическая рациональность, важнейшей чертой которого становится междисциплинарный характер организации исследований и анализа явлений³. В связи с этой концепцией системная взаимосвязь феномена безопасности и совокупности его подсистем определяется взаимодействием множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. Главным моментом при этом является фундаментальное положение о единстве и неразрывности экономической, социальной и экологической среды обитания человека и общества.

Необходимостью применения междисциплинарного подхода к феномену информационной безопасности обусловлена тем, что он требует рассмотрения на разных уровнях: во-первых, как деятельность конкретных социальных субъектов, сфера отношений, возникающих между этими субъектами, в которой функционирует и развивается общественное, групповое и индивидуальное сознание; во-вторых, как предмет научного познания, позволяющий исследовать его сущность, закономерности развития и особенности функционирования лишь с помощью теоретического анализа в разных сферах научного знания, который в то же время должен опираться на практический материал⁴.

Обучение информационной безопасности в медиасфере начинается с повышения общей культуры отношений в обществе. Снижение напряженности в реальных жизненных отношениях непременно отразится и в интернет-общении. Развитие общей культуры может способствовать и повышению уровня грамотности детей и подростков — будущих авторов сообщений и, к примеру, минимизировать непечатную лексику в опосредованном Интернетом общении.

Возрастает значение привлечения ресурсов, содержащих интересную и правдивую социально-позитивную информацию, направленную на распространение гуманистических идей и общепринятых культурных принципов и правил диалога, на искоренение экстремизма, агрессии, насилия и ксенофобии в демократическом обществе. Уникальность и особенность Интернета заключается в том, что он объединяет межличностную и массовую коммуникации и направлен, как и массмедиа в целом, на определенное конструирование социокультурной реальности.

Наконец, росту информационной безопасности детей и подростков призваны помочь мероприятия

¹ Декан факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода», «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Клиническая психология как новая университетская специальность» (в соавт.), «Патопсихологические аспекты посттравматического стрессового расстройства» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”» и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

² Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. : сб. ст. / под ред. Я. Н. Засурского, Ю. П. Зинченко [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2008. Т. II : Феномен «разорванной коммуникации».

³ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. М., 2009.

⁴ Зинченко Ю. П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. М., 2011.

по повышению коммуникативной культуры подрастающих поколений. Это включает грамотное применение социальных медиа (согласно ожиданиям, социальные сети, блогосфера наряду с ныне только разрабатываемыми средствами электронного взаимодействия будут в ближайшем будущем развиваться и преобразовываться) как в письменном, так в устно-речевом режиме общения посредством Интернета. Так, обучение коммуникативной культуре должно включать объяснение, что анонимность пользователей Интернета не более чем относительна, что неудачно написанные или сказанные в дурном настроении слова остаются в Интернете надолго и могут повредить дальнейшей жизни и даже карьере. Определенную помощь может оказать этическое обучение молодежи, если оно будет включать правила, согласно которым недопустимы морально неприемлемые высказывания, участие в оскорблениях и травле как знакомых, так и незнакомых людей. Обучение элементам критического мышления¹ также позволит повысить критичность в отношении высказываемых кем-то положений, научить рассматривать их с разных сторон. Наконец, можно надеяться на совершенствование технико-программных средств контроля сообщений — к примеру, электронных агентов (помощников в асинхронных взаимодействиях и в поиске информации) и «понимающих» фильтров с элементами искусственного интеллекта, которые смогут с большей эффективностью, нежели это имеет место в настоящее время, «отфильтровывать» грубые и недопустимые сообщения — в зависимости от включенного режима. Такие средства контроля смогут информировать о неприемлемости элементов контента и просить откорректировать их, предлагать варианты такой коррекции или просто отказываться их пропускать.

У детей и подростков следует воспитывать доверие к родителям, ближайшим родственникам, учителям: при попадании в ходе применения Интернета в трудные ситуации, связанные с недобросовестными пользователями (шантажистами, манипуляторами и др.), детям и подросткам следует обращаться за помощью к ближайшим взрослым (при невозможности — к специалистам «горячей линии»), вместо того чтобы выполнять требования шантажистов, которые обычно угрожают оглаской. Вместе с тем родители и педагоги должны информировать о типовых угрозах, с которыми могут столкнуться их дети и воспитанники, а также об организациях, готовых предоставить помощь детям.

Кроме того, обучение безопасному поведению может включать рекомендацию избегать те интернет-ресурсы (сайты, блоги, страницы в социальных сетях, форумы, чат-группы и т. п.), для которых характерны голословные грубые высказывания и призывы к жестокости, употребление ненормативной лексики, оскорбления в чей-то адрес. Квалифицированная полемика с теми, для кого характерен такой стиль поведения в Интернете, может быть по плечу специалистам, а никак не представителям подрастающего поколения. Обучение должно состоять в том, чтобы обращать внимание на характерные параметры подозрительно интолерантных интернет-ресурсов с тем, чтобы избегать их.

Обучение поведению в Интернете должно охватывать ряд специфически технических навыков, как то: отписываться от списков рассылки, не реагировать на спам и сообщать о них в онлайн-овые антиспамовые службы, защищать свой почтовый ящик, блог и страницу в социальной сети от вскрытия, а при необходимости — шифровать информацию, организовывать открытые и закрытые группы в социальных сетях и выполнять функции модератора, оказывать аналогичную помощь младшим детям.

Необходимо организовать обучение культуре ведения диалога и спора, которое должно охватывать не только уважение к мнению собеседника, но и элементарные навыки проверки сообщаемых им фактов. К примеру, распространенный прием сторонников ксенофобии состоит в выборочном цитировании источников, тенденциозном подборе фактов, неупоминании представляющихся им «невыгодными» информационных материалов. Зачастую такая тенденциозность может быть вскрыта с помощью элементарного обращения к поисковой системе, которая представит ссылки на информацию, противоречащую высказанным сторонником ксенофобии соображениям. Таким образом, совершенствование навыков поиска информации в Интернете может обернуться практикой опровержения ксенофобических высказываний.

Противостояние буллингу может быть основано на воспитании эмпатии к жертве, что достигается в том числе с помощью таких медийных средств, как специально разработанные компьютерные игры.

Таким образом, повышение коммуникативной культуры у молодежи может способствовать снижению конфликтогенности в глобализирующемся мире.

¹ Халтерн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.

П. О. Ильинский¹

ДОЛГОЕ МГНОВЕНИЕ

(Запоздавшая рецензия, которая продолжает оставаться злободневной)

Человек, погруженный в информационный мир современной цивилизации, не слишком отличается от обитателя Средних веков, ибо, подобно ему, живет среди самовоспроизводимых штампов. Сегодня россияне постепенно вступают в круг *цивилизованных* наций и потому подвергаются обвальному нашествию разнообразных «вечных истин». Российские клише могут совпадать с мировыми или им полностью противоречить, но их происхождение от этого не меняется. Преследующие беззащитного гражданина ходульные фигуры исторического дискурса являются либо заимствованием международных штампов, либо реакцией на них. Что бы ни писала русская пресса, чему бы ни учили в российских школах (тому, что Россия — вечно рабская, грязная и пьяная, или тому, что на протяжении столетий ее история была славной, героической и высокодуховной), в любом случае это — ответ на европейское, точнее западное, восприятие нашей родины. И роль историографии в воспитании подобных стереотипов никогда не была умеренной.

Еще в XVI веке в Московской Руси появились ростки течения, согласно которому заграничные идеи и знания, иноверцы и иноземцы, особенно пришельцы с Запада, изображались в исключительно мрачных тонах. Известно, что при идейных разногласиях сосед-еретик вызывает большую ярость, нежели далекий варвар-язычник, но такое объяснение кажется недостаточным. Ведь со второй половины XVI века стало ясно: наиболее сильным и опасным соседом Московского государства является Запад. Такое положение дел не изменилось до сих пор. Именно в Западе Россия видела главную угрозу своему существованию на протяжении всего XX века, и не совсем беспочвенно. Не умерли подобные рефлексии и сейчас, тем более что их в эгоистических целях подпитывают различные политические силы и талантливые провокаторы.

В таком же положении оказалась и Европа. Европейцы давно объясняют свои геополитические преимущества в религиозно-гносеологических терминах. Почему Европа сильнее всех, почему завоевала весь мир, почему европейцам принадлежит большинство научных, технологических и экономических открытий? Потому что европейцы самые трудоспособные, свободолюбивые и высокоморальные. Представители же других культур, пусть обладающих высокой мудростью, так и не научились ее, эту мудрость, применять, а потому живут в грязи и неустройстве, а государства их — все как одно — деспотические и хилые. Ткни, особенно европейским штыком, — и развалятся.

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист, преподаватель Бостонского университета (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей. Член редакционного совета поэтического альманаха на русском языке «Флейта Евтерпы» (Бостон).

Во всем этом много правды. Даже в самых абсолютистских странах Европы уровень личной свободы после 1648 года был выше, чем в любом государстве других регионов планеты, особенно в громадных империях Востока, являвшихся геополитическими конкурентами европейцев. И эти империи по очереди становились сателлитами, колониями или полуколониями Европы, за одним исключением. Какую же неуправляемо злобную реакцию вызывало у некоторых европейских интеллектуалов существование этого исключения!

Ведь эта империя не была технически развитой, не заботилась о правах граждан и не могла похвастаться прекрасной государственной организацией. Ее избыточный управленческий слой обладал сравнительно низкой квалифицированностью и эффективностью, а также был склонен к взяточничеству (то есть империя к тому же была воровская и коррумпированная). Но почему-то она упорно не желала разваливаться!

«Загадка России» всегда обсуждалась на Западе в терминах конкурентной борьбы. Ключ к российской государственной устойчивости искали в географии, национальной психологии или генетике — русской свирепости, покорности, терпеливости и воинственности, перемешанных в произвольных пропорциях, а также в православной догматике и татарском влиянии (первая при этом была «ригидной» или «обскурантистской», а последнее — «деспотическим»). События XX века только способствовали укреплению подобных стереотипов.

Россия платила Западу взаимностью, не раз и не два прибегая к его завистливому охаиванию. При этом значительная часть российского общества умудрилась заразиться западным взглядом на собственную страну, взглядом, за редким исключением, пристрастным и недружественным. Добавим, что так называемые патриоты в соответствии с третьим законом Ньютона настаивают на полной «положительности» родины и обеляют ее так, что глазам больно. Конечно, догм и штампов хватало и на Западе, но как же благотворно сказался на его истории отказ хотя бы от некоторых!

На борьбу с одним из подобных клише, точнее с целым их набором, и отправился более 10 лет назад Маршалл По. Удивительно, но выводы автора не только не устарели, но становятся все современнее, что называется, прямо на наших глазах. Монография называется «Российское мгновение мировой истории» (*Poe M. T. Russian Moment in World History. Princeton: Princeton University Press, 2003*)², и в самом ее начале По сразу сообщает, что «из множества глупостей, сказанных о русских, самым распространенным, возможно, является суждение о том, что они некоторым образом

² Название книги можно перевести как «Российское мгновение мировой истории» и еще двумя-тремя сходными способами. Например: «Российский эпизод мировой истории» или, наоборот, «Российская эпоха» — в зависимости от политической философии переводчика или издателя.

предрасположены к авторитарному способу правления». Другим широко распространенным ложным суждением, пишет он, является мнение о врожденной тенденции русских расширять свои границы путем завоеваний.

Причиной существования подобных воззрений, считает По, является историко-геополитический европоцентризм, рассматривающий под неверным углом отнюдь не одну Россию. И уже во вступлении По делает один из своих главных, простых и очевидных выводов: Россия — не Европа и не Азия, это отдельная цивилизация, зародившаяся на границе культуры европейской и в течение многих веков не только сохранившая идентичность, но и отстаивавшая свою независимость перед лицом постоянной агрессии.

М. По не оправдывает кровавых тиранов, не пишет с придыханием об «исторической миссии русской цивилизации». Его очки прозрачны, через них видны российская бедность и государственный милитаризм и многое другое. Но не надо путать оценку этих явлений с их объяснением. Для По негативные стороны российского исторического опыта есть часть естественного процесса, необходимая плата за культурную и политическую независимость перед лицом более развитого, лучше вооруженного и организованного агрессора.

Исключением в мировой истории (тут с По опять не поспоришь) является Европа. Именно здесь произошел промышленный переворот, был заключен Вестфальский мир. В XVI–XVII веках Европа стала мировым лидером. Понимание этого было свойственно европейцам давно. «Какими путями пришла Европа к культуре, как обрела она то достоинство, каким отмечена перед всеми другими народами?» — писал Гердер в 1791 году.

Во всем этом отнюдь не последнюю роль играли успехи военные. Огнестрельное оружие и регулярная армия перебросили человечеству мостик из Средневековья в Новое время и обозначили начало «европейской эпохи» мировой истории. Одним из ответов на «вызов Европы», и, согласно По, единственным успешным, стал «русский проект».

«Неевропейскость» России начала по-настоящему смущать историков ближе к середине XIX века (Гегель почти не упоминает Россию в «Философии истории»). Повлиял на это исход Наполеоновских войн, когда «мы очутились в Париже, а русский царь — главой царей»¹. Военная мощь и устойчивость империи перед лицом иноземного нашествия произвели большое впечатление на европейцев, но не менее впечатляли иные, несомненно средневековые, аспекты общественного бытия континентальной монархии. Тогда впервые потребовались обоснования российской «отсталости» и «инаковости» и того необычного синтеза, который они являли миру. В этом По вслед за другими авторами находит объяснение вниманию, ко-

торое начиная с середины XIX века уделялось татаро-монгольскому игу, якобы заставившему нашу родину свернуть с «западного цивилизационного пути». Признание того, что Россия не Европа, было слишком болезненным для российских мыслителей, пишет По (добавим — оно для них болезненно до сих пор), потому для объяснения реалий, нарушавших строй господствовавших философских идей, и родился «миф о татаро-монгольском иге».

Заметим, что при изложении истории средневековой Руси автора немного заносит. Это произошло потому, что ученый поставил себе задачу спорить со всеми и излагать сложные исторические процессы в одном-двух предложениях. Однако не хотелось бы останавливаться на мелких, пусть и режущих глаз, огрехах. Ведь наиболее доказательный тезис По выдвигает в главе, посвященной Руси постсредневековой (в соответствии с традиционной исторической терминологией, которая в отношении России не вполне адекватна). Руси, впервые вошедшей в близкий контакт с Западом — Западом Возрождения, Реформации и надвигающегося промышленного и экономического переворота.

Окончательно Московская Русь, считает По, сформировалась примерно в то же время, когда развитие европейской мысли и техники сделало Европу повелительницей мира. Тогда, в XVI веке, по всей планете было раскидано множество различных империй, которые автор объединяет термином «предсовременные», точнее — «империи раннего Нового времени» (premodern empires). Здесь можно с ним подискутировать, ибо, в отличие от постсредневековых Порты и Мин, государства ацтеков и инков являлись империями античными. Но главное наблюдение По неоспоримо: к XVIII веку почти все неевропейские государства потеряли свою независимость и только самые отдаленные и крупные лишились ее в XIX веке. В схватке с Европой устояла лишь Россия. Да, автор забыл про Японию, закрывшуюся от внешнего мира даже непроницаемее, чем допетровская Русь; да, Китай был европейской полуколонией недолго, но, опять-таки, не будем придираться.

Колонизация часто выглядела неприглядно. Ни одним из «отсталых» народов потеря независимости не приветствовалась — ни инками, ни индусами. Почему же Россия должна была хотеть стать западной колонией? Или вассалом? Предвидеть, что ли, нужно было, как через 300 лет все обернется? Да и разве бывшие колонии живут ныне много лучше России?

Поэтому отстаивание Российского государства есть процесс естественный, природный, он не имеет «русской специфики». Всем хочется быть независимыми, не у всех получается. Тем интереснее, что, с точки зрения автора, метод обороны, выбранный российским правящим классом, оказался адекватным и успешным. Снова хочется сказать: подобная реакция была нормальной и объяснимой. По часто употребляет выражения: «российская элита поняла», «российская верхушка осознала», «русские уяснили». Читатель может решить, что развитие России — процесс продуманный, шедший по формуле «Царь решил, и бояре приговорили». Нет, Россия двигалась путем проб и ошибок.

¹ Краткое описание *Sitze im Leben* этих событий по отношению к созданию «русского мифа» см.: Ильинский П. О. О русской национальной идее и ее влиянии на отечественную историографию // Ильинский П. О. Долгий миг рождения. М., 2004. Детальное освещение данного периода идейной истории Российской империи см.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Не было, заметим, и другого — желания европейцев непременно завоевать Россию. Не забывает автор о географических факторах, в частности об отсутствии у России доступного для колонизаторов побережья. Наличие же громадной сухопутной границы было одновременно благом и злом. С одной стороны, она делала Россию уязвимой сразу на многих направлениях, а с другой — требовала от агрессоров длительных экспедиций и страховала страну от гибели даже после тяжелых военных поражений.

Но не только географией объясняет автор историческую устойчивость России. Основным фактором, считает он, стала абсолютная монархическая власть, оказавшаяся способной принять комплекс военно-политических мер, обеспечивших целостность России перед лицом технически превосходящего противника. К таким мерам относились закрытие границ, принятие на службу ограниченного контингента иностранных военных-наемников, создание сословия прикрепленных к земле служилых людей и бесперывное стремление отодвинуть границы от жизненных центров государства. Таким образом, «используя мобилизационные и организационные средства самодержавия, московский воинский класс вознамерился и оказался в состоянии осуществить то, чего не смогли или не захотели сделать инки, ацтеки, турки-османы, Сефевиды, Великие Моголы или империя Цинь: трансформировать общество для защиты своих интересов». Результатом этого процесса «стало возникновение общества, невиданного в истории человечества, история которого связана исключительно с Россией и с ее борьбой против Европы». Существование такого общества и составляет «российский период мировой истории».

По справедливо возражает тем, кто, говоря о российской истории, употребляет исключительно пораженческие термины. Напротив, считает он, Россия преуспела. Россияне на протяжении пяти столетий сумели сохранить свое государство (в отличие от остального неевропейского мира), опираясь только на собственные ресурсы и уникальную политическую систему, вне сомнения, авторитарную. Неудачей существование России, заключает автор, можно признать с европейской точки зрения, но никак не с русской. «Лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое», — заметил по этому поводу Мишель де Монтень.

Парадигма допетровского времени повторилась после технологической революции рубежа XVIII–XIX веков. Во второй четверти XIX века Европа вновь сделала невероятный скачок вперед, после чего индустриальные государства поделили мир. Эти события поставили перед Россией новые проблемы, которые остро обозначило ее поражение в Крымской войне. И Россия начала их решать. Сейчас очевидно, что она делала это довольно успешно. Однако времени не хватило, результатом чего стала катастрофа Первой мировой войны, после чего к власти пришла группа самых радикальных реформаторов — единственная политическая сила, оказавшаяся способной сохранить цельное государство и окончательно его модернизировать.

Модернизированное коммунистами общество в свою очередь вновь проиграло геополитический поединок обществу постиндустриальному. После этого произошла еще одна катастрофа, но уже меньшего, чем в 1917–1918 годах, масштаба, ибо она не сопровождалась иноземным вторжением, что завершилось, согласно По, отказом от продолжения «российского проекта» в 1991 году. Правящий класс, пишет он, потерял веру в систему, которая так долго и надежно ему служила. Однако итог «русского мгновения» вовсе не кажется автору отрицательным. «Русская тропа», пишет он, вела к развитию и просвещению, пусть не в самой лучшей форме, но это все равно было колоссальным улучшением; «россияне эры модернизации и те, кто пошел за ними по тому же пути, жили лучше, дольше и безопаснее, чем их предки. Признание этого факта не может послужить извинением или оправданием жестокости статичной модернизации. Скорее это может сделать “русский момент” более объяснимым для будущих поколений».

Вопрос, который возникает при размышлениях о русской цивилизации, — ее асимметричность, кажущаяся вечной и необоримой. С одной стороны, деспотизм, а с другой — просвещенный; с одной стороны, Академия наук с Эйлером и Ломоносовым, а с другой — крепостное право; с одной стороны, город на костях, а с другой — самый красивый в мире; с одной стороны, матушка-государыня, а с другой — похотливая сучка; с одной стороны, Королев и Ландау, а с другой — лубяньские подвалы (где они оба успели побывать); с одной стороны, русские оказались в Берлине, а с другой — сколько миллионов их соотечественников не смогли увидеть ни своих внуков, ни даже детей?

Не нужно мучиться от этой двойственности или обсуждать ее в терминах религиозных, пытаясь выяснить, что именно наслал Всевышний на Россию — кару или благословение. Не следует также искать объяснение в водке, климате и истории XVI столетия. У исторической и культурной асимметрии российской цивилизации вполне естественные причины.

Рядом с Россией всегда был самый сильный в мире противник, не только военный, но и философский, у которого хочется не только многому научиться, но и доказать, что сам не дурак. И при этом не перестать быть самим собой, сыном своих родителей, сыном своей земли. Еще важнее, говорил Дон Кихот (может быть, величайший из созданных западной цивилизацией образов), быть «сыном своих дел». Виновата ли Россия в том, что на протяжении многих веков пыталась быть «дочерью своих дел», как пытается и сейчас?!

Но что заимствовать? В смысле не индивидуальном, а общественном, государственном? Вот, кажется, каков еще один главный российский вопрос. Политически активные слои общества и правящий класс отвечают на него по-разному, и это впервые проявилось 14 декабря 1825 года. Эта проблема не была разрешена, что привело сначала к перевороту 25 октября 1917 года, а потом к 19 августа 1991-го. Революция в России — отнюдь не ошибка истории, а логичный ее поворот, говорящий об отсутствии общественного согласия, причем по самым животрепещущим вопросам.

События 1917 года не стоит переосмысливать, как нельзя оправдывать невероятные преступления, совершенные режимом большевиков. Смешно отрицать, что при коммунистах в России была успешно проведена индустриализация. Да и устояла бы молодая демократическая Россия во Второй мировой войне, когда рухнули почти все европейские демократии? Но очевидно, что в дальнейшем так называемая социалистическая система оказалась бесплодной, ибо в ней отсутствовал механизм восприятия государством нужд общества — обратная связь между управляемыми и управляющими. 19 августа 1991 года Россия решила, что ей необходима такая связь.

Немудрено, что ни свободной печати, ни многопартийности в России за несколько лет создать не удалось (у Запада на это ушло гораздо больше времени). Будет счастьем, если это удастся сделать за одно-два десятилетия. Мучиться этим не нужно, надо работать. И в конце концов — от цивилизации остается лишь культура, а по этому параметру Россия никому не уступает. Но чтобы и далее культурно развиваться, Российское государство должно быть крепким и устойчивым, то есть демократическим, открытым и эффективным.

Поэтому, на наш взгляд, автор книги ошибается, говоря, что события 1991 года символизировали отказ России от своего пути. Просто Россия созрела для заимствования социальных институтов Запада, ибо иначе она может навечно остаться догоняющей, асимметричной. Речь не идет о слепом подражании, об отказе от себя — ни сейчас, ни потом. Ни сегодняшним россиянам, ни их потомкам не следует стремиться под общий благоустроенный гребень, становиться выхоло-

щенными и малокровными. Впрочем, вряд ли у России такое будущее: слишком много у нее нерешенных проблем и открытых границ. Да и сомнительно, что грядущие времена обойдутся без ранее неведомых вызовов, причем не обязательно геополитических. Например, история борьбы со СПИДом и атипичной пневмонией, попытки противостоять надвигающейся пандемии гриппа явственно доказывают, что таким угрозам может противостоять только западная научная система, поэтому эффективное финансирование образования и науки и их *свободное развитие* по западному образцу (но не трафарету) являются вопросами безопасности Российского государства.

Несмотря на существующие на Западе предрассудки, только от самой России зависит, когда соседи станут воспринимать россиян как равных. Кстати, европейцы в этом заинтересованы больше других: в союзе с Россией они могли бы создать жизнеспособную суперсистему, объединяющую опыт и мощь, консерватизм и безоглядность, страсть к порядку и стремление к звездам. Ради такой перспективы стоит трудиться. Это гораздо привлекательнее и реальнее, чем «победа коммунизма во всем мире» или сохранение мифической русской соборности или богоизбранности. Безусловно, западные социальные и цивилизационные инструменты невозможно механически перенести на российскую почву; их надо кропотливо приспособлять к российским реалиям. Конечно, это не получится по мановению руки. Торопиться не нужно, но и медлить опасно.

Поэтому «российский проект» продолжается. И пусть еще много веков длится «российский день»: мы не лучше других, но и не хуже. Мы — другие, и нам не должно быть за это стыдно.

Валур Ингимундарсон¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ И «ИДЕОЛОГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Введение

На дискуссии об Арктике, которые ведут политические элиты заинтересованных стран и средства массовой информации, большое влияние оказывает то, что Мишель Фуко назвал «идеологией возвращения»². Шаг за шагом вопросы Арктики стали частью государственной политики ряда стран и вопросами геополитического положения. В них отражены веками предпринима-

вшиеся попытки дать определение «неразработанному региону» — неизведанному, но обладающему огромным стратегическим потенциалом, учитывая природные ресурсы и влияние климатических изменений, — используя при этом утопические и антиутопические термины. Надо отметить, что арктические страны, имеющие территории в Арктике, демонстративно отрицают, что началась новая «большая игра». Также они не признают необходимость международного сотрудничества и выработки правил и инструкций о юрисдикции Арктики и доступе к ее природным ресурсам, в первую очередь нефти и газу. Однако заявления национальных элит подняли геополитические ставки в этой игре. И хотя речь не идет о расширении владений в Арктике, эти заявления касаются по меньшей мере охраны суверенных территорий и территориальных вод³.

В этом докладе я остановлюсь на различных политических интерпретациях вопросов Арктики и покажу,

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² См.: Michel Foucault "Space, Knowledge and Power" in: Foucault M. Power: The Essential Works / ed. by J. D. Faubion. N. Y.: New Press, 2001. P. 359 [Мишель Фуко «Пространство, знание и власть» в кн.: Фуко М. Власть].

³ Wezeman S. T. Military Capabilities in the Arctic // SIPRI Background Paper. 2012. Mar. [Симон Т. Веземан. Военные возможности в Арктике : справ. публ. / Стокгольмский ин-т исследования проблем мира. 2012. Март]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=442

как представления о прошлом все еще пересекаются с современными реалиями Арктики. Вместо того чтобы исчезнуть, исторические парадигмы претерпели изменения: утратив способность действовать как официально разрешенные и ведущие социальные и политические идеи, старые модели продолжают существовать и в настоящее время, хотя и принимают другие формы¹. Я покажу, что метавысказывания об Арктике в большинстве своем содержат отголоски имперского прошлого, а также имеют несопоставимую, хотя и взаимосвязанную историческую генеалогию: возвращение к великодержавной политике XIX века; романтический ореол идеологии «истинного» Севера, благодаря которому возвеличивается представление о том, что человек — не неотъемлемая часть природы, а высшая форма жизни, и желание захватить «нетронутую» территорию на основе суверенных прав; и вновь введенные в оборот рассуждения и методы времен холодной войны. Все эти политические рассуждения подтверждают, что построение пространства Арктики не статично, отражает характер самой территории; подвергается модификациям и переоценке. Это подтверждает и то, что подчеркивал Аллан Кокрейн, а именно: территорию не следует воспринимать как данность, которую необходимо вписать в рамки политики, а скорее как нечто, что активно формируется и изменяется в рамках политического процесса².

Определение политического устройства Арктики

Вновь возникшее внимание к геополитике Арктики отражает традиционные дихотомии сотрудничества и конфликта, а также территориального суверенитета и международного правления. Большая часть территории Арктики уже является частью юрисдикции арктических государств или их исключительных экономических зон (ИЭЗ). Остается решить морские споры между отдельными арктическими государствами и вопросы принадлежности определенной территории, простирающейся за пределами 200 морских миль экономических зон в Северном Ледовитом океане³. Легитимность нынешней системы интеграции и управления в Арктике закреплена в Конвенции ООН по морскому праву и наиболее влиятельным региональным межправительственным сообществом — Арктическим советом, который был открыт для различных национальных и транснациональных влияний, осуществляемых участниками, такими как коренные народы Арктики,

¹ *Dimitrijević N.* Justice beyond Blame: Moral Justification of (the Idea) of a Truth Commission // *Journal of Conflict Resolution*. 2006. Vol. 50. № 3. P. 371 [*Димитриевич Н.* Справедливость вне вины: нравственное обоснование (идеи) комиссии истины // *Джорнал оф конфликт резолюшн*. 2006. Вып. 50. № 3. P. 371].

² *Cochrane A.* Making up a region: the rise and fall of the South East England as a political territory // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2012. № 30. P. 95. [*Кокрейн А.* Восстановление региона: подъем и упадок юго-восточной Англии как политической территории // *Окружающая среда и планирование C: правительство и политика*. 2012. № 30. С. 95].

³ Конвенция ООН по морскому праву позволяет арктическим державам претендовать на дополнительные территории, если доказано и одобрено Комиссией ООН по границам континентальных шельфов, что определенные территории выходят за пределы их континентальных шельфов. Комиссия ООН может лишь определить размер континентального шельфа, но не наделена полномочиями решать споры между государствами.

неарктические государства и межправительственные, межпарламентские и неправительственные организации. Пять арктических прибрежных государств — Россия, Канада, США, Норвегия и Дания (Гренландия), которые претендуют на территории в Северном Ледовитом океане, а также три дополнительных арктических государства — Исландия, Финляндия и Швеция — составляют Арктический совет. Страны, входящие в Арктический совет, добились для себя главенствующего положения на основе суверенных прав и регионального присутствия. На них, однако, оказывается давление, цель которого — помочь коренным народам Арктики получить право голоса в управлении, а также добиться участия в совете таких неарктических государств, как Китай и другие страны Азии, на том основании, что глобальные последствия экологической трансформации, происходящие в Арктике из-за изменения климата, выходят за рамки узких традиционных государственных и региональных интересов.

Эрнст Б. Хаас использовал термин «турбулентность», чтобы объяснить, почему так сильно отличаются представления претендентов, заявляющих права на Арктику, в ситуации, где существует множество составляющих. Каждый участник связан с другими участниками системой взаимозависимостей и в то же время преследует личные цели, которые могут быть несовместимы с целями других участников. Учитывая отсутствие определенности относительно возможных компромиссов, во многих случаях эти цели не могут быть достигнуты без сотрудничества. Структура установленного порядка не позволяет участникам как единой группе выработать систему общих интересов, поведения и добиться общих результатов⁴. «Арктическая восьмерка» имеет много общих целей, которые в основном направлены на то, чтобы сохранить их привилегированный статус в Арктике. Но в то же время они придерживаются разных мнений относительно прав участников и вопросов управления. То же самое касается других арктических и неарктических участников, в том числе коренных народов Арктики, государств, не представленных в регионе, и неправительственных организаций. Таким образом, неоднородные интересы и состав участников препятствуют созданию «окончательной» системы институтов или взаимодействию, основанному на сходимости структур, процессов и деятельности⁵. Тем не менее государственные интересы в Арктике, основанные на требованиях суверенитета, все еще преобладают над регионалистскими и межправительственными мотивами.

Борьба против идеологии возвращения

Упоминание и трактовка исторических событий в Арктике используются во внеисторических целях.

⁴ *Haas E. B.* Turbulent fields and the theory of regional integration // *International Organization*. 1976. Vol. 30. № 2. P. 179. [*Хаас Э. Б.* Турбулентные области и теория региональной интеграции // *Интернэшнл организейшн*. 1976. Вып. 30. № 2. С. 179].

⁵ *Cao X.* Global Networks and Domestic Policy Convergence: A Network Explanation of Policy Changes // *World Politics*. 2012. Vol. 64. № 3. P. 377. [*Чо С.* Глобальные сети и сходство внутренней политики: сетевое объяснение изменений политики // *Ворлд Политик*. 2012. Вып. 64. № 3. P. 377].

Выражение «битва за Арктику» чрезмерно часто используется средствами массовой информации, чтобы указать на возможное возвращение к сырьевой геополитике: к «битве за Африку», имевшей место в XIX веке в период нового империализма. Учитывая негативные моменты, связанные с колониализмом, империализмом и милитаризмом времен холодной войны, Фуко совершенно справедливо восставал против всех стандартных форм «идеологии возвращения». Хотя вполне оправданным представляется использование прошлого с целью критики настоящего, невозможно основывать исторический анализ на следующем суждении: «Давайте вернемся в те золотые деньки, когда западные державы колонизировали Африку». Также нельзя откровенно использовать его для оправдания аннексии иностранных территорий ради собственной выгоды или идеологии мессианства, к примеру «миссия приобщения к цивилизации», что проявляется в колониальной «обязанности» Европы нести западную цивилизацию «отсталым народам». То же самое касается и доктрины предначертанности, которая легла в основу теории, появившейся в XIX веке, о том, что США суждено расширить свое влияние на весь континент Северной Америки, так как так хочет Бог. Эта доктрина позднее была заново сформулирована и послужила обоснованием «крестовых походов за идеалы свободы» по всему земному шару, которые имели место во времена холодной войны. Надо отметить, что воскрешение протекторатов и опеки иностранных территорий, в основном контролируемых западными государствами, но узаконенных Организацией Объединенных Наций и другими международными органами, такими как ЕС, НАТО и ОБСЕ, было одним из самых ярких проявлений международной системы после окончания холодной войны. Михаэль Боте и Тило Мараун признают, что такие протектораты и опека по-прежнему тесно связаны с «особыми политическими и историческими ситуациями», с традиционным вооруженным конфликтом или колониализмом. Такие вмешательства пытались оправдать — некоторые успешно, некоторые не очень, — ссылаясь на задачи Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности¹. Но, несмотря на исторические сходства и прецеденты, язык и методы были приведены в соответствие с существующей в настоящее время целесообразностью, что поставлено в зависимость от того, что «позволено» и «выполнимо» в геополитической сфере.

Возврат к эпохе колониализма и холодной войны

«Битва за Арктику» использовалась как предупреждение против «идеологии возвращения» и необходимости поддержания устройства, основанного на сотрудничестве в Арктике. Действительно, мрачные предска-

зания о бесполезности главного межправительственного органа Арктики, Арктического совета, особенно после заседания «Арктической пятёрки», состоявшегося в 2008 году в г. Илулиссат (Гренландия), сменились рассуждениями о его главенствующей и объединяющей роли. Но ссылки на соперничество великих держав, характерное для прошлого, также имели обратный эффект, приведя к неоколониализму, хотя предполагалось, что такие упоминания послужат цели использования опыта прошлого для решения проблем современности.

В обращении к политикам США, прозвучавшем в известной статье, опубликованной в журнале «Форин эффейрз», Скотт Борджесон призвал вновь обратить внимание на Арктику и взять на себя глобальную руководящую роль с целью предотвращения вспышки в регионе «неистовой борьбы за ресурсы Арктики». Скотт Борджесон применительно к этому вопросу перефразировал ностальгическую фразу, прозвучавшую как «Отправляйся на Север, парень!». Таким образом он обращается к опыту американских переселенцев, основанному на крепкой мужской дружбе. Эта ссылка на исторические события должна была способствовать возрождению духа отваги и юношеского азарта (плюс подразумевающиеся возможности личного обогащения), который ассоциируется с ролью первопроходца и участника проекта по заселению новых территорий. Таким образом были проведены параллели между Арктикой и колонизацией американского Запада: и то, и другое представляется как амбициозная и благородная цель для молодых людей. В этих исторических повествованиях, конечно, не упоминается угнетение расовых меньшинств в результате переселения первопроходцев. И применительно к современности, как и следовало ожидать, миллион «коренного населения», проживающего в Арктике, просто не упоминается. Но ссылки на прошлое явно указывают на актуальность таких колониальных рассуждений в представлениях прагматиков, рассуждающих об Арктике. Аналогичным образом, давая оценку будущим стратегическим разработкам в своем недавнем выступлении, Бари Скотт Зеллен говорит об использовании схем времен холодной войны применительно к Арктике. Он утверждает, что «арктическая весна» потенциально может способствовать трансформации Арктического бассейна «подобно тому, как Пражская весна имела все возможности открыть Чехословакию для Запада и способствовать ее интеграции с Западом»², и продолжает: надежда, которая нашла отражение в Пражской весне, хотя и не сбывшаяся в 1968 году, воплотилась в «бархатной революции» 1989 года. Такие надуманные аналогии, надо признать, выглядят скорее забавно, чем серьезно, но опять-таки свидетельствуют об актуальности метафор холодной войны в настоящем.

¹ См.: *Bothe M., Marauhn T.* U. N. Administration of Kosovo and East Timor: Concept, Legality, and Limitation of Security Council-Mandated Trustee Administration // *Kosovo and the International Community: A Legal Assessment* / by ed. C. Tomuschat. L. : The Hague ; N. Y. : Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 219. [*Bothe M., Marauhn T.* ООН. Управление Косово и Восточным Тимором: концепция, законность, ограничение администрации, получившей полномочия от Совета Безопасности // *Косово и международное сообщество: юридическая оценка* / под ред. К. Томушат].

² *Zellen B. S.* Stability and Security in a Post-Arctic World: Toward Convergence of Indigenous, State, and Global Interests at the Top of the World // *The Fast-Changing Arctic: Rethinking Arctic Security for a Warmer World*. Calgary, Alberta : University of Calgary Press, 2013. P. 343. [*Зеллен Б. С.* Стабильность и безопасность в постарктическом мире: к единству интересов коренных народов, государства и мира // *Стремительно изменяющаяся Арктика: переосмысление безопасности Арктики для более теплого мира*].

Рассуждения об Арктике в Канаде также основаны на мифах об очаровании Севера, политике идентичности и силовой политике. Во-первых, они сосредоточены на особенностях идентичности канадского «истинного Севера», что служит средством отмежевания от Соединенных Штатов. Действительно, канадцы и американцы продолжают «соглашаться, что у них нет согласия» по вопросу Северо-Западного прохода, который, по мнению Канады, принадлежит ей, в то время как Соединенные Штаты считают его международным морским путем. Но для Канады этот легендарный проход стал источником исторических и эмоциональных мифов о границе. В XIX веке известная британская экспедиция, пытавшаяся отыскать его, окончилась смертями и лишениями, так как члены экипажа кораблей считали себя представителями цивилизации Викторианской эпохи, поэтому гордость не позволила им просить о помощи эскимосов. Пытаясь противостать «идеологии возвращения», канадское правительство предприняло попытки сотрудничать с эскимосами и использовало их в качестве проводников по канадской Арктике. В крайних проявлениях рассуждения о территориальных границах Канады граничат с «навязчивой идеей суверенитета». Примером этому может служить часто цитируемое замечание премьер-министра Канады о государственном контроле прохода через Канадский арктический архипелаг: «Пользуйся им — или потеряешь». В этом проявляется то, что Франклин Гриффитс назвал «опасения за собственность»¹, что заставляет Канаду удерживать Соединенные Штаты на расстоянии вытянутой руки, когда речь заходит об Арктике, а также с большим подозрением относиться к России, которая имеет наибольшие права на богатства Арктики. Однако, как отмечает П. Уитни Лакенбауэр, хотя Канада и критично относится к российской риторике об Арктике, она практически зеркально отображает ее.

Внешние реалии могут создаваться и воссоздаваться независимо от того, соответствуют ли они геополитической логике, научной хронологии событий, в том числе изменениям климата и открытию морских путей. Хотя установка флага российской экспедицией на Северном полюсе в 2007 году преследовала преимущественно политические цели, этот акт оказал огромное влияние на других участников — на страны, имеющие территории в Арктике. Этот акт вызвал мощную националистическую реакцию в Канаде, ускорил разработку директивы президента США по Арктике и способствовал инициативам, выдвинутым во время встречи «Арктической пятерки» в г. Илулиссат. Можно утверждать, что установка флага была случаем «идеологии возвращения». Этот акт был воспринят не только как символический геополитический подвиг, но и как научный прорыв. «Это как установить флаг на Луне», — как выразился один из представителей России². Такие высказывания вызывают в памяти другие дискуссии о соперничестве сверхдержав и завоевании космоса в 1950–1960-х годах. Как заявил Джон Ф. Кеннеди в своей речи: «Мы стоим на краю новой границы — границы

неосуществленных надежд, границы неизведанных возможностей и понимания опасности. За этой границей находятся неисследованные области науки и космоса, нерешенные проблемы войны и мира, непобежденные проблемы невежества и предрассудков, вопросы бедности и капитала, до сих пор остающиеся без ответа»³.

Решение России возобновить полеты бомбардировщиков в Североатлантическом регионе и в других точках (практика, которая была прекращена после распада Советского Союза) объяснялось желанием восстановить в символической форме военную доблесть России и обозначить ее геостратегические интересы в таких регионах, как Арктика. Как и во времена холодной войны, за этими полетами внимательно следили (или) их сопровождали отдельные страны НАТО. На первый взгляд в этих полетах бомбардировщиков и патрулировании воздушного пространства странами НАТО заключается связь между прошлым времен холодной войны и будущим Арктики. И все же, хотя эти действия символически и повторяют прошлое, они не представляют собой «идеологию возвращения». Западные страны не рассматривают стратегическую авиацию России как угрозу их территории, хотя эти полеты и действуют на некоторых как раздражитель. В то же время это еще раз подчеркивает двойственные представления Запада о России. По словам Шанталь Муфф: «Приходится признать, что идея о политическом сообществе, в которое войдут абсолютно все, никогда не осуществится. Всегда будет существовать некая “внешняя составляющая”, внешняя часть этого сообщества, что является непременным условием самого существования такого сообщества. Если принять точку зрения о том, что не может быть “мы” без “они” и что все формы консенсуса непременно основываются на актах изоляции, то больше нельзя всерьез рассматривать создание сообщества, в которое войдут все и в котором исчезнут вражда, раздоры и конфликты»⁴.

Как и некоторые другие арктические государства, Дания борется с наследием колониальной эпохи и времен холодной войны в Гренландии. Ключевой вопрос заключается в том, какие мотивы стояли за датской политикой в Гренландии: желание обеспечить социальное и экономическое благополучие гренландцев или попытки восстановить альтернативную форму колониальных взаимоотношений во имя национальной истории, традиций и престижа, учитывая факторы холодной войны, деколонизации и арктической геополитики⁵. Датчане обязаны будут уважать суверенитет Гренландии, если гренландцы решат отделиться от Королевства Дания. Хотя у Гренландии имеется потенциал для того, чтобы стать независимым государством, учитывая ее природные ресурсы, гренландцы представляют собой маленькое сообщество, состоящее

¹ Griffiths F. Towards a Canadian Arctic Strategy / Canadian International Council. URL: http://www.canadian_internationalcouncil.org

² См.: The Guardian. 2007. 2 Aug. [Гардиан. 2007. 2 авг.].

³ Речь Джона Кеннеди на общем собрании национальной демократической партии. Официальное заявление о согласии баллотироваться в президенты. Лос-Анджелес, 1960.

⁴ Mouffe C. The Return of the Political. L.: Verso, 1993. P. 85. [Муфф Ш. Возвращение к политическому. С. 85].

⁵ См.: Olesen T. B. Between Facts and Fiction: Greenland and the Question of Sovereignty // New Global Studies. 2013. Vol. 7. № 2. P. 117–128. [Оlesen Т. Б. Между фактами и вымыслом: Гренландия и вопрос суверенитета // Нью Глобал Стадис. 2013. Вып. 7. № 2].

из 57 тыс. жителей, так что их возможности контролировать огромную территорию значительно ограничены. Тем не менее отмечается растущее желание политической элиты Гренландии дистанцироваться от Дании. Уже довольно долгое время существует особая схема, носящая имперский характер, отношений Дании и Гренландии. Эта система носит колониальный и неоколониальный характер, в то время как официально звучат заявления о модернизации, интеграции и взаимозависимости. Прежде эта система держалась на трех китах: «моральный долг» помочь гренландцам получить доступ к системе социального обеспечения, либеральной экономике и технической базе; желание, декларируемое политической и культурной элитой Гренландии, получить помощь от Дании и заинтересованность Дании в сохранении власти над Гренландией¹. Остается открытым вопрос о том, примет ли Гренландия в ближайшей или среднесрочной перспективе решение о полной независимости от Дании на основе оговорки о независимости, содержащейся в Акте о самоуправлении. Но независимо от результата противоречие между западными разговорами о модернизации и тенденциями к независимости у коренных народов остается характерной чертой датско-гренландских отношений.

Одержимость норвежцев Шпицбергом или Свальбардом — и их особое место в культурных представлениях — является примером исторической идеализации того, что норвежцы называют Крайним Севером в сочетании с территориальными амбициями и силовой политикой². Норвежцы проводят целенаправленную работу против того, что они считают попытками делегитимизации, противоречащими их видению власти Норвегии над Шпицбергом. Противоречит их точке зрения мнение, что равные права на осуществление мирной экономической деятельности сторонами Шпицбергенского трактата 1920 года распространяются на континентальный шельф, а также отказ признать законность установленной Норвегией рыбоохранной зоны в 200 милях близ территории Шпицбергена. Стратегия Норвегии на Крайнем Севере представляет собой наглядный пример: в ней предлагается «гибкая» политическая интерпретация Крайнего Севера. Согласно этой стратегии территория Крайнего Севера охватывает и Северную Атлантику, и Арктику. Географически она охватывает область, простирающуюся от Баренцева до Гренландского моря. С политической точки зрения, однако, это выдает амбициозный план, касающийся в том числе и отношений Норвегии с соседними государствами, такими как Швеция, Финляндия и Россия; сотрудничества северных стран; отношений с США и Канадой в Арктическом совете и связей с Европейским Союзом как с частью северного измерения

¹ *Nielsen K. H.* Transforming Greenland: Imperial Formations in the Cold War // *New Global Studies*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 129–154. [*Нильсен К. Х.* Трансформация Гренландии: имперские предпосылки Холодной войны // *Нью Глобал Стадис*. 2013. Вып. 7. № 2].

² По вопросу стратегии Норвегии на Крайнем Севере смотрите два правительственных доклада: “*Regjeringens nordområdestrategi*” [Стратегия правительства на Крайнем Севере] (Осло, Министерство иностранных дел Норвегии, 2006); “*Nordområdene: Visjon og virkemidler*” [Крайний Север: видение и меры] (Осло, Министерство иностранных дел Норвегии, 18 ноября 2011 г.).

(вместе с Исландией и Российской Федерацией)³. Словом, эта стратегия отражает всеобъемлющий подход, в котором пересекаются разнообразные национальные интересы и транснациональные процессы, например экологические, юридические вопросы и проблемы рыболовства с геополитикой и эксплуатацией природных ресурсов. Но если снять все эти внешние слои, преимущественно останется только силовая политика: отношения с Россией, а также нефть и газ в Арктике.

Исландские дискурсы об Арктике также представляют собой укоренившиеся исторические мифы, в которых прошлое используется для создания жизнеспособных политических интерпретаций в настоящем. Упоминание термина «Арктическое Средиземноморье», придуманного исследователем Вильямуром Стефансоном, используется для описания утопических материалистических возможностей, которые основаны на будущих открытиях новых морских путей и трансарктической торговли, которая станет возможна в результате таяния снежного покрова Арктики⁴. Так, официальные лица Исландии выдвинули, изменили формулировки и сменили оформление идей, высказанных Стефансоном в начале XX века, о действующих круглый год торговых морских маршрутах, проходящих поблизости от Арктики: с портами, военно-морскими станциями и метеорологическими станциями на стратегически расположенных островах. Согласно этому сценарию, который был обработан, чтобы соответствовать изменившимся моделям мировой торговли и связи Северной Атлантики с Тихим океаном, Исландия готова стать трансарктическим узлом — центром по приему, распределению и перегрузке — в результате климатических изменений. Все это является частью игры политической расстановки сил. В этом отражается ностальгическое желание благодаря географической близости стать частью Арктического клуба и цепко ухватиться за место, имеющее стратегическое значение, геополитический интерес и экономический потенциал.

Заключение

Имеются серьезные основания рассматривать такие регионы, как Арктика, в относительных терминах, отражающих взаимодействие между участниками процесса, имеющими свою часть территории и не имеющими таковой; нецелесообразно рассматривать такие регионы, как фиксированные и автономные географические единицы. Действительно, региональные поведенческие определения, которые выходят за рамки географических объектов и территорий, — напряженность, политический порядок

³ *Стёре Й. Г.* Исландия и Норвегия — соседи на Крайнем Севере : речь в Университете Исландии, 3 ноября 2008 г. URL: http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/Whats-new/Speeches-and-articles/speeches_foreign/2008/iceland-and-norway--neighbours-in-the-hi.html?id=534706

⁴ См.: *Fyrir stafni haf. Tækifæri tengd siglingum á norðurlóðum* [Океан впереди: возможности, связанные с судоходством в Арктике] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2005 ; *Ísinn brotinn: Þróun norðurskautssvæðisins og sjóflutningar, horfur í siglingum á Norður-Íshafsleiðinni* [Сломанный лед: изменения в Арктике и морской транспорт; перспективы судоходства в Арктике] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2006 ; *Ísland á Norðurlóðum* [Исландия и Арктика] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2009.

и отношения формируют и изменяют структуру региона. Таким образом, как географическая единица, Арктика не должна восприниматься исключительно в контексте региональной интеграции, взаимозависимостей государств, межгосударственных или глобальных процессов. В ней находит отражение неординарный комплекс этих факторов. Однако следует учитывать, что существующая в настоящее время многосторонняя структура Арктики основана на различных типах открытых и скрытых иерархий, в которых отражаются отличия государственного устройства стран, имеющих интересы в Арктике. Изображение Севера как крайне актуальной материально-сырьевой базы не выходит за рамки различных концепций безопасности периода, последовавшего за холодной войной, а суверенные интересы, такие как территориальные претензии и заявленные права на ресурсы, смешиваются с межгосударственными процессами, такими как изменения климата и международное управление. Но противоречивые исторические и колониальные позиции, которые я привел в этой статье, преследуют важную цель — узаконить государственные интересы в Арктике. Некоторые призывают к «идеологии возвращения», в то время как другие отражают различные государство-центричные материаль-

ные устремления. Безусловно, эти проекты не исключают международного управления и не угрожают существованию таких структур, как Арктический совет. Во время встречи в г. Илулиссат в 2008 году пять прибрежных государств Арктики подтвердили свою приверженность международным нормам в вопросах, связанных с территориальными претензиями вне границ исключительной экономической зоны (ширина района которой не может превышать 200 миль)¹. А приглашение неарктических государств принять участие в работе Арктического совета в качестве наблюдателей в 2013 году свидетельствует о признании того факта, что субъекты (такие как Китай) могут отказаться от участия в Арктическом совете и сосредоточиться исключительно на двусторонних отношениях с отдельными арктическими государствами, преследуя таким образом свои экономические и политические интересы. Но в конечном счете происходящее в настоящее время геополитическое маневрирование в Арктике касается в основном политики идентичности — вовлеченности и изоляции, согласно которой государства и организации подразделяются в зависимости от их мощи и легитимности на те, что находятся в составе сообщества, и те, что находятся вне его.

А. К. Исаев²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема «Диалог культур и партнерство цивилизаций» чрезвычайно актуальна сегодня. Одним из важнейших моментов в диалоге культур является выстраивание цивилизованных отношений между работниками и работодателями, поддержание определенных мировых стандартов этих отношений. Здесь, безусловно, ведущую роль играет Международная организация труда.

МОТ занимает одно из главных мест в системе ООН. Ее конвенции и рекомендации создают основу социальной политики, которую обязаны проводить ратифицировавшие их государства.

Международная организация труда основывается на принципах трипартизма. Ее Генеральная конфе-

ренция и Административный совет разделены на три фракции — это представители правительств стран, входящих в МОТ, представители работодателей и работников. После обсуждения конвенций и рекомендаций, выработки согласованных решений каждая из фракций голосует отдельно. Таким образом Международная организация труда пытается на самом высоком, планетарном уровне осуществлять принцип социального партнерства.

Отношения между нашей страной и МОТ складывались непросто. Ни для кого не секрет, что Международная организация труда была создана в 1919 году во многом в противовес Октябрьской революции в России. На Западе правящие классы поняли, что, если они не пойдут на уступки организациям трудящихся, не выстроят с ними социальный диалог, подобного рода катастрофические события могут произойти и у них.

Советская Россия с недоверием относилась к идеям классового сотрудничества, поэтому СССР вступил в МОТ только в 1934 году. И после Второй мировой войны восстановил свое членство лишь в 1954 году.

Положение Советского Союза в Международной организации труда было противоречивым. С одной стороны, социального партнерства не могло быть в стране, где владельцем всего являлось государство. Неслучайно роль представителя работодателей от лица СССР в МОТ играла Торгово-промышленная палата, в то время мало что решавшая. С другой стороны, профсоюзы в Советском Союзе были самыми много-

¹ Например, см.: Декларация. Илулиссат : подписана арктическими государствами на Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана в г. Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г. URL: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Iluissat_Declaration.pdf

² Председатель Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы РФ, первый заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, профессор СПбГУП, кандидат политических наук. Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Профсоюзы России. Современный этап», «Основные изменения в трудовом законодательстве России» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Президент межрегионального общественного фонда «Экономическая демократия». Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденами Почета, Дружбы.

численными и формально обладали широкими правами. Коллективные договоры действовали на каждом предприятии. По степени социальной защищенности трудящиеся СССР также находились на достаточно высоком уровне, что позволило Советскому Союзу безболезненно для себя ратифицировать значительное количество конвенций Международной организации труда. Единственный вопрос, по которому СССР постоянно подвергался критике в рамках МОТ, — о свободе объединений.

После развала Советского Союза, в 1990-е годы, Россия оказалась в прямо противоположном положении. Социальные права трудящихся не соблюдались, а вот со свободой объединений было более чем хорошо.

В этой ситуации МОТ выступила как мудрая сила, выстроив конструктивный диалог с традиционными (бывшими официальными) российскими профсоюзами. В Международной организации труда поняли, что в силу своего объективного положения в обществе профсоюзы окажутся наиболее массовыми и последовательными защитниками интересов трудящихся. Западные профбоссы во главе с американскими в этом отношении были не столь дальновидны. Они сделали ставку на наши «альтернативные» профсоюзы. Сейчас профсоюзные организации на Западе осознали правильность выбора МОТ и сотрудничают в первую очередь с Федерацией независимых профсоюзов России.

С 2000 года в Российской Федерации началось реальное строительство социального государства. Растут пенсии и зарплаты, выполняются социальные обязательства, появляются новые формы соцподдержки, например материнский капитал. И внимание МОТ к происходящим в России переменам очень велико.

Важно, что Международная организация труда оценила новый Трудовой кодекс РФ как лучший для переходной экономики.

В 2008 году, когда начался мировой экономический кризис, многие страны стали выступать за пересмотр традиционных ценностей, на которых базировалась МОТ, — за отказ от прямых трудовых договоров с работниками, за так называемую «гибкую занятость», уменьшение социальных гарантий. В этой ситуации Россия выступила твердым сторонником сохранения достигнутого уровня социального обеспечения и безусловного соблюдения конвенций Международной организации труда. Более того, даже в условиях кризиса наша страна продолжала ратифицировать конвенции МОТ.

Важным событием явилось выступление в 2011 году В. В. Путина (в то время Председателя Правительства России) в Международной организации труда. Его речь была встречена с неподдельным энтузиазмом практически всеми сторонами социального партнерства. Он выступил против сил, требующих свертывания того, ради чего создавалась МОТ, по сути, против возврата к первоначальному капитализму, жесткому в отношении работников.

Затем в Москве прошла Высокая конференция Международной организации труда, которая подтвердила наши принципы.

На сегодняшний день Россия ратифицировала 70 конвенций МОТ, две конвенции находятся на рассмотрении в парламенте: Конвенция об оплачиваемых учебных отпусках и Конвенция о защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе. Для сравнения: США ратифицировали всего 14 конвенций, то есть в пять раз меньше. Это привычная практика для страны, считающей себя самой демократической.

В качестве образца для многих государств Международная организация труда предлагает вариант заключенной с Россией программы сотрудничества на 2013–2016 годы.

Парламент Российской Федерации традиционно проводит консультации с МОТ по важнейшим законопроектам, касающимся изменений Трудового кодекса, пенсионной системы, системы социального обеспечения. Представители Международной организации труда из разных структур и подразделений участвуют в наших круглых столах и парламентских слушаниях.

Для нас крайне важно, чтобы стоимость рабочей силы была примерно одинакова в разных странах, социальные стандарты были близки друг другу, уровень социальной защищенности не падал.

Опыт нашего сотрудничества с МОТ показывает, что сейчас именно Россия становится моральным лидером в борьбе за идею справедливости. Мы выступаем за справедливые международные экономические отношения, за отказ от однополярного мира и за то, чтобы во всех странах последовательно строилось справедливое социальное государство.

Уверен, что все участники Лихачевских чтений также выступают за это. Надеюсь, вместе нам удастся донести до других политиков и общественных деятелей мысль, что стремление к справедливости в экономике и социальной сфере — единственно верный подход на пути к процветанию человеческого общества.

Халиль Карам¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вопрос культуры и партнерства цивилизаций в глобальном мире очень непростых отношений чрезвычайно важен. Крайне сложная эпоха серьезных конфликтов, охвативших наш мир (Сирия, Ирак, Ливия, Мали, Центрально-Африканская Республика — и это далеко не полный перечень), предъявляет к нашим дебатам еще более серьезные требования.

Я — уроженец Ближнего Востока, раздираемого войнами и политого слезами, но также преисполненного мечтами и демонстрирующего своим примером высокочтимой аудитории болезненный и печальный опыт. Прежде всего я бы хотел поблагодарить Министерство иностранных дел России и Академию наук за организацию этой конференции, которой я желаю всяческого успеха.

Ливан представляет собой мультикультурный опыт совместного проживания 17 религиозных сообществ на основе консенсуальной демократии, которую мы рассматриваем как «послание надежды».

Сегодня, более чем в какое-либо другое время, учитывая нашу историю «расслоенных» цивилизаций и совсем недавний ужасный опыт гражданской войны, мы как никогда стараемся защитить нашу модель от попыток ее разрушения и от множества региональных опасностей.

Мы ежедневно трудимся над тем, чтобы ливанский народ осознавал, что нас сплачивает нечто гораздо большее, чем то, что нас разъединяет; чтобы понимал, что быть ливанцем и защитником нашей уникальной, богатой и древней культуры есть наше призвание. Вот почему мы, ливанцы, более чем какой-либо другой народ, должны придерживаться позиции постоянного диалога культур и партнерства цивилизаций.

Но что такое культура? И как нам выстроить партнерские отношения в нашем глобализованном мире?

В 1982 году в Мехико ЮНЕСКО дала определение культуры как «не только совокупности искусства и литературы, но также образа жизни, фундаментальных прав человека, системы ценностей, традиций и верований». Кроме того, в Декларации отмечалось, что «каждая культура представляет уникальное и ничем не заменимое сочетание ценностей, поскольку традиции и формы выражения каждого народа являются самым эффективным средством заявить о своем присутствии в мире».

В ноябре 2001 года, после событий 11 сентября, 31-я Генеральная конференция ЮНЕСКО вновь подтвердила данное определение во Всеобщей декларации о культурном разнообразии. Было подчеркнуто, что «культурное богатство мира есть разнообразие в диалоге». Декларация стремилась к «утверждению более широкой солидарности между народами, ос-

нованной на признании культурного разнообразия, осознании единства человечества и развитии межкультурных обменов». Она указывала на то, что процесс глобализации в этой области, хотя и несет в себе вызов культурному разнообразию, создает условия для обновленного диалога между культурами и цивилизациями.

Выстраивание партнерства в глобализованном мире является, таким образом, сложной задачей. С одной стороны, глобализация способствует потоку товаров, обмену «ноу-хау», разнообразной информации, перемещению людей, заимствованию культурных ценностей. Но, с другой стороны, все больше и больше конфликтов просачивается сквозь границы в нашем многополярном мире. Таким образом, сегодня насущным становится вопрос: глобализация — это друг или враг?

Такой двойственный характер глобализации, несущей в себе риски и преимущества, стал центральным пунктом многих исследований, зачастую достаточно спорных.

В 1992 году Фрэнсис Фукуяма в книге «Конец истории и последний человек» утверждал, что «то, чему мы являемся свидетелями, это, возможно, не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода послевоенной истории, но конец истории как таковой. Иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правления в человеческом обществе».

В 1996 году учитель Фукуямы, профессор Сэмюэль Хантингтон, ответил своему ученику в книге «Столкновение цивилизаций и становление мирового порядка». Его теория заключается в том, что культурные и религиозные формы идентичности народов станут основным источником конфликтов в мире после холодной войны.

Известный своей прямолинейностью палестинский интеллектуал Эдвард Саид не соглашался с обоими и верил во всеобщую цивилизацию. В 2001 году в качестве ответа на теорию Хантингтона он опубликовал в журнале «Нэйшн» (“The Nation”) статью «Столкновение невежества», где писал, что изложенная Хантингтоном категоризация зафиксированных мировых цивилизаций не учитывает динамическую взаимозависимость и взаимодействие культур. С еще большим пылом в своей последней книге «От Осло до Иракской войны и “дорожной карты”» Саид обрушился на хантингтоновскую парадигму «расизма, направленного сегодня против арабов и мусульман». Его вера во всеобщую цивилизацию сродни той, которой придерживались нобелевский лауреат по литературе 2001 года, индийский писатель Видиадхар Найпол и чешский политик Вацлав Гавел, отмечавший, что «мы теперь живем в одной для всех глобальной цивилизации».

Дискуссии по поводу двойственности глобализации, а также ее «побочных эффектов» многочисленны,

¹ Посол, постоянный представитель Ливана в ЮНЕСКО, профессор. Член Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, Исполнительного совета ЮНЕСКО (1997–2001), представитель Президента Ливанской Республики по Франкофонии (2008–2013), вице-президент по развитию Университета Св. Иосифа (2008–2013). Награжден орденом Почетного легиона (Франция).

но существенно то, каким образом достигается согласие вместо несогласия.

Выдающийся французский этнограф, «отец современной антропологии» Клод Леви-Стросс еще в 1952 году в своем эссе «Раса и история» напомнил нам о том, что мировая цивилизация есть не что иное, как «коалиция» культур во всемирном масштабе. Позднее он предупреждал нас о рисках единообразного мира, основанного только на западной модели, с которой следует бороться во имя многообразия. Его учение и сегодня все еще поражает исключительной точностью и авангардизмом.

В том же ключе высказывался выдающийся российский филолог, академик Дмитрий Лихачев, который тщательно работал над вопросами русской культуры и внес значительный научный вклад, чтобы придать этим дебатам более высокий мировой уровень. «Культура делает людей, населяющих определенное пространство, единой нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства».

Невозможно не упомянуть Дмитрия Лихачева, раз мы встречаемся здесь, в Санкт-Петербурге, в контексте диалога культур. Ученый принимал участие в сохранении национальных меньшинств, подвергшихся опасности, способствуя возвращению в Россию ранее эмигрировавших общественных и культурных деятелей. В 1975 году Лихачев оказался в числе тех членов Академии наук, которые отказались подписать письмо об исключении знаменитого ученого Андрея Сахарова. Он защищал также Александра Солженицына и других диссидентов от преследований. Он был одним из немногих, кто работал над темой корреляции между культурой и природой. В 1986 году он был избран первым президентом Российского фонда культуры. На протяжении своей долгой жизни получал самые престижные российские и зарубежные награды за работу. Его имя всегда будет ассоциироваться с диалогом культур. Его бесценная деятельность и то, что он отстаивал, являются достоянием России и всего мира.

В заключение я бы хотел сказать — не может существовать единственная модель демократии, функционирующая в различных странах земного шара. То, что адекватно для одной страны и традиций правления, не обязательно подходит для других. Но что является общей целью для нас — ученых, учителей, дипломатов, лидеров, духовных лиц, гражданского общества и граждан мира — это прилагать все усилия по укреплению постоянного диалога между культурами.

Наши отличия, будь они религиозными, лингвистическими, расовыми, различиями в мышлении, аналитике или иными, делают нас сильнее. Именно здесь и сосредоточена заинтересованность в партнерстве между различными цивилизациями. Именно это является посланием, которое мы разработали в Ливане 70 лет назад, когда обрели независимость, и на страже которого стоим и сегодня, в чем нам помогают разделяющие наши убеждения народы, скромно намеревающиеся представить его миру в качестве символа сосуществования.

Не могу не завершить свое выступление цитатами великого русского писателя Достоевского, оставившего нам в напутствие слова «Жить без надежды — значит проститься с жизнью», а также нашего любимого ливанского поэта Халиля Джебрана, который учил, что «прогресс не в том, чтобы усиливать то, что есть, но в том, чтобы двигаться к тому, что будет».

Литература

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. 31-я Генеральная конференция ЮНЕСКО. Париж, 2 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf
2. Гавел В. Мир в наших руках / В. Гавел // Sunrise. — 1995. — Окт.-нояб.
3. Горра М. После империи: Скотт, Найпол, Рушди / М. Горра. — University of Chicago Press, 2008.
4. Д'Анкосс Э. К. Расколовшаяся империя / Э. К. Д'Анкосс. — Р. : Flammarion, 1978.
5. Джебран Х. Дж. Пророк / Х. Дж. Джебран. — 1923.
6. Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1 : Доклады / науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2012.
7. Кеннеди П. Взлет и падение великих держав / П. Кеннеди. — Vintage, 1989.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. — N. Y. : Simon & Schuster, 1994.
9. Леви-Стросс К. Раса и история / К. Леви-Стросс. — ЮНЕСКО, 1952.
10. Леви-Стросс К. Раса и культура / К. Леви-Стросс. — ЮНЕСКО, 1971.
11. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М. : Искусство, 2000.
12. Маалуф А. Сбившиеся с пути / А. Маалуф. — Grasset, 2012.
13. Макиавелли Н. Государь (1532) / Н. Макиавелли. — University of Chicago Press, 1985.
14. Мексиканская декларация ЮНЕСКО о культурной политике. Всемирная конференция по культурной политике. Мехико, 26 июля — 6 августа 1982 г.
15. Найпол В. Наша всеобщая цивилизация / В. Найпол // The New York Review of Books. — 1991. — 31 янв.
16. Саид Э. В. Горькие депеши из третьего мира. Размышления об изгнании и другие эссе / Э. В. Саид. — Harvard University Press, 2000.
17. Саид Э. В. Культура и империализм / Э. В. Саид. — Vintage, 1994.
18. Саид Э. В. Ориентализм / Э. В. Саид. — Vintage, 1979.
19. Саид Э. В. От Осло до Иракской войны и «дорожной карты». — Vintage, 2001.
20. Саид Э. В. Столкновение невежества // Nation. — 2001. — 4 окт.
21. Солженицын А. Россия в обвале / А. Солженицын. — Fayard, 1998.
22. Фукуяма Ф. Великий разрыв: человеческая природа и восстановление общественного порядка / Ф. Фукуяма. — N. Y. : The Free Press, 1999.

23. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — N. Y. : The Free Press, 1992.

24. Фукуяма Ф. Происхождение политического строя: от доисторических времен до Французской революции / Ф. Фукуяма. — N. Y. : Farrar Straus Giroux, 2011.

25. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — N. Y. : Simon & Schuster, 2005.

26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон. — N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

27. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Foreign Affairs. — 1993. — Июль-авг.

28. Чиха М. Церковное пение / М. Чиха. — Бейрут : Éditions du Trident, 1954.

Ганс Кёхлер¹

ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И ДИАЛОГОМ: ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ²

I

Глобализация как тенденция, или глобальность как факт международных отношений, характеризуется возрастающей взаимозависимостью всех географических регионов и постоянным взаимодействием на всех уровнях общественной жизни вне зависимости от национальных границ³. Движущая сила этой динамической реальности⁴ — это «экономическое соревнование без границ». Эта ситуация получила развитие, если вообще не была инициирована вследствие окончания конфликта между Востоком и Западом, а именно коллапса биполярного порядка, который разделил мир по идеологическим линиям и на военные альянсы. Процесс значительно ускорился благодаря быстрому развитию и распространению коммуникационных технологий, прежде всего благодаря Интернету. Однако нельзя отрицать и то, что более сложное экономическое взаимодействие сопровождалось тенденцией к *культурному*

единообразию в отношении как языка или «образа жизни», так и общественных привычек в целом.

В своей «Глобальной программе для диалога между цивилизациями» Генеральная Ассамблея ООН очевидным образом пыталась противостоять ходу униформизации, которая является неотъемлемой чертой экономической динамики глобализации. Понимая, что глобализация влечет за собой «более значительную взаимосвязанность между людьми и возросшее взаимодействие между культурами и цивилизациями»⁵, страны — члены ООН обозначили также и угрозу со стороны единообразия, с чем столкнулись мировые культурные и цивилизационные традиции, подчеркнув, что «глобализация — это не только экономический, финансовый и технологический процесс, способный принести ощутимую пользу, но... он также представляет собой угрозу для сохранения и должного почитания богатого интеллектуального и культурного многообразия человечества и цивилизации»⁶.

Двойственная природа глобализации выражается в том, что существуют многочисленные группы людей, принадлежащих к различным культурным и (или) цивилизационным традициям⁷, которые стремятся взаимодействовать с другими группами в глобальном масштабе, но в то же время стараются *сохранять* свою национальную, этническую, культурную и цивилизационную идентичность. Динамика этого процесса привела к тому, что метафорически можно описать как «расщепление культурного осознания». Оно характеризует то затруднительное положение, с которым сталкиваются многочисленные сообщества в сегодняшних условиях «глобальной деревни».

Позиции, очерченные динамикой глобализации, в какой-то степени отражают это расщепленное осознание.

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

² Данный доклад представляет собой синтез положений, высказанных автором в докладах на нескольких международных конференциях, проведенных Международной организацией за прогресс и другими неправительственными организациями, изучающими глобализацию и культуру.

³ О природе глобализации см.: Köchler H. Philosophical Aspects of Globalization — Basic Theses on the Interrelation of Economics, Politics, Morals and Metaphysics in a Globalized World // Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization / ed. H. Köchler. Vienna : International Progress Organization, 2000. P. 3–18.

⁴ Данное явление вовсе не ново. Тенденции в сторону глобализации существовали и в предшествующие века в связи с попытками колониальных и имперских держав практически открыть для международной торговли все известные регионы Земли. Однако с точки зрения количества и интенсивности глобализация XX–XXI веков представляет собой новый феномен.

⁵ Генеральная Ассамблея, 56-я сессия. Программа: 25, A/RES/56/6. Резолюция принята на 43-м пленарном заседании 9 ноября 2001 года.

⁶ Там же.

⁷ Термин «цивилизация» используется здесь в более общем смысле, как ее определял, например, С. Хантингтон. Согласно этому определению цивилизация означает «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ» (Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72/3. P. 24). В контексте данного отчета мы понимаем «культуру» как субкатегорию цивилизации.

С одной стороны, глобализация вне экономической необходимости (что определяется как «соревнование без границ») влечет за собой базовую заинтересованность и «деловую» позицию по отношению к различным языкам, системам ценностей и образу жизни, что может породить толерантность к другим цивилизационным проявлениям (в ряде случаев и на поверхностном уровне). Как верно заметил Куронг Шен, «прогресс глобализации утвердил основной контекст и основную тему» для глобального диалога цивилизаций¹.

С другой стороны, динамика глобализации порождает некую противоположную тенденцию по отношению к *единообразию*, или «униформизму», на простом основании *эффективности* (хотя могут встретиться и другие основания, более связанные с соображениями власти и привилегии). Эта позиция формируется за счет былой тенденции по отношению к интеллектуальной открытости и уважению к другим цивилизациям.

Будь то появление *одного* языка, наподобие *lingua franca* (в ущерб различным культурным традициям), или распространение единообразных образа жизни и общественных тенденций, связанных с преобладающим социокультурным окружением языка, тенденция в направлении единообразия явно не отвечает принципам диалога между культурами и цивилизациями: она склонна порождать или усиливать *господствующие* структуры на глобальном уровне.

Опасность, связанная с этой общей тенденцией, одной из самых спорных характеристик глобализации, была надлежащим образом обозначена Группой видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций с целью выработки рекомендаций для диалога между цивилизациями. В своем итоговом отчете эти эксперты высказали беспокойство, что «процесс глобализации без диалога может усилить вероятность господства»².

Реакции на тенденцию к единообразию характеризуются стремлением заново подтвердить значение национальных культур, традиций и систем ценностей. Часто это сопровождается глубоким недоверием и иногда даже агрессивной позицией по отношению к «чужеродным» культурам и образу жизни, которые в процессе глобализации могут выдвинуться на первый план. Общественное отторжение новых форм космополитизма, привносимых глобализацией, не должно заставить врасплох кого бы то ни было. До известной степени, как в случае с индивидуальным субъектом, динамика *коллективного субъекта* развивается по схеме *actio–reactio* (лат. «действие–противодействие»), когда каждая сила инициирует контрсилу в результате по-

пыток субъекта сохранить свою идентичность³. Этот процесс следует принимать во внимание, если имеется намерение понять кризис культурной или цивилизационной идентичности, с которым столкнулись многие сообщества в результате как никогда быстро протекающего процесса глобализации.

Это подводит нас к *политическому* измерению. На цивилизационном уровне нельзя более игнорировать четкие факты отношений между державами. Будто распространение определенных идей в сфере прав человека и демократии или попытка навязывания общественных тенденций, характерных для преобладающей экономической системы, такие концепции и привычные действия составляют часть рассуждения о легитимации, при помощи которого доминирующая держава принимает меры к тому, чтобы поддержать свои претензии на глобальное лидерство, постулируя для себя некую форму цивилизационного превосходства. И это применимо ко всем сферам взаимодействия между государствами, включая войну. Не только в новейшей истории мы находим, как спорные вопросы ценностей и цивилизационной идентичности служат оправданием для использования силы. Цивилизационное оправдание неизбежно и с еще большим упрямством провоцирует такие конфликты.

В плане отношений между державами сегодняшняя, хотя и преходящая *однополярность* обладает потенциалом для пробуждения пока еще дремлющих цивилизационных конфликтов или для дальнейшего их разжигания там, если невозможно сдерживать их посредством традиционных мер политики и дипломатии. Как в изобилии продемонстрировала новейшая история, восприятие или постулирование цивилизационных конфликтов в транснациональной области (как, например, в отношениях между исламом и Западом), хотя и проистекающих до известной степени из конфликтных ситуаций на местном и региональном уровнях, способно само по себе усугубить существующие этнические и (или) религиозные конфликты. Конфликт в Сирии — подходящий пример.

В начале XXI века, когда, как кажется, идеологическое соперничество между Востоком и Западом пошло на убыль, в парадигме «столкновения цивилизаций» возникает *новый риск* для глобального порядка, который становится средством «пост-идеологического» оправдания международных конфликтов⁴. Если цивилизационная парадигма используется как прикрытие в погоне за политикой национальных интересов (со стороны доминантной глобальной державы или региональных держав), то повседневные конфликты могут приобрести квази-метафизическое измерение, что значительно затруднит разрешение конфликта в соответствии со схемой *actio–reactio* общественных отношений, о которой говорилось выше.

¹ Shen Q. Dialogue among Civilizations: Implications for International Relations // Xandai Guoji Guangxi. Contemporary International Relations. [Современные международные отношения] / Пекин : Китайский ин-т современных международных отношений, сентябрь 2001 г. (пер. с китайского оригинала).

² Диалог между цивилизациями. Основные положения публикации Группы видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций по случаю Года диалога цивилизаций ООН (2001). URL: www.un.org/Dialogue/summary.htm

³ О различных аспектах этой динамики см.: Cultural Self-Comprehension of Nations / ed. H. Köchler. Tübingen; Basel: Erdmann, 1978.

⁴ Общий анализ последствий диспутов о цивилизациях для международных отношений см.: Civilizations — Conflict or Dialogue? Studies in International Relations, XXIV / eds. H. Köchler, G. Grabher. Vienna : International Progress Organization, 1999.

Вглядываясь в историю международных отношений, мы можем припомнить, что эра глобальной bipolarности (которая превалировала на протяжении всего периода холодной войны) характеризуется «столкновением идеологий», а именно между капитализмом и социализмом. Хотя развернулись региональные конфликты, которые в большинстве своем велись как опосредованные войны в контексте противостояния супердержав, две соперничающие державы существенным образом сдерживали друг друга. Такая расстановка сил сводилась к своего рода *взаимному устрашению*, что и предотвратило открытую войну между двумя конкурирующими державами.

Антагонистическая схема bipolarной эры вовсе не исчезла из однополярной расстановки сил настоящего времени. На смену соперничеству идеологий пришел риск конфликта между цивилизациями, по крайней мере в восприятии влиятельных кругов международного сообщества. В плане глобального порядка проблема заключается в том, действительно ли, и если да, то в какой степени, *восприятие создает реальность*, то есть *кажущееся* столкновение между цивилизациями становится чем-то вроде самореализующегося пророчества. Краеугольный вопрос по поводу будущего мирового порядка заключается в том, каким образом можно разорвать такую взаимозависимость между восприятием и реальностью.

В однополярном окружении, таком как сейчас, характеризующемся отсутствием баланса сил, защитники международной *Realpolitik* могут не устоять перед искушением прибегнуть к конфронтационной парадигме для выдвигания особых политических, экономических и военных целей. Многочисленные зывания к идее Хантингтона о «столкновении цивилизаций» после трагических событий 11 сентября 2001 года¹ являются живейшим доказательством данной тенденции. Дисбаланс в современной глобальной системе способен усилить, а в определенных ситуациях даже создать цивилизационные антагонизмы, которые в противном случае подчинились бы идеологическому соперничеству между двумя или более борцами за глобальную власть.

Политические и военные действия, которые *оправдываются* (участниками) или *объясняются* (обозревателями) со ссылкой на идею Хантингтона, действительно способны превратить кажущееся столкновение цивилизаций в транснациональную реальность. То, что может просуществовать в качестве простого восприятия, обернется политической реальностью, если прибегать главным образом к идеологической интерпретации и (или) легитимации событий. Основной пример общего политического воздействия такой взаимозависимости с серьезными последствиями для глобального мира — это отношение между мусульманским регионом и Западом².

¹ Его работа была впервые опубликована в 1993 году. В историческом аспекте, следует заметить, этот термин впервые использовал Бернард Льюис: *Lewis Bernard. The roots of Muslim rage // The Atlantic Monthly. 1990. Vol. 266. Sept. P. 60.*

² Ср.: *Köchler H. Muslim-Christian Ties in Europe: Past, Present and Future // IKIM Journal. Kuala Lumpur, Malaysia, 1999. Vol. 7. № 1. P. 97–107.*

Следует различать два аспекта в отношении схемы *actio–reactio*, лежащие в основе взаимозависимости восприятия и реальности.

1. Восприятие угрозы может «обозначаться» как необходимость мобилизации общества в пользу определенной политической программы, отстаивания национальных интересов страны лицом к лицу с соседями и (или) прочими странами. Такая программа может также включать и использование военной силы. Последняя будет оправдываться в качестве меры узаконивания самообороны, чтобы сделаться приемлемой в глазах своего и международного сообщества. В данном контексте понятие «столкновение цивилизаций» может стать частью рационального обоснования интересов, в противном случае не заявленных. Это особенно актуально в отношении достаточно расплывчатого понятия «превентивной самообороны» (что как раз и произошло с вовсе не удивительным *ренессансом* в современной расстановке сил).

2. Второй аспект относится к антагонистическому действию со стороны тех, кто идентифицируется государством(ми) или группами, описанными в п. 1, как представляющие угрозу национальному и в конечном итоге международному миру и безопасности. Противодействие может включать:

а) подтверждение этими странами и (или) сообществами (группами) своей идентичности перед лицом доминантной культуры или цивилизации (что можно назвать «*реактивным самоутверждением*»);

б) «целевые» страны или сообщества, предпринимающие действие, понимаемое как самообороны, против тех международных сил, которые воспринимаются в качестве сил, распространяющих доминантную цивилизацию во имя продвижения своих национальных интересов.

Связанный с глобальным порядком риск кроется в такой взаимозависимости, становящейся порочным кругом *восприятия угрозы* (то есть диагноза угрозы), с одной стороны, и *мер обороны* против воспринимаемой угрозы — с другой, в силу чего последнее может действительно превратить угрозу в реальность, что приведет даже к более мощному противодействию и дальнейшему укреплению существующих стереотипов врага. Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций может стать самореализующимся пророчеством, «непреднамеренным последствием» конфликтов интересов, в иных случаях поддающихся урегулированию.

На этом стыке истории мир сталкивается с абсолютно реальным риском вхождения в цикл *усиливающих друг друга стереотипов врага* (или восприятия угрозы) и связанных с этим «оборонительных» действий вдоль цивилизационных линий. Возрастающее отчуждение между Западом и мусульманским миром (будь то вдоль описанных влиятельными аналитиками цивилизационных «линий разлома» на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии или внутри все более и более мультикультурных сообществ на самом Западе) — это еще один показатель данной тенденции.

II

Следует вновь оценить шансы для справедливого и стабильного глобального порядка на этом достаточно гнетущем фоне отношений *восприятия и реальности*, иными словами, цикла восприятия угрозы и вызванного им оборонительного действия. Один из вопросов, которые следует задать, — действительно ли и каким образом искренний диалог между цивилизациями способен разомкнуть этот цикл межцивилизационных противоречий (в местах, где они уже начались и дестабилизируют региональный порядок) или помешать ему стать реальностью на глобальном уровне?

Многое будет зависеть от того, каким образом *динамика глобализации*, которая до сих пор представлялась установившимся фактом международных отношений, будет протекать в долгосрочной перспективе. Давайте припомним: в контексте глобальности цивилизационная многополярность стала частью повседневной жизни в основном благодаря быстрому развитию коммуникационных технологий¹. В какой степени эта (многополярная) социальная и социокультурная реальность, являющаяся следствием динамики процесса глобализации, имеет отношение к международной политике, которая в основном определяется «национальными интересами» и стремлением к сохранению и укреплению власти?

Способна ли глобализация «нейтрализовать» эти реальности и связанные с ними конфронтационные парадигмы или по крайней мере «абсорбировать» их в более широкий контекст экономических интересов, вездесущность и всепроникающая природа которых составляют основную характеристику глобализованного мира? Можно ли реально надеяться на то, что силы глобализации вне экономической необходимости постепенно трансформируют отчужденность между цивилизациями и культурами в сторону системы, основанной на *сотрудничестве*? (Одного только рационального анализа и морального увещевания в данном случае, разумеется, совершенно недостаточно для установления различия.)

Более того: можно ли преодолеть напряженность между *однополярностью* в смысле отношений держав и *многополярностью* (или *биполярностью* — в особенных региональных расстановках сил) в смысле цивилизационных идентичностей при помощи этой самой динамики глобализации, в противовес и несмотря на тенденцию к культурному единообразию (что может в свою очередь стимулировать программу господства и что, без сомнения, использовалось для этой цели в прошлом)? По своей природе процесс глобализации открыл *космополитичное пространство* для экономического, социального и культурного взаимодействия — достижение, которое нельзя перечеркнуть. Оно создало новую общественную реальность на транснациональном уровне с далеко идущими последствиями для регионального и внутреннего порядка, где бы то ни было.

¹ О социокультурных и политических последствиях см.: Köchler H. The New Social Media and the Changing Nature of Communication: Anthropological and Political Implications // News and Views: The J. of the International Academy for Philosophy (New Series). 2012. Vol. 4. № 2–3 (32–33). P. 42–64.

В этом отношении следует уделить внимание *нормативному аспекту* международной системы. Возможно ли, чтобы в конечном счете был достигнут *синтез* между антагонистическими силами цивилизационного самоутверждения при помощи *рационального консенсуса* на нормативном уровне? Способны ли силы, представляющие различные цивилизации, прийти к согласию в отношении минимального свода норм, которые регулируют их сосуществование, таким образом на основании *взаимности*, оставив всякую попытку превратить друг друга в мишени для «миссионерских» стратегий и тактик? В данном контексте взаимосвязанные ценности свободы и толерантности фигурируют в качестве центральных элементов свода метанорм, который следует понимать как *conditio sine qua non* для самореализации каждой цивилизации². Такое соотношение между нормами и метанормами (последние составляют предварительное условие для реализации первых) структурно подобно тому, что лежит в основе доктрины мирного сосуществования между нациями (государствами) с различными идеологиями (что превалировало на ранней стадии биполярной эры).

Нормативные суждения по данным направлениям могли бы сделать *программу глобального диалога* убедительнее одних только политических аргументов, которые в силу своей природы всегда останутся «оппортунистическими» и связанными с более или менее переходным состоянием. Выполнение программы диалога является квинтэссенцией не только для самореализации каждой цивилизации (в смысле коллективной идентичности), но также и для коллективного выживания всех наций. Только это поможет избежать бесконечной конфронтации — бесконечного «столкновения цивилизаций» в хантингтоновском смысле, что в конечном итоге привело бы к провалу усилий по самосохранению всех цивилизаций и наций.

Группа видных деятелей, назначенная ООН в 2000 году, незадолго до роковых событий 11 сентября, обозначила другой важный аспект межцивилизационных отношений, а именно то, что «диалог между теми, кто воспринимает многообразие как угрозу, и теми, кто видит в нем инструмент усовершенствования и роста, является насущной необходимостью»³. Этой ссылкой на своего рода двойной лик цивилизации (что касается отношения к оценке многообразия) эксперты заостряют наше внимание на фундаментальной проблеме, с которой столкнулось сегодняшнее международное сообщество, а именно как предотвратить ситуацию, когда парадигма «столкновения цивилизаций» становится самореализующимся пророчеством.

Частично из-за отсутствия стабильного баланса власти на глобальном уровне народы, социальные и этнические сообщества многих регионов мира оказываются под угрозой разделения по культурным или

² Подробности об этих нормативных взаимоотношениях см.: Köchler H. Cultural-Philosophical Aspects of International Cooperation : lecture held before the Royal Scientific Society, Amman-Jordan [1974]. Vienna : International Progress Organization, 1978. В основном глава III “In search for what is common to all systems” [«В поисках того, что свойственно всем системам»].

³ Группа видных деятелей, назначенная Генеральным секретарем ООН по случаю Года диалога цивилизаций ООН. Основные положения см.: Диалог между цивилизациями.

цивилизационным линиям. Отчужденность между социальными и культурными группами внутри и между регионами усугубляется и далее в силу бесконтрольной динамики конфликта интересов, споров о проблемах суверенитета, экономических прав и тому подобного в еще более сложной взаимосвязи внутренних, региональных и глобальных событий. Хотя спорные вопросы культурной и цивилизационной идентичности не всегда становятся первопричиной такой конфронтации, они зачастую используются в качестве *средства распространения* таких конфликтов, действуя таким образом наподобие увеличительного стекла. Социальные перевороты, которые обычно сравнивают с «арабской весной», — еще одно свидетельство данной тенденции.

В то же время где-то рядом с этим конфликтным контекстом культура или цивилизация возвращается как инструмент или крайняя мера, чтобы противостоять тому, что многие называют утратой социальной идентичности в результате глобализации и связанной с ней тенденцией к единообразию.

Что касается цивилизационной идентичности, то можно различить две усиливающие друг друга тенденции:

а) цивилизационная идентичность переосмысливается как компенсация того, что многие воспринимают как утрату или угрозу своей социальной идентичности в результате тенденции к единообразию образа жизни, которую несет в себе глобализация;

б) в то же время эксплуатируются спорные вопросы цивилизационной идентичности с целью оправдания самоутверждения страны или народа в связи с политическими спорами, конфликтами экономических интересов и тому подобным, которые первоначально были инициированы по желанию соответствующих сторон не только с целью самосохранения, но и в силу тенденции усиления своей власти над конкурентами. Это, так сказать, «идеологический» аспект глобализации.

Структурная динамика глобализации может стать фактором преодоления этих противоречий, хотя в некоторых отношениях, как отмечено выше, она и сама способна вызывать конфликты в соответствии со схемой *actio-reactio* цивилизационного самоутверждения. (Это означает, что тенденция в сторону глобального единообразия встречает сопротивление в виде все более усиливающегося акцента на особенной культуре или цивилизации.) На устойчивом основании, однако, единственным противоядием для принимающего угрожающие размеры «столкновения цивилизаций» на глобальном уровне станет политика, пропитанная духом *просвещения* в подлинном, философском смысле. Только она будет стимулировать взаимопонимание и взаимоуважение между цивилизациями и станет, по сути дела, систематической и всеобъемлющей *политикой диалога*, поддерживаемой всеми членами международного сообщества. Генеральная Ассамблея ООН довольно точно определила это базовое требование глобального мира как «процесс, идущий *внутри* цивилизаций и *на их стыке*, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего

понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога»¹.

Цивилизация лишь тогда достигнет зрелости, если займется *подлинным* диалогом (в отличие от оппортунистического и политически ангажированного), то есть если она окажется способной соотносить себя с иными цивилизациями и взаимодействовать с ними *продуктивным* способом, на основе *обоюдности*. В соответствии с *диалектической* природой человеческого сознания цивилизация способна полностью осмыслить и таким образом определять себя, когда она устанавливает собственные параметры, но не отвергая *alter ego* сосуществующих цивилизаций².

Только таким способом члены международного сообщества станут неуязвимыми для многочисленных соперничающих стереотипов, распространяемых теми, кто пытается одолеть своих конкурентов в глобальной борьбе за экономическое и политическое влияние. *Взаимное уважение* между цивилизациями воплощает истинное Просвещение, которое является не просто наследием европейского XVIII века, но составляет часть всеобщей истории, включающей *все* цивилизации и религии. Благодаря такому отношению появляется возможность установления «вечного мира» в том его значении, которое истолковал И. Кант в своем классическом труде³.

Целесообразно допустить, что *знание* и *толерантность* в отношении других цивилизаций (что вытекает из предыдущего) сделают менее вероятной убежденность в том, что «восприятие действительно становится реальностью». Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций ограничится сферой *идеологических построений*, к которой она изначально и принадлежала. Эта доктрина, будучи отпрыском идеологической борьбы предшествующих десятилетий, не только противоречит полноценной реализации культурного потенциала каждой нации. Она между тем широко используется в политических дебатах на местном и региональном уровнях, а также и в качестве инструмента ради продолжающейся в настоящее время борьбы за глобальную власть, борьбы, инициированной внезапным коллапсом биполярной системы.

В «глобализованном» окружении XXI века диалог между цивилизациями сделался важнейшим недостающим звеном для достижения всеобщего мира. Ввиду деструктивных возможностей, накопленных не только традиционными соперниками в борьбе за глобальную власть, государствами, но также и негосударственными акторами, диалог становится основным вопросом

¹ Цит. по офиц. рус. пер.: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/475/44/PDF/N0147544.pdf?OpenElement>. См. также: Köchler H. Unity in Diversity: The Integrative Approach to Intercultural Relations // UN Chronicle. 2012. Vol. XLIX. № 3. P. 7–10.

² Более подробно см.: Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue. О выводах с точки зрения теории сознания см.: *Idem*. Die Subjekt-Objekt-Dialektik in der transzendentalen Phänomenologie: Das Seinsproblem zwischen Idealismus und Realismus : monographien zur philosophischen Forschung. Meisenheim A. G. : Anton Hain, 1974. Vol. 112.

³ Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf [1795]. Hamburg : Felix Meiner, 1992. Английское издание: Perpetual Peace: A Philosophical Essay / translated with an introduction and notes by M. C. Smith. Bristol : Thoemmes Press, 1992.

совместного выживания. Цивилизационный диалог воплощает те самые нормы управления связями между нациями, которые в предшествующую эпоху и в ином контексте идеологического противостояния были представлены доктриной *мирного сосуществования между народами*.

Почетная обязанность философии — разъяснять *общую систему* ценностей, которую мы разделяем со всеми цивилизациями и осознание которой есть не-

ременное условие для существования и самореализации каждой цивилизации на основе взаимного уважения. Нельзя жить в мире, если не принимать *обоюдность* права на выражение своей культурной идентичности без вмешательства или запугивания. Именно простая ценность взаимности лежит в основе устойчивого диалога между цивилизациями и, как следствие, справедливого и стабильного глобально-го порядка.

Г. Б. Клейнер¹

А. СМИТ, Т. ВЕБЛЕН, В. ВЕРНАДСКИЙ, Д. ЛИХАЧЕВ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЭКОНОМИКИ

Вопрос о взаимосвязях и соотношениях между культурой и экономикой, вставший особенно остро в России в период постсоциалистической трансформации, имеет первостепенное значение как для экономической теории и политики, так и для культурологии и культурной политики государства. По сути дела, это вопрос общественного мировоззрения. На сегодняшний день можно считать отброшенными теории, согласно которым культура детерминируется экономикой (теория «базис–надстройка»)². Теории, где культура однозначно определяет экономику, также не получают подтверждения и общественного признания. Гораздо более релевантными представляются концепции, в которых взаимоотношения экономики и культуры исследуются как взаимоотношения двух относительно самостоятельных и взаимосвязанных систем. При таком подходе возникает возможность проанализировать различные аспекты связей, равно как и различные уровни их реализации. Существенную определенность здесь вносит позиция А. С. Запесоцкого: «Для культурологии наиболее широкое понимание культуры — это представление о ней как обо всем, что создано руками и разумом человека. <...> Культура понимается как макросистема, в которой экономика является одной

из подсистем... В повестке дня — попытка осмысления экономической сферы человеческой деятельности как большого культурного комплекса в рамках культуры как системной целостности»³. К этому можно добавить, что культура в узком смысле — как комплекс ценностей, образцов поведения, коммуникационных традиций и тому подобного — может, в свою очередь, рассматриваться как одна из подсистем экономики на разных уровнях управления, от государства до отдельного предприятия. Такая «бинарная» концепция открывает широкие возможности для диалектического анализа взаимосвязей культуры и экономики.

В данной работе на этой основе мы пытаемся условно маркировать «верстовые столбы» движения общественной мысли, направленной на осмысление взаимосвязи культуры и экономики на протяжении трех предшествующих столетий. В качестве создателей и выразителей узловых концепций фигурируют перечисленные в заголовке статьи четыре крупнейших мыслителя, двое из которых — А. Смит и Т. Веблен — являлись «чистыми» экономистами, а двое — В. И. Вернадский и Д. С. Лихачев, не обходя вниманием и собственно экономику, максимально расширили границы предметной области, мировоззренчески охватывали едва ли не все многообразие культуры и природы. То обстоятельство, что первые принадлежали к западной цивилизации, а последние — к российской, позволяет думать об определенной представительности данной группы мыслителей.

По нашему мнению, каждую из этих фигур можно рассматривать как символическую для определенного этапа в развитии двух взаимосвязанных систем — культуры и экономики. Культурная мировоззренческая квинтэссенция этапа, отражаясь в зеркале экономики, характеризует восприятие экономического пространства–времени и приобретает форму экономической идеологии. Определить стадии движения и проанализировать связи между культурными ценностными установками и типом экономики на каждом этапе — основная задача, рассматриваемая в данной работе.

Согласно концепциям новой теории социально-экономических систем существуют четыре системных архетипа, исчерпывающих в определенном смысле

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Автор более 600 научных публикаций, в т. ч.: «Инновационные программы подготовки современных менеджеров», «Россия на пути к современной, динамичной и эффективной экономике», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования», «Системная экономика как платформа развития современной экономической теории», «Системные принципы современного управления», «Институциональное управление, институты управления, управление институтами. Институциональная экономика: развитие, преподавание, применение», «Системная экономика и системно-ориентированное моделирование» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

² Запесоцкий А. С. Экономика и культура: к вопросу о характере взаимосвязей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010.

³ Запесоцкий А. С. Указ. соч. С. 450.

многообразие типов социально-экономических систем¹. Это системы *объектного типа*, в которых основную роль играют *объекты* — локализованные в пространстве подсистемы с нефиксированным сроком жизненного цикла; системы *процессного типа*, основанные на взаимодействии *процессов* — пространственно нелокализованных систем с фиксированным жизненным циклом; системы *проектного типа*, базирующиеся на инициации и реализации *проектов* — локализованных во времени и в пространстве систем; системы *средового типа*, в которых главными движущими силами выступают социальные, экономические, технологические, информационные и иные *среды* — системы с неограниченным пространственным радиусом и нефиксированным жизненным циклом. Каждая страна и мировая экономика в целом проходят в своем развитии стадии, соответствующие указанным системным архетипам. В практическом плане это выражается в ориентации экономической политики государств и соответственно национальных экономик на развитие и поддержку систем того или иного архетипа. В теоретическом плане это выражается в появлении мыслителей, в концепциях которых отражается «дух» соответствующей эпохи (стадии).

Именно эту роль играли, по нашему мнению, А. Смит, Т. Веблен, В. И. Вернадский и Д. С. Лихачев. В систематизированном виде краткая характеристика их концепций в интересующем нас ракурсе выглядит следующим образом.

1. Адам Смит провозгласил принцип «невидимой руки рынка», трансформирующий экономическую активность каждого хозяйствующего субъекта в целях его личной выгоды в прирост общественного благосостояния. В свою очередь общественное развитие трансформируется в рост благосостояния каждого субъекта. Тем самым в концепции А. Смита устанавливалась связь между интересами субъекта и интересами общества. В основе этой связи лежала, говоря сегодняшним языком, совокупность бизнес-проектов отдельных экономических субъектов в собственных интересах. Характерной чертой учения А. Смита была уверенность в ведущей роли бизнес-проектов микроэкономического уровня. Фокусом экономического анализа должна стать, таким образом, деловая активность экономических субъектов. В центре экономического мировоззрения как проекции общекультурного мировоззрения лежит в данном случае понятие деятельности субъекта, складывающейся из последовательности актов по производству, реализации, потреблению и обмену продукции промышленности или сельского хозяйства. Основной единицей анализа становится акт экономической деятельности. Экономика в целом носит архетипические черты системы проектного типа.

2. Т. Веблен в своей «вечнозеленой» статье 1898 года «Почему экономика не является эволюционной наукой?»² обратил внимание на отсутствие в современной ему экономической науке, в отличие от биологии,

антропологии и других естественно-научных дисциплин, эволюционной компоненты, отражающей протекание некоторых объективных саморазворачивающихся процессов генетического характера. Веблен ставил вопрос о необходимости перехода от «таксономической» экономики, в основе которой лежит представление о взаимодействии таксонов в сфере группировок отдельных видов экономической активности, к экономике генетических процессов, то есть эволюционной экономике. Центральным предметом анализа в этом случае должны стать экономические процессы, отражающие распространение экономических благ в популяции экономических агентов.

3. Учение В. И. Вернадского предлагало принципиально иное восприятие мира. Единство геосферы, техносферы, биосферы и ноосферы, их взаимное влияние друг на друга как компонентов единого пространственно-временного континуума создавали представление о системах средового типа как основных компонентах бытия. В экономической сфере это соответствует представлению о нераздельности (синкретичности) экономики, в частности о единстве спроса и предложения. В глобальном плане и в стратегической перспективе спрос и предложение представляются не в виде разных характеристик экономики, как это имеет место в неоклассической экономической теории, а в виде единого явления. По сути учение Вернадского могло бы стать мировоззренческой основой так называемой средовой экономики — направления экономической теории, трактующего взаимодействие социально-экономических сред и экономических субъектов между собой. В средовой экономике принадлежность агента к определенной среде (в частности, к определенному социальному институту) выступает как основной источник фундаментальной мотивации поведения агента. В то же время действия агентов находят свое финальное выражение не в конкретных транзакциях, а в диспергированном воздействии на состав и свойства пространственно-временной среды. Такая экономика в теоретическом плане изучена недостаточно. Наиболее изученной частью на сегодняшний день остается институциональная экономическая теория, трактующая взаимодействие агентов и институциональной компоненты пространственно-временной среды.

4. Концепция Д. С. Лихачева возвращает нас к гуманитарному измерению экономики. В центре мировоззрения Лихачева и его последователей находится фигура человека. Однако, в отличие от предельно упрощенной схемы «экономического человека» А. Смита, «социальный человек» Д. С. Лихачева обретает плоть и кровь, становится живым и многогранным, концентрирует в себе влияние проектных, процессных и средовых факторов, рассматривавшихся в концепциях Смита, Веблена и Вернадского. Интегрируя стремление к собственной выгоде, влияние популяционных генетических процессов и воздействие разнообразных сред, человек в концепции Д. С. Лихачева добавляет к этому в качестве ведущего элемента нравственное начало. «Совесть — не только ангел-хранитель человеческой чести, это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол,

¹ Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

² Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2006. Т. 4, № 2. С. 99–111.

но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной»¹.

Здесь совесть представляет собой концентрированное и комплексное выражение лучших нравственных человеческих качеств. Заметим, что в словах Лихачева содержится не одна, а две важные идеи. Во-первых, идея *свободы* человека, то есть наличия некоторого «пространства выбора» вокруг субъекта. Во-вторых, идея совести, причем не просто как ограничения на выбор субъекта, а как драйвера его деятельности. Это означает, что социально-экономическая концепция Лихачева ставит в центр рассмотрения фигуру относительно свободного и нравственно ориентированного субъекта. Таким образом, экономика в данной концепции предстает в виде архетипа си-

стемы объектного типа (не должно возникать недоумений в связи с переключкой терминов «экономический субъект» и «экономический объект»: каждый хозяйствующий субъект объективно является экономическим объектом, а каждый экономический объект, имеющий субъектность, считается хозяйствующим субъектом).

На каждом историческом этапе движущей силой экономики служит ценностная установка, формирующаяся в культурном пространстве общества. Такая установка определяет ценностные ориентиры хозяйствующих субъектов и структурирует их отношения с внешним и внутренним миром. В разных культурах она различна, но наиболее известные установки, сформулированные в трудах крупнейших мыслителей, приведены в таблице.

Таблица

Типология состояний экономики

Символическое наименование экономики данного этапа	Центральная единица экономического анализа	Типологическая характеристика экономики	Превалирующая культурно-ценностная установка	Автор ключевой социально-экономической концепции
Экономика предпринимательских инициатив	Предпринимательский проект	Проектная экономика	Извлечение максимальной выгоды	А. Смит
Экономика генетических разворачивающихся процессов	Циклический или эволюционный процесс	Процессная экономика	Развитие, согласованное с основными социально-экономическими процессами	Т. Веблен
Экономика взаимодействующих сред	Социально-экономическая или природная среда	Средовая экономика	Достижение гармонии с основными видами социально-экономических и природных сред	В. Вернадский
Экономика нравственного выбора	Нравственно ориентированный субъект	Объектная экономика	Достижение гармонии с собой	Д. Лихачев

В таблице представлены главным образом теоретические концепции культурных ценностей и соответствующих характеристик экономики, результаты осмысления взаимосвязи культуры и экономики в трудах крупнейших ученых своего времени. Вопрос о хронологической датировке столь крупных стадий развития общества представляет собой отдельную проблему. Позиция автора в этом вопросе кратко может быть выражена следующим образом.

С точки зрения реального экономического мировоззрения XIX век соответствовал характеристикам, приведенным в первой строке таблицы. Экономическая идеология первой половины XX века под влиянием открытий в физике, генетике и других науках может характеризоваться как процессная. В конце XX века стало ощущаться влияние средового экономического мировоззрения, усилившееся в результате глобализации. В XXI веке это давление возросло, о чем свидетельствует кризис 2008–2010 годов. Что же касается экономики нравственного выбора (последняя строка таблицы), то, несмотря на возрастание роли концепций социальной экономики и социальной ответственности бизнеса, ее время еще не настало.

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

В итоге мы видим следующую последовательность этапов синхронного развития культуры и экономики: система проектного типа — система процессного типа — система средового типа — система объектного типа. Эта последовательность является лишь повторяющимся фрагментом неограниченного цикла развития общества.

Для каждой стадии характерна, как видим, своя ценностная установка, кристаллизующаяся в сфере культуры (в широком смысле слова) и служащая драйвером функционирования и развития экономики. В то же время в силу диалектической зависимости между членами связки «система–подсистема», отражающей взаимосвязь культуры и экономики, критериальные установки экономических субъектов порождают внутриэкономические, в частности внутрипроизводственные, особенности организационной культуры (в узком смысле слова). Культура отношений между экономическими субъектами проецируется на отношения между участниками хозяйственной деятельности внутри таких субъектов. В целом культурно-ценностные установки охватывают всю толщу общественных отношений.

Матрица «стадия — характеристики стадии», представленная в таблице, позволяет выявить два вида

взаимодействия (диалога) культур. Во-первых, имеет место своеобразная переключка между ценностями общекультурного характера и установками экономического характера. Здесь в пределах каждой хронологической стадии разворачивается диалог между системой (культурой) и подсистемой (экономикой). Во-вторых, идет переключка между различными культурно-ценностными установками, относящимися к разным стадиям в рамках хронологического цикла «проект–процесс–среда–объект». Доминирование на каждой стадии экономических подсистем какого-то одного типа позволяет говорить о проектной, процессной, средовой и объектной культуре общества. В каждой конкретной стадии взаимоотношения между доминиру-

ющим и остальными типами культуры носят непростой, а иногда и конкурентный характер. Грядущая культурно-экономическая парадигма постепенно вытесняет доминирующую, порой пользуясь поддержкой остальных существующих парадигм. Мониторинг реального состояния «профиля» экономики с точки зрения пропорций распространения тех или иных вариантов культурно-экономических идеологических установок, перечисленных в таблице, и прогноз динамики этих пропорций необходимы для обеспечения устойчивого развития экономики под эгидой культуры. Организация цивилизованного «неразрушающего» диалога между ними — актуальная задача социально-экономической политики государства.

А. Б. Куделин¹

ИЗ ИСТОРИИ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА («Авраамический» монотеизм в интерпретации средневековых мусульманских богословов)

В 1896 году русский религиозный философ В. С. Соловьев опубликовал очерк «Магомет, его жизнь и религиозное учение», в котором он, по словам одного из исследователей, «попытался найти глубинные основания для восстановления духовного единства авраамических религий»². В связи с этим коротко напомним основные звенья построения В. С. Соловьева.

В своем очерке, в частности в главе V «Сущность Ислама. Вера Авраамова. Отношение к другим монотеистическим религиям», русский мыслитель подчеркивает, что Мухаммад, опираясь на «слово Божие», осуждает «всякую религиозную исключительность» и требует «одинакового признания всех исторически различных проявлений истинной религии»: «Скажи: мы верим в Бога, в то, что Он послал нам, что Он открыл Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и двенадцати коленам, мы верим в священные книги, полученные с неба Моисеем, Иисусом и пророками, мы не полагаем между ними никакого различия — мы Ему предали себя» (Коран, сура III, 78)³.

¹ Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, член Президиума РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор более 200 научных исследований, в т. ч. монографий: «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII — XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи». Председатель редакционного совета журнала «Восточная коллекция», редакционных коллегий книжных серий «Литературные памятники» и «Памятники письменности Востока» РАН. Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

² Журавский А. В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990. С. 43.

³ Для того чтобы убедиться, насколько точны были основания построений В. С. Соловьева, приведем цитату из Корана в общепризнанном современном переводе академика И. Ю. Крачковского: «Скажи: “Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, и Исма’илу, и Исхаку, и ‘Исе, и пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся”» (Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986).

Согласно Корану в исламе, продолжает В. С. Соловьев, «совершенно особенное значение должен был иметь... отец всех верующих, Авраам», поскольку «это имя связывало новую религию с прочими современными Мухаммаду “народами писаний”, то есть христианами, иудеями, сабиями». Проповедуя арабам истину единобожия, Коран, отмечает В. С. Соловьев, считает «представителем этой истины в древности» не Измаила, а Авраама: «Авраам не был национальным пророком, он не был послан специально к арабам; они почитали его вместе с другими народами, с иудеями и христианами». Русский философ также подчеркивает значимость и следующих двух положений в мусульманской концепции «авраамического» монотеизма: 1) «Авраам не ставится в ряды прочих пророков, и его религия не признается одной из безразлично равных форм монотеизма, а выставляется как безусловная норма для других монотеистических религий»; 2) «Мухаммад нигде не выставляет учение Корана как высшую ступень религиозного развития; признаваемое им превосходство этого учения, равно как и веры Авраамовой, с которой оно безусловно тождественно, состоит не в большей полноте или высшем развитии религиозной истины, а единственно только в том, что здесь эта истина остается в своей первоначальной чистоте и простоте»⁴.

Написанию очерка «Магомет», свидетельствовавшему об эволюции взглядов В. С. Соловьева на «развитие христианских представлений об исламе»⁵, предшествовала большая подготовительная работа по изучению исламоведческих трудов, европейских переводов Корана. В списке сочинений по интересовавшей

⁴ Соловьев В. С. Магомет. Его жизнь и религиозное учение. СПб., 1902. С. 26–34 и др. Подробную характеристику взглядов В. С. Соловьева по этому вопросу см.: Журавский А. В. Указ. соч. С. 43–46.

⁵ Так, первым подступом к теме явилась публикация В. С. Соловьева «Три силы» (1877) (подробнее см.: Журавский А. В. Указ. соч. С. 43, 45 и др.).

русского мыслителя теме нет исследований о трудах средневековых мусульманских богословов, в которых давалась бы исламская интерпретация «авраамического» монотеизма¹. Подобных исследований в то время просто не существовало. Между тем позиция мусульманских теологов в данном случае, несомненно, важна. Попытаемся хотя бы частично заполнить указанную лауну.

Многие существенные элементы концепции «авраамического» монотеизма раскрываются при интерпретации мусульманскими богословами элементов «чудесного» в различного рода средневековых сводах сообщений о пророке Мухаммаде. Обратимся в связи с этим к «Жизнеописанию пророка» (*ас-Сира ан-набавийя*) двух авторов — Ибн Исхака (ум. в 767 г.) и Ибн Хишам (ум. в 833 или 828 г.).

В «Жизнеописании» содержится, по нашим подсчетам, более 120 эпизодов с элементами чудесного. Значительная часть элементов чудесного в «Сире», что совершенно естественно, имеет непосредственное отношение к главе мусульманской общины. Рассмотрим несколько эпизодов из труда Ибн Исхака и Ибн Хишам.

В первых двух дело идет о чудесной способности пророка ислама знать по воле Всевышнего о прошлом и будущем то, что не может быть ведомо простым смертным.

Первый эпизод связан с обращением в ислам яркого противника Мухаммада ‘Умайра ибн Вахба, точнее с чудесными обстоятельствами, которые привели последнего к мысли о необходимости стать мусульманином.

Сын ‘Умайра ибн Вахба попал в плен к мусульманам в битве при Бадре. Вскоре после битвы в разговоре с другим мекканцем Сафваном ибн Умайей ‘Умайр сказал: «Если бы не долг, который висит на мне и который я не в состоянии заплатить, и не дети, которые, боюсь, пропадут без меня, то я бы, клянусь Аллахом, отправился к Мухаммаду и убил бы его. Ведь у меня и повод есть — мой сын у них в плену». На что Сафван ему ответил: «Я беру на себя твой долг и выплачу его за тебя, а дети твои будут как мои дети. Я позабочусь о них. Все, что будет у меня, будет и у них». На этих условиях ‘Умайр согласился отправиться в Медину, и собеседники условились хранить в тайне эту договоренность.

В Медине вооруженный и опасный «врага Аллаха», но Мухаммад лично распорядился допустить к нему ‘Умайра.

Услышав это, ‘Умайр воскликнул: «Я свидетельствую, что ты — посланник Аллаха. Мы, посланник Аллаха, считали ложью те вести с небес, что ты возвещал нам, и те откровения, что ниспосылались тебе, однако при этом разговоре присутствовали лишь двое, я и Сафван. Клянусь Аллахом, его содержание сообщить тебе мог только Аллах. Слава Аллаху, который наставил меня на правильный путь, обратив в ислам, и явил мне свидетельство истины»².

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 5–6.

² Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām / hrsg. F. von Wüstenfeld. Göttingen, 1858–1860. Bd. I–II. S. 471–474 (пер. с араб. А. Б. Куделина, Д. В. Фролова).

Во втором эпизоде пророк ислама выступает провидцем, выказывая чудесную способность предвидеть поступки людей в будущем. В битве при Бадре среди плененных курайшитов оказался Сухайл ибн ‘Амр, причинивший в свое время много неприятностей мусульманам. За него прислали выкуп, и победители решили сохранить ему жизнь, но чтобы избежать в будущем новых козней Сухайла, ‘Умар ибн ал-Хаттаб обратился к пророку ислама с предложением: «Посланник Аллаха! Позволь я вырву Сухайлу ибн ‘Амру два передних зуба, тогда язык его будет вываливаться и он не сможет никогда больше разглаживать против тебя в собраниях»³.

Пророк ислама не соглашается с ближайшим своим сподвижником, ибо ему известно, что Сухайл находится под высоким покровительством за благочестивые дела, которые тому предстоит совершить в будущем. И действительно, в самом конце «Жизнеописания», после описания смерти Мухаммада, повествуется о том, как Сухайл, обратившийся к тому времени в ислам, активно выступил против поднимавших голову «многобожников»⁴.

Чудесная способность знать то, чего не может знать обычный человек, — один из элементов агиографического облика Мухаммада. Следующий эпизод, в котором говорится о чуде, совершенном пророком ислама, дополняет этот облик. Он является для правоверного наглядным свидетельством того, что Мухаммад был способен по воле Всевышнего совершать чудеса, в частности превратить деревянную жердь в руках доблестного мусульманского воина в разящий меч⁵.

О чудесах, совершенных пророком ислама, говорится в разных главах «Сирь». Ограничимся несколькими примерами. Во время сражения, вошедшего в историю под названием «Битва у рва» (627), мусульмане для защиты Медины от мекканского войска вырыли за короткое время ров длиной около 6 км. Выкапывая ров, они натолкнулись на большую скалу, которую нельзя было расколоть на куски. Пророк ислама помолится Аллаху и вылил на скалу ведро воды, отчего она превратилась в песчаную дюну. В те же дни в присутствии Мухаммада пригоршня фиников, а затем и зажаренная овца становятся обильной пищей, которой после тяжелой работы наедается значительное число мусульман-землекопов⁶.

По меньшей мере дважды во время военных походов (Худайбийя, 628 г.; Табук, 630 г.) пророк ислама, по свидетельству «Сирь», чудесным образом добывает воду для своего войска⁷.

Чудеса в «Жизнеописании», несомненно, служили в глазах неприятия читателя возвеличиванию ислама и деятельности главы мусульманской общины, придавали им высокое значение непреходящих событий священной истории. Вместе с тем интерпретация этих эпизодов как актов, совершавшихся в соответствии с высоким промыслом Божьим, требовала

³ Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. S. 462–463.

⁴ Ibid. S. 1022.

⁵ Ibid. S. 452.

⁶ Ibid. S. 671–672.

⁷ Ibid. S. 742, 904.

от взыскующих умов обоснования их высокими теоретическими представлениями о пророческом чуде.

И здесь приходится сразу же оговориться, что у средневековых мусульманских ученых не существовало единой концепции чуда. Не оспаривая в явной форме фактов совершения чудес пророком ислама, засвидетельствованных традицией, одна группа теологов, тем не менее, недвусмысленно заявляет, что Мухаммад с соизволения Аллаха чудес не совершал и что единственным чудом, к которому он имел отношение, является ниспосланный ему Коран. Другая группа ученых столь же определенно в своих теоретических воззрениях придерживалась иной позиции. И именно эти ученые стали начиная с IX века объединять истории о чудесах, связанных с жизнью Посланника, в произведениях агиографического жанра (*дала 'ил, а 'лам или амарат ан-нубува* — букв.: знаки, признаки пророчества).

Обобщающее изложение позиции первой группы теологов можно найти в труде «Совершенство в коранических науках» известного ученого Джалал ад-Дина ас-Суйути (1445–1505).

Ас-Суйути начинает с определения чуда: «Знай, что чудо (*му'джиза*) — это нечто выходящее за грань привычного (*амрун харикун ли-л-'ада*), содержащее вызов, но недоступное соперничеству (*салимун 'анил-му'арада*). Оно бывает либо воспринимаемым чувством, либо умопостигаемым»¹. Далее ученый приводит следующий хадис: «Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Каждый пророк получал нечто, соответствующее ему, во что верили люди. Я же пришел с откровением, которое ниспослал мне Аллах, и надеюсь, что последователей у меня будет больше, чем у них”»². А затем рассматривает два его возможных толкования: «Говорили, что смысл этого речения: “Чудеса прочих пророков не пережили их время, и видел их лишь тот, кто жил тогда. Чудо же Корана будет длиться до Дня воскресения. За грань привычного выходят и слог Корана, и его красноречие, и содержащиеся в нем вести о сокрытом...” Говорили еще: “Смысл в том, что очевидные чудеса, бывшие в прошлом, воспринимались чувствами. Их можно было увидеть глазами... Чудеса же Корана видны духовным зрением. Поэтому тех, кто последует за ним, будет больше, ибо видимое глазами не переживает видевших, а видимое очами разума доступно всякому, кто придет после первых, когда бы это ни случилось”»³.

Итак, согласно ас-Суйути, чудо как «нечто, выходящее за грань привычного» присуще всем пророкам. Однако чудо Мухаммада «умопостигаемое», а не «воспринимаемое чувством», как у других пророков, а потому и «будет длиться до дня Воскресения», и привле-

чет к себе больше последователей, чем прочие пророческие чудеса.

Теоретическое построение ас-Суйути завершается рассуждением о том, что ниспосланное пророку ислама писание само по себе является достаточным знаменем для верующих и отменяет необходимость в прочих чудесах: «И еще сказал Всевышний: “Они сказали: ‘Если бы ниспосланы были ему знамения (*айям*) от его Господа!’”. Скажи: ‘Знамения (*айям*) только у Аллаха, а я лишь ясный увещатель’. Разве не довольно им, что Мы ниспослали тебе писание, которое читается им...” (Коран, сура XXIX, 50–51). В этих словах Он возвестил, что Писание — из Его знамений, что свидетельство Писания — самодостаточно, что оно заменяет чудеса и знамения других пророков»⁴.

В своем труде ас-Суйути подвел итоги развития соответствующей отрасли мусульманской науки на протяжении длительного времени. Многие его соображения были высказаны задолго до него, о чем он сам неоднократно говорит в «Совершенстве в коранических науках». Имеющиеся расхождения в трактовке отдельных положений не имеют для нас в данном случае принципиального значения⁵. Главное же состоит в том, что приверженцы этой позиции выстраивают определенную иерархию пророков и их чудес и что, устанавливая Мухаммада на верхней ступени иерархической лестницы, они так или иначе признают Коран главным и практически единственным чудом пророка ислама⁶.

⁴ *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 16.

⁵ В частности, сходные с ас-Суйути мысли о чуде Корана — как нечто общеизвестное — приводятся, причем не в теологическом, а в филологическом контексте выяснения преимуществ прозы перед поэзией, уже у ал-Марзуки (ум. в 1030 г.): «Чудеса пророков — да будет над ними мир — в их время были из рода того, чем были увлечены их общины в их пору... Таково было чудо Мусы (Моисея) — да будет над ним мир — потому что оно явилось ему во время, бывшее временем чародейства и чародеев, и оно стало чудом такого рода и самым значительным в нем. И таково же было положение 'Исы (Иисуса) — да будет над ним мир — потому что его время было временем медицины, и поэтому его чудо, а именно воскрешение мертвых, было такого рода и самым значительным в нем. А когда пришло время пророка — да благословит его Аллах и приветствует — время красноречия и ясного изложения, сделал Аллах его чудо родом того, чем были увлечены люди, и самым значительным в этом роде, и он превзошел их в Коране прозаической речью, а не метрической поэзией» (Шарх «Диван ал-Хамаса» ли Аби 'Али Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Марзуки (?–421 г. Р. х.) : в 4 т. Каир, 1951–1954. Т. 1. С. 19 (вторая пагинация). Перевод цит. по: *Куделин А. Б.* Понятие «столп поэзии» в средневековой арабской критике / коммент. ал-Марзуки к «Дивану доблести» Абу Таммама. М., 2004. С. 150. Сер. «Памятники литературной мысли Востока»). Не вдаваясь в детальный анализ приведенного пассажа, отметим одну его важную особенность: автор, в отличие от ас-Суйути, не отдает предпочтения ни одному из названных им пророков.

⁶ В последнем утверждении они опираются на текст священного писания ислама, в котором не признаются чудеса Мухаммада, но особый акцент ставится на его «знамениях» (*айямат*), под которыми понимался факт ниспослания ему стихов Корана (позднее последние и стали называть *айятами*) (подробнее см.: *Wensink A. J.* Mu'ǧǧiza. Et, ср.: *Кныш А. Д.* Му'джиза. Ислам : энцикл. словарь. М., 1991. С. 168). Абсолютизация данной точки зрения приводит зачастую к излишне категоричным и далеко идущим, и вследствие этого не всегда точным, заключениям. В качестве показательного примера укажем на труд известного искусствоведа Р. Эттингхаузена. Опираясь на положение, согласно которому Мухаммад рассматривается в Коране как обыкновенный человек, избранный Аллахом для передачи своего послания на землю, ученый утверждает, будто пророк ислама «никогда не строил из себя чудотворца или обладателя сверхъестественных возможностей», что нашло отражение и в мусульманском искусстве (*Ettinghausen R.* La Peinture arabe. Genève, 1977. P. 13).

¹ *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан : в 2 т. 4-е изд. Каир, 1978. Т. 2. С. 148. Здесь и далее выдержки из труда ас-Суйути в переводе с араб. Д. В. Фролова цит. по: *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Совершенство в коранических науках. М., 2006. Вып. 5 : Учение о неподражаемости Корана. С. 15.

² *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан. Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 15.

³ *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан. Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 15–16.

Обратимся теперь к рассмотрению взглядов их оппонентов. Наиболее известные сочинения о чудесах, совершенных пророком ислама, принадлежат ‘Абд ал-Джаббару ал-Хамазани (ум. в 1025 г.), Абу Ну‘айму ал-Исфахани (ум. в 1038 г.), ал-Маварди (ум. в 1058 г.) и Ахмаду ибн ал-Хусайну ал-Байхаки (ум. в 1066 г.). В труде Ахмада ибн Таймийи (1263–1328) содержится обобщение некоторых важных моментов позиции второй группы теологов.

Не претендуя на полноту изложения всех изменений, которые претерпевала на протяжении достаточно длительного времени их позиция, наметим лишь важнейшие вехи на пути ее формирования.

В труде «А‘лам ан-нубувва» («Признаки пророчества») известного шафийитского богослова-законоведа ал-Маварди (974–1058) мы находим описание двух групп чудес: в первой группе речь идет об одном Коране, во второй — о чудесах, совершенных Мухаммадом с соизволения Аллаха.

Коран ал-Маварди характеризует как первое чудо (*му‘джиз*), посредством которого Аллах призвал Мухаммада к пророчеству и особые свойства (*неподражаемость*) которого выделяют его среди других посланников и делают Коран самым очевидным из чудес (*айат*) Всевышнего.

Далее ал-Маварди развивает свою мысль. Чудо всякого посланника в наибольшей мере соответствовало представлениям людей его времени о чудесном. Так, Муса (Моисей), который был направлен с миссией в эпоху господства чародейства, своими чудесами — разделением моря и превращением посоха в змею — посрамил всех чародеев. ‘Иса (Иисус) был послан в эпоху господства медицины, и исцелением неизлечимых больных и воскрешением из мертвых он привел в изумление всех врачей. Когда же в эпоху господства красноречия был направлен Мухаммад, то ему был ниспослан Коран, подражать которому оказались бессильны и велеречивые риторы, и поэты.

Свои рассуждения ал-Маварди заключает утверждением, весьма близким к тому, что нам уже известно по труду ас-Суйути: чудо Корана будет более долговечным и найдет больше приверженцев, чем чудеса, о которых свидетельствовали лишь очевидцы и которые не пережили свое время. Поэтому-то оно и убедительнее, и предпочтительнее других чудес¹.

Однако затем автор «Признаков пророчества» существенно расходится с линией теологов, выстраивавших иерархию «умопостижимых» и «воспринимаемых чувством» чудес. Рассмотрев признаки *неподражаемости* Корана², ал-Маварди переходит к подробному перечислению разного рода чудесных деяний и событий, связанных с пророком Мухаммадом. Здесь мы находим сообщение (со ссылкой на одного из самых авторитетных суннитских составителей хадисов ал-Бухари [810–870]) и о уже упоминавшихся выше событиях во время подготовки к «Битве у рва»: преодоление с чудесной помощью Мухаммада препятствия в виде скалы, кормление малым количеством еды 600 или 800 землекопов. О последнем ал-Маварди не пре-

минул заметить, что «это подобно чуду ‘Исы (Иисуса) с едой»³. Находим мы и другие, также упоминавшиеся чудесные обстоятельства добывания воды в пустынной местности. В одном из таких случаев автор «Признаков пророчества» вновь считает нужным указать на сходство чудесных действий Мухаммада с чудом, совершенным Мусой (Моисеем)⁴.

К сопоставлению с Мусой ал-Маварди прибегает и в рассказе о чуде, совершенном во время похода к оазису Хайбар (628). По свидетельству ‘Али ибн Аби Талиба (в будущем четвертого «праведного» халифа), лежащему в основе рассказа, в критический момент похода мусульмане оказались перед вади, бурные потоки которого вырывали деревья с корнями и сотрясали горы. Мусульмане измерили глубину потока, и она оказалась равной 14 человеческим ростам. Пророк помолился и сказал: «Идите во имя Аллаха». Мусульманское войско с лошадьми и верблюдами перешло вади и одержало победу. Ал-Маварди видит здесь сходство с чудом Мусы, разделившим море⁵.

Укажем также на упоминание еще двух случаев, когда ал-Маварди настаивает на сходстве Мухаммада с ‘Исой. В первом случае Пророк ислама воскресил из мертвых девочку, во втором — исцелил прокаженного⁶.

Повествуя о чудесах, совершенных Мухаммадом, автор «Признаков пророчества» неоднократно подчеркивает, что подобные действия способен совершить с соизволения Всевышнего только пророк. Так, в частности, он рассказывает, как люди однажды пришли к Мухаммаду жаловаться на плохую воду. Пророк ислама сделал так, что она стала пригодной для питья. Когда же с подобной просьбой обратились к одному из лжепророков, Мусайлиме, то из источника забила горькая вода, подобная ослиной моче. В другом случае некая женщина привела к пророку мальчика со слабыми, выпадающими волосами. Мухаммад погладил его по голове, и после этого у него стали расти здоровые волосы. То же самое попытался проделать и Мусайлима, но мальчик, которого он погладил по голове, навсегда облысел⁷.

Приведенных примеров достаточно для формулирования важного вывода. Если при рассмотрении Корана ал-Маварди противопоставляет Мухаммада предшествующим пророкам: чудо священного писания мусульман предпочтительнее недолговечных чудес Мусы и ‘Исы, то, перейдя к рассказам о чудесных актах, совершенных пророком ислама, автор «Признаков пророчества» всячески стремится подчеркнуть их принципиальное сходство именно с подобными чудесами Мусы и ‘Исы. Иными словами, в новом контексте ал-Маварди воздает должное чудесам, о которых свидетельствовали лишь очевидцы и которые не пережили свое время: Мухаммад не отличается от Мусы и ‘Исы — ни в чем им не уступает, но и не превосходит их.

³ Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад ал-Маварди. Указ. соч. С. 103–104.

⁴ Там же. С. 106 и др.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 107–108.

⁷ Там же. С. 106–107.

¹ Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад ал-Маварди. А‘лам ан-нубувва (Признаки пророчества). Бейрут, 1989. С. 73–74.

² Там же. С. 74–91.

Итак, рассмотрение всего комплекса чудес Мухаммада, зафиксированных традицией, привело ал-Маварди к очевидной антиномии (неравенство–равенство) в выстраиваемой им иерархии пророков и их чудес. Недостатки его подхода, некорректность противопоставления Мусы (Моисея) и ‘Исы (Иисуса) Мухаммаду, а все трое принадлежат к пророкам «авраамического» монотеизма¹, были преодолены в труде «Китаб ан-нубувват» (Книга пророчеств) авторитетного ханбалитского богослова-законоведа Ахмада ибн Таймийи (1263–1328)². Не претендуя на всесторонний и полный анализ этого значительного многоаспектного сочинения, попытаемся коротко охарактеризовать его в интересующем нас плане.

Прежде всего Ибн Таймийи стремится определить понятие «чуда»: «Пророческое чудо непременно должно выходить за грань привычного в том смысле, что оно не является привычным делом для обыкновенных людей». Однако было бы неверным, утверждает Ибн Таймийи, видеть во всяком явлении, выходящем за грань привычного, указание на чудо. Жрецы (*кахины*), маги, врачи, астрологи, богословы, грамматисты знают и совершают такое, что, согласно представлениям и практическим возможностям обыкновенных людей, выходит за грань привычного. Так, если звездочет объявит о времени солнечного или лунного затмения, то люди удивятся этому, поскольку им неведомо, как он это сделал, но в этом нет ничего от пророческого чуда. Равным образом и труд «Книга» великого грамматиста Сивавайхи (VIII в.), и медицинские познания Гиппократов, и ученость кого-либо из великих мусульманских мыслителей, выходящие за грань возможностей обыкновенных людей, не свидетельствуют об их пророчестве. В данных случаях речь идет о высокой специализации в той или иной области человеческой деятельности, где в принципе возможны сходные результаты у других людей, достигших такого же уровня профессиональной подготовки. В противоположность всем перечисленным случаям одной из важнейших характеристик пророческого чуда является то, что «род людской, за исключением пророков», не может с ним «соперничать».

Утверждая, что чудеса могут совершаться и повторяться только пророками, Ибн Таймийи столь же определенно, как и ал-Маварди, проводит и второе разграничение: между пророческими чудесами и чародейскими действиями лжепророков и магов. Чародейство последних только внешне напоминает чудеса; и, напротив, чудеса пророков и посланников, вопреки домыслам их хулителей, имеют мало общего с чародейством³.

Затем Ибн Таймийи переходит к сопоставлению чудес пророков «авраамического» монотеизма. Мы

¹ Подробнее об этом см.: *Гайнутдинова А.* Образы пророков в Коране. М., 2002. С. 81–141; *Она же.* Профетология Корана: истории пророков как элемент построения коранического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 8, 19, 22 и др.

² Ибн Таймийи наряду с ал-Газали (ум. в 505/1111 г.) и Ибн ал-‘Араби (ум. в 638/1240 г.) принадлежит к числу средневековых мыслителей, оказавших наибольшее влияние на современный ислам. Его идеи получили новый импульс в XVIII в.

³ *Ибн Таймийи.* Китаб ан-нубувват (Книга пророчеств). Бейрут, 1985. С. 5–7, 19–23, 35, 47, 309 и др.

помним, что у ал-Маварди Коран в определенных отношениях стоит выше чудес Мусы и ‘Исы. Автор «Книги пророчеств» занимает по этому вопросу отличную позицию, которая позволит ему, как мы увидим позднее, преодолеть слабость антиномической концепции ал-Маварди, заявлявшего одновременно о неравенстве и равенстве пророков в плане совершенных ими чудес.

Исходной точкой в построении Ибн Таймийи является положение: «Чудо любого из пророков — чудо для всех пророков», которое он разъясняет так: если какой-либо пророк осуществил с соизволения Аллаха некое чудо, то не возбраняется другому пророку (напомним, речь идет о пророках «авраамического» монотеизма) совершить подобное же чудо. Так, например, чудо воскрешения из мертвых было присуще как пророкам, бывшим до Мухаммада, так и пророческой миссии самого Мухаммада⁴. Продолжая рассуждать по аналогии, Ибн Таймийи переходит к обсуждению чудесной неподражаемости Корана в рамках, так сказать, ретроспективного аспекта своей концепции пророческого чуда.

Коран — как священное писание — действительно неподражаем в разных отношениях, и попытки соперничать с этим чудом обречены на неудачу. Однако данное утверждение касается обыкновенных людей и обыкновенных текстов. В отношении же пророков «авраамического» монотеизма, которых именуют также и «пророками писания»⁵, оно некорректно. Тора, Евангелия и псалмы — в силу того, что они являются священными писаниями, — также не имеют подобий себе, но мусульманам это обстоятельство не может причинить ущерба, поскольку ясно, что пророки «авраамического» монотеизма в равной мере могут быть — и действительно были — причастны к любым чудесам, в том числе и к Священному Писанию. Тора, Евангелия и псалмы, — продолжает Ибн Таймийи, — являются чудом с точки зрения содержащихся в них представлений и сведений о сокровенном и прочем. Если же кто-то скажет, что они не представляются чудом, подобно Корану, в плане *назма*, то есть особых свойств конструкции их языковых единиц⁶, то такое возможно. Однако даже и в этом случае для решительного суждения по данному вопросу применительно, например, к Торе, следует прежде обратиться к знакам еврейского языка (*ахл ал-луга ал-‘ибранийи*) и провести соответствующие разыскания. В прочих же отношениях перечисленные писания пророков, несомненно, представляют собой чудо. Для того чтобы окончательно убедить своих возможных оппонентов, Ибн Таймийи приводит последний аргумент, верность которого едва ли решился бы оспаривать кто-то из мусульман. Эти писания — чудо хотя бы по той причине, что в них содержится — с соизволения Всевышнего — известия о пророчестве Мухаммада задолго до того, как он стал выполнять свою миссию: «Чудеса, совершенные Мусой (Моисеем), ал-Масихом

⁴ *Ибн Таймийи.* Указ. соч. С. 154.

⁵ Подробнее см.: *Гайнутдинова А.* Указ. соч. С. 81–141.

⁶ О теории *назма* подробнее см.: *Куделин А. Б.* Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII — XI в.). М., 1983. С. 153–155.

(Христом) и другими, суть чудеса, указывающие на пророчество Мухаммада, поскольку ими они извещают о его пророчестве».

Последние рассуждения важны Ибн Таймийе для итогового вывода о бессмысленности каких бы то ни было предпочтений, когда речь идет о чудесах, совершенных пророками «авраамического» монотеизма, «пророками Писания». «Наша цель здесь, — завершает цепь своих аргументов автор “Книги пророчеств”, — состоит не в том, чтобы отдать предпочтение одним пророкам перед другими (*тафдил ба'д ал-анбийа' 'ала ба'д*), а в том, чтобы сказать, что род пророков отличается от прочих людей чудесами и свидетельствами, которые указывают на их правдивость и из которых разумный человек поймет, что подобные чудеса совершались только ими»¹.

Ибн Таймийа явился, быть может, главной фигурой среди теологов второй группы, создававших на протяжении длительного времени теоретически обоснованную и лишённую противоречий концепцию пророческого чуда, зиждящуюся на исламских представлениях об «авраамическом» монотеизме. И именно в свете этой концепции и этих представлений образованные мусульмане, как нам думается, на протяжении длительного времени интерпретируют многочисленные элементы чудесного в сообщениях о Мухаммаде. И именно эти фундаментальные исламские представления об «авраамическом» монотеизме с достаточной полнотой и точностью описал русский религиозный философ В. С. Соловьев. И именно они были в прошлом и продолжают оставаться в настоящем одной из главных основ конструктивного исламо-христианского диалога.

В. А. Лекторский²

ГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Идеал гуманизма, выработанный и взлелеянный в европейской культуре на протяжении столетий, который разделяли и обосновывали крупнейшие философы, писатели, социальные мыслители и который казался неотъемлемым от самого понимания человека, оказался в наши дни перед лицом серьезного вызова.

Беспрецедентный рост новых технологий, взрывающих сами основания человеческого «жизненного мира», ускользание этих технологий от человеческого контроля, глобальное распространение рыночной экономики, базирующейся на соображениях экономической эффективности и отвергающей всякие сантименты («ничего личного»), обострение межцивилизационных взаимоотношений, выражающееся в том числе и в росте международного терроризма, — все это может привести к мысли о том, что сегодня разгово-

ры о гуманизме не имеют никакого отношения к существующей реальности, что это просто некая риторика, которая не помогает разобраться в существующем положении дел, а уводит от такого понимания. Правда, с другой стороны, современная жизнь преподносит и нечто иное. Это рост социальных движений, апеллирующих к правам человека (несомненному выражению гуманизма), уважению человеческого достоинства, свободе самореализации и самовыражения (именно эти лозунги прокламируют сегодня участники разного рода молодежных движений). Но это также и осознание необходимости специальной гуманитарной экспертизы новых технологий. Это, наконец, существование множества так называемых гуманистических обществ, издающих свои журналы, устраивающих конференции, привлекающих в свои ряды ученых, философов, деятелей культуры.

Так как же относиться к идеалу гуманизма? Должен ли он быть отброшен или сохранен? Если его нужно отбросить, то какое понимание человека и межчеловеческих отношений может прийти ему на смену? Если же речь идет о его сохранении, то можно ли продолжать культивировать этот идеал в неизменном виде или же он нуждается в некой модификации? Иными словами, как нужно отнестись к одной из старейших ценностей и традиций европейской культуры? Устарела ли она в современной ситуации или же нет? И как относиться к идеалу гуманизма в контексте современных межцивилизационных отношений?

Этот идеал был сформулирован в определенной форме и в определенное время. Это произошло в эпоху европейского Возрождения. Первые гуманисты при этом опирались на некоторые традиции античной философии. Гуманизм как идеал предполагает ценность индивидуальной человеческой жизни, признание достоинства и свободы человека, возможность и необходимость его самосовершенствования. Иными словами, это вера в человека и его возможности, то есть это светский идеал. Хотя первые гуманисты были

¹ Ибн Таймийа. Указ. соч. С. 164–166. Важно еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет именно о пророках «авраамического» монотеизма, «пророках Писания». В прочих случаях необходимо, согласно Ибн Таймийе, руководствоваться положением об иерархии пророков и совершаемых ими чудесах, ибо Аллах «отдал предпочтение одним пророкам перед другими (*фадала ба'да ан-набийин 'ала ба'д*), а коли так, то непременно лучший (*ал-фадил*) должен отличаться способностью совершить такое, на что окажется не способен худший (*ал-мафдул*)» (Там же. С. 327–329).

² Заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура» и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалью Института философии РАН «За вклад в философию».

христианами, религия, с их точки зрения, не сковывает человека и не лишает его автономии (тем не менее многие религиозные мыслители критикуют гуманизм, так как, по их мнению, он несовместим с религиозной верой; есть, правда, в наши дни и «христианский гуманизм», хотя для большинства современных гуманистов их гуманизм тождествен с атеизмом).

Однако изначально в самом идеале гуманизма были заложены возможности такого его понимания, которые при своей реализации вывели за его пределы, то есть вступали в противоречие с той идейной позицией, из которой они, казалось бы, выросли. В наше время это стало особенно ясно.

Например, такая важнейшая черта гуманизма, как ценность каждой человеческой жизни и каждой культуры. С точки зрения гуманизма все люди, независимо от их способностей, талантов и достижений, обладают равным достоинством и равным правом на уважение и свободное развитие. Конечно, хорошо, если человек может самосовершенствоваться и достигать высот в этом процессе. Но даже тот, кто в силу природных, социальных или культурных причин на это не способен, заслуживает признания. Тот, кто оказался в трудной ситуации, заслуживает сострадания. Классическая русская литература — это проповедь сострадания к «маленькому человеку», проповедь любви к униженным и оскорбленным и, конечно, всемирно признанный гуманизм.

Сегодня такого рода гуманизм воплощен в известной Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1949 году и признающей за каждым человеком ряд неотъемлемых прав: на здоровье, безопасность, получение образования, свободу волеизъявления, на достойную жизнь и т. д. После 1949 года ряд международных организаций (в частности, европейское сообщество) приняли документы, которые дополнили перечень индивидуальных и групповых, гражданских, социальных, культурных прав человека.

Следовательно, дело не в том, каких высот в развитии достиг тот или иной человек, каких взглядов он придерживается. Дело не в выстраивании разных культур в определенную шкалу с точки зрения так или иначе понятого уровня их развития, — а ведь человек обладает индивидуальной идентичностью постольку, поскольку он включен в ту или иную культуру. Каждый человек и каждая культура имеют право на уважение и защиту.

Все это, действительно, важно. Несомненно, принятие Декларации прав человека было серьезной вехой в социальной и культурной истории человечества, в истории воплощения гуманистических идеалов. Но в связи с этим возникают непростые проблемы.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что в современных условиях, когда разные культуры пришли к теснейшему взаимодействию, а иногда и к столкновению друг с другом (разные культуры взаимодействовали всегда, но сегодня, в условиях глобализации, уровень этого взаимодействия особенно высок, а степень взаимодействия весьма интенсивна), становится ясно, что между разными правами существуют непростые

взаимоотношения: осуществление некоторых из них в ряде случаев сталкивается с попранием других. Так, например, право индивида на свободное передвижение может вступать в противоречие с правом той или иной культуры на защиту — это обстоятельство, в частности, породило серьезные проблемы в современной Европе. В данном случае сам по себе гуманистический идеал не определяет конкретный способ решения жизненной проблемы. А ведь она исключительно остра: человек не существует вне культуры, и разрушение той или иной культуры — это также и конец человека определенного типа.

Кроме того, есть еще одна проблема. В Англии, Франции, Германии, США и других странах западной культуры сегодня существуют устойчивые сообщества представителей неевропейских культур, имеющих такие представления о правах человека и гуманизме, которые весьма отличаются от общепризнанных в странах их нынешнего проживания. В соответствии с господствующими сегодня представлениями о толерантности (считается, что толерантность — реализация одной из важных сторон гуманистического идеала) эти отличные от западных системы ценностей должны уважаться. Но не означает ли это, что в ряде случаев мы, руководствуясь гуманистическими соображениями, вынуждены уважать совсем *негуманные* ценности?

До недавних пор было признано, что практика взаимоотношений между живущими рядом представителями разных культур должна руководствоваться принципом мультикультурализма. Одно из распространенных его толкований состоит в следующем.

Другая культура должна уважаться, но ее невозможно понять извне и с ней нельзя взаимодействовать. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют как бы в разных мирах. Вместе с тем не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие.

Этой трактовке соответствует определенная практика. Люди, принадлежащие к иной культуре, чем культура страны их проживания, по сути дела, живут в некоем культурном гетто. Формально они имеют те же права, что и все остальные жители данной страны. Но реально не могут воспользоваться этими правами, так как не приняты господствующей культурой, не интегрированы в нее, не имеют возможности получить такое же образование, как представители господствующей культуры, и поэтому не могут занять достойного положения в обществе. Поэтому все разговоры об уважении каждой культуры и принадлежащих к ней людей оказываются на практике лицемерием, прикрывающим самое *негуманное* положение дел. Подобная ситуация, естественно, не может устроить обитателей культурных гетто, и они восстанут против нее, выступая в то же время против культуры принявшей их страны. Простого сосуществования разных культур не получается. На практике каждая культура пытается навязать остальным свою систему культурных смыслов

и ценностей. Поэтому не случайны недавние признания лидеров Франции и Германии в том, что практика мультикультурализма в том виде, в каком он практиковался до недавних пор, провалилась. Лежащая в основе понятого таким образом мультикультурализма идея культурного релятивизма и релятивистского понимания гуманизма оказалась не просто не работающей, но в реальности отрицающей принципы гуманизма.

Тогда как же относиться к гуманизму сегодня? Имеет ли он какой-то смысл в современном мире насилия, жестокости, циничного расчета, конфликта разных культурных смыслов и ценностей?

Ясно, что отказ от гуманизма в той или иной форме — в виде ли идеи трансгуманизма или же в виде попыток навязать в качестве всеобщей какую-то единственную систему ценностей и смыслов — приводит к краху как человека, так и человечества. Сегодня это стало более очевидным, чем когда бы то ни было.

Это не означает, что идеал гуманизма не нуждается в современной интерпретации, которая принимает во внимание сегодняшние реалии и в то же время выявляет непростые взаимоотношения между разными компонентами этого идеала, делающими возможным появление негуманных следствий при вроде бы вполне гуманных намерениях.

Нужно сказать, что исторически культ индивидуальности как неотъемлемая черта гуманистического идеала нередко толковался в духе автономии и «самозамкнутости» индивида. Это характерная черта европейской культуры, которая в течение нескольких столетий оказывала влияние не только на развитие философии, но и на науки о человеке. Ю. Хабермас считает, что всю европейскую философию Нового времени можно понять как философию индивидуального самосознания. Сегодня ясна ущербность и даже опасность такого понимания. Человек должен быть осмыслен как необходимо включенный в систему отношений с другими в рамках социальных и культурных общностей и как не существующий вне этой системы. А эти отношения строятся не только под углом зрения прав отдельного индивида, то есть с точки зрения того, что другие должны делать по отношению к нему, но также в контексте его обязанностей по отношению к другим и к той или иной коллективной общности, то есть того, что он должен делать для других.

Между прочим, это касается истории интерпретации прав человека. Когда в 1949 году была принята Декларация прав человека, главный упор был сделан на права индивида. Этот акцент соответствовал европейской традиции понимания таких прав. Но вскоре выяснилось, что представления об этих правах в неевропейских культурах существенно отличаются от тех, которые были положены в основу Декларации. Во многих культурах такого рода подчеркиваются прежде всего обязанности человека по отношению к государству, семье, старшим. Права вытекают из этих обязанностей: например, права старших по отношению к младшим как следствие обязанностей первых перед вторыми, так же как и права младших, вытекающие из обязанностей старших, обязанности подданных по отношению к государству и вытекающие из этого их права на

государственную защиту (то есть обязанности государства в отношении подданных) и т. д. Главная же особенность таких представлений о правах и обязанностях связана с иным, отличным от европейской традиции пониманием человека, его личности, степени его автономности и свободы, его включенности в социальные структуры.

Какой вывод следует из этого обстоятельства?

Дело не в том, что способ включенности индивида в социальные структуры, характерный для неевропейских обществ, следует признать универсальным. И не в том, что обязанности должны всегда превалировать над индивидуальными правами. И то, и другое должно сочетаться. Дело, действительно, в другом: в признании того важнейшего факта, что не только индивид нуждается в защите, но и те коллективные (социальные и культурные) общности, к которым он принадлежит и без которых невозможен. Понимание этого выразилось в принятии после 1949 года ряда дополнений к Декларации, в которых речь шла уже о защите прав коллективных общностей (в отношении которых у индивида существуют обязанности).

И в понимании свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала должны быть сделаны новые акценты. Ранее достижение свободы обычно связывалось с преодолением внешних ограничений человеческой деятельности — со стороны природного и социального окружения. Это приводило, с одной стороны, к идее покорения природы, использования ее в интересах человека, контролирования естественных процессов. Но та же конструктивно-проективная установка применялась и по отношению к социальным процессам. Считалось, что гуманизация общественных отношений связана с их рационализацией, позволяющей контролировать процессы в обществе и конструировать новые формы человеческих взаимоотношений и даже новые типы людей.

Сегодня ясно, что такого рода понимание человека и его отношений к природе и обществу ведет к тупику. Идея «покорения природы» привела к экологическому кризису, идея тотальной рационализации межлических отношений — к отчуждению человека от государственной машины.

Приходится признать, что отношения с природой должны строиться по образцу своеобразного диалога (идея *коэволюции* природы и общества) и что идея мультикультурализма имеет смысл только в том случае, если взаимоотношения разных культур мыслятся не как простое сосуществование не взаимодействующих между собой коллективных общностей, а именно как их диалог.

Особенность диалога заключается в том, что в результате него разные культуры и включенные в них люди не консервируются, не застывают в имеющихся у них особенностях, а могут развиваться, то есть изменяться в определенных отношениях. Уважение к другому человеку и другой культуре выражается в том, что они не просто принимаются как некая существующая данность, а включаются в заинтересованный диалог.

Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритическое принятие

чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей не обязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Межчеловеческий и межкультурный диалог и есть важнейшая черта современного гуманизма. Я хочу обратить внимание также на то, что компоненты гуманистического идеала находятся между собой в определенном равновесии, иногда довольно хрупком. Культивирование одного из них в ущерб другим может вывести за пределы гуманизма.

Например, ценности свободы и равенства. Не так давно у нас много писали о том, что идеал равенства устарел (упрекая при этом советскую власть в том, что она слишком большое внимание придавала равенству), что главное для развития человеческих возможностей — это свобода. Но ведь свобода необходимо предполагает равенство людей в определенных отношениях. Это прежде всего равенство всех перед законом (равноправие), равенство в моральном смысле (нет «морали господ» и «морали рабов»). Наконец, человек может по-настоящему свободно развиваться только в том обществе, в котором существуют равные исходные социальные условия для развития. Если

один человек родился в семье олигарха, а другой имеет малообеспеченных родителей, то ясно, что исходные социальные условия развития у двух детей будут различными. Первый ребенок может поступить в хорошую школу и престижный вуз, а затем занять привилегированное положение в обществе, а второй, даже в том случае, если он не уступает первому по природным задаткам и трудолюбию, столкнется с большими трудностями и в обучении, и в жизни. О какой же свободе развития можно говорить в данном случае? Но значит ли это, что подобное общество не может считаться гуманным.

Конечно, равенство тоже должно пониматься определенным образом: как не мешающее свободе. Если оно практикуется как всеобщее уравнивание, исключая возможности индивидуального и оригинального развития, оно, очевидно, вступит в противоречие со свободой и приведет к негуманным и даже антигуманным последствиям.

Это касается и других компонентов гуманистического идеала.

Так, например, справедливость может вступить в противоречие с милосердием (первая может быть и довольно жестокой). Ценность ненасилия может оказаться в конфликте с ценностью защиты страны и людей — а это предполагает использование силы.

Развитие общественной жизни не уменьшает количество проблем, а увеличивает их число, социальная жизнь становится все более сложной и рискованной. Те проблемы, которые были решены ранее (или казались решенными), возникают вновь, и нередко в более острой форме. Мы должны трезво понимать, что в каждый данный момент и в данных конкретных обстоятельствах воплощение идеала гуманизма может быть только частичным. Моральная личность берет на себя ответственность за эту неизбежную частичность его реализации. Но ориентация на гуманистический идеал — это единственная возможность сохранения человека и человечности, единственная возможность выстроить между разными культурами отношения диалога и партнерства.

В. А. Макаров¹

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Каждый этнос, каждая нация обладают своей культурой, понимаемой в широком смысле этого слова. Сюда входят и вековые традиции, и ритуалы, и сложившиеся социальные нормы, и взаимоотношения с другими народами, то есть не только литература, театр, кино, искусство, что обычно понимается под культурой. Это самое важное, сокровенное, что лежит внутри каждого из нас, что определяет наше отношение к жизни, к другим людям, что, минуя сознание, определяет наши поступки, наше мнение о том, что происходит в мире.

Противостояние между группами людей, странами, нациями, союзами (стран и пр.) историки и политики объясняют по-разному, ссылаются на разные обстоятельства. В основном доминируют экономические причины. Однако надо иметь в виду, что само противостояние, его, так сказать, природа, имеет разное основание. Тут и история, и территория, и экономика, и цвет кожи, наконец, и много другого. Но нас в данном случае интересуют идеология и культура в широком смысле. Представляется, что именно идеологические и культурные факторы являются главными в противостоянии между людьми и странами.

Люди шестым чувством осознают, кто им близок по духу, по пониманию жизни, по культуре, а кто далек. Часто это трудно выразить словами, насколько тонки ощущения, насколько неуловимы нюансы в восприятии себе подобных.

Противостояние облекается в разнообразные формы. Самое острое противостояние, его финальная стадия — война. Но и войны бывают разные, не обязательно кровопролитные. Речь идет о так называемых информационных войнах. Однако следует отметить одно важное обстоятельство. Любое противостояние, с кровопролитием или без оно, основывается на представлении «свой–чужой». А «чужой» — это не только и не столько физическая особь, это весь интеллектуальный, культурный мир, который ее окружает. Л. Н. Гумилев это неоднократно подчеркивал: «Это было знаменитое объединение Китая, закончившееся массовой резней побежденных и <...> истреблением не только ученых

и всех книг, но и всех читателей исторических и философских трактатов, а также любителей поэзии»².

Противостояние практически всегда сопровождается информационными войнами, которые в настоящее время носят особенно изощренный характер. Представить противника в негативном свете не составляет труда. Но важно сделать это как можно глубже, фундаментальнее, то есть выйти на уровень идеологии и культуры. Показать, что идеологические воззрения противника и уровень его культуры противоречат общепринятым нормам. При этом предполагается, что «общепринятое» само собой разумеется. Появился сомнительный термин «общечеловеческие ценности», под которыми каждый этнос, каждая культура понимают нечто свое.

Термин «информационные войны» постоянно используется в повседневной риторике, а сейчас — особенно, в связи с украинскими событиями. Даже вспоминают «железный занавес», сравнивая его с теперешним «информационным занавесом».

Технически информационный занавес организовать сложно, учитывая повсеместное распространение Интернета, в частности социальных сетей, где коммуникации переходят на персональный уровень.

Население в массе своей не умеет отличать правду от лжи в потоке информации, содержащейся в СМИ. Это похоже на проблему потребления экологически чистых продуктов питания. Появились магазины, где гарантированно можно купить такие продукты, но по дорогой цене. Так же и с информацией. Правду получить можно, лишь затратив время, деньги и умение, в частности использовав социальные сети.

Поэтому идеология и культура играют все большую роль в информационных войнах, а идейная составляющая — чуть ли не главную. Чуждую идеологию надо представить в униженной форме. Например, Карл Маркс, представляя идеологию коммунизма, конкурирующую идеологию называл «опиумом для народа».

Если говорить о текущем моменте, то ряд наблюдателей считают, что мир стоит на пороге второй холодной войны. При этом Запад, обладая большими и лучшими средствами массовой информации, явно побеждает в информационной войне, вступившей в обостренную фазу. Вместо «железного занавеса» появляется информационный занавес. Представляется, что лучшим и эффективным средством для разрушения такого занавеса является народная дипломатия. Люди должны больше общаться друг с другом в любых, самых разнообразных формах. При этом принципиально важен культурный обмен. Наша культура востребована во всем мире, и ее потребление неосознанно воздействует на более правильное и объективное восприятие нашего мира.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Азбука-Классика, 2013. С. 238.

¹ Директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегий и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР и др.

Внутреннее ощущение «своего» и «чужого» не может быть полностью переведено в имеющиеся понятия, обороты речи. И потому не может быть объяснено научно, а тем более в средствах массовой информации. Поэтому появились понятия двойных, а то и тройных стандартов. Люди разных идеологий и культур интерпретируют, скажем, понятие прав человека по-разному. Неудивительно, что в наше время столь популярными стали публичные ток-шоу, где

одно и то же событие часто оценивается противоположным образом. Ибо каждый зритель находит там для себя что-то его удовлетворяющее на часто негативном для него фоне.

В то же время прав был А. Моль, показавший, что культура мозаична¹. Отдельные ее кусочки могут принадлежать разным национальностям и даже цивилизациям. Поэтому ожидать на этом поле сплошного единомыслия не приходится.

Е. И. Макаров²

ДИАЛОГ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(По материалам мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации, проведенных в 2013 г.)

Социально-правовые отношения — одна из важнейших сфер культуры. Эта сфера находится в постоянном диалоге как со своим историческим прошлым, так и с различными веяниями времени, испытывая при этом активное влияние мировой практики.

Профессиональные союзы весьма заинтересованы в том, чтобы в социально-трудовой практике, формирующейся в Российской Федерации, применялись нормы и правила, наиболее соответствующие интересам людей, которых они представляют.

За годы советской власти в стране был сформирован значительный арсенал правил, регламентировавших отношения между работниками и единственным нанимателем — государством. Рассматривая послевоенный период, особенно период после ратификации основополагающих конвенций МОТ, можно сделать вывод о том, что советское трудовое законодательство к середине 1970-х годов обеспечивало довольно высокую степень защиты интересов работников, соответствовавшую в своих основных параметрах наиболее передовым международным нормам.

Предметом государственного регулирования были не только собственно производственные отношения и охрана труда, но и сопутствующие вопросы: социальное страхование, пенсионное обеспечение, отдых, лечение и оздоровление, проведение досуга трудящихся и членов их семей (с некоторыми региональными особенностями, не носящими, впрочем, решающего характера). Оперативное управление многими из перечисленных сфер было поручено советским профессиональным союзам, что позволяло избегать конфликтов и поддерживать нормативную базу регулирования в актуальном состоянии.

¹ См.: Моль А. А. Социодинамика культуры. М., 1973.

² Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, в т. ч. «Трудовые отношения и профессиональные союзы». Действительный государственный советник 2-го класса.

В целом можно с большой долей достоверности утверждать: в СССР была сформирована особая культура социально-трудовых и связанных с ними отношений, органично вписанная в существовавший общественно-политический строй.

Вместе с тем особенности политического устройства СССР не предусматривали возможности существования некоторых важных для капиталистической системы аспектов трудовых отношений, например: право на свободу объединений трудящихся, право на забастовку, право на получение пособия по безработице и др. Кроме того, под воздействием советского опыта в разных странах были сформированы национальные системы пенсионного обеспечения, оплаты больничных, регулирования безработицы, построенные на принципах, свойственных моделям капитализма в этих странах.

С начала 1990-х годов после образования Российской Федерации и фактического перехода к капитализму в системе социально-трудовых отношений в нашей стране происходили во многом неуправляемые процессы создания новых элементов, вызванные изменением государственной политики в этой области, сводившейся к либерализации трудовых отношений и трудового законодательства, в основу которых были положены коренные изменения в отношении собственности на средства производства. К числу этих элементов можно отнести отказ от директивного регулирования трудовых отношений и переход на договорную систему в рамках партнерства работников и работодателей при участии государства, отказ от практики бессрочных трудовых договоров и переход на контракты и договоры гражданского-правового характера, децентрализацию управления размерами и составом заработной платы, изменения в системах социального страхования и пенсионного обеспечения, формирование системы поддержки безработных, изменение трудового законодательства и т. д. Подчеркну, что изменения носили вынужденный, неэволюционный характер и определялись политическими решениями руководства страны. Профессиональные союзы, сами находившиеся в процессе болезненной трансформации, не были допущены

к принятию решений на правах партнеров и выступали в качестве реципиентов политической воли.

Постепенно наметился главенствующий тренд изменений в социально-трудовой сфере — переход на экономическую основу трудовых отношений, отмена патернализма явочным порядком и практически полный отказ от исполнения государством и работодателями тех социальных функций, которые определялись идеологией социалистической системы.

Нужно отметить, что социально-трудовая сфера в нашей стране до сих пор находится в стадии перехода от ранее существовавшей системы, в значительной степени ориентированной на защиту интересов работников, к новой системе, контуры которой пока не до конца ясны. Неопределенность обусловлена продолжающимися дискуссиями о роли государства в регулировании экономики, колебаниями векторов экономической политики (в части отношений собственности, налоговой, кредитно-финансовой), наличием взаимоисключающих шагов в отношении степени либерализации экономической жизни (ускорение и приостановка приватизации, шарахания в сфере тарифной политики) и т. д.

Направленное формирование целостной социально-трудовой политики в таких условиях вряд ли возможно. Вместе с тем взаимоотношения между работниками, работодателями и органами власти в реальной жизни не прерываются, и формирование новых элементов культуры взаимодействия происходит непрерывно явочным порядком.

Отметим, что трансформация современной экономической системы и параллельное строительство новой системы социально-трудовых отношений, по некоторым оценкам, находятся в первой трети своего пути, причем события 2013–2014 годов способны внести существенные коррективы в течение этого процесса. В этих условиях профессиональные союзы могут внести существенный вклад в формирование новых элементов культуры взаимодействия, отвечающих интересам работников, которых они представляют. Базовой идеей и вектором, в котором следует формировать эти новые элементы, должны стать: отказ от ультралиберальных идей полного устранения государства от регулирования экономики и отход от догматической веры в «невидимую руку рынка», которые культивировались как основа государственной политики в последние десятилетия. Преодоление догматизма в данном контексте подразумевает опору на реальные факты, трезвую оценку причинно-следственных связей, научный и непредвзятый анализ процессов, происходящих в сфере социально-трудовых отношений.

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов реализуется проект в сфере социально-трудовых отношений, нацеленный на мониторинг, анализ и прогнозирование социально-трудовых конфликтов. В ходе его осуществления с середины 2012 года накапливаются максимально полные данные обо всех происходящих в стране социально-трудовых конфликтах. Данные черпаются из всех доступных источников публичной информации и хранятся в исходном виде. Извлечение данных о конфликтах и связанных с ними явлениях происходит непрерывно и круглосуточно.

С помощью современных методов обработки информации отфильтровываются все дублирующие и недостоверные сообщения. В режиме, приближенном к режиму реального времени, в хранилище данных направляется верифицированная и корректно атрибутированная информация, объективно описывающая социально-трудовые отношения в стране в их наиболее острой — конфликтной — форме.

Применяемый подход, когда все доступные за весь период наблюдения данные сохраняются в первичном виде, дополняются, проверяются и подвергаются анализу с применением вычислительных средств, не является чем-то исключительным и в целом совпадает с активно развивающимся в последние годы подходом к использованию информации, объединенным общим названием «Big Data» («Большие данные»). Особенностью проекта, реализуемого в СПбГУП, является целенаправленное извлечение новых знаний в сфере социально-трудовых отношений, что, по мнению отечественных и зарубежных специалистов, до сих пор не встречалось.

С помощью методов ситуационного анализа и анализа данных из накопленного массива извлекаются сведения, которые невозможно получить с помощью социологических исследований или частных наблюдений за отдельными социально-трудовыми конфликтами. В частности, появляется возможность сформировать набор статических моделей конфликтов, построенных на обобщении информации либо на детализации по регионам и отраслям за любой доступный промежуток времени. Становится возможным провести детальный анализ элементов этих моделей: выделить стороны социально-трудовых конфликтов, их состав, причины, выдвигаемые требования, совершаемые сторонами действия, способы отстаивания своих интересов, численность участников, вовлеченность работников, потери, понесенные экономикой, и другие характеристики (в среднем около 50). На основании информации, сохраняемой ежечасно, появляется уникальная возможность сформировать динамические модели конфликтов, проследить их стадии, моменты перехода из одного состояния в другое, изменение состава и численности сторон, территории распространения, изменение требований, развитие тактики поведения в конфликтном противостоянии, а также установить момент исчерпания конфликтного потенциала и завершения конфликта. Анализ временных рядов дает возможность технически прогнозировать развитие ситуации с различной степенью точности на ближайшую и среднесрочную перспективы. Непосредственная интерпретация эмпирических данных не только дает богатейший материал для решения научных задач, но и позволяет применять актуальную информацию для текущего управления в сфере социально-трудовых отношений.

Вместе с тем совокупность полных данных позволяет исследователю заглянуть гораздо глубже и найти ответы на крайне важные вопросы, например: определить пространство конкуренции конфликтующих сторон; построить иерархию ценностей и границы возможностей сторон в конфликтных ситуациях; выделить типовые приемы и методы борьбы при отстаивании своих интересов и оценить их эффективность; найти точки

перехода от рационального поведения сторон конфликта к иррациональному, способному разрушить систему; провести хронологическую реконструкцию причин и мотивов сторон в начале и по мере развития конфликта, исходя из объявленных требований, проявившихся со временем истинных причин и итогов разрешенных конфликтов. Иными словами, анализ полных данных позволяет изучать широкий спектр информации, характеризующей культуру социально-трудовых отношений, свойственную данному отрезку времени.

Учитывая, что объем статьи ограничен и не позволяет привести полный анализ данных, полученных в 2013 году, ограничимся рассмотрением лишь основных выводов. Желающих ознакомиться с более глубокими выводами отправляем в Научно-мониторинговый центр СПбГУП «Трудовые конфликты», где накапливаются данные и ведутся эти исследования.

По итогам 2013 года в хранилище данных системы поступило 10 089 информационных единиц, описывающих 122 реально протекавших в Российской Федерации социально-трудовых конфликта. Каждая информационная единица содержит около 50 характеристик, которые могут применяться в качестве основания для группировки, типологизации и классификации. Разделяя всех участников конфликтов на три группы: сторону работников (как правило, она является первоисточником и дальнейшим «драйвером» конфликта), сторону работодателей (непременно участвующую в любом социально-трудовом конфликте) и сторону органов государственной власти, присутствующую в подавляющем большинстве происшедших конфликтов, можно выделить особенности поведения этих групп в конфликтах и сделать выводы о сложившихся в 2013 году тенденциях.

Сторона работников

Важнейшим отправным пунктом любого конфликта является совокупность условий для его возникновения, и в первую очередь его причины. Из 122 конфликтов прошедшего года:

- 99 (81,1 %) были связаны с заработной платой (полная или частичная невыплата, невыплата надбавок и компенсаций, отсутствие индексации);

- 35 (28,7 %) были связаны с изменением численности работников (сокращение, увольнение, применение аутсорсинга);

- 22 (18 %) обусловлены ликвидацией или банкротством предприятий;

- 14 (11,5 %) связаны с условиями нового или неисполнением условий действующего коллективного договора;

- 13 (10,7 %) произошли из-за остановки производства работодателем;

- 3 (2,5 %) вызваны препятствием деятельности профсоюзов со стороны работодателей.

Нетрудно увидеть иерархию ценностей стороны работников и соответственно иерархию притязаний другой стороны конфликта — работодателей в этом периоде. Отметим, что наиболее длительными, продолжительностью более трех месяцев, были конфликты, связанные с потерей или угрозой потери рабочих мест.

Конфликты, связанные с недовольством работниками уровнем заработной платы, продолжались от одного до трех месяцев. Наиболее краткосрочными оказались конфликты, обусловленные полной невыплатой заработной платы. Работники наиболее активно проявляли себя именно в случаях недовольства уровнем заработной платы, нарушений условий труда и сокращения рабочих мест.

Арсенал методов борьбы, применявшихся работниками для защиты своих интересов в 2013 году, был довольно широк и сводился в четыре группы:

- применение инструментов социального партнерства (71 случай);

- вовлечение органов власти в разрешение конфликта (112 случаев);

- публичные акции давления (62 случая);

- забастовка, остановка работы (48 случаев).

Сопоставляя эти данные с результативностью, можно сделать вывод о степени эффективности каждого применявшегося инструмента и избранной тактики его применения. Отметим, что наиболее результативными оказались обращения в прокуратуру и применение угрозы забастовки. Привлечение органов власти к разрешению конфликтов по частоте занимает ведущее место, несмотря на то что подавляющее большинство конфликтов происходило на частных предприятиях. Средняя вовлеченность работников (отношение количества участников конфликтов к общему количеству работников на предприятии) в 2013 году составляла 28,3 %. Принимая во внимание размеры конфликтных предприятий (в основном от 50 до 500 работников), можно сделать вывод о существенном влиянии произошедших конфликтов на социально-трудовые отношения на этих предприятиях.

Отметим, что в 2013 году профессиональные союзы и их объединения принимали участие в 74 (61 %) социально-трудовых конфликтах на стороне работников.

Сторона работодателей

Сразу отметим, что в 2013 году объединения работодателей ни разу не проявили себя в ходе конфликтов ни на стороне отдельных работодателей, ни в качестве силы, действующей самостоятельно.

Преимущественными способами активного отстаивания своих интересов в конфликтах работодатели избирали:

- давление на профсоюзные организации, отказ от удовлетворения требований и переговоров, привлечение штрейкбрехеров и сотрудников частных охранных предприятий (18 случаев);

- уступки, согласие с требованиями работников, улучшение условий труда, подписание соглашения, заключение коллективного договора (9 случаев);

- примирительные процедуры, примирительные комиссии (3 случая);

- обращение в суд и прокуратуру (2 случая).

Как следует из приведенных данных (отражены только те случаи, когда работодатели активно отстаивали свою позицию), работодатели предпочитали силовые способы разрешения конфликтов, полагались на собственные силы или привлекали

правоохранительную систему. Примирительные процедуры являются скорее исключением, чем практикой, в их деятельности. Эффективность тактики поведения работодателей в конфликтах и действенность применяемых ими инструментов в 2013 году оказались довольно низкими. 78 % конфликтов закончились полным или частичным поражением работодателей, из них в 31 % случаев требования работников были полностью удовлетворены и в 20 % случаев работникам было отказано в удовлетворении их требований.

Сторона органов государственной власти

Органы государственной власти (ОГВ) всех уровней вовлекались в 85 (70 %) социально-трудовых конфликтов.

Наиболее эффективно (на стороне работников) действовали прокуратуры, суды, следственные управления Следственного комитета РФ и Гострудинспекция. В ходе конфликтов ОГВ были осуществлены следующие действия:

- возбуждение административного дела в отношении руководителя — в 7 случаях;
- проведение прокурорской проверки — в 6 случаях;
- вынесение представления прокуратуры — в 5 случаях;
- возбуждение уголовного дела в отношении руководителя — в 5 случаях;
- наложение штрафа на руководителя — в 3 случаях;
- проверка деятельности предприятия — в 1 случае;
- направление материалов об административном правонарушении в суд — в 1 случае;

Двадцать лет минуло с того дня, когда Президент Казахстана Н. А. Назарбаев во время официального визита в Россию 29 марта 1994 года впервые обнародовал

¹ Генеральный секретарь ЕврАзЭС, доктор экономических наук, доктор политических наук, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. На руководящей партийной и государственной работе в Алма-Ате, Караганде, Москве (1973–1992): заведующий отделом Алма-Атинского обкома партии, первый секретарь Ленинского райкома партии Алма-Аты, инструктор Отдела строительства ЦК КПСС, второй секретарь Карагандинского обкома партии, заведующий сектором Отдела социально-экономической политики ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета Республики Казахстан (1990–1994). Член Совета Республик Верховного Совета СССР. Посол Республики Казахстан в Российской Федерации (1994–2002), посол Казахстана в Финляндской Республике по совместительству (1996–2002). 2003–2007 гг. — Аким (губернатор) Северо-Казахстанской области. 6 октября 2007 г. на Межгоссовете ЕврАзЭС главами государств назначен Генеральным секретарем ЕврАзЭС. Автор монографий: «Казахстанско-российские отношения в эпоху перемен», «Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь», «ЕврАзЭС — от экономического сотрудничества к единому экономическому пространству», «Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь». К 20-летию евразийского проекта. 1994–2014», «Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы»; ряда научных и художественных книг о полпреде СССР в Саудовской Аравии Назире Тюрякулове. Имеет государственные награды Республики Казахстан и Российской Федерации.

— возбуждение судопроизводства — в 1 случае.

ОГВ в ряде случаев выступали как работодатели, в большинстве остальных конфликтов их участие заключалось в осуществлении надзора за соблюдением законодательства РФ и контроля за развитием конфликтной ситуации. Органы исполнительной власти (администрации субъектов РФ и органы местного самоуправления) были вовлечены в основном в переговорные процессы.

Как видно из приведенных данных, у всех трех групп участников социально-трудовых конфликтов в 2013 году проявились внутригрупповые особенности участия в социально-трудовых конфликтах. Можно сделать некоторые выводы об отличиях в культуре поведения участников сторон и их подходах к диалогу.

Отметим, что ряд применяемых участниками инструментов не имеет отношения к трудовому законодательству, лежит в области силовых или общественно-политических рычагов регулирования и выработан эмпирическим путем. Вместе с тем нельзя обойти вниманием тот факт, что сложившаяся в 2013 году внутриполитическая обстановка позволяла разрешать все возникшие социально-трудовые конфликты без масштабной эскалации, в основном путем применения цивилизованных и традиционных методов отстаивания своих интересов. Потери от забастовок в 2013 году составили около 10 тыс. человеко-дней, что не оказало существенного влияния на объем выпуска ВВП.

В докладе опущены территориальные и отраслевые особенности анализируемых конфликтов без ущерба для достоверности приведенных выводов.

Т. А. Мансуров¹

О ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОЕКТЕ

свой «Проект о формировании Евразийского союза государств (ЕАС)».

В эпоху дезинтеграции на суд общественности был представлен системный интеграционный проект. С высоты сегодняшнего дня мы понимаем, что это стало знаковым событием в условиях, когда на постсоветском пространстве всюду господствовали центробежные устремления, были разрушены народнохозяйственные связи, упал уровень жизни населения и возникло множество конфликтов, вплоть до военных. Вследствие кардинального изменения геополитической обстановки только что образованным независимым государствам пришлось выстраивать совершенно иную стратегию торгово-экономического сотрудничества и создавать принципиально новые механизмы взаимодействия.

Тогда было положено начало активного продвижения продуманной, четко сформулированной и обоснованной идеи современной евразийской интеграции, сменяющей хаос «идеологии цивилизованного развода» наших стран.

8 июня 1994 года проект ЕАС был опубликован в «Независимой газете» и стал доступен для конкретного анализа и обсуждения широкому кругу читателей,

многие из которых прислали свои отклики в газету. В дальнейшем этот проект обсуждался на конференциях и круглых столах, организованных парламентскими фракциями Госдумы России и МИДом. Участники этих мероприятий, несмотря на порой полярное видение перспектив политического и экономического обустройства постсоветского пространства, констатировали, что проект ЕАС — наиболее разработанная и обоснованная из предложенных на тот момент идей и возможностей создания ЕАС реалистична, так как отвечает интересам большинства населения стран СНГ.

По замыслу Н. А. Назарбаева, ЕАС — это союз равноправных независимых государств, в котором находят реализацию национально-государственные интересы каждой страны-участницы и используется весь совокупный потенциал. Основа объединения в ЕАС — экономические взаимосвязи. Главные цели — укрепление стабильности и безопасности, социально-экономическая модернизация всего региона, применение странами-членами ЕАС согласованных подходов к проведению рыночных преобразований для совместного включения в мировую экономическую систему. Все это следовало реализовывать путем создания государствами региона единого экономического, таможенного и социально-гуманитарного пространства. Основными направлениями взаимодействия были определены экономика, торговля, наука, культура, образование, экология. Также в проекте ЕАС предусматривалось создание наднациональных органов управления, как и в Европейском Союзе (ЕС).

Отмечу, что основоположники теории евразийства (П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, С. М. Соловьев, Л. Н. Гумилев) полагали, что общность евразийского пространства предопределена самой природой и его историческое развитие базируется на тесном взаимодействии природно-географического и социально-культурного факторов. По убеждению евразийцев, евразийские народы — не конкуренты, а союзники, и на евразийском пространстве неизбежно появление всеевразийского государства, основанного на принципах добровольности и взаимовыгоды.

Евразийцы считали, что народы Евразии уже объединялись четыре раза. Первыми объединителями евразийских народов были гунны, затем континент был объединен в рамках Тюркского каганата, в XIII веке его объединили монголы под предводительством Чингисхана, а четвертая попытка — образование Российской империи и СССР. В этом контексте идею Н. А. Назарбаева о создании ЕАС можно считать началом нового этапа «практического евразийства».

Евразийская стратегия Н. А. Назарбаева основывается на примерах крупнейших региональных объединений, образованных в XX веке на разных континентах. Проект ЕАС базируется на классической интеграционной модели американского экономиста Б. Балаша, в которой он выделил пять стадий международной экономической интеграции (от низшей к высшей): зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция.

Однако в 1990-е годы евразийская идея Н. А. Назарбаева только пробивала себе путь. Несмотря на множество сторонников, проект ЕАС не был реализован как по объективным, так и по субъективным причинам. Так и не заработали Соглашение о Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России от 20 января 1995 года, к которому в 1996-м присоединился Кыргызстан и в 1999-м — Таджикистан, и Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года, подписанный этими пятью странами. Поэтому 1990-е годы можно охарактеризовать как время поиска и практического тестирования методом проб и ошибок наиболее эффективной евразийской интеграционной модели. Но это время не было потеряно зря, в результате все осознали необходимость выработки стратегии пошагового сближения наиболее подготовленных к интеграции государств.

Судьбоносным этапом для современной интеграции стало создание главами пяти государств 10 октября 2000 года в Астане Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) — международной организации, имеющей четкую функциональную структуру, эффективные механизмы работы, ясные и понятные цели — создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) и интеграцию в мировую торгово-экономическую систему.

ЕврАзЭС имеет международный статус и является наблюдателем в ООН. Оно заключило более 30 меморандумов о сотрудничестве с организациями системы ООН и другими международными институтами. Главные международные партнеры ЕврАзЭС — ООН и ее организации: ЕЭК ООН, ЭСКАТО, ЮНИДО, ЮНЕСКО, ПРООН; а также Всемирная таможенная организация, ОБСЕ, ЕС; среди региональных объединений — СНГ, ОДКБ, ШОС.

В Сообществе выработаны эффективные механизмы взаимодействия при решении наиболее острых проблем. Так, для противодействия мировому финансово-экономическому кризису государства Сообщества предприняли успешные совместные меры по преодолению его последствий. В этих же целях в 2009 году были созданы Антикризисный фонд и Центр высоких технологий ЕврАзЭС.

В выполнении задач Сообщества по формированию общего правового пространства важное место занимает Межпарламентская ассамблея ЕврАзЭС. В январе 2012 года создан новый Суд ЕврАзЭС для разрешения экономических споров в Сообществе и ТС.

Странами Сообщества разрабатываются и реализуются совместные межгосударственные целевые программы. Активно работают Евразийский банк развития и Евразийский деловой совет. Наряду с успехами в торгово-экономической интеграции плодотворно решаются важнейшие вопросы социально-гуманитарного блока в области социальной, трудовой и миграционной политики, образования, здравоохранения, культуры, спорта и экологии.

За прошедшие с момента образования ЕврАзЭС годы сформировалась разветвленная система механизмов, обеспечивающих процесс вертикальной и горизонтальной интеграции, что способствует созданию

более крупных рынков для национальных производителей и потребителей, росту экономики и ее диверсификации посредством сокращения барьеров на пути перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Важнейшие интеграционные шаги в социально-экономической сфере привели к повсеместному росту экономики и повышению уровня жизни широких слоев населения. Так, в 2013 году по сравнению с 2000-м в среднем по ЕврАзЭС ВВП вырос в 1,8 раза, промышленное производство — в 1,7 раза, сельскохозяйственное производство — в 1,5 раза, инвестиции в основной капитал и оборот розничной торговли — в 3,1 раза, стоимостной оборот взаимной торговли товарами — в 4,5 раза.

Значительный рывок в евразийской интеграции был сделан в 2010 году.

Во-первых, с 1 января 2010 года заработал ТС Беларуси, Казахстана и России, который с середины 2011-го функционирует в полном режиме по всем международным стандартам. Это привело к расширению кооперационных связей и сокращению затрат времени и средств у предприятий и населения. Объемы взаимной торговли товарами трех стран возросли в 2010 году на 29 %, в 2011-м — на 34 %, в 2012-м — на 7,5 %, а в 2013-м отмечалось небольшое снижение (на 5,5 %). Наглядным и убедительным примером того, что дал населению ТС с переносом таможенных процедур на внешний контур границ, является то, что сегодня только на 7,5 тыс. км границ между Казахстаном и Россией уже не работают тысячи российских и казахстанских таможенников. В результате миллионы людей из сопредельных областей (со стороны России — из 12 регионов с населением 26 млн человек, со стороны Казахстана — из 7 регионов с населением около 6 млн человек) свободно пересекают границу без выполнения таможенных процедур.

Во-вторых, в течение 2010 года в рекордно короткие сроки был разработан и подписан главами трех государств пакет из 17 базовых соглашений, формирующих ЕЭП. Он был ратифицирован в 2011 году, и с 1 января 2012-го начался практический этап создания ЕЭП, которое выйдет на полноформатный режим работы в 2015 году.

С 2012 года высшим органом в ТС и ЕЭП стал Высший евразийский экономический совет на уровне глав государств и глав правительств, определяющий стратегию, направления и перспективы интеграционного развития. Тогда же заработала Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) — единый постоянно действующий регулирующий орган ТС и ЕЭП со статусом наднационального органа управления.

Идея «практического евразийства» Н. А. Назарбаева стала основой многих политических и экономических практик. В мае 2006 года он отметил: «Три кита евразийской идеи — это Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). И это — три разных практических выражения единой евразийской идеи».

Подчеркну, что проектом о создании ЕАС предусматривалось использование опыта ЕС при созда-

нии ЕврАзЭС, ТС и ЕЭП, что позволило сформулировать и применить ряд новых методологических решений, к которым относятся:

— новая модель институтов регулирования экономики в интеграционных структурах, эффективно сочетающая межгосударственное целеполагание, наднациональные формы принятия решений и межправительственные процедуры их подготовки;

— одновременное формирование ТС и ЕЭП с присоединением их государств-членов к другим многосторонним торговым системам, включая зоны свободной торговли и ВТО;

— последовательно-параллельное создание регионального экономического объединения, то есть прохождение каждого очередного этапа интеграции совмещается с разработкой и принятием нормативно-правового обеспечения последующего и институционализацией предыдущего;

— использование переходных институтов региональной экономической интеграции (таких как Комиссия Таможенного союза, которая затем была преобразована в ЕЭК), что обеспечивает последовательное углубление интеграции и адаптацию национальных законодательств;

— применение механизма разноскоростной и разноразмерной интеграции, что позволяет каждому государству-участнику по согласованию с партнерами формировать свою интеграционную «дорожную карту».

Общеизвестно, что в ЕС в последние годы обострились проблемы, связанные с деятельностью наднациональных органов, институциональные и функциональные проблемы, а также проблемы, вызванные расширением ЕС и внутренней трудовой миграцией. Все это было учтено в практической работе при создании ТС и ЕЭП, причем опыт ЕС был критически переосмыслен и адаптирован к нашим условиям. Так, в ЕС весьма распространена разноскоростная интеграция: в его состав сейчас входят 28 стран, из них в еврозону — 18, шенгенскую зону — 26 (включая 4 страны, не являющиеся членами ЕС).

18 ноября 2011 года главы государств Беларуси, Казахстана и России приняли Декларацию о евразийской экономической интеграции, согласно которой ближайшая задача — полная реализация потенциала ТС и ЕЭП, а в дальнейшем — создание на этой основе Евразийского экономического союза.

Подчеркну, что для бизнеса и населения основную роль играют не сами по себе ТС и ЕЭП, а те изменения законодательства и торгово-промышленных процессов, которые связаны с созданием общего рынка. Уже запущены реальные правовые механизмы, позволяющие хозяйствующим субъектам осуществлять эффективную коммерческую деятельность не только на территориях своих государств, но и во всем ТС. Усиливается деловая активность предприятий крупного, среднего и малого бизнеса. Создаются межгосударственные производственные и торговые объединения, совместные предприятия, которые становятся локомотивом интеграционных процессов.

По оценкам российских ученых, совокупный интеграционный эффект от создания ТС и ЕЭП за 10 лет

оценивается в 17–20 % дополнительного прироста ВВП для каждой из стран-участниц ТС и ЕЭП. Суммарно это может составить почти 700 млрд долларов.

Подписать Договор о Евразийском экономическом союзе и ратифицировать его предполагается в течение этого года. При этом для его функционирования в полном формате необходимо будет завершить кодификацию всей договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, устранить остающиеся изъяты из общего торгового и инвестиционного режима, обеспечить свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов, продолжить гармонизацию законодательств в сфере антимонопольной политики.

В заключение подчеркну, что в течение всех 20 лет евразийская идея Н. А. Назарбаева теоретически и практически развивалась в соответствии с требованиями времени, что заложило стратегические основы нашей интеграции на многие десятилетия вперед. Ведь в будущем к ТС и ЕЭП присоединятся и другие постсоветские страны, что даст им шанс совершить рывок в своем развитии и повысить уровень жизни населения. Армения и Кыргызстан уже активно над этим работают. Таджикистан также проявляет интерес к членству в ТС.

Крайне важной является и гуманитарная составляющая евразийской идеи, или «человеческое измерение» интеграции, так как практическое воплощение всех элементов евразийской стратегии ставит во главу угла систему духовных и нравственных ценностей, уважение к личности, взаимообогащение культур. Главный лозунг евразийства — «К единству через многообразие».

Продвижение идеи евразийской интеграции стало делом жизни президента Казахстана, причем он не только выдвинул прорывной план, но и смог убедить глав сопредельных государств в эффективности своих интеграционных предложений. Все эти годы лидеры наших стран — В. Путин, Н. Назарбаев, А. Лукашенко — успешно воплощают евразийский проект в жизнь. Мы уверенно движемся по пути к созданию геополитического мегапроекта — Евразийского экономического союза, что находит поддержку широких слоев населения, и в том числе тех, кто родился уже после обретения постсоветскими странами независимости. Это несомненный успех евразийской идеи, так как именно молодежи предстоит строить наше общее будущее и жить в новой Евразии.

Хуан А. Марк¹

ПРОБЛЕМА РАЗНЫХ СТАДИЙ КОНКУРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мир стремительно становится глобальным, и технологии и научные открытия мгновенно распространяются по всей планете. Это, возможно, самый привлекательный аспект глобализации — наблюдать, как любое новое открытие, любое новое применение технологии мгновенно достигает самых отдаленных уголков планеты. Это положительная черта, и, безусловно, она поможет людям самым решительным образом покончить с бедностью и болезнями.

Но отрицательная сторона глобализации несколько очерняет наши радужные надежды. Негативная черта глобализации заключается в том, что этот процесс был запущен в мире с разных стартовых этапов развития и, что еще хуже, с разных уровней конкуренции, что порождает разочарование, потому что развитие в разных странах мира становится чрезвычайно диспропорциональным.

Увы, мы не можем не считаться с этой проблемой. Люди склонны держаться в рамках своей культуры, а культура изменяет экономический потенциал. Поскольку культуры и цивилизации по-разному развива-

лись по всей планете, в разных странах мира культура выступает в роли тормоза или ускорителя. Эту глубинную характеристику общества нельзя изменить, она влияет на уровень трансформации общества в современном глобальном мире.

Китай в последние два десятилетия представляет собой очевидный пример того, как культура может ускорить развитие. В этой огромной стране, с населением более 1,5 млрд человек, доход на душу населения увеличился от 350 долларов в 1992 году до 6500 долларов в 2012-м. После того как барьеры устаревшего политического режима были преодолены, отсутствие социальных предрассудков (гендер и т. д.) сделало быстрое развитие вполне возможным. Иной пример являет собой Индия. Страна с таким же количеством населения, получившая независимость в 1948 году, вкусила преимущества демократического режима. Хотя она и неуклонно движется вперед, некоторые препятствия на пути социальных изменений поставили под угрозу скорость развития этого общества.

Из этих двух примеров можно сделать вывод, что политическая свобода имеет большое значение, но как только страна эту свободу получает, культурный аспект становится ключевым, влияя на эффективность или трудность развития страны.

В этом контексте диалог цивилизаций становится необходимым. Мы должны направить глобализацию в такое русло, чтобы она не разрушала многообразие культур, но в то же время культурный фактор не должен становиться препятствием на пути развития.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иbero-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

В своем докладе я хочу рассмотреть, как некоторые страны становятся успешными, а другие, с той же религией, испытывают значительные сложности в эволюции общества. Такая мусульманская страна, как Индонезия, сделала огромный рывок в своем развитии, в то время как многие другие мусульманские страны Магрибского региона переживают большие экономические трудности. То же самое происходит с другими религиями и культурами в разных регионах планеты.

Уровень жизни в нашем мире — самый высокий в истории человечества. И сейчас нашим приоритетом должно быть экономическое развитие, неразрывно связанное не только с экологией в концепции так называемого устойчивого развития, но и с культурным разнообразием. Сохранение культурного разнообразия должно стать главной задачей в глобальной повестке дня, и я убежден, что Лихачевские чтения могут стать идеальным поводом глубоко задуматься над этим вопросом. Я буду рад в открытой дискуссии с другими участниками конференции изучить возможность согласования требований экономической конкурентоспособности с особыми культурными условиями разных стран мира.

Одна из основных характеристик нашего времени — это скорость изменений. Это означает, что взлет и падение народов и цивилизаций происходят гораздо быстрее, чем во все предыдущие эпохи истории человечества. Упадок и его последствия также наступают очень быстро. Глобализация усиливает и ускоряет изменения.

Глобализация сделала весь мир динамичным, но могут ли общества на разных стадиях развития, с разным уровнем готовности конкурировать в открытом мире, смогут ли они противостоять повседневному быстрому ритму эволюции? Это, на мой взгляд, ключевой вопрос. С одной стороны, страны и люди вообще хотят быть частью эпохи перемен и инноваций. С другой стороны, желание получить преимущества развития, предоставляемые глобализацией, для многих подразумевает необходимость принять радикальные изменения в своей повседневной жизни, а во многих случаях даже переехать из сельских районов в города или из одной страны в другую. Социальная прослойка во многих местах изменяется, и нарушение баланса в традиционных обществах очевидно во многих крупных регионах мира.

На самом деле мы можем объяснить уровень прилагаемых усилий, спроса и давления, оказываемого стремительной глобализацией на людей во всем мире, на примере спорта. Представьте, что мы организовали марафон, и нам надо заставить всех принять в нем участие. Те, кто не очень хорошо к нему подготовлен, не уверены, что после 10 км бега смогут продолжать, несмотря на желание участвовать. То же самое происходит с группой пожилых людей: хотя начали бег с энтузиазмом молодых, они не могут удерживать темп после нескольких миль. Очень похожая ситуация в группе детей. Те хотят подражать своим родителям и, возможно, будут и такие, кто после первой мили побежит быстрее, но маленький объем их легких приведет к тому, что они утомятся за очень короткое время.

Тот, кто выигрывает забег, почувствует славу победы, точно так же и в условиях глобализации он чувствует славу, думая, что весь мир — его дом, что нет границ и барьеров для его способностей.

В таких условиях существует много людей с благими намерениями, которые требуют более жесткого контроля глобализации и определенно нового глобального управления миром. Хотя идея в теории привлекательна, на практике она становится нереальной, по крайней мере на текущем этапе. Просто наблюдая за событиями в Европе, можно понять, как трудно привести в движение структуру глобального правительства. Сегодня главной проблемой, которая препятствует созданию Большой Европы, этого огромного пространства, охватывающего весь континент от Атлантического до Тихого океана, является вопрос, как ее структурировать, как создать социальную архитектуру, которая объединит всех, как создать систему власти, приемлемую для всех. Это сильная сторона Соединенных Штатов и слабая черта очень богатой, развитой древней Европы. Очевидно, что для пространства, менее взаимосвязанных, как в арабском мире и Африке, возможность эффективной организации с настройкой власти еще более нереалистична. А представьте, что это надо сделать в глобальном масштабе!

Я считаю, что поэтому-то дальнейшая история пойдет в направлении глобальной децентрализации и что лучшее, что мы можем сделать, — это максимально эффективно подготовить наши сообщества, чтобы этому противостоять. Снова обращаясь к примеру спортивного бега, я бы сказал — подготовить их, чтобы выдержать марафон, при этом не только выложившись на все 100 %, но и рационально используя свою энергию и способности.

Так что же делать?

Во-первых, я думаю, что мы не можем скрывать от общества большую проблему, с которой столкнулись на данном этапе. Сейчас не время отдыхать, необходимо вернуться к работе, готовясь к периоду тяжелых испытаний.

Во-вторых, мы должны работать с существующими структурами и, что очевидно, пытаться укрепить свою способность действовать и изменять глобальные явления. Роль таких организаций, как Организация Объединенных Наций или Всемирная торговая организация, остается важной, и мы не можем ставить под сомнение целесообразность их существования, несмотря на заявления, что они недостаточно быстро действуют или неэффективны. Важной чертой ныне существующих глобальных организаций является их юридически обязательный характер. И напротив, структуры, появившиеся в последнее время, с сильным политическим уклоном, такие как «Большая восьмерка» или «Большая двадцатка», не могут противостоять изменившимся обстоятельствам или предсказать их. Последнее сокращение «Большой восьмерки» до «семерки» или плавающий состав «Большой двадцатки» должны послужить нам предупреждением против любого подрыва авторитета надежных глобальных организаций, имеющих обязательную силу. Правовое регулирование в этих организациях имеет первостепенное

значение. Поэтому важно, чтобы ООН стала более эффективной и мощной, и мы должны работать с этой ключевой для глобального управления организацией.

В-третьих, мы должны создать пространство для двух больших держав, которые будут определять ход развития в следующем десятилетии, — это США и Китай. Это пространство и есть Большая Европа от Атлантики до Тихого океана. Европейский Союз страдает из-за стремительной потери энергии. Его население очень быстро стареет, и нагрузка социальных институтов на новые поколения слишком высока. В следующем десятилетии она может проявиться в виде явного снижения мощности, если ситуацию в корне не изменить. В то же время Россия до сих пор не в состоянии преобразовать свой большой потенциал в науке в диверсифицированные экономические показатели. В XXI веке мощь России может возрасти в составе новой Большой Европы намного сильнее, чем если она будет воссоздавать стратегическое пространство, не имеющее потенциала к инновациям, как это было в Советском Союзе.

Эти три великие державы должны действовать так, чтобы избежать больших неудач в других географических районах. Может быть, они не смогут вызвать процессы глобального развития, но они должны быть

в состоянии нейтрализовать любые великие депрессии. Время покажет. Скорее всего, Индия будет медленно, но неуклонно превращаться в четвертую державу. Трудности в арабском мире будут сохраняться, а в некоторых странах Латинской Америки может появиться риск усталости после десятилетий значительных усилий. Живучесть популизма во все большем количестве стран Латинской Америки является симптомом, который должен быть принят во внимание самым серьезным образом.

Существование этих четырех хорошо структурированных держав в следующем десятилетии может служить надежной гарантией, что разнообразие и стабильность будут сохраняться. Но мы не должны забывать, что живем в открытом мире и в результате этого ошибки руководителей разных стран или их успех будут оказывать влияние на всех. Вот почему политические лидеры должны не смягчать свои речи, а, напротив, дать понять населению, что социальная политика и сохранение культурной самобытности возможно только тогда, когда общество сохраняет хорошие показатели в глобальной конкуренции сил. Реальность такова, что мы живем не только в глобальном мире, но и в глобальной борьбе.

А. П. Марков¹

БИНАРНОСТЬ УНИВЕРСАЛИЙ «МЫ–ОНИ» КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современном мире все отчетливее обнаруживают себя две противобойствующие (и взаимоактивирующиеся) тенденции: с одной стороны, экспансия процессов и субъектов глобализации, ведущая к формированию наднациональных сообществ и культурной стандартизации мира, разрушению планетарной иерархии народов и наций; с другой — активизация сепаратистских движений этнокультурной природы, сопровождающаяся обостренным поиском своей этнокультурной и национальной идентичности. Набирающий силу процесс глобализации, проблематизируя дальнейшее существование национальных государств как исторически устойчивой институциональной формы общности, провоцирует антиглобализационную активность этнических, религиозных, культурных и иных меньшинств, движений и организаций (Ю. Д. Гранин).

В ситуации глобализации современного мира, сопровождающейся системным обострением национальных проблем и интенсивной культурной динамикой, национально-культурные основания идентичности

становятся важным фактором обретения стабильности и устойчивости в меняющемся мире, социально-психологическим основанием обеспечения духовной безопасности общества, значимым ресурсом консолидации человеческих сообществ. Они лежат в основе геополитического моделирования и установления конструктивной межкультурной коммуникации. Активизация защитных, регулятивных и этно-мобилизационных функций национально-культурной идентичности в современном обществе, которым соответствуют определенные реакции и модели поведения субъекта культуры, становится ответом на вызовы глобализации.

Национально-культурная идентичность является сложным образованием, включающим когнитивный, аффективный (эмоционально-ценностный) и поведенческий структурные компоненты (Д. А. Шевлякова). Когнитивный компонент национально-культурной идентичности опирается на сумму знаний народа о своей истории, систематизирует базовые критерии этнокультурной идентификации (общность территории и происхождения, языка, религии и культуры, традиций и обычаев, единство понимания и оценки исторического прошлого), которые, с одной стороны, обеспечивают солидарность общности «мы», а с другой — выполняют дифференцирующие функции, обозначая область «своего» и границы «чужого». Эмоционально-ценностная составляющая идентичности выражается в виде сложного комплекса чувств и переживаний, рождаемых осознанием факта принадлежности

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор 118 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.) и др.

к данной нации: с одной стороны, гордость, самоуважение, достоинство, любовь, преданность, с другой — обида, вина, униженность, стыд. В ситуации кризиса идентичности эти переживания склонны к трансформации в свои непродуктивные модели: в первом случае усиливается вектор гиперидентичности, стремящийся к различным формам национального фанатизма; второй тип переживаний, склоняясь к модели гипоидентичности, завершается острым чувством национальной неполноценности (В. Н. Павленко, С. А. Таглин). Безусловно, аффективно-отрицательный компонент национально-культурной идентичности свидетельствует о кризисе ее базовых оснований, однако его можно расценивать и в положительной плоскости: представители какой-либо нации могут себе позволить явить миру свои отдельные отрицательные качества только при исторически состоявшейся сильной и стабильной идентичности. Самокритичность в таком случае уравнивается осознанием величия своего исторического прошлого и культурного превосходства в настоящем.

Национально-культурная идентичность в значительной степени является результатом действия универсальных социально-психологических механизмов ассоциации и диссоциации, которые составляют основу культурной динамики и выступают ключевым фактором формирования идентификационных оснований, консолидирующих общность «мы». «Силовое поле» консолидации общности «мы» возникает в связях и взаимодействиях элементов социальной системы как сложение сил притяжения и отталкивания, то есть подражания, адаптации, сотрудничества, консолидации и одновременно противопоставления, разобщения, соревнования, конфликта. Один и тот же элемент культуры (язык, традиция, ценность) выступает и как основание для солидарности, сплочения, и как фактор обособления данного культурного сообщества от других, противопоставления им, то есть соединяя, он разделяет. Поэтому в процессе ассоциации субъектов, составляющих этнокультурную систему, негативное отношение к «другим» так же естественно и закономерно, как позитивное к «своим» — противопоставление и оппозиция являются источником энергии для консолидации общности, ее самосознания: «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения» (Б. Ф. Поршнев). «Поскольку граница — необходимая часть семиосферы и никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”, культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. В этом смысле можно сказать, что “варвар” создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем» (Ю. М. Лотман). Следовательно, ассоциативно-диссоциативные механизмы составляют движущую силу формирования и развития социально-культурных общностей, национальных культур, основу образования этносов, которые возникают как целостности, противопоставляющие себя другим целостностям такого же типа, и исчезают как система с потерей ощущения «своих» и «чужих» — переживаемое членами этноса противопоставление «свои—

чужие» служит основным индикатором определения этнической принадлежности (Л. Н. Гумилев).

В теории этногенеза доминирование механизмов ассоциации или диссоциации зависит от соотношения гармоничной или какофоничной модели взаимодействия «этнических полей» — преобладание одной из них определяет либо симпатию, либо антипатию этносов по отношению друг к другу. Симпатия или антипатия рождается на подсознательном уровне, в глубинных структурах экзистенции, а на уровне межэтнических взаимодействий та или иная модель взаимодействия «полей» проявляется в чувстве комплиментарности. Результатом положительной комплиментарности становится симпатия к представителю другого этноса, готовность принимать его таким, каков он есть. Отрицательная комплиментарность рождает безотчетную антипатию, которая выражается в крайне негативных характеристиках и эмоционально-репрессивной окрашенности отношений к другому этносу как «врагу», инстинктивное стремление перестроить ментальную структуру и ценностно-нормативную основу «партнера», а в случае невозможности такой перестройки — уничтожить его как опасного носителя «чужого» (Л. Н. Гумилев).

Механизмы ассоциации и диссоциации, лежащие в основе культурной динамики, имеют древнейшее происхождение. В формате обозначенной выше парадигмы всю человеческую историю можно рассматривать как процесс и результат борьбы двух тенденций: стремление, с одной стороны, к интеграции, единению, консолидации, взаимопониманию, с другой — к дезинтеграции, обособлению, отталкиванию (в том числе и путем непонимания). «В современной психофизиологии достаточно выражена мысль о влиянии внешних условий и органических состояний на духовное и идейное состояние. <...> Мы не можем быть плотнее, а как только сойдемся, так проявляются центробежные и отталкивающие силы. Хотя каждый в отдельности может быть очень хорош. Должны быть внешние условия, которые помогли бы внутреннему собранию» (П. А. Флоренский).

Ассоциативно-диссоциативный принцип бытия глубоко встроен в структуру культуры и человеческой психики. В онтологической плоскости он символизирован универсальными категориями (и соответствующими энергиями) Логоса и Хаоса, модификации которых обнаруживаются в различных сферах человеческого бытия. Если Логос олицетворяет (и является в онтологическом смысле) порядок и созидание, выступает условием целостного существования мира, то Хаос символизирует нечто неподвластное человеку, принципиально непознаваемое, катастрофичную для культуры и цивилизации энергию. Неслучайно в религиозно-философской мысли разрушительная стихия Хаоса (*греч.* chaos — зияние, пустота; от *chasco* — развеваю) персонифицирована образами антихриста, Люцифера, Аримана. Культура и родилась как Логос, противостоящий Хаосу. «Основным законом мира является второй принцип термодинамики — закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос — начало

энтروпии, то есть изменения в сторону упорядочения, большей организованности, сложности, — в сторону, противоположную энтропии, ведущей к хаотизации и деградации. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнивающего процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству — смерти» (П. А. Флоренский). Хаос начинает торжествовать в переломные культурно-исторические эпохи, когда рушатся связующие культуру и социум духовные скрепы. К массовому ощущению нарастающего хаоса ведут усиливающийся культурный плюрализм, относительность и многозначность культурных ценностей, рост девиантных форм самовыражения, которые активно входят в пространство нормативного.

Образно-символической модификацией социокультурных механизмов ассоциации и диссоциации в их антропологической плоскости является оппозиция «свое—чужие», которая проявляется в стереотипах национального самосознания, образах художественной культуры, персонализированных символах Добра и Зла. Особую напряженность данная оппозиция обнаруживает в плоскости духовно-нравственного самоопределения (как отдельного человека, так и культурного сообщества в целом). «Психофизической структурой своего существа человек поставлен на самое жесткое распустье: между духом и материей, добром и злом, видимым и невидимым, чувственным и неощутимым, этим и тем, «я» и «ты». В религиозном сознании «чужое» символизируется областью греховного, «мрачная сила» которого «отупляет, иссушает и парализует ощущение бессмертия», уродует человека, превращая его в «гуманистического недочеловека» (преп. Иустин Попович).

Поляризация «свое—чужое» особенно характерна для русской истории и культуры, напряженность и драматизм которой питались ощущением постоянного присутствия в мире зла, персонализированного образом антихриста. Есть точка зрения, что дуальность русской культуры объясняется отсутствием в православном мировоззрении промежуточной, нейтральной сферы — чистилища (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский). Поэтому миф об антихристе пронизывает религиозное сознание, становится составной частью русской идеи, универсальной схемой объяснения источников мирового зла и перспектив борьбы с ним, критерием поиска ответов на «вечные вопросы» бытия. В русской гуманитарной традиции смысл истории состоит в приближении Царствия Божьего, в окончательной победе добра над силами зла и хаоса. В то же время «активное» присутствие этого образа в национальном самосознании периодически рождало характерное для русских состояние тревоги, ощущение бессмысленности и трагичности мира и предчувствие его конца, обреченности борьбы со злом без надежды на победу. Раскол, сектанство, анархизм, постоянный уход из государства — все это было в то же время уходом во имя «лучшего государства» и оправдывалось тем, что сейчас в мире «нет правды», ибо в нем торжествует «не Христос, а антихрист» (Н. А. Бердяев). И сегодня массовые переживания катастрофичности бытия и ощущение «последних времен» актуализируют

миф и образ антихриста (о чем свидетельствует, в частности, усиливающийся эсхатологизм мировосприятия, особенно в контексте событий последних двух десятилетий). Историческая «ритмичность» и устойчивость мифа об антихристе позволяет считать этот образ «антимodelью», «антисистемой» русского мира, ценностной инверсией и персонализированным символом «обратной перспективы» культуры.

Ассоциативно-диссоциативные механизмы придают процессам обретения национально-культурной идентичности драматически напряженный характер, что особенно остро проявляется в ситуации межкультурной коммуникации. И это неизбежно: символы культурной идентичности человек воспринимает как священное для себя, поэтому они не могут быть предметом диалога. Характер отношений (в том числе и мера их конфликтности) в данном случае неизбежно определяется фактом принадлежности субъектов диалога к различным культурам (включая языковые различия, религиозные и национальные святыни, поведенческую и обрядовую символику, разное понимание «исторически отягощенных и идеологически нагруженных проблем»). Все эти различия имеют «лично-интимную и потому неотчуждаемую природу» — они входят в ментальное ядро человека, фиксируя и определяя его личностную идентичность, смыслы бытия и чувство достоинства (А. А. Гусейнов).

Следовательно, межкультурный диалог всегда несет в себе элементы драматичности — субъекты коммуникации являются в нем в качестве органичных носителей культурных этосов и ментальных миров. И в таком случае взаимопонимание участников диалога не всегда способствует оптимальному контакту — чем глубже понимание другого, тем проблематичнее становится поиск общего поля для диалога. В ситуации несовпадения глубинных духовных матриц понимание не только не способствует диалогу, но провоцирует обратный эффект: ощущение «экзистенциальной пропасти» между участниками диалога вызывает взаимное отторжение и агрессию. В частности, «понимание» сущности западноевропейской культуры со стороны отечественной интеллектуальной элиты (а также причин надлома ее духовного ядра) нередко вызывало чувства, блокирующие саму возможность конструктивного диалога, рождало резкое неприятие другой культуры, которая воспринималась в качестве «чужого мира».

Положительным фактором формирования национально-культурной идентичности и солидарности, «сняющим» потребность в конструировании «образа врага», выступает прошлое народа, составляющее коллективную память нации: исторические события, фиксирующие значимые этапы развития государства и культуры, символическое пространство территории («места памяти»), связанное с именами исторических героев, и т. д. Банк идентификационных ресурсов этнокультурной общности хранится также в глубинных структурах коллективного бессознательного, содержащих сложный комплекс устойчивых представлений национальной общности о себе самой. Функцию спланивающего идентификационного основания выполняет национальная идея — «моральное призвание нации», «особая

идея, которую Мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг» (Вл. Соловьев). Значимыми факторами (и ресурсами) национально-культурной идентичности выступают: позитивный образ государства, ассоциирующийся с политическим, экономическим и культурным статусом страны в мире (который обеспечивается положительным имиджем страны, создаваемым резонансными событиями и акциями, образом политического лидера и т. д.); культура, производящая «конкурентоспособный продукт» на мировом рынке.

Доминирование механизмов диссоциации (которые, как было отмечено выше, выступают компенсаторным механизмом формирования солидарности и обретения идентичности) характерно как для этапа формирования культурной самобытности, так и в ситуации кризиса, вызванного естественным (или целенаправленным) разрушением мировоззренческого ядра национально-культурного этоса, резкой сменой системообразующих мировоззренческих доминант. «Положительная валентность» осознания народом своего этнокультурного достоинства и самобытности выступает позитивным фактором консолидации, а в случае доминирования «негативной валентности» актуализируется негативный образ «врага», выполняющий компенсаторные функции в системе коллективной идентичности (обретение общности «мы» путем противопоставления, посредством отталкивания от «они»). В ситуации кризиса идентичности акцентированная диссоциация (в форме обострения оппозиции «свой–чужой») становится результатом естественного стремления субъекта культуры (нации, этноса) преодолеть комплекс «культурной неполноценности» и обрести самоидентичность в противостоянии «другим». В таком случае усиливающаяся полюсность «свое–чужое» рождает в культуре особое энергетическое поле, напряженность которого укрепляет отношение к «своему», цементирует общность «мы», нередко принимая при этом агрессивные формы противостояния «чужому» (идеям, ценностям, мировоззрениям, образу жизни и т. д.). Мировоззренческая и социально-психологическая оппозиция, консолидируя общность, формирует чувство настороженности, отчужденности, перерастает во враждебность к носителям других взглядов, ценностей, норм, этнических признаков. Иными словами, устойчивость общности, не обеспеченная позитивными ресурсами идентичности, находится в положительной зависимости от наличия символически значимого «оппонента» — без внешнего «врага» она теряет энергию консолидации и для ее компенсации вынуждена искать «оппонентов» в среде «своих».

Степень напряженности и конфликтности социально-психологических процессов ассоциации и диссоциации внутри культурного сообщества определяется многими факторами, в том числе наличием или отсутствием консолидирующих общество ценностей, степенью социальной, политической и этнической напряженности, глубиной расслоения населения по религиозным, классовым и культурным основаниям, целенаправленной эксплуатацией национальных чувств политической элитой. Не случайно в современном мире

активизирующиеся (в том числе под воздействием глобализации) процессы национально-культурной идентичности нередко «смыкаются» с откровенно националистической идеологией (по сути своей представляющей наиболее опасную форму оппозиции «мы–они», в которой граница «своих» и «чужих» проходит по критерию «почвы и крови»). Политические элиты стран третьего мира (и второго тоже, как показывает «февральская революция» на Украине) используют националистическую стратегию и тактику, с помощью которой они пытаются (и вполне успешно) консолидировать нацию как общность «мы», в том числе и путем конструирования образа «врага». В этом качестве выступают как внешние «силы», так и внутренние «враги» — инокультурные иммигранты, на которых возлагается вина за усиление преступности, рост безработицы и т. д. (даже в «могучих» и благополучных США наплыв «инокультурных» начинает рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности и идентичности).

Значимым фактором экспансии конфликтности (и даже враждебности) по отношению к «чужому» (как и причиной наращивания самого «градуса чуждости») является «культурный перфекционизм» (этим термином мы предлагаем фиксировать чрезмерно высокие стандарты национально-культурных притязаний, возможности достижения которых, с одной стороны, консолидируют общность «мы», с другой стороны, усилия по их достижению истощают энергию нации и провоцируют усиление компенсаторных механизмов диссоциации, в том числе и в форме конструирования «врага»¹. «Культурный перфекционизм» типичен для русской истории: масштаб наших национально-культурных притязаний представлен уже в самой формуле русской идеи с ее напряженной миссионерской энергией («Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать»), которая утвердила Московское княжество как преемника Римской империи и Византии.

В истории российской культуры механизм конструирования внешнего «врага» обнаруживает себя в форме мировоззренчески непримиримой оппозиции «Россия–Запад»². В историческом противостоянии этих

¹ Мотивационная основа перфекционизма лежит в остром «конфликте достижений», когда одинаково сильно выражены мотивы «стремления к успеху» и «избегания неудачи». Исследования показывают связь перфекционизма с двумя группами состояний: с одной стороны, с депрессивными и тревожными расстройствами, состоянием эмоциональной дезадаптации, с другой стороны, с выраженной враждебностью (склонностью наделять социальные объекты негативными качествами) и агрессией — моделями поведения, в основе которых лежит намерение нанести повреждение или причинить вред другому человеку (Н. Г. Гаранян).

² В российской культуре внутренняя оппозиция «мы–они» традиционно была представлена культурными ориентациями почвенников и западников, которые взаимно уравновешивали и «энергетически» поддерживали друг друга, генерируя энергию культурного самосознания и самостроительства. Безусловное доминирование западной ориентации, без «охранительного» полюса славянофилов, означало бы превращение русской культуры в «механическое смещение элементов различных культурных традиций», а в конечном счете — денационализацию России, опасность которой в XIX веке, по мнению В. Вейдле, была вполне реальной. Внутренняя оппозиция постоянно поддерживалась и на протяжении советской истории — в образе «врагов» народа, космополитов, диссидентов и др.

духовных миров один рассматривался как «царство благодати и Святого Духа», а другой — как мир язычества и антихриста. Для «русской цивилизации» символом «чужого» была вся новейшая европейская культура, и такое отношение объединяло отечественных мыслителей патриотического блока (славянофилов, К. Леонтьева, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, С. Булгакова, В. Розанова, евразийцев) с представителями православной философско-религиозной мысли других европейских народов и особенно близких по христианскому мировосприятию южных славян.

Мировоззренческая оппозиция была характерна и для социалистической идеологии, которая поделила весь мир на «царство свободы» и «царство необходимости», где в первом было все самое «передовое и справедливое», а во втором — «разлагающееся и бесчеловечное». В свою очередь СССР в глазах капиталистического мира также воспринимался в качестве «империи зла»¹. Можно сказать, что консолидация стран внутри социалистического содружества на макросоциальном уровне во многом обеспечивалась противопоставлением «социалистического лагеря» и «капиталистического мира». И вместе с ликвидацией образа «врага» (персонифицированного ведущими странами западного мира, и прежде всего США) рухнуло единство социалистического лагеря, за которым последовал государственный распад системообразующих держав (Югославии, Чехословакии, СССР).

Особые функции (и напряженность) образ «врага» выполняет на «границе» культурных миров² — сакральный смысл и значение «пограничной ситуации» состоит в том, что она ставит субъекта культуры перед неизбежностью выбора. «В поисках ценностей человек неминуемо приходил к перекрестку, на котором ломаются кости. Здесь его путь разветвляется, раздваивается в многоорукавную дельту» (преп. Иустин Попович). Причем духовно-нравственный вектор такого выбора во многом определяется образом «врага»³. Ненависть к «врагу» как крайняя форма оппозиции харак-

¹ Авторство этого политического клише (*англ.* Evil empire), как известно, принадлежит президенту США Рональду Рейгану, который в своем выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 года назвал Советский Союз «центром Зла в современном мире» и призвал к стратегии сдерживания, которая должна была, по замыслу, «записать последнюю страницу в историю СССР».

² «Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (М. М. Бахтин).

³ В частности, выбор жителей западных пограничных регионов России всегда был в пользу самоотверженного патриотизма, так как идущий с Запада враг посягал не только на жизнь, но и на «душу» народа — он нес иную систему ценностей «латинизированного» христианства, глубоко отвергаемую всем православным миром. И другой вариант выбора: регионы Западной Украины, исторически оказавшись в зоне особого напряжения, с одной стороны, православного типа духовности, с другой — греко- и римско-католической системы ценностей (а сегодня — включая элементы деформированного протестантизма), в качестве «врага» избрали «Русь Московскую», духовно-нравственное «давление» которой препятствовало окончательному формированию и укреплению идентичности в границах «антиправославной» системы ценностей. Именно глубинным духовным расколом, характерным для многовекового «бытия на границе», ценностным разломом, который проходит сквозь сердца и души западных украинцев, можно объяснить ту люютую ненависть к «врагу» в лице тех, кто не вписывается в соответствующую идентификационную модель.

терна, как правило, для «этнокультурной химеры» (или «антисистемы»)⁴, консолидация внутри которой основана на «негативном мирозерцании» и эмоционально окрашенном (обычно в тона ненависти) отношении к «врагу». «Антисистема» чаще всего образуется в зоне контакта, на границе, она формируется в ситуации незавершенного духовно-нравственного выбора (а в ситуации с Украиной — в результате политических манипуляций «игроков» глобализации).

В сегодняшнем глобальном мире механизмы диссоциации начинают активно доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военного характера. Как было отмечено выше, фактором, препятствующим расширению пространства деструктивных форм поляризации в системе координат «свои–чужие» («мы–они»), могут стать позитивные основания национально-культурной идентичности, которые, к сожалению, в глобальном мире теряют свою конструктивную энергетику. В таких условиях значимым фактором формирования глобальной идентичности и ресурсом (а в технологическом плане — способом) снижения конфликтного противостояния «мы–они» может стать осознание надвигающейся катастрофы, которое способно перевести конфликт в совместный поиск шансов и перспектив выживания. К сожалению, в сегодняшнем мире такого рода «поле общего» стремительно расширяется, что не может не стимулировать межкультурное сотрудничество в области формирования эффективных проектов и программ, способных найти ответы на вызовы современной цивилизации, — это диалог «на эшафоте бытия», который в истории «работает без выходных» (А. Я. Флиер). Все чаще раздаются голоса: мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-«матрешкой», аналогов которому в истории еще не было.

В такой ситуации общим для народов и культур символом «врага» становится надвигающаяся беда, а площадкой для межкультурного диалога — понимание масштабов грядущей катастрофы и выработка новых парадигм бытия человека и общества. Оставаясь в границах рациональности, оснований для оптимизма не много. Но остается надежда на чудо и вера в то, что объединенными усилиями удастся найти достойный ответ глобальным вызовам времени (а как известно, «по вере вашей да будет вам» — Мф. 9: 29).

⁴ Категории «этнокультурная химера» и «антисистема» были введены в систему гуманитарного знания Л. Н. Гумилевым, который так называл ложноэтническую общность, сложившуюся в результате грубых вмешательств в этногенез.

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ МОНОЛОГ?

В настоящее время на всех уровнях культуры происходят глубинные процессы изменений, которые столь существенны, что позволяют говорить о трансформации культуры. Суть ее заключается в переходе от системы локальных культур к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура».

Локальность культур базировалась на том, что последние выступали как достаточно замкнутые семиотические системы, а значит, были изначально относительно «закрытыми» друг для друга. Локальная культура как семиотическая система представляла собой систему закодированных знаков, значений и смыслов. Смыслы культуры несли на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Для представителя другой культуры эти коды и смыслы могут показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры — естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Таким образом, познание культуры есть процесс расшифровки ее закодированных смыслов. В качестве центральной системы этих закодированных смыслов выступает текст. Иначе говоря, в определенном смысле мы можем говорить о культуре прежде всего как о тексте, который, как отмечал Ю. М. Лотман, «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов»². Инструментом кодирования памяти культуры и создания систем текстов выступает живой язык, включающий в себя историю своего создания и функционирования. «Язык — это код плюс его история»³, как кратко и ёмко формулирует это Ю. М. Лотман.

Если мы будем создавать систему на базе некоего искусственного языка (а такие попытки в истории культуры были), то она не сможет функционировать как система, основанная на живом языке, ибо не будет иметь

собственной истории. Это может быть удобным для решения некоторых прикладных задач, ибо в такой системе можно добиться однозначности смыслов и значений, употребляемых понятий. Соответственно то, что мы называем памятью, или культурной памятью, здесь задано искусственным и конечным образом. Но фактически такая искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден.

В противоположность этому познание культуры как системы живого языка связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Не случайно необходимость наиболее полного языкового понимания требует погружения в другую культуру.

На основании вышесказанного понятно, что система коммуникации, сопряженная с используемыми и быстро развивающимися технологиями, способна значительно повлиять на функционирование живого языка, во многом определяя смысловые границы конкретной культуры и выступая на определенной стадии фактором разрушения границ между культурами.

Так, например, культура устного периода замыкалась рамками общения внутри племени, очень редко выходила за узкие языковые рамки, фактически не могла распространяться в этой коммуникационной системе. Письменная культура расширяет масштабы коммуникации, хотя по сути она оставалась все той же устной культурой, лишь зафиксированной в виде рукописей.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, что приводит к возможности значительного расширения пространства коммуникации посредством совершенно новых возможностей распространения текстов. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения. Однако культура и здесь остается достаточно замкнутой пределами национального языка. Более того, именно в этот момент происходит культурная фиксация языка, обеспечивающая национальную замкнутость. «Книгопечатание превратило национальные языки в средства массовой коммуникации, в замкнутые системы и тем самым создало современный национализм как централизующую силу»⁴. Таким образом, локальность как семиотическая характеристика становится доминирующим признаком всего периода культуры, в котором доминируют устная и печатная формы фиксации информации и смыслов.

Смысл культуры, зафиксированный в ее системе ценностей и стереотипов, проявлялся и в том, что для человека, находящегося внутри нее, конкретная культура представляла собой застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было почти

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор научных публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры»; «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.), «Онтология и теория познания» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти (учебно-методическое пособие для госслужащих)» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Логика», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. Философия), член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II и I степени.

² Лотман. Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. С. 293.

невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было только «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого смыслового пространства, обозначаемого Ю. М. Лотманом как семиосфера (по аналогии с биосферой), в котором роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования¹. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. Парадокс такого диалога заключался в том, что его ценность «оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непесекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»².

Современные изменения, основанные на крупнейших технологических открытиях в области коммуникации, приводят к становлению глобального коммуникационного пространства, которое существенно влияет на функционирование и взаимодействие культур и на диалог между ними. Изменения на всех уровнях культур и диалога культур столь существенны, что позволяют нам говорить о «трансформации культуры».

Понятие трансформации фиксирует момент размытия границ локальных культур и их втягивание (на определенных условиях) в некое глобальное коммуникационное пространство. Но для того чтобы столь разнородные системы культур «втянуть» в такое единое образование, необходим некий новый механизм общения между культурами, который избавляет нас от кодов, необходимости понимать и расшифровывать смыслы другой культуры и т. д. Таким образом, трансформация выступает как направленный процесс внутреннего изменения системы, который реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Это аналогично процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению феноти-

па. Своеобразным условием инфицирования культуры выступает становящееся глобальным коммуникационное пространство. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами»³. И опять же по аналогии, наибольший эффект достигается в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования.

Под воздействием процесса глобализации происходит трансформация культуры, то есть разрушение культуры как системы разнородных локальных культур и становление глобальной культуры с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур. Когда для обозначения этих процессов используют термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. С одной стороны, благодаря новейшим технологическим возможностям коммуникации практически безгранично расширяется диалоговое пространство культур. С другой стороны, значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур.

Современная система массмедиа трансформирует коммуникацию из состояния некоего фона, фиксирующего события, в своеобразный стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Например, событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция, даже при отсутствии реального факта как такового.

Культура начинает функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства.

Разрушается система так называемых культурных дихотомий или оппозиций, которые выступали своеобразными стержнями классической культуры. Например, разрушается дихотомия «прикровенность–откровенность». То, что раньше в рамках культурной традиции считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах выходят за рамки индивидуальной интимности, происходит деформация в сторону «эротизации культуры» как проявления высшей свободы выбора индивидуального удовольствия.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

³ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации и имитации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространиться в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению псевдокультурного поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты. Кстати, именно этот фактор проявляется и в попытках выработать некоторые глобальные критерии, например научной деятельности, в виде преимущественного цитирования на английском языке, что может выступить долгосрочным фактором, разрушающим национальную культуру.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. В этих условиях возникает феномен поп-культуры как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. Творчество здесь часто подменяется симуляцией такового и направлено на создание псевдообразов, симулякров. Имитация не просто выступает временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место этой реальности в сознании общества и человека. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителем продуктов которой становится все общество.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиaprостранстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает на все уровни общественного сознания.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение

общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями.

Условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают их представить в соответствующей яркой форме.

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества. Проявления этого можно найти и в науке, в виде нарастания имитации научного творчества, фальсификаций научных открытий, скандалов и сенсаций. Это проявляется в философии, ибо последняя является самосознанием культуры, а значит, ее содержание не может быть оторванным от конкретной стадии развития культуры. Проявлением этого становятся популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание») и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсона или философии доктора Хауса². Постмодерн в культуре закрепляет такие имитирующие формы философии.

И наконец, на чем я хотел бы поставить акцент: сегодня происходит деформация системы права, точнее соотношения национальной и международной систем права. Национальная система права, отражая специфику собственной культуры, одновременно исторически выстраивалась на фундаменте римской, англосаксонской и немецко-австрийской моделей. Однако последние не навязывались национальной культуре, а, напротив, интегрировались с ней, представляя некий синтез данных моделей и национальных особенностей права. Долгий период международное право представляло собой фактически результат договоренностей между соответствующими субъектами права. Тем не менее даже в этой «мягкой» форме общности часто правовые нормативы и параметры могли значительно расходиться с правовой практикой, реализующейся в той или иной культуре. В конкретной культуре если не доминировала, то была всегда значительной частью права, связанная с развитием индивида, особенности которого как личности сформированы данной культурой и соответствующей, выработанной столетиями системой духовных ценностей. Это было необходимо хотя бы для того, чтобы предписываемые к исполнению законы были понятны человеку, который родился и живет в этой конкретной культуре. Именно отсюда возни-

¹ См.: Раишкoff Д. Указ. соч. С. 15.

² См.: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

кают и принципы «естественного» права, и понимание того, что в ином государстве или иной культуре законы могут быть иные. Человек принимал как данное тот факт, что в иной культуре он должен был вести себя по-другому. Именно эти факторы лежали в основе фундамента права, обоснование которого до сих пор является одной из самых трудных задач, не только практических, но и теоретических.

Современные модели некоего общего международного права, типа, например попытки создать единую европейскую конституцию, базируются, как правило, на системе права какой-то отдельной страны, которая определяется в качестве «цивилизационного лидера». Понятно, что главным цивилизационным лидером объявляются США, поэтому, когда сегодня европейцы с гордостью говорят о том, что они европейцы, они должны понимать, что через определенное время им всем (от итальянца до норвежца) придется называть себя американцами. В этом смысле американская модель права выполняет, используя уже приводимую мною метафору, своеобразную роль культурного вируса, которая изнутри, через введение системы правовых норм, превращает конкретную культуру в иную. Деформация системы права, может быть, один из важнейших факторов трансформации современной культуры.

Основанием для данных процессов является становление транснационального рынка, в который так или иначе втянуты все страны, и это очень удобно для функционирования экономического механизма. Мир становится в этом смысле единым с точки зрения удобства управления такой глобальной экономической системой, но это вовсе не обязательно предписывает симметричное единство и самих культур. Тем не менее это происходит, и происходит не само по себе, а в результате активного «давления» стран-лидеров. Абсолютизируется позитивный характер экономической интеграции, на основании чего отказывается в самобытности национальных приоритетов государств и культур, которые должны раствориться в суперглобальной системе. Причем в рамках такого подхода сразу определяются победители, то есть те страны, которым повезло и они успели войти в вагон стремительно уходящего состава глобализации, и проигравшие, которые остались и будут вынуждены выполнять в новом мировом порядке лишь вспомогательную роль. «Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан»¹.

Именно из этой установки вытекает усиливающаяся в последнее десятилетие политика оправдания вмешательства в суверенные дела стран со стороны «победителей» в этом процессе, и прежде всего США. В то же время мы далеки от мысли так называемых «скептиков», ко-

торые считают, что, напротив, в новых условиях никакое единое мировое правительство, контролирующее ход общих процессов глобализации, невозможно, а значит, процессы глобализации не столько объединяют мир, сколько усиливают имеющиеся противоречия, порождая глобальное неравенство и усиливая дезинтегративные процессы, то есть в конечном счете делая тот же вывод, что и оптимисты, о глобальном отделении стран друг от друга.

Изначально международное право возникло как некая вынужденная и исключительная мера правового регулирования, позволяющая дать правовую оценку событиям и индивидам, которые могли формально и не нарушать норм права собственной страны, однако сама эта страна признавалась существующей вне правового пространства или принятых большинством стран норм права. Эти процессы начались после Первой мировой войны, но наиболее ярким примером реализации такого права был Нюрнбергский процесс. На данном этапе, тем не менее, международное право не вмешивалось в дела других государств и выступало в качестве своеобразного геополитического правового регулятора. Принципы международного права базировались, как правило, на международных соглашениях между странами, что являлось средством их легитимации. Сегодня происходит резкое расширение правовых источников международного права, в том числе и благодаря тому, что выделяется группа «цивилизованных стран», которые могут доминировать за счет этого статуса в области международного права. Соответственно эти страны навязывают ту модель права, которая исторически сложилась в данной стране. «Международное право признает дееспособность и принуждение, права и обязанности, которые в ряде важных аспектов ограничивают принцип государственного суверенитета; суверенитет *per se* — сам по себе — не является больше гарантией международной легитимности»².

Легитимность подобной трактовки международного права вызывает некоторые сомнения, ибо часто основывается либо на чисто теоретической модели, никак не скорректированной на данную культуру, данное государство, либо просто в ранг международного права вводятся принципы локального государства, претендующего на роль наиболее цивилизованного. Таким образом, речь идет о конструировании модели глобального или даже международного космополитического права, накладывающего ограничения на самые разные государства и правителей, независимо от тех условий, в которых возникло и развивается то или иное государство. «Возникли новые правовые структуры, созданные для того, чтобы сократить и ограничить государственный суверенитет, и разработан ряд основных норм и ценностей, которыми должны руководствоваться все страны во время войны и во время мира... Конечно, основные положения этого права признаются далеко не всеми, но само его существование указывает на развитие поствестфальского порядка — новой глобальной политики, закладывающей новую юридическую основу для налаживания и регулирования отношений между политическими сообществами»³.

¹ Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М. : Праксис, 2004. С. 5.

² Глобальные трансформации. С. 76.

³ Там же. С. 87.

Совершенно ясно, что такой геополитический диктат, который является не результатом договоренностей, а скорее навязыванием модели, устраивающей группу стран-лидеров, лежит вне прозрачного правового пространства и ждет своей правовой оценки. Более того, сторонники такой модели не понимают, что они открывают ящик Пандоры, ибо провоцируют по аналогии создание иной глобальной модели права, в основе которой могут лежать совершенно иные правовые принципы и нормы.

Даже в европейских странах это вызывает справедливое чувство протеста, причем со стороны профессиональных юристов. Можно показать это на примере правовых трансформаций, которые происходят сегодня в Европейском Союзе и неоднозначно оцениваются правоведами многих европейских стран. Государства, вступившие в ЕС, вынуждены значительным образом корректировать собственную национальную систему права, причем легитимность этих действий весьма неопределенна. Некоторые правоведа и философы права в связи с этим даже говорят о кризисе самого понятия конституционализма. Дело в том, что конституция любой страны базируется на двух основных идеях: разделение властей и основные права. Эта модель неотделима от национального характера государства. Однако сегодня, в связи с процессами глобализации, происходит новый процесс конституализации международного права как первичного по отношению к национальному. Как отметил в своем выступлении на конференции по современному конституционализму председатель Конституционного Суда Австрии Герхард Холцингер, «под этим имеется в виду растущее ограничение государств вышестоящими обязательными правовыми принципами (*ius cogens*), которые основываются на элементах национального конституционализма, то есть на “общих конституционных преданиях” государств. К этим принципам относятся прежде всего права человека»¹. Пока проект единой конституции для Европы потерпел неудачу, но сами действующие договоры фактически идут именно в направлении единой конституции, так как декларируется примат союзного права перед государственным.

Это уже создало массу проблем правоприменимости. «Право Союза, независимое от национального правопорядка, способно придавать отдельному гражданину права и накладывать на него обязанности. В этом своем свойстве оно должно применяться национальными ведомствами именно в этом качестве. И это так называемое *self-executing*-действие, таким образом, полностью независимо от национального права. Оно наступает, не нуждаясь в конкретизации в национальном праве»².

Деформируется принцип демократичности принятия решения, ибо фактически оно исходит из решений бюрократических органов ЕС. «Демократический принцип затронут в том смысле, что действия Союза не зависят только от воли австрийского народа, более того, могут наступать без или вопреки воле Ав-

стрии и, тем не менее, иметь свои последствия и для Австрии — с преимуществом перед национальным правом»³.

Такое вмешательство не только в суверенитет других стран в качестве государственной системы, но и в культуру как таковую необходимо вызывает и будет вызывать протесты. Таким образом, если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной — процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции»⁴, которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека, связанные с процессом потери собственной идентичности.

Одним из следствий глобальной интеграции может стать реализация системного тоталитаризма нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции над сознанием как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства, которую ряд авторов обозначают как «глобальную империю»⁵.

В этих условиях возрастает значение философского анализа культуры, так как философия, как отмечает В. С. Степин, «воспроизводит доминирующие смыслы культуры»⁶, а значит, осмысление как философская рефлексия над процессами трансформации современной культуры является важнейшей задачей философии. Такого рода исследования культуры не должны носить поверхностный «культурологический» характер, в рамках которого исследователи часто идут по пути интерпретации разнобразных, вновь возникающих культурных феноменов, не выходящих за рамки самих этих феноменов, а должны представлять собой философское размышление над глубинными процессами, которые происходят в современной культуре. Именно философия, с одной стороны, задает общие культурные традиции, выступая фактором сохранения и стабильности культуры, а с другой — всегда стремится «выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смыслы категории, которые адресованы не настоящему, а будущему»⁷.

Этот «философский» выход за рамки устоявшихся традиций особенно важен в так называемые кризисные эпохи, «когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая “категориальная модель мира” перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности»⁸. Представляется, что мы сегодня, безусловно, переживаем такой кризисный этап развития культуры.

В связи с этим философия сегодня может выступать формой наиболее общей и фундаментальной гуманитарной экспертизы, выполняющей прогностические функции, сопряженные с реализацией функции предупреждения о тех или иных опасностях, которые сопровождают развитие цивилизации.

³ Холцингер Г. Указ. соч.

⁴ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

⁵ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

⁶ Человек, наука, цивилизация. М., 2004. С. 63.

⁷ Там же.

⁸ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 209.

¹ См.: Холцингер Г. Конституционное государство в Европейском Союзе // Современный конституционализм: вызовы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14 ноября 2013 г. СПб., 2013.

² Там же.

Мануэль Ф. Монтес¹

ДЕМОКРАТИЯ, РАЗУМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГЛАВЕНСТВО ЗАКОНА: ОТНОСИТСЯ ЛИ ЭТО К МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ?

В новостных сообщениях о постоянных беспорядках в северо-восточных районах Пакистана эти регионы называют не иначе как «варварский», «беззаконный» Вазиристан. То, что государство незаконно применяет военную силу в «варварских», а то и «беззаконных» регионах, вроде бы совершенно оправданно. Данная статья посвящена такому явлению, как «беззаконие» в международной экономической системе. Автором будет рассмотрено положение о том, что «кучка» развитых стран способна нанести экономический ущерб развивающимся странам без каких-либо переговоров (не будучи никому подотчетными) грязными методами. Это позволяет сама природа международной экономической жизни, которую часто красиво называют «экономической архитектурой».

Такой подход позволит оценить, подходит ли принцип «демократия, разумное управление и главенство закона» к международной экономической системе. «Демократия, разумное управление и главенство закона» — стандартная формулировка, применяемая в международных соглашениях. В статье проанализированы отдельные черты международной экономической архитектуры на предмет их соответствия указанной формуле.

Демократия, разумное управление и главенство закона как необходимое условие развития

Изначально идея главенства закона должна была заменить идею главенства сильного, главенства «власти». «Главенство закона» высоко ценится (хотя бы на словах) в странах Запада и во многих бывших колониях. Страны-доноры (западные страны и Япония) постоянно поддерживают идею особой важности демократии, разумного управления и главенства закона. На практике это обычно означает, что развитие не мыслится без их наличия.

Каждая из трех составляющих формулы «демократия, разумное управление и главенство закона» имеет очень широкое толкование и по-разному интерпретируется в разных контекстах. Связанные вместе в риторической триаде в стиле римского оратора Цицерона, эти понятия составили условие, позволяющее получить финансирование и гарантирующее правительству развивающейся страны доверие в мировой прессе. Всемирный банк, контролирующий потоки донорского финансирования, инициировал целый ряд проектов (например, юридическая реформа, борьба с коррупцией, защита прав собственности), осно-

ванных на формуле «демократия, разумное управление и главенство закона», объявив ее необходимым условием развития.

Основной вопрос, на который мы попытаемся ответить: применима ли формула «демократия, разумное управление и главенство закона» к международной экономической архитектуре? Это очень важный вопрос, так как именно эта формула является условием предоставления помощи развивающимся странам. С другой стороны, необходимо понять, как видят эту формулу те, кто получает финансирование, то есть развивающиеся страны. Считают ли они, что демократия, разумное управление и главенство закона — неотъемлемые черты международной системы, основные правила которой диктуются развитыми странами?

Не все согласны, что использование триады «демократия, разумное управление и главенство закона» в международной экономической сфере имеет четкую основу. Для международной системы «демократия» представляет собой трудно определяемое понятие, так как географические, демографические и экономические условия стран очень различны. Вестфальская система государственности основана на положении, что каждое суверенное государство имеет широчайшую свободу действий наряду с другими государствами. Предложения предоставить большее число голосов в международных вопросах странам с большим населением не имеют ничего общего с принципом равенства, но отражают принципы демократии. «Разумное управление» также неоднозначно воспринимается на международном уровне. По условиям Вестфальской системы страны могут договориться о пределах тех действий, которые затрагивают интересы других стран. Но это обычно не имеет отношения к принципу «разумного управления», предусматривающему отсутствие конфликта интересов и ответственность государств за свои действия, нанесшие серьезный ущерб другим государствам. Если говорить о «главенстве закона», то обычно оно основано на этике и морали, не имеющих четкого определения в международной системе. В такой системе все определяет сильнейший.

Конечно, можно сослаться на тот факт, что моральные принципы и идеалы были использованы при написании документов, определяющих работу ООН. Эти принципы легли в основу договоренностей, ограничивающих действия государств друг против друга в системе ООН. В первую очередь это касалось вопросов безопасности, а не экономических проблем, которым посвящена данная статья. Моральные принципы и идеалы составляют преамбулу многих соглашений между странами, но применять их повсеместно не представляется возможным из-за отсутствия четкой иерархии и некоторой противоречивости.

Оправданием применения принципа «демократия, разумное управление и главенство закона» на международном уровне является то, что страны — члены ООН

¹ Старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: ««Азиатский вирус», или «Голландская болезнь?»», «Теория и история валютных кризисов в России и других странах» (в соавт.), «Действительно ли глобализация зависит от возрастающего неравенства?», «Возможности устойчивого роста на Филиппинах» (в соавт.) и др.

подписали соглашение по этому вопросу. В Монтерее в 2003 году было решено, что страны «подчиняются обдуманной политике, разумному управлению на всех уровнях и главенству закона». В данной формулировке отсутствует понятие «демократия», но важнейшей идеей является призыв к разумному управлению на всех уровнях. Стоит отметить, что главенство закона на всех уровнях не предполагается. Однако в соглашении, подписанном в Рио-де-Жанейро (Рио+20) в 2012 году и названном «Будущее, которое мы хотим», страны достигли соглашения, что «демократия, разумное управление и главенство закона на национальном и международном уровнях, так же как и создание всех необходимых условий, являются неотъемлемыми факторами устойчивого развития». Новая формулировка вывела триаду «демократия, разумное управление и главенство закона» на международный уровень.

Начнем с определения основных терминов.

Демократия обычно определяется как форма правления с равным представительством всех сторон. В Уставе ООН демократия не имеет четкого определения, а мирового правительства не существует. Иногда говорится о «дефиците демократии» в управлении и в международных организациях, таких, например, как Международный валютный фонд. В данной статье мы будем рассматривать демократию как степень (не всегда равную) участия и открытости между странами, чьи интересы прямо противоположны.

Управление — это процесс принятия решений, внедрения, отслеживания результатов среди организаций, групп и сообществ. Данный термин обычно относится к сфере принятия решений в общественной жизни, налаживания отношений между государственными структурами и частным бизнесом. «Разумное управление» — нечеткая формулировка, Всемирный банк предпочитает определять его так: «то, как применяется власть при управлении экономическими и социальными ресурсами на благо развития». В плане принятия решений «разумное управление» обычно ассоциируется с подотчетностью, отсутствием конфликта интересов, прозрачностью, главенством закона, равным представительством и учетом разных точек зрения. Наиболее часто данный термин используется при попытке выявить коррупцию на государственном уровне.

«Главенство закона», входящее в сферу юридической терминологии, имеет несколько четких определений. Всемирный банк считает главенство закона «правовой системой, которая предполагает: 1) наличие набора заранее известных правил; 2) эти правила применяются на практике; 3) существуют механизмы, позволяющие неукоснительно применять данные правила и отталкиваться от них в случае необходимости перехода к оговоренным мерам; 4) в случае возникновения конфликтов в вопросах применения правил существует возможность обратиться в независимые юридические или арбитражные организации, чьи решения будут обязательными; 5) для внесения поправок в устаревшие правила существуют прописанные процедуры».

С точки зрения ООН, главенство закона — «это принцип управления, при котором все люди, институ-

ты и учреждения, общественные или частные, включая государство, подчинены законам, которые общественно значимы, применяемы повсеместно и относятся ко всем в равной степени, согласуются с международными нормами и стандартами прав человека. Также главенство закона предполагает наличие мер, гарантирующих приверженность принципам приоритета закона, равенства перед законом, ответственности по закону, справедливости в плане применения закона, разделения власти, участия в принятии решений, уверенности в законности, отсутствия предвзятости и прозрачности принятия правовых решений».

Дефицит демократии в управлении экономикой на международном уровне

Глобальная взаимозависимость стран в экономической сфере предполагает неукоснительную ответственность в вопросах управления международной деятельностью. Современная система управления в условиях глобализации не предполагает ответственности развитых стран в случае негативного влияния их действий на развивающиеся страны. Ответственность в таком случае перекладывается на развивающиеся страны, даже если от них ничего не зависело при принятии решений. Основой таких утверждений является уверенность в том, что развивающиеся страны заинтересованы в односторонней либерализации, и заявления о создании «равных условий для всех». Это ведет к снижению ответственности развитых стран.

Обновление системы голосования и условий представительства в глобальной экономической структуре

Одна из идей реформирования, собравшая огромное количество сторонников, предполагает изменения в системе принятия решений и управления существующими международными организациями. Однако даже одобренные всеми решения в этой сфере будет не так легко внедрить. Принятый в 2010 году пакет документов, направленных на удвоение собственного капитала МВФ, предлагал установить для развивающихся стран квоту в 6 % от общего объема и перенести два из 24 офисов МВФ из европейских стран в развивающиеся. Эти решения так и не воплотились в жизнь, и дальнейшие реформы не проводятся.

В 2000-х годах многие аналитики, работавшие в организациях системы Бреттон-Вудс, предупреждали, что развивающиеся экономики «разойдутся» с экономиками богатых стран. Это выявило тенденцию к снижению уязвимости развивающихся стран перед крупными финансовыми скачками в преддверии расширения массового кредитования и дефицита макроэкономики США, что произошло в середине 2000-х. Банковский кризис 2008 года экономики развивающихся стран почувствовали на себе сразу и очень остро, так как торговый и финансовый оборот резко сократился. Этот факт снова породил сомнения о необходимости периодического «расставания» экономик как основы международного экономического сотрудничества. Новая угроза, появившаяся во второй половине 2013 года, заключается в потенциальном изменении направления

капиталовложений. Развивающиеся страны лишаются финансирования под влиянием «политики количественного смягчения», навязываемой США. Такая ситуация не является новой, подобный отток капитала из развивающихся стран после периода мощного финансирования случался в результате массовых сбоев в международной платежной системе. Развивающиеся страны напрямую зависят от внутренних проблем развитых стран, и это определяет необходимость выработать международные механизмы, гарантирующие развивающимся странам достойное право голоса. Это и есть «разумное управление» для таких ведущих международных организаций, как МВФ.

Серьезным изменениям подверглась структура глобальной экономики, развивающиеся страны вносят все больший вклад в мировое производство и торговлю. С одной стороны, результаты таких изменений никак не повлияли на перераспределение голосов и влияние внутри крупных международных организаций, особенно учреждений системы Бреттон-Вудс. С другой стороны, такой рост доли в мировом распределении доходов был вполне прогнозируем, учитывая более высокие темпы развития развивающихся стран по сравнению с развитыми. Некоторые страны, такие как Китай и Индия, возвращают себе былое могущество, ведь до европейской колонизации 1500-х годов их вклад в мировое производство был существенным. Азиатские экономики еще не вернулись к тому уровню, который они имели исторически. В 1500-х годах Китай производил около 20 % мировых товаров, сегодня — не более 10 %. Доходы на душу населения в развивающихся странах составляют 25 % и менее от уровня доходов населения в развитых странах.

Цифры говорят о необходимости увеличения роли населения, занятого в разработке механизмов управления мировой экономикой. Они свидетельствуют о том, что даже в наиболее успешных развивающихся странах показатели на душу населения все еще намного ниже аналогичных в развитых странах. За расширение представительства развивающихся стран в международных институтах говорит и тот факт, что международное сообщество все еще не знает, как сократить эту огромную разницу в показателях развития, и необходимо сблизить позиции по этому вопросу.

Возникает вопрос, все ли сделано для того, чтобы глобальное пространство было организовано наилучшим образом, обеспечивающим быстрый рост и выравнивание доходов для развивающихся стран. Недавно произошли тревожные события, связанные с введением ограничений через наложение торговых санкций и прекращение доступа к современным технологиям. Это привело к тому, что многие развивающиеся страны, которым удалось нарастить свое промышленное производство, откатились назад и вновь полагаются на экспорт сырья, цены на которое нестабильны, и другие доходы. Не вселяет оптимизма тот факт, что ассортимент товаров, экспортируемых развивающимися странами, существенно сократился с 1980-х годов, эры либерализации и свободных цен. Большинство потребителей конечного товара все еще проживают в развитых странах.

Постоянное реформирование, направленное на устранение недостатков в международной системе управления, должно быть в первую очередь направлено на тот факт, что многие действующие договоренности нарушают нормы разумного управления и прозрачности политики. Нормы представительства с правом голоса в учреждениях системы Бреттон-Вудс не соответствуют структуре мировой экономики. А ведь именно эти учреждения принимают ответственные решения по вопросам внешней помощи и финансирования развивающихся стран. Принятый в 2008 году и ратифицированный в марте 2011 года пакет документов по квотам голосования и участия в реформах предусматривает увеличение доли развивающихся стран всего на 2,7 %. Причем приоритет отдается быстроразвивающимся экономикам за счет ущемления интересов развивающихся стран, экономики которых развиваются более медленными темпами. Количество чиновников, управляющих учреждениями, не изменилось. Многие эксперты и многие развивающиеся страны не считают этот пакет мер достаточным. Продолжаются дискуссии по расчету формулы квоты, которая определяет те страны, чье представительство избыточно и чьи голоса надо сократить. Имеется тенденция к снижению доли европейских стран.

Значительное влияние развитых стран на политику мировых экономических институтов снижает уровень доверия. Например, предложенные МВФ программы помощи Южной Корее включали меры по облегчению инвестирования в экономику в угоду крупным индустриальным гигантам США и Европы. Интересы мирового сообщества лежат шире, они выходят за рамки ограничений, накладываемых крупным капиталом, и направлены на либерализацию торговли и финансовой сферы на всех уровнях.

Отчетность и представительство

Создание группы G-20, являющейся по сути глобальным экономическим штабом для решения проблем на высоком уровне, произошло в результате глобального финансового кризиса. Это некая тестовая модель участия развивающихся стран в глобальных процессах принятия решений и выработки политики. Роль группы G-20 по сути дублирует роль группы G-8 с участием развивающихся стран. Как некий закрытый клуб, ни G-8, ни G-20 не принимают никаких официальных решений. Соглашения становятся официальными документами после одобрения Советом директоров Бреттон-Вудс, а группа G-20 призвана ускорить процесс прохождения решений через официальные инстанции.

Не имея постоянного аппарата, группа G-20 все время расширяет круг обсуждаемых вопросов и принимает от международных организаций настоячивые предложения обсудить те или иные способы улучшения международных механизмов. Например, сейчас на повестке дня стоит вопрос развития. На встрече G-20 в Мексике в июне 2012 года обсуждались вопросы устойчивого развития, изменения климата, экологии, создания рабочих мест, общественного значения глобализации, безопасности продуктов питания, противо-

действия коррупции, микрокредитования и финансирования, местных рынков ценных бумаг, многосторонней торговли. И все это параллельно с вопросами возрождения экономики и финансовой архитектуры. Встреча в Мексике проходила в то время, когда еврозона находилась в глубоком кризисе. На встрече было решено «заставить страны — члены еврозоны, участвующие в работе G-20, принять все необходимые политические меры для сохранения цельности и стабильности в регионе, улучшить работу финансовых рынков и нарушить обратную связь между государствами и банками», что целиком и полностью отвечало интересам стран еврозоны. Параллельно со встречей политиков проходила встреча ведущих бизнесменов стран — участниц G-20 и министров труда.

До встречи в Лондоне в апреле 2009 года у группы G-20 были даже некоторые успехи в деле координации расходов и программ финансовой помощи в кризисный период. Была принята гибкая повестка, зависящая от руководства группы, избираемого ежегодно. В настоящее время решение самых насущных задач — возвращение к координации финансовых потоков и возрождение экономики — застопорилось, что отражает политические взгляды лидеров развитых стран. Лидеры развивающихся стран постоянно посещают заседания рабочих групп, но не могут продвинуться в деле проведения систематических реформ.

Появились серьезные сомнения в потенциале G-20, в возможности продвинуть повестку, связанную с реформами, не нарушая целостности существующей системы и не смещая дисбаланс в сторону развивающихся стран. Даже если основные развивающиеся страны приглашены на заседания, количественное представительство таких стран на встречах G-20 вызывает много споров.

Являясь по сути аналогом G-8, группа G-20 поощряет попытки руководителей развитых стран решать экономические вопросы между собой, не привлекая более представительные организации, такие, например, как Международный валютный и финансовый комитет. Глобальное управление экономикой, сложившееся после Второй мировой войны, возлагало решение подобных проблем на Экономический и социальный совет ООН, основываясь на том, что представительство и отчетность должны быть неразрывны. Принимая во внимание важность этой организации, группа G-20 уделила особое внимание установлению отношений с ООН.

В попытке преодолеть проблему слабого управления международной экономикой предлагалось создать новые организации, такие как Глобальный экономический координационный совет, поддерживаемый Международным экспертным советом (по предложению комиссии Стиглица). Более коротким представляется путь реформирования и укрепления существующих институтов, что потребует новых усилий со стороны ведущих экономически развитых держав по работе с этими организациями. Целью повестки встреч после 2015 года может быть восстановление эффективного надзора Экономического и социального совета ООН за организациями, осуществляющими управление экономикой в глобальном масштабе.

Сотрудничество между южными странами и региональное сотрудничество

Как уже было сказано, возрастание экономической взаимозависимости сопровождается неравномерным развитием. Эта усугубляющаяся тенденция неблагоприятна как с точки зрения экономистов, так и с точки зрения защитников окружающей среды, а в перспективе — политиков.

Потенциал экономического взаимодействия между развивающимися странами вызывает большой интерес, так же как и возможность запустить региональные механизмы в соответствии с теми идеями, которые лежат в основе Глобальной системы торговых преференций (ГСТП). Дискуссии вокруг этой системы привели к признанию необходимости принять политику расширения и диверсификации торговли между развивающимися странами. Это соответствует мировой тенденции диверсификации экономики и промышленного развития. Региональные механизмы предполагают улучшение координации региональных экономик в отношении прямых инвестиций иностранного капитала. Это исключило бы разрушительную конкуренцию и способствовало правильному размещению производственных активов. Однако серьезного успеха в этом вопросе пока нет. Снижение технических барьеров в отношении торговли на региональном уровне сделало бы возможной работу торговых предприятий малого и среднего бизнеса. В развивающихся странах существуют возможности кредитования, страхования и предоставления других услуг торговым организациям, что также стимулировало бы экономику. Это способствовало бы тому, что страны, находящиеся на одном уровне развития, делились бы опытом в технологической сфере, координировали развитие инфраструктуры и развивали торговлю на региональном уровне.

Какие бы аргументы против них приводились, основным препятствием на пути развития регионального сотрудничества становятся заранее оговоренные торговые привилегии и инвестиционные вливания развитых экономик. В Африке действия США и Европейского Союза по предоставлению торговых привилегий определенным регионам ставят под сомнение высказанные ранее намерения расширить региональную интеграцию. Как уже было сказано, многие внешние предложения, поступающие в регионы, способны свести на нет региональную интеграцию. Те проекты, для осуществления которых предполагается ввоз сырья из развитых стран, например в текстильной промышленности, уменьшают объем региональной интеграции. В 2011 году Африканский союз предложил, чтобы доходы от проектов, которые не являются взаимовыгодными, распределялись бы равномерно среди всех членов Таможенного союза, независимо от уровня развитости стран-участниц. Целью данного шага являлось стремление поддержать торговлю с медленно развивающимися странами и регионами и помочь им преодолеть отсталость в производственной сфере. Европейский Союз обратился в ВТО с предложением дать Молдавии преференции, ухудшающие положение других членов Союза, так как Молдавия является беднейшей страной Европы и не может на равных принимать

на себя обязательства свободной торговли с ЕС. Подобные же предложения были внесены относительно Балканских стран.

Период медленного роста развитых стран, причиной которого послужил кризис, грозит затянуться. Это вынуждает развивающиеся страны искать новые источники развития, торговать с южными странами и развивать региональное сотрудничество. Приходится переориентировать стратегии развития с учетом все возрастающего внутреннего спроса, а не полагаться на экспорт. Это естественно приводит к расширению торговли между южными странами и региональной торговли, инвестиций, ведь большинство доступных рынков сбыта для развивающихся стран — другие развивающиеся страны.

Главенство закона против главенства силы и денег в международных соглашениях по инвестициям

Существует порядка 3 тыс. двусторонних договоров об инвестициях. Эти соглашения между суверенными государствами инициированы правительствами стран Запада с целью защитить свои компании, инвестирующие деньги за границу. Оправданием такой политики служит утверждение, что судопроизводство в развивающихся и незападных странах развито плохо, «судьи предвзяты, коррумпированы и работают медленно». Они не в состоянии обеспечить иностранным инвесторам честное и независимое урегулирование конфликтов в случае споров с местной компанией. Согласно этим договорам споры должны урегулироваться «нейтральной» организацией, состоящей из экспертов по правовым вопросам, действующим независимо в случае арбитражного суда. Наиболее влиятельной организацией, предоставляющей возможность урегулировать споры с помощью арбитража, является Всемирный банк, под эгидой которого работает Международный центр урегулирования инвестиционных споров.

Двусторонние инвестиционные договоры нарушают принцип прозрачности управления. Многие договоры представляют собой тайну, что не позволяет точно оценить количество существующих договоров. Во многие договоры включен пункт, предусматривающий, что все споры между инвесторами и государством являются строго секретными, включая информацию о ходе разбирательства и возможных вознаграждениях.

Международная система урегулирования конфликтов имеет очень серьезное влияние. В отличие от других международных правовых механизмов, она позволяет компаниям напрямую преследовать государства. Всемирная торговая организация, например, указывает, что только государства могут в судебном порядке преследовать другие государства, хотя чаще всего затронуты интересы именно частных компаний. Международная система урегулирования конфликтов вынуждает государства выплачивать недовольным инвесторам огромные денежные штрафы. По некоторым оценкам, количество судебных разбирательств в 2011 году составило 450, «в 2009 и в 2010 годах претензии корпораций к государствам оценивались в 100 млн долларов по 151 арбитражному делу».

Двусторонние договоры по инвестициям дают инвесторам широчайшие возможности судиться с государствами. Во-первых, в соглашениях очень нечетко определен сам термин «инвестиция». Согласно формулировке из типового договора с США «инвестиция — это любой актив, которым инвестор владеет или управляет, напрямую или косвенно, имеющий характеристики инвестиции, такие как наличие капитала или других ресурсов, предполагающий получение возможной выгоды или опасность рисков». Формы возможных инвестиций:

- предприятие;
- доля, акции или другие виды участия в капитале компании;
- долговые обязательства, ценные бумаги, иные долговые механизмы, включая займы;
- фьючерсные, опционные и другие соглашения;
- контракты, предполагающие строительство, менеджмент, надзор, производство, концессии, разделение доходов и подобные соглашения;
- права интеллектуальной собственности;
- лицензии, разрешения, авторизации и прочие права согласно местному законодательству;
- другая собственность, физическая и интеллектуальная, движимая и недвижимая, и связанные с ней права, такие как аренда, лизинг, залог, заклад и т. д.

Например, торговые марки могут считаться инвестицией, и их использование может послужить поводом для разбирательства. Международная табачная компания «Филипп Моррис» подала в суд на Уругвай и Австралию, когда в этих странах были приняты законы, ограничивающие курение. Компания утверждает, что выгодно поставить свой торговый знак на пачке, где размещены обязательные наклейки о вреде табака, просто невозможно. Решения правительств Уругвая и Австралии, направленные на поддержание здоровья населения, приводят к потере доли компании на рынке, и «Филипп Моррис» требует выплаты компенсации. Согласно двусторонним договорам у частных инвесторов появляются возможности требовать выплаты денег из казны государств, чтобы компенсировать упущенную выгоду, даже если речь идет о социально значимой политике. Государства могут изменить свои решения, но даже в этом случае им придется платить инвесторам за понесенные ими убытки, если такая политика уже была принята. Все это приводит к сдерживанию социально значимой политики, учитывая, что за нее придется платить иностранным инвесторам.

Система двусторонних договоров нарушает принцип отсутствия конфликта интересов между разумным управлением и главенством закона. Юристы, защищающие интересы государств в делах о нанесении ущерба, зачастую входят в арбитражные суды по другим вопросам. Конфликт интересов возникает, так как появляются люди, работающие и как судьи, и как советники, и как присяжные по делам о нанесении ущерба инвесторам со стороны государств, большинство из которых — развивающиеся страны. Система выгодного перераспределения ролей приводит к тому, что сообщество арбитражных судей подвержено искушению интерпретировать соглашения по инвести-

циям в пользу инвесторов. Этот «расширенный» подход увеличивает не только количество исков и судебных действий, поощряя частных истцов, но и количество потенциально выгодных для них судебных разбирательств.

Вознаграждения по результатам арбитражных разбирательств не входят в круг вопросов, разбираемых в данной статье, хотя повсеместное использование денежных поощрений позволяет судьям игнорировать, а иногда и пересматривать не только местное законодательство, но и результаты референдумов. Причиной невозможности пересмотра решений арбитражного суда является отсутствие нормативных документов, определяющих подобный пересмотр. Принятые судьями арбитражного суда решения создают правовые стандарты и нормы в пользу инвесторов. Нам встречалась информация об огромных вознаграждениях: к примеру, одно из поощрений составило 2,3 млрд долларов. Даже меньшие суммы, за которые можно бы было нанять высокооплачиваемых юристов, работающих в сфере международного арбитража, для защиты интересов государств, составят миллионы долларов. Эти деньги нужны на развитие медицины и образования.

Масштабы махинаций внутри системы урегулирования споров по инвестициям огромны, и причиной этого служат многочисленные интерпретации положений двусторонних договоров об инвестициях, неясности, неточности и, что часто случается в развивающихся странах, экспроприация. Все эти факторы учитываются при разборе дел в арбитражных судах только с одной точки зрения — насколько подобный договор об инвестициях может увеличить денежный поток. Даже если такой поток и не случится в действительности.

По имеющимся данным, договоры об инвестициях, как и любой другой инвестиционный механизм, не гарантируют увеличения инвестиций. Исследования показывают, что такие договоры не являются определяющим фактором при принятии решения частными инвесторами, не играют ключевой роли при получении грантов или снижении ставки страхования инвестиций в другие страны.

На практике изменения в законодательстве, которые снижают «вероятность законного получения» будущих доходов иностранными инвесторами, считаются непрямой экспроприацией инвестиции. Судьям удается принимать решения, направленные против социально значимой политики в интересах частных инвесторов. Причиной является то, что система арбитража в инвестиционных делах основана на системе арбитража в частных коммерческих делах. В этой системе нарушение любых договоренностей между частными сторонами влечет за собой компенсацию другой стороне. Однако в случае инвестиционной деятельности одна из сторон — государство — не является коммерческим партнером и обязана соблюдать общественные интересы. Если государство действует в общественных интересах, будь то охрана окружающей среды или охрана здоровья, частный инвестор, чьи интересы были затронуты, может подать в суд и потребовать компенсации за понесенные убытки.

Выдвигались предложения реформировать и улучшить существующую несовершенную систему, включая внедрение системы апелляции. Предполагалось основываться на местном законодательстве, регулирующем арбитраж, внедрять альтернативные способы разрешения споров, применять превентивные меры, не допускающие появления конфликтов, снизить количество судебных разбирательств путем пересмотра новых договоров в плане ограничения пунктов, на которых может быть основан спор.

Все эти меры по реформированию системы не применяются в полной мере из-за того, что договоры по инвестициям намеренно составлены в пользу частного иностранного инвестора. К тому же эти меры не затрагивают внутреннего конфликта интересов, лежащего в основе системы. Например, оказалось возможным применить новую процессуальную систему, но судьи для работы в такой системе представляют сообщество профессиональных судей арбитражных судов старой системы.

Таким образом, система международных договоров по инвестициям представляет собой образец беззакония, конфликта интересов и отсутствия подотчетности, что грубо нарушает положения формулы «демократия, разумное управление, главенство закона». Система заменила главенство закона главенством силы и денег. Все попытки реформировать систему надо рассматривать как попытки восстановить законность в важной части международной экономической архитектуры. Недопустимо считать эти реформы препятствием иностранной инвестиционной деятельности.

Выплата государственного долга и выход из кризиса

Финансовые кризисы, как и другие не менее драматические события, нередки в развивающемся мире. Чтобы избежать подобных сценариев, необходимо выработать целостные разумные подходы к разрешению кризисов, которыми на данный момент международная система не располагает. Современная система выхода из кризиса в случае с государственным долгом является абсолютно непредсказуемой и произвольной. Чаще всего все расходы несет на себе должник, хотя они должны быть поделены равномерно между должником и кредитором. Это положение дел нарушает формулу «демократия, управление, закон», нет ни прозрачности, ни подотчетности, ни главенства закона.

Стандартный подход чреват неоднозначным развитием событий. Программы под эгидой Международного валютного фонда предполагают новые финансовые вливания и экономии на социальных расходах, что позволит странам-должникам обслуживать свои долговые обязательства перед внешними частными кредиторами. Согласно этим программам основные счета должны быть открыты, даже если происходят значительная утечка капитала и финансовые потери. В таком случае бремя урегулирования падает исключительно на страны-должники. Такие программы предполагают, что обязательства по внешним выплатам частного сектора признаются государственным сектором (зачастую включая операции иностранных компаний,

расположенных на территории страны-должника). Такой подход позволяет внешним кредиторам не соблюдать финансовую дисциплину и служит причиной нечистоплотных действий частных финансовых структур, сужающих деньги развивающимся странам.

Одной из задач, решаемых при выходе из кризиса, становится восстановление в кратчайшие сроки экономической активности пострадавшей стороны, как при преодолении региональных проблем. Это потребует введения очень жестких мер на период переговоров о выплате долга и изыскания ресурсов для обеспечения текущих расходов. Помимо этого, если предполагается возможность дальнейшего роста, могут потребоваться ограничения на движение по основным счетам и ограничения на импорт на весь период переговоров по долгам, чтобы сохранить операции с иностранной валютой.

Отсутствие четкой, непредвзятой системы урегулирования государственного долга является серьезным препятствием для развития. Страны втягиваются в судебные разбирательства, что сокращает их внешнеэкономическую деятельность, адекватный механизм разрешения кризиса исключит подобные судебные тяжбы. Необходимо включить в процесс разрешения кризиса и нейтральные стороны, такие как арбитражные экспертные советы, как это делает ВТО при разрешении споров. Ведущая роль МВФ в подобных делах создает конфликт интересов, учитывая, что и МВФ, и родственная организация — Всемирный банк — сами являются кредиторами.

Развивающиеся страны давно призывают кардинально реформировать систему, регламентирующую заимствование денег за рубежом. В отличие от законов, которые регулируют внутреннее заимствование, современная система значительно перекошена в сторону кредиторов, проживающих в северных странах. Первым шагом в создании новой системы могло бы стать соглашение о правилах поведения всех сторон, заинтересованных в урегулировании процесса государственного заимствования. Такое соглашение могло бы сделать серьезный шаг вперед, обеспечивая установленные механизмы с точки зрения морали. Среди моральных принципов необходим принцип разделения вины и перераспределения штрафов в случае, если реструктуризация долга неизбежна.

Основным мировым институтом, занимающимся проблемами государственного долга, является Парижский клуб — неформальное объединение государств, состоящее из 19 стран, в числе которых — США, Великобритания, страны Западной Европы, Скандинавии и Япония. Парижский клуб имеет полномочия определять условия реструктуризации долга. Попастъ в члены Клуба можно через МВФ и Всемирный банк. Здесь опять создается конфликт интересов, так как и МВФ, и Всемирный банк — крупнейшие кредиторы. Парижский клуб считается неформальной организацией и не признает себя мировым институтом, у него нет официального статуса и регламента. Таким образом, снова нарушается принцип прозрачности.

По сути Парижский клуб представляет собой собрание кредиторов, обладающее практически неогра-

ниченной властью в вопросе урегулирования государственного долга. Это шокирующий факт, который противоречит установленному процессу банкротства, принятому в национальных экономиках. Обычно нейтральная сторона — судья — принимает решение разделить бремя невыплаченных долгов между кредитором и должником, основываясь на том, что отвечать должны обе стороны. Кредитор пользуется презумпцией добровольного участия в рискованном деле кредитования должника и тоже отвечает за свои действия. Решения Парижского клуба поддерживаются общественными настроениями о том, что страны-должники потратили занятые деньги зря и должны их вернуть, а кредиторы не несут никакой ответственности. В случае с Грецией кредиторы активно выражали в прессе свою неуверенность по поводу невысокого уровня налогов и раннего пенсионного возраста. И это несмотря на то, что подобные явления существовали в Греции открыто. Предвзятое отношение в пользу кредиторов нарушает главенство закона, подотчетность, равенство и демократию в государствах-должниках, ведь они вынуждены принимать условия Парижского клуба, планируя свои бюджеты.

Эту систему можно победить, и начинать надо с международного соглашения о принципах, которые могут быть положены в основу законов и подзаконных действий. В 2012 году были внесены два предложения о подобных принципах. В январе 2012 года Конференция ООН по торговле и развитию предложила документ под названием «Принципы внедрения ответственного государственного заимствования», которые мы будем называть «Принципы КТР». В октябре 2012 года комитет, созданный частной ассоциацией финансистов «Институт международного финансирования», предложил набор правил под названием «Доклад Совместного комитета по укреплению структуры и преодолению кризиса в области выплаты государственного долга» (далее — Принципы ИМФ).

Оба этих документа предлагают нормативную базу для урегулирования основных аспектов управления долговыми обязательствами. Они построены на прямо противоположных принципах, о чем будет сказано ниже. В настоящее время наблюдается конкуренция в применении этих двух подходов.

Принципы ИМФ направлены на разрешение кризисных ситуаций с выплатой государственного долга, которые характерны для огромного числа развивающихся стран. Из стран, которые не принято относить к развивающимся, больше всего пострадала Греция. В результате этих драматических событий государственный долг был реструктурирован. Принципы ИМФ рассматривают пример реструктуризации долга Греции как прецедент, хотя многие эксперты считают, что ситуация в Греции далека от разрешения. Само название принципов, выдвинутых ИМФ, предполагает, что их можно применять и в ситуации, когда кризис еще не начался. В ситуации долгового кризиса они предлагают набор мер по реструктуризации долга. Раздел, озаглавленный «Прозрачность данных и меры по предотвращению кризиса», не оправдывает ожиданий, так как предложенные стандарты касаются только

заемщиков, а кредиторы не участвуют в предотвращении долговых кризисов.

Принципы КТР, напротив, применимы ко всему процессу государственного заимствования — от оформления займа и построения структуры погашения долга до реструктуризации долга в случае кризиса. К примеру, согласно принципам КТР любые действия кредитора по подкупу государственного служащего с целью заставить его игнорировать государственные интересы признаются незаконными.

Второе различие между двумя документами заключается в том, что принципы КТР четко прописывают обязанности кредиторов и соответствующие обязанности заемщиков. В документе ИМФ нет четкого распределения ролей, и соответственно заемщики признаны единственными участниками финансового рынка, чье поведение нужно регламентировать.

Третье различие, самое важное, состоит в том, что принципы КТР могут быть применены ко всем типам государственного долга, а не только к частным заимствованиям. Под них подпадают официальное кредитование, многосторонние сделки, то есть то, что ИМФ не регулирует. Многолетние страдания развивающихся стран привели к пониманию того, что внешний долг страны, находящейся не в лучшем финансовом положении, должен рассматриваться как комплексная проблема, и решение этой проблемы не может быть простым. Принципы ИМФ отводят главную роль в решении проблем долговых обязательств Международному валютному фонду, забывая, что МВФ — кредитор, участвующий во многих кризисных ситуациях с выплатой государственного долга. Таким образом, МВФ освобождается от моральных обязательств при оформлении кредитов.

В такой ситуации трудно заставить МВФ нести часть бремени в случае долгового кризиса. В 2001 году руководство МВФ предложило механизм реструктуризации внешнего долга, в котором привилегированная позиция отводилась именно МВФ. Именно поэтому на Уолл-стрит не приняли этот документ, предпочитая работать с теми, кого они знают, пусть и не с лучшей стороны.

Четвертое существенное различие между двумя документами заключается в общественном отношении к ним и, что особенно важно, в официальном признании. Принципы КТР признаны официально, документ, изданный ИМФ, не обсуждался нигде, кроме узкого круга специалистов по финансовым вопросам. Принципы КТР прошли проверку на соответствие законам, обсуждались крупнейшими бизнесменами, получили одобрение развитых и развивающихся стран. Их можно изучать на всех шести официальных языках ООН.

Генеральная Ассамблея ООН три раза одобряла инициативу КТР. После официального представления документа в январе 2012 года его еще несколько раз

представляли чиновникам из разных стран и получили их одобрение. Страны арабского мира, входящие в Исламский банк развития, изучили новый вариант принципов на встрече регионального консультативного комитета в Саудовской Аравии 25 февраля 2012 года. Совет министров финансов Центральной Америки, Панама и Доминиканской Республики попросил КТР представить документ на сессии в Пунта-Кане в Доминиканской Республике. На сегодняшний день более 60 стран уже участвовали в обсуждении принципов.

Документ, представленный КТР, был подвергнут научному анализу. Профессор Анна Гелперн из Вашингтонской школы права дала правовую оценку принципам, изложенным в документе, и предложила конкретные меры по внедрению их в практику. Существует исследование, выполненное Матиасом Голдманом, старшим научным сотрудником Института Макса Планка (Германия), включающее 12 стран и три территории. В нем указано, что эти принципы однородны и подпадают под основные положения международного права, что способствует пониманию их законности и общественной значимости. Они могут быть воплощены в жизнь.

Признание документа КТР, в котором изложены принципы, — политический процесс. При принятии решения необходимо учитывать, что принципы КТР более сбалансированы, так как относятся ко всем типам государственного долга, в отличие от принципов ИМФ, и соответственно имеют большую политическую значимость. Они приписывают равную степень ответственности кредиторам и заемщикам и относятся ко всему процессу предоставления займа, а не только к случаям невыплаты долга. Благодаря внедрению этих принципов повысится уровень законности в международной практике по вопросам государственного долга.

Заключение

Выше были описаны три отдельные сферы, в которых особенно заметен разрыв между принципами демократии, разумного управления и главенства закона и текущим положением дел в международной системе. Можно описать и другие аспекты. Например, проблеме безнаказанности в отношении причиненного ущерба и нарушение прав человека в транснациональных компаниях. Применение принципов демократии, разумного управления и главенства закона на международном уровне потребует значительных усилий. Чтобы почувствовать эффект от применения этих принципов, необходим прогресс в каждой из упомянутых областей. Начинать нужно с достижения международных договоренностей по основным вопросам между странами и влиятельными игроками на международной арене — транснациональными корпорациями, а затем воплощать договоренности в законах и конкретных мероприятиях.

Мигель А. Моратинос¹

«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ЦЕННЫЙ И НЕОБХОДИМЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Пока сторонники биполярного мира яростно отстаивают свою правоту, а скептики заявляют, что эффективные и убедительные соглашения в международной сфере недостижимы, «Альянс цивилизаций» открывает для мирового сообщества беспрецедентные возможности в области молодежной политики, образования, миграции и средств массовой информации. К участию в работе привлекаются не только гражданские общества, но и местные, государственные и межгосударственные организации, региональные и мировые институты.

Политические аспекты этой инициативы, реализуемой под эгидой ООН, позволяют вести диалог, осуществлять сотрудничество и обмен, постоянно расширяя и обновляя эти процессы. Это так необходимо в глобальном мире, где все страны зависят друг от друга, где происходят перемены, касающиеся всех, требующие точного определения и обсуждения на международном уровне. Проблемы сохранения мира, защиты прав человека и демократических ценностей, экономическое и социальное неравенство, изменение климата — это те вызовы, которые мешают прогрессу в глобальном масштабе.

«Альянс цивилизаций» признает необходимость срочных реформ в системе международных отношений, направленных на то, чтобы решить те сложные проблемы, которые встали перед мировым сообществом в первом десятилетии XXI века. Этот проект, инициированный ООН и поддержанный мировым сообществом, призван стать ответом гражданского общества на возрастающие непонимание и подозрительность, основанные на ложных и упрощенных понятиях. На тех понятиях, которые представляют современные динамично развивающиеся страны Латинской Америки, Средиземноморья, Африки и Азии в ложном свете, игнорируя главенство и универсальный характер прав человека и равенство стран в международной жизни. Утверждения о необходимости подобного проекта — не просто риторические заявления, а свидетельство активности гражданского общества и выражение воли многих народов и международных организаций.

Настало время решительных действий, необходимо пересмотреть и обновить договоренности, установить справедливые критерии, принять коллективные решения по многим вопросам, работая в сотрудничестве, как того требует международная обстановка. «Альянс цивилизаций» — инструмент, помогающий миллионам жителей планеты расширить знания, достичь уважения, свободно общаться, реализуя свои интересы и намерения. Он помогает разрушить стереотипы, при-

влечь новых сторонников, способствует достижению договоренностей, продвигающих сотрудничество как в сфере бизнеса, так и в общественной сфере.

Как заявил бывший президент Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро, «Альянс цивилизаций» нацелен на то, чтобы столпом международного порядка был закон, а не сила, чтобы диалог и сотрудничество стали основным способом общения достойных людей, равных друг другу в правах. В этом аспекте международное право должно вновь приобрести республиканский характер в широком смысле.

«Альянс цивилизаций» создал условия, необходимые для развития мультикультурности, для продуктивного диалога между странами в ситуации существующего разнообразия традиций и взглядов. Как сказал иранский философ Рамин Джаханбеглу, «сегодня существует конфликт не между культурами, а между теми, кто защищает разнообразие, и теми, кто против него».

Конвенция ЮНЕСКО «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» была принята в марте 2007 года. Согласно ей культурное разнообразие определяется как «множество форм, в которых существуют культуры групп и обществ». Это способствует уважению и межкультурному диалогу в самом широком смысле, дает возможность принимать эффективные меры по налаживанию коммуникации, которая приведет к пониманию, сохранению и распространению культурного наследия человечества.

Межкультурный диалог создает атмосферу доверия и позволяет преодолевать трудности, неизбежно сопутствующие сотрудничеству на международном уровне. Благодаря ему появилась возможность признать разнообразие, уважать и принимать во внимание права меньшинств, не ущемляя при этом свободу слова и свободу собраний. В этой области еще многое предстоит сделать, расширяя автономию, демократию внутри государств и прозрачность общественных организаций.

Широкое признание получили факты, свидетельствующие о взаимосвязи культур и цивилизаций. Современные средства коммуникации, возникшие в цифровую эпоху, способствуют «метисации» общества, расширяется понятие цивилизации, в него включаются как глобальные, так и местные проявления, гражданские и социальные вопросы. Нобелевский лауреат Амартия Сен, пишущий на хинди, критикует тех, кто пытается разделить цивилизации, он считает, что их доводы основаны на необычайном невежестве и незнании истории.

Эдвард В. Саид пишет на эту тему: «Культуры существуют и взаимодействуют весьма продуктивно», он против упрощенного разделения на «своих» и «чужих», на «хороших» и «плохих». Он считает, что «это ведет к двум преступным выводам. Первый вывод: их цивилизация (ислам) коренным образом отличается от нашей (западной). Этот тезис частично основан на чрезвычайно упрощенном понимании идеи Сэмюэля

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010). Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста земли Марии I-го класса (Эстония), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор СПбГУП.

Хантингтона о столкновении цивилизаций. Второй вывод: если политическую историю анализировать как историю террора, то это равносильно оправданию, а не просто осмыслению».

В сентябре 2004 года перед Генеральной Ассамблеей ООН президент испанского правительства, «как представитель страны, созданной и обогатившейся благодаря культурному разнообразию» и пострадавшей от терроризма, предложил создать «Альянс цивилизаций» между западным и арабским (мусульманским) миром. Он заявил, что «стена упала», и мы не можем позволить «ненависти и непониманию» построить другую стену. На следующей Ассамблее было решено создать Президиум высокого уровня, чтобы воплотить эту идею в жизнь, что явилось весьма актуальным предложением испанского и турецкого правительств, отражающим приоритетные направления международных отношений.

Стратегическая ценность

«Альянс цивилизаций» представляет собой большую стратегическую ценность для Испании в международной сфере. С точки зрения национального самосознания его создание означает последовательное изменение внешней политики, расширение и утверждение народной демократии. Такое изменение политики явилось результатом твердой убежденности, что продуктивный диалог и способность достичь договоренности — правильный путь к мирному сосуществованию и взаимному уважению. Так мы добьемся многостороннего мира на практике, защитим законность прав человека в международном аспекте.

Процесс, начавшийся в Барселоне и объединяющий страны Европы и страны Средиземноморья в единый союз, является прекрасной испытательной площадкой. Он позволяет открыть возможности для сотрудничества и добрососедских отношений, поддерживать безопасность и сдерживать терроризм, управлять миграционными потоками, заниматься вопросами защиты окружающей среды, бизнеса, туризма, культуры и образования. Именно в этих секторах и происходит взаимодействие государства и общественности. Не секрет, что регион Средиземноморья развит неравномерно, и нам приходится сглаживать эти неравенства. Но только сотрудничая, мы сможем ответить на новые вызовы. Это справедливо по отношению к другим регионам, ценным с точки зрения геополитики, и очень этнически и религиозно разнообразным.

На сегодняшний момент страны не могут в одиночку справиться с теми трудностями, которые несет с собой глобализация, будь то развитие политических и гражданских прав, возможности духовного совершенствования, уровень жизни или изменение климата. Радикализм и нетерпимость осложняют жизнь народов, участвовавших в создании цивилизаций и многовековых традиций, прошедших через эпохи уважения и взаимного понимания. «Альянс цивилизаций» считает своей целью распространение подобного опыта, восстановление ценности совместного пользования пространствами, вовлечение граждан, правительственных структур, политиков в эту работу, ориентированную на будущее.

Некоторые арабские государства не справляются с молодежной политикой и не могут предложить молодежи будущее, гарантирующее им работу, охрану здоровья и социальное обеспечение.

Терминология

Инициатива создания «Альянса цивилизаций» обсуждалась в политических, академических и научных кругах. Во время обсуждения было указано, что название не всегда совпадает с идеей, заложенной в основе. Идея Альянса — достижение политического консенсуса на основе межкультурного диалога и эффективного сотрудничества.

Название «Альянс цивилизаций» сугубо прикладное и не предполагает, даже пыгается избежать любого обобщения релятивистского или культурологического свойства, что сместило бы акценты и сократило рассматриваемые аспекты до гражданских, общественных или политических. Являясь наследием колониальных времен, ориентация на европейские, западные ценности не оправдывает недопустимые вмешательства, происходящие в современном мире. Эти вмешательства не принимаются и всячески осуждаются мировым общественным мнением. В таком случае название становится символичным.

В современном мире национализм приобретает формы, превосходящие как индивидуальные, так и коллективные проявления. Эти формы приводят к самолюбанию и попыткам оправдать себя, что вызывает критику и неприятие (открытое или скрытое) среди соседей. Экспансия Европы и деколонизация получили многочисленные отклики со стороны политических, религиозных и интеллектуальных лидеров арабских стран, так же как и от представителей других культур. Вера была использована как средство сопротивления и политического контроля, и это характерно как для стран исламского мира, так и для других стран с монотеистическим вероисповеданием, которые преследовали геополитические и стратегические цели. В истории немало примеров и эпох, подтверждающих это.

Основная идея этой инициативы заключена в слове «альянс», понимаемом как явное стремление достичь четких договоренностей между международными организациями, странами, правительствами и общественными организациями. Такие договоренности были бы основаны на взаимопонимании и общих интересах с целью formalизовать «глобальный договор» ради межкультурного мира.

Альянс не стремится дублировать другие инициативы ООН или задействовать ресурсы, предназначенные для других проектов (например, проект ООН по сохранению интеллектуальной истории). Цель Альянса — оптимально использовать результаты этой деятельности в работе с международным сообществом и гражданским обществом в глобальном масштабе, чтобы справиться с вызовами современности и сохранить уважение к личности. Таким образом, обозначая ценности, общие для мирового сообщества, мы сможем гарантировать их укрепление, сохранение и расширение. Так мы защитим культурную идентичность во всех ее многообразных проявлениях.

«Альянс цивилизаций» как политическую инициативу всемирного масштаба необходимо обсуждать на глобальном уровне, с привлечением международных, региональных, национальных, местных организаций, как частных, так и государственных, имеющих вес в социальном, культурном, экономическом, религиозном, научном и технологическом секторах. Чтобы учесть всех, кто заинтересован в таком процессе, нужны политическая воля и широкий взгляд на гражданское общество и всех, кто в нем задействован, на инновационную и исследовательскую сферы.

Диалог между гражданами необходим для практического применения рекомендаций, которые выносят региональные структуры, хотя многие из этих рекомендаций могут быть применены в разных странах. ООН, как и международные и местные юридические организации, осуществляет правовую и организационную поддержку начатых проектов.

Гражданские общества и мировое общественное мнение все больше интересуются Альянсом, увеличивая свое участие и сотрудничество с организацией, пытаясь увидеть различные подходы, обсудить и принять решения, возлагающие на них ответственность за происходящее в мире. Важен опыт конструктивной и творческой работы, составляющей ядро публичной дипломатии, а также возможность использовать этот опыт в различных странах.

Согласие и стремление к диалогу в мировом сообществе может перевесить интересы одной нации как закрытого и неизменного общества. Это даст возможность достичь взаимопонимания, отказаться от иерархических представлений как в культуре, так и в международном праве, приблизиться к разнообразию. Будущее может быть под угрозой не только из-за развития науки, но и из-за того, что существуют организации, заинтересованные в наращивании догматизма, упрощенного взгляда на мир, нестабильности, страха, когда «все, чего мы должны бояться, — это сам страх». Это главное условие нестабильности и определяющий фактор во всех конфликтах, региональных, национальных и местных столкновениях; страх подгоняет религиозных фундаменталистов, вдохновляет националистов, зачинщиков этнических беспорядков, добавляя нашей жизни неопределенности.

Понятие «террор» относится не только к фанатикам и преступникам, к распавшимся государствам, исчезнувшим культурам, регионам или политическим течениям. Террор порожден нищетой, неравенством, унижением, разобщенностью общества и отсутствием перспектив. Нельзя забывать, что среди тех, кто порождает страх, есть и те фанатики, которые, как писал Умберто Эко, «видят заговоры и заговорщиков везде».

Коллективные действия, примеры которых можно найти в истории, необходимо переосмыслить с точки зрения сосуществования и сотрудничества, необходимо очистить их от атавизма, излишних эмоций, исторической выдумки и клише. Доклад Группы высокого уровня дает различным странам и народам возможность активно общаться между собой, «обсуждать свои интересы в равных условиях и преследовать общие

цели, в то же время поддерживая свою систему верований и идентичность».

Цель «Альянса цивилизаций» — вывести взаимоотношения между современными обществами на новый уровень, обновить систему взглядов и взаимных представлений. Валлеспин напоминает нам: «Чтобы продвинуться во взаимопонимании, необходимо поддерживать мысль о том, что то, что нас объединяет, сильнее того, что нас разобщает» и «надеяться на объединение по принципу глобальной “этики”, составляющей основу существования планеты и сглаживающей все межкультурные конфликты». Эдгар Морин также призывает нас помнить, что «мы живем в обществе, судьба которого связана с судьбой всей планеты, и все мы подвержены мировым угрозам».

Всеобщие права дают нам основу для гражданского, политического и социального участия в мировых процессах, определяя общие ценности, занятия и интересы. Если мы объединим наши усилия, привлечем общественные институты и гражданское общество, будет дан толчок для многосторонних совместных действий, направленных на достижение стабильности и гармонии во всем мире.

Права человека имеют приоритет над всеми другими соглашениями, и странам придется нести ответственность за свои обязательства, применяя принцип разнообразия подходов в отношении различных вызовов эпохи. Это благотворно отразится на военной, социальной, экономической, культурной и других сферах.

Принципы

Лучшие памятники культурного наследия человечества содержат ряд универсальных принципов, которые также можно объединить. Как сказал Эдвард В. Саид, «гуманизм — это не попытка отстраниться от действительности, а скорее наоборот, цель гуманизма — подвергнуть критическому анализу результат действий человечества, понять, почему столько энергии ушло, например, на эмансипацию или другие виды деятельности, явившиеся ошибочными... в коллективном прошлом или настоящем».

Принципы, лежащие в основе работы Группы высокого уровня, были взяты из Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, изданной в 1948 году. Цель Декларации — «освободить человечество от страха и страданий». Традиции рационализма и универсализма, являющиеся базой для этих документов, имплицитно присутствуют в культурах и верованиях разных эпох, на их основе эволюционировала и трансформировалась история человечества, чтобы появилась «история заимствований и постоянного взаимного обогащения». Будет уместным вспомнить вклад стран Запада и Востока, Севера и Юга, не впадая в излишнее упрощение и игнорирование ценности отдельных элементов.

Дискуссии, проводимые в «Альянсе цивилизаций», подпитываемые многосторонним сотрудничеством и гражданской активностью, подчеркивают необходимость разрешить старые конфликты путем коллективных решений, необходимость встречать вызовы времени. Многие проблемы явились результатом дисбаланса,

возникшего в ходе несправедливой, неравной и асимметричной глобализации. В ходе этих дискуссий появляются новые модели, обеспечивающие свободу и гарантирующие безопасность при применении международных правовых механизмов, без перекосов и необходимости менять систему.

Гражданское общество в мировом масштабе поддерживает те ценности, которые утверждаются и защищаются международным правом, и требует, чтобы решения, конвенции, договоры и пакты выполнялись в полном объеме. Оно требует, чтобы в случае геноцида, этнических чисток и преступлений против человечества можно было предпринять эффективные коллективные действия. Необходимо также придерживаться тех целей, которые были поставлены в документе под названием «Цели развития тысячелетия», и разработать цели устойчивого развития на 2015–2020 годы. Гражданское общество не приемлет социального, культурного, экономического, политического, военного, религиозного высокомерия и их отражения в СМИ. Это основные причины, не позволяющие бороться с «недостатками глобализации» и их проявлениями в международной правовой системе. Те, кто озабочен мировым порядком, не обходят стороной продвижение демократических ценностей и принципов разумного управления, противопоставляя их предвзятости, навязыванию своих интересов и доминированию разного рода.

Альянс считает демократическую форму правления «наиболее эффективной, позволяющей людям полностью раскрыть свои способности» и индивидуальность. Нельзя забывать, что демократия должна «быть естественной», так как насильственное насаждение демократии противоречит самому понятию «демократия», дискредитируя ее. Демократия не должна находиться в конфронтации с общественными и частными законами, ее не надо прививать или оправдывать.

«Альянс цивилизаций» — это ответ, как осуществить интеграцию в период кризиса, положив в основу принцип нейтралитета, равенства и однородности, разработанный в период холодной войны, в период «воинственного мира или мирной войны». Этот инструмент межкультурного сосуществования нацелен на то, чтобы гармонизировать понятия «идентичность» и «разнообразие», сопоставить их с неотъемлемыми правами человека. Это позволит достичь прогресса «во всех сферах, где реализуются права, учесть абстрактный универсализм политических прав и специфичный универсализм социальных и культурных прав». Именно такие требования выдвигаются гражданским обществом в мировом масштабе, это позволит избежать коммуитаризма и присвоения идентичности.

Принципы, лежащие в основе структуры «Альянса цивилизаций», явились результатом глубокой убежденности в том, что сотрудничество в мировом масштабе необходимо для достижения стабильности, безопасности и устойчивого развития. Углубление взаимопонимания, укрепление общих ценностей — вполне достижимая задача. Отдельные народы, международные организации и гражданские общества получили рекомендации по достижению этих желанных целей. Они могут воплотить их в жизнь с целью устранения не-

определенностей, которые бросают тень на коллективное будущее человечества.

Это будущее должно управляться международной системой, которая подлежит постоянным изменениям, но может теперь полагаться на новый инструмент — «Альянс цивилизаций». Он дает возможность гражданскому обществу участвовать во всех проявлениях политической власти, включая различные акции, национальные и многонациональные организации, подавлять случаи проявления насилия и устрашения, разрешать конфликты. Альянс расширяет область применения закона и дает возможность достичь соглашения в международной сфере. Это позволит более эффективно контролировать тот поток насильственных действий, который сопровождает продвижение к глобальному миру. Мир может быть только всемирным, иначе это не мир. Это неотъемлемое условие как для социального и экономического роста, так и для преодоления ужасных последствий страха и насилия.

Чтобы справиться с этими деструктивными тенденциями, нам необходимо участие гражданского общества, оно должно включиться в процесс принятия решений, способствующих созданию сети общественных и частных организаций, связанных с ООН. Рекомендации Альянса включают сотрудничество с ЮНЕСКО, Европейским Союзом, ОБСЕ, Лигой арабских стран, Организацией исламского сотрудничества, Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО), организацией «Объединенные города и местные власти», Всемирной туристской организацией, а также с другими организациями, как частными, так и государственными.

Мы могли бы также заниматься и другими сферами, такими как коммуникация, экономика, политика, так как эти сферы активно взаимодействуют и интегрируются в современной глобальной культуре. Доклад Группы высокого уровня «выделяет основные пути развития данных сфер, анализируя те функции, которые осуществляют в обществе образовательная, молодежная, миграционная и медийная составляющие, и предлагает конкретные действия по улучшению положения в каждом из данных секторов».

В рамках «Альянса цивилизаций» активно обсуждались вопросы социального, политического и религиозного лидерства, ответственности перед обществом, так же как и использование лексики, разжигающей вражду, в компьютерных и печатных СМИ. Дискуссия показала, насколько важна существующая система ответственности, как индивидуальной, так и коллективной, насколько она востребована обществом, насколько каждый из нас связан с многомерным миром. Необходимо продвигать такие понятия, как «гражданский журнализм» и «превентивный журнализм»: это не только поможет восстановить профессиональные ценности и социальную значимость, но и способствует утверждению мира, прав человека, демократических и социальных ценностей, будет инструментом разрешения конфликтов и кризисов.

Создание медиапродуктов, в том числе и в техническом смысле, должно быть основано на критериях, предполагающих ответственность за использование

терминологии, провоцирующей террор, слухи и провокации. Все, кто выносит свою деятельность на общественный суд, должны осознавать ту ответственность, которая лежит на них, независимо от того, является ли эта деятельность социальной, экономической, политической, религиозной или медийной.

Языки как форма вербального выражения не могут подвергаться сомнению или недоверию, антисемитизму, исламофобии или другим формам дискриминации не должно быть места. Языки несут знание, уважение, диалог о вере, символах, традициях, как религиозных, так и светских. Они отражают растущую пропасть неравенства между богатыми и бедными и «играют огромную роль в создании атмосферы неприятия и размывают солидарность общества». Неравенство, как и бедность, так занимавшую умы экономистов до недавнего времени, очень трудно победить.

Структура «Альянса цивилизаций» постоянно меняется, так как все больше стран, народов и регионов вовлекаются в его деятельность, делая цели тысячелетия все более достижимыми. Если обстановка в мире будет стабильной, разрешатся исторические конфликты, такие как арабо-израильский или израильско-палестинский, эти цели будут достигнуты полностью. В глобальном мультикультурном обществе невозможно предугадать реакцию всех групп и всех регионов. В разных регионах мира по-разному переплетены политика, религиозные верования, вопросы безопасности, энергетики и др. Средства массовой информации по-разному отражают их. Возможно и давление на прессу, и игнорирование международного права и плюрализма. Примером может служить отношение к террористам в Китае или России.

Некоторые аналитики считают, что «Альянс цивилизаций» явился неким ответом на появляющуюся пропаганду фанатизма и деформированных представлений, ведущих к неприятию. Группы экстремистов, используя стереотипы, насилие и запугивание, применяют такие приемы. Эти тревожные сигналы приходят в основном из маргинальных групп, дестабилизируя и накаляя обстановку. Терроризму часто сопутствуют небезопасность, безработица, коррупция, цензура, репрессии на политической и религиозной почве, миграции, отсутствие гражданских свобод. Это справедливо в большей или меньшей степени для всех регионов: Запада и Востока, Севера и Юга.

ООН, региональные организации, отдельные страны, эксперты и гражданские общества — все едины в своем убеждении, что «Альянс цивилизаций» может и должен играть важнейшую роль в деле укрепления межкультурного мира, в улучшении качества жизни и усилении безопасности. Деятельность Альянса будет направлена на развитие и обновление действующих программ и на инновационную работу, поощряемую ООН, региональными организациями, парламентами и правительствами, отдельными странами. Все гражданское общество, на всех уровнях, поддержит эту работу, не ограничиваясь образовательной, молодежной, коммуникационной сферами и вопросами миграции.

Назначение Жоржи Сампайю на должность Высочайшего представителя «Альянса цивилизаций», сде-

ланное Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун, явилось решительным шагом по внедрению рекомендаций Группы высокого уровня и дало начало многочисленным форумам. Этот инструмент, необходимый международным организациям и институтам, правительствам, частному сектору и гражданскому обществу, дал возможность встречаться, «чтобы заключить договоры о сотрудничестве» и показать «приверженность действиям».

Фонд «Альянса цивилизаций» дает возможность проводить межкультурные мероприятия в рамках мирового сотрудничества. Он входит в структуру ООН и пополняется за счет взносов от стран, входящих в Группу друзей. Во многих странах и административных сферах, осуществивших демократические преобразования, Альянс представлен внутри общин, муниципалитетов, автономных образований и других организаций, как, например, Европейский Союз или Средиземноморский союз.

Образование

Глобализация образовательных систем, знаний, культурных процессов, интенсификация обменов неизменно расширяет горизонты для многих молодых людей в разных частях света. Любопытство заставляет их искать альтернативные варианты сложившихся систем с тем, чтобы совершенствоваться духовно и интеллектуально, не отрываясь при этом от своих корней, не теряя чувства причастности своей стране и всему миру.

«Альянс цивилизаций» предлагает пойти по пути адаптации и расширения уже существующих образовательных возможностей, а не создавать принципиально новые подходы. Существующие проекты получили поддержку правительств, университетов, экспертов, учреждений, работающих в разных странах и обществах по всему миру, они нацелены на распространение «глобального, кросс-культурного образования, с опорой на права человека».

Чтобы эти усилия не остались безрезультатными, начальное и среднее образование должно стать неотъемлемой частью подобной образовательной программы во всех регионах мира, несмотря на культурные и религиозные различия. ЮНЕСКО и ИСЕСКО наряду с исследовательскими образовательными центрами и учителями ставят перед собой задачу разработать учебные материалы, распространить их внутри образовательных систем, не забывая при этом про свободу выбора материалов Альянса для обучения. Примером успешной совместной работы в области образования может служить «Учебник по правам человека», выпущенный организацией «Human Security Network» и получивший широкое признание.

Образовательные технологии поощряют широкие международные обмены не только для учительского состава, но и для выпускников. Программы обмена в рамках Европейского Союза, Латинской Америки и Средиземноморского региона уже прошли с большим успехом. Необходимо привлекать больше экспертов, способных обучать всемирной истории, с целью распространить знания, которые позволят укрепить уважение и плюрализм, культурные традиции, создадут

основу для мирового диалога по вопросам гуманитарного, практического и научного наследия.

В этом аспекте очень важной признается работа средств массовой информации, они должны быть частью образовательного процесса, начинающегося в школе. Так происходит во многих странах мира. Образование, ориентированное на коммуникацию, информацию, развлечение, поможет создать мирный и творческий настрой, без страха и предвзятости.

Из образовательной системы и трудоспособного населения нельзя исключать и женскую половину человечества. Неграмотность распространена среди женщин в два раза больше, чем среди мужчин, бедность и бесправие — зачастую удел женщин. Необходимо вовлекать женщин и детей в «получение образования и дальнейшее трудоустройство как необходимую часть жизни женщины» и таким образом «ликвидировать несправедливость».

Альянс создал комитеты по пересмотру образовательных программ и механизмы, позволяющие заинтересовать в пересмотре образовательных систем и гарантировать их «правильное применение». Он рекомендует объединить усилия «всем странам, входящим в Альянс, международным организациям, таким как Европейский Союз, Организация исламского сотрудничества», согласовать образовательные программы, нацеленные на обучение и обучающие технологии, на передачу непрерывного опыта между поколениями, на построение гражданского общества.

Постоянная работа по совершенствованию системы, создание стабильной занятости, приверженность идее безопасного и уважительного климата на рабочем месте — это те цели, которых придерживается недавно обновленная Международная конфедерация труда. Лидеры этой организации выпустили документ, призывающий молодых людей более активно участвовать в работе и акциях конфедерации.

Молодежь

«Альянс цивилизаций» — это организация, ориентированная в своей деятельности на молодежь, так как это основная движущая сила и сегодня, и завтра. Используя сеть организаций, связанных с Альянсом, молодые люди могут направлять свои силы и чаяния, связанные с мировым сообществом, на то, чтобы исправить несправедливость и дисбаланс глобализации. Многие из них защищают принципы мира, диалога и свободы переговоров, ориентируясь на соблюдение прав человека, утверждая, что «возможен и другой мир», и, к счастью, это правда.

Молодые люди активно протестуют против тех трудностей, которые встречаются на пути к прогрессу и не дают развиваться как личностям и процветать. Многие режимы в обоих полушариях не смогли обеспечить законные притязания людей и общества. Они не достигли того уровня развития, безопасности и эмансипации, которые должны быть характерны для XXI века. Это как раз те проблемы, которые волнуют молодежь во многих регионах мира, в Латинской Америке, в Азии и особенно в арабском мире.

Согласно «Докладу о развитии человечества», подготовленному по Программе развития ООН, население в странах арабского мира вырастет в три раза с 1975 по 2015 год. Более трети населения — молодежь в возрасте до 15 лет. Хотя прирост населения имеет тенденцию замедляться, необходимо найти действенные и неординарные способы, позволяющие молодежи чувствовать себя полноценными гражданами. Необходимо создавать новые рабочие места и предлагать конкретные меры по устойчивому развитию.

К сложной демографической ситуации в арабских странах добавляются высокий уровень безработицы, наверное, самый высокий в мире, и постоянный приток беженцев. В результате этих процессов возникают проявления радикализма, зачастую принимающие демократическую, культурную, религиозную и медийную формы. Все это приводит к созданию атмосферы страха, террора и разрушения, что еще больше осложняет и без того нестабильную и небезопасную обстановку.

Наша молодежь не бежит от проблем будущего, она конструктивно участвует в их решении. Наряду с интеграцией образовательных подходов необходимо основать «Глобальную молодежную сеть» или «Мировой альянс молодежи» как механизм, позволяющий молодежи участвовать во внедрении всех рекомендаций, одобренных ежегодными форумами Альянса. Структура этой сети может быть любой, но должна отвечать интересам мирового сообщества. Ее создание увеличит количество проектов по обмену, даст им возможность активно развиваться и быть представленными в сети Интернет.

Для достижения этой цели было предложено объединить и интегрировать цели стран и организаций, входящих в Европейский Союз и Организацию исламского сотрудничества. Надо также отметить вклад активистов гражданского движения и религиозных лидеров, которые могут сформулировать, что именно волнует молодежь в XXI веке.

Интересным кажется предложение создать «Фонд культуры и развития Сети», который включал бы частных вкладчиков и организации-доноры, транснациональные корпорации и общественные структуры, готовые выполнить свой гражданский долг. Используя эти ресурсы, молодые люди творческих профессий — художники, писатели, музыканты и режиссеры — получили бы возможность налаживать контакт с менеджерами, работающими в сфере культуры. Это могли бы быть сетевые структуры, предоставляющие рабочие места для молодежи, включая молодых женщин. Их участие оказало бы благотворное влияние в плане продвижения этих предложений и улучшения их эффективности.

Девочки, девушки и молодые женщины — наиболее маргинальная группа общества из-за бедности и недостатка образования. Они несправедливо отнесены на периферию системы, для них закрыты многие возможности. Как писал Эдгар Морин, «мировая экономика в своем развитии амбивалентна и бесконтрольна — тирания денег сопровождается жестокостью технического и практического расчета испокон веков».

Миграция

История человечества тесным образом связана с миграцией. На пороге XXI века она достигла невиданных ранее масштабов. Миграционные процессы стали общемировыми, в них включились женщины и меньшинства, развивается миграция квалифицированных кадров из Латинской Америки, Африки и Азии в развитые страны. Управление миграционными процессами неожиданно стало очень важным пунктом в мировой повестке дня. Эта драма человеческого и гуманитарного характера, как и проблемы беженцев, достигла такого размаха, что требует от мирового сообщества немедленных действий с привлечением стран, из которых мигрируют люди, стран, в которые они мигрируют, и транзитных стран.

Причины миграции различны, но чаще всего это недостаток свободы и низкий уровень жизни. Европейское общество до сих пор помнит то время, когда европейцы уезжали в Америку. Их возглавляли предприимчивые люди, желавшие изменить условия своей жизни. Как написано в «Тысяче и одной ночи», «мир — это дом для тех, у кого нет дома».

Политики ответственны за те процессы, которые провоцируют миграцию в глобальном масштабе. От миграции должны выигрывать как отправляющая, так и принимающая сторона, но главное — от миграции должны выигрывать сами эмигранты. Большинство стран мирового сообщества ответственно относятся к выработке взвешенной миграционной политики.

ООН, ЕС, конференции в Рабате и Триполи ясно указывали, что миграцию необходимо рассматривать с разных точек зрения и с разных позиций. Достичь сбалансированной политики путем совместных усилий можно, лишь координируя действия, улучшая сотрудничество, упрощая и нормализуя механизмы и международные процедуры.

Мировая политика должна также включать такой эндогенный аспект, как фактор развития и модернизации, который может позитивно воздействовать на «круговую миграцию». Необходимо активно включать диспоры в развитие стран, откуда они уехали, давая эмигрантам и их семьям возможность участвовать в механизмах экономического и финансового развития.

Приведем как показательный пример вложения латиноамериканцев в ЕС и Испанию. Согласно данным Банка Испании, они составили в 2007 году более 500 млн евро, почти 0,4 % от ВВП, чуть больше, чем объем официальной финансовой помощи, осуществляемой Испанией. Это очень серьезный экономический фактор.

Структурные политические меры в миграционной сфере должны учитывать миграционные потоки, ориентируясь на те цели, которые вошли в проект «Цели тысячелетия» и другие инициативы. Среди них — развитие сотрудничества, интеграция новых граждан в принимающих странах и пресечение преступных сетей, торгующих людьми.

Соотнесение мировой политики и целей «Альянса цивилизаций» приобрело особый смысл в связи с предложением бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о создании Всемирного форума по миграции

и развитию. Необходимо срочно расширить возможности диалога и многостороннего соглашения по двум этим вопросам. Результатом должно явиться изменение отношения со стороны международных комитетов, ученых, экспертов и организаций.

Миграция наложила отпечаток на полиэтничный и мультикультурный портрет городов во всех странах мира. Российская Федерация — яркий пример такой миграции. Мигранты пытаются мирно ужиться с местными жителями. В городах развитых стран мигранты зачастую принимаются благосклонно, жители открыты для других культур, для разнообразия. Формируются новые связи, возрастает информированность, налаживается сотрудничество между общественным и государственным секторами. Многочисленные примеры подтверждают это.

В данном аспекте мировое сообщество может вполне опереться на местные организации. Они являются основной движущей силой многих проектов «Альянса цивилизаций». Во многих районах мира участие новых граждан во всех городских мероприятиях активно поддерживается. Здесь соединяются различные цели гражданского общества — защита прав, борьба с расизмом и ксенофобией, солидарность во многих вопросах.

Что касается интеграции в процесс частного сектора и корпораций разного уровня (местных, национальных, региональных, транснациональных), они также включены в процесс, особенно те, для которых небезразлично, в какой стране они работают. Надеюсь, что в течение нескольких ближайших лет появится документ, закрепляющий корпоративную социальную ответственность транснациональных корпораций.

Семьи и новые граждане должны получать правовое образование посредством образовательных программ в общественных организациях и ассоциациях. Разнообразие составляющих гражданского общества в больших и малых городах связано с миссией Альянса содействовать его формированию и определению. Сопровождение проектов и контроль, разработка плана действий и оценка результатов лежат в основе структуры.

Разнообразие ситуаций в правовом обществе, стандарты сбора, обработки и отслеживания информации необходимо оговаривать заранее, чтобы была возможность правильно оценить отношения между отдельными элементами общества. Здоровье необходимо оценивать в контексте таких понятий, как разнообразие, эффективная интеграция, участие и равные возможности. Гражданское общество, культурные и духовные аспекты, всемирный диалог тесно связаны с процессами сотрудничества и обмена и способствуют им. Диалог необходим для того, чтобы избавиться от непонимания, способствовать продвижению мира, пониманию и объединению с целью процветания человечества.

В рамках этой деятельности система высшего образования, исследовательские и инновационные организации составят под руководством Альянса новую научную сеть с целью дать научную оценку вклада мигрантов в развитие стран, являющихся их исторической родиной. Такие примеры нередки в мультикультурных странах. Эти материалы станут частью общего исследования и будут использоваться с целью

распространения в глобальном гражданском обществе, которого коснется эта инициатива.

Эта мечта все быстрее воплощается в реальность, потому что технологический прогресс обладает всеми необходимыми инструментами, «чтобы объединить возможности почти всего человечества». Он используется в процессе социализации и моделирования идентичности, «постоянно, бесконечно».

Средства массовой информации

В своем динамичном поступательном развитии СМИ играют все более значительную роль в нашей жизни. Как сказал писатель Хуан Гойтисоло, «миллионы параболических антенн предлагают свое видение мира, который вроде бы абсолютно доступен, полон потрясающих богатств и необыкновенной роскоши, как сказал албанец, захваченный на итальянском берегу, “они кормят собак с серебряных ложек”».

СМИ, информационные и развлекательные учреждения относятся к иммиграции как к неизбежному процессу, как к явлению одинаково важному и на национальном уровне, и в медийной сфере. Компании, размещающие в сети информацию, сосредоточили в своих руках огромные образовательные и развлекательные возможности, они определяют будущее коммуникационной сферы. Они несут ответственность за то, чтобы распространять атмосферу взаимного доверия, изживать в глобальном обществе такие явления, как невежество, подавление свободы и неравенство.

СМИ в эпоху глобализации выступают против догматизма, так как коллективное будущее также зависит

от того, как мы справимся с отчуждением, страхом, изоляцией и клише.

Наше сознание определяется коммуникативными, групповыми и индивидуальными понятиями, заложенными в цифровой формат. Поэтому необходимо защищать свободу слова и плюрализм при получении информации, в то же время сохраняя право на личную жизнь, на собственное мнение, на сбор информации. Разработка, внедрение и выполнение этических норм, являющиеся результатом доброй воли, определяют основное направление этой важнейшей миссии. Над ней работают факультеты журналистики, колледжи и ассоциации, организации издателей и репортеров, научные институты и агентства по контролю за распространением информации.

Медиа контент и обработка информации должны быть организованы таким образом, чтобы не допускать концептуальных пар типа «иммиграция–конфликт», «нетерпимость–мусульманин», «иммигрант–бедный», «терроризм–исламский» и других подобных сочетаний, которые демонстрируют предвзятость и нагнетают атмосферу подозрительности, клишированности и дезинформации.

Дезинформация, как и обилие фактов и данных, лежит в основе манипуляционных стратегий создания конфликтов. Поэтому миссия «Альянса цивилизаций» востребована как никогда, она станет политически и социально важной составляющей в отношениях между странами и многонациональными организациями, инструментом мирного сосуществования и прогресса.

В. В. Наумкин¹

НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

«Цивилизационная» тематика в свете происходящих в современном мире трансформационных процессов становится все более востребованной, интересной как для авторов — исследователей и публицистов, так и для читателей. Вопросы культурно-цивилизационной идентичности, характера взаимоотношений между ценностями различных регионально-культурных кластеров, путей эволюции нации-государства в условиях нарастающей глобализации приобретают все большую остроту и требуют научно-теоретического осмысления.

¹ Директор Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Восток (Oriens)», заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», “Island of the Phoenix”, «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», “Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle”, «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее» и др. Ряд книг переведен на иностранные языки. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии им. В. В. Посуляка за достижения в области международной журналистики, учрежденной МИД РФ.

Россия, особенно в последние годы президентства В. В. Путина, все в большей мере позиционирует себя как государство со своей особой цивилизацией. Это, однако, не останавливает традиционную историческую борьбу в нашем обществе между почвенниками (или славянофилами) и западниками, как бы они себя в разные эпохи ни называли: проблема идентификационного выбора и сегодня остается актуальной. Мы являемся свидетелями того, как иногда противоборство сторонников конфликтующих между собой концепций российской идентичности приобретает весьма острый характер, выплескиваясь на экраны телевизоров, на страницы газет и журналов. Некоторые идеологи «неопочвенничества» и «патриотического национализма», критикуя политику властей, требуют противопоставить нас в цивилизационном отношении Западу, чуть ли не вновь отгородиться от него с помощью «железного занавеса». Всегда концептуально мыслящий генерал Л. Г. Ивашов выдвигает проект Евро-Азиатского цивилизационного союза (современного аналога славянофильского проекта) на основе развития Шанхайской организации сотрудничества «как баланса и альтернативы Западу»

и транснациональному сообществу»¹. Гораздо более резок депутат Государственной Думы от «Единой России» и член ее политсовета Е. А. Федоров, который говорит о российской власти (к верхушке партии которой он сам принадлежит), что она «управляется через механизмы коррупции, именно поэтому коррупция сегодня — нерешаемая проблема. Решать ее нам запретили американцы»². Он считает, что в России сейчас сложилось двоевластие: «с одной стороны, ставленники сионистской оккупационной администрации (правительство), а с другой — президент Путин, опирающийся на поддержку части народа и некоторых разумных людей»³.

Либералы-«неозападники» тоже критикуют власть, но они недовольны иным. Политолог из Московского центра Карнеги Л. Ф. Шевцова считает, будто философия российской идентичности при Путине — всего лишь «модель властвования». Эта модель, по ее мнению, «предполагает противодействие влиянию Запада как внутри российского общества, так и на постсоветском пространстве», и в ее рамках обособивается претензия России «на роль защитника традиционных моральных ценностей от западного упадничества и деградации»⁴.

Кстати, именно тезис о моральной деградации Запада лежит в основе неприятия его культурной экспансии со стороны защитников цивилизационной самобытности и в исламском мире, также выстраивающем свои модели развития в остром противоборстве сторонников конфликтующих концепций.

Является ли извечный спор сторонников разных моделей развития России свидетельством так и не изжитого ею до сих пор конфликта идентичности или неотъемлемой чертой ее цивилизационной двуликости?

Замечу, что с идентификационным вызовом в той или иной мере сталкиваются все общества. Приведу в пример не так давно появившийся в Западной Европе тезис о «Еврабии»⁵ (Eugabia), в котором отразились страхи европейцев перед возможной цивилизационной трансформацией Европы под натиском не поддающейся ассимиляции волны мигрантов из государств арабского Востока и мусульманского мира. Параллельно этому возник термин «Лондонистан», отражающий весьма распространенное (в том числе и в России) мнение о том, что британская столица стала центром деятельности подпольных джихадистских групп всех мастей. Появилась и теория «арабо-исламского заговора», имеющего целью подорвать Европу. Теория, как заметил Али Аллави (в недавнем прошлом иракский министр, ныне — американский профессор), ничуть не менее абсурдная, чем «Протоколы сионских мудрецов».

Россию не поразил вирус исламофобии, так как в течение столетий наша многонациональная и поли-

конфессиональная страна являет собой впечатляющий пример сожительства, культурного взаимообогащения и уважительного отношения друг к другу многих этнических и конфессиональных групп в рамках единого общественного организма. Однако острый конфликт между Западом и исламским миром, волны исламского экстремизма, затронувшие и российские регионы, а также масштабные и неуправляемые миграционные процессы все же ухудшили климат в отношениях между этими группами. Сторонники евразийского выбора вроде бы должны выстраивать мосты между Россией и исламским миром (и в самом деле, не с Китаем же нам объединяться), но и они, а не только националисты, которые вообще негативно относятся ко всем «чужим», нередко проявляют предвзятое отношение к мусульманской цивилизации как таковой.

Однако и в рамках этого дискурса приверженцы «неопочвенничества» склонны винить во всех бедах мира Запад, и в первую очередь США. Отвечая в эфире «Голоса России» на вопрос о деятельности исламских террористов на территории Сирии, руководитель Санкт-Петербургского отделения Российского института стратегических исследований, специалист по Древнему Востоку А. Л. Вассоевич утверждает, что «радикальные исламистские группировки управляются Соединенными Штатами Америки»⁶. Обуреваемый благородными помыслами разоблачить фундаменталистов, петербургский профессор не только приписал США создание «Аль-Каиды» (что лишь отчасти не лишено оснований), но и оказал большую честь британской разведке, сообщив, что именно она (а не шейх Мухаммад Абд аль-Ваххаб, как мы наивно полагаем) создала ваххабизм в XVIII веке. Кстати, заметим, что в 1920-е годы, как свидетельствуют наши внешнеполитические архивы, российская дипломатия с симпатией отнеслась к саудовской экспансии. Но, естественно, не из-за любви к ваххабизму, а потому, что видела в недждийском пуританском движении силу, независимую от колониалистов и поставившую задачу объединить Аравию в рамках единого самостоятельного государственного образования. В письме российскому представителю в Хиджазе К. А. Хакимову народный комиссар по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин писал: «Наши интересы в арабском вопросе сводятся к объединению арабских земель в единое целое». Он писал в связи с этим о возможности турецко-ваххабитского сближения (как актуален этот тезис сегодня!) «в некое мусульманское движение, направленное против западного империализма»⁷. При этом поначалу вовсе не исключалось, что Ибн Сауд может оказаться «английским ставленником», но все же в качестве такового Москва не без оснований видела противника Ибн Сауда — мекканского шерифа Хусейна. Позднее, после взятия ваххабитами Мекки и Медины, Чичерин пишет советскому послу в Тегеране: «Одним из средств давления на Ибн Сауда является руководимая ныне Англией в мусульманских странах кампания против ваххабитов за якобы произведенные ими разрушения в Мекке

¹ *Иванов Л.* России нужен собственный геополитический проект // Академия геополитических проблем. 2012. 10 июля.

² Знание — власть. 2012. № 25.

³ Русское агентство новостей. 2013. 25 окт.

⁴ *Шевцова Л.* Русская матрица: искусство перевоплощения // Московский центр Карнеги. 2013. Ноябрь. С. 2.

⁵ О ней, в частности, подробно пишет А. Аллави: *Allawi A.* The Crisis of Islamic Civilization. New Haven ; L. : Yale University Press, 2009. P. 182–185.

⁶ России нужно быть готовой к любым нестандартным решениям ее геополитических партнеров // Голос России. 2014. 14 янв.

⁷ Чичерин — Хакимову, 1 ноября 1924 г. АВПР. Ф. 0127. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 31.

и Медине. Стремясь изолировать Ибн Сауда... английские агенты используют фанатизм мусульманских масс против ваххабитов, чтобы ослабить Ибн Сауда и заставить его пойти на соглашение с Хиджазом и на английские предложения»¹.

Королевство Саудовская Аравия, которое первым официально признал именно СССР, а вовсе не Великобритания, впрочем, по сути не было нацией-государством, будучи созданным на религиозной основе (в сочетании с родоплеменной). Еще одним редким примером подобного образования после Второй мировой войны явился Пакистан, где даже официальным языком был провозглашен не панджабский, на котором говорит самая крупная автохтонная этническая группа, а урду — язык мусульманских переселенцев из Индии. Что же касается Саудовской Аравии, то все эти годы там идет процесс складывания национальной идентичности на основе странно звучащего маркера — «саудовец», по имени правящего клана.

Кстати, в 1920-е годы, в период активного советского нацистроительства в Средней Азии, местные руководители не только благосклонно отнеслись к появлению там салафитского проповедника по прозвищу аш-Шаами ат-Тарабулси («Сириец из Триполи»), но и помогали ему агитировать против местных суфиев². Это объяснялось тем, что в то время именно местные «традиционные» суфийские шейхи были для власти основным противником в борьбе за умы местных мусульман, а салафизм, или ваххабизм, никакой реальной угрозы представлять не мог.

Со временем ситуация сильно изменилась. Одной из неотъемлемых черт ситуации в мире, особенно в последние полтора десятилетия, стал острый конфликт между Западом и исламским миром. Конфликт, в котором одни авторы склонны видеть исключительно цивилизационные, другие — политические корни.

Можно согласиться с тем, что водоразделом между цивилизациями Запада и исламского мира является роль религии в обществе и государстве и отношение людей к ее роли. Однако нужно иметь в виду, что, во-первых, и в лоне западной цивилизации выделяются страны с достаточно высоким уровнем религиозности, хотя и со светской системой государственности, как, например, США. А во-вторых, и в исламском мире были «приливы» атеистической мысли (особенно в 1920-е гг., в значительной мере под влиянием Октябрьской революции в России и созданных на Востоке коммунистических партий) и появлялись режимы, построенные на секулярных принципах (Турция при Ататюрке и его последователях, Тунис при Бургибе). Египтянин Исмаил Мазхар (1891–1962) основал в Каире издательство «Дар аль-Усуль» для пропаганды атеизма, им были опубликованы в переводе ненавистная исламистам работа Чарлза Дарвина «Происхождение видов» и не менее чуждая для них книга Бертрама Рассела «Почему я не христианин». Еще один активный пропагандист атеизма, получивший образование в МГУ, Исмаил Адхам (1911–1940) создал в этих

целях ассоциацию сначала в Турции, затем в Египте. Он утопился в Средиземном море, оставив записку, в которой просил кремировать его тело и не хоронить на мусульманском кладбище. С конца 1920-х годов и в 1930-е годы снова стала возрастать тяга к исламу, а атеистическая и секуляристская пропаганда — терять популярность. Египетский интеллектуал, выпускник Сорбонны Мухаммад Хусейн Хейкал (1889–1956), начавший с публикации трехтомного исследования о Ж.-Ж. Руссо, теперь прославился изданной в 1935 году и ставшей классической работой «Жизнь Мухаммеда»³. Еще более резкий разворот в сторону ислама в тот же период совершил начавший с воспеваания английских поэтов-романтиков Аббас Махмуд аль-Аккад (1889–1964), среди учеников которого был самый, пожалуй, известный проповедник радикального исламизма, казненный в Египте в правление Г. А. Насера Сейид Кутб (1906–1966), начинавший, подобно его учителю, как поэт и литературный критик. Его труды до сих пор являются одним из источников вдохновения для многих современных джихадистов.

В работах современных исламских мыслителей можно обнаружить полемический дискурс, вполне сопоставимый с российскими спорами между западниками и почвенниками. Махмуд Хайдар, рецензируя книгу Таха Абд ар-Рахмана о духе «исламской модерности» (*рух аль-хадаса аль-исламийя*), обращает особое внимание на проводимое им различие между двумя категориями исламских авторов. Это, во-первых, «авангардисты», которые замещают традиционные исламские концепты современными западными: вместо *шура* — *демократия*, вместо *умма* — *государство*, вместо *ростовощество* — *прибыль* и т. д. Во-вторых, это их антиподы — «традиционалисты», которые отвергают перенесенные с Запада концепты в пользу традиционных исламских: не *секуляризм* ('ильманийя), а *знание мира* (аль-'ильм би-д-дунья — арабский термин, имеющий общий корень с термином *секуляризм*, но почерпнутый из изречения пророка Мухаммеда «Вы больше знаете о вашем мире» — «Антум а'ляму би-умур дуньяку»), не *религиозная война* — *аль-харб ад-динийя*, а *открытие* (арабский термин *фатх*, который используется применительно к средневековым арабско-мусульманским завоеваниям)⁴. Хорошо известные не стихающие споры вокруг совместности исламских вероучительных норм с демократическими ценностями. Ислам и демократия — эта тема активно обсуждается на многих конференциях и симпозиумах, на встречах религиозных деятелей, экспертов и политиков. Согласно одной точке зрения сама постановка вопроса о возможности совместить ценности исламской цивилизации с демократическими принципами в корне неверна, так как она демократична по своей сути и не нуждается в заимствовании каких бы то ни было ценностей из других систем. Сторонники иной точки зрения обвиняют исламские общества в авторитаризме,

³ См.: 'Abd Al-Rahim Muddathir. The Human Rights Tradition in Islam. Westport : Connecticut ; L. : Praeger Perspectives, 2005. P. 118–119.

⁴ Хайдар М., *Рух аль-Хадаса аль-Исламийя*. Аль-Фаслийя: Иран ва-ль-Араб // Iranian-Arab Affairs Quarterly. 2012. Iss. 28. P. 161.

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 8. С. 61.

² См. об этом подробнее: Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle. Boulder : Rowman and Littlefield, 2005. P. 40–41.

попрании прав человека и отсутствии свобод и т. п. Есть и сторонники концепции конвергенции.

Приведу в связи с этим пример, касающийся Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В ее создании от арабского мира тогда непосредственно участвовал известный в то время ливанский политический деятель христианин Шарль Малик (во время гражданской войны 1975–1990 гг. он был «идеологическим наставником» Ливанских сил — правой христианской милиции)¹. Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности ст. 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять ее, что противоречит базовым положениям шариата. В результате в рамках Организации исламская конференция (ОИК) была разработана на основе Всеобщей декларации Каирская декларация прав человека, которая была принята на саммите ОИК в Каире в августе 1990 года (напомню, что Россия имеет статус наблюдателя в этой структуре, которая теперь называется Организацией исламского сотрудничества). Нетрудно догадаться, что с принятием Каирской декларации базовые противоречия с нормами шариата, прежде всего положений ст. 18, были устранены.

Но насколько непримиримы концепции прав человека в шариате и в большинстве государств мира? Можно ли сегодня вообще говорить об абсолютной универсальности какой-либо концепции в этой сфере? Можно ли предположить, что в обозримой перспективе модернизационный процесс в исламе приведет к отказу от запрета на переход мусульманина в другую веру?

Успех этого процесса во многом будет зависеть от того, как будут складываться в дальнейшем отношения между различными культурами и цивилизациями. По Иану Н. Питерсу², можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах: о культурном дифференциализме, или продолжающихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести (*sameness*); культурной гибридации, или постоянном смешении. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенции), будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона) или же будет идти процесс их смешивания (гибридизация). Следует заметить, что дискурс, основанный на этой, известной еще в XIX веке концепции гибридации, получил на Западе развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. Этот дискурс представляет собой антидот «эссенциализма», «фетишизма границ» и «культурного дифференциализма расистских и националистических доктрин»³, ключевыми понятиями которого являются этничность и идентичность. Гибридизация в определенном смысле может трактоваться как потенциальная утрата и того, и другого. Фетишизации межкультурных границ противопоставляется тезис об их неизбежной эрозии. Ха-

рактерные для концепции гибридации ключевые понятия — «смешение», «синкретизм». Ее сторонники анализируют такие процессы, как креолизация, метисизация, а также ориентализация западного общества. В данном контексте мусульманский Восток здесь выполняет функцию агента гибридации.

Вспоминается один почти забытый сегодня факт. Османские султаны сохраняли название Константинополь наряду с турецким Стамбул вплоть до 1930 года, когда биномия была упразднена и столица Турции стала именоваться исключительно Стамбулом. Мне кажется, что сохранение старого названия объяснялось желанием османских султанов как бы перенести на себя величие имперской византийской столицы, показать себя наследниками ее культуры. Двойная идентификация здесь работала на имидж державы. В какой-то мере этому подходу можно уподобить озвучиваемое ныне рядом видных российских историков новое прочтение взаимоотношений между русскими княжествами и Золотой Ордой.

Но можно ли говорить в этом контексте о цивилизационном сближении, к примеру, арабов и евреев — носителей двух близких друг другу по духу авраамических религий? Сегодня подобная возможность, как мне кажется, блокируется нерешенностью арабо-израильского конфликта и продолжением израильской оккупации палестинских территорий. Палестинцы, утрачивая веру в возможность создания собственного государства, все чаще обращаются к идее создания единого демократического арабо-еврейского государства. Однако они осознают, что альтернативы концепции двух государств все равно не существует и разговоры о едином государстве обречены на то, чтобы остаться разговорами.

В то же время эта концепция получает поддержку со стороны ряда отдельных западных критиков Израиля, которых становится все больше, в том числе и среди еврейской общины США. Даже критическая реакция западных лидеров на резкое высказывание турецкого премьера Эрдогана, сравнившего сионизм с фашизмом, хотя и не заставила себя ждать, все же была относительно мягкой. Напротив, именно после этого Обама выдал из Нетаньяху извинение за нападение на турецкую флотилию, направлявшуюся в Газу, в результате которого погибли 9 турецких граждан. Мое внимание обратила на себя опубликованная в «Нью-Йорк таймс» статья профессора философии из Массачусетского университета в Амхерсте Джозефа Левина. Автор подвергает сомнению привычную интерпретацию отрицания права Израиля на существование как проявление антисемитизма. Он пишет: «Моя точка зрения состоит в том, что *необходимо* подвергать сомнению право Израиля на существование и что поступать таким образом вовсе не означает проявлять антисемитизм». Но добавляет: «если речь идет о его существовании *как еврейского государства*». По мнению Левина, за евреями безоговорочно должно быть признано право жить на земле предков, но оно все же не влечет за собой право на «еврейское государство». Кстати, в XIII–XIX веках, когда евреи вели борьбу за эмансипацию, сломав стены гетто, они считали антисемитизмом

¹ Allawi A. Op. cit. P. 189.

² Pieterse I. N. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanham : Rowman and Littlefield, 2009. P. 44.

³ Ibid. P. 55, 102.

любое отрицание своего права быть лояльными гражданами того европейского государства, в котором они проживали. Дж. Левин призывает не подменять понятие народа в гражданском смысле понятием, основанным на этничности (что вполне напоминает дискуссии, ведущиеся сегодня в нашей стране по поводу «российской нации»). Народ в этническом смысле, подчеркивает Левин, должен иметь общий язык, культуру, историю и привязанность к общей территории, что делает применимость этого понятия к евреям трудным. Народ в гражданском смысле объединен общим гражданством и проживанием на имеющей очерченные границы территории. Однако 20 % жителей Израиля — не евреи, а большая часть мирового еврейства не живет в Израиле. В гражданском смысле следовало бы говорить об израильском государстве, а не о еврейском.

Не буду приводить все непривычные для западного дискурса и вызывающие раздражение в Израиле рассуждения Левина на эту тему. Упомяну лишь его вывод, состоящий в том, что исключение из полноправного вхождения в народ Израиля его нееврейских граждан (в основном палестинцев) нарушает демократический принцип равенства всех его граждан. Левин говорит о «неизбежном конфликте между понятиями еврейского государства и демократического государства». Недавно в Израиле стали негодовать по поводу исключения ультраортодоксальных партий из правящей коалиции, замечает автор, но никто там даже не замечает того, что ни одну арабскую партию никогда не приглашали войти в правительство. Замечу, что авторов подобных высказываний в Израиле обычно клеймят как self-hating Jews, то есть «ненавидящих самих себя евреев»¹. Кстати, к числу подобных причисляются такие известные личности, как Джордж Сорос, Вуди Аллен, Ури Авнери, Сэнди Бергер и другие, подвергающие Израиль критике за те или иные аспекты его политики. Это проявление все того же кризиса идентичности, а также и характерного для израильского истеблишмента «менталитета окруженности», который отмечают многие авторы.

Нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими типологическую близость позиций живущих в Израиле палестинских арабов и *мизрахим* — евреев, вышедших из стран Ближнего Востока и Северной Африки. И те и другие считают себя «жертвами ашкеназийского сионизма», подвергаясь дискриминации, которая превращает их — хотя и по-разному — в маргиналов. Как заключает Аталия Омер, если палестинские арабы строят свой протест на парадигме прав человека, «аргументация *мизрахим* возводит систематическое неравенство, характерное для израильского “государства”, к его эксклюзивистскому, этнореспубликанскому пониманию “нации”»².

Кризис идентичности неразрывно связан с устойчивостью современной системы наций-государств. В последние десятилетия, как известно, распался целый ряд

таких государств в различных регионах мира (СССР, Югославия, Чехословакия, Судан), образовались новые. Феномен «арабской весны» заставил некоторых экспертов и политиков заговорить о кризисе постколониальной конфигурации Ближнего Востока³, или о конце системы Сайкс–Пико, созданной после Первой мировой войны. Историки вспоминают, насколько произвольно и в какой спешке в офисах французских и британских колонизаторов чертились границы между частями отвоеванных у Османской империи арабских вилайетов. На некоторых международных конференциях тема «конца Сайкс–Пико» стала названием секций (например, на весьма авторитетном Стамбульском форуме 2013 г.). На том же форуме годом ранее один известный турецкий автор, говоря о причинах «арабской весны», в качестве одной из них называл то, что арабские страны будто бы не знали своей национальной государственности, а были созданы «из осколков Османской империи». В этом утверждении он странном образом проигнорировал тот факт, что, к примеру, протяженная египетская государственность, несмотря на периоды иностранного господства, насчитывает, в отличие от Турции, несколько тысячелетий. Безусловно, за этим высказыванием стоит популярный сегодня в Турции неоосманский дискурс, который, в свою очередь, также свидетельствует о том, что постимперская национальная государственность Турции еще не вполне укоренена в сознании турок. Я думаю, что политика Анкары в отношении сирийского кризиса была отчасти продиктована и тем, что часть турецкой политической элиты склонна рассматривать Сирию именно в качестве вышеупомянутого «осколка» как минимум одной из составляющих «стратегической глубины».

Французский аналитик, экс-посол Жан-Поль Филью считает, что система постколониальных границ и очерченных ими государственных образований изжила себя⁴. В странах самого Ближнего Востока подобный дискурс встречается не реже. А иранские исследователи Сейед Абдулали Гавам и Мохаммад Гейзари вообще заявляют о том, что сама концепция нации-государства, подобно идеологии национализма, на Ближний Восток была импортирована с Запада⁵.

Отмечу, что уже упоминавшийся Иан Н. Питерс полагает, что лишь эпоха с 1840 по 1960 год была эпохой «наций», и «темной стороной нациестроительства были маргинализация, изгнание, экспроприация, угнетение иностранцев, а также политика национальных чисток. Турция (армяне и другие), Германия (евреи), Уганда (индийцы), Нигерия (ганцы), Болгария (этнические турки), Индия (мусульмане) являются знакомыми примерами... но это лишь верхушка айсберга»⁶. В последние же десятилетия «пафос наций-государств» несколько поубавился и ему на смену приходят «глобализация, регионализм и эпоха этничности». Становится

³ См., например: *Ayad C. La fin d'un Ordre Colonial // Le Monde*. 2013. 15 Febr.

⁴ См.: *Filiu J.-P. The Arab Revolution — Ten Lessons from the Democratic Uprising*. Oxford : Oxford University Press, 2011.

⁵ *Ghava S. A., Gheisari M. Nationalism and Nation-State Building in the Middle East // Middle East Studies Quarterly, 71 / Center for Scientific Research and Middle East Strategic Studies*. 2013. Vol. 19. № 4. P. 11–36.

⁶ *Pieterse I. N. Op. cit. P. 34–35.*

¹ См.: *Siniver A. Israeli Identities and the Politics of Threat: A Constructivist Interpretation // Ethnopolitics*. 2012. Mar. Vol. 11. Iss. 1. P. 35–36.

² *Omer A. When Peace Is Not Enough: How the Israeli Peace Camp Thinks about Religion, Nationalism, and Justice*. Chicago : The University of Chicago Press, 2013. P. 268.

общепризнанной роль диаспор, «национальные» идентичности видятся как смешанные, сохранение культурного разнообразия становится общепризнанным императивом.

Тем не менее именно отношение к иммигрантам стало одной из линий водораздела между сторонниками различных моделей развития России, однако здесь националисты и западники нередко объединяются в стремлении ограничить приток «чужих» в страну. И это притом что речь идет о наших бывших соотечественниках по Советскому Союзу. Вообще всякие ограничения на перемещения людей представляют собой сопротивление глобализации, в которой из трех потоков свободного глобального циркулирования (капиталов и товаров, информации, людей) лишь два первых никто не может остановить (экономический и культурный протекционизм в целом не имеет успеха). Уместно упомянуть здесь, что Дани Родрик пишет о «трилемме» несовместимости гиперглобализации, демократии и национального самоопределения, исходя из того, что первая глобальна по сути, вторая является уделом государств, а самоопределение национально по определению¹.

Еще в XVIII веке Эрнест Ренан говорил о «нации» как о «ежедневном плебисците»². Знаменитый французский философ, бесспорно, имел в виду то, что единство и сплоченность нации были обеспечены лишь постольку, поскольку принадлежащие к этому сообществу люди в это верили.

В связи с часто обсуждаемой темой о высоком уровне насилия, непосредственно связанной с проблемами меж- и внутриконфессиональных, межнациональных отношений, идентификационного выбора и судеб наций-государств в контексте «арабской весны», замечу, что и за пределами арабского и исламского мира можно найти немало примеров ожесточения. Американский автор Кристофер Хитченс с долей язвительности пишет, что не может отказать далай-ламе «в некотором обаянии и привлекательности», но то же самое можно сказать и об английской королеве, что, однако, никому не запрещает подвергать критике прин-

цип наследственной монархии. «Точно так же первые иностранные визитеры в Тибет откровенно ужаснулись феодальному подчинению и страшным наказаниям, с помощью которых население удерживали в состоянии рабства у паразитической монашеской элиты»³. Этот же автор обращает внимание на то, что и среди приверженцев таких вроде бы мирных религий, как индуизм и буддизм, есть немало убийц и садистов. Такие факты действительно широко известны. Прекрасный остров Цейлон оказался сильно разрушенным благодаря насилию и репрессиям в ходе длительного вооруженного конфликта между буддистами и индуистами, напоминает Хитченс. Даже замена буддистами-сингалами названия острова на Шри-Ланку (точнее на «Сри-Ланку»), что означает по-сингальски «Священный остров», оттолкнула находящихся в меньшинстве индуистов-тамиллов, предпочитающих называть его по-своему — Илам⁴. В то же время дискриминация тамиллов ни в коей мере не является оправданием широко используемого ими способа мести за обиды — террористических актов смертников или в основном смертниц⁵.

В сегодняшней Бирме, также переименованной в Мьянму (точнее в Мьянмар), несмотря на начавшийся процесс демократизации, жестоким преследованиям подвергается мусульманское меньшинство — рохинджа (их численность — до 800 тыс. человек), в результате чего власти этой страны и ее буддийская община (особенно араканцы, живущие бок о бок с мусульманами) стали объектом непримиримой критики со стороны практически всего исламского мира, вплоть до призывов к джихаду со стороны отдельных радикальных групп. В сегодняшней Африке некоторые приверженцы христианских сект повинны в жестоких убийствах мусульман.

Все вышесказанное делает межцивилизационный диалог неоспоримо важным инструментом предотвращения перерастания враждебности, порожденной идентификационным кризисом этносов, конфессий, обществ и государств эпохи гиперглобализации, в кровопролитные войны.

¹ См.: *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N. Y. : W. W. Norton, 2011.

² *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? P. : Ancienne Maison Michel Lévy Frères, 1882.

³ *Hitchens C.* God is not Great: How Religion Poisons Everything. N. Y. ; Boston : Twelve, 2009. P. 200.

⁴ *Ibid.* P. 199.

⁵ Их готовило повстанческое движение «Тигры освобождения Тамил-Илама».

С. Б. Никонова¹

МИСТИЧЕСКИЙ «ЧУЖОЙ» ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Разделение на «свое» и «чужое» для человеческого сознания можно назвать базовым. Оно составляет основание возможности самоидентификации: актом подобного разделения мое «я» приобретает оформленность. Но тем же актом оно обретает и смертность. Потому древнекитайские даосы возможность преодоления смертности видели в устранении границ и различий, а греческий философ Анаксимандр говорил о виновности рождения и бесчинстве, осуществляемом распавшимися вещами друг по отношению друг. Однако без этого разделения невозможен бы был и упорядоченный, постижимый мир форм.

Но здесь мы сталкиваемся уже с высокой степенью осмысления состояния разделенности. На более изначальном уровне оно явлено в упорядочивающем архаическом социуме противопоставлении дружеского и вражеского, благоприятного и вредоносного, собственного и чуждого. На этом основании проводятся разграничения в обществе, устанавливаются границы. И как разнородны пространства земли, так разнородными оказываются и человеческие установления. То, что побуждает их к борьбе между собой, к неприятию друг друга, является и основанием их пестрого многообразия, или, пользуясь словами К. Леонтьева, «цветущей сложности» культуры, которая и есть ее пиковая стадия, свидетельство интенсивности ее развития. Источник кровавой распри — он же источник гармонии и красоты.

Но откуда берется взгляд, способный воспринимать многообразие различий как красоту и даже требовать ее? Откуда берется взгляд, не только отторгающий «чужое», незнакомое, но заинтересованный в нем, готовый признать и осмыслить его возможность, найти в нем экзотическую привлекательность? Это взгляд гуманиста, приветствующего многообразие, взгляд герменевта, вживающегося в иное, чтобы понять его, и это же взгляд эстета, отстраненно оценивающего представляющие перед ним объекты, взгляд ученого, классифицирующего формы человеческой жизни.

Осознанной эта тенденция становится в конце XIX века. Она осмысливается философией жизни и становится основой для формирования гуманитарных наук. Она противоречива: гуманистична и нигилистична одновременно. Новый взгляд заинтересован в «чужом», а не только в «своем», потому что для него «свое», родное, особое, уже не так уж живо, а потому не так уж значимо. Ученый не умирает за собственную веру, но обладает всеобщим знанием, что К. Ясперс ярко показал в работе «Философская вера» на примере различия между позициями Бруно и Галилея. Хотя речь

здесь идет о становлении естественно-научного знания, этот переход раскрывает суть происходящего процесса.

Развитие естественно-научного знания подогрелось живым и страстным интересом к «своему»: к своему благу, своему могуществу, к могуществу и процветанию своего государства, потому развитие науки было прочно связано с потребностями войны, во многом нацелено не на абстрактный поиск, а на изобретение оружия. Но на этом пути совершается существенный переворот во всем мировосприятии, который К. Шмитт неслучайно назвал «революцией пространства».

«Революция пространства» делает пространство однородным, лишенным ценностных различий. Это пространство классической физики: абсолютноеместище, в котором действует единый универсальный закон. Это глобальное пространство мировой торговли. Это пространство перспективистской живописи, подчиненное лишь перемещению взгляда субъекта. Это равно священное и равно профанное пространство лютеранской веры, для которой нет такого места, которое было бы чуждым Богу и не предназначенным для молитвы, но в котором собственная вера молящегося есть тайна, недоступная никаким выражениям, никаким пространственным образам. В равномерном и равно объективном механическом пространстве субъект проскальзывает как упорядочивающий его подвижный центр, как корабль по текучей равномерности моря. Потому этот переход Шмитт связывает с преобладанием морских цивилизаций над сухопутными. Морская цивилизация — это цивилизация пиратов, захватчиков, для которых вся суша есть лишь еще не покоренная территория, и также цивилизация опытных торговцев, для которых все сухопутные различия есть возможный для обмена товар. Все есть условие для роста капитала как единого эквивалента любых предметов, различающихся между собой. Потому «революция пространства» есть начало капитализма, уравнивающего и демократизирующего все, устраняющего все иерархии, истребляющего все сословия.

«Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль», — пишут в своем знаменитом «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс. И далее рисуют потрясающую картину деяний буржуазии: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем». А также упоминается и нечто не связанное, казалось бы, напрямую с этим экономическим процессом: «Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор 75 научных публикаций, в т. ч.: «Реализация виртуального в аудиовизуальном пространстве новых медиа», «Глобализация—образование—искусство: к проблеме сохранения гуманитарных знаний в контексте универсализации культуры», «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое филогическое мышление».

и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература».

Единое пространство ценностей, единая человеческая культура формируются по той же схеме, что и единое экономическое пространство. Они формируются за счет того, что в этом пространстве не остается ничего «чужого», а различие может представлять собой лишь эстетический интерес. Потому ученый-гуманитарий, живающийся в «чужое», продолжает ту же линию, что и ученый-естественник, универсализирующий пространство для власти субъекта, и торговец-буржуа, превращающий все многообразие в товар.

Однако это стирание различия своего и чужого позволяет проявиться и дойти до осознанности фундаментальной структуры мышления — первичного акта отделения. Акт отделения вводит в мир разрывы, пустоты, он выделяет бытие на фоне небытия. Потому в начале XX века М. Хайдеггер может сказать, что основным метафизическим вопросом является вопрос о Ничто. В самой способности мыслить, сознавать себя, быть субъектом скрыто Ничто. Ничто разрывает сущее, и в разрывы проглядывает пугающая тайна мира — то абсолютно Иное, по сравнению с чем все сущее есть свое, понятное, близкое и по сравнению с чем все сущее безразлично и ничтожно мало.

В условиях экзистенциального сосредоточения на сознании субъекта, для которого все равно интересно и в то же время равно безразлично, «чужое» являет себя в новой форме. Это форма абсолютной инаковости, мистической опасности, абсолютного превосходства или абсолютного зла.

Вопреки распространенному мнению кажется возможным утверждать: художественные образы монстров не являются выражением скрытого страха перед чужими людьми, представителями враждебных классов, чужих культур. Напротив, страх перед чужеродными элементами, чужими классами и чужими культурами, как и страх перед монстрами из книг и фильмов, — это персонификация мистического ужаса перед Ничто. Этот ужас проявляет себя тем навязчивее, чем мир становится однороднее, глобальнее и чем субъект в большей мере осознает себя властвующим центром этого мира.

Так, в романе Г. Мелвилла моряку-китобою, бороздящему океаны уже не в поисках новой земли, не с целью налаживания торговли, и тем более не с той

утилитарной целью, для коей предназначено китобойное судно, этому пирату-захватчику, каковым оказался новоевропейский субъект, одержимому уже не идеей прогресса, но непрерывной бесконечностью трансгрессии, выхода за пределы самого себя в то Ничто, которое дает ему быть собою, никогда с собою не совпадая, лишая покоя, заставляя продвигаться все дальше, куда он не подвергнется самораспаду, противостоит лишь немыслимое морское чудовище — Белый кит: нечеловеческое, неведомое, равнодушно увлекающее жаждащего его покорить преследователя в пучину. Ибо что угодно из сущего может быть покоренным, но не утолит жажды субъекта, но то, перед чем все сущее становится ничтожным, есть само уничтожающее субъекта Ничто.

Интересно изменение, которое претерпевает отношение к этим монструозным образам в современном мире. Вселяющее ужас, тревожащее в качестве абсолютно иного, подлинно чуждого постепенно становится все более соблазнительным, преодолевая однообразную плоскость глобального пространства. Но в попытке как-то приблизить его, дотронуться до него, оно принижается и опошляется. Не только Мировой океан со всеми его тайнами, но даже космическое пространство оказывается зоной использования и развлечения, связанного с потрясающим азартом, вызываемым чуждостью и опасностью, но вероятность этой опасности контролируется множеством агентств и социальных служб, чтобы если не исключить, то смягчить последствия риска. Но по мере того как образы ужаса одомашниваются средствами масс-медиа, страх перед абсолютно чужим становится все неопределеннее, рассеивается кругом — от бытового мистицизма до параноидального опасения перед незнакомцем на улице, так что почти все неизвестное, с чем можно столкнуться в жизни, становится потенциально ужасным. В мире, где нет чужих, чужим является все. И только погружение в окончательную имманентность, которая вовсе устранила бы сознание, могло бы остановить этот нарастающий процесс. Или же установление новых границ своего и чужого — как в первобытном мире. Или же удержание себя в сознании Ничто — в ожидании Кита, который для некоего искателя, отклонившегося в своих странствиях от всех известных науке и бизнесу магистралей, белой тенью восстанет из неведомой глубины.

В. Ф. Петренко¹

МИРООЩУЩЕНИЕ ВСЕДИНСТВА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Под культурой мы понимаем всю совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, языки жестов, живопись, архитектуру, музыку, языки математики и программирования, невербальные символы и дизайн, ритуалы, вербальные и невербальные коды и пр.), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты. Доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее множество национальных языков.

При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании индивидуального и общественного сознания. Широко известно высказывание Мартина Хайдеггера: «Язык — дом бытия» и высказывание Людвиг Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». В наших совместных с В. В. Кучеренко исследованиях показано, что блокирование с помощью гипноза тех или иных значений ведет к выпадению из сознания фрагментов мира, связанных с заблокированными значениями.

Например, при гипнотическом блокировании значения слова «курить» испытуемый не видит не только сигарет и пепельницы, полной окурков, но и спичек (как предмета, связанного с прикуриванием) и даже зажигалки. Но может и видеть эту зажигалку. Вертит ее в руках и говорит: «Какой-то цилиндр, возможно из-под валидола». Если запрещенный объект достаточно громоздкий, то испытуемый обходит «невидимый объект», а не пытается пройти сквозь него. То есть, опуская доказательные детали исследования, можно утверждать, что испытуемый видит «запрещенный» объект и рефлексивно действует исходя из этого, но не осознает его. Так можно развести процессы видения аспектов, фрагментов мира и осознания их. Из связи языка и сознания вытекает так называемая гипотеза лингвистической относительности Сепира и Уорфа, гласящая, что разные языки определяют разное видение мира. А если следовать конструктивистской методологии, согласно которой в познании мы не отражаем «объективную действительность», а строим различные модели бытия, то носители различных языков пребывают в нескольких различных мирах, а национальные культуры выступают, согласно Борхесу, как «сад расходящихся тропок», обеспечивая генетическое многообразие единого человечества. В этом плане можно сказать, что существуют не только диалог культур и взаимообмен достижениями культуры и техники, но и конкуренция культур, борьба за распространение своего национального язы-

ка и мировоззрения. Так разные культуры конструируют разные миры бытия, с различными «моделями потребного будущего» (термин Н. А. Берштейна), разной системой ценностей и различающимися утопиями.

Даже логика разных культур может частично не совпадать. Сошлюсь на работы А. В. Смирнова [14] об арабской логике, Г. Д. Тинля [18] о буддийской логике и приведу пример суждения из буддизма, отрицающего логику «исключенного третьего», где «отрицание великой истины есть тоже великая истина». Кстати, и само понятие истины имеет религиозные корни и является, как пишет А. П. Назаретян, «мифологическим понятием» (тем не менее принятым на вооружение как в марксистской философии, так и в позитивизме). Представление о том, что познание «объективной действительности», независимой от позиции наблюдателя («того, что есть на самом деле»), приводит к обнаружению истины, соответствует «ленинской теории отражения» или ее западному аналогу — «копирующей теории истины».

Философия постнеклассической рациональности [15; 16] и методология конструктивизма [2; 9; 10] исходят из того, что наше познание не имеет возможности непосредственно отображать «вещь в себе» и тем самым «открывать истину», а создает конкурирующие модели бытия, характеризующиеся различной предсказательной, эвристической силой, уровнем обобщения и полноты и даже красотой и этикой. Роль наблюдателя в создании модели отмечали и Нильс Бор, и Вернер Гейзенберг, а современные квантовые физики Роджер Пенроуз и Михаил Менский даже говорят о присутствии сознания в редукции волновой функции. Так или иначе, никто не будет спорить о том, что национальные культуры несут в себе имплицитную этику, фиксированную обычно в религиях, и содержат различные идеологемы, в чем-то совпадающие, а в чем-то различные, поэтому можно говорить как о диалоге и взаимовлиянии, так и о конкуренции различных культур, где ядром культуры выступает широко понимаемый национальный язык, включающий как вербальные, так и невербальные компоненты.

Сохранность нации, ее идентичность обеспечиваются прежде всего национальной культурой и языком. В этом плане в современной России акцент делается в первую очередь на утверждение государственности и в гораздо меньшей степени на сохранение и развитие культуры и языка. Гуманитарная наука рассматривается как нечто второстепенное и малосущественное. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся попытки сократить гуманитарные исследовательские институты. Например, мне по Интернету пришли просьбы подписать петиции в защиту Института искусствознания, Центра Рериха. В подвешенном состоянии находятся Институт философии РАН, Психологический институт РАО, у которых собираются отобрать занимаемые здания. Государство не финансирует создание новых гуманитарных центров науки, а наши олигархи, создавшие свои капиталы на присвоении общенародной

¹ Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН.

собственности, предпочитают финансировать футбольные клубы.

Тем не менее, как показывают события на Украине, использование русского языка и культуры может стать определяющим политическим фактором. Правительства приходят и уходят (или их «уходят»), а принадлежность к тому или иному языку и культуре остается и задает вектор цивилизационного развития. Во Франции был введен закон об охране французского языка, согласно которому конференции и иные научные мероприятия на территории страны должны проводиться на французском языке. Такая языковая политика требует, конечно, больших затрат на переводы литературы и оплату синхронных переводчиков для иностранцев, но стимулирует развитие научного национального языка. В нашем национальном парламенте — Думе — дальше ЛДПРовских предложений что-то ограничить и запретить, не вложив в развитие и распространение языка ни рубля, дело не идет.

Доходит до абсурда: в стремлении поднять уровень публикаций до мирового в отчетности гуманитарных институтов и вновь формируемых научных фондов вводят обязательное требование высоких показателей цитирования по зарубежным индексам “*web of science*” и “*scopus*” (при наличии российского РИНЦ), тем самым отдавая оценку качества отечественной гуманитарной науки зарубежным экспертам, редакторам и издателям. Недавно я по скайпу спорил с иностранным коллегой на предмет существования национальной науки. «Не бывает русской или американской физики», — утверждал он, и с этим можно согласиться, хотя и с оговорками о влиянии национальных методологических школ на большую науку. Но применительно к гуманитарному знанию, на мой взгляд, можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (философии, психологии, социологии, истории, филологии и праве) всегда присутствует аксиологический компонент, присущий данной культуре.

По моему мнению, гуманитарная культура не может не быть национальной (общечеловеческий компонент культуры, задающий Всеединство, будет рассмотрен ниже). Через усвоение языков идет приобщение к иноязычной культуре. Во времена, когда я сам был студентом МГУ, вместе со мной учились, наверное, четверть курса иностранных студентов, многие из них потом стали полпредами российской культуры в своих странах. Благодаря ректору В. А. Садовничему уже в наши дни созданы и успешно функционируют филиалы МГУ в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, а благодаря Ю. М. Лужкову еще и в Севастополе, в бывших Лазаревских казармах. Такие научные, культурные и образовательные центры не только формируют дружественную нашей стране интеллигенцию, но и тем самым выступают форпостом русской культуры.

Разработанные методы психосемантики [2; 8; 9] с помощью построения многомерных семантических пространств позволяют проводить анализ менталитета населения стран, с которыми мы вступаем в политический и культурный диалог, реконструировать картину мира этих людей. Для ведения диалога необходимо представлять картину мира индивидуального или кол-

лективного собеседника, знать категориальную структуру его сознания, его когнитивную сложность и содержание бессознательных установок. Остановимся на когнитивной сложности. Этот параметр характеризует мерность сознания, количество категорий (конструктов), в рамках которых происходит осознание той или иной содержательной области. Например, американский психолог Чарльз Осгуд провел исследование восприятия людьми абстрактной живописи. Испытуемые оценивали картины по множеству шкал, а затем полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного анализа. И если большинство обывателей использовали только одну оценочную категорию «нравится — не нравится», то, по данным профессиональных художников, факторный анализ выявил от 5 до 9 факторов, по которым различаются картины.

Сознание гетерогенно, и человек может иметь высокую когнитивную сложность, скажем, в области восприятия футбольных команд и низкую — в сфере искусства, высокую — в сфере экономики и низкую — в политике. При этом в политике низкая когнитивная сложность ведет к неустойчивости убеждений, возможности их кардинальной трансформации. А. П. Назаретян в недавно вышедшей книге «Нелинейное будущее» [5] пишет о своей работе в советское время с иностранными студентами. Многие учащиеся левых взглядов имели весьма восторженные, но стереотипные представления об СССР. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком, полагали они (термин «коррупция» тогда был еще не в моде), то и нет причин криминального поведения. При столкновении с несправедливостью и лицемерием некоторые из этих восторженных поклонников социализма подчас меняли установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Противоядием от таких трансформаций-перевертышей служит увеличение когнитивной сложности сознания. В специальных исследованиях [8] мы строили семантические пространства политических партий начиная с 1989 года. Интерес представляла как размерность этого пространства — число независимых факторов, так и содержание категорий-факторов, по которым различались эти партии, а также позиции конкретных партий внутри этого пространства. Напомним, что одномерное деление на левых и правых вошло в политический лексикон со времен французского Конвента, где якобинцы сидели в амфитеатре слева, а жирондисты — справа.

Наше исследование, проведенное в 1990 году, на исходе горбачевской перестройки, выявило четырехмерную структуру семантического (идеологического) пространства, а содержание выделенных факторов, где первые два интерпретировались как «отвержение — принятие коммунистической идеологии» и «сохранение СССР — превращение его в конфедерацию или союз независимых государств», показывало возможность его распада. Повторные исследования политического пространства уже Российской Федерации в 1991, 1993 и 1995 годах выявили последовательное нарастание когнитивной сложности общественного сознания россиян. Не берусь судить о ее состоянии в настоящее время, так как больше таких трудоемких

исследований мы не проводили, но думаю, что она уменьшилась. Когнитивная сложность, определяющая многомерность сознания, формируется при полифонии диалога [1], при наличии множественности точек зрения. Поэтому, в частности, реализация идеи единых учебников по истории или литературе будет вести к формированию «одномерной личности», что неадекватно даже с точки зрения политической прагматики, ибо одномерность ведет либо к фанатизму, либо к неустойчивости убеждений.

Как язык, так и сознание имеет уровневое строение. Наряду с понятиями, обеспечивающими наиболее ясное осознание, в языке существуют синкреты, символы, комплексы, псевдопонятия, определяющие тот или иной уровень осознанности. Этот семиотический ряд выстраивается по степени образности–знаковости, от образа, могущего выступать представителем целого класса сходных объектов, до условного знака, план содержания и план выражения которого полностью конвенциональны и условны.

Другой параметр, по которому отличаются представители семиотического ряда, связан с многозначностью–однозначностью плана содержания знаковой формы и выстраивается от многозначного символа, имеющего множество семантических компонентов и соответственно множественную интерпретацию, до математического символа (называющегося так скорее по недоразумению, поскольку это типичный знак), имеющего однозначную интерпретацию. Согласно Зигмунду Фрейду, индивидуальное или личностное бессознательное «разговаривает» с субъектом на языке символов, то есть осознание происходит в «мягком языке», допускающем множественную интерпретацию. Но помимо индивидуального бессознательного Карл Юнг [19] выделяет коллективное бессознательное, использующее универсальные символы, присущие всему человечеству и тем самым обеспечивающие семиотическую интеграцию человечества в единую семиотическую целостность. Юнг прибегает к метафоре, сравнивая коллективное бессознательное с мангровым деревом, где на поверхности мы видим множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым.

На языке квантовой механики [4; 7] мы бы сказали о связности (перепутанности), задающей целостность или всеединство бытия. Эксперименты А. Аспекта [11] доказали, что сугубо локальных событий не существует: все процессы во Вселенной взаимосвязаны.

Здесь мироощущение квантовой физики смыкается с философией всеединства русского православного экзистенциализма (В. С. Трубецкой, С. Л. Франк, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и философией буддизма, в своих медитациях снимающего субъект–объектную оппозицию или, говоря языком буддизма, «снимающего иллюзию двойственности» и растворяющего индивидуальность в мироощущении Единого. За счет интеграции в Едином бессознательное обладает информационной мощностью, на несколько порядков превышающую информационную мощность сознания (в принципе никто не мерил, да и методы оценки информационной мощности отсутствуют).

А. Р. Лурия утверждал, что человек помнит абсолютно все, с чем сталкивался в своей жизни. Проблема в том, как извлечь эту информацию в случае необходимости. Напомню, что детектор лжи был в свое время разработан американцами на основе методики сопряженных моторных реакций Лурия [3]. С помощью разработанного В. В. Кучеренко метода сенсомоторного психосинтеза, близкого к гипнотической технике, можно восстановить в памяти человека, как он был, например, одет в определенный день в трехлетнем возрасте или что ел в этот день на завтрак. В настоящее время эта техника используется его учениками в работе следственного отдела Российской Федерации.

Например, можно актуализовать в памяти свидетеля номер машины, виденный им случайно много месяцев назад. Карл Прибрам [12] разработал голографическую модель памяти, практически неограниченной по объему хранимой в ней информации. Связность нелокальной информации, хранящейся в бессознательном, делает его источником креативности и творчества (В. Н. Пушкин, В. В. Налимов, О. К. Тихомиров). Отсюда вход в бессознательное, присущий практически всем религиозным практикам в форме медитации, молитвы, созерцания, динамической медитации в танцах дервишей, психотехникам в духе холотропного дыхания А. Грофа, пиковым переживаниям (термин А. Маслоу), таким как предельные страдания, любовь, восторг и т. п.

Тематика бессознательного, продолжающая идеи Юнга, представлена в трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейдджер, М. Мерфи, К. Уилбер, В. В. Козлов, В. В. Майков), исследующей процессы бессознательного в контексте интегрального бытия и единства мировосприятия.

Подводя итог этого краткого обзора, можно выделить ряд положений, требующих развернутых исследований и доказательств.

Культура как открытая самоорганизующаяся система, подобно живому организму, нуждается в притоке инокультурной информации (аналог генетического обмена живых организмов внутри одного вида, в нашем случае человеческого), обеспеченной внешним диалогом.

Культуре как живому организму свойствен инстинкт самосохранения («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»). Поэтому наряду с диалогом культур необходимо существуют и конкуренция, борьба за сохранение своей национальной культуры, своего языка, а возможно, и экспансия и расширение зоны распространения.

Наряду с диалогом и конкуренцией культур с помощью семиотических средств, из которых ведущая роль принадлежит естественным языкам, существует культурный диалог и конкуренция на уровне коллективного бессознательного, что требует, в свою очередь, его детального изучения.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1972.
2. Келли Дж. Теории личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли. — СПб.: Речь, 2000.

3. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
4. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика / М. Б. Менский. — Фрязино : Век-2, 2011.
5. Назаретян А. П. Нелинейное будущее / А. П. Назаретян. — М. : МБА, 2013.
6. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. — М. : Академ. проект, 2011.
7. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. — М. : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
8. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета) / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. — М., 1997.
9. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. — М. : Эксмо, 2010.
10. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. — М. : Эксмо, 2013.
11. Петренко В. Ф. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли объективная действительность?

Неоконченный спор Бора с Эйнштейном / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Известия Иркутского ун-та. Сер. «Психология». — 2013. — № 2. — С. 62–82.

12. Прибрам К. Языки Мозга / К. Прибрам. — М. : Прогресс, 1975.
13. Семиотика и искусствометрия / под ред. Ю. Лотмана. — М., 1972.
14. Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. — М. : Языки славянской культуры, 2001.
15. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М., 2000.
16. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2003. — № 8. — С. 5–17.
17. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев. — М. : Мысль, 1988.
18. Тинлей Г. Д. Буддийская логика / Г. Д. Тинлей. — Улан-Удэ : Дже Цонкапа, 2011.
19. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 2012.

Васил Проданов¹

СЕМЬ КУЛЬТУР ГЛОБАЛИЗОВАННОГО НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

«Семь культур капитализма» — популярная работа Ч. Хэмпдена-Тернера и Ф. Тромпенаарса, где они пытаются анализировать мир сквозь призму идеи о его разделении уже не на противоположные военно-политические системы, а на различные культурные ареалы, в которых наиболее успешно развивается капитализм². Далее мы тоже будем говорить о «семи культурах капитализма», но не разделенных по географическому принципу на планете, а сосуществующих и взаимодействующих в глобализованной публичной сфере сегодня. Это, соответственно, культуры индивидуального успеха, скандала, порнофикации, страха, имиджа, развлечений, насилия, превращающиеся в основные доминанты содержания и функций медиаструктур и публичной сферы, которую они создают. Общим знаменателем для них является факт, что это наиболее продаваемые на капиталистическом рынке культуры, культурные продукты, пользующиеся наибольшим спросом. Публичное пространство функционирует через постоянное взаимодействие этих семи культур, являющихся основными измерениями глобализованного культурного рынка.

¹ Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дельзимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода» и др. Член редколлегии ряда научных журналов.

² См.: Хемпдън-Търнър Ч., Тромпенаарс А. Седемте култури на капитализма: Ценности системи за забогатяване в САЩ, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Швеция и Холандия. Варна : ИК ТедИна, 1995.

Культура индивидуального успеха

В глобализованной и конкурентной рыночной ситуации утверждение совокупности ценностей, целей, стереотипов, воплощающих культуру индивидуального успеха, придает легитимность, имеет основополагающее значение для самого существования этой ситуации. Она есть то, что делает реальность легитимной, объясняет и оправдывает, кто где находится в социальной стратификации и чего следовало бы ожидать, с тем чтобы изменить свое состояние. Культурная гегемония, необходимая для воспроизводства глобализованной рыночной ситуации, реализуется в публичной сфере через образцы и образы тех, кто благодаря шансу или своим личным качествам достиг успеха в жизни и служит референтной группой для миллионов других людей, которые не достигли успеха, но надеются его достичь в будущем. Так, бедный, неимущий, несчастный сравнивает себя не с подобными ему, а с богатыми, имущими, счастливыми и надеется получить то же, что согласно окружающей его культурной и медийной среде достижимо для каждого.

Таким образом, в глобализованном либеральном публичном пространстве предлагаются надежды, мечты, представления о том, что у каждого есть шанс, надо только пробовать, пробовать и снова пробовать. Оно наполнено так называемыми *success stories* — историями успешного человека в эпоху, которую Сюзан Стрейндж еще четверть века назад назвала «казино-капитализмом». «Возрастающая нестабильность делает заклкатыми и в большой степени невольными игроками всех нас», — объясняет она³. Этой

³ См.: *Strange S. Casino Capitalism*. N. Y. : Basil Blackwell, 1986. P. 3.

метафорой описывается современный рыночный капитализм с его гигантской финансовой надстройкой, которая по объему в десятки раз превышает реальную экономику и делает всю экономическую и общественную жизнь в большей степени нестабильной и подверженной риску.

Так, 96–98 % функционирующих на глобальной сцене финансов меняют свое положение в результате спекуляций, когда с риском продаются или покупаются ценные бумаги или валюта с целью получения прибыли. В подобной реальности прибыль и потери являются в высшей степени результатом спекуляций в виртуальной игре ценными бумагами и при обмене валют, когда миллионы людей рискуют, покупая и продавая акции, ценные бумаги, облигации, причем риск выиграть или проиграть во многих отношениях сопоставим с риском выиграть или проиграть в лото и лотерее, на конных состязаниях или в казино.

Образцы успеха предлагаются в двух основных версиях. Первая и ведущая — это версия «общество — казино», где успех является результатом шанса, при котором нет привилегированных участников, он может улыбнуться каждому и каждого обойти. В таком обществе как раз увеличивается число людей, для которых работает бесчисленное количество телевизионных игр, предлагающих огромные суммы и машины, действует система лотерей, казино, ротативок, реалити-шоу, где обыкновенный неизвестный человек вдруг становится знаменитым и богатым. В сущности, процент населения, которое хочет добиться успеха в жизни не через традиционную протестантскую этику, а через «казино-поведение», сопоставим с огромным доминированием спекулятивной экономики над реальной.

Вторая, подчиненная версия — *success story*, распостраненная в качестве образца в либеральном публичном пространстве, основана на успехе человека, достигнутом в результате его индивидуальных усилий и заслуг. Это традиционное либеральное понятие, характерное еще для ранних этапов развития капитализма, которое открывает зависимость между личными качествами, интеллектом, усилиями и достигнутыми результатами в конкурентных условиях. Во времена, когда реальная экономика производства материальных предметов играла ведущую роль, это понятие делало легитимным ее существование. Но сейчас она играет второстепенную роль.

Это понятие способствует и взаимодействует с восприятием успеха как шанса, которым каждый может воспользоваться, и придает легитимность ситуациям, в которых личные усилия и способности совсем не достаточны для достижения успеха в реальности, где результаты зависят от столь многих внешних и независимых от человека глобализованных сил, что шансы на успех сопоставимы с игрой в кости. В этом мире место, которое ты занимаешь, является результатом шанса, и не на кого сердиться и обвинять кого-то в том, что ты оказался в стане проигравших.

Культура скандала

В современной ситуации последнего времени либеральное представительное государство является мак-

симально зависимым от общественного мнения. Оно постоянно проверяется журналистами и социологами, а государство пытается проводить свою политику в соответствии с теми или иными мнениями и обусловленными ими потребностями, что ставит его в сильную зависимость от эмоций, демагогии, пиара и лоббистских воздействий. Здесь существенными являются два момента: первый — скорость создания и падения репутаций, моральных образов как результат огромного количества медиаструктур и почти мгновенных коммуникативных возможностей; второй — это то, что данный процесс реализуется во многих отношениях случайно, по логике теории хаоса, но в то же время закономерно, насколько логика конкурентно функционирующих медиаструктур в перенасыщенном публичном пространстве есть логика зрелища или «общества спектакля», как сказал бы Ги Дебор¹. Однако зрелище невозможно без возгласов типа «Осанна!» и «Распни!», без резких амплитуд, без информационного шока. Ключевым инструментом такого шока являются скандалы, которые превращают нарушения определенных норм, границы нормального, выход за пределы морального и приемлемого права в публичные факты и рассказы, шокирующие моральную чувствительность преобладающего числа граждан. В большинстве случаев это происходит через информацию, искажающую образ, взрывающую репутацию определенных публичных лиц.

Именно поэтому в эпоху обществ, основанных на знании, и при сверхконкуренции репутация, имидж становятся ключевыми факторами успеха отдельных субъектов — политиков, партий, бизнес-субъектов, государств и т. д. Публичное пространство активно заполняется позитивным или негативным пиаром различных субъектов, брендами, «невидимым капиталом», что тоже участвует в его трансформации вне особенностей, которые для него характерны в современную эпоху. Так создаются предпосылки для становления феномена «культуры скандала» и манипуляции через образы, которые не просто все более активно замещают реальность, а являются эффективным инструментом воздействия и изменения этой действительности.

В США Уотергейт и война во Вьетнаме знаменуют начало новой эпохи в публичном пространстве, основным механизмом функционирования которого становится скандал. Медиаструктуры нуждаются в этом скандале как в средстве существования, так же как любое живое существо нуждается в солнце и воздухе.

Культура порнофикации

Развитие современной публичной сферы в XIX и первой половине XX века во многих отношениях следует культурным характеристикам, идущим из протестантской этики и викторианской эпохи, когда сексуальность не присутствовала в публичном пространстве и была ограничена всецело интимной сферой. Это было публичное пространство, создающее социальные предпосылки для схемы Фрейда, согласно которой публичные табу, внешняя цензура загоняют сексуальность в сферу подсознания. Таким же образом

¹ *Debord G. Society of the Spectacle. L. : Rebel Press, 2004.*

развивается публичная сфера социализма, которая на раннем этапе следует аскетизму культурных восприятий ранней модернизации. Сексуальные намеки, язык, подобные проявления — сфера неприличного, что в лучшем случае допустимо в неформальной коммуникации.

Все это начинает изменяться после 1960-х годов с возникновением культуры потребления и леворадикальных бунтов в развитых западных странах, параллельно с появлением новых коммуникаций и изменением отношения между публичным и частным.

Все больше и больше то, что выглядело неприлично, постыдно, вульгарно, просто нецензурно и поэтому неприемлемо для публичной сферы, начало вторгаться в нее в той или иной степени как через СМИ, так и через массовую культуру, опосредованную ими.

Появляется феномен, охарактеризованный как «порнофикация публичной сферы». Предложивший это понятие Джим Слиппер в своей статье «Вне топика порнографии. Одна консервативная трансформация» отмечает, что современный человек живет в своеобразной «эротичной империи», которую он видит на каждом билборде белья, в рекламе, предлагающей лекарства против дисфункции эрекции, на постерах с предложением очередного эротического шоу в очередном эротик-баре, а также на всевозможных кабельных каналах, вторгшихся в нашу жизнь. *«Порнофикация публичной сферы есть эротично-позорный эквивалент пассивного курения, она не так неприятна, как погружение человека в преследование прибыли и рыночной доли. Не называйте ее свободой слова, речь не идет о чувствительных вещах, которые подвергаются цензуре. Речь не идет о художественном искусстве, политике или мнениях соотечественников, единственное социальное послание в этом циничном “давай”:* “Наша компания может обойти твой мозг и сердце и пройти через твои эрогенные зоны и внутренности, чтобы добраться напрямую до твоего кошелька. Ничего личного, между прочим”¹.

Эта тенденция опирается на радикальные изменения в сексуальной этике, сбрасывающей предыдущие социальные табу и регуляторы, превращающие эту сферу всецело в проблему личного выбора и личных прав, куда общество не должно вмешиваться. В мире потребительской культуры обнаженное тело и эротика находятся среди наиболее сильных рекламных воздействий. Нестандартное поведение в сексуальной сфере привлекает особое внимание со стороны медиаструктур, а публичные фигуры с таким поведением превращаются в медийных звезд именно благодаря демонстрации такого отклонения. Особое внимание и мельчайшие детали, с которыми описываются в СМИ такие явления, как проституция, педофилия, различные формы сексуального насилия, превращаются в ведущие новости, а описания весьма часто являются своеобразным руководством к такому поведению. Происходит процесс порнофикации, вульгаризации, упрощения языка, в котором исчезает представление о приличном и неприличном, эвфемистическом и натуралистиче-

ском выражении одних и тех же понятий, связанных с человеческой сексуальностью. Постельные сцены превращаются в обязательный атрибут кино. Табу пали, границы между дозволенным и недозволенным в большинстве случаев исчезли.

Культура страха

В условиях рыночной конкуренции и сверхпредложения культурных продуктов утверждается массовая культура, опирающаяся на чувство тревоги и страха у аудитории, предлагающая все возрастающее количество продукции, в центре внимания которой находятся бедствия, опасности, катастрофы, превращающиеся в любимую пищу для кино и медийной продукции, маркетинга различных продуктов. Самые разные конкурирующие между собой группы в обществе пытаются навязать свои идеи с помощью страха. Политики, СМИ, компании, экологические организации непрерывно озвучивают предупреждения о каких-то предстоящих опасностях, которые невозможно предотвратить, если не следовать тому, что они предлагают. Пиар-стратегии конкурирующих между собой партий в публичном пространстве во многих отношениях являются конкурентными моделями того, какие опасности возникнут, если их конкурент возьмет или сохранит власть, и как каждая из них предотвратит эти опасности, если граждане выберут именно ее.

Страх старости, того, что располнеешь и будешь выглядеть плохо, заболеешь СПИДом или какой-то другой болезнью, страх потери работы или близких людей, того, что что-то случится с твоими детьми, что тебя ограбят, ты потеряешь свой статус, не сможешь добиться успеха ни в одном начинании, что предостит глобальное потепление, финансовые кризисы и тому подобное, — все это является самым легким средством продажи любой продукции, от крема для лица и пищевых добавок до стальных дверей и камер слежения за домом. Все это проникает в публичное пространство и генерирует огромное количество страхов различного вида, подпитываемых снова и снова с помощью информации в публичном пространстве. Массовая манипуляция через страх поддерживает постоянное чувство тревожности, общую атмосферу страха, не связанную с конкретными явлениями, событиями, людьми, которую, однако, очень легко связать и идентифицировать с теми или иными конкретными явлениями и таким образом найти ей оправдание. Так, страх во многих отношениях отрывает человека от его непосредственного опыта и придает негативные значения всяким окружающим его явлениям.

Когда любая из медиаструктур борется за существование, сенсация, шок и особенно страх очень легко превращаются в инструмент, с помощью которого соответствующие медийные центры пытаются завоевать аудиторию. Хорошая новость не пользуется успехом, выгодными являются новости, в которых сообщается о чем-то негативном — коррупции, инфляции, скандалах, убийствах, нарушениях, преступлениях, бедствиях, подорожании товаров и услуг, негативных тенденциях и др. Именно они занимают первые страницы газет и являются ведущими в информационных

¹ *Sleeper J. Behind the Deluge of Porn, a Conservative Sea-Change // Salmagundi. N. Y., 2005.*

емиссиях. Так появляется феномен «культуры страха», проявляющийся в том, что публичная сфера генерирует страх, который непропорционален рискам ежедневной жизни. Шок, страх используются в качестве маркетингового инструмента для привлечения внимания. Применяются разнообразные техники страха — внимательно подбираются факты и оставляются те из них, которые выглядят наиболее ужасными: отдельные социальные события обобщаются и объясняются как представляющие доминирующую тенденцию; переделываются статистика и цифры; стигматизируются определенные социальные группы.

Культура имиджа

Развитие современной публичной сферы до 1970-х годов основывалось на газетах и радио, где в центре внимания находилось предложение информации, в которой образ отсутствовал или играл второстепенную роль. Именно тогда возник взгляд на СМИ как на инструмент передачи информации, представления событий такими, какие они есть. Это публичная сфера, в которой взаимодействия связаны с печатной и устной культурой участников.

Ситуация начинает меняться с развитием телевидения, особенно с 1970-х годов, когда печатная и устная культура постепенно начинает уступать пространство распространяющейся благодаря электронным массмедиа визуальной культуре. В ней внешний вид, телегенность и фотогенность, способ подачи образа того или иного события становятся основной формой предложения информации.

Публичная сфера, которая до этого состояла из миллионов слушателей, все больше замещается пространством, в котором доминируют зрители и человек может получать информацию не только одним, но и большим количеством органов чувств одновременно. Эта новая публичная сфера комплексно вовлекает основные восприятия человека и выглядит намного достовернее, создавая виртуальную имидж-реальность, которая начинает замещать реальную среду человека и превращается в основной фактор, задающий нормы и представления, через которые, как ожидается, он будет воспринимать эту реальную среду. Легче возникают эффекты идентификации с медийными фигурами, перцептуальная иллюзия соучастия в событиях, присутствия на месте, где проходит действие.

Благодаря цифровым фотоаппаратам, камерам наблюдения, в большом количестве расположенным повсюду в городах, появившейся у миллионов людей возможности снимать все что угодно на свой мобильный аппарат, а также в связи с развитием второго поколения Интернета (web 2.0), особенно на сайтах обмена фотографиями, таких как www.flickr.com, и клипами — www.youtube.com, в центре деятельности медиа встают образы. На смену предыдущей «гутенберговой галактике» приходит культура образов, или имиджей, где степень субъективности и эмоциональности восприятия намного сильнее из-за того, что виртуальная среда образов создает намного более сильное ощущение реальности и оказывает большое влияние. При образной информации, особенно учитывая возможности совре-

менной техники, можно конструировать любую реальность, и в ней реальное и вымышленное, возможное и желаемое, существующее и несуществующее очень трудно различить, потому что они в равной степени выглядят достоверно. Более того, поскольку вымышленная образная реальность подстраивается под желания и страхи потребителей, она может выглядеть достовернее эмпиричной реальности человека и таким образом задавать точку отсчета его отношения к непосредственной реальности. Отсюда и возможность манипуляции и вхождения человеческой жизни, восприятий, понимания в мир вымышленного, нереального возрастает более чем когда бы то ни было в истории.

Культура развлечений (игр, шоу)

Если при культуре страха продукт продается благодаря использованию чувства страха, то при культуре развлечений на передний план выходит продажа через воздействие на желания и надежды, мечты и нереалистические ожидания человека, через его идентификацию с красивыми, успешными, удачливыми знаменитостями или шоу-образами. Утверждение восьмичасового рабочего дня в современную эпоху и установление потребительского типа капитализма трансформируют традиционную этику труда и превращают потребление и связанные с ним удовлетворение, игры и развлечения в центр увеличивающегося свободного времени. В высокой степени этому способствует развитие телевидения и вообще технологий воспроизводства образов, происходит сочетание телевидения и кино, и фильмы становятся ведущими в содержании большей части телевизионных каналов.

Публичная сфера, которая действует в соответствии с логикой национальных и глобальных рынков, функционирует, по существу, в рамках потребительского типа стандартов и поведения. Поэтому игры, развлечения, шоу являются другой ключевой характеристикой публичной сферы. Что-либо продается в той степени, в которой оно может дать человеку сильные ощущения, может развлечь, рассмешить, освободить от напряжения, впустить в мечту или желанный мир красивых вещей и людей, которых ему не хватает в реальной жизни, но таким образом он включается в соприкосновение с ними. Так «мыльный» сериал, рок-, поп- или фолк-концерт, телевизионная игра, комедия, в которой за кадром кто-то смеется, постоянные рекламные паузы с предложениями все новых и новых товаров и услуг, которые сделают вашу жизнь лучше, — все это превращается в один из ключевых элементов публичной сферы, формируя мощную культуру развлечений.

Культура насилия

Формально в современных капиталистических обществах либеральной демократии физическое насилие запрещено соответствующими правовыми и воспитательными системами. Попытки такого насилия пресекаются, причем множество гражданских организаций также следят за соблюдением нормы, которая рассматривается как характерная черта цивилизации. Физическое насилие, даже в отношении преступника

или подозреваемого, идет вразрез с существующими нормами. Однако изгнанное из правового мира насилие шествует в виртуальном, превращаясь в симулякр, который оказывает влияние и на реальный мир.

Основными механизмами для достижения этой цели становятся публичная сфера и медиаструктуры, причем любое насилие, даже изолированное, превращается в факт, имеющий право занять ведущее место не только в криминальных хрониках, но часто в заглавиях и репортажах СМИ. Однако насилие, особенно в его образной форме, через телевизионный экран и монитор компьютера, через детские игры и бесчисленных героев боевиков задает стандарты поведения и в реальном мире. Верно, что телевизионное насилие не может рассматриваться как единственная и однозначная причина реального насилия, потому что она взаимодействует с множеством других факторов, которые формируют человека и от которых зависит его по-

ведение. СМИ не создают насилие непосредственно, но они усиливают его, превращаясь в подсистему общества, которая играет роль позитивной обратной связи в отношении реальных событий. Взаимодействуя с другими факторами, они усиливают их роль, и в конечном счете корреляция между реальным насилием и насилием в культурно-информационной сфере становится позитивной¹.

С одной стороны, концентрация информации о насилии и шоу-культура насилия, воспроизводимая в боевиках, триллерах, песнях и даже в мультипликационных фильмах, влияют на социализацию молодого поколения, подталкивают его к крайним формам насилия. С другой стороны, шумное оповещение о проявлениях насилия в публичном пространстве превращается в дополнительный фактор для развития виртуальной культуры насилия, то есть получается сильная обратная связь.

Г. М. Резник²

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ

Юридические нормы действенны тогда, когда не только воплощены в законодательстве, но и поддерживаются массовой моралью, находят опору в правовой культуре общества. Современное международное право включает наряду с принципами взаимоотношений между государствами также принцип уважения прав и свобод человека. Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, где впервые заявлялось о решимости всех стран утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, были приняты непосредственно (26 июня 1945 г.) и вскоре (10 декабря 1948 г.) после окончания Второй мировой войны государствами с различной культурой, правовыми традициями, политическими режимами, многие из которых даже не помышляли эти права соблюдать.

Имплементация международных норм в области прав человека в национальное законодательство и их реализация в правоприменительной практике целого ряда стран, на первых порах ритуально присоеди-

нившихся к Уставу, Декларации и пактам, проходили и проходят весьма болезненно. В России также далеко не всегда смысл применения законов определяется в соответствии с Конституцией РФ правами и свободами человека. Приоритетными оказываются иные ценности, укоренившиеся в историческом опыте взаимоотношений индивида и власти, — примером чему может служить принцип презумпции невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

У презумпции невиновности (ПН), ныне ставшей общепризнанной правовой нормой, возведенной в Российской Федерации в ранг конституционного принципа, нелегкая судьба. Впервые появившись в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, она не была принята правоведами и полностью нашла выход в правосудии лишь спустя многие десятилетия.

Формулировку ПН долгое время считали лишеной логического и юридического смысла и расценивали как препятствие в борьбе с преступностью. На территории Европы вплоть до 1870 года действовало средневековое уголовно-судебное уложение императора Карла V 1533 года — «Каролина». ПН не была закреплена в Судебных уставах 1864 года, хотя они и ввели в отечественное уголовное судопроизводство состязательное начало и суд присяжных.

Советское уголовно-процессуальное право отвергло ПН как в теории так и на практике. Профессор М. С. Строгович, заговоривший о ПН в послевоенные 1940-е годы, подвергся суровой критике. При принятии Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года ПН с трибуны Верховного Совета СССР была объявлена «обветшалой догмой буржуазного права», неприемлемой для советского социалистического правосудия.

Критики ПН указывали на ее несовместимость с целью уголовного судопроизводства — достижением

¹ См.: *Halloran D. J. Mass Communication: Symptom or Cause of Violence? // International Social Science Journal. 1978. Vol. 30, № 4. P. 7; Comstock J. The Evidence of Television Violence. Santa Monica: Rand Corporation, 1976; Halloran J. D., Brown R. L., Chaney D. C. Television and Delinquency. Leicester: Leicester University Press, 1970.*

² Президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

объективной, материальной истины, понимаемой как полное и точное соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц. И действительно, только с позиции закономерностей процесса познания трудно оспорить, например, такое утверждение: «Обвиняемый в уголовном деле не является ни виновным, ни невиновным; он потому и обвиняемый, что уличается в совершении преступления вескими доказательствами, но окончательный вопрос о его виновности еще не разрешен».

Между тем, ПН имеет значение не только в области доказывания — она явилась принципом, определившим наиболее существенные требования, которым должно отвечать справедливое уголовное судопроизводство.

Изначальная формулировка ПН в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом», — предподносит право обвиняемого считаться невиновным как нечто само собой разумеющееся, делая акцент не на вытекающих из ПН распределении бремени доказывания и правиле толкования сомнений, а на недопустимости произвольного ареста и карательного воздействия при предварительном тюремном заключении.

Декларация 1789 года решительно порывает с «мрачным взглядом на человеческую природу» (К. Маркс) средневековой церкви и утверждает идею «естественных, неотчуждаемых и священных прав человека», забвение которых или пренебрежение ими, по мысли творцов Декларации, является «единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств». Мрачный взгляд на человека лишь как средство, орудие в каких-либо целях был привнесен в инквизиционный уголовный процесс позднего феодализма, поставившего задачу поиска материальной истины и сделавшего универсальным инструментом ее достижения пытку.

При анализе инквизиционного судопроизводства нередко приходится сталкиваться с упрощенчеством и искажениями. Сам переход уголовного процесса от ранне-обвинительного с его поединками и ордалиями (пытками огнем, водой, холодом и т. п.) к розыску виновного по следам, оставленным преступлением в сознании людей и объективной обстановке, был, безусловно, прогрессивным. Средневековые юристы-гlossаторы вовсе не были садистами и извергами. Они присягнули на верность материальной истине, едва ли не обожествляли ее. Но на пути ее установления столкнулись с недостаточной надежностью улики, которые, с одной стороны, в большинстве представляют собой свидетельства людей, а с другой — бесконечно разнообразны события, факты, состояния из различных сторон жизни тех же людей. И совершили принципиальную ошибку, взявшись преодолеть субъективную, человеческую составляющую судебных доказательств и изгнать субъективизм из оценки доказательств судья-

ми (опять же людьми!), построив так называемую систему формальных доказательств. Значение каждого доказательства в этой системе было заранее определено самим законом — полным доказательством считались, например, согласные показания двух незаинтересованных свидетелей, а совершенным провозглашалось сознание обвиняемого.

И опять же клеймить glossаторов за их взгляд на возможность установления истины в уголовном процессе «с ходу» не следует. Признание сознания обвиняемого «царицей доказательств» покоилось на совершенно правильном наблюдении, что люди вообще не склонны себя оговаривать. И если при наличии обоснованного подозрения человек не сознается в совершении преступления, его следует хорошенько попытать. Важно отметить, что пытка в инквизиционном процессе служила не инструментом фабрикации уголовных дел выбиванием показаний у заведомо невиновных, как это было при сталинском тоталитаризме в годы массовых репрессий, — с ее помощью средневековые судьи действительно стремились постичь истину, преодолеть недостаточное совершенство средств доказывания прошлых событий, полностью исключить судебную ошибку. Пытка не применялась абы к кому. Для этого должны были существовать серьезные основания. И одно голое вырванное пыткой слово «сознаюсь» доказательством не считалось.

Согласно упомянутой выше «Каролине», например, никакая совокупность косвенных улик и даже согласные показания двух «добрых» свидетелей не могли повлечь осуждения и служили лишь основанием для допроса под пыткой. А выявить допросом надлежало так называемую виновную осведомленность — сообщение таких обстоятельств произошедшего, которые не могли быть известны невиновному: «Того, кто сознается в преступлении, надлежит допрашивать о таких обстоятельствах дела и признаках истины, о которых невиновный не мог бы ничего знать или сказать; при этом надлежит записать, насколько отчетливо рассказывает обвиняемый о таких обстоятельствах. Если допрашиваемый дал показания о том, каким образом и при каких обстоятельствах было совершено преступление, как было указано выше, и именно эти обстоятельства будут обнаружены, то тогда можно вполне заключить, что он действительно совершил признанное им преступление, в особенности, если он рассказал о таких обстоятельствах, случившихся при этом событии, которые совершенно не могли быть известны невиновному» (Каролина, LIII–LIV). Согласимся, планка для осуждения выше некуда.

Последовательно проводилась идея материальной истины в инквизиционном процессе и в вопросе оправдания. Таковое не исключалось, но могло произойти лишь в случае положительного доказывания невиновности, например установления алиби. В случае же недоказанной виновности, то есть обнаружения некоторых данных, навлекающих на лицо подозрение, но недостаточных для достоверного суждения, обвиняемый не оправдывался. В полном согласии с результатами познавательного процесса средневековый суд выносил три приговора: 1) виновен; 2) не виновен; 3) оставлен

в подозрении. Принцип материальной истины и здесь торжествовал: с точки зрения закономерностей чистого исследования недоказанный факт не приравнивается к факту несуществующему. А поскольку невиновность, как и любой отрицательный факт, крайне редко поддается положительному доказыванию, приговоры об оставлении в подозрении преобладали, достигая, по некоторым данным, 80 %. В итоге многие сотни тысяч отпущенных на волю людей до конца жизни носили клеймо неразоблаченного преступника.

Покончить с пытками, удалить из правосудия фигуру вечно подозреваемого можно было только признав приоритет прав человека, достоинства личности над раскрытием преступления, сказав «нет» принципу «истина во что бы то ни стало». Эту задачу решила ПН — покуда вина человека не доказана, он полноправный гражданин страны. Но след оставления в подозрении долго не исчезал из процессуального законодательства, сохраняясь в таких формулировках оправдания, как «ввиду недостаточности улик» или «за недоказанностью» и питая мысль о неудаче в изобличении, вероятнее всего, виновного лица. В России с такими основаниями оправдательного приговора расстался лишь ныне действующий уголовно-процессуальный закон, заменивший «недоказанность» на «непричастность к преступлению».

ПН обусловила развитие важнейших правовых институтов, детально регламентированных в наше время международными и внутренними нормативными актами:

— переход от инквизиционного (разыскного) процесса к состязательному с разделением функций обвинения, защиты и решения дела;

— наделение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, правом на помощь профессионального защитника и в тех случаях, когда он не в состоянии оплатить его услуги;

— запрет использовать арест в целях оказания давления на обвиняемого.

Обо всем этом нелишне вспомнить именно сейчас, когда атаку на ПН предпринимает Следственный комитет РФ. Предлагается ввести в уголовное судопроизводство принцип объективной истины и вернуть норму советского уголовно-процессуального закона о возвращении судом дела на доследование по мотивам неполноты предварительного следствия.

Суд, столкнувшись с тем, что прокурор не доказал виновность обвиняемого, и возвращая вместо постановления оправдательного приговора уголовное дело следователю для сбора дополнительных доказательств, тем самым превращается в обвинителя.

ПН ошутимо проросла у нас пока только в суде присяжных, где выносятся до 20 % оправдательных приговоров. Профессиональный суд оправдывает всего 1 % обвиняемых. Но и этот жалкий процент «травмирует» наши следственные органы. Жива память о советском правосудии, из которого на 20 лет — до 1987 года — оправдательные приговоры напрочь исчезли, сохранились лишь как отдельные реликты. Оправдание заменяло возвращение дела на следствие: там дела с недоказанной виновностью тихо умирали, причем большей частью по нереабилитирующим основаниям. Считалось, что оправдание человека в открытом судебном разбирательстве умаляет престиж правоохранительных органов. Так же расцениваются оправдательные приговоры и в нынешних прокурорской и следственной системах. Ведомственные интересы, как ни печально, способны подмять права и свободы человека. Возврат к советской разыскной модели уголовного процесса де-факто ликвидирует ПН, так как устранит возможность человека отстаивать свою невиновность в суде. Но, как писал Ш. Монтескье, «если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода».

Расставание с дурным наследием советского неоинквизиционного уголовного процесса требует изменений в психологии служителей правосудия и правовой культуре общества.

Мехди Санаи¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНЯТИЯХ И ОСНОВАХ

В первые годы после распада Советского Союза споры о глобализации достигли своего апогея. Прежде всего понятие «глобализация» возникло под влиянием волнений, связанных с распадом Советского Союза. Прошло время, и было переосмыслено мнение относительно становления единой культуры в мире. Ранее казалось, что распространение технологий создало

определенные сходства, однако они не смогли уничтожить существующие различия и разнообразие и создать определенный вид единой культуры. В то же время акцент на этих различиях и (или) попытки использовать принуждение для оформления этого процесса усугубили перемены, происходившие в мире.

В качестве примера можно отметить, что усилия некоторых сильных стран после распада биполярного мира привели к тому, что вопрос о глобализации превратился из исключительно социально-культурного в политический, привлекающий к себе внимание деятелей, определяющих политику. Кроме того, политика и экономика, будучи связаны друг с другом, усилили эти различия, как и экономические и политические кризисы в мире, оказывая влияние на миграцию,

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в Исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

давление на представителей всех меньшинств. Таким образом, сформировалось определенное стремление иметь культурные различия, включая расовые, религиозные и национальные. Его амплитуда менялась от положительного к отрицательному значению — и это только часть проделанной работы. В данном докладе объясняется взаимодействие понятий «глобализация» и «мультикультурализм», а также место политики, экономики и технологий в этих процессах.

Преамбула

С помощью понятия «глобализация» можно определить изменения, которые происходили в мире во второй половине XX века и свидетелями которых мы были. В это время уменьшилось значение отдельных стран, народов и местного законодательства и утвердились законы и процессы мирового масштаба. Этот процесс оказал влияние на сферы внутренней политики, местные экономики и традиционные культуры. В частности, можно отметить столкновение глобализации с культурами и оказание влияния на их значение в обществах.

Вместе с тем взаимосвязь между глобализацией и культурой представляет собой нечто большее, чем то, о чем сказано выше. Конечно, эта взаимосвязь не является неким императивом. Необходимо обратить внимание на то, что значение мультикультурализма возникает из разнообразных аспектов глобализации и включает идеи от наличия в мире различных культур до наличия различных культур внутри обществ. Таким образом, становится все труднее говорить о суверенитете одной мировой культуры. В докладе представлена попытка дать ответ на вопрос, какие факторы и в каких процессах укрепляют мультикультурализм в глобализирующемся мире (предполагая, что технологии, политика и экономика в противоречивых процессах укрепляют мультикультурализм).

Глобализация и культура

Прежде чем говорить о мультикультурализме, необходимо обратить внимание на источники этого явления и их связь друг с другом, то есть на связь глобализации и культуры. Глобализация предполагает усиление указанных наднациональных факторов в политике всех стран и мировых делах. Однако это явление имеет более широкие аспекты. На самом деле указанное изменение преобразовывает также связь человека с окружающей средой. По мнению Джона Томлинсона, движение из ограниченного взгляда в сторону открытого взгляда означает не только переход от местного порядка к глобальному, но и усиление влияния коммуникаций, транспорта и, как следствие, усиление взаимозависимости между людьми. В качестве примера: расширение коммуникации и средств связи, а также увеличение транспортных сетей, помимо возможности установления дальних связей, также создало различно-го рода политические и культурные союзы¹.

В то же время, помимо представления о взаимозависимости, ученые делают акцент на усилении состояния глобальной взаимозависимости, развитии

существующих связей между различными частями мира. Глобализационные процессы развиваются в различных областях (посредством обмена товарами, инвестициями, услугами, знаниями, модой и даже организованной преступностью и др.). Усиление взаимозависимости и проявление глобальной взаимозависимости в мире привели к росту транснациональных телевизионных каналов, которые размывают границы, возникшие в результате разделения районов по национальному, племенному, этническому и другим признакам. Если рассматривать глобализацию не как превращение мира в единое однородное целое и мировое единство, а как распространение чего-либо в мировых рамках, то в этом случае мы получим умеренную глобализацию².

Снижение контроля со стороны государств за своими гражданами является результатом глобализации (в данном значении). Неизбежный контроль в экономической области осуществляется посредством увеличения иностранных инвестиций на международном уровне. Однако контроль не ограничился сферой экономики и распространился на сферу культуры. С увеличением количества спутниковых телевизионных каналов, интернет-провайдеров и «приватизацией» культуры снизился контроль за культурой со стороны государства. Достаточно часто и в большом количестве идет обмен различными политическими и культурными посланиями между обществами. Однако все эти изменения не означают формирования единой мировой культуры³.

Второе последствие глобализации — усиление связи между отдельным государством и миром в целом. Любое событие, произошедшее в одной точке мира, может стать известным на всей планете и, таким образом, усилить социальные связи в мире. В то же время глобализация и укрепление мировых социальных отношений приближают отдаленные точки друг к другу, поэтому любое событие, происходящее вдали, мгновенно оказывает влияние на другие, как будто это событие произошло здесь⁴. Однако глобализация оказывает противоречивое влияние на хрупкий баланс, существующий между человеком, народом и миром. Из-за транснациональных сил, с одной стороны, изменился баланс между государством и народами, с другой — был нарушен баланс между человеком, государством и народом. Таким образом, сепаратистские тенденции, этноцентризм и стремления этноса также нанесли ущерб государственному суверенитету.

По мнению Гидденса, процесс глобализации не противоречит рациональным тенденциям и стремлениям, сама глобализация является противоречивым явлением⁵. Процесс глобализации проявляется, в частности, в том, чтобы люди сильнее ощущали различия, чтобы стали к ним более чувствительными. Такая реакция может иметь спорное толкование, поэтому не нужно акцентировать внимание на интеграционных аспектах глобализации, так как можно не заметить ее

² Моини Алямдори Джахангир. Глобализация как момент новой цивилизации // Культура в век глобализации: вызовы и возможности : сб. ст. / сост. М. Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 26–27.

³ Там же. С. 27–28.

⁴ Гидденс Э. Последствия модернизации / пер. Мохсена Саласи. Тегеран, 1377. С. 3.

⁵ Giddens A. Beyond Left and Right Blackwell. Cambridge, 1996. P. 48.

¹ Tomlinson J. Globalization and Culture. Cambridge, 1999. P. 30.

дезинтеграционные аспекты. Например, глобализация культуры не смогла уничтожить понятие границы в реальном мире, наоборот, она способствовала возникновению многочисленных конфликтов в различных точках мира в целях укрепления действующих границ и (или) создания новых. Личность во многих случаях получила реалистичное значение.

Необходимо обратить внимание на то, что между процессом глобализации и культурой устанавливается связь в широком понимании этого слова. Если учитывать различия и разнообразные формы их распространения, можно выделить три типа связи между культурой и глобализацией (или реакции культуры на этот процесс):

1) культурная совместимость. Эта реакция на глобализацию состоит в пассивности к метаморфозам. В данном случае культуры обычно бездействуют и, принимая новую культуру, утрачивают свои особенности. Такая реакция считается результатом экономической глобализации посредством гегемонии капиталистического порядка и транснациональных компаний;

2) культурный партикуляризм — другой вид связи между глобализацией и культурой. В отличие от культурной совместимости или становления единой культуры, некоторые теоретики убеждены, что культурная реакция не становится пассивной по отношению к процессу глобализации. В большинстве случаев реакция культур на процесс глобализации сопровождается сопротивлением и даже напряженным противостоянием, которое обычно проявляется в форме использования отличительных элементов культуры, таких как язык, религия, этнос и национальность. Иначе говоря, процесс глобализации, который объединяет различные аспекты жизни современного общества, укрепляет и возрождает культурные различия;

3) смешение и изменение культур — третий вид реакции на процесс глобализации. На самом деле нельзя рассматривать мир только как арену борьбы или пассивности разнообразных культур. Процесс глобализации с точки зрения культуры (то есть с наличием культурной глобализации) ставит в один ряд культуры и самоидентичность, результатами чего являются релятивизм, сосуществование и конкуренция. Этот вид реакции обычно называют гибридизацией (изменение и наступление). Существует мнение, что культуры в процессе глобализации не исчезают и не возвращаются к своим корням, но, смешиваясь друг с другом, продолжают свою жизнь¹.

Поясняя вышеизложенное, можно сказать, что жизнь отдельных народов, культурные реалии даже сегодня продолжают играть важную роль в обществах, в условиях глобализации это будет продолжаться. Томлинсон в книге «Глобализация и культура» (со слов Роланда Робертсона) говорит о локализации². Эта двойственность скрыта в понятии глобализации. На самом деле происходит глобализация различных обществ. Однако в то же время происходит локализация глобализации, то есть общества, в которые проникла глоба-

¹ Гольмахаммади Яхйаи. Глобализация и культура // Культура в век глобализации: вызовы и возможности : сб. ст. / сост. Мохаммад Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 82–89.

² Tomlinson J. Op. cit. P. 2.

лизация, «переваривают» ее внутри, другими словами, локализация «переваривает» глобализацию. Однако собственный дискурс в большей степени показывает культура. Арджун Аппадурай, характеризуя глобализацию, отделяет друг от друга политическую, экономическую и культурную сферы, а затем выделяет пять областей: этнос, технологии, финансы, связь и идеологию. В сфере этноса он выделяет туристов, эмигрантов, беженцев и другие социальные группы, которые находятся в движении. Сфера технологий возникает на основе взаимодействия между новыми и старыми технологиями, развития технологий связи и взаимодействия людей и коммуникаций. Сфера финансов свидетельствует о свободном движении капитала вне контроля государств.

Среди выделенных наиболее сложными являются сферы связи и идеологии. В сфере связи Арджун Аппадурай выделяет способность передавать информацию, которая в период глобализации культуры является важным фактором. Сфера идеологии по причине идеологизированности также обладает элементами власти и сопрягается с осью «государство–народ». Аппадурай убежден, что каждый человек, этнос, общество и государство по-разному трактуют глобализацию, и не ясно, насколько такие определения соответствуют реальному понятию «глобализация». Таким образом, глобализация значительно локализована. Люди и общества не воспринимают пассивно глобализацию, но, различно понимая ее, они могут показать ее реальность в различных проявлениях³.

Вопреки теориям о чистоте сообщений, мощности передатчика и пассивности получателя сообщения, рецептивная теория (и определяющее значение принимающего сообщение) предполагает, что глобализация не обязательно сопровождается культурной экспансией производителей культурных текстов и сообщений. Потому что, во-первых, сообщения и тексты передаются в условиях, содержащих противоположные элементы; во-вторых, получатели сообщений не проявляют пассивности по отношению к ним и не обязательно при расшифровке этих текстов остаются заложниками исходных шифров; в-третьих, в мире, осуществляющем преобразования в рамках его идеологических понятий с претензиями на объективность, искренность и правдивость и уходом от «зашоренности», акцентом на различия, усиление «маргиналов» считается определяющей особенностью нового диалога, создаются условия для ухода от уничтожения легитимности в политической сфере, и в результате открывается путь для различных «голосов»⁴.

Стало очевидно, что в процессе глобализации возникает возможность для сопротивления и усиления напряженности, а также смешения культур. Таким образом, мы возвращаемся к исходному пункту. Разве возникла одна мировая культура? Ульф Ганнерс писал: «В настоящее время существует одна мировая

³ Appadurai A. Disjuncture and Difference in The Global Culture Economy // Theory Culture and Sociology. 1990. № 7. P. 295–310.

⁴ Моширзаде Х. Процесс глобализации, женщины третьего мира и гегемония западного феминизма // Культура в век глобализации: вызовы и возможности : сб. ст. / сост. М. Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 331–332.

культура. Однако лучше удостовериться в значениях этого высказывания... Не существует какого-либо единого, абсолютного и полного значения этого высказывания. Возникновение такого не представляется возможным. Однако мир превратился в сети социальных связей, и между различными районами движется поток значений, а также людей и товаров»¹.

Глобализация и мультикультурализм во взаимодействии с технологиями

Наверное, можно говорить о том, что глобализация находится в долгу перед технологиями. Они оказали сильное влияние на все сферы современной жизни. Более всего это воздействие сказалось на эволюции средств массовой информации. СМИ, помимо культуры, оказывают влияние на политику и экономику². Рассматривая их влияние на культуру, следует отметить, что технологии, коммуникации, средства массовой информации и культура связаны друг с другом. По мнению Гарольда Инниса, западная цивилизация находится под сильным влиянием коммуникаций³. Глобализация и коммуникации тесно связаны друг с другом. Маршалл Маклюэн устанавливает связь между СМИ и глобализацией путем смешивания двух понятий через посредника — «мировую деревню». Многие исследователи рассматривали связь между глобализацией и средствами массовой информации. Большинство теоретиков уверены, что с практической точки зрения (средств информации и коммуникаций) глобализации не существует. Терхи Рантанен выделяет следующую роль средств информации и коммуникации в глобализации — они объясняют глобализацию как процесс, в ходе которого посредством времени и пространства создаются мировые экономические, политические, культурные и социальные связи в виде соответствующих процессов⁴. Терри Флоу считает, что средства массовой информации играют центральную роль в глобализации по трем причинам. Во-первых, многие СМИ по сравнению с прошлыми временами осуществляют свою деятельность в мировом масштабе. Во-вторых, инфраструктура мировых средств связи облегчает мировые информационные потоки. В-третьих, мировые СМИ играют ключевую роль в том, каким образом мы увидим события, происходящие в различных точках мира, в том числе в развивающихся близких по духу общественно-политических блоках⁵.

Электронные средства массовой информации способствуют разрушению времени и пространства. Этот процесс привел к формированию новых явлений, например партнерской журналистики, онлайн-социума и транснациональной организованной деятельности через онлайн-каналы. Революция ICT привела к изме-

нению среды средств информации и созданию новых средств, например локальных информационных каналов, основанных на цифровых технологиях⁶. В то же время все предпосылки, ведущие к глобализации, до настоящего времени не обусловили формирования единой мировой культуры и даже усилили проявления мультикультурализма.

Связь между глобализацией и мультикультурализмом очень сложная. В условиях мультикультурализма народ принадлежит многим различным культурам, культурные различия существуют в той степени, в которой они проявляются между различными государствами, а также внутри одной страны между различными районами, этническими группами, городами и деревнями⁷. В реальности мировые потоки мыслей, представлений людей, укладов жизни изменили многие общества в сторону присутствия в них разнообразных культур, ситуации сосуществования и смешения культур.

Один из ярких примеров сосуществования и культурного смешивания — жизнь людей и отдельных групп, которые по различным причинам покинули свою родину и вынуждены жить на новых территориях. Эти люди вынуждены идти на уступки и сосуществовать с новыми культурами, однако они сохранили память о своей принадлежности к родине. На практике они, не ассимилируя полностью культуру своего нового общества и не противопоставляя ее своей, возрождают первичную культуру, учатся жить в условиях двух культур⁸.

Можно привести много примеров существования мультикультурализма и смешения культур, которые объясняют возможность культурного плюрализма. Сегодня безграничность социальных институтов и культурных ориентиров обусловила присутствие различных культур в среде городских, местных, национальных и региональных социальных групп, а транснациональная и трансрегиональная миграция сделала неизбежным сосуществование и смешение культур в крупных городах мира⁹. Однако необходимо обратить внимание на то, что если миграционные процессы происходят только на уровне одной национальности, этноса, религиозной группы, то осложняется ситуация взаимодействия внутри общества и между этими культурными группами. Но если миграция происходит внутри различных групп, то процесс сосуществования будет мирным.

Инновационные мировые интернет-каналы распространились на весь мир (в отличие от прежних цивилизаций, которые возникли в особой географической зоне мира) и задействовали все человечество. Обострение глобализационных процессов усилило давление на связь между образующими единицами и сделало ее более сложной и запутанной. Многие полагают, что результат будет неизменным. Если в определенном

¹ Hannerz U. *Cosmopolitans and Locals in World Culture // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / ed. M. Featherstone. L., 1990. P. 237.

² Раджаи. *Культура, проявление глобализации: состояние человечества и информационной цивилизации*. Тегеран, 1382. С. 115.

³ Там же. С. 116.

⁴ Rantanen T. *The Media and Globalization*. L., 2005. P. 4–8.

⁵ Movius L. *Cultural Globalization and Challenges To Traditional Communication Theories // PLATFORM : Journal of Media and Communication*. 2010. № 2 (1). January. P. 8.

⁶ Movius L. *Op.cit.* P. 9.

⁷ King A. *Architecture, Capital and the Globalization of Culture // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / ed. M. Featherstone. L., 1990. P. 409.

⁸ Hall S. *The Question of Cultural Identity // Modernity and it's Future* / eds. S. Hall, D. Held, A. McGrew. Cambridge, 1996. P. 310.

⁹ Albrow M. *Travelling Beyond local cultures // The Globalization Reader* / eds. F. Lechner, J. Boli. 2000. P. 119–122.

процессе повсеместно используется английский язык и если допустить, что все могут на нем говорить, то это не означает, что мир стал однородным. Возникнет совершенно новый мир, в котором, возможно, будет то же количество культур, а может быть, и больше. Потому что культура — это не только народовластие, наука и инвестиции, но и литература, традиции, нравственность, обучение, воспитание, семья. Глобализация коренным образом не изменяет и не уничтожает человечество, которому каждая культура дает свой особый ответ.

Возможно, в процессе глобализации технологии выступают в качестве способа действий. То есть в процессе использования технологий формируется определенный менталитет: якобы глобализация развивается, усиливается ее стремление не замечать границы и претерпевать изменения в рамках одной мировой культуры. В любом случае такая точка зрения в большой степени упрощает вопрос. Стремление к использованию новых технологий, особенно в области связи, хотя и размывает границы и расстояния, однако единая культура в мире еще не стала доминирующей, а в некоторых случаях это стремление вызвало обратный эффект.

Глобализация и мультикультурализм: действие экономики и политики

Глобализационные процессы распространены в экономической и политической сферах. В настоящей статье рассматриваются действия экономики и политики в проявлении мультикультурализма, и в этом понимании стержнем рассмотрения является одна из культурных реакций на глобализацию — культурный партикуляризм. Прежде всего партикуляризм проявляется в этноцентризме, национализме и религиозных явлениях. Этнический и национальный партикуляризм слишком завуалированы и взаимосвязаны.

Несколько слов об этническом партикуляризме. Социологи XX века описывали этническую и расовую сущность как вид исторической отсталости, которая по сравнению с коммунизмом и либерально-демократическими институтами нежизнеспособна и должна исчезнуть¹. Однако события конца XX века подтвердили неправильность этих прогнозов. Так, мировое сообщество в III тысячелетии (по христианскому летоисчислению) столкнулось с многочисленными этническими движениями и распрями, которые распространились на территориях неразвитых обществ Африки и Азии, а мировой прогресс, который, казалось, решил проблему национализма и этнического сепаратизма столкнулся с фактами насилия на почве этноцентризма. Статистические данные свидетельствуют, что многие страны мира являются многонациональными, в них проживают две и более социальные этнические группы, которые конкурируют между собой, используя мирные или насильственные способы для достижения власти с целью получения независимости, автономности и/или ассимиляции для достижения лучшего положения в обществе.

С исторической точки зрения национализм насчитывает более двухсот лет, его можно назвать са-

мой мощной силой в современном мире. Это явление, так же как и этноцентризм, в связи с доминированием идеологии марксизма, либерализма и теории модернизации проявлялось таким образом, будто оно в ходе изменений, совершенствования и обновления общества постепенно растворялось и исчезало. Тогда как выдающийся теоретик национализма Энтони Смит считает, что сепаратистские движения в Канаде, Шотландии, Британии, Испании и других регионах Запады приводят к дискредитации общих положений об обновлении и демократии. Смит уверен в том, что гнет, националистические и этнические движения в Восточной Европе, России, на Ближнем Востоке, Индийском полуострове и в других регионах еще раз поставили национализм в центр мировых проблем². Гидденс, рассматривая недавние факты подъема национализма в рамках локальных националистических движений, полагает его продуктом новых возможностей, которые порождаются в процессе глобализации для воспроизводства локальной идентичности³. В некоторых работах также говорится о третьей волне, или третьей волне национализма, который сформировался после окончания холодной войны и имеет сходство с предыдущими формами национализма, но в то же время отличается от них. В предыдущих типах национализма делался акцент на национальных политических движениях, имеющих элементы интернационализма, также существовали либеральные и антиимпериалистические течения. Современный национализм имеет антилиберальные, шовинистические и монополистические черты. Другими словами, третья волна национализма основывается на установлении идентичности и различиях разбеднений⁴. Все названные факты свидетельствуют о том, что последние десятилетия XX столетия сопровождались поступательным проявлением и распространением культурного партикуляризма.

Другой вопрос, связанный с культурным партикуляризмом, — религиозный фундаментализм, который не ограничивается одной мировой религией и с географической точки зрения является крайне разнообразным. Существует большое разнообразие принципов и особенностей фундаментализма, но некоторые его элементы можно найти во всех движениях религиозного фундаментализма. В общем, фундаментализм является своего рода социально-религиозной реакцией на абстрактные угрозы, навязываемые процессом глобализации, он не принимает его и предлагает свое видение идеального общества.

Учитывая вышесказанное, можно рассмотреть усиление процесса мультикультурализма. Произошло усиление процесса глобализации в сфере экономики в виде прямых иностранных инвестиций и/или создания денежно-финансовых рынков, а также в материальной сфере. Например, был сформирован мировой рынок рабочей силы, по сравнению с предыдущими эпохами миграция увеличилась и стала более сложной (исходя из этого некоторые исследователи называют

¹ *Esman M. Ethnic Politics // The Social Science Encyclopedia / eds. A. Kuper, J. Kuper. L., 1999. P. 260.*

² *Hutchinson J., Smith A. Introduction // Nationalism / eds. J. Hutchinson, A. Smith. Oxford, 1994. P. 10–11.*

³ *Giddens A. Beyond Left and Right Blackwell. Cambridge, 1998. P. 31–32.*

⁴ *Holton R. Globalization and the Nation-State. L., 1998. P. 136.*

нынешний век «веком миграции»¹). В общем, имеет место миграция, характеризующаяся различными целями. Однако важная ее составляющая связана с глобализацией, то есть миграция преследует экономические цели. Такой вид миграции можно наблюдать прежде всего в промышленных и нефтеносных странах региона Персидского залива, тогда как количество мигрантов в других развивающихся странах значительно не увеличилось. В любом случае экономическая глобализация состоит из мирового движения товаров, услуг, информации и рабочей силы. Увеличение количества мигрантов в мире необходимо расценивать как часть этого процесса.

О прозрачности политических границ свидетельствуют национальные экономики. Миграция как часть экономики хотя и связана с мультикультурализмом, но не является сложной. В общем, все мигранты входят в многочисленные этнические или религиозные группы. Как уже было сказано, распространение глобализации (по многим причинам, которые были отмечены выше) обусловило культурное смещение и/или даже культурный партикуляризм, даже в рамках религиозного фундаментализма. В то же время в некоторых странах с течением времени по экономическим причинам проявился другой вид партикуляризма, который имел националистический подход и в политическом плане больше тяготел к правому экстремизму. Принципиальным фактором, свидетельствующим о политических и экономических проблемах в этих странах, считается наличие мигрантов и меньшинств (в таких странах имели место протесты, даже сопряженные с насилием и террором). Подобное положение характерно для промышленно развитых стран, где наиболее сильно проявляются многочисленные различия между мигрантами и коренным населением в нескольких сферах, например одновременные различия в религии, этносе и др. На уровне политики эта проблема проявилась в некоторых европейских странах в связи с возникновением и усилением правых радикалов. И даже в такой стране, как Норвегия, произошли случаи, сопряженные с насилием и террором. Ограничивая действие миграционных законов, политические деятели, возможно, провоцируют возникновение проблем. Конечно, различие в реакциях в первую очередь скажется на мигрантах. Реакцией на эти устремления будет максимальное культурное сопротивление и стремление сохранить условия мультикультурализма в усредненной форме. В то же время это ставит под сомнение глобализацию и связанные с ней интеграционные процессы и в указанных условиях вызывает одобрение и долговечность двух реакций — культурного партикуляризма и мультикультурализма.

Выводы

Это исследование — прежде всего попытка найти ответ на вопросы, которые возникли в ситуации мульт-

тикультурализма в последние десятилетия XX и начале XXI века. Учитывая многочисленные важные факторы, способствующие проявлению мультикультурализма, мы рассмотрели влияние фактора технологий, а также политики и экономики на процесс глобализации до достижения этапа мультикультурализма. В результате изучения глобализации и мультикультурализма было определено, что в первой фазе технологии способствуют усилению процесса глобализации, но тем не менее данный фактор не приближает создания определенной мировой культуры — культуры, которая до сегодняшнего дня так и не проявилась. Наоборот, данный фактор в совокупности со значением глобализации в условиях, которые были описаны выше, укрепил мультикультурализм. Эта фаза заканчивается реакцией на глобализацию культуры (культурными метаморфозами и излишним сопротивлением). Кроме того, во время экономических и политических кризисов в мире все меньшинство испытывали определенное давление, что обусловило продолжение их реакции. Таким образом, сформировалось определенное стремление к культурным отличиям по расовым, религиозным и национальным признакам, его амплитуда колебалась от положительных значений до отрицательных. В общем, это тоже оказало влияние на процесс глобализации. Сегодня это влияние находится на том уровне, когда невозможно с уверенностью сказать, что глобализация является фактором формирования единой мировой культуры, причем это характерно и для развитых обществ. Поэтому сегодня, по прошествии времени и после разрушения оптимистичных представлений, иное рассмотрение мультикультурализма не является необычным.

Таким образом, с начала распространения глобализации основные теории, определяющие ее значение, претерпели коренные изменения. Культурные метаморфозы и сопротивление, две идеи, которые определенное время формировали две распространенные реакции на глобализацию и были представлены в литературе, столкнулись с проявлением мультикультурализма, которое выросло из понятия глобализации.

Бесспорно, что процесс глобализации связан с тем, каким образом народ создает культуры, традиции и местную идентичность в рамках всеобъемлющей глобализации. Процесс глобализации в период уничтожения идей и источников возрождает свою традиционную идентичность, а также создает новые источники, при этом каждый человек может использовать свои возможности и источники для реконструкции своей национальной идентичности. Идентичность, создаваемая таким образом, вопреки идентичности, созданной в традиционном обществе, является флюидной. Флюидность общественной жизни предотвращает отрицание и закрывает путь к фундаментализму. В конечном счете, сохраняя подобные условия и возможности, можно думать о глобальном и жить в локальном масштабе.

¹ *Sutcliffe B.* Freedom to move in the Age of Globalization and Progressive Economic Policy. Cambridge, 1998. P. 325.

А. В. Смирнов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Диалог культур, о котором так много говорят в последние десятилетия и который служит основной темой наших Чтений, — это прежде всего диалог рациональностей. Наверное, не слишком неожиданным будет утверждение о том, что участники диалога — чтобы это был диалог, а не два параллельных монолога — должны как минимум понимать то, что высказано собеседником. «Понимать» не в смысле «принимать», «разделять» или «оправдывать». Эти значения, мыслимые в слове «понимать», безусловно, важны; однако непосредственное значение слова «понимать» еще важнее. Когда мы говорим с другим человеком, нам важно понимать его слова, убедиться, что мы не «вчитали» в них свои смыслы или по меньшей мере не исказили их кардинально таким вчитыванием. Но еще важнее это, когда мы ведем диалог с другой культурой. Ведь диалог с другой культурой — это не обязательно обмен репликами с носителем другой культуры. Это может быть чтение текстов, созданных другой культурой; рассмотрение памятников архитектуры, когда мы бродим по чужому городу; наше восприятие и оценка высказываний государственных деятелей, представляющих эту культуру, и т. п. Во всех этих случаях мы не отвечаем человеку — носителю этой культуры (а порой и не можем ответить), а значит, лишены возможности проверить, насколько точно мы поняли своего собеседника. Однако диалог с другой культурой все же идет, поскольку такое восприятие лишь по видимости является односторонним: на деле мы отвечаем, поскольку формируем свою оценку другой культуры, что предопределяет наше поведение в отношении ее носителей.

В таких случаях диалога с другой культурой, которые можно назвать случаями непрямого диалога, адекватность понимания особенно важна. Ведь в таких случаях мы не можем задать уточняющие вопросы, не можем проверить по реакции собеседника, правильно ли мы истолковали его слова.

Вот почему диалог с другой культурой не может быть успешным без понимания рациональности этой культуры. Это тем более важно, если речь идет о культуре, опыта проживания в которой мы не имеем. Например, об арабо-мусульманской культуре — той, что задает, в общем и целом, контуры того, что принято называть «исламским миром». При всем его многообразии и даже пестроте есть тем не менее некие ведущие «силовые линии», которые определяют, по меньшей мере в основных чертах, его рациональность. Эти размышления — попытка набросать контуры этой рацио-

нальности, очертить то, что можно назвать эпистемой арабо-мусульманской культуры.

Разговор о рациональности довольно естественно начать с понятия истины. Понимание истины, характерное для арабо-мусульманской культуры, ярко проявилось уже в Коране. Здесь широко используются обе пары терминов, которыми в дальнейшем обозначалась оппозиция верного, правильного и неверного, ложного. Это термины с корнями *х-к-к* и *с-д-к*, с одной стороны, и *б-т-л* и *к-з-б* — с другой. Между этими двумя типами оппозиции имеется существенное различие.

Первый тип оппозиции истинного и ложного выражен как противопоставление *хаки* и *батил*. Термин *хаки* выражает истинность как неперемное осуществление, как должное, как то, чего не может не быть. Такое должествование имеет ярко выраженный онтологический оттенок: речь идет об истине, которая *утверждена*. Противоположное *батил* отсылает нас к ложному как к неустойчивому, к тому, что не способно удержаться, что как будто рассыпается и не может явить свою фиксированность.

Такое понимание истинного и ложного прямо связано с *действительностью*, то есть со способностью действителя явить и утвердить свою эффективность, свою способность осуществить действие и показать его результат. Центральная кораническая тема — это тема истины (*хаки*) как подлинной действительности Истинного (*хаки*) Бога, действие которого безусловно осуществится и возымеет свой результат, тогда как ложные (*батил*) действители (прочие боги и иные существа) оказываются бессильными перед лицом этого подлинного действителя, так что обещанные ими результаты развеиваются как мираж, поскольку лишены какой-либо твердости и устойчивости.

Это понимание нашло свое яркое выражение в таких коранических аятах: «Бог есть истина, а те, которых призываете вы наряду с ним, — ложь» (31: 30, 22: 62); «Напротив, мы истину противопоставляем лжи: она поражает ее, и эта — вот исчезает» (21: 18); «Пришла истина, и ложь исчезла; истинно, ложь подлечит исчезновению» (17: 81); «Пришла истина, и ложь уже не явится и не возвратится» (34: 49). Везде здесь «истина» выражена арабским словом *ал-хаки*, а «ложь» — *ал-батил*.

Таким образом, противопоставление истины и лжи как *хаки* и *батил* — это противопоставление действительности подлинного действителя и действителя иллюзорного, не настоящего, а лишь выдающего себя за подлинного. Истинность и означает здесь свершенность действия, его утвержденность. Не только в кораническом контексте, но и в целом для арабо-мусульманской культуры такая истина — это истина *par excellence*, истина как таковая, *изначальная* истина. Утвержденная действителем, она исходна.

Такое понимание истины прямо связано с тем, что современный марокканский философ М. А. ал-Джабири называл «арабским разумом» (*акл 'арабийй*),

¹ Заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Логика смысла. Теории и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «Мистическая философия и поиск истины», «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Заместитель главного редактора «Философского журнала».

то есть эпистемой, характерной для арабо-мусульманской культуры: сложившаяся в эпоху джахилийи, она сохраняется до сих пор. Эта эпистема предполагает рассмотрение вещей не как субстанций, которые объясняются их идеальной (формальной) природой, а как результатов действия, как его «овеществление». Это, естественно, предполагает такую направленность взгляда, который за внешней явленностью результата отыскивает скрытого действующего, устанавливая между ними связь, выраженную в действии.

Второй тип оппозиции истинного и ложного предполагает наличие уже утвержденной истины и выстраивается как *соответствие* или *несоответствие* ей некоего высказывания или же действия, в иных формах выражающего отношение к ней. Слова с корнями *с-д-к* и *к-з-б*, чаще всего глаголы второй породы и их производные, обозначающие направленность действия на некий объект, очень частотны в Коране и передают соответственно согласие, подтверждение или несогласие, отвержение прежде утвержденной истины. Очень характерны, например, такие аяты: «Веруйте в то, что ниспослал Я для подтверждения истины (*мусаддикан*) того, что у вас» (2: 41); «Когда приходит к ним от Бога Писание, подтверждающее (*мусаддик*) то, которое у них есть...» (2: 89); «А те, которые будут неверными и почтут наши знамения ложными (*каззабу би-айати-на*)...» (2: 39, 22: 57); «Начальники его народа, те, которые не веровали и считали за ложь (*каззабу*) сретение будущей жизни...» (23: 33). Такие действия, как *тасдик* (подтверждение истинности, принятие чего-то как истинного) или *такзиб* (утверждение ложности), возможны только как *вторичные* по отношению к *исначальной утвержденной истине-хакк*, поскольку *под-тверждают* (а не *у-тверждают*) истину или же *от-вергают* (но не *опр-вергают*) ее.

Эти интуиции, раскрывающие сложившуюся еще на доисламском этапе развития эпистему и нашедшие яркое отражение в Коране, благодаря победе исламского мировоззрения вошли в общий фонд арабо-мусульманской культуры и народов — ее носителей. Вплоть до современного этапа Коран в исламском мире служил своеобразным букварем и учебником на этапе начального образования (*куттаб*): по нему учились читать и писать, а потому грамотные люди хорошо знали его текст или помнили его наизусть. Отраженные в тексте Корана фундаментальные интуиции не могли не проникать в сознание неарабских народов, где закреплялись с большим или меньшим успехом, обеспечивая если не единообразие (до этого было далеко), то во всяком случае совместимость культурно-мировоззренческих координат на огромных пространствах исламского мира. Коран, а затем и возникшая вокруг него исламская литература различных жанров послужили своеобразным проводником эпистемы, ориентирующей на «действенное» (процессуальное) осмысление мира, то есть понимание его как результата учреждающего, устанавливающего истину действия действующего.

На классическом этапе арабо-мусульманской культуры эти интуиции получили свое развитие. Термины с корнями *с-д-к* и *к-з-б* были задействованы в теории познания и в Аристотелевой логике, активно работая

в сфере рационального познания и обозначая истинное или ложное высказывание (соответственно *кавл садик* и *кавл казиб*), то есть такое, которое совпадает с истинным положением вещей или не совпадает с ним. Сама же истина вещей обозначалась с использованием корня *х-к-к*: например, *хакика* — «истинность», *хакк* — «истина». Вторично-устанавливаемая истина (корень *с-д-к*), таким образом, оказалась отнесенной к сфере рационального познания и доступной для работы рациональными методами. Такая истина ни в коей мере не является «неправильной» или «ущербной»; о ней лишь можно сказать, что она вторична в отношении первично-утверждаемой истины (корень *х-к-к*), поскольку ее установление происходит в результате сверки с действительным положением вещей, которое первично утверждено как результат действия соответствующего действующего.

Рационализация этой «действенной», или процессуальной, парадигмы была осуществлена мутазилистами — первыми арабо-мусульманскими философами. Их осмысление мира практически полностью сводится к его объяснению как результата действия: теория действия в их философии занимает такое же место, как теория идей в философии Платона или теория субстанциальных форм — у Аристотеля.

Широкое «переводческое движение», которое привело к знакомству с наследием античной философии, прежде всего перипатетической и неоплатонической, имело результатом возникновение фальсафы (*араб.* «фалсафа» — философия), ориентировавшейся на философствование по греческим образцам. Мутазилизм постепенно был вытеснен из сферы философии, будучи не в силах противостоять двойному давлению: с одной стороны, очень просто и ясно, наглядно и дидактически отточено излагаемой законченной греческой мудрости, контрастировавшей с усложненными и далекими от единства взглядами мутазилизов, вечно споривших между собой; а с другой — давлению оформившейся и уже зрелой доктринальной мысли (ашаризм и матуридизм), предлагавшей упрощенное изложение исламского вероучения, доступное массам, в отличие от интеллектуально-рафинированных и элитарных трактовок мутазилизов.

С вытеснением мутазилизма фальсафа оказалась фактически господствующей на философской арене. Вместе с ней пришло и иное мировоззрение, опиравшееся на субстанциально-ориентированную эпистему античности. Успех фальсафы был разным в различных регионах исламского мира, и в целом (хотя далеко не исключительно) эта школа завоевала симпатии представителей неарабских народов, прежде всего иранцев. На время процессуально-действенная эпистема утратила господствующее положение в сфере философии, при этом вполне сохранив его в области ряда наук (правописание, филология и др.), которые начинают классифицироваться как «собственные», исламские, в отличие от заимствованных «греческих» наук (математика, астрономия и т. д.) и фальсафы. Однако уже у Ибн Сины, величайшего представителя фальсафы, происходит своеобразная, пусть и неполная, реабилитация процессуально-действенной эпистемы. Это заметно в его

теории причинности, редуцирующей аристотелевскую четырехчастную систему причин к единственной — действенной; в развитой им теории интуиции (*хадс*), которая направлена на непосредственное схватывание подлинности вещи, в отличие от дискурсивной логики, устанавливающей лишь соответствие между высказыванием и состоянием вещей, так что интуиции оказывается доступен Первый Действитель — тот, что принципиально за пределами логического познания и вместе с тем отвечает за подлинность всех вещей, будучи единственным источником действительности и причинности; наконец, в его известном разделении чьей-то и существования и теории «возможного» (*мумкин*), согласно которой вещь наличествует как таковая в качестве возможной, получая от действителя лишь свое существование.

Акцент на непосредственном познании, схватывающем подлинность, истину-*хакк* вещи, хорошо заметен в исламском мистицизме (суфизме), который позже других обретает свою философскую зрелость. И в философском суфизме, и в ишракизме (философии озарения) непосредственное и опосредованное познание не иерархизируются, а скорее понимаются как взаимодополнительные. При этом дискурсивное, рационально-логическое знание расценивается и как имеющее собственную, независимую ценность, и как средство изложения и проверки истин, постигнутых непосредственно (интуитивно или в откровении): здесь истина-*хакк*, непосредственно открывающая подлинность вещи, как она изначально установлена действителем, проверяется в процедуре *тасдик* — ее рационально-дискурсивного обоснования.

Таким образом, процессуально-действенная эпистема, требующая возведения к действителю как к конечному обоснованию, и связанное с ней понимание истины как непосредственно-утвержденной (термины *хакк*, *хакика*), с одной стороны, и как дискурсивно-удостоверяемой (термин *тасдик*) — с другой, определила такие принципиальные черты мышления арабо-мусульманской культуры, как представление о возможности согласования непосредственного и опосредованного знания (интуиция и логика, божественное откровение и рациональное философствование, установленный Богом закон и его развитие в рациональной деятельности законоведов, сакральность пророческой миссии Мухаммада и чисто человеческий характер его личности, божественное обоснование руководящей роли Мухаммада и отсутствие сакрального обоснования власти его преемников и т. д.) и стремление понять мир *процессуально*, как результат действия.

Понятие «эпистема» схватывает неосознаваемые, коренящиеся в подсознании установки, задающие наиболее общие линии осмысления мира. Эти установки имеют собственную, вполне определенную смысловую логику. Логика предъявляет *требования*, которые выступают как первоосновные, далее не фундируемые *основания рациональности*. Основания рациональности — это в самом общем виде то, что заставляет нас принять не задумываясь те или иные тезисы как само собой разумеющиеся (например, равные третьему равны между собой) или абсурдные (существование след-

ствия без причины). Основания рациональности, таким образом, определяют ход рассуждений и доказательств, выступая в качестве *критериев*, позволяющих отделить рациональное и приемлемое от иррационального и в силу этого неприемлемого в пространстве разума.

Понимание внутренней смысловой логики, определяющей устройство процессуально-ориентированного взгляда, позволяет выяснить, почему этот взгляд выдвигает вполне определенные требования к тому, что считается рациональным, осмысленным и обоснованным. Это прежде всего — непосредственная связанность действующего и претерпевающего, выраженная процессом (действованием). Арабский язык предоставляет процессуально-ориентированному мышлению очень удобную языковую среду, в которой тройка категорий *фа'ил* (действующее), *маф'ул* (претерпевающее) и *фи'л* (процесс) служит частью словообразовательной парадигмы любого глагола. В этой языковой среде органичной оказывается онтология, предполагающая подлинный, независимый статус как действующего и претерпевающего (то есть субстанций), так и *самого процесса*. Процесс здесь не редуцируется до акциденции действителя, как это происходит в субстанциально-ориентированной смысловой среде, а наделяется собственным онтологическим статусом — независимым, хотя и отличным от онтологического статуса двух его сторон (действующего и претерпевающего).

В аристотелевской системе десяти категорий процесс не может быть отображен так, как он осмысляется в процессуально-ориентированной среде. У Аристотеля имеются категории «действовать» и «претерпевать», которые могут быть соотнесены в лучшем случае с активной и пассивной сторонами процесса, но не с самим процессом как таковым. И это не случайно: субстанциально-ориентированный взгляд не наделяет процесс особым онтологическим статусом, отличным от статуса его активной или пассивной сторон; процесс здесь не мыслится как нечто третье, самостоятельное, наряду со своей активной и претерпевающей сторонами. В этом — одно из несводимых различий между двумя способами осмысления мира, субстанциально-ориентированным и процессуально-ориентированным.

Разум и его критерии, определяющие, что считается рационально доказанным и обоснованным, а что требует дальнейшего обоснования, обуславливаются принципиальными чертами эпистемы. Опора на процессуально-действенную эпистему имела свои следствия в понимании того, что такое разумная обоснованность и в каком направлении будет протекать рационализация мировоззрения, заданного Кораном.

Эта рационализация, осуществленная мутазилистами и приведшая к возникновению философии в арабо-мусульманском мире, исходила из представления о действителе как целеполагающем, *волево* источнике действия. Воля принимается как необходимое условие подлинного действителя, без которого действитель немыслим. Целеполагание как проявление воли могут осуществлять, с точки зрения мутазилистов, Бог и человек: только они и могут быть поняты как подлинные действители, отвечающие за возникновение и изменение мира и всего находимого в нем.

Это означает, что для подлинного действователя не может стоять вопрос о свободе воли: воля служит *условием* действия, без которого действительность немислима. Вот почему в начальный период развития рефлексии, у мутазилитов, признающих человека подлинным действователем, вопрос о свободе воли не ставится. Положение о свободе воли надо отличать от положения об автономии действователя, то есть о его само-власти, иначе говоря — о наличии всех условий полноценного действия. Выбор — еще не действие: действенная эпистема предполагает постановку вопроса о том, способен ли действительность не просто иметь, но *осуществить* свою волю — которая у него безусловно свободна. Вопрос, иначе говоря, не в том, чтобы сделать выбор; вопрос в том, чтобы этот выбор осуществить, сделать истинным — на деле, то есть через действие. Вопрос в том, обладает ли человек как действительность способностью *утвердить* (вспомним истину-*хакк*, утверждаемую действительностью) свое действие и его результат.

Если всякий процесс, происходящий в мире (восход и закат солнца и луны, выпадение дождя, произрастание растений, рождение детей, действия и взаимодействия людей), требует для своего объяснения возведения к действительности, то понятно, что к человеку могут быть возведены далеко не все процессы, и даже не большая их часть. Видение Бога как агента действий и изменений, происходящих в мире, требуется процессуально-действенной эпистемой и вовсе не свидетельствует (как это часто неверно толкуют, не понимая данной принципиальной черты арабо-мусульманского мировоззрения) о некоем «фидеизме» и отказе от рационального объяснения.

Напротив, такое видение — первый и необходимый шаг к рационализации представления о мире как результате действий действительности. Для того чтобы рационализация действительно произошла, необходимо сделать еще один шаг. Он заключается в том, чтобы понять результат действия как *неизбежный*, как не зависящий ни от чего, кроме внутренней закономерности действия. Некто (пусть это будет Бог или человек), рассматриваемый как именно некто, или, как выражались арабо-мусульманские мыслители, как «самость» (*зат*), не представляет подлинного интереса в пределах процессуально-действенной эпистемы. Самость как таковая, как некая субстанция, не производит никакого действия и не может отвечать ни за устройство мира, ни за его перемены. А вот рассмотренная как «действующее» (*фа'ил*), то есть как действительность, она производит результат действия (*маф'ул*, букв. «делаемое»), связь между которыми и должна быть понята как некий процесс, имеющий место в мире и объясняющий его устройство или изменение.

Рационализация предполагает нахождение *законосообразности*, определенной *устойчивости* мира. Если субстанциально-ориентированное греческое мышление открывает основание такой устойчивости в субстанциальности, связывая с произвольным действием *неустойчивость* и невозможность закономерного расчета, то процессуально-ориентированное мышление открывает устойчивость мира как устойчивость

связи между действователем и результатом действия (*фа'ил* «делающим» и *маф'ул* «делаемым»). Эта устойчивая связь, выраженная собственно действием (*фи'л* «делание»), и позволяет *закономерно* перейти от действительности к результату или, напротив, от результата к действительности, за него отвечающему.

Заметим, что такой переход именно закономерен, а значит, не зависит ни от какого произвола: при условии, что результат *необходимо* связан с агентом действия, устойчивое и не зависящее ни от какого произвола объяснение мира может быть достигнуто в контексте процессуально-действенной эпистемы. Именно в признании этой *необходимой связи* заключается здесь решающий момент, отделяющий рациональное объяснение от иррационального.

Мутазилиты, первые в исламской мысли борцы за рациональность, стали и мыслителями, последовательно признававшими такую необходимую связь. Наиболее ярко эта проблематика встала при обсуждении вопроса о божественных атрибутах: эти дискуссии имеют значение вовсе не для понимания того, *каков* Бог (когда бы он рассматривался субстанциально), а для решения вопроса о том, как устроено его *действие*, объясняющее — в процессуальной перспективе мышления — закономерное устройство мира. Именно в этой точке догматизированная мысль исламского вероучения (ашаризм и матуридизм) принципиально порвала с рациональным философствованием мутазилитов, предпочтя иррациональное утверждение об отсутствии необходимой связи между действительными атрибутами Бога и их результатами. И именно эта необходимая связь была решающим образом восстановлена в философском суфизме — следующим после мутазилизма направлением арабо-мусульманской философии, которое дало *целостное* (а не фрагментарное) объяснение мироустройства на основе процессуально-действенного взгляда и в контексте соответствующей эпистемы, причем такое объяснение повлекло кардинальный пересмотр представлений о соотношении между вечностью и временем и о месте человека в мироустройстве.

Если первым направлением рационализации у мутазилитов стало утверждение о закономерной и устойчивой связи между действительностью и результатом его действия, то вторым направлением было максимально возможное расширение автономии человека как подлинного действователя. Это повлекло за собой урезание всевластия Бога, но также — что значительно более важно — абсолютизацию этических требований к человеку, который был понят как полновластный и ни в чем не ограниченный действительность, а значит, как действительность, полностью определяющий свою судьбу и выбор жизненного пути и несущий за это абсолютную ответственность. Этот пункт стал позже еще одной точкой, где доктринальная догматизированная мысль, которая предпочла урезать автономно действия человека вплоть до полного ее отрицания (такой взгляд обрел почти повсеместное влияние к концу классического периода), пошла на бескомпромиссный разрыв с мутазилизмом. И в этом же пункте философский суфизм внес решающий вклад в многовековой

спор о соотношении человека и Бога как действующих лиц, предложив решение неожиданное, но увязанное с целостной системой и необходимое в ее рамках.

Еще одним направлением борьбы за рационализм стало утверждение мутазилитов о рациональной природе положений закона и, следовательно, принципиальной способности обычного человеческого разума сформулировать эти положения. Мутазилиты бросили серьезный вызов своим оппонентам, утверждавшим, что закон не может быть независимо открыт человеческим разумом, а потому нуждается в откровении и может быть принесен только посланником. На это мутазилиты возражали, что если законодатель предписывает и запрещает поступки исходя из их природы, а эта природа может быть постигнута человеческим разумом, то и закон в принципе мог бы быть самостоятельно сформулирован человеком, никогда не слышавшим об исламе и Мухаммаде.

Если провести условную линию от зарождения теоретического дискурса в раннем исламе (хариджиты,

шииты, мутазилиты и др.) до конца его классической эпохи, то это будет линия постепенного сужения рационализма и возрастания авторитета не столько основополагающих текстов ислама (Корана и сунны), сколько *традиции (таклид)* рассмотрения вопросов вероучения и права, когда решения ученых прошлого принимаются на веру без проверки их не только рациональной, но и текстуальной обоснованности (то есть обоснованности Кораном и сунной). Именно это выражает интеллектуальную атмосферу традиционалистского этапа развития арабо-мусульманской культуры: отказ от действительного рационализма, наиболее ярко заявленного мутазилитами, и опора на авторитет предшествующих поколений ученых без какой-либо проверки выдвинутых ими положений. Угасание творческого импульса арабо-мусульманской культуры на рубеже классического и традиционалистского этапов совпало с максимальным отказом этой культуры от рационализма, столь ярко проявившегося на заре классического этапа ее развития и обеспечившего ее процветание.

В. А. Тишков¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В современной России вокруг так называемого национального вопроса идут острые идеологические дебаты и сталкиваются разные политические стратегии. Сегодня в стране существуют две неразумно конфликтующие между собой позиции. Одну можно назвать «русским проектом», за которым стоят часть политического класса, интеллигенции и довольно широкие слои населения, включая часть молодежи. Нынешний русский проект основан на концепте «трагедии великого народа», который подвергся расчленению и унижению при распаде СССР, пребывает в состоянии вымирания и лишен должного статуса в государственном устройстве и представительстве в управлении страной и ее ресурсами. Сторонники русского проекта выступают за фиксацию в Конституции страны этнических русских, которые составляют 80 % населения, за предоставление русским статуса государствообразующей нации, за объявление России национальным государством русского народа. Одним из простеньких аргументов в пользу этого проекта выступает трактовка, что «мы все — русские», ибо во внешнем мире нас все равно всех называют русскими. В разных своих вариантах проект русского этнонационализма конкретизируется как в форме нациестроительства на «монокультурной» (то есть русской) основе, так и в форме возрождения империи с «русской властью» и воссоедине-

нием ныне разделенного русского народа. Ирредентизм свойствен не только имперскому, но и либерально-консервативному варианту русского проекта. М. Ремизов, например, продвигает лозунг «Стран много — народ один» в противовес лозунгу социальной рекламы Минрегиона России «Народов много — страна одна».

Второй проект мы называем российским. Он основан на признании исторически сложившейся этнической и конфессиональной сложности населения страны и русского народа как полиэтничной гражданской нации. Этот проект поддерживает этнокультурное развитие российских этнонаций и ставит своей целью утверждение общероссийской идентичности и обеспечение единства российской нации. У этого проекта также есть различающиеся варианты: один из них предлагает считать Российскую Федерацию состоявшимся государством-нацией², другой разрабатывает цивилизационный подход, согласно которому Россия — не национальное государство, а государство-цивилизация. Что касается того, как нас называют во внешнем мире, то если в названии страны Russian Federation первое слово значит не русская, а российская, то это означает как минимум что и как существительное его можно и даже следует переводить как «россиянин». Таков историко-идеологический бэкграунд этнополитической ситуации в России. В какой мере он соотносится с социальной реальностью?

Этнокультурный облик россиян

Население Российской Федерации, как и других крупных стран мира, имеет сложный этнический состав, который существует с момента возникновения русского государства и который стал еще более слож-

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Российский народ», «Общество в вооруженном конфликте» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

² Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

ным за последние 20 лет, несмотря на утрату значительной территории и почти половину населения бывшего СССР. Эта сложность была зафиксирована в результатах всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, когда в стране был зафиксирован существенный рост числа этнических групп (народов, национальностей): 158 — в 2002 году (по сравнению со 128 в 1989 г.) и 193 — в 2010-м. Последняя перепись населения 2010 года интересна не только общим числом проживающих в России народов, но и внутренней динамикой самых крупных национальностей, на которые приходится более 96 % всего населения. И конечно, наиболее актуальный вопрос — это численность этнических русских как доминирующего не только демографически, но и в культурно-языковом отношении народа.

Заметим, что при фиксации численности крупных народов в ходе проведения переписи населения произошла драматическая ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до переписи. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса, подготовить и провести перепись в год, который заканчивается нулем (такова рекомендация ООН для облегчения глобальных демографических обзоров), подправленный закон в этот раз официально позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта поправка снизила стремление организаторов переписи «дойти до каждого», произвести предварительные и контрольные обходы населения, что всегда делалось в предыдущие переписи.

В итоге получилось, что примерно 5,6 млн человек (по сравнению с 1,5 млн в 2002 г.) переписали по данным паспортных столов и другим источникам без обхода населения. Но административные данные ныне не содержат сведений о национальной принадлежности и о родном языке (как и некоторые другие важные для переписи данные, как, например, источники дохода).

Разница между двумя переписями о числе лиц без указания национальности составила почти 4 млн, а это почти 3 % от всего переписанного населения. Из этих 4 млн более чем вероятно, что 80 % составляют русские, то есть число неподсчитанных русских составило не менее 3 млн человек. В этом случае общая численность русских в России не 111 млн, а 114 млн, то есть убыль по сравнению с прошлой переписью составит менее 2 млн человек за восьмилетний межпереписной период.

Точно так же небольшие, но существенные для динамики численности прибавки могут быть сделаны к другим крупным народам, где данная погрешность при проведении переписи выражается в значимых цифрах. Но только нужно учесть, что готовность и мобилизация на участие в переписи и на запись своей национальности среди нерусских народов (пожалуй, кроме украинцев, белорусов и евреев) заметно выше, и предложенная нами операция «прибавки» является скорее всего излишней. Тем не менее ее можно сделать, кроме русских, также для других более урбанизированных групп, проживающих вне республик.

Итак, перепись 2010 года показала, что первая «двадцатка» самых многочисленных российских национальностей почти не изменилась (см. табл. 1). По-прежнему 80 % населения составляют русские, и нет особых оснований утверждать, что в России идет некий (а тем более спланированный властью) процесс замещения русских представителями других национальностей. Это распространенное среди русских националистов утверждение опирается или на бытовую мифологию, или на оценки демографической ситуации первой половины 1990-х годов, когда имело место сильное сокращение населения по разным причинам (снижение рождаемости в период «шоковой терапии», двойная смертность алкоголиков после отмены антиалкогольной кампании и госмонополии на производство и продажу алкоголя, эмиграция русских за рубеж, снижение масштабов русификации из-за роста этнического самосознания среди нерусского населения).

Таблица 1

Численность населения России по наиболее многочисленным этническим категориям

Все население	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
	145,17	142,86		
в том числе с указанием национальности	143,71	137,23	100	100
русские	115,89	111,02	80,64	80,90
татары	5,55	5,31	3,87	3,87
украинцы	2,94	1,93	2,05	1,41
башкиры	1,67	1,58	1,16	1,15
чуваши	1,64	1,44	1,14	1,05
чеченцы	1,36	1,43	0,95	1,04
армяне	1,13	1,18	0,79	0,86
аварцы	0,81	0,91	0,57	0,66
мордва	0,84	0,74	0,59	0,54

Окончание табл. 1

Все население	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
казахи	0,65	0,65	0,46	0,47
азербайджанцы	0,62	0,60	0,43	0,44
даргинцы	0,51	0,59	0,35	0,43
удмурты	0,64	0,55	0,44	0,40
марийцы	0,60	0,55	0,42	0,40
осетины	0,51	0,53	0,36	0,39
белорусы	0,81	0,52	0,56	0,38
кабардинцы	0,52	0,52	0,36	0,38
кумыки	0,42	0,50	0,29	0,37
якуты	0,44	0,48	0,31	0,35
лезгины	0,41	0,47	0,29	0,35
буряты	0,45	0,46	0,31	0,34
ингуши	0,41	0,44	0,29	0,32
другие национальности	4,85	4,81	3,40	3,51
Учтены без национальной принадлежности по сведениям из административных источников	1,46	5,63	—	—

В 2000-е годы часть этих факторов снизила свое воздействие, но сохранились проблемы алкоголизации, мужской сверхсмертности, низкой рождаемости, а также добавился фактор сниженной иммиграции русских в Россию (государственная программа содействия переселению соотечественников пока не обеспечила тот приток русских, который был в предыдущий межперспективный период). Таким образом, мы оцениваем демографическую ситуацию среди русских как кризисную (но не катастрофическую!) с умеренно оптимистичной перспективой. На наш взгляд, снижение сверхсмертности от алкоголизации, наркотиков, табакокурения, ДТП и пренебрежения здоровьем вполне возможно при относительно небольших затратах и в достаточно короткие сроки. Пополнение русского населения за счет других источников также возможно, а именно за счет увеличения рождаемости, поощрения переселения в Россию желающих переехать, добровольной ассимиляции через выбор русской национальности потомками смешанных браков. Последнее, конечно, идет в ущерб численности других этнических общностей, но речь идет о добровольном выборе, который делается чаще в пользу доминирующей культуры. Таковой исторически была ситуация в России и таковой она является и в других странах.

В следующей за русскими первой десятке первые пять народов сохранили свой порядок, несмотря на то что российские украинцы сократились почти на 1 млн человек (!) без какого-либо заметного переселения на Украину. А следующая пятерка изменилась: аварцы (самая крупная группа в Дагестане) поменялись местами с мордвой в свою пользу, казахи поднялись с последней позиции, потеснив белорусов, белорусы выбыли из десятки, уступив место азербайджанцам. *Общая*

тенденция среди основной части нерусского населения такова: возрастает численность и доля тех, кто относится к, условно говоря, тюркско-исламской культурной традиции, и сокращается численность и доля тех, кто принадлежит к славянско-финно-угорской, христианской культурной традиции. Все остальные этнические группы в составе российского народа составляют 3,5 % и на демографическую ситуацию в целом фактически не влияют.

Каждый из основных регионов России имеет свою специфику с точки зрения этнического состава населения. Есть так называемые русские регионы, где этнические русские составляют подавляющее большинство населения (90–95 % населения в некоторых областях центральной России и Урала). Есть регионы, где исторически проживают совместно представители крупных российских народов (например, русские, татары, башкиры, чуваша, мордва в Поволжье). Есть регионы с чрезвычайно разнообразным этническим составом, как, например, Северный Кавказ, где проживает более 40 автохтонных народов разной численности: от миллиона человек (аварцы и чеченцы) до нескольких сот человек (малые горские народы Дагестана). Можно сказать, что в России нет моноэтнических регионов, но зато есть регионы преимущественного проживания представителей той или иной национальности. Это касается населения почти всех российских республик, то есть большинство российских якутов, чувашей, татар, башкир, удмуртов, калмыков, бурят, осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев и так далее проживают в соответствующих республиках. Но это не означает, что так называемые титульные (эпонимные, то есть давшие название) группы составляют большинство населения в «своих» республиках. Таких

республик с титульным большинством только десять: Чувашия, Тыва, Татарстан, Калмыкия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия. В остальных большинство населения составляют русские вместе с представителями других «нетитульных» национальностей.

Общей демографической тенденцией для этнотерриториальных автономий России является преимущественный рост титульного населения или, как минимум, возрастание его доли. Наиболее тревожной тенденцией с точки зрения общероссийских интересов и интересов модернизационного развития республик является сокращение общей численности и доли русского населения в республиках. Это вызвано как более низкой рождаемостью, так и отъездом русского населения из республик по причинам нестабильности, недостаточной безопасности, местного национализма и косвенной дискриминации. Заметный отъезд русских был из республик Северного Кавказа, которые все более становятся моноэтничными.

Другая общая тенденция этнической демографии — это рост иммигрантов из зарубежных стран, особенно из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама. За 20 лет Россия приняла не менее 10 млн мигрантов на постоянной основе, и в стране ежегодно находится около 10 млн из числа так называемых гастарбайтеров, то есть временных трудовых мигрантов. Последняя цифра, на наш взгляд, завышена почти в два раза, но точной миграционной статистики в стране не существует. Это обстоятельство, а также бытовые фобии и политические расчеты порождают мифы о миграции, о засилье мигрантов в крупных российских городах, о повышенном уровне преступности среди мигрантов, о занятии ими рынка труда в ущерб местному населению. Нет сомнений, что мигрантофобия стала частью массового сознания россиян, элементом политической стратегии и необходимой составляющей выгодного использования рабочей силы от отдельного работодателя до государственных и частных производственных структур.

Нет сомнений, что массовая иммиграция в Россию, которая носит фактически неконтролируемый характер и сопровождается огромной коррупцией бюрократии и сверхнаживой работодателей, заключает в себе определенные риски, в том числе и риски изменения исторически сложившихся пропорций населения и уклада его жизни. Многие мигранты оседают в России, привозят свои семьи и становятся российскими гражданами. Безусловно, часть мигрантов порождает конкуренцию на рынке труда и в сфере предпринимательства. Но в целом эти риски явно преувеличены, намеренно артикулируются политиками особенно в период избирательных кампаний, поддерживаются теми, кто использует труд мигрантов и подвергает их сверхэксплуатации или прямому обману.

Что касается фактического изменения этнического состава населения страны под воздействием иммиграции из других стран, то можно отметить только перемещение в число 23 самых крупных народов России армян и азербайджанцев, это исторически исконное население нашей страны, и в СССР они также были в составе самых крупных народов. Выросшие за послед-

ние 20 лет представители Центральной Азии, а также китайцы и вьетнамцы, или впервые появившиеся небольшие группы выходцев из стран Африки занимают в составе населения России не более 2 %. В последние годы этот рост замедлился по причине более жесткого миграционного контроля и снижения общей экономической активности в стране.

И все же наш главный вывод итогов этнодемографического развития России после распада СССР заключается в том, что этнические русские сохранили не только место доминирующей нации, но после присоединения Крыма их доля среди россиян даже немного увеличилась (80,6 % в 1989 г. и 80,9 % в 2014-м). Никаких оснований принимать прогноз о радикальном (в десятки миллионов) сокращении русских или их замещении представителями других российских национальностей не существует. Отметим, что этот миф о вымирании России, созданный как отечественными, так и зарубежными экспертами и политиками, нанес существенный ущерб ее образу как страны. И это притом, что после распада СССР 8 из 15 постсоветских государств потеряли пропорционально, а Украина и в общем численном выражении населения существенно больше, чем Россия. Вот только о «вымирании» этих стран почему-то никто особенно не голосил, видимо, оберегая их международный престиж или по какой-то другой причине. В любом случае для России это урок неосторожного и неквалифицированного обращения с демографией, включая ее этнические параметры. *В создание позитивных стратегий национального развития России необходимо внести более адекватные представления о развитии страны и ее будущем как одном из самых крупных государств мира по численности своего населения и по богатству ее этнического состава.* И у России есть возможности по этому показателю сохранять позицию в первой десятке государств мира.

Динамика постсоветской идентичности

За последние годы изменились коллективные идентичности россиян. В 1990-е годы население плохо воспринимало новую Россию как свою Родину и центр как воплощение высшей власти. Эта «негативная идентичность» была зафиксирована многими социологическими исследованиями того времени¹. В 2000-е годы произошел заметный поворот от советской к общероссийской идентичности и конкурирующими уже стали регионально-этническая и общероссийская формы коллективного самосознания. Этот переход зависел от многих факторов, среди которых были отступление советского поколения из коллективной памяти уже нового поколения граждан, ослабление радикальных форм этнического национализма, целенаправленные усилия части экспертного сообщества и высших властей по утверждению представления о гражданской российской нации². Ниже мы приведем некоторые результаты

¹ См., например: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛЮ, 2004.

² См. обзор советской этнополитики в книге: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 380–444.

исследований российского самосознания, которые подтверждают вывод о существенном сдвиге в пользу «российскости» по сравнению с другими коллективными идентичностями среди россиян. Однако эти результаты не являются слишком оптимистичными, хотя они подвижны и данные опроса молодежи осенью 2013 года, а также последние опросы после присоединения Крыма говорят о росте общероссийского патриотизма среди населения во всех регионах страны.

В 2010 году в ходе общероссийского опроса нами был задан вопрос: «Что для вас означает понятие “родина”?». Ответ на этот вопрос во многом отражает, насколько близким может быть для респондента чувство принадлежности к российской нации. Результаты оказались далеко не однозначными. На этот пункт анкеты можно было дать несколько вариантов ответов. Наиболее часто встречались ответы: «Родина — это страна Россия» (49 %) и «Родина — это место моего рождения» (46 %). В них проявилась полярность мнений и дополняющие друг друга суждения. Оба ответа одновременно дали только около 18 % респондентов. Те, кто считает родиной конкретную местность, а не страну, составляют почти треть опрошенных.

По регионам картина выглядит еще менее однозначно. Выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявила почти половина респондентов в Грозном (48 %) и похожая доля опрошенных в Якутске (43 %). В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина — Россия: в Грозном — 14,3 %, в Якутске — 17,1 %. Более детальный анализ ответов респондентов — жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном местные русские и часть ингушей, тогда как среди че-

ченцев таковых только 11 %. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется произошедшим в республике военным конфликтом. Примечательна ситуация в Якутске. В этом городе лишь 23 % русских и 15 % якутов назвали Россию своей родиной, тогда как для большинства оказалось, что родина — это прежде всего место, где они родились. Здесь следует учесть, что для якутян, как и для магаданцев и жителей Дальнего Востока, понятие «Россия», «материк» часто означают всего лишь центральные районы страны, которые расположены далеко и живут по-другому и в других условиях. Кстати, аналогичное видение «Америки» имеется среди аляскинцев, гавайцев и даже жителей Калифорнии.

Вторая группа регионов характеризуется тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Причем, если показать ответы «Родина — Россия» в данной группе превышает 40 %, то по Сургуту он отличается еще и своей заметно пониженной величиной (32 %).

Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию, — больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы. Промежуточное положение между второй и третьей группами занимает Хабаровск, в котором невысока доля тех, кто считает родиной исключительно место рождения (26 %), а те, кто назвал родиной Россию, не превышают половины опрошенных (49,5 %) (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о понятии «родина» (%)

Место опроса	Родина — только местность рождения	Родина — Россия (вместе с другими возможными ответами)
Москва	24,3	51,9
Тула	23,3	52,8
Архангельск	30,4	49,9
Сыктывкар	31,9	44,3
Пятигорск	22,3	52,6
Грозный	48,4	14,3
Оренбург	25,9	56,5
Балаково	35,1	41,6
Екатеринбург	30,8	47,4
Сургут	30,9	32,2
Омск	34,8	44,1
Горно-Алтайск	35,3	46,4
Якутск	43,4	17,1
Хабаровск	26,2	49,5

Таким образом, в некоторых регионах у населения преобладают чувства регионализма над чувствами принадлежности к государству. Но таких регионов

меньшинство. Вместе с тем распространена ситуация, когда наряду с доминированием идеи о принадлежности к России большое количество людей в регионе

с этой идеей не согласны (треть опрошенных). В этой ситуации необходима стратегия, которая исходит из того, что *местная (региональная) идентичность не противоречит и не ослабляет российскую идентичность, что любовь к малой родине не отрицает наличия любви к большой Родине. Наоборот, местный патриотизм и идентичность сопровождают и даже усиливают российскую идентичность.*

Представление о родине связано с тем, в какой мере россияне ощущают свою принадлежность к России. Это

более прямой вопрос о приверженности респондентов к своему государству. На вопрос: «В какой мере вы ощущаете принадлежность к России?», 45 % заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12 % ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13 % не дали определенного ответа, а у прочих (30 %) оно возникает «только в некоторых ситуациях». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос об ощущении принадлежности к России (%)

Место опроса	Ощущаю принадлежность в сильной степени	Чувство принадлежности возникает в некоторых ситуациях	Не ощущаю принадлежности	Затрудняюсь ответить
Пятигорск	53	32	6	9
Оренбург	51	32	5	12
Тула	48	34	6	12
Архангельск	47	37	6	10
Сыктывкар	47	29	9	15
Москва	46	27	14	12
Екатеринбург	45	36	6	13
Сургут	45	37	8	11
Хабаровск	44	29	8	18
Горно-Алтайск	44	32	10	15
Омск	42	34	7	17
Балаково	40	32	13	15
Якутск	24	40	20	16
Грозный	21	39	17	24
В целом	45	30	12	13

Сравним региональные данные. Наибольшее количество респондентов, заявивших, что испытывают чувство принадлежности к России в сильной степени, зафиксировано в Пятигорске (53 %) и Оренбурге (51 %), там же отмечена наименьшая доля тех, кто не ощущает такой принадлежности. Существенно отличается ситуация в Якутске и Грозном. В этих городах менее четверти опрошенных заявили, что ощущают принадлежность к России в сильной степени, и чуть меньшая доля — что подобного чувства не испытывают.

Интерес представляют данные по Москве, в которой немногим выше среднероссийского уровня оказалась доля респондентов, заявивших об устойчивом ощущении принадлежности к России. Ниже среднего выявилась доля тех, кто указал на ситуативное чувство принадлежности к стране, и выше среднего — доля тех, кто не ощущает принадлежности к России. При этом среди опрошенных москвичей очень маленькая доля лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации. Полученное распределение ответов по Москве отчасти объясняется мотивами социального протеста. Среди тех москвичей, кто не ощущает принадлежности к своему государству, оказалось много людей пожилого возраста.

Предваряя возможное неверное истолкование, заметим, что полученные результаты не отражают картину лояльности или нелояльности граждан к своему государству. Однако приведенные ответы дают представление о готовности населения вести общественную дискуссию по поводу принадлежности к российской нации. Если принять во внимание, что 75 % опрошенных считают себя в той или иной степени причастными к России, то это означает, что они готовы участвовать в упомянутой дискуссии. Кстати, *миллионные аудитории российских спортивных болельщиков в ходе сочинской Олимпиады продемонстрировали свои ощущения принадлежности к России лучше и ярче, чем любые социологические опросы.*

Стратегия вместо концепции

По данным осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН этнологического мониторинга, в России с 2008 года наблюдалось некоторое повышение уровня конфликтности, хотя до этого в течение ряда лет ситуация была лучше. Этот уровень конфликтности сохранялся до 2013 года. Напряженность и конфликты возникали там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Граждане Российской Федерации — это российская нация?» (%)

Место опроса	Да	Потребуется несколько лет	Потребуется десятилетия	Единая нация не может возникнуть	Затрудняюсь ответить
Сыктывкар	31	7	8	36	19
Екатеринбург	29	6	12	40	13
Оренбург	26	8	13	39	14
Балаково	26	5	11	36	22
Тула	26	5	16	40	14
Горно-Алтайск	25	4	9	45	17
Архангельск	24	17	15	30	13
Сургут	23	6	12	32	27
Омск	23	6	12	40	18
Москва	22	9	16	38	16
Хабаровск	22	6	14	34	24
Пятигорск	16	11	17	41	15
Якутск	11	9	25	37	18
Грозный	10	9	13	41	26
В целом	23	8	15	38	17

с плохим управлением и когда политики и общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия. Все это побудило российские власти внести изменения в действовавшую с 1996 года концепцию государственной национальной политики. В день вступления в должность 7 мая 2012 года Президент России Владимир Путин подписал указ «Об обеспечении межнационального согласия», призванный гармонизировать межнациональные отношения, укрепить единство многонационального народа Российской Федерации и обеспечить условия для его полноправного развития. В рамках созданного Путиным Совета по межнациональным отношениям была разработана и принята президентским указом в декабре 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

В Стратегии заложена идея формирования единой политической нации и сохранения этнокультурного разнообразия российских национальностей. Это отражено в формулировке целей государственной национальной политики: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) социальная и культурная адаптация, интеграция мигрантов.

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну на-

родов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно российская идентичность будет сочетаться с этнической «русскостью», «татарскостью», «башкирскостью», «якутскостью» и т. д. Данные последних исследований свидетельствуют, что идея общероссийской гражданской нации не навязывается сверху, а отражает массовые представления. Если еще в 2004 году признание российской идентичности уступало этнической самоидентификации и сильную связь с гражданами России ощущал лишь 31 % респондентов, то к 2011 году российская идентичность у большинства населения стала самой распространенной и ощущение связи со страной в целом — более сильным¹.

В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Сегодня большинство населения — это люди, которые считают себя гражданами России и не теряют свою этническую идентичность. Вместе с тем обсуждение в медийном пространстве показывает, что не всеми предложенная стратегия воспринимается спокойно. Нередко понятию «российская нация» придается иное значение, иной смысл: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность. Примерно половина опрошенных в 2010 году россиян считали, что «в условиях России единая нация возникнуть не может» (38 %) или для этого должны пройти десятилетия (см. табл. 4).

¹ См.: Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013.

Социологические исследования демонстрируют, что значительная часть населения (24–41 %) отмечает обострение межнациональных отношений из года в год (в 2010 г. — 32 %). Нарастание напряженности в межэтнических отношениях отмечают представители всех возрастных групп, чаще его замечают люди с высшим образованием (36 %). Острота восприятия нарастает с увеличением размера населенного пункта, достигая пика в Москве и Санкт-Петербурге, где обострение фиксируют 53 %¹. *Общий вывод состоит в том, что растущая российская идентичность,*

устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает раздражения и в некоторых случаях — враждебности к представителям других национальностей, что часто есть следствие недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливости, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия и общества, и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

П. П. Толочко²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-ЕВРО-АМЕРИКАНСКИ И КРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Мировое развитие происходит удивительно противоречиво. Только кажется, что в нем преобладает глобализация. В действительности наряду с ней происходит и дезинтеграция. Причем последняя, как это ни парадоксально, и определяется первой. Наглядным примером сказанному может быть так называемая новая Европа. Объединяясь в целостное сообщество, а фактически формируя новый тип империи, она одновременно дробится на все большее число стран. Только бывшие Югославия и Чехословакия пополнили ее девятью суверенными национальными государствами.

И нет гарантии, что процесс деления не будет иметь продолжения. В том числе и за счет стран старой Европы, где все отчетливее заявляет о себе культурный и политический сепаратизм. В Бельгии желают самоопределиться фламандцы, в Испании — баски и каталонцы³, в Англии — североирландцы и шотландцы, во Франции — корсиканцы, в Италии — североитальянцы. Гренландия тяготеет к независимости от Дании, а Бавария настаивает на бюджетной независимости от Берлина.

Похожие процессы наблюдаются и на постсоветском пространстве, где не без помощи Запада вместо одного государства в одночасье образовались пятнадцать. Причем процесс деления на этом не закончился.

¹ Тишков В. А. Указ. соч. С. 642.

² Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии СССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского. Награжден орденом князя Ярослава Мудрого V, IV, III степеней, орденом «Знак Почета».

³ Парламент Каталонии принял декларацию, провозглашающую ее территорией «суверенным субъектом».

В России неожиданно «забурлил» мятежами Северный Кавказ, от Грузии отделились Абхазия и Южная Осетия, в Киргизии столкнулись киргизская и узбекская общины, Армения и Азербайджан оказались в состоянии войны из-за Карабаха, из состава Молдовы вышло Приднестровье. На Украине все больше обостряется проблема крымских татар, требующих восстановления своей государственности.

Разумеется, межэтнические и межкультурные противоречия не являются чем-то новым в истории. Они были всегда. И причины, их порождающие, тоже не новы: неравномерное экономическое развитие регионов, несправедливое распределение доходов, отсутствие равного доступа к государственному управлению, языковая и религиозная дискриминация и др.

Новым здесь является масштаб этого явления, обусловленный глобализацией, которая определяет не только технологический прогресс и региональную политическую консолидацию, но и мировые экономические кризисы, а вместе с ними и сепаратизм. Германия, Франция или Англия тяготеет к тому, что им приходится дотировать бюджеты Греции, Португалии или Кипра, а те, в свою очередь, протестуют против того, что богатые страны проводят по отношению к ним социально несправедливую политику жесткой экономии. И нет, как говорится, мира под европейскими оливами.

Союз, который еще недавно демонстрировал успехи интеграции, в настоящее время стоит перед трудным выбором своего будущего⁴. Старая модель исчерпала себя, и многие в Европе заговорили о возможном распаде сообщества (полном или частичном, посредством выхода из Еврозоны некоторых стран). Наверное, это перспектива не завтрашнего дня, но и не такого уж далекого будущего.

В свое время русский философ И. А. Ильин, рассмотревший проблему столкновения народов, пришел к выводу, что ее разрешение вполне возможно при условии выработки мировым сообществом системы правового регулирования международных отношений⁵.

⁴ Как показывают социологические исследования, богатые страны не поддерживают дальнейшего расширения ЕС, в то время как бедные являются сторонниками его разрастания.

⁵ Ильин И. Путь духовного обновления. М., 2003. С. 263.

В 1930-е годы такого правового механизма действительно не было и могло казаться, что именно он и станет гарантией недопущения межнациональных, а следовательно, и межкультурных конфликтов. Позже он появился. Уставом Организации Объединенных Наций за всеми народами было признано право на государственное самоопределение. Оно стало одним из фундаментальных принципов международного права, однако — вопреки надеждам — не только не исключило столкновений народов, но сделало их еще более частыми и, к сожалению, военными. Можно сказать, что к традиционным причинам конфликтов добавилась новая, заключающаяся в трудноразрешимом противоречии между желаниями народов самоопределяться и невозможностью или трудностью его достижения.

Дело в том, что это право не было сопровождено четкими нормами его применения. К тому же в реальной жизни оно нередко зависит от воли сильных мира сего. К примеру, НАТО и США пришли к выводу, что албанцы Косово имеют право на самоопределение, и оно состоялось. Аналогичную роль в самоопределении Южной Осетии и Абхазии сыграла Россия. При этом ни то, ни другое самоопределение не получило взаимного признания. Россия полагает, что у албанцев, переселившихся на исторические земли Сербии, юридического права на создание там собственного государства нет. Страны НАТО и США, даже не имея такого козыря, утверждают то же самое по отношению к Абхазии и Южной Осетии.

Разумеется, не нашло понимания это самоопределение в Сербии и Грузии, а это означает, что между ними и отделившимися от них государственными образованиями созданы очаги напряженности, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. По-видимому, таким же продолжительным будет и патронат над новыми государствами ведущих мировых держав, поскольку без него они не смогут защитить свои суверенитеты.

Примечательным является и то, что цивилизованный Запад (вместе с США), так энергично отстаивающий право народов на самоопределение в различных регионах мира, не демонстрирует аналогичного энтузиазма по отношению к своему сообществу. До сих пор не было ни одного случая, когда какая-либо страна Запада разрешила бы самоопределяться своему национальному меньшинству. А ведь некоторые из них добиваются этого права на протяжении многих десятилетий и даже столетий, в том числе и посредством вооруженной борьбы (баски — в Испании, североирландцы — в Великобритании).

Не проявляет Запад солидарности с международным правом и тогда, когда речь идет о самоопределении национальных меньшинств в союзных с ним государствах. К примеру, его голоса совсем не слышно в поддержку курдов Турции, составляющих почти 20 % населения страны и ведущих борьбу за политический и культурный суверенитет, в последнее время — как будто за автономию, но и это умеренное желание курдов не находит сочувствия у либеральной Европы.

В сказанном выше нет осуждения позиции европейских лидеров, не желающих поддерживать сепаратистские настроения в своих странах. Скорее всего, они

поступают правильно. Объективно исходят из интересов всех народов, а не только меньшинств, культурная и политическая элита которых желает во что бы то ни стало самоопределяться. Это право, хотя и освящено высоким авторитетом ООН, далеко не безусловное. Его реализация практически всегда сопряжена с нарушением традиционного миропорядка, политической и экономической стабильности в стране и регионе. А кроме того, оно резко расходится с интересами титульных этносов, которые внесли основной вклад в строительство страны и поэтому также должны иметь право голоса при определении ее дальнейшей судьбы.

Говоря о предстоящем в 2014 году референдуме о независимости Шотландии, которая до 1707 года была суверенным государством, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что в интересах не только британцев, но и шотландцев сохранить целостность страны. От ее разделения никто ничего не выиграет. Содержательно близким было и высказывание Жозе Мануэла Баррозу о референдуме по самоопределению Каталонии. Решаясь на такой шаг, заявил высокопоставленный европейский чиновник, Каталония должна отдавать отчет, что она никогда не сможет стать членом ЕС без согласия Испании.

Как говорится, золотые слова. Вот только произносятся они почему-то только тогда, когда речь идет о собственной целостности. Их не было слышно, когда та же либеральная Европа и США с упоением разваливали Югославию и Советский Союз. В первом случае при помощи военной силы. А ведь объективно от этих разделений действительно никто ничего не выиграл. Ни народы, вдруг обретшие суверенную государственность и не всегда знающие, что с ней делать, ни мировое сообщество в целом. Развал Югославии сдетонировал длительный военный конфликт на Балканах, а с развалом Советского Союза мир и вовсе запылал нескончаемыми войнами, развязываемыми США и НАТО, которые почему-то присвоили себе роль мирового жандарма.

Из сказанного следует, что мировое сообщество сегодня нуждается не столько в реализации права народов на самоопределение, сколько в выполнении известного Хельсинкского соглашения о нерушимости государственных границ. Отказ от него Запада, одержимого идеей развала социалистического содружества, как показывает опыт истории, ни к чему хорошему не привел. Мир не стал от этого более стабильным, наоборот, все больше и больше погружается в состояние хаоса. Как утверждают политологи, управляемого хаоса, но вряд ли это в полной мере отвечает реальности. Он только создается управляемо, а дальше развивается неподконтрольно.

Еще одним тревожным и потенциально взрывоопасным последствием глобализации является новая форма «великого переселения народов». Объявляя себя оплотом демократии и свободы и пытаясь навязать эти гуманистические ценности другим народам, Запад спровоцировал неведомые в прошлом миграционные потоки. На каком-то этапе это приносило ему конкретные дивиденды. Остро нуждаясь в «черновых» рабочих руках, европейцы получали их из азиатских и африканских стран. О последствиях политики

«открытых дверей» задумались только тогда, когда переселенцы стали исчисляться десятками миллионов и начали решительно заявлять о своих правах на культурный суверенитет. Лидеры ведущих европейских стран заговорили о кризисе мультикультурализма, правда, не очень корректно обозначив проблему. В действительности имели в виду другое — крушение иллюзий в способности западной цивилизации окультурить и ассимилировать мигрантов.

Что касается мультикультурности, то она в странах Западной Европы не только не испытывает кризиса, но все больше и больше утверждается. Причем тем успешнее, чем активнее европейцы пытаются распространить свои ценности среди других народов. Глобализация ведь не улица с односторонним движением. Трудно сказать, сколь успешным окажется европейский проект в странах мусульманского мира, а вот то, что мусульманский проект в Европе демонстрирует свою перспективность уже сегодня, сомнений нет. Она проявляется в огромных масштабах миграции, которая сродни мирному завоеванию Европы.

По существу, Запад повторяет судьбу глобализаторов всех времен, которые в конечном счете разрушались глобализованными народами. Наглядный пример — Римская империя, рухнувшая под напором облагороженных ею варваров.

Особенностью эмиграции из стран Африки и Азии является не просто ее приверженность своим культурным ценностям, в чем, разумеется, нет ничего плохого, но совершенная неготовность принимать ценности стран их нового местожительства. Переселенцы и в инородной для себя среде продолжают вести традиционный образ жизни. К тому же создают замкнутые сообщества, так называемые культурные анклав, которые активно, а часто и агрессивно утверждают свои цивилизационные суверенитеты.

Отдают ли отчет на Западе, сколь потенциально опасной является его мусульманизация? Похоже, что далеко не все и не в полной мере. Когда у католического священника одной из крупных европейских стран спросили, видит ли он здесь конфликт между христианством и исламом, тот ответил, что не видит. По его мнению, речь может идти скорее о конфликте культурных идентичностей. Но ведь это одно и то же. Обе идентичности зиждутся на традициях христианства и ислама.

В большей мере новыми европейскими реалиями озабочены политические и государственные деятели. Наиболее откровенно о них высказался премьер-министр Австралии Кевин Радд. В частности, он заявил мигрантам: «Если вы здесь несчастны, тогда уезжайте. Мы не заставляли вас приезжать сюда. Вы просились быть тут, следовательно, принимайте страну, которая приняла вас». Голландский политик Герт Вилдерс, проводящий параллели между исламом и фашизмом, полагает, что из страны должны быть выселены те исламисты, которые «не желают интегрироваться». Аналогичных взглядов придерживается председатель Национального фронта Марин Ле Пен, считающая, что Франция должна «восстановить пограничный контроль, сделать программу социальных пособий менее привлекательной для иммигрантов, депортировать не-

легалов». В 2010 году она сравнивала массовые моления мусульман на улицах с нацистской оккупацией. Федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель, а раньше и президент Франции Николя Саркози были более политкорректны, но также заявили о недопустимости создания в их странах инокультурных анклавов.

Иногда можно услышать, что Европа стареет и не может обойтись без притока рабочей силы извне, а потому и дальше будет вынуждена принимать убедительные экспертные оценки, что миграция из стран мусульманского Востока, как и из стран «черной» Африки, ощутимой пользы экономике Запада не приносит. Оказывается, что в большинстве своем мигранты бегут из своих стран не потому, что лишились там работы или подвергаются преследованиям диктаторскими режимами, а потому что в Европе можно безбедно жить, не работая (на социальное пособие). Когда шведский журналист спросил одного африканского безработного, почему тот оставил теплую Италию и перебрался в холодную Швецию, он ответил: «Потому что в Швеции более высокие социальные стандарты для мигрантов».

С проблемой неконтролируемой миграции столкнулась и Россия. После развала СССР и либерализации российского правящего режима в нее на заработки устремились миллионы вьетнамцев, китайцев, жителей Средней Азии. И так же, как в Европе, лояльность властей России по отношению к мигрантам объясняется острым недостатком рабочей силы, особенно в строительном секторе и сельском хозяйстве. На первых порах никто не видел в притоке мигрантов какой-либо угрозы. Однако со временем ситуация изменилась. В их руках неожиданно оказалась вся рыночная торговля Москвы и других крупных городов. Они же организовали подпольные производства, продукция которых под брендами мировых фирм заполонила русский рынок. В их руках оказался и городской извоз. При этом вся деятельность мигрантов «крышуются» их же этническими криминальными группировками.

Осознав степень опасности от нашествия мигрантов с Востока, в России наконец-то принялись наводить порядок в этой сфере. Но неизвестно, справятся ли с этой трудной задачей? На Западе реальных мер по ужесточению миграционной политики, несмотря на заявления лидеров некоторых стран, так и не последовало.

Разве что большее внимание стали уделять внутри-европейскому источнику миграции. Кстати сказать, он оказался достаточно масштабным и более перспективным для старой Европы. В результате развала социалистического содружества и Советского Союза, во-первых, рухнул так называемый «железный занавес», за которым находились восточноевропейские страны, во-вторых, в большинстве из них обрушились и экономики. Обретя свободу, но лишившись работы и средств к существованию, граждане этих стран потянулись к своим благодетелям: в ЕС нет внутренних границ и можно выбирать для нового местожительства любую страну. Восточные европейцы сполна воспользовались такой возможностью, в результате чего практически все их страны понесли существенные демографические потери.

Ярким символом внутриевропейских переселенческих тенденций недавно стал виртуальный польский сантехник, оказавшийся звездой рекламы в западных средствах массовой информации. Теперь, видимо, пробил час и для украинского сантехника. Не случайно Брюссель так настойчиво добивается подписания Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. На политическую и экономическую элиту Украины осуществляется беспрецедентное давление. Главная его цель, которая и не скрывается, — во что бы то ни стало оторвать Украину от России, чтобы не дать возродиться новому имперскому образованию на постсоветском пространстве. Запад почему-то полагает, что без Украины такое возрождение невозможно.

Наряду с этим присутствует и интерес обретения европейским сообществом миллионов дешевых украинских рабочих рук и умных голов, равно как и рынка сбыта для своих товаров. Пойдет ли это на пользу Украине, покажет время, но это обстоятельство Запад определенно волнует в последнюю очередь. Думаю, что украинская политико-экономическая элита это прекрасно понимает. Но она уже давно де-факто интегрирована с Западом своими капиталами и подписанием соглашения рассчитывала легализовать свой статус де-юре¹.

Неизвестно, рассматривается ли восточноевропейский мигрантский поток как альтернатива арабо-мусульманскому, но объективно он, конечно, намного выгоднее европейскому сообществу. Во-первых, эмигранты из стран Восточной Европы более образованны, чем переселенцы из стран Азии и Африки. Во-вторых, что более важно, они не представляют никакой угрозы для Европы в плане мультикультурализма. Восточноевропейцы легко интегрируются в западноевропейскую жизнь, в том числе и культурную, и, конечно, не создают опасности изменения этнонациональной и культурной идентичности тех стран, куда переселяются на постоянное место жительства.

В худшем случае первое их поколение будет сохранять двойную культурную лояльность, что естественно для людей христианской цивилизационной общности. В лучшем — вольет свежую кровь в дряхлеющие либеральные общества Запада, многие ценностные ориентации которых не только несовместимы со здравым смыслом, но и находятся в явном противоречии с Божьим промыслом. Речь, в частности, идет о «гомосексуальных революциях», которыми гордятся европейские демократы и призывают остальной мир следовать их примеру. Результатом этих «революций» стали конституционализация однополых браков и разрешение таким семьям усыновлять детей. Вот только где брать таких детей? В Европе, где на одну традиционную семью приходится от 1,2 до 1,4 ребенка, их сейчас уже нет. С легализацией однополых семей детей будет еще меньше.

Ранее уже говорилось о последствиях для европейской цивилизации так называемой «мягкой» глобализации мира при помощи «цветных революций». Но ведь параллельно с ней происходит еще и жесткая, силовая, также, согласно западным ревнителям свободы и демо-

¹ Лидер Национального фронта Франции Ле Пен заявила, что «Украина может развиваться и без ЕС. Европейский проект провалился, и теперь его хотя бы покинуть».

кратии, совершаемая в интересах «угнетенных» народов. Не обнаружив таковых в какой-либо стране, особенно обладающей большими запасами энергоносителей или находящейся в стратегически важном регионе, американские и европейские стратеги обрушивают на нее всю мощь своей военной машины. Таким способом «свобода» и «демократия» были последовательно утверждены на Балканах, в Афганистане, Ираке, Ливии. На очереди — Сирия, «демократизировать» которую нобелевский лауреат мира президент США Барак Обама решил при помощи ракетного удара. Примечательно, что на этот раз свое решение он не стал даже вуалировать какими-то эвфемизмами. Сказал откровенно и просто: «Ракетный удар по Сирии диктуется национальными интересами США».

Практически всегда такая «демократизация» сопровождается кровью. Даже в том случае, если бы страны НАТО и США были действительно искренни в своих намерениях осчастливить народы вышеперечисленных стран благами свободы и демократии, платить за это столь высокую цену было бы тягчайшим преступлением перед человечеством. На совести диктаторов (Милошевича, Хусейна, Каддафи, Садата, Асада), как неустанно уверяет мир западная пропаганда, — тысячи невинных жертв. Но ведь на совести демократических руководителей США и НАТО их намного больше. А если прибавить сюда полностью разрушенные экономики, доведенные до состояния гражданских и религиозных войн общества, разрушенные памятники культуры, разворованные музеи, получится достаточно полная и, к сожалению, далеко не радостная картина цивилизаторских усилий американцев и их европейских подручных.

События «арабской весны», по существу, со всей очевидностью подтвердили справедливость вывода Хантингтона о конфликте цивилизаций. В данном случае — христианской и мусульманской. В ответ на силовое навязывание арабскому миру европейских ценностей он радикализуется, отвечает казнями христианских священников, разрушением христианских храмов и святых на своих землях. В этом ряду находятся и чудовищные террористические акты, один из которых в свое время потряс США и весь мир. Не исключено, что и вызывающе агрессивное поведение мусульман в Европе обусловлено в значительной мере мстостью за погранные достоинства их родины.

Опасаясь за свои жизни, вынуждены бежать из «освобожденных» от тирании диктаторов стран и европейцы, что также не способствует утверждению там ценностей свободы и демократии. Как правило, на смену просвещенному авторитаризму там приходит религиозный фундаментализм.

Формально США и НАТО всегда одерживают победы в военных кампаниях, развязываемых в различных регионах мира. Фактически же они в конечном счете оказываются пирровыми. Перефразировав высказывание известного английского полководца XIX века после выигранного крупного сражения в Крыму («Еще одна такая победа — и Британия останется без армии»), можно сказать: «Еще несколько таких “арабских весен” — и Запад может оказаться Востоком». Разумеется, в цивилизационном отношении.

В. Т. Третьяков¹

В ЛЮБОМ ДИАЛОГЕ ВСЕГДА ЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЬ

Диалог культур — традиционная тема Лихачевских чтений — очень привлекательная и вообще-то осмысленная культурологическая и даже политическая установка. И понятно, что данное ученое собрание ею гордится, ибо восходит она к самому академику Д. С. Лихачеву. Но все-таки нужно быть не только верными лихачевцами, но и трезвыми аналитиками. Желаемое не есть действительное. Культуры не только вступают в диалог друг с другом. Строго говоря, в таком диалоге они живут постоянно, хотя он ведется в очень разных форматах. Нужно рассматривать как минимум четыре таких формата.

1. Диалог на основе равенства сторон: две примерно равновеликие культуры взаимодействуют на «нейтральном поле», например французская и немецкая культуры в России или США.

2. Диалог на основе неравенства сторон, но на «нейтральном поле»: две неравновеликие культуры (например, русская и украинская) — во Франции или в Германии.

3. Диалог на основе равенства сторон, но на поле одной из вступающих в диалог культур. Например немецкая и французская культуры во Франции или, наоборот, в Германии.

4. Диалог на основе неравенства культур на поле одной из культур. Например украинская и русская культуры в России или, наоборот, на Украине.

Можно ли рассматривать четыре перечисленных формата диалога как нечто единообразное — по стилю и методам ведения диалога, по возможности достижения согласия, по амбициям участников диалога, по предсказуемости результата (если это несогласие)? Конечно, нет.

Но и эти (перечисленные выше и только самые очевидные) форматы одним образом проявляются в спокойные времена и совсем другим — в ситуации прямой конфронтации культур (естественной или спекулятивной), в моменты и периоды политического противостояния (включая информационную войну), тем более в такие периоды, которые потенциально чреватые силовым противостоянием.

Например, сегодня (все последние месяцы) вокруг ситуации на Украине мы имеем как минимум: 1) ситуацию политического противостояния с нынешними киевскими властями и со странами Евросоюза и США; 2) предвоенное состояние с нынешними властями Украины и даже, возможно, с некоторыми странами НАТО; 3) информационную войну — практически пол-

номасштабную. Можно ли в таких условиях говорить о диалоге культур, а если можно, то о каком?

Строго говоря, диалог — это взаимная коммуникация двух сторон. Но в современных условиях, да еще если такой диалог проходит на культурном или информационном поле третьей стороны (а иногда и четвертой, и пятой, и т. д.), автоматически возникает совершенно иная ситуация диалога, которую, тоже как минимум, можно описать в двух вариантах:

— третий, вроде бы нейтральный участник блокируется с одним из двух активных участников диалога, соответственно усиливая его позицию;

— третий, вроде бы нейтральный участник становится арбитром, третейским судьей диалога. Иногда он сам берет на себя эту роль, иногда — по инициативе одного из участников диалога.

То есть ситуация становится еще более сложной.

Если опять в качестве актуального, а потому и очень наглядного примера взять ситуацию вокруг Украины, то для меня очевидны выявившиеся, но латентно присутствовавшие и до того конфликты или прямые противостояния, фактически блокирующие возможность диалога или по меньшей мере сильно его осложняющие. Это конфликты:

1) политических культур Запада и России (не России при Путине, а вообще России);

2) цивилизационный (то есть еще более глубокий) конфликт между культурами Запада и России;

3) между украинской культурой в нынешнем ее состоянии и культурой России, хотя, строго говоря, Украина в основной массе своего населения (а следовательно, и культурной) есть часть исторической России;

4) между культурами украинского и русского национализма;

5) внутри российского общества (и соответствующее идейное и информационное противостояние) между частью российской интеллигенции и богемы и основной массой российского общества. Это очень напоминает тот конфликт «двух культур внутри одной национальной культуры», о котором в свое время писал Ленин.

И эти пять конфликтов — еще минимум из того, что можно перечислить.

Можно ли перейти из суммы этих конфликтов в режим нового диалога культур? Я думаю, что без победы той или иной стороны нельзя. Следовательно, это еще одно подтверждение, что парадигмы «диалог культур» и «война культур» в одинаковой степени присущи человеческой цивилизации вообще и отдельно взятым ее составляющим в частности.

Кто может смягчить нынешние конфликты для того, чтобы еще до победы одной из сторон приблизиться (в обстановке фактической информационной войны) к возобновлению «диалога культур»? Интеллигенция? Сомневаюсь. Политики? Сомневаюсь. Журналисты? Сомневаюсь. Просто народы? Сомневаюсь.

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: Взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

Не будем забывать, что до сих пор в научной и экспертной среде по поводу известной формулы «конфликт цивилизаций» существуют прямо противоположные мнения. Одни утверждают, что «конфликта» (без злой воли одной из цивилизаций) нет, а есть как раз «диалог цивилизаций». Другие считают, что «конфликт» есть всегда, а «диалог» есть одна из только внешне миролюбивых форм этого конфликта. Третьи, и я в том числе, придерживаются мнения, согласно которому:

1) цивилизации не могут не находиться в «конфликте», ибо они конкурентны по природе своей, и вопрос лишь в степени агрессивности того или иного (или обоих вместе) участника этого конфликта;

2) «диалог цивилизаций» (уже — «диалог культур») есть механизм (осознаваемый таковым или используемый неосознанно) мирного завоевания, или поглощения, или даже уничтожения конкурирующей «цивилизации» («культуры»);

3) следовательно, в любом «диалоге» как минимум один из его участников жаждет и ищет победы;

4) человечеству в целом такая победа не нужна, ибо закон существования мира — это разнообразие. Как только разнообразие исчезает (например, в результате победы даже самой утонченной и развитой культуры), гибнет культура вообще. То есть победитель, думая, что он «получает все», на самом деле не получает ничего, кроме выжженной земли и личного эгоистического удовлетворения.

То есть банальный вопрос о том, как та или иная «культура» должна вести себя в диалоге с другими «культурами», во-первых, не имеет банального ответа; во-вторых, фактически исключает победу (то есть самый желанный результат); в-третьих, исключает и поражение.

Потому только тактика ведения «диалога культур» может быть (и является в реальности) «простой, разумной, открытой и искренней»: внимательно выслушай оппонента; согласишься с самыми разумными его аргументами; найди точки соприкосновения; постепенно иди к компромиссу. Стратегия «диалога культур» таковой быть не может и никогда не бывает.

Есть, конечно, более тонкие ответы на поставленные вопросы — и я в своем выступлении постараюсь

их дать, но более тонкое в ситуации информационной войны (и соответствующих блокад) либо рвется, либо просто маргинально по отношению к основному процессу. Принято считать, что «диалог культур» ведут интеллектуалы, ученые, деятели искусства, а не политики. Это глубокое заблуждение. Принято считать, что политики по природе своей конфронтационны, а интеллектуалы, ученые, деятели культуры и искусства тяготеют к компромиссам. И это глубокое заблуждение.

Политики обязаны выиграть свою войну. Это понятно — иначе они не были бы политиками. Меня интересуют те, кто не является политиками. Например, та же самая интеллигенция, те же самые журналисты, те же самые «мастера культуры». А они-то что должны в этих условиях делать? Работать против своих политиков — ради высших ценностей типа «диалога культур», например? Или вести себя как-то иначе?

И наконец — что вообще есть диалог в таких условиях? Вообще-то самый эффективный и результативный диалог — это выработка условий капитуляции. Но кого? Мой ответ состоит из двух составляющих: 1) ты не можешь желать поражения собственной культуре, ибо тогда ты вне ее; 2) ты должен выступать за капитуляцию (пусть на почетных условиях) менее утонченной и менее сложной культуры — иначе ты за регресс в развитии мировой культуры.

Представляется, что в нынешних условиях, когда, на мой взгляд, уязвимость концепции «диалога культур» уже вполне проявила себя (просто на фоне явно противоречащих ей постоянно возникающих конфликтов и именно в этой сфере, да и вообще в парадигме «конфликта цивилизаций»), необходимо радикально поменять подход и обсуждения, и изучения всего, что связано с тематикой и проблематикой «диалога культур». И крайне желательно было бы, чтобы участники очередных Лихачевских чтений обсудили как раз этот аспект феномена «диалога культур».

Я не могу, да и не стремлюсь навязывать свой подход к этой теме, но вижу его призванным вывести «диалог культур» из тупика, в который он, на мой взгляд, зашел. Вывести если не на самый прямой путь, потенциально ведущий к истине, то, во всяком случае, на одну из троп, ведущих к такому пути.

Н. А. Хренов¹**СУДЬБА КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ВОЙНЫ
КАК ФОРМЫ КОНТАКТА МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ**

Одной из актуальных проблем истории XX века стало более интенсивное и динамичное общение между странами и народами. В каком ракурсе следует рассматривать такое общение? Исходя из установок организаторов Лихачевских чтений, из всех возможных ракурсов выберем цивилизационный. Иначе говоря, проблему общения можно рассматривать в той научной парадигме, что появилась в XIX веке. Речь идет об известной работе Н. Данилевского, идеи которого получили продолжение в философском бестселлере О. Шпенглера, а затем в многотомном исследовании А. Тойнби.

Когда вопрос об общении между народами поднимают историки, они обычно сводят его к общению между государствами, что, конечно, возможно и что постоянно предпринимается. Однако государства могут возникать, изменяться, исчезать, объединяться или, наоборот, разъединяться. По сути, они отражают лишь соотношение между народами в поздней истории. Политические формы объединения и разъединения, представляющие государства, весьма подвижны и могут трансформироваться за более короткое время. Вообще, цивилизации старше государств. Если брать большие временные отрезки истории, то процесс объединения и разъединения народов можно проследить не только на уровне государств, но и на уровне цивилизаций, которые могут объединять несколько государств. Имея в виду это обстоятельство, А. Тойнби говорит о возможности «рассматривать историю в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, а государства считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают»².

Если историю народов рассматривать в цивилизационном ракурсе, то во внимание следует принимать не только экономические и политические факторы, значение которых на поздних этапах истории столь гипертрофировано, вернее не сводить к этим факторам все

другие нюансы во взаимоотношениях между народами. Возникает возможность выявить довольно трудно осознаваемые факторы, которые являются уже ментальными, осмыслять контакты между народами на менее всего изученном историками ментальном уровне. Несмотря на то что в результате деятельности известной школы историков «Анналы» проблематика ментальности прочно вошла в науку как активно действующий фактор во взаимоотношениях между народами, она все еще плохо изучена, в том числе в цивилизационном плане.

В безбрежной проблематике контактов между народами на ментальном уровне мы выберем лишь одну форму контактов между цивилизациями, а именно — войну, то есть крайний случай. Под цивилизациями будем подразумевать Россию и Запад. Мы остановимся на этой форме контактов еще и потому, что в 2014 году исполняется ровно 100 лет с начала Первой мировой войны, которая, с одной стороны, явилась следствием продолжающегося надлома западной цивилизации, до этого времени лидировавшей в мировой истории. С другой стороны, эта война явилась отправной точкой для последующих значимых событий, имевших место в мировой истории. Не случайно Г. Федотов утверждал, что Вторая мировая война является «вторым актом Первой мировой войны»³.

Эта война ознаменовала начавшиеся сдвиги в некогда устоявшихся пространственных контактах между цивилизациями. Размышляя об этом, нельзя не вспомнить высказывание Гегеля о войне, констатирующего не только негативный, но и позитивный ее смысл: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира»⁴. С этой гегелевской точкой зрения солидарен парадоксалист Ф. Достоевского, мнение которого писатель приводит в своем «Дневнике писателя» за 1876 год. «Положительно можно сказать, — говорит он, — что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, — главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир — все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают все...

¹ Главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театралов России.

² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 407.

³ Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 308.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М. ; Л., 1934. Т. 7 : Философия права. С. 344.

Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувство»¹.

С этой точки зрения очевидно, что мировая война ускорила распад царской империи и высвободила пассионарность русских, проявившуюся в стремлении радикально пересоздать основы жизни. Следствием этой войны явилась революция 1917 года, многое изменившая как во внутренней, так и во внешней политике. Так, казалось, что Россия наконец-то оказывается способной разрешить существовавшую на протяжении всей ее истории задачу, а именно — вызов со стороны Запада. Рассматривающий историю с точки зрения разворачивающихся контактов между цивилизациями А. Тойнби фиксирует это взаимоотношение и взаимоотталкивание между Россией и Западом, которое постоянно давало о себе знать: «Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей, по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным»². Однако историк тут же пытается понять и объяснить и беспокойство России по поводу Запада, утверждая, что «у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию»³.

Заимствуя на Западе систему идей, а именно марксизм, большевики, выдвинувшие в 1917 году идею мировой революции, превратили эту систему идей в вызов по отношению к самому Западу, на который после свершившейся революции тот и вынужден был отреагировать. Эта реакция вошедшей с конца XIX века, если верить О. Шпенглеру, в фазу «заката» западной цивилизации проявилась в высвобождении в этой цивилизации мощных разрушительных сил, что стало причиной беспрецедентной истребительной войны, а именно — Второй мировой войны, причем прежде всего внутри самой этой цивилизации. Конечно, причиной этого высвобождения явилась не только угроза от покотившегося с Востока «красного колеса», но и надлом самой этой цивилизации, ослабление ее духовных и религиозных императивов. Так, в этой атмосфере утверждал себя в Германии национал-социализм.

Зависимость активизации под воздействием распространяющихся в западном мире революционных идей консервативно-охранительных сил давно стала предметом внимания философов. «Фашизм возник как реакция на большевизм, — пишет И. Ильин, — как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь даже в самых демократических государствах; в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь»⁴. Так, мы убеждаемся, что Первая миро-

вая война и в самом деле явилась прологом не только Октябрьской революции, но и Второй мировой войны.

Первая мировая война оказалась значимой не только для России, но и для Запада, вынужденного противостоять идее исходящей из России мировой революции, что создавало благоприятную ситуацию для возникновения и быстрого утверждения Германской империи. В ней получала реализацию немецкая национальная идея. Стал реальным прогноз, сделанный еще в XIX веке М. Бакуниным. Когда М. Бакунин в 1873 году прогнозировал столкновение России с Западом, то в качестве аргумента такого возможного в будущем столкновения (которое, как свидетельствует история XX века, подтвердилось) он выдвигал неизбежность восстановления в правах жесткой государственности как реакции на либерализацию обществ. При этом М. Бакунин исходил прежде всего из ментальности немцев. Такая реакция на либерализацию в истории постоянно случалась и раньше. Эта закономерность, как известно, была сформулирована еще древними философами.

Однако революция 1917 года не сводилась исключительно к либерализации. В силу возникающей со стороны Запада угрозы, связанной с активизацией охранительных сил, либерализацию осуществить не удалось. Либерализация скорее входила в программу Февральской революции, которая не осуществилась, поскольку в конечном счете к власти пришла партия с иными, более жесткими установками. Более важный смысл Октябрьской революции связан с преодолением того давления, которое на Россию всегда оказывал Запад, с выпадением России из процессов вестернизации. Выпадая из этих процессов, Россия, которая с Петровских реформ показывала себя прилежной ученицей Запада, демонстрировала разворачивающийся кризис европоцентризма. Она оказалась первой в последующей цепи выхода за пределы разворачивающейся в последние столетия вестернизации мира.

Реакция на либерализацию со стороны Германии, о которой говорил М. Бакунин, может иметь место вовсе не у всех, а лишь у народов с соответствующей ментальностью. Такая соответствующая свертыванию свобод ментальность, по М. Бакунину, присуща именно немцам. Выразителем охранительных ментальных установок может быть, как доказывал М. Бакунин, лишь Германия с присущей ей ментальностью, культом государственности и традицией Фридриха Второго как последователя Макиавелли.

Кто же в этой ситуации, что к началу XX века сложилась в мировой истории, оказался в оппозиции по отношению к Германии? Как доказывает М. Бакунин, таким антагонистом может быть только славянский народ как решительно негосударственный. «В отличие от немцев как народа завоевательного, славяне являются мирным земледельческим народом. Воинственный дух им чужд, как чужд им и дух государственности, носителями которого, по его мнению, славяне быть не могут. Если первый импульс немцев — укреплять государственность в собственной стране и распространять государственный императив на всем Западе, то славянам присущи неприятие государства и стремление

¹ Достоевский Ф. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 124.

² Тойнби А. Указ. соч. С. 438.

³ Там же. С. 439.

⁴ Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов : в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 75.

к вольно-общинному крестьянскому миру. В ментальности славян существует стремление к общей свободе и к общему человеческому братству на развалинах всех существующих государств»¹.

Однако в данном случае проявившиеся в революции антигосударственные установки в ментальности русских этой ментальности вовсе не исчерпывают. Об этом свидетельствует история российской цивилизации, не раз оказывавшейся в ситуации исчезновения. Эту ментальность следует рассматривать в цивилизационном пространстве и времени. Ее следует искать в длительных временных циклах. Но в этом случае мы обнаруживаем, что в российской цивилизации многое определяет ее отношение к византийской цивилизации.

Если российскую цивилизацию рассматривать в соотношении не только с Западом, но и с Византией, то мы обнаружим еще одну очень значимую особенность ментальности русских — их способность созидать государство и с его помощью выходить из экстремальных ситуаций. Если мы смысла этого ментального фактора не поймем, нам трудно будет осознать смысл подвига русских во время Второй мировой войны. Эту вторую особенность своей ментальности русские продемонстрировали не только в Средние века, но в том числе и в XX веке, а именно — во Второй мировой войне, когда для российской цивилизации возникла экстремальная ситуация.

Происхождение некоторых характерных для исторической психологии русских ментальных комплексов связано еще с идеей инока Филофея, ставшей государственной и явившейся, в свою очередь, той самой «русской идеей», о которой в последнее время много дискутировали. Проявив к «русской идее» интерес в ельцинскую эпоху, исследователи, находясь под давлением либеральных идей, тут же ее и отвергли. Это понятно. Тем не менее от этого невозможно отмахнуться. Идея Филофея затрагивает одну из тех культурных и ментальных традиций, которые русскими были ассимилированы, и начинает определять их ментальность как в ее позитивных, так и, возможно, в негативных проявлениях.

Конечно, далеко не все могут согласиться с тем видением войны, которое мы ставим в зависимость от ментальности русских. Но если этого не сделать, то невозможно понять установки, которые срабатывали в прошлом. В этом случае мы не поймем даже то, что происходит сегодня, в первые десятилетия XXI века. Между тем наш актуальный политический опыт свидетельствует, что мы остались верными тому, что было решающим в прошлые столетия.

Русские когда-то назвали Москву Третьим Римом, подхватив эстафету от Византии. Этот факт всем известен, но едва ли до конца осмыслен, и именно по той причине, что ментальность цивилизации никогда не была предметом внимания. Полное осмысление ментального комплекса русских, возникшего еще в Средние века, в современной ситуации оказывается неудобным, не соответствующим либеральным императивам. Оно может привести к обострению взаимоотношений России с Западом, которые весьма удобны в период ак-

тивной ассимиляции и утверждения в России либерализма.

Между тем А. Тойнби (а не кто-либо из современных российских консерваторов) придавал определяющее значение воздействию на Россию именно Византии, что определяло отношение России к Западу не только на протяжении многих столетий, но даже и в XX веке, когда Россия старалась реализовать установку марксизма². Как оказывается, заимствованный на Западе марксизм не исключал следования византийской традиции. А иначе как понять то, что большевики стремились, а точнее, были вынуждены реализовывать свои идеи на фундаменте жесткой государственности, что и привело к негативной оценке их установок и политического опыта? Ведь Рим, как позднее и Византия, подобно сегодняшней Америке, в свое время претендовал на лидерство в мировой истории, да отчасти и осуществлял эту идею в реальности. То же самое стремилось делать и Византия, поэтому и называлась Вторым Римом.

Но, подхватывая эту эстафету у Византии, русские, возводя Третий Рим, добровольно, в соответствии с логикой эстафеты, принимали ответственность за судьбу всех остальных народов, независимо от того, нуждались они в этом или нет. Такая ответственность потребовала колоссального напряжения и, разумеется, сдержанности, концентрации всех духовных и физических сил и, что печально, ограничений свободы, что позднее привело к тому, что ценности либерализма, сколь бы соблазнительными они ни были, здесь развиться не могли. Может быть, именно этим ограничением свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские оказывались способными вызывать к жизни сильное государство, а точнее, одну из могущественных империй мира, хотя, казалось бы, это добровольно взятое на себя бремя психологии русских и не соответствовало. Но таковой оказалась логика истории независимо от тех идей, которые пытались реализовать.

Может быть, именно потому, что такая государственность в ее архаической византийской форме, выразителем которой оказался разгадавший вторую сторону ментальности русских Сталин, была воздвигнута, русские и смогли защитить себя, выстоять во Второй мировой войне. Во всяком случае такая точка зрения, несмотря на всю критику Сталина, в литературе высказывается. Так, Д. Робертс утверждает, что если бы Сталин не вызвал к жизни жесткую государственность, то ни Россия, ни коммунизм не смогли бы выиграть войну с Гитлером³. Другое дело, что не следовало доводить до того, чтобы Россия оказалась на грани исчезновения. Но к этому подводило выпадение России из процессов вестернизации.

Но раз революция провоцировала взрыв консервативных сил, следовало им противостоять и их преодолевать. Необходимость сделать это отбросила русских в ранние эпохи истории. Цель, которую большевики ставили перед собой, в силу этого не только не была реализована, но и оказалась скомпрометированной. Раз Рим второй был империей, то такова и судьба русских.

² Тойнби А. Указ. соч. С. 374.

³ Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой войны до холодной войны. М., 2014. С. 519.

¹ Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 338.

Россия тоже должна быть империей. Казалось, что такая твердыня была гарантией осуществления принятого на себя бремени ответственности за судьбы мира. Это и есть мессианиззм. Империя воспринималась залогом прочности и стабильности не только российского универсума, но и всего мироздания. Этот средневековый ментальный комплекс во время Второй мировой войны вновь стал реальным.

Если эта тема затрагивается в литературе, то она обычно осмысливается под углом зрения, когда критикуется извечная предрасположенность российской государственности к тоталитаризму. По мнению некоторых, вина за этот уклон лежит на правящей элите. Но в том-то и дело, что упавшая на плечи русских ответственность — это ответственность, не только внедряемая в них властной элитой, но и добровольно принимаемая всеобщая, а следовательно, и идущая снизу, что и позволяет утверждать, что такая ответственность для ментальности русских становится значимой.

Но всегда ли в исторической реальности русские оказывались способными, несмотря на приносимые на алтарь не чужого, а собственного государства добровольные жертвы, эту ответственность в истории осуществлять? Иногда это получалось, а иногда нет. Чаще не получалось. В русской истории, народном сознании значимыми оказывались лишь те события, которые эту идею ответственности за судьбы всего мира подтверждали. И такие мгновения возрождали заимствованный в Византии средневековый ментальный комплекс. Вторая мировая война с точки зрения ментальности и оказалась таким событием, исключительным по своей ментальной значимости. Оно выходит за пределы секуляризированной истории, воспринимаясь в сакральной ауре. От подвига русских во Второй мировой войне и в самом деле зависела свобода других народов. Ради этого и приносились многочисленные жертвы. Не случайно после Сталинградской битвы в британской прессе утверждалось, что советские войска спасли европейскую цивилизацию¹.

Вторая мировая война свидетельствует о том, что прогноз М. Бакунина подтвердился: контакт в форме войны между цивилизациями состоялся. Но вовсе не потому, что народ-анархист столкнулся с народом-государственником. В экстремальной ситуации русские проявили себя государственниками в не меньшей мере, чем немцы. Дело тут не только в возникшей в правящей элите организующей силе, но и во всегда присутствующем в бессознательном русского народа ментальном комплексе. Таким образом, согласиться с отождествлением России исключительно с порывом к свободе и анархии трудно. История этого не подтверждает.

В связи с этим более адекватной является позиция Н. Бердяева, утверждавшего, что неприязнь к государству является лишь одной стороной ментальности русского народа. Другая сторона связана с потребностью в сильном государстве, которое этот народ в своей истории постоянно восстанавливал. Восстановил он в XX веке на руинах старой империи и новую — большевистскую — империю. В этом восстановлении народ тоже вовсе не был исключительно пассивным, хотя

от этого он и испытывал невероятные страдания. Таким образом, российская история XX века свидетельствует, что, продемонстрировав в революции одну сторону ментальности, а именно стремление к свободе, русский народ во Второй мировой войне показал и другую сторону, свидетельствующую о колоссальном напряжении и способности жертвовать свободой.

Тем не менее применительно ко Второй мировой войне есть возможность говорить о свободе. Именно с этой войны начинается постепенное осознание второй, негативной стороны того мирозерцания, которое с легкой руки Ю. Хабермаса обозначается как модерн. Русская революция 1917 года оказалась лишь частным выражением «проекта модерна». Став выражением ментальности, присущей Западу в Новое время, он вызвал к жизни не только позитивные, но и негативные процессы. Столкновения между цивилизациями, проявившиеся в войнах XX века, тоже во многом являются следствием императивов модерна.

Но при обсуждении вопроса о контакте между цивилизациями в форме военного столкновения нельзя ограничиться лишь уровнем ментальности. Ментальность является выражением духа культуры, в том числе и западной, и русской культуры. Но культура в целом ментальностью не исчерпывается. Казалось, что во Второй мировой войне участники военного столкновения жертвовали и культурой. В данном случае речь вовсе не идет об имевших место в этой войне известных разграблениях музеев и ценностей. В этой войне человечество столкнулось с уничтожением миллионов жизней. Жертвовали не только человеческими жизнями, но, казалось, и культурой. Но ведь именно культура всегда выступала бастионом против взаимного истребления индивидов и целых народов.

Принося в жертву культуру, человечество выходило за пределы «осевого времени», впадало в архаические состояния. Вообще, в истории войн XX век предстает исключительной вехой. До этого времени войны окончательно с культурой не порывали. Чем же истребительные войны XX века отличаются от войн прошлого, если их рассматривать уже не с ментальной, а с культурологической точки зрения? Проблема «война и культура» начала обсуждаться еще в годы Первой мировой войны. Издательство И. Сытина опубликовало работы видных российских философов — Е. Трубецкого, Н. Бердяева, И. Ильина, С. Булгакова, В. Эрн и других — в серии «Война и культура». Отвечая на вопрос, чем отличаются войны XX века от войн предшествующих периодов истории, мы не можем пройти мимо вопроса об отношениях между войной и игрой. Ничто так не свидетельствует об исчезновении и угасании культуры, как угасание в обществе духа игры. Но казалось, что в этой кровопролитной битве угас именно этот дух.

В конце концов, взаимоотношения между народами как в мирное время, так и в ситуации войны можно описывать в понятиях состязания, соревнования, поединка, а следовательно, выявлять их игровой характер. Но раз есть возможность понятие игры использовать при характеристике войны, то тем самым позволительно сближать войну и культуру, поскольку,

¹ Робертс Д. Указ. соч. С. 216.

в соответствии с мнением Й. Хейзинги, культура рождается в игре и функционирует в игровых формах. Война является продолжением и завершением состязательности в мирных формах, когда один из вступивших в войну народов выигрывает, то есть оказывается победителем в состязании. Следовательно, саму войну можно тоже отнести к разновидностям игры. Именно так поступает Й. Хейзинга, когда в своем философском исследовании об игре находит в войне проявление древнейшего игрового инстинкта.

Но прежде чем сопоставить войну и игру, необходимо соотнести войну и культуру. Потому что война может иметь признаки игры только в том случае, если соответствует тем принципам и ограничениям, которые диктуются культурой. Прежде всего война может нести на себе печать культуры лишь в том случае, если противник не является врагом, которого, если он не сдается, уничтожают. А значит, соперники или противники должны быть равными. Культура присутствует в войне лишь в том случае, если существуют правила ведения войны и от них не отступают. Первое правило такой войны связано с признанием в противнике равного себе. «Честь, верность которой хотят соблюсти, действует только в отношении равных, — пишет Й. Хейзинга. — Обе воюющие стороны признают заведомо ее правила, иначе они недействительны. Коль скоро люди тех времен имеют дело с равными себе, то уже в принципе они вдохновляются чувством чести, с которым связываются дух состязания, требование определенной сдержанности и т. д. Но как только оружие направляется на таких, которые считаются неполноценными, называются ли они варварами или как-нибудь иначе, всякие ограничения насилия исчезают»¹.

Разумеется, происхождение игры не связано с культурой. Сам Й. Хейзинга признает, что агональный инстинкт присущ природе человека и может проявиться даже в не имеющих правовых, а следовательно, культурных норм варварских обществах. Но культура этот инстинкт преображает, соотносит его с моральными и правовыми нормами. Конечно, игровые признаки войны выходят на первый план в традиционных обществах, когда военные состязания не опираются на технологии и, следовательно, избегают массового уничтожения. Там действуют правила развешивания войны. «Когда мы называем архаичной агональную и сакральную войну, это вовсе не означает, что на ранних этапах, — пишет Й. Хейзинга, — все боевые действия проходили в форме упорядоченного состояния или что в современной войне агональному элементу вообще нет больше места. Во все времена существовал человеческий идеал честной борьбы за правое дело. Но в суровой действительности этот идеал с самого начала отвергается либо профанируется. Желание победить всегда сильнее, чем диктуемое чувством чести самоограничение. Человеческая культура может предписывать свои границы насилию, идти на которое видит необходимость государства, однако воюющие стороны настолько захвачены стремлением победить, что чело-

веческая злоба то и дело отпускает удила и позволяет себе все, что только способен измыслить рассудок»².

Что касается войн в поздней истории и в особенности в XX веке, то они демонстрируют беспрецедентную жестокость, вакханалию уничтожения, что, конечно, характеризует не только войну, но и вообще состояние современного мира, связанное с ослаблением нравственных устоев и размыванием культурных императивов. Поэтому Й. Хейзинга и делает такой вывод: «Роковое развитие технических и политических возможностей и далекоидущее размывание нравственных устоев в Новейшее время почти во всех отношениях — даже в условиях вооруженного мира — парализовали обретенную с великим трудом конструкцию военного права, согласно которому противник признается равноценной стороной, имеющей право на уважительное и честное обращение»³.

Тем не менее даже в ситуации утраты игровых и культурных норм ведения войны, что присуще войнам XX века, аура игры во взаимодействии народов продолжает сохраняться, пусть действия вступивших в войну народов и свидетельствуют о вакханалии насилия. Не случайно, когда Гегель описывает войну, он не может обойтись без понятия «игра»: «Так как государства в своем отношении друг к другу выступают как особенные, то имеет место в высшей степени оживленная и принимающая огромные размеры игра внутренней особенности страстей, интересов, целей, талантов и добродетелей, насилия, несправедливости, пороков — игра, в которой само нравственное целое, самостоятельное государство подпадает под власть случайности»⁴.

Когда Н. Бердяев касается войны, у него она тоже описывается с помощью игровой терминологии. В частности, он пользуется словом «поединок», в котором должно присутствовать уважение к противнику: «Нравственно достойнее на себя взять ответственность за зло войны, а не возлагать его целиком на другого. Нравственно предосудительно слишком уж себя считать лучше другого, в другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов»⁵. Собственно, и у Ф. Достоевского мы обнаруживаем игровой признак войны. Там, где говорится о том, что войны не только не разъединяют, но и объединяют, парадоксалист, имея в виду войну, говорит: «Развивался рыцарский дух»⁶.

Такая же игровая интонация при описании войны получает выражение и у В. Гроссмана, когда он в своем романе «Жизнь и судьба» описывает переживания Гитлера в связи с окружением немецких войск под Сталинградом. Пытаясь осознать свою миссию перед миром («Черчилль когда-нибудь поймет трагическую роль новой Германии — она своим телом заслонила Европу от азиатского сталинского большевизма»⁷),

² Хейзинга Й. Указ. соч. С. 118.

³ Там же.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 353.

⁵ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 191.

⁶ Достоевский Ф. Указ. соч. Т. 22. С. 125.

⁷ Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1988. С. 616.

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 118.

Гитлер презирает своего противника Сталина и как человека («Его хитрость, его вероломство были по-мужичьи просты»). Столкновение империй было еще и противостоянием вождей как игроков. Так ощущал себя и Сталин («Не в потере Сталинграда, не в окруженных дивизиях была главная беда произошедшего, не в том, что Сталин переиграл его»¹). Но когда Сталин в романе В. Гроссмана пытается осознать успехи советских войск под Сталинградом, он также осмысливает их в понятиях игры, а себя представляет как игрока. В. Гроссман пишет: «Это был час его (Сталина. — Н. Х.) торжества не только над живым врагом. Это был час его победы над прошлым. Гуще станет трава над деревенскими могилами тридцатого года. Лед, снеговые холмы Заполярья сохраняют спокойную немоту. Он знал лучше всех в мире: победителей не судят»².

Всякая игра выражает жизненную энергию, максимум энергии, которую Л. Гумилев называет пассионарной. Избыток этой энергии свидетельствует о полноте жизни или Эросе. Этот избыток энергии проявляется и в войнах. Однако война — это такая фаза состязательности между народами, когда Эрос уступает место Танатосу. Война ассоциируется отнюдь не с Эросом, а именно с Танатосом. Война — это массовое жертвоприношение. Это вакханалия насилия и зверства. Вот как война представлена в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты»: «Совершив преступление против разума, добра и братства, изможденные, сами себя доведшие до иступления и смертельной усталости, люди спали, прижавшись грудью к земной тверди, набираясь новых сил у этой ими многожды оскорбленной и поруганной планеты, чтобы завтра снова заняться избиением друг друга, нести напророченное человеку, всю его историю, из рода в род, из поколения в поколение, изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие переходящее проклятие»³.

Кровопрлитные войны можно представить выходом за пределы того, что К. Ясперс назвал «осевым временем», начало которого соотносится с возникновением религий, морали и культуры. Если война утрачивает игровой признак, то она утрачивает и налагаемые культурой ограничения. Значит, имеет место выход за границы культуры. Но выход за границы культуры есть выход за пределы «осевого времени». Это всегда упадок в варварство. Не случайно с начала XX века, пожалуй, уже с конца XIX века (если иметь в виду прогноз Ф. Ницше), так много пишут о грядущем варварстве. Но это варварство как раз и возникает вместе с войной. Как писал Н. Бердяев по следам Первой мировой войны, древние, иррациональные и воинственные расовые инстинкты в этой войне оказались сильнее новейших социальных идей и гуманитарных ценностей. «То, что представлялось сознанию второй половины XIX века единственным существенным в жизни человечества, — писал философ, — все то оказалось лишь поверхностью жизни. Мировая война снимает эту пленку цивилизации XIX и XX веков и обнажает более глубокие пласты человеческой жизни, расковывает

хаотически-иррациональное в человеческой природе, лишь внешне прикрытое, но не претворенное в нового человека»⁴.

В результате этой констатации выхода за пределы «осевого времени» можно прийти к заключению, к которому подошел Т. Адорно: «После Освенцима любая культура... — всего лишь мусор»⁵. По сути, это констатация выведения войны как контакта между цивилизациями за пределы «осевого времени», то есть за пределы культуры. Но так ли это? Действительно ли Вторая мировая война продемонстрировала крах культуры?

Представляется, что, несмотря на провал в варварство, исход Второй мировой войны и роль в этом исходе русских могут быть рассмотрены именно в ракурсе культуры. Как уже отмечалось, реабилитируемая в форме жесткой государственности византийская традиция, конечно же, отбросила русских в Средние века, не позволив им утвердить ценности либерализма в той же форме, как это имело место на Западе. Тем не менее она сыграла спасительную роль. Может быть, в какой-то степени то обстоятельство, что традиционные цивилизационные формы могут оказаться спасительными, способно отчасти оправдать деятельность Сталина.

В возникшей экстремальной ситуации, в которой оказалась российская цивилизация, регресс в сторону Средневековья оказался не только не негативным, но и позитивным. Позитивным в смысле выживания, а не в смысле утверждения ценностей, что стали в Новое время определяющими и гипнотически притягательными вплоть до сегодняшнего дня. Регресс к более ранним формам ментальности все же не был выходом из культуры. Это была та же культура, только регрессировавшая к своим ранним уровням. Но этот регресс лишь позволил ей проявить жизнеспособные основы. Может быть, даже точнее было бы утверждать, что во Второй мировой войне произошел не выход из культуры, а каким парадоксальным это ни покажется, возвращение в культуру. Если такой выход из культуры и имел место, то это был выход из той системы ценностей, что были привиты России в результате ее активных контактов с Западом в мирное время. Причем западная система ценностей, хотя и выражала ментальность передовой цивилизации, все же не являлась исчерпывающей. Не являлась она для Запада и исключительно позитивной.

Такой выход явился оборотной стороной возвращения к византийской традиции, которая для русской культуры значима. Возвратившись к византийской традиции, русские тем самым реабилитировали собственную культуру, точнее получили возможность осознать ее основополагающий, по выражению О. Шпенглера, прасимвол. Значит, в этой истребительной войне свою роль сыграла не только ментальность, но и культура в целом. Таким образом, даже столь истребительная война, какой предстала Вторая мировая, свидетельствует о том, что культура неуничтожима, что она в ситуации войны еще более востребована, чем в мирное время, а контакт между цивили-

¹ Гроссман В. Указ. соч. С. 616.

² Там же. С. 614.

³ Астафьев В. Прокляты и убиты. М., 2011. С. 436.

⁴ Бердяев Н. Указ. соч. С. 118.

⁵ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003. С. 327.

зациями в форме войны может сыграть исцеляющую и оздоровительную роль, что подтверждает уже цитируемую нами мысль Гегеля.

Исход Второй мировой войны свидетельствует не только о роли в войне ментальности народа или способностях вождей выигрывать победу, но и о постепенно вызревающих новых отношениях между цивилизациями. Вторая мировая война позволила вскрыть тот нарыв в функционировании цивилизаций, что связан с навязыванием некоторым народам ценностей исключительно западной цивилизации. Сыграв позитивную роль на одном из этапов мировой истории, западная цивилизация затем, на следующем этапе истории, начала сдерживать волю других народов к самостоятельному развитию.

Самое удивительное в разрушении в ходе войны навязываемых Западом ценностных императивов — то, что их разрушение оказалось весьма позитивным не только для России, но и для самого Запада. Речь идет о возникшей еще в эпоху Просвещения системе идей, от которой ближе к XX веку начал страдать и сам Запад. Вся эта система есть система модерна. О разрушительной силе императивов модерна и необходимости освобождения от их власти позднее скажут не только Т. Адорно, К. Хоркхаймер и Ю. Хабермас, но и А. Солженицын. «Мы — все мы, все цивилизованное человечество, — посаженные на одну и ту же жестко связанную карусель, — пишет он, — совершили долгий орбитальный путь: Возрождение — Реформация — Просвещение — физические кровопролитные революции — демократические общества — социалистические попытки»¹. Писатель говорит об исчерпании целого длительного цикла в мировой истории, возникновении критической оценки того, чему в последние столетия поклонялись. Война ускорила этот процесс. «Как нам видится, — продолжает писатель, — цивилизационное человечество подошло сейчас к повороту мировой истории (жизни, быта и миропонимания), по значению такому же, как от Средних веков к Новому времени, — если только по бесконечности и по упадку духа мы не пропустим этого поворота»².

По сути, суждение А. Солженицына перекликается с известной работой Т. Адорно и К. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения», в которой утверждается, что идеи Просвещения стали отправной точкой не только прогресса, но и регресса. Они стали причиной возникновения нового варварства, поскольку отречение от прошлого, традиций и культуры привело к бюрократизации, регламентации всех проявлений жизни и в конечном счете — к тоталитарным государствам. К этому можно только добавить, что произошедшая в России XX века революция 1917 года как выражение духа модерна может служить иллюстрацией этой точки зрения.

Немецкий философ Ю. Хабермас эпоху Просвещения назвал эпохой модерна. Это обобщенный образ того, что можно было бы назвать проектом пересоздания фундаментальных основ жизни. Следствием модерна оказались революции Нового и Новейшего времени. Возникая, модерн надолго отсрочил откры-

тие в науке смысла культуры, что не удивительно: ведь просветители (они же носители идеи модерна) исходили из того, что Кант называл «чистым разумом», а значит, из логики. Таким образом, уже в XVIII веке возникла некая система, выходящая за пределы культуры, становление которой развертывалось на протяжении столетий. Прогресс как ключевое слово модерна исходил не из традиции. Просветители были убеждены в том, что никаких образцов в прошлом больше существовать не будет. Они исходили не из культуры, а из наднациональных, надисторических, надэтнических и надконфессиональных стихий, из которых и образовалось то, что будут называть идеологией. Перечеркивая прошлое, носители модерна переоценивали значимость будущего, о чем свидетельствовали их утопические проекты радикального переустройства общества.

Конечно, нельзя утверждать, что сознание мыслящих людей было загипнотизировано модерном, хотя не заметить этого невозможно. Тем не менее уже в XVIII веке появлялись мыслители, для которых идея культуры не была пустым звуком. Это направление в науке представляли романтики и близкие им по своим воззрениям философы типа Гердера. Однако, начав проникать в массы, идеи модерна превращались в универсальные. На этом фоне альтернативное направление, связанное с романтизмом, оказывалось маргинальным. Оно то вспыхивало, как это происходило в начале XIX века или позднее, на рубеже XIX–XX веков, то угасало. По-настоящему оно начало проявлять себя с момента угасания модерна, с осознания того, что модерн не только не конструктивен, но и разрушителен. Но это осознание приходит с большим запозданием.

Может показаться, что в данном случае мы приветствуем появление постмодерна как направления, подводящего черту под модерном. Но мы полагаем, что постмодерн не исключает начатого модерном разрушительного процесса по отношению к культуре. Единственным бастионом, по-настоящему противостоящим модерну, который на наших глазах приобретает черты универсальности, является культурологическая рефлексия, позволяющая заново прочитать историю под углом зрения возникновения и распространения того, что называют идеей культуры³.

Распространяясь и превращаясь в руководство по организации практических действий и, в частности, сокрушительных революций, в том числе так называемых «оранжевых» революций, идеи модерна провоцируют возникновение и таких явлений в истории, которые позволяют обнажить их разрушительную суть, прояснить сохраняющуюся на протяжении веков ситуацию и в общем способствуют их кризису и исчезновению. К такого рода явлениям относятся революции и войны. Причины их появления тоже во многом связаны с идеями модерна, являются их порождением, что, собственно, и произошло с русской революцией 1917 года.

Несомненно, в Новое время модерн оказывал на русских более сильное влияние, чем романтизм с присущими ему симпатиями по отношению к Средним

¹ Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Ярославль, 1995. Т. 1 : Статьи и речи. С. 196.

² Там же. С. 198.

³ Межуев В. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006.

векам. По этому поводу высказался еще С. Булгаков, утверждая, что русская интеллигенция с необычайной легкостью усваивала «догматы просветительства» с его учением о прогрессе и всемогуществе внешних реформ для разрешения всех противоречий жизни. Более того, он пишет, что материалистический социализм явился «самым поздним и зрелым плодом просветительства»¹.

Конечно, Запад в еще большей степени, нежели Россия, развивался под воздействием идей Просвещения. Об этом свидетельствует и Французская революция, ставшая для последующих революций образцом. Но в воздействии идей Просвещения на Запад и Россию можно констатировать и разительное несходство. Это несходство подчеркивает С. Булгаков. Если на Западе, скажем, атеизм, спровоцированный философией XVIII века, наталкивался на другие традиции, в частности на исторический консерватизм и заложенный Средневековьем и Реформацией религиозный фундамент, то в России идеи просветительства превратились в идеи, определившие революцию 1917 года. Они были восприняты, как утверждает С. Булгаков, «не только с юношеским пылом, но и с отроческим неведением жизни и своих сил, и получили почти горячечные формы»².

Но кто мог подумать, что, распространяясь, идеи модерна могут привести к таким катастрофам? Когда войны происходят и провоцируют всплеск разрушения, ставя человечество на грань жизни и смерти, срабатывает глубоко запрятанный в подсознание инстинкт выживания, смыывающий весь позитив в модерне, которому на протяжении многих столетий пелись дифирамбы, незыблемость и непререкаемость которого утверждалась. В этом высвобождении от некогда казавшихся прогрессивными идей участвуют не только отдельные

выдающиеся индивиды, но и целые народы, что продемонстрировала Вторая мировая война.

Такие явления, как войны, во многом возвращали человечество к тем состояниям, которые в эпоху модерна сопровождались отрицательными коннотациями, к тем формам, которые, казалось, либеральными обществами давно преодолены. Уже одно это свидетельствует о том, что история в XX веке, что бы по этому поводу ни говорил Ф. Фукуяма, еще не закончилась, а значит, не закончились и катастрофы. Чем ближе к исходу XX века, тем все более очевидным становилось, что в модерне многое было от утопии. Реализация утопии подчас приводила к реальности антиутопии. Именно антиутопии, возвращая к реальности, делают как выдающихся личностей, так и целые народы способными мыслить более трезво. Но, как свидетельствует сегодняшний день, это все еще остается проблемой.

В литературе пока недостаточно сказано о том, что эпоха реализации «проекта модерна» оказалась разрушительной как для политических систем, так и для культуры, смысл которой просветителями не был открыт. Но если человечество все же, несмотря на кровопролитные войны и взрыв в этих войнах варварства (что свидетельствовало о выходе за пределы «осевого времени»), выжило, то это произошло благодаря культуре, которая все еще, несмотря на разрушительные процессы, в народной массе сохранялась, а не мудрости великих полководцев и генералов, будь то Сталин или кто-то другой. Мы пытались показать, как эта латентная сила — культура — в годы войны выходила из подсознания в сознание и проявилась в момент величайших испытаний, когда в результате легкомысленных действий представителей правящей элиты миллионы людей оказались на грани жизни и смерти.

¹ Булгаков С. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2 : Избранные статьи. С. 312.

² Там же. С. 314.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ДИАЛОГ ПОЛИТИКИ И НАУКИ

Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой.

Д. С. Лихачев. Экология культуры

Само упоминание о глобальных проблемах давно превратилось в универсальный и почти ритуальный прием, широко используемый в различных сферах деятельности, и прежде всего в сфере публичной международной политики, средствах массовой информации и масштабных научно-исследовательских программах для обоснования актуальности тех или иных проектов или акций, требующих транснациональной кооперации. Для того чтобы убедиться в справедливости этого вывода, достаточно бегло просмотреть тематику международных встреч за последние два-три десятилетия, в том числе и саммитов лидеров ведущих стран мира. С каждым годом все очевиднее становится общая тенденция выделения тех или иных глобальных проблем как ключевых и сквозных тем, позволяющих не только выстроить внутреннюю логику переговорного процесса применительно к конкретной ситуации, но и обозначить преемственность такого рода встреч и дискуссий на длительный период.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Имунофизиология», «Альфафетопротеин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» ("Russian Journal of Immunology"), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

Отчасти благодаря этому многолетнему «проговариванию» темы в режиме политического диалога на высшем уровне при теновом участии аналитиков и экспертов в настоящее время сложилось несколько упрощенное, но устоявшееся и доступное, а потому и вполне адекватное представление о наборе отличительных качеств, характеризующих глобальные проблемы. Это представление не является собственно научным знанием и не претендует на открытие тайн мироздания, что могло бы позволить решить проблемы, но позволяет выделить их в особый раздел на фоне всех прочих бесчисленных проблем. А этот шаг — минимальное условие для поиска возможных решений. Главное отличие глобальных проблем — особый характер угроз, которые их порождают (проблема — знание о незнании) и могут причинить непоправимый урон человеческой цивилизации в целом.

Они совершенно не поддаются минимизации в рамках традиционных методов управления рисками на национальном уровне, поскольку не признают никаких границ — ни географических, ни государственных и административных, ни междисциплинарных, возникающих при первых же подходах к их осмыслению, ни социальных. Глобальные проблемы не ведают ни словных или классовых, ни возрастных или расовых, ни идеологических или религиозных отличий. Соответственно они не имеют обычной «территориальной прописки», национальности и гражданства, но жестко требуют (в идеале) межгосударственной кооперации, доверия и взаимоуважения между народами, государствами и цивилизациями. В реальности, разумеется, все обстоит «с точностью до наоборот». Имущественный и технологический разрыв, идущий, к примеру, по разделяющей линии «север–юг» или по «оси зла», сводит межгосударственную кооперацию к непроходимой пропасти между странами. То же происходит и с доверием между народами, которое в последние годы сведено к выбору очередного объекта для «мировотворческих миссий». В результате попытки минимизации последствий глобальных проблем оборачиваются производством новых проблем, тоже глобальных.

Существует и другая, позитивная, сторона глобализации: благодаря самому факту выделения глобальных проблем в особый класс в международной политике последних лет прослеживается несомненная эволюция, которую можно назвать эволюцией политической культуры. Намечается переход от традиционных методов закрытого «диалога посвященных» и соответственно от решения текущих задач в узком кругу руководителей

стран и дипломатов (чаще всего такие решения носят спонтанный характер) к открытому и научно обоснованному обсуждению консолидированных стратегий долгосрочного и сверхдолгосрочного развития. Заметим, что неизбежный для политического дискурса схематизм, и даже некоторый примитивизм, научного обоснования глобальных проблем на «политических площадках» (документы, принимаемые на этом уровне, рассчитаны на восприятие публичных политиков и широкую аудиторию, а не на узких специалистов) не препятствует сближению позиций основных политических акторов.

По этой причине даже вполне обоснованная критика со стороны научного сообщества по отношению к общему уровню политического диалога и «околополитических» дискуссий, страдающих выраженным эклектизмом и доминированием политической целесообразности над поиском истины, не всегда соответствует требованиям корректности, поскольку не учитывает специфики политической деятельности. Аналогичный вывод можно сделать и о критике итоговых политических документов, зачастую не отвечающих даже элементарным требованиям логики. Дело в том, что особенности реальной политики не могут служить основанием для принижения значимости политических решений, принимаемых на основании компромиссов, в условиях постоянного дефицита времени и достоверной информации. С другой стороны, слишком очевидный и заметный разрыв между принципами политической целесообразности и научной состоятельностью принимаемых решений, связанных с преодолением или минимизацией угроз, подрывает так называемую научную легитимность политики и снижает доверие гражданского общества к усилиям правительств и надгосударственных организаций по снижению глобальных рисков. Об этом аспекте глобальных проблем мы говорили на прошлых чтениях («Цивилизационные, политические и экологические риски нашего времени»).

В чем-то похожая ситуация складывается и в научной сфере. Иллюстрацией могут служить монографии или рефераты докторских и кандидатских диссертаций по самому широкому спектру дисциплин. Значительная часть этих научных текстов никоим образом не связана с исследованием реальных глобальных проблем, но начинается с ритуального заявления о том вкладе, который авторы вносят в их решение. К сожалению, при этом не наблюдается никакого реального воздействия на механизмы подготовки и принятия коллективных решений по глобальным проблемам, а также сколько-нибудь заметного прироста знаний об их природе и генезисе. Таким образом, речь идет о девальвации самой идеи выделения и специального научного изучения глобальных проблем, а дискуссии в этом случае превращаются в собрания единомышленников преимущественно алармистского или антиглобалистского толка. Диалоги такого типа, с одной стороны, поддерживают общественный интерес к глобальной проблематике, но с другой — переводят даже качественную научную или политическую аналитику на уровень «информационного шума» или циклических массмедийных событий-двойников, сопровождающих, как тень, встречи лидеров ведущих стран.

Но на фоне отмеченных негативных тенденций следует выделить несомненные позитивные результаты, значимость которых трудно переоценить. Среди наиболее значимых тенденций последнего времени — активизация интереса политиков, ученых и широкой общественности к глобальным социальным и экологическим последствиям принимаемых политических решений, включение в повестку дня вопросов, связанных с глобальной ответственностью. Причина такого интереса заключается в том, что почти все проблемы, относимые сегодня к разряду глобальных, являются либо экологическими, либо социальными, либо социально-экологическими. Во всяком случае, не вызывает сомнения наличие экологического и социального измерений у каждой из таких проблем, даже если эта связь сразу не обнаруживается. Соответственно даже ритуальный характер ссылок на глобальные проблемы позволяет решить триединую задачу, которая сводится к методологическим и политическим установкам, изменяющим направленность научной политики во многих странах мира и характер международного сотрудничества почти во всех областях.

О какой триединной задаче идет речь? *Во-первых*, о повышении значимости социально-экологической тематики в политике и науке. *Во-вторых*, о системном подходе к определению приоритетов в реальной международной политике и междисциплинарных научных исследованиях. *В-третьих*, о максимально возможном сближении позиций мирового научного сообщества и политических элит различных стран.

Такое сближение позиций на международной арене обусловлено тем фактом, что национальные политические элиты несут огромную долю ответственности (а при наличии соответствующих правовых норм — и персональной ответственности) за ближайшие и отдаленные последствия своей деятельности для сохранения мирового и национального природного и культурного наследия, а следовательно, и ответственности за поддержку исследовательских программ, обеспечивающих поиск путей решения глобальных проблем. Эта триединная задача вполне органично вписывается в деятельность многих престижных международных организаций, структур и масштабных инициатив.

Сердцевину стратегии долгосрочного социально-экономического развития любой крупной страны, не говоря уже о России, должна составить детально проработанная концепция государственной поддержки фундаментальной науки и фундаментального образования. Это позволит обеспечить преемственность в развитии научной и образовательной инфраструктуры в России, а также конкурентоспособность отечественной науки и высокую степень участия российских ученых в международных исследовательских и внедренческих проектах, направленных на осмысление и решение глобальных проблем. Очевидные трудности и противоречия, возникающие в процессе реформирования в сфере научной и образовательной политики, во многом обусловлены тем фактом, что наша страна выходит из зоны исторического безвременья, возвращая навыки долгосрочного и самостоятельного стратегического прогнозирования и планирования.

Чжан Иу¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пройдя через 30 лет стремительного экономического и социального роста, китайское общество претерпело значительные изменения; глобализация и переход к рыночным отношениям отразились на всех сферах жизни Китая. В архитектонике литературы также произошли радикальные перемены. С одной стороны, с началом «новой эпохи» произошли знакомство Китая с литературой зарубежных стран и большой наплыв переводов этих произведений. С другой стороны, более содержательное знакомство с зарубежной литературой, а также литературой Гонконга, Тайваня и Макао положило начало сближению литературы на китайском языке и ее распространению во всем мире. Претерпев эту трансформацию, войдя в «новый век», китайская литература значительно изменила свое положение во всемирной литературе, и ее центральное место в мировой литературе на китайском языке также получило признание.

Здесь нужно видеть, что китайская литература уже стала неперенным транслингвистическим и транскультурным структурным элементом и составной частью мировой литературы, а не отодвинутым на самый край, опоздавшим на целую эпоху аутсайдером. Ее величие больше не обделено вниманием. Значение литературы на китайском языке не всегда в полной мере понятно читателям внутри страны. Пространство глобальной «чистой литературы», каким мы его знаем, на самом деле довольно невелико, и китайская художественная литература считается главным направлением китайского книгоиздания.

Переводы образцов китайской «чистой литературы» уже стали относительно стабильной «миноритарной» составной частью международной читательской культуры. Книги Мо Яня и других создали хотя и ориентированный на меньшинство, но тем не менее обладающий международным значением рынок. Писатели, подобные Мо Яню, стали признанными авторами с мировой известностью, что пока еще труднодостижимо для писателей из Гонконга, Макао и Тайваня. Новые произведения китайских авторов быстро переводятся на другие языки и публикуются в разноязычных издательствах художественной литературы. За много лет образовался пусть и небольшой, но довольно стабильный круг их читателей на английском, французском, японском, немецком и других языках. Хотя влияние переводов этих произведений все-таки ограничено, тем не менее они уже сформировали определенное литературное пространство. Интернациональность китайской литературы стала реальным явлением, она уже превратилась в составной элемент мировой литерату-

ры. Рынок художественной и популярной литературы в Китае стал важной частью всемирного издательского дела. Многие известные на международном уровне писатели занимают прочное место на китайском рынке. Столь глубокая связь китайской и мировой литературы вселяет в нас оптимизм.

В то же время мы можем увидеть, что материковый Китай превратился в ключевой центр литературы на китайском языке во всем мире. Мо Янь уже получил Нобелевскую премию по литературе, а такие авторы, как Лю Чжэньюнь и Су Тун, пишущие на китайском языке, действительно очень популярны среди зарубежных читателей.

Подобным же образом мы можем увидеть это по продажам гонконгских, тайваньских или зарубежных китаезычных произведений на материковом рынке. Рынок «чистой литературы» материкового Китая представляется небольшим, если смотреть изнутри, однако на взгляд извне кажется огромным. Очарование созданной в нем атмосферы оставило далеко позади все прочие китаезычные литературные пространства других стран. Такие известные тайваньские писатели, как Чжан Дачунь и Чжу Тяньвэнь, достаточно популярны на китайском литературном рынке. В то же время писатели-эмигранты Хун Ин и Янь Гэлин, прославившиеся книгами на китайском языке, в наступившем веке вернулись на родину и пытаются найти свою нишу. Это наглядно демонстрирует, что материковый Китай занимает в китаезычной литературе центральное место.

Роман Янь Гэлин «Младшая наложница Дохэ», «Хорошие дети цветов» Хун Ина, «Цзиньшань» писательницы Чжан Ин и прочие произведения авторов, ранее или в настоящее время проживающих за границей, но пишущих на китайском языке, можно называть межрегиональными и межнациональными, и издаются главным образом в материковом Китае. Стоит упомянуть публикацию новых романов одной из самых известных китайских писательниц XX века Чжан Айлин «Маленький союз» и «Записки о поисках родины», которые вызвали небывалый отклик во всем мире, что также свидетельствует о тенденции к сближению всех литератур на китайском языке.

Поэтому с точки зрения мировой литературы и литературы на китайском языке литература материкового Китая является органической их частью, а вовсе не стоит в стороне, как раньше. Китайская литература, безусловно, уже находится на новой платформе мировой литературы и литературы на китайском языке. В ее образах и формах произошли уникальные изменения, и нынешние наши трудности в ее оценке происходят из-за новых запросов этого нового пространства. Можно сказать, что китайская литература в настоящее время является важным структурным компонентом мировой литературы, а не уникальным, развившимся в изоляции феноменом.

Именно на этой платформе сможем мы ощутить новые вызовы. Что касается оценки «очень хорошо»,

¹ Профессор факультета китайской литературы Пекинского университета (КНР). Член правления Китайской ассоциации современной литературы. Область научных интересов — современная литература, теория литературной критики, исследование фильма, рыночные реформы, глобализация. Автор более 10 монографий, в т. ч.: «От модернизма к постмодернизму», «Образ нового Китая», «Глобализация и трансформация китайского фильма» и др. Удостоен ряда правительственных наград и почетных званий.

то мы исходим из появившихся на новом месте возможностей; что касается оценки «очень плохо», то она продиктована новыми запросами. Различия сегодняшних оценок на самом деле происходят из новой архитектуры и новых возможностей. Представления «новой литературы» о мировой литературе, зародившиеся после движения 4 мая, сегодня уже стали реальностью, преодолевшей пространство общепринятых шаблонов и ограничений. Китайская литература стала не только центром мировой литературы на китайском языке, но и новым пространством для новой «мировой литературы».

Эти глубокие изменения в китайской литературе свидетельствуют о том, что, с одной стороны, внутри нее происходило параллельное развитие по нескольким

направлениям. С другой — сама страна с ее огромной читательской аудиторией стала центром литературы на китайском языке, а китайская литература из аутсайера превратилась в ее неотъемлемую часть. Если смотреть в целом, развитие китайской литературы в условиях глобализации и маркетинга — это основание для ее настоящего и будущего. Китайская литература стала неотъемлемой частью общественной деятельности. Как и в других развитых странах, литература перестает быть грандиозным нарративом, а становится частью обыденной жизни читателя. А китайская фантазия, вслед за социальными изменениями, в дальнейшем сможет через творчество непрерывно порождать новые возможности, предоставляя богатые ресурсы для создания «китайской мечты».

Чжоу Сяофэн¹

ТОСКА ПО МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В современном постмодернистском мире слово «великий» обладает гиперболичностью, но в Санкт-Петербурге, историческом городе, это слово — не пустой звук, ибо здесь есть чем его наполнить. Лично мне для этого достаточно одного имени — Манделштам. Я хотел бы выучить тот русский, на котором говорил этот поэт, и тогда бы я смог декламировать его своим сердцем.

В Санкт-Петербурге Осип Манделштам провел важный период своей жизни — детство и годы учебы в университете. Здесь он стал акмеистом. Именно с этим городом связан расцвет его творчества, таланта и его несчастья. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилков, до детских припухлых желез». В этом стихотворении («Ленинград») поэт обращается к городу по имени: «Петербург! Я еще не хочу умирать! / У тебя телефонов моих номера. / Петербург! У меня еще есть адреса, / По которым найду мертвцов голоса».

Я представил, что стою на Невском проспекте и (если забыть о времени) нахожусь в одном пространстве с Манделштамом, как в невероятном сне. То, что я могу здесь говорить о Манделштаме, я считаю подарком судьбы. Манделштам — мой самый любимый поэт. Этот человек пострадал за творчество, лиру, его произведения доставляют мне бесконечное эстетическое удовольствие.

И. Бродский заметил: «Манделштам является поэтом формы в самом высоком смысле слова». Когда В. Набоков прочитал возвышенно-прекрасное стихотворение Манделштама, его охватил стыд: «Когда меня, бумагомарателя, называют писателем, я чувствую себя как сложивший бумажный самолетик ребенок в сравнении с учеными-ракетчиками и теряю себя, теряю уверенность в себе. У меня, наверное, никогда не найдется достаточно хвалебных слов, к тому же я

совсем другой весовой категории». «Это честь, о которой не смеет мечтать самый гениальный поэт...» — ответил на эти слова Манделштам. Он заслужил их своим гением, «помножив феномен десятикратно». Он слагал стихотворные строфы с архитектурным совершенством, движение его образов невозможно предсказать, он как будто заново изобрел стихосложение, отмеряя крошечные доли на маленьких химических весах.

Полагаю, что никакая слава не может сравниться с его мечтами. Я читал некоторые произведения русской литературы и знаю, что Манделштам вовсе не был ее первой «рудоносной жилкой». Но также я знаю, что если начать ее разработку, то силы одного-единственного небольшого камня, меньше моего сердца, будет достаточно, чтобы поразить меня.

Произведения Манделштама переводили такие известные китайские поэты, как Бэй Дао, Хуан Цаньжань и Ван Цзясинь. Трудно понять, почему, с одной стороны, его стихи неповторимы, образы непередаваемы, а с другой — при переводе они не утрачивают своей силы. Подобно тому как бесценное и в то же время обычное зерно пшеницы можно перемолоть, и оно все равно станет душистым хлебом. В Китае творчество Манделштама имеет много поклонников, и в этом бесконечном море я всего лишь незначительная песчинка. Лучше меня об этом написал сам Манделштам: «Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой».

Главную тему Лихачевского форума следует освещать с глобальных позиций, но мне хочется говорить о диалоге культур и сотрудничестве цивилизаций, этом историческом и географическом явлении, с конкретной точки зрения — в связи с Манделштамом.

Во многих стихотворениях Манделштама появляются географические названия: Петербург, Москва, Рим, Иерусалим, Греция. Он родился в Польше, в детстве часто бывал в Финляндии, Прибалтике, впоследствии изучал литературу и философию во Франции

¹ Писатель, член Союза писателей Пекина (КНР). Автор романов «Стая птиц», «Твое тело — царство небожителей», «Седло с резьбой», «Глухой ангел», «Огромный кит поет» и др. Удостоен ряда литературных наград Китая.

и Германии. В совершенстве владел французским, немецким, английским, итальянским, греческим и армянским языками. Его творчество — как отзвук глобального эха, пока он сам не стал его великим певцом. Ведь тенденции глобализации свойственны не только нынешней материалистической реальности — практически о каждом выдающемся произведении можно сказать, что оно было написано на основе культурных ценностей общечеловеческой цивилизации.

По мнению И. Бродского, «порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, и дальше, может быть, чем он сам бы желал». О Мандельштаме он отзывался так: «Возможно, более, чем кто-либо в этом столетии, он был поэтом цивилизации». Действительно, Мандельштам творил на чрезвычайно обширном фоне; в его произведениях не только слышен шелест волн Волги и Сены, но и растворилась соль Балтийского и Средиземного морей. Поэтому на вопрос «Что такое акмеизм?» Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

Литературное творчество схоже с пением в хоре — только если быть прилежным, проявлять свой талант, можно выделиться и стать солистом. Осип Мандельштам был воспитан глобальной цивилизацией, его собственный стиль отличался такой мощью и самобытностью, что трудно найти источники его творчества. Как сказала А. Ахматова, «у Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта».

К сожалению, как и укравший огонь Прометей, обвиненный и наказанный за любовь, Мандельштам, этот исполненный любви и энергии ангел, прожил жизнь, полную лишений. У него не было постоянного места жительства, дома, он умер в ссылке, и где похоронен, неизвестно. Он скончался, не дожив до 47 лет,

но выглядел при этом как старик. Под бременем невзгод Мандельштам стал похож на старую скрипучую телегу, но сколь бы ни была тяжела ноша, из его груди лилась песнь. Стихотворение, написанное Мандельштамом в 1936 году, причиняет мне боль: «Не мучнистой бабочкою белой / В землю я заемный прах верну — / Я хочу, чтоб мыслящее тело / Превратилось в улицу, в страну — / Позвоночное, обугленное тело, / Осознавшее свою длину». Он был настолько ярок, что мы даже не осознали миг, когда потеряли его, когда он канул в беспросветную тьму.

Как мы можем выразить свое почтение и благодарность вдове поэта? Ведь именно она, в нужде и скитаниях, смогла сохранить в памяти бесценные произведения Мандельштама, дать им новую жизнь, возродить интерес к мрачной, но величественной российской истории. Далекий свет Серебряного века не померк под слоем пыли, не исчез от постоянной чистки; напротив, накопленная мудрость времен придала его сиянию еще большую силу.

Спустя много лет строки из стихотворения Мандельштама, как крыло бабочки, вызывают у меня, представителя далекой китайской цивилизации, восторг, и это может повториться в любом уголке планеты. То, что мы читаем, — это память, своеобразная церемония на кладбище мировой культуры, где призраки нам шепчут, словно секрет, свои утешения.

Он сокрыт под землей, как залежи драгоценной руды. В расщелине исторической памяти скрыто его монументальное имя. Когда мы смотрим туда, отделенные эпохой, все кажется канувшим в бездну, похожим на отражение рая, на надгробие почившего ангела. Осип Эмильевич Мандельштам — это имя вызывает благоговение и восхищение... Там его сердце вечно бьется, а здесь он — как гласный звук, вошедший в нашу речь и нашу жизнь.

А. О. Чубарьян¹

КУЛЬТУРА ДИАЛОГА И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ

Идеи академика Д. С. Лихачева о роли культуры и диалоге культур — как основе духовной жизни — составляют богатейшее культурное наследие нашего Отечества и всего человечества.

Мы хотели бы выделить из этой большой и многоплановой проблемы вопрос о взаимодействии культуры диалога и интерпретации истории.

С глубокой древности вопрос об интерпретации истории занимал умы и воображения историков и философов. В сущности, уже в сочинениях Геродота и Тацита мы видим попытки размышлять о толковании истории. Да собственно вся история науки о прошлом заполнена различными толкованиями и разной интерпретацией исторических событий. Средневековые анналисты, деятели эпохи Просвещения, Карл Маркс и Макс Вебер, А. Тойнби или в наше время Фукуяма и Хобсбаум и многие сотни, тысячи других историков и философов демонстрировали огромное разнообразие исторических школ и направлений.

Мы все знаем жаркие споры российских западников и славянофилов, сочинения классиков отечественной науки В. О. Ключевского и С. М. Соловьева, Н. А. Бердяева и А. М. Ильина. В советское время превалировало единообразие исторических оценок в рамках одной методологии и общего мировоззрения. И лишь после начала 1990-х годов Россия вернулась к многообразию исторических школ и направлений.

В начале XX века известный британский историк Э. Карр написал: «Историй столько, сколько историков». Этим он хотел объяснить релятивизм в оценке исторических явлений, что является, по нашему мнению, явным преувеличением.

И все же очевидно, что в сфере исторической науки сегодня, и в том числе в России, существуют весьма отличные друг от друга интерпретации истории. По-

нятно, что мы стремимся к тому, чтобы эти различные точки зрения не принижали учебный процесс в средней школе. Именно поэтому и родилась идея единой концепции исторических учебников для образовательной школы. Но столкновение мнений или интерпретация истории — это плоть и кровь науки (и национальной, и интерпретационной), неперемное условие ее движения.

И здесь мы обращаемся к наследию Д. С. Лихачева, его идеям и подходу к изучению культурного, в том числе и исторического, наследия. Речь идет о *культуре диалога*, культуре различных интерпретаций истории. Полемика между представителями различных исторических школ и направлений, между отдельными историками всегда составляла ключевой момент в постижении исторической истины. В истории было множество примеров и ожесточенных дискуссий, и примирительного сосуществования порой весьма противоположных взглядов и позиций.

Мировая практика наполнена примерами, когда сторонники тех или иных взглядов стремились силой и кровью утвердить свое понимание исторических событий, религиозных канонов и установлений. Так было во времена инквизиции, такое же случалось, когда за отступление от принятых норм и трактовок рубили головы на плахе. Этим отличались времена Средневековья, когда мракобесие часто брало верх над проявлениями гуманизма и разномыслия.

К сожалению, эти «эксперименты» не остались без повторения. Уже в наш цивилизованный XX век нацисты в Германии устраивали публичные сожжения произведений неугодных авторов и «вредных» по содержанию книг.

Но все же в целом эпоха Просвещения в XVIII веке коренным образом изменила ситуацию в Европе, да и во всем мире. Инакомыслие перестало считаться преступлением; начался подлинный обмен мнениями, идеи гуманизма все в большей степени пронизывали культурную жизнь.

Но в XIX столетии в диалоги интерпретаторов истории в значительной мере вовлекались идеологические факторы. Наиболее ярким примером этого может служить Россия. В общественных кругах развертывались острые дискуссии об историческом прошлом, о предназначении России, об исторических корнях русской цивилизации. Причем в этих спорах затрагивались не только общие ценностные вопросы, но и конкретные оценки различных периодов, событий и персонажей российской истории. Идеологические разногласия часто принимали весьма острый характер, сопровождалась обвинением противостоящих сторон в антипатриотизме, измене идеалам страны и т. д. Сегодня мы уже понимаем, что умеренные западники и умеренные славянофилы по большому счету были довольно близки друг другу в ценностных оценках русской истории.

Возникает вопрос: «Можно ли считать, что упомянутый диалог в середине XIX столетия в российском

¹ Директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 350 научных работ, в т. ч. 9 монографий: «Брестский мир. 1918», «Европейская идея в истории», «Российский европеизм», «Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года», «XX век: взгляд историка» и др. Монографии А. О. Чубарьяна изданы во Франции, Англии и Германии. Автор и ответственный редактор VI тома «Истории научного и культурного развития человечества» (издание ЮНЕСКО). Главный редактор готовящейся к печати «Всемирной истории» (в 6 т.). Главный редактор серии «История Европы», ряда ведущих отечественных и международных изданий по всеобщей и европейской истории: «Россия и Балтия», «Цивилизации», «Международного журнала социальных наук», международного журнала «Cold War History», журнала Международной ассоциации институтов истории стран СНГ «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Сопредседатель комиссий историков России и Австрии, России и Германии, России и Литвы, России и Румынии, России и Украины. Председатель Национального комитета российских историков. Президент Международной ассоциации институтов истории стран СНГ. Член Норвежской королевской и Шведской королевской академий наук. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Почета, орденом Почетного легиона (Франция), Офицерским крестом (Германия), орденом Святого Макария II степени (РПЦ), Григория VI (Ватикан). Лауреат премии Президиума РАН им. Е. В. Тарле за монографию «Канун трагедии. Сталин и международный кризис». Почетный доктор ряда российских и иностранных университетов и академий. Почетный доктор СПбГУП.

обществе не выходил за рамки цивилизованных правил и норм?»). Но в любом случае следует признать, что полемика о корнях русской истории довольно сильно раскалывала российское общество и не способствовала консолидации страны.

Похожая ситуация происходила во Франции, где развертывались острые дискуссии вокруг природы, хода и результатов Великой французской революции, в которых также высказывались весьма полярные точки зрения.

Мы не будем здесь подробно касаться развития отечественной советской историографии. Жесткий идеологический партийный контроль над интерпретацией истории фактически прервал те интересные, хотя и довольно острые дискуссии в русском обществе в начале XX столетия.

Тема культуры диалогов и полемики вокруг проблем российской истории сегодня не только остается весьма актуальной, но и принимает порой острый и бескомпромиссный характер. Во многих случаях полемика идет вокруг тех вопросов, которые раскалывали российское общество в XIX столетии. Это и общие оценки российской идентичности, отношения России с Востоком и Западом, проблема происхождения Древнерусского государства, и особенно острые вопросы, касающиеся всей отечественной истории XX столетия. В центре многих споров — российские революции 1917 года, смысл и место советского периода в отечественной истории, история Великой Отечественной войны и победы над фашизмом, история холодной войны и другие проблемы.

В общий внутрироссийский диалог активно включились и международные факторы. Сюда следует отнести попытки дать собственную интерпретацию нашей общей истории в постсоветских государствах и жесткую критику практически по всему спектру истории России во многих странах Западной Европы, и прежде всего в США. В этом сочетании внутренних и внешних факторов важнейшее значение приобретает проблема культуры диалога в интерпретации истории.

В этом направлении в последние годы появилось и получило большую популярность понятие «историческая память». Именно вокруг «памяти» на многих международных и общественных встречах обсуждаются ключевые вопросы российской и мировой истории. В последнее время в интерпретацию истории включились некоторые государственные и законодательные органы многих стран. Во Франции на госу-

дарственном уровне идут дискуссии об оценках французского колониализма, в Италии спорят о режиме Муссолини, в США правительство и президент дают оценки итогам холодной войны; и подобных примеров немало.

В России в Государственной Думе обсуждается закон об уголовном наказании за оправдание фашизма или непризнание роли Советского Союза в победе над фашизмом. Много лет назад этому процессу положили начало законы о преследовании лиц, отрицающих или не признающих холокоста. Все эти факты осложняют развертывание нормального свободного диалога об интерпретации истории.

Хотелось бы привлечь внимание к некоторым принципам и правилам культуры диалога, в нашем случае имеющим отношение к историческим сюжетам, хотя их значение может иметь и более широкое применение.

На основе опыта мировой истории и историографии можно было бы выделить следующие положения:

— исторический диалог (вокруг проблем интерпретации истории) должен базироваться на объективных фактах, а не вымыслах или преднамеренных фальсификациях;

— необходим многофакторный подход, то есть учет самых разнообразных, порой весьма противоречивых событий и намерений. Именно на основе такого многофакторного подхода возможны непредвзятые оценки исторических явлений и событий;

— свободный диалог не должен быть ангажированным, излишне политизированным и идеологизированным;

— культура диалога предполагает как важнейшую основу — уважение других взглядов, сопоставление различных мнений и точек зрения;

— настоящий диалог предполагает возможность модификации собственных взглядов с учетом других мнений и оценок, с обязательным использованием последних достижений науки и новых архивных материалов и документов;

— наличие различных взглядов и интерпретаций истории, диалог культур и цивилизаций должны способствовать не расколу, а консолидации общества.

Единство в многообразии — этот лозунг, известный в истории, может быть применим и к сфере интерпретации истории. Изучение истории, диалог культур и исторических интерпретаций реально могут сыграть важную роль в содействии консолидации общества, в реализации национальных интересов страны.

В. Е. Чуров¹**ВОЙНА КАК СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР****(Лекция в четырех эпизодах)****Эпизод 1**

Во время русско-французского генеалогического семинара в Российской государственной библиотеке я пошутил, сказав, что русские и французы после Наполеоновских войн, по сути, генетически одна нация. Потому что сначала полмиллиона молодых здоровых французских парней прошли от Немана до Москвы и обратно, а затем примерно такое же количество здоровых русских парней прошли от Немана до Парижа и обратно. Демографические данные свидетельствуют, что, несмотря на огромные потери в 1812–1813 годах, и Франция, и Россия в течение буквально нескольких лет сумели восстановить численность населения. Однако главным событием — кульминацией — стало занятие Парижа в марте 1814 года. Ровно 200 лет назад. И какой контраст культур! Разграбленная, сожженная Москва, превращенные в конюшни церкви, оторванные от икон серебряные оклады и ликующая толпа на улицах Парижа, встречающая императора Александра I, его гвардию, его казаков и башкир. Золотой дождь пролился на парижан, потому что русские за все платили. Это напоминает мне другой исторический факт: когда у русских повсеместно уже были бани, в Версале не было даже отхожих мест.

Эпизод 2

В этом году отмечается 160-летие начала Крымской войны — англо-франко-турецко-сардинской интервенции на Крымский полуостров. Крымская война завершилась очередной украденной победой Российской империи. Взяв разрушенный Севастополь в 1855 году, войска союзников в Крыму оказались в мышеловке. На северной стороне стояла более чем сотысячная армия. С севера от Перекопа к Симферополю и Карасубазару выдвигалась еще одна русская армия, ранее прикрывавшая на Перекопе выход из Крыма. Кстати, в эту армию входил и Малороссийский гренадерский полк, которым командовал мой прапрадед Иосиф Иванович Брежнев, получивший звание генерал-майора за отличие в Крымскую кампанию. Два батальона, с которыми он шел, занимали Карасубазар, а третий батальон оставался на берегу Финского залива, отражая набеги британских «десантников».

Постепенно менялось и общественное мнение, прежде всего в Британии. Дело в том, что к концу

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. В 1990 году избран народным депутатом Ленинградского городского Совета народных депутатов, в 2003-м — депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ IV созыва. Автор около 30 научных работ, нескольких сотен публикаций на общественно-политические темы, научно-художественной повести «Гайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены», «Корзина со старыми театральными программками». Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского, Дружбы, знаком отличия «За безупречную службу» XX лет, медалями.

1855 года значительное число военнотружущих-союзников попали в русский плен и были вывезены из Крыма на Южный Урал, где при скудном довольствии им разрешалось разводить огороды. Турки, сардинцы и даже французы оказались привычны к огородничеству, но британским джентльменам подобные труды показались чрезмерными.

При этом пленным разрешалось отправлять домой письма. И вот скоро очень многие в Англии, Шотландии и Ирландии стали получать письма с просьбой обратиться к местному парламентарии или лорду о содействии скорейшему заключению мира и возвращению пленным на родину. Вероятно, это сейчас отнесли бы в раздел «мягкой силы».

Эпизод 3

После Крымской войны у нас наполовину украли победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, украли победу в Русско-японской войне и в Великой войне за цивилизацию 1914–1918 годов. В этом году мы будем отмечать 100-летие со дня ее начала. Первой мировой войной она стала только после начала Второй (мировой войны), а до этого официальное название было утверждено на Парижской мирной конференции по предложению маршала Фоша — «Великая война за цивилизацию». Правда, я нашел в публикациях российского издания «Европа и Россия в Великой войне», что этот термин уже использовался в 1916 году в России. Издательство Дмитрия Яковлевича Маковского выпускало такой периодический сборник.

В отношении Великой войны за цивилизацию сейчас обсуждаются три вопроса.

Первый: когда завершилась Великая война за цивилизацию? Я поддерживаю точку зрения, что она завершилась в 1945 году, по крайней мере для России, поскольку Советский Союз решил практически все задачи, поставленные Российской империей в ходе Первой мировой войны. За исключением Босфора и Дарданелл, но это — согласованная с союзниками цена за нейтралитет Турции на протяжении Отечественной войны.

Второй вопрос заключается в том, победила ли Россия в Первой мировой войне. Очевидно, да, правда, окончательная победа была отложена до 1945 года и стоила России огромной крови. Именно поэтому мы столь чувствительны к пересмотру результатов Великой войны за цивилизацию. Писатель Н. В. Стариков нашел документальный аргумент в пользу того, что отсутствие России на Парижской мирной конференции являлось политическим решением, а не формально-дипломатическим. Румыния раньше России вышла из войны и заключила сепаратный договор с Германией, однако была приглашена на Парижскую мирную конференцию, где отсутствовала Советская Россия.

Я же нашел два материальных доказательства нашей победы. Это союзные медали Победы, отчеканенные в Соединенных Штатах Америки, Греции и на Кубе. На Парижской мирной конференции по предложению маршала Фоша союзники договорились отчеканить медали одинакового диаметра (36 мм) на одинаковой ленте «двойная радуга», но с разным национальным дизайном для награждения участников Великой войны за цивилизацию.

Так вот, на обороте медалей, отчеканенных и выдававшихся в 1920 году в Америке, Греции и на Кубе, выбиты основные страны-союзницы — победительницы. Среди них Россия. Поэтому когда скептики, обычно весьма уважительно относящиеся к мнению США, сомневаются в нашей победе в Первой мировой войне, я говорю: «У меня есть доказательство. Доказательство вещественное. Доказательство, принадлежащее Соединенным Штатам Америки, того, что Россия — страна-победительница в Первой мировой войне».

Третий вопрос — это вопрос о справедливости исчезновения с карты Европы трех великих империй: Австро-Венгерской, Германской и Российской. Во всех киосках Вены и Будапешта можно купить современную, прекрасно изданную копию карты Австро-Венгерской империи по состоянию на 1890 год. И в разговорах с коллегами, естественно, частных, я довольно часто слышал и в Венгрии, и в северной части Германии, и в Австрии слова сожаления об исчезновении империй. На самом деле ностальгия по империям в Европе западнее Буга гораздо сильнее, чем в демократической России. Кстати, на месте западных украинцев я карту Австро-Венгерской империи 1890 года повесил бы в каждом кабинете, потому что в те времена королевство Галиции и Лодомерии простиралось далее Кракова, включало Перемышль и по площади значительно превышало сегодняшнюю Западную Украину.

Эпизод 4

Холодная война против России продолжается вот уже более полувека. На определенном ее этапе мы

проиграли и понесли большие потери, связанные с распадом Советского Союза и всеми конфликтами на постсоветском пространстве, включая и пространство бывшего социалистического лагеря. Холодная война — процесс непрерывный. В 1945 году, готовясь к ней, для 69-го разведывательного авиаполка Балтийского флота был построен новый аэродром в эстонских лесах около речки Сууркюль. На этом аэродроме базировались дальние разведчики — американские самолеты-амфибии «Каталина» РВУ-5А, которые могли взлетать и на колесных шасси с сухопутных аэродромов, держаться в воздухе очень долго; и эскадрилья истребителей дальнего сопровождения Як-9П. Между прочим, именно эти Яки, в дальнейшем замененные на реактивные МиГи, не особо стеснясь, сбивали вражеские разведывательные самолеты, приближавшиеся к базам Балтийского флота. Этот аэродром мне дорог, потому что в 1948 году, будучи слушателем Военно-морской академии, мой отец проходил летную практику в этом авиаполку, а в 1951–1952 годах, уже преподавателем, привозил группы слушателей.

Спустя много лет после распада Советского Союза советские войска оставили аэродром целым, даже не взорвали взлетную полосу. Как оказалось, в подарок НАТО. И уже в 2008 году эта организация вместе с эстонскими властями приступила к реконструкции аэродрома, названного Эмари, как и близлежащий поселок у станции Вазалемма. Взлетную полосу удлиннили, превратив этот аэродром в разведывательный и ударный по отношению к прилегающим регионам Северо-Запада России. Между прочим, аэродром Эмари находится в 350 км от Санкт-Петербурга, и американский штурмовик-«бородавочник» долетает с него до города минут за двадцать. Аэродром был полностью готов в 2010 году, задолго до событий на Украине. И вот опять столкновение культур. Россия ушла из Прибалтики, вывела свои войска, оставив всю инфраструктуру целой и невредимой. То, что произошло потом, иначе как вероломством и агрессией назвать нельзя. Добрый русский медведь вновь окружен стаей шакалов.

А. В. Яковенко¹

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Как показывает исторический опыт, традиции служат не только средством поддержания нравственных устоев общества, передачи его ценностей от поколений к поколениям и обеспечения, таким образом, социальной сплоченности. Эти ценности также представляют собой общий знаменатель для различных культурных традиций и основных мировых религий. Никто не сомневается в том, что роль религии и религиозного сознания в современном мире растет. В то же время в европейском светском обществе преобладает масса предрассудков в отношении религии. Профессор Кембриджского университета (Оксфорд) Ларри Сидентоп недавно писал на страницах газеты «The Financial Times»: «Мы должны признать религиозные источники либерального секуляризма. Это бы усилило Запад, укрепив его способность формировать (соответствующий) дискурс человечества». Американский философ-политолог Ф. Фукуяма писал в связи с годовщиной Ф. Ницше несколько лет назад, что западная политическая мысль до сих пор не преодолела отрицание равенства человеческого достоинства, составляющего ключевую идею христианства.

Хотелось бы процитировать и бывшего Госсекретаря США М. Олбрайт, которая в своей книге «Могущие и Всемогущий» (2006) писала, что население в исламских странах «задаётся трансцендентными вопросами истории, идентичности и веры. Для того что быть услышанными, мы все в свою очередь должны подходить к этим вопросам не менее основательно». Таким образом, вопросы традиционных ценностей находятся как в центре внутреннего развития государств, так и в основе международных отношений.

О значении традиционных ценностей говорил Президент В. В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию (2013). Основательную трактовку эта тема получила и в речи премьер-министра Великобритании, посвященной 400-летию Библии короля Якова (канонический перевод на английский язык), которое отмечалось в 2012 году.

Именно поэтому 21 февраля 2014 года на площадке Посольства России в Великобритании (Лондонское представительство Россотрудничества) состоялся симпозиум на эту тему. Его инициаторами были митрополит Волоколамский Иларион и епископ Лондонский Р. Чартрес — один из ведущих иерархов ан-

гликанской церкви, по должности входящий в Палату лордов Парламента. Оба председательствовали на симпозиуме, где с докладами выступили бывший министр торговли и инвестиций Лорд Грин (он входит в клир собора Святого Павла), ректор МГИМО (Университета) МИД России академик РАН А. В. Торкунов, преподаватель теологии лондонского Кингс-колледжа профессор Бен Куош, капеллан Лондонской школы экономики доктор Джеймс Уолтерс, профессор РГГУ А. Агаджанян, папский нунций А. Меннини (до Лондона в течение многих лет представлял Святой престол в Москве). В симпозиуме приняли участие около пятидесяти представителей разных религиозных конфессий, академических кругов, дипломатического корпуса и проявляющих интерес к этой проблематике общественных организаций.

В ходе заинтересованных дебатов был высказан целый ряд интересных идей. Более того, обсуждение выявило значительную степень схождения в анализе проблемы, как она стоит перед обществом в Европе и мире. В частности, внимания заслуживают следующие элементы этой коллективной «мозговой атаки».

Известно, что нынешний глобальный кризис вскрыл немало проблем общественного развития: рост неравенства, потерю перспектив для молодежи, ослабление сплачивающих общество элементов национального сознания. В связи с этим выступавшие говорили, что рынки сами по себе, в силу своей стихийности, не годятся для того, чтобы сосредоточиваться на долгосрочных вызовах общества. Более того, сама категория «стоимости», будучи экономической, имеет нравственную составляющую, о чем не следует забывать. Поэтому решение острых экономических проблем требует по-настоящему коллективного подхода, как бы мы сказали, всем миром.

Другой, не менее важный момент состоит в том, что распространение Интернета отрицательно сказывается на межличностном общении, что опасно, поскольку не способствует достижению таких целей общения, как формирование доверия и нравственных обязательств по отношению друг к другу. В данном контексте хотелось бы сослаться на исследование творчества Ф. М. Достоевского, сделанное бывшим архиепископом Кентерберийским доктором Роуэном Уильямсом². В числе прочих фундаментальных идей, заложенных в произведениях Ф. Достоевского, он выделяет ключевое значение человеческого общения как неперемного условия становления личности. Альтернативами являются отсутствие такого общения или «молчание», которые служат верным признаком распада личности, духовной и затем физической гибели. Как представляется, в нашу эпоху больших вопросов самое время задуматься и над этим.

В равной мере разрушительное воздействие на общество оказывают автоматизация и анонимизация,

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 г. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (ISL, Париж), Международной академии космонавтики (IAA, Париж), почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания).

² Уильямс Р. Достоевский: вера, язык, повествование. М.: РОССПЭН, 2013.

преследующие цель повышения эффективности и в итоге сводящие труд, который до промышленной революции имел преимущественно индивидуальный характер, к генерическим функциям, что, в свою очередь, предполагает взаимозаменяемость работников и не востребует их сугубо индивидуальные качества, то есть не воспринимает их как неповторимые личности.

Говорилось и о том, что специализация высшего образования укрепила тенденцию, ведущую свою историю с эпохи Просвещения, к подрыву единства знания, которое предполагает элементы духовно-нравственного становления личности: чистая наука в отрыве от этого в не меньшей мере «рождает чудовищ», чем «сон разума».

Даже работа государственного аппарата, традиционно рассматриваемая как служба обществу, превращается в товар в условиях культуры конкуренции, задаваемой в том числе частным сектором и распространением аутсорсинга в системе государственной службы. Очевидно, что частным компаниям, ключевой смысл существования которых — получение прибыли, чуждо понятие служения общественному благу.

В целом нынешний кризис, другие явления современной жизни, включая обострение межкультурных противоречий, все чаще указывают в направлении традиционных ценностей, их незаменимости как нравственной основы общества. Так, часто приходится слышать применительно к судьбам либерального капитализма, что «износилась» пресловутая «протестантская этика». Имеется в виду, что вследствие этой «изношенности» рухнуло все здание. Причем такой вывод делают представители политических наук — не философы и не теологи, а люди, пытающиеся понять причины нынешнего кризиса, который можно с достаточным основанием квалифицировать как системный кризис западного общества. Уверен, что его уроки имеют универсальное значение, в том числе и для России.

Судя по откликам участников, инициатива такого симпозиума воспринимается как назревшая необходимость, важнейший элемент контактов по линии гражданского общества, способствующий росту взаимопонимания между народами, поиску путей решения общих задач, включая и такую актуальную, как предотвращение радикализации в ее современных формах.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. С. БОНДАРЬ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
- ВАН ХУНЦЗЯ писатель, заместитель председателя Комитета очерковой литературы Китайской ассоциации писателей (Пекин)
- Ш. ВЕБЕР научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ независимый журналист, продюсер (Великобритания)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- Г. КАСУЛИДИС Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. Б. КУДЕЛИН директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- В. В. МИРОНОВ декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Ф. МОНТЕС старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- В. В. НАУМКИН директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

В. Ф. ПЕТРЕНКО	заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. В. СМИРНОВ	заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. О. ЧУБАРЬЯН	директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги, позвольте приветствовать всех вас, участников Международных Лихачевских научных чтений.

Напомню, что Чтения в государственном статусе проводятся сегодня в 14-й раз. А история их проведения берет свое начало в 1993 году, когда они задумывались и начинались по инициативе академика Дмитрия Сергеевича Лихачева как Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Дмитрий Сергеевич Лихачев был в числе первых авторов, докладчиков Чтений. До самого ухода из жизни он внимательно следил за их программой, материалами, результатами, давал советы. И совершенно естественно, что после ухода Дмитрия Сергеевича из жизни мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Путину с просьбой о принятии ряда мер по увековечиванию памяти нашего выдающегося современника. И нужно сказать, что это совершенно необычный случай, когда Указ, посвященный не каким-то чрезвычайным событиям, не военным действиям, не стихийным бедствиям, а совершенно мирному вопросу об увеко-

вечивании памяти академика Лихачева, был подписан Президентом РФ за три дня. В результате с 2001 года мы проводим Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов как Международные Лихачевские научные чтения.

Мне приятно отметить, что этот зал в последние 5–7 лет уже не может вместить всех желающих. Завтра, когда мы с вами будем работать на секционных заседаниях наших Чтений, в этом зале соберутся примерно 750 человек. Это старшеклассники и их учителя из России и зарубежья — участники творческого конкурса школьных научных работ, посвященных научному и нравственному наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева. Таким образом, уже по многолетней традиции Международные Лихачевские чтения в эти дни собирают порядка полутора тысяч человек.

Я как ректор, конечно, хочу поприветствовать здесь ученых мирового уровня, выдающихся мыслителей, общественных деятелей, деятелей культуры и искусства, специалистов-практиков, представителей наших учредителей — профсоюзов. Думаю, в этом зале примерно 80 % присутствующих — это члены российских

профсоюзов, что мне как руководителю профсоюзного вуза приятно. Хочу особо поприветствовать наших зарубежных гостей. По традиции каждый год в Чтениях участвуют представители 20–30 других государств. Мы дорожим таким вниманием к нашей конференции и рады, что, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, данный год не стал в этом смысле исключением. Здесь присутствуют сегодня и представители Академии наук Украины, и представители научного сообщества Польши, и представители научного мира Евросоюза, Соединенных Штатов Америки, Азии и т. д. Не буду говорить обо всех странах, регионах и континентах. Все это говорит о том, что мы здесь занимаемся действительно важным делом — делом, пожалуй, планетарного масштаба, важным для людей всего мира. И в этом смысле мы, несомненно, являемся продолжателями традиций, заложенных Дмитрием Лихачевым.

Конечно, после ухода из жизни Дмитрия Сергеевича на протяжении всей истории проведения Чтений начиная с 2000 года у нас был целый ряд секций, посвященных непосредственно его наследию. Но думается, что важно унаследовать дух. И в связи с этим хотелось бы сказать о логике творчества Дмитрия Сергеевича Лихачева. Вы знаете, что вся судьба, вся научная биография Дмитрия Сергеевича Лихачева тесно связаны с изучением проблем медиэвистики, русской литературы Средних веков. Дмитрий Сергеевич с университетской скамьи занимался этой научной проблематикой, и вся его жизнь и деятельность в этом направлении связаны с Пушкинским Домом. И совершенно не случайно сейчас Пушкинский Дом проводит филологические конференции, посвященные памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Они приурочены к его дню рождения и проходят, если я не ошибаюсь, раз в два года. Мы по инициативе академика Лихачева проводим здесь Дни науки, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры, Дню святых Кирилла и Мефодия, выдающихся просветителей, создателей алфавита, которым мы пользуемся.

Так вот, постепенно по ходу своей филологической деятельности Дмитрий Сергеевич ощущал необходимость постановки конкретных научных результатов, полученных в Пушкинском Доме, в значительно более широкий культурный контекст. Сначала это было связано с потребностями исторической датировки тех или иных артефактов, рукописей, потому что то, что изучал Лихачев, как правило, не имело авторства, то есть не было известно, кем написана та или иная рукопись. Тогда стоял вопрос и о временной идентификации тех или иных литературных источников русской культуры. Вы знаете, насколько это сейчас непростой вопрос, сколько было споров, дискуссий даже вокруг «Слова о полку Игореве» и т. д. Поэтому Лихачев не всегда мог сразу выяснить, где исходная летопись, где ее переписи, более поздние варианты, манускрипты, написанные через много лет. И он был вынужден сопоставлять данные раскопок археологов с данными нумизматов, историков и других, таким образом выходя на более широкий научный контекст. Но наступил момент, когда академик Лихачев, решая конкретные науч-

ные задачи, стал все шире заниматься проблематикой культуры в целом: проблемами петербургской архитектуры, садов, проблемами того, как древнее русское зодчество прорастало, например, в архитектуре Петербурга. А у нас в Университете 19 мая 1993 года на своем посвящении в Почетные доктора Дмитрий Сергеевич прочел лекцию «Петербург в истории русской культуры», в которой отметил, что Петербург «самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов». Это уже далеко не филология.

Анализируя творчество Лихачева уже сейчас, в этом веке, мы с уверенностью можем назвать его одним из величайших культурологов. Он является создателем новаторской, оригинальной, яркой, изобилующей плодотворнейшими идеями теории культуры. Сегодня журналисты меня спрашивали перед началом нашей встречи: «А Лихачев — это наше прошлое, настоящее или будущее?». Могу ответить, что Лихачев — это представитель той великой фундаментальной российской науки, которая создается Российской академией наук. Эта фундаментальная наука является и должна являться основой построения и дальнейшего общественного и государственного развития нашей страны. Я думаю, что Лихачев — это и наше прошлое, и наше настоящее, и наше будущее. В связи с этим можно считать, что все мы здесь — продолжатели дела Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Я благодарю вас за внимание и приглашаю к микрофону Михаила Борисовича Пиотровского. Надо сказать, что по поручению Лихачева и Гранина в 1999 году я официально зарегистрировал Конгресс петербургской интеллигенции, который сегодня возглавляет этот человек. Михаил Борисович, прошу Вас.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ¹: — На прошлой нашей встрече я говорил о том, что так складывается ситуация, что интеллигенция опять может быть очень востребована. Она действительно опять востребована и, оказывается, опять очень нужна России, и урок Дмитрия Сергеевича тут тоже важен. Он умел очень хорошо, динамично реагировать на те изменения, которые происходили в культуре. Мир меняется — это естественно, но меняется и культура, меняются некие реакции, понимание некоторых вещей, связанных с культурным диалогом. Я хотел бы привести несколько примеров из моей нынешней сферы — музейной. Недавно в Париже в Гран-Пале открылась очередная выставка из серии монумента. Там проводятся самые крупные

¹ Директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Исторические предания Корана», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа», «Обретение двух святых. Футух аль-харамайн» и др. Член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, член Совета по науке при Президенте РФ. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства. Почетный гражданин Санкт-Петербурга.

выставки в Париже. Это выставка Эмили и Ильи Кабаковых «Странный город». Это очень интересные, самобытные художники, единственные русские художники, которые сейчас входят в первую десятку в мире, я не говорю — самые дорогие и все остальное. И хотя уже много лет они живут в Соединенных Штатах Америки, но всегда идентифицируются с Россией, в каком-то смысле являются неким знаком России.

Надо сказать, что наше сегодняшнее событие тоже можно рассматривать в этом смысле. Но важнее другое — некая эволюция того, что происходит. Сегодня Кабаков воспроизводит, условно говоря, эстетику советского быта, коммунальные квартиры и т. п. Когда он жил в России, это творчество воспринималось в Советском Союзе как некая антисоветчина — как все плохо в стране, это была некая критика окружающей действительности. Но постепенно, к тому моменту как он стал творить уже на Западе и оперировать примерно тем же художественным языком, все это стало больше восприниматься как нечто общее и начало доставлять людям удовольствие как некая ностальгия по тому миру, из которого он вышел. Она такая неясная, но безусловная. В каком-то смысле это та ностальгия, которую мы испытываем, но она такая, я бы сказал, более эстетическая, интеллигентная. В целом все превратилось в некие общемировые эстетические размышления о сути, смысле жизни людей, исходя из того же художественного языка, который был создан в нашей стране в течение XX века. Такой совершенно ожидаемый, нормальный, правильный поворот с интересными аспектами.

Гран-Пале — это огромный зал, где Кабаковы построили странный город, весь белый, как города юга Сахары, которыми восхищался Ле Корбюзье. Там есть павильоны, в которых представлены таинственные города, таинственное искусство. Есть павильоны, напоминающие космические станции. То есть два-три павильона посвящены как бы ушедшей цивилизации. Есть павильон, посвященный ангелу, к которому на самом деле все это космическое стремится. Все это такой полубыт, переходящий в глубокую философию. На самом деле все это оказывается таким памятником, может быть, самому главному, что Россия дала миру в XX веке, — нашей космической философии, космическому искусству и освоению космоса. Это та линия, которая полностью оказалась рожденной в России: философия Федорова, Циолковского, космизм в искусстве, поэзии, живописи и освоение космоса как совершенно конкретное явление. Все это вместе — размышления и одновременно гимн тому, что Россия внесла в мировое искусство. Вроде бы все то же самое, один и тот же диалог, но это диалог, который меняет свой смысл.

И еще мы собираемся в этом году провести в Петербурге фестиваль современного искусства «Манифеста», сейчас идет подготовка, правда с большими скандалами. В мире есть несколько престижных фестивалей современного искусства. Самый престижный — Венецианская биеннале, второй — «Документа» в Касселе и третий — «Манифеста», это, так сказать, путешествующий по Европе фестиваль современного искусства. Впервые он должен был приехать из Европы и восприниматься как некий диалог Европы

и России в сфере современного и классического искусства. Проходить все это будет в Эрмитаже. А теперь оказывается, что в нынешней обстановке он приобретает значительно более серьезный смысл — становится рассуждением о территории искусства, сакральности этой территории, о том, как мы должны сохранять территорию культуры и искусства и оберегать ее от внешних влияний, вернее от использования в решении внешних проблем.

В этом году все сложилось совсем не так, как обычно. Мы готовим фестиваль, никаких особых рассуждений о том, что там будет, не ведется, и проблем с этим нет. Большая часть проблем связана с попытками бойкота. Сначала были попытки со стороны гомосексуального сообщества, которые мы, в общем-то, приостановили. Потом в связи с политическими событиями вокруг Украины тоже были призывы не участвовать в «Манифесте». И тех, и других попыток бойкота нам удалось избежать благодаря простому рассуждению: когда речь идет об искусстве, его нельзя использовать ни с той, ни с другой стороны. С одной стороны, у нас есть цензура, которая обеспечена таким количеством законов, что уже никакой цензуры не надо, просто все должно находиться в рамках законов. С другой стороны, во избежание попыток провокационно-политически использовать художественные события мы должны показать пример и провозгласить некий манифест, что есть территория искусства, где есть свои законы. И эти законы ни справа, ни слева не должны нарушаться на этой территории. Это сакральная территория, куда приглашен зритель, но эта территория не опускается до уровня зрителя, а, наоборот, поднимает его до себя.

У культуры свои законы, которые отличаются от других. Об этом говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Мы безуспешно пытаемся, так сказать, внести в официальные тексты нашу «Декларацию прав культуры». Нам постоянно отвечают, что права бывают только у людей, а у культуры прав быть не может, как и всего остального. Но мы постепенно все вместе в разных сферах пытаемся доказывать, что у культуры есть права, есть особенные характерные черты, которые могут не совпадать ни с политическими декларациями, ни с правами человека, ни с правами природы, ни с правами нации. Они особые, и это создает особый мир, сакральную территорию. На всякой сакральной территории происходят важные события, на сакральной территории существует мир, на сакральную территорию приходят для того, чтобы договариваться. Территория искусства, территория культуры сегодня — это замечательный мост, на котором происходят диалоги, и если многие другие мосты, так сказать, могут шататься, то наш мост должен существовать всегда. Я думаю, что это главный завет Дмитрия Сергеевича всем нам. Диалог культур в самом широком понимании должен происходить, и он (может быть, это сейчас самое главное) нуждается в определенной защите и заботе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Борисович. Слово предоставляется профессору Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Прежде всего позвольте поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого за это начинание, потому что благодаря именно его усилиям Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов действительно превратился в настоящую Мекку гуманитарного знания, причем не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Мне хотелось бы несколько слов сказать о том, что гуманитарное знание — безусловно, очень важная составляющая жизни нашего общества. Но я хотел бы сказать не о вкладе гуманитариев, а о вкладе ученых естественного профиля в гуманитарную науку, потому что они всегда ставили большие, важные проблемы. И буквально несколько штрихов в историческом аспекте, поскольку Россия явилась основателем, основоположником явления, о котором сейчас говорят уже применительно к самой России со стороны Запада. Я хочу сказать, что Петр I — «изобретатель» утки умов. Это он первым придумал, когда переписывался с Лейбницем, как создать в России Академию наук, университет и гимназию при ней, на какой основе в отсталой, крепостной стране это сделать, не имея специалистов. Поскольку богатая знать уже тогда своих детей стала посылать за границу — например, сын Екатерины Дашковой и многие другие учились в Англии, Германии, Швейцарии, где воспитывалась будущая интеллигенция, будущая правящая элита.

Алексей Разумовский, фаворит Елизаветы Петровны, своего младшего брата Кирилла в 14-летнем возрасте специально послал сначала во Францию, потом в Германию. Мальчик за четыре года освоил пять языков, получил знания, и, вернувшись, в 18 лет был назначен президентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Он пробыл на этом посту 52 года. Вот так решались вопросы, и поэтому 11 первых избранных академиков были иностранцами. В XVIII веке в Академии работали 84 иностранца и 28 отечественных специалистов, что послужило основой конфликта, который разрешился уже позже, в XIX веке. Петр I, основывая Академию, университет и гимназию, писал: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, и при жизни нашей, пристыдят все просвещенные народы своими успехами в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы».

Когда Михаил Васильевич Ломоносов вернулся из Германии в 1741 году, он стал академиком, долгие годы возглавлял гимназию и канцелярию, а в последующие годы жизни был ректором университета. В то время существовала дилемма: откуда брать учеников? К его приезду на 17 академиков было по 3 ученика. Богатые вельможи по-прежнему посылали детей за рубеж, а крепостные не могли отдавать детей учиться даже на родине. Поэтому в 1766 году университет был закрыт, в 1805-м ликвидирована гимназия, но Академия выжила. У Ломоносова как гуманитария в этом плане было свое представление. Он писал тогда, в крепостной России, будучи ректором: «Тот студент почтеннее, кто больше разумеет. А чей он сын, в том нет нужды». Из Академии убрали гуманитарное знание, философские науки. В 1783 году при Екатерине II про-

изошли два великих события — основание Севастополя и открытие Российской академии (для создания словаря русского языка). Через 58 лет, в 1841 году, эта академия влилась в Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук.

Кто был главным постановщиком гуманитарных проблем в эмансипации женщин? Николай Иванович Пирогов — всемирно известный хирург. На Западе женщины сами боролись за свои права, в России за права женщин боролись мужчины. Это продолжили Боткин, Павлов, Мечников. Нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников, будучи уже в Париже, где он проработал 28 лет, говорил, что «естествоиспытатели... должны не пожирать, фагоцитировать друг друга, а помогать и кооперироваться, как фагоциты и антитела». И первый наш лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов в 1904 году, когда получал ее, произнес: «Спасибо науке! Она не только наполняет жизнь интересом и радостью, но дает опору и чувство собственного достоинства». А спустя 25 лет, в 1929-м, стартовала первая пятилетка. Академию наук задвигают на задний план, создается Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР наряду с социалистической, а затем и Коммунистической академией. Академия наук все же устоит и будет развиваться. Но в период этого хаоса 25 декабря 1929 года в Академии наук на Университетской набережной, д. 5, проводилось торжество, посвященное 100-летию со дня рождения Ивана Михайловича Сеченова, где присутствовало все руководство новой власти. И. П. Павлов там выступал с речью. Во время доклада он вдруг он перестал говорить и обратился к портрету Сеченова: «О высокая, так строгая к себе тень! Как бы ты страдала, если бы в живом человеческом обществе оказалась сейчас между нами. Мы живем под гнетом жесточайшего принципа: власть, государство — все, частная жизнь — ничто. Но на таких принципах, господа, не то что культурного государства, вообще ничего не построишь, несмотря ни на какие “Днепрострой” и “Волховстрой”». Власти, конечно, приходилось реагировать, кривая постепенно становилась прямой, и с 1930 по 1941 год финансирование Академии наук увеличилось в 25 раз.

И завершить свое выступление я хочу словами еще одного выдающегося ученого Алексея Алексеевича Ухтомского — петербуржца, петроградца, ленинградца, который не покинул блокадный Ленинград и умер 31 августа 1942 года. Он писал: «Весь трагизм человеческого существования заключается в том, что ни у кого из нас с вами, будь вы академик, налетчик или студент, нет никакого портативного сиюминутного критерия истины. И часто в неправильности наших поступков мы убеждаемся только тогда, когда это неправильно уже подействовало на нашу кожу. Ведь как часто то, что издали нам кажется плачущим ребенком, вблизи оказывается тоскующим крокодилком. Но мы-то с вами не пассивные наблюдатели, мы активные участники бытия, и наше поведение — труд». Вот к этому я хочу призвать всех. Обращаясь к портрету Дмитрия Сергеевича Лихачева, хочу сказать, что этот корифей науки, которого мне довелось видеть и слышать

и на заседаниях Президиума Академии наук, и на общих собраниях Академии, пользовался всеобщим уважением и почтением. Он вполне относится к разряду великих людей мира, о которых Лев Николаевич Толстой писал: «У великих граждан мира не должно быть даты смерти, только дата рождения, потому что они уходят от нас не в прошлое, а в будущее, и уходят лишь только для того, чтобы остаться навсегда». Таков Дмитрий Сергеевич Лихачев.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Александрович. Уважаемые коллеги, здесь собрались представители разных отраслей научного знания и сфер деятельности. Надо сказать, что на межгосударственном уровне и уровне Организации Объединенных Наций проблематика диалога культур была впервые наиболее четко представлена Испанией, Турцией и рядом арабских стран. В развитии этой проблематики, во включении ее в поле зрения мирового сообщества особую роль сыграла Испания и ее министр иностранных дел (с 2004 по 2010 г.), который находится в этом зале. Это наш Почетный доктор Мигель Анхель Моратинос.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Несколько лет назад я имел честь быть удостоенным звания Почетного доктора этого Университета. И во время церемонии вручения мне мантии и диплома я понял, что это большая ответственность — разделять дух этого Университета, дающего знания социальных и гуманитарных наук. Это высокий дух Дмитрия Лихачева, которым пропитан этот зал. И вот уже 14 лет мы собираемся здесь для того, чтобы обсудить его идеи, ustanovить диалог между культурами. Десять лет назад европейское правительство выступило с важной инициативой и представило ее всем членам Евросоюза. Это случилось уже давно, но кажется, что произошло только вчера. Но мы здесь собрались не для того, чтобы разговаривать о прошлом, а для того, чтобы обсудить настоящее и подумать о будущем. Сегодня мы видим и слышим, как наука и технологии делают открытия, которые преобразуют мир, и мы сталкиваемся с новым порядком международных отношений, мировым порядком в целом. Таким образом, мы можем освоить эти новые открытия в экономике, технике, связи, информационных технологиях.

К сожалению, наши политические лидеры, дипломаты, которые работают на международном уровне, не понимают, что мир уже изменился. А мы знаем, и вы, студенты, знаете, и ваши профессора знают, что мир уже не тот. Но некоторые лидеры собираются убедить нас в том, что все по-старому и мы должны смотреть назад и возвращаться к старому духу холодной войны, или даже к холодному миру, будем называть его так, к старому миропорядку. Мир изменился, и мы должны это обсудить. Мы собрались для того, чтобы продвигать новые идеи, новые инициативы или чтобы использовать традиционные способы решать проблемы, которые мы знаем наизусть? Сто лет назад мы вели Первую мировую войну и снова повторили ошибки во Второй мировой войне. И сейчас мы

должны решить, как дальше будем вводить изменения: только через конфликты, кровопролитие и войны или все же через науку, новые инициативы и мысли? Вот для чего мы собрались здесь, у портрета господина Лихачева.

Мы должны следовать этому духу, применять принципы международного демократического порядка, учитывать наши различия в культуре и использовать их на благо. У нас должны быть инструменты нового мира и умение их использовать для того, чтобы решать спорные вопросы. Мы живем в XXI веке, но и сейчас происходят вещи, которые не укладываются в голову. Например, недавние события в Африке, где были похищены и увезены в неизвестном направлении более двухсот нигерийских девочек. Известно только, что это связано с религиозным фанатизмом. Эта цивилизация не может воспитать уважение, толерантность, терпимость в диалоге. Мы не можем этого допустить.

На этой конференции мы должны прийти к выводу, что нам всем здесь собравшимся необходимо взять на себя инициативу и призвать международное сообщество к интеграции, консолидации. Мы, российская и испанская дипломатия, можем заложить основы строительства новой цивилизации. Десять лет назад мы запустили этот проект, у нас хватило смелости начать инициативу, а сейчас это уже не просто инициатива, это наша обязанность. Мы собрались все вместе на этих Чтениях для того, чтобы подумать о будущем, старое уже ушло. Мы должны думать о будущем, потому что студенты, которые здесь сидят, достойны лучшей жизни. Мы должны понимать, что мы не заслуживаем того, чтобы нас снова ввергли в темные времена истории.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Моратинос. Я приглашаю на эту трибуну академика Валерия Александровича Тишкова.

В. А. ТИШКОВ: — Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения культурной эволюции — все больше в сторону культурной сложности или в сторону унификации. Скорее всего, имеет место и то, и другое в материальном плане. По современным гаджетам, по тому, как одевается, живет, на чем передвигается человек, сегодня трудно определить, в какой культуре живет, в какой традиции действует, на каком языке говорит тот или иной гражданин нашей страны или даже человек мира. И в то же время мы видим, что различия в культуре в целом значат не меньше, чем ресурсы. Была знаменитая дискуссия, даже две книги вышли. Одна называлась “Culture counts, resources decide” («Культура значит, но все решают ресурсы»), а потом вышла другая книга — “Resources count, but culture decide”, то есть «Ресурсы значат, но все решает культура». И мы действительно видим, как целый ряд обществ, государств, имея богатейшие ресурсы, не смогли их использовать для благополучия своих граждан, обеспечения стабильных и счастливых сообществ. В этом отношении мы приходим к выводу, что мир будет сохранять свое культурное разнообразие, мы никогда не будем

одинаковыми. Так же как трудно себе представить лес или поле из однотипных деревьев или травянок. Если мы станем одинаковыми, то это будет социальная энтропия, смерть человечества. Мы перестанем быть интересными друг другу, перестанем развиваться, и тогда прекратится диалог и остановится процесс взаимного обогащения ценностями, хозяйственным и духовным опытом и т. д. Поэтому и увеличивается культурная сложность современных наций, государств.

В мире нет особенно крупных монокультурных государственных сообществ, современных наций, будь это Российская Федерация, Украина или малая страна типа Ямайки, на валюте которой написано "From many one people" — «Из многих один народ». Я уж не говорю о таких гигантах, как Индия, Китай, Индонезия и т. д. И здесь встает ряд очень важных вопросов для нас, специалистов в области гуманитарной науки. Как обустроить эти культурно сложные общества? Где та формула наиболее эффективного управления, обеспечения согласия гражданского мира и в то же время удовлетворения тех прав, запросов, которые связаны с принадлежностью человека к той или иной особой культуре? Будь это общегосударственная, общенациональная культура или партикулярная этническая традиция, приверженность к современной массовой глобальной культуре. Все эти три потока сегодня перемешаны и взаимообогащают друг друга.

Некоторые государственные сообщества пытаются построить некие монокультурные государства, называя их национальными по старой советской неправильной, кстати говоря, традиции (национальные государства как монокультурные государства, где этнические границы якобы должны совпадать с государственно-административными). Эти общества наталкиваются на кризис и порой переживают крах или распад, и наша соседка Украина в последнее время показывает этот печальный пример. После распада СССР в 1991 году нам казалось, что образовались 15 государств: 14 из них национальные, и только Россия не до конца самоопределилась и решила сделать федерацию, но рано или поздно и она пойдет по второму кругу дезинтеграции. На самом деле все получилось в какой-то мере даже наоборот. Именно федеративные устройства большинства и сложных государств гарантируют целостность, это некая прививка от сепаратизма. А попытка навязать этнонационалистическую форму государственного устройства, принизить, а иногда и третировать и дискриминировать носителей других культур, других языков или традиций рано или поздно приводит к кризису.

Проходит 10, 20 лет, и люди понимают, что если они платят налоги и больше половины в столице государства, скажем в Риге, говорят на русском языке, а налоговые декларации им присылают на латышском, то рано или поздно они прекратят заполнять эти декларации и потребуют, чтобы власть, бюрократия говорила на языке их культуры, а не наоборот. Граждане не стали бы учить язык бюрократии. Мне кажется, эти простые вещи мы недостаточно понимаем. Мы должны быть здесь более гибкими и понимать, что по мере осознания, по мере политической самоорганизации,

по мере как бы самоопределения на индивидуальном и групповом уровнях эти вопросы встают сегодня во всем мире. Существует масса всяких деклараций: о правах меньшинства, о самоопределении, о гражданских правах. Мы, как и международные сообщества, не выработали единых критериев для всего мира, в частности вопрос, связанный с сохранением суверенитета современных государств и одновременно с проблемой самоопределения.

Изучая эти вопросы последние 20–30 лет, я пришел к выводу, что наиболее полная, глубокая формула самоопределения — это не отделение или создание какого-то своего государства с одной монокультурой, а право на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе носителей той или иной культуры, традиции, языка. То есть это прежде всего внутреннее самоопределение в более широком сообществе. И в этом отношении те страны, которые проводят и политику государственного устройства, и политику толерантности, поддержки культурного многообразия, выигрывают, развиваются и обеспечивают мир и стабильность.

Внутреннее самоопределение имеет две различные формы. Наша страна прошла и то, и другое. Первая форма: этнотерриториальная автономия, то есть компактные сообщества, обладающие своей идентичностью, культурной спецификой, настаивают и получают право на особый статус внутри государства как единицы большой федерации или конфедерации, здесь разные варианты — от Канады и Испании до Китая. Вторая форма: экстерриториальная национальная культурная автономия для сообществ, граждан тех или иных государств, которые живут дисперсно в рамках большой страны, но тоже нуждаются в том, чтобы сохранить свой язык, культуру. И это реальность. Это не просто федерализм, который мы унаследовали от Советского Союза, это мировая практика. И я уверен (20 лет об этом говорил), что федерализм и официальное двуязычие — это то, что спасет, обеспечит в будущем единство Украины, и не только Украины, а возможно, и Латвии, Молдовы и Казахстана, где рано или поздно этот вопрос встанет. Сегодня для Украины он стоит очень остро.

Культурные различия оказались важнее, чем очень многие вещи, о которых мы думали до этого или в которые верили. Еще раз повторю, что, к сожалению, опыт последних лет показывает, что нет каких-то единых принципов, определяющих, кто имеет право на этнотерриториальное или экстерриториальное внутреннее самоопределение. Опыт Чечни показывает, что то сообщество, у которого оказалось больше ресурсов, которое лучше организовалось, имеет большую, так сказать, степень политической организации, смогло обеспечить себе внешнюю поддержку. То сообщество, которое как бы доказало свою самость, легитимность и способность управлять самим собой, организовывать свое общество, и получает право на самоопределение. Но, к сожалению, внешние факторы и геополитические преграды очень часто берут верх. Хотя это тоже ненадолго.

И последнее, что я хотел бы сказать: не обязательно глубокие так называемые цивилизационные различия становятся причиной напряженности, конфликтов,

иногда малые культурные различия могут стать причиной больших конфликтов. Когда мы слышим некоторые эмоциональные высказывания, такие как: «Мы — народы-братья, никогда не воевали, никогда не будем в ссоре», к этому нужно относиться достаточно настороженно. Мы видели, как фактически один народ, говорящий на одном сербскохорватском языке, распался на пять государств и устроил у себя жесточайший внутренний конфликт с массой жертв. Поэтому даже малые культурные различия заслуживают уважения и внимания. И мы как специалисты должны быть здесь на страже и обеспечивать прежде всего диалог культур и взаимодействие, а не их соперничество и конфликт.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, с 2007 года Международные Лихачевские чтения проходят при официальной поддержке Министерства иностранных дел РФ. Я хочу предоставить слово его представителю Геннадию Михайловичу Гатиллову.

Г. М. ГАТИЛЛОВ: — Искренне рад в очередной раз участвовать в Международных Лихачевских научных чтениях. За прошедшие годы форум значительно укрепился, занял достойное место в ряду крупных международных площадок своего профиля и превратился, по сути, в конструктивную дискуссионную платформу по вопросам диалога культур и цивилизаций. А это в нынешний момент крайне необходимо. Мы действуем на государственном, межправительственном уровне, но в своей работе опираемся на мнение гражданского общества, научных кругов, и поэтому то, что говорится в рамках Лихачевских чтений, помогает и в выработке нашей линии, наших подходов к международным проблемам. А их число, как вы хорошо знаете, увеличивается, и многие из них становятся крайне острыми. Наша задача состоит в том, чтобы наладить неконфронтационный обмен мнениями и идеями и в результате осмыслить те процессы, которые происходят в современном мире. Они свидетельствуют о том, что обостряется конкуренция между ценностными ориентирами и моделями развития различных государств и их объединений. Считаю, что безальтернативным является коллективный подход к решению существующих проблем. Нет однополярного мира, он изменился, и сейчас уже ситуация не та, когда какие-то страны могут навязывать другим свой образ действий, свои принципы и свое видение развития в мире. А когда у нас есть понимание того, что мы должны действовать сообща, то нам удается находить решение острых конфликтных проблем в различных ситуациях.

В качестве примера могу назвать наше партнерство с западными коллегами по таким важным вопросам, как, например, химическое разоружение Сирии. Это сложная проблема, но нам удалось выйти, в том числе с американцами, на общее понимание важности ее решения. Мы вместе запустили международную конференцию по Сирии. Дело движется сложно, тем не менее начало положено и надо надеяться, что это движение будет продолжено. Мы вместе работаем над урегулированием иранской ядерной проблемы и над целым

рядом других вопросов. Таким образом, когда существует общее понимание важности этих проблем и необходимости их коллективного решения, нам удается находить общий язык с нашими партнерами. Но когда предпринимаются попытки решать какие-то проблемы в одностороннем порядке, то это ведет к политизации, конфронтации, выражается в отсутствии желания учитывать мнение партнеров и их интересы, и тогда все эти проблемы только обостряются.

В силу этого необходимость эффективного поиска ответов на глобальные вызовы становится императивом для современного периода межгосударственных отношений, что, в свою очередь, делает более актуальной задачу развития не только классической межгосударственной политики, но и парламентской, общественной, экономической и культурной дипломатии. И, конечно, большую отдачу могли бы принести усилия по налаживанию межрелигиозного диалога. Мы, кстати, над этим работаем, пытаемся данный вопрос активно поднимать в рамках ЮНЕСКО с прицелом использования ее как площадки в вопросах предотвращения столкновения цивилизаций и возникновения различных форм экстремизма. К сожалению, есть и другие примеры, когда нам не в полной мере удается это сделать. Вот один из них: мы уже много лет в рамках Организации Объединенных Наций инициируем проекты резолюции о недопустимости героизации нацизма. И из раза в раз, каждый по своим причинам, наши западные коллеги или воздерживаются, или отказываются ее поддерживать. И все это в конечном счете приводит к тому, что фашизм поднимает голову, примеры чего все мы наблюдаем в последнее время.

Я не хочу сказать, что отказ от поддержки этой резолюции напрямую связан с теми явлениями, которые происходят на Украине, но все же надо признать, что в определенной степени это рассматривается украинскими фашиствующими кругами как поддержка и возможность продолжать то, чем они занимаются, действуя все активнее. Поэтому напрашивается вывод, что страны Запада, отвергая нашу инициативу, на деле потворствуют таким явлениям. А отсюда и рост нетерпимости, антисемитских настроений и т. п. Последние исследования, проведенные неправительственной организацией «Антидиффамационная лига», зафиксировали тревожные показатели распространения в мире подобных тенденций. Причем лидируют в этом отношении страны и Западной, и Восточной Европы, что выглядит, конечно, удручающе. Международные площадки созданы для того, чтобы объединять людей и совместными усилиями искать ответы на вызовы глобализации.

Еще один пример: ЮНЕСКО, казалось бы, неполитизированная организация, которая призвана заниматься гуманитарными, научными и культурными проблемами, развивать через культурную составляющую диалог между государствами на неполитизированной основе. В то же время мы видим, что в последнее время предпринимаются попытки политизировать деятельность этой организации, и вместо того, чтобы заниматься тем, чем ей положено по уставу, туда приносятся политизированные резолюции, например по той же крымско-украинской тематике, что явно не идет

на пользу развитию сотрудничества в рамках этой международной площадки. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что когда есть желание работать вместе, искать диалоговые формы, развивать сотрудничество, то у нас и появляются конкретные результаты. Если этого не происходит, то, к сожалению, мы наблюдаем сбой в нашем сотрудничестве.

Я думаю, что Лихачевские чтения и другие подобные форумы, где происходят свободный обмен мнениями, диалог по вопросам культуры, развитию цивилизационных отношений, способствуют тому, что появляется основа для переноса этих идей и на межгосударственный уровень. Поэтому в мире высоко ценят и поддерживают площадку Международных Лихачевских научных чтений и рассматривают ее как кузницу интеллектуальных идей по решению общих проблем современности на основе диалога и партнерства.

Желаю всем участникам и гостям Лихачевских чтений плодотворной дискуссии. Надеюсь, что в результате обмена мнениями появятся конкретные предложения, которые мы будем учитывать в своей практической работе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Оргкомитета Чтений поступило много приветствий от представителей власти, научного сообщества и международных органов. Мы получили телеграммы, в частности, от министра культуры РФ В. Р. Мединского, от председателя Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкина. Прочту несколько строк, чтобы была понятна общая тональность: «Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева и в России, и за ее пределами стало олицетворением глубоких нравственных начал нашего народа. «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание... являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн, — писал академик Лихачев»». Это цитирует в своей телеграмме Дмитрий Анатольевич Медведев.

Вот еще одно приветствие: «Идеи Лихачева как никогда актуальны в современной ситуации, когда развивается диалог культур, интенсифицируется и обретает новые формы партнерство цивилизаций. Это очень сложные и неоднозначные по своей природе и результатам процессы, пониманию которых во многом способствует работа Дмитрия Сергеевича Лихачева и его последователей». Это я процитировал приветствие Генерального директора ЮНЕСКО госпожи И. Боковой. От имени наших Чтений я хотел бы выразить признательность всем тем, кто направил нам эти приветствия. Спасибо.

Я не могу не сказать несколько слов о нашем следующем выступающем. Это выдающийся историк, изучающий историю Европы XX века, с которым мы вчера говорили о том, может ли быть единый, единственный учебник истории у нас в России. Конечно, книг, монографий по истории множество, а может ли быть один учебник? И в наших дискуссиях многие говорили, что нет, что учебников должно быть много. А я думаю, что учебник может быть и один, если авторский коллектив возглавляет наш Почетный доктор, академик Александр Оганович Чубарьян.

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Мы присутствуем сейчас при «буме» исторического знания, причем и в нашей стране, и во всем мире. Я просто не припомню такого периода, когда истории уделялось бы такое внимание и она занимала бы умы самых широких слоев населения. И в этом смысле мы очень нуждаемся в наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева, который много говорил не только о диалоге культур и цивилизаций, но и о культуре диалога. А это сейчас в мировой исторической науке, вероятно, одно из основных направлений. Александр Сергеевич упомянул о работе над учебником. Я занимался этим по поручению президента последние полгода и должен вам сказать, что получил в общей сложности более тысячи писем со всей России с предложениями, оценками истории. Они были разные, что свидетельствует о том, что интерес к этому вопросу очень большой. В разных странах сейчас есть международные и национальные проекты под названием «Историческая память». И дискуссии порой принимают очень острый характер.

В нашей стране, как и в середине XIX века, возродилось противостояние в понимании российской или русской идентичности, которое иногда принимает весьма острые формы. Мы возвратились к спорам, касающимся идей происхождения Древнерусского государства. У нас идут довольно активные и часто бескомпромиссные дискуссии относительно истории нашей страны в XX столетии: что такое советское общество, как оценивать советский строй? Возникли разные подходы к русской революции 1917 года. Я думаю, что споры будут нарастать по мере приближения 2017 года, 100-летнего юбилея революции 1917 года. В бывших республиках Советского Союза, ныне самостоятельных государствах, идут острые дискуссии об их истории, особенно в тот период, когда они находились в составе России и Советского Союза. Это происходит и на Кавказе, и в Центральной Азии. Я уже не говорю о Прибалтийских государствах. Сейчас еще одна из острых тем — это трагические события на Украине.

То же самое происходит и в других странах. В Германии мои коллеги активно говорят о том, что молодое поколение не хочет жить с постоянным ощущением вины, поэтому сейчас там очень распространена идея, что Германия была не только преступником, но и жертвой нацизма. Во Франции правительство пыталось исключить из учебников упоминание о французском колониализме. В Италии есть совершенно четкие намерения изменить концептуальное отношение к Муссолини. В Восточной Европе острые формы принимают споры, которые связаны с Россией.

В процессе подготовки учебника мы столкнулись с особой позицией наших коллег из Татарстана. Они сейчас как бы выражают мнение этой составляющей нашего федеративного государства. У нас было много бесед с руководителями исторической науки Татарстана в Казани. И я приглашал в Москву их вице-президента по истории, гуманитарным наукам. У них есть своя точка зрения на происхождение Древнерусского государства. Они вносят много предложений о роли кочевнического мира в историю нашей страны. Естественно, у них свои оценки и татаро-монгольского ига,

мы от этой формулировки в концепции нового учебника отказались, довольно активно обсуждая. Это относится и к другим составляющим нашей страны.

И в этом отношении, конечно, проблема культуры диалога, культуры споров, которые ведутся, приобретает сегодня огромное значение. История, как выяснилось, может быть фактором консолидации нации, мира, но она может быть и фактором раскола — того, что мы часто наблюдаем. Противоречия углубляются, иногда эти небольшие исторические реминисценции являются причиной довольно жестких формул, выходящих на политическую авансцену. Снова встал вопрос об идеологизации, политизации истории, о государственном вмешательстве в оценки исторических событий, которое происходит во многих странах. В это дело включились международные парламентские организации, чего не было раньше. Они принимают резолюции по оценке исторических событий.

Я думаю, что в этой довольно острой ситуации, которую, конечно, не надо драматизировать, наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева для нас приобретает особый смысл и значение. Здесь уже говорили об этом мои коллеги, но я хочу повторить еще раз. Сама идея диалога и идея культуры диалога была присуща Дмитрию Сергеевичу и как ученому, и как человеку, и как гражданину. Очень многие в этом зале знали, видели, общались с ним. Мне тоже довелось довольно часто и много с ним встречаться. Это был человек высоких нравственных начал, который демонстрировал лучшие качества современного человека, одухотворенного и культурой, и идеей гражданственности. И он для нас остается примером не только диалога культур, но и культуры диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Оганович. Приглашаю на трибуну одного из руководителей Китайской ассоциации писателей Ван Хунцзя.

ВАН ХУНЦЗЯ: — С чувством благодарности я приехал в Россию для того, чтобы принять участие в Лихачевских научных чтениях. Для меня это возможность не только поучиться у российских, зарубежных ученых, но и побывать в России, потому что она очень напоминает мне родину моего детства. Я не первый раз в Петербурге, и каждый раз, ступая на эту землю, я испытываю исключительно теплые чувства. Почему? Потому что произведения Пушкина, Толстого, других великих русских поэтов и писателей о любви, природе, красивые стихи породили в моей душе именно такие чувства. Их навевают близость к красивой природе, великолепные пейзажи. Это и есть сила литературы. Непогода, слякоть, деревенские покосившиеся дома наполнены красками, и в произведениях это создает очень яркое впечатление. Я испытываю очень глубокие чувства, просто очарован русской литературой. В душе я всегда был благодарен ей за то, что воспитывался на ее произведениях, потому что русская литература исключительна.

Я думаю, что Китай и Россия имеют в некоторой степени очень схожие судьбы. В Китае тоже есть великая культура. Выдающиеся китайские ученые, фило-

софы на протяжении многих столетий создавали и пестовали китайскую литературу. Образовательная наука Китая была создана Конфуцием — великим китайским педагогом. Но начиная со II века до н. э. и до настоящего времени китайская литература, философия навсегда связаны с судьбами людей, живущих в Китае. Мы понимаем, в настоящее время литература прошлого и современная литература имеют очень большое значение для современности, для воспитания образованной молодежи. Сейчас возникла такая ситуация, что в Китае молодежь мало читает, не интересуется древней и современной литературой.

Я хочу отметить, что, исследуя в своих трудах российскую литературу, Дмитрий Лихачев говорил, что нужно бережно обходиться с великим культурным наследием России, указывал, что культура сейчас постепенно начинает гибнуть. И это очень трагично. В своем произведении «Раздумья о России» Лихачев писал: «...ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский». И мне кажется, Китай и Россия очень похожи в этом. Китай имеет великую древнюю историю, особые литературные памятники. Но сейчас в нашей стране очень мало читают. Дмитрий Лихачев считал, что привычка к чтению воспитывается с детства. Это и есть основа образования. Этот способ получения знаний очень важен. Основная причина того, что Китай сейчас мало читает, в том, что там особая система образования. С древности образование в Китае было основано на том, что ученики заучивали наизусть произведения древних классиков, и сейчас нужно изменить образовательную систему. Это очень важно, так как обеспечит будущее нашей молодежи, ее богатую культуру, поможет ей приобрести знания по культуре и истории.

Я помню произведения Горького, других русских писателей. Нужно постоянно читать книги и пополнять свои знания, чтобы приобрести духовные и культурные ценности. Если не читать и не иметь желания к чтению, то мир станет очень маленьким и узким. Дмитрий Лихачев говорил, что великое культурное наследие, собрание литературных памятников — это великие произведения, которые мы должны изучать и сохранять. И мы должны к этим литературным произведениям испытывать особое трепетное отношение. Если не будет желания и намерения знакомиться с этими памятниками, тогда у нас не будет и интереса к современному миру, мы не сможем разбираться в событиях, которые происходят сейчас, и будем лишены прекрасного будущего. История цивилизации, история всего мира — это всеобщая история. И ее нужно беречь и внимательно изучать. В Петербурге, размышляя о чтении, я подумал, что родина — это не только место, где родился и вырос, а еще и история того, как предки осваивали наши земли. А также это история гуманитарной, духовной составляющей нашего народа. Родина — это культура, и она не придет в упадок до тех пор, пока не ослабнет сама.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Благодарю Вас, господин Ван Хунцзя. Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Чурову.

В. Е. ЧУРОВ: — Первое, о чем хотелось бы сказать: предыдущие выступавшие уже ясно показали, что говорить о диалоге культур как об отдельном процессе не приходится. Диалог культур тесно связан с экономическим и военно-политическим сотрудничеством и отдельно от них не существует. Второе: также вполне очевидно, что история не существует как отдельный общественный институт, а является необходимым инструментом для оценки современных событий и выбора оптимального пути в будущее. И отсюда простой вывод: объективная история позволяет объективно оценить современность и выбрать действительно наилучший путь в будущее. Необъективная история этого сделать не позволяет, поэтому, я думаю, умные государственные мужи должны заботиться о поддержке объективного изучения истории. Третье: изучая военную историю, в том числе в связи с памяtnыми датами этого года — 200-летием взятия Парижа, 100-летием начала Первой мировой войны, 70-летием освобождения Севастополя и тому подобными, можно прийти к выводу, что война имеет своей составляющей и войну культур. Война тоже может рассматриваться как диалог.

Приведу самый очевидный пример. Официальное название Первой мировой войны — Великая война за цивилизацию. Это название отчеканено на медалях Победы всех государств-победителей. Великая война за цивилизацию соответственно была войной культур. Профессор Тишков уже говорил о том, что иногда в войнах существенное значение имеют и малые различия культур. После главной задачи — победить — второй задачей воюющих сторон всегда была и остается попытка создать ложный образ культуры врага, то есть существенно увеличить это малое культурное различие. И в том числе в ходе Великой войны за цивилизацию нужно было представить германцев и австро-венгров исчадиями ада, потому что нецивилизованные народы должны быть побеждены цивилизованными. Такая тенденция всегда проявлялась и в отношении России, достаточно вспомнить, какой искаженный образ русской культуры создавался пропагандистами Наполеона, какой фальшивый образ русской культуры создавался нашими противниками в ходе Крымской войны. И очень важно понять, что война культур по завершении реальных военных действий, к сожалению, может продолжаться.

Спустя 100 лет после завершения Крымской войны англичане, снимая фильм о трагической гибели легкой кавалерии под Балаклавой, долго думали, как обосновать то, что вообще англичанам понадобилось в Крыму. И не придумали ничего лучшего, как возложить на «русских князей» ответственность за резню мирных английских женщин и детей в Индии. Вот такое послевкусие от войны культур.

Естественно, что диалог культур имеет не только внешнее, но и внутреннее значение. Проезжая как-то по Кутузовскому проспекту в Москве, я увидел следующие друг за другом три машины одинакового желтого цвета. Первая машина — такси, дешевенький «форд», третья машина — тоже такси, дешевенький «хендай». Обе ярко-желтого цвета, это обезьянничание с такси в Нью-Йорке. А посередине точно такого же цвета до-

рогущее «феррари». И я говорю водителю: «Смотрите, какие такси стали по Москве ездить». Он говорит мне: ««Феррари», наверное, не такси». Так вот, возможен ли диалог между желтым «феррари» и желтыми такси? Это вопрос для следующих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владимир Евгеньевич. Как вы знаете, уважаемые коллеги, у нас в Университете в 2008 году по инициативе нашего учредителя — Федерации независимых профсоюзов России — и при личной поддержке Владимира Владимировича Путина был создан факультет конфликтологии. Следующий наш выступающий представляет одновременно и наших учредителей, и крупный научный центр по проблемам конфликтологии, который работает на этом факультете. Это заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Евгений Иванович Макаров.

Е. И. МАКАРОВ: — Позвольте приветствовать вас от имени учредителя Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — Федерации независимых профсоюзов России. Каждый раз, когда поднимаюсь на эту сцену, я пытаюсь с позиции нашей экономической, утилитарной организации найти ту актуальную повестку дня, которой могут быть посвящены сегодняшние, может быть, и завтрашние Лихачевские чтения. И как это ни удивительно, несмотря на то что организация, которую я представляю, — утилитарная, каждый раз мы находим очень много тем и вопросов, по которым хотелось бы услышать от уважаемого учебного сообщества вполне ясные и конкретные идеи, рекомендации для того, чтобы сделать нашу жизнь лучше. Как вы знаете, мы стремимся защищать интересы простых людей, живущих в Российской Федерации и за ее пределами. И когда я поднимался на эту сцену, пытался в уме очертить динамику развития повестки дня Лихачевских чтений.

Это может показаться противоестественным, но каждый год на протяжении последних 10 лет количество проблемных вопросов, которые мы обсуждаем, не уменьшается, а растет. И если оглянуться на события прошедших нескольких месяцев, то мы с вами поймем, что напряжение возрастает, и не только по количеству, но и по качеству, жесткости постановки вопросов. В чем причина? Здесь я, как представитель руководства Федерации независимых профсоюзов России, абсолютно согласен с выдающимся современным социологом Иммануилом Валлерстайном, который утверждает, что причина конфликтов — в крахе идеи либерализма, рожденной ею философии и созданных на этой почве моделей. Но в чем мы, может быть, отличаемся во взглядах, это в том, что Валлерстайн считает, что либерализм умрет как немощный старик и тихо оставит после себя не самые лучшие воспоминания. А я вижу, что этот старик бьется в агонии, пытаюсь нас затащить в то прошлое, о котором говорил здесь уважаемый экс-министр иностранных дел Испании. Существующий уже более 200 лет либерализм пытается затянуть нас в Средневековье, где в какой-то части оказалась сегодня Украина. Он хочет поднять из гроба мертвецов шо-

винизма и нацизма, вызвать к жизни совершенно неприемлемые для современного мира модели будущего развития, основанные на господстве одной идеи и одной страны, навязываемые под звучание псевдолиберальных «мантр».

Для профессиональных союзов это абсолютно неприемлемо по той причине, что это организация не только утилитарно-экономическая, но и крайне консервативная. Люди, которым мы служим, не хотят перемен, приводящих к ухудшению положения их самих, их близких и детей, под каким бы «соусом» это ни подавалось. Они не хотят в будущем видеть страну, которая катится в прошлое, раз за разом повторяя ошибки прошедших веков. Они рассчитывают, что их голос не только будет услышан теми, кто делает «большую политику», но и к нему прислушаются. Поэтому я желаю всем участникам Лихачевских чтений плодотворной работы и продолжения поиска (в котором мы непрерывно находимся) ответов и на вопросы фундаментальные, и на вопросы сегодняшнего дня. Поиска лучшего будущего для нас и особенно для наших детей. Мы не имеем права выпустить за пределы текущего десятилетия решение проблемы замены либерализма новой, жизнеспособной идеологией, отвечающей интересам не только «золотого миллиарда», но и населения стран России, Азии, Африки и Латинской Америки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Евгений Иванович. На трибуну Лихачевских чтений приглашается выдающийся российский философ Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, друзья, Лихачевские чтения имеют много разных аспектов. Один из них заключается в том, что это государственный форум, вписанный в культурную жизнь Санкт-Петербурга, страны. В научной же своей части Лихачевские чтения связаны с диалогом культур. Это место, где представители разных областей знания и разных форм культуры — и ученые, и практики — обдумывают и разрабатывают общую концепцию. И тот, кто следит за результатами работы форума, видит, что эта концепция обогащается, развивается. Сегодня мне хотелось бы остановиться только на одном моменте, на одном вопросе, который требует теоретического размышления и на который, насколько я могу судить, в обсуждавшихся нами вариантах понимания диалога культур ответ пока не найден. Вопрос этот мне казался очень актуальным, а сейчас, после выступления профессора Чурова, я в этом просто убежден. Своим парадоксальным заявлением о том, что война — это в какой-то степени диалог культур, он высказал очень простую идею: различие культур — это основание для конфликта и для диалога.

Здесь, когда мы выступаем с трибуны Лихачевских чтений в этой прекрасной академической аудитории, у нас все концы с концами сходятся, диалог получается. А вот на улице, когда встречаются между собой, скажем, коренные жители и мигранты, — там диалога не получается. Когда, скажем, Запад и Россия обсуждают известные проблемы — диалога не получается. Идея, о кото-

рой говорил профессор Чуров, — конечно, вызов тем, кто все-таки придерживается концепции диалога культур. В чем смысл самой идеи диалога? Не в том, чтобы снять культурные различия и привести их к какому-то единому основанию, а в том, чтобы как бы легитимизировать эти различия, чтобы признать их как благо и, более того, обосновать, предложить именно различие культур как наиболее продуктивную форму существования и развития культуры вообще. То есть идея разнообразия и многообразия культур — это базовая идея самой концепции диалога культур.

Следовательно, надо внести такие уточнения в теорию диалога культур, дать такое ее понимание, которое обосновывало бы разнообразие как норму, адекватный способ существования и развития культуры. И сделать это так, чтобы отсюда нельзя было вывести войну и другие, подобные войне, конфликты. И если на разнообразие культур смотреть со стороны какой-то одной культуры, понять и оправдать его невозможно, мы обязательно поделим ее на свою и чужую. А «свое-чужое» — это известная испокон веков форма группового противостояния людей, их борьбы, взаимоничтожения и т. д. Значит, должна быть какая-то другая точка зрения, другая точка отсчета — транскультурная, сверхкультурная, нейтральная по отношению к тем культурам, которые необходимым образом должны взаимодействовать между собой. Должна быть точка зрения, которая поднимается над этим разнообразием культур и как бы служит основанием для того, чтобы санкционировать его. И мне кажется, в наших концепциях на этот вопрос ответа нет.

И отсюда, между прочим, возникает целый ряд таких странных вещей, когда, скажем, даже выдающиеся сторонники идеи толерантности, диалога культур вдруг в какой-то момент сбиваются. Они вроде за диалог культур, но бомбардировки в Югославии оправдывают, палестинцев считают другими, выводят их за скобки и т. д. То есть в теории ответа на этот вопрос нет. И мне кажется, когда мы говорим о диалоге культур в глобализирующемся мире (а ведь именно так звучит наша тема), мы ограничиваемся первой частью, тем, что речь идет о диалоге, акцентируем внимание на этом, но мы мало обращаем внимания на вторую часть, на то, что это диалог культур в современном, глобализирующемся мире. То есть в мире, который становится единым. А раз мир становится единым, то он принадлежит всем людям, которые в нем живут, которые живут на планете Земля. Здесь уже кто-то говорил, что гаджеты и многие другие составляющие нашу повседневность предметы одинаковы во всех уголках мира; с технологической точки зрения мир становится единым. И с финансовой точки зрения с долларами в кармане можно путешествовать повсюду. Везде есть также Интернет. Можно сказать, что мир един, поскольку охвачен всеми этими вещами. Но на это можно посмотреть и по-другому: мир охвачен, насыщен одинаковыми вещами — и долларом, и Интернетом, и многим-многом другим, что составляет среду нашей жизни, потому что он един. То есть признание изначального человеческого единства предшествует тому фактическому единству, которое реализуется в процессе глобализации. И мы должны

найти какие-то ходы мысли, чтобы включить этот момент в наши теоретические схемы.

Философы, которые первыми мир человеческих законов, обычаев, норм — того, что позже было названо и сейчас называется культурой, — выделили в качестве особой реальности, были греческие софисты. Они выделили этот мир и сказали, что есть особая реальность — мир культуры. И этот мир культуры они противопоставили миру природы. Мир, с которым имеет дело человек и в который он вовлечен, был расчленен на две качественно различные области: природу и культуру. Но софисты не просто зафиксировали это различие. Их ход мысли был такой: природа с точки зрения ценностной выше культуры. Почему? Потому что природа объединяет — она одна и та же для всех, а культура разная, значит, она разделяет. Это прозрение философов, мне кажется, сейчас уже становится историческим фактом. Природное единство людей в условиях глобализирующегося мира — это уже, если хотите, сам по себе культурный феномен, историческая реальность.

Нам надо осознать и теоретически закрепить этот факт. Я думаю, что это можно сделать, если мы идею диалога культур и вообще идею культурного многообразия соединим с идеей ненасилия, конкретизировав ее как идею изначальной и безусловной ценности человека как человека, до всяких культурных различий. Один консервативно мыслящий и националистически ориентированный мыслитель говорил: я встречал француза, русского, благодаря книгам знаю о существовании персов, но никогда не встречал и не слышал о существовании человека вообще. Это верно, но ведь только человек может стать французом, русским, персом, другие природные создания не могут стать ими. Конечно, культура формирует человека — это факт. Но ведь и человек формирует культуру. И тем более в современном мире оказывается более рельефной и очевидной истина, что культурная определенность людей не является какой-то застывшей формой, она все время меняется. И человек не только овладевает различными предзаданными ему идентичностями, но и собственную идентичность постоянно развивает. И это тем более доказывает, что сама культура формируется человеком. Мы должны признать изначальную ценность человека как той основы, которая формирует культуру. А если мы признаем самоценность человека, то мы признаем его право на то, чтобы иметь ту культурную форму, которую он предпочитает. Тем самым мы изначально задаем разнообразие и различие культур. И мне кажется, если бы мы соединили эти две вещи — теорию ненасилия, отказ от насилия и диалог культур, то мы смогли бы значительно продвинуть и нашу концепцию диалога культур.

Еще один момент, который очень важен для того, чтобы включить эту идею транснационального единства в нашу концепцию, связан с изменяющимися формами «владения» планетой, расселения и обитания людей на ней. До сих пор у нас — и в наших культурных образах, и по факту — господствует принцип, когда определенные группы людей закреплены за определенными территориями, то есть территория поделена

между этносами, государствами, цивилизациями. Планета поделена между культурами. А сейчас идет другой процесс. Это процесс миграции, который теперь не остановить, кто бы и что бы ни говорил и ни делал. Мы замечаем, что в Россию приезжает много мигрантов, а с ними и много проблем (реальных и мнимых), но мы не особенно задумываемся над тем, сколько уехало из России и уезжает. И еще неизвестно, если эти потоки сопоставить, какой из них перевесит. Эту новую реальность, конечно, нам нужно каким-то образом научиться осмысливать.

И здесь я хотел бы обратиться к мысли известного современного социолога и очень мудрого человека Зигмунта Баумана: «Может быть, нам отказаться от метафоры почвы и перейти к метафоре якоря». Это означает, когда человек куда-то уезжает, он просто бросает якорь в другом месте. Если он уезжает, то он не изменяет родине, так сказать, не покидает почву. И теперь вместо человека-крестьянина с лошадью, прикрепленного к определенной земле, мы имеем человека-моряка, путешественника, который плавает по океану и может бросить якорь то здесь, то там. Во всяком случае эта идея заслуживает внимания и уважения. Иными словами, мы должны конкретизировать и обогащать наше понимание диалога культур таким образом, чтобы из культурных различий и многообразий никоим образом нельзя было бы вывести разделения людей на своих и чужих.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович. Я бы хотел пригласить на трибуну нашего выдающегося коллегу, ученого из Академии наук Украины, профессора Петра Петровича Толочко. В эти сложные времена нам очень дорого его присутствие.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги! Готовясь к очередным Лихачевским чтениям, я сделал для себя небольшое открытие. Состоит оно в том, что человечество не способно создать непротиворечивую модель собственного общежития. В свое время выдающийся русский философ Н. Ильин видел причину столкновения народов в отсутствии закона, который бы четко регулировал систему международных отношений. Впоследствии такой закон появился. Он был принят Организацией Объединенных Наций, но столкновений стало еще больше. И главным образом потому, что в нем было провозглашено в качестве неотъемлемого права народов на самоопределение.

Недостатка в желающих самоопределиваться никогда не было, а процесс этот всегда сопровождался общественными кризисами. К тому же реализация этого права чаще всего зависит не столько от воли самого народа, сколько от сильных мира сего. К примеру, США и НАТО решили, чтобы Косово стало отдельным государством, что и произошло. В свою очередь аналогичную поддержку Абхазия и Южная Осетия получили от России.

Недавно я прочитал интервью премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, обеспокоенного предстоящим плебисцитом Шотландии о государственном суверенитете. Согласно ему, выход Шотландии

из состава Великобритании нежелателен, поскольку не пойдет на пользу ни шотландцам, ни англичанам. Не-что похожее Ж.-М. Баррозу сказал по поводу возможного выхода Каталонии из состава Испании. Как говорится, золотые слова. Жаль, что говорятся они только тогда, когда речь идет о целостности собственных стран. Их не было слышно, когда та же Европа и США с упоением разваливали Советский Союз и Югославию, горячо отстаивая право их народов на самоопределение.

Но кроме права на самоопределение, ООН провозгласила также и принцип нерушимости границ, что было закреплено на известном Хельсинкском совещании в 1975 году. По существу, эти два «права» находятся в непреодолимом противоречии.

Есть и еще один принцип межгосударственных отношений — невмешательство одного государства во внутренние дела другого. Но он также нарушается сплошь и рядом. Проиллюстрировать это я могу на примере событий, происходящих на Украине. Нет ни малейшего сомнения, что они инспирированы США и странами, входящими в НАТО. Свидетельство этому — непосредственное участие высокопоставленных чиновников названных стран в майданных акциях. С трибуны «революционного» Майдана они призывали людей к отстаиванию своих прав на демократию и свободу. Особенно они поддерживали Западную Украину, которая фактически вышла из подчинения центральной власти.

В одной из публикаций я писал, что это опасный прецедент. Ибо если сегодня неподчинение возможно для Западной Украины, то завтра оно будет возможно и для Юго-Восточной. Что и произошло. И тут западные радители Украины подняли шумный гвалт: «Это неприемлемо, что на юго-востоке создаются вооруженные отряды. Это угрожает целостности страны». В вооруженных националистических отрядах «Правого сектора» они никакой опасности не видели и даже поощряли их на силовой захват власти, а в ополченцах юго-востока, требующих культурной и хозяйственной федерализации, — увидели.

Причины мятежа на юго-востоке в значительной степени обусловлены опасениями населения потерять свою культурно-историческую идентичность. Край этот русскоязычный. Он только в 1922 году вошел в состав Украины при образовании Советского Союза. Когда после государственного переворота новые власти объявили запрет на употребление русского языка, на Донетчине и Луганщине заявили свой решительный протест.

На первых порах он не распространялся дальше федерализации. Я давно уже разделяю идею именно такого государственного устройства. Оно наиболее оптимально в условиях полиэтничного и поликультурного общества. Меня обвиняли в русофильстве, подыгрывании будущему распаду Украины. Разумеется, несправедливо. И если бы майданные власти Украины пошли навстречу требованиям населения юго-востока, уверен, Украину не постигла бы трагедия войны и распада.

Я был близко знаком с Д. С. Лихачевым, в какой-то мере считаю его своим учителем. Незадолго до распада Советского Союза он говорил: «Ну что ж, пусть уходит Прибалтика и другие республики, но Россия, Украина

и Белоруссия должны остаться вместе, поскольку они имеют единый культурный корень, происходят из одного древнерусского народа».

К сожалению, не получилось. Исходя из нынешних реалий, можно утверждать, что Украина уже оторвана от восточнославянского материка. Отрыв этот совершается брутально и кроваво. Еще неизвестно, чем закончится восстание на юго-востоке Украины. Свои претензии к украинской унитарности присутствуют и в Закарпатье, где значительный процент населения составляют венгры, а также на Буковине, которую румыны считают своей землей.

Таков результат глобализации мира по-американски на Украине. Еще не было примера, где бы американское вмешательство заканчивалось миром и процветанием. Наоборот, везде неугасающие гражданские войны и распад государств, а еще десятки и сотни тысяч беженцев. Думается, мировому сообществу есть над чем задуматься.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Петр Петрович. Я хочу предоставить слово Почетному доктору нашего Университета Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я хочу начать свое выступление со слов благодарности Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, потому что это был не только теоретик и крупнейший филолог. Меня поражает одно обстоятельство — о чем думал человек, который занимался русской культурой, русской филологией Средних веков, какие идеи передавал людям. Может быть, не все присутствующие знают, что каждый год здесь, в этом зале, проходит Фестиваль восточной поэзии, собираются студенты из Китая, Индии, Пакистана, Узбекистана, Азербайджана и читают стихи на своем родном языке. Этот фестиваль проводится по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева, это его идея. Это, что называется, диалог в сугубо практическом варианте. И те молодые люди, которые сидят в зале и слушают стихи на разных языках, активно участвуют в этом диалоге. Слушая сегодня выступающих, я поймал себя на мысли, что незримо практически у всех моих коллег, которые стояли на этой трибуне, присутствовала рефлексия и философское осмысление тех трагических событий, которые произошли так неожиданно в этом году. И я тоже, наверное, буду говорить главным образом об этом, попытаюсь на языке конституционного права ответить на эти вопросы. Я хочу сказать о праве русского народа быть самим собой.

Я думаю, что это право проистекает из первого утверждения нашей Конституции. Преамбула начинается с положения, что многонациональный российский народ объединен общей судьбой на своей земле. Что же означает эта очень глубокая по сути концепция — концепция общей судьбы многонационального народа? Насколько отвлекаясь, я скажу, что это означает, что соседи не выбирают. Так объективно получилось, что мы живем со своими соседями и других у нас не будет. Нам никогда не надо забывать, что это соседи, Богом данные нам. Что касается общей судьбы народа, конечно, это не генетические исследования, не исследования

состава нашей крови, хотя, может быть, генетика и дала бы очень интересные результаты о том, кто мы на самом деле. Я думаю, что в большей степени общая судьба как конституционная концепция — это результат диалога культур в историческом аспекте. Я рискую об этом говорить в присутствии выдающихся историков, но особенность России в том, что здесь никогда не было подлинного колониализма. Было очень интересное соседство, иногда в немирной форме, но это всегда взаимодействие культур. И как результат этого взаимодействия мы имеем такие сложные культурные традиции.

В какой-то степени то, что мы сохранили культурные, этнические анклавы в нашей большой стране, называется на наших традициях. *Moges* — говорили римляне, вкладывая в это очень глубокий смысл, в том числе и традиции государственности. Эти традиции государственности в чем-то играют положительную роль, я не отрицаю, что тут есть, может быть, некие и положительные, и отрицательные моменты. Это все надо исследовать. На мой взгляд, исторические традиции российской государственности предполагают право народа быть самим собой и основываться на этом праве. Что же это значит как сугубо юридическая категория? Я думаю, что российский народ имеет право на неуниверсализированное бытие, такое бытие, как некая энергия сопротивления, когда внешние силы пытаются лишиться народ этого неуниверсализированного бытия. То есть существует некая энергия сопротивления, и мы это чувствуем. Мы это видим, когда, скажем, в Государственной Думе обсуждается вопрос об установлении некоего предела, лимита на показ американских фильмов. Это как бы отголоски права народа быть самим собой.

И мне кажется, что незримо ведется очень напряженный философский диалог о культурном релятивизме. Это монохроматическое представление о мире — на мой взгляд, догматическое представление о том, что такое права человека в их предельно универсализированном варианте. Это, с моей точки зрения, то, что в философской традиции называется традицией мышления реализма, а не номинализма, и эта традиция мышления приводит к тому, что у каких-то людей, стран возникает совершенно неразумное представление о том, что они являются носителями юридической истины. Они считают, что их представления — единственно возможные и должны разделяться всеми другими народами, иначе эти народы надо объявлять нецивилизованными. Это глубоко ошибочное представление, монохроматический взгляд, когда очень несчастный человек видит мир в черно-белом свете, не различая всех красок этого мира. И мне кажется, это главная ошибка наших коллег. Хотелось бы, чтобы мы говорили все-таки в этих терминах, в том числе наши теоретические оппоненты, которые, к сожалению, по-прежнему придерживаются маркузианского лозунга. Они говорят нам: «Будьте реалистами, требуйте невозможного». Но надо понимать, что лучше быть все-таки реалистами и не требовать невозможного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Гадис Абдулаевич. Позвольте пригласить на трибуну господина Валура Ингимундарсона из Исландии.

ВАЛУР ИНГИМУНДАРСОН: — Я очень рад возможности выступить сегодня по вопросу о геополитике в прекрасном городе Санкт-Петербурге, который, на мой взгляд, очень близок нам, северянам. Хотел бы поговорить о взаимовлиянии международных и межнациональных процессов. Регионы выступали часто как модели международной кооперации, организации или, наоборот, как места конфликтов великих держав. Посмотрим на те возможности, возникающие в тесной взаимосвязи и противостоянии с природными условиями северных районов Арктики, которые часто бывали предметом конфликта и территориальных споров между различными государствами. И, как говорил Аллан Кокрейн, эти возможные конфликты часто коренятся в глубинных процессах самого расположения регионов. На ведущиеся сегодня выступления по поводу Арктики влияет то, что Фуко назвал идеологией третьего вопроса. С помощью различного рода захватов, переходов из рук в руки арктический регион рассматривался как нечто являющееся предметом соперничества и наследием сейчас уже исчезающей парадигмы исторического дискурса в социально-политической и общественной сфере, как предмет притязаний различных государств.

Рассматривая Арктику как объект стратегического внимания государств из-за богатства природными ресурсами и желания обладать ими, мы возводим наш дискурс к проблемам ранних времен, когда великие державы пытались бороться за природные ресурсы еще в империалистические времена, и относимся к Арктике так же, как в свое время к африканскому континенту. Сейчас это вовлекает в себя даже уже военные дискурсы и практики. Очень часто государства, расположенные выше Полярного круга и сформировавшие Арктический совет, пытаются уйти от враждебности в диалоге. Сейчас те государства, которые находятся на побережье Северного Ледовитого океана, — а это Россия, Соединенные Штаты Америки, Канада, Гренландия, Исландия, — играют гораздо более важную роль в решении вопросов региона, чем другие страны. Но возможность того, чтобы арктические богатства и ресурсы осваивались не только прибрежными государствами, но и другими странами, которые могли бы привлекаться к их добыче, обращает наше внимание на довольно амбивалентный исторический дискурс. Фуко правильно говорил о том, что для этого региона могут быть использованы все формы диалога, в том числе и исторические. В настоящее время геополитические устремления могут привести к тому, что мы вернемся к пониманию, распространенному в XIX веке, к неоколониализму в арктическом регионе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Ингимундарсон. Я хотел бы предоставить слово академику Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — Прежде всего я хотел бы упомянуть о словах благодарности, которые в моем присутствии произнес Дмитрий Сергеевич Лихачев в адрес академика Николая Иосифовича Конрада. Они

прозвучали на вечере памяти, посвященном нашему выдающемуся востоковеду в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, вклад которого в обсуждаемые проблемы весьма велик, не был тем самым Иваном, не помнящим родства. Дело в том, что диалог культур и изучение этой проблематики имеют долгую историю. Николай Иосифович Конрад, в свое время написавший книгу «Запад и Восток», о которой на памятном вечере очень хорошо говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, со своей стороны во многом способствовал тому, чтобы вклад и деятельность академика Лихачева в этой сфере тоже были достойно оценены в нашем обществе и нашей наукой. Напомним сегодня только об одном важном деле, которому посвятили немало времени наши выдающиеся ученые. Николай Иосифович Конрад, а вслед за ним Дмитрий Сергеевич Лихачев вложили много сил в издание серии «Литературные памятники», практически реализуя теоретические принципы изучения диалога культур и сравнительно-исторического сопоставления литератур Востока и Запада.

Это на самом деле очень большая работа, потому что просто говорить о диалоге культур — это одно, а издавать памятники культуры различных народов мира — совсем другое. Причем делается это благодаря традициям, заложенным основателем серии академиком Сергеем Ивановичем Вавиловым и продолженным всеми учеными, которые участвовали в этой работе. Эти заслуги велики и неоспоримы. Здесь очень важно понять, и об этом сегодня говорил академик А. А. Гусейнов, что диалог культур в разных условиях приобретает разные черты. Начинался диалог культур, о чем писал в свое время Н. И. Конрад, с взаимного сближения культур. Мы часто обсуждаем вопрос: «Возможен ли вообще диалог культур?». Диалог культур всегда возможен, даже если они не понимают друг друга, но хотя бы встречаются. И академик Н. И. Конрад привел замечательные примеры того, как японцы осваивали русскую культуру и литературу на японский лад.

Сегодня говорилось очень много важных, хороших вещей, но не прозвучало каких-либо практических предложений, и я бы хотел одно такое предложение к Александру Сергеевичу обратить. Мне кажется, было бы полезно сделать, если возможно, серию выдающихся трудов по диалогу культур, потому что диалог культур начался не 14 лет назад на Лихачевских чтениях, а гораздо раньше. Я напомним хотя бы пушкинскую речь Достоевского, который говорил о всемирной отзывчивости русской души в творчестве Пушкина. Все это очень хорошо вошло в диалог культур. В свое время мы отмечали 200-летнюю годовщину со дня рождения Пушкина. Но как-то забыли, что в это же время можно было бы отметить и 250 лет со дня рождения Гёте, который в «Западно-восточном диване» поднимал те же самые проблемы, что и Пушкин в своих произведениях. Это очень интересный материал, из которого можно было бы много хороших проектов сделать.

Что касается диалога культур, русской традиции, и не только русской, можно было бы издать огромное

количество произведений, которые бы показывали, насколько диалог культур в условиях глобализации отличается от диалога культур, который происходил, скажем, в XVII веке. А диалог был всегда — и в XVII веке, и даже в Древнем мире, и об этом сегодня говорил академик А. А. Гусейнов. Можно посмотреть на эту тему много хороших произведений. Я думаю, можно было бы сделать такую полезную вещь. И если бы академик А. А. Гусейнов согласился возглавить такую серию, это было бы замечательным и большим вкладом в изучение сближения народов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Борисович. Я приглашаю на трибуну выдающегося математика-экономиста Валерия Леонидовича Макарова.

В. Л. МАКАРОВ: — Профессор Чуров не побоялся упомянуть слово «война» применительно к нашей дискуссии. На самом деле это очень серьезная вещь. Я хочу сказать не просто о войне, а об информационной войне, точнее об информационных войнах. Информационные войны — это термин, который появился довольно давно, но в последнее время мы постоянно живем именно в системе информационных войн. Кто-то, может быть, этого не чувствует, но многие испытывают это на себе. Есть люди, которые, например, обосновывают, что Советский Союз распался не потому, что упала цена на нефть, или по другой причине, а потому что на самом деле проиграл в информационной войне. Потому что Запад в СМИ выглядел как рай, а Советский Союз — это что-то типа ада. Вот и закончилось тем, что Союз распался. Понятно, что в этом есть определенный смысл.

В наше время информационные войны обогащаются новыми орудиями. В обычной войне количество всяких видов вооружения постоянно увеличивается. То же самое и в информационной войне — появился Интернет и т. д. И поэтому нужно уметь воевать в этой новой обстановке. К сожалению, надо признать, это мое личное мнение, но в информационной войне Россия проигрывает Западу. Если послушать, что говорят простому населению в Америке и Европе и что говорят в России, — это очень разные вещи. И значит, нужно уметь воевать в информационной войне. Мы воюем хуже, надо это признать. И из-за этого происходит очень много негативных событий.

Почему я об этом решил сказать именно здесь, на наших Чтениях, которые посвящены диалогу культур? Мне кажется, что как раз в сфере культуры можно найти необходимое оружие, и если мы его будем разумно использовать, тогда тоже будем побеждать. Это частично противоречит тому, что говорил профессор Чуров. Но есть понятие «народная дипломатия», которое заключается в том, что если мы будем чаще общаться друг с другом, то это поможет нам избежать информационной войны. Если мы будем широко применять культуру, ее понятия и методы, конечно, мы начнем побеждать. Это будет происходить по многим причинам. Не потому, что там будут проходить наши выставки искусства, и не потому, что, скажем, Мацуев, Гергиев, Нетребко — наши талантливые соотечественники — будут

гастролировать по миру. Но в целом если наша культура будет проникать везде и мы найдем рычаги, с помощью которых сможем внедрять ее в сознание людей, тогда не будет этого информационного противостояния.

А сейчас главное, о чем говорится в мире, что началась вторая холодная война. Первую холодную войну мы проиграли, а сейчас началась вторая. Это нечто похожее на уже упоминавшиеся информационные войны. Мое личное представление как человека, не являющегося профессионалом в этих вопросах, заключается в том, что у нас есть шанс не проиграть в информационной войне, если мы будем привлекать нашу великую российскую культуру.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Леонидович. Я хочу предоставить слово нашему коллеге из Лондона, известному журналисту Юрию Самуиловичу Голигорскому.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Слушая предыдущего оратора, я понял, что плохо подготовился к сегодняшней встрече, поскольку еще два дня назад я был в совершенно другом мире, где то, что описывалось сейчас здесь в таких животрепещущих терминах, рассматривается несколько под иным углом зрения. Мне на ум приходит один из постулатов учения дзен: разговор — это злоупотребление, молчание — это обман. По ту сторону молчания и речи проходит крутая тропа. Я подхожу к этому постулату как журналист, как продюсер. Подхожу с той точки зрения, что каждое слово, которое мы, журналисты, выдаем в эфир, должно быть взвешенным, продуманным и абсолютно точным. Наш главный принцип сродни принципу врачей — не навреди. И если мы будем придерживаться этого принципа, то, конечно, многие проблемы будут преодолены.

Когда я летел сюда, то в самолете разговорился с соседом, и он спросил: «Вы едете и, конечно, будете обсуждать Украину?». Я сказал: «Да». — «А скажите, Вы за вас или за них?». Я ответил: «Вы знаете, я, как журналист, не за нас и не за них. Профессионально я должен быть над схваткой, я должен видеть проблему, рассказывать моим читателям, слушателям и зрителям только то, что я вижу, только те факты, которые мне удалось установить, и ни в коем случае не давать им личной оценки». Мы должны, и это одно из правил западной журналистики, четко различать новость, комментарий и мнение. К сожалению, за последние два дня, когда у меня в номере постоянно включен телевизор и я смотрю новости с юго-востока Украины, я не могу похвастаться тем, что солидаризируюсь с моими российскими коллегами в освещении того, что там происходит. У меня есть определенная доля критики в отношении моих коллег, но, тем не менее, мы по-прежнему говорим на разных языках. И в этом, конечно, огромная проблема. Недавно в России, если мне не изменяет память, введен закон о ненормативной лексике. Мне кажется, что сейчас, в этой ситуации безумно важно запретить не только ненормативную, но и эмоционально окрашенную лексику в освещении тех или иных событий. Слово становится материальной си-

лой, оно обретает такую мощь и способно нанести такой вред своей эмоциональной окраской, о котором мы даже не подозреваем.

В советские времена существовал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Мы с вами приблизительно одного поколения, и вы все его помните. Чуть позже, уже в постсоветские времена, один из авторов этого кодекса, известнейший советский, российский журналист Федор Бурлацкий признал, что это наспех переименованные 10 заповедей и Нагорная проповедь. Может быть, сейчас нам есть смысл не изобретать велосипед, а вернуться к 10 заповедям и Нагорной проповеди во всем, что мы делаем, во всей нашей профессиональной деятельности. И, может быть, есть смысл вспомнить старую библейскую истину: другой прав, потому что он другой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Юрий Самуилович. Я приглашаю на трибуну профессора экономики Шломо Вебера.

ШЛОМО ВЕБЕР: — Прежде всего я хочу сказать, что полностью согласен с тезисами академика Тишкова: он высказал много идей, которые я собирался озвучить. Так что я остановлюсь на других моментах, а именно рассмотрю экономический аспект разнообразия и развития. Разнообразие меня интересовало всю жизнь — я бросал много якорей, как здесь уже прозвучало, в разных странах, и поэтому мой интерес к разнообразию уже в течение многих лет является основной темой моих исследований. Начну с того, что отправной точкой эмпирических исследований многообразия стал Атлас народов мира, который был составлен в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР и опубликован в августе 1964 года. Он оказал огромное влияние и на практическое, и на теоретическое изучение разнообразия во всем мире. В Соединенных Штатах этот Атлас народов мира начал использоваться в 1967 году, и вот уже в течение почти 50 лет на него ссылаются многие исследователи. Как я уже сказал, в своем выступлении я хотел бы заострить внимание на экономической стороне многообразия, коснуться диалога культур и рассмотреть проблему не с внешней точки зрения, а начать с внутреннего анализа страны. Россия — страна, как известно, неоднородная. В нашем Центре мы рассматриваем проблему неоднородности, многообразия с разных точек зрения. Это и религиозные, и лингвистические, и экономические, исторические географические, генетические аспекты многообразия. Наши исследования относятся к разряду междисциплинарных, поэтому мне особенно приятно присутствовать сегодня на Лихачевских чтениях, среди коллег и единомышленников. Россия — это страна с географической точки зрения, наверное, самая сложная, в которой регионы очень сильно отличаются друг от друга, причем по многим параметрам. Тогда возникает вопрос: «Как мы будем укреплять регионы или по крайней мере помогать их развитию, если понимаем, что и люди разные, и живут в разных местах, и думают по-разному, и даже говорят на разных языках?»

Эта проблема, с одной стороны, конечно, философская, но на самом деле это проблема экономическая. Пожалуй, именно в Университете профсоюзов было бы очень интересно провести исследования вот какого вопроса: что получится, если не включить людей по причинам экономического или этнического различия в созидательный процесс экономического развития? Тогда большие слои населения просто выпадут из этого процесса. Если не задействованы все ресурсы — и человеческие, и экономические, движение вперед будет трудным. Причем этот вопрос актуален не только для России, но и для многих других стран, поскольку если большие группы населения исключаются из процесса развития страны по ряду причин (войны, различия или просто нежелание понимать друг друга), то такое развитие лишено смысла с точки зрения экономической. Поясню на очевидном примере. Мы много говорим о глобализации, она, как известно, объединяет мир. Конечно, глобализация объединяет мир, но одновременно и разъединяет его. С одной стороны, мы живем в глобальном мире, но с другой — большие группы населения остаются на обочине прогресса. А когда целые социальные пласты не участвуют в созидании, то с экономической точки зрения процесс развития нельзя назвать успешным.

Я полностью согласен с выбором лингвистической политики в различных регионах бывшего Советского Союза, как, скажем, в Молдавии, Казахстане и на Украине. По какой причине? Причина та же: если большие группы населения не вовлечены в магистральные процессы развития из-за различий в языке, культуре или религии, тогда и ожидать положительных перемен не приходится. Поэтому, я думаю, что этот вопрос действительно можно адресовать профсоюзам и предложить им роль защитника прав различных слоев населения. Роль профсоюзов и государства заключается в том, чтобы создать политическую среду и условия для того, чтобы включить в процессы созидания все слои населения. Тогда и отклик будет более действенным, и понимание между разными социальными группами улучшится.

В заключение я хочу вернуться к двум противоположным сторонам процесса глобализации. Дивергентные процессы глобализации в конечном счете усиливают желание людей защищать свои интересы, интересы даже своих маленьких групп и свое мировоззрение. Поэтому, чтобы двигаться вперед, безусловно, надо учитывать различия между социальными группами и регионами по аспектам, которые я уже упоминал: культурным, экономическим, географическим и др. Но, учитывая различия и многообразие общества, надо понимать, что региональное развитие в такой большой стране, как Россия, должно быть сбалансировано, иначе трудно будет двигаться вперед. Таким образом, с точки зрения исследования многообразия, первый важный момент — каким образом измерить разнообразие, а второй — как использовать это разнообразие на благо созидательному процессу. Этим мы занимаемся в наших исследованиях, и, я думаю, это совершенно необходимо для развития страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Вебер. Я прошу подняться на трибуну одного из крупнейших в мире специалистов по диалогу культур Виталия Вячеславовича Наумкина.

В. В. НАУМКИН: — Один из первых опытов диалога культур, в который мне пришлось вступить, относится к далекому прошлому, когда я был студентом и учился в Египте, в Каире. Совершая очередную поездку по внутренним районам Египта (надо заметить, что это был совсем другой Египет, не тот, который сейчас видят туристы), я встретил одного интересного человека, отшельника-суфия. Он забрался на дерево, устроил там подобие гнезда и жил в нем уже несколько лет. Так он уединился, хотя это немного отличается от того, как уединялись русские старцы-отшельники, которые жили в пещерах. Меня поразил этот человек. (Хотя злые языки говорили, что по ночам он спускался и ему приносили туда пищу.) Я впервые увидел человека, который живет в другом мире, впервые испытал необычайное чувство вступления в диалог с таким человеком, живущим в другой цивилизации, в другом обществе, и он был мне понятен. Будучи подготовлен как арабист, специалист по арабскому миру, у меня не было трудностей в общении с людьми той культуры, но общение, диалог с отшельником меня поразили.

Я хочу протянуть мостик оттуда в современный мир и сказать, что, может быть, сегодня в диалоге нуждаются не люди разных цивилизаций и культур, а те, кто находится внутри одной культуры, одной религии, одной цивилизации. Они, кажется, все меньше понимают друг друга, и мы сегодня это наблюдаем.

Один арабский средневековый мыслитель сказал: «Бог дал европейцам мозг, китайцам — руки, арабам — язык». Действительно арабский язык, литература, поэзия прекрасны, арабы очень ими гордятся. Мне иногда кажется, что нам Бог дал и мозг, и язык, и культуру, которых нет ни у кого другого, мы гордимся нашей культурой, литературой, поэзией. Единственное, с чем у русских плохо, — это руки.

Если вернуться к особенностям культуры, то академик Чубарьян говорил об исторической памяти, которая, по-моему, сегодня приобретает материальную силу. Я иногда спрашиваю у своих студентов: «Сколько поколений своих предков каждый из вас может назвать?» Тем самым я проверяю генеалогическую память нашей молодежи. Некоторые называют три, четыре поколения — и все. На Ближнем Востоке, где мне приходилось долго жить, где я продолжаю бывать, люди называют много поколений своих предков. Находящийся здесь Владимир Евгеньевич Чуров, поразил меня тем, что знает свою генеалогию. Печально, что сегодня наша молодежь знает мало поколений своих предков. Это цивилизационная особенность. Я считаю важным усиление сегодня исторической памяти, то, что мы начинаем ее возвращать, заботиться о том, где мы живем, где выросли.

В моей статье, представленной на Лихачевские чтения, говорится о серьезном кризисе, элементах кризисности в идентификации людей. Специалисты полагают, что кризис идентичности сегодня поразил весь мир,

не только большие, «провалившиеся», как мы говорим, общества, но и мировую систему в целом. Мы говорим о кризисе наций и государств — это явление сегодня заостряет проблему диалога цивилизаций.

Не случайно мы постоянно возвращаемся к теме Украины, где сегодня происходит серьезный разлом. У нас есть основания говорить о том, что нас не понимают, необходимо уделить пристальное внимание заботе о наших интересах, о том, чтобы этот кризис не привел к более жесткому отставанию наших прав на существование, развитие государственности, цивилизации. Кризисные явления в системе наций и государств и вообще кризис идентичности — когда люди стремятся определить, кто мы, куда идем, а также то, с кем мы должны быть связаны, на кого нам сегодня ориентироваться. Сегодня везде — и на Западе, и на Востоке — наблюдается разброд мыслей, везде в глобализующемся мире люди сегодня спрашивают, кто мы, что дальше будет, с кем дружить.

Хотя существуют и другие точки зрения. Некоторые высказывают мысль, что глобализации не существует, сегодня происходит партикуляризация, мы отделяемся друг от друга. Глобализация предполагает свободный обмен идеями, людьми и финансовыми потоками. В отношении людей этот обмен вроде бы неограничен. Но сегодня возникает все больше препятствий для свободного передвижения людей, проблема миграции становится очень острой. Где же та свобода передвижения, о которой мы говорим как об элементе глобализации? Если говорить о финансовых потоках, то здесь тоже вступает в силу масса ограничений. Мы сегодня видим санкционную политику, которая бьет по неотъемлемой черте глобализации, что тоже свидетельствует о том, что глобализация, ее позитивный эффект подвергаются атаке. В области свободы информации (это то, что трудно остановить) тоже не все в порядке. Информация, которая используется в интересах дезинформации, безусловно, противоречит позитивным аспектам глобализации, о которых мы говорим.

Необходимо установить диалог и всеобщее обсуждение сложных проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся в непредсказуемом мире, все наши прогнозы оказываются неточными, а зачастую и неправильными. Другого способа решить наши проблемы не существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виталий Вячеславович. Слово предоставляется профессору Ежи Вятру из Польши.

ЕЖИ ВЯТР: — Я прежде всего хочу поблагодарить ректора и Университет профсоюзов за приглашение на Лихачевские чтения. В случае осложнения международных отношений диалог культур между народами — важный путь к компромиссу. Я представляю Европейскую школу права и администрирования в Варшаве, которая была создана 17 лет назад Ассоциацией польских юристов и является главным независимым негосударственным центром образования юристов. Она функционирует не только в Польше, но в других странах Евросоюза, имеет отделения в Лондоне и науч-

ные центры в других местах. 23 января 2014 года сенат Европейской высшей школы права и администрирования принял решение присвоить Александру Сергеевичу Запесоцкому звание почетного профессора в знак признания его вклада в укрепление научного и культурного сотрудничества.

Александр Сергеевич, для меня большая честь лично сообщить вам об этом и вручить соответствующий документ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, для меня это большая честь. Я тронут тем, что в Польше знают и так высоко оценивают мои работы. Наш Университет планирует заключить договор о сотрудничестве с этим замечательным вузом из Варшавы. Для меня этот факт имеет и личное значение. Моя семья связана с Украиной и отчасти с Польшей. Мои отец и дед заканчивали один и тот же юридический факультет университета в Киеве, но когда его заканчивал дед, этот университет носил имя Святого Владимира, когда его заканчивал отец, он назывался Киевский государственный университет. Мой отец родился в маленьком селении на границе Белоруссии и Польши, отсюда и происходит фамилия Запесоцкий. Мне кажется, что сегодня я стал немного ближе к тому месту, где родился мой отец и с которым связана моя семья.

В современных сложных обстоятельствах мы должны задумываться о том, что мы, люди, относящие себя к интеллигенции, отличающиеся высоким образованием, считающие себя людьми культуры, должны делать все для того, чтобы наши народы и в Европе, и во всем мире не ссорились, а дружили, проводили вместе научные симпозиумы, конференции, исследования, выпускали работы. Лучше ездить на научные конференции и знакомиться с работой друг друга, чем устраивать информационные и реальные войны.

Приглашаю на трибуну выдающегося отечественного правоведа Николая Семеновича Бондаря.

Н. С. БОНДАРЬ: — Уважаемые коллеги, первый вопрос: что является одной из основополагающих целей в диалоге культур? Вероятно, одной из таких важных целей может и должно быть достижение баланса ценностей. В культурном пространстве — национальном и интернациональном — правовая, конституционная культура занимает важное место.

Что касается диалога правовых культур, то его концентрированным выражением является такое уникальное правовое, формально юридическое, но прежде всего социокультурное явление, как конституция. Именно в конституции, современном конституционализме содержится квинтэссенция диалога правовых культур современности.

Если говорить о глобальных принципиальных тенденциях, то они связаны с диалогом, столкновением и, может быть, с попытками интервенции одной правовой системы, в частности англосаксонской, а с другой стороны, романо-германской правовой систем.

Если посмотреть исторически на возникновение такого уникального социокультурного явления, как конституция, можно отметить интересный факт.

Хронологически за океаном и на европейском континенте примерно в одно и то же время, по крайней мере в рамках одного десятилетия (это мгновение по историческим меркам), появилась конституция как формально-юридический документ, основной закон. Развитие конституции происходило и происходит в непрерывном диалоге двух правовых семей. Здесь я не имею возможности подробнее останавливаться на этом интересном процессе, который в конечном счете связан с пониманием конституционных ценностей современности, поиском их баланса в условиях противоречивого, конфликтного современного мира, в том числе с проявлениями агрессивности.

Примирение, баланс можно найти прежде всего через посредство юридической Библии, то есть конституции. Один из исследователей конституционализма, наш коллега, председатель Конституционного Суда Армении Г. Арутюнян, активно работающий с архивами, в одном из своих трудов написал, что еще в 1837 году в Армении вышел труд, посвященный проблемам конституции, где конституция обозначается как явление Божие, проявляющееся не через букву конституции, а через ее дух, потому что буква конституции — это удел законодателя, а дух конституции — это то, что является результатом творчества народа и что потом обрамляется в государственно-правовую юридическую форму через политическую, государственную власть.

Кстати, подтверждение этого можно найти в 17-м стихе Евангелия от Иоанна, где сказано, что закон дан через Моисея, благодать и истина произошли от Иисуса Христа. Этот закон — формально юридическая характеристика, конституция, а благодать и истина — это сам дух конституции. И дух конституции неподвластен законодателю, в большей степени дух конституции подвластен судебной власти, потому что она имеет возможность через конституционное правосудие вторгаться в такие духовные характеристики конституции, как ценности, принципы, дефиниции, декларации и тому подобное, в то, что определяет сам по себе дух. И в этом плане конституция — социокультурное явление, и не потому, что там записаны высоким штилем в том числе положения, которые имеют нравственно-этическое значение и т. д.

Обозначу три момента. Во-первых, само происхождение конституции имеет социокультурное начало; во-вторых, конституция отражает социокультурный портрет, это юридический портрет в социокультурном отражении общества и государства; в-третьих, конституция посредством нормативно-правовых механизмов обеспечивает закрепление средств, способов преодоления противоречий, достижения баланса между теми ценностями, действием тех принципов, которые определяются духом этого документа, а не буквой.

Таким образом, язык диалога правовых культур — это прежде всего судебный язык, судебно-конституционный, через конституционное правосудие. Результатом диалога культур в этом плане явилось и то обстоятельство, что не только в США общепризнанной является их Конституция. Конституция РФ — это тоже живой конституционализм, его сила определяется не тем, что было написано в 1993 году, а тем, что прои-

ходит сегодня. Если бы мы оценивали ее по 1993 году, то тогда должны были бы прийти к выводу, что живем по конституции XX века, а в действительности мы живем по конституции XXI века.

Немаловажно отметить еще одно обстоятельство: конституция — кроме того, что это продукт диалога культур, формально юридический документ, социокультурное явление, нравственно-этическая категория, но и эстетическая категория, которая предполагает оценку этих явлений через понятие красоты: красивая теория верна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Николай Семенович. Приглашаю к микрофону нашего гостя, отец которого принимал непосредственное участие в создании Организации Объединенных Наций, — профессора Анатолия Андреевича Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, я рад выступать на Международных Лихачевских чтениях в вашем Университете, который сейчас, пожалуй, является самой значимой российской площадкой международного плана для гуманитариев. Я поздравляю коллектив Университета и его руководство с тем, что вы не просто проводите интересные конференции, но и публикуете результаты, работы вашего Университета широко известны не только в России, но и за рубежом.

На пленарном заседании украинский коллега упомянул о том, что силу в мировой политике никто не отменял. Сила в политике действительно наличествует, как присутствовала испокон веков сила в жизни людей, еще в первобытном обществе велась борьба за огонь, палицы, дубины были основным средством его добыть и сохранить. Потом появились лук и стрелы, затем, если сократить путь, ядерное оружие. Кстати, это один из основных признаков России как великой державы, поэтому нас никогда не постигнет судьба Украины, которой я глубоко сочувствую. Надеюсь, украинскому народу удастся сохранить единство и свое государство, сила государства всегда оберегала его от внешних врагов. С Советским Союзом, между прочим, все хотели дружить.

В течение 16 лет я занимался изучением Африки, был директором Института Африки, побывал во многих странах этого континента. Не раз убеждался в том, как плохо мы знаем внешний мир и как много у нас друзей в Африке. Дружба — это мягкая сила. Но сила может быть и жесткой, особенно военная сила. Сила может быть также умной и даже мудрой. В том, что касается умной и мудрой силы, перед нами, учеными, стоит цель разъяснить ее задачи. Я сейчас исследую роль силы в мировой политике, как наука может помочь внешней политике России и дипломатии.

Олицетворение мудрой силы — результат Второй мировой войны, в которой решающую роль сыграл советский народ. Сейчас стараются принизить роль советского народа, солдат и офицеров в этой победе. Но если бы не Советский Союз, наш народ и Советская армия, я думаю, настоящее человечество было бы ужасно.

Здесь иногда употребляли такое выражение, как «темное прошлое», из которого трудно почерпнуть

что-либо хорошее. Мне кажется, это не так. Коллективный разум человечества накопил в прошлом много хорошего, в том числе верность слову. Английская королева Елизавета I, известная тем, что отправила Марию Стюарт на эшафот, однажды сказала такую фразу: «Слово королевы прочнее клятвы обычного человека». Мне кажется, что слово руководителя государства, министров должно быть твердым, как клятва. Если нам пообещали новую социальную программу, пусть ее исполняют. Это касается и обязательств, которые наша страна взяла на себя.

9 Мая мы празднуем не только военную победу и взятие Берлина, но и отмечаем День Победы, после которого произошло становление мирового порядка, учрежденного с согласия таких исторических деятелей, как Рузвельт, Черчилль, Сталин, он тогда руководил Советской страной. Эта тройка лидеров с помощью дипломатии в Думбартон-Оксе, Ялте и Сан-Франциско на конференции приняла устав, в соответствии с которым был установлен новый мировой порядок. Если мы легко будем сбрасывать со счетов цели и принципы ООН, то когда-нибудь Россию попросят отдать Калининградскую область со словами: «Это Пруссия, здесь Кант похоронен».

Нашим завоеванием является то, что был установлен порядок, который уже 69 лет убергает Европу от новой мировой войны. Разве это плохой результат? Конечно, происходили и трагедии, в частности здесь упоминались бомбардировки Югославии. Но в целом миру удалось избежать третьей мировой войны. Посмотрите преамбулу Устава ООН — это великий текст: уберечь мир от новой войны — цель ООН, всей антигитлеровской коалиции. И приходится сожалеть, что нынешняя политическая верхушка в ряде стран за пределами России, наши партнеры, как мы их называем, отходят от этих целей. Или войны уничтожат людей, или мы уничтожим войны и справимся с нерукотворными угрозами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Анатолий Андреевич, спасибо. Я приглашаю на трибуну доктора экономики Мануэля Монтеса из Швейцарии.

МАНУЭЛЬ Ф. МОНТЕС: — Для меня большая честь выступать сегодня на этом форуме, я благодарен Университету за приглашение принять участие в нем.

Люди часто используют термины «демократия», «разумное управление» и «главенство закона». И я выступаю не против них, а против того, как они сейчас используются в международной экономике.

Эти три термина стандартны для экономики последнего 30-летия, используются как основания экономических отношений и условие для получения помощи извне, особенно в связи с разделением между югом и севером, востоком и западом. Они становятся препятствием к заключению международных соглашений. Развивающиеся страны настаивают на том, что демократия, разумное управление и главенство закона должны рассматриваться на межнациональном уровне, потому что оказывающие помощь должны понять, как они существуют. Я полагаю, что на этом уровне эти три понятия вообще не существуют.

Названные три категории зависят от ценностей разных культур, но не вполне правильно употребляются, потому что не совпадают с представлениями ряда западных держав. Их использование на Западе характеризуется неполноценностью, поскольку демократия включает много факторов, которые не укладываются в это понятие. Кроме того, существуют двойные стандарты: западные страны не всегда применяют у себя те стандарты, исполнения которых они требуют на международном уровне, и поэтому демократия и главенство закона, о которых говорят много лет, пока не достигнуты.

Мы должны обсудить, почему Запад использует эти три термина не так, как другие страны.

Общество регулируется двумя основными концепциями. На Западе индивидуум, отдельный человек воспринимается как основание общества, считается, что человек не должен быть угнетаем, должен быть свободен в обществе. В ряде стран Востока отражено то, что индивидуум является основой общества, в то же время подчеркивается совершенно противоположная идея о том, что индивидуум может существовать без общества и общество не должно состоять на службе у индивидуума.

Традиционное употребление названных терминов принято в основном в капиталистическом обществе, преследующем цели извлечения прибыли. Роль индивидуума в разных странах может различаться в зависимости от того, с какой стороны мы смотрим на проблемы, возникающие между обществом и международными организациями.

Приведу пример. Международный валютный фонд ограничивает свое вмешательство в зависимости от дефицита демократии в той или иной стране. Например, четыре крупные страны БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай — сейчас производят 24 % ВВП, а четыре крупнейшие европейские страны — только 13 %. Тем не менее в МВФ четыре крупные страны Южной Африки могут получить всего 3 % голосов, а страны Западной Европы — 17,4 %. Такое положение сохраняется последние 15 лет. В январе 2014 года было принято решение о реформировании МВФ, но вряд ли это будет реализовано в ближайшее время.

Таким образом, понятия «демократия», «разумное управление» и главенство закона не всегда справедливо применяются и не могут определять экономические отношения между Западом и Востоком.

Благодарю организаторов этой конференции, а также Министерство иностранных дел, Российскую академию наук за то, что они предоставили такую замечательную площадку для диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Монтес. Слово предоставляется господину Касулидису.

ГЕОРГИОС КАСУЛИДИС¹: — Прежде всего я хотел бы выразить свою благодарность организаторам этой конференции, а также Министерству

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в Российской Федерации, доктор философии. Автор ряда научных работ, в т. ч. «Государственный портовый контроль и юрисдикция: эволюция государственного портового режима» и др.

иностранных дел РФ, которое пригласило меня принять участие в этой конференции. Хочу признаться, что я приехал сюда не для того, чтобы делать доклад. Но, тем не менее, прослушав выступления, я, как дипломат и гражданин небольшой республики, могу сказать следующее.

Кипр находится на пересечении трех континентов, на перекрестке культур, там сохранилось огромное количество памятников разных цивилизаций. Кипр всегда был стратегической базой, которую иногда оккупировали различные государства. Так Кипр научился жить в зоне конфликтов и проявлять терпимость к разным культурам, религиям и стилям жизни. Так продолжалось до тех пор, пока не наступала внешняя сила и все рушилось. Мы на протяжении последних 40 лет осознавали, что являемся средоточием одного из крупных «замороженных» конфликтов. Кроме того, как дипломат, я стал свидетелем крупных исторических изменений, которые вряд ли кому-либо приходилось наблюдать за свою жизнь.

Я был свидетелем краха Советского Союза, я находился в Нью-Йорке, когда произошли события 11 сентября 2001 года и были заложены новые связи цивилизаций. Я был на Ближнем Востоке, когда произошел известный инцидент с карикатурами. Я был в Москве во время украинского кризиса. Что я узнал за время этих кризисов? Порой ситуация выглядит трагично, порой даже смешно. Например, во время второй иранской войны компания «Air France» отказалась присоединиться к альянсу авиакомпаний. Во время второй иракской войны американцы из-за обиды на французов отказались называть французские тосты французскими, а назвали их «тосты свободы». Меня выставили из ресторана, когда я посмел заказать французский тост. Часто осмысление таких комических ситуаций занимает много времени и выглядит даже безнадежным.

Соглашусь с рядом своих коллег: все люди хотят мира, гармонии, простой человеческой жизни. В качестве примера можно привести два сообщества на Кипре, разделенные уже в течение 40 лет. Десять лет назад в геополитике произошли определенные изменения, и все ждали худшего. Но ничего не случилось. Люди вернулись к обычной жизни и продолжают жить, стремясь к миру и счастью. За последние 10 лет на острове не было зафиксировано ни одного случая насилия. Когда людей оставляют в покое, они найдут способ сосуществовать в мире. На греческой и турецкой частях Кипра люди мирно живут рядом.

Выступавшие здесь уже говорили о том, что нам нужно больше уважать дух, а не букву международных документов. В последние четыре года мы видим, как можно манипулировать этими принципами для того, чтобы использовать ООН в собственных интересах, подчиняя все политической целесообразности, вместо того, чтобы пытаться предотвратить неминуемую катастрофу. «Замороженные» конфликты не всегда будут оставаться в таком состоянии, они могут и «растаять». Но для того, чтобы удовлетворить чаяния людей, мы должны понять эти простые истины.

Впервые за долгое время я имел возможность спокойно выслушать то, что говорят люди по поводу

украинского кризиса. Это самое важное событие за последнее время. Что я понял? Конференции, подобные этой, особенно сейчас, во время серьезного международного кризиса, очень важны. И дело даже не в Украине. Ведь есть и Ближний Восток, и Северная Африка. Когда люди, правительства не слышат друг друга, именно такие конференции дают нам возможность смотреть в будущее, думать — это единственный способ удержать мир от безумия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Касулидис. Я предоставляю слово профессору Владимиру Васильевичу Миронову.

В. В. МИРОНОВ: — Действительно, когда мы говорим о диалоге культур, то не должны забывать самого главного — в любом случае диалог осуществляется между локальными системами, каждая из которых имеет свой смысл и значения. По существу, они всегда находятся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, культуры в этом диалоге всегда пересекаются, с другой стороны, Ю. М. Логман в свое время отметил, что, когда культуры пересекаются, интерес представляет не то, что пересекается, а то, что не пересекается, ибо это условие познания других культур. Поэтому культура оказывается в сложном положении, внутри этих культур возникает целый ряд дихотомий. Об одной из них сегодня говорил Абдусалам Абдулкеримович, это дихотомия «свой–чужой», которая может приобретать разные оттенки. Она может ограничивать культуры друг от друга, а может способствовать пониманию культурами друг друга. Действительно культуры ведут сложный диалог.

В настоящее время мы погружаемся, и эта идея сегодня прозвучала, в нечто единое, что иногда называют глобальной культурой, а я — глобальным коммуникационным пространством, где происходит трансформация локальных культур и реализуется нечто новое. На самом деле все это не так безобидно, как кажется, потому что трансформация не может осуществляться на уровне абстрактных культур, в этом участвуют реальные культуры. В медийном пространстве, которое создается в виде некоего информационного «мешка», в который погружаются культуры, доминирует страна, которая господствует в научно-техническом отношении. И мы прекрасно знаем эту страну, об этом уже говорилось. Это означает, что медийное пространство и его просторы детерминируют с этой страной, начиная со стереотипов поведения, известной улыбки, известного поведения при встрече людей друг с другом и заканчивая стереотипами поведения в более широком плане.

Рассмотрим правовую систему, о которой сегодня тоже упоминалось. Гадис Абдуллаевич недавно выпустил работу «Антология права», которую мы обсуждали на одной из дискуссий. Когда культура трансформируется, возникает ситуация, когда эта трансформация идет подспудно. То есть определенная культура выступает в качестве донора, культуры как бы «заражаются» этими вирусами. Мы иногда говорим об американизации не потому, что мы

любим или не любим Америку. Сегодня мы видим, что дети действительно не знают, кто такая Баба Яга, но знают Микки Мауса.

Мы не замечаем, как культура начинает трансформироваться изнутри. Любопытно, что одним из носителей вирусов внутри культуры является право. Право, которое доминирует, также навязывается страной, лидирующей или называющей себя лидером в современном мире, и оно начинает воздействовать на другие системы права. В результате возникает конфликт между международным и национальным правом — это серьезная философская проблема. Национальные системы права (англосаксонская, римская, немецко-австрийская модели) всегда отражают специфику собственной культуры, как бы она ни выстраивалась, в любом случае она всегда ориентируется на национальную систему, потому что рассчитана на человека, отражает жизнь человека в этой культуре. Для того чтобы реализовывать это право, должен учитываться менталитет. Трудно заставить русского человека переходить улицу на зеленый свет, какое бы право ни доминировало.

Долгий период международное право представляло собой фактически результат договоренностей между соответствующими субъектами права. Тем не менее даже в этой мягкой форме общности правовые нормы и параметры могли значительно расходиться с правовой практикой. В конкретной культуре если не доминировала, то всегда была значительна та часть, которую мы условно называем национальной частью правовой системы. Часто эти факторы лежали в основе фундамента права, обоснование которого до сих пор является одной из самых трудных задач.

Современные модели, которые существуют или конструируются в международном праве, — это попытки создания (и сегодня об этом уже говорили) права на основе конституции. Возникает коллизия — как создается это конституциональное право? Что это — результат абстрактной модели или совокупность других моделей? Ответ достаточно прост и печален: модель берется из той страны или того конгломерата стран, которые объявляют неким цивилизационным лидером. Лидером объявляется США, поэтому, когда сегодня европейцы с гордостью говорят о том, что они европейцы, они должны понимать, что через определенное время им придется себя называть американцами. В этом смысле американская модель права выполняет, используя уже приводимую метафору, своеобразную роль культурного вируса, модифицируя правовые системы.

Основанием для данных процессов является становление транснационального рынка, в который включаются все страны, мир становится единым. Тем не менее это происходит не само по себе, а в результате активного давления стран-лидеров (через культурные, правовые стереотипы и т. д.). В итоге абсолютизируется позитивный характер экономической интеграции, на основании чего отказывается в самобытности национальным приоритетам государства и т. д. Причем в рамках такого подхода сразу определяются победители — те страны, которым повезло, они успе-

ли сесть в уходящий поезд глобализации. А те страны, которым не повезло, должны либо бежать за поездом, либо подстраиваться под эту систему. В результате странам-лидерам непонятно кем предоставляется право поучать другие страны, вплоть до вооруженного вмешательства.

Сегодня на пленарном заседании звучали рассуждения о праве и Боге, с которыми я согласен. Вспомнилась блестящая работа Канта «Спор факультетов». Неясно было, почему медики объединились с философами, а юристы, которые, казалось бы, должны были объединиться с философами, — с теологами. Это произошло именно потому, что не понятно, как фундаментализировать право. Если есть Бог, тогда фундамент в Боге. Но тут возникает дискуссия, насколько этот фундамент имеет место.

Сегодня происходит резкое расширение правовых источников международного права за счет того, что выделяется группа цивилизованных стран. Это вызывает серьезные протесты, в частности в Европе. На базе Конституционного Суда недавно состоялась дискуссия. Председатель Конституционного Суда Австрии подверг жесткой критике попытку создания европейской конституции, причем указал на то, что в основе лежит сомнение в демократичности принятия решений. Решения принимаются, допустим, австрийским народом, а потом оказывается, что международное право главенствует над решениями, которые принимает австрийский народ. Как быть? Если раньше право на уровне индивида не вмешивалось, то сегодня целый ряд нормативов позволяет международному праву это делать. Возникают такие коллизии, которые воспринимаются неоднозначно, в том числе в Европе, где предпринята первая попытка создания единой Конституции. Это серьезная вещь, но она не реализовалась.

Здесь возникает серьезная проблема — значение философии, стыковой проблемы философии и права, или то, что мы иногда называем философией права, чрезвычайно возрастает. Только с пониманием фундамента, того, в каком направлении это будет развиваться, будет изменяться и диалог культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владимир Васильевич. Слово предоставляется Почетному доктору нашего Университета Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Выдающийся русский писатель Михаил Михайлович Зощенко как-то сказал: «Жизнь — штука суровая, не для интеллигентов». Я упомянул об этом, потому что здесь прозвучало дорогое для меня слово «интеллигент». Вообще, сейчас трудно найти какие-либо слова, которые имели бы преимущественно одно значение — положительное либо отрицательное.

В зале присутствует, как мне кажется, элита интеллигенции, ученые. Вне зависимости от того, работают они в учебных заведениях или научно-исследовательских институтах, собравшиеся здесь, как мне представляется, разделяют ту же главную ценность, что и интеллигенты, особенно интеллигенты-ученые, — преданность правде, истине. Когда в науке появляется

истина? Тогда, когда есть некий предмет, который можно исследовать и на основе исследовательских процедур констатировать.

Здесь выступал великолепный журналист Юрий Голигорский, который сказал, что журналисты в любой ситуации должны четко отграничивать сообщение, информацию, факты, которые они устанавливают, от комментариев. Так же должны поступать и ученые в науке — отграничивать факты, которые поддаются исследованию, честно заявлять о том, что эти факты существуют, когда они уверены в этом. Честно сообщать о том, что найдены определенные доказательства, которые подтверждают эти факты, но они недостаточны для категорических утверждений, что это является только версией.

Дмитрий Сергеевич Лихачев правильно сказал: «В жизни многое, и в политике, и в науке, зависит от случая. Не нужно верить в какие-то закономерности, которые в обязательном порядке пробьют себе дорогу». Но в науке есть уровень наукографии. Это точные конкретные факты, которые устанавливаются. Здесь есть уровень закономерностей. Это значительно более сложный уровень для познания, но особенно привлекательно — попытаться оценить, есть ли закономерности в нашей жизни либо все подвергнуто воле случая.

Я задумался о том, происходят ли (не хочу употреблять слово «прогресс», потому что оно оценочное) какие-то изменения в определенном направлении. Мне они представляются прогрессивными, а кому-то — наоборот. Какие изменения произошли в жизни человечества в гуманитарной сфере?

За последние 6–7 веков обозначились две тенденции. Первая — все большая персонификация индивида, свобода и достоинство личности. Личность на протяжении последних веков все больше освобождается от ограничений, определенных внешних норм, которые предписывали бы ей, как себя вести, от ограничений власти, коллективных образований. И этот процесс, как мы знаем, проходит не безболезненно, что мы сейчас наблюдаем относительно тенденции признания на Западе, скажем, однополых браков. Это происходит не во всех странах, только в одной или двух, где однополым партнерам разрешено усыновлять или удочерять детей. Сейчас поднялся шум вокруг бородастой женщины Кончиты Вурст. То есть речь идет о том, что свобода личности становится все более широко признаваемой ценностью.

Вторая тенденция — изгнание насилия из жизни государств, политической, общественной жизни, просто из жизни людей. Насилие ушло из сферы труда — соответственно рабский труд сейчас преследуем, презираем, запрещаем. Насилие ушло из сферы правосудия — нельзя пытать, применять меры насилия к подозреваемым, обвиняемым (кстати, всего 150 лет назад). Насилие ушло из сферы семьи, воспитания детей. И вновь это происходит не безболезненно (например, в России сейчас стали отстаивать свой генетический код, соответственно нельзя запрещать родителям телесно наказывать ребенка, скажем пороть). Наконец, насилие уходит из международной жизни. В общем, тогда, когда происходит агрессия, она не оценивается

положительно, всегда прикрывается необходимостью прервать геноцид, защитить права человека. Иными словами, на ценностном уровне то, что мы называем приоритетом прав человека, признается, как мне кажется, во всем мире. И в общем это сейчас не просто благие пожелания.

На пленарном заседании упоминались Устав ООН, Декларация прав человека и гражданина (французская, 1789 г.), Декларация прав человека, пакты о правах человека. Что самое интересное, их подписывали недемократические страны: Советский Союз, который в то время был тоталитарным, репрессивным государством, страны Азии. То есть на ценностном уровне это уже закреплено в правах, которые содержатся в международно-правовых актах. Но по этому поводу сейчас ведется дискуссия.

В чем-то Михаил Михайлович Зощенко прав. Жизнь сложная, противоречивая, часто парадоксальная. Иногда возникают ситуации, при которых некие политические интересы искажают общую картину и не позволяют линейно, прямо идти по этому пути, не прибегая к временным ограничениям. Более того, бывает и так, когда интеллигент хочет использовать власть в своих политических интересах.

Что происходит сейчас? Это вакханалия абсолютной лжи, извращения фактов, которые мы наблюдали по нашему телевидению, а украинцы — по своему. Это пароксизм, истерика, в которой бились представители журналистского сообщества. Что в таком случае делать нам, интеллигентам? Проявляется нетерпимость. Как это описать? Одни говорят о вторжении, захвате, другие — о воссоединении. Я назову нейтрально — соединение с Крымом. Один человек использовал право на свободу слова. Что началось? Посмотрите, что сейчас происходит с навязыванием нам квасного патриотизма, который заключается в следующем: моя страна права, потому что она моя. Я полагаю, нам не нужно забывать слов Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами... Предпочитаю бичевать свою родину, огорчать ее... только бы не обманывать ее».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Генри Маркович. Я приглашаю на трибуну Хуана Антонио Марка, Чрезвычайного и Полномочного Посла Испании в РФ в 2008–2011 годах.

ХУАН А. МАРК: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приглашение выступить на этом форуме и поделиться своими наблюдениями с молодыми людьми. Как говорил один из наших министров, мы должны думать о будущем, а будущее — в руках молодого поколения, которое здесь присутствует. Грядущим поколениям я рекомендую прочитать фантастическую книгу Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». В ней описывается, как кончается XIX век — Первой мировой войной — и какие изменения происходят к 1914 году. Автор пишет о том, что в течение пяти лет, когда не было войны продолжительность жизни составляла 40–45 лет. Поколение, которое не знало войны, молодые французы, пошло на Первую мировую войну и было вынуждено воевать,

для них это было нечто вроде вечеринки, где каждый хотел продемонстрировать свою мощь, а три года спустя каждый из них говорил, что это кошмар, катастрофа. Этот исторический момент ощущения всемогущества трансформировался в глобальную катастрофу для всех и каждого. Я хотел бы, чтобы таким образом мы относились ко всем речам, которые пытаются пробудить в нас героизм.

Сейчас уже XXI век, и можно добиться процветания всех и каждого. Разница между нынешним веком и прошлым состоит в том, что интеллектуальные возможности каждого человека увеличились, это сокровище, которым мы должны дорожить в любой обстановке.

На конференции под названием «Диалог культур и партнерство цивилизаций» основной вопрос заключается в том, чтобы объединить большую скорость глобального мира с различными уровнями развития, потенциалом конкуренции. В глобальном мире конкурентоспособность станет основным показателем. Те, кто сможет конкурировать с другими, одержит верх. А те, кто не сможет, так же быстро опустятся на дно. Глобализация действует как усилитель тенденции подъема или падения. Глобализация подобна марафону. Мы пригласили всех участвовать в этой марафонской гонке. Но многие старые, либо совсем юные, либо не готовы. Через определенное время старые страны теряют силы и падают, те, кто помоложе, — быстро устают. Но есть те, кто думает, что это надо реорганизовать, урегулировать так, чтобы все могли бежать с одинаковой скоростью. К сожалению, такое часто встречается в реальности.

Издравле Европейский Союз — это сообщество с единой культурой. Но кто-то решил, что его можно лучше организовать для того, чтобы Европа работала как единое сообщество. Реорганизацию старой Европы назвали общественной архитектурой. Этому способствовал успех США. Американцы создали большую страну, включающую 51 штат, 300 млн человек. В Европе мы попытались сделать то же самое, назначили председателя Еврокомиссии, такого мистера Европа. Но никто не подумал о том, как управлять отдельными государствами.

Что делать, если невозможно управлять разнообразием в глобальном объеме? Политики должны сказать новому поколению, что сейчас настало проблемное время, поэтому нужно прикладывать усилия. Отдыхать и почитать на лаврах некогда. Возможности есть для всех. Кроме того, на пути подстерегают разные капканы и ловушки. Вам предстоит жить в сложное время, где будет много возможностей, но вас может ожидать и колоссальное разочарование. Также важно, по моему мнению, сохранить существующие европейские глобальные институты, такие как ООН и ВТО, и постараться их улучшить. Каждый раз, когда мы пытаемся создать менее структурированную организацию, она рушится во время первого же кризиса. Например, G7 показала свою недостаточность во время кризиса, а G21 не удается управлять.

Мы 20 лет живем в мире, где существует система сдержек и противовесов. По крайней мере мы мо-

жем нейтрализовать то, что могут сделать другие. В ближайшем будущем на двух полюсах будут находиться Китай и США. Китай за 20 лет поднялся с 200 до 6300 долларов ВВП на душу населения. Но есть еще и Россия, и Европейский Союз. Основная задача, стоящая на повестке дня между Европой и Россией, — попытаться преодолеть небольшие разногласия, которые существуют между нашими древнейшими цивилизациями, и постараться создать еще один новый центр силы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется Виталию Товиевичу Третьякову, известному российскому журналисту.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Мой доклад называется «В любом диалоге всегда есть победитель». В связи с этим и с тем, что уже многократно звучало в этом зале, хотелось бы поделиться целым рядом сомнений относительно способности, возможности, необходимости того, что называется диалогом вообще и диалогом культур в частности. Прежде всего мы по-разному трактуем слова «диалог» и «культура». Так же как по-разному трактуют слова «диалог» и «культура» Меркель, Путин, Обама, Турчинов, Яценюк и Янукович. Только на Украине существует много трактовок слова «диалог». Сообщают, что на Украине начался национальный диалог, в частности П. П. Толочко рассказывал о том, что там происходит. Все формально соблюдено. Идет национальный диалог, но за национальный круглый стол не позвали тех, с кем больше всего не согласны. Все бывшие президенты Украины, за исключением Януковича, что-то обсуждают между собой.

Когда я сегодня слышу выражение «дорожная карта», то понимаю, что ничего хорошего из того, по поводу чего составлена дорожная карта, не получится. Во-первых, существует русское, достаточно бюрократическое выражение «план работы» на определенный срок. Его замена на дорожную карту означает специальное затуманивание или бессознательное самозатуманивание. Я опасаясь, что диалог культур все чаще, иногда спекулятивно, а иногда невольно, трактуется как рецепт на все случаи жизни.

Во-первых, кто в конечном счете победит в диалоге массовой и высокой культуры? Во-вторых, может ли вообще вестись диалог между массовой и высокой культурами? В-третьих, нужен ли тогда этот диалог? Я не отвечаю на вопросы, а лишь ставлю несколько дополнительных вопросов к тому, что здесь уже было обозначено.

Затрону тему, которая прозвучала с этой трибуны. Нужен ли такой диалог культур? Например, в диалоге естественной культуры взаимоотношений полов, хотя гермафродиты были всегда.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Там побеждает дружба.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — И гей-культура. Нужен ли такой диалог? Кто в результате победит? Может быть, нужно все взвесить, оценить результат? Может быть,

не нужно вести этот диалог, если победитель будет такой? Или нечто еще более гермафродитное, чем сами гермафродиты. Я только ставлю вопросы.

Или другой вопрос: к чему привели успехи медицины? К тому, что сегодня в самой цивилизованной части человечества, я имею в виду западноевропейские страны (в Европе есть и менее цивилизованное пространство — перед Уралом), возрождаются обычаи, о которых рассказывали как о средневековых ужасах. Нецивилизованные люди, жившие в железном веке, относили стариков в лес, чтобы не кормить их, и там их съедали волки или они умирали сами. Нам объясняли, что это нехорошо. Сейчас в этой самой цивилизованной части самые цивилизованные люди ведут дискуссию о том, делать ли эвтаназию 80–90-летнему старику или старушке. Это стало возможно в результате успехов медицины. То есть вопрос о жизни и смерти, который с помощью медицины пытались максимально отдалить в пользу жизни, теперь трансформировался в вопрос, убивать старика или нет, потому что он мучается. Может быть, не нужен такой прогресс медицины? Я лишь ставлю вопросы.

Теперь хотят распространить эвтаназию и на детей. Уже принято решение, что можно то же самое делать с детьми, которые мучаются от боли, неизлечимых болезней. Но, может быть, тогда не нужно идти против природы со своим медицинским искусством и стимулировать начало жизни беспомощных плодов, чтобы потом, через 14 лет, по поводу спасенного принимать решение убить, потому что ему слишком больно.

Как-то в Санкт-Петербурге Чингиз Айтматов (ныне уже покойный) собрал конференцию, посвященную теме культуры мира. Это была тема его публицистических, философических работ, многих конференций, которые он проводил. Я выступил с сообщением «Культура войны», где на очевидных фактах, известных даже неисторику, простому человеку, который что-то читал, изучал, показал, что история человечества странным образом больше похожа на историю войн, прогресс технически больше похож на совершенствование прежде всего орудий убийства. До сих пор лучшие умы заняты их разработкой. То есть существует целая культура убийства, орудий убийства...

Я высказал простую мысль нормального человека, что, может быть, история человечества — это история войн и коротких промежутков между ними для подготовки следующей войны. Если это так, то нужно по-другому подходить. С этим нужно бороться не только утверждениями о том, что есть некая культура мира, которую достаточно распространили и она вообще свойственна человеку, а два-три политика ее не ущемляют. Чингиз Торекулович задумался над этим, ему понравилось мое выступление. Во всяком случае оно выглядело неким диссидентством на фоне того, о чем говорили остальные.

Я предлагаю всем присутствующим задуматься еще раз над тем, со всеми ли культурами нужно дискутировать, все ли они заслуживают того, чтобы вступать с ними в дискуссию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виталий Товиевич. Слово предоставляется Андрею Вадимовичу Смирнову.

А. В. СМИРНОВ: — Мы уже выслушали много докладов — блестящий фейерверк. Но вот о чем я подумал: это был диалог или серия монологов? Вопрос риторический, потому что ответ на него очевиден: серия монологов. А давайте представим себе, что каждый человек — это культура. Это нетрудно сделать, потому что каждый из нас — это мир. Когда умирает человек, умирает целый мир. Коллеги, мы сегодня выступаем с одной трибуны перед одной и той же аудиторией. Даже повод для выступлений у нас один. Легко ли нам превратить серию наших монологов в диалог? Если мы подойдем к этому вопросу с той точки зрения, которую обосновал академик Гусейнов: «свой–чужой», то речь каждого — это «свой» монолог, но другие монологи — «чужие» или «свои»? Как это понять? Думаю, что шаг вперед можно будет сделать, если понять, чем диалог отличается от двух монологов. Люди, которые разговаривают друг с другом, или империи средств массовой информации — скажем, российская, украинская, западная — разговаривают друг с другом. Это диалог или несколько монологов, которые разворачиваются в одном пространстве, вокруг одной оси? Чем одно отличается от другого? Вопрос, с одной стороны, теоретический, с другой — прямо относится к тому, о чем мы говорили. Если это не диалог, а ряд монологов, которые параллельно ведут разные люди или культурные образования, то такие монологи легко перерастают сначала в словесную перепалку, а потом и в военное столкновение. И расстояние от «диалога» до военных действий оказывается очень коротким.

Чем же подлинный диалог отличается от двух монологов на одну и ту же тему? На мой взгляд, только одним. В настоящем диалоге каждая из сторон понимает, что говорит другая. Не делает вид, не стремится победить другого, хотя и хотела бы утвердить «свою истину», а прежде всего старается понять. Как этого достичь? Если обратить внимание на вторую часть слова «диалог», которая созвучна слову «логика», то, возможно, мы как-то приблизимся к ответу. Диалог бывает подлинным, когда мы оцениваем слова собеседника не через призму своего взгляда на мир, а понимаем его логику, видим оправданность его высказываний. Когда же речь идет о культурах, диалог предполагает понимание логики другой культуры. Мы сегодня часто произносим слова «диалог», «диалог культур». Но присутствуют ли в этом поле диалога *другие* культуры? Абдусалам Абдулкеримович поставил вопрос: как найти тот ракурс, который позволил бы смотреть на другие культуры не как на «чужие», а как на «тоже культуры»? Такая точка зрения и будет точкой зрения логики культуры. Если мы постараемся понять, как устроены логики разных культур, то осознаем, что другая культура — это «тоже культура». Она не наша, не «своя» для нас, но и не «чужая», то есть не отторгается. На этом поле предстоит большая работа. Прежде всего придется потрудиться философам,

потому что вера в универсальность логики, в единственность рациональности — давняя философская вера. Возможно, из-за этой веры коллеги захотят со мной поспорить. Но она уже в XX веке самими философами и логиками много раз была поставлена под сомнение и даже отвергнута. Возможность множественности логик можно считать доказанной.

Среди присутствующих много моих коллег — арабистов, поэтому мне хотелось бы обратиться к арсеналу блестящей, богатой арабской культуры. В XIII веке на арабском Востоке жил выдающийся ученый Ибн Араби, до сих пор признаваемый в исламском мире как величайший мыслитель, представляющий суфизм, то есть исламский мистицизм. Его титул — Величайший шейх суфизма. Он сформулировал ряд тезисов, которые можно принимать в качестве девиза для форумов, подобных нашим. Ибн Араби предлагает такую формулу: любое вероисповедание истинно, но только в том случае, если оно не отрицает истинность любого другого вероисповедания. Вдумайтесь: признание истинности любого другого вероисповедания служит условием истинности твоего собственного, так что невозможно поставить под сомнение никакое вероисповедание, не сделав собственное ложным. Эта формула покоится у Ибн Араби на солидном фундаменте его учения, которое, конечно, невозможно излагать здесь. Давайте применим эту формулу к культуре: любая логика культуры истинна, но только до тех пор, пока она не отрицает истинности и правомерности логик других культур. Именно такой подход позволит обеспечить такое состояние, когда другая культура, не теряя своей самобытности, будет восприниматься не как чужая или чуждая, а как необходимое условие моей собственной культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое. Сейчас на трибуне профессор Григорий Борисович Клейнер.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Спасибо большое, Александр Сергеевич. Уважаемые коллеги, в чем состоит притягательная особенность нашей конференции? Почему мы так стремимся сюда? Наверное, потому, что здесь мы ищем ответы, которые невозможно найти в рамках отдельных дисциплин: на экономические вопросы, не имеющие ответов в пределах экономики; политические, на которые не дает ответов политология, и культурологические, которые не имеют ответа в рамках самой культурологии. Сочетание этих трех направлений — экономики, политики и культуры, как мне представляется, является лицом нашей конференции. Я бы хотел сопрячь это с тем, что происходит сегодня. Владимир Ильич Ленин писал, что политика — это концентрированное выражение экономики. Глядя на то, что происходит в экономическом мире сегодня, в частности известные санкции, мы видим, что, наоборот, экономика является выражением политики и политика порой противоречит экономическим интересам.

Но самое плохое — то, что происходит определенное слияние экономики и политики. Как разные

черты, объединенные в образе не однажды упомянутой сегодня Кончиты Вурст, слияние экономики и политики мне представляется негативным явлением сегодняшнего мира. Это самостоятельные сферы, они должны развиваться по своим законам и существовать не как стороны поверхности листа Мёбиуса, где одна перетекает в другую, а как две независимые, хотя и взаимосвязанные области. Но кто может обеспечить баланс между ними, самостоятельность при связанности? Мы ищем ответ в третьей сфере, которая входит в нашу конфигурацию, — в культуре. Разумеется, особенности национальных или иных культур могут сыграть дифференцирующую роль, а порой и привести к неприятным последствиям в виде военных конфликтов. Но все же, как мне представляется, основное значение культуры в том смысле, в каком ее понимал Дмитрий Сергеевич Лихачев, — объединение, то, что не позволяет политикам и экономистам принимать решения, направленные против интересов человека. В этом главная роль культуры в современном мире, особенно с учетом того, что происходит за границами нашей страны, да и в ее пределах. Именно сегодня на культуру возлагаются особые задачи. Думаю, что наша конференция должна попытаться решить эти задачи и реализовать историческую, не побоюсь этого слова, миссию культуры.

Четыре имени, на мой взгляд, лежат в основе соединения экономики, политики и культуры. Адам Смит фактически ввел понятие экономического человека и представлял сочетание интересов человека и общества в виде невидимой руки рынка. Это экономика, основанная на бизнес-проектах отдельного человека, которые, реализуясь, приводят к росту благосостояния всего общества. Второй на этом пути — Торстейн Веблен, который говорил об эволюционирующем человеке. Основа его теории — процессное понимание экономики. Третий человек, предложивший новое понимание окружающего мира, — академик Вернадский, который воспринимал мир в космическом масштабе, где техносфера, биосфера, социосфера и так далее сливались в единую ноосферу. Наконец, четвертое имя, которое, как мне кажется, в определенном смысле венчает эту пирамиду, хотя эти циклы и эти концепции будут повторяться, — Дмитрий Сергеевич Лихачев. Если человек из концепции Вернадского ближе всего, как мне представляется, к религиозному человеку, для которого главное — не победа в конкурентной борьбе, а связь со всем миром, в том числе воплощенная в связи с Богом, то, в противоположность этому, человек Лихачева — реальный, земной, интегрирующий в себе не только европейскую и азиатскую цивилизации, не только экономику и политику, но и вообще все стороны земной жизни. Именно такой человек, интегрирующий культуру, экономику и политику, должен стать объектом нашего изучения. Да здравствует человек Лихачева.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Профессор Жан Терентьевич Тощенко, прощу Вас.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Прежде всего я хотел бы обратить внимание коллег на то, что тема нашей конференции подразумевает не только диалог между народами и социальными группами. Это также диалог между прошлым и настоящим, а в определенной степени и будущим. Именно непонимание, нежелание уважать, учитывать и модернизировать культуру, сформировавшуюся на предыдущем этапе, и сопоставлять ее с современностью, зачастую являются источниками противостояния и конфликтов.

Второй момент. Большинство коллег, выступавших здесь, останавливались в основном на проблемах духовной культуры. Но огромную роль в нашей жизни играет материальная, экономическая культура — культура производства, труда. Один мой давний знакомый — директор авиастроительного завода, который сейчас восстанавливается, пытается решить очень сложную проблему. Выделены финансы, есть материальная база и прочие необходимые составляющие, кроме одного: нет соответствующих кадров. Инженеры и высококвалифицированные рабочие либо сменили профессию, либо ушли на заслуженный отдых или вообще из жизни. И он в растерянности: «Кто же будет решать поставленные задачи?»

Мы с коллегами недавно завершили уникальное исследование по экономическому сознанию и поведению. Мы сравнили последние годы советской власти и 2012–2013 годы. В отличие от сравнительно монолитного взгляда на социалистическую экономику в советское время, сегодня мнения сильно дифференцированы. Пышным веером представлены идеи, включающие друг друга, и у каждой есть приверженцы, доказывающие ее право на существование. Эти идеи во многом являются и причиной политических битв. В частности, был задан вопрос: «Как вы оцениваете российские экономические реформы? В верном

ли направлении идет развитие страны?» Примерно, 40 % сказали «да», еще 40 % — «нет», 20 % затруднились с ответом. Можно ли в этой ситуации объявить, что кто-то из них неправ? Думаю, что и те и другие могут привести много доводов в обоснование своей точки зрения. Поэтому надо рассматривать эти вопросы несколько в другом плане.

Я не вполне согласен с уважаемым профессором Резником, который сказал, что в обществе уменьшается насилие. Я убежден (и наши данные подтверждают): насилие никуда не девается, оно просто принимает более изощренные формы, в том числе и в сфере труда. По крайней мере, наше исследование показало, что люди значительно больше, чем прежде, боятся безработицы. Оплата труда и вообще ситуация на предприятиях оставляет желать лучшего. На вопрос: «Если вы станете лучше работать, то будет ли стимулироваться ваш труд?» ответы практически не изменились по сравнению с советским периодом. Заметно изменился только один показатель: в настоящее время люди свободнее в выборе и в большей мере обладают возможностью приобрести различные товары. В связи с этим возникает вопрос: стоило ли подвергать страну таким потрясениям, чтобы в итоге ограничиться одним позитивным изменением — наличием товаров в продаже?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Жан Терентьевич. Приглашается профессор Виктор Федорович Петренко.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Я коснусь психологических аспектов диалога культур. Всем известны высказывания Мартина Хайдеггера «Язык — дом бытия» и Людвиг Витгенштейна «Границы моего языка означают границы моего мира». Целые семантические области выпадают из сознания, если заблокировано какое-то значение. То есть язык — это средство построения мира. В связи с этим мне хотелось бы подчеркнуть одно из базовых противоречий. Когда мы говорим о победе в диалоге, то подразумеваем, что существует одна железобетонная истина — объективная реальность. Однако это устаревшее представление: есть объективная реальность, и мы в своем познании все время к ней приближаемся, получаем какие-то неопровержимые факты в экспериментах, интерпретируем их и т. д. Однако уже Эйнштейн отмечал, что нет фактов вне теории. В зависимости от теории, языка, создаваемых нами конструктов мы выделяем те или иные фрагменты мира и способны воспринять их. Таким образом, разные языки — это не более чем гипотезы (вспомним хотя бы теорию лингвистической относительности Сепира–Уорфа), разные модели мира. Они обладают различной степенью истинности — или следует признать, что истина множественна.

Вообще-то истина — это уже довольно архаичное понятие. Человек строит модели мира в своем сознании, которые могут быть разной степени полноты, эвристичности, даже красоты и этичности. Это отчетливо проявляется, например, в квантовой физике.

Поэтому диалог культур не предусматривает победы кого-либо из участников общения. Он ориентирован

¹ Декан социологического факультета и заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Этнокрафия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» и др.; а также учебников: «Социология», «Социология труда», «Социология управления», «Политическая социология». Редактор и член авторского коллектива тематического словаря-справочника (в 2 кн.) «Гезаурус социологии», библиографического словаря «Социологи России и стран СНГ». Под его редакцией вышли 14 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире», ««Старая» и «новая» интеллигенция: общее и особенное», «Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе» и др.

Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». Член редколлегии журнала РАН «Social Sciences» и «Социология» (Беларусь). Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден Серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

на понимание иной позиции, которая тоже может быть интересной, адекватной, эвристичной. Буддисты говорят, что отрицание великой истины есть тоже великая истина. Я солидарен с коллегой Смирновым, который написал замечательные работы об арабской логике, буддийской и т. д. Разные языки конструируют несколько различные модели мира, а различные культуры могут вступать в диалог, кооперацию, конкурентные отношения и др. Карл Клаузевиц в свое время сказал, что страна, неспособная кормить свою армию, будет кормить чужую. Так же и страна, не культивирующая свои гуманитарные институты, исчезнет, растворившись в других культурах. А сегодняшние сокращения гуманитарных институтов, возможное закрытие Института искусствоведения, отъем помещений у Центра Рериха, Института философии свидетельствуют о сужении гуманитарной составляющей нашей науки и познания.

В психологии часто применяется реконструкция картины мира другого человека или других социальных, национальных, культурных, религиозных групп. Это так называемая психосемантика, связанная с построением многомерных семантических пространств, где по осям этих пространств в качестве базовых выступают те категории сознания, которые мы выделяем как присущие представителям данной культуры, а объекты задаются как координаты точки внутри этого семантического пространства. Например, мы проводили исследования политических партий начиная с 1989 года, когда это стало возможно. Одним из интересных результатов стало нарастание когнитивной сложности, размерности этих семантических пространств, усложнение политического сознания. Мы можем строить такие семантические пространства в самых разных областях — религии, искусстве. Сознание каждой личности гетерогенно. Человек может быть когнитивно сложным в футболе или политике, но когнитивно простым в восприятии абстрактной живописи.

С точки зрения диалога интересен вопрос о едином учебнике истории, который рассматривал академик Чубарьян. В принципе утверждение однозначной позиции ведет к формированию «одномерного» человека, который способен воспринимать мир только с одной позиции. Но давайте вспомним теорию полифонического романа Достоевского, разработанную Бахтиным. В рамках одного текста автор выступает с позиций Дмитрия Карамазова, Федора Карамазова, Алеши Карамазова, Великого инквизитора и т. д. То есть многомерность присутствует в одном и том же тексте.

И последнее. Многие психологические техники учат людей вставать на позиции других. У Юнга есть красивый образ: человеческое сознание — как мангровая роща. На поверхности мы видим множество деревьев, но в глубине все они срослись корнями. Есть эмпатия, сопереживание, взаимодействие на уровне бессознательного. И есть множество методик, в частности созерцания в медитации или психотренинга, которые позволяют человеку устранить субъект-объектную оппозицию, лежащую в основе представления «свой-чужой», и научиться сопереживать другим людям или культурам, в том числе и на уровне бессознательно-го. На мой взгляд, одна из важных задач на данный

момент — внедрение в массовую культуру подобных практик работы с бессознательным, которые настраивают на взаимопонимание и эмпатию, ощущение и понимание другого человека.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виктор Федорович. Пленарное заседание завершает профессор Николай Андреевич Хренов. Прошу.

Н. А. ХРЕНОВ: — В своем выступлении хочу продолжить тему, начатую профессором Чуровым и подхваченную академиком Гусейновым, — тему войны. Вообще-то философия никогда ее не обходила. Напомню, что когда столетие назад началась Первая мировая война, многие философы не раз выступали по этому вопросу. Альфред Вебер писал, что в начале XX века мир как никогда был близок к единству. Но катастрофа случилась. Интенсивные процессы глобализации сегодня стимулируют вопрос об обретении единства человечества, но опасность войны все же не исчезает. Говорят, что Вторая мировая война — это второй акт Первой. Да, XX век трудно представить без этих двух войн. Наверное, именно поэтому гуманитарная наука вызвала к жизни концепт диалога как средства выживания, в том числе и между цивилизациями. Так получилось, что после философской и научной революции XVIII века — возникновения духа модерна — началась цепная реакция революций. XIX век стал веком революций, XX — веком кровавых мировых войн. Были ли они следствием революций и духа модерна? Мир стал нетерпелив, и логика эволюции казалась безнадежно устаревшей. Со временем стала осознаваться негативная сторона модерна. Социальное обновление с помощью революций оборачивалось разрушением культуры. Кризис мировосприятия модерна следует отслеживать не от появления в 1947 году известной книги М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения», когда впервые была осознана обратная сторона модерна. Может быть, крах модерна произошел именно в ходе Второй мировой войны. Заодно были похоронены иллюзии русских, выражением которых стала, как следствие модерна, революция 1917 года. Кажется, что война демонстрирует отрицание всякого диалога. Перечеркивает диалог. Диалогические отношения между народами она переводит на противостояние сил. Сила становится решающей. Об этом здесь говорил профессор Толочко. У кого больше силы, тот способен навязать монолог, подчинить и подавить другой народ, заставить побежденного быть зависимым, отречься от себя, перестать быть собой. Это может достигать варварских форм, когда в противнике видят только врага, которого необходимо уничтожить. До XX века, когда технология ведения войны не успела достигнуть таких высот, еще допускалась возможность видеть в противнике равного себе. Между тем из истории известно, что выдающиеся полководцы нередко отдавали должное мужеству и военной доблести своих противников. Отзвуки этой традиции, пусть и в сильно деформированном виде, наблюдаются и в XX веке. Даже Гитлер однажды смог, оставив нелестные характеристики Черчилля и Рузвельта, дать положительную

характеристику Сталину. В своих очерках по психологии войны Н. Бердяев писал: «Нравственно достойнее на себя взять ответственность за зло войны, а не возлагать его целиком на другого. Нравственно предосудительно слишком уж считать себя лучше другого, в другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов».

Образ войны как состязания, поединка используется в литературе. Мы обнаруживаем его и у Л. Толстого, и у В. Гроссмана, описавшего чувства Сталина после Сталинградской битвы. До тех пор, пока сохраняется восприятие противника как равного, в стихии войны присутствует элемент игры в высоком философском смысле, а значит, и культуры. По поводу межгосударственных конфликтов с этой трибуны сегодня уже прозвучала критика их разрешения с позиции силы. Правда, профессор Громыко в своем докладе попытался реабилитировать силу. Однако важно, что под этим словом он подразумевает умную и даже мудрую силу: не использовать по любому поводу танки и ракеты, а прежде всего иметь сильную армию — как для гарантии мира в собственной стране, так и, если нужно, для защиты дружественных и нуждающихся в помощи народов. Собственно, так действует и современная американская империя. Так вот, не пугать танками и ракетами, а пускать их в дело лишь в критических ситуациях, когда без них обойтись уже невозможно и все другие способы исчерпаны.

И все же, поскольку мы говорим о культуре, то на первый план здесь выходит не сила, а, как это ни покажется странным, игровой инстинкт. Посмотрите, какая мрачная и жестокая история произошла на Украине — убийство людей в Одессе. Их разрубали на части, когда они, спасаясь от удушья, бросались с верхних этажей вниз. Вакханалия жестокости! Это ведь не компьютерные игры. Судя по всему, обкуренные юные отморозки перепутали живых людей с фигурками на экране. Возможно, это следствие увлечения компьютерными играми. Предупреждал же Маклюэн, что новые мощные технологии имеют такой же эффект, как и взрыв атомной бомбы. Когда выходили его книги, этот тезис трудно было понять. Да, произошел выброс варварства. Конечно, до трагедии, что произошла в Одессе, еще можно было сомневаться, фашизм ли это. Можно было подумать, что пропаганда перестаралась. Но Одесса утвердила в этом мнении. И там, и тут — фашизм. Расхождение только в масштабах. Но большое всегда начинается с малого. А ведь все началось с благородного возмущения народа насквозь прогнившим коррумпированным государством.

Вообще корни войны лежат в мирном времени, в стремлении к обогащению. Об этом хорошо сказал парадоксалист Достоевский. Убежден, что только тогда, когда в войне сохраняется игровое начало, можно констатировать присутствие и культуры, и диалога. Установка на полное уничтожение противника возвращает в доисторию. Этот выплеск произошел и на Украине. В начале XX века русские философы вслед за прогнозами Ф. Ницше (а он пророчил: «Будут войны, каких еще никогда не было на земле») пишут

о будущем возврате в варварство. Они еще не имеют опыта Первой мировой войны. Кажется, подлинный упадок в варварство — это войны XX века. И все-таки невозможно взять на себя смелость доказывать, что Вторая мировая война была выходом за пределы осевого времени и выбросом варварства, по крайней мере со стороны русского человека, русского солдата. А ведь именно с точки зрения рядового воина предлагал нам смотреть на войну Л. Толстой. Всем известна не прекращающаяся до сих пор дискуссия: кто сыграл решающую роль в достижении победы во Второй мировой? Многие и тогда, и кто-то до сих пор называют Сталина, вспоминая эпизод из фильма М. Чиаурели «Падение Берлина», в котором генералиссимус выходит в белом кителе из прилетевшего из Москвы в Берлин самолета. Но, кажется, сегодня уже никто не сомневается в том, что победителем является прежде всего народ, русский народ. Этот вывод невозможно оспорить.

И все же полагаю, что в данном случае забывают о таком важном факторе, как культура. Что же касается народа, то он, конечно, является и творцом, и хранителем культуры. Когда приходится говорить о культуре в связи с войной, то обычно этот вопрос сводят к разрушению в ходе военных столкновений памятников архитектуры. Так, во время Первой мировой войны был разрушен Шартрский собор. Но темой разрушения исторических памятников вопрос об отношениях войны и культуры не исчерпывается. Удивительное дело: культура — это такая тонкая субстанция, которая с трудом поддается окончательному определению. Ее сущность ускользает. В нашей стране возникла даже целая наука, чтобы этот вопрос прояснить. Кажется, до сих пор не прояснили, и, может быть, по этой причине с некоторых пор на нее начались гонения. Напрасно. Мы вечно спешим. Не умеем ждать. Между тем определенность культуры и ее предназначение выступают ясно лишь в экстремальных ситуациях, каковой является, в частности, война. Предназначение культуры как раз и заключается в том, чтобы народ в экстремальных ситуациях выживал.

Вторая мировая война была испытанием русской культуры даже в большей степени, чем Первая. Испытанием на прочность. Мною уже отмечено, что тема «война и культура» стала актуальной с начала Первой мировой. В 1914 году И. Сытин даже выпустил серию изданий под этим названием, в которой печатались такие мыслители, как Е. Трубецкой, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Булгаков, В. Эрн и др.

Все-таки война не перечеркивает диалога, как она не исключает и культуру. Она только на краткий миг затрудняет диалог. Ведь диалог между цивилизациями происходит не в кратких периодах времени. Вторая мировая война — лишь миг в истории, если понимать ее как историю цивилизаций. Диалог развертывается на протяжении столетий, в большом историческом времени, и прежде всего на уровне ментальностей. Я хочу остановиться именно на ментальном факторе. У каждой цивилизации собственная ментальность. Как утверждал немецкий историк Трёлльч, это очень тонкая субстанция. Носителю одной ментальности трудно понять другую. Цивилизации никогда до конца не понимают друг друга. Это мы сегодня ощущаем как

никогда раньше. В случае с Украиной не хватает понимания со стороны Запада. Нам навязывают монолог. Но диалог все-таки должен сохраниться. В историческом времени он является перманентным.

Любопытно, что выход за пределы диалога можно предвидеть. В самом деле, то, что, например, произошло в XX веке с Россией и Германией, было спрогнозировано еще в XIX веке. Возвращение в варварство в XX веке предсказывал не только Ф. Ницше. Так, М. Бакунин дал более конкретный прогноз — неизбежное столкновение России и Германии. Он исходил именно из разных типов ментальности. Более того, из ментальности тех народов, которые могут претендовать на лидерство в мировой истории. Нельзя забывать, что М. Бакунин сделал свой прогноз в ситуации восхождения Германии. Когда читаешь «Речи к немецкой нации» И. Фихте (а они являются ярким документом идей модерна), убеждаешься, что существует не только русская, но и немецкая идея. Исходя из программы пересоздания человечества, провозглашенной модерном, И. Фихте усматривал в немцах тот авангард, с которого это пересоздание начнется. Предназначение человеческого рода, по И. Фихте, заключается в том, чтобы народ сделал себя тем, чем он является изначально. Такое самосозидание должно начаться первоначально в каком-то конкретном народе. Конечно, как убежден философ, оно начнется с немцев, но затем должно распространиться на все человечество. Так судьбы человечества были поставлены в зависимость от немцев. Оставалось под эту идею подвести имперский фундамент.

Мы далеко ушли от этой исторической ситуации. Сегодня на роль авангарда в мировой истории претендуют уже другие страны. Но то, что произошло в свое время в Германии, поучительно. Когда на арене истории появился тот самый заурядный человек, человек массы, о котором пишет Х. Ортега-и-Гассет, идея И. Фихте получила иную интерпретацию. Так, в работе «Немецкая культура и война» историк А. Дживелегов, касаясь возникновения Первой мировой войны, писал: «Ему (немцу. — *Н. Х.*), наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу; он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через победенную страну: он преисполнился верою в немецкий гений и в звезду Германии». Психология фашиста созрела, оставалось только проявиться. Она была институционализирована, под нее был подведен имперский фундамент, и она сполна проявилась в столкновении со славянским миром в двух мировых войнах. Возникла проблема «своего» и «чужого», сформулированная сегодня на этой трибуне академиком Гусейновым. По части лидерства антагонистами, по М. Бакунину, оказывались именно Россия и Германия. Россия связывается с анархией, стремлением к свободе, а Германия представляется бастионом охранительных установок, что не является такой уж неправдой. Как доказывал М. Бакунин, антагонистом Германии может быть только решительно негосударственный славянский народ. В отличие от немцев — народа завоевательного, славяне преимущественно мирные земледельцы. Воинственный дух им чужд, как чужд им и дух государственности, носителями которого, по его

мнению, славяне быть не могут. Если первый импульс немцев — укреплять государственность в собственной стране и распространять государственный императив на всем Западе, то славянам присущи неприятие государства и стремление к вольнообщинному крестьянскому миру. В ментальности славян существует стремление к общей свободе и человеческому братству на развалинах всех существующих государств. Хочется эту мысль М. Бакунина подчеркнуть. Он констатировал одну очень важную черту русской ментальности — стремление к общему человеческому братству.

Что же это за черта? В какое время она сформировалась? Присуща ли она только русским или еще каким-либо народам? Ответы на эти вопросы уже не исчерпываются ментальностью. Это вопрос культуры. Ментальность — лишь психологический аспект культуры. М. Бакунин обратил внимание на один признак целой культурной традиции. Он, конечно, имеет место, но всей традиции не исчерпывает. Когда же мы пытаемся эту традицию постичь, то отдаем себе отчет в односторонности вывода М. Бакунина. Выявление этой традиции свидетельствует, что братское чувство предполагает отнюдь не только антигосударственные установки, но и государственный императив. А это уже не столько западная, сколько византийская традиция. Представляется, что А. Тойнби пронизательно улавливает активность византийской традиции в России не только в Средние века. Он видит ее даже в установках русского марксизма. То, что русские в Средних веках называли себя Третьим Римом, подхватив эстафету у Византии, всем известно. Но едва ли этот факт до конца осмыслен — по той причине, что ментальность в ее цивилизационном проявлении длительность не была предметом внимания. Полное осмысление ментального комплекса русских, возникшего еще в Средние века, в современной ситуации оказывается неудобным. Ведь это не соответствует либеральным императивам. Оно может привести к обострению отношений России с Западом в период активной ассимиляции в России либеральных ценностей. Оно неудобно сейчас и не было удобно на протяжении всего XX века, хотя сами русские очень хотели это преодолеть, о чем свидетельствуют эпоха «оттепели» и реформы Горбачева. Может быть, это и определяет то непонимание России со стороны Запада, которое мы сегодня ощущаем в истории с Украиной. Может показаться, что в данном случае речь идет о несходстве не между культурами, а между государствами. Но дело в том, что политическая культура является частным проявлением общей культуры.

Констатируя имперское начало, мы имеем в виду и культуру тоже. Принимая эстафету у Византии, возводя Третий Рим, русские добровольно, в соответствии с логикой этой эстафеты, принимали ответственность за судьбу остальных народов — неважно, нуждались они в этом или нет. Такова логика подхваченной русскими эстафеты. Эта ответственность потребовала колоссального напряжения и, разумеется, собранности, концентрации всех духовных и физических сил, а также, что печально, ограничений свободы. Позднее это привело к тому, что ценности либерализации, сколь бы соблазнительными они ни были, здесь развиться не могли. Может быть, именно этим ограничением

свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские, вопреки утверждению М. Бакунина, оказались способны построить сильное государство, а точнее, одну из могущественнейших империй мира, хотя, казалось бы, добровольно взятое на себя психологическое бремя русских не соответствовало этому. Но такой оказалась логика истории независимо ни от каких идей. Может быть, именно потому, что такая государственность в ее византийской форме, выразителем которой был Сталин, разгадавший вторую сторону ментальности русских, была воздвигнута, русские и смогли защитить себя, выстоять во Второй мировой войне. Во всяком случае, такая точка зрения в литературе высказывается, несмотря на критику Сталина. Как свидетельствует А. Солженицын, Сталин понимал, что народ в ходе войны совершал подвиги не ради того, чтобы отстоять большевистскую идеологию и идеи коммунизма. Народ спасал жизнь, свою историю и культуру. Поэтому и начали появляться в литературе и кино образы героических предков. История была реабилитирована. В народном сознании возродился героический миф, без которого нет патриотизма. Миф как составляющая культуры. Миф, в котором настоящее не отделялось от героического прошлого. Так война трансформировалась в сакральный ритуал. И это многое определяло.

Но вернемся к византийской традиции. Поскольку Рим второй был империей, то такова и судьба русских: Россия тоже должна быть империей. Казалось, что такая твердыня гарантировала осуществление задачи — ответственности за судьбы мира. Это и есть мессианизм. Его невозможно отрицать. Империя воспринималась как залог прочности и стабильности не только российского универсума, но и всего мироздания. В данном случае культура и сила — мудрая сила! — объединились. Такова ментальная формула русской культуры.

Таким образом, в русской ментальности имеется протейское начало. В зависимости от исторических обстоятельств эта ментальность способна проявляться по-разному: и как стремление к разрушению государства, и как необходимость его укреплять. Это особенность и русской цивилизации, и сформированной в этой цивилизации культуры. Данная особенность не имеет адекватного осмысления и совершенно не воспринимается как особенность культуры. Это и не удивительно. Ведь войны XX века осмысляются исключительно в границах политической истории, а не в границах истории цивилизаций, развертывающейся в больших периодах. Между тем только сопоставление событий, происходящих в разные эпохи, позволяет выявить вневременные, повторяющиеся ментальные особенности. При этом история культуры не является какой-то особой, отдельной от истории государства. История государства — частная история культуры, ее проявление, так что ее нельзя свести к установкам лишь правящей элиты. Упавшая на плечи русских ответственность не только вменяется властной элитой, но и добровольно принимается всеми. Это и позволяет утверждать, что для ментальности русских такая ответственность становится значимой.

Взваливая на свои плечи ответственность за судьбу не только своей страны, но и всего мира, всегда ли в ре-

альной истории русские оказывались способны ее осуществить? Иногда это получалось, но чаще всего нет. Тем не менее в русской истории, в народном сознании значимыми являются лишь те события, которые подтверждают эту идею ответственности за судьбы всего мира. Вторая мировая война явилась для русских в высшей степени исключительным событием, имеющим и ментальный, и культурный, и планетарный смысл. Это событие выходит за пределы секуляризированной истории, воспринимаясь в сакральной ауре. Поэтому к ней постоянно обращается искусство, все более превращаясь в наше время в развлечение.

Вторая мировая война не подтвердила идею М. Бакунина об анархизме и антигосударственности русских. Вторая мировая война — не столкновение народа-анархиста с народом-государственником. В том-то и дело, что в экстремальной ситуации русские продемонстрировали себя государственниками не в меньшей мере, чем немцы.

Несколько слов по поводу продолжения диалога, угрожающего перерасти в войну между цивилизациями уже в наше время. В случае с Украиной мы убеждаемся в том, что при активном желании России сохранить с Западом диалог проблема непонимания остается реальной. Колоссальную роль в непонимании и расхождениях в оценке событий продолжает играть усвоенная Западом еще в эпоху Просвещения идея модерна. А модерн, как известно, исходит из идей разума, необходимости разрушать кажущиеся устаревшими государства и приводить их в соответствие с установками разума. Разум же Запада — либеральный, рыночный. Значимость культуры для жизни общества начала осознаваться поздно. Смысл культуры в эпоху Просвещения, то есть модерна, еще только начал открываться, да и то отдельными мыслителями вроде Гердера. Модерн в принципе исходит из разума, а не из культуры.

Сегодня наиболее последовательным проводником идей XVIII века продолжает оставаться Америка. Это и не удивительно. За плечами этой страны нет истории, нет многовековой культуры, поэтому она легкомысленно ориентируется на разрушение государств с помощью «оранжевых революций». Проблема, однако, заключается только в том, что вместе с государственной традицией разрушаются и культуры. Поэтому вместо разума и порядка после таких революций в странах с многовековой культурой не торжествует разум, а царит хаос и проливается кровь. Все это мы наблюдаем сегодня. Значение Второй мировой войны в истории, понимаемой как история цивилизаций и перманентного диалога между ними, заключается еще и в том, что она продемонстрировала активность культуры. Значительную роль в ней сыграл не только технологический фактор. Важно иметь в виду способность культуры вызывать к жизни и ту традицию, которая, казалось бы, уже успела уйти в прошлое, и выживать в экстремальных ситуациях. Вот какие уроки преподает история мировых войн в XX веке.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое. Уважаемые коллеги, завтра работа нашего форума продолжится в секциях. Приглашаю всех принять в ней деятельное участие.

Круглый стол ПОСТРОЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

20 мая 2014 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Председательствующий

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН

Ведущий

Хуан А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в России (2008–2011)

Выступающие:

Доминик де ВИЛЬПЕН премьер-министр Французской Республики (2005–2007), министр иностранных дел Французской Республики (2002–2004)

И. С. ИВАНОВ министр иностранных дел Российской Федерации (1998–2004)

А. Ю. МЕШКОВ заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

Мигель А. МОРАТИНОС министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Для начала хотелось бы сказать несколько слов о сегодняшней встрече. Эта встреча — продолжение сразу двух взаимосвязанных наших начинаний. Одно из них — это Международные Лихачевские научные чтения, которые, как вы знаете, мы начали проводить в 1993 году вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И практически последние 10 лет эти Чтения посвящаются проблематике диалога культур. Каждый год в мае в этом зале ведут диалог крупнейшие личности — ученые, мыслители, государственные и общественные деятели из разных стран мира. В этом смысле сегодняшняя встреча продолжает эту традицию. Обычно на Лихачевских чтениях у нас формат публикаций — доклады и очень короткие устные выступления, а сегодня сюда приглашены личности такого масштаба, что им, конечно, хотелось бы предоставить намного больше времени. Этим, собственно, формат дискуссии и определен. Сегодняшняя встреча также является продолжением инициативы, которую наш Университет предпринял год назад вместе с Университетом Помпеу Фабра (Барселона). Мы встретились там почти в таком же составе, как сегодня, и провели дискуссию по проблемам Большой Европы. По итогам этой встречи была выпущена брошюра на четырех языках. В сегодняшней беседе мы продолжим обсуждать эту тему.

Позвольте изложить некоторые позиции нашего Университета по поводу диалога культур, партнерства цивилизаций и построения Большой Европы. Надо сказать, что общественное внимание привлекают актуальные, острые политические события, особенно если они

происходят где-либо в Европе, будь то государственная трансформация, государственный переворот, стрельба или другие экстраординарные явления. То есть, чтобы привлечь внимание людей на какие-либо события, надо, чтобы случилась беда или что-то чрезвычайно необычное. Тем не менее мы, живущие здесь, в России, задаем себе вопросы: «Что по большому счету происходит в мире?», «Когда происходят какие-либо экстраординарные события — это случайности или закономерности?», «Куда вообще движется ситуация в Европе?» Посмотрите, буквально несколько лет назад, если в нашей части земного шара случались какие-то войны, нам казалось, что это были совершенно исключительные события, может быть, даже случайные, которые не были обусловлены ходом исторического развития. Может быть, это были просто ошибки каких-то государственных деятелей.

Мы в России считали и до сих пор считаем, что огромная ошибка — это война в Ираке, свержение режима Саддама Хусейна. Как бы он ни был нам неприятен как персона, мы сегодня прекрасно понимаем, как и тогда, на момент начала этой войны, что Ирак не готов к демократии и война ничего хорошего не принесет ни этому региону, ни мировому сообществу. Многим казалось, что это исключение. По поводу распада Югославии мы полагали, что это как бы нетипичные события, вызванные обострившимися внутренними противоречиями. Мы знали, конечно, что некоторые страны поставляют туда оружие, финансируют вооруженную оппозицию и так далее, но все же многим казалось, что это исключение. Прошло всего несколько

лет, и когда мы, люди, которые были готовы строить Большую Европу от Гибралтара до Берингова пролива, смотрим на карту мира, что мы видим? Мы видим Западную Европу, Европейский Союз. А что мы видим вокруг Западной Европы? Мы видим Тунис, Ливию, где «порядок» был наведен после устранения Муамара Каддафи. Мы все в восторге? Там наконец-то наступила «настоящая демократия», воцарился порядок? Ах, да — нет этого отвратительного Каддафи, который до боевых действий в Ливии ставил свои шатры в европейских, да и в других столицах мира. Его нет, и что, люди в стране теперь счастливы? И что испытывает сейчас Западная Европа?

Далее Египет, где несколько лет назад у населения была сложная жизнь, там люди жили на два доллара в день. «Но что улучшилось сейчас в их жизни?» — спросим мы друг друга. Что улучшилось в Сирии и как произошедшие там события сказались на жизни простых людей и жизни в Европе? Вообще, стало ли в целом на Ближнем Востоке спокойнее? Стали ли отношения между Израилем и арабскими государствами лучше? А происходит ли в Турции совершенствование государственных отношений? Посмотрим чуть дальше от Европы. Что можно сказать об Иране? Давайте посмотрим на события на Кавказе. Наступил ли там мир? Удалось ли, например, Азербайджану договориться с Арменией о том, чтобы преодолеть противоречия? «Нет, — скажем мы, — не наступают мир и дружба». События в Грузии нас не радуют и не соответствуют нашим представлениям о гуманизме. Возьмем Косово. Конечно, как мы понимаем, — это «большой подарок» Евросоюзу. Я думаю, что Западная Европа до конца еще не вкусила всей прелести того, что там происходит и будет происходить дальше. Косово сегодня — это «очаг цивилизации», который один стоит любых проблем, наблюдавшихся на всей территории Югославии до ее распада.

Теперь к этому добавляется Украина, где происходят события, вызывающие сожаление. Мы видим, что всего за 5–7 лет вокруг старой Европы образовалась чрезвычайно конфликтная, напряженная зона. И, к огромному сожалению, эпицентр этого напряжения сейчас находится практически у наших границ, в регионах, населенных нашими братьями. Там живут не просто люди, которые говорят с нами на одном языке, — это наши родственники. Мы все (кто-то больше, кто-то меньше) связаны с 45 млн украинцев родственными узами. Поэтому сложившаяся ситуация чрезвычайно нас тревожит. За несколько лет обстановка в Европе радикально изменилась. При этом я должен сказать, что все россияне считают себя европейцами. И российская наука сегодня полагает, что Россия — это одна из двух ветвей христианской цивилизации. Одна ветвь христианства идет от Рима и связана с Западной Европой. Другая — от Византии, и Россия, большая часть Украины и Белоруссия связаны с развитием этой самостоятельной, весьма полноценной ветви христианской цивилизации.

Сейчас много говорят о том, что на нас большое влияние оказало татаро-монгольское иго. Оказало, конечно. Точно так же, как, например, на Испанию силь-

но повлияла арабская культура, на Италию — культура Африки, на Великобританию — культура Востока, в частности Индии. Я думаю, что культурная судьба Лондона в чем-то очень схожа с судьбой Петербурга — мощного центра, связанного с восточной культурой, востоковедением и т. д.

Россия — это часть европейской культуры. Так же, как Испания, Италия, Великобритания. Об этом говорили и это обосновывали многие ученые до меня, в том числе и Дмитрий Сергеевич Лихачев.

На Западе считают, что в 1991 году одержали победу над Россией. Для нас эта точка зрения неприемлема, мы никогда так не думали. Мы думали, что хотим улучшить свою социально-экономическую формацию и должны двигаться в сторону общечеловеческих ценностей. Мы стремились не покориться Западу, а оказаться рядом с ним, чтобы продолжать строить мир вместе.

Мы стремились сделать то, чего, как нам казалось, хотели жители Восточной Европы, — объединиться с Западной. Например, Восточная Германия, объединяясь с Западной, совсем не думала и не ожидала, что окажется в том положении, в котором сегодня находится. Но, объединив две части, Германии так и не удалось создать единого менталитета, образа и стиля жизни. То есть после падения Берлинской стены Восточная Германия не стала полноправной частью всей Германии. Я имею в виду не политический аспект, а стиль, образ жизни, деловую активность и многое другое.

Мы стремились объединиться с Западом, но не хотели стать его сырьевым придатком, вассалами и уж тем более рабами. Мы не стремились стать подчиненным государством или просто «раствориться» в какой-то большей общности, а хотели сохранить самих себя, свою культуру, свое государство и работать вместе с другими странами. Сегодня в России очень многие считают, что это не получилось, что нас обманули, что мы обоснованно испытываем разочарование; более того, мы должны теперь посмотреть в сторону Китая, наладить сотрудничество с Азией и т. д. Лично я думаю, что, несмотря на все трудности и неприятные последствия прошедших 20 лет, мы должны продолжать строить объединенную Европу. Мы должны стремиться к сотрудничеству, преодолевать действия тех сил, которые сейчас пытаются разобщить Европу, создать очаги напряженности.

При этом нам надо учитывать следующие факторы. Фактор первый: мы не можем принять западную модель построения общества и экономических отношений за идеал для России. Один из уроков прошедшего 20-летия: весь мир должен работать в русле конвергенции, то есть объединяя достижения и либеральной идеологии, и социалистической идеологии. Каждая страна должна брать лучшее для себя и от капитализма, и от социализма. Но при этом должен учитываться один критерий — то лучшее, что берется, должно соответствовать национальному менталитету, культуре, истории и традициям страны. В общем, мы должны действовать как Китай, который не копирует слепо достижения Запада, а изучает их творчески и применяет

сообразно своей культуре, традициям и ситуации в стране. То есть мы сегодня должны признать, что Китай выходит из социализма более правильным и рациональным путем, чем наша страна. Конечно, это не значит, что мы должны идти по китайскому пути. Мы должны учиться у Китая искать свой путь.

Второй, тоже очень важный, фактор, который мы должны учитывать: капитализм уже не тот, каким мы его себе представляем. Это одно из важнейших изменений эпохи. Капитализм перестал быть свободной рыночной системой и игрой производительных сил. Мы живем в информационную эпоху, и это означает, что информационные системы, средства коммуникации, средства массовой информации имеют колоссальное значение, зачастую намного большее, чем материальный мир. Особенность современного капитализма в том, что смыслы создаются в нашем сознании. Вот решающее отличие нашей эпохи от всех предшествующих. Это означает, что люди думают так, как им внушают средства массовой коммуникации. Эти перемены мы должны учитывать.

На этом я свое выступление завершаю и предоставляю слово господину Хуану Антонио Марку.

ХУАН А. МАРК: — Здравствуйте. Что ж, спасибо большое, Александр Сергеевич, за проведение здесь такого интересного форума и возможность продолжить дискуссию, которую мы начали в Барселоне год назад в рамках нашего партнерства между Университетом профсоюзов в Санкт-Петербурге и Университетом Помпеу Фабра в Барселоне. Сегодня наша задача — дать возможность каждому докладчику в течение 15–20 минут высказать свое мнение о будущем Европы, взаимоотношениях Европейского Союза и России, а также о возможности создания общего для них пространства в дальнейшем. После этого мы бы очень хотели подискутировать с вами честно и открыто, поскольку считаем, что будущее — в руках нового поколения и что в будущем нужно будет мыслить творчески. В этом зале собрались докладчики, сыгравшие чрезвычайно ответственные роли в истории двух стран, находящихся на границах этого большого пространства — Европы, а именно Испании и России, а также докладчик, имеющий важный опыт в политике центральной европейской страны — Франции. Таким образом, на наш взгляд, эта интерактивная дискуссия между представителями нового поколения и опытными политиками может быть очень интересной.

Я помню, как два года назад я встретился с Горбачевым и он сказал мне: «Вы знаете, никогда не ясно, как переменится ситуация. Когда я был в Бонне за три месяца до падения Берлинской стены, у нас была пресс-конференция с канцлером Коелем, и мне задали вопрос, считаю ли я, что когда-нибудь Германия может снова стать единой, возможно ли ее объединение? Я ответил, что, на мой взгляд, это действительно возможно, но не в этом поколении, а скорее в следующем. И тогда канцлер Коль прервал меня, взял микрофон и произнес: “Вы знаете, господин Горбачев понимает Германию, он наш очень хороший друг, но я не хочу вводить жителей Германии в заблуждение касательно

этого вопроса. Я хочу сказать, что объединение Германии не будет возможно еще как минимум три поколения”. Что ж, через три месяца Берлинская стена пала, через полтора года объединение Германии шло полным ходом, и все было совершенно не так, как предполагалось». Итак, моя мысль состоит в том, что в нынешней ситуации существуют отдельно Европейский Союз и Россия, но, может быть, мы придумаем им новое будущее, а также нам хотелось бы, чтобы участники выдвинули новые идеи и предложения касательно этого будущего.

Так давайте начнем нашу дискуссию. Первым выступит бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен; после него — заместитель министра иностранных дел России, который отвечает за взаимоотношения с Европой, Алексей Мешков; затем экс-министр иностранных дел Испании Мигель Анхель Моратинос и в заключение экс-министр иностранных дел России Игорь Иванов. Далее последуют вопросы, и в конце ректор Александр Запесоцкий подведет итоги и закроет работу круглого стола.

Что ж, прошу приветствовать господина Доминика де Вильпена. Мы можем сказать, что он, с одной стороны, универсальный человек. Он был таким всегда, поскольку родился не во Франции, а в Рабате, в Марокко. Затем де Вильпен получил образование и опыт в таких разных, но важных странах, как США и Индия, в качестве дипломата, а позже занимал все важные посты во французской администрации: он был генеральным секретарем Администрации Президента Французской Республики, министром иностранных дел, министром внутренних дел, премьер-министром, представителем Франции на конференции, посвященной принятию Европейской конституции. Также он участвовал во многих важных этапах дискуссии о войне, начатой США в Ираке, стараясь открыть глаза на необходимость соблюдения требований закона и на то, что военные действия неправомерны. Так что я считаю, что де Вильпен обладает необходимым опытом и знаниями и в то же время он очень увлечен культурой и литературой: опубликовал более 19 книг, среди которых есть одна, можно сказать, ключевая для сегодняшней дискуссии. Она называется «Европейский человек», и мы бы хотели узнать, что думает автор о будущем, познать его с его точкой зрения. Господин де Вильпен, Вам слово.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН¹: — Уважаемые господа, дорогие друзья. Эта неделя судьбоносна для Европы. В ближайшие дни нам предстоят три важных события. Первое произойдет здесь, в Санкт-Петербурге, это будет Международный экономический форум, который даст нам возможность увидеть, какими могут быть взаимоотношения между

¹ Французский государственный деятель, политик и дипломат, премьер-министр Французской Республики (2005–2007), министр иностранных дел Французской Республики (2002–2004). Автор книг «Сто дней Наполеона Бонапарта, или Дух самоотречения», «Крик горгульи», стихотворных сборников, многочисленных эссе исторического и философского свойства и др. Кавалер Большого креста ордена «За заслуги» (Франция), Великий офицер ордена Великого князя Литовского Гядиминаса, Великий офицер ордена «За заслуги перед Литвой».

компаниями «большого мира», европейскими и местными компаниями, каким будет лидерство в экономике. В следующее воскресенье состоятся выборы президента Украины, разделенной Украины, и это будет очень важный момент, и я надеюсь, что выборы легитимного президента станут шагом вперед, к началу активного и открытого государственного диалога. Также в следующее воскресенье, и это будет третье важное событие недели, состоятся выборы для 400 млн европейских избирателей. Это будут вторые по величине демократические выборы в мире после индийских выборов, которые прошли пару дней назад. Это означает, что мы переживаем важный период, ведь это время преодоления кризиса и тяжелых событий, а СМИ превращают их в разрозненные фрагменты пазла: одна минута на кризис на Украине, одна минута на кризис евро и одна минута на Сирию, так что мы скачем от одной проблемы к другой, не имея возможности понять реальные трудности, стоящие перед мировым сообществом. Я думаю, наша ответственность здесь и сейчас — постараться увидеть более широкую картину нынешнего кризиса.

Первый факт, свидетелями которого мы стали, — региональный европейский кризис: все европейское сообщество пылает в огне, как сказал ректор. Посмотрите на Северную Африку: Алжир недавно переживал жестокую борьбу в ходе последних президентских выборов, где победил Абдель Азиз Бутефлика; Ливия разделена и не имеет настоящего правительства, вчера мы даже видели что-то похожее на путч; в Египте сейчас разгар общественных волнений, в ходе которых к смерти приговорены сотни «Братьев-мусульман». Если мы посмотрим на Средний Восток, ситуация точно такая же: Сирия в руинах, Алеппо подвергается бомбардировкам каждый день, сирийцы голодают и живут в настоящем аду; Ирак разделен, ослаблен и переживает ежедневное насилие со стороны террористов; на протяжении последних лет Турция противостоит политическим разногласиям, лидеры ее кабинета министров обвиняются в коррупции, в Стамбуле проходят массовые демонстрации. Посмотрим на Восточную Европу: Украина на грани гражданской войны и распада, Приднестровье в состоянии боевой готовности. Кажется, что мы вновь переживаем ужасный цикл югославских войн, но на этот раз всей Европой, и будущее всей Европы вызывает беспокойство.

Второй факт состоит в том, что мы переживаем кризис ценностей, еще больший, чем кризис интересов. Конфликт ценностей существует между Европой и ее соседями, соседними обществами. Европа привлекает к себе представителей этих обществ. Некоторых из них вы можете встретить на различных центральных площадях Европы, таких как Тахрир в Египте, Таксим в Турции и Майдан на Украине. Европа также вызывает сильное чувство отторжения у представителей других обществ: например, у наиболее традиционной России, которую в Европейском Союзе часто называют «Телевизионной Россией» в противовес «Интернет-России», и то же самое происходит с населением таких стран, как Египет. Египтяне обращаются в сторону «Братьев-мусульман» или салафитов, потому что

те отвергают нравственный упадок, который, как они считают, характерен для Европы.

Существует грань между восприятием актуальных спорных вопросов, таких, например, как судебный процесс над “Pussy Riot”, вопросы гомосексуализма, свободы слова. Это грань между либеральной европейской концепцией, основанной на свободе слова, с одной стороны, и более консервативным обществом, в котором ценится социальный порядок, — с другой. Мы не должны смотреть на эти вопросы легкомысленно и разделять все на черное и белое. Также существует неопределенность самовосприятия соседствующих стран. Эта неопределенность может породить неприязнь к Западной Европе в результате постоянного чувства униженности и иногда чувства мести по причине того, что у этих соседствующих стран исторически сформировались сложные отношения с Западной Европой. Если посмотреть на Северную Африку, мы увидим, как любое вмешательство европейских стран сразу напоминает африканцам о преступности времен колонизации, какими бы добрыми ни были намерения Европы. Посмотрите, как быстро в свете трагического исторического прошлого события на Украине стали неверно трактоваться в России — как попытка прихода к власти фашистов, как это было в 1941 году.

Эта неопределенность может принять форму потребности в символах, чтобы преодолеть трудности, связанные с отсталостью экономики и безработицей. Это способствует развитию национализма, милитаризма и авторитаризма. Также существует в полной мере кризис дипломатических ценностей. Наступило время двойных стандартов, которые делают пустыми речи политиков по всему миру. Я признаю, что западные страны находятся в плену двойных стандартов: в одних странах они поддерживают миротворческое вмешательство и смену режима, приветствуют революционные движения, в отношении других стран призывают к уважению закона и суверенности и отказу от внешнего вторжения. Однако страны с развивающейся экономикой, в том числе и Россия, делают то же самое: в отношении Ливии и Сирии вторжение неприемлемо, в то время как в других странах это допустимо, когда речь идет о защите определенного населения.

Третий факт, который следует отметить, — это противостояние бессилия. Европа, очевидно, потеряла свою власть в последние годы. Европа разделилась, и это факт. Это справедливо прежде всего с экономической точки зрения. Мы имеем дело с очень противоречивыми экономическими и социальными системами и сталкиваемся с тремя основными экономическими регионами: конкурентоспособной, ориентированной на экспорт Северной Европой; экономикой Южной Европы, не выдерживающей конкуренции по причине низкой стоимости рабочей силы и ориентированной преимущественно на внутренний рынок; и стремительно растущей восточноевропейской моделью, существующей, в частности, в Польше, основанной на привлечении иностранных промышленных предприятий с западными центрами управления.

Европа разделена также в политическом плане, о чем свидетельствует ее неспособность высказать

четкое мнение о любом из существующих кризисов. В отношении Ливии, Сирии, Мали Франция, Великобритания и Германия не смогли прийти к единому мнению. Что касается ситуации в Восточной Европе, чувствуется определенная уязвимость новых стран — членов ЕС, например Польши. Еще один элемент разделения: Европа слишком пассивна. Европейская дипломатия стала беззубой, оттого что верит не в конкретную политику, а только в моральное превосходство и санкции. Европейская дипломатия также безызыка, так как представители власти все еще не могут говорить за всех европейцев. И наконец, европейская дипломатия безрука, так как большинство инструментов, находящихся в руках стран — членов ЕС, и мер безопасности осуществляются под прикрытием НАТО.

Существует европейская демократическая мечта: мечта о федеральном парламентском государстве с комиссией, правительством и судебным органом ЕС, представленным верховным судом; но это не та Европа, которая существует сейчас. Сейчас у нас есть Европа, получающая делегированные полномочия от демократических стран-членов. Поэтому, если мы хотим сделать Европу более демократичной, мы должны сконцентрироваться на данной проблеме. Кризис власти... Мы также столкнулись с кризисом власти, происходящим в некоторых странах с развивающейся экономикой, где стремление к уважению противоречит реальной власти. Это приводит к негативным последствиям: готовности говорить «нет» и невозможности сказать «да». Также это ведет к появлению деструктивной власти, так как власть не имеет достаточно сил, чтобы справиться с расколом, как на Украине, например. Итак, какие выводы следуют из данных фактов? Что мы можем сделать, чтобы изменить существующую реальность и найти новые решения?

Первый вывод, который я хочу предложить, заключается в том, что мы должны извлечь уроки из 10 лет применения силы. По моему мнению, применение силы никогда не было решением. На протяжении 20 лет многие думали установить демократию в тех странах, которые были недемократичными или недостаточно демократичными. Первое, что было предпринято для установления демократии, делалось путем заключения соглашений или формального предписания основных процедур, правил. В частности, так было сделано в Африке и Восточной Европе после распада Советского Союза. Но через несколько лет многим странам стало ясно, что демократия больше существует на духовном или общественном уровне, чем за счет простого предписания процедур. Далее были попытки установить демократию путем силы и предположения, что при смене режима изменится и общество. Эта ошибка, которая была совершена в отношении Ирака в 2003 году, снова повторилась с Ливией в 2011-м. Сейчас утвердилось мнение, что демократию можно установить путем давления. Но если эти действия не сопровождаются настоящим сотрудничеством, то они приводят только к разочарованиям. Это то, что мы наблюдали, в частности, во время «арабской весны».

Дело в том, что западные демократические государства приобрели сейчас милитаристский настрой:

многие полагают, что любая дипломатическая проблема имеет военное решение. Так произошло с Ливией в 2011 году, а также с Мали в 2012-м, то же произошло и с Сирией, когда вмешательство было запланировано на 2013 год. Но сила никогда не была решением, ее можно использовать только как крайнюю меру. Мы вновь должны вернуть приоритет дипломатии, насилие всегда порождает насилие как ответную реакцию. Это практически закон физики. Таким образом, если бороться с терроризмом с помощью оружия, в ответ терроризм только усилится. Это порочный круг, так как сила всегда разрушает социальное и культурное равновесие и приводит к религиозному и этническому радикализму. Без международных правовых решений сила всегда приводит к злоупотреблению властью.

Второй вывод относительно конфликтов между соседствующими странами заключается в необходимости диалога. Конфликт интересов разрешается путем нахождения компромиссов, тем не менее конфликт ценностей можно решить только путем диалога. Диалог означает использование дипломатии в полной мере путем конференций, встреч на высшем уровне, а не только посредством телефонных звонков и коммюнике о моральных санкциях. Нам снова нужны инициативы. И я убежден, что нам необходима встреча участников Веймарского треугольника с президентом Путиным, чтобы продемонстрировать, что обе стороны сегодня готовы к диалогу. В Веймарский треугольник входят Франция, Германия и Польша. Я уверен, что потребуются еще одна международная конференция, такая как Женевская, даже если ее результат был неудовлетворительным. Но прежде всего нам нужна группа представителей стран, заинтересованных начать процесс диалога, нам нужна рабочая группа, способная выполнять решения и вести переговоры.

Диалог означает прагматизм. Можно обсуждать что угодно, оставаясь глухим к любым предложениям или выдвигая множество предварительных условий для диалога. К сожалению, такова политика Европы на сегодняшний день. Мы обязаны обратить внимание на положительные сдвиги с противоположной стороны и прекратить встречать их недоверием. С этой точки зрения нам стоит прислушаться к предложениям российской дипломатии, вместо того чтобы сразу их отклонять. Диалог также означает общность принципов. Первый принцип, который нам следует применять в отношении дипломатии, — это законность. Мы должны верить в международное законодательство, с помощью которого можно разрешить конфликты мирным путем: правило нерушимости границ, правило суверенности и невмешательства в дела другого государства.

Второй принцип — стабильность. Сейчас у нас есть возможность создать единую модель для разрешения кризиса и стабилизации ослабленных и разрозненных государств, которая может применяться в разных частях мира. Как я уже говорил, нам необходимо организовать международную конференцию по вопросу будущего Украины с целью принятия долгосрочных и последовательных мер с конкретными действиями со всех сторон. Это означает соглашение и постоянное сотрудничество с целью экономической и финансовой

стабилизации ситуации на Украине, а также выработку мер по ее политическому контролю. Мы должны использовать международные инструменты для поддержания дипломатического диалога, а также получить одобрение ООН по всем вопросам разрешения кризиса. Мы должны привлекать всех основных участников нашего многонационального мира. В частности, я считаю, что Китай играет ключевую роль посредника в международном сотрудничестве.

Третьим принципом является ответственность. Гражданские войны всегда носят бесконтрольный и безграничный характер. Поэтому нам следует срочно положить конец насилию и установить перемирие. Поэтому мы обязаны поддержать идею открытого международного диалога, должны задуматься о гарантиях для всех вовлеченных сторон. На данный момент на Украине и в России существует оправданное беспокойство о соблюдении интересов лингвистических меньшинств. В данном случае широкая региональная автономия могла бы быть гарантирована конституцией. Также существует озабоченность России проблемой безопасности в случае вступления Украины в НАТО и размещения войск НАТО у самых границ России. Нет необходимости в разжигании широкомасштабных конфликтов. Мы должны обеспечить гарантию безопасности Украины и России. Данные меры будут включать признание нейтралитета украинского государства на конституционном уровне, как в прошлом это было сделано для Австрии и Финляндии. В Европе существует обоснованное беспокойство относительно целостности и неделимости Украины, в частности после того, что с ней произошло. Поэтому конституционный процесс должен гарантировать наличие единого украинского государства.

Третий, и последний, вывод относительно будущего Европы: Европа не представляет собой проблему, проблемой может быть отсутствие Европы, а значит, Европа — это решение. Нам нужна сильная Европа. Сильная Европа — это согласованная Европа. Первый ключ к интеграции — объединение в политической сфере. Нам нужно укреплять франко-германские отношения, так как они обоснованно считаются двигателем всей Европы. Вторая ключевая проблема — это экономика, евро. Кризис евро свидетельствует о необходимости более сплоченной еврозоны, так как невозможно иметь единую валюту без социального перемещения и мобильности рынка труда. Если мы не хотим, чтобы все молодые безработные греки и испанцы жили в Германии, мы должны разработать общие инструменты для создания единого экономического сотрудничества всех стран. Это означает принятие бюджета еврозоны, экономическое и финансовое управление, унификацию налоговых и социальных стандартов. Сильная Европа — независимая Европа. Это означает стратегическую независимость, и для такой Европы необходимо выработать общий механизм обороны.

Первая причина в том, что этот регион снова стал небезопасным, а расходы на оборону сильно сократились за последние годы. Вторая причина в том, что зависимость от США и НАТО порой может быть контрпродуктивной и опасной. Это также означа-

ет торговую независимость, сейчас мы обсуждаем трансатлантическое соглашение между Европой и Соединенными Штатами. Уважаемые господа, дорогие друзья, нам нужна не просто сильная Европа, нам нужна Большая Европа. С этой целью нам необходимо создать новую архитектуру Большой Европы, на сегодняшний день ни один из существующих инструментов недостаточен. Организация Европейского экономического сотрудничества и развития полезна, но это организация, которая действует со времен холодной войны и не всегда соответствует нуждам современности. Европейский совет слабеет с каждым годом, и поэтому, я считаю, нам необходимо организовать общеевропейскую конференцию с участием глав государств и, возможно, представителей местных парламентов. Эта общеевропейская комиссия должна включать представителей стран ЕС, Турции, России и Северной Африки.

Большая Европа создаст динамику, которая нам нужна. Как Европа с населением в 450 млн человек может конкурировать с Китаем или Индией с населением более миллиарда человек? В этой более обширной Европе, в Большой Европе, население будет составлять 800 млн человек. Это 800 млн потребителей, производителей, которые смогут создать более сильную динамику. России нужна Европа для того, чтобы расти, заполнять рабочие места, развиваться в промышленном плане. Ни одна из стран не может существовать автономно с самодостаточной системой. Европе нужны ее соседи — Северная Африка, Восточная Европа — для укрепления конкурентоспособности, так как они создают оборот европейским компаниям. Ни Европа, ни Россия не найдут свое место в глобализации, если не будут искать его вместе. У нас — у Европы, Восточной Европы, России — общее будущее, основанное на общей культуре и истории. У нас общие интересы, основанные на нашей взаимной зависимости экономик, энергии и безопасности. Нам только необходимо найти правильный тон, правильный диалог, доверие, которое поможет нам работать вместе.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин де Вильпен, за такое подробное выступление, полное идей и предложений на будущее. Сейчас я представляю слово заместителю министра А. Ю. Мешкову. Ранее он был послом Российской Федерации в Италии, а сейчас является ответственным лицом за ведение переговоров по такому актуальному вопросу, как взаимоотношения России с Европейским Союзом.

А. Ю. МЕШКОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые дамы и господа, прежде всего, чтобы уравнивать себя с участниками нашей сегодняшней дискуссии, я бы хотел выступать в личном качестве, что даст мне возможность говорить более гибко.

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций на тему международных отношений, в т. ч.: «Российско-итальянское культурное сотрудничество: история и современность», «Как победить голод: общая цель и национальные интересы», «Российско-итальянские отношения», «Россия в формировании европейской архитектуры безопасности», «Актуальные аспекты внешней политики России» и др. Награжден орденами Почета, Дружбы, орденом Святого благоверного князя Даниила Московского I и II степени (РПЦ).

События последнего года наглядно продемонстрировали, что традиционные подходы к проблематике европейской безопасности и сотрудничеству дают все более ощутимые сбои. Наиболее отчетливо это проявилось в контексте проводимой Евросоюзом политики «Восточного партнерства» и, как следствие, украинского кризиса.

Разумеется, истоки современного обострения в Европе сложные, они уходят корнями в нерешенность главной проблемы — каким мы хотим видеть и каким реально станет будущее мироустройство. Именно в затянувшемся переходе от старого мироустройства эпохи холодной войны к модели XXI века и кроются многие современные проблемы.

Теории конца цивилизации и однополярности породили уверенность в исключительности только одной — западной — модели формирования межгосударственных отношений и внутреннего содержания отдельных стран. Причем для достижения этой, образно говоря, «цивилизаторской цели» все средства хороши, даже если они не сопрягаются с международными принципами и нормами. Военная сила все чаще стала подменять собой силу права. Примеры мы все хорошо знаем: агрессия против Югославии, войны в Ираке и Ливии, сирийский кризис. Этот список можно продолжать. Причем все эти операции строились по схожей схеме: негодный режим подвергался внутреннему и внешнему расшатыванию, затем специально спланированная провокация — повод, будь то Рачак в Югославии или пресловутая пробирка с белым порошком в иракском случае, и, как следствие, военное вмешательство: жертвы, огромные разрушения и т. д.

Серийность подобных сценариев уже никого не удивляет, но одновременно вызывает отторжение у большей части мирового сообщества. Это привело к зарождению тенденции в пользу строительства многополярного мира, в основу которого должны быть положены принципы равной для всех безопасности, строгого соблюдения Устава ООН и международного права как такового, наконец, создания благоприятных условий для роста благосостояния отдельных стран и народов.

К сожалению, не всем такое развитие событий пришлось по душе. Опять появились теории всякого рода цветных революций и управляемого хаоса, в основе которых вновь пробудилось стремление подогнать всех под один ранжир и обеспечить неукоснительное послушание носителям «конечной истины». Фундамент зарождавшейся справедливой мировой системы вновь оказался под прессингом тектонических разломов.

Не обошел этот процесс, к нашему глубокому разочарованию, и Европу. Причем здесь он принял разнонаправленную проекцию.

С одной стороны, шло ускоренными темпами расширение НАТО и Евросоюза, причем зачастую вопреки элементарной логике. Если в случае с альянсом был руководящий центр, который рассчитывал контролировать все процессы единолично, то сама структура Евросоюза не позволяла действовать быстро, согласованно и эффективно. Ко всему прочему не надо за-

бывать и о глубоком экономическом кризисе, который поразил Европу. Отсюда рост евроскептицизма в странах Евросоюза, ошибочное делегирование полномочий по выстраиванию, скорее «расстраиванию», отношений ЕС с Россией представителям тех государств, которые имели свою, как правило отличную от интересов других партнеров, повестку дня. Чем еще логично объяснить, что политика «Восточного партнерства», призванная наводить мосты между Западом и Востоком Европы, выродилась в возведение новой политико-экономической Берлинской стены, но уже вдоль российской границы? А спровоцированный этой политикой украинский кризис сделал ситуацию в Европе взрывоопасной и уже поставил эту страну на грань гражданской войны.

После всего сказанного встает закономерный вопрос: «А есть ли смысл обсуждать сегодня перспективы построения Большой Европы?» Убежден, что да, и актуальность такого разговора только возрастает.

Мы не должны идти на поводу у тех сил, которые по тем или иным причинам хотели бы вернуть наш континент в эпоху конфронтации. Более того, уверен, что это им не удастся — слишком большой уже накоплен опыт совместной работы России со своими европейскими партнерами в политической, экономической и гуманитарной областях.

В любом случае тема строительства устойчивой и развернутой в будущее модели Большой Европы действительно актуальна. Ведущую роль в этой работе призвана взять на себя ОБСЕ и начатый под ее эгидой процесс «Хельсинки плюс 40», цель которого как раз и заключается в том, чтобы запустить всеобъемлющий процесс строительства Большой Европы. В политической сфере речь могла бы идти о том, как наши общие исторические корни трансформировать в общее будущее, которое было бы комфортно для всех европейцев и на всем пространстве от Лиссабона до Владивостока.

Необходимо вернуть Постоянному совету ОБСЕ его изначальную функцию — выработку совместных решений, которые позволили бы сопрягать и продвигать вперед наилучшие практики в деле формирования на панъевропейском пространстве благосостояния и демократии. Сотрудничество и умение слушать партнеров должны сменить заидеологизированные перепалки. Взаимное уважение должно прийти на смену взаимному отчуждению. Такой диалог должен быть инклюзивным, а не постоянно насаждаемой культурой навязывания одной группой государств своего мнения другим европейским партнерам. Ведь так или иначе европейские страны сталкиваются со схожими вызовами, связанными с продолжением демократических процессов, борьбой с коррупцией, терроризмом, наркотрафиком. У России с ее европейскими партнерами во многом совпадают позиции по целому ряду важнейших международных проблем, включая Иран и БВУ. Постоянный дрейф НАТО в сторону силового решения проблем, активные шаги по созданию ЕвроПРО наглядно показали, что мы еще далеки от реализации на практике принципа неделимости безопасности, обязательства не укреплять свою безопасность за счет дру-

гих остаются только на бумаге. Уже сейчас просматривается тенденция, воспользовавшись украинским кризисом, переформатировать всю систему европейской безопасности по «атлантическим» лекалам. Как еще оценить наращивание натовского военного потенциала вдоль границ России, в том числе с переброской на аэродромы в Прибалтику самолетов, имеющих так называемое двойное назначение?

Особенно разочаровывает то, чего сегодня стоят выработавшиеся с таким трудом верификационные механизмы, когда беспристрастные выводы военных наблюдателей подменяются политическими агитками.

Однако российское предложение о разработке Договора о европейской безопасности остается в силе, и его скорейшее принятие отвечало бы интересам подавляющего числа европейских государств. Сразу оговорю, что его принятие будет иметь смысл, если это будет юридически обязывающий документ. Скажу откровенно: в России устали от того, как вольно наши западные партнеры обходятся со своими политическими обязательствами. Многое также будет зависеть от политической воли Вашингтона и НАТО, которые пошли на фактическое свертывание контактов с Россией, в том числе в таких областях, как борьба с транснациональной преступностью, терроризмом, пиратством, наркотрафиком. Думается, такое решение с энтузиазмом будет встречено в мировых преступных кругах.

В контексте нынешней геополитической ситуации Российская Федерация продолжает рассматривать Совет Европы как одну из ключевых структур евроатлантического пространства, способных внести весомый вклад в строительство Большой Европы без разделительных линий. Это связано с тем, что в существующей системе «разделения труда» международных организаций на европейском континенте Совет Европы согласно Уставу отвечает за гуманитарный блок вопросов и именно там наработан основной массив общеевропейских конвенций и других договорно-правовых актов (сегодня их 216). Все они, в отличие от политических документов ОБСЕ, имеют юридически обязывающий характер и тем самым составляют общее правовое пространство континента.

Ожидаем от всех органов, институтов и мониторинговых структур Совета Европы, в частности Комиссара Совета Европы по правам человека, большей наступательности в деле эффективного противодействия экстремизму, агрессивному национализму, антисемитизму, расовой и религиозной нетерпимости. Ожидаем также большей отдачи от деятельности конвенционных инструментов Совета Европы, прежде всего Комитета против пыток и Международной консультативной группы по расследованию правонарушений на Украине начиная с ноября 2013 года, в том числе убийств с особой жестокостью десятков ни в чем не повинных людей в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года.

Трудно даже задумываться о какой-либо Большой Европе без стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом. Надо признать, что на этом пути в конце 1990-х годов и в так называемые «нулевые» было сделано немало. Это и заключение ныне действу-

ющего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, это и столь амбициозная цель создания четырех общих пространств: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты. Наконец, возникло новое перспективное партнерство для модернизации. Активно рос товарооборот, который достиг 417,5 млрд долларов США.

Большие надежды были связаны с началом работы над новым базовым соглашением и безвизовым режимом поездок граждан России и Евросоюза.

Как мы все понимаем, такой объем сотрудничества не мог в одночасье споткнуться на украинском кризисе и тут же скатиться в санкции и политическую истерию.

Проблемы зрели подспудно. Главная из них, что после волны расширения Евросоюза была утрачена изначальная суть партнерства — готовность понимать партнера, его равноправие. Все чаще мы начали слышать, что и кому Россия должна. Был взят жесткий курс на продавливание своих интересов и стандартов. Не могу припомнить в последнее время случая, когда Евросоюз в своей совокупности поддержал бы Россию по какому-либо спорному вопросу. Наверное, и мы не идеальны, но чтобы ни разу не увидеть правоту России — это уж слишком.

Что же делать? Расходиться дальше: Европе — под еще более жесткие объятия Вашингтона, а нам — на Восток. Кто от этого выиграет? В Европе уж точно никто. Так что же все-таки делать?

Выход в одном — отбросить двойные стандарты, забыть о своей исключительности и непогрешимости, прагматично, упорно строить нашу общую Большую Европу. В этом суть инициативы Президента России Владимира Владимировича Путина о создании общего экономического и гуманитарного пространства в Европе — от Лиссабона до Владивостока — к 2020 году. И этот процесс должен быть инклюзивным, включать все страны Европы, независимо от их принадлежности к тем или иным интеграционным объединениям. Кстати, вообще пора перестать играть в интеграционный нигилизм. Если мы проповедуем суверенное равенство всех государств, откуда это отторжение других интеграционных объединений? Естественно, я имею в виду взаимодействие Евросоюза с Таможенным союзом, да и НАТО с ОДКБ.

В конце концов уже почти 15 лет прошло с того момента, когда под эгидой ОБСЕ была создана «Платформа кооперативной безопасности», задуманная как площадка для координационных встреч между руководителями различных европейских и евразийских структур.

Так все-таки можно ли построить Большую Европу? Думаю, можно, но только вместе, учитывая законные интересы партнеров. И это не простые причитания. Ведь рост скептицизма среди населения европейских стран к проекту Евросоюза имеет ту же природу, что и российские подходы. Если тебя не слышат, не учитывают твои базовые интересы, навязывают зачастую чуждую тебе философию жизни, то вряд ли можно рассчитывать на твою безоговорочную поддержку.

Необходимо вместе искать объединяющие подходы, наращивать, а не отбрасывать уже накопленный потенциал сотрудничества, и тогда у нас все получится.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин Мешков, за Вашу футуристическую презентацию, за рекомендацию действовать быстро, за то, что теперь мы знаем, что делать дальше. Сейчас я предоставляю слово экс-министру иностранных дел Испании Мигелю Анхелю Моратиносу. Он длительное время проработал на Среднем Востоке, стоял у истоков организации мирной конференции в Мадриде в 1991 году, более 10 лет отвечал за вопросы, связанные с арабскими странами, при Министерстве иностранных дел, был послом в Израиле, особым посланником от Европейского Союза на Среднем Востоке на протяжении шести лет, а также на протяжении семи лет был бессменным министром иностранных дел испанской демократии и большим другом России, что примечательно для нашей сегодняшней аудитории.

Когда господин Моратинос занимал должность министра иностранных дел, он упростил визовый режим между Россией и Испанией, что повлекло за собой изменение визовых режимов некоторых других стран. Его целью было создание безвизового режима между Россией и Европейским Союзом. Он думал, что свобода передвижения людей является ключевым моментом в объединении стран, поэтому предложил отменить визы в Европейском Союзе в отношении граждан России, а России — отменить визы в отношении граждан Европы. Итак, это до сих пор является обсуждаемым вопросом, но он предложил перевести обычные визы российских граждан для пребывания в Испании в многократные. Так что, когда он начал свою работу в качестве министра иностранных дел, Испанию посещали только 200 тыс. россиян, в конце его срока пребывания в должности это количество увеличилось до 1,5 млн человек. Примеру Испании последовали итальянцы, французы, португальцы, греки. Эти меры предоставили российским гражданам огромные возможности в отношении Европейского Союза. Итак, господин Моратинос, Вам слово.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Добрый день, дорогие коллеги, студенты! Разрешите мне начать мою речь на английском языке, которым, к сожалению, я не владею в совершенстве. Это язык глобального общения, на сегодняшний день все становится глобальным, поэтому мы должны знать этот язык. В старой Испании языком глобального общения был арабский, сейчас — английский. Для начала разрешите мне пригласить вас всех посетить Испанию (этому благоприятствует действующий визовый режим), итак, приезжайте и наслаждайтесь испанским гостеприимством, испанским климатом. Теперь разрешите мне поблагодарить ректора за эту встречу. Александр Запесоцкий, я думаю, не только имел намерения повторить нашу встречу в Барселоне, состоявшуюся год назад с экс-министром иностранных дел России Ивановым, бывшим премьер-министром Франции господи-

ном де Вильпенем и двумя ректорами. Вы знаете, когда вы организуете одну встречу, один круглый стол, это достаточно просто сделать. Сложнее добиться регулярности. И Вам, господин Запесоцкий, это удалось, когда Вы организовали встречу в Санкт-Петербурге.

Иногда мы говорим, вы слушаете, некоторые из вас делают записи, но иногда слова — это только слова, и по прошествии одной недели, или двух недель, или одного месяца, или одного года вы забудете о том, что услышали. Возможно, через три месяца мы спросим себя, что именно господин де Вильпен предложил нам. Но я не смогу вспомнить, каким было его предложение об общеевропейской конференции. Поэтому во избежание этого ректор выпустил изумительную книгу, которую я рекомендую взять на вооружение. Я говорю это вполне серьезно. Я действительно рекомендую вам прочесть эту книгу, потому что о результатах прошлогодней встречи практически никто не помнит, хотя на ней присутствовали те же три главных участника, которые находятся сейчас здесь. Они уже проработали многие вопросы, поделились своими мыслями и предложениями, потому что мы уже были озабочены вопросом будущих отношений между Европейским Союзом и Россией. Конечно, ни один из нас и не думал тогда и никто не мог предположить, что через год мы окажемся в глубоком кризисе и некоторые из вас скажут: «Это всегда так: политики, дипломаты — это катастрофа, потому что они никогда не могут предугадать и предотвратить те события, которые произойдут». Но если вы углубитесь в дискуссию, в обсуждения, которые отражены в этой книге, вы обнаружите некоторые идеи, предложения, проблемы взаимоотношений России и Европейского Союза, на которые мы уже тогда обратили внимание.

Итак, сегодня сложилась новая реальность: у нас есть украинский кризис, и, возможно, он не может ускорить того, что мы пытаемся сделать вместе — друзья России в Европе и друзья Европы в России, — создать новую архитектуру, о которой господин де Вильпен упомянул в своей речи. Разрешите мне сделать краткий обзор и немного повториться, так как вы не были в Барселоне и я не уверен, что вы прочтете книгу. Я считаю, что основной проблемой является систематически искаженное представление о взаимоотношениях между Россией и Европой. Позвольте объяснить. Для европейцев Россия — это сосед со своей границей и в то же время — важный игрок на международной арене. Поэтому отношение европейцев к России неоднозначно: с одной стороны, это нормальные соседские отношения, с другой — мы иногда смотрим на Россию, чтобы понять ее игру на международной арене. К сожалению, если говорить о соседях, мы обычно говорим так: мы можем выбирать друзей, но не можем выбирать соседей. Нет смысла выбирать соседей в восточной части Европы: и у России, и у Европы одни соседи, принадлежащие к так называемому Варшавскому договору, коммунистическому блоку и т. д.

И тут я вынужден высказаться резко и четко: парадоксально, но ближайшие соседи, которым следовало бы поддерживать наилучшие отношения с Россией, создают основные препятствия и способствуют усиле-

нию напряжения между Европейским Союзом и Россией. Прибалтика, Чехия, Польша — страны, говорящие практически на одном с вами языке, считают, что «нужно быть осторожными с Россией, не нужно спешить в сближении с ней, надо ставить ей свои условия». Есть южная часть, так называемая старая Европа (Франция, Испания, Италия, Португалия), которая полагает: «Мы заодно с Россией, нам нужно строить с ней прочные отношения». Таким образом, парадокс заключается в том, что соседи, которые должны быть заинтересованы в улучшении, укреплении связей с Россией, на самом деле создают наибольшие препятствия во взаимоотношениях России с Европейским Союзом.

И в то же время Россия играет роль супердержавы. Европейцы хотят держаться в стороне от объединенных стран, которые могут решать судьбу человечества. И когда Россия благодаря дипломатии смогла прекратить производство химического оружия в Сирии, все были удивлены тому, что Россия снова участвует в важных переговорах. Когда она пытается по-настоящему играть значимую посредническую роль в иранских переговорах с Западом, мы, европейцы, спрашиваем: «Что Россия делает в такой важной области, которой могут заниматься только США и Китай?». Это своего рода ревность, зависть, вызывающая нежелание европейцев видеть в России супердержаву: мы, европейцы, не имеем возможности играть столь же значимую роль. Итак, эти диалектические противоречия: соседские отношения и в то же время распределение ролей в мировой политике — и есть причины, по которым отношения становятся настолько сложными. Они осложнились еще больше после нашего вступления в украинский кризис, после воскрешения и оживления того, что мы все считаем частью истории, прошлого, некоего призрака, духа холодной войны, который вернулся, и не только в Соединенные Штаты. Холодная война вернулась не только в штаб-квартиру НАТО, она вернулась в вашу страну, в ваши умы, в ваш менталитет, и это то, что не позволительно даже Европе.

Когда европейцы говорят о России, у них возникает стереотип, что Российская Федерация — это новая версия Советского Союза в той или иной мере, простите за резкость. Итак, в Российской Федерации есть политики, управляющие страной, бывшие сотрудники КГБ. Когда читаешь в испанских или европейских газетах о русской мафии, это приводит в ужас. О России не пишут хороших новостей. СМИ изображают ее как старую Россию с Красной армией. Призрак холодной войны живет в сознании западного мира, в частности в Соединенных Штатах, но также и в Европе. И вы, русские, при всем моем уважении, попали в ловушку. Вместо того чтобы сопротивляться и отказаться от новой философии возрождения холодной войны, вы ответили той же ментальностью: «руссофобия», «они нас не любят», «мы всегда проигравшие», «империализм», «Запад против», «европейцы нас не понимают»... И вы повторяете, возмущаетесь и отвечаете той же ментальностью, как у тех, кто хочет возродить холодную войну. Такова реальная трагедия взаимоотношений Европейского Союза и России сейчас.

Но мы здесь не для того, чтобы возвращаться в историю, вспоминать об общих или разных ошибках, допущенных Европейским Союзом, или Россией, или кем-то еще. Мы здесь для того, чтобы вместе с молодым поколением, которым вы являетесь, заглянуть в будущее, к чему вас призывал ведущий нашего форума Хуан Антонио Марк. Мы собрались здесь, чтобы обсудить проблему кризиса на Украине. Украина — это государство, которое бы могло быть (если бы мы были в дипломатической лаборатории во Франции, то сказали бы “le trait d’union”) связующим звеном между Россией и Европой. Но вместо того чтобы стать связующим звеном, местом, где мы могли бы собираться вместе и работать, Украина превратилась в поле битвы для России и Европы. Зачем требовать от Украины сделать выбор между Россией и Европой? Почему нельзя выдвинуть общую повестку дня, из которой извлекли бы выгоду и украинцы, и европейцы, и русские? Почему нам не хватает творческого подхода, воображения, стремления создать государство, которое могло бы извлекать пользу из экономических, технологических и инновационных аспектов Европы и экономических, научных и исследовательских аспектов России? Для чего нужно прибегать к этому ужасающему разделению и перетягиванию Украины на ту или другую сторону? А это именно то, что сейчас происходит. Поэтому нам необходимо найти решение.

Доминик де Вильпен предложил некоторые из таких решений: создание контактной группы, проведение политических встреч на высоком уровне, которые могли бы иметь другие результаты, потому что, позволять быть откровенным с вами, будущее зависит от нас. Кем хотят быть европейцы в будущем, кем хотят быть россияне в будущем? Нужны ли нам конфликты друг с другом, конфликты между Европой и Россией? Или нам нужна общая политика, направленная на процветание и открытие в будущем новых горизонтов свобод и привилегий? Итак, нам крайне необходимо принять смелое решение. Это будет непросто. Мы должны принять меры по восстановлению доверия, потому что, следует отметить, оно было утрачено по причине отсутствия дружеских взаимоотношений, скверные поступки были совершены со всех сторон. Я не хочу выделять кого-либо: ни русских, ни европейцев, ни украинцев — это был общий провал в вопросе сотрудничества с Украиной в будущем. Поэтому в результате этого общего провала мы должны вместе восстановить отношения между Европейским Союзом и Россией. И при желании мы можем это сделать.

Я помню, когда Финляндия вступила в Европейский Союз, мы стали пользоваться термином «финляндизация». Почему бы не ввести понятие «украинизация» для Украины? Почему бы не сделать украинский прецедент возможностью для развития и получения выгоды как Европейскому Союзу, так и России? Это можно сделать. Конечно, как вы знаете, у Украины есть все права для вступления в экономические соглашения или заключения торговых соглашений с Европейским Союзом, но она также может получить выгоду от экономического и торгового сотрудничества с Российской Федерацией. Почему бы нам не прийти

к общему смелому решению по вопросу безопасности? Я уже поднимал вопрос о том, что флот, расположенный в Крыму, мог бы быть общей базой для Европы, НАТО и России. Зачем вам нужен флот для защиты? Разве Европа ваш враг? Разве НАТО ваш враг? Что это за враг? Или мы хотим быть друзьями? Мы уже являемся партнерами, но мы не союзники, так почему бы не создать союз? Если мы создадим союз, не будет необходимости в военных базах, направляющих свое оружие друг против друга. Почему мы не можем сделать общую базу с общими учениями? Зачем подпитывать призраков холодной войны в своем сознании? Ведь это то, что удерживает Европу и Россию от сотрудничества.

Друзья, я думаю, мы переживаем переломный момент. Доминик де Вильпен сказал, что мы проживаем неделю важных и значимых событий. Но мы должны заглянуть на месяцы и годы вперед, как Европа будет работать с Россией и, наоборот, как Россия намеревается сотрудничать с Европейским Союзом. Это должно быть сделано еще и потому, что «другие» (я специально поставил это слово в кавычки) предпочли бы видеть нас враждующими, поэтому не дадим им победить: давайте победим вместе! И давайте победим вместе с новыми идеями, новыми предложениями, новыми инициативами. Я помню, как я читал здесь, в Санкт-Петербурге, биографию Федора Достоевского, великого русско-европейского писателя. Для меня Достоевский — часть моей жизни. Я европеец, испанец, но Достоевский для меня один из первых авторов, которых я прочел. В своей жизни Достоевский столкнулся, с одной стороны, с классическим русским традиционализмом, который хотел, чтобы все было традиционно русским, с другой — с людьми, которых восхищала модернизация Европы. И он отправился в Европу, чтобы избежать регресса, влияния традиционной России. Но Европа ему не понравилась. Он посетил Францию, Германию, Англию, но ему не понравились эти страны по причине существовавшего кризиса. И он вернулся в Санкт-Петербург и стал искать свою точку зрения, свою манеру писать и излагать свои идеи. Это то, что мы должны сделать совместно: забыть об остальных, о других участниках и вместе сыграть новые роли, выдвинуть новые идеи и создать новую Европу, которая будет принадлежать всем нам.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин Моратинос, за Ваше ясное видение того, как можно обратить трудности в преимущества, а кризис — в победу. Сейчас я предоставляю слово господину Игорю Иванову, который занимал должность министра иностранных дел Российской Федерации с 1998 по 2004 год. Он создал много новых направлений в международной политике России, установил отношения между Россией и Советом Европы, развил отношения с Европейским Союзом. Его особенно уважают в Испании: он очень долгое время был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР и Российской Федерации в испанском посольстве в Мадриде, был награжден наивысшим знаком отличия — орденом Изабеллы Католической, что является доказательством того, насколько Испания оце-

нила его работу по установлению добрососедских отношений с ней и другими европейскими странами. Господин Иванов, Вам слово.

И. С. ИВАНОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники нашей встречи! Мне особенно приятно выступать перед молодой аудиторией. Я хочу верить, что вы будете жить в той самой Большой Европе, о которой мы сегодня говорим, в Европе процветающей, стабильной, сможете свободно ездить, выбирать место жительства, место работы, где вы сможете свободно строить свое будущее. Но это не произойдет само по себе. За такую Европу, в которую мы верим, придется бороться, чтобы преодолеть те сложности, с которыми мы сталкиваемся.

Когда в прошлом году по инициативе Александра Сергеевича и ректора барселонского Университета Помпеу Фабра мы начинали наш проект, посвященный Большой Европе, наверное, мы испытывали больше оптимизма, чем сегодня в условиях украинского кризиса. Это не означает, что сама идея Большой Европы потеряла привлекательность и значение, — конечно, нет. Однако, столкнувшись с украинским кризисом, мы убедились в том, насколько сложной является эта задача, какое количество проблем нам придется и приходится решать, чтобы Европа по-настоящему стала нашим общим домом, где все народы чувствовали бы себя комфортно, в безопасности и имели возможность строить свое будущее.

По моему убеждению, Европа после украинского кризиса уже не будет такой, какой была до него. Кризис выявил много болевых точек, которые в силу различных причин или умалчивались, или решение которых откладывалось до лучших времен.

Многие, в том числе и я, исходили из того, что при всех объективных противоречиях, имеющихся между Россией, Европой и США (когда мы говорим о евроатлантической безопасности, мы не можем не учитывать роль и место Соединенных Штатов Америки), все мы имеем немало стимулов, которые должны ориентировать нас на сотрудничество и взаимодействие.

Мы исходили из того, что Россия, Европа и США должны быть объективно заинтересованы в стабилизации международной политической системы. В условиях разразившегося в 2008–2009 годах мирового экономического кризиса они также должны быть заинтересованы во взаимодействии, с тем чтобы выстроить более устойчивую мировую экономическую систему.

Мы все исходили из того, что с учетом собственной безопасности Россия, европейские государства и США должны быть заинтересованы в преодолении

¹ Министр иностранных дел России (1998–2004), секретарь Совета безопасности России (2004–2007), президент Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор книг «Новая российская дипломатия: десять лет внешней политики новой России», «Внешняя политика России на современном этапе», «Внешняя политика России и мир» и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «Знак Почета», орденом Дружбы (Вьетнам), орденом Святого благоверного равноапостольного князя Владимира II степени (РПЦ).

застоя в сфере контроля над вооружением и возобновлении переговоров по вопросам разоружения и сокращения вооружения, прежде всего оружия массового поражения.

Мы исходили из того, что Россия, США и Европа должны, учитывая собственные интересы, объединить усилия для противодействия современным угрозам и вызовам XXI века, которые носят глобальный характер.

Давая такой прогноз, мы опирались на конкретные факты.

Здесь, в Петербурге, в мае 2003 года состоялся уникальный саммит России и Европейского Союза, в котором приняли участие руководители всех европейских государств, включая глав десяти стран, вступавших в то время в Европейский Союз. Тогда президент России вместе с руководителями европейских государств с оптимизмом обсуждали и намечали планы построения Большой Европы. В 2002 году в Риме проходил саммит Россия–НАТО, в котором приняли участие все лидеры натовских государств и президент России. Мы подписали декларацию о создании Совета Россия–НАТО и говорили о том, как выстраивать нашу общую систему безопасности. В 2005 году в Москве мы совместно отмечали 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Тогда собрались все лидеры европейских стран, за исключением трех президентов Прибалтийских государств. Вместе с президентом России мы говорили о том, как сделать так, чтобы не допустить новой трагедии в мире и на нашем континенте. Все это было совсем недавно, 10 лет назад.

Так что же произошло за это время, что сегодня мы откатились назад и вновь говорим о новой холодной войне? Значит, что-то случилось, причем не только в Европе, но и в наших отношениях, что-то мы неправильно просчитали, допустили какие-то ошибки, которые привели к тому, что сегодня мы опять говорим о холодной войне и новых конфликтах. Сразу же появились «специалисты» или те, кто называет себя таковыми, которые с большим энтузиазмом стали рисовать жуткие сценарии. Одни стали утверждать, что мир возвращается ко временам холодной войны. Другие предрекают всемирный хаос. Третьи — очередное столкновение цивилизаций. Наша с вами задача — не впадая в крайности и не поддаваясь эмоциям, спокойно, опираясь на факты и научные исследования, проанализировать, что же произошло между Россией и Европой. Мы все должны сделать правильные выводы из украинского кризиса: где были допущены ошибки и как сделать так, чтобы эти ошибки не отразились на наших отношениях?

Сегодня складывается крайне сложная ситуация в международных отношениях, прежде всего на евроатлантическом пространстве. После окончания холодной войны, наверное, это первое столь серьезное испытание для ведущих мировых держав. Вместе с тем говорить о том, что последствия украинского кризиса уже предопределены, в том числе и для Большой Европы, мне кажется, было бы опрометчиво. Эти последствия будут определяться сочетанием многих факторов, и в первую очередь способностью или неспособ-

ностью ведущих участников событий вокруг Украины сделать правильные выводы из происходящего, усвоить украинские уроки и определить оптимальную стратегию на будущее.

Хотел бы в связи с этим поделиться с вами некоторыми своими мыслями о том, какие уроки украинского кризиса могли бы быть одинаково важны как для России, так и для европейских государств и США.

Первый вывод — кризис вокруг Украины нельзя представлять как какой-то неожиданный сбой мировой политики, как изолированное явление, противоречащее основным тенденциям развития международных отношений в последние десятилетия. На самом деле украинский кризис имел и имеет свою предысторию, развивавшуюся на протяжении последних двух десятилетий после окончания холодной войны. Все мы были свидетелями процесса расширения НАТО на Восток, агрессии НАТО против Югославии, военного вторжения в Ирак, одностороннего выхода Соединенных Штатов Америки из Договора о противоракетной обороне, недавних событий в Ливии и Сирии. Этот список, к сожалению, можно продолжить. Здесь явно прослеживается целая цепочка шагов со стороны Запада, в которой каждый следующий шаг так или иначе подрывал основы международного права и роли Совета Безопасности ООН, сокращал возможности для многосторонних действий, оправдывал применение военной силы, о чем говорил господин де Вильпен.

Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли: я не пытаюсь переложить всю ответственность за эти процессы на западные государства. Надо быть самокритичными и признать, что, видимо, Россия тоже не все сделала для того, чтобы избежать именно такого развития событий. В частности, с моей точки зрения, мы не смогли преодолеть в себе высокомерного отношения к бывшим советским республикам, которые, как и Россия, стали суверенными государствами и требовали (и требуют) к себе равноправного отношения. Я бы мог еще перечислять уроки, но, к сожалению, формат нашей встречи и время не позволяют этого сделать. Думаю, что нам еще предстоит заниматься этой работой.

Как бы то ни было, перед нами стоит непростая задача укрепления механизмов международной безопасности, совместного формирования нового мирового порядка, отвечающего реалиям XXI века.

Второй вывод — украинский кризис продемонстрировал хрупкость и ненадежность существующих институтов евроатлантической безопасности. Об этом говорил господин А. Ю. Мешков, поэтому я не буду останавливаться на всех институтах подробно, но скажу, что полностью согласен с тем, что в послевоенный период в Европе, на евроатлантическом пространстве было создано большое количество институтов, что в то время означало шаг вперед. Однако в силу разных причин они сегодня, как показал украинский кризис, не работают, не являются эффективными.

К примеру, Совет Россия–НАТО. Когда мы его создавали в мае 2002 года, все главы государств НАТО и Россия подписали совместный документ, в котором взяли на себя обязательство: «Совет будет работать на базе постоянного политического диалога по вопросам

безопасности между его членами для того, чтобы надлежащим образом выявлять возникающие проблемы на ранней стадии, определять оптимальные общие подходы и осуществлять совместные действия». Ничего этого не было сделано ни во время кризиса в 2008 году на Кавказе, ни сейчас в случае с Украиной. Наоборот, как только возникал кризис, работа Совета Россия–НАТО «замораживалась» по инициативе наших западных партнеров. Я могу привести и другие примеры.

Все это говорит о том, что необходимо безотлагательно заняться укреплением взаимной безопасности на евроатлантическом пространстве. Сотрудничество в этой области должно строиться на принципах неделимой и равной безопасности. На этот счет имеется большое количество предложений. Это и инициатива России о европейской безопасности, о чем говорил господин Медведев. И инициативы по линии неправительственных организаций. Так, большая группа специалистов — бывших военачальников, политиков, дипломатов из России, США, европейских государств — подготовила целый ряд предложений о том, каким им видится создание и формирование новой системы евроатлантической безопасности. Но для того, чтобы все эти и другие инициативы заработали, требуются политическая воля и соответствующие решения на высшем политическом уровне всех государств евроатлантической безопасности. Именно так начинался хельсинкский процесс в разгар холодной войны. Тогда были достигнуты впечатляющие результаты. Сейчас необходимо именно политическое решение на высшем уровне для того, чтобы начать эффективный процесс формирования новой системы евроатлантической безопасности.

Мы должны извлечь еще один урок из украинского кризиса, который показал, что пропасть недоверия, разделяющая Россию и Запад, за последние 20 лет после окончания холодной войны, к сожалению, не стала меньше, а, может быть, даже увеличилась. Старые представления и страхи оказались на редкость живучими, в результате чего события на Украине рассматриваются многими на Западе и в России как игра с нулевой суммой. Риторика в стиле холодной войны вновь стала набирать обороты, а «ястребы» с обеих сторон сегодня формируют общественное мнение в наших странах. Все это говорит о том, что нельзя рассчитывать на то, что недоверие, взаимное подозрение, предубеждение, оставшиеся в наследство от холодной войны, исчезнут сами собой, без последовательных, целеустремленных усилий как на Западе, так и в России. Недостаточно говорить о том, что нас на Западе не понимают, это не аргумент. Значит, надо сделать так, чтобы понимали. А как это сделать — мы должны вместе решать. Только через диалог, последовательно работая с нашими партнерами на Западе.

Европа нужна России точно так же, как Россия — Европе. Это не прихоть политиков, а веление времени. Но за эти отношения, как я уже сказал, надо бороться. Только несведущие люди могут заявлять о том, что Россия может легко переориентироваться с Запада на Восток. Интересам России отвечает сбалансированная внешняя политика. Кстати, именно это и записано

в концепции внешней политики Российской Федерации, подписанной президентом России. И чем успешнее мы будем развивать свои отношения на Западе, тем успешнее будет наша внешняя политика на Востоке. Односторонняя политика всегда менее эффективна.

Я начал свое выступление с Украины и хочу завершить его украинской темой. Трагедия на Украине развела сегодня Россию и Запад, но именно этот кризис, если мы совместно найдем правильное решение, которое позволит стабилизировать ситуацию на Украине, может стать той самой отправной точкой для строительства Большой Европы, в которую мы верим и ради которой мы будем сотрудничать дальше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Марк, я прошу предоставить мне возможность сказать несколько слов студентам и задать несколько вопросов участникам, то есть начать дискуссию. Прежде всего я хочу поблагодарить студентов за терпение. Трудности преследуют наш диалог еще со времен Барселоны. Университет Помпеу Фабра — потрясающий современный университет, который может повысить авторитет любой страны и города. Но когда мы прибыли туда, то не смогли попасть в аудиторию, как и студенты, потому что там появилось несколько хулиганов (30–40 человек), которые представились Студенческим союзом Барселоны, выкрикивали оскорбления и заблокировали вход. Студенты Университета Помпеу Фабра были возмущены этим фактом, вызвали полицию, но потребовалось минут 40, чтобы приступить к работе по нашей программе. Я тогда подумал, что в Петербурге такое невозможно, но сейчас полагаю, что теоретически и у нас это может быть.

Я благодарен всем собравшимся за внимание к данной тематике. Сегодня поднимается более сложная проблематика, чем обычно в университетских аудиториях, когда лекторы читают специально для студентов, а наши гости говорят и с вами, и с мировым сообществом. Здесь присутствует ряд представителей мировых информационных агентств, сегодня идет серьезный разговор, выходящий за рамки этой аудитории.

Начну с вопроса, адресованного всем участникам, но я попрошу на него ответить господина Моратинуса и господина де Вильпена, потому что ответ российских участников я примерно представляю: «Можно ли считать Кончиту Вурст и ее победу на Евровидении символом современной европейской культуры и ее современного развития?». Предлагаю сейчас поговорить не о голосе Кончиты Вурст, мелодии, а о том, что бородастая женщина избрана номером один (с ликованием некоторых стран).

В России благодаря литературе примерно к 11-му классу каждый считает, что Франция — страна свободных нравов, где царит любовь. Из произведений французских классиков мы знаем, что в Париже много кафе, в которых сидят красивые девушки и едят пирожные. В Испании была инквизиция и строгие нравы. Там существуют свои культурные традиции. Я хотел бы услышать мнения представителей стран Западной Европы, но с разной культурой и историей.

Господин де Вильпен, можно ли считать Кончиту Вурст символом современной Европы, ее культурным символом, на Ваш взгляд?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Ну, по правде говоря, это можно рассматривать как символ свободы слова. Разумеется, не символ Европейского Союза. И я думаю, это требует небольшого объяснения. Мы живем в запутанном, проблемном и сложном обществе. У людей могут быть разные идеи, но они могут сталкиваться с общими проблемами: безработица, социальные трудности, стресс, которые стали частью современной жизни повсюду в процессе глобализации. И вопрос заключается в том, как далеко мы можем зайти, разрешая самовыражение людей? И, по правде говоря, что касается уважения чужого мнения, различий, говорим ли мы о гетеро- или гомосексуальности, мы живем в очень либеральных обществах. Это говорит только о свободе общества, а не о ценностях, которые мы сохраняем. Любой человек имеет право на собственное мнение, каждый может иметь свои представления об устройстве общества, но никто не может устанавливать обществу правила, запрещающие свободу самовыражения.

Итак, в данном случае нас интересует, почему эта женщина или этот мужчина, бородатая женщина или бородатый мужчина, победила или победил. Я этого не знаю. Был ли он лучшим исполнителем? Я не уверен, что она или он была или был лучшим исполнителем, я не думаю, что он был самым красивым исполнителем на конкурсе, но я уверен, что это была возможность для людей, голосовавших за него, выразить свою свободу. Конечно, когда на конкурсе появляется такой человек, протолкнуть его как можно дальше — это забавно. Это не значит, что люди хотели бы быть такими же, как он, хотели бы видеть его на обложках журналов, но они в какой-то момент посчитали, что было бы забавным показать европейцам, что он мог бы быть, может быть, не символом, а эмблемой и в то же время проявлением свободы самовыражения. То есть этот случай не имеет ничего общего с политикой, с символом общества, но он показывает, как мы можем посмеяться над собой, как можем критиковать себя и как глубоко проникло в нашу культуру сознание того, что человек может быть хозяином своей судьбы, даже если он хочет иметь бороду, будучи женщиной. Итак, это только свобода.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я думаю, господин де Вильпен все прекрасно объяснил. Я не голосовал за него или за нее, значит, я не выбирал его или ее. Но я полностью согласен с Домиником, что это только вопрос индивидуальности или свободы человека, а его желание исполнить песню в женском платье и с бородой, или, будучи мужчиной, стать женщиной, касается только этого человека, и я думаю, западное общество, европейское общество, пришло к этому выводу. Я был членом первого европейского правительства, которое разрешило гомосексуальные браки. Господин Сапате-ро был первым премьер-министром в Европе, который принял такое решение. И я горжусь этим, даже буду-

чи католиком, я уважаю гомосексуалистов, хотя у меня есть своя частная жизнь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Иванов, пожалуйста.

И. С. ИВАНОВ: — Так случилось, что я был в Женеве. Вернулся после встречи и зашел в помещение, где меня ждали мои коллеги. В это время по телевизору транслировался конкурс, и как раз пела Кончита. Я не знал, из какой она страны, не знал, мужчина это или женщина. Красивый голос. И я сказал: «Как мне нравится исполнение! Наверное, это и будет победитель». Мне кажется, в предыдущих комментариях эту тему чрезмерно политизировали. Ведь это вокальный конкурс. Наверное, кто-то пел лучше или хуже. Но мне кажется, что победитель прежде всего определялся по вокальным качествам, а не по каким-то другим.

Мы же смотрим, допустим, Паралимпийские игры, хотя в них участвуют люди с ограниченными возможностями. И зрителей на Паралимпийских играх не меньше, чем на Олимпийских. Конечно, можно под любой вопрос подвести политическую платформу, и тогда мы на все будем смотреть с политической точки зрения. Если бы я участвовал в голосовании, может быть, и я голосовал бы за представителя Австрии. Но не потому, что это женщина с бородой, а потому что мне понравилось, как исполнялась эта песня. Вот и весь мой подход.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Теперь, чтобы закончить с этой не самой серьезной частью нашей встречи, я задам один вопрос. Кто в этом зале с открытыми глазами проголосовал за Кончиту Вурст? Поднимите руку. Раз. Спасибо, мнение аудитории мне понятно.

И. С. ИВАНОВ: — Нас двое.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Нет, Вы с закрытыми глазами голосовали, а наш коллега голосовал с открытыми. Это общественное мнение в России, я примерно так себе его и представлял. Теперь, если позволите, я перейду к более серьезным темам. Задам господину де Вильпену один вопрос, который, возможно, не покажется представителям Западной Европы приятным. Но, тем не менее, этот вопрос связан со взглядами многих российских ученых, которые анализируют ситуацию в Западной Европе.

Для нас очень важен диалог с Западной Европой о построении общей Европы. Но насколько Западная Европа в этом диалоге является независимым субъектом? Дело здесь не в том, что трудно выработать внутри Европы общее мнение. У нас складывается впечатление, что Западная Европа и ее ключевые страны подвержены очень сильному заокеанскому влиянию. Историки нашего Университета напомнили мне о том, что когда Россия, Германия и Франция выступили совместно против вторжения в Ирак, и в Германии, и во Франции очень быстро сменилось руководство страны. И наши

специалисты, которые наблюдают за выборами, считают, что это произошло не без внешнего участия.

Когда, например, Шредер боролся с Меркель и разница была примерно в 1 % голосов, тогда внешними силами была сделана ставка на Меркель. Это было связано с прослушиванием телефонных разговоров, они ведь слушаются не для того, чтобы узнать личную жизнь Меркель или Шредера. Похожие действия имели место во время выборов, на которых победил Николя Саркози.

Более того: наши специалисты по выборам в Западной Европе считают, что наиболее сильные и независимые кандидаты на роль лидеров ключевых стран Евросоюза отсеиваются еще на дальних подступах к выборам целым рядом весьма специфических действий — я их не буду сейчас обсуждать. Насколько Россия сегодня может обсуждать будущее Европы на официальном политическом уровне? Это вопрос господину де Вильпену.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Я думаю, что это возможно, это реально для России — иметь независимых партнеров в ЕС, более того, это необходимо. И я думаю, Ваша ссылка, господин Запесоцкий, на исторические события войны в Ираке очень уместна, потому что в это время три страны в Европе работали вместе: Германия, Франция и Россия. Эти страны стали основой тройки, работавшей во избежание военного вторжения в Ирак. И, по правде говоря, эти страны противостояли Соединенным Штатам, и не только им, но и многим европейским странам — Великобритании, конечно, Испании в то время, Италии и многим восточным странам.

Вопрос заключается в том, как нам заставить эти европейские страны снова работать вместе с Россией, и это очень важно понять. Главный вопрос: «Как возобновить диалог?». Для возобновления диалога между Россией и Европейским Союзом в первую очередь требуется доверие. Вы не можете вести настоящий диалог с государством, которому не доверяете. России сейчас необходимо продемонстрировать свою готовность к прямому диалогу с некоторыми европейскими странами, и я считаю, что сейчас есть две страны, расположенные, возможно, больше других к проведению диалога. Разумеется, по историческим причинам это Германия. Вторая страна — Франция. По историческим причинам — потому что у этих стран есть особая история взаимоотношений с Россией и особая задача — работать во имя мира на континенте. Но для того, чтобы начать этот диалог, мы должны увидеть, что Россия готова идти навстречу. Одна из проблем заключается в том, что когда мы смотрим на Россию, у нас возникает ощущение, что руководство страны больше общается со своим общественным мнением, чем с ЕС, больше общается со своим консервативным и националистическим общественным мнением, чем с другими народами Европы.

Итак, вопрос сегодня, до того как мы начнем говорить о диалоге между нашими странами и Россией, заключается в том, насколько возможно вести независимый диалог, с учетом того, что националистические

силы очень сильны в России, а популистские силы становятся все сильнее и сильнее в ЕС, и я боюсь, в воскресенье на следующей неделе Европейский Союз, к сожалению, проголосует преимущественно за правые партии. Нам необходимо понять, что чем дольше мы ждем, тем сложнее будет прийти к диалогу. Необходимо срочно понять с обеих сторон, я бы сказал, со стороны Франции, Германии, других европейских стран и со стороны России, что время ограничено, потому что чем дольше мы ждем, тем меньше наши лидеры решают сами, а только следуют за общественным мнением и националистическими силами.

Нам нужны лидеры, способные пойти на диалог. Это означает пойти на огромный риск, так как необходимо будет услышать, что говорит другая сторона. Чтобы начать конструктивный диалог, нам необходимо убедиться, что мы говорим на одном языке, поэтому, я считаю, для продуктивного диалога нам нужна секретность. Вы не можете вести настоящий диалог, говорить открыто, когда вся Ливия слушает вас, потому что если вы сделаете это, вы не сможете говорить, ведь вы будете говорить не для другого человека, а для ливийцев, для общественного мнения, поэтому вы не сможете вести обсуждение. Пока у вас нет свободы, стратегической свободы для ведения дискуссии, настоящей дискуссии никогда не получится. Настоящая дискуссия должна быть секретной, потому что вы можете изменить свое мнение, а если ваше мнение изменится, вы не захотите услышать, как кто-то вам скажет: «Вы изменили свою позицию». Изменение своей позиции — это часть дипломатической жизни, это необходимо делать в секретности, своевременно и с реальными перспективами. Поэтому нам необходим в первую очередь прямой диалог — диалог между Россией, Германией и Францией, затем диалог между Россией и тройкой, включающей Польшу, затем более формальный и обширный диалог между Россией и ЕС, и так по нарастающей мы придем к международной конференции, но мы должны начать с малого.

Малым толчком, как очень часто говорит Игорь Иванов, может стать создание контактной группы, потому что в ней будут только те страны, которые готовы работать на будущее. В случае с Украиной мы могли бы включить в контактную группу Соединенные Штаты, Великобританию, Францию, Германию, Польшу. Эти страны должны работать вместе для сотрудничества с Россией, продвигаться вперед и найти решения. Итак, как вы видите, действующая дипломатия должна использовать все дипломатические инструменты. Но хорошая дипломатия — это не та дипломатия, которая может только отстоять свою точку зрения перед журналистами, высказываться по телевидению, приукрашивать, потому что чем больше вы приукрашиваете, тем больше это связывает вам руки. Если у вас будут связаны руки перед другими народами, перед вашим общественным мнением, это не позволит вам работать так, как того требует дипломатия. Итак, мы можем вести диалог, но должны двигаться постепенно от прямого диалога между странами до всеохватывающего диалога,

перерастающего в региональную или международную конференцию.

Евгений ВАЛЯНСКИЙ, II курс, факультет искусств: — *Сегодня обсуждалось открытие границ с Европой. Насколько реально ждут нашего российского брата там, сможет ли Европа потесниться и поднять русского человека до своего уровня? Или же нас будут воспринимать в качестве услуги, людей второго сорта?*

А. Ю. МЕШКОВ: — Я попробую ответить на этот вопрос. Русские люди в Европе никогда не были второсортными. Кстати, в позапрошлом году российские туристы оставили в Европе 8 млрд евро. Нас там ждут с деньгами. Европейский Союз в связи с нынешними событиями действительно заморозил работу над соглашениями о безвизовом режиме, о котором можно быстро договориться. У нас уже полтора года пылится на полках соглашение об облегчении визовых формальностей, которое, кстати, было задумано прежде всего в интересах студенчества. И не только российского — у студентов из Европы появилась бы возможность приезжать в Россию. Зачем вместо диалога, о котором говорил господин де Вильпен, разрывать эти гуманитарные связи, я не понимаю. Но надо отдать должное: наши испанские, французские, итальянские, греческие коллеги наращивают возможности для выдачи виз. Я убежден: чем быстрее у нас будет безвизовый режим, тем больше будет взаимопонимания, а работать люди должны там, где им интересно.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я хочу дополнить свое выступление о визах. Помните, это просто парадокс. В советские времена, во времена Советского Союза, Запад, в частности Европа, заключил Хельсинкское соглашение, и мы требовали от Советского Союза открытия границ, чтобы все имели возможность приезжать в Европу. После распада Советского Союза появилась демократическая Россия, новый режим, и европейские страны установили визовый режим. Это старый дипломатический инструмент. Как сказал наш друг: «Зачем нам нужны визы?» — «Чтобы контролировать границы?» — «Зачем вы хотите контролировать границы? Их так много». — «В целях безопасности». Первая причина: нелегальная иммиграция. Итак, нелегальные иммигранты не прибывают из России, они едут из Африки — Западной, Северной, из Азии. Но граждане России не ищут работу в Европе, поэтому проблемы нелегальной иммиграции нет. Это был номер один. Номер два: террористы. Им не требуются визы. Они умеют подделывать паспорта. Вы видели когда-нибудь террористов, стоящих в очереди к паспортному контролю? Нет. Так что визовый режим, по моему мнению, это старый дипломатический инструмент. Сейчас есть современные технологии контроля и защиты, есть современные средства, поэтому, если бы я вернулся в правительство Испании, я бы отменил визы с Россией, потому что нет необходимости в визах между Россией и Европой. Это устаревший инструмент, который ни-

как не влияет на безопасность или нелегальную иммиграцию.

Е. А. КАЙСАРОВ, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент: — *Мой вопрос господину Моратиносу. Спасибо Вам за блестящее эмоциональное выступление. Обращаюсь к Вашему тезису: «Нам нужно объединить усилия в борьбе против сил, которые ввергают нас в конфронтацию». Хотелось бы знать, как Вы их охарактеризуете. Что это за силы и почему они в данный момент побеждают? Если судить по тем конфликтам, которые есть, против кого нам надо дружить?*

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Итак, я думаю, на данном этапе это определенные люди, определенный сектор Украины с новым фашистским или популистским намерением настроить Европу и Россию друг против друга, также был и определенный сектор на Западе. Скажем, я не поддерживаю теорию заговора, но существуют определенные элементы, которые считают, что европейцы будут испытывать трудности с Россией и от этого мы вместе пострадем в будущем, поэтому лучше сохранять дистанцию, чем строить новые взаимоотношения.

Антон КЛЮЧНИКОВ, I курс, факультет искусств: — *Если верить нашим газетам, дела в Европе сейчас обстоят не лучшим образом. Якобы по вопросу санкций они разделились на два лагеря — на страны Севера и Запада, которые выступают за санкции, и страны Юга, в частности Балканского полуострова, которые выступают против санкций. А также, если верить статье в газете «Шпигель», Североатлантический блок НАТО близок к распаду из-за недавнего экзамена (назовем его так), в ходе которого выяснилось, что он не способен защитить своих соседей в Прибалтике, если Россия якобы нападет на них. Насколько все это правда и что пишут ваши газеты?*

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Что ж, очень много вопросов в одном. Но во-первых: стоит ли нам доверять СМИ? Я бы был с ними очень осторожен. Я бы лучше имел собственное мнение, чем доверял всему, что пишут и показывают по телевидению. Относительно способности НАТО защитить своих членов: я бы не советовал настаивать на этой точке зрения, потому что НАТО вполне способна на это. Я был против возвращения Франции в этот альянс, так что не являюсь сторонником организации, но, к сожалению, у нее огромные возможности, и я не считаю, что это лучший способ решения мировых проблем в Европе или за ее пределами. Я думаю, нам не стоит применять оружие на нашем континенте, потому что это не выход. Это ничего не решит. И я боюсь, если мы продолжим двигаться в направлении недоверия и нежелания вести диалог, в результате жители региона пострадают больше. Как в случае с Украиной: люди сталкиваются со все большими проблемами каждый день.

Люди пострадают от экономических санкций в России, а также в результате экономических последствий пострадают жители Европейского Союза, и в итоге проигравшими окажутся все. Я считаю, нам всем надо это понять. Здесь, на этом континенте, мы все проиграем, если продолжим вести такую политику: Украина, Россия, Европейский Союз. Победителями могут оказаться Китай и Соединенные Штаты, страны где-то далеко отсюда. Поэтому нам лучше взять свою судьбу в собственные руки. И решение заключается не в нахождении того, кто слабее, потому что это не игра. Решение заключается в диалоге, дипломатической работе и перспективах. Граждане России должны знать о том, какой тип сотрудничества с ЕС возможен, а ЕС должен знать, какие общие правила мы должны выработать для работы, выгодной как России, так и Европейскому Союзу. Итак, я не думаю, что та игра, в которую играют СМИ, — напряжение, информация, не подтвержденная достоверными источниками, — это правильная, честная игра. Это опасная игра, и будет лучше, если мы все вместе будем стремиться к диалогу, предлагать решения, а не способствовать напряжению и, возможно, войне.

А. Ю. МЕШКОВ: — Я каждый день слежу за тем, что пишет российская пресса по международным делам. Как правило, ее информация вполне объективна и соответствует действительности. И сегодня, в эти дни, на Украине брошены в застенки два корреспондента «Лайф ньюс», единственная цель которых была в онлайн-режиме показывать, что реально там происходит. У меня на работе есть канал украинского телевидения, мне есть с чем сравнивать. Я думаю, сейчас мы должны поддержать наше журналистское сообщество и прежде всего, конечно, просить от него все больше и больше реальной открытой информации, независимо от того, понравится она нам или нет.

О. И. СТАВЦЕВА, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук: — *Уважаемые дипломаты, политики. Я преподаю философию и хочу задать вопрос из области культуры. Традиционно россиянами Европа воспринимается как носительница европейских ценностей. Но сейчас активные миграционные потоки приносят исламские культуры, восточные культы. Кроме того, гедонизм и общество потребления подвергают коррозии христианские ценности европейцев. Я хотела бы спросить: насколько Европа в будущем сохранит эту европейскую идентичность, даже не религиозную идентичность, а идентичность христианской культуры?*

Сегодня говорили о значении Достоевского, о его вкладе в развитие гуманизма. Насколько вообще сотрудничество по построению Большой Европы может быть связано с развитием культурных ценностей?

Сегодня много говорилось о военных базах, пактах, международных союзах. Насколько возможно укрепление нашего сотрудничества на основе христианских ценностей, ценностей христианской культуры?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Что ж, я очень рад, что Вы решили затронуть вопросы культуры

в нашей дискуссии, потому что это важно. Мне кажется, Мальро сказал, что XX век должен быть веком культуры, иначе этого века не будет. Перефразируя Мальро, я бы сказал, что XXI век будет веком многокультурным или не будет веком вообще. Я согласен с тем, что культурные различия являются огромным испытанием для социального формирования любого общества, и даже на Украине или между Россией и Европейским Союзом можно найти некоторые культурные различия. Но на сегодняшний день, в XXI веке, нельзя больше представлять будущее Европы, основываясь только на так называемой христианской цивилизации или христианской культурной базе. Я считаю, что богатство XXI века в том, что элементы различных культур сочетаются, обогащая мировую культуру. У Европейского Союза должен быть девиз «Единство в многообразии», нам нужно уважать другие культуры, другие общности, другие религии и другие цивилизации, но мы должны сохранять и собственные ценности, конечно, хотя нам нужно быть готовыми жить и работать в многокультурном мире. Это будет не просто мир, это будет особенный мир, в котором должны сочетаться разные элементы, как французско-ливанский писатель Амин Маалуф сочетал в своей личности элементы разных культур. Знаете, я родился в Мадриде, чувствую себя мадридцем, но я также чувствую себя испанцем и очень горжусь тем, что я испанец, то есть сочетаю индивидуальность мадридца с испанской культурой. Я люблю средиземноморскую культуру, то есть отождествляю себя еще и с ней, я также европеец и отождествляю свою личность с Европой. У меня очень хорошие и прочные отношения с Россией, и я отождествляю себя также и с русской культурой, и с многонациональным миром. Итак, аккумулятивное самосознание — это то, что нас обогащает. Конечно, я христианин, католик, и у меня есть собственные ценности, но я рад разделить свою жизнь, свой опыт с различными культурами. Поэтому я сочетаю, а не исключаю. Я являюсь частью нового мира, и это то, над чем нам придется работать в ближайшем будущем, потому что мир, нравится это нам или нет, будет поликультурным.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Я считаю, очень важно понять эту концепцию поликультурности или различия культур, потому что это составляющая нового мира, основанного на глобализации. Чем больше страна испытывает трудностей — экономических, социальных, проблем безопасности, тем более она полагается на собственные консервативные силы. Она прячется. И чем больше страна развивает свою культуру, чувствует себя в безопасности, тем больше она открывается для других культур и обществ. Поэтому мы видим на протяжении истории, как одни страны подавляли культурные меньшинства, потому что не имели уверенности в себе: они чувствовали, как культурные меньшинства забирали их пространство, ресурсы, которые им были нужны. Итак, если мы хотим быть сильными в процессе глобализации, мы должны объединять свою культуру с другими культурами, мы должны присматриваться к окружающему миру, мы должны изучать

и понимать менталитет других людей, их привычки. И мы должны помнить, что исторически в Европе сложилась давняя исламская традиция. Культура Марокко, как известно, пережила сильное влияние со стороны двух культур, но на культуру Испании очень сильно повлиял ислам, так же как и на культуру Франции: он стал частью нашей поэзии, нашей культуры, нашей истории. И мы не должны считать, что будет лучше избавиться от этого влияния и оставить только чистую европейскую культуру. Нет, Европа — это многообразие, совокупность культурных влияний.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы отметить, что вопрос, который подняла моя коллега, приобретает сейчас большой драматизм. Я хочу обратить внимание на избиение и изгнание христиан из Египта, на трагическое положение христиан в Сирии. Эти события полны драматизма, и здесь нам надо видеть весь мир в его полноте, в том числе и в таких нежелательных проявлениях. Престолонаследник Великобритании при вступлении в должность принимает присягу, и там есть такие слова: «Я клянусь быть защитником веры». Имеется в виду доминирующая в Великобритании вера. Так вот будущий наследник престола собирается одно слово заменить: он планирует в своей будущей речи слово «вера» употребить во множественном числе, то есть защищать разные вероисповедания. С гуманитарной точки зрения это замечательно. Но при всем этом очень не хотелось бы, чтобы христиане, как во времена язычества Древнего мира, превратились в преследуемую секту. Нам надо очень осторожно и продуманно выстраивать диалог культур.

В. В. ГОРШКОВА, декан факультета культуры, ведущая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор: — *Глубокоуважаемые господа, у меня к вам небольшой вопрос. Некоторые политические аналитики считают, что в политике, тем более международной, не может быть друзей и даже оппонентов, а могут быть только конкуренты и, возможно, скрытые враги. Согласны ли вы с этим? Каким образом может состояться паритетный диалог в таких условиях понимания этой проблемы?*

И. С. ИВАНОВ: — Я считаю, что одно не исключает другого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Это в духе Кончиты Вурст.

И. С. ИВАНОВ: — С господином Моратиносом мы знакомы, если я не ошибаюсь, с 1975 года. С господином де Вильпеном мы познакомились несколько позже, но продолжаем поддерживать прекрасные отношения. Это совсем не значит, что в ходе нашей профессиональной деятельности мы во всем разделяли точки зрения. Но как профессионалы всегда относились друг к другу с уважением, откровенно высказывали наши позиции, никогда друг друга не обманывали, не лукавили, не пытались поставить своего партнера в труд-

ное положение, чтобы добиться конъюнктурной выгоды без оглядки на длительную перспективу.

Первый вопрос был по поводу Ирака. Я, господин де Вильпен и господин Фишер вместе работали по этому конфликту. Каждый из нас руководствовался прежде всего национальными интересами — интересами России, Франции и Германии, но при этом мы пытались учитывать интересы и другой стороны. Такой учет взаимных интересов, конечно, подразумевает взаимное уважение, как человеческое, так и профессиональное. Когда ты говоришь с профессионалом, доверяешь этому человеку, зная, что он не пойдет на непорядочные, неприличные поступки, тогда у тебя выстраивается и профессиональное сотрудничество.

Не так просто мы пришли к взаимопониманию и не так просто нам после этого было убедить наших руководителей, наших президентов, что это было правильное решение, которое вбирало в себя и национальные интересы, и наши общие интересы. Мы говорили о доверии. Из чего складывается доверие? Если вы прочитаете документы, в свое время подписанные с представителями администрации Буша, то найдете в них много красивых слов о том, что мы не враги, а чуть ли не стратегические партнеры. Но доверие складывается из конкретных действий, конкретных взаимоотношений между людьми. Через это выстраивается не только профессиональное доверие, но и личные отношения. Я, например, очень горжусь, что много лет спустя мы продолжаем оставаться друзьями. Уверен, что наша дружба сохранится на многие годы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — У меня есть несколько записок. Если позволите, я их зачитаю. «В XX веке Европа сильно пострадала от фашизма. Почему сегодня Западная Европа спокойно смотрит на его возрождение?» Может быть, господин де Вильпен ответит?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Что ж, Европа очень озадачена вопросами популизма и экстремизма. Я не уверен, что понятие «фашизм» применимо к тому, что сейчас происходит в Европейском Союзе. Но «экстремизм», «популизм» — да. Это имеет экономические и социальные причины. Когда безработица в стране составляет больше 20 % для некоторых групп населения (например, безработица среди молодежи Франции составляет 20 %, а среди молодежи Испании приближается к 50 %), всегда возникает реакция, и это консервативная реакция недовольства: люди отрицают любые существующие порядки, которые не могут удовлетворить их потребности, их общие потребности. И на сегодняшний день этот вопрос вызывает серьезные опасения у представителей всех политических течений — и у левых, и у правых партий, все озадачены данной проблемой. Именно поэтому сегодня Европа в первую очередь должна найти общие решения некоторых экономических и социальных проблем, даже если это будет сложно, потому что показатели экономического роста в Европе недостаточно высокие, и мы уделяем огромное внимание данным вопросам, чтобы отвечать потребностям общества, стремлениям граждан наших стран. Но в целом основной причиной недоверия

и роста популизма является отсутствие ответов на экономические и социальные вопросы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, у меня есть еще ряд вопросов, но регламент уже исчерпан и я прошу ответить на оставшиеся вопросы по возможности кратко. Вопрос к господину Мешкову: понимают ли, на Ваш взгляд, в Западной Европе то, что конфликт на Украине ослабляет Россию и Евро-союз и выгоден Соединенным Штатам Америки? Как Вы считаете?

А. Ю. МЕШКОВ: — Коротко: кто-то понимает, а кто-то нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Вопрос к господину Моратиносу: исламский мир сегодня переживает и демографический рост, и религиозный подъем. Нет ли в этом угрозы благополучию Европы?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я хотел бы немного добавить к предыдущему выступлению. Совершенно верно: главной причиной является экономический кризис, а также невозможность политических лидеров найти ответы, обеспечить предложениями спрос и стремления граждан. Но я думаю, проблема намного глубже. Я считаю, что традиционная демократическая представительская система Западной Европы находится в глубоком кризисе. Если вы посмотрите на всю ситуацию в различных странах Европы, то увидите, что главные политические партии переживают кризис. Канцлер А. Меркель, можно сказать, звезда на политическом небосклоне, новая леди Бисмарк, была избрана только 32 % избирателей. В следующее воскресенье вы увидите, как две ведущие партии Франции, две ведущие партии Испании — социал-демократы и правые центристы — получают, возможно, максимум 23–26 % голосов.

Итак, традиционные политические партии переживают кризис. Общество больше не доверяет голосованию как способу выражения своего мнения и решения проблем. Таким образом, если политические партии не отвечают стремлениям и потребностям людей, люди предпочтут перейти на сторону популистов, новых консерваторов. Они используют тот же язык, те же лозунги, те же стереотипы и оказываются в ловушке этих лозунгов, что опасно. Это то, что происходит сейчас во Франции, Италии и отчасти в Австрии. Мы посмотрим, как будут развиваться события, и я думаю, что традиционные партии полностью изменятся. Они не смогут дальше работать с тем же аппаратом, с той же философией, с тем же подходом, с теми же речами: они должны изменить способ изложения своих предложений, своих проектов. Так что, я думаю, экономический и социальный кризис является первоначальной проблемой, но следующей проблемой, требующей срочного решения, должен быть механизм политических партий, традиционный политический инструмент, действующий сейчас в Европе, который нам следует изменить и адаптировать к современным условиям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Поскольку господин Моратинос является крупным специалистом по исламскому миру, хотелось бы все же услышать его ответ на вопрос: несет ли исламский мир угрозу для Европы?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Это то, на что следует обратить внимание. Существует необходимость обсуждения данного фактора нашими правительствами. Очень часто мы наблюдаем в нашем обществе серьезную обеспокоенность ростом исламизма, но нам надо понимать разницу: когда мы говорим об исламе как религии и об исламизме, радикальном исламе, мы говорим о разных вещах. Конечно, каждый человек имеет право выбирать себе религию, это стало частью нашего общества, частью наших стран, и во Франции, как и во всей Европе, мы поддерживаем секуляризм, уважая выбор каждого гражданина. Безусловно, когда мы говорим об исламизме, или радикальном исламе, мы имеем в виду другое. Если религия используется для жестокости, с этим надо разбираться и бороться.

Сейчас растет беспокойство за наше общество, за работу политиков в этом направлении, например, мы принимаем решительные меры в отношении радикальных групп или лиц, которые покидают Европу для борьбы в Сирии, а затем желают вернуться и продолжить борьбу в Европе. Мы проводим серьезную и важную работу над этой проблемой, но мы должны подходить к данному вопросу с определенной ментальностью. Односторонний подход к решению данного вопроса был бы ошибочным и очень консервативным: это подход, затрагивающий не только исламистов, но и мусульман. Мы не должны так поступать. Нам действительно необходимо с уважением относиться к мусульманам и не проводить параллели между исламизмом и исламом, это два разных понятия. С одним надо работать как с террористическим объединением, а к другому надо относиться как к части нашего общества, с уважением.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Мы сейчас находимся в России, в Санкт-Петербурге, обсуждаем Россию и Европу и наше беспокойство, связанное с происходящими событиями. Но когда мы говорим об исламе и сложившейся ситуации, то в первую очередь должны задуматься о следующем: арабский мир и ислам в целом сейчас переживают большие перемены. Мы защищаем наше общество, наши ценности, наш *modus vivendi* (лат. — образ жизни), поэтому основной вопрос в том, насколько арабы и мусульмане сами готовы принять то, что называют «модернизацией ислама» (а не «исламизацию современного мира»). Итак, надо поддерживать модернизацию ислама, как когда-то мы, католики, христиане, в истории нашей религии отделили общественную жизнь от религии. В исламе все намного сложнее, потому что мы имеем дело с общностью, с суммой, здесь все едино. Но это надо менять. Им необходимы перемены.

Вы видели, как «арабская весна» и «Братья-мусульмане» потерпели поражение и в каком состоянии эти

страны сейчас, их общество в Египте, Тунисе, Марокко, Алжире... В Сирии они также ищут способы защиты и сосуществования друг с другом, основанные на ином подходе. Итак, это первое, о чем следует говорить. Знайте, что мусульмане и арабский мир переживают сейчас революцию, и мы, несомненно, поддержим их в становлении их новой истории. В связи с этим мы должны быть очень осторожны, когда имеем дело с мусульманскими взаимоотношениями; как Доминик де Вильпен ясно высказался, мы должны различать ислам как религию и радикальный ислам, или политизацию ислама, или исламскую политику. Это разные вещи. Но мы должны знать, что нельзя очернять ислам как религию мусульманского сообщества. Мы должны быть очень осторожны, чтобы не создавать вражду культур и обществ. Это должно быть нашей основной задачей. Нам нельзя использовать ислам как угрозу, нельзя говорить, что мусульмане — наши враги, что мусульманин — это террорист, наркоторговец или религиозный фанатик. Нет, нам нужно уважать мусульман, и в то же время они должны уважать нас, но мы не должны демонизировать все, что исходит из ислама и мусульманского мира.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. У меня много записок, но я задам в завершение всего два вопроса. Первый вопрос господину Иванову (в России он считается одним из крупнейших специалистов по Западной Европе). Многие гуманитарии — в России и Западной Европе — говорят о системном кризисе либерализма и в экономике, и в духовно-нравственной сфере. Если это так, то прослеживаются ли в Западной Европе перспективы и контуры новой идеологии и сумеет ли Европа еще создать здоровую, сильную, интеллектуальную элиту, которая выдвинет новые идеи? Или будет отстаивать старые идеи?

И. С. ИВАНОВ: — Знаете, это вопрос философский. Я считаю, что (об этом уже говорили мои коллеги — и господин де Вильпен, и господин Моратинос) происходит эволюция в политике, в политической системе, среди политических партий и лидеров. Она происходит и в сфере идеологии, поэтому, конечно, если говорить с дипломатической точки зрения, необходимо построение нового мирового порядка. Он должен создаваться на определенных принципах, которые необходимо вырабатывать совместно. Мне кажется, что именно через диалог, через взаимодействие европейских государств и России возможно выработать такие принципы, которые бы не разделяли нас, не противопоставляли, а позволяли успешно сотрудничать, при этом сохраняя свою национальную идентичность, свою культуру и свои убеждения. Мне кажется, сейчас мы находимся на определенном переломном этапе, — наверное, каждый век начинается с такого глубокого переосмысления и политических, и идеологических принципов, XXI век не исключение. Мы все — в процессе глубокой эволюции, и надеюсь, найдем такие подходы, которые будут помогать нам строить Большую Европу и успешно решать те проблемы, с которыми сталкиваются наши страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Последний вопрос — господину Марку, который у нас в Университете и вообще в России считается символом европейского интеллектуала. Начинаются выборы в Европарламент, и опросы показывают рост популярности правых. Не означает ли это поворот Европы к нацистской идеологии?

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин ректор, за вопрос. У нас есть много выдающихся политических деятелей, которые лучше меня смогли бы ответить на него, но мое личное мнение заключается в том, что во многих странах Европы традиционные партии сохраняют свое место. Я думаю, как сказал господин де Вильпен, когда в стране кризис, если порядок не обеспечивает процветание, он вызывает волнения в обществе. Как показали проведенные опросы, люди относятся к этим выборам не так серьезно, как к национальным, так как они все еще не считают Европарламент эффективным и сильным органом власти, поэтому многие люди могут использовать этот метод для выражения своего дискомфорта, несогласия с существующей политической действительностью во многих странах. Тем не менее в итоге люди понимают, что Европа — наше будущее, что в ней есть структура, что у общества есть два варианта выбора: один вариант основан больше на личностных потребностях, а другой — на социальной сплоченности, и я думаю, эти две партии по-прежнему будут играть очень важную роль. И благодарю Вас за теплые слова.

А. Ю. МЕШКОВ: — Я хочу добавить, что возможность построить Большую Европу достижима, но для этого надо хорошо знать историю, чтобы использовать позитивный и даже негативный опыт. По последним исследованиям, культура виноделия пришла в Европу из Крыма и с Кавказа. Виноградной лозы в Европе не было, ее завезли греки. В то же время идет спор: кто привез водку в Россию — генуэзцы или венецианцы? (Ну, естественно, не водку, а культуру дистилляции.) То есть даже такие, казалось бы, нетипичные примеры показывают, насколько общая история на нашем континенте.

ХУАН А. МАРК: — Я считаю, что появление университетов ознаменовало начало современной эпохи, раньше были монастыри. Но это стало возможным, когда гражданское общество стало более сильным и смогло выделить место для получения знаний. Университеты долгое время играли ключевую роль в формировании новой мысли. В настоящее время у нас есть определенные форумы: есть Давосский форум, так называемые специальные форумы. Я думаю, Александр Сергеевич, Вы успешно справились с задачей организации в своем Университете очень важных дебатов о будущем наших народов, объединив молодых людей с опытными и ответственными деятелями. Я также очень надеюсь, что это молодое поколение станет великим защитником процветания, мира, развития, других ключевых жизненных ценностей, а не агрессии.

Пусть агрессия останется в прошлом, потому что будущее связано с процветанием.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, если позволите, я скажу несколько завершающих слов на правах хозяина. Хочу заметить, что далеко не всегда мы можем оценить то, что сказано при нас, вслух. И я призываю студентов потом взять в руки издание, которое мы выпустим по итогам этой встречи, — там очень много ярких идей, и мне хотелось бы акцентировать на них внимание, но их действительно слишком много. Сейчас я вам покажу один маленький «бриллиант», — а речь каждого из наших гостей была усеяна многими подобными «бриллиантами».

Приведу пример, на который — я на 100 % уверен — вы совсем не обратили внимания. Это когда один из наших гостей говорил о языковой политике Финляндии. Мы знаем, что на Украине, где половина русскоязычного населения, людям не дают говорить на русском языке, и те же проблемы в Прибалтике. Вероятно, не все здесь изучали историю Финляндии, поэтому напомним, что долгие годы, века она находилась под давлением Швеции. Можно даже сказать более того — Финляндия находилась практически в состоянии порабощения Швецией. И что же сделали финны, получив независимость? Они провозгласили шведский вторым государственным языком. Если вы возьмете карту мира, то увидите, что все населенные пункты, географические названия Финляндии пишутся там на двух языках: финском и шведском. Теперь я вас спрошу — сколько этнических шведов живет сегодня в Финляндии? По моим данным, 6 %. Коллеги из первого ряда говорят — 2 %. В любом случае меньше 10 %. И этого достаточно, чтобы в Финляндии шведский язык был вторым государственным.

Когда вопросы решаются таким образом, снимаются многие конфликты.

Вы только вступаете во взрослую жизнь, только начинаете заниматься научными исследованиями. Вам, может быть, показалось, что некоторые выступления были слишком сдержанными. Трудно уловить действительно новое, а его было очень много. Я хочу всем студентам, которые присутствуют здесь, пожелать это сделать. У меня как у ректора есть ощущение огромного долга университетов, и российских, и европейских, когда дело касается диалога и его построения. Сейчас мы проводим вторую встречу вместе с Университетом Помпеу Фабра. Мне очень хочется, чтобы подобные встречи проходили и в дальнейшем. Нам следует подумать о том, как к этому подключить университеты Германии, Италии, как привлечь крупных политических деятелей других стран Европы, которые имеют весомый голос в построении мировой политики. Давайте будем работать вместе, потому что, по моим представлениям, этот формат очень важен. Это не только диалог выдающихся политиков через СМИ с населением наших стран, но и диалог людей, которые очень многое знают об этом мире, с теми людьми, которые в этот мир только сейчас приходят. И мне понятно, что людям, которые сегодня выступали, уже важно не столько настоящее, сколько будущее. Причем не столько собственное, сколько будущее того мира, в котором предстоит жить молодежи.

Я хочу поблагодарить наших замечательных гостей, Университет Помпеу Фабра, который приложил большие усилия для организации сегодняшней встречи. К сожалению, ректор Университета Помпеу Фабра не смог сегодня присутствовать. Я благодарю нашу аудиторию, которая с таким интересом вела этот разговор, — это признак высокого уровня нашего студенчества и профессуры. Спасибо.

Секция 1

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

16 мая 2014 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Испании (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
В. В. НАУМКИН	директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
А. О. ЧУБАРЬЯН	директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Ю. С. Голигорский¹

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Несколько недель назад, накануне Пасхи, британский премьер-министр Дэвид Кэмерон неожиданно подвергся острой критике, когда посмел заговорить о Боге и назвать Великобританию «христианской страной». Именно определение «христианская страна» вызвало резкое недовольство среди целой плеяды видных британских интеллектуалов.

Вообще-то британские политики редко публично рассуждают о своем отношении к религии. В 2003 году один из советников тогдашнего премьер-министра Тони Блэра без обиняков заявил журналистам: «У нас нет никаких отношений со Всевышним». Формально ошибочное (в Великобритании церковь не отделена от государства!), это высказывание на практике отражает истинное положение вещей: церковь и власть в Великобритании весьма далеки друг от друга. Поэтому Кэмерон и навлек на себя гнев, «посмеяв» заявить, что Великобритания — христианская страна.

Критики особо отметили стремление Кэмерона привнести в политическую жизнь страны «больше христианской морали и идеалов, таких как ответственность, прилежный труд, благотворительность, смирение и любовь».

Коллективное письмо с осуждением высказывания премьер-министра подписали более 50 видных интеллектуалов. Их главный аргумент: в государстве, где живет так много атеистов, а также представителей этнических меньшинств, оскорбительно говорить о христианской религии как об основополагающей в вопросах морали.

С критиками премьер-министра трудно спорить в одном: коллективное лицо Великобритании меняется фантастически быстрыми темпами. В начале мая 2014 года в Лондоне был опубликован отчет «Портрет современной Великобритании», который заставляет серьезно задуматься над тем, что происходит в стране. Основной вывод сводится к тому, что к 2051 году этнические меньшинства составят до 30 % населения Великобритании.

В настоящее время 14 % населения страны составляют представители этнических меньшинств. И хотя на их долю приходится лишь 4 % в сегменте населения старше 60 лет, в возрастном сегменте детей до 5 лет на их долю приходится 25 %.

В крупных городах Великобритании доля этнических меньшинств превышает 40 %. В самом Лондоне эта доля вскоре превысит 50 %. Общая тенденция сводится к следующему:

- среди белого населения рождаемость если не падает, то остается стабильно низкой;
- белое население покидает большие города;
- число малоимущих чернокожих детей, получающих в школах бесплатные обеды, вдвое превышает число детей из белых семей;
- иммиграционные потоки (в основном из стран третьего мира) по самым консервативным подсчетам составляют 165 тыс. человек в год.

Любопытно и другое: в то время как 40 % чернокожего населения живут в домах и квартирах, предоставляемых местными советами (государством!), 65 % выходцев из Индии и Пакистана — владельцы частного жилья, купленного либо за наличные, либо в ипотеку. 75 % детей из семей переселенцев с Индийского

¹ Независимый журналист, продюсер (Великобритания). Около 30 лет проработал во Всемирной службе Би-би-си в Лондоне. Был ведущим передач, продюсером и редактором.

субконтинента оканчивают школу с более высокими оценками, чем их чернокожие сверстники — выходцы с Карибских островов. Ну и, наверное, самое примечательное: 70 % детей из индийских семей поступают после школы в элитные вузы Великобритании. Это вдвое превышает число белых детей.

Если премьер-министр Дэвид Кэмерон может позволить себе проигнорировать мнения критиков его высказывания, то статистику ему игнорировать труднее, и вот почему: этнические меньшинства традиционно чувствуют себя комфортнее с левоцентристской партией лейбористов, нежели с правоцентристской партией консерваторов. Консервативная партия традиционно считалась антииммиграционной. Простой арифметический подсчет наводит на мысль, что, если положение вещей не изменится, демократическое волеизъявление может попросту ликвидировать Консервативную партию Великобритании. Для консерваторов ситуация замыкается в заколдованный круг: прекратить иммиграцию они не смогут (да и уже бессмысленно!), а прибывающие иммигранты в подавляющем большинстве пополняют ряды противников консерваторов.

Кстати, аналогичная тенденция наблюдается и в США, где иммигранты из стран третьего мира традиционно вливаются в ряды сторонников Демократической партии. В лице президента Обамы многие из них видят своего ангела-хранителя, поскольку вынашиваемая им программа всеобщего национального здравоохранения отвечает в первую очередь их интересам.

Демографические тенденции, четко проступающие в Великобритании, практически отражают общеевропейскую картину: лицо Европы меняется. Причем меняется очень быстро: от Испании и Италии до Скандинавских стран — все политические партии, вырабатывая программу своих дальнейших действий, все больше и больше вынуждены принимать во внимание крепнущий этнический фактор. Впрочем, не только политики: в минувшем 2013 году весьма популярный Channel 4 («Четвертый канал») телевидения Великобритании впервые решил во время праздника Рамадан прерывать свои регулярные передачи для кратких напоминаний правоверным о времени предстоящего намаза. Правда, это решение вызвало и рекордное для канала число жалоб зрителей — 2011, причем 1658 из них касались именно *манеры* подачи этих напоминаний. Глава отдела тематических передач «Четвертого канала» Рей Ли, публикуя свои комментарии в ежегодном отчете станции, отнес эти жалобы на счет «неожиданного уровня исламофобии в некоторых слоях общества».

Что касается религиозных программ для последователей иудаизма или даже протестантской религии, то таких передач на британском телевидении относительно мало. Более того, создается впечатление, что сама англиканская церковь уже на многое и не претендует. Об этом можно судить хотя бы по тому, как еще в 2008 году глава англиканской церкви, предыдущий архиепископ Кентерберийский доктор Роуэн Уильямс заявил, что «введение в Великобритании определенных элементов законов шариата неизбежно». Преемником Уильямса стал архиепископ Джастин Уэлби, который крестил в октябре 2013 года недавно родившегося

принца Джорджа. Он, похоже, тоже готов сдать позиции без боя, заявив, что не будет возражать, «если наследный принц, когда вырастет, перейдет в буддизм...»

Разумеется, ни Уильямс, ни Уэлби не имели в виду, что Великобритании придется смириться с крайними, подчас варварскими, элементами других религий. Но принятие одних норм, как правило, со временем влечет за собой принятие других, гораздо более экстремальных и неприемлемых для современного общества. Причем, находясь на совершенно ином уровне развития, современное общество, похоже, не знает, как практически и с точки зрения закона бороться с проявлением средневекового варварства.

К примеру, современная Великобритания неожиданно обнаружила у себя остро стоящую проблему так называемого «женского обрезания» — удаления или преднамеренного травмирования женских гениталий по религиозному диктату. В Великобритании женское обрезание было официально объявлено вне закона лишь в 1985 году, но многие афро-азиатские общины так и не отказались от этого ритуала. В тех районах Великобритании, где им не удается осуществить это на месте, девочек вывозят в Нигерию или Сьерра-Леоне. Там над ними совершают обряд, а потом возвращают в Великобританию.

Сейчас на борьбу с этим явлением брошены силы Минздрава, полиции, погранконтроля и Национального агентства по борьбе с преступностью. Разумеется, это еще одна дополнительная нагрузка на британских «силовиков», потому что борьбу с угрозой терроризма пока еще никто не отменял.

Британские школы — еще одно поле боя. Система школьного просвещения Великобритании заслуживает отдельного объяснения. Следуя либеральным традициям, которые выковывались веками, британские школы вольны в своей интерпретации общенациональной образовательной программы, которую издает Министерство образования. Насколько жестко школы должны придерживаться этой программы — предмет многолетних общественных дискуссий и споров. В то же время при каждой школе есть попечительский совет (по сути дела — родительский комитет), наделенный значительными правами и полномочиями. Вместе с директором школы родительский комитет составляет программу обучения, наделен правом принимать на работу учителей, определять их зарплату и т. д.

В апреле 2014 года было объявлено, что в районе Бирмингема, где проживает крупная мусульманская община, проводится инспекция под кодовым названием «Троянский конь»: 25 школ оказались в центре внимания органов просвещения из-за подозрений в том, что родительские комитеты, по сути, захвачены исламскими фундаменталистами. Проверка была вызвана анонимным письмом, полученным Министерством образования, в котором сказано, что в этих школах фундаменталисты диктуют свою образовательную программу и убирают неугодных учителей.

Местная полиция в Бирмингеме отказалась от участия в расследовании, мотивируя свой отказ тем, что ее участие может осложнить отношения между мусульманской общиной и местными полицейскими.

Центральные власти в Лондоне, однако, сочли полученную информацию столь тревожной, что направили во главе инспекции бывшего высокопоставленного офицера Скотланд-Ярда Питера Кларка, который одно время возглавлял Главное антитеррористическое подразделение британской полиции. Хотя его расследование пока в начальной стадии и трудно сказать, насколько обоснованы утверждения анонимного информатора, ясно одно, что радикалы рассматривают молодых британских мусульман как потенциальных новобранцев под знамена исламского фундаментализма. Об этом с горечью свидетельствуют родители тех молодых британских мусульман, которые недавно отправились на гражданскую войну в Сирию и погибли.

Британская политическая система, жизненный уклад этой страны — сложный механизм, который выработывался веками. Государство, на землю которого тысячу лет не ступал сапог оккупанта, выработало эффективный мирный способ решения внутренних разногласий, споров и проблем. Так и не удосужившись создать конституцию, Великобритания вылепила собственную модель взаимоотношений, в основе которых — баланс между правами индивидуума и волей большинства. И даже приезжавшие сюда революционеры всех времен убеждались, что в своих действиях британцы опирались либо на христианскую, либо на атеистическую мораль.

Христианское мировоззрение служило заразительным примером: в конечном счете новое — это хорошо забытое или переделанное старое, и «Моральный кодекс строителя коммунизма» — это закамуфлированные хрущевскими спичрайтерами десять заповедей Ветхого Завета и Нагорная проповедь — факт, признанный не только одним из авторов «Кодекса», журналистом Федором Бурлацким, но и Геннадием Зюгановым и даже Владимиром Путиным. (Зюганов даже назвал Иисуса «первым коммунистом», но это, конечно, его личное мнение...)

Разумеется, далеко не все иммигранты, прибывающие в Великобританию, представляют угрозу традиционному образу жизни этой страны. Многие, кстати, бегут сюда, спасаясь от беззакония и нищеты у себя на родине. Это относится к иммигрантам и из государств

бывшего Советского Союза и Восточной Европы, и из стран третьего мира.

На протяжении веков Великобритания знала много волн иммиграции: гугеноты, итальянцы, евреи, немцы. Спасая себя и свои семьи, они приезжали сюда, чтобы начать новую жизнь. Многим из них удалось сохранить свою религию, но при этом они всегда признавали, что Великобритания — государство христианское и протестантское.

Значительная часть тех, кто стремится сюда сегодня, тоже хочет стать частью традиционного толерантного британского общества и принять его моральные ценности. Достаточно привести пример истории семьи только что назначенного министра культуры Великобритании Саджида Джавида — первого мусульманина на посту британского министра.

Саджид Джавид, называющий себя «непрактикующим мусульманином», — сын водителя автобуса, иммигранта из Пакистана, приехавшего в Великобританию в 1961 году. Финансист по образованию, Джавид до назначения на пост министра культуры в апреле 2014 года был секретарем в британском Казначействе — должность уровня замминистра. В 25 лет Джавид стал самым молодым вице-президентом банка «Чейз Манхэттен» в Нью-Йорке. Учитывая все тот же этнический фактор, Джавида прочат в будущие лидеры Консервативной партии Великобритании, если ей суждено выжить.

Семья Джавида — пример блестящей интеграции людей, прибывших в Великобританию с целью улучшить свою жизнь, став частью британского общества. Какова доля такого типа людей в иммигрантах новой волны, мы все еще не знаем. Но даже если их большинство, серьезную угрозу представляют пусть и считанные единицы, но носители совершенно иной морали, иных ценностей, ставящие перед собой совершенно иные задачи и цели. Далеко не те, которые ставили перед собой родители Саджида Джавида.

Некоторые критики политики, проводимой последними несколькими правительствами, утверждают, что у Великобритании только два серьезных врага — терроризм и политкорректность. Причем с терроризмом еще можно бороться...

Ф. Т. Мамедов¹

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Духовная культура, прошедшая многотысячелетнюю эволюцию, в современном мире стала локомотивом и универсальной основой социального развития, интеллектуального и нравственного прогресса человечества. Она оказывает огромное влияние на уровень и темпы формирования интеллектуального и этического глобального сообщества, на культуру производства и потребления, политики и управления, на историческую ответственность народов, культуру мира, человеческих и международных отношений.

Несмотря на различия в базовых ценностях, содержаниях, формах, смыслах и традициях, в восприятии окружающего мира, в истории цивилизации культура всегда служила и служит истинным критерием человеческой ценности и способом удовлетворения духовных и материальных потребностей людей. От уровня интеллектуальной и этической культуры в определяющей степени зависят понимание, интерпретация событий, поведение, технологии, возможности и результаты жизнедеятельности людей.

Культурный обмен и взаимное обогащение, изучение и творческое использование опыта социально-культурного развития народов, сущности, особенностей, достижений, исторических закономерностей и технологий мировой культуры и цивилизации имеют непреходящее научное и практическое значение для устойчивого, конкурентоспособного и безопасного развития различных стран в условиях глобализации.

К сожалению, наряду с выдающимися достижениями мировой культуры для современного мира характерны конфликты культур и интересов, нередко переходящие в вооруженные столкновения и войны. Нетрудно заметить, что в рамках каждой этнической или национальной культуры присутствуют культурная неравномерность и культурные различия, невосприимчивость культуры, непонимание и противоречия, которые, усугубляясь противоречием ценностей и интересов, нередко становятся основой конфликтов между людьми и деструктивных процессов в локальных и мировых цивилизациях. Исходя из этого и помня, что «поведение человека изменяется с изменением его культуры», необходимо всеми силами и средствами стремиться к поступательному и перманентному развитию стандартов высокой духовной культуры людей во всех странах и регионах мира.

¹ Профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные национальными премиями «Умай» и «Интеллект». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Председатель Общества культурологов Азербайджана. Главный редактор международного культурологического журнала «Симург».

Непростые процессы человеческого взаимодействия в мировой цивилизации настоятельно требуют совершенствования подходов к развитию международных и межрелигиозных отношений. В основе этих подходов должна быть нацеленность на взаимопонимание и дальнейшую гармонизацию культур, выработку универсальных этических принципов и «работоспособных» моделей сотрудничества и партнерства, культурную идентичность в социальном поведении и политической культуре.

Необходимость создания комфортных психологических условий для совместного проживания представителей разных народов и этносов в границах отдельных стран, равно как и для сотрудничества и партнерства культур и цивилизаций, требует установления в национальных и международной культурной политике общего для всех людей планеты приоритета человеческих ценностей.

Сложность гармонизации культур в международном сообществе обусловлена тем, что в каждой национальной культуре, представляющей собой целостную социальную систему, существует множество взаимосвязанных индивидуальных субкультур, каждая из которых имеет свои интеллектуальные параметры и этические особенности, цели и интересы, мировоззренческие и психологические установки, свою структуру, энергию, вектор развития, ценностные предпочтения, поведенческие характеристики и достижения.

Динамика развития и качество этих субкультур во многом зависят от социальной среды — системы образования и воспитания на уровне семьи, коллектива и общества, идеологии, режима и социально-культурной политики государства, оказывающих влияние на сознание и поведение людей. Вместе с тем они во многом обусловлены и тем, что каждый человек естественно стремится к превосходству и признанию, которые возможно реализовать путем самосовершенствования и творческой деятельности, поставленной на службу удовлетворения как общественных, так и личных потребностей и интересов.

Мировая практика показывает, что к позитивным изменениям в сознании и поведении людей, а также в культуре международных отношений помогают привести приоритетное развитие интеллектуальной и этической культуры, интерактивное культурологическое просвещение масс, целенаправленная аккультурация и инкультурация граждан, меритократическое управление и высокая культура распределительных отношений.

Сохранение и гармонизация культурных различий вряд ли возможны без правильного понимания природы и культуры человека. Следует иметь в виду, что, как живая ткань локальных и мировой цивилизаций, современная мировая культура представляет собой мозаичное пространство, в котором присутствуют и культура дикости, и культура первобытности, и культура

варварства, а также гуманистическая и деструктивная культуры техногенной цивилизации. В силу этого в культуре международных отношений необходимо учитывать культурологическую закономерность, согласно которой одни и те же явления или знаки по-разному воспринимаются и интерпретируются в тех или иных культурах, что обусловлено существованием различных «языков культуры». В каждой культуре существуют характерные для нее ассоциативные формы поведения, которые одобряются и поддерживаются, и диссоциативные — не одобряемые и не поддерживаемые обществом.

Непохожесть национальных культур также нередко обусловлена различиями между коллективистскими культурами Востока, с присущими им социальной солидарностью и коллективной поддержкой, и индивидуалистскими культурами Запада, отличающимися культурой индивидуальной ответственности и стремлением к личным успехам.

В силу этой эклектики борьба с терроризмом и экстремизмом не может быть эффективной, если не будут сделаны последовательные шаги, направленные на постепенное преодоление культурной неравномерности и выработку высоких культурных стандартов и идентичностей. Прогрессивные перемены в глобальной культуре требуют позитивного изменения сознания людей, культуры мышления и понимания смысла и ценностей жизни. Они не могут быть возможны, если не будут правильно формироваться мировоззренческие установки, которые необходимо ориентировать на объективное отражение и гуманистическое изменение социальной и политической действительности, последовательную гармонизацию культур и интересов. Иными словами, в рамках современной техногенной цивилизации необходимо добиться изменения пропорций между культурой и антикультурой в пользу культуры, являющейся основой созидательного, жизнеутверждающего процесса, неисчерпаемым источником, способом и целью человеческой жизни.

Как это можно сделать? В первую очередь при помощи разработки и реализации международных культурологических программ и проектов, способствующих позитивному изменению культуры людей в соответствии с диалектическими изменениями, происходящими в природе и обществе, в науке и культуре, в наших представлениях об окружающем мире, а также общественным прогрессом и культурными завоеваниями человечества. Необходимы разработка и тиражирование стандартов высокой духовной культуры, основанных на общем для всех людей мотиве жизнедеятельности — заботе о сохранении и поддержании жизни на Земле.

Вместе с тем в условиях постоянных изменений и дефицита ресурсов очевидна значимость поиска новых возможностей развития материальной культуры, поддержания и повышения экономического благосостояния и качества жизни людей в соответствии с вызовами времени. Это вряд ли возможно без опережающего развития интеллектуальной культуры и разумного использования ее достижений, роста производительности труда за счет интенсивных факторов и организа-

ционной культуры на каждом предприятии, «борьбы за инновации» и «борьбы за душу человека», высокой культуры производства и потребления, человеческих и распределительных отношений.

На современном этапе мировой истории полезную роль в решении этих актуальных проблем может сыграть культурология, ставшая ключевой научной парадигмой XXI века. История и теория культуры являются важным научным инструментом, открывающим большие возможности для развития человеческого капитала, продуктивного диалога культур и партнерства цивилизаций. Без изучения сущности, особенностей, истории и достижений других культур невозможно толерантное отношение к ним, уважение к их представителям, невозможно добиться взаимопонимания и развивать сотрудничество.

Благодаря системному и ситуационному подходу к изучаемым явлениям и социальным институтам целостной системы культуры культурология имеет незаменимое значение для познания, понимания и объективной оценки человеческих достижений, технологий, ожиданий и новых возможностей позитивного развития, а также предпочтений, мотивов и стимулов жизнедеятельности людей. Она становится универсальным средством позитивного изменения психологии, поведения и предполагающих согласование взаимоотношений по статусу и соблюдение этого порядка коммуникаций, эффективность которых во многом определяется уровнем культуры людей.

Универсальные культурологические знания открывают энциклопедически богатую панораму человеческой жизнедеятельности, исторических достижений национальных и мировой культуры, способствуют пониманию воплощенных в них законов и технологий человеческого развития, видению сущности, особенностей, преимуществ и новых преобразовательных возможностей культуры как движущей силы социально-культурного прогресса человечества. Они способствуют росту взаимопонимания и гармонии, сближению представителей разных культур, религий, сотрудничеству наций. Знание обычаев и традиций той или иной культуры, владение ее «языком» и «правилами игры» способствуют предсказуемости, пониманию менталитета и мотивов поведения людей, открывая, таким образом, новые возможности для эффективного управления в интересах устойчивого развития.

Системное культурологическое мышление, опираясь на логический, исторический, антропологический, психографический, компаративный, качественный, ситуационный, структурный, функциональный и другие методы анализа, дает возможность объективного видения явлений и предметов окружающего мира, выбора адекватных пространству и времени наиболее продуктивных решений и технологий человеческой жизнедеятельности на всех уровнях и во всех сферах духовной и материальной культуры.

Иными словами, в научном и технологическом инструментарии культурологии содержатся не только разнообразные методы системных исследований, но и ситуационное использование принципов, ценностей, критериев и способов, открывающих новые

преобразовательные возможности для решения конкретных задач, определения стратегий и создания конкурентоспособных моделей развития. Преимущества системного культурологического подхода, использующего этнографические и этнологические наблюдения, социологические опросы и ситуационные эксперименты, позволяют избегать субъективных ценностных оценок изучаемого объекта.

Культурологическая экспертиза, основанная на универсальных методах, имеет незаменимое значение для оценки функциональности культуры и инновационных возможностей ее развития, научной обоснованности принципов и технологий, измеримости и верификации результатов, способствующих прогрессивным изменениям жизни.

Системный культурологический анализ, опираясь на методы дедукции, индукции, дает возможность определить наиболее эффективные пути и технологии гармонизации этих культур на основе присущих всем людям базовых универсальных культурных ценностей, предполагающих взаимоуважение, солидарность и сотрудничество между представителями разных культур, обеспечивающих взаимозависимое и безопасное развитие.

Одним из условий формирования среды устойчивого развития современного мира является мультикультурализм — гуманистическое мировоззрение и соответствующая ему политика, признающая права культуры представителей разных народов, живущих в одной стране. Мультикультурализм направлен на сохранение, развитие и гармонизацию в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий людей разных национальностей и вероисповедания, на интеграцию малочисленных народов в национальную культуру государств.

Как гуманистическая и демократическая теория или идеология, мультикультурализм является воплощением толерантности, без которой невозможны гуманизм, высокая культура человеческих и международных отношений, взаимопонимание, взаимообогащение, дружба и сотрудничество между людьми.

Одним из подтверждений успешности политики мультикультурализма как модели устойчивого развития страны является Азербайджанская Республика, в которой гармонично развиваются культуры разных народов и народностей, успешно интегрированных в национальную культуру Азербайджана, но сохраняющих свою национальную, этническую и религиозную самобытность. Толерантные и дружеские отношения между представителями мусульманского населения, христиан и иудеев всегда были характерны для гуманистической духовной культуры азербайджанского народа. Благодаря традиционной политике гармонизации культур и религий Азербайджан служит пространством для интеграции культур и религий представителей разных этносов.

К сожалению, некоторые государства Запаदा отказались от мультикультурализма, управление которым является довольно сложной политической задачей. Представители некоторых народов не желают ни ассимилироваться, ни интегрироваться в национальную

культуру тех или иных государств. Между тем отказ от мультикультурализма не сулит ничего хорошего, ибо это путь, ведущий к непониманию, фобии, противопоставлению и противостоянию, национальным и религиозным конфликтам, которые, к сожалению, возрастают во всем мире.

Как нам кажется, современные мультикультурные общества могли бы стабильно развиваться на основе взвешенной политики, опирающейся на культурологические стратегии и технологии. Наша общая работа о повышении результативности международных форумов по диалогу культур и цивилизаций требует совместных усилий по выработке новых культурологических технологий и механизмов, обеспечивающих рост мотивации для сближения культур, сохранения культурного разнообразия, интеграции и взаимовыгодного сотрудничества народов.

Роль «вертикали» культуры здесь отводится интеллектуальным и политическим элитам различных стран Запада и Востока, призванным не только разрабатывать новые технологии социальнo-культурного прогресса и солидарного взаимодействия, но и обеспечивать их быстрое внедрение в практику международных отношений в целях формирования нового мирового культурного пространства как живой ткани гуманистической цивилизации XXI века.

Для спасения мировой культуры и жизни на Земле необходимы солидарность и конструктивное сотрудничество всех людей высокой культуры, и в первую очередь интеллигенции, представляющей различные цивилизации. По нашему глубокому убеждению, для решения этой судьбоносной задачи целесообразны разработка и внедрение во всем мире международной программы ступенчатого перехода от человека типа *homo sapiens* к человеку типа *homo culturalies*, обладающему необходимым уровнем знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, а также высокой степенью идентичности, взаимопонимания, согласования интересов и мотивации.

В целом необходимость сохранения и устойчивого развития высокой этики человеческих и международных отношений, необходимых для становления глобальной культуры и развития партнерства цивилизаций, подсказывает целесообразность разработки и реализации программы «Десятилетие развития глобальной культуры», в рамках которой возможно осуществление следующих международных культурологических программ и проектов:

— постоянно действующего выездного международного культурологического лектория «Культура как путь жизни», способствующего росту взаимопонимания и развитию международной стратегической коммуникации, отвечающей потребностям культуры мира, сотрудничества и партнерства цивилизаций;

— международных телевизионных культурологических мостов, способствующих распространению универсальных культурологических знаний, развитию культуры человеческих и международных отношений, становлению глобальной культуры;

— международной программы перехода от человека типа *homo sapiens* к человеку типа *homo culturalies*

как одного из важнейших условий конвергенции, диффузии и гармонизации культур, становления и устойчивого развития глобальной культуры и других программ и проектов.

Формирование человека типа *homo culturalis* является безальтернативным условием и одним из важнейших факторов устойчивого развития в условиях глобализации. В основу такого формирования необходимо заложить общие для представителей разных народов ценности культуры, такие как любовь, дружба, труд, рождение детей, семья, праздники, трапеза, искусство, образование, этикет, спорт, религия и другие сферы человеческой жизнедеятельности, в которых воплощены естественные человеческие потребности, отношения и идеалы. Для разработки «технологий производства» *homo culturalis* можно было бы воспользоваться универсальным методом «культурологическая пирамида».

В целях преодоления терроризма и ксенофобии, возможно, было бы целесообразно подумать о созда-

нии Международного совета мировой культуры, сети национальных центров аккультурации и инкультурации граждан различных стран и других взаимосвязанных единой идеологией высокой духовной культуры международных и национальных структур культурологического образования и просвещения, интегрирующих деятельность культурных элит разных стран в целях устойчивого и гармоничного социально-культурного развития.

Широкое и заинтересованное использование универсальных методов системного культурологического подхода в практике государственного строительства, управления и мировой политике поможет формированию нового качества глобальной культуры, основанной на ценностях человеческой жизни, и высокой этической культуры как априорного принципа для сохранения мира, сотрудничества, диалога культур и партнерства цивилизаций в современных условиях.

В. К. Мамонтов¹

ЧЕРТА ЕВРООСЕДЛОСТИ

Собралась тут братская Украина в Европу, подальше от России. И закончилось это (закончилось ли?) таким сердечным расколом, так трагически обернулось, что заставило еще раз задуматься: а что нам, людям, не имеющим счастья географически принадлежать старой Европе, предлагается в виде евроценностей? А не ловушка ли это — циничная, меркантильная, ловящая нас на пустой крючок призрачного будущего?

Одно из самых сложных впечатлений последней поездки в Латвию — музей художника Марка Ротко в Даугавпилсе, дореволюционном Двинске. В детстве этот мастер кисти жил тут, потом его родители переехали в Америку. Музей занимает гигантское помещение в бывшем крепостном арсенале, на его создание Евросоюзом было выделено без малого 6 млн евро. В музее можно сесть перед настенным видом Двинска начала прошлого века, самому настроить причудливый фотоаппарат, установленный перед тобой, — и отправить себе самому на электронную почту снимок из-за черты оседлости, горький и печальный автопортрет, как если бы ты жил на родине, отеснившей тебя. В Америке Ротко покончил с собой в возрасте 66 лет, это было в 1970 году, и теперь его картины, большинство из которых представляют собой три-четыре цветные полосы, порознь живущие на холсте, потомки продают по 87 млн долларов за штуку.

В тот день шел дождь, картины Ротко навеяли на меня окончательную тоску, я пошел вдоль крепостной стены, суммируя впечатления. Они не срастались — как полосы на холстах, как многое в Латвии. В стране,

входящей в Евросоюз, проживают 300 тыс. неграждан этой страны. Они, победители фашизма, признаны оккупантами, при этом исправно платят налоги, но лишены ряда важнейших прав. Как такое может быть в цивилизованной Европе? Дико! Но в Евросоюзе закрывают на это глаза.

Еще пример. Официальные прибалтийские власти проклинают советское прошлое. Но единственная надежда прибалта, отправившегося на заработки в Европу (а это, даже по официальным данным, больше миллиона человек), — образование, которое он получил в СССР. И навыки, которые нарабатал, если успел, на ныне закрытых советских предприятиях. Иначе — посудомойка, разнорабочий, официант...

Еще. В райцентре Резекне на деньги Евросоюза построен гигантский концертный зал. Мэр Резекне Александр Барташевич рассказывает, что жители, пока «Титаник» возводили (это отныне прозвище здания, напоминающего огромный корабль, заплывший на балтийское сухопутье), бомбардировали местную власть, требуя построить на эту сумму что-нибудь более насущно важное. Однако Евросоюз деньги выделил целево, решив, что концертный зал нужнее моста или перерабатывающего предприятия. Конечно, подобветшавшие помещения бывших заводов доильных аппаратов и знаменитой на весь Союз «сгущенки из Резекне» давно и безнадежно продаются любому желающему. Конечно, все, что якобы производит местный инструментальный завод, сделано в Китае. Конечно, безработица и отток населения — важнейшая здешняя проблема. Но построить сказано концертный зал. Даже если по иронии судьбы он по-настоящему будет заполнен, то только когда из враждебной (если верить официальной пропаганде) России придет «ДДТ». Этого события тут ждут с воодушевлением.

¹ Журналист, политолог, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент редакции газеты «Известия», директор фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

А разве не удивительно, что за небольшие по московским меркам деньги ты, потомок тех, чей памятник в очередной раз сносят в Латвии и уже снесли в Эстонии, соотечественник неграждан-оккупантов, можешь купить участок земли, недвижимость и вид на жительство с «шенгеном» в придачу? Такая торговля — солидный приработорок здешних властей. В Юрмале и первая, и вторая линия скуплены нашими соотечественниками. Именно их, наших богатеньких, Янис Урбанович, председатель фракции латвийского сейма, объединяющей оппозиционных, а потому «плохих» русских и «плохих» латышей, считает одними из главных виновников того, что отношения России и Латвии складываются так болезненно. «Посмотрите, куда прежде всего идут ваши миллионеры, приехав в Латвию. Думаете, в Конгресс неграждан, к своим этническим соотечественникам? Вовсе нет. Идут к нашим олигархам, к себе подобным. Вот такая у них международная солидарность. И в Латвии, и в России есть много людей, которые в ужасе от того, что наши страны могут дружить. Тогда начнут дружить спецслужбы, налоговики, службы госдоходов, и многим придется съезжать отсюда, потому что нужно будет декларировать свои траты», — так ответил он на вопрос российских журналистов в ходе Балтийского форума, интеллигентного международного мероприятия, прошедшего в этом году в 18-й раз.

Не так давно я был в Литве, и в тот раз тоже ловил себя на мысли, что у меня в голове не срастаются, к примеру, обвинения России в высоких ценах на электроэнергию и послушное закрытие Игналинской атомной электростанции по первому требованию Евросоюза. Он оплатил это недешевое мероприятие, но дотаций на электроэнергию не дает.

Здесь тоже в странном симбиозе уживаются жесткая антироссийская политика властей и радушное приглашение жить, отдыхать в Паланге, к примеру. И вкладывать деньги в экономику.

И это притом, что еще «В. И. Ленин считал, что при общенародной собственности на землю пользование земельными участками и всякие виды мелкой собственности могут быть источником спекуляции сельскохозяйственными продуктами и иметь другие негативные последствия. Сама форма товарно-денежных отношений иногда создает возможность появления отношений, чуждых социализму: например, сдача внаем жилья в общегосударственных домах, использование общественного имущества в корыстных целях. Получение необоснованно высоких доходов у части населения порождает рыночную психологию, стяжательские настроения».

Причем тут Ленин, спросите? Да просто я процитировал не кого-нибудь, а Далю Грибаускайте, президента Литвы образца 1988 года, когда она защитила кандидатскую диссертацию «Взаимосвязь общественной и личной собственности в функционировании личного подсобного хозяйства» в Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. В дальнейшем диссертация была в Литве нострифицирована как докторская. Я считаю, правильно: там, в диссертации, есть прекрасные научные факты, которые могут сейчас мно-

гое прояснить в тогдашней ситуации оккупированной Литвы. В частности, президент сообщает, что средний вклад на сберкнижке у литовца, занятого производством молока, мяса и сгущенки, тогда составлял 2374 рубля. Половину «Москвича-412» можно было купить! «Оккупанты» о таком и не мечтали.

Не стоило бы и вспоминать старое нам, одно время состоявшим с Далей Грибаускайте в одной компартии, если бы не лицемерие, которое видишь на каждом шагу балтийской власти. Всеми силами там стараются вычеркнуть наше непростое, но общее прошлое, бесповоротно погрузиться в «буржуазный национализм», обличению которого также посвящены в диссертации абзацы. В Латвии под «национализацию» даже преамбулу к Конституции предлагают переписать. Если бы кто-нибудь у нас решил так переписать нашу преамбулу — «Россия для русских» — европарламенты с ПАСЕ закатали бы под асфальт фашиста! А тут обсуждают — и тишина. Внутреннее дело.

Вот такие будни Евросоюза. Шел я вдоль крепостной стены Даугавпилса и думал: музей художника, помертвого миллионера трагической судьбы, — это хорошо. Но почему же прочее в таком упадке, словно края эти опять за какой-то чертой? И получил ответ на пресс-конференции все того же Яниса Урбановича: «Евросоюз интересуется прежде всего соблюдением денежных правил. А как мы хотим жить — в ненависти или в дружбе — наше внутреннее дело. Это даже не двойной стандарт — вообще без стандартов. И деньги нам дают на строительство дорог или создание фондов только ради того, чтобы им самим было удобно, когда они приходят к нам... Вот и все».

Эх, сейчас бы закончить, Шаповов, пропагандистским пассажем про мягкую еврооккупацию, да с потрошками, но... Нам объяснили в Балтии, что иные российские публицисты, перегибая из лучших чувств, только вредят ползучей, небыстрой, но неотступной нормализации наших отношений и перемене участи соотечественников.

Поэтому промолчу про Латвию — вернусь к Украине, которая, словно не замечая соседнего опыта, рвется в Европу — а Европа словно не замечает, что во главе движения те, кто ломаного гроша не даст за полосы художника Ротко. Чьи кумиры заполняли трупам Бабий Яр. И — надо же — Европа тихо сносит эти оскорбления, а многие украинцы делают вид, что такого и вовсе нет, видение, пропаганда. Так про боевиков «Правого сектора» сказал Андрей Окара, политолог-майданолог: выдумка российской пропаганды.

Что с этим делать? Как помочь? Мой личный вывод такой: нам надо дать украинским товарищам пережить все это самим. Испить до дна. Жалко их, а что делать? Мы же 20 лет назад пережили? Пережили. Нет, конечно, к нам не приезжала на инвалидной коляске Юля в виде последней надежды, осунувшаяся, больная, отсидевшая в тюрьме потому, что не успела вовремя затолкать туда того, кто затолкал ее. Нашей прекрасной Юле 15, она прыгает тройные, и если не падает, то выигрывает Олимпиаду. Но надо быть честными: наша Юля еще не родилась, а мы, как нынче соседи, разинув рот, уже стояли на московских площадях. А на трибуне

наш не всегда трезвый фигурист выполнял обязательную программу: борьба с привилегиями, «мы не забудем героев», «на рельсы лягу, но стану вашим гарантом», «они же дети», а дети, как известно, теперь хозяева лагеря.

Две жесточайшие войны, развал и разруха, стрельба на улицах, крысы стаями на Тверской, без пяти минут потеря национальной идентичности — вот чем это закончилось. Человеческий облик сохранили далеко не все. Кто-то радовался, хлопал в ладоши и стишки писал: «Забил снаряд я в тушку Пуго». Третьи, самые циничные и хладнокровные, формировали капиталы, под крики про равенство и справедливость превращали в реальность свою мечту о золотом унитазе.

И превратили! Еще как превратили! Сначала одни превратили, которых потом равноудалили, а потом и другие, которые равноудалили, а народ, если верить Зюганову, который созыв продолжающему уверенно клеймить и гневно осуждать, только нищал и сопел, копя пролетарскую ненависть.

А вот дудки. В России сегодня возмутительное имущественное неравенство, полынная несправедливость, забубенная коррупция и неправильное зимнее время. Все так. Да, чуть не забыл — еще Дума отменила кружевные трусы и гей-парады. Но если бы все обстояло действительно так плохо, то Леха Навальный с дедушкой Зю уже давно бы победили. У них ничего не выходит ровно потому, что за 20 сложных, противоречивых, мучительных лет страна Россия правда изменилась. Внутренне, исподволь. Это показывает сравнительный протестный контингент. На Болотную если кто и выходит с виртуальным булжником, так офисный тонкокожий пролетариат да обьевшие грибы рублевские дамочки. И слушают они речи патентованных демократов, кои, если очистить от шелухи, таковы: «Вот он я, красивый и умный, так почему я не Путин? Вот я, красивая и умная, так почему я не Голикова?»

Отчего люди на Украине с таким восторгом посещают открытые настезь безвкусные резиденции тиранов? Потому что в душе сами так хотят жить. Потому что евроремонт двушки пародирует нуворишский особняк. Как Гоголь писал, в десятую долю. Да что там — хоть в сотую! В России, если ее умело, зло, пассивно раскочегарить, поверьте, будет то же самое, если богатенькие совсем страх потеряют, а чиновники не включают самосохранение. Да и технологи бунтов знают, откуда начинать, если финансирование им откроют, а власть будет «януковничать».

Но есть и другое: в России тем временем многие расчухали, что это все пошлость и шариковщина — дербанить и делить. Любимый фильм у всех — «Собачье сердце», хотя вдуматься — сколько процентов аплодирующих потомков могут с чистой совестью вывести свои родословные от Преображенского? Борменталья? А сколько от Швондера? От Шарикова? Да, это самые зачатки буржуазности. Среднеклассности. Иногда смешные. Отбоя нет от желающих отдать свою дачку теледизайнеру, который там такого корбюзье наворотит, что соседям показать будет не стыдно. И не только потому, что халява: стандарты другие поменьше селятся у людей в головах! Взять «Модный приговор»: приходят тихие, милые и толстые лахудры, и еще ни одна не попросила сделать ей халу или косу вокруг головы. Или причесать волосок к волоску, как у китайцев и януковичей. Всем с одобрения народной Бабкиной, отхватившей себе молоденького, юбку-карандаш и пальто-труакар. Кругом что угодно, но не голodomор. На всех каналах кашеварят от кутюр с утра до вечера — если, конечно, не Олимпиада.

Про нее вообще надо отдельно. Она с Майданом так совпала, что просто... До слез. Там смерть и кровь, злоба и отчаяние, циничное вложение денег в передачу власти от одних упырей другим. Здесь вложения в стадионы, в снег, в лед, в престиж, в счастье победы, которое распространилось и затопило. Не без воровства наверняка. Не без жульничанья, не без винта в позвоночник. Но даже если это только мечта о правильной России — она стократ лучше, она далеко опередила мечту Майдана с ее мрачной черно-бордово-оранжевой стилистикой, с отдельным западенским счастьем без жидов и москалей. И на этом фоне — оба-на, русские космобогатыри, фамилии одни чего стоят: Легков! Вылегжанин! Черноусов! Липницкая! Волосохар! Ан! Дикий! «Витя, дава-а-а-а-а-ай!»

В этом обожании новообращенных Вить, в страничках книг, разлетающихся по миру, в мирно пасущихся коровах Шагала, в фейерверке под Чайковского, в жесте веселого Гоголя (сквозь слезы, конечно) точно больше Европы, чем во всем пошлом политиканстве и трагическом балагане киевского Майдана. Больше Европы, чем в самой Европе, той ее части, которая мелочно и трусливо готова подпевать хоть Бандере, лишь бы не России. И этой Европе мы, думаю, будем и дальше показывать свою отечественную дулю.

Но Крым, который теперь российский, подтвердил: важно, что наша дуля будет стилистически иная, фигурная, в виде раскрывшегося-таки кольца.

Мишель Файетта¹

ШВЕЙЦАРИЯ — СТРАНА ТРЕХ КУЛЬТУР: БАЛАНС МЕЖДУ РАЗНООБРАЗИЕМ И ИНТЕГРАЦИЕЙ

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Российскую академию наук и Российскую академию образования за приглашение принять участие в этой конференции. С удовольствием расскажу о том, каковы характерные черты культуры Швейцарии и как они отражают современные тенденции диалога культур в мире.

Гранича с Германией, Австрией, Францией и Италией, Швейцария как бы находится на линии разлома и в самом сердце трех европейских культур. На протяжении веков швейцарский народ разделял свою историю с ближайшими соседями, но в то же время сохранял собственные ценности. Порой найти баланс, чтобы сохранить единство страны, было трудной задачей, и многим эта задача представляется проблемной и по сей день. Только благодаря постоянному диалогу мы смогли сформировать взаимоотношения различных лингвистических сообществ нашей страны.

Из истории Швейцарии

За несколько столетий Швейцария превратилась из непрочного альянса малых самоуправляющихся городов и государств, начиная с конфедерации Ури, Швиц и Нидвальден в 1291 году, в полноценное федеральное государство, состоящее из 26 кантонов.

Этот процесс занял долгий срок, более 500 лет, и только в 1815 году территория Швейцарии окончательно сформировалась, включив Женеву, Невшатель и Вале, объединяющие остальные 23 кантона, и обрела те очертания, какие мы знаем сегодня.

Швейцария в ее современном виде родилась в 1848 году, когда согласно принятой конституции страна стала федеративным государством, а центральный орган уравнивал и ограничивал полномочия отдельных кантонов.

Конституция была разработана таким образом, чтобы справедливо сбалансировать интересы государства в целом с интересами отдельных кантонов, в ней заложены основы для национального единства, стремления к всеобщему благу, сохранения культурного и языкового разнообразия страны.

Федеральная система позволила Швейцарии остаться единой, несмотря на то что во многих отношениях мы очень различаемся.

Каждый кантон имеет собственный законодательный орган, индивидуально управляет своими финансами и автономен в своих решениях, в том числе касательно сбора налогов. Основные задачи федеральных властей — защита страны, внешняя политика, поддержка двух технических вузов страны и экономика других областей. Вообще, конфедерации передает-

ся все больше и больше полномочий. И действительно, проблемы и задачи современного общества (охрана окружающей среды, транспорт, коммуникации и т. п.) решить иначе невозможно.

У нас есть две палаты выборных представителей: Национальный совет, который представляет швейцарское население в целом, и Государственный совет, представляющий 26 кантонов.

В этом отношении мы очень похожи на Соединенные Штаты Америки с их палатой представителей и сенатом. Тем не менее наш президент имеет меньше власти, будучи избранным Федеральным собранием только на один год, он выбирается из состава правительства семи министров — путем их ротации. Таким образом он действительно первый среди равных.

В нашем случае Национальный и Государственный советы гарантируют уважение прав меньшинств и осуществление прямой демократии, достаточно уникальной в мире, посредством общественных консультаций, проводимых в Швейцарии три-четыре раза в год. В зависимости от важности вопроса, поставленного перед населением, решение может быть принято квалифицированным большинством голосов, как по числу голосующих, так и по числу кантонов, это дает малым кантонам мощный способ воздействия на политическую жизнь в Швейцарии.

Уважение меньшинств — это основной аспект политической стабильности, как показывает наше прошлое. Во многих решениях необходим консенсус, лучше всего это проявляется при формировании правительства, в котором с 1959 года представлены все основные партии. Так называемая «волшебная формула» означает, что партии представлены более или менее в соответствии с их политическим весом в стране. Тем не менее все члены Федерального совета несут коллективную ответственность за решения, принимаемые правительством.

Я в деталях описал историческое образование моей страны, чтобы обрисовать фон, на котором осуществлялся процесс интеграции трех культур Швейцарии. Этот процесс сопровождался конфликтами, так как наши предки отчаянно стремились сохранить свою независимость, территориальную, культурную.

Большую часть ландшафта Швейцарии занимают горы — кажется, что это негостеприимная местность для проживания людей. И все же по маршрутам через горные перевалы Альп и Юра с доисторических времен шел поток людей и товаров. Швейцарское плато, которое простирается от Женевского озера на западе до Боденского озера на востоке, было и остается главным густонаселенным районом страны. Зато недоступность горных районов препятствует захватчикам, желающим навязать свою власть, и позволяет швейцарцам развивать собственные традиции и формы правления.

¹ Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге. Работал в дипломатических представительствах Швейцарии в Кельне, Тегеране, Белграде, Дезде, Бразилии, Франкфурте-на-Майне, Бордо; в Посольстве Швейцарии в Дублине, Генеральным консулом Швейцарии в Марселе, Лионе.

Швейцария является небольшой страной по любым меркам. Тем не менее она очень диверсифицирована, тем самым отражая свое географическое положение. У нас есть четыре национальных языка, оппозиция между городами и сельской местностью, между большими густонаселенными кантонами и малыми, и мы регулярно наблюдаем это противостояние во время народного голосования, когда в разных сообществах народное мнение различно. Разнообразие в единстве — это привычное дело для нас!

Швейцария и Европа

Соседние страны также имели отношение к современному развитию нашего народа. Общие границы с тремя основными европейскими культурами были и остаются преимуществом для Швейцарии, которая всегда поддерживала тесный контакт со своими соседями.

Швейцария является многоязычной страной. На сегодняшний день наиболее широко распространенный язык в Швейцарии — немецкий, на нем говорят примерно 65 % населения Швейцарии. На французском языке говорят в западной части страны, в «романской Швейцарии», что составляет примерно 21 % населения. На итальянском говорят в Тичино и четырех южных долинах кантона Граубюнден, где живет 6,5 % населения.

Наконец, ретороманский язык — это язык с латинскими корнями, на котором говорят только 0,5 % от общего населения Швейцарии.

Языковые регионы — это простой и естественный доступ к культуре стран в рамках их границ. Это также помогает сформировать ментальность. Но в то же время жители таких регионов имеют доступ к культуре других частей Швейцарии. В стране существуют радио- и телевизионные программы для всех языковых регионов. Тем не менее это не обязательно значит, что люди будут слушать или смотреть программы на других языках. У них есть естественная склонность читать и говорить на родном языке.

Общение на других национальных языках, естественно, очень важно, но в последние годы Швейцария сталкивается с серьезной проблемой изучения языков на уровне начальной школы. Все чаще и чаще, особенно в немецкоязычной части Швейцарии, власти вводят английский язык в качестве первого иностранного языка, а французский или итальянский в лучшем случае находятся только на втором месте. Причина заключается в том, что французский сейчас кажется слишком сложным для изучения, а английский в настоящее время рассматривается как наиболее распространенный язык мира, самый полезный при путешествиях или учебе за границей. И наоборот, изучение немецкого языка французскими носителями также считается трудным, но до сих пор он во многих случаях остается основным иностранным языком в школе, хотя молодое поколение неохотно его изучает...

На мой взгляд, это негативная тенденция. С течением времени я заметил, что молодежь моей страны общается друг с другом на английском. Хотя имея четыре национальных языка, ими можно было бы и ограничиться...

Принято считать, что знание языка включает нечто большее, чем способность понимать и общаться с другими. В случае Швейцарии знание языков является неотъемлемой частью нашего национального единства, нашей национальной самобытности.

Действительно ли мы хотим потерять то богатство, которое дает нам многоязычное общество? Действительно ли мы хотим оградить себя от некоторых наших сограждан ради еще одной культуры, в дополнение к тем трем, что нас окружают? Как совсем недавно заявила одна газета, мы находимся на перепутье и действительно живем в исторический момент.

Я — носитель французского языка, пишу по-французски, думаю по-французски, может быть, мечтаю по-французски, но я не француз! Я разделяю эту культуру, это мой способ самовыражения, но я швейцарец по ментальности, в душе, и, кроме того, у меня швейцарский паспорт.

То же самое касается швейцарских носителей итальянского языка, который во многом схож с итальянским в Италии, но в нем есть некоторые незначительные региональные изменения.

С моими соотечественниками, говорящими на швейцарском немецком, дело обстоит несколько сложнее. Они говорят на швейцарском диалекте, и их родной язык довольно сильно отличается от немецкого, на котором говорят в Германии, но они пишут на германском немецком, так как швейцарский немецкий не является письменным языком.

Однако суть дела в том, что хотя мы и сохраняем нашу собственную культуру и различные языки, на которых говорит народ Швейцарии, но если наши художники, писатели, актеры хотят добиться профессионального успеха, им надо стать успешными в Берлине, Париже или Риме...

Идея глобализации не нова ни для нас, ни для кого-то еще, я думаю. В конце концов в вопросах культуры, как говорится в Библии, «нет пророка в своем Отечестве»!

Несмотря на свое происхождение, большинство художников должны показать хорошие результаты в одной из столиц трех общих с нами культур, если они хотят быть признаны на международном уровне.

Является ли это культурным конфликтом в эпоху глобализации? Это можно считать таковым; но лично я рассматриваю это просто как некоторую особенность нашей культуры. Так же как имеется множество акцентов в разговорном языке, существуют некоторые различия в нашей национальной культуре. Но в нашем случае мы имеем швейцарские паспорта и мы граждане Швейцарии, что определяется нашими корнями, нашими истоками, а не нашей культурой, которая не знает границ даже в собственной стране.

Потребовалось много времени, чтобы создать современную Швейцарию. Надо было принять много взвешенных решений, прежде чем политическая власть сформировалась таким образом, чтобы различные слои населения могли совместно эту власть осуществлять. Может быть, этот взвешенный подход

помог нам впитать три европейские культуры и не быть поглощенными ни одной из них. Не может быть Швейцарии, состоящей исключительно из представителей немецкой, французской или итальянской культур. Швейцария часто рассматривается как пример *Willensnation* — страны, появившейся по воле населения, а не только ее лидеров. Именно федерализм является основой объединения четырех национальных языков, трех культур, двух религий и 26 кантонов в одной стране.

Благодаря нашим предкам, которые объявили Швейцарию нейтральной еще в 1515 году, после битвы при Мариньяно в Италии, благодаря политическим силам 1815 года, в том числе России — одной из стран, подписавших Венский договор, подтверждающий наш

постоянный нейтралитет, Швейцария стала независимым государством в центре Европы.

Да, у нас есть много общего с нашими соседями: культура, образ жизни. Мы являемся частью их цивилизации. Тем не менее мы по-прежнему гордимся тем, что мы — швейцарцы, и скромно вносим свой вклад в некоторые области культуры наших соседей.

Швейцария — маленькая страна, окруженная превосходящими державами, — начиная с ранних этапов своей истории постоянно сталкивалась с различными формами глобализации. И единственно возможным выбором для нас, будь то с политической или культурной точки зрения, всегда был путь диалога, а не конфронтации.

Е. В. Харитонова¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ АФРИКИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ (На примере ЮАР и Руанды)

Воевать и разрушать очень легко. Настоящие герои — те, кто устанавливают мир и начинают строить.

Нельсон Мандела

В современном мире в условиях глобализации наряду с тенденцией к унификации (технологий, культуры, образа жизни, поведенческих моделей) возникла тенденция к локализации, к представлению миру самобытных уникальных моделей культуры и поведения. Африка предлагает глобализирующемуся миру свои уникальные диалогические сценарии. И время от времени в мире возникают ситуации, когда специфические, основанные на глубинных культурно-исторических и ментальных особенностях «формы жизни» оказываются востребованными, эффективными, а порой единственно возможными и показывают нам свое нравственное, этическое превосходство.

Конец 2013 и начало 2014 года войдут в историю в связи с двумя событиями в Африке — событиями чрезвычайного политического и культурно-цивилизационного значения.

Первое — уход из жизни первого чернокожего президента ЮАР, героя антирасистской борьбы южноафриканского народа, одного из самых известных борцов

за мирное решение конфликтов, лауреата Нобелевской премии мира 1993 года Нельсона Манделы.

Второе — исполнилось 20 лет трагедии в Руанде 1994 года, память о которой на языке киньяруанда называется «Kwibuka», что в переводе означает «помнить». Трагедии, которую с полным основанием можно назвать словом «геноцид».

При всем различии этих событий их объединяет одно общее основание. И вся социально-политическая деятельность Нельсона Манделы, и способ выхода из кризиса, и посткризисное развитие Руанды продемонстрировали миру серьезную, сугубо африканскую цивилизационную альтернативу², одновременно нравственно-этическую и политико-правовую.

Суть этой альтернативы можно выразить так: когда степень всеобщей ненависти, разобщения, противостояния и смерти, опыт тотального, доведенного до абсолюта противопоставления (и не просто на «своих» и «чужих», а на «людей» и «не-людей») достигают пика, когда самое совершенное европейское право бессильно и может осуждать, но не примирять — Африка предлагает миру и демонстрирует в действии собственную, альтернативную стратегию решения конфликтных ситуаций, национального примирения, прощения, мудрости.

Традиционное для западного мира в целом и западного права в частности антидиалогическое деление на «победивших» и «побежденных», «выиграв-

¹ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье. Стратегическая «ниша» России в многополярном мире», «Эффективные деловые коммуникации в международном бизнесе: принцип «подстройки» (На примере китайской дипломатии в Африке)», «Люди в организации (К вопросу об «антропологии» российского бизнеса)», «О некоторых критериях международных сопоставлений (На примере региона Африки к югу от Сахары): опыт эмпирического исследования», «Китай в Африке: есть чему учиться?» и др. Директор Русско-Африканского фонда научного, культурного и делового сотрудничества, член Делового совета Россия–ЮАР.

² Долгое время ученые отказывались признать существование отдельной африканской цивилизации, споры не прекратились до сих пор. С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» писал, что среди африканцев быстро возрастает чувство общей идентичности и, по-видимому, Африка южнее Сахары может стать отдельной цивилизацией.

ших» и «проигравших», «правых» и «виноватых», «угнетателей» и «угнетенных», на «жертв» и «убийц» не работает там, где слезы, боль, кровь и неизжитые, острые обиды запредельны, а продолжать жить вместе, рядом, на одной земле, в одной стране, в одной деревне, на общих холмах и озерах — надо. И там, где Запад рассуждал бы в терминах реванша, возмездия, мести и справедливого неотвратимого наказания, Африка предлагает национальное примирение и прощение. Не забвение, а именно прощение. «Я не могу забыть, я могу простить», — говорил Нельсон Мандела¹...

Посмотрим, как это было и какой урок сумела Африка преподать миру. Предлагаю рассмотреть два уникальных африканских феномена, сходных по своему результату в плане примирения, прощения и налаживания межкультурного диалога.

Во-первых, это деятельность Нельсона Манделы, который сумел спасти государство от гражданской войны, к которой его толкали радикалы с обеих сторон, прийти к национальному согласию и выстроить диалог со всеми расами и народами, населявшими Южную Африку. Что же отличало Нельсона Манделу от других мировых политиков? Прежде всего политика национального примирения, которую он вел на протяжении многих лет с целью избежать расового насилия и беспорядков в Южной Африке². Мандела, бывший политзаключенный, восстановив права чернокожего большинства в Южной Африке, заверил белое меньшинство, что им не следует бояться перемен во власти. Большинство политических аналитиков прогнозировали, что чернокожее население в ЮАР, которое долгие годы находилось в условиях апартеида, начнет мстить за пережитые обиды и вспыхнет расовая война между африканцами и белым меньшинством. Вместо этого с учетом демографического состава южноафриканского населения, состоящего из белых, чернокожих, цветных и мигрантов индийского происхождения, Нельсон Мандела назвал эту страну «радужным народом» и призвал всех к национальному примирению и мирному сосуществованию. После освобождения, с 1990 по 1994 год, Мандела вел переговоры по отмене режима апартеида, результатом которых стало проведение первых общенациональных выборов на общерасовой основе. В 1993 году первый чернокожий президент ЮАР Нельсон Мандела и последний белый президент ЮАР Фредерик Виллем де Клерк вместе были удостоены Нобелевской премии мира. 10 мая 1994 года Мандела официально вступил в должность Президента ЮАР, назначив лидера Национальной партии Фредерика де Клерка первым заместителем президента. По инициативе Манделы в стране была создана комиссия по расследованию фактов насилия и национальному примирению.

¹ Цит. по: <http://esquire.ru/wil/nelson-mandela>

² Значительное влияние на взгляды и методы политической борьбы Манделы оказал Махатма Ганди. В январе 2007 года Мандела принял участие в международной конференции в Нью-Дели, где праздновалось столетие со дня привнесения идей Ганди о не-насилии в Южную Африку. См. об этом: Нельсон Мандела: первый чернокожий президент ЮАР. Политический портрет. URL: <http://www.azglobo.net/1646-nelson-mandela-pervyy-chernokozhiy-prezident-yuar.html>

Исполнители репрессивных приказов против чернокожих и силы безопасности должны были признать свою вину при режиме апартеида перед членами комиссии. В таком случае они амнистировались без наказания³. Мандела в данном случае руководствовался идеями «убунту»⁴.

Во-вторых, это использование в Руанде традиционных народных судов «гачача», которые позволили решить проблему примирения разделенных геноцидом народов тутси и хуту. Это позволило Руанде перешагнуть через страшный водораздел, начать восстанавливать свое государство и выйти на такой уровень экономического роста и стабильности, которые сделали Руанду одной из наиболее привлекательных для бизнеса и инвестиций стран африканского континента⁵. Сейчас на вопрос «Ты кто — тутси или хуту?»⁶ — жители Руанды отвечают: «Я — руандиец!» И здесь, как и Нельсон Мандела, жители Руанды говорят: «Мы не должны забывать. Мы должны помнить (“Kwibuka!”), но мы должны простить».

Вот почему в судах «гачача»⁷ было важно выслушать свидетелей и обвиняемых и добиться признания вины и раскаяния — только так можно было дальше жить рядом, вместе — тем, кто участвовал в геноциде и кто был жертвами геноцида.

Суды «гачача» были введены в 2001 году в Руанде после геноцида 1994 года, когда за 100 дней было убито около миллиона руандийцев, главным образом принадлежащих народу тутси. С точки зрения международного права суды «гачача» в Руанде могут быть отнесены к варианту транзитного права⁸, призваного реинтегрировать общество в переходный период. В общей сложности в Руанде было создано свыше 8 тыс. «гачача», чтобы справиться с потоком дел обвиняемых в геноциде и чтобы ситуация с судебными разбирательствами не была растянута на бесконечно долгое время. Таким образом, гачача служили цели «подведения черты» и национального примирения.

³ Наследие Нельсона Манделы для Южной Африки. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/stati/item/193307>

⁴ Убунту (Ubuntu) — южноафриканское направление этики и гуманистической философии, особое внимание уделяющее понятиям верности, лояльности и единения в отношениях между людьми. Слово из языков зулу и коса означает «человечность», «совместность» (близко по значению к нашей «соборности»). Архиепископ Десмонд Туту в 1999 году дал определение убунту: «Человек с убунту открыт и доступен для других, принимает других людей, не видит для себя опасности в том, что другие талантливы и добры, поскольку он твердо уверен в себе, понимая, что является частью большего целого, и наоборот, человек с убунту угнетен, когда других оскорбляют или унижают, пытаются или угнетают». Убунту — один из основополагающих принципов новой Южно-Африканской Республики. Положения убунту связываются с идеями африканского возрождения.

⁵ <http://smart-explorer.ru/ruanda>.

⁶ Как подчеркнула в своем выступлении в Институте Африки посол Руанды в Москве ее превосходительство доктор Жанна д'Арк Мужавамария, «тутси и хуту — это по сути один народ, так как говорят на одном языке, живут на одной территории и имеют общую культуру, готовят одинаковые блюда».

⁷ Гачача (*Gacaca* — от слова «служайка» в переводе с языка киньяруанда, поскольку судебные заседания проходят под открытым небом) — народные деревенские суды, местные традиционные формы правосудия, в которые передавали дела о геноциде, поскольку «европейские» суды не справлялись с огромным количеством дел по факту геноцида.

⁸ Транзитное правосудие. URL: <http://ru.encydia.com/en>

Главная особенность гачача состояла в том, что обвиняемых судили их земляки, заслушивая свидетелей. В процессах могли участвовать целые деревни, из жителей которых создавались и обвинение, и защита. Стоя перед земляками, в мельчайших подробностях осведомленных о жизни и характере обвиняемого, тот чаще всего сам сознавался в совершенном преступлении. В большинстве случаев следовало сравнительно мягкое наказание, но суд «гачача» мог назначить и длительное, вплоть до пожизненного, заключение. Исключен был лишь смертный приговор¹.

Суды «гачача» вызывали сомнения в их соответствии западным правовым нормам и стандартам с точки зрения «прав человека»². В то же время через суды «гачача» с избранными народом судьями прошли более миллиона подозреваемых в геноциде, 65 % обвиняемых получили различные сроки наказания. Как заявил на церемонии в Кигали президент Руанды Поль Кагаме, суды «гачача» сыграли важную роль в достижении справедливости и примирения. Суды «гачача» смягчали приговоры тем, кто раскаялся и ищет пути примирения с обществом. Эти суды были призваны способствовать участию общественности в процессе отправления правосудия и достижения примирения в стране³. 18 июня 2012 года деятельность судов «гачача» была прекращена.

Рассмотренные африканские альтернативы, основанные на культурных традициях, позволили в ЮАР и Руанде перешагнуть пропасть ненависти и пойти по пути национального примирения и экономического развития. Их суть — обращение к традиционным ценностям и традиционным общественным институтам своего народа, а также способность к прощению и примирению (убунту) как единственному выходу из патовых ситуаций, в которых часто оказывались африканские народы, причем не по своей вине и воле.

Убунту — это противовес западному, эгоцентричному подходу к жизни и принятию решений. Убунту — это длинная цепь человеческого опыта, связывающая предыдущие и будущие поколения. Убунту — это определение человека через его отношение к другим. Родившиеся в чернокожей Африке идеи убунту привлекают людей во всем мире⁴, о чем свидетельствуют проанализированные автором данной статьи многочисленные англоязычные интернет-форумы.

¹ Поляков А. Суд народа // Дуэль. 2005. 12 июля. № 28 (426). URL: http://www.duel.ru/200528/?28_7_10

² Так, старшая советница «Хьюман Райтс Вотч» Элисон Дес Форджес сказала, что нехватка юридического представительства, в частности адвокатов, вызвала серьезное беспокойство у правозащитников. URL: <http://ru.encydia.com/en/>

³ Анносиата Ньярахатегекимана. Программа просветительской деятельности «Геноцид в Руанде и ООН». URL: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/gallery/annociata/13.shtml>

⁴ Разумеется, не следует идеализировать убунту и возможности традиционной африканской этики. Многие африканские интеллектуалы возражают против экстраполяции возможностей убунту на широкие и разнородные сообщества, характеризуя данное понятие как мощный дух взаимной поддержки и ответственности, который, однако, проявляется лишь в рамках небольших традиционных общин. См.: Бернштейн Э. Глобализация, культура и развитие. Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект Пресс, 2004.

Одним из ярких примеров привлекательности идей убунту, даже «магии убунту», является деятельность южноафриканского предпринимателя Марка Ричарда Шаттлворта, второго космического туриста. Во время полета Шаттлворт общался по радио с Нельсоном Манделой.

Шаттлворт основал компанию «Canonical Ltd.» и руководил разработкой компьютерной операционной системы Ubuntu⁵. Идеи убунту и заложенный в них потенциал человечности стали известны молодым людям многих стран и континентов именно благодаря тому, что Шаттлворт так назвал свою операционную систему. Название «убунту» он дал, исходя из мысли, что новая операционная система будет создана для людей, должна объединять их и приносить радость⁶.

В настоящее время одним из базовых элементов экономической стратегии африканских стран является привлечение иностранных инвестиций. Большинство стран африканского континента вступили в диалог с ведущими экономикими мира и развинули кампанию, которую можно обозначить как репутационно-имиджевую. В рамках этой кампании организуются презентации инвестиционных возможностей своей страны. Летом 2010 года состоялся официальный визит в Россию Президента ЮАР Джейкоба Зумы, в октябре 2010 года была организована деловая встреча с делегацией Агентства по торговле и инвестициям провинции Лимпопо (ЮАР), в марте 2012-го состоялись ежегодные мероприятия Министерства торговли и промышленности ЮАР «Международная торговая инициатива», в рамках которых прошли конференция, выставки продукции и услуг южноафриканских компаний, двусторонние встречи предпринимателей по интересам, а в 2013 году состоялась презентация провинции Квазулу-Наталь (Южно-Африканская Республика).

Экономические успехи ЮАР очевидны и отражены в многочисленных исследованиях. Следует отметить, что внутренние идейные искания накладывают отпечаток и на внешнеполитическую доктрину ЮАР, которая весьма самобытна. Последний доклад на эту тему, выпущенный Департаментом международных отношений и кооперации (так с 2009 г. называется южноафриканский МИД), носит название «Строя лучший мир: дипломатия убунту»⁷.

В феврале 2014 года в Москве в рамках мероприятий «Kwibuka-20» о своих инвестиционных возможностях и инвестиционной привлекательности заявила Руанда. В настоящее время, по версии Международной финансовой корпорации, Руанда вошла в десятку ведущих стран-реформаторов 2008–2009 годов по семи критериям⁸: создание новых предприятий; международная торговля; условия найма рабочей силы; регистрация собственности;

⁵ Mark Richard Shuttleworth; род. 18 сентября 1973 года. В настоящее время проживает на острове Мэн, имеет гражданство ЮАР и британское подданство.

⁶ <http://vasilisc.com/magic-words-ubuntu>

⁷ Никонов В. Южноафриканский ренессанс. Как ЮАР выходит на глобальную арену. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Yuzhnoafrikanskii-renessans-15730> (дата обращения : 28.10.2012).

⁸ Данные сайта: <http://smart-explorer.ru/ruanda>

получение кредитов; ликвидация предприятий; защита инвестиций — все это благоприятно сказывается на инвестиционном имидже страны за рубежом. Для поддержки иностранных предпринимателей создана Палата развития Руанды, а также утверждена концепция «красной ковровой дорожки для инвесторов», призванная обеспечить регистрацию нового предприятия в кратчайшие сроки¹. Кроме того, как рассказала в своем выступлении посол Руанды в Москве ее превосходительство доктор Жанна д'Арк Мужавамария, Руанда сейчас — это страна с нулевым индексом коррупции (zero), где практически отсутствует криминал: «страна, где можно спокойно гулять по городу даже ночью». По словам Джин Боско Лияку, исполнительного директора Центра по развитию бизнеса университета

“Regent” в Руанде: «Руанда стала неожиданно успешно развивающейся африканской страной. Всего 20 лет назад геноцид довел экономику страны до полного разрушения, но сегодня экономика поднимается... Когда вы посмотрите вокруг, вы можете увидеть, как развивается страна. Мы знаем, откуда мы пришли. Мы знаем, где мы сейчас, и мы знаем, куда мы идем»².

«Африканских контактов» и соответствующих инвестиционных презентаций за последние годы произошло достаточно много, но мы в рамках данного доклада остановились на двух странах: ЮАР и Руанда, связав этот выбор с культурно-цивилизационным диалогом и уникальным способом преодоления конфликтов, который реализовали эти две африканские страны.

¹ <http://rwanda.eregulations.org/menu/1>

² <http://tbn-tv.ru/news/ruanda-serdcem-stroit-uspeshnyj-biznes/>

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ф. А. АСАДУЛЛИН заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук
- Ш. ВЕБЕР научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ независимый журналист, продюсер (Великобритания)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- П. О. ИЛЬИНСКИЙ ученый-биолог, поэт, прозаик, преподаватель Бостонского университета (США)
- Г. КАСУЛИДИС Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в РФ
- Ф. Т. МАМЕДОВ профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- В. К. МАМОНТОВ журналист, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент редакции газеты «Известия»
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- М. Ф. МОНТЕС старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Испании (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- В. В. НАУМКИН директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. В. СМИРНОВ заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук
- В. В. СОГРИН руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- Е. В. ХАРИТОНОВА старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ЧЖАН ИУ

профессор факультета китайской литературы Пекинского университета (КНР)

А. О. ЧУБАРЬЯН

директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые коллеги, мы собрались сегодня, чтобы продолжить обсуждение вопросов, которое было начато вчера в ходе пленарного заседания, где был сделан хороший задел для сегодняшнего диалога. Вчера было высказано много интересных идей, предложений, мнений в отношении того, как нам дальше развивать диалог культур и цивилизаций, особенно в такой критический для развития мировых процессов момент. Прежде чем начать нашу дискуссию, я хочу предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я приветствую вас от имени Оргкомитета Чтений и желаю успехов в работе, а также хочу поблагодарить за то, что вы здесь собрались. Надеюсь, что наша совместная работа будет способствовать дальнейшему укреплению диалога культур.

Г. М. ГАТИЛОВ: — После напутствия Александра Сергеевича, я думаю, мы можем приступить к практической работе. Мне хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии прозвучали конкретные предложения и соображения, касающиеся дальнейшего развития диалога культур и партнерства цивилизаций. На мой взгляд, под термином «становление глобальной культуры» в сфере партнерства цивилизаций следует понимать некие общие категории, свойственные большинству культурных и цивилизационных традиций.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о культуре как о некоем целостном явлении, сакральном поле или особом пространстве с присущими ему неотъемлемыми элементами — наукой, образованием и религией, этическими и моральными нормами поведения людей. Подобное целостное видение способствует достижению большей гармонии, налаживанию взаимоотношений и сбалансированного взаимодействия между всеми участниками диалога культур, в основу которого положены принципы справедливости, этики и морали. Разумеется, ключевое значение имеет и настрой сторон на диалог. Об этом вчера в ходе пленарного заседания было много сказано.

Говорили и о том, что диалог культур и партнерство цивилизаций непосредственно связаны с теми политическими процессами, которые происходят в современном обществе. Поэтому крайне важно слышать друг друга, понимать позиции друг друга и делать из этого соответствующие выводы. Зачастую эти позиции могут не сходиться, а мнения сторон — разниться, но все это делает еще более необходимым налаживание диалога. Если среди участников диалога складывается такая атмосфера и проявляется готовность к поиску ком-

промисса, то и возможность прийти к консенсусу существенно повышается. Поэтому я считаю, что очень важно использовать все площадки для развития таких процессов, а не только межправительственные, межгосударственные переговоры. Сегодня возросла роль и гражданского общества, и общественных организаций, и религиозных объединений. Конечно, в этой палитре Международные Лихачевские чтения занимают свою нишу. Возвращаясь к религиозному аспекту, считаю, что сейчас необходимо как можно активнее подключать и представителей основных религиозных конфессий к диалогу. Думаю, их участие позволит избежать перекосов, которые имели место в ходе состоявшейся недавно в Бахрейне конференции «Диалог цивилизаций», где некоторые участники утверждали, что христианская цивилизация со времен крестоносцев и Византии отягощена кризисными конфликтами. Причем нынешний кризис на Украине якобы тоже является результатом противоборства православия и католицизма.

Мне кажется, что эта проблема гораздо шире, и речь, скорее всего, идет об искусственном противопоставлении этих элементов, но важно, чтобы звучали призывы к созданию одной гуманистической цивилизации на основе религиозной терпимости и уважения культурного многообразия, что переключается с обсуждаемыми сегодня вопросами. На этом я закончу и хочу предоставить слово господину Моратиносу.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Вчера мы начали дискуссию о важности диалога цивилизаций. Конечно, диалог между цивилизациями необходим. Нет иного пути, чтобы найти решение любой проблемы. Но каких конкретных результатов в социальной, политической сферах мы добились? Мы можем продолжать действовать в рамках концепции диалога, но результатов так и не будет. В связи с этим я хотел бы внести конкретные предложения. Диалог цивилизаций должен вестись на двух уровнях. Первый уровень — это уровень профилактики, предотвращения. Необходимо делать все возможное, чтобы межкультурные разногласия в любой части мира были преодолены, поэтому нужны профилактические меры.

Кроме того, следует выдвигать предложения, идеи для тех случаев, когда кризисы все-таки происходят, нужно иметь инструменты для решения этих конфликтов. Разнообразие культур — это не только выражение культур, различных взглядов на жизнь, мир, культуру, историю. Культурное разнообразие — одна из самых главных проблем для безопасности в мире. В корне каждого конфликта, противоречия и кризиса лежит культурное разнообразие. Например, сейчас сунниты

и шииты воюют между собой в Сирии. Это же культурное разнообразие привело к конфликту между Россией и Украиной, где каждый сражается за свои культурные ценности. Философы и писатели могут дать нам много советов по этому поводу, но политики должны воспринимать культурное разнообразие как проблему, как угрозу миру и безопасности. Мы должны разработать механизмы, чтобы культурное разнообразие не приводило к реальным проблемам в области безопасности в XXI веке.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, господин Моратинос, за ваше яркое выступление. Слово предоставляется господину Ежи Вятру.

ЕЖИ ВЯТР: — Я продолжу тему, поднятую господином Моратиносом. Мне хотелось бы подчеркнуть различия между тремя фундаментальными типами международных конфликтов. Первый заключается в различии национальных интересов. Второй — в конфликте идеологий. И третий — то, что Сэмюэль Хантингтон называл столкновением цивилизаций, то есть различием культур.

Первый тип конфликтов довольно легко разрешить. Если две стороны имеют разные интересы, обычно всегда можно прийти к компромиссу. Если это территориальные разногласия, мы можем где-то посередине провести разделительную линию между ними. Что касается идеологии, то это связано с культурой. Одна из двух соперничающих идеологий будет доминировать в мире. И в этом смысле нет возможности компромисса. Третий тип конфликтов — столкновение цивилизаций или культур — предполагает, что конфликт заключается в истории стран и разных народов. В этом случае источником потенциального конфликта является то, что каждая из культур состоит из набора ценностей, а они могут сильно различаться.

Если мы, например, сравним то, что происходит сейчас в области прав человека, то увидим различия между либеральным западным пониманием и пониманием прав человека в других частях света. Есть ли здесь место для компромисса? Возьмем, например, гомосексуалистов. В этом вопросе современные культуры расходятся. Я не вижу здесь никакой возможности для компромисса. Я думаю, что потенциал для диалога заключается в том, что надо обсудить и постараться понять, почему те, другие, отличаются от нас, и таким образом, может быть, мы сможем немного изменить наши ценностные ориентиры. Почему ценности этих «других» отличаются от наших?

Мы можем отвергнуть идею навязывания наших ценностей другим, и это порой выглядит слабостью или релятивизмом. Но, на мой взгляд, это не слабость, а признание того, что люди и культуры отличаются друг от друга. Я верю в определенный набор ценностей, но понимаю, что люди в других частях света могут иметь иные ценности. Я не хочу эти ценности у них заимствовать, но могу научиться их уважать. В конечном счете будет несогласие при взаимном уважении. Диалог полезен только в том случае, если он приводит к лучшему пониманию, а не стремится убедить других

отказаться от своих ценностей и принять мои. Скорее надо объяснить, во что верю я, какие ценности важны для меня, и я хочу понять, во что верят они. Они должны уважать мой образ мысли, а я в ответ буду уважать их. Это может способствовать более дружественному и мирному образу жизни.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Я благодарю господина Ежи Вятра за его выступление. С моей точки зрения, он высказал правильную мысль о том, что мы действительно должны слышать друг друга и понимать позиции другой стороны, какие бы они ни были. Но я согласен также и с тем, что нельзя ценности, которые исповедует одна из сторон, навязывать другим. Потому что иначе это приводит к дисбалансу и является контрпродуктивным. Например, уже упоминавшаяся проблема сексуальных меньшинств. Да, мы можем ее понять, мы ее принимаем, но когда на международных площадках нам навязывают это в качестве основной ценности, с этим мы согласиться не можем. Я передаю слово Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Я считаю, что это правильная постановка вопроса: неприемлемо, когда навязывается, скажем, нашей стране на международных площадках проблема отношения к сексуальным меньшинствам как едва ли не к мерилу прав человека. Притом что негативное отношение к меньшинствам в нашей стране западными партнерами всегда преувеличивается. Хотя ограничения у нас налагаются только на пропаганду, причем направленную на молодежь. В принципе у нас никто за это в тюрьму не сажает. Но хочу поспорить с нашим польским другом и моим коллегой. Где все-таки проходит красная линия, что приемлемо, а что неприемлемо? Это первое.

Второе — это те двойные стандарты, которых придерживаются наши западные (и не только западные) коллеги, исповедующие либеральные ценности и сегодня сталкивающиеся с кризисом. Приведу один пример. Есть страны, которые наши партнеры сильно «прессуют» за существующие и несуществующие нарушения и которым мешают жить в соответствии с правилами, заложенными в цивилизационной парадигме. А с другой стороны, если мы посмотрим на страны политически выгодные и удобные нашим партнерам, никаких претензий не предъявляется.

Не так давно в Саудовской Аравии один египетский врач допустил ошибку, принимая роды у женщины из правящего семейства, за что был приговорен к 15 годам тюремного заключения и полутора тысячам ударов плетью: по 100 ударов на протяжении 15 лет. Или в Судане женщину приговорили к 100 ударам плетью за то, что она вышла замуж за христианина, а по закону этого делать нельзя. Это считается адюльтером и наказывается подобным образом.

Я привожу эти примеры, потому что никому и в голову не придет оказывать давление на Саудовскую Аравию и сотрудничающие с ней страны на Ближнем Востоке, так как многие зависят от ее нефти. Эти нормы существуют и вполне приемлемы для либеральных правительств и западного общества,

потому что это невыгодно. Поэтому дело не в цивилизации, а в политике. Политика оказывает влияние на эти конфликты и на те, казалось бы, несовместимые ценности, которые в одних случаях принимаются, а в других рассматриваются как совершенно неприемлемые, опять-таки в силу желания уменьшить влияние той или иной страны, снизить ее потенциал, изолировать ее, как это происходит в данном случае в отношении России.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Виталий Вячеславович. Теперь я хочу предоставить слово нашему коллеге из Соединенных Штатов Америки Шломо Веберу.

ШЛОМО ВЕБЕР: — Мы говорим о разных конфликтах. А почему возникают конфликты? Здесь называли разные причины: национальные интересы, война цивилизаций и т. п. Но один момент был упущен — это борьба за экономические ресурсы. Большинство конфликтов происходит именно по этой причине.

Один из примеров — трагедия Африки после колониального периода, когда борьба за ресурсы и война между различными этническими группами привели к полному развалу некоторых африканских стран. Надо отметить, что в этом есть и плюсы, и минусы. Поскольку, если страны или группы борются за экономические ресурсы, в этом кроется возможность совместной работы и даже надежды на процветание. Мы можем критиковать Европейский Союз за ту политику, которую он проводит. Тем не менее 60 лет европейской интеграции показали, что экономическое процветание ее участников является одним из элементов мирного существования.

Это не единственный пример. Возьмем АСЕАН — пример сотрудничества азиатских государств, которое на самом деле было очень продуктивным для экономического развития и предотвращения разных конфликтов. Или МЕРКОСУР в Латинской Америке, где совместные экономические проекты помогли уменьшить число конфликтов. Я живу в Техасе, который является одним из основных участников НАФТА — Соглашения о свободной торговле между Соединенными Штатами, Канадой и Мексикой, и на собственном опыте могу сказать, что экономическое сотрудничество привело к процветанию Техаса, Мексики и Канады. На основании сказанного хочу резюмировать: нельзя говорить о конфликтах, не учитывая экономический фактор, который способствует не только их предотвращению, но и процветанию и развитию участников конфликта.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю Вас. Пожалуйста, господин Фуад Мамедов.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Я согласен с выступающими: должны присутствовать оба подхода. Во-первых, с точки зрения гармонизации культур и, во-вторых, с точки зрения гармонизации интересов. Безусловно, достижение взаимопонимания требует гармонизации. С одной стороны, необходимо вырабатывать определенные идентичности, основанные на общечеловеческих инте-

ресах, базовых ценностях культуры. Это очень важно. Потому что именно культура является истинным критерием ценности человека, независимо от национальности, вероисповедания, места рождения.

Культура — основа всего, личностная культура, духовная. Я имею в виду, конечно, совокупность культуры разума и культуры чувства, что, как мне кажется, могло бы помочь в решении проблем диалога культур. Об этом много написано, но реальных результатов недостаточно, потому что мы практически не думаем о конкретных механизмах.

Необходимо выработать универсальные этические принципы и работоспособные модели сотрудничества и партнерства. И здесь важную роль играет социальная среда в разных странах, которые, в свою очередь, очень зависимы от политики. Поэтому первое мое предложение — провозгласить десятилетие развития глобальной культуры, в рамках которого предлагается организовать постоянно действующий выездной международный лекторий под названием «Культура спасет мир». Его целью будет содействие реализации международных программ и проектов, ориентированных на аккультурацию и инкультурацию людей, с тем чтобы базовые человеческие ценности, а не национальные, были положены в основу взаимопонимания и сотрудничества. Во-вторых, я предлагаю проводить международные телевизионные культурологические мосты, которые также будут способствовать решению этой задачи.

И, наконец, третье — подумать о реализации международной программы перехода от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo cultures*. Дело в том, что *Homo sapiens*, к которому все мы относимся, сегодня воплощают в себе и культуру дикости, и культуру варварства, и культуру феодализма, и культуру техногенной цивилизации, в том числе и культуру гуманизма. Следовательно, нужно все это перевести на гуманитарную основу, потому что другого пути нет.

Может быть, разработка такой международной программы и соответствующих национальных проектов в каждой стране могла бы помочь сближению и большему взаимопониманию. Возможно, в рамках этой программы можно было бы также подумать о создании международного совета мировой культуры для координации усилий культурологов, политологов, социологов, экономистов, правоведов и даже религиозных деятелей для того, чтобы вырабатывать высокие стандарты духовной, интеллектуально-этической культуры. Потому что невежество — это зло и бедность, а культура — это прежде всего знание, развитие и благосостояние.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое, господин Мамедов, за интересные предложения. Я согласен с Вами, хочу лишь заметить, что у нас, в России, со многими странами сейчас проводятся перекрестные годы культур. Это действительно сближает народы, создает ту площадку, на которой можно вести диалог. Более того, даже сейчас, когда мы переживаем достаточно острую фазу отношений с западными партнерами, то, что касается культурных связей, в меньшей степени подвержено негативным процессам. Поэтому

я абсолютно согласен с Вами, что такую культурную площадку нужно продолжать развивать. Кстати, для этого есть соответствующие форумы и в рамках ЮНЕСКО, и в рамках других международных организаций, на двусторонней основе. Слово предоставляется Владимиру Викторовичу Согрину.

В. В. СОГРИН: — Уважаемые коллеги, я несколько расширю контекст нашего обсуждения. На пленарном заседании говорилось об информационных войнах. Было высказано мнение, что России нужно стремиться побеждать в них и для этого есть все возможности. Эта цель, на мой взгляд, несовместима с идеей развития диалога цивилизаций. Я также почувствовал одностороннюю критику: Запад обвиняют в двойных стандартах, как будто бы с нашей стороны какие-либо двойные стандарты отсутствуют.

Если одна сторона будет преодолевать двойные стандарты, а другая — нет, то продуктивный диалог вряд ли получится. Раскрою некоторые препятствия для развития диалога. Я не хочу, чтобы велись информационные войны и какая-либо сторона в этих войнах побеждала, будь то российская или американская. Рассмотрим конкретный диалог двух совершенно разных цивилизаций — Соединенных Штатов Америки и России. В рамках информационных войн со стороны России используется антиамериканизм, а со стороны США — русофобия. Антиамериканизм — это негативный мифологический образ Соединенных Штатов Америки, а русофобия — негативный мифологический образ России.

Изучением образов других стран занимается специальная дисциплина — имагология. Для нее главной методологической парадигмой является пара «свой–чужой», иначе говоря, каждый судит о другом в меру своей испорченности, в меру собственных качеств. Это очень опасно для диалога. И русофобия, и антиамериканизм включают два одинаковых метода, которые являются основой информационных войн. Я считаю, что, с точки зрения интеллигенции, интеллектуалов, важно обращать внимание на эти два метода, потому что, если мы их будем использовать, никакого диалога не получится.

Первый метод — это манихейство, то есть каждая сторона разделяет мир на две силы — добро и зло. Со стороны России и в рамках антиамериканизма Россия — это добро, а Америка — зло. Со стороны США манихейский подход заключается в том, что Америка — это добро, а Россия — зло.

Второй подход — конспирологический. Каждая сторона видит в неприемлемых для нее событиях происки противной стороны: Москва — руку «вашингтонского обкома», а Вашингтон — «руку Москвы». В период холодной войны Вашингтон неприемлемы для него изменения в третьем мире (Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Куба, Никарагуа и т. д.) приписывал проискам Москвы, отрицая внутренние причины радикальных перемен. Сегодня Вашингтон объясняет сопротивление Донбасса и Луганска исключительно провокациями Москвы. Но и Москва игнорирует внутренние причины нежелательных для нее перемен, скажем, в Гру-

зии и на Украине видит исключительно происки Вашингтона, игнорируя то, что оба государства по своей воле отказались от союза с Москвой и избрали США «империей по приглашению».

Рассмотрим пример Украины. Вчера я услышал замечание со стороны украинского коллеги, что в 1991 году якобы США желали распада Советского Союза и организовали его. Это типичное объяснение всех постсоветских конспирологов. На самом деле факты свидетельствуют о другом: осенью 1991 года президент США Буш-старший, выступая в Верховной Раде, заявил о том, что он категорически против отделения Украины от Советского Союза, поскольку национальным интересам США угрожает распад великой ядерной державы. Но члены партии «Рух», которая господствовала тогда в Верховной Раде, заявили о том, что это «политика двойных стандартов»: «Вы же отделились от Англии в 1776 году, и мы хотим отделиться от России». То есть США были за сохранение Советского Союза, а Украина — против, и она добровольно вышла из состава СССР, с самого начала сделав анти-российский, прозападный выбор.

В 1992 году США в одностороннем порядке заявили о том, что одержали победу в холодной войне и стали использовать ее завершение в своих интересах. Они потерпели затем много поражений, потому что идея однополярного мира несостоятельна, особенно это стало очевидно в период президентства Буша-младшего. Но в одном случае — на постсоветском пространстве — им сопутствовал успех, потому что бывшие страны Варшавского договора и шесть советских республик захотели выйти из российского цивилизационного пространства и войти в американское имперское пространство. Они посчитали, что так достигнут лучшей доли, и среди этих государств была Украина. Мы критикуем Америку за то, что она выделила 5 млрд долларов на организацию «подрывной» деятельности на Украине. Но господин В. Жириновский в Государственной Думе заявил о том, что Россия выделила 60 млрд долларов на всевозможные льготы и поддержку Украины. Возникает вопрос: почему 5 млрд долларов одержали победу над 60 млрд?

Факты должны освобождаться от манихейского и конспирологического подходов. Необходимо объективно оценивать ситуацию — только так мы сможем создать надежную платформу для объективной оценки мировых событий, и только это, а не информационные войны, есть основа плодотворного диалога цивилизаций.

Часто в нашей стране высказывается положение, что все, кто не разделяет антиамериканскую позицию, — это «пятая колонна». Я же считаю, что в нашей стране никакой «пятой колонны» нет, просто одни слепо любят Россию, а другие — рационально, а такие понятия, как «пятая колонна», должны изыматься из диалога культур.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Владимир Викторович, было высказано много интересных и, возможно, спорных суждений. Слово предоставляется профессору Чжан Иу.

ЧЖАН ИУ: — Встречи, подобные этой, часто происходят в Пекине, где обсуждаются схожие проблемы (позиция по отношению к Западу и культурный обмен между странами) и многие другие. Хотя обсуждение проходит на другом языке, темы дискуссий очень похожи. Мне кажется, тематика данных дискуссий включает два важных общих вопроса.

Первый — Россия, так же как Китай, испытывает влияние и давление со стороны Запада. Это влияние достаточно разнонаправленно и неоднозначно. Поэтому перед Китаем стоят те же проблемы, что и перед Россией. Существуют разные пути решения подобных вопросов, аналогичные у разных стран: один подход — это общепринятый путь решения сложных ситуаций, другой — специфический.

Второй вопрос — это взаимопонимание. Важно стремиться достичь взаимопонимания с помощью диалога культур, понять представителей другой культуры.

В настоящее время в условиях стремительного экономического роста китайцы столкнулись с ситуацией, когда необходимо заявить о своей позиции по отношению к Западу. Еще более сложная задача — найти пути взаимодействия, не вступая в конфронтацию с Западом и в то же время избегая полной приверженности ему. С одной стороны, важным является сохранение своих интересов, с другой — большое значение имеют взаимопонимание и культурный обмен.

Культурный обмен действительно очень важен. На мой взгляд, он должен иметь две основные формы. Во-первых, это проведение таких форумов, как сегодня, обмен мнениями в рамках таких встреч. Во-вторых, это обмен на уровне массовой культуры, например взаимообмен между представителями молодежной поп-культуры. Так, американский телесериал “House of Cards” в настоящее время очень популярен в Китае, благодаря ему китайцы могут получить больше информации о США.

Китайские телесериалы также становятся популярными в разных странах. В частности, они пользуются большим спросом во Вьетнаме. Несмотря на недавний конфликт, произошедший между Китаем и Вьетнамом, китайские фильмы по-прежнему продолжают завоевывать зрительскую аудиторию. В действительности культурный обмен, несомненно, затрагивает политические интересы разных стран. Телесериалы являются одной из форм распространения влияния.

Кроме этого, важно взаимопонимание. В Китае существует традиционный подход к данной проблеме — следует проявлять сочувствие к другому человеку, представить себя на месте другого, то есть размышлять с позиции других людей, уважать не только свое, но и чужое мнение. Это один из способов разрешения конфликта. Другой путь разрешения конфликтной ситуации — позволить всем открыто и смело излагать разные точки зрения, с тем чтобы через подобное столкновение мнений достичь взаимопонимания. Эти два способа, возможно, применимы для решения многих вопросов.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Я благодарю профессора Чжан Иу за его взгляд на проблему, это нам весьма интересно. Слово предоставляется Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — В. В. Согрин возразил неназванному им по имени украинскому представителю, который почему-то решил, что США помогли развалить Советский Союз. Согласно Согрину, они этого не хотели. Это мнение подпитывается мифом о том, что во всем виноваты американцы. Если бы так! К сожалению, это не миф, а жестокая реальность. О ней поведали миру президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Первый заявил, что, расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, бывшее основным конкурентом Америки, а вторая в Хьюстонской речи в ноябре 1991 года разъяснила, что Запад всегда предпринимал действия, направленные на ослабление экономики СССР и создание у него внутренних трудностей.

К сожалению, и после распада СССР американцы не прекратили свое вмешательство в дела региона. Теперь их жертвой стала Украина. Организовав государственный переворот, США и Запад сдетонировали на Украине межэтническое и межкультурное противостояние, вылившееся в гражданскую войну на юго-востоке страны. Это тоже не мифология, а реальность. США не устраивала Украина, имевшая равные отношения с Россией и Западом. Ее заставили определиться в пользу Запада, что не могло не вызвать в ней внутреннего социального и духовного кризиса.

К сожалению, на научных конференциях, даже на таком авторитетном форуме, как Лихачевские чтения, невозможно решить подобные проблемы. Культура не может исключить столкновения интересов стран и регионов. И, тем не менее, интеллектуалы должны говорить об этой реальности, чтобы сделать ее менее жестокой. Переводить ее в область мифологии и стереотипов общественного мнения — значит предаваться самообману.

В. В. СОГРИН: — Я абсолютно согласен с Вами, но хочу уточнить: Америку пригласили на Украину. Вспомните Кучму, Ющенко, да и нынешних руководителей.

П. П. ТОЛОЧКО: — Знаете, если к Вам приходят с автоматом, то Вы просто вынуждены пригласить. Не буду дальше дискутировать, но я считаю, что политика и экономика правят миром. Надо исходить из данных реалий и находить решение этих проблем.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Петр Петрович. Проблема Украины, безусловно, многогранна и сложна. Ясно, что мы здесь ее не решим, но тем не менее послушать друг друга все равно полезно. Я предоставляю слово Мануэлю Монтесу.

МАНУЭЛЬ Ф. МОНТЕС: — Я как экономист согласен с тем, что здесь было сказано. Задаюсь вопросом: можно ли конфликт цивилизаций решить с помощью экономического роста? Возьмем, например, Грецию. Экстремистские настроения в греческом обществе возросли исключительно из-за экономических неудач. Поэтому, я думаю, мировые лидеры

на международном уровне должны как можно скорее обеспечить экономический рост, социальную защиту, финансовые интересы разных стран и слоев населения, подобно тем программам, которые были реализованы в Польше, Испании, Португалии. Экстремизм обуславливается утратой молодежью перспектив на будущее. Яркий пример — раскол Югославии, приведший к насилию, конфликтам, столкновению цивилизаций.

Не думаю, что в холодной войне проиграла одна из идеологий. К тому же даже на Западе в связи с кризисом сейчас идут разговоры о пользе левой идеологии. Я понимаю, что это не решение вопроса, но в условиях экономических проблем, безусловно, идеологии начинают сталкиваться с новой силой. Поэтому нам необходимы такие международные обязательства, такие системы отношений, которые могли бы реагировать на экономические проблемы в разных странах, улучшая благосостояние народов и тем самым преодолевая столкновения и конфликты.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я представляю Институт Африки Российской академии наук. Эта организация позволяет изучать реальный материал, легко экстраполирующийся на события и явления в разных регионах мира. Мое сообщение касается двух событий, которые произошли за прошедший год в Африке. Первое — это смерть Манделы и все сопутствующие этому мероприятия, а также идеология национального примирения, которую он реализовал в качестве цивилизационной альтернативы в Африке. Второе — двадцатилетие геноцида в Руанде, которое сопровождалось проведением мероприятий «квик ибука», что переводится как «прощаю, но помню».

Я бы хотела высказать несколько тезисов. В каждом конфликте нужно находить: первое — предмет интересов, а второе — игроков, заинтересованные стороны. Я согласна с господином Вебером, что в основе большинства конфликтов лежат экономические интересы, битва за ресурсы, чем, кстати говоря, объединены те страны, которые этими ресурсами обладают. И африканский регион, и Россия в этом смысле имеют много общего, что афористически выражается в поговорке «Враг лисы — ее хвост». В битве за ресурсы используются различные средства, в том числе этнические и идеологические конфликты, профессиональные и религиозные войны. Но очень часто мы занижаем роль субъективного фактора в тех событиях, которые наблюдаем в истории и в нашей реальности.

Я думаю, правы и те, кто говорит, что экономика и культура — разные вещи. Мне бы хотелось несколько сместить акцент и поговорить о роли культуры, культурного фактора в битвах за ресурсы. На пленарном заседании звучал тезис о том, что условием диалога является понимание сторонами друг друга. Однако мы видим огромное количество примеров, когда понимание культуры является методом манипуляции и возможно-

стью для эффективного управления одной стороны по отношению к другой.

В качестве примера можно привести этнологическую науку колониального характера. Экстраполируя на современность, могу сказать, что советология — это та же история, что и этнография колониальных времен. Поэтому понимание культуры не является гарантией диалога. Можно понимать и делать вид, что не понимаешь. Можно создавать иллюзию понимания.

Возвращаюсь к геноциду в Руанде. С подачи некоторых игроков народы тутси были названы тараканами, и хуту — те, кто убивал тутси, — убивали не людей, а тараканов. То же самое происходит и на Украине, когда убивают не людей, не патриотов, не русских, а колорадских жуков. Прямая аналогия того, что происходит в новейшей истории Украины, с тем, что происходило в Африке. Мы видим огромное количество примеров, свидетельствующих о получении морального права на убийство, когда вторжение, казнь, оккупация сопровождаются уничтожением культуры и истории. Так было и в Ираке, то же самое происходило и в Мали, и это происходит повсеместно. Происходят зачистка культурных памятников, деперсонализация жертвы, лишение субъектности потенциальной или реальной жертвы, чтобы потом ее не жалко было уничтожить. Именно в этом контексте я предлагаю рассматривать события, в которых объединяются и культура, и диалог, и битва за ресурсы.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Елена Владимировна. Слово предоставляется Петру Олеговичу Ильинскому.

П. О. ИЛЬИНСКИЙ: — Мы живем в очень непростое время — между Россией и Западом наблюдаются серьезнейший конфликт и почти полное непонимание, причем взаимное. Скажу об этом с российской стороны, а не с западной. Мне кажется, что для России сейчас важнее, чем для Запада, предпринять определенные шаги, это нужно сделать в течение нескольких ближайших лет или десятилетий. Сегодня уже был озвучен основополагающий вопрос этого непонимания: «А зачем они туда полезли?». А потому, что не может западная цивилизация не полезть, уж такая цивилизация. Так же как афиняне терпеть не могли их современники, потому что это была самая мощная цивилизация, которая всюду лезла, часто себе во вред, кстати. Здесь то же самое. Это нормальный процесс для Запада, потому что это самая мощная цивилизация в истории человечества.

Россия, на мой взгляд, должна больше изучать Запад, поскольку обречена жить по-соседству. Надо хорошо знать своего соседа, а сейчас он известен нам недостаточно. Нам необходимо понять свою историю отношений с Западом и рассказать ему о себе, потому что Запад сам не обязан понимать Россию — она должна себя объяснить. Если не объясним, то оставим это средствам массовой информации. Я смотрю параллельно российские и англоязычные средства массовой информации. Это, конечно, «чума на оба ваши дома».

Один замечательный английский писатель в свое время сказал, что у нас теперь вместо истории — газеты. Так и у нас — вместо истории теперь СМИ. Что это означает? Нам рассказывают конец истории. Не освещают ни начало, ни сам процесс, мы ничего об этом не знаем. Как сказал тот же писатель, «когда мы прочитываем о смерти генерала Бэнкси, из этого следует, что он когда-то родился». Недавно большинство живущих на Западе людей узнали, что некая страна разваливается — об этом несколько недель назад рассказали СМИ. И неожиданно люди обнаружили, что, оказывается, существовала целая страна, которая когда-то образовалась, где-то находится, хотя они плохо представляют, где именно, и т. д. И это надо менять, особенно с российской стороны, устранять этот недостаток знаний.

Запад изучает Россию уже 500 лет, в каждом веке пишутся по 2–3 основательных труда о России, в последние 200 лет написано несколько тысяч специальных работ. Россия про Запад написала две концептуальные, по-моему, работы — Данилевский в XIX веке и Зиновьев — в XX. К тому же в России о них не очень хорошо известно.

Нужно лучше изучать Запад. Изучать на двух уровнях: индивидуальном и общественном. Во-первых, надо все-таки лично общаться с другой культурой: путешествовать, возвращаться, смотреть на себя, на других. Приведу пример. Приехал Федор Михайлович Достоевский впервые в Европу, понаблюдая, как там люди живут, и написал свои первые заметки о Западе. А увидел, что там, оказывается, процветает слежка — на этом демократическом Западе за всеми следят. Там, оказывается, холодная технологическая цивилизация. Оказывается, секс-индустрия присутствует в Лондоне (какой ужас!). И вообще, у них все не так и неправильное христианство.

И об этом он написал во многом, как мы сейчас понимаем, несправедливо. Но в то же время он за время той же поездки посмотрел на Россию другими глазами, что породило у нашего автора много тонких мыслей о своей родине. Но самое главное — во время этого внутреннего диалога с Западом ему пришла в голову идея о сверхличности — человеке, который будет жертвовать собой во имя других. Таким образом родился роман «Идиот» — одно из величайших произведений мировой литературы, которое объясняет кое-что про русских не только им самим, но и всему миру. Вряд ли кто объяснил это лучше, чем Достоевский. Попросите на Западе назвать наиболее известных представителей русской культуры, и скорее всего это будут Достоевский, Толстой и Чайковский — все. Может быть, потом вспомнят еще кого-то, но эти самые главные. Таким способом, на личном, индивидуальном уровне нужно познавать чужую культуру. Кстати, «Идиот» был написан в основном в Швейцарии и Италии, во Флоренции...

Во-вторых, на общественном уровне Россия должна сама себе объяснить, как она жила по соседству с Западом 500 лет, и рассказать об этом Западу. Запад, как я сказал, — самая мощная цивилизация в истории человечества. Как только она в XV веке стала технологически совершеннее других, то завоевала почти весь

мир. Сегодня здесь присутствуют представители стран, бывших некоторое время назад европейскими полуколониями, — Китая, Японии, Таиланда, но даже они — исключение, поскольку весь остальной мир в то или иное время был западной колонией. А Россия вообще никогда не была даже полуколонией, потому что выработала способ борьбы с Западом. Это была не очень приятная система, но и соперник у нее был особенный — самый сильный в истории человечества. Поэтому образовалась вертикаль власти, служилое сословие; Россия стала заимствовать военные технологии, нанимать специалистов военного дела, расширять территорию, насколько возможно, — чтобы если захватили, то хоть до Москвы не дошли.

Более 200 лет эта система замечательно работала, и венцом стал 1814 год, когда она окончательно победила. И тут вдруг Запад обнаружил на своих границах иную цивилизацию, сравнимую с собственной. Тогда и родились эти цивилизационные антирусские стереотипы, которые существуют до сих пор, знаменитая русофобия эпохи 1830–1840-х годов. Но потом началась Крымская война, и система почему-то не сработала. Крымская война — поражение, новая попытка реформ — опять поражение. Затем попытка реформирования советской системы — снова не удалось, и опять поражение. Понимаете, эта система работала замечательно 200 с лишним лет, а потом дала сбой. И если сейчас, в четвертый раз, пытаться повторить то же самое — заимствовать только военные технологии и отодвигать границы, строить жесткую вертикаль власти, это уже не сработает, нужно перенимать что-то еще.

Полагаю, нужно заимствовать у Запада то, в чем он сильнее всего, — внутренние общественные технологии. За 500 лет европейское общество прошло колоссальный путь развития. Поэтому здесь есть обратная связь между обществом и государством, есть освобождение творческой личности. Западный человек знает, что если в 19–20 лет он обладает каким-либо талантом, то у него высок шанс в 45–50 лет стать обеспеченным, серьезным, уважаемым членом общества. У российского 20-летнего таланта такой уверенности нет, она должна появиться. До тех пор пока у нас не произойдет заимствования общественных технологий, их переноса на российскую почву, не будет уважения и признания Западом. Только от России зависит, чтобы Запад принял ее как независимую, но не недружественную самость и соседа. Конфликтовать не нужно, нужно сотрудничать.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Интересный взгляд, нестандартный и достойный размышлений. Спасибо. Слово предоставляется Юрию Самуиловичу Голигорскому — независимому журналисту и продюсеру из Великобритании.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я рад, что здесь вспомнили выступление Буша-старшего в Верховной Раде в Киеве. Иногда мне казалось, что я единственный, кто это помнит, потому что я был на том заседании. Создавалось такое впечатление, что он тогда не просил, а умолял подписать Союзный договор. Не потому, что так любил Советский Союз, а потому

что страшно опасался его распада, как тогда думали, на 15 ядерных элементов. Потом оказалось, что только на четыре...

Здесь было озвучено несколько тем, которых я хотел бы коснуться. Начну с русофобии на Западе. Я живу в Лондоне около 40 лет и хорошо его знаю. Попробуйте найти билеты на ежегодно приезжающие в Лондон Большой театр, Мацуева, Башмета — и вы определите уровень русофобии в Лондоне. Спросите интеллигентного британца, кто такой Антон Павлович Чехов, и он вам скажет, что это национальный английский драматург — только так и воспринимается, поскольку в Лондоне ежегодно ставится не менее двух чеховских пьес. В Лондоне идут постановки Трифонова, современных российских авторов. Попробуйте пробиться сквозь толпу во время празднования Масленицы на Трафальгарской площади — и вы определите уровень русофобии в Великобритании. И, наверное, уже как апогей — всего еще полгода назад велись серьезнейшие переговоры о том, что Росатом будет строить атомную станцию в Великобритании. Кириенко приезжал, и это обсуждалось на самом высоком уровне. Это что касается русофобии.

Далее, было сказано, что Маргарет Тэтчер злорадствовала по поводу распада Советского Союза. Тэтчер, если мне не изменяет память, сделала ставку на распад коммунистической системы, но не на распад СССР. Вы ошибочно ставите знак равенства между этими событиями. Но, очевидно, она шире смотрела на вещи, потому что коммунистическая система — это был не только Советский Союз. СССР выступал во главе, но ведь была еще и Восточная Европа, поэтому там был замешан Бжезинский и прочие.

Потом было сказано, что есть какое-то единое западное мнение и западная пресса. Действительно, есть такое понятие, как западная пресса, но нет такого понятия, как единое мнение в западной прессе. Не потому что мы такие умные, белые и пушистые, а потому что, если мы будем дуть в одну дуду, мы никогда не продадим ни одну нашу газету, ни теле- или радиопередачу.

Мы должны давать палитру мнений. Наша пресса и средства массовой информации должны быть такими же полифоничными, как фуги Баха, иначе мы ничего не продадим. У нас разные читатели, у них разные вкусы, мнения, разные идеи, понятия и восприятие окружающей среды. Приведу пример. Вы, Петр Петрович, сказали о том, что Януковича курировали ЦРУ и Байден. И пресса у нас писала об этом. Да, приезжали ЦРУ, Байден, но у нас также писали, что приезжал Сергей Орестович Беседа — генерал-полковник ФСБ, который тоже курировал Януковича. Но дело в том, что у нас писали об этом и мы знаем об этом. Конечно, очень важно, что пишут западная печать и средства массовой информации — они в одинаковой степени освещают абсолютно все аспекты конфликта, чтобы мы поняли. Но главный вопрос, который ставит западная пресса в отношении Украины: может ли государство с населением 46 млн человек принимать самостоятельные решения или же оно всегда будет действовать по указке либо московского, либо Вашингтонского «обкомов»? В по-

становке этого вопроса западная пресса абсолютно единодушна.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо. Слово предоставляется гостю из Испании, дипломату Хуану Антонио Марку.

ХУАН А. МАРК: — Я нахожу интересным предложение господина Мануэля Монтеса глубже проанализировать отношения между цивилизацией и экономикой. Думаю, что сегодня это ключевой вопрос. До сих пор мы говорили о глобальной конкуренции — о том, как цивилизации готовят своих членов к тому, что в открытой экономике можно потерпеть поражение и проиграть. Так, у нас примерно 15 лет назад в текстильной промышленности квотировали импорт текстиля из Турции и Египта, но потом в какой-то момент решили открыть свободный рынок. И сразу же Турция, Марокко и Египет исчерпали свои возможности конкуренции с Китаем, который занял все ниши.

Посмотрев на подобные взаимодействия цивилизации и экономики, можно понять, что проблема соревнования в глобальном масштабе очень серьезна. Например, арабская культура с большим трудом интегрирует в экономику женщин, 50 % населения не интегрировано. Как это сказывается на возможностях конкуренции в глобальном масштабе? Это очень важный вопрос, и его необходимо серьезно обдумать.

Европейская цивилизация великая, с более чем двухтысячелетней историей, но нам тоже надо думать о будущем и учиться конкурировать. Проблема в том, что наша цивилизация стара, поэтому находится в стадии распада, к тому же мы недостаточно сообразительны. У России в этом смысле, я считаю, колоссальный потенциал — много умных молодых людей, которые хорошо знают физику и математику. Но вот что меня беспокоит. Чубайс как-то сказал: «В России мы очень активно направляем деньги в науку, но у нас совершенно не получается превратить науку в деньги». Анализируя глобальную экономику, мы находим российские предприятия в основном в сферах нефтедобычи и энергетики. Но практически нет крупных российских компаний в пищевой промышленности, архитектуре. Так что, может быть, стоит перестать думать о прошлом и жить прошлым, а подумать о том, как могли бы работать в будущем, организовав тысячи успешно работающих предприятий в других отраслях.

Возможно, то, что я сейчас скажу, покажется политически некорректным, но, на мой взгляд, Европа, по крайней мере ее западная часть, исторически тесно связана с Россией. Вместе мы могли бы составить огромное пространство — 800 млн человек. И мы можем воспользоваться тем, что нам предлагается, — тесной связью, как это происходит в Соединенных Штатах. Мы могли бы организовать такое же пространство, как в США, на территории России. Я думаю, что россиянам необходимо объединиться с Европой. В Европе все убеждены, что Россия — на 100 % европейская страна. Америка играет с Азией. Но будущее России все-таки рядом с Европой. И мы могли бы тогда учесть предложение господина Моратинуса

о предотвращении конфликтов, о том, чтобы принимать соразмерные меры на европейском пространстве. Это довольно хорошее предложение.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Анатолию Андреевичу Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — В 1930-е годы, когда Эйнштейн разъяснял миру свою теорию относительности, многие думали, что с ее помощью можно кое-что объяснить и в политике. Но однажды, когда один из студентов задал Эйнштейну вопрос о том, можно ли так сделать, тот ответил — нет, нельзя, потому что политика сложнее физики. Возможно, это выдуманная история, но мне хотелось бы подчеркнуть, что все, кто здесь выступает, хотят добиться какой-то общей истины в подходе к той или иной проблеме. На мой взгляд, истины, когда мы их начинаем сравнивать и пытаемся совместить, оказываются несовместимыми, поэтому вместо одной истины надо искать правильное решение. В свое время таким верным решением стало принятие права вето, то есть единогласия великих держав в Совете Безопасности ООН.

За это вето наша дипломатия сражалась очень настойчиво. Я помню по рассказам отца, что во время одной из решающих встреч с президентом Франклином Рузвельтом, самым выдающимся американским президентом, он после того, как Рузвельт стал колебаться, сказал, что для нас правило единогласия — это Сталинград — дальше отступать нельзя. И после этого Рузвельт смягчился. В конце концов на Крымской конференции было согласовано право вето. Потом в Сан-Франциско его пытался отменить президент Гарри Трумэн. Он убеждал государственного секретаря Стеттиниуса, что надо попробовать изменить Устав ООН и не допустить принятия права единогласия великих держав. Эта атака была отбита, когда мой отец заявил, что в таком случае Советский Союз не сможет работать в Организации Объединенных Наций.

Устав ООН в международных отношениях второй половины XX века играл очень важную роль — своеобразного якоря, который удерживал эти отношения в бурлящем море. Это полезный Устав, и, с моей точки зрения, ООН было тяжело создать и трудно будет разрушить. Но если ООН разрушат, другой такой планетарной демократической организации, где все имеют право голоса, даже маленькая страна, создать не удастся. Я об этом говорю, потому что не так давно представитель США в ООН Болтон, назначенный Бушем-младшим, заявил: «Такой организации, как ООН, больше нет...» Ну ладно, давайте предположим, что это было просто не очень умное заявление.

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, — о русофобии и антиамериканизме. Такие явления присутствуют в политической жизни — и в США, и в Советском Союзе это было, и сейчас в России, конечно, есть элементы антиамериканизма. Однако, на мой взгляд, это очень незначительная часть настроений в нашем обществе, да и в американском тоже, и в английском. В Англии уважали советскую, а сейчас лю-

бят русскую культуру. Мой сын Алексей, англовед, регулярно ездит в Англию на вышеупомянутую Масленицу и присутствует там как представитель русской общественности. Русофобские настроения на Западе, конечно, присутствуют, но они не являются решающими. Мне, например, приходилось встречаться и с Бушем-старшим, и с братьями Кеннеди, и со многими другими видными американскими деятелями. Я согласен с теми, кто постоянно напоминает нам: если мы ведем диалог, то нужно учитывать национальные интересы другой страны. И нам в России сейчас хочется, чтобы западные партнеры, часто друзья, учитывали, что Россия не может допустить появления НАТО на границе с нашими центральными районами. Это будет самоубийство для России. Я не знаю, что мы сделаем для того, чтобы НАТО не появилось на Украине, но будь моя воля, я бы никогда не пустил его туда. И дело здесь не в какой-то фобии, а в том, что мы не можем позволить, чтобы американцы разместили свои ракеты поблизости от наших границ. Мы в свое время на Кубе их поставили, вспомните, сколько было крика и шума. Я тогда работал в Англии и думал, неужели погибну от советского ядерного оружия в туманном Альбионе. Учет национальных интересов друг друга очень важен. Очевидно, русофобия и антиамериканизм в какой-то степени присутствуют и у нас, журналисты очень любят обострять эту тему. А в народе? Я в Америке прожил 13 лет, в Англии — почти 5 лет и, когда выезжал на лекции и общался с рядовыми англичанами, американцами в глубинке, нигде не замечал русофобии. Да, их волновало наше поведение. Все это обсуждалось, но русофобии я не чувствовал.

Не считаю, как здесь было заявлено, что улучшение взаимоотношений зависит только от России. Улучшение — это двустороннее движение. Назовите мне хотя бы одну акцию нынешнего официального Вашингтона, которая учитывала бы национальные интересы России в каком-либо регионе мира. Мы сделали много примирительных шагов, вплоть до того, что ушли из Центральной Европы. Взяли и ушли, не получив ничего взамен. И в результате имеем сейчас намерение США организовать ракетные базы у нас под боком. Российский народ с этим никогда не согласится.

Тут говорилось, что Россия в долгу перед всеми. Ни перед кем мы не в долгу, так же как и США. Проводится опасная политика, причем учтите, как она проводится: у США сейчас 400 тыс. солдат в 100 странах, то есть прежняя система окружения Советского Союза военными базами сохраняется. Совершенно непонятно, что Вашингтон забыл на Украине.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Анатолий Андреевич, за ваши интересные мысли. Единственное, я хотел бы сделать комментарий по поводу названия Организации Объединенных Наций. Если оно будет переименовано на «государств», то это будет звучать как “Organization of United States”. Я не думаю, что с этим согласятся другие.

А сейчас попрошу высказаться Валерия Александровича Черешнева.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, хочу начать с интересной истории. В Петербурге на Английской набережной есть мемориальная доска, свидетельствующая о том, что в 1850–1853 годах здесь работал послом Бисмарк, будущий великий канцлер. Он изучал русский язык и до поездки в Россию, и здесь совершенствовал его. В своих мемуарах он пишет, что понимает русских, но не может понять русских, которые говорят одно слово — «ничего». Русское слово «ничего». Выходит на улицу, там дождь или что-то еще. Спрашивает: «Как погода сегодня?». Отвечают: «Ничего, нормально, не сильно же льет». Приходит на рынок (а он жил на набережной, и там, где сейчас Дворец Труда, был небольшой рынок), спрашивает: «Мясо есть?». Отвечают: «Есть». Спрашивает: «Как мясо?». Отвечают: «Ничего». Что такое? Что ни спросишь — все «ничего». Через три года, осенью, в октябре, он покидает Россию. Карета подъехала, скрипнуло колесо. И он говорит кучеру: «Что-то не то». — «Да все нормально, барин, ничего, доедем». Только выехали из Петербурга, первый овраг, снег. Колесо, конечно, сломалось — карета перевернулась. И вот они с приятелем лежат, окровавленные, пораненные осколками стекла. Дверь открывается, и этот кучер достает его: «Жив, барин?» — «Да жив-жив... Я же тебе говорил». — «Да ничего, барин, ничего. Живой же». «И вот здесь, — говорит Бисмарк, — за Петербургом, среди этой грязи, на проселочной осенней дороге я понял смысл этого русского слова “ничего”. Весь мир не понимает. А целый народ живет». «Ничего» — слово-оптимист, слово-утешитель, слово диалога, который всех приводит к единому знаменателю. Вернувшись в Германию, он снял с трости, которой хотел отходить кучера, серебряный набалдашник и попросил сделать перстень, на котором русскими буквами было выгравировано: «Ничего». Бисмарк рассказывал, что, когда в правительстве были особенно шумные баталии, он смотрел на этот перстень, и тот его успокаивал. И призывал: «Не делайте резких движений против России — ничего не получится, а ответ будет неожиданным и чаще неадекватным».

Ну а теперь перехожу к теме. Мы говорим о диалоге культур, а важные части культуры — это наука и образование. К 1960–1965 годам сформировались две научные сверхдержавы — Соединенные Штаты и СССР. Освоение космоса и атомный проект были четкими индикаторами этого. И это было уравновешено. Конечно, я согласен с Петром Ильинским, что российская цивилизация всегда отставала от западной. Я не хочу проводить параллели, но вспоминается Толстой, который говорил о том, что, казалось бы, ведь все понимаем, что к чему. Взять да хорошим людям объединиться, их же всегда большинство, и дать урок этому маленькому меньшему злу. Но зло всегда активно, всегда настойчиво, всегда с хорошей генетической памятью, и пока не достигнет своих целей даже во вред поколениям, оно свою доминанту функциональной системы этой направленности не исчерпает. Поэтому и возникают агрессивные националистические и фашиствующие движения. В 1961 году, когда я жил на Урале, в Соликамске, и учился в 9-м классе, Никита Сергеевич

Хрущев объявил амнистию и заключенных освободили на 2–3 года раньше. Хорошо помню, как колонны немцев отправляли на поездах через Москву в Германию. И помню, как тысячи бандеровцев (40–50-летние мужчины) покидали Урал и возвращались на Западную Украину. Я знал, что было бандеровское движение и после войны, банды, с которыми боролись, но чтобы в таком количестве!.. Кроме Соликамска была еще и Сибирь, всего освободили более 100 тыс. человек.

Сегодня мы обсуждаем реформу Академии наук. И министр, обосновывая ее, говорит: «Где сегодня передовая наука? На Западе. А где она на Западе развивается? В университетах. Вот и будем стремиться к университетам». И финансирование университетов с 2004 года резко растет, а Академии наук — всего 5–7 %. Но у нас возникает вопрос: «Простите, а какая страна сегодня на втором месте?» — «Китай». — «А в Китае что, тоже в университетах наука?» — «Да нет, в Академии». — «А они с кого кальку сняли в 1949 году?» — «С Академии наук СССР». Почему же положительный опыт страны, которая пошла по нашему пути, мы игнорируем, а киваем в сторону Запада?

Попробуем разобраться, откуда это пошло. Помню, когда в 1990 году меня только что избрали членом-корреспондентом Академии наук, как раз произошел распад Советского Союза, к нам в Россию приехали западные специалисты и сказали: «Мы все проанализировали, мы вам в помощь, коллеги». — «Конечно, мы слушаем». — «Образование у вас слишком теоретизированное. Думаете, мыслите, концепции, теории... Зачем? Нужен рациональный, практически работающий человек. Поменьше этого, побольше практических навыков. Почему у вас столько уроков математики в неделю — это же теория, что — дети все математиками будут? Почему на изучение литературы и русского языка отводится так много уроков, вы что — последователей романтизма воспитываете?» и т. д. Далее мы проанализировали: «Академия наук — это последствия тоталитарного строя. Посмотрите, каждый институт — это почтовый ящик. А у вас как?» — «А у нас демократия, у нас в университетах профессор работает со всеми студентами, аспирантами. И в лабораториях они работают. У вас научные школы эфемерные — это застой. А у нас — защитил докторскую диссертацию и иди на все четыре стороны, прояви себя, покажи, чего ты стоишь». Звучит как будто бы ничего.

И посмотрите, что началось. С 1991 года в науке и образовании насаждается четкая концепция отсталости. То есть капитализм неравный — конечно, есть развитые страны, есть неразвитые. Есть «Большая восьмерка», есть «Двадцатка» и т. д. Россию отнесли к развивающимся странам — периферийный капитализм. И сразу появились советники: а зачем вам весь спектр науки? Зачем вам 8–10 направлений, которые развивает ООН и ЮНЕСКО прежде всего? Достаточно двух-трех. Сосредоточьтесь на наиболее актуальных — вот что главное. Мы отвечаем: «Но есть Швейцария, а есть Россия. Если мы сосредоточимся на одной технологии, то будем в Южной Корее. Да, электроника высочайшая, а все остальное? А все остальное — ноль». Как Россия может сосредоточиться на чем-то одном? По всему

спектру — и широко пахать! Только когда мы так работаем, мы защищены. Мы работаем на систему своей безопасности, и поэтому нам не нужны такие *советы*. Что пытаются сделать из России? Развивающуюся страну. И посмотрите, ведь сделали за 20 лет.

Коллеги обсуждают, почему наукоемкие производства не развиваются, — а потому что концепция другая, к сожалению. Мы стали сырьевой страной, как все развивающиеся страны. Ведь чтобы построить альтернативную энергетику, водородную например, нужно 3 тыс. микроэлементов. У нас в России на сегодняшний день можно получить 1–1,2 тыс., остальное должно поставляться с Запада. Марганец остался на Украине, уран — в Казахстане, свои месторождения еще не разработаны, к тому же это огромные затраты. Кроме того, существует договоренность с ЮНЕСКО, и ООН это продвигает, — северные территории без совместной рецензии не осваивать. Допустим, стали разрабатывать сейчас новое месторождение, установили нефтяную платформу, но пока не побывают представители всех стран, не посмотрят, что это безопасно, чтобы не повторить сценария Мексиканского залива, работы не начнутся, то есть предъявляются высочайшие требования. Мы-то пришли к пониманию, что подобные требования обоснованы. Вспомните: в 2004 году заместитель Фурсенко, Ливанов, начинает реформу Академии наук. Получает отпор. 2006 год — второй отпор. Увольняют Ливанова за то, что не сумел установить отношения с Академией наук. И вдруг его же назначают министром образования и науки Российской Федерации без согласования с Академией наук. То есть человек, который был исполнителем тех реформ в Академии наук, сейчас возглавляет министерство. И в каждом своем выступлении говорит: «Наконец-то Академия стала клубом ученых». И из Академии передаются институты. Это совершенно осознанный шаг. Кто посоветовал? От авторства все отказываются.

В 1991–1992 годах приватизировали все прикладные институты. Закрыли Минсредмаш и сопутствующие организации, в результате из 6,5 тыс. осталось 900 институтов. Все прикладные институты — теперь банки и офисы. Вот вам и реформа прикладной науки. А потом вопрос к Академии наук: а где практическое внедрение?

Я сейчас изучаю историю Академии наук и убеждаюсь, что неоднократно предпринимались попытки реформирования: и во времена министра Уварова, и после Октябрьской революции. Роль и значение Академии, как ни странно, оценил именно И. Сталин, который распорядился в 1934 году переместить Академию из Петербурга в Москву и начать сотрудничать. В итоге с 1931 по 1941 год финансирование Академии наук увеличилось в 25 раз, были созданы 150 институтов, выделены 200 новых вакансий и т. д.

Сейчас хотят всю науку перенести в университеты. Почему? Потому что так в Америке. Но в Америке и Академии наук фактически нет, это же общественный клуб, члены которого собираются, платят по 100 долларов в год, получают три номера журнала и три собрания с чаепитием. Какая Академия наук? Вы к чему нас призываете? У нас по-другому все исто-

рически развивается. Но все-таки я думаю, что «ничего» — все будет нормально.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Александру Огановичу Чубарьяну.

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Проблема, которую мы обсуждаем, очень сложная, комплексная, о ней говорят уже много лет и на разных уровнях. Мировое сообщество не приняло идеи Хантингтона, тем не менее определенное рациональное зерно там есть. Я бы хотел отметить, что проблема диалога цивилизаций всегда была, есть и будет, поскольку существуют объективные ценностные и исторические противоречия, которые вряд ли возможно ликвидировать. Я изучал историю создания Евросоюза и могу сказать, что отцами-основателями он мыслился немного иначе, чем оказалось в реальности. Сегодня практически ни одна страна — член Евросоюза — не готова пожертвовать своими культурно-национальными традициями ради общих экономических интересов и согласования некоторых политических действий. В этой системе противоречий есть одно ключевое понятие — образы, представление одних народов о других. Здесь говорили о русофобии, но ведь она имеет глубокие исторические корни. Вспомним время правления Александра I, когда казалось, что наступает новая эпоха в отношениях с Россией, однако появился граф де Кюстин со своей теорией и на долгие годы снова возродил русофобию. Стереотипы, выработанные 200 лет назад, очень живучи и не уходят из подсознания, их легко реанимировать. Во время Второй мировой войны оказалось, что их можно приглушить или даже отбросить, но в целом эти противоречия очень сильны.

Кроме этого, есть еще национальные интересы, о которых уже упоминали. Когда Г. Киссинджер в своей докторской диссертации формулировал некоторые подходы к Европе в XIX веке, он апеллировал к европейскому балансу и говорил о том, что все равно есть объективные противоречия интересов Англии, скажем, Франции и Германии. Допустим, если в Лондоне видят, что Берлин слишком «заигрывает» с Москвой, начинают менять ориентиры. То же самое и в других странах. Помимо национальных интересов, есть геополитическое пространство, которое очень расширилось в последнее время и стало малоуправляемым, потому что в него включились разные страны и континенты, например Азия с Китаем и Индией, что также создает значительные сложности.

Следующий момент, о котором я хотел бы сказать, — сегодняшний мир. Холодная война ушла, но ее наследие осталось. Что я имею в виду? В течение многих лет, десятилетий сохранялся биполярный мир. Страны, главные в этом мире, привыкли жить по определенным законам, и весь остальной мир привык жить по этим законам. Поэтому реанимация этого наследия прошлого очень живуча. У нас в Институте всеобщей истории есть Центр по изучению холодной войны, сейчас мы готовим к печати большую книгу, где пишем о том, что холодная война была конфронтацией, но при этом имела определенные ограничители. Ни разу она

не переросла в большую «горячую» войну, потому что имела свои правила игры, каждый знал свое место в этой системе. Это была опасная система, но она не вышла за свои пределы. Поэтому, я думаю, в периоды обострения отношений человечество должно научиться находить такие ограничители, лимиты.

И последнее, что хочется отметить, — возросшее в огромной степени влияние средств массовой информации. Они могут облегчить взаимопонимание, но они же могут и значительно испортить всю картину. Я очень уважаю нашего коллегу из Лондона, который сказал, что английские газеты должны объективно писать об одном, другом и третьем, но российским представителям и сегодня трудно опубликовывать статьи в газетах стран Западной Европы. Потому что у них свои стереотипы в отношении России, и они размещают только те статьи, которые выбирают сами. Конечно, есть еще независимый Интернет, из которого можно получить гораздо больше сведений, но надо помнить при этом, что все независимые и самостоятельные источники информации исповедуют и коммерческие интересы. Поэтому, что бы мы ни говорили, СМИ оказывают огромное влияние на умы и чаяния людей. У меня есть очень хорошие друзья в Европе, и они неплохо относятся к России, но они мало осведомлены. Сведения получают в основном из средств массовой информации своих стран и нигде больше. Люди плохо информированы. Это относится и к западной стороне, и к России, у нас тоже мало информации. Но в целом, я подчеркиваю, мир живет под большим влиянием средств массовой информации, активизирующих стереотипы, о которых я говорил вначале. Поэтому, мне кажется, очень важен момент преодоления психологических барьеров и большей информированности населения о том, что происходит.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я хочу очень коротко ответить — по-моему, Вы абсолютно правы. И я Вам скажу, почему. К сожалению, очень часто мои коллеги вместо того, чтобы публиковать Чубарьяна и, конечно же, Вас, господин Черешнев, публикуют Дмитрия Киселева. И это плохо, я согласен с Вашей критикой. Но в «Гардиан» почему-то предпочитают Дмитрия Киселева.

Г. М. ГАТИЛОВ: — У нас есть еще один гость — Посол Кипра в Российской Федерации господин Касулидис. Я предоставляю ему слово.

ГЕОРГИОС КАСУЛИДИС: — Я полагаю, что человечество стремится к стабильности. Но, к сожалению, как сказал древнегреческий философ Гераклит, «все течет, все меняется». И человечество, на мой взгляд, обречено двигаться через насилие, через борьбу за экономические ресурсы, за жизненное пространство. Эти идеи глубоко укоренены в человеческой природе. Возможно, со временем культура и цивилизация будут существовать мирно, но пока конфликты «выползают» на поверхность и всякая рознь между идеями и цивилизациями становится способом существования. И в XXI веке конфликты еще не закончились. Мы ви-

дим, что сейчас война ведется уже без взятия пленных, без открытых столкновений, как, например, на Ближнем Востоке, но — как сопутствующие потери — в ней страдают христианские общины на Востоке. В Европе был период, когда казалось, что Европейский Союз станет объединяющим фактором для всего континента, собравшим все разнообразные культуры под одной крышей. К несчастью, несколько лет назад еврокризис, а теперь украинский кризис показали, что эти надежды не оправдались.

В моменты кризиса очень важен диалог. Как говорил господин Моратинос, при столкновении цивилизаций диалог обязателен, и большая ошибка, что эти дискуссии пока ведутся только учеными и исследователями. Диалог — очень хорошая возможность приостановить кризис в зародыше. Мы упустили этот шанс с Украиной, потому что прислушались к собственным аргументам, а не к аргументам другой стороны. Стереотипы, застарелая вражда и подозрения отравляют нашу жизнь, но я твердо верю, что все-таки удастся урегулировать этот спор, и я соглашаюсь с моим испанским коллегой в том, что сейчас надо стремиться к Большой Европе. Это должно стать примером сдерживания кризиса, так же как произошло с использованием химических отравляющих веществ в Сирии, когда благодаря усилиям дипломатов конфликт был ликвидирован, и сейчас химические отравляющие вещества там уничтожаются. Это был успех российской внешней политики в том числе. Поэтому первое и главное правило — никогда не прекращать переговоры. Необходимо искать тайные силы, раздувающие конфликт, которые обязательно будут не идеологическими, историческими или культурными, а, конечно, экономическими. И надо стараться сделать так, чтобы никто не манипулировал этими силами и тенденциями. Только диалог спасет во время кризиса. И я предпочитаю горячие споры в этом зале спорам на улице или на поле боя.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, господин посол. Слово предоставляется господину министру Мигелю Моратиносу.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Мне было очень интересно слушать этот страстный и очень информативный спор. Но я хотел бы подвергнуть некоторой критике то, что мы сегодня выслушали. Я думаю, вам стоит со мной согласиться в том, что мы немного западноцентричны. Каждый раз мы говорим, что находимся в большом глобальном мире, здесь присутствуют наши коллеги из Китая, представители Филиппин, Африки.

Отец нашего коллеги Громько совещался с президентами Рузвельтом и Трумэнном, они определяли судьбу XX века. Но мировой порядок изменился, сейчас 2014 год. Не надо нам обращаться к прошлому и применять подходы прошлого к сегодняшнему дню. Вы хотите выиграть информационную войну. Я откровенно говорю: вы хотите биполярного мира и возвращения холодной войны. Может быть, лучше преодолеть ее наследие? Предложить новые инструменты, новые

платформы, новые концепции будущего, новые идеи? Иначе у нас будут продолжаться кризисы, как тот, что сейчас разразился на Украине. И мы вновь не сможем выработать результативного решения.

Действительно, что надо делать на Украине? Трагедия состоит в том, что за последние 10 лет либо Европа, либо Россия, либо американцы должны были что-то делать. Почему у нас нет коллективной платформы? У нас глобальный мир, глобальная иммиграция, глобальное изменение климата. У нас есть глобальный исламский радикализм — в Африке, республиках Средней Азии. У нас есть Иран.

Но мы должны помешать глобальному голоду на Украине. Россия усилит свое военное присутствие в Крыму, свою военную базу — понятно, она тоже должна защищаться. И мы должны защищать нашего общего друга. Давайте изменим эти традиции: лучше объединимся и попробуем решить проблемы безопасности хотя бы в одном регионе. Культурный диалог должен использовать новые инструменты для облегчения понимания и решения конфликтов в сегодняшнем мире.

Наш Комитет может обратиться к ООН и к кому-нибудь еще, если сочтет нужным, чтобы ученые попробовали разработать новую концепцию — обязательно новую. Мы все время обращаемся к прошлому, а сейчас 2014 год. Вокруг нас молодые люди, новые средства связи, новая экономика, которая должна полностью изменить наши взгляды на жизнь. Я думаю, что мы можем добиться успеха. Не будем ломать старую систему, пока не найдено решение. Культурное разнообразие обязательно должно быть учтено при реформе ООН.

Здесь упоминалось право вето. Может быть, сейчас пора поменять Совет Безопасности и его регламент, избрать нового Генсека ООН, употребить какое-то новое влияние? Вы критикуете Штаты, я тоже, но, пожалуйста, сами не совершайте ошибок, которые делают американцы, потому что вы все время хотите победить. Вы хотите получить такое же влияние, как они, или даже большее.

Пока я был министром, я проехал более 10 млн миль по всему миру. И могу сказать, что мир изменился. Конечно, Европа важна, но Европа и Россия, вместе взятые, еще более важны. Вопросы мира и войны должны решать не только мы. Африка, Латинская Америка, Азия — все эти страны имеют право голоса и выбора. У нас есть колоссальные возможности, есть люди, располагающие опытом, знаниями, историей. Как говорил господин Мамедов, мы должны определить ценности, которыми руководствуемся, и таким образом способствовать разнообразию культур без вражды между ними. В Европейском Союзе высказывается такая идея — единство через разнообразие.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается Владимир Константинович Мамонтов.

В. К. МАМОНТОВ: — Уважаемые коллеги, я вместе с Виталием Товиевичем Третьяковым представляю журналистов, которые неоднократно упоми-

нались здесь в различных контекстах. Мы говорим сегодня о диалоге. Я слышу, что журналисты всегда заостряют и «разжигают» диалог. Может быть, но давайте по-честному. Мы участвуем в заседании. Когда мы внезапно просыпаемся и слушаем внимательно? Когда чувства и подлинная заинтересованность пробиваются сквозь благорассуждения о необходимости, упрочении и всяческой нравственности. Когда заостряют. Когда чувствуешь накал, тогда диалог важен и полезен. Вы сами скажете, насколько он полезен вам, но мне, как журналисту, полезна именно эта часть диалога.

В балете Баланчина «Драгоценности», который мы вчера смотрели в Мариинке, последняя часть — «Бриллианты» — прекрасна, она благорассуждающая, благо-растворяющая. Но волнение и трогательность — в «Рубинах» Стравинского. Чувство нового, движение вперед, прорыв и в хореографии, и в музыке... Для меня «Рубины» являются главной внутренней частью. Мне хотелось бы, чтобы так было и в нашем диалоге.

Для чего диалог ведется, сколь он важен и нужен ли он, тем более диалог цивилизаций? Важны не только основные тезисы, но и наши невольные или вольные стилистические обороты и оговорки. Например, когда человек говорит «ваш Кучма», он отгораживает себя от целого куска нашей совместной истории — российской, украинской, мировой. Но зачем?

Если мы что-то хотим понять глубоко, мы не можем отгородиться от того, что говорил нам украинский академик, выдающийся археолог Петр Толочко, мы должны это иметь в виду. Сегодня говорили также о том, как людей можно ассоциировать с тараканами и колорадскими жуками, если не хочешь вести с ними диалог. Это история о том, как сначала человека или страну постепенно выводят из ранга тех, с кем можно разговаривать, переводят в разряд чуть ли не насекомых, а потом их не жалко. И мы этот интересный «диалог» постоянно наблюдаем и видим на телеэкранах и в жизни, особенно на примере Украины.

Я не раз специально ездил на Украину, для того чтобы своими глазами посмотреть, что на самом деле происходит. Для меня это чрезвычайно важный момент. Я сам хочу понять, потому что не доверяю многим участникам диалога. Не верю в их объективность.

Коллега из Великобритании в своем замечательном выступлении сказал, что нет никакой русофобии, и привел в пример Масленицу на Трафальгарской площади. Я бывал на этом мероприятии. Во-первых, там живут уже почти 500 тыс. наших соотечественников, и многие пришли — для них эта Масленица чрезвычайно важна. Некоторое число имеется и настоящих англичан, которые пришли поглазеть и бесплатных блинов поесть. В общем-то все весело, никакой русофобии нет — если судить по этим критериям.

Так и у нас антиамериканизма нет. Наши книжные полки с советских времен заняты многотомником Фолкнера в черной обложке. А в сердцах у нас разве не Холден Колфилд, если говорить о том, что в Англии — Чехов? Когда умер Стив Джобс, вся наша молодежь рыдала — так не рыдало, простите, старшее поколение, когда Сталин умер.

Отвечая господину Чубарьяну, наш коллега из Великобритании сказал: «А знаете, почему “Гардиан” не напечатал вашу статью? Потому что он напечатал статью Дмитрия Киселева». И все думают: как нехорошо вышло! Оказывается, Дмитрий Киселев занял место Чубарьяна на страницах «Гардиан»! То у нас во всем Путин виноват, теперь — Киселев. Идите, господин Чубарьян, к Киселеву и с ним договаривайтесь, кому из вас в «Гардиан» печататься. Это разве серьезный диалог? Разве это объективная оценка положения вещей? Давайте эти тонкости диалога тоже замечать, изучать, не фальшивить, поскольку люди собрались умные, тренированные, и тогда диалог получится весомым, важным, значительным. И он нас продвинет, как Стравинский продвигал музыку вперед после Чайковского, не отменяя его.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Андрею Вадимовичу Смирнову.

А. В. СМІРНОВ: — Анализируя все, что сегодня было сказано, я подумал о том, что некоторая категориальная строгость здесь была бы нам полезна, — ведь мы говорим о диалоге культур, об их взаимодействии. Но в каких условиях происходит этот диалог, в каких позициях находится культура, которая вступает в диалог? Я благодарен профессору Ильинскому за то, что он упомянул книгу Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа». Там дана интересная схема, интересная теоретизация. Данилевский говорит о трех разных позициях, в которых могут находиться культуры, вступающие во взаимодействие. Первая из них — колонизация, когда одна культура физически оказывается на территории другой. При этом колонизация ведь не обязательно происходит путем переноса носителей культуры. Чтобы нас колонизировала Америка, американцам не обязательно сюда приезжать. Это может происходить иначе.

Например, в IX веке в Кордове Альвар Павел, один из христианских авторов, друг епископа Кордовы, писал с нескрываемой болью, что в Испании не осталось ни одного христианского юноши, сколько-нибудь сведущего в науках, который мог бы читать церковные тексты на латыни. Они все знают арабский лучше арабов, сеговал он, они все носят арабскую одежду, они тратят невероятные суммы на то, чтобы набить свои библиотеки арабскими книгами, а когда с ними говоришь о красотах Писания, смеются и говорят, что в христианских книгах нельзя найти ничего сколько-нибудь стоящего.

Это, конечно, колонизация изнутри. Но сила Запада была в том, что он смог перейти на другие уровни взаимодействия. Следующий уровень, о котором говорит Данилевский, — прививка. Такая биологическая метафора. Когда у вас есть какое-то дикое дерево, ему прививают более культурную веточку. Эта культурная веточка дает очень хорошие, вкусные плоды. Но она дает их за счет сил материнского дерева и мешает тому развиваться.

Мы в России те 200 лет, о которых говорил профессор Ильинский, находились в состоянии этой при-

вивки, да и сейчас находимся. Когда мы говорим о диалоге, создается ложное впечатление, что диалог идет между равноправными партнерами. Да ничего подобного. Неравноправие имеет много измерений, но самое главное, фундаментальное: кто к кому привит?

Третий уровень взаимодействия культур, о котором говорит Данилевский, — когда другая культура и ее достижения становятся питательной почвой для твоей собственной культуры, для твоего собственного древа. Опять биологическая метафора. Сила Запада, когда он совершил прорыв в XV веке, заключается в том, что он сумел подняться на эту третью ступень. Смогут ли другие культуры это сделать? Смогут ли взрастить собственное древо? Это не значит, что надо обрубить привитые ветви, но нужно сделать что-то очень трудное, чтобы этого достичь.

Далее. Различение двух категорий, «общечеловеческое» и «всечеловеческое», которое ввел Данилевский, к сожалению, привлекло недостаточно внимания. Категория общечеловеческого соответствует тому состоянию, когда мировая культура, глобальная культура (а наша секция называется «Становление глобальной культуры») идет по второму из трех направлений, описанных Данилевским. То есть когда некая культурная ветка прививается всем культурам. Скажем, все деревья в мире привиты так, что начинают приносить только груши — это и есть распространение одной культуры на весь мир. Или мы решаем, что из всех цветов роза — самый красивый цветок, и все будут выращивать розы, а остальные цветы в букет не идут. Категория всечеловеческого — это когда каждая культура не игнорирует достижения других культур, но способна внести что-то свое, уникальное, в этот мировой букет. И в этом случае букет мировой цивилизации составляется не из одних только роз, а из разных цветов. Мне кажется, идея Данилевского заслуживает внимания и может быть востребована, когда мы говорим о том, как можно обеспечить равноправие культур, сохранение их культурной «самости» при безусловном взаимодействии, усиливающемся в условиях глобализации. И это важно для России, потому что она в каком-то смысле — это целый мир. Христианская и исламская культуры — родные для России. Мусульмане здесь не пришлые, не мигранты. Значит, нужно обеспечить равноправие и взаимодействие культур, создать такое цивилизационное пространство, чтобы Россия не развалилась, не раскололась по этим линиям (а попытки осуществить такой раскол, как мы знаем, предпринимались, они просто пока не сработали). Для нашей страны, если она сможет это сделать, это станет осуществлением такого цивилизационного проекта, который может привлечь внимание других стран.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Фариду Абдуловичу Асадуллину.

Ф. А. АСАДУЛЛИН: — Вопрос и проблема, которую мы сегодня обсуждаем, действительно многосоставная и многосложная. Когда мы говорим о влияниях одних на других, то сразу возникает целый ряд проблем, насколько идеи соседа могут быть близки мне

по духу, по культуре, по менталитету. Сегодня разговор шел о том, является Россия частью Запада или частью культурно и географически более пространной территории.

Данилевский, кстати, в одной из своих работ говорил, что Запада как такового нет. Есть западный полуостров Евразии, евразийского пространства. И мне кажется, в этой оценке очень много исторической правды. Потому что Россия — действительно некое синтетическое образование, где целый ряд культурных традиций, евразийских народов внесли свой вклад в тот цивилизационный облик, который она сегодня обрела и обретает. России явно тесно в рамках одной лишь культуры и цивилизации Запада. Это бесспорно.

Я хочу остановиться на двух моментах, которые были затронуты в предыдущих выступлениях. Недавно прошло «Евровидение», и все вы знаете, что победителем стала бородатая женщина Кончита Вурст. На следующий день я был в университете, и этот вопрос сразу стал предметом внимания сначала преподавателей, а потом и студентов. Студенты сразу же изрекли: «Гей-культура прет».

Я не знаю, насколько такая оценка выражает ощущения всей молодежи и можно ли к такому выбору «просвещенной» Европы относиться всерьез. На мой взгляд, это дурновкусие. Люди моего поколения, наверное, удивляются: куда движется европейская культура, если это ее осознанный выбор? Эпатаж? Но, с другой стороны, мы помним, что у Игоря Стравинского в опере «Похождения повесы» (это было в 1950-е гг.) тоже возникает образ некой женщины с бородой — Бабы-турчанки. Там это «читается» как некий каприз художника, его чудачество. В случае с Кончитой Вурст смысл глубинно другой и не такой безобидный, как мне кажется.

Известный американский политолог Фарид Закария лет 10 назад в одной из своих работ написал такую сакраментальную фразу: «XX век был веком Запада, XXI век станет веком остальных». Игра слов: the west — the rest. И действительно, пытаясь оценить, какие тенденции сейчас возобладали в мировом развитии, понимаешь, что цивилизационным локомотивом становится мир конфуцианства, а отчасти и мусульманский мир. Я говорю об этом, потому что очень многие мусульманские интеллектуалы сегодня живут далеко за пределами тех территорий, где выросли поколения их предков: во Франции, Испании, Бельгии. Это люди, которые обрели свою родину далеко от Каира или Дамаска и к миру традиционной исламской культуры относятся очень условно. Это в полном смысле мусульмане Запада, западной культуры. Они занимают не последние места в истеблишменте конкретной европейской страны.

Виталий Третьяков утверждает, что в диалоге всегда есть победитель, я разделяю его мнение. Даже сегодняшняя наша дискуссия наводит на эту мысль. Победителем будет та сторона, которая сможет понять и, если угодно, принять доводы своих оппонентов. Это будет некий гибридный вариант «победителя», синтетический победитель, его глобализированный вариант.

П. П. ТОЛОЧКО: — Мне очень понравился тезис господина Моратиноса, что надо не оставаться в прошлом, а мыслить новыми категориями и императивами. Показалось, что мы тут застряли, а они уже мыслят новыми категориями. Скажите, пожалуйста, НАТО — это новый императив, новая категория международной политики?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Нет.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я бы хотела пожелать нашим европейским товарищам в современном контексте больше думать о собственном суверенитете.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо за комментарии. Мое резюме будет кратким. Мне кажется, что состоялась очень продуктивная дискуссия. Были высказаны самые различные мнения, причем как теоретического характера, так и конкретные предложения о том, как дальше развивать культуру диалога, диалог цивилизаций, а также по ряду других, смежных вопросов. Надо признать, что и диалог цивилизаций, и культурные вопросы, и наука, и все, что связано с ними, так или иначе замыкаются на политике. Эта мысль четко звучала во многих выступлениях. Поэтому, как бы мы ни хотели, но степень развитости этого диалога все равно будет зависеть от политических и межгосударственных отношений в мире. Будут они развиваться успешно — значит, и межкультурный диалог пойдет лучше.

В то же время даже если в межгосударственных отношениях, в отношениях между странами возникают кризисы политического, военного характера и им подобные, все равно площадка для развития и обсуждения вопросов культуры, диалога и партнерства цивилизаций остается. Я обратил внимание, что в ходе дискуссии были затронуты такие тематические аспекты, как экономическая составляющая этого процесса, необходимость учитывать культурное разнообразие, избегать двойных стандартов. Очень порадовало, что мы вышли за пределы обсуждения европейско-американских дел и говорим про Африку, где множество собственных проблем, порой куда более сложных, чем те, что испытываем мы. Там и народ другой, и менталитет, и культура другая, да и потенциал не позволяет во многих случаях развивать сотрудничество так, как им хотелось бы. Поэтому африканцы во многом опираются на развитые страны — Америку, государства Европы, Китай, ориентируются на них.

Роль науки и культуры очень важна, и здесь всегда присутствуют национальные интересы. Вполне естественно, что наша дискуссия во многом была сосредоточена на ситуации, складывающейся на Украине. И тут действительно возникает вопрос: какой это разлом — цивилизационный или культурный? Вроде бы общность есть, а проблема существует, и как ее решить, мы пока не знаем.

Очень много говорилось и о роли СМИ. Конечно, она высока, и все это признают. Тот потенциал, которым обладают западные СМИ, несомненно, превосходит наш. Тем выше их ответственность. Не скрою,

от западных СМИ хотелось бы видеть более объективное освещение ситуации. Я согласен с профессором Чубарьяном, что, видимо, до западных читателей не доходит многое из того, что происходит и на Украине, и вокруг нее. В определенной мере причина этого в том, что СМИ на Западе сейчас в большой степени идеологизированы.

Вспомним недалекое прошлое. Когда американские журналисты пытались объективно освещать иранские события, они просто были уволены. И об этом всем известно. «Гардиан» отказывается печатать статьи того же Чубарьяна. Но в то же время там есть и достаточная доля объективных корреспондентов, журналистов, и это мы не можем не признавать. Буквально сегодня услышал сообщение о том, что журналист из «Гардиан» опубликовал кни-

гу про Сноудена, — ясно, чем ему это грозит. Но объективное донесение информации до читателей создает определенный фон для сближения наций, культур, налаживания диалога. И хотелось бы, чтобы СМИ и у вас, и у нас играли бы роль моста между народами. Я понимаю, что это трудно, есть определенные сдерживающие факторы, но все-таки роль СМИ в этом плане уникальна.

Хочу особенно поблагодарить всех наших зарубежных гостей, которые присутствовали на Лихачевских чтениях, за их активное участие. Мы многое услышали от вас. Ваше видение для нас очень важно, и, конечно, мы рассчитываем в дальнейшем на самое тесное сотрудничество с вами как по этим, так и по многим другим вопросам.

Всем большое спасибо!

Секция 2

ДИАЛОГ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

16 мая 2014 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

М. К. ГОРШКОВ

директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук

Е. И. МАКАРОВ

заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Б. В. Аксюмов¹

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

В эпоху глобализации мир столкнулся с целым рядом новых вызовов и угроз. Проблемы миграции, напоминающие давшие начало Средневековью процессы Великого переселения народов; конфликты на основе этнокультурных различий, захлестнувшие сегодня Европу и проникшие также в Россию; фундаментальные противоречия между постсовременностью и традиционностью, между светскими и религиозными принципами социокультурного бытия и развития — вот только некоторые вызовы стабильности и безопасности современного мира, имеющие прямое отношение к культурным процессам. Важно подчеркнуть, что эти конфликты и противоречия имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер, поскольку часто проявляются на региональном или локальном уровнях. В данном контексте диалог или конфликт культур уже опрометчиво рассматривать как исключительно диалог или конфликт между некими глобальными образованиями — Западом и Востоком, Азией и Европой и т. д. Масштабные социокультурные трансформации последних нескольких десятилетий, тесно связанные с глобализацией, не только существенно изменили об-

щую панораму мирового целого, но и пробудили мощные турбулентные процессы внутри отдельных элементов мировой глобальной системы. Распад Советского Союза и Югославии, постепенная, но неуклонная «арабизация» Европы, борьба с «мировым терроризмом», на деле часто оборачивающаяся проведением карательных операций Соединенными Штатами Америки в различных уголках земного шара, — вот несомненные черты упомянутой турбулентности.

Новое Российское государство, образовавшееся на обломках Советского Союза, в полной мере испытало на себе все «прелести» наступившей эпохи глобализации. Миграционные потоки, хлынувшие на территорию России с постсоветского пространства (и не только с него), имеют весьма впечатляющие масштабы и до предела обостряют межнациональные проблемы во многих российских регионах. Бурные процессы этнокультурного и религиозного возрождения, уже более 20 лет продолжающиеся в некоторых (особенно восточных) республиках Северного Кавказа, а также имеющие место в ряде других национальных республик, весьма актуализировали проблему возникновения конфликтов на почве этнокультурных различий, поставили под сомнение устойчивость гражданского единства в Российской Федерации. Обращают на себя внимание и явные диспропорции в сфере культурно-религиозного развития — рост православия и ислама на фоне объективного формирования светского постмодернистского общества с акцентом на новейшие технологические разработки и самые смелые эксперименты в культурной и социальной сферах (конечно, России еще далеко до Западной Европы с ее легализацией однополых браков и вполне возможной легализацией инцеста, однако стратегический вектор социокультурного

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор более 105 научных работ, в т. ч.: «Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России», «Идеологические основы религиозно-политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе», «Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона» (в соавт.), «Этнополитические проблемы как предпосылка экстремизма на Северном Кавказе» (в соавт.), «Конфликт цивилизаций: Pro et contra (мнение экспертов)» (в соавт.) и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Формирование цивилизационной идентичности как стратегия преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России». Грант РГНФ № 13-03-323а.

развития с серьезной степенью вероятности ориентирован именно в этом направлении).

Наличие подобных противоречий обусловлено главной contraddикцией всего современного глобализирующегося мира — между постсовременностью и традиционностью. Асинхрония в современном мировом развитии очевидна. Полеты в космос, становящиеся уже некой обыденностью, соседствуют (в пространстве, но не во времени) с верой в колдовство, магией и другой атрибутикой средневековой эпохи. Современная культура слишком многогранна, сложна и внутренне противоречива, чтобы ее, подобно античной культуре, можно было описать в какой-то единой тональности, используя более или менее однозначные выражения.

Особенность современной российской культуры в том, что она, помимо многовекового своего пограничного положения между культурами Запада и Востока, оказалась сегодня в самом эпицентре парадигмального противостояния между современным и традиционным, постмодернизмом и архаикой. Если Западная Европа решительно и по сути безоговорочно погружается в постсовременность (игнорируя или вовсе не замечая традиционализм в культуре мигрантов) и если, наоборот, исламский мир (по крайней мере, идеологически) делает однозначный выбор в пользу традиционализма, то Россия — страна не только полиэтничная, но и поликультурная — оказалась сегодня в состоянии культурной разорванности, социальной асинхронии. Наличие этих факторов не только обеспечивает этнокультурное (и просто культурное) разнообразие, часто считающееся чуть ли не главным достоянием Российской Федерации, ее явным конкурентным преимуществом перед другими государствами, но и лежит в основе межкультурных конфликтов, которые, как правило, выступают в виде межнациональных или межконфессиональных столкновений.

Следует отметить, что предлагавшиеся до сих пор способы и стратегии элиминирования подобных конфликтов, которые также можно назвать конфликтами идентичностей, не имели отчетливой эффективности. Так, политика мультикультурализма, которая фактически была и остается доминирующей в национальной политике России, не дала каких-либо обнадеживающих результатов. Это неудивительно, поскольку мультикультурализм на практике почти всегда приводит к сосуществованию этнокультурных различий в общем (но не едином) социокультурном пространстве с практически нулевыми перспективами интеграции, хотя чисто теоретически эта самая интеграция предполагается. Генеалогия кризиса мультикультурализма в ряде европейских стран обусловлена именно тем, что надеялись на реальную интеграцию, а в итоге получили еще более очевидный социокультурный раскол.

Несмотря на определенное сходство, ситуация в России принципиально иная, чем в Европе: большая часть российских мусульман является представителями народов, имеющих на территории России этническую родину. Они не мигранты и не их потомки. По этой причине вполне правомерно сегодня в контексте решения задачи по уменьшению уровня межкультурной напряженности делать ставку не на мультикультурализм, а на формирование российской цивилизационной идентичности. Идея этой последней, в определенной степени противопоставляемая гражданской идентичности как обеспечивающая существенно более глубокий и надежный уровень интеграции, в последнее время активно циркулирует в научном и общественно-политическом дискурсе России. Например, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что «благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код...»¹

Действительно, российское социокультурное пространство уже изначально формировалось как пространство аутентичное. В данном случае это означает, что наславившиеся на русское этнокультурное ядро иные этнокультурные элементы воспринимались не как нечто внешнее и чуждое, а как в потенциале своем составная интегративная часть имеющегося социокультурного и цивилизационного целого. Благодаря наличию такой интегрирующей платформы этнокультурные различия, хотя и оставались во всей своей полноте, тем не менее, не выступали фактором дезинтеграции, возникновения конфликтов на этнической и конфессиональной основе. В современной России перспективы интеграции и эффективной гармонизации этнокультурных различий гораздо весомее и имеют гораздо более существенный и позитивный исторический бэкграунд, чем в Европе. Необходимо только правильно использовать имеющиеся возможности и на основе единой для всех россиян цивилизационной идентичности преодолеть конфликтотенный потенциал существующей ныне культурной разорванности, обусловленной противоречием между постсовременным и традиционным, секулярным и религиозным содержанием жизни современного российского общества.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350/> (дата обращения: 10.08.2013).

Н. Г. Багдасарьян¹

КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЯХ: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Не обязательно говорить на одном языке, чтобы одинаково ощущать страх смерти, одинаково переживать красоту, одинаково испытывать беспокойство по поводу неопределенности будущего.

Доклад ЮНЕСКО
«Культура — это синоним жизни»²

Беспокойство

по поводу неопределенности будущего...

Сложность современного мира так возросла, что, несмотря на бесконечное число разнообразных прогнозов, будущее продолжает оставаться неопределенным (и трудно определимым). Причина заключается прежде всего в разнообразии и множественности культурных миров, которые, преломляя в себе глобализационный процесс, формируют масштабный спектр векторов, или сценариев, развития. На характер и направленность таких сценариев влияет в первую очередь неоднородность глобализации в экономической, политической, социодемографической, социокультурной сферах, а кроме того, степень включенности культур в современные технологические и коммуникативные процессы. Все это предопределяет выбор сценарной стратегии: будет это диалог или конфронтация, интеграция или дифференциация, согласие или конфликт, партнерство или силовое давление.

События начала 2014 года (мы имеем в виду Украину в связи с политикой России по отношению к ней) показали, какая тонкая материя — диалог. Как легко она разрушается, трансформируется. Как реагирует на эмоциональные воздействия... С какой легкостью с человека, втянутого в конфликт, слетает тонкая пленка воспитания и вроде бы усвоенных в его процессе установок на вежливость и толерантность по отношению к чужому мнению.

Аналитик-футуролог Вацлав Смил в книге «Глобальные катастрофы и тренды» пишет о том, что согласно расчетам «в ближайшие 50 лет вероятность вооруженного конфликта, способного изменить ход мировой истории, составляет не менее 15 %»³. Может быть. Однако все чаще встречаются высказывания экспертов о том, что мировая война приобрела ползучий характер. Она уже идет. Идет на чужих территориях

¹ Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология» (учебник), «Культура как среда выживания: эффект бабочки и «окно принятия решений»», «Творческая личность в этнокультурном пространстве и задачи образования», «Региональное сообщество и этнические мигранты: модели социокультурного взаимодействия», «Управление и ценности: семь «С» в судьбе бизнеса и стран». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

² La culture et l'avenir. P., 1985. P. 21.

³ Цит. по: Досье: война // The Prime Russian Magazine. 2013. № 2(17). С. 17.

между тремя мировыми центрами — Северной Америкой, Европой и Китаем. И пока мало кому понятны особенности и последствия нового типа войны — войны преемственной (этот термин уже в 2006 г. введен в стратегию национальной безопасности США).

Вот как описывает преемственную войну геополитик и военный историк Л. Ивашов. Она ведется в три этапа. Первый состоит в смене недемократического (в данном случае имеется в виду американская модель демократии) режима под лозунгом «Права человека важнее прав народа». Второй этап называется строительством нации, то есть происходит переидентификация культурно-цивилизационной сущности народа: универсальные ценности важнее, чем традиционные. Фактически это переселение (при сохранении прежних имен). Третий этап — восстановление страны, проходящее как ее реформирование, которое позволяет раз и навсегда закрепить за соответствующими финансовыми группами территорию и ресурсы. Если прежде целями военной операции были «почта, мосты, телефон, телеграф», то теперь главный объект — это властвующие элиты. Элита делает то, что никакая военная сила не сможет⁴.

Эта мысль перекликается с констатацией И. Валлерстайна системного кризиса мир-экономики и определением им глобализации как «периода перехода — не просто перехода нескольких отсталых стран, которым нужно догнать мировую глобализацию, а такого перехода, когда вся мировая капиталистическая система превращается в нечто иное (курсив мой. — Н. Б.)»⁵.

Что же получается? Отношения между странами приобрели условный характер, так как это отношения не между странами, а между их властными элитами, которые дифференцированы не по принципу принадлежности к собственным государствам, а по принципу игроков, имеющих партнеров (и соответственно конкурентов) на глобальном поле. Таким корпорациям, олицетворяющим симбиоз политической и бизнес-элиты, доступны любые способы решения своих проблем: и мирные соглашения — как открытые, так и тайные, и опора на вооруженную силу. В любом варианте интересы нации подчинены интересам ее элиты и ограничены доведенными до совершенства технологиями риторики и манипулирования.

Возникает множество вопросов. Все ли то интеллектуальное, символическое, идейное, нравственное

⁴ См.: Кудрявцев В. Интервью с Леонидом Ивашовым // The Prime Russian Magazine. 2013. № 2(17). С. 22–23.

⁵ Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 15.

богатство, которое накоплено в культурах за тысячелетия, брошено к ногам этих элит? Для них ли Карл Густав Юнг сформулировал понятие архетипического, чтобы использовать его для властвования над толпой? Открывал ли Эрнст Кассирер секреты «символической Вселенной», чтобы применять их для манипулирования сознанием? Описывал ли Йохан Хейзинга игровые основания культуры, чтобы вовлекать массу в политические игры по жестко заданным правилам? Расшифровывал ли Юрий Михайлович Лотман тайны языка искусства, чтобы проникать в глубины души? Необходимо ли все это для того, чтобы современные социальные и политтехнологии научились направлять когнитивную и эмоциональную энергию населения в нужное русло? Главное при этом — «отжать» от актуального социокультурного поля пронзительные, будящие мысль работы А. Швейцера, К. Ясперса, В. Франкла, чтобы они остались невостребованными на реальных и виртуальных книжных полках. «Отжать» информационным мусором, заполняющим пространство Интернета, вовлечь в контролируемые сверху социальные сети.

Аналоги, возникающие в сознании образованных людей, читавших великие антиутопии, становится опасно артикулировать. К тому же основная масса соотечественников, родившихся после смены социально-экономического строя, не читала Е. Замятина, Дж. Оруэлла и других, а если и читала, то в отсутствие критического мышления, старательно вытесняемого современной системой образования с его ЕГЭ и ФГОС. Технологии сильнее. Фрагментация мира идей, характерная для периода глобального постмодерна, постмодернистская децентрированность и бесструктурность интеллектуальной мысли привели к идеологической энтропии. Сформировалась ситуация *бифуркации тупиков*. Ее очевидными признаками выступают попытки власти внедрять в общество псевдо-, квазиидеологии типа православия, спорта, самоопределения наций. В этой же «корзине» — кризис современных демократических институтов, их неспособность обеспечить гражданам влияние на происходящие в обществе процессы, что приводит к скептическому отношению к ним населения. Сомнения в том, что демократия — самая эффективная модель организации современной жизни, подкрепляет и уверенный экономический рост Китая, обеспеченный иной, недемократической моделью развития.

Таким образом, мир оказался у «красной» черты, а человечество — в транзите к новому мировому порядку. Мир изменился, и масштабы этих перемен поражают воображение.

«Нечто иное» или культура стовора

Глобализация многомерна: это понимание сегодня вряд ли может быть оспорено¹. Более того, экономиче-

¹ Одна из наиболее продуктивных попыток именно такого, многомерного подхода к осмыслению глобализации была предпринята авторами фундаментального труда «Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития», изданной под эгидой Горбачев-Фонда (М.: Альпина Паблишер, 2003). В книге последовательно рассматриваются экономические, политические, экологические, социодемографические и социокультурные аспекты глобализации, вскрывается ее противоречивая сущность.

ский, политический и культурный ее аспекты проявляются на всех четырех уровнях современного мира: отдельные государства (национальные или другие), системы государств (государства-нации), человечество и индивиды. Антропологические и социологические исследования свидетельствуют о том, что глобализация имеет личностное, индивидуальное измерение, осуществляясь на межличностном уровне, на улицах и в супермаркетах, в кинотеатрах и музеях². Она повсеместна.

Подтверждением этого тезиса выступает, на наш взгляд, явление, названное дауншифтингом, что означает удаленную систему работы за границей. В отечественном пространстве Интернета среди стартаперов идет обсуждение вопроса о том, где нужно строить свою компанию: в Москве — городе с невероятной энергией и огромным количеством нужных связей, либо в каком-то курортном регионе — Таиланде, Бали, Черногории или даже на острове Самуи, работая в удаленном режиме. Обсуждаются минусы Москвы — дорого, мигранты, экология, перегретый рынок труда. И плюсы переезда в теплые края — климат, теплое море, стоимость жизни, изолированность и, как следствие, отсутствие отвлекающих факторов. Немалое число тех, кто уже имеет подобный опыт, охотно делятся им с другими: «Худшее, что может произойти с человеком, желающим переехать, — это вера в то, что это сложно». Есть целые компании, которые работают так уже несколько лет. Можно найти подробные, пошаговые инструкции адаптации к новым условиям. Основное ограничение для переезда — это род деятельности. В лучшей ситуации те, кто имеет профессии, связанные с рекламой и Интернетом.

Стоит ли говорить о том, что людям моего поколения, или даже следующего, подобная перспектива и в голову не приходила?

И все-таки, даже учитывая подобные явления, которые стали возможными лишь в связи с новыми технологиями, вошедшими в повседневную жизнь, зададимся вопросом: «Имеет ли смысл говорить о “глобальной культуре”»? И если да, то каковы ее признаки? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Впрочем, по понятным причинам происходящие в современном мире процессы слишком сложны и разнонаправленны. Ясно лишь то, что такая культура не будет «совокупностью» культур локальных, а приобретет качественно отличающиеся от современных образцов черты.

Разумеется, история знает примеры культур, интегрирующих разнообразные локальные этнические потоки в целостный образ нации (как это происходило в Великобритании, Италии, Франции, да и в странах других частей планеты, включая Россию). Наиболее ярким (и относительно недавним по меркам истории) примером выступают США, где единство американского народа формировалось в «плавленном тигле», достигнув, благодаря специальным приемам символизации, совершенства в целостности образа американской культуры. Следует заметить, правда, что такой образ существует в сознании наших современников скорее

² См.: Робертсон Р. «Возвращение» религии и конфликтная ситуация мироустройства // Век глобализации. 2010. № 1(5).

по инерции. По мнению Сэмюэля Хантингтона, технология «плавления» уже не работает. Ассимиляция этнических меньшинств вначале враждебное, но все же принявшее их общество перестала соответствовать духу времени. Национально главенствующей стала точка зрения отдельных этнических единиц. Политика мультикультурализма, начатая Клинтонем в борьбе за голоса этнических групп, разрушала концепцию естественного «плавильного тигля». Главная в мире эмигрантская страна изменила позицию — перешла от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Диаспоры высказывают больше симпатии к покинутой, чем к приобретенной родине¹. Принято считать, что лишь в США мультикультурализм оправдал себя. Вместе с тем ясно, что и здесь называют проблемы.

Один из основоположников анализа глобалистики, профессор Эссекского университета Р. Робертсон понимает «глобальную культуру» как глобальный контекст осмысления происходящих в мире изменений². И хотя культурная гомогенизация и усиление доминанты одной социальной или региональной культуры над остальными становятся очевидными результатами глобализации, Р. Робертсон предлагает делать акцент на гетерогенной основе глобализации. Речь идет об идее глокализации, аккумулирующей и синтезирующей обе современные тенденции глобализации и локализации: локальный контекст трансформирует глобальные образцы, но и локальные ценности обретают новые смыслы под влиянием глобальных процессов. Так происходит инкорпорирование образцов, ценностей, норм, символов одной культурной системы в другую. С точки зрения культуролога, это, может быть, самый интересный и увлекательный предмет исследования — попытка найти истоки устоявшихся элементов культуры. Между тем известный глобалист З. Бауман критически отозвался о концепции глокализации, подчеркивая, что глокализация основана прежде всего на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости. «Локальность в глобализуемом мире — это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобство “локализованного” существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие “локальность” теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю, — вот вам и все коммунальные утешительные мечты интеллектуалов-глобалистов»³.

Не поддаются контролю на локальном уровне прежде всего действия финансовых рынков, и в сочетании со слабыми политическими режимами, возникшими в разных частях мира вследствие перекраивания карты планеты, это приводит к тоталитарному устрой-

ству уже не отдельных государств, но всего мира, при сохранении иллюзии индивидуальной свободы населяющих нашу планету людей. Такие иллюзии призваны поддержать сетевые технологии, вернее, не сами они, но те, кто виртуозно ими владеет: «Те, кому удастся обуздать глобальную информационную сеть и научиться управлять новыми формами коммуникаций, встанут у руля финансов и законодательства, унаследуют власть и образуют класс новой деловой элиты — нетократию (“власть сети”, “власть связей”. — Н. Б.)»⁴. Даже если считать этот прогноз слишком парадоксальным, нельзя не отметить, что появившиеся позже, через несколько лет после выхода книги сайты Facebook, Одноклассники, ВКонтакте, Google.com, явившие собой новый этап и масштаб глобальной сети, лишь подтвердили достоверность предвидения.

Если принять за основу описанный тренд, то возникает вопрос о типе социокультурной солидарности. Вот как определяет динамику такой солидарности культуролог А. Я. Флиер. На первобытной стадии развития это были кровнородственная солидарность и идентичность: в аграрную эпоху, на ее раннем (рабовладельческом) этапе — этнокультурная/цивилизационная, а на позднем (феодалном) этапе — конфессиональная и сословная. Для индустриальной стадии развития более характерны национально-политическая и социально-классовая солидарность и идентичность. Вопрос о преобладающем типе солидарности и идентичности в постиндустриальную/информационную эпоху пока еще является дискуссионным⁵.

В свете вышеизложенного рискнем предположить, что основным принципом солидарности в постиндустриальном/информационном обществе будут солидарность и идентичность надгосударственного, наднационального уровня, а критерием, определяющим такую солидарность, выступит принадлежность (или, напротив, отсутствие доступа) к финансово-властным структурам, владеющим не только собственно капиталом, но и технологиями глобального управления. Именно это становится доминантой общественных изменений.

Если данный прогноз обретет статус реальности, то в фокусе «глобальной культуры» в качестве одной из самых серьезных проблем мы увидим выход в пространство социокультурной неустойчивости. Речь идет о невозможности для каждого слоя, группы, сообщества — по каким бы критериям они ни группировались — находить в спектре имеющихся в обществе идей те, которые обеспечивали бы чувство солидарности, позволяли бы определять свою идентичность. Абсолютная полиэтничность и поликонфессиональность крупных городов, хаотичность миграционных процессов усиливают процессы маргинализации населения, которое сталкивается с огромными трудностями адаптации к новым условиям. Это, в свою очередь, рано или поздно приводит к социальным взрывам.

¹ См.: Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И. История американской культуры. М.: Человек, 2010. С. 376–378.

² Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. L., 1992. P. 23.

³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. С. 10–11.

⁴ Барт А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. URL: <http://financepro.ru/2007/10/25/netokratija.-novaja-pravjashhaja-jelita.html>

⁵ Флиер А. Я. Культурология 20–11. Авторский сборник эссе и статей. М.: Согласие, 2011. С. 114.

Что может стать альтернативой подобному сценарию? Мы не раз задавались этим вопросом¹. Между тем новые примеры и новые проявления уже имевших место трендов дают более четкие контуры ответа. Если нас ждет наднациональная солидарность «всемирного казино», то ей в противовес следует искать и находить способности солидарности такого же — наднационального — уровня. Соответственно, качество идей, которые могли бы обрести такой конструктивный характер, должно отвечать требованию интегральности, позволяющей справиться с дефрагментированным, разнонаправленным, конфликтным мировым социумом за счет выхода в метапланетарное пространство, пространство ноосферы. Такие идеи должны работать в интересах целого.

В одной из ранних работ, написанной около 100 лет назад, П. Сорокин с пафосом восклицал: «Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область... Пройдя через ряд пыток, “шатаясь, падая под ношей крестных мук”, человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать

свои идеалы Правды, Истины и Красоты... Правда, кто сочтет, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтет все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но... чем активнее будет каждая личность... тем быстрее мы будем приближаться к Правде, и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая². Вряд ли эту оценку возможностей человечества великим социологом можно назвать лишь романтической иллюзией: он, безусловно, видел семена, которые могут дать — пусть и в отдаленном будущем — всходы.

Элементы нового способа мышления, его контаминации, пока не «собранные» в генерализующую практическую деятельность парадигму, тем не менее, уже продуцированы интеллектуальной элитой. Этого достаточно, чтобы, не дожидаясь превращения этих идей в «классическое» знание, посеять их в системе образования, которая по определению (если ее не раскачивать) способна удерживать баланс между традиционной и инновационной составляющей культуры, выступающей ядром аккумуляции, порождения и трансляции ценностей от поколения к поколению. Но для этого оно должно отвечать идее и миссии культуры.

Г. М. Бирженюк³

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОЧНИКИ ДИАЛОГА И КОНФЛИКТА

Глобализация как объективная тенденция и фактор мирового культурного, экономического и политического развития сопровождается как позитивными, так и негативными процессами, к большинству которых, как показали многие события последних десятилетий, человечество оказалось не вполне готовым. Речь идет о многообразных рисках (экологических, экономических, политических), неустойчивости современного мира в силу роста конфликтности, усилении деструктивных тенденций. Это является следствием интенсификации диалога культур, который выявил существенные различия в менталитете, картинах мира, ценностных системах и других особенностях участников этого диалога — странах, народах, субъектах экономической, политической, правовой деятельности, отдельных людях и т. д.

¹ См., например: *Багдасарьян Н. Г.* Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах // *Культурологический журнал*. 2011. № 3(5).

² *Сорокин П. А.* Историческая необходимость. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 521.

³ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Научная школа педагогической культурологии», «PR-технологии как ресурс оптимизации социально-трудовых конфликтов», «Глобальные процессы как фактор формирования глобальной культуры», «Культурология образования: цели, задачи, возможности» (в соавт.), «Инновации в туристской отрасли: источники, механизмы, проблемы», «Диалог культур и цивилизаций в современном мире», «Социально-трудовые конфликты в странах СНГ: проблемы интеграции научного знания и практики в контексте глобализации» и др.

Все это побуждает к осмыслению проблемы диалога и конфликта в более широком контексте, чем это происходило ранее, когда процессы глобализации не были столь масштабны и интенсивны.

Название секции «Диалог и конфликты культур в эпоху глобализации» побуждает к комплексному осмыслению целой группы проблем, которые скрываются за этим лаконичным текстом. С одной стороны, конфликтология пока не оперирует такой категорией, как «конфликт культур», поскольку традиционно принято классифицировать конфликты в соответствии с таким признаком, как идентификация каждой из сторон конфликта. Если стороны идентифицируют себя с различными социальными группами (мы — рабочие, вы — начальство), то это социально-трудовой конфликт, если с различными этносами, то этнический и т. д. Как правило, люди не идентифицируют себя с той или иной культурой, поскольку они в нее «встроены», являются ее носителями и частью.

В то же время подход к различным конфликтам с позиций диалога и конфликта культур позволяет, во-первых, создать объяснительные схемы по значительному числу конфликтов различного типа; во-вторых, увидеть глубинные корни этих конфликтов и тем самым попытаться создать универсальную модель конфликта; в-третьих, расширить арсенал средств и методов прогнозирования и урегулирования конфликтов.

Практика показывает, что культура может выступать как фактором, увеличивающим солидарность,

спланивающим людей, социальные группы, целые народы, так и фактором, разделяющим социум, порождающим недоверие, напряжения и даже конфликты. Эти конфликты чаще всего не осознаются как культурные, поскольку на поверхности находятся бытовые, социально-трудовые, этнические, личностные и иные причины. Между тем культура как система ценностей, представлений и норм, принятых и разделяемых всем обществом или значительными группами людей, или более локальными общностями (например, корпоративная культура), функционирующая в рамках страны, региона, профессии, организации и так далее, определяет поведенческие стратегии, конкретные виды деятельности значительных групп людей. В процессе диалога культур и партнерства цивилизаций как глобального процесса разные культуры и цивилизации входят в разнообразные контакты (экономические, политические, художественные, научные и т. д.), что обнажает несовпадение этих культур по ряду параметров и в итоге приводит к взаимному недопониманию, полному непониманию, ведет к потере ресурсов (временных, организационных, политических) и в итоге может вылиться в конфликтную ситуацию, причины которой для участников конфликта остаются непонятыми, что может привести к воспроизводству данной ситуации при следующих контактах с представителями иных культур.

Существует примерно 5–6 компонентов, которые определяют взаимоотношения в системах «человек–человек», «человек–природа», «человек–время», «человек–пространство» и др. Они определяются доминирующей в соответствующем обществе культурой и при несовпадении у носителей различных культур в процессе диалога вызывают коммуникационные, организационные и другие трудности, выливающиеся в напряжение и прямые конфликты.

Например, в одной из самых значимых систем «человек–человек» исторически в различных культурах сложились три типа взаимоотношений — коллективистское, индивидуалистическое, иерархическое. Коллективистский тип взаимоотношений характерен, в частности, для России (Н. Бердяев называл эту черту русской культуры коммунитарностью), ряда стран Латинской Америки и др. Этот тип характеризуется ориентацией личности на общность, подчинением личного общему, заботой о ближних, поддержкой друг друга, заботой о благосостоянии окружающих и лишь затем о собственном благе.

В индивидуалистских культурах (Австралия, Великобритания, США¹ и др.) наоборот — люди, выбирая варианты поведения, опираются не столько на общепринятые стереотипы, сколько на собственное понимание ситуации, собственное мнение. При этом они преимущественно ориентированы на заботу о себе и своей семье. Часто родители несут ответственность за детей только до достижения ими совершеннолетия и далее предоставляют их самим себе.

¹ Речь в каждом случае идет о доминирующем типе культуры, определяющем менталитет, ценности и деятельность большинства представителей социума, что не исключает и иных культурных типов в рамках доминирующей культуры, порой альтернативных ей.

В иерархических культурах (это в основном страны Востока, прежде всего Индия) культура (и общество) выстраивается по принципу пирамиды: тот, кто стоит на ее вершине, имеет власть, но также ответствен за тех, кто стоит ниже. Иерархия выстраивается по ряду критериев, таких как возраст, каста, пол, благосостояние, остающихся неизменными на протяжении тысячелетий.

Если взглянуть в избранном нами ракурсе на взаимоотношения в системе «человек–время», то можно обнаружить, что некоторые культуры относятся к времени как линейно развивающемуся процессу — исключительно от прошлого к будущему. При этом время в таких культурах делится на равные отрезки, в связи с чем по данному критерию культуру принято называть монохронической. Это характерно для индустриально развитых стран, где в рамках единого и точного времени осуществляются технологические процессы, отправляются самолеты и поезда, осуществляются деловые контакты и пр. Эти культуры также ориентированы в основном на настоящее.

В восточных культурах, ориентированных на прошлое, где уважают традиции, предков и вообще прошлое, время рассматривается как многомерное явление. В картине мира представителей таких полихронических культур одновременно присутствуют прошлое, настоящее и будущее.

В системе «человек–природа» также можно зафиксировать существенные различия в культурах. Существуют гармоничные культуры (Япония, Корея), где люди ощущают себя неотъемлемой частью природы, которая мыслится как компонент единой божественной системы. Соответственно, назначение человека — поддержание и сохранение этой системы в неизменном виде. В западных культурах (США и т. п.), которые можно назвать доминирующими, человек мыслит себя как повелитель природы, призванный ее эксплуатировать, изменять и подчинять удовлетворению собственных потребностей. В исламских культурах природа воспринимается как высшее существо, диктующее весь ход событий в жизни личности, социальной группы и общества в целом и определяющее наилучший вариант их развития. Отсюда и отношение к природе как к высшему божеству.

В рамках данной статьи нет возможности рассмотреть все разнообразие культур, проявляющееся в значимых сферах социальной практики. Между тем совершенно очевидно, что постоянно развивающийся и набирающий темпы процесс диалога культур и партнерства цивилизаций будет и далее, с одной стороны, обострять противоречия, вызванные несовпадением базовых характеристик различных культур, с другой — нивелировать существенные различия между культурами. Процесс это сложный и длительный. Оптимизировать его можно на основе кросс-культурных исследований и формирования специальных программ, направленных на сближение культур и усиление взаимопонимания между их носителями.

Ю. Б. Борев¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Диалог культур — их взаимодействие. При любом географическом, экономическом, политическом соприкосновении народов между их культурами начинался диалог — творческое взаимодействие. Национальная культура впитывает в себя все чуждое и значимое для нее из встретившейся ей культуры и столь же щедро позволяет брать у себя все чуждое и значимое. Диалог культур — это разные типы художественных взаимодействий. Диалог культур — свойство художественного процесса, нарастающее, углубляющееся с развитием общества. Внутренние связи художественного процесса, разнообразные влияния одних художественных явлений на другие, взаимосвязи между элементами художественной культуры как развивающейся системы — разные формы культурного диалога внутри искусства данной эпохи или современного искусства с прошлым. В таком диалоге не существует ни пространственных, ни временных преград, ни слишком близкого, ни слишком отдаленного — все рядом. Здесь, как в памяти, запечатлевается по соседству прошедшее и нынешнее, а отдаленное во времени может оказаться более явственным и чуждым, чем ближнее. Память избирательна, разборчива и практична. Она отбирает в прошлом все то, что актуально для современности. Механизм художественных взаимодействий схож с диалогом прошлого и настоящего в нашей памяти. Особенность памяти: все, что сохраняется в ней из прошлого, становится фактом настоящего. Другими словами, память всегда несет актуальное и в известном смысле снимает временные барьеры, стирает временное и пространственное расстояние и все прошлое и далекое помещает в точку сиюминутного бытия помнящего. Когда речь идет о памяти культуры, то тысячелетия ничего не значат: Платон от нас не дальше Канта, а Шекспир не дальше Бернарда Шоу. Все они живые голоса культуры.

Участники диалога. В диалоге между двумя лицами, по мнению О. Холмса, принимают участие с каждой стороны три сознания. Когда беседуют Хуан и Томас, то в разговоре участвуют шесть человек. Три Хуана: 1) реальный Хуан, известный только его творцу; 2) идеальный Хуан этого реального Хуана, совсем нереальный и часто очень отличный от него; 3) идеальный Хуан Томаса: он никогда не похож ни на реального Хуана, ни на Хуана Хуана, но часто отличен от них

¹ Главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук, профессор. Автор более 550 научных статей и около 50 книг. Среди них: «Эстетика», «О трагическом», «Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия», «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения "Медного всадника"», «Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд», «Художественная культура XX в.», «Энциклопедический словарь. Эстетика. Теория литературы», «Ванька-встанька и состояние мира», «Власти-мордасти», «Сталиниада», «Фарисей», «История государства советского в преданиях и анекдотах», «XX век в преданиях и анекдотах», «Из жизни звезд и метеоритов», «Луначарский» (ЖЗЛ), роман «Земля — воздух», «Повесть о треугольниках», киноповесть «Воскресший из живых», сборник стихов «Времена». Книги и статьи переведены на 42 языка. Член Союза писателей и Союза кинематографистов РФ, Почетный академик Российской академии художеств.

обоих. Участвуют в диалоге и три Томаса: 1) реальный Томас; 2) идеальный Томас Томаса; 3) идеальный Томас Хуана². Подводя итог этим рассуждениям, М. Унамуну пишет: «Иными словами, личность как она есть, личность как она представляется себе самой и личность как она представляется другой личности»³. Сам Унамуно с каждой стороны диалога видит четыре сознания: «Кроме той личности, которая предстает, скажем, перед очи Господа... кроме той личности, которая предстает перед другими людьми, и той, которая предстает перед собой самой, есть еще и иная — та, которая хотела бы существовать. Именно та личность, которая хотела бы существовать, и есть (в ней самой, в ее душе) настоящее творческое начало и настоящая реальная личность»⁴.

Диалог культур рассмотрим на примере отношений современной литературы с литературой XIX века. Последняя предстает: 1) в своем реальном виде; 2) в том виде, в каком ее видит данное направление литературы XX века (экзистенциализм, реализм, сюрреализм, экспрессионизм); 3) в том виде, в каком литература XIX века сама себя осмысляла (в частности, в критических статьях и обзорах того времени); 4) в том виде, в котором литература XIX века представляла себе идеал литературы.

Межвидовые диалоги (театр воздействует на живопись, музыка — на кино и т. д.) возникают на основе стилистической близости — Эразм Роттердамский и Ганс Гольбейн-младший, Блок и Врубель, Ге и Лев Толстой, Левитан и Чехов. Пример художественных воздействий на уровне творческой личности — влияние Ахматовой на поэзию Бродского, на уровне направлений — сентиментализма на становление романтизма, на уровне художественных эпох — искусства древнегреческой культуры на Возрождение и древнеримского искусства на классицизм. Межнациональные диалоги художественных культур протекают и на личном уровне (Пушкин — Мицкевич), и на уровне видов искусства (связь в 1920-е гг. живописи немецкого экспрессионизма и русского театра Мейерхольда) и целых национальных художественных культур (японская культура в XIX — начале XX в. оказала влияние на европейскую живопись, и это способствовало возникновению импрессионизма во Франции и появлению западных форм живописи в Японии).

Межнациональные художественные взаимодействия всегда имели свой эпицентр (Греция в эпоху Античности, Италия в эпоху Ренессанса, Франция в эпоху классицизма, СССР — соцреализм⁵).

Типы диалогов художественных культур. Существует ряд типов:

1) *заимствование* — усвоение элементов одной художественной системы (сюжетной схемы,

² Holmes O. W. Complete Writings. Boston, 1892. Vol. 1. P. 52–54.

³ Унамуно М. де. Избранное : в 2 т. Л., 1981. Т. 2. С. 7–8.

⁴ См.: Борев Ю. Социалистический реализм. Взгляд современника и современный взгляд. М., 2009.

⁵ См.: Там же.

обстоятельств, характеров героев, композиции) другой путем их диалогического взаимодействия. Заимствованные элементы сплавляются с новыми колоритом, ритмом, с иной трактовкой образов;

2) близко к заимствованию *вливание*. При нем художник использует некоторые стороны художественного опыта своего коллеги. Здесь не сохраняются стилистические свойства оригинала и художественное воздействие проявляется в непредсказуемых формах;

3) *подражание* — нарочитая похожесть нового текста на источник, копирование системы мировосприятия, основных стилистических особенностей, формы, творческой манеры предшественника. При подражании диалогичность взаимодействия культур ослаблена. Источник подражания почти монологичен. Степень его использования более высокая, чем при заимствовании, ибо последнее копирует лишь отдельные элементы источника, а подражание — саму его структуру;

4) *пародирование* — подражание, утрированно повторяющее особенности оригинала, выражающее насмешливо-критическое отношение к некоторым героям, идеям, стилистическим особенностям источника при возможном его почитании и даже восхищении его качествами. Таково взаимодействие пушкинского «Графа Нулина» с шекспировской «Лукрецией», а также сервантесовского «Дон Кихота» — с рыцарскими романами;

5) *эпигонство* — нетворческое подражание, характеризующееся незначительной степенью переработки, жалким копированием и уменьшением художественного потенциала по сравнению с оригиналом. Низшей ступенью эпигонства является плагиат — полное творческое бессилие, художественное взаимодействие с нулевым творческим потенциалом, перерастающее в простое литературное воровство;

6) *цитация* — прямое художественное использование первоисточника с отсылкой к нему, включение чужого текста в текст своего произведения, предполагающее творческий диалог своего текста и цитируемого, что должно приращивать художественный смысл;

7) *репродукция* — прямой перенос композиционно-го строя произведения-источника в современное произведение;

8) *реминисценция* — заимствование отдельных элементов из предшествующих литературных источников с некоторым изменением этих элементов;

9) *парафраза* — заимствование темы предшествующего литературного источника с заменой элементов и сохранением характера композиционных связей;

10) *намек* — легкая отсылка читателя одной деталью, отдельным элементом к предшествующему источнику и диалогическое взаимодействие этой детали со всем текстом произведения;

11) *вариации* — использование чужого текста путем его переработки, оставляющей в неприкосновенности некоторые существенные черты источника. Сохраняя инвариантность идейно-тематических и художественных особенностей источника, автор вариативно меняет многие его черты, сюжетные линии, характеристики героев, композиционные блоки;

12) *соперничество* — художник вступает в соревновательный творческий спор с предшественником: в одних отношениях учится, в других отталкивается от него, осознавая свою несхожесть с ним и стремясь творчески превзойти его. Таково, например, отношение Лермонтова к творчеству Байрона.

Глобализация. В эпоху глобализации художественные открытия одного народа воздействуют на художественную культуру других народов. Она усиливает и обостряет все виды экономических, политических взаимодействий народов и их культур, и в частности усиливает диалог художественных культур. Иногда это приводит к отрицательным последствиям (таково воздействие американской музыкальной поп-культуры на современную российскую эстраду). Часто художественные взаимодействия приводят к возникновению нового в искусстве. Так, ученые возникновения кубизма связывают с диалогом Пикассо и других европейских художников с африканской живописью. Глобализация обуславливает сходство в бытии и сознании разных народов и создает жизненный фундамент межнациональных диалогов художественных культур.

Глобализация становится гуманной, если она основывается на том, что наивысшая ценность мира — личность и на нее распространяются права человека и общечеловеческая солидарность. Личность и ее духовное богатство и счастье — вектор исторического развития в новом тысячелетии.

Взаимодействия художественных культур, сильно и качественно возросшие и углубившиеся, во второй половине XX века стали катализаторами процесса рождения общечеловеческой литературы и искусства. Новое столетие уже в его начале оказалось оснащенным бурно развивающимися средствами электронного общения (такими как Интернет, обогащенный созданием программ, позволяющих знакомиться с текстом, написанным на любом языке).

Глобализация не должна стать американизацией. Глобализация в области экономики и политики — неизбежный исторический процесс. Тенденция глобализации литературного процесса грозит обернуться подавлением национальных художественных традиций и вытеснением серьезной художественной литературы масс-литературой.

Мыслящие антиглобалисты выступают не против глобализации как таковой, а против превращения ее в американизацию. Это предполагает преодоление эгоизма государств. Опираясь на свою финансово-экономическую мощь, США внедряют свою культуру в мировое художественное пространство. Когда это происходит с реально ценными и даже великими произведениями искусства — романами Фолкнера и Хемингуэя или фильмом «Вестсайдская история», то можно только благодарить американскую культуру за это. Однако на каждое такое высокое произведение американского искусства, подаренное человечеству, приходится тысячи разрушающих души зрителей и читателей сценами насилия. А экспортируются на экраны мира и на книжные полки магазинов в массовом исполнении не шедевры американской культуры, а ее «мусор», которого в мире и без того хватает. В процессе

глобализации важно сохранение национального своеобразия культур при диалогическом взаимодействии с национальными традициями других литератур и искусств. При этом важно утверждение в художественной традиции общечеловеческих ценностей. Глобализация способствует интеграции художественного опыта и мастерства других литератур в собственную.

Гуманная глобализация (не американизация, а глобализация, при которой американское влияние равноправно взаимодействует с японским, индийским, французским, китайским, российским, арабским и т. д.) и есть необходимый и закономерный процесс диалога культур, единения художественных потоков, слияния рек в единый океан художественной культуры человечества.

Общечеловеческая литература. Гёте, наблюдая процесс единения человечества и усиления диалога культур, увидел зарождение мировой литературы. Эти процессы сегодня на порядок увеличились. Под влиянием глобализации, мощно усилившей и углубившей диалог культур, формируется общечеловеческая литература, произведения которой не утрачивают национальных особенностей и опоры на национальные традиции, но обретают качественно новый уровень всеобщности.

Такая общечеловеческая литература, в которой каждое произведение, сохраняя свои глубокие национальные черты, широко вбирает в себя художественный опыт других народов, требует новых инструментов для своего истолкования и понимания. Это служит несомненным стимулом для развития теории литературы и эстетики и критики.

Парадигма бытия. Современный мир, прошедший через мировые войны и другие бедствия, подвергается терроризму и продолжает быть взрывоопасным. *Наступившая после окончания холодной войны новая эпоха впервые в истории человечества не имеет новой парадигмы, новой формулы бытия, четких идеалов, целей и смыслов жизни человека и человечества. Образовалась мировоззренческая черная дыра.* Возможно, поэтому некоторые ученые усомнились в том, что история есть движение по восходящей линии. Лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин предложил понимать историю как хаотическое, непредсказуемое движение. Ранее мир представлялся гармоничным, а хаос виделся на периферии. Ныне многие видят обратную картину: мир хаотичен и лишь на периферии — оазисы гармонии. Возникло новое мировоззренческое представление о мире — хаология.

Отсутствие современной парадигмы дает о себе знать на каждом шагу: многие политики поступают как прагматики и не ищут стратегических решений. Другой пример: сегодня в культуре немало ярких, талантливых, но нет великих произведений. Их уже нет ни в одном искусстве лет тридцать. И не будет, пока не будет новых идеалов и смыслов бытия.

Русская культура в процессе внутреннего диалога способна предложить ответы на эти запросы времени и разработать парадигму новой эпохи, так как: 1) наша культура менее западной погрязла в алчности, «попсе» и постмодернистских заморочках; 2) она еще

в XIX–XX веках искала пути и для отечества, и для человечества; 3) российские деятели культуры обладают уникальным социальным опытом; 4) они опираются на мощные традиции русской классики; 5) состояние мира, его неблагополучие остро представлено в России; перед русской культурой история особенно остро поставила высшие проблемы бытия.

Выскажу гипотезу об идеалах и смыслах бытия человека и человечества в XXI веке.

1. Человек (независимо от имущественного положения, национальной, расовой, классовой, конфессиональной принадлежности) — высшая ценность мира; принадлежность к человеческому роду обеспечивает распространение на личность прав человека и общечеловеческой солидарности.

2. Демократия — не панацея (она казнила Сократа и избрала Гитлера). Ныне она показала свою слабость, манипулируя людьми с помощью СМИ. Необходимо сочетание разумной, контролируемой обществом авторитарности с инициативной демократией. Модель такого сочетания — эпизод времен 1812 года: Наполеон бежит из Москвы. Чтобы окончательно выиграть кампанию, нужно гнать его по уже разоренной Смоленской дороге. Кутузов озабочен, удастся ли не пропустить французов на юг. Помогает мудрый совет от старослужащего: солдаты должны сидеть у костров не по 10–15 человек, а по двое. Кутузов отдал распоряжение — и все пространство до горизонта озарилось кострами. Наполеон понял: путь на юг отрезан. Это оказалось губительным для его армии. Инициативная демократия может опираться на опыт народа.

3. Необходимы: а) социальная конвергенция (Сахаров) — объединение (как в Китае или Скандинавии) сильных сторон капитализма (рынка) и социализма (поиска социальной справедливости); б) геокультурная и геополитическая конвергенция (единение западного острого смысла и сумрачного гения и восточной вековой мудрости). Культура России — результат многовекового диалога множества культур — ныне особенно актуальна. Такое единение предполагает снятие напряженности (между бедными и богатыми, католиками и православными, христианами и мусульманами, традиционалистами и реформаторами, необразованными и образованными, глобалистами и антиглобалистами) не путем оружия, а путем диалога.

4. Отказ от государственного эгоизма — условие выживания человечества. По Канту, следует относиться к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. Этот кантианский категорический императив должен воцариться не только в межличностных, но и в межгосударственных отношениях.

Конечно, намеченные черты парадигмы XXI века трудноосуществимы, они утопичны. Но высокие идеалы всегда трудноосуществимы и утопичны. Разве не утопия — парадигма Французской революции: свобода, равенство и братство?! Однако эта и поныне не осуществленная парадигма способствовала преодолению аристократического и рождению буржуазного общества. *Современную парадигму жизнедеятельности человечества можно кратко сформулировать: процветание и глобальное единение человечества как рода*

при сохранении многообразия национальных и государственных форм бытия и утверждении ценности личности. Парадигмой жизнедеятельности личности мог бы стать следующий принцип жизни — человек жадно вбирает в себя все доступные ему богатства мира, умножает их на свои творческие способности, подкрепленные жизненным опытом, и результат отдает лю-

дям. Важно, чтобы отданное существенно превосходило взятое.

Обдумывание современной парадигмы бытия человека и человечества — стратегическая задача современного развития, достижение которой предполагает диалог культур, способный обогатить высшие современные идеи человечества его историческим опытом.

О. А. Борисенко¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

В современном мире трансформация материальной и духовной культуры народов — это закономерный и естественный процесс. Особенно данному процессу способствует глобализация мировых стандартов в различных сферах жизнедеятельности людей. Глобализационные процессы в современном мире, безусловно, затрагивают людей разных поколений, но все же больше подвержены данным процессам люди молодого возраста. Как известно, глобализация набирает свою силу с развитием информационных технологий, обмен информацией между странами, народами, этносами становится все более доступным. Наиболее интенсивно этому способствуют современное телевидение, глобальная информационная сеть Интернет и другие источники массовой информации. В силу своего возраста молодое поколение, впитывающее в себя различные нововведения как губка, неустанно использует данные информационные источники намного чаще, чем старшее поколение, которое обычно менее охотно имеет дело с какими-либо новинками в своей жизни.

Диалог в мировом сообществе в настоящее время является тем способом разрешения глобальных проблем, который не только показывает путь отказа от конфронтации, но и подтверждает целесообразность решения вопросов мирного сосуществования разных культур и цивилизаций, представляя собой такую систему ценностей, которая, как отметил В. С. Степин, «...изменит ныне действующую стратегию развития»³. Диалог культур в условиях глобализации, выражая интересы национальных культур, решая проблему неконф-

ликтного, толерантного сосуществования, из области теоретического осмысления переходит в практическую. Новый механизм взаимодействия разных миров призван дать возможность диалогу стать «повседневной и всепроникающей реальностью»⁴.

В современном мире конфликт культур и цивилизаций повсеместно признается одной из главных проблем человеческого сообщества. Причиной такого конфликта является необратимый процесс глобализации мира. Различные культуры и цивилизации больше не могут развиваться изолированно друг от друга, но их несхожесть, а также попытки притирки друг к другу вызывают столкновения. Поэтому неслучайно профессор П. Дуткевич, директор Института европейских и российских исследований Карлтонского университета (Канада), заметил, что мы живем в бинарном мире, в котором диалог противопоставляется конфликту⁵.

Заслуживает особого внимания позиция профессора А. А. Гусейнова, директора Института философии РАН. Он мыслит диалог культур в методологическом и аксиологическом плане. Если в первом случае он подразумевает автономию культур («в смысле их независимости как друг от друга, так и от технико-экономических аспектов общества»), то во втором «ориентирован на их равноценность. Диалог предполагает нечто большее: такую соотнесенность и связанность культур между собой, когда они, объединенные общностью конечных жизненных целей, взаимно дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, не могут существовать друг без друга. Диалог культур предполагает общность основоположений, которые только и могут задать адекватное пространство такого диалога»⁶.

Условия глобализации, выход на рыночные отношения открыли для стран восточной культуры также возможность изучения нового образа жизни и нового образа мышления. К примеру, Поднебесная открылась глобализации двояко — с одной стороны, это развитие рыночных отношений, а с другой — сохранение

¹ Доцент кафедры философии, специалист Управления международной деятельностью Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук. Автор более 57 научных работ, в т. ч.: «Шанхайская организация сотрудничества как институт консенсуса», «Межцивилизационное становление ШОС», «От диалога культур к международному диалогу культур», «Methodological approaches to investigation: from dialogue to political dialogue», «Political Dialogue as a Kind of Dialogues Cultures in the Globalization (for example, the Shanghai Cooperation Organization)» и др. Член Забайкальского отделения Российского философского общества. Директор Центра русского языка и культуры при Шаньдунском институте бизнеса и технологий (г. Яньтай, КНР).

² Статья подготовлена в рамках гранта для государственной поддержки молодых российских ученых (кандидатов наук) Совета по грантам Президента РФ МК-3689.2013.6.

³ Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов; Ин-т философии. М., 2005. С. 17.

⁴ Скворцов Л. В. Предисловие // Диалог культур. М., 2004. С. 9.

⁵ Джоши М. М. Диалог культур и цивилизаций в эпоху глобализации мира // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2007. С. 83.

⁶ Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2008. С. 66.

самобытности. Как писал в свое время М. Бахтин: «Культура вся расположена на границах, граница проходит повсюду, через каждый момент ее... культурная жизнь отражается в каждой капле»¹. Сегодня Китай стал мировой фабрикой, он за короткие сроки увеличил капитал, благодаря которому устойчиво пережил финансовый кризис 1997–1998 годов. Возрос интерес к образу жизни — повсеместно увлечение йогой и восточными единоборствами. Миллионы китайцев учатся по всему миру. В Китае, Вьетнаме и Республике Корея изучение английского языка начинается с трех лет, так как его знание является обязательным при занятии государственных должностей. Благодаря возможности получения образования на Западе представителей Востока стали лучше там понимать. По данным Министерства образования Китая, за 2010 год число китайских студентов за рубежом, которые обучаются в США, Австралии и Соединенном Королевстве, достигло 280 тыс.² «После реформ Мэйдзи, во второй половине XIX — начале XX века, в Японии развернулось движение учебы у Запада. В то время для японских инженеров высшим авторитетом являлись немецкие и английские станки и машины»³.

В проекте Д. С. Лихачева «Декларация прав культуры» говорится, что «культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур стали одной из причин межэтнических войн и международных конфликтов XX столетия»⁴.

Межэтнические и межнациональные конфликты различаются между собой. Первые возникают внутри государства, вторые происходят как между государствами, так и внутри конфедерации. Современная

ситуация показывает возрастание межнациональных конфликтов в мире. В связи с тем, что конфликты на национальной почве формируются в течение длительного времени, причины их возникновения разные, при этом все они могут быть взаимосвязаны. Хотя эта связь условна, но благодаря превалированию тех или иных интересов и причин их можно подразделить на политические, экономические, географические, социальные, культурные. Политические приводят к нестабильности в обществе. Одним из примеров является распад СССР, который повлек большое количество межнациональных, межэтнических противоречий и конфликтов. Межнациональная рознь свойственна не только Западу, но и странам восточной культуры. В 2009 году в Урумчи произошли массовые беспорядки уйгуров с китайцами, после которого все узнали об «уйгурской проблеме» в Китае по притеснению их со стороны китайского правительства. Культурные причины больше представляют сегодня требования сохранения или возрождения национальной идентичности и связаны с сохранением родного языка.

В подобных ситуациях диалог культур определяет, что значимым становится культурный аспект внешней политики, а диалогическое развитие превращается в часть международного диалога культур, который способствует взаимопониманию, дает возможность раскрытию собственного облика культур народов, вступающих в международный диалог. Поэтому мировая общественность проводит встречи, симпозиумы и конференции по сохранению культурного наследия, и благодаря неформальному общению укрепляются взаимоотношения.

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Слово, 1994. С. 170.

² Глобальные тенденции образования: Запад идет на Восток: журн. [официальный сайт] // Интернет-ресурс КомпасГид. URL: <http://kompasgid.ru/?p=13830> (дата обращения: 08.01.11).

³ Титаренко М. Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. М. : Памятники исторической мысли, 2003.

⁴ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры [официальная страница] // Романс.ру — О России и для России, о ее прошлом, настоящем и будущем. URL: <http://www.romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=d-6-3&item=1> (дата обращения: 11.12.10).

Н. В. Буров¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
ИДЕИ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В мае 1993 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов по инициативе Д. С. Лихачева и при поддержке ректора Университета академика А. С. Запесоцкого состоялись первые Международные научные чтения, которые в дальнейшем получили государственный статус Международных Лихачевских научных чтений. В 1995 году петербургской общественности был представлен проект идей Декларации прав культуры, о котором Д. С. Лихачев говорил: «Я рад, что проект родился в Санкт-Петербурге, в городе, который сам с полным основанием стал символом общечеловеческой культуры».

Среди основных целей Декларации особое место занимают процессы, в результате которых происходит взаимное обогащение культур, а также проявляются новые стимулы и идеи для их развития. Такое межкультурное взаимодействие или диалог культур наблюдается на протяжении всей мировой истории. Способность одной культуры осваивать достижения другой остается одним из основных источников ее жизнедеятельности.

Начиная с 2007 года участники Международных Лихачевских научных чтений — известные отечественные и зарубежные ученые, политические и общественные деятели из многих стран мира — анализируют фундаментальные проблемы современного глобального общества, характерные особенности диалога культур и цивилизаций, основные тенденции в сфере культуры, образования, гуманитарных наук.

На наш взгляд, наиболее ярким примером взаимодействия, взаимопроникновения и диалога культур может служить Санкт-Петербург, который с момента своего зарождения стал символом нового этапа развития русской культуры. Новая столица не просто превращала Россию в морскую державу — она создавала особое пространство для насыщения русской традиционной культуры достижениями европейских государств в области наук, искусств, ремесел.

Об этом в статье «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт» писал Д. С. Лихачев: «Стоит обратить внимание на то, что ...столица России Петербург была средоточием различных европейских искусств. Здесь строили итальянцы, немцы, голландцы, французы, шотландцы и т. д. Здесь в различных областях творчества проявили себя немцы, шведы,

французы, поляки — инженеры, ученые, коммерсанты, художники, музыканты, ремесленники, декораторы, садоводы и т. д.».

Санкт-Петербург стал не только главным культурным центром: он воплотил весь дух петровских преобразований, связанных прежде всего с процессами европеизации. На протяжении XVIII–XIX веков складывался неповторимый стиль петербургской жизни, наложивший отпечаток на все формы духовной и художественной культуры. Одним из ключевых образов такого процесса было создание неповторимого облика столицы петровской России, в которой Петербург символизировал стремление Петра Великого ориентироваться на европейское градостроительство и архитектуру. По этой причине так сильно было стремление выдающихся европейских зодчих участвовать в рождении нового города на берегах Невы.

В создании архитектурных ансамблей Петербурга принимали участие итальянцы В. Бренна, Дж. Кваренги, Б. Растрелли, А. Ринальди, К. Росси, немцы А. Вист, Г. Маттарнови, А. Шлютер, французы Ж.-Б. Валлен-Деламот, Ж. Леблон, Ж. Тома де Томон, шотландец Ч. Камерон и многие другие. В самих же ансамблях представлены различные архитектурные стили: от петровского и елизаветинского барокко и классицизма XVIII века, ампира и эклектики XIX века до модерна и конструктивизма XX века.

Среди выдающихся архитектурных памятников Санкт-Петербурга особое место занимают знаменитые петербургские храмы, прославляющие величие православия и представляющие единое музейное пространство Северной столицы, входящие и в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор». Созданные итальянцами, французами, испанцами, немцами и русскими мастерами, они воплотили в себе саму идею диалога культур, когда она (культура) сама понимается как одно целостное произведение. Как если бы все элементы художественного произведения были бы «актами» или «фрагментами» единого произведения, и можно было бы предположить (вообразить) единого автора этого произведения.

Старейшим из храмов музея является один из первых соборов Петербурга, памятник в честь одного из важнейших сражений Петровской эпохи — Полтавской битвы, храм во имя преподобного Сампсония Странноприимца (Сампсониевский собор), построенный русским архитектором Николаем Земцовым и архитектором Джузеппе Трезини, итальянцем, родившимся в Швейцарии и давшим России плеяду выдающихся архитекторов — Пьетро, Доменико и Карло Трезини.

Собор во имя Воскресения Христова Всех учебных заведений (Воскресенский Смольный собор) в архитектурном ансамбле Смольного монастыря — результат многолетнего труда (собор строился более 80 лет) известных зодчих XVIII века: автора проекта

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП. Народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Арт-педагогика». Председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга. Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой–чужой» и др. Награжден орденом Почета, орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуги Республики Польша.

архитектора итальянского происхождения Франческо Растрелли и русского архитектора Василия Стасова.

Одно из крупнейших купольных сооружений Европы — собор во имя преподобного Исаакия Далматского (Исаакиевский собор), созданный по проекту французского архитектора Огюста Рикара де Монферрана, при участии выдающегося инженера и ученого, испанца на российской службе Августина Бетанкура, русских живописцев Карла и Федора Брюлловых, Петра Басина, Василия Сазонова, Василия Шебуева, Николая Харламова, скульптора Ивана Витали и многих русских камнерезов и мастеров.

И, наконец, удивительный по красоте храм-мемориал на месте смертельного ранения Александра II, ставший результатом совместного проекта архитектора Альфреда Парланда, шотландца по происхождению, и православного священника архимандрита Игнатия (Мальшева) — храм Воскресения Христова (Спас на Крови).

Выступая на предыдущих Чтениях, мы обращали внимание на тот факт, что в духовно-культурном пространстве Санкт-Петербурга храмы-памятники музея «Исаакиевский собор» занимают особое место. Музей, разрушая сложившееся понятие, что культура — это «сфера услуг, приносящая доход», видит свое предназначение в качестве проводника одной из основных государственных функций — участника международного культурного диалога. И в связи с этим вновь хочется вернуться к тезисам участников предыдущих Лихачевских чтений, в которых отмечалось, что наряду с взаимодействием, влиянием и проникновением разных исторических или современных культур сегодня диалог культур становится одной из основных форм их конфессионального или политического сосуществования.

Хочется отметить деятельность музея, связанную с возрождением в памятниках духовной жизни. Начиная с 1992 года сначала в Исаакиевском соборе, а затем во всех храмах-памятниках музея возобновилась богослужебная деятельность. Объединение в храмах музейной и богослужебной деятельности направлено на решение одной и той же задачи воспитания и просвещения людей: музей формирует у них культурно-историческое самосознание, церковь возрождает духовность.

С другой стороны, Исаакиевский собор, в прошлом кафедральный собор империи, а в настоящем — гордость России, неоднократно принимал под сводами руководителей и представителей различных мировых держав.

Возвращаясь к основной теме статьи, отметим, что для решения такой задачи, как «влияние на чело века всей культурной среды в целом, в ее воздействующей силе» (Лихачев Д. С. Письмо сорок первое. Память культуру из книги «Письма о добром и прекрасном»), расширяя привычные музейные рамки, мы ищем новые формы общения с посетителем, создаем новые проекты, в которых от диалога культур переходим к трансляции результатов этого диалога. И, на наш взгляд, самыми благодарными участниками этой трансляции становятся школьники, учащиеся средних и высших учебных заведений.

Уже несколько лет в музее осуществляется культурно-образовательная программа «Музей — школе», созданная сотрудниками музея, НИИ общего образования РГПУ им. А. И. Герцена и педагогов школ Санкт-Петербурга.

Программа реализуется по следующим направлениям.

1. Приобщение школьников к ценностям культуры непосредственно в храмах-памятниках в рамках экскурсий по четырем тематическим циклам:

— «Знакомство с православным храмом»: 4 занятия для учащихся 1–4-х классов;

— «От века к веку»: 8 занятий для учащихся 5–8-х классов;

— «Под сводами Исаакия»: 4 занятия для учащихся 8–11-х классов;

— «Православие, самодержавие, народность»: 5 занятий для учащихся 8–11-х классов.

2. Интеграция в образовательные программы школ знаний о ценностях, сосредоточенных в храмах-памятниках, через учебные предметы и образовательные области с помощью учебно-методических пособий для педагогов школ по различным предметам (изобразительное искусство, иностранный язык, история, математика, мировая художественная культура, русский язык и литература, физика, химия).

3. Активизация творческой деятельности учащихся в ходе музейно-образовательного процесса при выполнении творческих заданий по темам занятий, а также участие школьников и школьных педагогов в подготовке и проведении выставок творческих работ, интеллектуальных турниров, олимпиад.

Для студенческой аудитории мы расширили границы музея, пригласив студентов технических вузов Петербурга принять участие в олимпиаде по искусству и информационным технологиям «Айтетика». Основной целью олимпиады было желание продемонстрировать студенческой молодежи, насколько тесно сегодня переплетены мир искусства и современные информационные технологии, находящие широкое применение в музеях, кино и театре. В течение двух часов участники отвечали на вопросы и выполняли задания, объединившие в себе темы искусства и информационных технологий, подготовленные для них известными деятелями культуры и признанными специалистами в сфере информационных технологий. Первая городская олимпиада по информационным технологиям и искусству «Айтетика» прошла 24 апреля этого года в концертно-выставочном зале «Смольный собор». Организаторами олимпиады выступили Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» и компания «Digital Design». Мероприятие прошло при поддержке Комитета по информатизации и связи Санкт-Петербурга и информационном партнерстве с ТРК «Пятый канал», газетами «Коммерсантъ» и «Аргументы и факты» в рамках стратегии развития IT-индустрии России и в целях популяризации профессий отрасли в Петербурге.

В заключение вновь хочется вернуться к заветам Д. С. Лихачева: «Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации... Это огромное целостное явление, ко-

торое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией... Эти святыни народа, святыни нации не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим...

Наша культура, русская культура и культура российских народов, — европейская, универсальная

культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества. Наша первейшая и насущная задача сегодня — не дать ослабнуть этой европейской общечеловечности русской культуры и посильно поддержать равномерное существование всей нашей культуры как единого целого»¹.

М. Н. Ветчинова²

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Эпоха глобализации характеризуется резким увеличением торгово-финансовых отношений, их значимостью в государственной жизни, ростом взаимозависимости между странами и народами, предполагает усиление роли отдельного индивида в экономической и политической деятельности не только своей страны, но и региона и мира. С учетом ускоряющегося развития новых технологий в информационной сфере, в транспорте и коммуникациях наблюдается расширение социальных, культурных, научно-технических обменов. В то же время все более тревожными становятся нарастание неравенства, проблемы голода в мире, негативное воздействие на окружающую среду³.

Для решения насущных вопросов современности мировое сообщество в лице ООН, ЮНЕСКО, МВФ, МБРР, АТЭС, Совета Европы, различных культурных и экологических форумов пытается прогнозировать развитие различных ситуаций в будущем и решать накопившиеся в межкультурных, социальных, политических противоречиях проблемы сегодня.

В связи с усилением миграционных потоков появляется такое понятие, как «многокультурное государство». Этот термин подразумевает равноправное развитие различных культур и наций в рамках одной страны, учет особенностей, менталитета, религиозного мировоззрения, их взаимодействие в политической, экономической и социокультурной деятельности государственных и общественных органов.

Кажется, что такое тесное переплетение межкультурных связей должно стать оплотом политической и экономической стабильности, процветания людей, населяющих нашу такую огромную, но в то же время такую маленькую планету. Процесс глобализации, с одной стороны, открывает новые возможности для укрепления связей между народами, а с другой — вызывает

спорные вопросы и порождает недоверие. Но глобализация не означает гомогенизацию культур. Наоборот, противоречия порой усиливаются, а люди вступают в конфликты и открытую конфронтацию.

Конечно, конфликты обусловлены самыми различными причинами — политическими, экономическими, конфессиональными, культурными и т. д. Некоторые из них имеют решение, другие находятся в состоянии глубокого антагонизма на протяжении большого промежутка времени. Усиление неравенства между «развитым миром» (США, Европа, Япония, Австралия, Корея), «развивающимся миром» (Китай, Россия, Бразилия, Индия) и «отсталым миром» (Африка, Азия, некоторые страны Латинской Америки) приводит к росту неконтролируемой миграции, наплыву в развитые страны безграмотных, замкнутых в своем культурном (зачастую племенном, родовом) мире людей. Поэтому государствам требуется тратить огромные финансовые средства или для их интеграции, или на то, чтобы отпугивать их обратно и вкладывать средства в развитие тех стран, из которых они приезжают. Но этот вопрос не решен по сей день, а миграционные потоки приобретают угрожающие размеры.

Попытка интегрировать мигрантов с сохранением их права на свои культурные особенности, религиозные мировоззрения, ментальность, так называемая «мультикультурность», по крайней мере в Европе, приводит к росту напряженности между коренным населением и приезжими, которые не только не стремятся интегрироваться, а даже отторгают культуру страны, в которой они решили проживать.

Еще одним фактором дестабилизации межкультурного общения является различие в образовании, разный подход к проблемам образования, наличие университетско-педагогической среды. Страны, где к образованию подходят системно, понимают, что это почти единственный выход для сохранения культурных особенностей и межкультурных связей в нынешних условиях. Люди, не только обладающие знаниями точных наук, но и изучавшие философию, культуру, историю мировой цивилизации, владеющие языками, являются более подготовленными к пониманию и взаимодействию с представителями другой культуры. Такой диалог будет продуктивным, так как каждый участник межкультурной коммуникации знает и понимает культуру, ценности, менталитет другого человека. По утверждению Генерального директора ЮНЕСКО

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. URL: <http://www.den-zadnem.ru/page.php?article=215>

² Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 95 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социокультурная ценность иноязычного образования в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века», «Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX — начала XX века: смена парадигм», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра», учебно-методических пособий и статей в журналах «Наука и школа», «Педагогика», «Иностранные языки в школе», «Вопросы образования».

³ Comprendre la mondialisation. URL: <http://www.lamondialisation.fr>

И. Боковой: «межкультурный диалог помогает способствовать пониманию того, что, будучи разными, мы все разделяем много положительных ценностей и жизненных проблем вместе. С этой точки зрения это только маленький шаг для реализации того, что проживание в мире разнообразия может быть источником улучшения благосостояния»¹.

Межкультурный диалог, вне всяких сомнений, представляет собой наилучший способ решения вопросов, касающихся культурного разнообразия в рамках современных обществ. Важен открытый, уважительный обмен мнениями на основе взаимного понимания между людьми и группами людей различных культурных традиций для содействия толерантности и взаимопонимания, предотвращения конфликтов и укрепления социального единства. Такой диалог имеет большое значение для взаимопонимания, предотвращения конфликтов и укрепления социального единства. Благодаря развитию межкультурного диалога многообразие культур становится источником взаимного духовного обогащения и способствует укреплению взаимопонимания, примирения и терпимости.

Руководящими принципами осуществления межкультурного диалога являются свобода выбора, свобода самовыражения, равенство, толерантность и взаимное уважение человеческого достоинства. Толерантность невозможна без признания другого как личности. И воспитание толерантного отношения к другому человеку надо непременно начинать с самовоспитания. Успешный межкультурный диалог требует ряда качеств, развиваемых в демократической культуре, включая непредубежденность, способность как слушать, так и говорить, умение разрешать конфликты мирными средствами и признавать обоснованность аргументов других сторон. Он способствует укреплению демократической стабильности и борьбе с предрассудками и стереотипами в жизни общества и в политической риторике, облегчает создание коалиций представителей различных культурных и религиозных сообществ и может таким образом помочь в предотвращении или деэскалации конфликтов, включая постконфликтные ситуации и «замороженные конфликты»².

Однако, несмотря на множество предпринятых мер, тема диалога культур в условиях глобализации

не перестает волновать мировое сообщество, что свидетельствует как о важности этого вопроса, так и о нерешенности многих связанных с ним вопросов. В современном мире понимание других — сущность сегодняшнего дня. Сегодня уже стали говорить о необходимости формирования компетенций межкультурного диалога. Однако люди не владеют автоматически навыками, необходимыми для участия в межкультурном диалоге. Эти навыки приобретаются и обязательно должны развиваться в течение жизни.

И здесь предстоит большая и кропотливая работа. Надо научить ценить и уважать многообразие и плюрализм мнений, способствовать получению знаний об убеждениях, ценностных ориентациях, культуре других людей. Для успешного межкультурного диалога следует всячески поощрять изучение культурного мира каждого народа, содействовать взаимоуважительному и плодотворному взаимодействию наций и конфессий. Создание атмосферы взаимопонимания и взаимного доверия, поддержание интереса к другим культурам, осуществление взаимообогащающего межкультурного диалога — все это обеспечивает взаимопонимание между народами, выявляет духовную уникальность каждого из них.

Безусловно, именно в диалоге осуществляются взаимопроникновение, взаимовлияние, даже столкновение культур, что способствует их развитию. Диалог — наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Однако за таким глобальным понятием стоят отдельные люди, их общение. Продуктивное взаимодействие представителей разных народов, стран должно способствовать именно диалогу, а не монологу каждой из культур, созданию атмосферы взаимопонимания. Но для этого недостаточно одного желания, необходимо формировать у людей кросс-культурную грамотность. Организации, ответственные за образование во всех странах мира, педагоги должны направить все усилия, использовать весь арсенал имеющихся средств на повышение уровня образования, а формирование и развитие межкультурной компетенции должно выступать в качестве важного элемента учебных программ как в средних, так и в высших учебных заведениях.

¹ Бокова И. Приветствие участникам Международных Лихачевских научных чтений // Диалог культур в условиях глобализации : XI Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2011. С. 6.

² «Белая книга» по межкультурному диалогу. «Жить вместе в равном достоинстве». М., 2008.

В. В. Горшкова¹

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДИАЛОГ ИЛИ КОНФЛИКТ?

Русские — патриоты открытого мира.

Томас Бах

Диалог культур в настоящий момент происходит на фоне активно закладываемых глобальных структур в области экономических, политических и социальных отношений, которые выходят за пределы пространства стран и географических регионов. П. Уорслей отмечает: «до сих пор единое человеческое общество вообще никогда не существовало», однако сегодня мы наблюдаем совершенно иную картину — никакая страна не может себя считать «самодостаточным островом». Р. Робертсон дает следующее определение глобализации — это «ряд процессов, которые составляют единый мир». В то же время изучение сути происходящих процессов открывает как позитивную, так и негативную сторону глобализации, обнажая проблемы, которые ей предстоит решить.

На первом этапе осмысления глобализация трактовалась как логическая закономерность, вытекающая из объективных экономических процессов. При анализе страны делились на центральные, полупериферийные и периферийные, при этом безусловным считалось прогрессивное развитие первых и необходимость для зачисленных в полупериферийные и периферийные перенимать социальные, экономические и в целом культурные модели как способствующие развитию страны. Подчеркивалась позитивность такой программы действий, которая может быть осмыслена как «глобальная гомогенизация», то есть культурная унификация по типу вестернизации. Все страны копируют западный образ жизни: периферия и полупериферия постепенно усваивают культурные образцы «передовых» западных стран (центра), происходит вытеснение этими новыми формами собственных, традиционных, то есть унификация товаров, услуг и культурного продукта, формируется культурно-однородный мир. Предполагается, что таким униполярным миром будет руководить мировое правительство, руководствующееся западными (трактуемыми как идеальные) ценностями.

Однако воплощение такой нарисованной идиллической картины на деле стало порождать конфликты. Попытки осмыслить причины возникающих конфликтов породили объяснительный сценарий, получивший название «сценарий периферийной коррупции». В нем при трактовке причин неудач выдвигалась версия не-

способности периферийных стран в связи с низким культурным уровнем перенять передовые достижения Запада во всей их прогрессивно-культурной глубине. То есть, оставляя за бортом «высокоинтеллектуальные» достижения стран «центра», эти страны периферии берут и усваивают низкопробную продукцию («мыльные оперы», а не произведения, ставшие классическими, триллеры или ужастики, а не серьезную литературу, и т. д.). Таким образом, периферийные культуры отфильтровывают и оставляют для употребления культурные продукты только самого низкого уровня — то, что называется массовой культурой. При таком протекании процесса на периферии глобального мира происходит разложение западной культуры и образуется «культурная свалка». Является ли это реальным объяснением возникающих конфликтов и описанных тенденций?

В настоящий момент мы наблюдаем возникновение другого осмысленного подхода, который актуализируется новым осознанием результатов развития западной цивилизации. На первых этапах глобализации проводимый научным сообществом анализ данного процесса был напрямую связан с идеей прогресса и западный мир выступал эталоном, по которому сверялись остальные страны. Однако становящееся уже привычным усиление межкультурных конфликтов, социальные и экономические кризисы, экологические катастрофы, происходящие в результате потребительского отношения к природе, а также уверения экологов в том, что планета, не справляясь с деструктивным воздействием человека, не успевает восстанавливать свои ресурсы, заставляют обратиться к критериям цивилизационного прогресса. В этом контексте по-другому начинают осмысляться ориентиры западной цивилизации, взятые за основу как способствующие успешному, прогрессивному развитию и как эталон для копирования периферийными и полупериферийными культурами. Среди таких приоритетов — принципы индивидуализма, которые характеризуются ощущением себя автономным, стремлением изменить среду под себя, упором на личные достижения (что, конечно, являлось позитивной основой для профессионализации, работало на научно-технический прогресс). Однако у медали обнаружилась и обратная сторона: эти же качества приводят не только к изменению природы, но и к ее уничтожению.

Таким образом, тот сценарий глобализации, который ранее видели как эталонно-нормативный, порождает сразу две конфликтные сферы: межнациональный конфликт, ибо в ряде случаев западные ценности, вступая в противоречие с национальными, вызывают отторжение и враждебность (именно так некоторые ученые трактуют конфликт с мусульманской цивилизацией). В результате начинает вырисовываться новый подход, при котором традиционным культурным

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденции развития», «Гуманитарная миссия педагогики», «Диалог в образовании человека», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Диалог как технология социальной работы», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редколлегии научного журнала «Человек и образование», «Педагогического журнала». Отличник народного просвещения. Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук», грамотами Министерства образования и науки РФ. Дипломант Международного конкурса учебно-методической, учебной и научной литературы за 2012–2013 годы «Золотой корифей».

ценностям и ориентирам не просто милостиво дается право на существование, а утверждается иная направленность глобализации — на сохранение многообразия, полифонизма, когда вовлекающиеся во взаимодействие страны продолжают развивать присущие им традиционные особенности, специфику своей культурной палитры.

Такая новая цель политики глобализации способна решить и вопросы во второй конфликтной сфере, включающей конфликт с природой, который может привести к уничтожению не только ее самой, но и человечества. Ведь за культурным многообразием стоят ценности, и одно из обозначенных ценностных противостояний Западу происходит по линии «индивидуализм–коллективизм» (представленное частью исследователей как входящее в ценностное противостояние «Запад–Восток»). Согласно исследованиям члены коллективистских обществ не приветствуют явной индивидуалистической обособленности, делая акцент на том, что можно назвать, по выражению Мацумото, «фундаментальной связанностью человеческих существ». Для них значимой является адаптация к отношениям в группе, к которой они принадлежат, солидарность с товарищами, понимание их и забота о них, а также участие в одобряемой обществом деятельности. И здесь, безусловно, Восток не просто, как хотелось бы трактовать западным «диагностам», «не дорос» до Запада — это западная цивилизация транслирует чуждые коллективизму глубинные основания: ориентация прежде всего на себя, стремление амбициозно выделиться, сосредоточенность на своих целях и правах, на собственных потребностях и желаниях и вытекающее отсюда изменение мира под себя, свою прагматическую пользу и потребительские установки, — всему этому противостоит коллективистское ощущение всеобщей связанности не только с социумом, но и шире — с миром, согласование при акцентированности не личностного в процессах, но сущностно-ценного с точки зрения некоего общего смысла. Россия является ярким проводником такого мировидения, которое усиливается также традиционно сильным духовным началом, причем наряду с этим для России характерна активная позиция на мировой арене,

что является онтологической базой для изменения ценностных акцентов на мировом уровне. В данном контексте современное направление глобализации — это направление партнерского диалога, результатом которого должно стать включение в характеристики формирующейся мировой общности новых ценностей, которые способны решить проблемы двух конфликтных сфер. Это не ценности изменения под себя природы и народов, а ценности согласования, учета другого, всеобщей не только внешней, но и внутренней связанности. Можно сказать, что этим новым ориентирам глобализации глубинные основания и ценности русской культуры соответствуют гораздо убедительнее и могут быть более продуктивными и безопасными, чем установки и ценности американской и западноевропейской культуры.

Вместе с тем в заключение следует заметить следующее: в XXI веке, как и во все предыдущие (и, вероятно, последующие) времена, человек остается существом, ищущим смыслы, а не просто пассивным потребителем материальных благ. На наших глазах происходит процесс актуализации цивилизационной памяти незападных народов, и мир стоит на пороге невиданного прежде ренессанса незападных культур. Каким будет этот ренессанс, куда он приведет народы разных цивилизаций? П. Т. де Шарден предупреждает об опасностях, которые таит коварная доктрина «прогресса путем обособления» — доктрина селекции и избранности рас: «Льстящий коллективному эгоизму, более живой, более благородный и еще более чувствительный, чем индивидуальное самолюбие, расизм для своего обоснования принимает и продолжает линии древа жизни строго такими, какие они есть, в их перспективах». Очевидно, что тенденция глобализации будет развиваться в перспективе открытой, непредсказуемой истории, преодолевая серьезные препятствия на своем пути. Сумеют ли представители мирового гуманитарного сознания противопоставить новому трайбализму сильную гуманистическую объединительную идею, сочетающую рационализм пользы с пафосом защиты великих общечеловеческих ценностей? От ответа на этот вопрос зависит будущее глобального мира.

Ю. И. Гурова¹

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ПЕРЕВОДА В УКРЕПЛЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В последнее время в современном мире проблема межкультурной коммуникации при переводе имеет

¹ Заместитель заведующего кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат филологических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Исторический аспект отрицания в древнеанглийском языке», «Семантическая эволюция глаголов пространственного перемещения по вертикали в современном английском языке», «Информационная энтропия языка», «Процесс становления английского инфинитива с точки зрения исторической лингвистики», «Многоаспектный анализ исторического развития отрицания в диахронии английского языка», «Грамматическая категория сослагательного наклонения в древнеанглийском языке», «Грамматическая категория длительного времени в древнеанглийском языке» и др.

особое значение в отечественной и мировой культурологии в рамках взаимных процессов влияния различных культурных традиций с точки зрения их общего взаимодействия. В данном случае процесс межкультурного диалога строится на основе этнодифференцирующих признаков, которые способствуют формированию и построению модели этнокультурной идентичности личности. Роль такой личности несет на себе «агент культуры», в современной культурологии его называют актором (от *англ.* actor — «действующее лицо»). Акторами являются определенные специализированные социальные общности людей, которые несут в себе

и распространяют культурные ценности, а именно филологи, исследователи, переводчики и др.

Для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание характерные особенности автора сообщения и тех получателей информации, для которых предназначалось это сообщение, их знания и опыт, характер и особенности восприятия людей, которым адресуется перевод, и прочие аспекты, влияющие на ход и результат переводческого процесса. При переводе первоначально процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации передает подобную коммуникативную установку в новой культурно-языковой среде. Благодаря переводу обеспечивается возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, возможность межъязыковой коммуникации.

Переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли рецептора оригинала, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» исходного языка. Успешное выполнение функций переводчика предполагает всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями и прочими реалиями народа, говорящего на исходном языке. На втором этапе процесса перевода переводчик стремится обеспечить понимание исходного сообщения рецептором перевода. Он учитывает, что рецептор перевода принадлежит к иному языковому коллективу, чем рецептор оригинала, обладает иными знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. Отсутствие у рецептора необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации.

Когнитивная сфера переводчика «включается» в процесс перевода, обеспечивая успешность его протекания. Для существования акта перевода актуален и релевантен именно тот фрагмент когнитивной сферы переводчика, который образуется при «пересечении» когнитивных сфер автора первоначального текста и переводчика. Актуализация «зон» пересечения возможна в том случае, когда переводчик знаком с когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, на языке которого создан текст перевода, а также с набором основных компонентов когнитивной сферы автора первоначального текста. Порождение такого высказывания обеспечивается интеграцией когнитивных сфер автора первоначального текста и переводчика, в результате которой образуется интегральное (совмещенное) ментальное пространство.

Пересечения ментальных пространств автора первоначального текста и его переводчиков никогда не могут полностью совпадать, поскольку они определяются индивидуальными знаниями и представлениями и репрезентируются индивидуальным «вербальным кодом». Индивидуальные ментальные пространства имеют какие-то «общие зоны», и перевод будет тем успешнее и результативнее, чем шире «зоны» пересечения индивидуальных ментальных пространств автора первоначального текста и его переводчиков. Например, расстояние между коммуникантами, которое называется социальным, или дистанция между двумя парт-

нерами в неформальном общении, в разных культурах различно: в Европе и США оно по некоторым источникам равно примерно 3 фута, а в некоторых странах Азии с высокой плотностью населения оно может сократиться до 1 фута.

Незнание некоторых правил общения может привести к срыву общения и непониманию. Наряду с усилиями по ориентировке в собеседнике на каждом коммуниканте лежит обязанность по ориентированию собеседника в себе. Средствами такого ориентирования служат вербальные и невербальные знаки. К прямым вербальным средствам относится самотитулование в устной и письменной форме (предъявление визиток, демонстрация бейджей), к косвенным вербальным формам можно отнести демонстративное употребление одной из форм общенационального языка. В Западной и особенно в Восточной Европе (Австрия, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Румыния и т. д.) официальные титулы, в первую очередь названия должностей, используются гораздо шире, чем в России. Профессор, например, в Венгрии или Польше будет называть свое звание при самотитуловании почти во всех ситуациях общения.

Невербальные средства ориентировки в собеседнике и ориентирования собеседника в себе можно разделить на прямые — это военная униформа и любая одежда, четко указывающая на пол коммуниканта, и косвенные — любая одежда, теряющая качества военной униформы, стоимость жилища, место проживания, марка автомобиля и т. д.

Ориентировка в качествах собеседника и ориентирование его в своих интересах — это самые важные задачи общения при переводе. Решение этих задач в наши дни приобретает особое значение, так как знаковые средства, используемые носителями одной этнической культуры, могут быть не совсем известны носителям другой культуры или пониматься иначе. В связи с этим риск возникновения коммуникативных конфликтов, случаев непонимания резко возрастает.

Одна из важных коммуникативных задач, которую должны решить участники как культурного, так и межкультурного общения, — это определение соотношения социальных статусов коммуникантов, иначе говоря, необходимо определить, кто обладает более высоким социальным статусом, так как это обладание связано с определенными коммуникативными предпочтениями. В русской культуре, например, соотношение социальных статусов четко маркируется выбором обращений на «ты» или на «Вы». Навыки определения соотношения социальных статусов в чужой этнической культуре формируются при изучении иностранного языка в рамках специального инструктивного обучения (при обучении «по образцам», то есть при наблюдении за образцовым общением соотечественников).

Ошибки коммуникантов при решении задач общения ведут к коммуникативным неудачам. Представление общения в виде процесса решения задач позволяет демистифицировать процесс общения и облегчает как анализ общения, так и инструктивное обучение общению в целях укрепления диалога культур.

А. В. Денисов¹

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Развитие музыкального искусства в XX веке было связано с разнообразными тенденциями, нередко имевшими крайне противоречивый характер. Взаимодополняя друг друга, эти тенденции отображали пеструю и одновременно многогранную картину мира, существовавшую в сознании человека. В конце столетия они обрели радикальные очертания: исторические и социальные катаклизмы, резкий скачок в развитии науки и техники, расширение представлений о мире — все это привело к тому, что именно в XX веке процессы глобализации стали особенно актуальными. Подобные процессы стимулировались также и диалогом разных культур, благодаря чему в конце столетия произошли глобальное расширение социальных контактов, пересечение культурных традиций, в целом фактически всех сфер ментального опыта.

Воздействие *неевропейских традиций* на академическую музыку в XX веке имело особенно интенсивный характер. Сама проблема «Запад–Восток» в это время обрела достаточно специфические очертания — взаимодействие культур выступил как источник художественных возможностей, ранее оставшихся неизвестными. Конечно, диалог между разными национальными культурами стимулировался внешнеисторическими и политическими обстоятельствами. Одновременно мышление композиторов XX века в целом было ориентировано на обновление системы художественных средств, радикальное новаторство и индивидуализацию музыкального языка. Слуховое самосознание стало открытым к новым влияниям, и в результате художественное пространство музыки XX века предельно расширило свои звуковые горизонты.

Очевидно, в этом контексте музыкальное искусство не могло оставаться безразличным к открывавшимся перед ним новым перспективам. В первую очередь это касается самой системы музыкального языка. Происходит взаимовлияние ритмической и ладовой организаций восточного и европейского происхождения, композиторы осваивают сам интонационный материал разных стран — не только Востока, но и Южной Америки и других (вспомним произведения Л. Берно, Дж. Кейджа, Э. Денисова — например, «Солнце инков»). Нередким оказывается использование специфических инструментальных средств, значительно расширивших тембровую палитру. Наконец, именно неевропейская музыка позволила по-новому взглянуть на проблемы композиции и организации художественного времени — вместо концепции неуклонно-поступательного развертывания авторы все чаще обращаются к медитативному типу драматургии.

Характерно, что композиторы не просто используют собственно языковые средства неевропейских культур

— их начинает привлекать тематический и сюжетный материал неевропейского происхождения (вокальный цикл «Харави» О. Мессиана, «Прощание с другом» С. Слонимского). Эти культуры интересуют авторов не только как сфера экзотики, далекой от европейского самосознания и потому эстетически привлекательной (как это было, например, в XVIII–XIX вв.). Они также оказываются воплощением новых смыслов и образов, *внутренне близких* творческим поискам авторов. Можно сказать, что если музыкальный XIX век скорее воссоздает общие стилистические контуры неевропейского искусства, то век XX стремится постичь глубинные законы, лежащие в его основе.

Отдельного внимания заслуживает обращение к *фольклорным традициям*. Хорошо известно, что фольклор становился интонационным источником для композиторов в разные исторические периоды. Достаточно вспомнить о творческом освоении фольклора в русской музыке XIX века — у М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Бородина, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского, П. Чайковского. Точнее говоря, он выступал в качестве основы, питавшей профессиональное творчество и обогащавшей его своей музыкальной стихией. В то же время в XX веке фольклор открыл перед музыкантами неиссякаемые резервы для обновления музыкального языка — об этом свидетельствует творчество И. Стравинского, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Б. Бартока, а во второй половине XX века — Л. Берно, С. Слонимского, Б. Тищенко и др.

Нетрудно понять, что столь интенсивный интерес к фольклору был обусловлен многими причинами. Во-первых, это интерес к архаическим культурам, точнее — к архаическим моделям мышления, сохранившимся в народном творчестве. Во-вторых, именно фольклор оказался воплощением основ музыкального мышления, принципиально отличающихся от академической традиции профессиональной музыки. Коллективный тип творческого сознания, закономерности устной памяти, особенности исполнительских традиций в фольклоре — все это позволило открыть композиторам XX века неизвестные ранее организующие закономерности музыкального искусства. В результате диалог «Восток–Запад», происходивший в контексте процессов глобализации, стал мощным стимулом для развития музыкального искусства, определившим его дальнейшие перспективы.

Другая линия, воплотившая диалогические процессы между различными культурами, заключалась в обращении к *наследию далеко ушедшего Прошлого*, воспринимавшегося в XX веке как близкое и созвучное современности. С этим направлением связано направление неоклассицизма, представленного именами многих композиторов: И. Стравинского, Р. Штрауса, П. Хиндемита, Дж. Малипьеро, А. Казеллы, Б. Мартину и др. Неоклассицизм сформировался в первые десятилетия XX века, его развитие происходило в разных странах (Германия, Франция, Италия), впрочем, его основные

¹ Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения. Ведущий программы «Музыкальные парадоксы» на «Радио Мария». Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Античный миф в опере первой половины XX века», «Композиторы XX века: А. Казелла, Дж. Малипьеро и другие», «Феномен музыкальной цитаты: проблемы исследования», «Музыкальная семиотика: краткий экскурс в историю развития», «Музыкальное искусство как прием и актуализация замысла» и др.

эстетические константы сохранялись неизменными фактически у всех авторов. Более того, можно говорить о том, что неоклассицистские тенденции продолжали «звучать» и в более позднее время, в том числе во второй половине XX века.

Творческое воссоздание искусства прошлого имело разнообразные формы — от более или менее ярко выраженной стилизации и цитирования до скрытых аллюзий, отдельных ссылок на чужой стиль. Например, в творчестве И. Стравинского неоклассицистского периода происходит преломление элементов чужих стилей в системе авторского высказывания. Стилистическое воссоздание музыки композиторов XVII–XVIII веков у А. Казеллы и Дж. Малипьеро также предполагало авторский голос, вступающий в диалог с этой музыкой. Наконец, здесь же следует вспомнить об опытах транскрипций, своего рода аранжировок старинных произведений, а также их своеобразной художественной «реконструкции» (например, реконструкция «Орфея» К. Монтеверди, предложенная К. Орфом, авторская версия этой же оперы, написанная Л. Берио, — “Orfeo II”).

При всем своем различии все эти формы, как правило, предполагали дистанцированно-объективный взгляд на мир. Композиторы XX века смотрели на него сквозь призму Прошлого, художественное достояние которого, пройдя сквозь века истории, само по себе обрело внеличностный характер. С одной стороны, неоклассицизм представлял как своего рода художественная оппозиция романтизму XIX века, его эмоциональной открытости и личностной субъективности. Экспрессии и непосредственности выражения в неоклассицизме чаще всего нет места — им противопоставляется конструктивная ясность выражения и сдержанность содержания. С другой стороны, именно неоклассицизм с его рационально четкой дисциплиной мысли и художественной дистанцией

противостоял деструктивным тенденциям современному искусству.

В конце XX века эти тенденции приняли особенно ярко выраженный облик, как бы отражая бесконечную изменчивость мира. Не случайно именно в это время искусство прошлого оказывается своего рода центром притяжения — в нем видится возможность обрести то художественное единство, которое было утрачено к концу столетия. Развитие аутентичного исполнительства, изучение музыкальных памятников — все это в конце века осознается как необходимый возврат к ценностям ушедшего времени, сохраняющим свою актуальность всегда.

Таким образом, XX век по-новому относится к проблеме *традиции*. Традиция трактуется как живая преемственность разных художественных поколений, в которой все взаимосвязано единой линией развития культуры. Истинное настоящее и будущее искусства существуют лишь в диалоге с прошлым — об этом писали многие авторы, в том числе И. Стравинский, Ф. Гершкович, Т. Элиот и др. Даже радикальное новаторство невозможно без опоры на уже существующие схемы и модели мышления¹. Они могут обновляться и трансформироваться, и в то же время они неизменно сохраняются в памяти самой культуры.

Очевидно, сама проблема традиции в конце столетия обрела особую остроту — интенсивное развитие музыкального искусства, устремленное к новым горизонтам будущего, одновременно требовало и ретроспекции, взгляда в прошлое. Об этом недвусмысленно напоминают слова Ф. Гершковича, отмечавшего: «Мне кажется, что человек, интерес которого всецело принадлежит сегодняшней музыке, без того, чтобы у него была способность относиться к музыке великих классиков как к живой музыке, лишает себя возможности оценить по-настоящему музыкальное творчество последнего полувека»².

Ю. А. Запесоцкий³

БРЕНД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Постановка в один ряд такого фундаментального понятия, как «культура», с коммерческим термином «бренд» для многих уважаемых российских ученых на первый взгляд может показаться неуместной. Однако стоит заметить, что если под культурой мы подразумеваем систему ценностей и норм, правил поведения, связанных с отношениями между людьми, опре-

деляющих своеобразие, идентичность определенной общности⁴, то современные бренды во многом выполняют те же самые функции.

Дело в том, что в постиндустриальном обществе производство и потребление брендов становятся относительно самостоятельной сферой социально-культурных коммуникаций, далеко выходящей за пределы маркетинга и постепенно теряющей свою связь с системой производства. Как социально-культурное явление, бренд постепенно теряет связь с производимым под его маркой товаром, преодолевает свою вещную предметность, выходя за границы экономических функций. В постиндустриальном обществе бренд не желает больше оставаться коннотацией товара, его не устраивает функция знаково-символической упаковки

¹ Показательно, что об этом говорили даже такие радикальные новаторы XX века, как А. Веберн и А. Шенберг.

² Гершкович Ф. О музыке. Статьи, заметки, письма, воспоминания. М.: Советский композитор, 1991. С. 305.

³ Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии. Автор учебного пособия «Основы брендинга», монографии «Бренд как социально-культурный феномен», а также более 50 научных публикаций по культурологии, рекламе, связям с общественностью, интернет-технологиям, в т. ч.: «Имидж и бренд: инструменты творения “нового человека”?», «Бренд как фактор эволюции современной массовой культуры», «Мировоззрение создателя проекта как концептуальный фундамент будущего бренда», «Технология брендинга как инструмент продвижения общественной организации» и др. Руководитель брендингового агентства Pro.Name.

⁴ Проданов В. Три типа отношений между культурами в условиях глобализации // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 147.

услуг — он активно входит в пространство культуры, становится ее творящей субстанцией. Если ранее бренды ограничивали свои задачи трансляцией потребительской информации, то сегодня они становятся основанием личностной идентичности, а дискурсы и персонифицированная символика известных брендов воспринимаются в качестве метафор смысла жизни человека в потребительском обществе. В системе коммуникации бренд не просто взаимодействует с аудиторией — он все активнее берет на себя функции творения человеческой субъективности. В результате массированного воздействия формируются субкультурные сообщества и жизненные стили, исповедующие модели поведения персонифицированных символов мировых брендов. В результате возникает специфическая семиосфера брендов — самостоятельная отрасль культурной практики, в которой заняты высокоинтеллектуальные и творческие личности (в этом плане специалисты в области брендинга становятся полноправными субъектами культурной политики, меняющими облик этого мира).

К некоторым брендам типа “Apple” уже всерьез применяют такой термин, как «корпоративная религия». Количество «адептов» данного бренда быстро приближается к миллиарду, а ключевого создателя “Apple” Стива Джобса постоянно сравнивали чуть ли не с Иисусом Христом и после смерти негласно канонизировали. При этом пользователи iPhone, iPad и прочих «яблочных» устройств не живут где-то в одном месте, они рассредоточены по всему миру, но ежедневно пользуются единым интерфейсом, фактически общей виртуальной средой обитания, времяпровождение в которой постоянно растет. За редким исключением пользователи “Apple” объединены общей философией, они читают одни и те же книги, смотрят общие фильмы, зачастую обсуждают события, актуальные лишь для них. Конечно, в данном случае речь идет о формировании некой субкультуры на основе коммерческого бренда.

В современной культуре брендами становятся не только компании и продукты, но и события¹. За счет этого брендинг распространяется широко за пределы коммерческого сектора и активно используется в продвижении интересов не только секторов экономики, но и целых стран. Но если о брендах стран сегодня много говорится и это уже стало нормой, проблематика бренда культур ни в научной, ни в профессиональной среде практически не поднимается. А данная тема явля-

ется чрезвычайно актуальной, поскольку при очевидной поддержке крупных государств в популяризации собственных культур лишь одна страна в мире — Соединенные Штаты Америки, где, собственно, брендинг и зародился, строит коммуникации своей культуры по всем законам брендинга, используя технологии целенаправленного конструирования позитивного образа продвигаемого объекта в сознании целевой аудитории. И это одна из ключевых причин того, почему именно американская культура завоевывает умы людей по всему миру. Технологии продвижения брендов, которые в 1950-х годах зарождались в американских компаниях типа “Procter&Gamble”, затем более чем за полвека были успешно апробированы и доведены до совершенства на коммерческом секторе, уже достаточно давно применяются и вне его.

Широко известно, что в предвыборной кампании кандидата в президенты США Эйзенхауэра в 1956 году известный специалист Россер Ривз сознательно воспользовался методами коммерческой рекламы, сконцентрировавшись не только на содержании предвыборных речей кандидата, но и на его внешнем виде. Несмотря на то что позиционирование будущего президента по аналогии с консервами многих возмутило, сконструированный имидж и кампания в целом оказались весьма результативными. Многие технологии продажи продуктов в дальнейшем были переинтерпретированы и применены для нужды функционирования демократических механизмов американского общества. И дело не в том, что для американцев нет разницы между консервами и президентом — это совершенно неверное истолкование. Вопрос в другом: для США как консервы, так и имидж президента являются элементами единой культурной системы, созданной в рамках строгой концепции, которая успешно доносится даже до самых далеких внешних аудиторий.

В данном контексте совершенно логичным было выступление Барака Обамы на выборах президента США в 2012 году. Речь была длинной, но даже если бы президенту дали всего одну минуту, он бы все равно успел произнести самую важную часть своего спича. Краткая выжимка из его речи выглядит примерно так: «Все движется благодаря вам. Незавжно, откуда вы приехали и как выглядите: черные или белые, с испанским или азиатским происхождением, старые или молодые, богатые или бедные, инвалиды или без ограничений, традиционно ориентированные или нет, вы сможете добиться своих целей здесь, в Америке, если будете стараться, работать и сражаться. Я верю, что мы добьемся этого будущего вместе». Несмотря на то что США декларируют отсутствие официальной идеологии, в представленной выше эссенции как раз и заключается та самая «американская мечта». На бытовом уровне для масс она несет значительно более осязаемый характер, нежели, например, так называемая «русская идея», которая ограничивается лишь сферой гуманитарного дискурса.

Система параллельных каналов коммуникаций бренда в Америке идеально отлажена и доводит суть пропагандируемого стиля жизни до самой широкой

¹ Например, текущий состав участников Лихачевских чтений свидетельствует о том, что данное мероприятие становится значимым для аудитории ученых-гуманитариев как в России, так и в других странах. Ученые имеют опыт посещения Лихачевских чтений, представляют себе ключевую идею и формат мероприятия. Повторные участия свидетельствуют об устойчивом интересе к проблематике. Для многих участников за последние 10 с лишним лет Лихачевские чтения стали знаком качества, событием, на котором гарантированно присутствуют лидеры профессионального мнения, так называемые референтные личности. У целевой аудитории с данным мероприятием во многом связаны положительные ассоциации и ожидания. То есть, говоря маркетинговым языком, во-первых, Лихачевские чтения — это бренд. Во-вторых, высока так называемая лояльность к бренду, к которой также, в свою очередь, стремятся всевозможные общественные организации, вузы, спортивные клубы, библиотеки, малые и большие города.

аудитории с нужным количеством повторений в различных вариациях. Здесь свою функцию выполняют как традиционные СМИ с Интернетом, так и киноиндустрия с Меккой в Голливуде. Американская музыка также является важным элементом поп-культуры, которая, в свою очередь, становится ядром глобальной культуры, о чем так много сейчас говорят. Можно сказать, что на американских компьютерных играх вырастает уже не первое поколение россиян.

Сегодня американская массовая культура — это фабрика по производству качественных символических продуктов универсального назначения, удобных для использования в любой части света. Поэтому в российском обществе, так же как и во многих других, принято знать английский язык (возможно, скоро его будет принято называть американским) и текущий курс доллара США по отношению к местной валюте. Несмотря на то что практически все мы пользуемся товарами, произведенными в Китае, лишь считанные единицы среди петербуржцев или москвичей смогут назвать курс юаня к рублю или доллару.

Современная цивилизация переживает эпоху культурного противостояния, при этом лидер здесь очевиден. Америка искренне воспринимает глобальное культурное пространство как рынок, а свою культуру — как ведущий бренд на этом рынке, которому согласно рыночным правилам требуется изо всех сил удерживать свои позиции по отношению к потенциальным конкурентам. При этом нередко поддерживаются вымирающие культуры, у которых нет шансов на конкурентную борьбу. А опасным игрокам фора не положена, наоборот — им оказывается максимальное сопротивление путем использования наработанных бизнес-школами США знаний операционного менеджмента, психологии потребителей, маркетинга и тому подобного (в Америке, как известно, наука практико-ориентированная). Технологии брендинга используют не только США, но и культуры стран третьего мира, позиционирующие себя в противовес Америке путем акцентирования своей истории и традиционных ценностей¹. Однако проблема этим не снимается. В глобальном отношении позиция «не Америка» может в лучшем случае занимать в сознании потребителей вторую строчку, поскольку всегда отталкивается от существующего лидера.

В России ситуация иная. Сообщество гуманитариев выказывает озабоченность деструктивным характером западной культуры, которая в условиях глобализации действительно несет значительную угрозу для подрастающего поколения россиян. Например, на Лихачевских чтениях, проводимых Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, ученые категорически отвергают идею образования как услуги, в связи с его витальным значением для российской культуры в целом. «Культура задает человеку идеалы, примеры для подражания, символы, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке»². В этом смысле в России культурное пространство никогда не сможет восприниматься как элемент рыночной системы, да и не должно. Но постсоветской России не хватает собственной идеи, которая была бы понятна массам, грела бы душу не только каждому россиянину, но и иностранцам. Эта идея может со временем совершенствоваться, но не может противоречить всему тому, что было создано ранее. Все дальнейшее развитие российской культуры должно быть построено на данной идее. Искать ее надо внутри собственной культуры. А для реализации и внедрения необходимо в том числе воспользоваться и технологиями, разработанными «конкурентами». Россия заслуживает того, чтобы ее не только боялись, но и уважали, чтобы обращали больше внимания на заработанные ею медали, а не только потраченные на их достижение средства. И, похоже, для этого России все же придется из трех олимпийских талисманов, отказавшись от неуклюжего медвежонка и добродушного зайки, выбрать леопарда с хитрой улыбкой. Иначе однажды мы рискуем услышать: “Sorry, nothing personal. Just business”.

Отечественные бренды обладают значительными ресурсами достойного позиционирования выдающихся достижений отечественной культуры как внутри страны, так и за рубежом. В качестве субъекта культурной жизни бренд обеспечивает свой онтологический статус путем востребованности образно-символического мира культуры, за счет постоянного обмена с социальной средой. В процессе социально-культурной коммуникации бренд способен не только транслировать образы акций событий, но и производить новые смыслы, извлекая их из неисчерпаемых глубин отечественной культуры.

¹ Эта стратегия описана авторами теории позиционирования Джеком Траутом и Элом Райсом, ее название “The Uncola” — то есть «не кола» (по этому принципу построен бренд российского квасного напитка «Никола»: «Квас — не кола, пей Николу», а впервые данное позиционирование было использовано при продвижении напитка 7-UP).

² Запесоцкий А. С. Почему Россия проигрывает в глобальной конкуренции национальных культур // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 88.

С. Ю. Иванова¹

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ ДИАЛОГА И КОНФЛИКТА КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Современные мировые тенденции развития культуры характеризуются прежде всего тем, что расширение транснациональных экономических связей и коммуникаций превратило планету в «глобальную деревню».

Одно из центральных мест в философском осмыслении процесса глобализации займут, видимо, вопросы, касающиеся идентичности, политического будущего и возможных траекторий развития национальных государств. Что может составить социальную и культурную базу новых направлений развития, какие перспективы коллективного будущего могут быть предложены и приняты? Как отдельная личность определяется в новую эпоху? Какие изменения приносит глобализация в культуру, идеологию, традиционные системы ценностей? Как, не потеряв себя, свою идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобализирующемся мире?

Глобальная циркуляция идей демократизации, культурной образности очевидна и проявляется в форме политических институтов и идеологий, социальных подразделений, культурных ценностей. Конфликт между глобальным и локальным составляет истинную сущность жизни в начале нового века. Но что означают эти термины, какое отношение они имеют к суверенитету и развитию наций и национальных государств? К жизни отдельного человека?

Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась преимущественно как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности» (politicized contestation), что приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов» с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Россия включилась в дискуссию о глобализации на несколько лет позже, потому что именно проигрыш Советским Союзом холодной войны с Западом и последующий распад страны создали тот идеологический вакуум, который и была призвана восполнить концепция глобализации в ее идеологической версии.

Формирующийся одинаковый образ жизни — это не равновесное смешение всех существующих форм, это не сплав этносов, культур с заимствованием в каж-

дом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской, культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгой». Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

И все-таки трактовка глобализации как потери культурного разнообразия недостаточно глубокая. Трагичность положения культуры в глобальном мире заключается в том, что она вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу человека, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему, социуму или Богу, что несовместимо с идеалом открытого гражданского общества. Глобализм — это универсальный технологизм. Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор развития технологий. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если это технические регуляторы. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционное, разница лишь в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Идеальной моделью посткультурного состояния мира является Интернет. Виртуальное пространство и в самом деле не делится на свое и чужое, здесь не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная, вообще — «никакая» принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом. Наконец-то отбрасываются «заскорузлые» категории старого мышления, всякое почвенничество, патриотизм, конфессионализм, сексизм и др. И что получается? Человек-кочевник, номад, не принадлежащий ни к одной культурной группе, кроме, может быть, какой-либо профессиональной корпорации. «Наш идеал, — пишет известный постмодернистский философ Р. Рорти, — безродные космополиты». «Человек без свойств» — вот результат глобализации, доведенной до своего логического завершения. А разве бывают вещи и тела без свойств?

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если

¹ Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 211 научных публикаций, в т. ч.: «Современный российский патриотизм» (в соавт.), «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтничном социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтничного социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения» и др. Член Российского философского общества. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Президиума РАН.

в необходимости защиты природы отдают отчет и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узко эмпирическом смысле как о бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности, от чего ее надо защищать, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской культуры «стираются», подавляются даже его контуры, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать.

В глобализирующемся мире человек на постсоветском пространстве испытывает культурный и мировоззренческий шок. Во многом это связано с тем, что ментальные структуры русской души входят в явные противоречия с проводимыми в стране реформами и культурой глобализма. Ядро русской духовности, сформированное православной верой и классической литературой, обозначило русскому человеку нормативность — каким он должен быть; призывало к трудной работе над собственным совершенствованием, нацеливало человека на экзистенциальные переживания и поиск ответов на традиционные русские вопросы (Как жить? Для чего жить? Как жить по совести? и т. п.). Соборность, социальная справедливость, совесть, патриотизм, антибуржуазность — главные составляющие русского духа. Они позволяют человеку остро чув-

ствовать границу добра и зла, истины и лжи, добродетели и безразличия.

В противоположность этому культура глобализма предлагает русскому человеку отказаться от традиционной для него нормативности нравственного самосовершенствования, как от чего-то отжившего, устаревшего, мешающего человеку жить в удовольствии. Глобальная культура превращает человека из социокультурной личности в «человеческий фактор» развития технологии. Ему предлагается иная цель: улучшать не себя, а лишь условия своего существования; стать на путь бесконечного удовлетворения своих гедонистических стремлений и желаний. Согласно такому подходу экзистенциальные вопросы подменяются и ограничиваются понятием «качество жизни». В этом случае тотальный гедонизм не призывает «стать духовнее», «нравственнее», «гуманнее», а изначально объявляет человека самодостаточным и свободным от любых внутренних ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что положение человека русской культуры остается сложным и противоречивым. Если он откажется от духовной нормативности, которая органична русскому духу, то возникает опасность превратить русский культурный ландшафт в худшие образцы массовой культуры, а русского человека — в маргинала в собственной стране.

Д. Н. Катыева¹

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОГО ТЕАТРА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Кризисные явления в современных отечественных театрах, особенно государственных, — это реальность. Театр на протяжении всего своего существования знал периоды кризисов и расцвета. Да и в настоящее время есть еще «острова», особенно в провинции, где российский театр плодотворно творит, имея свою зрительскую аудиторию. Кризисные явления — закономерное отражение ситуации в нашей культуре, которая оказалась на обочине государственных интересов. В федеральном бюджете она рассматривается по остаточному принципу (0,7 %) — «не более чем подотрасль социального блока» (В. Толстой).

Все это не могло не сказаться на качестве формирования новых поколений, того человеческого ресурса будущего, без которого развитие общества весьма проблематично. В последнее время государство наконец стало уделять больше внимания культуре, появилось понимание ее роли в самоидентификации нации. Приходит осознание того, что именно социально-культурная матрица, генетический код, формируемый веками, обуславливает осознанный выбор самобытного

пути народа, а вместе с ним и самой культуры и искусства, театра в частности. Мировой театр насчитывает 25 веков истории, русский — 3 века. Творческое саморазвитие, обновление отечественного театра происходило как за счет диалога, взаимодействия с мировой культурой, с мировым театром, так и за счет отбора своих самобытных начал, творческих, энергетических ресурсов.

Общее в самостоянии мирового и русского театров видится в закономерности самого развития. Это сохранение традиции и стремление к новизне. Однако современный театр в России пошел другим путем и тем самым значительно ослабил процесс создания подлинных явлений искусства.

Новое поколение режиссеров, вступив на путь постмодернизма в самом его разрушительном качестве по отношению к любой драматургии, особенно к классике, фактически отбросило все традиционные ценности русского театра — эстетические координаты, глубокий психологизм, «народность», то, что театр является «школой социальных нравов», «властителем дум», «вторым университетом», будит в человеке истинное, доброе, веру в будущее. Вопреки всему этому, «новизна», «актуализация» любой ценой, интерес к асоциальному типу в его пограничных зонах между нормой и психическим расстройством, сексуальными комплексами, сочинение вместо пьесы — симулякры. И над всем этим — подражание контркультуре, в том

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр», «Из истории европейского авангарда в театре и кино XX века», «Литература и сцена. Театр одного актера (моноспектакль). Литературный театр. Театр поэта», «Магия таланта», «Петербургские сезоны. Начало XXI века (драма, балет)», «Рудольф Нуреев — хореограф» и др.

числе западной моде на эрзацы от искусства. И как результат — последовательное разрушение классических текстов в драме, опере, балете. Г. Вишневская дает точное определение современной постмодернистской оперной режиссуре: «Мародеры, обворовывающие гениев». Когда-то Пушкин написал: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Последнее можно адресовать подобной режиссуре.

Однако... Философские, эстетические, нравственные идеи русского театра определяли его развитие, формирование устоявшейся традиции, периодически обновлявшейся в отдельных ее звеньях, будь это драматургия, технология режиссуры и актерского искусства, сценические, музыкальные компоненты театра, синтетического по своей природе. Это прежде всего связь с народной культурой, ее национальным своеобразием, стихийным реализмом, яркой образностью, смеховым миром Древней Руси, о чем писал Д. С. Лихачев. Это проявлялось в народном театре, пляске, народных художественных ремеслах, имеющих связь с природой, ее почитанием как источника здоровья, силы духа. И в народной культуре, духом которой обогащался русский театр, была заложена философско-эстетическая идея всеоткрытости к культуре других стран и народов. Об этом писал Д. С. Лихачев, когда исследовал древнерусскую литературу (XVI–XVII вв.). Он отмечал общность в развитии литератур восточных и южных славян до XVII века: «Существовала единая литература, единая письменность и единый литературный церковно-славянский язык у восточных славян (русских, украинцев и белорусов), у болгар, у сербов, у румын». Он писал о достаточно высокой степени европейских связей русской литературы в их историческом развитии: «Европеизм русской литературы, чрезвычайно высокий при самом ее зарождении...»¹

И лишь в XVIII веке эти связи были несколько ослаблены, когда возникло сосредоточение на собственной национальной почве и появились, по мысли Лихачева, «Ломоносов, Фонвизин, Радищев, Державин и, наконец, когда пахота стала ровной и глубокой, — Пушкин»². И далее — активное участие русской культуры и искусства в общеевропейском процессе их развития, в диалоге культур, в том числе и в театральной культуре.

По мере развития профессионального театра в России можно заметить закономерность — ускоренное освоение эстетических систем европейского театра. Французский классицизм с его нормативной эстетикой в драме и актерском искусстве был достаточно быстро пройден. Стремление к передаче истины страстей, чем отличались первые выдающиеся русские актеры (например, Ф. Волков), способствовало преодолению условностей в воплощении образа человека на сцене. С большим интересом были освоены идеи эпохи Просвещения в европейском театре. Просветительские идеи, а также предпочтение высокого жанра трагедии оказались весьма дороги сущностным иде-

ям русского театра. И, наконец, период романтизма, в недрах которого закладывался реализм, — все это заложило фундамент философско-эстетических идей русского театра. Эти идеи составляют интерес к внутреннему человеку, его духовной жизни, индивидуализированному характеру, национальной истории, острым драматическим конфликтам, борьбе добра и зла. И как результат — утверждение нравственных приоритетов личности, в которой рождается гармония между личным и общим, «волею и долженствованием» (И. В. Гёте «Шекспир, и несть ему конца!»). Этот процесс самобытного развития русского театра в пространстве диалога культур воплотился в теоретических трудах и творческой практике А. С. Пушкина. Это отразилось, к примеру, в его «Опыте драматических изучений». В драме это выразил Шекспир. В этом плане Пушкин в русской культуре и театре — ключевая фигура. По справедливой мысли Ф. Достоевского, Пушкин выразил наиболее полно способность своего народа к всемирности, открытости к гениям других народов, отзывчивости и творческому освоению их достижений³.

Пушкин писал: «...я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина»⁴. Для Пушкина личность человека многомерна, своеобразна, в чем-то непредсказуема в своем развитии и выборе жизненного пути, наполненного драматическими катаклизмами. При этом Пушкин отдает предпочтение в драме, театре не тяжким злодеяниям, сверхфизическим страданиям. Он считал, что это вызывает привычку к убийствам, притупляет воображение зрителя: «...изображение же страстей и излиятий души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно»⁵. Идеино-эстетическая формула актерского искусства, выдвинутая Пушкиным как «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах», включает жизнь человеческих страстей, духовные искания. Она определяет соотношение правды и органики существования актера на сцене и одновременно роль фантазии в перевоплощениях в образ. Эти идеи развивал К. С. Станиславский, что отвечало продолжению лучшей традиции как отечественного, так и мирового театра — глубокого интереса к человеческой личности, гуманистическим, духовно-нравственным ценностям.

Когда в драме герой, вызывающий сочувствие, платит высокую цену за свою трагическую ошибку, у зрителя происходит катарсис — очищение путем страха и сострадания. Как верно отмечает Б. Костелянец, «удовольствие рассматривается не только как “эстетический феномен”, но и как явление эстетического порядка... Оно появляется только тогда, когда до зрителя доходит та истина, что через все несчастья, испытанные героями, в мире обнаруживает мощь некий высший порядок»⁶.

³ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 26. С. 129–149.

⁴ Пушкин А. С. Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 6. С. 141.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Костелянец Б. О. Драма и действие. М., 2007. С. 51.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. С. 9.

² Там же.

Все эти великие традиции русского и мирового театра обладают мощным философско-эстетическим и этическим потенциалом, как и возможности их сохранения и развития. Они вернутся на свои рубежи. Они потеснят все современные подмены подлинного искусства, и театр не даст превратиться в «сферу ус-

луг продвинутых звезд» и разрушить духовные ценности народа.

Вопрос «С кем вы, мастера культуры?» встает как современный и актуальный, заставляя государственную власть признать важнейшую роль культуры в жизни и развитии современного общества.

С. С. Комиссаренко¹

ГУМАНИЗМ КАК ОСНОВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный мир находится в перманентном состоянии различных войн, которые развязываются то в одной, то в другой стране. В основе каждой из них находится конфликт интересов различных государств, партий, группировок, кланов, борющихся либо за ресурсы, либо за их перераспределение. Глобальный мир сотрясают межэтнические, религиозные и региональные конфликты. Черда необъявленных информационных войн охватила целые континенты. Информация становится мощным фактором, влияющим на становление политических систем, на изменение социальных тенденций и развитие культурных процессов. За право обладания первичной информацией и возможности ее подачи многомиллионной аудитории в необходимом идеологическом ракурсе борются информационные структуры различных государств. Информационные войны связаны с идеологическим противостоянием, которое характеризует полихроматичный образ современного глобального мира. Сегодня глобализация рассматривается как сложное и неоднозначное явление современности.

С одной стороны, глобализация предоставила человечеству возможность объединяться для решения важных проблем мирового сосуществования, связанных со всякого рода кризисами: от экологических до экономических. Кроме того, она содействует поиску универсальных моделей взаимодействия во имя блага и сотрудничества между народами. Глобализация создает условия структурирования пространства для выстраивания диалога культур, качественных изменений взаимоотношений как между государствами, так и между различными социально-культурными институтами, которые меняют смыслообразующие и ценностные составляющие современного мира.

С другой стороны, процессы глобализации связаны не только с ориентацией на культурное взаимодействие людей. Глобальный мир насыщен противоборствующими силами и глубоко радикализован. В этой си-

туации культурное взаимодействие подвергается опасности с точки зрения влияния на него негативных воздействий с позиции разного рода экстремизма, который несет в себе разрушительные тенденции. Данные тенденции способны раскалывать мир не только по оси различных вероисповеданий, но и по линии этнокультурных рассогласований и приоритетных культурных предпочтений.

Вместе с тем сегодня стало очевидным, что глобализация обуславливает необратимые процессы изменения мирового порядка, в котором взаимодействие людей становится острой необходимостью. Без культурного сотрудничества и взаимодействия сам глобальный мир обречен на уничтожение и разрушение. Культура здесь выступает как мощный сдерживающий фактор разрушительных тенденций и огромный объединительный ресурс межкультурного диалога.

Функционируя на общечеловеческом уровне, культура отражает общие тенденции цивилизационных достижений в глобальном измерении, где страны, народы включены в общие процессы. Таким образом, представляя собой качественное определение любых человеческих сообществ, культура формирует новые модели взаимодействия, разрабатывает способы совместной созидательной деятельности и создает философию «общей судьбы» на данном общечеловеческом уровне.

Диалог культур выступает с этой точки зрения как условие общего сосуществования и залога совместного, коллективного развития. Проблема заключается в том, что будет находиться в основе диалога культур, что будет являться корневой системой культурного взаимодействия. С этой точки зрения гуманизм может быть единственной базовой основой диалога культур или, как сказал русский философ Г. П. Федотов, гуманизм «покроет все — от Петрарки до Бердяева».

Гуманизм будет действенным, если он представляет собой ценностно-смысловую континуум. Неразрывность ценностного наполнения смыслового содержания гуманизма связано с тем, что гуманизм не просто ориентирован на человека. Он признает его высшей ценностью и рассматривает человеческую сущность в аспекте аксиологической иерархии. То есть соподчиненности различных ценностей той иерархии, которая определяется как самим человеком, так и окружающим его миром. Гуманизм — это не только признание человека высшей ценностью современного мира, но и создание социально-культурных условий, которые

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование личности: концепции, институты, технологии» (монография), «Модернизация как качественное изменение социально-культурных процессов», «Межкультурные коммуникации в контексте туризма», «Современные проблемы связей с общественностью на политическом поле России», «Взаимодействие социального и культурного: проблема доминантности», «От качества специалиста к качеству личности», «Интернет-пространство как коммуникативная среда диалога культур», «К некоторым аспектам мотивации туризма» и др.

меняют качественным образом отношение к человеку. «Культура имеет отношение не к счастью человека, а к его достоинству или призванию. Не в удовлетворении потребностей, а в творчестве, в познании, в служении высшему творится культура»¹. Признать человека целью развития самого мира — значит придать смысл диалогу культур. Здесь современный мир должен быть ценностью для человека, абсолютно так же, как человек являлся бы верховной ценностью для него. Ценности наполняют гуманизм глубинным смыслом.

В то же время именно кризис гуманизма выявляет наступающий раскол по линии трансформации ценностей и их неразделенности между различными нациями, к которым принадлежит тот или иной человек. Ценностное поле всегда является «полем раздора» в межэтнических, политических, идеологических и религиозных конфликтах. Если ценности перестают быть объединительными, то нормы не выполняют регламентирующие, регулирующие или иные охраняющие функции.

Современный гуманизм зародился как новейшее течение философско-социальной мысли в середине XIX столетия в странах Западной Европы в ответ на растущие проблемы индустриального общества, разрушающие ценностные объекты уходящего мира. Организационное его оформление началось в 30-е годы XX века и закончилось в 80-е. Его основу составляют концепции атеистического или светского гуманизма. Ядро данных концепций неразрывно связано с пониманием прав и свобод каждого отдельного человека не только на его самоопределение в этом мире, но и на свободу в широкой трактовке данного слова: от самостоятельного выбора образа жизни до форм распоряжения этой жизнью. Гуманизм светский отвергает божественное начало в человеке и не ограничивает его устремления и ценности от проявления как индивидуальных, так и социальных качеств личности во всем многообразии их выражения. Условия, при которых наступает торжество полного гуманизма, — это демократия. Только она способна раскрыть человеческое начало и не препятствовать его развитию. Что касается ценностно-смыслового наполнения современного гуманизма, то он также содержит их единство и взаимосоусловленность. Смысл современного гуманизма заключается в признании ценностью прежде всего человека, его свободы, достоинства, самоуважения, самоутверждения. «Таким образом, важной особенностью гуманистического движения является приоритетность ценности самого конкретного человека, его достойного образа жизни перед любыми формами идейной и идеологической организации, в том числе и по отношению к любой, даже самой блестяще сформулированной гуманистической доктрине или программе»².

Общеизвестно, что ценности обеспечивают еще и ориентационную функцию человеческой деятельности и конкретного поведения членов любого сообщества, базируясь прежде всего на традиционнo вы-

работанных ценностях ментально-мировоззренческого уровня. Являясь производными «продуктами» конкретных культурно-исторических условий общественного развития, ценности имеют динамическую структуру и ориентируют субъектов ценностей на то содержание ценностных объектов, которые востребованы конкретным историческим временем. Поэтому ценностно-ориентационная функция не теряет сегодня своей актуальности.

Русская философская мысль обогатила западноевропейские теории гуманизма и внесла много идей в их развитие. Такие мыслители, как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Е. Н. и С. Н. Трубецкие, В. В. Розанов, К. Леонтьев, С. Булгаков, П. Флоренский и другие, связаны с традиционным русским гуманизмом.

Сущность традиционного русского гуманизма выявляется в аспекте теодицеи. По мнению Н. А. Бердяева, «...слово “гуманизм” все-таки связано с человеком и означает приписывание человеку особенной роли. Первоначально европейский гуманизм совсем не означал признание самодостаточности человека и обоготворения человечества, он имел истоки не только в греко-римской культуре, но и в христианстве. Я говорил уже, что Россия почти не знала радости ренессансной творческой избыточности. Русским был понятнее гуманизм христианский»³.

Традиция русского гуманизма связана с пониманием ценности человека через его отношение к Богу, признанием человеком Бога высшей ценностью. Данные отношения рождают ценностный ряд: вера, любовь, надежда, истина, совесть, справедливость, праведность и др. Вера как ценность занимает приоритетное место в ценностной иерархии русского гуманизма.

Имя Ф. М. Достоевского важно для понимания гуманизма во многих аспектах его отношения к человеку. Русский гуманизм немислим без сострадательности, сострадания, сопричастности и солидарности с другими. Как мыслитель и гуманист Ф. М. Достоевский оценен во всем мире. Его духовный авторитет всемирно признан, ибо все творчество писателя пронизано глубоким состраданием к обездоленному человеку и щемящей тоской о поруганной человеческой душе. Он принес тему сострадания не только в русскую литературу, но и в гуманистическую мысль России: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного»⁴. Эсхатологическое учение философской мысли России рассматривает категорию страдания как составляющую в духовной структуре человека. Она актуализируется по мере обострения кризиса в культуре, и ее отсутствие свидетельствует

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избр. ст. по философии русской истории и культуры: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 200.

² Черный Ю. Ю. Современный гуманизм. URL: <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142>

³ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Изд-во В. Шевчука, 2000. С. 75.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989.

о разрушении духовного начала не только в человеке, но и в современном мире, который перестает нуждаться в нравственных опорах.

Вопросы становления и распространения современного гуманизма как основы диалога культур стоят очень остро в современном мире. Они затрагивают множество аспектов межличностных, межнациональных, межгосударственных отношений. Один из аспектов — это амбивалентность проявления гуманизма по бинарной позиции «атеизм–религиозность». С одной стороны, церковь как социальный институт теряет свое влияние не только на общественное сознание, но и на жизнь каждого отдельного человека. Сегодня атеизм все больше заявляет о себе как ответ на растущие социальные, духовные проблемы современности. С другой стороны, сохранить традиционный гуманизм с признанием Бога высшей ценностью представляется

весьма сложным, ибо современное общество многополярно и разноконфессионально. Однако если русская гуманистическая мысль наработала духовно-практический ресурс для развития современного гуманизма, то он будет непременно использован, поскольку проблемы диалога культур сегодня очень обострены. Также важно, что ценностный ряд современного и традиционного русского гуманизма совпадает: сопереживание, милосердие, всепрощение, соучастие и т. д. Здесь важно использовать весь духовный капитал, способный быть базовой основой культурного взаимодействия, независимо от того, является ли гуманизм светским или религиозным. С позиции глобального мира человек должен быть главным смыслом и высшей ценностью его развития. А это является базовым основанием воплощения гуманистических идей в реальную практику диалога культур.

В. А. Конев¹

ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР

Человек всегда находится в пространстве культуры. Именно «бытие-в-культуре» порождает тот исходный экзистенциал «бытие-в-мире», который рассматривается в аналитике Dasein Хайдеггера. Нужно сначала быть в культуре, чтобы иметь тот или иной мир и то или иное его понимание. Мир человека изначально есть мир, данный ему культурой. Быть в пространстве культуры — это исходное положение человека. А если это так, то априорным началом всякого человеческого действия будут требования архитектоники культурного пространства к организации этого действия.

Культурное пространство — пространство упорядочивания значимых (осмысленных) действий человека. Метрика этого пространства — не мера длины, а указание на различие культурных значений. Таким указанием, а тем самым и формой структурирования культурного пространства выступает граница, линия раздела, предел. Различение значимого и незначимого (в его культурно завершенном виде — различение *sacrum/profanum*) является автохтонным культурным значением. Зарождение культурного мира вытекало из установления этого различения, а утверждение этого различения означало установление культурного мира. Проведение границы (разграничение), осмысление ее, соблюдение или нарушение превращает действия человека в собственно человеческие, или культурные, действия. Граница (разделение, предел) придает культур-

ному пространству особую силу — не силу гравитации (*gravitas, -atis* — тяжесть), свойственную физическому пространству, а силу волюнтации (*voluntas, -atis* — воля), силу воления, желания, силу утверждения–отрицания.

Отмеченная особенность культурного пространства превращает всякую ситуацию действия человека в особую ситуацию, ситуацию встречи, которая исходно несет в себе смысл различия, смысл схода, съезда или слета движущихся в противном направлении (см. толкование слова «встреча»: В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 1). Встреча — культурное событие, в результате которого человеку открываются новые культурные значимости, расширяется его культурный горизонт. Особый культурный вес события встречи был обнаружен философией диалога (Ф. Розенцвейг, М. Бубер, Е. Левинас, М. Бахтин и др.). Но представители философии диалога больше внимания уделяли процессу и опыту диалога, в котором участники открывали свое лицо друг другу (причем, как правило, именно «другой» открывается «мне», так как «я» — не просто местоимение первого лица единственного числа, но первое, исходное лицо диалога). Сама ситуация встречи в этом случае оставалась в тени. Однако диалог не только реализует встречу, но и определяется ситуацией встречи, что предполагает ее самостоятельное рассмотрение.

Встреча как феномен социальной и культурной жизни человека разнообразна по формам своего проявления. Встречи могут быть на уровне личностей или на уровне социальных институций (различные совещания или переговоры), встречи могут быть с произведениями или памятниками культуры, памятными местами. Встречи могут быть решающими (судьбоносными) и обыденными, знаковыми и незаметными, мимолетными и продолжительными и т. д. Но общим моментом всякой встречи является ее

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 260 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть (семинары по “Бытию и времени” М. Хайдеггера)», «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делеза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”» и др.

пространственная структура. Встреча не только предполагает место, в котором она будет происходить, но и особое положение ее участников относительно друг друга. В последнем случае положение характеризуется не параметрами физического пространства, а параметрами пространства культурного. Поэтому встреча в конце концов всегда оказывается встречей, культурно детерминированной, так как, во-первых, она всегда происходит в пространстве культуры, а во-вторых, всегда выступает как встреча культур, воплощенных в субъектах встречи.

Различность культурного пространства, которая задается линией определенности, идеей (*др.-греч. ἰδέα* — вид, наружность), изначально предполагает, что любое культурное образование обладает индивидуальностью (конечно, степень развитости индивидуального начала может быть различной), а потому в пространство встречи всегда входят социально и культурно определенные субъекты. Встреча не происходит на пустом месте и с безликими участниками. Пространство встречи конституируется различием и определенностью участников встречи — чтобы встречаться, нужно быть кем-то. И эта определенность дается культурой. Но сама определенность не становится основанием встречи, для этого необходим непосредственный контакт субъектов встречи, их сход, соприкосновение в реальном месте и времени вещей. А это уже сфера цивилизации, если принять в качестве сущностного различия культуры и цивилизации шпенглеровское разделение (культура — сфера духа и ценностей, а цивилизация — мир значимых, но обездушенных вещей). Тогда можно постулировать, что исходные причины встречи укоренены в цивилизационных (социальных, политических, экономических) условиях человеческого бытия, в тех интересах и желаниях, которые ими порождаются. А культура (мир определений и ценностей) становится тем пространством, в котором происходит встреча.

Если цивилизационная составляющая встречи направляет интенции ее участников (интересы, установки, желания, ожидания), то культурная составляющая определяет ее характер. И существенным моментом в этом случае выступает культура как багаж, как опыт, имеющийся у субъектов встречи. Здесь становится важной ситуация «в начале...». Начало встречи — не то, что тот или иной ее участник предпринимает «сначала», а то, что участники выделяют как свои ресурсы в том начале (культурном), с которым они приходят на встречу, какой значимый для них потенциал культуры они выносят на поле встречи. Эта критическая позиция в отношении собственного начала, то есть собственной определенности, как культурной, так и цивилизационной, является тем началом, которое, по известному выражению, уже половина дела и является необходимым гарантом эффективности встречи. В ходе критической работы не только выявляются основания определенности своей позиции в пространстве встречи, но и оцениваются степень различия и имеющиеся совпадения с позицией контрагента встречи. Эта экспозиция встречи и создает возможность диалога между ее участниками.

Если онтологической основой диалога выступает пространство встречи, то его онтическим проявлением оказывается язык. Если архитектоника культурного пространства, в котором происходит встреча, определяется границей, то меткой границы выступает язык (граница национальной культуры — язык нации, граница искусства — язык искусства, граница художественного направления — язык и стиль этого направления, и т. д.). Поэтому диалог, в котором реализуется встреча, всегда требует общего для ее участников языка, который маркирует границы, различающие участников встречи. Если диалог реализует встречу субъектов, принадлежащих к одной культуре (одной области культуры), то, несмотря на различие их позиций, они являются носителями одного языка, который дает им возможность вступать в диалог. Иная ситуация случается, когда происходит встреча субъектов разных культур, пользующихся разными языками (национальными, профессиональными, образными и т. п.).

Культуры обнаруживают свою особенность и самобытность во время встречи с другой культурой. Когда-то встреча разных культур заканчивалась уничтожением одной из культур (так погибли многие исторические культуры). Современное цивилизационное развитие, характеризующееся глобальными экономическими, политическими и социальными связями, втягивает в единую историческую орбиту народы и регионы разных культур. Столкновение культур в условиях зарождения и укрепления единого цивилизационного основания истории становится неизбежным. Об этом свидетельствуют неудачи политики мультикультурализма в ряде стран Западной Европы, об этом остро и болезненно напоминают процессы на постсоветском пространстве. Как возможен диалог культур в условиях их абсолютной приверженности своей самобытности? Как возможно взаимопонимание культур при абсолютном культивировании каждой культурой границ своих ценностных утверждений? Думаю, что в условиях реального мультикультурализма современной цивилизации диалог между культурами возможен благодаря языку самой культуры.

Любая культура культивирует свои ценности, свои идеалы, сохраняет и воспроизводит опыт жизни и отношений между людьми, накопленный данным народом. Все ценностные культурные программы нацелены на культивирование определенного видения мира, определенного личностного развития, определенной архитектоники смыслового пространства жизни человека. Программы, ценностное и смысловое пространство одной культуры не могут быть приняты человеком, выросшим и впитавшим в себя мир другой культуры. Диалог на языке ценностей, идеалов и смыслов при встрече представителей разных культур вряд ли возможен. В этих условиях важно понять, что культура не просто культивирует определенного человека, а несет в себе функцию провокации действия, призыва к действию. А этому служат универсальные для всех культур модусы субъективности, своеобразные способы формирования направленности действия человека. Они всегда присутствовали в культуре, но если для всех существовавших ранее исторических типов

культуры модусы субъективности дополнялись еще и указанием на прямые образцы субъективности (идеалы личностного развития), на которые и ложилась основная тяжесть «программирования» субъективности, то в современных условиях противостояния культур именно модусы субъективности несут в себе программу субъективного начала.

К таким модусам субъективности относятся, например, культурные представления о «мы», «он», «я», «ты», которые указывают на носителя активности. Эти модусы субъективности формируются как выражение абстрактного содержания универсальных культурных форм, которые используются всеми культурами для представления своего содержания — форм демонстрации, императивных форм, аксиологических форм и форм-принципов. В любой современной культуре представление о каждом из этих модусов субъективности и их взаимодействии существенно трансформируется. «Мы» традиционной культуры и общества со стабильной социальной стратификацией сменяется спонтанным и подвижным «мы», крайним выражением которого является флешмоб — мгновенная толпа. Такое «мы» выстраивается из «я», которое сознательно и специально подчиняет себя некоему общему делу, часто не имеющему никакой конкретной общественной цели. Свой статус имеют «мы» социальных сетей Интернета, «мы» фанатов и т. п. Особое содержание приобретает субъективность первого лица — «я». Если для культур модерна «я» было результатом выбора, то для постпросвещенческой культуры «я» выявляет себя скорее в демонстрации, чем в выборе, это подиумное «я».

А «ты» — это не тот, за кого отвечают («мы в ответе за тех, кого приручили»), а тот, кто увлекается «я», кто входит в сферу влияния «я». Понимание функционирования в культуре этих и других подобных модусов субъективности (модусов чувственности, модусов значимости и др.) позволяет увидеть, как в тех или иных конкретных культурных условиях утверждаются определенные типы поведения людей. А это создает основания для взаимопонимания культур, так как подобные механизмы работают в любой культуре.

Пространство встречи культур — это место и время столкновения и сопоставления ценностей и смыслов. Чтобы событие встречи стало диалогом, взаимопониманием культур, а не их взаимоуничтожением, необходимо готовить пространство встречи. Поскольку культурное пространство основано на разграничении, различии, то культивирование в культуре критического осмысления содержания, способного всегда соотносить любые культурные смыслы с их границами, делает культуру открытой по отношению к иным содержаниям, открытой на встречи. Поскольку культурное пространство обладает интенциональной силой (силой актуальности, энергичностью), то культивирование в культуре готовности к изменениям, инновациям создает возможность видеть в другой культуре истоки возможных инноваций. Наконец, поскольку идея встречи несет в себе не только смысл различия, но и смысл соединения субъектов встречи ради общего дела, то таким общим делом разных культур современности может стать утверждение цивилизационного единства человечества как базиса их различия.

А. В. Костина¹

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сегодня становится очевидным, что культура — это центральное понятие XXI века, точно такое же, какими были понятия «наука», «общество» и «прогресс» для XVIII и XIX веков. Современные проблемы, связанные с межконфессиональной и межэтнической напряженностью, терроризмом, неравномерностью развития мира, приводящей к разного масштаба конфликтам, даже с ухудшением экологического фона, прямо

или опосредованно обусловлены культурным фактором. Именно поэтому современная глобальная политика опирается на такие понятия, как диалог культур, толерантность, культурное многообразие, культура мира, широко используемые ООН и ЮНЕСКО начиная с 1980-х годов.

Постановка вопроса статьи предполагает определенное понимание центрального понятия «национально-культурная идентичность», содержание которого означает не просто общность языка или даже традиций, которые часто выступают как заданные человеку при рождении и обусловленные обстоятельствами жизнедеятельности, но общность осознаваемая, выстраиваемая в течение достаточно продолжительного времени, направленная на создание гражданского содружества, сознательно принимающего определенную совокупность общих для всех символов и значений. Понятие национально-культурной идентичности предполагает опору на две основы в процедурах самоидентификации человека — идентификация по признаку культурному и национальному (так называемому

¹ Декан факультета философии, культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч.: «Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты» (в соавт.), «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования» и др. Академик Международной академии наук (IAS). Главный редактор журнала «Ученый совет». Член редакционных коллегий журналов: «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке», «Стратегические приоритеты».

гражданскому), что позволяет объединять факторы весьма разнообразные — начиная от этничности, религиозной принадлежности, языка общения, истории и завершая гражданством, предполагающим не формальную отметку в паспорте, но наличие разделяемых со всеми членами гражданской общности идей, символов и систем ценностей. Нация, таким образом, в данной статье понимается не как «национальность» (то есть «этничность»), что характерно для бромлеевской традиции, а как гражданственность, а национальная культура — не как этническая культура, а как культура, формирующая гражданское, то есть национальное единство. Таким образом понимаемая национальная культура выступает как основа тех отношений диалога культур и партнерства цивилизаций, которые становятся единственно возможными в глобальном мире.

Несмотря на провозглашенный тезис об устаревании и неактуальности государства-нации и замене его государством-корпорацией, основанным на единстве экономических интересов, его истинность не представляется бесспорной. Самое важное качество, которым обладает национальная культура, — это настроенность как раз на интеграцию, на объединение всех граждан единой идеологией, принимаемой всеми и всеми же поддерживаемой — вне зависимости от происхождения и вероисповедания. Такого единства не может быть в границах этнической культуры, сформировавшейся на стадиях исторического развития, предшествующих формированию современных социально-экономических систем. И если идентичность в рамках этнической культуры, основанной в значительной мере на представлении людей об их родстве, общности происхождения от общего предка, характеризуется изоляционизмом, неприятием инокультурной среды (что в значительной мере связано с устным характером фиксации информации), то национальная идентичность выстраивается на основаниях чисто символических (не случайно Б. Андерсон назвал нации «воображаемыми» сообществами¹). Это — осознание тождества представлений всеми гражданами одного государства вне зависимости от их этнического происхождения, что не означает отрицания возможности их полноправного общения с представителями иных общностей, народов и цивилизаций.

В значительной степени подобные «диалоговые» качества национальной культуры связаны с ее соответствием современному этапу социально-экономического развития, а именно — этапу формирования основ индустриального общества, что соответствует XVIII веку. Эти изменения были обусловлены качественными сдвигами индустриальной экономики и торгово-промышленных отношений, ростом просвещения и развитием институтов гражданского общества², секуляризацией общественной жизни, воздействием «печатного капитализма» и распространением грамотности³, развитием коммуникаций в пределах эт-

нокультурных ареалов⁴, разрушением сословной дифференциации общества и доминированием общенациональных социокультурных стандартов⁵. Конечно, эти изменения нельзя рассматривать как исключительно естественные — государство осознанно формировало ту общность, которая может быть присуща нации.

И наиболее важным и эффективным механизмом формирования этой общности был и остается механизм образования, который выступает как результат целенаправленной деятельности государства в эпоху, пришедшую на смену доиндустриальной⁶. Повышение грамотности во всех классах облегчает межклассовую коммуникацию и распространение исторических знаний, национальных мифов и государственной идеологии. При этом централизованное образование (экзобразованное), осуществляемое специалистами, заменяет локализованную аккультурацию (эндообразование), осуществляемую традиционной общностью, родом или кланом. Иными словами, в границах нации той необходимой общей средой, источником жизненной силы, общей атмосферы, «только внутри которой члены общества могут дышать, жить и творить»⁷, становится единая культура, причем высокая культура, обладающая письменностью и основанная на образовании.

Итак, можно отметить, что национально-культурная идентичность выступает как необходимый фактор развития современного государства, становится условием не только комфортного существования всех его граждан, что является на самом деле одной из наиболее важных задач государства, но и достижения эффективности экономического и социального партнерства с представителями иных государств и цивилизаций. Эта идентичность основывается не только на территориальном и языковом единстве и общности письменности, религии и закона, но и на общности экономического интереса, связанного с функционированием национального государства. В этой ситуации человек в меньшей степени может полагаться на традицию, исторические прецеденты, установления общины. Условием эффективного взаимодействия людей становится именно сфера культуры — прежде всего национальный язык, объединяющий представителей всех этносов и создающий между ними единство; общая сакрализуемая история, помогающая создать единые символы и ориентиры развития; искусство, не отражающее локальные стили и миропонимание различных народностей, но содержащее универсальную концепцию жизни всей нации.

Таким образом, очевидно, что национально-культурная идентичность, в отличие от многих иных идентичностей — этнической, гендерной, возрастной, заданных внешними обстоятельствами (хотя и эти идентичности не являются абсолютно прочными), требует постоянной работы над ее укреплением. Это связано в том числе и с тем, что этот тип идентичности

⁴ *Deutsch K. W. Tides among Nations.* N. Y. : Free Press, 1979. P. 13–30.

⁵ См.: Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.] ; пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М. : Праксис, 2004. С. 397–398.

⁶ *Геллнер Э. Нации и национализм* / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М., 1991.

⁷ Там же. С. 92.

¹ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2001.

² *Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations.* Oxford ; N. Y. : Basil Blackwell, 1986. P. 129–138, 141, 149–150.

³ *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* L. : Verso, 1983. P. 14–48.

существенно зависит от изменения обстоятельств — политических, социальных, демографических, экономических и многих иных.

Если обратиться к ситуации с национально-культурной идентичностью в России, можно выделить ряд факторов, которые влияют на ее состояние сегодня.

Первым из них является полиэтничность. Многие европейские государства формировались как моноэтничные (хотя на практике не существует ни одного государства, даже самого малого, внутри которого не было бы этнокультурных различий). И тем не менее, к примеру, Франция XVIII века, когда формировались нации, и Россия XVIII века — совершенно различные в геополитическом смысле государства. Россия, в отличие от Франции, изначально формировалась как полиэтничное государство, а Русь складывалась как союз славянских и неславянских племен. В Советском Союзе проживало около 120 народов, существенно различавшихся по численности, имеющих различные религиозные представления, картину мира, стратегии жизни. Поликультурность России является ее родовым качеством, в отличие от государств Европы, которые не только внутри себя образовывали культурное единство, но и между собой. Этот факт впервые зафиксировал Ф. Петрарка, а Э. Гуссерль отмечал, что «как бы ни были враждебно настроены по отношению друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия»¹.

Характерно, что полиэтничность России не препятствовала формированию единой нации, которая в советское время получила наименование «советский народ». Если оставить за скобками идеологические коннотации, присущие этому понятийному конструкту, он достаточно точно отражал ситуацию, связанную с национально-культурной идентичностью. В социальном, экономическом и культурном плане население страны было достаточно единым. Несмотря на многообразие народов, существенно различавшихся по численности (русские, татары, мордва, чувашы, башкиры по численности превышали миллион человек, а 26 народов Севера насчитывали 181 тыс. человек), по степени суверенитета (30 этнических групп: 173 тыс. человек — цыгане, уйгуры, курды, ассирийцы — не имели, как, впрочем, и нигде в мире, своей государственности), по количеству титульного населения, давшего имя республике (из 21 республики только в Чувашии, Северной Осетии, Чечне, Коми, Туве «коренное» население составляло более 50 %, в среднем по республикам оно составляло около 32 %, а в автономных округах — 10,5 %)², несмотря на численное доминирование русских, белорусов и украинцев, сепаратистские настроения были чрезвычайно малы, они стали активно проявлять себя только в 1980-е годы. Данное обстоятельство определялось не только централизованной и сильной властью, но и тем, что эти народы всегда были государственниками. Это было обусловлено спецификой принятой религии, легитимирующей власть, и геополитическими особенностями России с ее огромными просторами и населенной многочисленными народами, что требовало централизованной власти.

Фактором, оказывающим существенное влияние на состояние национально-культурной идентичности в России, является состояние системы образования.

Именно массовое начальное образование, которое стало нормой в большинстве стран Запада во второй половине XIX века, позволило гражданам Франции осознавать свою «французскость» и ставить лояльность к нации-государству выше различных локальных или региональных привязанностей. Общая и хорошо продуманная система образования, позволившая стране в 1960-е годы выйти на передовые технологические рубежи, была направлена и на создание гражданской солидарности, формируемой в том числе посредством распространения общих и понятных символов единства, процветания и доминирования. Ими были такие знаковые имена, события и понятия, как Пушкин, Гагарин, спутник, мирный атом, дружба народов, победа во Второй мировой войне и т. п. Можно, конечно, оспаривать значение каждого из них. Но этот процесс ревизии будет означать и перевыстраивание идентичности, что всегда сопровождается гражданским недовольством, ростом оппозиционных настроений, расколом общества. Подобный процесс Россия пережила в 1990-е годы, но он не до конца завершен и сегодня.

И те реформы в средней школе, которые проходят сегодня (их концентрированным выражением стал Единый государственный экзамен), направлены на формализацию знания, фактическое исключение из системы образования гуманитарной составляющей. А именно она несет в себе и потенциал объединения граждан одной страны в границах единого идейно-символического пространства, и гуманистический потенциал. Его главное содержание, как отметила Международная комиссия ЮНЕСКО по образованию в XXI веке, возглавляемая Жаком Делором, выражается в том, что «наши общества должны преодолеть противоречия между глобальным и местным, всеобщим и индивидуальным, традициями и современностью, а также между невероятным увеличением знаний и способностью человека к их усвоению»³. Преодоление этих противоречий будет означать осуществление диалога между государствами и цивилизациями.

Эти факты помогают не только во многом по-новому увидеть Болонский процесс, но и оценить собственные достижения в области образования. Имеет ли смысл полностью отказываться от элементов собственной, достаточно эффективной системы образования в пользу иной системы? Представляется, что основное достоинство отечественной системы образования состоит в ее ориентации на целостное развитие личности, получающей в процессе обучения целую систему знаний, помогающих осознанно ориентироваться в мире. Ведь практика показывает, что узкая специализация в ущерб гармоничному образованию как раз и воспитывает индивида, лишённого целостного представления о мире и нуждающегося во внешнем

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антол. М., 1995. С. 302.

² Мнацаканян М. О. Интегрализм и национальная общность. М., 2001. С. 112.

³ Гутман С. Образование в информационном обществе. Издание ЮНЕСКО для Всемирного саммита по информационному обществу. СПб., 2004. С. 18–19.

управлении, индивида с несформировавшимся и не-самостоятельным мышлением, который подчиняется стратегиям манипуляции.

Итак, современное образование, для того чтобы соответствовать запросам времени, быть способным к формированию гражданского единства и национально-культурной идентичности, должно быть направлено на формирование специалиста, обладающего социокультурной компетентностью как основой ответственного решения профессиональных задач, осмысленных в социокультурном контексте; способного успешно применять знания, умения и личностные качества в изменяющихся условиях профессиональной деятельности; освоившего как законы функционирования культуры в широком смысле этого слова, так и технологии корпоративного взаимодействия, создающие базу для деловой коммуникации. Все это составляет не только необходимую компоненту профессионального успеха, но и основание для формирования нравственных сторон личности, мировоззренческих позиций, ценностных представлений, установок на справедливость¹, идеологичности образования в самом широком смысле этого слова.

В условиях развития современного общества, гетерогенного в своих национально-этнических основаниях, но стремящегося к социальной гомогенности, именно образование выступает как способ придания устойчивости складывающимся общественным структурам через формирование единого информационно-символического пространства, посредством повышенной стандартизованности основных его составляющих. Через институт образования государство осуществляет распространение высокой специализированной культуры от центра к местным очагам народной культуры, находящимся на периферии, что позволяет сформировать определенную идеологическую и ценностную гомогенность и высокий уровень всеобщей образованности, которые всегда выступали основанием для развития не только нации, но также индустриальной экономики и институтов гражданского общества.

Несмотря на скептическое отношение многих к причинам, приведшим к подобной ситуации, причинам символического, а не материального порядка, именно они, по нашему убеждению, выступают основой жизнеспособности общества. Между тем «игнорирование духовных оснований национальной культуры — в политике, экономике, образовании», по мнению академика А. С. Запесоцкого, «особенно опасно в условиях общественной трансформации»². И если американцы гордятся флагом, Конституцией, деятельностью отцов-основателей государства (то же самое было и в Советской России), то сегодня для многих россиян, особенно молодых, эти ценности остаются непонятными. А ведь вопрос идентичности — это вопрос о том, вокруг чего может объединиться современ-

ное общество. Здесь нужны высокие идеи и благородные цели, которые не смогут заменить ни финансовое благополучие, ни этническое единство, ни религиозная вера, ни общность потребляемых брендов. Общество без высоких целей испытывает, по мнению британского социального философа Р. Дарендорфа, аномию, когда «люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи», и проявляют «крайнюю неуверенность в повседневной жизни»³. Такое общество не способно к проявлению духа партнерства с другими государствами, цивилизациями и народами.

В России сегодня выстраиваются внятная идеология и политика, основанная на уважении к гражданам, предоставляющая каждому возможность самореализации, гарантирующая достойное настоящее и будущее. У России есть достойная история, которую нельзя бесконечно критическим образом пересматривать, есть определенная ценностная система, не разрушенная навязываемыми обществу стратегиями потребления, сохраняется взаимное уважение между народами, ее населяющими, еще не иссякли интеллектуальные и творческие ресурсы нации. Все это дает основание для уверенности в том, что национально-культурная идентичность в современной России имеет прочные основания. Однако она еще не до конца выстроена вокруг тех общезначимых идей и ценностей, которые могут иметь проективный характер, как устремленные в будущее, и призваны объединить все общество.

Национально-культурная идентичность призвана формировать ту общую систему представлений, которая складывается в границах национальной истории и воплощается в национальной символике и мифологии. Целое национального государства складывается из межклассовой коммуникации, из распространения национальных мифов, из доминирования общенациональных социокультурных стандартов. Главная функция государства состоит не только в формировании понятной, правдивой и проективной идеологии, но и в создании тех каналов коммуникации, по которым циркулирует социально значимая для общества в целом информация (в том числе о том, что Пушкин — это «наше всё»), а первый спутник был запущен нашим государством).

Поскольку национальные культуры обладают достаточно универсальными информационными и символическими составляющими, они имеют возможность легче находить то общее пространство и те общие смыслы, которые позволяют осуществлять коммуникацию между народами, государствами и цивилизациями. Институты национальной культуры имеют способность обеспечивать интеграцию своих граждан и их лояльность через формирование определенной политики в области языка, через институты образования и воспитания, через создание и поддержание форм массовых ритуалов и символов, через контроль над средствами массовой коммуникации. Распространение государством высокой специализированной культуры от центра к тем локалиям, которые только включаются в процесс вхождения в нацию, является наиболее

¹ Ильинский И. М. ЮНЕСКО: учиться жить вместе // Болонский процесс: взгляд на проблему : сб. материалов для участников IX Всерос. конф. заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных дисциплин, 21–23 апреля 2005 г. М., 2005. С. 36.

² Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. URL: <http://image.websib.ru/03/cultur/zapesoctsky.html> (дата обращения: 03.03.2014).

³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 68.

универсальным способом создания национального единства.

Способность национальной культуры апеллировать к общезначимому, общепринятому в социальном и этическом смысле и организовывать мощное движение, втягивая в собственную сферу смыслы и значения, накопленные культурами, как предшествующими, так и

современными, — все это позволяет рассматривать национальную культуру как принципиально коммуникационную и диалогичную по своей природе, способную к установлению тех смысловых пространств, которые задают содержание национально-культурной идентичности и способствуют созданию прочных диалогических оснований между цивилизациями.

Т. В. Кузнецова¹

ПАРАДИГМА НАРОДНОСТИ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Казавшаяся еще совсем недавно чуть ли не очевидной идея тотальной унификации культурных ценностей по западному образцу в последнее время все чаще встречает реальное противодействие со стороны традиционалистских течений, которые укрепляют и расширяют свое влияние в ряде регионов мира. Глобализация в сфере культуры, опиравшаяся на линейную модель мирового цивилизационного процесса, столкнулась с усилением стремления к самобытности, с ростом самосознания наций и народов. Россия находится в процессе преодоления кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирования российской национальной идеи и поиска своего места в новом глобализирующемся мире. Эффективность этих поисков во многом определяется степенью научного осмысления мировых культурных трендов в свете специфики российской культуры.

Все это обуславливает потребность заново обратиться к феномену народного искусства и к эстетике народности, в свое время сыгравшей ключевую роль в самоопределении русской культуры на фоне других европейских культур.

В методологическом плане эстетические и культурологические работы, ориентированные на реконструкцию «подлинной» («аутентичной») народности искусства, всегда были комплексными и тяготели к принципу системности. Это предполагает специфические подходы и способы обобщения, при которых анализ поэтики народного творчества и конкретная фактология жизненных зарисовок, собранных в ходе полевых исследований или изучения постановки дела в центрах народных художественных промыслов, интегрируется в социологические и социокультурные модели. При этом акцент делается на способах функционирования и среде бытования народного искусства. Сама народность («народное») становится в этом контексте как бы функцией, способом социальной организации художественного производства как особой отрасли духовного производства вообще.

¹ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч. монографии «Парадигма народности в эстетической теории». Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета», серия «Философия». Заместитель председателя диссертационного Ученого совета по эстетике МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель председателя Московского отделения Российского философского общества.

Вместо попыток определить народное искусство через какую-то одну смысловую оппозицию (индивидуальное/коллективное, профессиональное/непрофессиональное и т. п.) начиная с 1970–1980-х годов все чаще предлагается матрица свойств и признаков, позволяющих, с одной стороны, выделить народное искусство среди других художественных потоков, а с другой — представить его как исторически развертывающийся во времени ряд явлений, имеющих собственную логику и закономерность развития².

Народное искусство с этой точки зрения не статично, а динамично, хотя, в отличие от «ученого» искусства профессионалов, инновация как таковая не входит в число его творческих задач и в эстетическом самосознании не выступает как ценность. Изменения в народном искусстве не столь разительны. Для того чтобы их заметить, необходимо проследить народные художественные традиции на достаточно длительных отрезках времени. Тем не менее они очевидны. Народное искусство существует в изменяющейся среде, самоизменяясь, но оставаясь, в сущности, неизменным. Меняются стиль, функции, приемы, отдельные элементы содержания. Однако в этом неторопливом потоке изменений просматриваются фундаментальные инварианты, позволяющие говорить о народном искусстве как таковом. В целом комплекс этих инвариантов можно представить следующим образом:

— особое отношение индивида к социально-исторической общности (в народном искусстве художник как бы «растворяет» свое субъективное восприятие в коллективном самосознании народа, тогда как в профессиональном — «ученом» искусстве общее как бы само «отыскивается» через личное);

— творческая индивидуальность в народном искусстве выражается через школу, тогда как в среде профессиональной художественной интеллигенции принято противопоставить себя школе;

— народное искусство привержено канону и традиции, тогда как индивидуализированное искусство постоянно стремится к «новому видению» мира, эстетически утверждает себя через ломку традиции;

² Рыбаков Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1975. № 1–3; Проблемы народного искусства. М., 1982; Некрасова М. А. Народное искусство России. Народное творчество как мир целостности. М., 1983; Она же. Народное искусство как часть культуры. М., 1983; Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981.

— для народного искусства характерна в силу этого особая устойчивость преемственных связей, выражающих собой закрепленный традицией коллективный исторический опыт, связанный с комплексом локальных черт культуры;

— народное искусство представляет собой «сгущенное» выражение национального характера в его самых фундаментальных чертах (в профессиональном индивидуализированном творчестве национальный характер, естественно, также выражается, но как бы в более «рассеянной» форме);

— народное искусство понятно всем эпохам и поколениям, оно не отличается броским великолепием, но зато, в отличие от индивидуализированного искусства, не изживает себя и не стареет;

— народное искусство отличается особой цельностью и целостностью восприятия мира, с которым оно соотносится как микрокосм с макрокосмом. Народное искусство — это не быт, а бытие, оно не просто «выражает» мировоззрение, а само является мировоззрением, точнее, народным переживанием мира. В сущности говоря, это не что иное, как национальный психо-логокосмос (в то время как восприятие мира в «ученом» искусстве несет сильный отпечаток аналитичности, сформированный культурой рационального мышления);

— специфическая «природность» народного искусства: народный художник чувствует себя частью природы, но это совершенно особое чувство, не похожее, к примеру, на пантеистическое мироощущение раннего Ренессанса, поскольку творцы народного искусства вообще не брали природу, социальную среду и бытовую культуру в их раздельности, а воспринимали их слитно как целую синкретическую целостность.

Природа задана народному художнику не как объект непосредственного индивидуального созерцания, а как природа-вошедшая-в-культуру и обобщенно выраженная в ее глубинных, архетипических мотивах, темах и традициях (например, в растительных орнаментах, звериной символической, мифологических образах и т. п.). Это переживание природы в народном искусстве тесно связано с национальным строем души, с переживанием того особого географического ландшафта, которое явилось «месторазвитием» данного народа и отложилось в психических ритмах его восприятия, в структуре цветоощущения. Синтез «природного» и «народного» оказывается главным источником эстетического переживания в народном искусстве. Так, особая ритмика русского народного искусства (ритм орнаментов, ритмика мелодии, ритм хоровода и т. п.) формировалась под влиянием таких природных ритмов, как чередование борозд вспаханной земли, ритмика изгородей и бревенчатых строений¹.

Произведение народного искусства не воспринимается ни как изолированный от повседневности предмет любования, ни как «отражение» окружающей действительности. Это — жизнестроительное искусство, оно существует не вне потока жизни, а внутри него, как некая составная часть интегральной деятельности человека, образуя одновременно и ее предметную сре-

ду, и встроенную в нее совокупность символов, «материализующих», «выносящих вовне» внутренний мир человека.

Деревенский дом, убранство, предметы быта, окружающая природа воспринимаются как единый ансамбль, пронизанный особым «чувством мироздания». Это единство находит свое отражение в особом строе образов народного искусства, в частности в так называемых образах-уподоблениях, в которых как бы совмещаются космический и человеческий планы бытия: цветок, солнце, конь как символ доблести и одновременно плодородия природы и т. д.

Будучи самостоятельной целостной системой, народное искусство имеет собственную структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов. Эта структура многослойна и представляет собой несколько взаимосвязанных подструктур, как бы «накладывающихся» друг на друга. В чистом виде эти подструктуры не существуют, но их можно последовательно реконструировать, мысленно производя различные их «срезы».

Это может быть, к примеру, структура изобразительных и выразительных средств: исходные архетипы сознания (ритмический строй, особая тональность в переживании мира, миф и т. п.), образно-сюжетные элементы, композиция, материал, приемы и т. п. Это может быть пространственно-географическая многосоставность народного искусства (в этом случае в качестве его подсистем и элементов выступают местные художественные традиции), структура информационных взаимодействий и переработки в процессе творчества различных информационных потоков и т. п.

Системообразующим принципом народного искусства, по мнению большинства исследователей, использовавших системный подход к его изучению, является этничность. Народное искусство как система взаимосвязанных элементов и разнообразных связей с внешней средой организуется этническим сознанием, регулирующим процессы адаптации этноса к природной среде и внешнему этнокультурному окружению в меняющихся исторических и социально-экономических условиях. В этом смысле его следует рассматривать как акт этнического самоопределения народа.

В общем, как говорили еще в начале XIX века, народное художественное творчество выражает дух народа. Казалось бы, ничего нового. Однако это, конечно, не так: полтора века интенсивных исследований, сопровождавшихся дискуссиями фольклористов, литературоведов, искусствоведов, культурологов, историков, философов, создали принципиально новое качество в понимании сущности народного искусства и народности как эстетического понятия. «Дух народа» из метафизической метафоры превратился в рационально структурированную целостность свойств, связей и элементов, доступную эмпирическому наблюдению и рациональному пониманию. В результате этого появилась возможность не только изучать народное творчество, но и воспроизводить решающие условия его функционирования, что позволяет «удерживать» аутентичные пласты народности в культуре, несмотря на резкое изменение социально-экономических условий и практически пол-

¹ Ср.: Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.; Л.: Сов. Россия, 1984.

ное исчезновение начальных условий формирования и развития народного искусства.

На основе системного подхода устанавливается четкая зависимость между общим строем культуры, структурой народного искусства и его функциями. Между народным искусством и «ученой» культурой существует определенное разделение задач, которое зависит от конкретной исторической ситуации и в различных условиях складывается по-разному. В частности, в рамках современной культуры специфическая роль народного искусства состоит в том, что оно представляет историческую память народа и его культурный генотип, воплощает в себе непрерывность его развития. Профессионально-художественное искусство не заменяет народное, а составляет вместе с ним две части единого

целого, каждая из которых живет по своим законам, но вместе с тем дополняет другую. Поэтому механизм развития современной культуры может быть осмыслен как их диалектическое взаимодействие, не исключающее противоречий и взаимопереходов, но предполагающее при этом их неразрывное единство.

Каждый человек и каждый народ хочет оставаться тем, что он есть, сохраняя традиции национального искусства. При этом парадигма народности искусства в актах этнического самоопределения вступает в противоречие с процессами изменяющегося, глобализирующегося, цивилизационно-культурного пространства. Проблема заключается в том, чтобы уметь найти общечеловеческое в разнообразных этнокультурных творениях.

А. Н. Мосейко¹

РОССИЯ: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ ПАРАДОКСЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ?

В российском общественном дискурсе в последнее время появились новые серьезные акценты.

В первую очередь это важнейшее положение, высказанное В. В. Путиным в Послании Федеральному собранию РФ, о необходимости защиты традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу нашей цивилизации.

Очень важным стало часто встречающееся в выступлениях политических и общественных деятелей определение России как страны-цивилизации, стержнем которой является русский народ, русская культура, а духовной опорой — Русская православная церковь и другие традиционные религии².

Идеи эти имеют большое значение и внушают оптимизм. В обществе давно назрела необходимость в духовных ориентирах. Об их значении, причем значении материальном, экономическом, писал современный отечественный экономист В. А. Волконский. По его мнению, важнейшим ресурсом, капиталом, имеющим вполне реальную экономическую оценку (не нулевую), является ресурс духовного единства народа, духовные ценности и идеалы, поднимающие человека, внушающие ему веру в свои силы и позволяющие построить дееспособное государство и объединяющую народ идеологию³.

Констатация российской цивилизационной специфики и значения традиционных ценностей очень важ-

на, но как они согласуются с современной российской реальностью? С многолетним массивированным информационным наступлением на российскую духовность, самосознание народа с целью разрушения его веры в себя, в ценности его истории и культуры?⁴

Как уживаются и уживаются ли традиционные ценности и идеалы российской цивилизации с западными ценностями, активно внедряемыми в наше сознание?

Характерно, что эти ценности и идеалы не только приходят к нам с Запада, но и производятся в нашей стране, на российской почве. Через англоязычный язык в сознание вносятся иные культурные смыслы, неприемлемые для российской цивилизации. Чуждые смыслы и ценности несут в себе и различные формы западной культуры в российской оболочке (эстрада, телеигры, различные шоу и проекты), которые с невероятной активностью внедряются российскими СМИ. Телевизионные игры демонстрируют алчность, идеалы обогащения без затраты труда, антиколлективистские идеи («Последний герой»), беззастенчиво рекламируются «сладкая жизнь» жен олигархов и т. д.

Все это неудивительно, если осознать, что страна в 1990-е годы взяла курс на капитализм по западным образцам. Означает ли это отказ от собственной цивилизационной модели и принятие западной?

Если посмотреть на российскую элиту (которая у нас определяется не талантом, интеллектом или научными достижениями, а в основном богатством и административным ресурсом), то она явно идентифицируется с западной цивилизацией. Ее капиталы, недвижимость, а часто и семьи уже на Западе. Но большинство народа идентифицирует себя с Россией, старшее поколение руководствуется традиционными ценностями и смыслами. А молодежь? Иногда она поддается массивированной пропаганде западного образа жизни, западных идеалов и перспектив, хотя

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования» (в соавт.), «Мужчина и женщина. История, культура, мифология» (в соавт.) и др. Награждена грамотами РАН, медалью «В память 850-летия Москвы».

² См., например, Выступления на XVIII Всемирном русском народном собрании (Литературная газета. 2013. 6–12 нояб. № 44).

³ Волконский В. А. Драма духовной истории. Внеэкономические основания экономического кризиса. М., 2002. С. 27–29.

⁴ Кара-Мурза С. Т. Краткий курс манипуляции сознанием. М., 2002.

часто разочаровывается в них, сталкиваясь с жестокой реальностью.

Так что же это — диалог цивилизаций внутри нашей страны? Диалог, который часто происходит не только в СМИ, в общественных дискуссиях, в политических дебатах, но и в душах людей, семьях? Или это особенности цивилизационного развития, но какой именно цивилизации? Может ли духовность российской цивилизации сочетаться с западными ценностями и идеалами? Размышления над этими вопросами приводят к необходимости рассмотреть специфику духовного субстрата российской цивилизации.

Духовный субстрат цивилизации — это сложный, многогранный, динамичный комплекс представлений, идей и ценностей, смыслов и идеалов, в котором взаимодействуют элементы общественного менталитета и коллективного бессознательного. В духовном субстрате цивилизации существуют некие константы, определяющие специфику цивилизации и воспроизводящиеся на новых уровнях при любых изменениях общества. Эти константы и определяют, очевидно, тот неуловимый и неповторимый дух, душу народа, которые отличают друг от друга цивилизации. Остановимся на некоторых компонентах духовного субстрата российской цивилизации, представляющих важнейшие российские ценности.

Доминантной характеристикой российской цивилизации, на мой взгляд, является одухотворенность всего жизненного мира, стремление внести душевность, осмысленность во все сферы деятельности. Эта особенность сформировала национальный характер, основную черту которого можно определить как вечный поиск «правильного пути», справедливости и правды, что проявляется не только у образованных людей, но и в среде сельских жителей, так называемого простонародья. Именно этот срез российского общества проанализировали на большом этнографическом и архивном материале авторы книги «О воззрениях русского народа», взяв за основу конец XIX — начало XX века, но обращаясь и к советскому периоду нашей истории, и к современности¹.

На фоне западного рационализма качества одухотворенности, поиск смысла, стремление к правде кажутся необычными. Многие молодые русские эмигранты, бабушки которых уже родились в Европе, плохо говорят по-русски. И они рассказывают, что, только побывав в России, поняли, что они не «странные и ненормальные», какими их считают, они просто русские. Очевидно, доминанты духовного субстрата российской цивилизации определяются русскими архетипами и всей многовековой историей России.

Одухотворение жизненного мира проявляется и в одухотворенности взаимоотношений людей, их общения. Психолог К. Касьянова провела с помощью современных методов тестирования сравнительное исследование ряда психологических характеристик россиян и американцев. Она установила, что для американцев характерно «конкретное общение» (общение с конкретной практической целью), а для русских — «диф-

фузное общение», выбор общения по свойствам личности, по душевной близости. Это связано с «сохранением согласия», «поддержанием отношений в группе» как проявлением склонности к коллективизму². С высокой ценностью межличностных отношений и их одухотворенностью связано милосердие русских людей, причем в России было принято милосердие анонимное, «тайное». В русских деревнях был обычай в период поминания усопших оставлять ночью на крыльце домов бедняков продукты. То же делалось перед праздниками. Характерно, что в период Отечественной войны этот обычай был возрожден — тайная помощь семьям погибших воинов и их поминование³.

Как ни удивительно это звучит на фоне безудержной коррупции и дикого социального расслоения, но и сейчас у нас существует «тайное» милосердие. Я знаю людей, которые регулярно анонимно отчисляют от своих мизерных академических зарплат небольшие суммы в Фонд помощи больным детям.

Следует отметить, что в основе духовности российской цивилизации лежит вера, прежде всего религиозная (для русских — православие), которая внушает уверенность в силе, разумности и справедливости высших сил, управляющих миром, а отсюда — и в осмысленности собственной жизни и деятельности. В то же время понятие веры шире понятия религиозности. Человек может верить в Родину, в коммунизм, в какой-либо авторитет, идеал, в торжество добра и справедливости. Иногда за этим стоит неосознанная вера в высшие силы.

Одухотворенность жизненного мира, освященная верой, проявляется в духовно-нравственной мотивировке труда. Если в западной культуре целью труда являются материальное благополучие, карьера, успех, то в России ценностью всегда был труд «на благо» — Родины, общества, социализма, ценился труд творческий, позволяющий человеку самореализоваться, получить удовлетворение, признание коллектива.

Как пишет К. Касьянова: «Носитель нашей культуры больше склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно — в других людях»⁴. М. М. Громыко и А. В. Буганов констатируют, что крестьянский труд включал в себя нравственные запреты и идеалы. Так, осуждалось грубое вторжение в природу, ее неоправданное использование, деятельность для максимального дохода. Нравственный идеал включал соблюдение интересов других людей — своих потомков, соседей⁵. Труд, имеющий духовно-нравственные основания, — не редкость и в современной России. Особенно это касается труда в культуре, образовании, науке, здравоохранении, имеющего крайне низкую оплату. И тем не менее сотни тысяч учителей, врачей, библиотечных и музейных работников, сотрудников Российской академии наук работают не просто честно, но с увлечением и полной самоотдачей.

Одной из важнейших национально-культурных доминант российской цивилизации было нестяжатель-

² Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 50, 55, 61.

³ Громыко М. М., Буганов А. В. Указ. соч. С. 183–191.

⁴ Касьянова К. Указ. соч. С. 258.

⁵ Громыко М. М., Буганов А. В. Указ. соч. С. 316–317.

¹ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

ство. Богатство никогда не было высшей ценностью в России, так же как роскошь, непомерные траты, которые осуждались церковью и общественным мнением. Традиция нестяжательства была продолжена в советской культуре и стала одним из оплотов нравственности советского человека. Не случайно слом жизнеустройства в перестроечные годы начался с разрушения этого устоя. Путем манипуляций в общественном сознании были внедрены чувства отвращения к своему образу жизни, зависти и вождения по отношению к западному комфорту и богатству.

Во все времена существования России одним из основополагающих свойств духовного субстрата цивилизации была любовь к Отечеству, озабоченность его проблемами и ответственность за него («за державу обидно»). Проявлением этого свойства является устойчивая государственная парадигма, присутствующая в народном сознании. Вместе с тем в народном менталитете государство вплоть до наших дней ассоциируется с верховной властью, порождая сочетание «верховная власть — народ». Государственные учреждения и чиновники, находящиеся между верховной властью и народом, вызывали и вызывают (небезосновательно) недоверие и недовольство.

Следует отметить, что в традиционно понимаемом государстве всегда ценилась его идеологическая составляющая — образ «общего дела, общих задач», образ будущего. В современном государстве «образ будущего» расплывчат, неопределен, что является серьезным препятствием для мобилизации народа.

В истории российской цивилизации мобилизующую роль всегда играла интеллектуальная элита — ученые, прежде всего историки, писатели, художники, артисты. Русская литература всегда содержала мощное гуманистическое послание не только своему народу, но и всему миру. А какое послание несет постсоветская литература?

Антологию прозы конца XX века ее составитель Виктор Ерофеев назвал «Русские цветы зла». В предисловии он характеризует эту литературу следующим образом: «Идет заигрывание со злом... Красота сменяется выразительными картинами безобразия... Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к “грязному” слову, мату как детонатору текста... Сместилась четкость оппозиции: жизнь переходит в смерть... Смешались мужчины и женщины... Возникла тяга к святотатству»¹.

Прошло более десятилетия, а что же сегодня? К сожалению, те же послания зла, безобразия или бессмыслицы у Дмитрия Быкова («Сигналы»), Владимира Сорокина («Теллурия»), негативное отношение к России в рассказе Татьяны Толстой «Легкие миры», за который она, кстати, получила русскую премию Белкина.

Добавляя свой цветок к икебана зла в русской литературе последних лет, Татьяна Толстая в своем блоге учит молодое поколение (не только писателей), как

жить, чтобы найти дорогу к успеху. Для этого, оказывается, надо, вывернув наизнанку всю традиционную систему ценностей, «встать на сторону зла» (а уже не только «заигрывать» с ним).

Анализируя в статье «Школа благословия» «уроки» Татьяны Толстой, член-корреспондент РАН А. С. Запесоцкий отмечает катастрофическую деградацию молодежи, выявленную социологами в последние годы².

Необходимо, очевидно, констатировать длительное и планомерное разрушение духовных основ российской цивилизации, происходящее не без участия значительной части творческой интеллигенции России. Это очень опасно. Людям, формирующимся в атмосфере охаивания их человеческих качеств, их истории, незачем защищать «эту страну».

И тем не менее российская цивилизация жива, жив ее духовный потенциал, о чем свидетельствуют факты. Это, например, рост числа православных храмов и мечетей и многолюдье в них. Радует появление новых имен писателей и поэтов, уже завоевавших популярность. Особенно хочется отметить книгу архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», выдержавшую уже шесть изданий и выходящую тиражом более миллиона. Книга пока не получила никаких литературных премий, но вошла в десятку самых читаемых. Востребованность этой книги обществом лучше всего свидетельствует о силе и устойчивости духовного потенциала российской цивилизации.

Обнадеживает улучшение работы по пропаганде ценностей российской цивилизации на центральных телеканалах «Культура», «Россия». Так, на канале «Россия» демонстрировался первый фильм проекта В. Краснова и А. Куренкова «Черные мифы о Руси. От Ивана Грозного до наших дней», в котором начато разоблачение негативных стереотипов, применяемых к России. Эту же задачу выполняют книги министра культуры В. Мединского, разоблачающие ложные мифы о России, стране, где якобы живут грязные, ленивые, жестокие, вечно пьяные люди с рабским самосознанием. Опровергая все эти голословные обвинения в адрес народа и используя большой исторический материал, В. Мединский заключает: «Мы не имеем права думать о себе плохо. Мы не имеем права думать плохо о нашем народе. Это — основа основ... Прошлое формирует наше сознание... Россия имеет все основания для того, чтобы гордиться своей историей и ее деятелями»³.

Необходимо отметить инициативу «Литературной газеты», в которой введены приложения — выпуски «Настоящее прошлое» и «Словесник».

Все эти книги и инициативы очень важны для нашей страны, их цель — остановить духовное разрушение, внушить людям оптимизм и уверенность. Однако главное, чего ждет страна, — это определенность выбора, выдвижение цели и задач «общего дела», обретение цивилизационной идентичности.

² См.: Литературная газета. 2014. 19–25 февр. № 17.

³ Мединский В. О русском рабстве, грязи и «Тюрьме народов». Мифы о России. М., 2008. С. 14, 19.

¹ Ерофеев В. Русские цветы зла. М., 2004. С. 12–13, 30.

К. С. Пигров¹ПРАЗДНИЧНОСТЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Во взаимодействии культур/цивилизаций обнаруживается фундаментальная антитеза. С одной стороны, их диалог разворачивается в обыденности, будничности (социальная феноменология А. Шютца³ и др.). Повседневность дает переживание устойчивой непреложности в утверждении цивилизационного начала, демонстрирует надежность упорядоченности, дисциплины, «умеренности и аккуратности» вообще — *начала меры*. С другой стороны, осмысление социально-антропологической реальности предстает через *буйство чрезмерного*: здесь на первый план выходит не планомерность, а риск, не упорядоченность, а трансгрессивный выход за пределы обыденной регулярности, наконец, не повседневность, а *праздничность*. Эту вторую сторону антитезы пытались разрабатывать последние 20 лет некоторые петербургские, московские, саратовские философы⁴. По существу, перед нами вырисовывается, может быть, не до конца осознанная попытка выстроить *философию праздничности*⁵ как антитезу *философии повседневности*, освященной авторитетом социальной феноменологии. Причем праздничность мыслится здесь не как развлечение, не только и не столько как радость и беззаботное веселье, а как предельно напряженное измерение бытия, в котором раскрывается самая его суть. В концепт понимаемой таким образом праздничности входит вообще все, что есть *не процесс, а экссесс*, — не только рождение, но и смерть, не только мир, но и война.

Повседневность, осмысленная через протестантскую этику как стратегию «золотого сечения», «умеренности и аккуратности», «чистоты и порядка», обнаруживает существенное в предельных основаниях реальности, поскольку она цивилизована. На осно-

ве софросюне, «пруденции»⁶ в необеркианстве, словом — на базе здравого рассудка возникают устойчивые условия возможности регулярного партнерства цивилизаций. Не отрицая необходимости этой положительной стороны в бытии, мы пытаемся обратить внимание на другую его сторону, которая представляется отрицательной: *рисково-праздничный, абсурдный, трагический горизонт жизни людей, раскрывающийся в радостном ужасе и экстазе полноты бытия*, и раскрывается в праздничности. Отрицательность эта, возможно, иногда «неудобна», но она обеспечивает контакт с плодоносным Хаосом и, по большому счету, «отвечает» за творческое измерение человеческого. На ее мыслящем созерцании и сосредоточены наши философские усилия.

Некоторые общие онтологические предпосылки нашего подхода уходят в коренные условия возможности жизни. Последняя разворачивается отнюдь не в однозначно детерминированной вселенной Демокрита и Ньютона⁷, а в случайностной вселенной Эпикура, — в вероятностном мире Гиббса и Гейзенберга. Она постигается в способности человека к неидентифицирующему мышлению⁸, — в номадологии Делеза и Гваттари⁹ и др. Онтологическая «клинаменальность» мира случайным образом то смертельна, то спасительна для всех вообще живых существ и требует от них адекватных ответов. На вызов фундаментальной стохастичности жизнь отвечает двумя типами базовых стратегий. Это, во-первых, противостояние клинаменам мира тотальной регулярностью (стратегия упорядочения). Живое существо пытается изолироваться от клинаменов среды, как, например, рак-отшельник в своей раковине. Во-вторых, стратегия преодоления стохастичности среды с помощью встречной генерации собственной случайности (поиск, сопровождающийся риском), иначе говоря — ответ на клинаменальность мира опорой на кайрос.

Человек, признавая надежность стратегии упорядочивания, добросовестно стремясь ей следовать, так или иначе, тут и там непоследовательно «оступается» в комплементарную ей стратегию, ибо последняя глубинным образом коренится в инвариантах его аксиологии. В человеке налицо неумное желание свободы, всегда несущее в своей глубине негативность и всегда оборачивающееся риском. Пространства последнего не имеют дискурсивно однозначных критериев, они мерцают то в координатах безрассудства и трусости, то в координатах осторожности и смелости. Здесь,

⁶ Аллегорическое божество благоразумия и предусмотрительности у древних.

⁷ McAllister J. W. Absence of contingency in the Newtonian universe // Foundations of science. Dordrecht ets. 2004. Vol. 9, № 2. P. 191–210.

⁸ См., например: Адорно Т. В. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003.

⁹ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения // Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Т. 2: Тысяча плоскостей; Секацкий А. Книга Номада. URL: <http://www.gumilev-center.ru/aleksandr-sekackij-kniga-nomada-2>.

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодетельного философствования» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00775а «Тинейджеры в обществе риска: социокультурная аналитика идентификации и самоидентификации».

³ См., например: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

⁴ См.: Философия пира. Опыт тематизации / под ред. К. С. Пигрова. СПб., 1999; Пигров К. С. Кризис и катастрофа // Мысль: ежегод. С.-Петерб. философ. о-ва. Вып. 5; Он же. Социальная инновация как предмет экзистенциально-философского анализа (к новому пониманию современности) // Общество знания: от идеи к практике / под ред. В. В. Васильковой, Л. А. Вербицкой. СПб., 2008. С. 224–246; Он же. Размышления о трагическом призвании властителя // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. Вып. 1 (77–78). С. 181–188; Социальная аналитика кризиса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 4–31; Подростки и общество риска: в поисках идентичности: сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2013; Устьянцев В. Б., Данилов С. А. Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире: VI Всерос. Аскинские чтения // Философия и общество. 2012. Вып. № 3 (67); и др.

⁵ См.: Пигров К. С., Смирнов Е. А., Юдин Н. Л. К метафизике праздничности. М., 2011.

в дерзком «расшатывании» устойчивости бытия, коренятся условия возможности кайроса — способности использовать «счастливый случай» в своих целях. Поэтому, кстати говоря, историю, если это действительно *человеческая* история, то есть история *открытая*, предсказать невозможно¹.

Уже в традиционном обществе, с одной стороны, господствует обычай и ритуал («делай так, как делали предки»), но с другой — обнаруживаются непредсказуемые эксцессы аффективного поведения, которые также имеют глубокий смысл. И для новоевропейской цивилизации также, с одной стороны, характерны изощренная упорядоченность стандартов и профессионализированного труда — цивилизованность стереотипов социального порядка (солидарности, легальности, легитимности), институты систематического формального образования, производящие профессионалов. С другой стороны, в новоевропейском человеке непредсказуемо и неравномерно развивается порыв к риску — порыв к смертельной подчас игре со стохастичностью. Рационализуется и легализуется этот иррациональный порыв в качестве культа инноваций, характерного для техногенной цивилизации. Но инновационные установки «разрешенного» творчества не исчерпывают всего непредсказуемого поля новоевропейских клинаменов.

Если сказать по-русски — мы постоянно имеем дело с *авось-бытием*² в его разных формах, «авось» — это наши непреодолимый соблазн. *Авось-бытие как обнаружение клинаменности мироустройства было мифологически осознано уже в архаике. Оно культивировалось праздничными ритуалами, обнаруживаясь особенно ярко в диалоге и столкновениях разных культур. Собственно, взаимодействие с Иным представляло как праздник, а во всяком празднике таилось общение с культурой Другого. Благодаря празднику жизнь представляла «стереоскопически», в контексте всего мироздания, и становилась не только «переносимой», но и особенно радостной.*

Праздничные ритмы оказываются ключевыми для организации современного диалога культур. В дионисийном празднестве, когда трансгрессивным образом пересекаются границы (куда входят, в частности, и границы между государствами), только в этих эксцессах культуры становятся внятными, «переводимыми», «понятными» друг другу, да и самим себе. «Переводимость» и «понятность» возможны потому, что различные культуры выходят в горизонт общих мифологических архетипов, ставящих коренные проблемы человеческого бытия, неразрешимые в горизонте только «умеренности и аккуратности»: эти архетипы намечают возможность достойного существования перед лицом фатально катастрофического устройства мира — перед лицом смерти.

С этой точки зрения, в частности, и гегелевский абсолютный дух в новоевропейской философии по боль-

шому счету предстает как культивирование праздничного, понятого в горизонте предельных оснований бытия, хотя и по преимуществу в рамках аполлонического, а не дионисийского. Для *религии* праздник вообще есть основная форма ее бытийствования, ибо религиозная жизнь есть бесконечная череда праздничных действий и подготовки к ним. *Искусство* также носит по своей природе глубинным образом праздничный характер, вопреки всему обнаруживая за «шумом трескучим» «торжествующие созвучия» (В. Соловьев). Празднична, наконец, и сама философия, хотя она зачастую мумифицирована в так называемом «учебном процессе».

Диалог с другими культурами занимает важнейшее место в содержании любой культуры. Встреча культурных неповторимостей имеет своим содержанием утешение в других культурах и радость в своей.

Речь идет не только о синхронных диалогах культур, но и о диалогах диахронных. Не случайно новейшая философия, рефлектирующая античную классику, особое внимание отдает понятиям «приключения», «авантюры», где мы выходим на грань кайроса/клинамена. Образ трикстера Одиссея влечет нас особо. Классически тематизировал «приключение» в своем известном эссе Георг Зиммель³. М. М. Бахтин, двигаясь в том же направлении, показал, что в центре античного греческого романа стоит именно приключение как «случайностная игра судьбы»⁴, чаще всего в странствиях по другим культурам. Сами отношения героя со смертью предстают как приключение и странствие, как дерзкое, удалое, веселое соперничество с ней. На материале греческого романа Бахтин проблематизирует концепт времени, специфический для авось-бытия, где судьба ведет игру в рамках клише «встреча—разлука—испытание—соединение». Клитопонт в романе Ахилла Татия говорит: «Я счел себя погибшим и стал придумывать хитрость, при помощи которой можно было бы отсрочить свадьбу. В то время как я был занят этим, *неожиданно* (курсив мой. — К. П.) поднялся шум в мужской половине дома»⁵. Здесь по существу представлен образец генезиса авось-бытия именно в диалоге культур, понятом в общем смысле.

Время авантюры базируется на клинамене и исполнено надежды на кайрос. Оно оказывается темпоральной интенсивностью и переживается как *неожиданность*. Сегодня применительно к макросоциальным процессам мы сказали бы, что момент авось-бытия переживается как *шок*⁶. *Греческий роман высвечивает архетип авантюристичности в социокультурном бытии, где «судьба начинает свою игру», где все подвешено в неопределенности, где решения принимаются по неполной информации, что придает бытию особую эмоциональную насыщенность.*

Известно, что стохастическая «игра судьбы» стала общим местом европейской литературы. Начавшись даже отнюдь не в поздней греческой

¹ См.: Поннер К. Ницета историцизма / пер. С. А. Кудриной. М.: Прогресс, 1993. С. 5.

² Об авось-бытии см.: Пигров К. С. Авантюристы в мире риска, или Феноменология авось-бытия // Философия и будущее цивилизации: тез. докл. и выступ. IV Рос. филос. конгресса, Москва, 24–28 мая 2005 г.: в 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 3. С. 624–625.

³ Simmel G. Das Abenteuer // Philosophische Kultur. Gesammelte Essays. Leipzig, 1911.

⁴ См.: Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 11–193.

⁵ Цит. по: Бахтин М. М. Указ. соч.

⁶ См., например: Тоффлер А. Футуршок. СПб.: Лань, 1997.

литературе, а по крайней мере еще в приключениях упомянутого Одиссея, авантурное измерение человеческого бытия развертывалось в испанском плутовском романе XVI–XVIII веков, в приключенческой, детективной, фантастической и научно-фантастической литературе, в жанрах путешествий, а сегодня — в так называемом «остросюжетном» кино, в боевиках и триллерах. В необозримом море так устроенного мимесиса перед нами специфическая «игра судьбы» — специфическая случайность, празднично трансформированная в искусстве. Мы назовем ее «романной случайностью».

Специфическая «романная случайность», «романная авантюра», состоит из последовательности счастливых совпадений, *кайросов*. Жизнь, невыносимая перед лицом непреложности смерти, становится при таком видении не только приемлемой, но и достойной. Романная авантюра прекрасна потому, что, сидя в уютном кресле за чтением или в магическом мраке кинотеатра, испытывая *самое настоящее чувство опасности*, мы одновременно твердо знаем, что нам ничего не угрожает. Напротив, именно на фоне чтения или включенности в поток остросюжетного фильма наше чувство безопасности торжествует. Специалисты-медики, экспертируя экранные драки, утверждают, что после них, если бы они случились в действительности, герой остался бы инвалидом на всю жизнь, до самой своей скорой смерти. Однако герой Брюса Уиллиса в конце фильма «Пятый элемент» так же бодр, как и в его начале.

«Забытие» реальной случайности с помощью случайности романной предстает как важнейший момент в хайдеггеровском «забвении бытия». Романная случайность, романное приключение, наблюдаемые зрителями, с одной стороны, и реальная случайность — действительная авантюра, составляющая непреложное содержание человеческого бытия, — с другой, находятся в конфликте.

Теоретическая сложность состоит в том, что жизнь человека вовсе не сводится к «реальной случайности». Бытие оказывается расположенным в своеобразной «ничейной земле» между кайросом и клинаменом, между романной и реальной случайностями, между хайдеггеровскими “*Sein*” и “*Seiende*”. С одной стороны, здесь все как бы «как в действительности», но с другой — все время чувствуется влияние определенной установки, «облагораживающей» случайность реальности. Ведь человеку иногда, пусть и в неполной мере, все-таки удается осуществить проекты, делающие «романную случайность» реальной.

Такая «ничейная земля» обнаруживается не только в искусстве, религии или философии, но и в тех нарративах, которые претендуют на то, что в них представлено «как оно было на самом деле» (историография, биография, документальное кино, телерепортаж, представление жизни социума в «новостных» и «информационно-развлекательных» ТВ-передачах). Именно в этой «ничейной земле» сталкиваются два вида взаимодействия: «партнерство цивилизаций» и «диалог культур». Если брать только «диалог культур», то исторический процесс, *в конечном счете*,

не знает неудач. Он всегда «залижет раны», напряженное культурное переосмысление «рано или поздно» вылечит все. Неколебимый оптимизм новоевропейской историософии, описывающей диалог культур, базируется на аранжированных «естественно-исторических закономерностях»: человечество ставит себе только те задачи, которые оно в состоянии решить, а потому Человек («в больших линиях» и с «большой буквы») движется от победы к победе. Весь комплекс диалогизирующих новоевропейских культур, поскольку он обнаруживает себя в пространстве риска, неявно предполагает господство «романной случайности». Здесь априорно блаженствует кайрос. Это райское переживание, возможное в диалоге культур, не всегда правомерно переносится и на партнерство цивилизаций.

Основа техногенной цивилизации — научно-технический прогресс, с одной стороны, авантюристичен по своей сути, вступая в рискованные игры со случайностью. Но, с другой стороны, он питается надеждой так упорядочить мир, чтобы упразднить *несчастные случаи*. Инженер, вооруженный «хитростью разума», уверен, что всегда может «подстеречь судьбу» и превратить клинамены в кайросы. Эксплицитно провозглашается убеждение, что «неразрешимых технических проблем» не существует.

Однако реальная история взаимодействующих цивилизаций радикально разомкнута. «Несчастные случаи» налицо, как, к примеру, в сущности «нечаянное» уничтожение доколумбовых цивилизаций бандами европейских авантюристов. Мы не должны забывать, что «несчастные случаи» имеют тенденцию накапливаться в непоправимо деградирующее целое, что демонстрирует нам хотя бы неумолимо нарастающий экологический кризис.

«Счастлирое будущее» никоим образом не гарантировано. Но этот светлый горизонт реет впереди нас. Генезис новоевропейской («техногенной») цивилизации с точки зрения ее «священного алтаря», именно с точки зрения *техники*, на первый взгляд предстает как неуклонный прогресс. Техника понимается как место пересечения человеческих потребностей и природных возможностей, то есть пересечение независимых друг от друга причинных рядов. Идея случайного заложена в самом принципе техники, осмысляемой в рамках новоевропейской цивилизации. Высвобождение ядерной энергии возможно, к примеру, таким образом, что каждый делящийся атом урана-235 «как раз» (!), кроме определенной энергии деления, испускает еще и несколько нейтронов, которые (какая удача!) могут разделить другие атомы, порождающие в свою очередь новые нейтроны. В результате возникает цепная реакция. Это удачное совпадение, кайрос. Очевидна принципиальная аналогия с генезисом «приключения» в античном романе: если бы «шум в мужской половине дома» не поднялся, роман «Клифонт и Левкиппа» просто не мог бы состояться. В технике инженер, вооруженный «хитростью разума», «подстерегает судьбу», превращая пресно-равнодушную случайность природы в благоухающее вино кайросов. Клифонт, как и все античные трикстеры, обладает «инженерным мышлением»: когда *неожиданно* поднялся шум в мужской

половине дома, Клитофонт уже *ожидал* его — «неожиданного». Инженер обладает авантюрным мышлением Клитофонта. Научно-технический прогресс происходит в «романном» измерении: один кайрос сменяет другой. Инженер уверен, что «безвыходных ситуаций нет», мы обязательно «что-нибудь придумаем». Приступая к выполнению научно-технических проектов, мы не задумываемся о том, как после нас потомки будут преодолевать побочные последствия их, но уверены, что им это удастся. Однако, увы, процесс реализации цели всегда имеет и такие последствия, которые никак не входили в намерения создателя, не формулировались им как цели его деятельности, хотя в самой деятельности скрыто содержались¹.

Когда 50 лет назад интенсивно развернулось строительство атомных электростанций, не задумывались, куда потом девать радиоактивные отходы. Неявно предполагалось, что за ближайшие годы техника разовьется и мы «что-нибудь придумаем». Вспомним опять Клитофонта: «Я счел себя погибшим... неожиданно поднялся шум в мужской половине дома». А если бы шум не поднялся? Тогда Клитофонт придумал бы что-нибудь другое. А если бы все-таки ничего не удалось придумать? Тогда, ожидая «романной случайности», мы оказываемся перед лицом случайности реальной. Мы надеялись на кайрос, но вместо него обнаружился только холодный клинамен. Вопрос о радиоактивных отходах до сего дня не решен; как нам кажется, Земля достаточно велика и у нас есть еще время «что-нибудь придумать»...

Хотя в чернобыльской ситуации² дело было не в утилизации радиоактивных отходов, но структура технического «приключения» (или авантюры) была схожей. Катастрофа еще не произошла, но инженеры за пультом четвертого энергоблока, видя беспорядок, «ничего не понимают». Эти профессионалы, как им казалось, «все делали правильно»; однако счастливых совпадений не обнаружилось. Хотя кайрос мог бы случиться, и тогда катастрофа прошла бы мимо. Но в апреле 1986 года инженеры мечтают, ищут выход, однако тщетно. Вырисовывается зловещий портрет Клитофонта-неудачника, оступившегося из «техногенного романа» в реальность. Ментальность новоевропейской цивилизации устроена так, что неудачи в диалоге цивилизаций оказываются «невидимыми», «забытыми». Но, увы, приключение случайным образом может застрять на переходе из Проекта в Жизнь, и тогда оно превращается в «безрассудную авантюру».

Установка на допустимый риск предполагает счастливый исход не только в сфере научно-технического прогресса, но и в новоевропейской социально-политической сфере. Еще не опьяненный идеей прогресса М. Монтень говорил, что нужно обладать чрезвычайной дерзостью (или, по более позднему слову Б. Рассела, «космической непочтительностью»), чтобы пытаться строить общество по своему рассудку, перестраивая

¹ См.: Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высш. шк., 1968. С. 3.

² См.: И дольше века длится этот день... воспоминания чернобыльцев / редкол. Б. Ф. Никольский [и др.]. М.: Энергомаш, 2004; Мотрошилова Н. В. Чернобыль, Фукусима — что дальше? Философский репортаж из Германии // Философские науки. 2011. № 6. С. 5–24; Кравчук Н. Загадка чернобыльской катастрофы (опыт независимого исследования). М.: АИРО-XXI, 2011.

общественный организм в механизм. Первые лица государств, мысля авантюрно-технологически, как Клитофонт, полагают, что социальность является по сути всего лишь «механизм». Поэтому в процессе диалога тот же механизм, скажем, «механизм демократии», будто бы можно «в процессе диалога» переносить из одной цивилизации в другую. Однако при переходе из одной цивилизации в другую «механизмы партнерства» подчас заедают и «несчастные случаи» имеют тенденцию накапливаться в непоправимое целое.

Когда сегодня говорят об «обществе риска», то здесь предполагается господство страха, «преодолеваемое» повышением дисциплинированности населения, нарастанием *повседневной* мелочной регламентированности с помощью компьютеров, наконец, все более гипертрофированными институтами государственной безопасности. Люди во что бы то ни стало хотят понимать себя во времени «романной случайности». Новоевропейский проект окончательного прорыва в «царство свободы» через тотальную глобализацию, причем путем «чистоты и порядка», регулярности и умеренности.

Но мы должны реально оценивать возможности нашего контроля над миром. Уже в XVIII веке Кант предупреждал о том, что «область чистого рассудка» весьма ограничена. Она есть всего лишь «остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Она есть царство истины <...> окруженное обширным и бушующим океаном, этим средоточием иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, *тягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он тем не менее никак не может довести до конца*»³.

Нам становится все более очевидно, что указанный Проект глобализации предстает по сути как глобальная авантюра, лишаящая нас «запасных путей», которые исторически давались как раз неполной глобальной стандартизацией бытия в различных регионах мира. И если гибла одна цивилизация, то оставалась другая, реализующая иные принципы или сохраняющая лучшее из погибшей цивилизации. (Вспомним, как арабский Восток сохранил достижения Античности, в то время как Запад их временно «забыл», а потом благодаря арабам «вспомнил».)

Исходя из сказанного, мы заново продумываем то веками сложившееся хрупкое *равновесие между стратегиями упорядоченности и стратегиями риска* в развивающемся социуме. Наивно надеяться, что человечество будет спасено кажущейся тотальностью компетенции все усиливающихся «органов безопасности» (курсив мой. — К. П.).

Не обратить ли именно в связи с нарастающим кризисом более серьезное внимание на креативность праздничных ритуалов? Последние на протяжении тысячелетий обеспечивали людям выход дионисийского начала, радость бытия, пусть отчаянную, но действенную и проверенную. Задача статьи, в частности, в том, чтобы обратить внимание на *праздничность как на ресурс*. Мы

³ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 299–300.

достойно вынесем бремя своего авось-бытия не столько на путях тотальной, усиленной новейшими технологиями новоевропейской повседневной предусмотрительности, сколько на путях использования древних диалогических форм культивирования праздничного регистра социальности, построенного на риске. Праздничность выработала способы установления динамичной гармонии аполлонического и дионисийского. И сегодня она поможет справиться с возрастающей рискогенностью современного мира. Всегда включавшая в себя начало неопределенности и риска, праздничность все более нацеливается на культивирование стихии диалогического взаимодействия современных цивилизаций.

Таким образом, ставя вопрос о значении праздничности в мире нарастающего риска, мы пытаемся выразить один из существенных принципов в понимании человека. Этот принцип состоит *в вечности и плодотворности живого праздничного диалога культур, который построен не на рациональной расчетливости, а на риске и смелости.*

Диалог всегда по своей сути праздничен, а праздник — диалогичен. Этот диалог не должен сгинуть в мертвом монологе «однополярного мира», оправдываемого глобализацией или мондиализацией. Сама возможность праздничного разнообразия раскрывает новый источник кайросов культуры.

С. В. Попова¹

РУССКИЙ МИР КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современный этап развития характеризуется возрастанием рисков и угроз национальной безопасности России, при этом особенно уязвимой с точки зрения деструктивного внутреннего и внешнего воздействия является безопасность духовной сферы жизни общества. Поэтому одной из основных целей системы обеспечения национальной безопасности должно быть решение задач по защите духовности современной России. Если мы действительно хотим подъема экономики и возрождения нашей страны как сильного государства, то вопросы духовности необходимо решать в первую очередь.

Духовная безопасность как составляющая системы национальной безопасности в целом предполагает прежде всего безопасность общественного сознания и такие ее ценности, как: научные знания, идеология, общенациональная объединяющая идея; моральные и эстетические ценности; политическое и правовое сознание граждан; религия; патриотизм, национальная гордость и достоинство.

Как справедливо заметил А. Возьмитель, «мы можем выжить и развиваться в глобализирующемся мире только в качестве сильного государства с общезначимой для всего народа смысло-жизненной перспективой и едиными для всех «правилами игры»; с системой ценностей и межчеловеческих отношений, обеспечивающих духовно-культурное единство власти и народа»².

Взросшая роль интеграционных процессов свидетельствует о необходимости активизации этого процесса в современной России для создания стратегически важного субъекта международных отношений, без ко-

торого невозможен многополярный мир. Распространение ценностей западной цивилизации в настоящее время является историческим вызовом цивилизациям, на который они должны дать адекватный ответ. Ответом, на наш взгляд, должны являться подход и стратегия интеграции, основанные «на диалектике культурного самоосмысления, являющейся единственной альтернативой логике доминирования и конфликта, привнесенного видением постбиполярной эпохи нового международного порядка с сопутствующей ему парадигмой возможных угроз международной безопасности вдоль цивилизационных линий»³. Пропаганда и навязывание духовных ценностей западного образа жизни изменили духовную атмосферу российского общества, оказав существенное влияние на массовое сознание различных групп населения. Именно деструктивные тенденции в духовной сфере приводят к таким социально опасным явлениям, как терроризм, экстремизм, криминал во всех его проявлениях и сектантство. Деструктивные стереотипы, внедряемые извне в общественное сознание, являются одной из основных угроз национальной безопасности России.

Социальное единство вдохновляется справедливостью как нравственной нормой, но высшая цель общества духовна. Это стремление к тому, что В. С. Соловьев назвал «достижением абсолютного существования, или вечной и блаженной жизни»⁴. Человек стремится к единству, но подлинное единство достигается в сфере духа. Однако в условиях полиэтничной России это духовное единство не может возникнуть на религиозной основе. Основания для национальной интеграции могут быть заложены в формирующемся гражданском обществе в следующих принципах: 1) ненасилия; 2) дискурса — открытого и глобального обсуждения всех острых земных проблем; 3) приоритета дарения над эквивалентным обменом. Как показывает

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук. Автор 48 научных публикаций, в т. ч.: «Соотношение рационального и иррационального в духовной идентичности человека», «The spiritual identity of modern man», «Трансформация аксиосферы культуры в условиях современного общества», «Социально-интеграционные процессы в российском полиэтничном обществе», «Духовный смысл современного образования», «Становление духовно-нравственного сознания личности» и др.

² Возьмитель А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 250.

³ Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue, 1997. URL: <http://www.i-p-o.org/civ-dial.htm> (дата обращения: 20.03.2013).

⁴ Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 148.

современная практика, выход из насилия заключается в ненасильственном сопротивлении злу: не уходи от борьбы; делай борьбу созидательной; не применяй насилия; будь готов пойти на жертвы ради дела; стремись понять оппонента; ищи компромиссы. Принципы дискурсивной этики предполагают «солидарную ответственность всех, способных к аргументации, за все поддающиеся дискурсу проблемы жизненного мира»¹. При этом Россия в общемировом пространстве, если учитывать события последних лет, может также выступать в роли защитника различных стран от агрессии со стороны ряда западных стран. Еще крупнейший историк XX века А. Тойнби признавал, что «роль России в истории — служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада»². В современных условиях России, возможно, предстоит определить направления общего для современной цивилизации развития. Для этого существуют все предпосылки. Россия уже сегодня способна оказывать и оказывает влияние на общемировые геополитические процессы, используя свои культурно-исторические, природные, политические и другие ресурсы.

Российская цивилизация объединила в себе уникальные духовные традиции других цивилизаций и создала свой неповторимый, уникальный и самодостаточный духовный мир. Значительная часть нашего общества и сегодня сохраняет в себе дух справедливого, нравственного, неагрессивного отношения к жизни, предопределяющего духовное развитие, стремление к достижению высоких целей и сохранению великих идеалов. Наша прагматичность, часто не позволяющая решать насущные материальные вопросы, в стратегическом плане представляет собой важный духовный ресурс, который всегда позволял русскому миру объединяться, мобилизовывать свои силы и отражать любые угрозы, несмотря на наличие внутренних проблем и противоречий в разных сферах жизнедеятельности. При этом русский

мир сегодня, по справедливому утверждению В. Н. Иванова, — «это Россия плюс русские (русскоязычные) в ближнем зарубежье (страны СНГ и Балтии), плюс русские (русскоязычные) в дальнем зарубежье, сохраняющие историческую память и не прерывающие связей с исторической Родиной»³. Русский мир — это духовное и культурное пространство, которое не ограничено территорией только России, а включает пространство мирового сообщества, в котором проживает русскоязычное население, сохраняются национальные духовные ценности, традиционные особенности ментальности и отношения к окружающему бытию. При этом важная наша особенность — это стремление быть частью глобального пространства, оставаясь при этом особым миром, сохраняя свою духовную уникальность. И, несмотря на то что мы усиленно теряем свою самобытность, духовный потенциал России очевиден, поэтому его нужно сохранить и приумножить.

Российское общество в современной ситуации имеет все шансы для установления своего лидерства, которое, однако, не означает установление мирового господства. В сложившейся геополитической ситуации, характеризующейся тем, что общества всего мира теряют свои духовные основы, Россия могла бы стать одним из мировых духовных центров, играющих уравнивающую роль в мировой политике.

Таким образом, справедливым представляется следующий вывод: сохранение духовно-нравственных основ общества, традиционной ментальности российской нации — это императив нашего благополучия; обеспечение национальной безопасности в целом и духовной безопасности в частности возможно исключительно при укреплении высокого интеллектуального и нравственного потенциала отдельной личности и всего общества, осознающего себя единой нацией, противостоящей внутренним и внешним угрозам в целях защиты своих жизненно важных интересов и ценностей.

¹ Назарчук А. Н. Этика глобализирующегося общества. М. : Директмедиа Паблишинг, 2002. С. 84.

² Геополитика: классика и современность : хрестоматия / сост. В. И. Буренко, А. А. Королев. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2006. С. 142.

³ Иванов В. Н. Русский мир. Представления и реалии // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке : в 2 ч. М. : Социально-гуманитарные знания, 2009. Ч. 1. С. 289.

А. П. Садохин¹**ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Современный мир переживает глубокие структурные и функциональные изменения, охватывающие все сферы человеческой жизнедеятельности. Совокупность этих процессов определяется термином «глобализация», который стал одним из наиболее употребляемых в научном лексиконе и повседневном общении. Закономерно, что процессы глобализации в настоящее время привлекают внимание представителей разных научных направлений, а количество публикаций по различным аспектам глобализации сегодня увеличивается лавинообразно. При этом большинством ученых глобализация осознается как сложное и объективное, обусловленное множеством факторов явление, которое быстро и качественно меняет наше общество и мир в целом. Обычно в качестве главной ее черты отмечается направленность на построение взаимосвязанного и взаимозависимого мира, в котором все отчетливее проявляется необходимость создания единых мировых органов управления на основе общей модели развития.

В то же время глобализация в настоящее время рассматривается как процесс и как цель, ведущая человечество к объединению в целое. Эта тенденция объективна и находит отражение в современной культуре, в которой все быстрее происходит обмен идеями, информацией, ценностями, типами образа жизни, а также стремительно ускоряется циркуляция материальных продуктов человеческой деятельности, товаров, услуг.

Однако перечисленные последствия глобализации фиксируют главным образом внешнюю сторону этого процесса, а то время как они не выступают показателями выражения интересов отдельных людей различных регионов планеты. Ведь, как показывает практика, история человечества не является улицей с односторонним движением, ведущей к объединению людей на основе одного процесса развития. История представляет собой нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных субъектов исторического развития: личностей, обществ, государств, цивилизаций. Именно в результате противоречивого взаимодействия этих исторических субъектов образуется конкретная модель их развития.

Сегодня глобализация является доминирующим вектором развития всего человечества, обладающим большим позитивным потенциалом. Этот потенциал заключается в неуклонном усилении процессов объединения всех стран и народов. Однако положительные результаты глобализации сопровождаются «издерж-

ками», отрицательными результатами, которые также непосредственным образом воздействуют на человека, одновременно открывая перед ним новые возможности и предъявляя новые требования. Отсюда оценка глобализации в современных исследованиях не может быть однозначной. Она требует взвешенного анализа, в котором четко выделяются как позитивные, так и отрицательные последствия.

Кроме того, в каждой сфере общественной жизни глобализация несет различные трансформации, которые по своей сути неравнозначны и несоизмеримы. Речь идет о множестве различных явлений, которые не подчиняются никакому единству и характеризуются гетерогенностью, равноправием, взаимной разорванностью, самопроизвольной изменчивостью и автономией. Перечисленные черты особенно ярко проявляются в сфере культуры, в содержании которой влияние глобализации наиболее ощутимо. В связи с этим в последние десятилетия в сфере культуры стал развиваться целый ряд процессов, которые характеризуют общее состояние современной мировой культуры. Из них наиболее важным и значимым является процесс диалога культур.

Диалог в самом общем виде рассматривается многими учеными как путь к пониманию другого человека, окружающего мира в целом. Общепринятая точка зрения на этот процесс состоит в том, что отношения с собеседником по диалогу носят характер взаимодействия, при котором обе стороны в равной мере учитывают и уважают различия точек зрения. С формальной стороны диалог представляет собой обмен репликами в процессе коммуникации между двумя и более собеседниками. С содержательной стороны диалог рассматривается как специфическая для человека форма межличностного взаимодействия и отношений, при которых другой человек, собеседник, выступает не как объект или условие деятельности, направленной на достижение целей, а как равноправный свободный субъект, обладающий собственными интересами, ценностями, взглядами и преследующий свои конкретные цели.

Исследователи процесса глобализации обоснованно утверждают, что в сфере культуры глобализация развивается в форме диалога культур, который усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучшего познания собственного культурного облика. В основе диалога культур лежит потребность во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении, что позволяет рассматривать его как объективную необходимость, условие развития культур. По своему характеру диалог культур — это взаимообусловленный двусторонний процесс, то есть изменения состояния, содержания и, следовательно, функций одной культуры в результате воздействия другой обязательно должны сопровождаться изменениями в другой культуре.

Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что диалог культур был и остается главным фактором

¹ Профессор кафедры ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор учебников и учебных пособий по истории культуры, мировой художественной культуре, культурологии, межкультурной коммуникации, в т. ч.: «Культурология» (в соавт.), «Мировая культура и искусство», «История мировой культуры» (в соавт.), «Мировая художественная культура», «Основы этнологии» (в соавт.) и др.

в развитии человечества. Благодаря взаимодействию культур на протяжении веков и тысячелетий происходило взаимообогащение культур, из которых складывалась уникальная мозаика человеческой цивилизации. Однако процесс взаимодействия, диалога культур носит сложный и неравномерный характер. Дело в том, что вся мировая история — это процесс взаимодействия народов, каждый из которых обладал или обладает специфической системой ценностей и способом деятельности. При этом главные принципы взаимодействия народов во все времена — соперничество и сотрудничество, характер которых, в свою очередь, может варьироваться в широком диапазоне. Соперничество может осуществляться в форме конкуренции, развивающейся в рамках международного права, а может принимать характер открытой конфронтации со всеми вытекающими последствиями. Так же как и сотрудничество народов может характеризоваться различными качественными состояниями.

Отсюда диалог культур может принимать самые разные формы, из которых наиболее распространены являются интеграция, изоляция, конфликтность, взаимодополнение. Интеграция (синтез) предполагает постепенное слияние двух или нескольких культур в качественно новое целое, их уподобление друг другу вплоть до полного отождествления, фактическое слияние субъектов этих культур. Изоляция означает отгораживание от всякого соприкосновения с чужой культурой через сохранение и поддержание собственной замкнутой культурной среды, создание различных барьеров и запретов в сферах возможного диалога, ведущее к нарастанию взаимного эзотеризма. Конфликтный диалог предполагает активные формы защиты собственного культурного пространства, стремление полностью вытеснить из своего пространства ценности и достижения других культур, рассматриваемые как несовместимые с подлинными ценностями своей культуры. Взаимодополнение — это форма взаимоотношений, при которой каждая из взаимодействующих культур занимает в общем культурном пространстве свою нишу, сохраняя самобытность и автономию, образуя своего рода культурный симбиоз, общую культурную ментальность.

Таким образом, диалог культур — это исторический процесс, векторы которого могут иметь противоположные направления. Первое направление характеризуется взаимопроникновением взаимодействующих культур, их интеграцией, в процессе чего происходит углубление культурного саморазвития, взаимообогащение за счет иного культурного опыта партнеров по диалогу. В процессе диалога культур возникает возможность сравнительной оценки своих и чужих культурных достижений, их ценности и вероятности заимствования. Во втором направлении имеет место неравенство участников диалога, при котором одна культура доминирует над другой, а диалог принимает форму насильственной ассимиляции или конфликтного взаимодействия.

Культура каждого народа представляет собой известную целостность, которая обеспечивается много-

численными внутренними и внешними связями с другими культурами или отдельными ее частями между собой. Специальные исследования процесса диалога культур сегодня позволяют сделать вывод, что процесс взаимодействия культур более сложный, чем когда-то считалось. Раньше этот процесс воспринимался как простая «перекачка» достижений высокоразвитой культуры в менее развитую, что, в свою очередь, логично подводило к оценке диалога культур как источника их взаимного прогресса. Но, как известно, диалог культур возникает из различий. Качественные различия культур — не только предпосылка и основание диалога, они одновременно являются его результатом в том смысле, что диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их.

Как уже было отмечено, современный диалог культур — это сложный и зачастую болезненный процесс, поскольку влечет за собой те или иные изменения в культурном пространстве партнеров. Диалог культур — это взаимообусловленный двусторонний процесс. В этой ситуации культурные заимствования, полученные в результате диалога, могут оказываться несовместимыми с традиционными явлениями своей культуры, и отсюда либо негативная реакция на такие заимствования, либо конфликт культур.

Следует отметить, что в отличие от большинства иных видов конфликты между культурами специфичны несовместимостью оценочных позиций, мировоззренческих, религиозных установок, традиционных норм и правил осуществления той или иной социально значимой деятельности и т. д. Поэтому практические формы культурных конфликтов могут иметь различные масштабы и характер: от простой ссоры в межличностном общении до острых межгосударственных отношений. Причем культурные конфликты отличаются особенно острым характером, высокой ожесточенностью, бескомпромиссностью и стремлением к практическому уничтожению носителей чужих культурных ценностей. С этой специфической чертой связана сложность нахождения компромисса и примирения конфликтующих сторон, стремящихся отстоять свои ценности «до победного конца».

В заключение хотелось бы обратить внимание на особый тип культурных конфликтов — творческие конфликты, которые порождаются различиями между направлениями, школами, группами художественной культуры. В таких случаях конфликты вызваны соперничеством между творческими манерами их представителей и различными способами отражения действительности при создании образов. Конфликты подобного рода практически не анализируются в культурологии, хотя оказывают заметное влияние на культурные изменения и характер диалога культур. Поэтому поиск оснований для согласования интересов и ценностных ориентиров, снижения уровня конфликтности в сфере культуры является одной из главных задач культурной политики. При этом разрешение такого рода культурных конфликтов связано с достижением целей конвенций, официально декларирующих равноправие различных творческих позиций, методов, интерпретаций и т. п.

С. В. Снапковская¹

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Состояние и перспективы дальнейшей интеграции России и Беларуси в культурно-образовательной сфере предполагают учет культурно-исторических, этнических и нравственных оснований. Современная эпоха радикальных трансформаций на постсоветском пространстве предьявляет насущные требования к пониманию и уважению культур, традиций и образа жизни каждого народа, вовлекаемого в миросистему. Анализ культурно-исторических, этнических и нравственных аспектов общественных измерений диктует необходимость обращения к дореволюционному историко-культурному наследию как Российского государства в целом, так и его западных регионов, где интенсивность общественно-политических процессов в пореформенный период была достаточно высока. Ввиду сложности и противоречивости взаимоотношений между центром и периферией Российского многонационального государства исторические и педагогические исследования в России и других государствах СНГ только сейчас подходят к более сбалансированной и взвешенной оценке образовательных явлений и процессов. Современные российские и белорусские историко-педагогические исследования сосредоточены на более углубленном и всестороннем анализе соотношения этнокультурного и общероссийского компонентов в дореволюционном образовании, учитывая как централизаторские устремления правительства, так и этнонациональную специфику западных регионов. Выявленные пласты источников, равно как и отсутствие запретных тем, создают возможность для научного продвижения на новом, более продуктивном уровне.

В современной социокультурной ситуации актуализируется уникальный опыт сотрудничества государства, общественности и церкви в решении проблем образования и воспитания, поиске баланса властно-правовых интересов и духовно-нравственных начал в образовании пореформенного периода. В этом плане многое сделано российскими и белорусскими учеными, которые заострили свое внимание на углубленном и всестороннем анализе соотношения этнокультурного и общероссийского компонентов в дореволюционном образовании.

Проблема заключается в том, чтобы на основе целостного историко-культурного анализа научно обосновать пути разрешения противоречий между: 1) по-

вышением внимания современных российских и белорусских исследователей к проблемам образовательной политики на окраинах Российского государства и недостаточной научной изученностью этнических, историко-культурных, языковых, конфессиональных и педагогических ее основ и аспектов; 2) выдвиганием национально-культурных и образовательных приоритетов и недостаточной разработанностью историко-педагогического обоснования стратегии развития национальной системы образования Республики Беларусь; 3) наличием концептуального взгляда на проблемы и перспективы развития современного образования и дефицитом глубоких и многоаспектных исследований процесса воздействия этнокультурного фактора на систему образования в белорусских губерниях в пореформенный период; 4) поиском путей совершенствования современной системы образования и недостаточным учетом разработки общероссийских научно-педагогических и методических оснований, а также исторического опыта развития общеобразовательной школы на территории Беларуси.

Научный интерес к проблеме вызван комплексом историко-культурных и социально-политических причин. Значительная часть этнических и социально-политических конфликтов объясняется среди прочего и проблемами этнокультурного характера в культурно-образовательной сфере. Это, в свою очередь, зачастую является следствием неизученности или просто замалчивания этнокультурных проблем в прошлом и настоящем.

Рассматриваемая тематика представляет также научный и практический интерес с точки зрения современных российско-белорусских отношений, поскольку происходящий процесс сближения Российской Федерации и Республики Беларусь требует осмысления исторического опыта взаимоотношений русского и белорусского народов в период их совместного проживания в составе многонациональной Российской империи. Тем не менее последние данные социологических исследований лишают нас оптимизма: только 14 % белорусов знакомы с культурой и образованием различных народов СНГ, у россиян такой интерес не превышает 11 %, на Украине — 8 %, в Грузии — 3 %, однако в Молдавии — 39 %.

При отсутствии у белорусов на протяжении нескольких столетий самостоятельных форм политической и экономической жизни культура выступила в качестве основного объединяющего фактора, обеспечивающего сохранение этнической самобытности. Культура приняла на себя национально-консолидирующие и просветительско-воспитательные функции. В связи с этим этнокультурные факторы (религия, язык, менталитет, этническое самосознание, национальное образование и воспитание) играли ведущую роль как в образовательной политике правительства в белорусско-

¹ Заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России» (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор. Автор 219 научных публикаций, в т. ч. монографий: «У истоков национальной педагогики: Из истории школы и педагогической мысли Беларуси конца XIX — начала XX века», «Образовательная политика и школа в Беларуси в конце XIX — начале XX века», «Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX — начале XX века», «История образования и педагогической мысли», «Основы культурологии» и др.

литовских губерниях, так и в развитии просвещения и общественно-педагогической мысли края.

Основной предпосылкой и особенностью развития просвещения, школы и педагогической мысли являлась переориентация белорусских земель, а вместе с тем системы просвещения с западноевропейской католической модели на восточно-византийскую, православную. Процесс этнокультурной переориентации происходил в формате противостояния между церковью и костелом, создав весьма болезненные условия для развития белорусского народа. Образовательная политика правительства была нацелена на русское просветительство путем повсеместного расширения русской школы через внедрение православия, фактического запрета белорусского, польского, литовского и других языков во всех сферах жизни общества Северо-Западного края. Ответом на политику правительства и руководства Виленского учебного округа стали создание «тайных школ», развитие общественно-просветительского движения за образование на родном языке, создание белорусскоязычных педагогических обществ, издательств, газет, журналов, учебников, литературы, концепции белорусской национальной школы. Основное содержание проблемы и ее идейный смысл нашли отражение в «Верноподданнейшем отчете» Николаю II виленского генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского от 20 мая 1904 года: «Школа должна быть сердцевинной педагогической любви и веротерпимости».

Обозначенный период — вторая половина XIX — начало XX века — в характеристиках российских и белорусских ученых является чрезвычайно сложным и неоднозначным. Этим во многом и объясняется малоизученность такого многоступенчатого, противоречивого и одновременно живого организма, каким являлся образовательно-воспитательный процесс. Политический фактор, наиболее выразительно проявившийся в этноконфессиональном аспекте, стал определяющим в развитии образования и педагогической мысли Беларуси в новых условиях белорусского социума. Возрождающаяся на рубеже веков в России общественная пе-

дагогика уже в годы Первой русской революции представляла серьезной альтернативой правительственному направлению в образовании, рассматривая школьное нацистроительство в качестве первоосновы реформы системы образования в целом. Пик острой общественно-политической и научно-педагогической дискуссии по вопросам национального образования и воспитания выпадает на 1905–1914 годы.

Сделана попытка найти ответы на важные вопросы: как белорусская элита реагировала на политические шаги правительства в образовательной области и как продвигалось их образовательное сотрудничество, над чем «билась» общественная мысль Беларуси исследуемого периода? Среди деятелей просвещения, педагогов-исследователей и учителей-практиков встречается немало уроженцев Беларуси, украинско-белорусского и польско-белорусского пограничья, составивших богатейший ресурс «национализации школы» в научно-педагогической сфере. Педагогические взгляды В. Волкович и С. Русовой, А. Ельского и И. Носовича, Е. Карского и В. Чарнолуцкого, К. Ельницкого и Ф. Кудринского, Е. Романова и М. Довнар-Запольского, К. Каганца и П. Шейна, равно как и многих других, явились достижением общероссийской педагогической науки. Их педагогические изыскания и деятельность, став опорой пошатнувшейся школьной конструкции, и сегодня являются весьма актуальными и научно востребованными. В трудоемком процессе «высвечивания» новых граней педагогических идей и концепций прошлого формируется обновленная методология современных исследований в образовании.

Доминантой объективной реальности за последние годы стало стремление двух братских народов — российского и белорусского — к развитию и укреплению дружественных, добрососедских отношений в культурно-образовательной сфере. Выполнение подобных научных исследований рассматривается нами как важный вклад в совместный научный проект ученых Российской Федерации и Республики Беларусь, который направлен на дальнейшее развитие науки на пространстве СНГ.

К. Б. Соколов¹,
Ю. В. Осокин²

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Каждый этнос зарождается и формируется на вполне определенной территории с определенным климатом и специфическим ландшафтом. Особенности природы во многом определяют пути развития данного этноса — от способа производства до национального характера. Природно-климатическое своеобразие «колыбели» народа вращает в его национальную культуру, накладывает неизгладимую печать на специфику его картины мира.

Вторым мощным фактором, формирующим картину мира, является религия, определяющая как основные этические нормы, так и систему взаимоотношений внутри и вне этнической общности. Особенности религии в значительной мере определяют развитие национальной культуры, стимулируют или ограничивают развитие отдельных жанров искусства. С национальной религией во многом связаны некоторые черты национального характера и этнического сознания нации.

Важнейшей основой жизнедеятельности и развития этноса является его язык, содержащий в свернутом виде всю историю народа, его культуру, систему ценностей и картину мира.

Природное окружение, религия и язык вместе порождают этническую психологию, определяющую образ мышления, поведение и поступки, образ жизни членов соответствующей этнической общности, то есть картину мира. Родители транслируют ее последующим поколениям, а общество поддерживает ее системой социально-этических санкций. Этническая картина мира позволяет «этнофору» (ее носителю) в любой момент жизни дать ответ на важный вопрос: «Кто мы есть?». Люди определяют себя, используя такие понятия, как «происхождение», «религия», «язык», «история», «ценности», «обычай» и «общественные институты». С помощью этнической картины мира люди идентифицируют себя с культурными группами — племенами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями.

Глобализация культуры делает особенно актуальным изучение особенностей межкультурного взаимодействия. Исследователи в связи с этим вводят понятие

кривой процесса адаптации, в соответствии с которой выделяют пять этапов этого процесса³. Первый этап, называемый «медовым месяцем», характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами. Но этот этап быстро проходит, а на втором этапе адаптации непривычная инокультурная информация начинает оказывать негативное воздействие, что приводит к разочарованию, фрустрации и депрессии. В этот период человек пытается убежать от реальности. На третьем этапе симптомы культурного шока могут достигать критической точки. Но всегда существуют люди, способные успешно осваивать язык новой культуры. И тогда для них на четвертом этапе депрессия сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения. И в этом случае наступает пятый, завершающий этап, который характеризуется относительно стабильными изменениями картины мира людей в ответ на требования изменившейся культурной среды.

Эти пять этапов культурной адаптации формируют U-образную кривую — хорошо—хуже—плохо—лучше—хорошо. Однако далеко не все люди способны пройти этот путь. Некоторые уже на его ранних этапах начинают защищаться от потока новой информации и закрепляются на промежуточных стадиях.

Психологами накоплены свидетельства о значительных различиях в межкультурной адаптации у разных людей — она может занимать от нескольких месяцев до 4–5 лет. Особенно сильно влияет на этот процесс возраст. Быстро и успешно адаптируются маленькие дети, но уже для школьников этот процесс часто бывает мучительным. Очень тяжелым испытанием оказывается изменение культурной среды для пожилых людей.

Глобализация культуры, порождающая мощные кросс-культурные потоки информации, сильнее всего воздействует на подростковый и молодежный менталитет. Потому что картина мира старшего поколения более консервативна, более устойчива к инокультурным воздействиям. В результате возникает и быстро расширяется пропасть между картинами мира поколений: менталитет подростков и молодежи все больше и разительнее отличается от традиционного менталитета родителей. Конфликты между поколениями бывали всегда. Это закономерность социального развития. Однако сегодня изменение социокультурных условий получило невиданную доселе динамику. То, для чего раньше были нужны десятилетия, сегодня совершается за считанные годы. В результате смена поколений в наши дни происходит не только в диапазоне «отцы и дети», но даже и между смежными поколениями «детей». Так что глобализация культуры предопределяет рост конфликтов не только между

¹ Заведующий сектором социологии искусства Государственного института искусствознания, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч. монографий: «Введение в социологию искусства» (в соавт.), «Десять веков российской ментальности: культура и власть» (в соавт.), «Культурная политика России. Теория и история» (в соавт.), «Российская художественная интеллигенция XVIII — начала XX в.: картина мира и повседневность» и др.

² Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Ментальность и искусство», «Введение в теорию системных исследований искусства», «Художественная жизнь современного общества», «Введение в социологию искусства» (учеб. пособие) и др.; статей «Эстетическое как социальный феномен», «Эстетическое воспитание на современном этапе: теория, методология, практика» (в соавт.) и др.

³ Triandis H. C. Culture and social behaviour / ed. by McGraw-Hill. N. Y., 1994.

родителями и детьми, но и между детскими и молодежными субкультурами.

Восприятие феноменов новой культуры зависит от так называемой культурной дистанции: чем больше новая культура похожа на родную, тем менее травмирующим оказывается процесс адаптации. Исследователи даже ввели «индекс культурной дистанции», который включает язык, религию, структуру семьи, уровень образования, материальный комфорт, климат, пищу, одежду и др.¹ С его помощью установлено, что менее успешно в новых культурных условиях адаптируются представители традиционных и ритуализированных культур — корейцы, японцы, жители стран Юго-Восточной Азии.

Взаимодействие с чужой культурой, рассуждая теоретически, может иметь четыре результата:

— интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп сохраняет свою культуру, но одновременно устанавливает тесные межкультурные контакты;

— ассимиляция, когда группа теряет свою культуру;

— сепаратизм, когда группа, сохраняя свою культуру, отказывается от контактов с инокультурными группами;

— маргинализация, когда группа теряет свою культуру, при этом не установив тесных контактов с другой культурой².

В последнем случае человек превращается в своего рода «промежуточную личность» — маргинала, который теряет свою систему нравственно-этических координат, не обретая взамен другой полноценной системы. Этот деструктивный и весьма опасный для общества процесс может происходить под воздействием слишком мощного потока инноваций, неорганичных для данной национальной культуры. И тогда человек теряет связь с национальной культурой и историей, на место традиционной культурной оболочки заступают инстинкты, и прежде всего инстинкт выживания вместе с инстинктами разрушения, агрессии, острым желанием «отомстить» за свои неудачи. Источником маргинализации сегодня становятся глобальные культурные процессы, приводящие к нарастающему ослаблению связей личности со своей этнической средой, способной снабжать ее ясной картиной мира, а значит, системой норм, ценностей и стандартов поведения.

Глобализация культуры, ведущая к ее унификации, несет в себе риски не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. Дело в том, что этнокультурное разнообразие в современном мире выполняет много жизненно важных функций. Но наиболее общая ее задача — преодоление социальной энтропии, предотвращение социокультурной однородности. В связи с этим исследователь отмечает, что «широко распространенное на Западе представление, что культурное разнообразие — некий исторический курьез, который быстро исчезает в результате экспансии все-

общей, ориентированной на Запад, англофонной мировой культуры <...> является попросту неверным»³.

Системный подход убедительно подтверждает этот вывод. Действительно, давно уже установлено, что жизнеспособность сложных эволюционирующих систем зависит от их внутренней дифференцированности, своеобразия и богатства, заключенного в составляющих их элементах потенциала жизнеобеспечения. Один из основателей теории информации У. Р. Эшби назвал этот вывод «законом необходимого разнообразия», в соответствии с которым для своего выживания система может противопоставить разнообразию внешних воздействий только разнообразие своих реакций на эти воздействия, которое зависит от ее внутренней дифференцированности. Эту закономерность подтверждает и история. Известно, что чем примитивнее внутренняя структура общества, тем меньше у него шансов выжить. Для того чтобы быть устойчивым по отношению к социальным катаклизмам, потрясениям, внешнему давлению, общество должно иметь достаточно сложную структуру.

Резонно в таком случае допустить, что социально неоднородный, асимметричный, противоречивый мир — это мир нормальный и жизнеспособный. Следовательно, минувшие тысячелетия, на протяжении которых возникали и уходили в небытие страны, народы, государства и цивилизации, — не «предыстория» к гипотетической вселенской идиллии, а самая что ни на есть подлинная история человечества. А внутренняя разнородность — формационная, цивилизационная, культурная, этническая — нынешнего мира, обретающего признаки целостной замкнутой системы, это не беда, но благо, которым надо уметь грамотно распорядиться. А для этого нужно налаживать адекватные связи между элементами этой системы — странами, блоками, союзами и тому подобным, между цивилизациями, культурами, этносами. Именно многообразие современного мира придает ему устойчивость, делает его внутренне единым⁴.

Социальная история свидетельствует, что разные этносы ориентируются на разные подходы к решению возникающих перед ними проблем. Так, в одной культуре может доминировать страсть к деньгам, в другой — технические знания, в третьей — политические идеалы, в четвертой — вера в бессмертие. Вместе с тем в любой культуре следует проводить различие между характером и умом, духом и знанием. Ум и знание приобретаются в процессе жизненной практики, а характер и дух коренятся в самой сущности народа. Характер народа воплощается в традиции, которая составляет социокультурную и национально-историческую субстанцию человеческого бытия. Качества характера могут укрепляться, обогащаться и оттачиваться жизненной практикой, но не могут передаваться, в отличие от открытий ума и знаний, от одного народа к другому. Многое из того, что создается умом, например техника, по своей сути имеет универсальный характер. Ее применение не знает национальных или иных политико-

¹ См.: Лебедева Н. М. Социально-психологические проблемы аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 104–115.

² Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology : An international revue. 1997. Vol. 46 (1).

³ Howard M. America and the World. The Annual Lewin Lecture, 5 April 1984. St. Louis : Washington University, 1984. P. 6.

⁴ Баталов Э. Я. Единство в многообразии — принцип живого мира // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 22.

географических границ. Но судьбу народа в конечном счете определяет не столько ум, сколько его характер. И в этом смысле консервативные, трудноизменяемые культурные традиции — важнейший антиэнтропийный фактор в глобализационных процессах.

Вполне возможно, что различаются и естественные способности народов. «Можно смело сказать, — пишет Э. Геллнер, — что различные народности часто наделены от природы различными способностями. Утверждать, что все таланты распределены среди человечества поровну, — это все равно что представить себе землю совершенно плоской»¹. А потому для адекватного взаимодействия с миром человечеству необходима вся совокупность взаимодополняющих подходов. И чем эта совокупность разнообразнее, тем более успешно человечество будет отвечать на вызовы среды своего обитания. Это относится и к государственному устройству, выбираемому этносам. Ни один общественный строй в отдельности — «прогрессивный» или «реакционный», «левый» или «правый», «патриотический» или «космополитический», «сепаратистский» или «централистский» и так далее — не выражает интересов всего человеческого общества. Это подходы взаимодополняющие, которые могут решать задачу оптимизации человеческого развития только путем компромисса. Как только один из них — все равно какой — возобладает абсолютно, он ликвидирует естественные плюралистические структуры человеческого сообщества, чем снижает его жизнеспособность и потому становится по существу антисоциальным². Никто не в состоянии предсказать ход истории, никто не знает, какие способности и качества понадобятся человечеству для выживания в будущем — близком и отдаленном. Следовательно, оно должно иметь в запасе богатый арсенал свойств, каждое из которых может потребоваться для адекватного ответа на вызовы истории — социальной и естественной.

Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц писал об этом: «Именно разнообразие культур имело решающее значение для высшего развития человечества. Оно привело к тому, что различные культуры вступали в соревнование друг с другом в различных областях и с различными средствами. Они ели разную пищу, пользовались разными орудиями и сражались разным оружием. Эта форма соревнования культур, преобладавшая в прежние времена, была одним из важнейших факторов, вырабатывавших у людей интеллект, подвижность ума, изобретательность и т. п. В высшей степени вероятно, что уже в раннюю эпоху такие факторы имели решающее значение для быстрого увеличения большого головного мозга...»³

Ныне же в процессе глобализации «границы между культурами размываются и исчезают, этнические группы во всем мире стремятся слиться в единую общечеловеческую культуру. Этот процесс на первый взгляд может показаться желательным, поскольку он способствует уменьшению взаимной ненависти наций. Но наряду с этим уравнивание всех народов имеет и другое, уничтожающее действие: если все люди всех культур

сражаются одним и тем же оружием, конкурируют друг с другом с помощью одной и той же техники и пытаются перехитрить друг друга на одной и той же мировой бирже, то межкультурный отбор теряет свое творческое действие»⁴.

В свое время философ К. Леонтьев, создавая оригинальную теорию циклического развития, ввел в науку поэтический термин «цветущая сложность», которая, по его словам, есть «вершина развития — воплощает как раз торжество насыщенного разнообразием единства, основанного на той или иной общей внутренней идее. В цветущем государстве — это многосословность, социальная многослойность, многокорпоративность, многоукладность, даже разноплеменность, “разнохарактерность областей”, сложная “бытовая узорность”, пестрота нравов, вкусов, обычаев, разнообразная самобытность всякого местного творчества»⁵. Как утверждал другой философ — Вл. Соловьев, разные национальности «должны существовать и развиваться в своих особенностях, как живые органы человечества, без которых его единство было бы пустым и мертвенным, и этот мертвый мир был бы хуже войны. Истинное единство и желанный мир человечества должны основываться не на слабости и подавленности народов, а на высшем развитии их сил, на свободном взаимодействии восполняющих друг друга народностей»⁶.

И, наконец, еще одна цитата: «Все культуры формируют часть общего единого наследия человечества. Пренебрежение культурой или разрушение культуры какой-либо группы населения Земли — это потеря для всего человечества». Это слова из Декларации о международной культурной политике. Но, как известно, множество народов исчезло, оставив лишь туманный след в культуре своих более долговечных соседей. Перестали существовать протославяне — вятичи, кривичи, дреговичи, поляне, но возникли русские, украинцы, белорусы. Все живые современные культуры исторически менялись, вбирая в себя элементы иных культур. Поэтому пытаться противодействовать подобным влияниям — занятие бессмысленное, обрекающее культуру на неизбежную деградацию.

Тем не менее, как уже отмечалось, нужно заботиться о том, чтобы культурное взаимодействие не приводило к усреднению культур, то есть к разрушению специфической этнической картины мира. Конечно, для грядущих поколений распад старой картины мира, ее модернизация, приспособление к вновь открывшимся реалиям может оказаться не только благом, но и условием выживания. Но если ситуацию рассматривать с точки зрения современников, живущих с детьми и родителями в эпицентрах социальных и этнических катаклизмов, то для них такая радикальная смена картины мира может стать настоящей катастрофой. Вот почему отказ государства от поддержания национальной картины мира — это политика, ставящая под угрозу ядро национальной культуры, а следовательно, и культуру в целом.

⁴ Лоренц К. Указ. соч.

⁵ Глушкова Т. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» // Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992. С. 20–21.

⁶ Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев Вл. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 473.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 151.

² Жерихин В. Искажение мира // Нева. 1991. № 8. С. 152.

³ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 415–416.

Л. Н. Соловьева¹**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Общая культурная ситуация начала XXI века во многом обусловлена транзитивными процессами, связанными с переходом человечества на новую ступень цивилизационного развития — информационную, а также активными глобализационными процессами, радикально изменившими облик постсовременного мира. Повсеместное внедрение и использование современных информационно-коммуникативных технологий, телекоммуникаций и сети Интернет, модемной и факсимильной связи, электронной почты, новых технологий телевизионного вещания сопровождают построение современного информационного общества и переход к иной культурной формации. Расширение сфер применения технических и технологических инноваций, появление новых технологий, формирование единого информационного пространства породили неоднозначные и нетривиальные формы социокультурного развития, исказив социальные нормативы и ценностные ориентации, обострив противоречия между традиционным и современным.

Особую роль в современном социокультурном развитии играет глобализация — достаточно противоречивое явление. С одной стороны, заключая огромный интеграционный потенциал, она способствует все более активной межкультурной коммуникации в рамках единого коммуникативного пространства, делая культуры доступными и открытыми для диалога. С другой стороны, очевидна и ее обратная сторона — дезинтеграционная: глобальная коммуникация, функционирующая на основе универсального языка, общих стереотипов и ценностей, способствует стиранию различий между базовыми элементами традиционных культур, постепенной утрате этнической идентичности и разрушению традиционной культуры, порождая как следствие локализацию, этнокультурный ренессанс, этническую напряженность и конфликты.

Таким образом, очевидным парадоксом, аккомпанирующим становлению информационного общества, является активизация традиционного, этнического. Принципы межкультурного взаимодействия, выработанные эпохой модерна, сегодня оказались несостоятельными и утратили статус универсальных. Для постмодерна, наоборот, характерны плюрализация культуры, локализация ее смыслов, усиление значимости особенного в противовес общему, что находит отражение в «дискурсе меньшинств», охватывающем все локальные и маргинальные явления, начиная от сексуальных меньшинств и заканчивая национально-этническими². Именно инновационный потенциал многообраз-

ных культур в настоящее время может быть востребован для противостояния разрушительным тенденциям. В связи с этим гарантом будущего стабильного общества, на наш взгляд, может выступать именно межкультурный диалог, позволяющий осмыслить не только собственное бытие, но и бытие культуры.

Спектр интерпретаций концепта «диалог» в современном научном дискурсе достаточно широк. Будучи одной из форм межкультурного взаимодействия, диалог представляет собой полисмысловой феномен, реализующий потребность в общении с культурой, ее обычаями, традициями, их носителями³. По нашему мнению, адекватными информационным вызовам современности являются именно те определения диалога, в которых фиксируется его информационный потенциал, связанный с коммуникативным взаимодействием, а также феноменологический, предполагающий обмен между персональными ценностями, мирами, сохраняющими свои особенности, осуществляющийся в процессе понимания одного человека другим. Вместе с тем если субъектами диалога выступают не личности, а культуры, то данное понятие утрачивает часть своих значений, характеризующих его как философскую категорию, и приобретает черты и характер философской идеи, отражающей предмет в аспекте идеала. Так, в условиях построения новой информационной реальности концепт «диалог» постепенно утрачивает статус сугубо теоретической категории, описывающей только речевые конструкции, и обретает социально-политические и этические коннотации, выступая особой стратегией действий. Как справедливо отмечает Н. С. Автономова, сегодня диалог все чаще выступает способом разрешения всевозможных сложностей в процессе межкультурного, межкультурного, межконфессионального общения. Именно к диалогу апеллируют современные исследователи, изучающие многоаспектные процессы глобализации⁴.

Важным следствием становления информационного общества является глобальное информационное пространство, лишенное условностей, ограничений, обеспечивающее беспрепятственную и мгновенную связь коммуникантов. Предполагается, что в ближайшем будущем основным типом культуры станет сетевая культура, в пространстве которой все виды человеческой деятельности будут осуществляться в виртуальной среде. Несомненно, что современное человечество развивается по пути расширения взаимосвязей различных культур и особая роль в этом процессе принадлежит сети Интернет — виртуальному пространству символической коммуникации, существующему параллельно с материальным миром и реальной коммуникацией. Всемирная паутина представляет

¹ Доцент кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), кандидат философских наук. Автор 67 научных работ, в т. ч.: «К проблеме диалога культур в обществе всеобщей коммуникации», «Трансформация коммуникативных стратегий в глобальном информационном пространстве», «Новая информационная реальность и постчеловек», «Межкультурный диалог как основание поликультурного пространства Северо-Кавказского региона», «Информационное общество: теоретико-методологический конструкт» и др. Член Российского философского общества.

² Костина А. В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном

обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 31.

³ Черникова В. Е., Волова Л. А. Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве: основные черты и особенности. Питер: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 7.

⁴ Автономова Н. С. От трудностей межкультурного диалога к проблеме понимания и перевода // Человек в мире знания: К 80-летию В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2012. С. 298.

собой амбивалентный феномен, обуславливающий, с одной стороны, интернационализацию, с другой — регионализацию — формирование внутренних сетей на основе не глобального, а локально-регионального. В пространстве Сети беспрепятственно осуществляется взаимодействие многообразных виртуальных сообществ — новых коммуникантов, в том числе национальных и этнических сообществ, практикующих, помимо всего прочего, и новые способы вербальных практик, устанавливающих смыслы этнонационального и локально-специфического. Парадоксально то, что присущая традиционной культуре реальная коммуникация в настоящее время все чаще замещается символической: наряду с сетевой литературой и искусством получает распространение и сетевой фольклор.

Единое информационное пространство, функционирующее на основе общих правил, стереотипов, норм, унифицирующих всех участников коммуникативного действия, порождает ситуацию культурного пограничья, когда человек утрачивает связь с собственными культурными константами. Распространение информационной культуры приводит к возвращению и актуализации тех аспектов межкультурного взаимодействия, где признается ценность различия, а наиболее устойчивыми оказываются ценности, основанные на едином опыте, связанном с ощущением преемственности поколений, общей памятью, чувством общей судьбы. Тому подтверждением являются слова академика Д. С. Лихачева, который, рассуждая о духовной преемственности, отмечал, что «сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окру-

жающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной»¹. Действительно, в кризисные периоды именно обращение к элементам традиционной культуры оказывается спасительным для человека, что подтверждается в настоящее время посещаемостью сайтов, посвященных традиционному материальному и духовному наследию.

Таким образом, следует заключить, что в условиях перехода к информационному обществу человечество оказалось в ситуации поиска нового образа мира, новой социальной реальности, новой культуры, а проблема диалога культур приобрела особую значимость. В глобальном информационном пространстве разрушаются традиционные ценности, утрачиваются общепринятые модели поведения, что деструктивно воздействует на человека и его культуру. Спасение человечества видится только в осознании своего единства посредством отождествления себя с конкретным культурным типом. В электрическом информационном пространстве в условиях плюрализма культур именно конструктивный потенциал межкультурного диалога позволяет установить контакт между прошлым, настоящим и будущим, сконструировать те общие смысловые пространства, в которых может осуществляться не только взаимодействие, а прежде всего понимание.

Е. А. Спирина²

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Современная ситуация постмодерна, в отличие от модерна, характеризуется свойством множественности «жизненных миров». Действительно, проблема культурного многообразия обусловлена конкретными процессами, протекающими сегодня в мире. Об этом говорит У. Эко, проводя параллели между настоящим временем и Средневековьем, ибо и тогда, и сейчас произошло грандиозное культурное смешение. Он отмечает, что в современной Европе происходит миграция, сравнимая с ранней индоевропейской миграцией с Востока на Запад или же с вторжением варваров в Римскую империю и образованием романо-германских государств. «Лет через сто Европа может стать континентом цветных. Это еще одна причина, по которой надо быть готовым в культурном отношении принять многообразие,

принять смешение разных народов, принять этот беспорядок, — иначе нас ждет полный провал» [2, с. 20].

И. Гердер считал основным способом сохранения межкультурного многообразия взаимодействие культур. Каждая культура развивается во взаимодействии с другой, и великие культурные явления рождаются только в диалоге. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 98–99].

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 тыс. человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте [5, с. 44].

¹ Лихачев Д. С. Избранное о культурном и природном наследии // Экология культуры. М., 2000. С. 11–12.

² Доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств, кандидат культурологии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Формирование основных принципов мультикультурализма в коммуникативном пространстве (период Великого княжества Литовского)» и др.

Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К. Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония [4, с. 184]. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. Ключевой статус этой проблемы в современных государствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, кому свойственно определенное мировоззрение, на котором строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможности замены ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознаны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры — и, возможно, негативные. Как известно из истории, ценности народов, входящих в царства и империи прошлого, серьезно отразились на основном ценностном каркасе доминирующей культуры и способствовали ее упадку. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

В современном мире тенденции *культурной универсализации*, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей. Глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте — это создание мирового сообщества для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно раствориться в доминантной культуре. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако, с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру — западной цивилизации. Этот принцип однополярности мира не нов: исторически сложилось так, что несколько наиболее развитых культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на периферии. В силу подражания центрам периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она — отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно — утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и тому подобное, что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп. Этот процесс не нов, в определенной мере он существовал всегда — с тех пор, как народы стали контактировать между собой. Но никогда ранее идентичность не была такой ценностью, как перед угрозой растворения в «теле» единой мировой культуры. Именно поэтому в современном сообществе начал активно проявляться феномен всплеска этнической идентичности, или этнический бум. Причина этому — активное навязывание культурных образцов «центрами» и, как следствие, ощущение распада групповых идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее самостоятельной культуры. В свою очередь всплеск этнической идентичности неизбежно сопровождается агрессивными реакциями в отношении группы, взявшей на себя функции экспортера ценностей.

В ответ на это представители *партикуляризма* делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, единственно возможный путь — «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракций «на расстоянии». Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку каждая культура органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями. Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и неприятия чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты. Подводя итог, можно сказать, что, на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

В свете дилеммы «универсализм—партикуляризм» культурная ситуация XX—XXI веков одновременно центростремительна и центробежна: этнокультурные группы, с одной стороны, пытаются прийти к согласию и созданию единого сообщества, а с другой — стремятся локализоваться. Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше. Поэтому сегодня в этом отношении на первый план выдвигаются две основные проблемы:

— как этнокультурной группе сохранить свои ценностно-смысловые установки, а следовательно, свою идентичность на инородной территории;

— как титульному этносу не потерять способность к сохранению собственной идентичности и не стать лишь одной из разнородных групп в мультикультурном сообществе.

Именно несовпадение разновекторных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождают конфликтные взаимодействия этнокультурных групп, с одной стороны, и титульного этноса — с другой.

В связи с этим приблизительно с 70-х годов XX века многие страны оставляют не увенчавшиеся успехом усилия добиться этнокультурной гомогенности общества и провозглашают своим идеалом интеграцию без ассимиляции. На общество начинают смотреть не как на культурное единство, а как на совокупность равноправных этнокультурных и этноконфессиональных сообществ. Такая направленность исходит из стратегии мультикультурализма.

В основе модели мультикультурализма лежат три принципа:

— признание государством культурного плюрализма как важнейшей характеристики гражданского общества;

— устранение препятствий, мешающих социализации маргинальных этнокультурных групп;

— поддержка воспроизводства и развития разных культур.

В связи с этим мультикультурализм необходимо рассматривать как «золотую середину» между крайними полюсами: универсализма и партикуляризма, как консенсус в межкультурном диалоге, а точнее полилоге. Для мультикультурализма характерно стремление «снятия» напряжения между полюсами локального и универсального. Он утверждает уважение к разли-

чиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности.

Необходимо отметить, что введение мультикультурной политики в различных государствах было ориентировано на решение разных проблем. Кроме того, любая мультикультуралистическая модель с необходимостью строится на фундаменте ценностей, идей и идеалов конкретного общества. Поэтому и мультикультурные политики существенно отличаются от страны к стране. Единой стратегии мультикультурализма нет и не может быть не только по экономическим, политическим, социальным причинам, но и — главное — из-за ценностных установок государств, которые во многом определяют экономику и политику. «Общий», «абстрактный» мультикультурализм, мультикультурализм «как таковой» мог бы проповедовать некие универсальные ценности, приоритеты, принципы для всех государств, но при этом каждое из них должно разрабатывать и внедрять свою индивидуальную стратегию с учетом собственной специфики.

Политика мультикультурализма противостоит дискриминации, угнетению и подчеркивает индивидуальное достоинство, присущее всем. «Данная концепция выполняет функцию, обеспечивающую климат доверия» [3, с. 162]. На наш взгляд, именно эта задача является наиболее приоритетным условием развития современного мира и сосуществования в нем множества народов и культур.

Литература

1. *Горобинский М. О.* Михаил Бахтин: парадоксы диалогического отношения к монологической культурной традиции / М. О. Горобинский // *Культура и традиции* : сб. науч. тр. — Екатеринбург ; Нижневартовск, 1995. — С. 98–107.
2. *Малахов В. С.* Парадоксы мультикультурализма / В. С. Малахов // *Иностранная литература*. — 1997. — № 11. — С. 19–27.
3. *Паин Э. А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э. А. Паин. — 2-е изд., доп. — М. : Нов. изд-во, 2004. — 358 с.
4. *Янг К.* Категории культурного многообразия / К. Янг // *Этнос и политика* : хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. — М., 2009. — С. 184–189.
5. *Giddens A.* *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 349 p.

Л. Г. Титова¹

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Культура — самый сопротивляющийся материал. Какие бы изменения ни происходили в мире и обществах, нечто иррациональное, бессознательное, остается в глубинах сознания людей, которое начинает выявляться в значимые периоды истории. Культура — самый гибкий способ реагирования на изменения, которые происходят в мире. И то, и другое утверждение верно, пока сохраняется народ — носитель культуры, сохраняется сама культура — генетический код нации. Пока народ реагирует на меняющуюся реальность и способен к творческому труду, растет и способность обществ к развитию. Благодаря развитию науки, образования, искусства усиливаются мировые интеграции: сближение народов способствует их взаимному обогащению.

Циклы культурного развития каждый раз стимулируют новый виток прогресса цивилизации, создают новые условия для научно-технического, социального и нравственного прогресса, удовлетворения растущих потребностей населения, вовлекают все новые страны и народы в общемировые процессы. Глобализация в очередной раз ставит перед Россией вопрос о формах, способах, проблемах включения в общемировые процессы. Россия входит в глобальный мир, сохраняя свою культурную устойчивость, выраженную в развитом социальном начале, общности, которые помогли на протяжении веков сохранять целостность страны. Ее не смогли разрушить даже события последних десятилетий, когда суверенизация бывших советских республик начинала угрожать территориальным, социальным, политическим и нравственным распадом самой России. Неравенство народов, разнообразие традиций, взглядов, представлений, условий жизни, в том числе и климатических, создают множество препятствий для действительного сближения народов, объединения людей в новых исторических условиях, когда распалась общность «советский народ» и стали создаваться иные условия для цивилизационных взаимодействий внутри и вне страны.

Таким условием стала демократизация, закладывающая новые основы объединения народов России — путем равноправия, сближения этапов эволюции. Сохраняется и существовавшее ранее уважение народов к своим историческим особенностям, доверие, сохраняющаяся привычка сожительствовать на огромной территории разных этносов, конфессий, объединенных общим языком, историей, психологией и культурой, отчего представитель каждого этноса, проживающего на территории страны, без особого напряжения считает себя человеком русской культуры.

Вступать в диалог культур Россия может, решая следующие задачи:

— развития гуманитарных начал российской культуры;

— формирования свободной, наделенной правами личности;

— преодоления социального неравенства, ограничивающего возможности человека активно подключаться к ценностям отечественной и мировой культуры;

— опоры на национальные культурные ценности при нейтрализации воздействия массовой культуры, информационных войн и политических манипуляций.

Анализируя культуру в эпоху глобальных изменений, сложно вскрыть те непроявленные свойства, неуловимые процессы, которые идут в недрах культуры и находят внешнее выражение в результатах, часто далеких от предполагаемого, мыслимого и предвиденного, рождая ценностные конфликты в общественном сознании. Трансформации культур могут иметь разную направленность и создавать либо ограничивать прогрессивные устремления людей, способствовать или препятствовать росту духовной составляющей.

В целом эволюция культуры в эпоху глобализации создает возможности расширения и углубления когнитивных способностей человека, перед которым раскрываются новые стороны коммуникаций, взаимодействий, ценностей и смыслов, обогащенных культурами разных народов, однако реализация этих возможностей всегда определялась спецификой стран, социально-психологическими особенностями населения.

В анализе диалога культур в эпоху глобализации необходимо учитывать факторы, создающие новые прецеденты в развитии культуры; ключевые моменты, правильный выбор которых позволит решать задачи культурных взаимодействий.

Первой и наиболее важной задачей российской науки стало отслеживание особенностей российского менталитета, проблем идентификации, возможностей действия в новых исторических условиях каждого россиянина. Равноправное сосуществование культур в мировом сообществе возможно при условии укрепления единства страны, предоставления всем, кто ее населяет, реальной возможности к развитию, социального равенства. Основная роль в этом процессе принадлежит государству, которое должно взять на себя роль в перераспределении богатств страны для развития многообразия культур, творческих способностей народов, проживающих на его территории, потенциальных индивидуальных возможностей людей.

Культура в период глобализации испытывает давление со стороны традиций, коммерции, власти; личность испытывает давление со стороны власти, сложившихся социальных отношений и нравственных норм. Расширение информационного пространства обнаружило и манипулятивные возможности средств массовой информации, влияющих на массовое сознание путем

¹ Заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Политический процесс в современной России и механизм его функционирования», «Политическая власть в современной России: проблемы развития и совершенствования», «Технология власти», «Современная российская политика» и др.

формирования общественного мнения, создания социальных стереотипов. Развитие массовой культуры стало глобальным явлением быстрее, чем обогащение населения подлинно культурными ценностями.

Только осознанно участвуя в культурных процессах, население может ощутимо и эффективно влиять на дальнейшее развитие мировой и национальных культур. Сегодня человечество проходит точку невозврата — уход в виртуальное пространство Интернета, в массовые ценности чреват потерей гуманитарного начала в культуре. Для этого мировому сообществу, правительствам необходимо придавать приоритетные значения созданию эффективной системы образования и воспитания личности, обучению масс, привлечению их к активному участию в культурных процессах, к созданию новых ценностей, способных органично войти в культурный фонд нации.

Достойное вхождение нации в диалог культур возможно при ее уважении к собственной культуре, которое в немалой степени определяется степенью единства нации, ощущением принадлежности к своему народу.

Единодушные части населения по поводу присоединения Крыма, успехи Олимпиады и Паралимпиады, реанимировавшие ощущение национального единения, которое считалось потерянным в перестройках, реформах и многочисленных политических манипуляциях, — свидетельство потребности нации в самоуважении, возрождении чувства национального достоинства.

Присоединение Крыма повлекло за собой структурные и институциональные изменения в территориальном устройстве страны, но главным стало ощущение национального единства, которого так не хватало в последние годы, недоставало осознания своей национальной принадлежности. Присоединение Крыма, Олимпийские и Паралимпийские игры не случайно стали главными национальными событиями, так как дали возможность проявиться сохраняющейся в генетическом коде нации устремленности к совместности.

Различия в национальных менталитетах стали одной из причин расхождения западноевропейской и российской оценок украинских событий.

Западные политики исходят от представлений о рыночной стоимости отошедшего от Украины района, обвиняя Россию в аннексии и оккупации, в то время как этот беспрецедентный вызов, столкнувшись с национальными ценностями и национальным самосознанием, показал, какие возможности кроются в интеграции, основанной на чувстве патриотизма и возрождающейся нравственности, стремлении людей к поддержке и сочувствию. Опасения из-за экономических и социальных последствий украинских событий вряд ли бы существенно изменили отношение к ситуации.

Объективные трудности диалога культур могут быть преодолены при условии решения проблем неравенства — не только социального и экономического, но и статуса стран в мировом сообществе: независимо от ментальных, конфессиональных, национальных, культурных различий каждая страна, так же как и каждая личность, имеет право на уважение и признание.

Каким же образом вступает страна в глобализирующийся мир? Будут ли особенности национального сознания способствовать тому, что общество воспримет рождающийся новый универсализм культур или отторгнет его как нечто чужеродное массовому и индивидуальному мировосприятию? По всей видимости, немаловажную роль сыграет исторический опыт страны, эффективно ассимилирующей различные культуры Востока и Запада и органически соединяющей их, рождая *уникальную по своим интегрирующим возможностям культуру*.

Однако обстоятельства экономического, социального и политического характера могут приостановить реализацию идеи свободной личности, наделенной правами и свободами, осознающей свои обязанности перед обществом, способной к инновационной деятельности.

Кардинальные социальные изменения, происходящие в стране, прозападная позиция политической элиты, снижение уровня общей культуры молодежи, разрушение сферы образования создали серьезную угрозу генному российской цивилизации, системе моральных ценностей и гуманитарным основаниям российской культуры. Радикализация социально-экономических и политических процессов затронула сферу культуры, разрушая ее общечеловеческое начало.

Экономические условия жизни россиян ограничивают их возможность индивидуально включаться в инновационные процессы: значительная часть населения бедна, способна к реализации первичных потребностей, выживания. Бедность лишает людей творческого потенциала, который мог бы проявиться в полной мере в других обстоятельствах. Более того, она создает устойчивые группы бедных — так социальное неблагополучие переходит от поколения к поколению, и уже дети бедных вновь воспроизводят бедность.

Социальным обстоятельством является углубляющаяся социальная дифференциация общества, результатом которой становится резкое противопоставление одной части населения другой. Незрелость среднего класса создает неустойчивую социальную структуру, в которой возможны быстрые переходы из благополучного состояния в неблагополучное.

С окончанием холодной войны, ускорением научно-технического прогресса началась новая информационная и технотронная эра, время открытых обществ, сопровождающихся противоречиями: рост благосостояния сопровождается усилением социального расслоения населения, создание новых идеалов и ценностей влечет отказ от старых, традиционных, что придает модернизационным процессам вид социальной травмы — растет уровень конфликтности общества. Потребность в творчестве в российском обществе возрастает многократно в силу появления новых вызовов информационного общества, роста потребностей населения, изменения в социальных и экономических укладах, социальных отношениях — однако сфера образования, призванная формировать творческую, способную к инновациям личность, существенно отстала от потребностей информационного общества. Пример с ЕГЭ демонстрирует те трудности, которые стоят на этом пути:

ошибочная с самого начала система подготовки привела к тому, что знания современных учащихся фрагментарны, неглубоки, большинство из них не способны к логическим умозаключениям, к ассоциативному мышлению — ко всему, что закладывает творческое начало в развитие личности.

Таким образом, проблемы глобализации обнаруживаются не только там, где речь идет о разрушительных последствиях экологических катастроф, демографических перекосов, социального неравенства в мировом масштабе и т. д. Неравенство стран, недалёковидная политика некоторых национальных элит, лоббирование интересов транснациональных корпораций, геополитические амбиции затрудняют возможность объединения в мировом масштабе для решения самых острых

проблем. Более того, экономические, политические и геополитические интересы заставляют правительства стран Западной Европы и США вести информационную войну против тех стран, которые попадают в сферу этих интересов. Манипулятивные техники, широко используемые в современной политической практике, все в большей степени сужают поле культурного кругозора личности, активно вовлекают ее в массовую культуру.

Прорывы в цивилизованную глобализацию, основанную на ценностях гуманизма и прогресса, возможны при условии решения задач развития национального самосознания и культуры, движения к подлинной свободе и правам личности, к развитию общества.

А. В. Шабанов¹

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Отчуждение в системе диалектики противоречия носит неоднозначный характер (одна из антиномий бытия — «целое = всё, часть = ничто; часть = всё, целое = ничто» — очень четко показывает, насколько тотально и даже тоталитарно могут проявлять себя конфликты культурной глобализации и регионализации культур). Есть две культуры в каждой культуре, — писал В. И. Ленин; М. М. Бахтин отразил их как «высокую» и «низкую», оправдывая особую ценность демократичности последней; Д. С. Лихачев показывал «качественность» высокой духовной культуры, ее важность, несмотря на явное превосходство «количества» культуры низкой, обыденной, бытовой. Ю. Лотман расширял понятия высокой культуры как определяющего интеллигенцией системного многообразия, отражающего культуру народа и страны. С. Хантингтон, наоборот, говорил об упрощении культур на уровне *сродственных* цивилизационных маркеров, которые и заставляют страны и народы отражать определенные качества и отличать себя от «других».

Впервые можно применить категорию отчуждения в призме социальных пространств (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Т. Гоббс, К. А. Гельвеций — теории «общественного договора») через внешние и внутренние факторы, позволяющие говорить о конфликте отчуждения в обоснованиях таких феноменов, как *«идеология отчуждения»* и *«образ врага»*.

Однако как только производится рефлексия общества над самим собой (одно из определений социологии Т. Адорно), возникают новые дробления социально значимой матрицы: культура, субкультура, конкркультура и антикультура. Эти части целого скорее становятся архетипами отчуждения, нежели институциональными матрицами, формирующими конфликт философов социальных пространств. Для снятия этого

конфликта была предложена идея *глобализации мира локальных противоречий*. В этом мире мелкие конфликты имели бы возможности быстрых разрешений, а возможность крупных конфликтов была бы сведена на нет (И. Кант — республика республик; К. Маркс — коммунистическое общество; А. Бергсон и К. Поппер — открытое общество).

Мы снова оказываемся в ситуации антиномии: целое предшествует частям или части предшествуют целому? Глобальная культура, компилируя из довольно сложных разнокультурных пространств, согласно диалектике перехода, упрощается. Эффект познания другого через незнание себя приводит к дальнейшей дегуманизации искусств и культур локального характера (внутренняя и внешняя варваризация, «очуждение» социальных пространств), которые позволяют нам сегодня наблюдать эффект сродный гибели культуры греко-римского мира в эпоху крушения Римской империи и становления периода «темных веков» раннего Средневековья.

Отчуждение в личном пространстве и внутриличностное отчуждение могут проходить по трем диспозициям: «объективные» индикаторы (место рождения, регистрация, национальность, гражданство и т. п.); социально-статусные характеристики (например, имущественное положение, образование, профессия) и ролевые наборы (иерархия и членство в первичных группах, неформальных структурах, социациях). Современные тенденции глобализации де-юре призваны снять все эти диспозиции, таким образом полностью решая проблему «своих» и «чужих».

В таком случае мы можем напрямую столкнуться с другим феноменом отчуждения личности — социальной смертью, то есть выпадением из социального пространства и контекста культуры, влекущим забвение актуальной части личности (имя, образ, отказ от субъектности (Э. Фромм); отвержение норм/идеалов/ценностей (Я. Морено); утрата социальной идентичности (В. А. Ядов); потеря свободы (Р. Парк)).

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук, кандидат психологических наук. Автор свыше 120 научных публикаций.

Отчуждение становится частью социального пространства конфликта, когда очередное дробление и синтез частей вообще не приводят к пониманию целого: если *общество* = цивилизованные люди, яркие индивидуальности, личности, тогда *толпа* = сборище варваров, простолоудинов. Однако в XX веке появляется понятие «аудитория», то есть общество, которое готово внимать (а по возможности и обсуждать) определенным темам, ставить проблемы, задавать вопросы (отвечать на вызовы времени в конце концов). Но давайте посмотрим, насколько отвечает определение середины XX века тем характеристикам, что отражает в себе современная аудитория (из чего складывается матрица идентичностей индивида той или иной аудитории). Аудитория — совокупность малых групп (целевые группы), члены которых связаны между собой информационным взаимодействием (контент) и совершают активный выбор коммуникационного поля (рейтинг).

Понятия «контент» и «рейтинг», «IT» были незнакомы Х. Ортеге-и-Гассету, однако он, оперируя понятиями «стандартизация», «новое искусство», «упрощение», описал перспективы *дегуманизации «эстетической реальности»* человека.

Нищету духовной жизни начинают восполнять гаджеты, эргономика, престиж, иллюзии комфортабельности, зрелища — псевдоморфозы, то есть суррогаты

культуры (гламур — глэм — глум(ление) над окружающими и над собой). Нищету личности восполняют «престижный символизм» (симулякр) и поиски себя в иерархических социальных структурах (образ «я» — зеркальное «я» или «значимый Другой» — имаго — имидж). Возможно, в этом и кроется сегодня кризис философии как научной дисциплины, которая вызывает неприятие студентов и слушателей из-за схоластической отстраненности от реалий действительности.

Искажение информационного поля, превращение его из *знания в престижный товар* (с истиной «где-то посередине»). Что это может значить? Динамика отчуждения собственного «я-настоящего» и замена его на «я-непохожее». Конфликт идентификации? Но даже конфликт сегодня есть часть политики потребления, так как сенсации и скандалы являются основным средством привлечения внимания, гипнотизации массового потребителя (*суммы целевых аудиторий*).

Но если целое есть сумма частей или антиномия «*целое есть нечто большее, чем сумма частей*», то не заменяем ли мы глобальную культуру глобальным бескультурьем? А если «да», то, возможно, мы в данный момент представляем собой «последних римлян», которым не суждено в ростках постсовременной новой культуры сквозь многочисленные тернии, деформации и искажения увидеть иное и уж тем более прозреть семена будущего Возрождения?

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Б. В. АКСЮМОВ профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- М. К. ГОРШКОВ директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук
- А. В. ДМИТРИЕВ главный научный сотрудник Института философии РАН, советник РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии
- С. Ю. ИВАНОВА главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Т. В. КУЗНЕЦОВА профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- А. П. ОХОТА психолог-консультант Национального открытого университета России, кандидат психологических наук
- С. В. ПОПОВА доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук
- А. П. САДОХИН профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- С. В. СНАПКОВСКАЯ заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
- Л. Г. ТИТОВА заведующая кафедрой конфликтологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Как председатель Оргкомитета Чтений я хочу, во-первых, официально поприветствовать вас, пожелать успехов в работе и поблагодарить за участие, а во-вторых, обратить ваше внимание на ряд содержательных моментов.

Каждый из нас является специалистом в определенной сфере деятельности и разрабатывает ряд тем, которые нам лично очень интересны. Но я хочу еще раз повторить то, что говорил многим в процессе подготовки докладов: Лихачевские чтения не предназначены для популяризации предметов наших личных увлечений, а также для того, чтобы произносить с этой трибуны фрагменты своих лекций или призывать обратить внимание на те или иные животрепещущие вопросы. У Лихачевских чтений есть своя вполне определенная миссия, отличающая их от узко-профессиональных, специальных конференций. Например, если ваши научные предпочтения включают такую тему, как презумпция невиновности, то рассмотрите этот вопрос с точки зрения диалога культур: как она развивается в историческом процессе, как переосмысливается в разных культурах, как сталкивается с нашим менталитетом, каков опыт реализации понятия «презумпция невиновности» в тех или иных странах, — тогда мы скажем о том, как презумпция невиновности участвует в диалоге культур и является примером осуществления этого диалога. То же самое касается экономических проблем, конфликтов и т. д. К примеру, семейный конфликт является предметом конференции по диалогу культур? Скорее всего, супруги принадлежат к одной и той же культуре, но просто один из них лучше воспитан, а другой — хуже, или не сошлись характерами. Но если мы выявим в этом конфликте столкновение культур, тогда это наша тема. Так же и проблему образования мы либо рассматриваем в контексте диалога культур, либо вообще не обсуждаем.

Я хочу предостеречь участников от увлечения своими любимыми предметами и призываю поговорить на общую тему, поскольку нам важно, чтобы каждый раз от Чтений к Читаниям представители разных областей научного знания вносили определенный вклад в развитие общей проблематики. То, о чем я сейчас говорю, это не проблема отдельных участников научного процесса, а проблема отечественной и мировой науки вообще. Когда я написал очередную книгу о Дмитрии Лихачеве, там было предисловие одного из крупнейших историков Древней Руси академика Янина, который отметил, что последние энциклопедисты в науке умерли более 150 лет назад. Лихачев одним из первых ученых почувствовал необходимость возврата к энциклопедизму, потому что наука постепенно переходила к изучению все более и более частных вещей, и эти частные явления, утрачивая общую связь с изучением культуры, научным осмыслением всего, что происходит, становились более ущербными. Поэтому, на мой взгляд, сегодня каждый ученый должен предмет своих исследований пытаться внедрить в контекст широкого знания, общенаучной картины мира, которая, как

известно, в общем виде складывается из двух составляющих — естественно-научной и общегуманитарной. Для исследования специальных проблем в каждой науке существуют мощнейшие институты Российской академии наук. Возьмите любую частную проблему в науке — и сразу в Академии наук можно найти тех, кто этот вопрос исследует. Миссия университетов — дополнить институты Академии наук и вернуться к своей изначальной функции — формированию интегрального знания. Конечно, это особенно важно для студентов, потому что было бы странно, если бы студенты владели современным универсальным знанием, а педагоги, профессора теряли эту связь. Каждый из нас, и я в том числе, ощущает эту проблему на себе. Афоризм Козьмы Пруткова «Специалист подобен флюсу», конечно, шутка, но я сразу примеряю это на себя и думаю о том, что, наверное, какие-то пласты упущены и мои исследования надо вставить в общий контекст широких исследовательских парадигм.

В конце своего выступления еще раз прошу авторов обратить внимание на мой призыв: мы проводим Лихачевские чтения каждый год, и хочется, чтобы у нас была четкая магистральная линия и мы с вами еще не раз встретились в этой аудитории. Спасибо.

Е. И. МАКАРОВ: — Итак, начинаем работу второй секции. Слово предоставляется академику Михаилу Константиновичу Горшкову.

М. К. ГОРШКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги. Благодарю руководство Университета и широкую питерскую общественность за ежегодное проведение мероприятий подобного формата, что особенно важно и актуально в этом году, поскольку 2014 год, как вы знаете, объявлен в России Годом культуры. Это не значит, что мы провели мероприятие и забыли о самом явлении культуры. Нет, конечно же, но дополнительный импульс такие чтения, безусловно, придают. Неслучайно и в печати начинаются широкие общественные обсуждения «Основ государственной политики в области культуры», предлагается новый проект. Документ, на мой взгляд, даже в виде проекта получился немного неузкий, поэтому вызвал массу критических откликов. Постарайтесь его найти в Интернете, полюбите, почитайте, достаточно интересное чтение, если очень коротко и не по-научному выразиться — яркий пример смысловой эклектики, попытка соединить ужа с ежом. Поэтому, я думаю, вряд ли он трансформируется в серьезный, солидный государственный документ, он даже до Государственной Думы в таком виде дойти не сможет, не говоря уже о том, чтобы быть подписанным президентом. Естественно, возникает вопрос: а как выйти из этого положения, потому что культура — это явление, о котором рассуждает каждый из нас и каждый имеет свою позицию? В этом смысле угодить всем вкусам и направлениям культуры сложно, однако «схватить» в этом документе базовые, ключевые ценностно-смысловые парадигмы нашего бытия, на-

верное, можно и нужно, иначе зачем тогда его называть «Основами государственной политики в области культуры». Поэтому, на мой взгляд, политикам, специалистам, а также широкой творческой общественности, представляющей разные социальные и профессиональные группы населения, стоит приложить общие усилия, чтобы создать этот документ, иначе он просто не получится и будет написана очередная бесполезная бумажка.

Так что рекомендации и итоги работы наших Лихачевских чтений в этом году приобретают особый смысл. В частности, в Министерстве культуры ждут наших рекомендаций, с тем чтобы опереться на них и на серьезном интеллектуальном уровне противостоять, мягко выражаясь, не очень зрелым позициям, которые отразились в проекте этого документа. Это первое, что я хотел бы отметить.

Несколько слов о названии нашей секции. «Диалог и конфликты культур в эпоху глобализации» — в политическом контексте так вопрос ставить можно и нужно. С точки зрения, скажем так, проверки на философскую составляющую при попытке оценить смысл ключевого элемента в названии нашей секции тут есть о чем дискутировать. И мне хотелось бы, чтобы участники, которые будут выступать на секции, обратили на это внимание. Что я имею в виду? Ведь культура как общественное явление по природе своей неконфликтна, но диалогична — на это стоит обратить особое внимание. Потому что существует разнообразие культур, но это не культура с культурой борются на самом деле, а культура и невежество — иные плоскости противостояния. Борются культура и политика, ибо суть культуры как таковой — в освоенности, понимании смыслоценностной парадигмы существования и бытия человека. Это некий стержень, вокруг которого все сообразуется в течение жизни. В этом смысл самой культуры. Но одни люди понимают это развитие, самокультуривание одним образом, через одну концепцию жизненной стратегии, другие — через другую, первые опираются на одни традиции и обычаи, вторые — на другие. В этом нет никакой катастрофы или трагедии, изначально здесь не заложен конфликт. Но в реальной жизни мы имеем дело с конфликтами, следовательно, кто-то привносит их в явления культуры. Поэтому следует разобраться, как и кто, с помощью каких механизмов заставляет культуры работать на площадке конфликта, — это совсем иной ракурс размышлений. Интересно услышать мнения и позиции наших дискурсантов на этот счет, потому что многое, что должно быть заложено в культурную политику современной России, основано на понимании именно этого вопроса. Как нужно вести себя в сфере культуры, чтобы поддерживать доминанту диалога и максимально снижать планку конфликтов? Здесь, конечно, не обойтись без обсуждения воздействия политического фактора, потому что политика, образно говоря, всегда «заигрывала» с культурой, понимая, что именно здесь заложен основной социальный ресурс саморазвития человека, общества и человечества в целом и его можно так или иначе использовать.

Еще одна сопутствующая тема для разговора: какова роль политики в усилении конфликтующей стороны в диалоге культур, когда взаимопонимание только налаживается и вдруг кому-то это становится неинтересно, кому-то — невыгодно, а кому-то, так сказать, поперек души, кто-то начинает завидовать, что один тип культуры стал «обгонять» другой. И начинается цепочка взаимодействий уже посредством конфликта.

Это только часть вопросов, которые вытекают из названия нашей секции. Не хочу обижать другие секции, но я считаю, что это одна из наиболее интересных и творческих площадок на Лихачевских чтениях. Поэтому с удовольствием ожидаю выступлений наших дискурсантов.

Е. И. МАКАРОВ: — По-моему, хорошее начало Вы положили нашей дискуссии. Если можно, я на правах ведущегоотреагирую на некоторые мысли, которые Вы высказали. Есть вещи, на которые надо, на мой взгляд, посмотреть несколько под другим углом зрения. К примеру, возьмем такую сферу культуры и отношений, как социально-трудовые отношения. Можно выделить несколько периодов их развития и в царское время, и в советское, и в наши дни. Каждому периоду был присущ определенный культурный диапазон. Но сегодняшний день приблизительно одинаково эта сфера выглядит во всем мире. Тем не менее теоретики в сфере конфликтологии говорят о том, что состояние конфликта в сфере социально-трудовых отношений детерминировано, то есть, по определению, стороны всегда находятся в состоянии конфликта. Единственная проблема в том, что в некоторых случаях это выходит на слишком острые социально значимые политические плоскости. И происходит взрыв такой энергии, которая выплескивается в том числе в большие, крупные политические события. Хочу подчеркнуть: изначально в любой культуре и отношениях заложен не очень явный, но очевидный потенциал будущего конфликта. Это ремарка по поводу того, что культуры не конфликтуют, а находятся в постоянном диалоге. Безусловно, для сосуществования стороны социально-трудовых отношений должны находиться в диалоге — без этого не удастся достигнуть главной цели их существования.

Я предоставляю слово нашей коллеге из Ярославля — профессору Людмиле Григорьевне Титовой.

Л. Г. ТИТОВА: — Уважаемые коллеги, я хочу поделиться некоторыми соображениями по поводу вчерашних выступлений. Очень интересная программа — большое разнообразие идей, мнений, огромное количество предложений. Но все они фокусируются на одном главном вопросе: возможен ли сегодня диалог культур? И, если он возможен, вопрос второй: на каких основаниях? Ну и, конечно, здесь возникнут другие сопутствующие вопросы, например: каково влияние на эти процессы внешних факторов? Как и многие здесь, я думаю, что сама по себе культура — это уязвимое явление. Как только возникает какой-либо кризис, человечество отбрасывается назад,

в пещеру, потому что культура — это такой «хитиновый покров», который слетает с человека очень быстро, к сожалению. Однако в то же время это очень устойчивое явление, потому что культура содержит в себе некие коды, которые существуют у каждой нации, у каждого народа и позволяют ему сохраняться на протяжении истории.

Я предлагаю четыре тезиса, которые, как мне кажется, в какой-то степени отвечают на поставленные вопросы. Первое — диалог культур. Конечно, на культуру оказывают влияние и экономические, и политические факторы. Но все конфликтологи знают, что диалог — это процесс, процедура. В известной работе «Диалог коммуникаций» есть замечание: чтобы понять конфликтующих, нужно знать историю вопроса. То есть нужно изучить, проследить, как стороны пришли к конфликту, и это очень длительный процесс. Возникает вопрос: в условиях глобализации успевают ли культуры диалогизировать в этом стремительном потоке? Если вспомнить образ маятника общества, то в условиях глобализации мы увидим стремительно раскачивающееся и приобретающее характер крайней неустойчивости общество. Темп возрастает, а возможности остановиться и оглянуться нет. Времени становится все меньше и меньше, пространство, в том числе временное пространство диалога, сегодня смыкается, сужается, и каждой из сторон нужно осознать, что же, собственно, является главным в их диалоге или как организовать этот диалог. Чтобы это сделать, нужно осознание процесса. Это первый послы, который я предлагаю вашему вниманию, — осознание, обдумывание и понимание. Диалог культур — это прежде всего умение понять и услышать друг друга. И, очевидно, диалог культур — это, как говорили вчера коллеги, организация некоего баланса ценностей. В результате возникает вопрос: на чем основывается понимание, баланс ценностей и как услышать друг друга?

Второй тезис, который, как мне кажется, здесь очень важен, — что именно нужно понимать? Я думаю, прежде всего надо понимать ценности, которые лежат в основе каждой культуры. Хочу привести два примера понимания и осознания. В качестве первого рассмотрим вопрос о диалоге между властью — политической — и обществом. Власть — это ценность, потому что она организует общество, общество — это ценность, потому что оно производит основные материальные и духовные блага. Власть ничего не производит, но она способна организовать процесс. Общество производит, но оно пока еще не способно, будем прямо говорить, организовать процесс. Значит, существует ценность каждого компонента. Но важно понять, что ценны оба, и в этом понимании может родиться диалог власти и общества. Пример второй — события в Одессе, за которыми мы все с ужасом наблюдали. Что это такое? В первую очередь это отражение того, что отсутствует ценность человеческой жизни. То есть у тех людей, которые столкнулись на поле битвы, нет ценности человеческой жизни. Вывод из этих двух примеров: в первом случае диалог возможен, потому что существует понимание ценностей, во втором случае — нет.

Многим известно выражение «Сон разума рождает чудовищ», то есть если такого понимания в ходе диалога невозможно достичь, значит, мы получаем «чудовищ» современных социальных процессов.

Тезис третий — Россия в диалоге культур. Россия вошла в глобализующееся общество, которое, как я уже сказала, в стремительном темпе двигается вперед. Что сегодня является проблемами такого развития? Их было названо уже очень много, но есть еще несколько, которые мне хотелось бы обозначить. Во-первых, это ситуативность, во-вторых — совместительство. Что я имею в виду? Политик действует по ситуации, он вынужден считаться с правилами игры, это одна из составляющих его деятельности. Однако современные политики не считаются ни с чем, кроме правил собственной игры. Это ситуативность диалога, ситуативность конфликтности и то, что затрудняет диалог. Второе — совместительство. Вообще, я думаю, вся русская история — это история с приставкой «со»: совместно, со-борно, со-чувственно и т. д. Это то, что уже сделало Россию страной диалога культур, потому что в России всегда были разные конфессии и этногруппы и они научились жить вместе. Разве Россия не может служить для мирового сообщества примером такой совместимости, этого уже существовавшего в нашей истории диалога культур?

И последний, четвертый тезис — как строить диалог культур в самой России? Потому что у нашей страны, несмотря на богатый опыт, тоже есть проблемы. Возможно, вам покажется несколько односторонним такое мнение, но, я полагаю, сегодня решающую роль играют не политики, а образование. Объективно главная задача сегодня стоит перед тем, что отодвигается на второй план. Сегодня, в этом стремительном полете времени, событий и деяний людей, человек остается существом сознательным и действующим. Но когда сознание молчит, новации, рождение нового все равно будут происходить, значит, человека подталкивают к деятельности. У нас сегодня самое главное слово — «активность», человек должен быть активен. Школа настроена на активность, весь процесс образования — на как можно большее получение информации, умений, знаний, компетенций за небольшой промежуток времени. ЕГЭ — это то же самое ориентирование на быстрое решение проблемы. То есть человек сегодня не сам формирует сознание, а его подстрекают к деятельности. Мне кажется, это основная проблема нашего образования. Вчера в выступлении одного из наших коллег промелькнула, на мой взгляд, очень опасная идея — о воздействии на бессознательное. Давайте вспомним, что такие печальные попытки в истории человечества уже были. Если сегодня ребенок не научится мыслить сам, если не будет проявлять самосознания, самопознания, самодеятельности, эти потребности будут реализованы обществом в создании все новых и новых активизирующих технологий, которые делают человека видимым, активным, но немслящим — вот в чем вопрос. Поэтому технологии, особенно воздействующие на сознание и бессознательное, — это очень опасная вещь в образовательном процессе в том случае, если

не будет включен процесс формирования сознания, который требует времени. Это очень важно.

И еще несколько слов об учебных дисциплинах. Сегодня, наверное, главный акцент надо делать на истории. Можно написать сколько угодно учебников, но в них должна быть идея — всю историю творим мы, люди, в соответствии со своей деятельностью. И вторая необходимая дисциплина — это философия, потому что она учит смыслам.

Е. И. МАКАРОВ: — Приглашаю на трибуну профессора Надежду Гегамовну Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Я хочу соотнести свои замечания с тем, что сказал Михаил Константинович, обозначив проблему для обсуждения. Первое, что хотелось бы отметить: я согласна с самой постановкой проблемы, однако совершенно не могу согласиться с такой формулировкой, как «политика и культура». Здесь нет никакого «и» — политика включена в культуру, какая культура, такая и политика.

Ни экономикой, ни политикой, ни что бы то ни было нельзя вычленишь из поля культуры, мне кажется, это неправильно, потому что тогда мы вряд ли сможем конструктивно понимать и тем более решать те вопросы и вызовы, которые перед нами ставит сегодняшняя жизнь.

Сейчас очень много говорят о войне. Конечно, ситуация на Украине, наша политика по отношению к ней и вообще вся сложившаяся мировая ситуация показывают, какая тонкая материя — диалог, как долго нужно работать, чтобы чего-нибудь добиться, и как легко все разрушить. Не знаю, сколько лет теперь понадобится для того, чтобы между людьми, которые оказались по разные стороны баррикад (я сейчас не говорю о высокой политике), восстановилось хотя бы минимальное взаимопонимание. Причем я хочу заметить, что это не только люди, живущие в разных странах, — наверное, сегодня самое страшное. И я хочу обратить внимание, в первую очередь студентов, на то, что вообще изменились принципиальные типы войны. Сегодня говорят о так называемой презумптивной войне, которая ведется в три этапа. Первый этап состоит в смене недемократического с точки зрения американской модели демократии режима. Это разработанная США в 2006 году стратегия, когда под лозунгом «Права человека важнее прав народа» происходит свержение «недемократического» правительства. Второй этап называется строительством нации, когда происходит переидентификация культурно-цивилизационной сущности народа под лозунгом «Универсальные ценности важнее, чем традиционные» (в целом я за универсальные ценности, но это очень непростой вопрос). Фактически это переселение при сохранении прежних имен, то есть люди называются по-прежнему, но это уже другие люди. И третий этап — восстановление страны, проходящее как ее реформирование. Такое реформирование позволит раз и навсегда закрепить за соответствующими финансовыми группами территорию и ресурсы. И если прежде целями военной операции были, как все знают, почта, мосты,

телефон, телеграф, то теперь главным объектом стали властвующие элиты. Элита сделает то, что никакая военная сила сделать не сможет.

Хочу напомнить идею Валлерстайна о том, что современный кризис превращает мир в нечто иное. Что такое «нечто иное»? Отношения между странами приобретают более или менее условный характер, потому что это отношения не между странами, а между властвующими элитами. То есть отношения формируются над нашими головами. При этом интересы нации подчинены интересам элиты, и все это доведено до совершенства с помощью риторики и манипулирования.

Я, когда работаю со своими студентами, пытаюсь сформировать у них интеллектуальные фильтры, надеюсь, что в вашем Университете лучшие преподаватели тоже это делают. В целом, конечно, это очень грустная история, особенно для тех, кто занимается культурой и диалогом культур, потому что мы видим, что получается.

Известно, что Карл Густав Юнг создал концепцию архетипического. Для чего? Для манипулирования массовым сознанием? А для чего Кассирер открыл секреты «символической Вселенной»? Тоже для манипулирования сознанием? Йохан Хейзинга описывал мировую концепцию культуры — чтобы вовлекать массы в политические игры по заданным правилам? Зачем Юрий Михайлович Лотман расшифровывал тайны языка искусства? И так далее. Сама ситуация в высшей школе сегодня, в первую очередь я имею в виду ситуацию с гуманитарными дисциплинами во внепрофильных вузах, такова, что невольно от студентов «отжимается» то великое культурное наследие, которое позволяет формировать эти фильтры.

М. К. ГОРШКОВ: — Мы, по-моему, очень плавно переходим к продуктивной и интересной дискуссии. Хорошо, что первые докладчики выступают с некими заявлениями спорного, дискуссионного характера. Я поддерживаю постановку вопроса профессором Титовой о том, что одно из характерных качеств культуры — устойчивость, без которой, наверное, мало о чем можно было бы сегодня говорить с точки зрения преемственности вообще культурного бытия, различных фаз развития человека и человечества. И в этом смысле ядром является система ценностных ориентаций, традиционалистское сознание, которое придает культуре устойчивость. Как бы мы с вами ни относились к этому понятию, оно есть. И, кстати говоря, на примере России мы видим, насколько устойчивый характер оно имеет.

Приведу небольшой пример: в наших общероссийских исследованиях мы ежегодно повторяем блоки вопросов на измерение соотношения традиционного и модернистского сознания, традиционного и инновационного мышления. Удивительная картина складывается. Сколько лет нашим реформам? Уже больше 20. Как вы думаете, каково соотношение в нашем обществе носителей традиционалистского и модернистского сознания? 2/3 к 1/3, то есть 2/3 — это носители традиционалистского сознания, 1/3 —

модернистского. Рассмотрим молодежь до 30 лет. Как вы думаете, каково здесь соотношение?

Е. И. МАКАРОВ: — 95 к 5.

М. К. ГОРШКОВ: — Евгений Иванович, даже в молодежной среде не все так просто. Через колено ничего не ломается, и уж тем более глупо выглядит заявление Чубайса в начале 1990-х: «Мы начинаем формировать поколения новой российской молодежи с чистого листа». Во-первых, формировать новые поколения с чистого листа невозможно физически, тем более в плане преемственности поколений. Но даже на 22–23-м году реформ соотношение сегодня 50 на 50. И причем если вы скажете, что какие-то 50 принадлежат к определенной социально-профессиональной прослойке, вы обидите всех молодых предпринимателей, и молодую инженерно-техническую интеллигенцию, и рабочих, и фермеров — сторонников и носителей и того, и другого сознания. Вот какие мы интересные и сложные.

Что касается профессора Багдасарьян, я, наверное, не очень четко выразился, говоря о культуре и политике, — речь не идет о том, что кто-то кого-то поглощает и кто-то на кого-то не обращает внимания. Я хочу сказать, что можно сопоставлять явления и институты в разных контекстах: скажем, по линии «сущность и сущность» — это один фактор, или по линии «сущность и функциональная активность от другой сущности». То есть политика в разных своих вариантах воздействует на культуру. То, что политика имманентна культуре и любому другому общественному явлению и институту, понятно. Есть даже понятия «культурная политика», «экономическая политика», «международная политика». Речь идет о том, что политика всегда будет влиять на механизмы в различных сферах. Но я говорил о другом — как политика из культуры делает некультуру. Это особенно актуально в последнее время, на фоне киевских событий, того, что произошло в Одессе. Есть люди, а есть нелюди. Есть культура, и есть некультура. И политика, к сожалению, причастна к тому, что она делает из культуры бескультуры.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Анатолию Васильевичу Дмитриеву.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Коллеги и студенты, мы давно общаемся, изучая конфликты. И вы, наверное, заметили, вчера на пленарном заседании почти все докладчики делали конфликтологические ошибки. В чем они заключались? Назову, чтобы вы их не повторяли. Первая ошибка: практически все говорили об отрицательном эффекте, осуждая конфликты. Это происходило не напрямую, но в основном все говорили, что война и конфликты — это плохо и т. д. Но мы с вами прекрасно знаем, что конфликт — амбивалентное явление, развитие происходит именно через конфликт, а не через стабильность, застой и пр. Вторая ошибка: многие путают понятия. Часто напряженность, вообще любое разногласие в культуре почему-то считают конфлик-

том. Но это не конфликт. Конфликт возникает, когда есть действия с одной стороны и ответные действия — с другой, то есть деятельностный подход.

Скажу несколько слов о своем докладе «Стереотип «свой–чужой» в культурном взаимодействии резидентов и мигрантов». Стереотип — это устойчивый и достаточно упрощенный образ объекта. При столкновении цивилизаций, при разломах цивилизаций всегда действуют стереотипы. Стереотипы в широком смысле всегда социальные, как правило, они формируются в группах: «Мы хорошие, у нас свои положительные черты, а они — другие, нейтральные либо отрицательные». Эти стереотипы можно рассматривать в конфликтных ситуациях, поскольку они несут конфликтный потенциал, либо с позитивной стороны. Чаще всего журналисты, конфликтологи, политологи рассматривают, естественно, конфликтный вариант, осуждая стереотипы. К примеру, такие стереотипы действуют в культурном взаимодействии мигрантов и местного населения. Демографы говорят: «У нас демографические ямы, нам нужно больше мигрантов» и т. д. И чаще всего осуждают стереотипы, которые сложились у местного населения по отношению к мигрантам. Но стереотипы очень конфликты. В то же время мы должны иметь в виду, что любой стереотип — это опыт предшествующих поколений, и его ни в коем случае нельзя отбрасывать. Другой вопрос — как быть с проявлениями агрессии? Это первое, что я хотел бы отметить.

Второе. С гордостью скажу, что практически никто не занимается (я один из первых) изучением стереотипов мигрантов по отношению к местному населению. Надо понимать, что чем больше у местного населения стереотипов по отношению к мигрантам, тем сильнее проявляются их стереотипы в отношении местного населения и тем более агрессивный характер они носят.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется Максиму Анатольевичу Мануильскому.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, свое выступление посвящу пограничной ситуации — этноконфессиональной обстановке в Черноземье. Речь идет о ситуации взаимодействия культур, их взаимоотношении. Я опираюсь на результаты исследования, проведенного в пограничных регионах с Украиной — в Белгородской, Курской и Липецкой областях — еще до событий на Украине. Исследование показало довольно устойчивое и стабильное межкультурное взаимодействие внутри данных регионов. Правда, эти регионы являются в значительной степени мононациональными, там примерно 93–95 % русских. Но на самом деле это не совсем так, потому что, по последним данным Миграционной службы, в России 1,5–2 млн украинцев, но официально зарегистрировано только 200 тыс. Сейчас

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек», заместитель главного редактора «Социологического журнала», старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Энциклопедические контуры человека», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Комплексное познание человека в единстве социальных и биологических качеств» и др.

ситуация усложнилась, потому что возрастает число мигрантов из Украины по политическим мотивам.

Мои знакомые в Белгородском университете проводили исследования, и они привели один пример. Молодой человек, музыкант, по национальности русский, сочинил композицию «Единая Украина» и выставил ее на YouTube. Композиция никаких прорусских настроений не несет, а просто призывает к миру между народами, в общем — пацифистская. Его «вычислили» радикалы и велели в 24 часа убраться из Донецка. Он уехал, потому что реально испугался. И количество подобных мигрантов возрастает, а поскольку на работу трудно устроиться, они срываются просто в «бездну».

Здесь много говорилось о культуре, взаимодействии, диалоге культур, в данном случае мое исследование посвящено этноконфессиональным регулятивным и конфессионально-религиозным установкам. Театры, кино, книги, в том числе священные тексты, — это все институциональное взаимодействие культур, а регулятивы — это те поведенческие механизмы, которые действуют на реальном повседневном уровне.

Возвращаюсь к результатам исследований: в принципе примерно 80 или 90 % респондентов не придают особого значения конфессиональным и этническим различиям. Но, во-первых, надо учитывать, что это декларативный уровень, во-вторых, в опросах в основном принимали участие чиновники, учителя, преподаватели и работники больших, серьезных частных и государственных предприятий. На этом уровне сейчас все больше проявляется влияние корпоративной этики, которая не поощряет проявлений конфессиональных установок, потребностей и интересов, хотя специально ни в одном профессиональном кодексе это не оговаривается. Однако корпоративный дух типа «Все, что хорошо для Америки, хорошо для “Дженерал Моторс”» всегда присутствует — никакой лирики, только бизнес.

Однако на самом деле конфессиональные различия и установки не менее значимы, чем этнические. Этничность — более глубокий пласт культуры, и он в некоторых отношениях если не поглощает, то предопределяет и религиозный фактор.

Приведу еще некоторые интересные данные. Например, мы задавали вопрос: «Влияет ли религиозность на отношение к труду?». То, что положительно влияет, считают только 8 %, то есть в принципе это мало-значимый фактор. «Считаете ли Вы, что Ваша нация лучше других или у каждой нации есть свои, как положительные, так и отрицательные, черты?» Только 7 % (видимо, русские, потому что в основном русские участвовали в опросе) решили, что их нация лучше других, остальные считают, что у каждой нации есть свои и положительные черты, и «скелеты в шкафу». Далее — то, о чем говорил Михаил Константинович, — традиционалистское и модернистское сознание и прочее, — среди респондентов удивительно мало людей, которые себя считают атеистами, — всего 5 %. Этот факт лично меня поражает. Во-первых, потому что опрашивали в основном лиц с высшим образованием, а высшее образование обычно не располагает к религиозному рвению. Во-вторых, хотя сейчас религия поощряется государством, положительно воспринимается обществом,

конкретное, реальное религиозное поведение, по разным оценкам, наблюдается у 1–30 % населения — это те, кто не просто ходит на Пасху на кладбище, а хотя бы знает религиозную литературу.

Заключая свое выступление, еще раз хочу сказать, что в данный момент ситуация с конфессиональными установками и регулятивами в этих пограничных областях если не благостная, то в целом довольно спокойная. Но это сфера, в которой очень действенны латентные, внутренние ожидания, где все скрыто в глубине. И я, честно говоря, не решаюсь предсказать — то, что сейчас творится на Украине, сплотит население данных областей или же, наоборот, может усилить межнациональную и межконфессиональную напряженность? Склоняюсь к тому, что на данном этапе, когда большинство населения России сочувствует не только русским, а вообще всем, кто страдает от радикалов, проявлений фактов сплоченности будет больше.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Максим Анатольевич. В подтверждение Вашего тезиса я могу привести данные, касающиеся социально-трудовых конфликтов. Мы попытались выяснить, происходили ли в Российской Федерации социально-трудовые конфликты, в основе которых лежали бы этнические или конфессиональные причины, во второй половине 2012 — первой половине 2013 года. Ни одного конфликта такого характера обнаружено не было, что является подтверждением в том числе и результатов Ваших социологических исследований.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Я приехала из Минска и работаю в Москве заместителем председателя по вопросам культуры, педагогики и образования автономии «Белорусы России». Уважаемый Максим Анатольевич, я не совсем поняла одну формулировку: «Считаете ли Вы свою национальность выше и лучше других?»

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вопрос был задан примерно так: «Считаете ли Вы, что Ваша национальность лучше других, или все национальности обладают своими хорошими и отрицательными чертами?»

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Как Вы думаете, такая формулировка, особенно первая ее часть, способна создать межэтнический конфликт или нет?

Е. И. МАКАРОВ: — Вы имеете в виду, не является ли постановка вопроса провокационной?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — В методическом отношении могу сказать, что специально я этим вопросом не занимался. Было несколько вариантов. Выяснилось, что на такую формулировку респонденты отвечают охотнее, то есть она им понятнее.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Кузнецовой Татьяне Викторовне.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Я хочу коснуться нашей истории, нашего прошлого. Россия вступила в новый

век. Мы находимся на новом этапе своей истории. Сегодня происходят необыкновенно быстрые социальные изменения, экономические и политические сдвиги. Представляя общество эпохи постмодерна, я могу сказать, что процессы глобализации, трансформации затрагивают все сферы жизнедеятельности современного индивида — от экономики, политики до образования, религии, науки. Они влияют даже на стили моды, тренды, яркие бренды и т. д. Но мое выступление затрагивает категорию народного этноса, национальной культуры.

Происходит объединение или, я бы сказала, взаимодействие различных уровней восприятия, интерпретаций социальной реальности, рождающее разнообразные стили жизни. И в связи с этим особый интерес представляет такой феномен социокультурного пространства, как категория, или парадигма, народности, которая затрагивает всевозможные стили жизни.

Президент В. В. Путин призвал соблюдать наши национальные традиции, которыми так богата Россия. В сложившейся ситуации оказалось невозможным сформулировать ясный критерий народности применительно к творческой деятельности профессиональной интеллигенции. Какой вообще могла бы быть народность перестроившихся на рыночный успех литературы, изобразительного искусства, кинематографа — непонятно. Правда, есть историческая память, исторические формы народности, например народность Пушкина или передвижников. Остались также традиция народной культуры и осуществляемое в рамках этой традиции так называемое живое творчество. Благодаря нашей многовековой традиции преемственности народность бесспорно обладает достоинством и может быть выражена исключительно на языке культуры без каких-либо идеологических опосредований.

Но вопрос в том, нужна ли она в условиях наших глобальных ценностей? Есть ли для нее место в обществе, создаваемом исключительно под экономического человека с его специфическим экономическим рационализмом и эгоизмом? И дело не в том, какой из пластов традиционного народного искусства остается жить в репродуктивной форме. Я анализирую сегодняшнее народное творчество с точки зрения эстетической среды. Кафедра эстетики МГУ всегда воспитывала эстетические вкусы, эстетические идеалы, выразительностью и многообразием этой выразительности нельзя пренебрегать в современном мире и современной культуре.

Суть вопроса в данном случае не в самом по себе факте использования чужеродных по отношению к народно-фольклорной стихии элементов, а в отношении к ним, к формам их включения в рамки творческого процесса, осуществляемого по законам народного мирозерцания. Оттого, к примеру, что в частушке вдруг возникает пальто из журнала «Бурда Моден», а в сценарии фольклорного праздника наряду с матрешками и Петрушкой вдруг появляется кукла Барби с комично-выразительными осколочками английской речи, такие элементы вовсе не выпадают из рамок явления, которое Бахтин назвал народной смеховой культурой. Если, конечно, все сделано тактично, со вкусом и чувством меры собственных эстетических принципов.

Для этого хотелось бы вспомнить открытие зимней Олимпиады: как необыкновенно была представлена история российского народа, народная традиция. И мы очень гордились, появилось забытое слово «гордость» (как 1 Мая — «солидарность» — еще одно забытое слово). Мы в церемониях открытия и закрытия Олимпиады вспомнили историю с ее традициями — расписной игрушкой, пряниками и блинами. Масленица была представлена ярко: со скоморохами, разгулом и Китеж-градом, нашей столицей Москвой, градом Петра I и т. д.

Модная еще совсем недавно очередная идея тотальной унификации культурных ценностей по западному образцу в последнее время все чаще встречает реальное противодействие со стороны традиционалистских течений, которые укрепляются и расширяются в ряде регионов мира. Глобализация сверхкультуры, опирающаяся на линейную модель мирового цивилизационного процесса, столкнулась с усилением стремления к самобытности, с ростом самосознания наций и народов. Россия находится в процессе преодоления кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирования российской национальной идеи, поиска своего места в новом глобализирующемся мире. И эффективность этих поисков во многом определяется степенью научного осмысления мировых культурных трендов в свете специфики российской культуры.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Татьяна Викторовна. Слово предоставляется Светлане Валентиновне Снапковской.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Я хотела бы выразить большую признательность организаторам столь значительного культурного форума, на котором имею счастье присутствовать не первый раз. Хочу подчеркнуть, что научный уровень нашего диалога с каждым годом все выше. Тем приятнее мне вспомнить, как много лет назад, будучи еще студенткой филологического факультета Белорусского государственного университета, я была направлена на научную студенческую конференцию в Ленинградский государственный университет, где впервые увидела Дмитрия Сергеевича Лихачева.

У меня была возможность пообщаться с ним достаточно близко. Я занималась русско-белорусским билингвизмом, и Дмитрий Сергеевич нашел для меня, студентки II курса, время. «Светлана, — сказал он, — у Вас очень перспективная тема. Вы еще узнаете, что формирование культурного диалога необычайно важно для нас, особенно для белорусов и русских». Я запомнила эти слова на всю жизнь. Я занимаюсь научной деятельностью — проблемой белорусско-русского билингвизма, а теперь и польско-белорусского, поскольку наша страна имеет соответствующее геополитическое положение. И эта мысль Дмитрия Сергеевича Лихачева прошла красной нитью через все мои исследования и изыскания.

Действительно, геополитическое положение Белоруссии определило наше культурное состояние — это диалог между Западом и Востоком. Мы всегда

являлись своеобразным культурным мостом и всегда гордились этим. Дело в том, что Беларусь никогда не имела ярко выраженного национального и государственного характера, потому что мы входили в состав разных государственных формирований, в том числе в Великое княжество Литовское. Государственным в нем был язык старорусский, или старославянский, как он назывался в конце XIII века. Расцвет нашей культуры начался именно в XVI веке, когда у нас появился восточнославянский первопечатник Скорина из белорусского Полоцка, который перевел 23 книги Библии на старорусский язык. Вот тогда и стал активно развиваться этот межкультурный диалог. Следующий белорус из Полоцка, Симеон Полоцкий, был приглашен в Москву для воспитания царских детей, для создания и развития литературы и многого другого. Мы этим очень гордимся.

Также мы гордимся тем, что российские ученые в прошлом году издали великолепную книгу «Белорусы Москвы. XVII век», в которой приведены исчерпывающие документы, подтверждающие, что белорусы из Витебской, Виленской, Минской и других губерний строили Кремль. Нам это очень приятно. Мы понимаем, каков наш вклад в развитие российской культуры, и одновременно осознаем, как российская культура в разные периоды благотворно, животворно действовала на развитие нашей культуры.

Мы всегда находимся в состоянии межкультурного диалога. Известный польско-белорусский поэт XIX века Адам Мицкевич, как и многие другие деятели культуры, науки и образования, принадлежит полякам точно так же, как белорусам. Мы их не делим, а считаем, что они внесли огромный вклад в развитие не только русской, польской, белорусской культур, но и мировой культуры в целом.

Исходя из того, что мы прослушали на пленарном заседании, я хотела бы подчеркнуть, что создание множества программ, документов, проектов очень важно, но не менее важно изучать историю и ментальность нашей культуры. Никакая программа, никакой проект не могут быть успешно осуществлены, если мы не будем знать язык изучаемой страны, традиции и некоторые культурные нюансы.

Еще один момент, на котором я хотела бы остановиться, — распад Советского Союза. Все, что происходит сейчас, — рецидив этой страшной трагедии. Кто-то из российских политиков сказал, что это оптимистическая трагедия. Я абсолютно не согласна с этим. Год назад в этом зале кто-то из преподавателей Университета профсоюзов подчеркнул: «Когда-то наши студенты хорошо знали, кто такой Тарас Шевченко и каково его культурное наследие, кто такой Иван Франко, Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович. Сейчас они этого не знают».

Результаты последних социологических исследований меня очень огорчили. Только 14 % белорусов проявили интерес к культуре и образованию различных народов СНГ. У россиян такой интерес не превышает 11 %, на Украине — 8 %, в Грузии — 3 %, и только в Молдавии, Таджикистане, Узбекистане этот процент зашкаливает.

Проблемы диалога культур необходимо изучать во взаимодействии не только внешних, но и внутренних факторов, лишь тогда мы сможем говорить о конкретных результатах.

А. Н. МОСЕЙКО: — Вы в своем выступлении затронули историю диалога между Россией и Беларуссией. Осуществляется ли диалог в настоящее время, и насколько он продуктивен?

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Очень важный вопрос. Я не могу сказать, что этот диалог продуктивен на всех этапах, я не столь оптимистична, но динамика этого диалога положительна. Мне кажется, что проникновение в ментальность наших народов, изучение этой ментальности, глубинных основ истории, того вклада, который вносили наши народы в развитие общей культуры, в том числе и советской, будет залогом продуктивного диалога не только Белоруссии и России, но и Украины, и других бывших республик Советского Союза.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется доценту, кандидату культурологии Юрию Александровичу Запесоцкому.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Кандидатскую диссертацию я защищал по теме влияния брендов на культуру, изучал, насколько серьезное влияние оказали бренды на российскую культуру начиная с 1990-х годов. В рамках своей практической деятельности я занимаюсь тем, что повышаю эффективность различных организаций, как коммерческих, так и некоммерческих, при помощи средств брендинга. И я считаю, что эта технология, это направление имеет полное право быть обсуждаемо вместе со столь значимым явлением, как культура в целом.

Сегодня уже прозвучало предложение обратить внимание на тему нашей секции — «Диалог и конфликты культур в эпоху глобализации». Я подумал о том, что если бы заседание этой секции проходило где-то в другой части света, то наверняка она называлась бы совершенно по-другому. Вот один из вариантов: «Глубинные духовные противоречия культур в эпоху глобализации». Или другой вариант, на котором я хотел бы сконцентрироваться: «Конкуренция культур в эпоху глобализации».

Сегодня было сказано о том, что культуры стараются налаживать между собой отношения и уходить от конфликтов. А с чего мы вообще взяли, что представители других культур относятся к этому вопросу так же, как мы? По моему мнению, в существующем биполярном мире есть только одно государство, которое строит всю свою деятельность с самого начала по правилам той самой технологии брендинга, о которой я говорил. Это Соединенные Штаты Америки. На мой взгляд, с позиции США культура — это некая база не только для формирования ценностей, существования и развития человечества, но и для осуществления конкуренции как основы демократического общества Соединенных Штатов Америки. И у меня в голове все

время крутится кадр из фильма (по-моему, он называется «Марс атакует»), когда зеленые человечки с пистолетами нападают на людей, а люди их уговаривают: «Не стреляйте в нас, мы ваши друзья, не стреляйте!». Этот юмористический фильм наводит на серьезные размышления.

Моя жена занимается режиссурой, постановкой танца с элементами драматического театра. И я часто ее спрашиваю: «Марина, почему так мало людей о тебе знают?». На что она мне говорит: «Неужели ты не понимаешь? Я занимаюсь искусством, ко мне приходит вдохновение, я делаю спектакль, постановку, я ее показываю. Да, его приходят посмотреть 50–70 человек. Что ты хочешь? Чтобы я занималась продвижением этого дела? А в этот момент выходит четко структурированный, хорошо профинансированный, понятный, привлекательный мюзикл, завоевывает массовое сознание, оказывается заметным, популярным, успешным, и говорят именно о нем».

Хорошо это или плохо? Я не даю оценочных суждений. Но я хотел бы, чтобы по всему миру была открыта, допустим, сеть блинных ресторанов. Чтобы люди пили квас и тем самым утоляли жажду, а не создавали свой имидж, чтобы в банках хранили рубли, а не валюту, чтобы танцевали «казачок» или другие наши народные танцы, чтобы дети играли с матрешками. Это мое желание, я имею право двигаться в этом направлении и поэтому считаю, что данная тема очень актуальна.

Все начинается с идеи. Если бы я спросил каждого из вас: «А как, на ваш взгляд, звучит идея нашей страны? И есть ли она в принципе?», многие смогли бы ее сформулировать. Но проблема в том, что эта идея звучала бы очень по-разному. Сейчас я кратко процитирую победную речь Барака Обамы на выборах 2012 года: «Все движется благодаря вам. Не важно, откуда вы приехали и как выглядите: черные или белые, с испанским или азиатским происхождением, старые или молодые, богатые или бедные, инвалиды или без ограничений, традиционно ориентированные или нет. Вы сможете добиться своих целей здесь, в Америке, если будете стараться, работать и сражаться. Я верю, что мы добьемся этого будущего вместе».

В той или иной форме большинство американцев произнесут в качестве идеи их страны что-то очень похожее. Это такое место, куда можно приехать и добиться высоких результатов, если ты будешь стараться, — вот ключевая идея. Американская мечта — практикоориентированная, русская идея имеет очень узкое, теоретическое, гуманитарное направление. Есть такая притча. Трое мужчин таскают на тележках камни. Каждого из них спрашивают: «Что ты делаешь?». Один говорит: «Я таскаю камни», другой: «Я зарабатываю деньги», третий отвечает: «Я строю храм». Мне кажется, в России все ориентировано на высокую культуру, на строительство храма. При этом так называемая массовая культура забывается как нечто второстепенное. Почему-то предполагается, что она должна формироваться стихийно, сама по себе. Но она даже на территории нашей страны формируется фактически без нашего участия. И, судя по всему, этот аспект надо пересматривать.

— *Спасибо за интересное выступление. У меня родилась та же мысль: что же нужно сделать, чтобы пили квас, а не «кока-колу», смотрели мультфильм про Чебурашку и крокодила Гену, а не Чипа и Дейла, носили брюки, а не джинсы?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, мне приятно, что этот вопрос прозвучал. Я считаю, что нужно пользоваться существующими в мире и работающими технологиями, даже если они созданы не нами. Так делают, допустим, в Китае, и весьма успешно, с каждым годом показывают все большую результативность. Поэтому, на мой взгляд, нужно пользоваться теми же технологиями, в частности, создания брендов, но при этом внимательно смотреть на то, в чем сильны мы и в каких элементах нашей культуры есть большой потенциал вовне. Я могу это назвать неким маркетинговым анализом, после которого нужно сделать определенные выводы и двигаться по определенному пути, не уходя с этой дороги в сторону от намеченной позиции.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Аида Николаевна Мосейко, прошу Вас.

А. Н. МОСЕЙКО: — Уважаемые друзья! Я работаю в Центре цивилизационных исследований, поэтому многие вопросы будут связаны с моей профессиональной деятельностью. Начать я хотела бы со следующего вопроса: глобализация разделяет мир или объединяет? Вчера в одном из выступлений на пленарном заседании прозвучала мысль: мы живем в одной и той же культуре, глобализация — это одна и та же конвенционализируемая культура, конвенционализованные ценности, единые во всем мире. Да, действительно, мы живем в единой культуре, которая конвенционализована, но мы живем в разных цивилизациях. В России, кстати, множество культур: и культуры, и субкультуры, исламская и христианская, традиционная и модернизированная, молодежные субкультуры, которые включают множество разных вариантов, но это единая цивилизация. Очень много говорят о том, что старшее поколение живет при культуре традиционной, а молодежь — уже в совершенно новых условиях, имеет новые ценности. И между собой молодежь тоже различается.

Мы много говорим о диалоге, и некоторым диссонансом прозвучало обсуждение работы Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Он говорит о столкновениях, конфликте цивилизаций. Однако именно различия цивилизаций часто становятся болевыми точками. В моем докладе звучит главный вопрос: «При какой цивилизации мы сейчас живем? При российской? Или мы уже включились в западную цивилизацию?». Это различие цивилизаций наблюдается всюду и обрывает болевые точки.

Все, кто слушал выступления, очевидно, заметили, что в них часто поднимался вопрос о языке и речи. Г. Резник говорил о девальвации известных слов, таких как «демократия», «либерализм» и т. д. Специально этому вопросу посвятил свое выступление член-

корреспондент РАН В. Ф. Петренко, который говорил о смысловых полях и различных смыслах. В. Т. Третьяков говорил о том, что мы занимаемся самообманом, вводя такие выражения, как «дорожная карта». Эта болевая точка — русский язык и его изменение и искажение — мне кажется, заслуживает большего внимания на наших заседаниях.

Дело в том, что русский язык сейчас невероятно засорен, но не просто англицизмами, речь идет о явлениях гораздо более сложном и опасном. Новые слова несут новые смыслы. Действительно, язык формирует картину мира, встроено в модель мира, наполняет смыслом наши понятия. Я приведу простые примеры. Вспомните русское слово «убийца», есть еще русское слово «душегуб». Киллер — это то же самое? Нет, киллер — это вполне профессиональное наименование. Есть фильмы, где киллеры вполне симпатичны, например Гуськов играет киллера, который является чистильщиком. Смысл меняется? Да, меняется.

Вспомните весьма популярную раньше песню «Путана». Кто такая путана? Все знают, это женщина легкого поведения, проститутка. А слово «путана» имеет другой смысл. Для молодежи, молодых девушек путана, может быть, — это и не так страшно, здесь другой смысл. Язык вносит иные цивилизационные смыслы, меняет известные слова и вводит новые. Что такое успех по-русски? Это прежде всего признание общества, успех всегда предполагает какое-то признание, оценку. А что такое успех в западной цивилизации? Это просто достижение определенной планки: богатства, карьеры и т. д. И примеров таких слов я могу привести много.

Однажды в Подмоскowie я ехала в электричке и увидела из окна сплошные названия «плаза». Отель «Плаза», «Ереван-Плаза», «Бизнес-Плаза», и вдруг вижу маленькую будку, на которой написано: «Шаурма-Плаза» — мигрант тоже услышал красивое слово «плаза» и назвал так свой маленький бизнес, где он готовит шаурму. Это наша жизнь, это наша болевая точка.

Что такое дорожная карта? Почему в речах наших политических деятелей мы все время слышим «дорожная карта»? А в науке — когнитивные карты, ментальные карты. Почему не просто план? Почему нет русских аналогий? Почему мы не вводим русские аналогии? Почему с трибуны мы можем произнести слово «супер»? Почему мы говорим «имидж»? У нас есть прекрасные русские наименования.

Я африканист и много занимаюсь африканскими странами, в частности Мадагаскаром, я написала о нем книгу и шесть раз там была. Недавно мы праздновали 110-летие Малагасийской академии наук, это серьезная, ведущая организация в Африке. В этой Академии наук существует большой центр охраны малагасийского языка, один из ведущих. Вопрос о малагасийском языке стоял как один из вопросов борьбы с чуждой французской цивилизацией, которая навязывала свои смыслы и свой язык. В каждой газете обязательно есть сотрудник, который следит за чистотой малагасийского языка и высчитывает, сколько туда попало немалагасийских слов.

Почему маленькая страна Мадагаскар может этим заниматься, а мы не можем? Почему каждый из нас вместо слов «супер», или «имидж», или каких-либо еще не может подобрать русские? Это касается каждого из нас, но я думаю, что это дело государственное, дело нашей культуры, нашей науки, это вопрос, который давно пора поставить.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Я думаю, что же надо сделать, чтобы заимствований в нашем языке было как можно меньше. Ведь известно, что и в XIX веке, и в XVIII, когда открылось «окно в Европу», у нас было увлечение и иностранными словами (и французскими выражениями, и немецкими). Это дань моде, как Вы считаете?

А. Н. МОСЕЙКО: — Нет, я не считаю, что это просто мода, хотя элемент моды, конечно, есть. Всегда есть элемент подражательности и следование моде, есть и красивые слова, как «Шаурма-Плаза». Но я вижу здесь глубокую политику. Вчера А. А. Гусейнов в своем выступлении говорил о том, кто стоит за диалогом. Кто может стоять за диалогом? Высшие силы? Или, может быть, такой мудрец, как Конфуций? Пока нет силы, которая может решить, кто прав, а кто виноват, но есть силы, которые решают, как можно эти противоречия углубить, заострить, довести до конфликта.

Я хочу сказать, что внесение чуждых смыслов в нашу цивилизацию — это определенная политика, а не только мода. И этот вопрос гораздо глубже, чем просто выбор нужных выражений. Это вопрос цивилизационный. На Мадагаскаре он рассматривается как большая патриотическая работа, одна из государственных задач.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Борису Владимировичу Аксиомову.

Б. В. АКСИОМОВ: — Мое сообщение будет во многом перекликаться с некоторыми идеями, которые уже высказывались. Мои коллеги говорили о том, что в России много культур, много этносов, но одна цивилизация. Я хочу поговорить об идентичности.

Сегодня идентичность — такая же важная часть обеспечения национальной безопасности, как армия и военно-промышленный комплекс. Я хочу привести несколько примеров, показывающих важность общенациональной идентичности. Первый и, наверное, самый актуальный пример — это Украина. Сегодня мы увидели, что украинское общество буквально на наших глазах раскололось как минимум на две части, а скорее всего, на большее количество частей: Восток, Запад, Юг и пр. Почему? Потому что за 23 года независимости Украины так и не была сформирована общенациональная идентичность. Еще один пример — Каталония. 9 ноября 2014 года в Каталонии планируется референдум об отделении от Испании. Здесь тоже многое упирается в идентичность. Есть, конечно, политические и экономические проблемы, но идентичность тоже имеет значение. Еще один пример — Шотландия.

На 18 сентября запланирован референдум о выходе из состава Великобритании.

Эти примеры показывают нам, насколько важно формировать общероссийскую идентичность. Понимание того, что эта задача актуальна и ее необходимо выполнять, присутствует на самом высоком политическом уровне. В качестве примера приведу позицию Дмитрия Анатольевича Медведева в бытность его президентом (это было в 2010 г.). Он сказал о том, что необходимо создать новую российскую идентичность, иначе судьба нашей страны будет очень печальна, и с этим нельзя не согласиться. Возникает вопрос, о какой именно идентичности идет речь. Приведу данные исследований Института социологии РАН 2011 года. К 2011 году российская идентичность стала не только самой распространенной среди наиболее значимых, но и связь с ней стала наиболее глубокой. На мой взгляд, речь здесь идет прежде всего о гражданской идентичности. Еще в 2010 году, основываясь на многочисленных исследованиях, которые проводятся во всех регионах Российской Федерации, мы пришли к выводу, что проект по формированию гражданской идентичности в целом можно считать успешным.

Но почему гражданская идентичность в целом не может быть той искомой идентичностью, которая способна сплотить российскую нацию в единое целое? Дело в том, что гражданская идентичность — конечно, очень важная категория, но она все же формальна. По гражданской принадлежности мы, собственно, определяем, что у человека более или менее сформировалась гражданская идентичность. Слабость гражданской идентичности становится очевидной в тот момент, когда она входит в некое соприкосновение с этнической или конфессиональной идентичностью. Например, в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» отмечается слабая гражданская идентичность при все большей значимости этнической или религиозной самоидентификации. Еще один пример — Башкирия. Авторы исследования, проведенного там в 2012 году, пришли к выводу, что этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской. Отсюда можно сделать вывод о том, что в портфеле идентичности современного россиянина этническая и гражданская идентичности выступают не как взаимодополняющие, а как конкурирующие, причем соотношение сил — в пользу этноконфессиональной идентичности.

Отсюда становится понятно, что необходим поиск некой новой парадигмы, потому что гражданская идентичность не способна сплотить нацию. Нужно искать новые пути, и этот поиск уже ведется. Сошлюсь на мнение нашей самой значимой политической фигуры — Владимира Владимировича Путина. Когда он был еще премьер-министром и баллотировался на пост Президента Российской Федерации, он опубликовал знаменитую статью «Россия: национальный вопрос». Акцент в ней делался уже на цивилизационную идентичность. В декабре 2012 года была принята «Страте-

гия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Однако там эта идея тоже представлена, на мой взгляд, недостаточно отчетливо.

Недавно я еще раз обратился к тексту «Стратегии» и выяснил, что слово «цивилизация» там вообще ни разу не употребляется. Есть такие понятия, как «диалог культур», «межцивилизационный диалог», «цивилизационный код», но слова «цивилизация» в понимании России как страны-цивилизации там нет. Поэтому в общем эта стратегия, на мой взгляд, направлена на консервацию или, точнее, на развитие гражданской идентичности, с одной стороны, и этнокультурного разнообразия — с другой.

По мысли авторов данного документа, сочетание гражданской идентичности и этнокультурного разнообразия должно привести к гармонизации межнациональных, межэтнических отношений. Однако этого не происходит. Наоборот: мы видим, что количество межнациональных и межконфессиональных конфликтов в России неуклонно возрастает. Кто-то говорит о стабилизации, однако реальный анализ показывает, что количество межнациональных конфликтов не только не сокращается, а еще больше увеличивается. Соответственно, эта модель не работает. Что нужно делать для того, чтобы межнациональных конфликтов становилось меньше? Для этого нужно сделать очередной шаг на пути к интеграции. Этот шаг, на мой взгляд, может быть связан с формированием цивилизационной идентичности, которая обеспечивает гораздо более глубокий уровень интеграции, нежели гражданская идентичность. В «Стратегии» заложена эта идея, просто ее нужно артикулировать, акцентировать, обращать на нее больше внимания. Она немного теряется среди других идей.

Что еще можно предложить для формирования именно цивилизационной идентичности, чтобы у людей вырабатывались более или менее общие ценности, мировоззрение и т. д.?

Скажем, список из 100 книг, утвержденный 16 января 2013 года. Можно спорить касательно конкретного содержания списка — нужны те или иные книги или не нужны, но сама идея мне кажется очень полезной. Если люди будут читать одни книги, у них будет формироваться примерно один и тот же духовный мир. Это очень важно. Это упрочение в общественном сознании идеи российской цивилизации, то есть понимания России не как окраины западной цивилизации, или периферии, или полноценной части, и тем более не как части восточной цивилизации.

Сегодня много говорят о том, что Россия цивилизационно очень похожа на Китай. На мой взгляд, нужно возвращаться к тем идеям, которые есть в нашем богатейшем культурном наследии, к идеям евразийства, например, что Россия — самобытная, особая, уникальная цивилизация. Сейчас в новых геополитических условиях это становится все более актуальным.

Кроме того, необходима актуализация идеи светского государства (не такого как в Исландии, а подлинно светского) как основы культурной модернизации

страны. И все это, на мой взгляд, может привести к определенному улучшению в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и по-настоящему сплотить современную российскую нацию для того, чтобы решать серьезные задачи мировой истории. А сегодня Россия возвращает себе статус великой мировой державы, и соответственно задачи эти усложняются, становятся более серьезными.

Часто говорят о нашем этнокультурном многообразии. У нас много культур, много народов и религий, и это наше несомненное преимущество. Но надо стремиться к тому, чтобы это действительно было нашим достоинством. Пока часто, к сожалению, это культурное многообразие ведет к конфликтам, непониманию.

Какой должна быть новая российская идентичность? Во-первых, ей пора выйти из кризиса, в котором она сейчас находится. Она должна быть позитивной и устремленной в будущее. С одной стороны, цивилизационная идентичность конструируется за счет обращения к истории, нашей литературе — прекрасной, великой, богатой. Но с другой — несмотря на это, она должна быть устремлена в будущее, для того чтобы мы через 30 или 50 лет жили в прекрасных городах. Ведь для этого, собственно, мы и работаем, чтобы жить именно так.

Общий вывод: необходима не только гражданская, но и социокультурная цивилизационная интеграция. Причем речь идет не об ассимиляции. Представители национальных меньшинств часто пугаются: как же так, вы ведь ассимиляцию предлагаете. Нет, это не ассимиляция. Просто под этим этнокультурным разнообразием, тем, что нас разъединяет, формируется общая культурно-цивилизационная база, фундамент, который должен стать залогом успешного развития России — при сохранении всех этносов, культур и языков.

Е. И. МАКАРОВ: — Пожалуйста, вопросы.

— *В каком виде, на Ваш взгляд, должен быть представлен документ о будущей идентичности, из каких блоков он должен состоять и специалисты какого профиля должны его составлять?* (вопрос из зала)

Б. В. АКСИОМОВ: — Я думаю, что в отдельных фрагментах в «Стратегии иммиграционной политики» все это есть. Мысли о том, что Россия — уникальная цивилизация, что это не Европа и т. д. Эти идеи существуют, их просто нужно объединить, сфокусировать на них внимание и реализовывать. Прежде всего — через систему воспитания и образования.

Мы растим новое поколение. А у нас сейчас получается так: в одних регионах одна система, в других — другая. Что объединяет человека, закончившего школу, допустим, в Калининграде, и человека, который учился в горном ауле Дагестана? Ничего, кроме того, что и тот, и другой — граждане России, у обоих есть паспорт гражданина Российской Федерации. Но все остальное разное — ценности, мировоззрение, взгляд на жизнь. Как мы можем из этих людей, различных по своему духовному фундаменту, создать

единую нацию? Для этого нужно подводить общий фундамент — чтобы люди читали одни и те же книги, чтобы везде применялись примерно одинаковые технологии воспитания, образования и пр. Это очень важно. А у нас сейчас практически совершенная автономия. В Чечне с четырех лет начинают обучать законам шариата. Я понимаю, это право на культурное самоопределение, но все должно иметь определенные границы.

Понятно, что без четкой политической воли этого не сделать. Эти вопросы нужно решать на самом высоком государственном уровне — указами президента, например.

— *Спасибо за постановку вопроса, это очень интересно и правильно. Вы говорите о том, что нужна воспитательная работа. Мне кажется, нужна еще большая научная работа. Ведь в свое время, в 1990-е годы, вышел ряд статей, посвященных этим вопросам, например, в четырех или пяти выпусках сборников, которые готовил Борис Сергеевич Ерасов в Институте востоковедения. В частности, «Цивилизация России и Востока». Там публиковали Панарина, Ерасова — очень интересные статьи.*

Кроме того, нужно объединить в определенный блок литературу. Институт всеобщей истории, институт Чубарьяна, выпустил пять сборников, а сейчас идет продолжение. Летом будет выпущен новый сборник — альманах «Цивилизации», который возобновил свою работу. Вся эту литературу, очевидно, нужно скомпоновать, сейчас это все разбросано. Много такого разрозненного материала в работах Лотмана. Есть у Лихачева отдельные положения об этом. Нужно проводить большую работу. Вы эту работу как-то представляете? Мне кажется, нужна научная популяризация этой идеи. (вопрос из зала)

Б. В. АКСИОМОВ: — Спасибо большое за замечание. Я эту идею пытаюсь продвигать, причем на разных уровнях. В апреле я был в Пятигорске на совещании при полпреде. Об этом говорил Александр Геннадьевич Хлопонин. Эта идея известна, в том числе и благодаря нашему коллективу. Светлана Юрьевна Иванова тоже занимается этой проблематикой. Мы эту литературу, естественно, читаем, но ее нужно адаптировать уже непосредственно к задачам сегодняшнего дня, к конкретной ситуации в России, которая сформировалась на данный момент. Потому что евразийство — это уже далекое прошлое, но форма как бы та же, а содержание новое. И это новое содержание, помимо прочего, требует изменения формы.

Е. И. МАКАРОВ: — Марина Николаевна Ветчинова, пожалуйста, Вам слово.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — В выступлениях прозвучала мысль, что образование очень важно для установления диалога между людьми. И роль языка в этом представляется немаловажной. Так как я педагог,

преподающий иностранный язык, для меня эти два вопроса являются едиными.

Язык — это культура, культура — это язык, об этом много говорят и пишут. Но меня все-таки больше волнует, как воспитывать толерантность, как нам научиться говорить друг с другом и что для этого нужно сделать. Даже изучая технические дисциплины, нельзя принижать роль гуманитарных наук. К философии и истории можно добавить много других предметов: историю мировых религий, мировую художественную культуру и, конечно же, иностранные языки.

Я призываю изучать все предметы, но мне ближе иностранный язык. Будучи на XI Лихачевских чтениях, я в вашем городе попала в такую ситуацию. Я выхожу из гостиницы, которая находится в центре города, подхожу к переходу, народу очень много, мигает светофор. Я смотрю по сторонам. От гостиницы идет группа туристов. Я понимаю, что это иностранцы, они идут с картой Петербурга и говорят на французском языке. Они видят, что человек из толпы обращает взгляд в их сторону, направляются точно ко мне и, показывая карту, начинают у меня спрашивать, как им пройти на Невский проспект. Я очень обрадовалась. Надо было приехать из Курска, оказаться на пешеходном переходе в Санкт-Петербурге, чтобы ко мне подошли французские туристы и попросили объяснить, как пройти на Невский. Знание иностранного языка помогло. Они были сильно удивлены. Спрашивают: «У вас что, все так говорят по-французски?». Я слукавила: «Конечно, у нас все очень любят Францию». Мы движемся к Невскому проспекту и, естественно, ведем диалог, пусть и не двух культур. Их человек шесть, я одна. Мы были очень довольны общением друг с другом. На следующий день в гостинице мы встречаемся за завтраком, и они меня уже приветствуют, как будто я их старая знакомая. Мы установили диалог благодаря знанию иностранного языка.

Что касается системы образования вообще, меня волнует еще один вопрос. Всем известно, что в средних школах учится много детей мигрантов. Как их учить? По нашим учебникам, культурно-религиозным образцам? Но это требует специальной подготовки педагогов. Или все-таки по их культурным образцам? Для этого тоже нужна подготовка специалистов и вложение денег.

— *Спасибо, Марина Николаевна, за интересное выступление. Тем более что Ваш личный опыт нашел здесь свое место. Предыдущие ораторы поднимали вопрос о влиянии английского языка на русский. Этические проблемы, к сожалению, существуют. Насколько ощущается влияние французского языка на русский язык сегодня?* (вопрос из зала)

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Все течет, все изменяется, и, естественно, английский язык впереди планеты всей. Роль французского языка несколько снижается. Известно, что XIX век — век англomanии. Но уже тогда были проведены исследования, высказывались идеи о создании языка международного общения. Ма-

тематические расчеты показывали, что английский будет доминирующим языком во всем мире. Английский язык везде и всюду, но, тем не менее, французский тоже не забыт. Давайте посмотрим на витрины наших магазинов. Французские названия — магазин «Мишель», не Миша, «Катрин», «Иль-де-Ботэ», «Рив Гош» — это все французские названия. Иногда диву даешься — пишут русскими буквами по-французски, при этом искажая произношение французского слова. Может быть, у нас осталась генетическая любовь к Франции? Или что-то другое? Но, тем не менее, Франция присутствует, генетика это или интерес — не знаю.

Е. И. МАКАРОВ: — Рискну дать промежуточный ответ на тот вопрос, который Вы поставили, — в отношении преподавания в школе детям разных культурных традиций и этнических групп. У меня есть личный довольно интересный опыт. В 1965 году меня, ученика 4-го класса, отправили в аудиторию чеченских детей для ведения атеистической пропаганды. При этом дали в руки книжку, в которой объяснялись проблемы противоречий христианской религии. В общем, я приблизительно три урока провел с этими детьми — они были из 1–2-го классов, а я — из 4-го. После третьего урока я понял, что мы живем в абсолютно перпендикулярных измерениях. Они не могут понять, о чем я рассказываю, а я — почему они так реагируют. Поэтому здесь важно не просто поставить вопрос в проблематике сегодняшнего дня, но еще и профессионально подготовить научное и профессиональное сообщество, чтобы оно было способно понимать этот вопрос. Понимание, которое было в 1960-х годах, привело к сегодняшнему состоянию дел.

Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Я хочу высказать свое мнение относительно одного из утверждений, сделанного нашей коллегой из Ярославля, о том, что Россия сегодня может служить примером для диалога культур. У меня утверждения такого рода вызывают большие сомнения, поскольку историческая практика этого не подтверждает. Известные события в Кондопоге и Мичуринске, более того, ее опровергают.

Круг вопросов, который сегодня обсуждается, — диалог и конфликты культур — для нашей страны является чрезвычайно актуальным. Мои сомнения может подтвердить практика событий этнокультурного развития, которые сегодня происходят в ряде наших республик. Профессионально мои интересы ограничены шестью финно-угорскими республиками нашей страны. Этнокультурные процессы, которые сегодня там происходят, не соответствуют подобному рода утверждениям. Коллега из Ростова-на-Дону утверждал противоречие между этнической и гражданской идентичностью. Сегодня эта проблема не ощутима физически, может быть, даже в сознании, но вообще она в нашей жизни стоит чрезвычайно остро. Поскольку все предыдущее развитие нашей страны шло в сторону

укрепления этнической идентичности. Процесс глобализации в какой-то степени способствует этому, поскольку благодаря взаимодействию культур укрепляет элементы национального самосознания, что проявляется в культурном, национальном или этническом самосознании и самооценке.

Но в нашей литературе и вообще в различного рода аналитических материалах остается вне внимания следующий аспект глобализации: несмотря на этот процесс, культурное неравенство все равно сохраняется. И такого рода противоречия, то есть несоответствие роста национального самосознания и культурной неоднородности, культурной слабости некоторых стран, вызывают явления, которые мы сегодня наблюдаем в этнокультурных процессах, движениях.

Ярким примером сегодня является Украина. Наши исследования или наблюдения за этнополитическими процессами в финно-угорских республиках дают интересные выводы. В 1990-х годах появление первых национальных, этнокультурных организаций прежде всего было связано с защитой, сохранением культурных традиций. Потом эти организации, объединения постепенно трансформировались в этнополитические и стали претендовать на решение политических вопросов, определение политического климата и т. д. После известных законов, которые ограничили такого рода деятельность, они пережили третью трансформацию и стали называться общественными объединениями. В разных республиках они имели разную степень популярности и авторитета и, соответственно, политического влияния. Где-то это влияние было довольно широким, и, по сути, они почти определяли внутреннюю политику в соответствующих республиках. Имеются в виду прежде всего Мордовия, Республика Коми, Карелия. Другие организации такого серьезного влияния не оказывали и остались в полужаточном состоянии. Но по мере того как эти организации трансформировались, они периодически активно вступали в политическую жизнь. Обычно это было связано с выборами, когда местная элита, руководители стали использовать эти организации, или, точнее, их политический ресурс, в качестве способа влияния на избирателей, граждан этих республик. В конечном счете этим организациям удалось решить вопросы, связанные прежде всего не с консолидацией культур, не с диалогом культур, а именно с диктатом культур местного, коренного населения по отношению к остальному населению республик. А ситуация во всех республиках прозаичная — ни в одной из них коренное население не является доминирующим. Практически везде, во всех этих шести республиках, доминирующим является русское этническое население, русский конгломерат.

По мере того как использовался потенциал этнических, национальных объединений, стали проводиться интересные мероприятия, например культурные события или действия, которые основывались на этническом подходе. Скажем, проводится конкурс «Финно-угорская красавица». К конкурсу допускаются только представители финно-угорского населения республики. Или проводятся спортивные соревнования по боксу

среди финно-угорских республик. Представители других национальностей на эти соревнования не допускаются. Лыжные соревнования — то же самое. Получается, что внутри одной республики какая-то часть, прежде всего коренное население, получает преимущество перед другими. Более того, такого рода инициатива получает поддержку администрации, руководства региона, они выделяют на них средства и т. д. Что это означает, если мы будем исходить из конституционного равноправия всех граждан? Не геноцид, конечно, но этническое неравноправие.

Что касается проблемы изучения языка коренного населения, здесь тоже возникают проблемы, связанные не с диалогом культур, а прежде всего с диктатом. В Республике Коми и Мордовии приняты законы, обязывающие всех учеников школ изучать язык коренного населения. Таким образом, принятие этого закона не соответствует праву человека на свободный выбор своей культурной идентичности. Принудительно заставляя заниматься культурой, законодательно требуют изучать культуру и язык, которые вы не хотите изучать. Самые большие в этом отношении проблемы возникли с изучением языка коренного населения в Воркуте, где оно составляет всего 3 %. Но все остальные, согласно этому закону, должны были изучать язык коренного населения. Вопрос о добровольном выборе изучения поддержки не получил.

Завершая свое выступление, хочу сделать следующий вывод. В 1980-е годы мне довелось работать на Украине. Именно тогда зародилась тенденция развития украинской самобытности, идентичности, результаты которой мы сегодня наблюдаем. По сути, выросло поколение, воспитанное на этих идеях. То, что сегодня творится в наших финно-угорских республиках, напоминает этот процесс в начале.

Стратегия, упомянутая здесь, сегодня эффективно не работает. Нужны другие способы, прежде всего программа по развитию этнических, этнокультурных отношений в России. И если мы в соответствии с этой программой не начнем управлять процессом, то через 15–20 лет у нас будет вторая Украина.

Л. Г. ТИТОВА: — Поскольку в мой адрес было сказано несколько слов, я прокомментирую. Вы употребляете фразы «использовали», «издание закона», «необходима программа». Приведу два примера. Я украинка и много лет прожила в Одессе, которую хорошо знаю. Люди — греки, венгры, словаки, чехи, евреи, украинцы, в общем пестрая картина — жили на одной территории достаточно мирно. Распалась империя — началась большая драка. Что это? Изнутри свойственное народу стремление отстаивать свою национальную идентичность агрессивным способом или политикой, в которой заинтересованы определенные круги и группы, на этом выступающие реализацию своих интересов?

Второй пример. Ярославль сегодня. У меня есть возможность сравнивать разные территории. Ярославль — пестрый по национальному составу город. У нас действует Ассамблея народов России, которая объединяет много диаспор, в том числе чеченскую,

армянскую, азербайджанскую, татарскую, таджикскую, узбекскую и т. д. Много народа проживает на этой территории. Они так или иначе функционируют. Пока действует эта ассамблея, в Ярославле тихо, как только ее работа начала давать сбой, у нас чуть не сожгли мечеть. Потом все наладилось. Возникает тот же вопрос: может быть, эта агрессия — в интересах определенных кругов, которые муссируют негатив, или внутри свойственна народам?

А. П. САДОХИН: — Когда абстрактно говорят о том, что за какими-то событиями стоит заинтересованность каких-то кругов, я таким вещам не доверяю. В этом случае речь идет ни о чем. Что касается первого вопроса. Ни одна страна, ни одно государство, ни один народ не заинтересованы в решении вопроса силовым путем, который сегодня реализуется на Украине. Такого рода конфликты возникают при полном попустительстве властей, при хаотичном, неуправляемом развитии ситуации.

Что касается Вашего примера о, так сказать, благословенном сосуществовании целого ряда наций и народов на территории области, то я думаю, что это продлится до тех пор, пока какой-либо из этносов или народов не начнет претендовать на особое положение. Мирного или осознанного сосуществования здесь нет.

— Не секрет, что в разных уголках мира происходят настоящие конфликты, которые там длятся десятилетиями. Как в этих условиях, когда люди с детства воспитываются в ненависти, сформировать толерантность? (вопрос из зала)

А. П. САДОХИН: — Толерантность — красивое слово. В 1995 году мы по гранту Министерства образования проводили опрос, посвященный формированию толерантности среди школьников старших классов. Были опрошены школьники Брянска, Рязани, Казани и Москвы. Где оказались самые толерантные школьники 11-го класса? В Казани. Формирование толерантности возможно только в межкультурном единстве, в межкультурной атмосфере. Самыми нетолерантными оказались брянские школьники, где область моноэтническая. Поэтому что касается формирования толерантности, то реально и фактически только межкультурная атмосфера способна сформировать это чувство.

Надежда МАКСИМОВА, II курс, факультет конфликтологии: — *Мой вопрос имеет отношение к Республике Коми. Каким образом решить назревающий там конфликт коренного и русского населения по поводу введения закона об обязательном изучении языка коми? Как можно разрешить эти противоречия?*

А. П. САДОХИН: — Очень просто. Предлагалась идея, чтобы выбор языка был добровольным, с согласия родителей.

Н. МАКСИМОВА: — Знаю, что в сыктывкарских школах выбора не предоставляли.

А. П. САДОХИН: — Да, там это было принудительно. Мнения и движения, которые выступали против этого закона, на законодательном уровне республики не были учтены. И надо сказать в контексте этого вопроса, что вообще уровень преподавания там низкий, не только в Коми, но и в других республиках. Как правило, нет нормальных учебников по языку, квалифицированных преподавателей либо их очень мало.

Е. И. МАКАРОВ: — Я хочу высказать две ремарки по поводу Республики Коми. Есть политическая реальность, которая заключается в том, что большинство депутатов республики проголосовали таким образом, как сейчас было сказано. Если мы видим нарастание такой тенденции, то необходимо вводить механизмы, которые позволяли бы затруднить элементарные схемы проведения такого голосования. Например, вводится федеральная норма, которая предусматривает голосование по такому вопросу не простым большинством, а квалифицированно. Таким образом, можно создать некоторое ограничение. Это административное регулирование.

Вопрос о конспирологии. Здесь часто говорят, что заинтересованы какие-то темные силы. Но в нашем обществе и вообще в мире все происходит по конкретным причинам. Если говорить о финно-угорском населении, то начало этого процесса было положено принятием финно-угорским миром, который включает, помимо шести республик, еще три государства (Финляндию, Эстонию и Венгрию), на своей территории программы по поддержке единства этого мира и интеграции в рамках глобализации. Как только эта программа была принята, она была профинансирована, и сразу же началось давление. В настоящее время она угасает, соответственно мы видим некоторое снижение интереса к этой тематике. Всегда можно найти людей, которые занимаются подобного рода деятельностью и продвижением таких идей.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я хочу сказать по поводу ответственности культур. У меня создается ощущение, что вольно или невольно некоторые выступления представляют взаимодействие культур следующим образом: есть японская конфигурация культуры, есть русская, поэтому им необходимо взаимодействие в разных местах и вместе им никогда не сойтись. Я хочу предложить другое понимание культуры. Культура — это некая матрица, одинаковая для Мадагаскара, Кубы и России. Ячейки этой матрицы наполняются определенным содержанием. Эта матрица образуется ответами на четыре вопроса. Вопрос первый — какова сфера популяризации добра? Второй — какова сфера популяризации зла? Третий — возможна ли победа добра над злом и какими методами это осуществляется? И четвертый — какова историческая длительность или перспектива победы добра над злом? Я считаю, что такой подход многое объясняет — в чем взаимодействие, а в чем различие культур, откуда агрессивное навязывание одной культуры ценностей другой культуре.

Е. И. МАКАРОВ: — Большое спасибо, это ценное замечание. Слово предоставляется главному научному сотруднику Южного научного центра РАН Светлане Юрьевне Ивановой.

С. Ю. ИВАНОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги, сограждане, судари и сударыни, господа и товарищи! Столь витиеватое обращение является иллюстрацией того, о чем я буду говорить. Мы живем в ситуации, когда еще не обрели субъектность; в языке это выражается в том, что у нас нет самоназвания, определенной формы обращения друг к другу. Мы испытываем затруднения на разных этапах обращения.

Е. И. МАКАРОВ: — Существуют региональные формы обращения, в Санкт-Петербурге принято, допустим, «дама».

С. Ю. ИВАНОВА: — Региональное не всегда работает на интеграционные процессы, являясь их частью.

Меня задел, заинтересовал и совпал с моими размышлениями вопрос к Борису Владимировичу касательно того, кто и как это будет делать. Вопрос, как нам реализовать благие цели (достижение социального согласия, обретение социальной интеграции, субъектности, позитивного образа будущего), уже стоит. Такая задача сформулирована политическим руководством страны. Задача подспудная, ощущается и в общественном сознании, но ответ на вопрос, кто и как это будет делать в новых условиях для новых субъектов социальных процессов, в частности для молодежи — очень сложный.

Мы живем во время технологий и технологов, рекламных кампаний, избирательных процессов и примерно понимаем, как это происходит. Мне кажется, что это интересная тема либо для будущих Чтений, либо для отдельного обсуждения — как объединить возможности и потенциал науки, политиков и технологов, рекламщиков, телевизионщиков, потому что именно они сейчас являются субъектами формирования того, что есть мы, того, что мы называем самоощущением и самосознанием. Мы можем сколь угодно переиздавать замечательные труды Данилевского, Ильина, но без наполнения контента информационного пространства подобными символами, смыслами и образами этот процесс не будет эффективен. Как бы мы ни скорбели по этому поводу, большая часть молодежи, мы говорим не только о тех, кто сидит на университетской скамье, перестала читать. Об этом свидетельствует, в частности, падение тиражей газет.

Я хочу поговорить о российской идентичности, но несколько в другой плоскости, чем Борис Владимирович, — о российской идентичности в ее соотношении с русской идентичностью, потому что без обретения субъектности русским этносом в этих процессах довольно сложно добиться позитивного результата.

Идентичность прошла (о чем уже говорили коллеги) три этапа — самодержавный, имперский и постсоветский периоды. Причем дважды эти изменения

произошли насильственным путем и за достаточно короткий срок, в частности от имперского к советскому и от советского к новому российскому периоду. Была разрушена система ценностей, смыслов и образов, на которых строилась советская идентичность, до этого была разрушена революционным порядком система смыслов, образов и ценностей, превращающих население в народ. Именно культура превращает население в народ. И насильственное насаждение новых образов и смыслов не прошло бесследно.

Для того чтобы двигаться дальше, необходимо понять, где мы сейчас находимся. А это невозможно без обращения к прошлому. У истоков идентификационных исследований стоял Чаадаев, и его фраза сейчас так же актуальна, как и более чем столетие назад: «Народы не могут ни на шаг продвинуться по пути прогресса без глубокого чувства своей индивидуальности, без осознания того, что они такое». Что мы есть такое — это ключевой вопрос. Ответы на него сейчас пока множественны. Хотя единого ответа быть не может. Чаадаев выделил критерии развития цивилизации. Это благоустроенная жизнь народа в различных ее элементарных проявлениях. Чем не цель и смысл сегодняшнего существования? Можно вспомнить и замечательное высказывание Ломоносова, что цель — это сбережение народа, так же как и его процветание. Им же был раскрыт феномен «европейничания».

Эти слова звучат как никогда актуально, потому что элита эпохи транзита, которую мы сейчас пережили, эпохи перестройки была вестернизирована. В определенном смысле мы строили либеральный проект, который за 15 лет не построили, и сейчас об этом свидетельствуют многочисленные опросы, идет определенное отторжение либеральных ценностей, поиск иных смыслов.

Иван Александрович Ильин определил систему ценностей, которую мы ищем в настоящее время; это вещи аксиоматичные, но тем не менее об этом нужно говорить, это нужно визуализировать, популяризировать новыми способами, средствами и формами. Потому что человек советский как психотип, феномен был создан именно технологическими средствами советской пропаганды, интернационализма, единой унифицированной системы образования, единого «Первого канала» и тому подобными — теми технологическими средствами, которые были доступны в ту эпоху и активно использовались.

Три феномена определяли особенность России и русского народа. Говоря о России, в своих трудах Ильин постоянно апеллирует к русскому народу. Эти факторы сохранились, и сейчас их нужно учитывать в духовно-идеологических процессах. Это бремя земли. Бремя земли — 1/6 территории, но она несколько сократилась после распада СССР. Мы испытали большой народный подъем после присоединения Крыма. Одна швейцарская газета написала о событиях весны этого года, что в России произошла патриотическая революция — благодаря присоединению Крыма. Подъем на некоторое время достигнут, но как удержать этот потенциал, порыв — сложная

задача, не только духовная, но и управленческая. Бремя природы — территория России довольно сложна для ведения сельского хозяйства. Бремя народности выражается в полиэтничной, поликультурной структуре (около 180 различных народов).

Что такое русскость? Это понятие отождествлялось с некоторыми феноменами, объединяющими символами. К сожалению, их немного, но они должны быть в визуальном пространстве. Я возвращаюсь к тому, с чего начала выступление: рекламщики первыми уловили социальный заказ на русскость, и, к сожалению, она появилась сначала в рекламе. Русское чаепитие, русская водка и т. д. Трансформация символов — достаточно опасная вещь, без которой этот процесс не может происходить. Это мы видим на улицах наших городов. Например, на одном символе святого Александра Невского можно увидеть, какую трансформацию он претерпел.

Два аспекта осложняют этот процесс: с одной стороны, глобализация, потому что мы находимся в глобальном мире и не можем оторваться от глобальных процессов, и не должны. Современная Россия — это часть мирового пространства. С другой стороны, влияет, затрудняет формирование этого идентификационного проекта другой вектор влияния — рост значимости этнических идентичностей, этот процесс тоже идет волнообразно. Эти два вектора влияют на процесс формирования тождества и единства. Но в этой области пока отсутствуют яркие, сильные, мощные технологические прорывы.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Приглашаю на трибуну доцента Северо-Кавказского федерального университета Светлану Владимировну Попову.

С. В. ПОПОВА: — Я также хочу затронуть тему российской цивилизации и цивилизационной культуры. Как уже было сказано, современные процессы глобализации все более усиливают противоположные процессы локализации. В такой ситуации возрастает роль интеграционных процессов в современной России. Возникает проблема осмысления сущности и предназначения собственной культуры, а также культурного самоосмысления. В плане социальной интеграции практически с начала перестроечных процессов в нашем обществе начались дискуссии о необходимости национальной идеи как условия выхода России из кризиса.

Однако с провалом перестройки, распадом СССР стихийно формирующееся Российское государство не нашло ничего лучшего, как провозгласить политику полной деидеологизации. Как известно, такая политика отражена в ст. 13 Конституции РФ. Однако мы считаем, что не может быть стабильного государства без ясных и ярко выраженных целевых установок и перспектив на будущее, без общей для всего общества системы ценностей, идеалов и ориентиров, что является основой сохранения цивилизации.

В связи с этим перед государством и обществом встает проблема формирования общенациональной идеологии. В этом плане необходимо дать ответы

на следующие вопросы: кто мы, какова новая Россия, каковы наши национальные интересы в современном мире? Сегодня становится все более очевидным, что Россия — это не Европа. У нее другие, прежде всего духовные, ценности. Особенно ярко это продемонстрировало последнее «Евровидение» и его итоги. Сегодня несоответствие сущности российской цивилизации базовым основам США и ЕС, слепое следование моделям рыночной экономики вступили в противоречие с этнокультурными ценностями и идеалами российской цивилизации, что угрожает сущности самой России как цивилизации.

В качестве примера я хочу привести результаты исследований, проведенных Центром научной политической мысли и идеологии. Если смотреть на материальные мотиваторы индивидуальной производительности труда, то становится очевидным, что российский показатель в этой ситуации неконкурентоспособен. Россия находится на достаточно низком уровне. Но если анализировать духовную, нематериальную мотивацию индивидуальной производительности труда, то у России этот ресурс максимален. Однако именно сейчас нематериальная мотивация труда максимальным образом подавляется. Возникает вопрос: может ли Россия исторически выжить в подобных условиях как самостоятельная и уникальная цивилизация?

В то же время к положительным итогам либерализации можно отнести то, что в обществе складывается модель социума с поступательным устойчивым развитием, формируется ментальность, которая приняла и поддерживает идеалы правового государства и институты гражданского общества. На современном этапе национальным интересам России требуется не столько гонка за изменениями, сколько устойчивый баланс традиций и инноваций, ценностей Востока и Запада, определение своего истинного положения в многополярном мире. При этом мы считаем, что национальная идея России должна быть не сугубо политической, а отражающей интересы России как цивилизации, и стать национальной идеологией российской цивилизации. Центральным ядром модели российской цивилизации в этих условиях может быть, в частности, традиционная духовность, общие идеалы и ценности, полиэтничная и поликонфессиональная культура.

Важным аспектом в этом плане является формирующееся гражданское общество и такие ориентиры, как принцип ненасилия, дискурс, то есть открытое глобальное обсуждение острых проблем, а также приоритет дарения над эквивалентным обменом. Как показывает современная практика, выход из насилия может заключаться в ненасильственном сопротивлении злу. Не в уходе от борьбы, а в созидательной борьбе без применения насилия, стремлении понять оппонента и поиске компромиссов. При этом в общемировом пространстве, если учитывать события последних лет, Россия также может выступать в роли защитника ряда различных государств от агрессии со стороны западных стран.

В современных условиях, возможно, именно России предстоит определить направление общего для современной цивилизации развития. Для этого

существуют все предпосылки — Россия уже сегодня способна оказывать и оказывает влияние на геополитические процессы в современном мире, используя свои культурно-исторические, политические, природные и иные ресурсы. Российская цивилизация объединила уникальные традиции и особенности различных цивилизаций и представляет собой уникальный самодостаточный духовный мир. Значительная часть нашего общества и сегодня сохраняет в себе дух справедливого, нравственного и неагрессивного отношения к окружающему миру. И наша непрагматичность, часто не позволяющая решать насущные материальные вопросы в стратегическом плане, представляет собой важнейший духовный ресурс, который всегда давал возможность русскому миру объединяться, отражать различные угрозы, мобилизовываться, несмотря на наличие внутренних проблем и противоречий в разных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, российское общество в современных условиях имеет все шансы для установления своего лидерства, однако это лидерство не означает установления мирового господства. Сложившаяся геополитическая ситуация характеризуется тем, что различные общества теряют свои духовные основы. Россия могла бы стать одним из ведущих духовных центров, играющих уравнивающую роль в мировой политике. Для этого мы должны непротиворечиво соединить свое прошлое, настоящее и будущее, переосмыслить свою культурно-цивилизационную идентичность, выработать стратегические смыслы, цели и перспективы общественного развития в новых условиях.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Алле Петровне Охота.

А. П. ОХОТА¹: — На Лихачевских чтениях в течение двух дней выступило много замечательных людей. Когда возник вопрос о диалоге культур, мне стало понятно, что диалога нет. Значит, нет и культур. Вчера на пленарном заседании кто-то сказал, что война — это диалог культур. На мой взгляд, это не так. Война — это диалог бескультурия. Может быть, это не относится к области научных исследований. В частности, А. А. Гусейнов говорил о том, что новую реальность нужно почувствовать таким образом, чтобы найти новую точку отсчета. Мы ее не нашли. И этой новой точкой отсчета будет являться нечто другое — культура, но другая, о которой, возможно, мы забыли. Не может быть, чтобы природа создала человека и изначально не заложила то культурное, на основе чего оно вечно.

Я хочу рассказать об одном удивительном открытии и объяснить, причем здесь диалог культур и для чего мы всегда пытаемся договориться при различных мнениях. В основном для того, чтобы быть счастливыми, найти решение. Для процветания, здоровья, взаимоотношений, порядка нужен диалог. Нам необходимо сохранить свое счастье — то, ради чего мы

живем. В этот мир мы приходим, работаем и учимся, любим для того, чтобы быть счастливыми. Счастье нам необходимо, как энергия. И когда она постепенно уходит, необходимо искать решение. Я считаю, что счастье — это наше право по рождению, и мы должны думать о том, как его вернуть, сохранить и что оно нам дает.

Группа ученых, в том числе медики, изобрела прибор, который измеряет энергию счастья. Насколько это правильно — показать человеку счастье, чтобы тот заболел о нем, искал решение, и, может быть, тогда его культура будет выше. На этом приборе четыре деления, которые зависят не от возраста, образования, а от внутренней духовной культуры, являющейся нашим счастьем. Будьте счастливы!

Е. И. МАКАРОВ: — Большое спасибо. Прошу Михаила Константиновича Горшкова, который открывал заседание нашей секции, поставить логическую точку на этих Лихачевских чтениях.

М. К. ГОРШКОВ: — Уважаемые коллеги, состоялась очень интересная, насыщенная проблематикой дискуссия, причем как по количеству поставленных вопросов, так и по их обсуждению, комментариям, вопросам, ответам — и все это было живо. Но главный итог все-таки для меня состоит в другом — в выражении лиц и глаз, которые я вижу в этой аудитории. Почти четыре часа я наблюдал заинтересованные, напряженные, вдумчивые лица: мы пытались не просто понять, но и сформулировать свое мнение, позицию о том, о чем говорят диспутанты на трибуне. Это лишний раз подчеркивает, что тематика нашей секции и вообще Лихачевских чтений задумана очень правильно. Этот круг вопросов, независимо от того, какая специальность будет стоять в вашем дипломе, касается каждого из нас. Я представляю смутение, которое испытывали молодые участники нашей аудитории, когда пытались примерить, сопоставить свое внутреннее «я» с характеристикой внешней социокультурной среды, о которой шла речь. И мне кажется, что это тоже является одним из важных творческих результатов.

Если говорить о характеристике вопросов (а выступило примерно 15 человек), то интересно их разнообразие. И чистота языка в формировании культуры и культурной среды, даже знание французского в решении этого вопроса, ценностное ядро, роль брендов, соотношение элитарной и массовой культур. Кстати, постановка вопроса о роли брендов была несколько, может быть, необычна для этой группы фундаментальных проблем, но надо иметь в виду, что в современном мире продвижение культуры, культурных образцов невозможно без овладения массовыми образами. Как можно овладеть массовыми образами, чтобы привить широкой социальной среде некую культурную ценность? Для этого нужны новые специальные технологии. Если мы не умеем, не успеваем, значит, будут уметь и успевают другие. Этой части, к сожалению, мало уделяется внимания. В проекте документа «Основы государственной культурной политики» об этом почти ничего не сказано.

¹ Психолог-консультант Национального открытого университета России, кандидат психологических наук, член Санкт-Петербургского философского общества, Санкт-Петербургского философского клуба.

Проблемы роли стереотипов в системе «коренное население — мигранты», соотношения этнической и гражданской идентичности, важности общероссийской идентичности затронул Анатолий Васильевич Дмитриев.

Прозвучало много интересных вопросов. Некоторые из них я хочу прокомментировать. Когда говорили о проблематике идентичности, ссылались на наших государственных деятелей. Никто не вспомнил в приложении к этому аспекту проблемы удивительную даже для нас, обществоведов, речь В. В. Путина, прозвучавшую на юбилейном заседании Валдайского клуба летом 2013 года. В 15-минутном выступлении он дал понимание, трактовку современной российской идентичности, проблематику нахождения механизмов, путей ее сохранения, развития и утверждения. Потом мы подняли свои материалы, все наши аналитические доклады, исследования Института социологии, которые наработали за 20 лет, — фактически все было представлено в речи президента с точки зрения современного понимания новой России, того, что она прошла за эти 23 года, что потеряла и что должна вернуть. Наш образ жизни, понимание нашей истории и нашего будущего. Пять страниц речи Путина стоят 500 страниц.

Что касается идентичности, я хочу привлечь ваше внимание еще к одному материалу. Я являюсь председателем редакционных советов разных журналов. Во втором номере журнала «Власть», достаточно известном, популярном в России и за рубежом, не без дискуссии редколлегии решилась опубликовать материал круглого стола «Русская матрица». Это редкий случай, когда научная литература читается как детектив. Была предпринята попытка проследить историю, о чем сегодня здесь говорилось, становление неформальной русской цивилизации, особенности пути. Есть ли у России особый путь, или мы его придумали?

Следует сказать несколько слов о роли Дмитрия Сергеевича Лихачева в этой проблематике и в том,

что мы сегодня обсуждали. Иногда нужно осторожно обращаться к некоторым выражениям. Ко многим из них мы привыкли. Например, Россия — не Европа, при этом ссылались на Чаадаева; Россия — не Восток; «умом Россию не понять». Это классика, а с классиками спорить не принято. Но почему Россия — не Европа, в каком смысле? В географическом? Конечно, не Европа. Это Евразия. В социокультурном, в политическом отношении то же, с точки зрения своего статуса, веса на международной арене. Каков контекст ссылки на подобного рода изречение? Или «умом Россию не понять». На мой взгляд, классик-поэт погорячился. Именно умом современную Россию можно понять. Вопрос в другом — в количестве и качестве этого ума. Это имеет прямое отношение к нашей аудитории, вообще к обществу. Если у гуманитарной обществоведческой интеллигенции России хватит ума (и количества, и качества), мы сможем понять свою страну, свое общество. Если нет, то не на кого пенять — только на самих себя. Можно вспомнить еще одного классика, но уже партийного, по фамилии Андропов, который в 1983 году на пленуме ЦК обронил фразу: «Мы живем в обществе, которого еще не знаем». Мы до сих пор можем повторять эту фразу.

Я хочу закончить цитатой из одного выступления Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, природных ресурсов, но и духовных ценностей». Подспудно, я думаю, Дмитрий Сергеевич имел в виду, что мы научились извлекать природные ресурсы и природные богатства и ставить их на службу России и не только. Но как извлекать и распоряжаться великими духовными ценностями — над этим вопросом он призывает нас задуматься.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо всем за участие в заседании нашей секции. Всего доброго! До следующих Лихачевских чтений.

Секция 3 СВОИ И ЧУЖИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

16 мая 2014 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. Б. КУДЕЛИН директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. А. ТИШКОВ академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

С. Р. Абрамов¹

ЛОГОС И НЕБЫТИЕ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ВОЗМОЖНОМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ТОЛКОВАНИЮ

Известная дихотомия «свой–чужой» в своих различных ипостасях была предметом многочисленных научных штудий и объектом различных религиозных синтезов, включая (из известнейших и поздних) психоаналитику эроса и танатоса у Фрейда и «я» и «чужого» у Лакана, Бытие и Ничто у Сартра или, к примеру, антиномию животворящего логоса и «немого» космоса в христианском богословском дискурсе.

Предмет данного доклада — лингвокультурологический аспект этой извечной дихотомии, отмеченный в предложенных Хайдеггером терминах «язык» и «смерть»², где язык (поэт) = Я, Свой, Бытие, эрос, Логос и прочее в иных герменевтиках, а смерть = Оно, Чужой, Ничто, танатос, хаос и пр.

В эссе о природе языка М. Хайдеггер пишет:

“Die Sterblichen sind jene, die den Tod als Tod erfahren können. Das Tier vermag dies nicht. Das Tier kann aber auch nicht sprechen. Das Wesensverhältnis zwischen Tod und Sprache blitzt auf, ist aber noch ungedacht. Es kann uns jedoch einen Wink geben in die Weise, wie das Wesen der Sprache uns zu sich belangt und so bei sich verhält, für den Fall, daß der Tod mit dem zusammengehört, was uns belangt” [1, с. 215]³.

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиций», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Жан Кокто в своих кинематографических шедеврах представил эту же оппозицию в виде Орфея (Поэта) и Смерти.

³ «Смертные суть те, кто могут изведать смерть как смерть. Зверю этого не постичь. Но зверь ведь и говорить не может. Сущностная связь между смертью и языком молнией вспыхивает

Итак: «Сущностная связь между смертью и языком молнией вспыхивает в нашем понимании, но остается теоретически не продуманной». Действительно, в проблеме «языкового бытия», поставленной Хайдеггером, связь между языком и иными экзистенциальными ситуациями получила, кажется, довольно основательный анализ в целом ряде специальных зарубежных исследований⁴; однако до сих пор остается неизученным этот важный аспект — связь между языком и смертью. Хайдеггер полагал, что ничто так не беспокоит и не влечет человеческий разум, как проблема языка и проблема смерти. И в этом отношении он следует столбовой дорогой западной традиции, всегда определявшей человека как *говорящего* и как *смертного*. Человек в западной философии обладает способностью к языку (*zoon logon echon*, по Пармениду [2, с. 114]) и «способностью» к смерти (*Fähigkeit des Todes*, словами Гегеля [3, с. 198]). Столь же определенно и неразрывно эти две сущности раскрываются в христианской традиции: *αἰὲν ἡμεῖς οἱ ζῶντες εἰς θάνατον παραδίδομεθα διὰ Ἰησοῦν* [II Кор. 4: 11] — «Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса». «Живыми» в терминах апостола Павла наряду с привычным словарным смыслом именовались христиане (они же «верные») как причастные жизни вечной; Иисус же, как известно, именуется всюду Бог-Слово

ет в нашем понимании, но остается теоретически не продуманной. Однако она манит нас тем же, чем и сущность языка притягивает к себе наше внимание: своей неразрывной с нами связью, так и тем, что смерть с нами неразрывно слита» (перевод мой. — С. А.).

⁴ Связь языка и болезни (особенно психической) — в целом ряде работ Р. Якобсона [4], языка и эроса (сексуальности) — в том числе среди новейших у Д. Камерон и Д. Кулика [5], языка и табу — М. Уиллсон [6] и пр., не говоря уж о бесчисленных анализах гендера [7; 8; 9].

(Божественный Логос) в качестве второй ипостаси Пресвятой Троицы. Более того, сама вера, по апостолу Павлу, открывает способность к языку: *καὶ τῆς πιστεύουμεν Δίῳ καὶ λαλοῦμεν* [I Cor. 4: 13] — «мы веруем, потому и говорим», и наделяет нас особой — *собственно человеческой* — сущностью «как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (*ὡς ὑπηρετὰς Χριστοῦ καὶ οἰκονόμους μυστηρίων θεοῦ*) [I Cor. 4: 1]

Лишь человеку ведом язык и ведома смерть. Но может ли связь между двумя этими сущностными «способностями», всегда разумеющаяся сама собою, но прежде не бывшая предметом научной рефлексии, оставаться таковою и впредь? Или же пределы лингвофилософского анализа достаточно раздвинуты нашей эпохой, чтобы вместить и эту экзистенциальную проблему? «И что было бы, если бы человечество не было ни говорящим, ни смертным, но продолжало бы говорить и умирать?» — задается вопросом Дж. Агамбен в своей книге «Место отрицания» [10]. Какова связь между этими двумя определениями? Выражают ли они в разных словах одну и ту же сущность?

По-видимому, связь между языком и смертью действительно следует устанавливать посредством анализа места отрицания, через разрешение самой проблемы отрицания (ибо лингвистически отрицание и есть эквивалент смерти). И способность к языку, и «способность» к смерти, поскольку обе они конституируют наиболее подходящее человеку место обитания (язык как дом бытия, пользуясь известной метафорой Хайдеггера) и это место отделяют, отграничивают от прочего, тем самым они (эти способности) раскрывают это место как растворенное и укорененное в отрицании. Поскольку человек говорит и человек смертен, он, по словам Гегеля, есть отрицательное существо, которое «есть то, что не есть, и не то, что есть» или, словами Хайдеггера, «вместилище (*Platzhalter*) Ничто». И сама сущность хайдеггеровской «сиюбытности» (перевод знаменитого термина *Dasein*, предложенный Н. О. Гучинской [2]) есть «бытие-в-мире» как «бытие-к-смерти» [11, с. 53].

Вопрос об отношении языка и смерти как существенных детерминант человека может быть поставлен философией языка как вопрос о сущности отрицания, о его грамматике, семантике и прагматике, о его социолингвистическом и психолингвистическом статусе. Однако отрицание наряду с лингвистикой есть предмет логики и метафизики, тем самым путь аналитики отрицания — это и путь критики онтологической традиции. Однако всякая критика онтологической традиции в западной философии невозможна без критики этической традиции. Логика и онтология покоятся на едином отрицательном фун-

даменте, и на горизонте метафизики они неразличимы. Если вспомнить программу немецкого идеализма, то в будущем всякая метафизика сольется («обрушится») в единую этическую систему. Сам смысл этого ожидаемого «коллапса» остается неясным: быть может, это как раз тот коллапс, который мы наблюдаем ныне? То пришествие *нигилизма*, преодолеть который не в состоянии ни современная мысль, ни практика (политика)? Та «смерть языка», о которой говорил Д. Кристал? [12] Тот «апофеоз беспочвенности», о котором нас предостерегали?

С другой стороны, если секулярный философский анализ не вселяет радостных надежд, то лингвистический, наоборот, подтверждает статус отрицания как «существования безосновательного» (*Grundlose* Гегеля) на отрицательном основании (*on negative ground*, по Дж. Агамбену) и тем самым возвращает нас к старой истине онтотеологии, к ее мистическому апофатическому методу категоризации. И поскольку мистическое богопознание осуществляется апофатически, то есть Бог может быть понят лишь в отрицательных терминах, постольку и смерть (как и ее лингвистический двойник — «отрицание») есть апофатическое определение человека (а язык — его катафатическое определение), и значит — парадоксально: «смерти нет» (вслед за апостолом Павлом: *που σου θάνατε το κέντρον που σου αδη το νικος* — «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?») [I Cor. 15: 55]).

Литература

1. *Heidegger M. Unterwegs zur Sprache* / M. Heidegger. — Pfullingen, 1967.
2. *Хайдеггер М. Введение в метафизику* / М. Хайдеггер; пер. с нем. Н. О. Гучинской. — СПб., 1998.
3. *Hegel G. F. W. Werke in zwanzig Bänden. 3. Band: Phänomenologie des Geistes* / G. F. W. Hegel. — Frankfurt a/M, 1971.
4. *Jakobson R. Selected Writings* / R. Jakobson. — The Hague; P.: Mouton De Gruyter, 1982.
5. *Cameron D. Language and Sexuality* / D. Cameron, D. Kulick. — Cambridge, 2002.
6. *Willson M. Taboo* / M. Willson. — Cambridge, 1995.
7. *Coates J. Language and Gender: A Reader* / J. Coates. — Berkeley, 1998.
8. *Andersen M. L. Race, Class, and Gender: An Anthology* / M. L. Andersen, P. H. Collins. — N. Y., 2006.
9. *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity (Routledge Classics)* / J. Butler. — L., 2006.
10. *Agamben G. The Place of Negativity* / G. Agamben. — University of Minnesota Press, 1980.
11. *Heidegger M. Sein und Zeit* / M. Heidegger. — Tübingen, 1972 [1. Aufgabe: Halle, 1927].
12. *Crystal D. Language Death* / D. Crystal. — Cambridge, 2002.

О. Н. Астафьева¹**НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ И ТЕХНОЛОГИИ ИМИДЖЕЙ**

Становление образа культуры России как «своей» национальной культуры для всех субъектов РФ — длительный процесс, неразрывно связанный с формированием единого культурного пространства. В условиях глобализации на его укрепление направлена не только деятельность различных социальных институтов, но и воздействие культурологических и политических дискурсов, всего многообразия региональных практик позиционирования, отвечающих коммуникативной стратегии современной культурной политики.

Формируемый современный образ российской культуры направлен на преодоление оппозиции «своей» и «чужой» культуры, на достижение пространства диалога в русле общей нацеленности на интеграцию и поддержание целостности национальной культуры. Провозглашение и проведение в жизнь этой идеи привело к поиску оснований и механизмов принятия населением страны общей системы ценностей при сохранении возможностей для жителя каждого региона выражать свои этнокультурные особенности (язык, образ жизни и др.). *Сопричастность* же к процессу насыщения образа национальной культуры дополнительными характеристиками, весьма важными с точки зрения ее потенциала к саморазвитию, выступает сущностью общественной рефлексии и социокультурного проектирования, снижающими напряжение и кризисные проявления.

Национальными ценностями, концептуально закреплёнными в стратегиях культурной политики субъектов Российской Федерации, пронизываются культуроохранные и культуротворческие технологии развития региональных и локальных культур, позволяя удерживать уникальность их пространств как основы единого культурного пространства. Показательно, что население разных регионов страны, являясь носителем определенной ментальности и традиций, при всей «инаковости» культур благодаря действующим конвенциональным нормам и правилам не трансформирует образ национальной культуры, но предельно усложняет его, делая многогранным и неповторимым. Исходя из этого, проблема имиджа Рос-

сии как многонациональной страны приобретает все большую практическую актуальность в современном глобальном контексте.

Вопрос об имидже как многофакторном феномене, интерпретации которого расширяют смысловые границы заложенных в его ядре идей, не может быть рассмотрен только как теоретическая или технологическая задача, поскольку связан с формированием образа культуры, содержание которого не раскрывается без понимания множества семантических оттенков².

Становление образа любой региональной культуры как совокупности представлений памяти и воображения о традициях, о языке, образе жизни и эстетике быта, стиле поведения и манере общения, фольклоре, искусстве и произведениях художественного творчества происходит в сознании людей благодаря воображению и упорядочению разнообразной информации. В «образе» сливаются воедино все внешние и внутренние характеристики культурной среды, включенной в целостную структуру регионального культурно-природного ландшафта. Поэтому современные технологии формирования образа представляют собой процесс создания информации, усиливающей те или иные ассоциации и/или стереотипы, «направляя» оценки в положительную или отрицательную сторону, влияя на историческую, культурную, политическую составляющую дискурсов.

Когда речь идет об образе территории с точки зрения ее культурной составляющей, центральной проблемой становится признание культуры в качестве мощнейшего символического ресурса, как системы архетипов, образцов памяти, репрезентированных не только через стиль мышления и образцы поведения, но и через региональные особенности культуры, запечатленные в произведениях искусства, в той или иной степени проявляющиеся в местном архитектурном ландшафте и пр. И если этот подход возобладает, то взаимодействие между «своей» и «чужой» культурой не будет выступать «зоной рисков».

«Образ» — это междисциплинарный термин, поскольку речь идет и о пространственно-локальных характеристиках (географических в том числе), и о временной динамике, характерной для социальных отношений, и о значимых для носителей этого образа характеристиках духовной культуры, а также о лингвистических особенностях, внешних маркерах, проявляющихся в одежде и манере поведения. Более всего на образ воздействуют исторические факты и события, запечатленные в разных источниках. Со временем они подвергаются интерпретации или могут намеренно использоваться избирательно, особенно с целью привлечения внимания к тем или иным сюжетам, которым отдает предпочтение интерпретатор (власть, социальные группы, отдельные лица), к подбору визуального ряда, к культурному наследию, открывающемуся

¹ Заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы», «Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика» (2-е изд., в соавт.), «Право и культура» (в соавт.) и др. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член экспертных советов (ВАК Минобрнауки и науки РФ, РГНФ и РНФ), член Союза композиторов России, Российского философского общества, председатель Московского филиала Научно-образовательного культурологического общества и др. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² См.: Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 153.

туристическим потокам. В том или ином случае можно усилить или изменить сложившийся образ.

В случаях, когда технологии распространения образа приобретают механистический характер, от образа остаются «дискурсы имиджа» — определенная информация как стимулятор активности общественного сознания, реагирующего на маркетинговые стратегии или на распространение стереотипов, не исключая запуска механизмов негативных ассоциаций. В этих условиях коммуникационные и информационные процессы становятся важными факторами формирования символической среды. Конструирование имиджа связывается с укреплением социокультурного дискурса, когда образ разворачивается во времени, усиливая его восприятие и переживание многими субъектами, поскольку это сложнейшее интегративное образование, включающее, помимо рационального и символического начала, семантические и эмоционально-психологические характеристики.

Одной из сложных для теоретического осмысления остается проблема взаимозависимости между полнотой образа культуры, репрезентирующей фундаментальные смыслы человеческой жизнедеятельности (Л. С. Выготский) и наполняющей ими культурные схемы, призванные «интерпретировать текст и управлять поведением в широком поле областей»¹. Установлено: чем беднее создаваемый образ региональной культуры, тем острее стоит вопрос об общем уровне культуры, о состоянии коллективной идентичности, характеристиках социальной среды.

Таким образом, вопросы об образе культуры и культурных моделях, базирующихся на нем, — это вопросы о поиске значений «скоординируемой схематизации», которые были бы представлены всем социальным группам и разделялись бы субъектами культурной политики как соответствующие современному уровню цивилизационного развития. Нет никакого смысла выстраивать ошибочные выводы, однако следует признать, что соответствующее принципам демократии интерактивное смысловое пространство культуры определяется *некой общей когнитивной ориентацией*, проектируемой инструментами государственной культурной политики, которая и воплощается в разных формах в культурных моделях. Согласование конвенциональных моделей и их вариаций является необходимым условием для продолжения регенерации intersubъективных значимых систем из практики².

Репрезентации в дискурсах культурной политики не только являются выражением (с помощью языковых средств и механизмов) *образа социокультурной реальности*. Ими предопределяется содержание, целенаправленно формируемое в сознании людей (адресатов) определенным комбинированием знаково-символических форм. Речь идет о моделировании через дискурс конкретного образа реальности, когда репрезентации выполняют конструирующую функцию в дискурсах разных субъектов культурной политики. Дискурсы порождают семантические пространства со своей иерархией ценностей и смыслов, тем самым запуская ме-

ханизм процедуры категоризации, упорядочивающий соотношение ценностей и целей, закрепляя коллективную идентичность, в целом — оказывая влияние на распределение ресурсов.

Исходя из этого, в теории и практике управления актуализируется вопрос о функциях государства как субъекта культурной политики, располагающего развернутой *системой коммуникаций* и обеспечивающего как возможности для индивидуального смыслотворчества, так и условия для воспроизводства опыта членами сообщества³. В свою очередь общий образ культуры (как результат конвенциональных репрезентаций) способен стимулировать персональные мотивации для творческой самореализации в культуре.

Этот сплав коллективного и индивидуального действия и осмысления, встраиваемый посредством упорядочения в определенных когнитивных моделях в систему ценностно-смысловых оснований культурной политики, позволяет оформить концепцию регионального имиджа, которая может быть дополнена брендами из разных сфер деятельности. Концептуальная категоризация совершает перевод эмпирических и перцептивных данных на логико-понятийный уровень, синтезируя образ культуры и имидж региона. Такой коммуникативный подход является востребованным и результативным в ситуации множественности культур и социокультурного разнообразия, открытости к интеграции в глобализирующемся мире. Он позволяет актерам культурной политики на разных уровнях предлагать концептуальные константы и ценностные ориентиры, позиционировать обществу культурные эталоны, формировать предпочтения и пространства для творческой самореализации. На управленческом уровне — конструировать структурно-функциональные схемы их реализации и перспективные сценарии, прагматичные «дорожные карты», инициировать проявление вариативности в стратегиях социокультурного развития. Создание нового имиджа региона, включающего элементы или значительную часть символического спектра культуры и вписывающегося в сложившиеся представления о региональной специфике, обеспечивает целостность социокультурного пространства, узнаваемость, устойчивость коллективной идентичности в регионе, аккумулирует позитивные эффекты социокультурного развития.

В контексте вопроса о ценностях, определяющих ориентиры региональных культурных политик, вполне очевидно, что для России как страны, где проживает множество разных народов, базовыми принципами по отношению к культуре выступают сохранение культурного разнообразия и поддержка межкультурного диалога в условиях глобализации, снимающие крайние проявления социальной неустойчивости и нестабильности на территории РФ. Этот динамичный процесс находится в сложной зависимости от состояния и уровня культуры в обществах как показателя умения соизмерять свои потребности с природными и иными ресурсными возможностями. Исходя из этого, актуализируется сложнейшая задача осмысления особенностей

¹ Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология. СПб. : Алетей, 2010. С. 49.

² Там же.

³ Режабек Е. Я., Филатова А. А. Указ. соч. С. 149.

социокультурной динамики в контексте происходящих сверхбыстрых изменений, а также вопросы их институционального регулирования. Однако, как следует из анализа теоретических источников, научное сообщество озабочено раздробленностью подходов к ее решению, слабостью междисциплинарного видения проблем, очевидной сменой акцентов с понимания культуры как смыслополагающей сферы жизнедеятельности человека и ценностной системы, имеющей императив-

ную силу социальной нормы, на трактовку культуры как исключительно ресурса социально-экономического развития.

Обозначенный круг проблем намечает дальнейшие направления теоретических и прикладных культурологических исследований, актуализируя вопросы взаимозависимости и взаимодействия национальной культуры и региональных культур на новом этапе социокультурного развития страны.

А. В. Воронцов¹

«СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ЗЕРКАЛЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Сегодня для социологии одной из самых актуальных задач является анализ событий, происходящих в последние месяцы на Украине. С нашей точки зрения, большой интерес представляет исследование роли оппозиции «свой–чужой» в украинском конфликте.

Ситуация на Украине, спровоцированная сторонниками Евромайдана, отчетливо выявила проблемы, которые назревали в украинском обществе последние 23 года. По нашему мнению, украинский конфликт имеет в своей основе экономические противоречия ограниченного круга лиц и сводится по большому счету к борьбе двух олигархических кланов, как их принято называть в СМИ, — «донецких» и «днепропетровских». Но как это часто бывает, реальные причины конфликта пытаются маскировать более широкими культурными псевдопротиворечиями между русским и украинским народами.

За последние 23 года украинские власти при помощи европейских и американских консультантов приложили всевозможные усилия для формирования в украинском обществе оппозиции «свой–чужой». Политика европеизации имела несколько задач:

— во-первых, это формирование самосознания молодежи как украинцев (представителей украинской нации);

— во-вторых, создание образа России как чужого и даже враждебного соседа;

— в-третьих, создание образа Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки как дружественных соседей и настоящих, давних друзей, с которыми Украина имеет общую историю и судьбу.

Исходя из этих задач, мы можем сделать вывод о том, что истинной целью консультантов было исключение Украины из орбиты ближайших интересов России и включение в орбиту Европейского Союза. А глобальная цель мирового капитала — недопущение воссоздания на бывшей территории СССР в обновленном

виде любого объединения, тем более Союза, и включения в свою орбиту Украины.

Политика «европеизации» и «украинизации» направлена в основном на молодежь и начинается еще со школьной скамьи. Западные политтехнологи прекрасно понимали, что «промывать мозги» людям старшего поколения, которые имели непосредственный опыт жизни в одной стране с Россией, не имеет смысла, а сосредоточились на молодежи.

Одним из нашумевших примеров пропаганды о «великом украинском народе» стало создание легенды об украинцах как о древнем народе, народопрародителе. Особое внимание было уделено культуре и истории, активно превозносились роль Украины в мировом историческом процессе, ее большое влияние на судьбу человечества. Преувеличивался вклад ученых, деятелей культуры в достижения мировой цивилизации.

(Необходимо отметить, что мы ни в коей мере не хотим принизить историческую роль украинского народа, но говорить о его первостепенной роли для всего человечества, как делают некоторые украинские пропагандисты, также является преувеличением.)

Широко осуществлялось повсеместное внедрение украинского языка. При этом, как считают многие исследователи, использовался волынский суржик, подвергшийся влиянию польского языка, в связи с чем многие украинцы, особенно с востока страны, не всегда понимают его.

Этот язык политики упорно противопоставляли языку русскому, формируя тем самым образ «чужого». Ведь если говорить о социальных практиках, то язык — одна из основных практик, формирующих идентичность. Верховная Рада Украины под давлением Майдана приняла беспрецедентный закон, направленный против русского языка, на котором говорят более 70 % населения.

В украинских СМИ сознательно и последовательно формировался образ России (Российской империи и Советского Союза) как главного виновника всех бед Украины. В частности, преувеличивались масштабы голодомора, умалчивались достижения и помощь России в становлении и развитии Украины как самостоятельного государства.

Россия представляла в виде «варвара с востока», у которого нет демократии, прав и свобод человека,

¹ Председатель профильной комиссии по науке и высшей школе Законодательного собрания Санкт-Петербурга, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных и публицистических работ по проблемам истории русской и зарубежной социологии, социологии культуры, деревни, образования, социальной сферы, в т. ч.: «Золотой век советской культуры», «Социология в контексте гуманитарного образования», «Социология в системе социогуманитарных наук», «Русский язык в контексте образования» и др. Главный редактор журнала «Вестник Петровской академии». Член Союза писателей России.

перспектив, где плохие условия жизни. И что самое важное, украинские политики называли Россию главным виновником бед и проблем «незалежной».

В то же время в отношении Европы и Америки формировался образ «своих», отмечалось, что исторические пути Европы и Украины на самом деле идентичны и они всегда шли по одному пути, только Украина была оторвана Россией, и теперь им необходимо воссоединиться.

Разделение «свой–чужой» идет также и по религиозной линии. Так, часть украинского духовенства мечтает о полной свободе от Русской церкви, симпатизиру-

ет Майдану, грезит о своей независимой автокефальной церкви. И эти идеи не новы в истории Украины. Однако Русская православная церковь достаточно много усилий прилагает для сплочения украинской нации на основе православия.

Между тем проводимая политика имела результат не везде: западные регионы оказались ей более подвержены, чем восточные. В Республике Крым результаты русофобской пропаганды практически незаметны.

Таким образом, мы отчетливо видим, что конфликт двух братских народов не имеет под собой реальных оснований и по большому счету создан искусственно.

Т. А. Воронцова¹

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧУЖОЙ» В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Концепт как ментальная сущность, представленная в значениях языковых единиц, включает весь опыт, который человек приобретает в процессе освоения окружающего мира.

Как отмечает Ю. С. Степанов, концептуальная оппозиция «свой–чужой» является одной из ключевых в национальном коллективном сознании². Именно в рамках этой оппозиции формируются объекты социальной агрессии, потенцирующие конфликтные ситуации в обществе³. Поскольку содержание концепта не исчерпывается словарным толкованием, то концепт, репрезентированный одной и той же языковой единицей, в разное время под влиянием внешних и внутренних факторов может оказываться на разных полюсах данной оппозиции. В коллективном языковом сознании такое изменение оценочного статуса концепта возможно лишь при условии его актуальности для всего общества в целом. Концепт как ментальный комплекс знаний и представлений о той или иной реальности может претерпевать изменения в коллективном когнитивном пространстве только при наличии экстралингвистической ситуации, делающей данный концепт значимым для всего социума. Другим важным фактором этого процесса является широкое отражение данного концепта в публичном дискурсе. Для того чтобы воздействовать на коллективное сознание, необходимо большое количество дискурсов и множество адресантов. Своеобразным «проводником» таких модификаций в первую очередь являются СМИ. Изменениям, как правило, подвергаются концепты, не обладающие конкретным содержанием и жесткой структурой. Чаще всего

они представляют собой либо концепт с «размытым» смыслом (например, *демократия*), либо концепт, обозначающий некое неисчисляемое множество лиц, объединенных каким-либо признаком (*чиновники*, *террористы*).

Одним из таких социально значимых в российском коллективном языковом пространстве в течение последнего десятилетия является концепт «*мигранты*».

До 1990-х годов концепт «*мигранты*» в российском языковом сознании существовал лишь как понятие. В малом академическом Словаре русского языка есть помета, свидетельствующая о терминологическом характере употребления слова: «*Мигранты* — истор., этногр. — мигрирующие народы, племена, слои населения»⁴. В большинстве толковых словарей русского языка второй половины XX века слово «*мигрант*» либо отсутствует, либо прямо соотносится со словом «*миграция*»: «*Мигрант* (< лат. *Migrans* (*migrantis*) — переселяющийся) — лицо, совершающее миграцию. | См. *иммигрант*, *эмигрант*»⁵. Как видим, понятие «*мигрант*», представленное в данных словарях, актуализирует только смысловой компонент «*переселение, перемещение*», а само слово как репрезентант данного концепта фигурировало преимущественно в научном дискурсе. Этот же смысловой компонент присутствует в концепте «*переселенцы*», который, в отличие от концепта «*мигранты*», представлен не только в научном, но и в других типах дискурса: бытовом, художественном, публицистическом. Ср.: «*Переселенец* — тот, кто переселяется, переселился или кого переселили на новое место, на новые земли»⁶. При этом вряд ли можно говорить об актуальности данного концепта для носителей русского языка применительно к советскому периоду. Как известно, граждане Советского Союза перемещались исключительно внутри страны, причем массовые перемещения происходили, как правило, под контролем государства (освоение новых территорий, народные стройки и т. п.). Для

¹ Профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, доктор филологических наук. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство», «Речевая провокация в мужской и женской речи», «Государство — это не мы!», «Формирование объектов речевой агрессии в коллективном когнитивном пространстве», «Особенности полилогической коммуникации в публичном дискурсе» и др.

² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 126.

³ Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006.

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988. Т. 2. С. 266.

⁵ Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

⁶ Словарь русского языка. Т. 3. С. 94.

обозначения участников таких процессов создавались специальные идеологемы: *герои народных строек, покорители целины* и т. п. Масштабные стихийные перемещения связаны только с периодом Великой Отечественной войны. Именно в этот период актуализируется концепт «*беженцы*» для обозначения людей, покидавших свое место жительства, спасаясь от бедствий войны. По этим причинам концепт «*переселенцы*» в языковом сознании советского периода не имел жесткой смысловой структуры и сохранял в качестве смыслового ядра исключительно «идею» переселения на новое место. Данная номинация использовалась (и используется) применительно к любому историческому периоду, вне связи с какими-либо географическими или этническими характеристиками. Синонимия номинаций «*мигрант*» и «*переселенец*» позволяет говорить об отсутствии экстралингвистических оснований для актуализации концепта «*мигранты*» в языковом сознании носителей русского языка вплоть до 1990-х годов.

Актуализация и последующее расширение концепта «*мигранты*» в российском языковом сознании произошли в конце XX века. Это было обусловлено такими процессами, как распад СССР и, как следствие, массовый исход русского населения из бывших советских республик из-за национальных проблем. Как правило, большинство таких переселенцев — это высококвалифицированные специалисты, интеллигенция (врачи, учителя, ученые, инженеры и т. д.), уезжавшие в Россию на постоянное место жительства. Данный процесс нашел свое отражение и в медиадискурсе, и в политическом, и в бытовом дискурсах. Анализ разных типов дискурса данного периода свидетельствует о том, что в российском языковом сознании конца XX века происходит трансформация концепта «*мигранты*». Не случайно в Толковом словаре русского языка конца XX века, в отличие от других толковых словарей, в определении понятия «*мигранты*» актуализируется прежде всего социальный смысл, и концепт «*мигранты*» в значительной степени сближается с концептом «*беженцы*». Об этом свидетельствует и почти полное совпадение словарных определений. Ср.: «*Мигранты* — люди, *вынужденные* (выделено нами. — Т. В.) покинуть свое место жительства в силу экономических причин, притеснений по национальному признаку, природных катастроф и т. п.». «*Беженцы* — покинувшие место своего проживания в результате неблагоприятных условий жизни (из-за стихийного бедствия, по политическим, расовым, религиозным и тому подобным причинам)»¹.

Контекстуальные условия употребления слова «*мигранты*» во всех видах дискурса свидетельствуют об отсутствии в данном концепте негативного оценочного компонента. На это указывают способы репрезентации данного концепта: мигранты — *вынужденные* переселенцы — беженцы. Более того, общий эмоциональный посыл контекстов, репрезентирующих данный концепт, — это сочувствие к мигрантам.

Таким образом, в 1990-е годы в ядерной зоне концепта «*мигранты*» оказываются следующие смыслы: а) этнический показатель — русские; б) причина переселения — дискриминация по национальному признаку; в) цель приезда — стремление к безопасности, стремление жить в привычной культурной среде, сохранив свой социальный и профессиональный статус; г) намерение жить в России постоянно. Все это позволяет говорить о том, что в 1990-х годах концепт «*мигранты*» в коллективном языковом сознании россиян ассоциируется со сферой «*свои*».

К началу XXI века массовое переселение русских с постсоветского пространства практически закончилось. Люди, приехавшие в Россию, так или иначе встраиваются в социум. В связи с этим концепт «*мигранты*» в том виде, в котором он существовал в коллективном сознании носителей русского языка в последнее десятилетие XX века, теряет свою актуальность. Однако в этот период экономическая ситуация в ряде стран ближнего зарубежья, в основном в республиках Средней Азии, способствовала тому, что в Россию в поисках работы стали приезжать коренные жители этих стран. Масштабность этого процесса, с одной стороны, обусловила сохранение концепта «*мигранты*» в числе социально значимых концептов, с другой — способствовала трансформации его содержания. Теперь в ядерной зоне данного концепта оказываются иные смысловые параметры. Во-первых, это этнический показатель — выходцы из Средней Азии или с Кавказа. Не случайно в медиаисточниках в качестве синонимов к слову «*мигранты*» могут употребляться слова «*азиаты*», «*кавказцы*», «*таджики*» и т. п. Во-вторых, *мигранты* — это люди, приехавшие в Россию на время с целью заработать деньги. Данный смысловой компонент реализуется, во-первых, за счет широко распространенного определения «*трудолюбивые мигранты*», во-вторых, за счет полной синонимии номинаций «*мигрант*» и «*гастарбайтер*». Лексема «*гастарбайтер*» широко представлена в российском дискурсе начала XXI века и репрезентирует те же смыслы, что и концепт «*мигранты*»: *гастарбайтеры* — это люди, приехавшие на заработки в Россию из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. Контекстуальное употребление данных номинаций позволяет говорить о том, что *мигранты* и *гастарбайтеры* — это способы обозначения одного и того же концепта. Например: «*Другие квоты — на привлечение трудовых мигрантов, прозванных в народе гастарбайтерами, — не изменились*» (<http://www.ntv.ru/>).

Такая трансформация ядерной смысловой зоны неизбежно повлекла за собой изменение периферии данного концепта. Однако если изменение ядерной зоны концепта связано с объективными социальными и политическими причинами, то на формирование периферийных смысловых зон существенное влияние оказывает публичный дискурс, в первую очередь СМИ. Такое воздействие особенно ощутимо, если данные смысловые зоны объединены негативной оценкой и отражают социально значимые реалии, которые находятся в сфере ключевых интересов всего общества

¹ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998. С. 385, 78.

и связаны с угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т. п. К числу таких смыслов можно отнести следующие:

а) *мигранты* пренебрегают цивилизационными правилами и нормами культуры. Так, в массовом сознании россиян уже закрепился многократно транслируемый СМИ поведенческий стереотип мигрантов: «... *мигранты на лестничных клетках и во дворах режут баранов, на балконах жарят шашлыки, а женщины, как привыкли у себя в кишлаках и аулах, ходят в магазин в халатах и тапочках*» (Экспресс-газета. 2011);

б) *мигранты* пренебрегают правилами гигиены, «везут» в Россию опасные инфекционные заболевания: «*Мигранты — резервуар туберкулезной инфекции*» (ИА REGNUM Новости); «*Мигранты привозят в Воронеж туберкулез, сифилис и СПИД*» (Блокнот. Главные новости Воронежа. 2013);

в) *мигранты* обладают низкой профессиональной квалификацией, поэтому не могут качественно выполнять работу;

г) *мигранты* нарушают закон, совершают преступления.

Наличие этих смысловых зон, потенцирующих негативную социальную оценку, сопровождается определенными смысловыми сдвигами внутри концепта,

что неизбежно влечет за собой негативизацию концепта в целом. Как писал М. М. Бахтин, «изменение значения есть, в сущности, всегда переоценка: перемещение данного слова из одного ценностного контекста в другой»¹. Постоянная и последовательная актуализация негативных оценочных смыслов в публичном дискурсе (прежде всего в дискурсе СМИ) фактически свидетельствует о том, что концепт «*мигранты*» из сферы «свои» перешел в сферу «чужие». Тот факт, что номинация «*мигранты*» активно используется исключительно в контексте с негативной модальностью множеством адресантов во множестве различных дискурсов, позволяет говорить о том, что в современном российском массовом языковом сознании данный концепт постепенно закрепляется как негативный стереотип, безусловно относящийся к концептуальной сфере «чужой». Особенностью процесса стереотипизации объективной действительности является известное упрощение, «сокращение этого фрагмента в процессе познания»². Будучи таким стереотипом, концепт «*мигранты*» становится объектом социальной агрессии и транслирует в массовое сознание установки и предубеждения, которые, в свою очередь, способны породить межнациональные и социальные конфликты.

В. С. Глаголев³

РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В ДИНАМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРНОСТИ

Количество этносов на Земле, появившихся в ходе этногенеза, является предметом полемики ученых. В первую очередь потому, что до сих пор твердо не установлено число центров, где «стартовал» этот процесс. Подвергается критике точка зрения о единственном центре, долгое время относимом к территории Африки в районе озера Танганьика. Предметом дискуссии является предположение о наличии южноазиатских центров, все настойчивее звучат доводы о существовании такого центра на территории современного Китая. Идеологические соображения, восходящие к характеристике КНР как Поднебесной, будут, по всей видимости, усиливаться в антропологических и этнологических изысканиях: Китай сегодня не жалеет средств на финансирование крупномасштабных национально значимых проектов. Утверждение тезиса, что первый человек на Земле появился в Китае, вполне соответствует особенностям национального самосознания,

¹ Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 72–96, 439.

² Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 200.

³ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Религия караймов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов» (учеб. пособие), «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

тысячелетиями культивируемого в этой стране (позволим напомнить о расхожих в советское время анекдотах, в которых СССР являлся родиной слонов, а первый человек появился в Саратове).

Развертывание генетического разнообразия человечества, определяющее фенотипические характеристики людей, принадлежащих к разным расам и типам будущих этносов, продолжалось в течение всей писаной и неписаной истории человечества. Этот процесс не завершён и в настоящее время. Достаточно вспомнить о гигантских территориях Латинской Америки, Азии и Африки, вовлекаемых в модернизационные проекты и включающихся в современные глобализационные процессы, чтобы смело утверждать, что этногенез является незавершённым и в настоящее время. О его будущем можно судить лишь в рамках предельно условных предположений. Современные дискуссии об украинской нации, развернувшиеся в последние годы, — наглядное свидетельство неисчерпаемости потенциалов во взаимодействии этнически определенных групп с их особенностями языка, культуры, религиозной идентичности, способов хозяйственной деятельности, политических и геополитических предпочтений. Как и в любой социально-гуманитарной науке, определенные суждения в этих вопросах в лучшем случае выражают динамичное соотношение противостоящих друг другу и взаимодействующих тенденций, отличающихся многовариантностью, если сохранять

осторожность научного подхода. Вместе с тем политические интересы и геополитические выборы задают ученым форматы категорических утверждений. По линии водораздела категорических тезисов и сумм вытекающих из них практических выводов происходит маркировка по принципу «свой» и «чужой» в сердцевинах самых абстрактных теоретических допущений. Это тот случай, когда политика предельно заинтересована в научной поддержке и мобилизует ее всем спектром средств, имеющихся в распоряжении действующих ныне политических сил, от соблазнов «чистой науки» до прямого подкупа, силовых принуждений, включая ограничение информации и запреты на профессию.

Если обратиться к истории Крыма, то приходится вспомнить тавров и скифов, сарматов, готов и хазар, гуннов, караимов и славян. Список национально-культурных организаций середины 1990-х годов насчитывал 22–23 позиции: от народов, населявших полуостров со времен Византии, до сравнительно недавних переселенцев на его территорию в послевоенное время.

Нетрудно заметить, что значительная часть ныне существующих и признаваемых наукой и государством этносов складывалась на основе предыдущих этнических дифференциаций. Те же славяне, как известно из истории Древней Руси, включали древлян, полян, кривичей и др. Аналогично обстояло дело и с множеством других этносов, населяющих Землю в настоящее время. Логичен вопрос: что в каждом из них было «своим», что — «чужим»? В первую очередь, конечно, своеобразие сочетаний генов (критерий условный, но объективный). Правда, при условии их выделения на уровне молекулярной биологии, а не спекуляций на эту тему. Поскольку само понятие «ген» появилось после 1864 года благодаря экспериментам Г. Менделя с душистым горошком в августинском монастыре Старе Брно, а молекулярная биология сложилась лишь к концу первой половины XX века, данный объективный критерий начал активно «работать» только в последнее время. Ранее пользовались эмпирическими критериями, антропологической идентификацией и классификацией. На них опиралась, в частности, и нацистская теория о «высших» и «деградирующих» нациях, пышно расцветшая в 1930-х годах. Параллельно развертывались исследования, направленные на раскрытие генетического кода и связанные с ними эксперименты в области гибридизации, попытки улучшения человеческого генофонда (евгеника) и т. д. Можно упомянуть также современный скрининг и генную инженерию.

Генетическим исследованиям в широком смысле предшествовал многовековой сбор эмпирического материала и основанные на нем рекомендации подбора супружеских пар для производства жизнеспособного потомства. Юмористическая характеристика этих усилий отразилась в строках В. Высоцкого: «Мой дядя, что достался кабану, пока был жив, предупредил меня: нельзя из людоедок брать жену...» Напряженное всматривание в сочетание антропологических характеристик, размышление над последствиями этих сочетаний и соответствующие обобщения и основанные на них рекомендации и запреты пронизывали всю дописьменную историю человечества, дополняясь правилами

принятия в состав рода и племени чужеземцев. Вместе с этим в оборот принимались элементы чужого языка (при общем доминировании своего), успешные технологические навыки и религиозные верования. Разумеется, в той мере, в какой они отвечали задачам действительной или кажущейся стабилизации и экспансии «принимающей стороны». С появлением письменности фиксация генеалогических линий позволила пользоваться аргументами, более четко воспроизводившими историческую память древних коллективов. Далеко не всегда, как показывают археологические исследования, традиционная практика бракосочетаний была успешной, например выбор супругов для египетских фараонов из круга ближайших родственников. Хотя и здесь сроки индивидуального правления некоторых из них и продолжительность династий, в которых существовала эта практика, позволяют говорить о фенотипическом здоровье на протяжении ряда поколений.

Как известно, записи в церковных книгах рождений, бракосочетаний и смертей позволили священнослужителям ряда северных стран Европы, где сохранялись устойчивые межпоколенные общности на протяжении ряда столетий, составлять рекомендации о желательности или нежелательности заключения брачных союзов в XVIII и XIX веках (а может быть, и в более раннее время).

В наши дни совет старейшин общины липован — старообрядцев, проживающих в Румынии, — в обязательном порядке обсуждает намерение молодого человека взять в жены девушку из своей общины и девушки, желающей выйти замуж за молодого человека из той же среды. Налагается твердый запрет на заключение таких браков, если устанавливается родство менее чем в шести поколениях. При этом нарушителям запрета отказывают в социальной и духовной поддержке общины, что создает таким отщепенцам значительные трудности адаптации в инокультурной и инорелигиозной среде.

Политические реалии вносят свои азимуты в процесс этнокультурного взаимодействия. Если говорить о геополитической экспансии, то она сопровождается активной трансляцией религиозных и культурно-политических ценностей ее активными участниками. В их роли могут выступать государство и союзы государств, политические партии; массовые религиозные движения, инициируемые соответствующими политическими силами и инспирируемые их организациями. Процесс противодействия экспансии сопровождается в ряде случаев консолидацией тех, кто становится ее объектами. Классический пример этого рода — сопротивление Абиссинии итальянской экспансии в конце XIX века и в 1935 году. Более «свежий» пример — сопротивление полиэтнического народа Вьетнама французским колонизаторам после 1945 года (в немалой степени обязанное образованию в Северном Вьетнаме государства, во главе которого стал активный деятель Коминтерна 1920–1930-х годов Хо Ши Мин, и усилиям соответствующих национально-политических структур на территории Южного Вьетнама). В дальнейшем американское присутствие на юге Вьетнама в 1967–1975 годах привело к гибели в этой стране

более 57 тыс. американских военнослужащих и к утверждению власти коммунистов на юге страны, обеспечившей ее объединение.

В тех случаях, когда противодействие оказывалось неэффективным, происходило насильственное внедрение иноземных ценностей в среде этносов и народов, оказавшихся под властью агрессоров. Благодаря многочисленности местного населения и (отчасти) его проживанию в труднодоступных регионах этот процесс приобрел «верхушечный» характер: государственная администрация, городские жители из коренного населения, современные профессии, образование на языке колонизаторов и т. д. Он позволял подготовить коллаборационистскую администрацию и инфраструктуру, которые в известных рамках и на ограниченное историческое время поддерживали воспроизводство иноземных культурно-религиозных ценностей.

Распад колониальных систем и блокирование доминирования центров, представляющих на местах интересы иноземных администраторов, способствовали подготовке широкого круга образованных людей из числа представителей влиятельных этнических групп и, как следствие, перераспределение ресурсов и центров влияния в социумной жизни. Изредка это совершалось и совершается эволюционным путем. Так, чрезвычайно поучительны акции политических деятелей, представляющих коренное население севера Канады, США, Гренландии (находящейся под юрисдикцией Дании). Эти акции используют Декларацию прав человека 1948 года и другие документы ООН, выделяющие права коренного населения и рекомендуемые создание особых юридических механизмов их обеспечения. Во всех этих случаях речь не идет о сецессии и признании государственного суверенитета политико-этнических структур, действующих на определенных территориях.

Высокая степень концентрации однородных или этнически близких групп, активизация среди них племенных религиозно-этнических союзов и образование на их основе националистических партий и вооруженных формирований принимает формы экстремистских выступлений под лозунгами образования новых государств или свержения правящих элит и соответственно замены их представителями оппозиционных сил, действующих на религиозно-племенной основе. Иногда действительное содержание этих процессов ускользает от объективной оценки. Так, тиражируемые СМИ сообщения о кровавых столкновениях между христианами и мусульманами в Центрально-Африканской Республике на поверку оказались недостаточно корректными — в силу того, что объявившие себя сторонниками христианства местные народности являются потомствен-

ными анимистами, среди которых частично получили распространение христианские обряды.

Феномен двоеверия, конечно, распространен не только в Тропической Африке. Шаманизм в сочетании с буддийскими верованиями — характерная особенность коренного населения российской Тывы. Среди бурят России шаманизм и буддизм сочетаются и уживаются у одних и тех же людей с исповеданием православной веры. Подобная полирелигиозная идентичность вовсе не является исключением. Известно, что среди ханьцев в Китае религиозное почитание Будды и Конфуция совмещается с даосскими практиками в течение по крайней мере 2 тыс. лет. При этом они остаются китайцами на основе базовых аксиологических представлений, литературного языка, признания государства высшим авторитетом и уважения к цивилизационным достижениям своей страны и росту ее влияния в современном мире. Государственные скрепы и «вертикали власти» сочетаются здесь с толерантностью к религиозно-культурному аспекту самосознания, а жесткость этнической дисциплины уступила место соответствию поведения конъюнктурным установкам и долгосрочным предначертаниям политики центральной власти.

Литература

1. *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология / Р. Г. Абдулатипов. — СПб. : Питер, 2004. — 315 с.
2. *Арзуманов И. А.* Вероисповедная политика и гражданский гуманизм (к вопросу о реализации положений ст. 13 Конституции РФ) / И. А. Арзуманов // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение»*. — 2010. — № 2 (5). — С. 113–123.
3. *Арутюнян Ю. В.* Этносоциология перед вызовами времени / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева // *Социологические исследования*. — 2008. — № 7 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-07/Arutyunyan_Drobizheva.pdf (дата обращения: 06.04.2014).
4. *Глаголев В. С.* Модели адаптации этнических структур к глобализационным вызовам современности / В. С. Глаголев // *Актуальные проблемы истории и этнологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения профессора Р. З. Янгузина и 20-летию образования кафедры истории РБ и этнологии, г. Уфа, 15 ноября 2011 г.* — Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. — С. 65–79.
5. *Глаголев В. С.* Религия караимов / В. С. Глаголев. — М. : МГИМО, 1994. — 142 с.
6. *Глаголев В. С.* Философско-религиозные аспекты в изучении караимов. Религия и культура: Россия. Восток. Запад : сб. ст. / В. С. Глаголев ; под ред. Е. А. Торчинова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — С. 231–250.
7. *Мнацаканян М. О.* Нации в современном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории / М. О. Мнацаканян. — М. : Анкил, 2011. — 324 с.

Г. Д. Гриценко¹**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КУЛЬТУР?**

Народ, приобретая свет знания,
не наносит тем ущерба своим соседям.
Напротив, чем государства просвещеннее,
тем больше они сообщают друг другу идей
и тем больше увеличиваются сила и
деятельность всемирного ума.

К. Гельвеций

Северный Кавказ последние 20 лет привлекает пристальное внимание политиков, ученых, обычных людей межэтническим противостоянием. Сегодня понятие «Северный Кавказ» после создания Северо-Кавказского федерального округа территориально расширилось, в него «вошел» Ставропольский край.

Ставрополье всегда характеризовалось многонациональностью, полиэтничностью. Однако в результате распада Советского Союза и модернизационных процессов, обусловивших мощный миграционный поток в 1990–2000-е годы, произошла трансформация национального состава населения Ставропольского края. По результатам Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 году, доля русских в структуре национального состава населения Ставрополья постоянно уменьшается: если в 1959 году она составляла 91,3 % от общей численности населения края, в 2002-м — 81,6 %, то в 2010-м — 80,1 %. Это данные по краю в целом. Между тем этнический баланс изменяется в различных районах края с разной скоростью. Особенно это проявляется в пограничных с северокавказскими республиками восточных районах края, что неизбежно ведет к смене национального состава населения в этих местах. На некоторых территориях есть села и станицы, где их коренные жители из большинства превратились в меньшинство, например в Левокумском, Степновском, Нефтекумском районах. Выросла численность даргинцев, ногайцев, карачаевцев, чеченцев, аварцев, кабардинцев, табасаранов и др.² Это стало фактором региональной этносоциальной напряженности и даже конфликтности.

Об этносоциальной напряженности между коренным населением и этническими мигрантами на Ставрополье свидетельствуют результаты социологического опроса³. Так, в три раза увеличилась доля тех ре-

спондентов, кто считает, что межнациональные отношения в регионе характеризуются напряженностью и даже конфликтностью: с 17,5 % в 2006 году до 50,5 % в 2012 году. Выросла доля участников опроса, прогнозирующих ухудшение отношений между людьми различных национальностей в ближайшие 2–3 года: соответственно с 22,2 до 60,5 %. Не уменьшается и число тех, кто убежден, что взаимодействие людей разных национальностей есть источник неприятностей (с 35,3 до 37,0 % соответственно).

Правомерно возникает вопрос, почему для Ставрополья, на территории которого традиционно проживало много неславянских этносов, серьезной проблемой становятся межэтнические отношения. При выяснении обстоятельств, которые, по мнению респондентов, могут отрицательно влиять на взаимодействие людей, принадлежащих к разным этнокультурным и этноконфессиональным сообществам, было установлено, что ими могут быть и национальные традиции, и религия, и чужая речь.

Так, было установлено, что на протяжении последних шести лет растет доля тех коренных жителей, которые испытывают напряженность, когда слышат вокруг себя чужую речь: с 29,0 до 57,5 % респондентов-ставропольчан. Как отмечают эксперты, в советское время практически все, кто приезжал или учиться, или работать в край из республик Северного Кавказа, хорошо говорили на русском языке. Сейчас становится распространенным использование в общественных местах нерусского языка, что вызывает у коренного населения недовольство, возникает восприятие собственной территории как «нерусского» региона. Одна из причин такой языковой ситуации — неудовлетворительное знание русского языка мигрантами из северокавказских республик. Даже те, кто поступает в вузы края, нередко плохо говорят по-русски и, как правило, не предпринимают усилий для освоения языка, на котором идет процесс обучения, то есть русского языка. В этой ситуации они предпочитают говорить на своем родном языке, а поскольку таких молодых людей достаточно много, то даже в коридорах вузов возникает ощущение, что находишься не в вузе города Ставрополя, а в одном

населения как информационная основа инновационного развития поликультурного макрорегиона», Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Исполнителями выступали Институт социологии РАН и Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (руководители: академик М. К. Горшков, профессор Г. Д. Гриценко).

¹ Главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных наук Южного научного центра РАН, профессор кафедры общей социологии и политологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч. монографий: «Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы решения», «Региональная конфликтология: концепты и российская практика», «Мигранты в социокультурном пространстве региона: социологические очерки», «Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект»; статей: «Локализация этносоциальных рисков в южнороссийских поселениях (на примере поселка Маньч)», «Гуманитарная составляющая модернизации высшего образования», «Поселок-“призрак” — точка на карте Юга России» и др.

² См.: О национальном составе населения и миграционных процессах в Ставропольском крае. URL: <http://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/item/11991> (дата обращения: 20.02.2014).

³ Социологическое исследование проводилось в 2006–2012 годах в рамках реализации проекта «Социальное самочувствие

из университетов северокавказской республики. В настоящее время в Северо-Кавказском федеральном университете учится более 20 % от общей численности студентов — представителей республик Северного Кавказа, а если учитывать то обстоятельство, что и на территории края увеличилась численность этнических мигрантов (которые, как правило, также недостаточно хорошо владеют русским языком), то этот процент возрастает. Именно поэтому одним из приоритетных направлений деятельности СКФУ является укрепление ведущей роли русского языка в формировании общероссийской идентичности.

Наблюдается также увеличение доли тех жителей края, которые полагают, что национальные традиции в настоящее время зачастую становятся причиной межнациональных конфликтов. Например, в ночь на 17 января 2013 года четверо уроженцев Ингушетии у ночного клуба «Мажор» в Ставрополе исполняли в нетрезвом состоянии танец лезгинка, сопровождая его нецензурной бранью, хлопаньем в ладоши, стрельбой из травматического оружия. 2 июля 2012 года на пересечении улицы Ленина и проспекта Кулакова 20-летний житель станицы Курской, ехавший на ВАЗ-2114, остановился на светофоре и устроил небольшое «представление»: сначала трижды выстрелил в воздух из травматического пистолета, потом выскочил из авто и стал танцевать лезгинку. Перечень таких ситуаций можно продолжить. Безусловно, участники подобных инцидентов были привлечены к разным видам административной ответственности, но «не за сам танец, а за нарушение общественного порядка, выразившееся в явном неуважении к обществу и нецензурной брани», — прокомментировал ситуацию начальник милиции общественной безопасности УВД по Ставрополю В. Литвинов. Однако такие «ночные танцы», увы, приводят не только к негативному восприятию представителей Северного Кавказа, но и к более трагическим событиям. Около двух часов ночи 21 августа 2013 года в жилом районе Ставрополя молодежь «кавказской национальности», включив на полную мощь магнитофон, стала танцевать, громко кричать, свистеть, нецензурно ругаться. Вдруг к шумной компании подошла группа мужчин в масках — человек 8–10 — и молча начала... расстреливать танцующих из травматического оружия.

В итоге двое потерпевших обратились за медицинской помощью. Так, национальный танец превратился в фактор межнационального конфликта. По мнению экспертов, это происходит на фоне низкого уровня образованности современной молодежи, стремления позиционировать свою этническую принадлежность антиобщественным поступком. Об этой причине говорят и руководители северокавказских республик, например глава Ингушетии Ю. Евкуров.

По убеждению четверти участников опроса в Ставропольском крае, религия может разъединять людей. Ярким примером является скандал с хиджабами: запрет носить хиджабы в школе села Кара-Тюбе на востоке края, в Пятигорском лингвистическом университете и т. д. Появление хиджаба на улицах городов Ставропольского края также ведет к разъединению людей по национально-религиозным признакам. При этом важно отметить, что взрослые женщины-мусульманки, приезжающие из республик на время или проживающие в крае, как правило, не носят этот атрибут религиозной одежды. Еще одно проявление того, что религия становится фактором, обостряющим отношения между людьми, — незаконное строительство мечетей в Пятигорске и Кисловодске, которые по решению суда были демонтированы.

Эти факты свидетельствуют о том, что происходит смещение причин этнополитической нестабильности из объективной социально-экономической сферы в социокультурную, чувственно-эмоциональную. В основе распада северокавказского общества, состоящего из людей, исконно проживающих на территории Северного Кавказа, но принадлежащих к разным этнокультурным и этноконфессиональным сообществам, на этнические, а нередко и конфессиональные фрагменты, слабо связанные друг с другом, лежит не сама культура или религия, а низкий уровень образования и воспитания, который не может удержать человека от антиобщественного манифестирования своей этноконфессиональной принадлежности. Поэтому в Северо-Кавказском регионе следует говорить не о противостоянии разных культур, а о противостоянии образованности и необразованности, которое можно и даже необходимо преодолеть, о чем и говорил Гельвеций.

Н. В. Гришанин¹

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» КАК ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ БРЕНДА ГОРОДА

Город в «социокультурном хронотопе» территории является концентрированным носителем базовых цен-

¹ Заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии, доцент. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Брендинг территории. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры» (монография), «Роль системной работы с горожанами в рамках спортивного брендинга территорий» (в соавт.), «Концепция брендинга города», «Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры», «Особенности формирования бренда города», «Социальное конструирование бренда города», «Труды таргетско-московской школы: город как текст» и др.

ностно-нормативных аспектов бытия проживающих на данной территории граждан. Образно-символический концепт города (а в лексике маркетинга — его бренд) формирует территориальную ментальность — систему стереотипов поведения, чувственно-эмоциональных реакций и мышления, выражающих иерархически соподчиненные приоритеты и культурные ценности, он задает модели идентичности, способствует самосознанию городского сообщества как коллективного субъекта культуры. Образ города — это систе-

ма знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определенную территорию и данный образ территории, индивидуальный или групповой (профессиональный, социальный, этнокультурный и т. д.), эмоционально убедительный (яркий) и информационно сжатый (компактный) синтез гуманитарно-географических представлений о территории с какими-либо целями (научными, политическими, социокультурными, экономическими) (Д. Н. Замятин). Образ города (территории), который формируется в соотношении с местом и имеет свою маркировку, напрямую связан с формированием идентичности, основанием которой выступает осознанное отождествление населения с определенным местом, его историей, культурой, духовной миссией.

Наиболее значимой является гражданская и национальная (этнокультурная) идентичность, фиксирующая связь со страной, большой и малой родиной, связанная с особым набором идей, ценностей культуры, слов, образов, которые в сознании представителей целевой аудитории создают определенные ассоциации с образом города¹. Для построения образа территории и подчеркивания ее идентичности используется широкий набор специфических культурных маркеров: ландшафт, природные и климатическо-метеорологические особенности; памятники, исторические и политические события; личности, связанные с территорией, а также субстратные элементы города как «текста культуры», которые в концентрированном виде отражают культурную специфику и определяют видимое отличие города от остальных территорий. Образные конструкции «образа территории», которые нередко ситуативны и далеко не всегда объективны, играют ключевую роль в управлении групповым и индивидуальным сознанием — они позволяют «расширять» или «сужать» представления людей об объекте, акцентировать позитивные или негативные характеристики территории, влиять на общественное сознание, в том числе и в межгосударственной и межэтнической сферах².

Образ города, включающий особенности ландшафта, природы и климата, этнокультурную специфику, коллективную память, основу которой составляют значимые события прошлого, формирует неповторимую идентичность, которая специфически воспринимается и оценивается «своими» и «чужими». Осмысление своей принадлежности к данной территории, духовной связи с той или иной общностью актуализирует проблематику «свой–чужой», поэтому данная дихотомия выступает основным принципом и ключевым механизмом формирования городской идентичности и ментальности. Маркер территории дифференцирует культурное пространство по принципу «мы–они», поэтому для описания своей идентичности жители территории оппозиционно соотносят себя с жителями других территорий по принципу «то ли дело мы...» («А сами ря-

занцы что такое? Разве это воины? Коротконогие, широкие, как пни. То ли дело мы — суздальцы да владимирцы: грудь колесом, росту саженого, красавец к красавцу», — В. Ян).

Еще одним важным элементом и условием формирования идентичности территории, реализуемой через принцип «свой–чужой», является понятие «граница». П. Бурдьё полагает, что пространство, в котором мы живем, является социально размеченным и сконструированным. Для межстранового уровня граница, разделяющая на «свое» и «чужое», способствует построению образа города и осознанию его идентичности. Так, на границе с «иным» («чужим») происходит существенное усиление идентичности в отличие от простой удаленности от центра территории, носители идентичности «воспринимают себя как находящихся “на форпосте” своего уклада жизни, своего мировоззрения»³. Каждая территория, выстраивая свою идентичность, стремится ограничить свое пространство характерным укладом жизни (культурой). «Отношение к соседям» — жителям соседних регионов в географическом пространстве — является границей внутри региона, что «закрепляет» и усиливает идентичность, но, возможно, ослабляет собственную, региональную идентичность. Таким образом, граница между регионами оказывается «зоной взаимодействия идентичностей» либо, напротив, «зоной консервации идентичностей».

Характерным маркером образа города являются «культурные бренды территории». Это легко узнаваемые артефакты материальной и духовной культуры, которые наделяются символическими смыслами и выходят далеко за пределы их собственного культурного поля, оставаясь идентификаторами территории. В постиндустриальном обществе культурный бренд олицетворяет единство материальных и нематериальных активов и является показателем уровня развития культурной индустрии региона, он становится элементом «мягкой силы» территории, способной создавать ее образ и влиять на формирование положительных эмоций вокруг города (территории). «Культурный бренд выступает своеобразным транслятором национального духа и культурных ценностей, способным стимулировать национальную гордость, идентичность народа»⁴. Отражая идентичность территории, культурные бренды имеют в своем основании тот же принцип построения «мы–они», но здесь интерпретация данного принципа обнаруживает свою специфику: для идентификации территории значимую роль играет не только подчеркивание различий, но и определение схожих с другими территориальными (общемировыми) параметрами черт.

Динамика и процессы формирования образа-бренда города наглядно отражены в проблематике оппозиции «свой–чужой», характерной для взаимоотношений Москвы и Петербурга. В данном противостоянии, которое продолжается по сегодняшний день, порождая

¹ Тишков В. Старые и новые идентичности. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_obrazy_rossii/starie-i-novie-i-starye_i_n.html (дата обращения: 02.01.2014).

² Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2010. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1447.pdf> (дата обращения: 02.01.2014).

³ Крылов М. П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. № 1. С. 138.

⁴ Кучинская Т. Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_6-2_29.pdf (дата обращения: 02.01.2014).

новые смыслы и грани проблемы, безусловно, «лидирует» Петербург. Значимость оппозиции для Санкт-Петербурга во многом определяется амбивалентностью самого его образа, который содержит глубинные противоречия с момента своего рождения. Строившийся по европейским лекалам и с ориентацией на европейские традиции Санкт-Петербург стал глубоко русским городом — по типу мировосприятия, характеру городской ментальности. Город подчинил природу, но в то же время жил в постоянном страхе наводнений («Месту сему быть пусты!»). Город, рожденный на основе рационально выверенного проекта, оказался самым мистическим городом России. Город, задуманный как символ величия, стал «гранитным городом славы и беды» (А. Ахматова). Двойственность, биполярность Петербурга в большей степени роднит его с душой России, которая противоречива, разорвана, устремлена к противоположным полюсам (Н. Бердяев). Не случайно для Петербурга образом «другого» выступала Москва, которая, являя Россию символически, не затрагивала глубинных основ национального бытия¹.

Противоречивость образа Санкт-Петербурга содержится в самом его основании. Как российский имперский цивилизаторский проект город символически связан с именем Петра I. Истоки и импульсы данного проекта: Петровские реформы (1682–1725), основание Петербурга (1703), провозглашение Петром себя императором, а России — империей (1721). Социокультурными атрибутами проекта «нового времени» России стали инновация, энергия, творчество. В то же время внутри культурного хронотопа города обнаруживаются знаковые периоды и линии надлома: вторая половина XVIII века — самосознание России в качестве великой империи; затем кризис самосознания начала XIX века (с его «декабристским исходом»); потом — славяно-фили-западники, подготовившие духовный раскол внутри культурного организма; социалисты–шестидесятники, возникшие на фоне либерализма после великих реформ; преобразования начала века и их завершающая стадия — ментальный надлом с революцией 1917 года, угробившей империю. Советский период включал ключевые события истории — Гражданскую войну, «культурные опыты» творческой элиты 1920–1930-х годов и т. д. Финал «классического проекта» Санкт-Петербурга — распад Советского государства в 1990-е годы.

Таким образом, значительную роль в формировании бренда Санкт-Петербурга, помимо его персонализированных образов («героев», которыми восхищались, которых любили, о которых писали), играет «образ врага» — единение городского сообщества (и самосознание своей уникальности) происходит в результате «отталкивания» от «другого». Во все времена петербургской истории роль образа «другого» играла Москва. «Образ Петербурга в петербургском тексте во многом строится как мифологизированная антимодель Москвы. Речь идет о важнейшей пространственной характеристике, совмещающей в себе черты диахронии и синхронии и имеющей выход в другие сферы

¹ Москва–Петербург: лики культурной идентичности. Опыт сравнительной культурологии : материалы круглого стола, 2 марта 2007 г. СПб. : СПбГУП, 2007.

(вплоть до этической). Москва, московское пространство (тело), противопоставляется Петербургу и его пространству как нечто органичное, естественное, почти природное... Отсюда — особая конкретность и заземленная реальность Москвы в отличие от отвлеченности, нарочитости, фантомности “вымышленного” Петербурга»². В трактовке этого противостояния Ю. Лотман и А. Успенский определили, что многие символы государственной власти Петербург унаследовал от Москвы, противопоставляя себя Риму и Византии. Одним из таких элементов образа города является символ небесного защитника, апостола Петра, и все, что связано с ним: мифы о «каменном городе», противопоставлявшие город «деревянной России», о центре переживаемого мира, противопоставлявшие город католической Европе.

Специфика бренда Санкт-Петербурга обнаруживается во всей группе брендообразующих факторов. Она определяется: социально-культурным контекстом (обуславливающим стиль жизни в конкретной исторической эпохе), в том числе значимыми событиями и реакцией горожан на них (то есть «образом мира» в сознании горожан); историко-культурным контекстом (событиями прошлого, включенными в живую ткань самосознания историческим временем как прообразом коллективной «памяти»); природно-климатическим своеобразием среды (в частности, особенностями мировосприятия бытия «на границе» суши и моря, реакцией на «шалости» Невы и т. д.). Все это структурирует «образ города», его индивидуальность, определяет восприятие горожанами и «чужими» пространственно-временных особенностей Санкт-Петербурга (городских ориентиров — «символов города»), формирует «долговременную память города», значимый репертуар достопримечательностей, жизненно важных и значимых городских традиций, городских объектов, мест отдыха, досуга и общения.

В оппозиции к образу Москвы формировались метафизические основы ментальности, а также культурное и ландшафтное пространство Петербурга. Наиболее убедительно экзистенциальная тематика города представлена в «петербургском тексте», который обнаруживает свою специфику, героев, святых и преступников (В. Н. Топоров). В этом тексте, который стал способом выражения и формирования «культурного хронотопа» города, средством самосознания городского общества как коллективного субъекта культуры, представлена напряженная духовность петербургской культуры, очевидно присутствует символика образа смерти как искупления, которая кладется в основу жизни города, а также преобладание и особая значимость женских символов и образов. Петровская идея европейского города, которая нашла выражение в формуле «окно в Европу», стала частью петербургской ментальности, значимым основанием формирования идентичности. В ряде исследований на эту тему обнаруживаются значимые отличия типов городской ментальности Москвы и Санкт-Петербурга — в виде культурно и психологически обусловленных взглядов,

² Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской культуры» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избр. М., 1995. С. 283.

оценок и суждений, устойчивых стереотипов и представлений группового сознания объединенного городского пространством сообщества. Отмечено, что именно в Санкт-Петербурге сформировались основные ментальные черты «русскости» — петербургский тип ментальности стал основой мировоззрения и мировидения всей русской культуры (в том числе и ее имперского периода), в отличие от размытого ценностно-нормативного мира москвичей.

Таким образом, принцип «свой—чужой» выступает значимым фактором конструирования образа города, ресурсом формирования городской ментальности и территориальной идентичности. Понимание этого глубинного механизма позволит создавать бренд города как эмоционально убедительную и информационно-сжатую систему знаков, отражающих культурно-символические пласты и экзистенциальные глубины городского пространства.

П. С. Гуревич¹

ЭКЗОТИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Каким образом идея «конфликта цивилизаций» могла бы служить общепланетарному партнерству? А может быть, в силу несходства они вообще осуждены на вечное противостояние? Не исключено все же, что даже в условиях неодинаковости наличных цивилизаций партнерство между ними оказывается насущной проблемой. Каковы же трудности такого диалога?

Западный человек, по свидетельству Рут Бенедикт, полагает, что человеческая природа совпадает с его собственными культурными стандартами². Она же указывала, что существует множество культур, в которых чужеземцев не считают людьми. Вывод исследовательницы прост: не следует быть этноцентричным по отношению к этноцентризму. С точки зрения глобализации статус француза ничем не выше статуса чилийца. Однако с позиции культуры принадлежность именно к этой, а не к другой нации имеет настолько существенное значение, что люди готовы умирать или убивать из-за нее.

Другая культура и даже цивилизация могут казаться для людей странными, эксцентричными и даже экзотичными. Феклуша, странница из пьесы Н. А. Островского, судачит о землях, где говорят: «Суди меня, судья неправедный!» И добавляет: «А то есть еще земля, где все люди с песьими головами». Долгие столетия мир, лежащий за пределами их культуры, казался ее adeptам неожиданным, подчас ошарашивающим. Восток в целом представлялся европейцам как загадочный, полный непредвиденностей, несуразностей и притягательных тайн.

Процесс осмысления западноевропейской культуры сложного и многослойного социально-культурного комплекса, традиционно определяемого как Восток (в отличие от Запада), насчитывает уже двухтысячелетнюю историю. На протяжении многих веков европей-

цы по-разному видели далекие континенты. Неодинаковыми были и побудительные мотивы, порождающие желание взглянуть в очертания иных миров. Различной была и степень погруженности в очертания неведомой культуры. Отсюда — и известная размытость границ самого понятия «Восток», которое претерпело многочисленные, нередко радикальные трансформации, включалось в самые разнородные системы абстрактно-теоретических взглядов и образно-чувственных представлений.

Говоря о Востоке, нередко имеют в виду прежде всего страны Азии и отчасти Африки, Латинской Америки, то есть ту историко-географическую и культурно-цивилизационную «данность», которая издавна была объектом изучения в ориенталистике, а также — применительно к Новому времени — всю совокупность государств, находящихся в ситуации интенсивного преобразования.

В силу социально-исторических, природно-географических, религиозно-этических и иных предпосылок образ Востока при всех своих многочисленных трансформациях издавна олицетворял для европейца иной тип мироустройства, чем тот, к которому принадлежал он сам. В этом качестве представления о Востоке послужили той универсальной схемой, которая, сохраняясь, могла вместе с тем в разное время и в разных обстоятельствах наполняться совершенно различным содержанием.

И потому интерес к Востоку, равно как и отсутствие такового в контексте тех или иных культурно-мировоззренческих движений, зачастую оказывался «перевернутой формулой» постижения и оценки своей действительности через нечто такое, что этой действительности противостоит. Например, такие значительные течения европейской культуры, как просвещение и романтизм, новейшая (начиная с А. Шопенгауэра) западная философия, искусство модернизма, молодежная контркультура самым интенсивным образом вобрали в себя ориентальные элементы, стремясь соотносить себя, соизмерить с Востоком.

Еще раз подчеркнем, что речь идет не об уровне конкретных знаний о Востоке в Европе того или иного периода, не о миграции культурных ценностей Востока как об одном из архетипов, который участвовал в оформлении мировоззренческих представлений

¹ Главный научный сотрудник Сектора истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философская интерпретация человека», «Философское толкование человека», «Расколотость человеческого бытия», «Религиоведение» (3-е изд., перераб. и доп.), «Культурология», «Психоанализ» (в 2 т.), «Основы философии» (2-е изд.), «Культурология в системе современного гуманитарного знания», «Философия культуры» и др. Академик Российской академии естественных наук, президент Московской ассоциации психоаналитиков. Профессор МГУ и Калифорнийского университета.

² *Benedict R. Patterns of Culture. L., 1961. P. 4.*

европейца Нового времени. И здесь попытаемся выделить два, на наш взгляд, преобладающих принципа отношения к Востоку, две основные линии понимания Востока на Западе.

Первыми в Европе противопоставили себя Востоку древние греки. Понятие Востока они относили к Персии и другим землям, находившимся восточнее греческого мира. Но уже в Древней Греции это понятие было не просто географическим, в него вкладывался более широкий смысл. Разграничение Запада и Востока стало формой обозначения противоположности эллина и варвара, «цивизованности» и «дикости».

Ясно, что такое деление имело отчетливо выраженную ценностную окраску: варварское начало решительно отвергалось во имя эллинского. Подобный взгляд со временем оформился в одну из традиций, унаследованных социальной практикой и духовной жизнью послеплатоновской Европы. И это закономерно. Ведь Греция явилась отправной точкой развития европейской культуры Нового времени.

Противопоставление Востоку предполагало постижение образа Европы. Тип европейского человека в глубочайшей степени создан христианством. По мнению Р. Гвардини, глубина и сложность западной души связаны с христианским происхождением.

«Дух и душа человека христианской культуры в сравнении с его античными собратьями богаче на одно измерение; его способность чувствовать, творчество сердца и энергия страдания — не от природной одаренности, а от общения с Христом»¹.

Р. Гвардини утверждал, что если спросить средневекового человека, что такое Европа, то тот укажет на пространство, где обитает человек. Это прежний «круг земель», возрожденный духом Христовым и объединенный могучим союзом скипетра и церкви. За пределами этого пространства лежит чуждый и враждебный мир — гунны, сарацины. Однако Европа — это не только географический комплекс, не только конгломерат народов, но живая энтелехия, живой духовный лик. Он, по мнению Гвардини, раскрывается в истории, насчитывающей уже более четырех тысячелетий, истории, «с которой доньше не может сравниться никакая другая история...»² В этом смысле Европа и противопоставит Востоку.

Истоки другой тенденции, тяготеющей к Востоку, лежат в культуре Древнего Рима, для которой характерны острое ощущение собственной «вторичности», постоянная ориентация на греческую традицию как на образец. Объединяя под своей властью почти все известные тогда страны, римляне нашли на Востоке мир, приобщенный к эллинской культуре, и стали смотреть на него как на целое, равноправное в культурном отношении. Сама структура Римской империи, сам характер связи метрополии с провинцией послужили для осмысления проблемы Востока если не в плюралистическом, то во всяком случае не в европоцентристском духе.

¹ Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике: Теолого-политические раздумья // Философские науки. 1992. № 2. С. 154.

² Там же. С. 162.

Эти две тенденции — возвеличивание Запада и признание равенства с Востоком — прослеживаются в европейском сознании на протяжении столетий. Крестовые походы и путешествия, приведшие к великим географическим открытиям, захват новооткрытых земель и жестокие колониальные войны — все это в конечном счете воплощенные в реальных исторических деяниях проявления европоцентрической точки зрения. Согласно ей Европа, Запад с их историческим укладом, политикой, религией, культурой, искусством представляют собой единственную и безоговорочную ценность, противостоящую «неправильности», «неразвитости» восточного мира.

В эпоху Просвещения мир Востока все еще воспринимался как экзотический. В XVIII веке он казался беспредельным ареалом необычайной экзотики. Поэтому в европейских театрах показывали гаремы, жестоких янычар, персидские нравы. Все это было далеко от подлинного Востока. Вместе с тем феномен экзотики стал предметом интенсивного изучения. Руссо и Дидро пользовались всего лишь догадками об отдельных цивилизациях. Но в картину мира начинают уже вписываться Индия и Китай. Руссо предостерегал: возможно, африканские обезьяны — тоже люди, только особой породы. В осознании чужих миров следует проявить предельную осторожность.

В некорректном понимании чужой культуры — очевидная угроза. В диалоге культур исчезают ценностные миры. Патагония до 1881 года не принадлежала какому-либо государству. До колонизации эту территорию населяли индейцы, но из-за тяжелых природных условий они существенно отстали в развитии не только от европейцев, но и от других индейцев Америки. В течение XVI–XVIII веков коренное население (теуэльче и др.) было покорено арауканами и перешло на язык мапудунгун (этот процесс получил известность как арауканизация). С Патагонией как частным примером связан фантазм исчезновения культур, вымирание индейцев, стирание целой культуры и целого ландшафта в неразличимости мрака и льдов. Французские постмодернисты предлагают слово «патагонистика» как ключ к исследованию утрачиваемых культурных миров.

Стигматы стирания культурных различий можно обнаружить не только на локальных культурах. Африка — древняя родина негров, прекрасный и горестный материк. У берегов этого континента впервые лягнули ржавые цепи кораблей, увозивших невольников в другие части света. Между отдельными государствами материка пролегли пространства пустынь и саванн, вершины гор и тропические джунгли. Упоминание о древнем африканском континенте вызывало в памяти известные картины: бич, обвившийся вокруг тела черного человека; корабли с невольниками; раб у ног непобедимого владыки. Поэты, слагавшие песни, поэмы, завершали свои произведения традиционным рефреном: «О, скорбный голос Африки моей!» Буйно зеленющие тропические леса. Знойные ветры Сахары. Белесые туманы, гуляющие утром по стране.

Но в XX веке путешествия в экзотические страны, попытка понять другие миры порождают сложные философские проблемы. Действительно ли другие

цивилизации чужеродны? Еще точнее: как разгадать эту чужеродность? И тотчас же рождается философское остережение. Не станет ли поиск экзотики в иной культуре искажением ее мира, принуждением ее к экстравагантной непостижимости? В начале минувшего столетия эти мысли с особой отчетливостью можно обнаружить в творчестве французского поэта Виктора Сегалена. Этнограф-любитель путешествует по Индии и Китаю. Рождаются стихи, проникнутые буддистскими мотивами. В результате он приходит к убеждению, что как только Земля оказалась ограниченной сферой, завершенным пространством, всемогущество средств коммуникации породило феномен фатальности кругового туризма. Многочисленные турне буквально «всасывают» разного рода культурные и цивилизационные различия. Возникает диктат тривиальнейшей экзотики. Встреча цивилизаций стирает особенности разных культур. Все чаще возникает догадка о бессмысленности путешествий. Мир катится к однообразию.

Однако экзотика не утрачивает своей притягательности. К примеру, исследовательница и писательница Изабель Эберхард жила в Северной Африке и много путешествовала по этому материку. Одеваясь мужчиной и называя себя Си Махмуд Эссади, Эберхард вращалась в арабском обществе, пользуясь свободой, которую иначе не могла бы иметь. Она приняла ислам и считала его своим истинным призванием в жизни. Ее деятельность показала, что сама экзотика демонстрирует острое и непосредственное восприятие вечного непонимания. Исследователи ищут не различия и неразличности культур, а внешнее несходство, которое обозначается в странных обычаях, чертах быта, манере поведения. Изучение других цивилизаций подменяется поиском чего-нибудь колоритного, фантастического, всего, что может представить шок вечных контрастов.

Но такой подход к изучению иных миров затрудняет партнерство цивилизаций. На передний план выходит вечная беспощадная чужеродность нравов, лиц, языков. У экзотики свои приемы. Она порождает особый код восприятия, внешний, поверхностный. Экзотика углубляет интенсивность восприятия, порождает экзальтацию, уводит в сторону от серьезного постижения цивилизационных сущностных особенностей. Мы сталкиваемся с культурами, которые живут в преклонении перед звездами, судьбой. Но нам все труднее проникнуть в ядро культурного космоса.

Экзотика, как это ни парадоксально, мешает обмену культурными различиями, обуславливает невозможность истинных встреч. Она устраняет психологию — это самое худшее, если исследователи покинут мир обжитой экзотики и начнут погружаться в неразложимый уклад культуры. В эпоху всемирной коммуникации главное — скользить по поверхности иных культурных миров. Возьмем, к примеру, рекламное оповещение о древней столице Римской империи. «Очень эффектная достопримечательность Рима, о которой даже не догадывается большинство туристов, находится близ Авентинского холма. Это так называемая “римская дырка” (точнее *bucco di Roma* — на языке оригинала), представляющая собой расширенную замочную

скважину в двери дворца кавалеров Мальтийского ордена. Замысел — оптическая иллюзия: если заглянуть в эту скважину, можно как на ладони увидеть купол собора Святого Петра. Кроме того, считается, что взгляд ваш пройдет сразу по территории трех государств: собственно Италии, Ватикана (которому принадлежит собор) и Мальтийского ордена. Символически, но очень красочно»¹.

В. Сегален писал о том, что все люди подчинены закону экзотики. Однако французский философ Ж. Бодрийяр оспаривает это суждение французского поэта. «Но закон ли это? — спрашивает философ. — Является ли теория экзотики теорией этической, эстетической? Философия ли она, искусство ли жизни, импрессионистское или теоретическое видение мира? По мнению Сегалена, это — неотвратимая гипотеза и источник наслаждения»².

Разбирая творчество Сегалена, многие авторы обращают внимание на тот факт, что он не видит различия между экзотикой романтиков и экзотикой колониального романа конца XIX века. Между тем эти художественные феномены имеют различное идеологическое наполнение. Не возникает ли здесь идея реформированного экзотизма? Но в чем суть этого преображения? Французские постмодернисты ставят вопрос о рождении так называемой «радикальной экзотики». Какова же культурфилософская суть этого словосочетания?

Со времени написания Н. Я. Данилевским книги «Россия и Европа» прошло 146 лет. Однако ее основные идеи и сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими. Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию — как полюс застоя и косности. Он правомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа.

Современному предпринимателю все равно, во что облачен работник его фирмы — в сари или шелковую вьетнамскую пижаму. Главное — чтобы он приносил прибыль. Всемирный рынок, по существу, безразличен к национальным особенностям. Он стремится нивелировать эти различия. Те же функции выполняет и массовая культура. Однако процесс глобализации то и дело натывается на непреодолимые преграды, которые пугают своей странностью и чужеродностью. И речь идет вовсе не о туристических путешествиях, которые на поверхность диалогов выносят понятные и преодолимые оттенки культурного своеобразия.

Но глубинная, или радикальная, экзотика преследует иные цели. «Радикальное отличие одновременно и неуловимо, и неустранимо, — отмечает Ж. Бодрийяр, — неуловимое, как нечто существующее в самом себе (в этом, вероятно, сходство со сновидением), и неустранимое, как правило символической игры, как правило игры в мире. Общая скученность и смешение различий никоим образом не изменяют это правило игры как таковое. Это не есть ни рациональный закон,

¹ Токова Д. Рим через замочную скважину // Московский комсомолец. 2014. 15 февр. С. 6.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 217.

ни нечто доказуемое: у нас никогда не будет ни метафизических, ни научных доказательств этого принципа чужеродности и непонимания: надо просто поверить в его существование. Самое худшее — это понимание, которое является лишь бесполезным и сентиментальным занятием. Истинное знание — это знание того, что мы никогда не поймем в Другом того, что, существуя в этом Другом, вынуждает его перестать быть самим собой. Более невозможно ни отделить Другого от самого себя, ни отстранить взглядом, ни утвердить в его идентичности или различии»¹.

Бодрийяр, пожалуй, ошибается, утверждая, что в Америке не возникает вопроса об идентичности, поскольку он затронул проблему чужеродности этой страны. Между тем именно в Америке сегодня эти вопросы приобрели особую остроту. С. Хантингтон, видный американский социолог, десять лет назад начал рассматривать вызовы американской национальной идентичности. Он писал: «Америка становится миром. Мир становится Америкой. Космополитическая? Националистическая? Американцам предстоит сделать выбор, который определит и судьбу нации, и судьбу всего мира»².

Что же предстоит сделать, чтобы избавиться от рекламной экзотики и перейти к глубинному пониманию этого феномена? Прежде всего — не поддаваться обману поверхностной ясности другой культуры. Как это ни странно, при изучении чужой цивилизации есть риск постигать иной мир по лекалам нашей собственной оптики. Ведь ментальность своей культуры услужливо предлагает исследователям свои ментальные навыки, умственные традиции. В этом случае язык другой культуры просто перелагается на культурную стилистику хорошо обжитого своего культурного мира. Мы навязываем им свою логику. Поэтому в результате такой процедуры возникает еще одно подобие, допустим, европейской цивилизации, с обозначением не присущих нам экзотических подробностей. Такое исследовательское зеркало обманчиво.

В свое время Ж. Лакан показал, что сам язык порождает множество порой причудливых, но абсолютно органичных для другой культуры способов мышления. Вслед за Ф. де Соссюром, который подчинял мышление языку, Лакан утверждает приоритет языка по отношению к бессознательному. Он также считал, что бессознательное организовано как язык. Но проблема, пожалуй, не только в этом. При изучении особенностей иного цивилизационного уклада исследователи обычно каталогизируют культурные особенности, но крайне редко задумываются над тем, чтобы приблизиться к тайне различия. Этническое и иное своеобразие обычно выводится из секретов хозяйственной жизни или социального уклада.

В сферу культурфилософского знания входят философско-антропологические идеи. Многие философы, в том числе Кант, Гумбольдт, Руссо, Бердяев, Леви-Стросс, стремились ввести в русло цивилизационного размышления знание о человеческой природе. Вот что пишет по этому поводу А. Вебер: «Руссо, непосред-

ственное влияние которого на Французскую революцию было несомненным, прошел в своем открытии нового человека два этапа. В его влиянии были также два различных уровня и различные периоды. У него всегда необходимо отделять исконный “опыт” от мыслительной конструкции и эмоционального характера, в которые он заключал опыт под воздействием личных свойств и свойств своего времени»³.

Можно ли изучать социум вне человека, вне философских догадок об открытости и незавершенности человеческой природы? Очевидно, нет. Для радикальной экзотики важно преодолеть предрассудок, будто дикарь знает самого себя. В более широком смысле представитель того или иного цивилизационного уклада тоже мучится в поисках собственной идентичности. Именно поэтому прямая апелляция к тому, что и почему думает о своей культуре человек того или иного этноса, культуры, цивилизации, недостаточна или порой ошибочна.

В процессе цивилизационного диалога можно фиксировать также такой феномен, как скрытая заразительность иного культурного уклада. В свое время Римская империя расширяла свои владения в полном убеждении, что она несет идеалы свободы в переднеазиатские и вавилоно-египетские области. Однако в конечном счете в ее собственный аппарат управления стали проникать восточные тенденции несвободы. Также можно задаться вопросом, почему в Индии, где всегда существовали трепетное отношение к жизни, культ добровольного эротического наслаждения, обнаружился прецедент садистского коллективного насилия? Каким образом вихри ориентального менталитета испытали вторжение иных, в данном случае европейских, нравов, абсолютно чуждых индийской культуре?

Современные постмодернисты предлагают переосмыслить понятие экзотики. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы лишить это слово романтического ореола, скрытой загадочности. Установка заключается в том, чтобы не поддаваться на обман поверхностного понимания чужой культуры, на уловку близости культурных миров, живописности увиденных нравов. Поэтому радикальная экзотика не сводится к пережитому эпизоду путешествия. Поездки по земным просторам — это обман, к которому все приспособились и с удовольствием приравливаются все больше и больше.

Радикальная экзотика предлагает учитывать торжество различия. В прежние века путешествие было способом оказаться по ту сторону чего-то. По сути, это можно было трактовать как путь в никуда, в неведомое. Сегодня знакомство с другими культурными мирами стало обыденным делом. Мотаясь по чужеземным просторам или пребывая дома в окружении всевозможной информации, причем одновременно во всем мире, мы все равно приобщаемся к всеобщей банальности, которая, разумеется, во всех странах одна и та же. Радикальная экзотика, напротив, предполагает взаимное изумление. Только оно может быть ценой причастности нас к миру и мира к нам.

Понятно, что в этом смысле радикальная экзотика выступает в качестве протеста против нивелирования

¹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 217–218.

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С. 572.

³ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. М. : СПб., 2012. С. 226.

культур, космополитического однообразия цивилизационного пространства. Другие культуры существуют вовсе не для того, чтобы их разглядеть, освоить, покорить, ассимилировать. Мир — это ловушка с прекрасно функционирующим механизмом уловления куль-

турных различий для их утилизации. Однако «другой» может существовать только в том случае, если мы признаем его отличие, его чужеродность, которую невозможно понять, вычислить. Это призыв к сохранению самобытности культур и диалогу цивилизаций.

В. А. Доманский¹

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО И МОСКОВСКОГО ТЕСТОВ: ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»

Бытие культуры — это всегда наличие двух или нескольких сущностных полюсов, разных культурных гнезд. Наиболее ярко это проявляется как диалог культурно-административных центров, исторических столиц, в котором фиксируется, проясняется и генерируется культурное многоголосие нации и человечества. В русской культуре субъектами этого перманентного диалога являются две столицы — Москва и Петербург, центры исторического самосознания и стратегий духовного развития России.

Сразу же после своего основания Петербург, наследующий культурный и конфессиональный приоритет Москвы как «третьего Рима», стал новой Святой землей, а Москва теперь виделась древней патриархальной столицей. По мысли Ю. М. Лотмана: «Создавалась парадигма идей, в которой Рим “папешный” и Москва допетровская объединялись в противопоставлении Петербургу — истинному Граду Святого Петра»². Чуть позже сравнение двух столиц уже идет не в формах контраста и аналогии, а в форме взаимоотрицания. Петербург рассматривается как город «чужой», остров импортированной культуры Запада, а Москва — православная столица, оплот патриархальных традиций и всего российского. Эту позицию отчетливо высказал П. И. Сумароков: «Две столицы наши столь же непохожи между собою, как Лондон с Парижем: все в них, даже природа, различно. В Москве древние храмы, терема царские, прелестные окрестности, родовая оседлость наша. Здесь все с иголки, с чужеземного образца, вокруг мхи, болота. Там простота, радушие, здесь утонченность, чиновность»³.

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культурологические основы изучения литературы в школе», «Литература в синтезе искусств. Сад и город как текст» (в соавт.), учебных пособий: «Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе», «Организация внутрикультурного диалога в процессе изучения литературы» (в соавт.); научный редактор 13 научных сборников. Член Союза российских писателей, член международного Тургеневского общества (Баден-Баден) и Британо-французской ассоциации по изучению русской культуры (Париж), главный редактор «Педагогического журнала». Награжден медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом». Область научных интересов: культурология, история литературы, региональная журналистика, гуманитарное образование.

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Великого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Художественный язык Средневековья*. М., 1982. С. 242.

³ Сумароков П. И. Старый и новый быт // *Маяк*. 1841. Ч. XVI: Проза. С. 237–238, 254.

Диалог столиц, «старой» и «младшей», обретает со временем вид спора западников-прогрессистов и славянофилов-консерваторов. Москва во многих случаях стала восприниматься как город архаичный, с чертами «азиатчины» и «китайщины». Петербург же, наоборот, представал городом европейским, просвещенным, на сотню лет обогнавшим Москву в своем развитии.

В художественной литературе и критике этот диалог столиц, двух культурных полюсов жизни и «архитектурных текстов» отчетливо заявил о себе к концу XVIII — началу XIX века⁴. В русской классике сложились своеобразные семантические доминанты двух культурных центров: Москва — сердце, Петербург — голова; Москва — город невест, Петербург — город холостяков («Петербург — гостиня, Москва — девичья», по словам Пушкина); Москва — большая деревня, Петербург — город; Москва — восток, Петербург — запад; Петербург — город департаментов и дворцов, Москва — город усадеб.

По мысли доктора культурологии В. Л. Кургузова, дихотомия «свое–чужое» с течением времени сливается в диалектическом единстве и порождает триаду «свое–чужое–наше»⁵, о чем в свое время писал А. С. Хомяков, утверждая, что Москва и Петербург вместе репрезентируют два начала: «души» и «тела», «народности» и «государственности», «совещательной сорбности» и «рациональной власти», «внутреннего» и «внешнего», «вечного» и «исторического»⁶.

Но если московский текст до XX века являл собой застывшую систему, то петербургский текст «до-страивали» все новые и новые художники слова, внося свои инварианты в его метатекст. Можно говорить о Петербурге писателей XIX века: Пушкина и поэтов пушкинской поры, Гоголя, писателей «натуральной школы», Достоевского, Некрасова, Гончарова, Крестовского; писателей XX века: Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама, Зощенко, Берггольц; о Петербурге современных поэтов: Бродского, Самойлова, Шефнера, Кушнера, Горбовского и т. д. Этот перечень далеко не полон. Возможно выделить также Петербург многих поэтов Серебряного века, петербургский текст пролетарских поэтов и писателей, «ностальгический»

⁴ См.: Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // *Сочинения императрицы Екатерины II*. СПб., 1907. Т. 12. С. 641–643; Карамзин Н. М. Записка о Древней и Новой России. СПб., 1914. С. 30–31.

⁵ URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2011-1/7-kurguzov.pdf>

⁶ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 52–53.

Петербург писателей эмиграции, Петербург периода блокады, Петербург советский и постсоветский.

Модели двух этих текстов, их пространство во многом были заданы В. Г. Белинским в статье «Петербург и Москва», с которой начинается знаменитый альманах «Физиология Петербурга». Глава «натуральной школы» рассматривает несколько уровней текстов двух российских столиц: характеристика «внешняя» (климат, топография, топонимика, дома, архитектурные ансамбли, улицы, каналы, мосты) и «внутренняя», то есть социально-бытовые и культурно-духовные уровни текста: состав народонаселения, социальные типы и «этажи» общества, нравы и психология жителей.

Активно начавшийся в 1830-е годы диалог двух столиц велся, пожалуй, наиболее полемично в 1840-е (очерки Гоголя «Петербургские записки 1836 года»; Герцена «Москва и Петербург», 1842; Белинского «Петербург и Москва», 1845), так как обозначил зародившийся, а затем перманентно продолжающийся диалог славянофилов и западников.

И. Дмитриев, Н. Карамзин, В. Жуковский, К. Батюшков, В. Пушкин, а затем А. Грибоедов и А. Пушкин сопоставление и противопоставление «текстов» Москвы и Петербурга сделали объектом художественной рефлексии и полемического дискурса. Так, в «Горе от ума» фамусовская Москва рассматривается Грибоедовым не только как анахронический «век минувший», но и как явление, контрастное Петербургу. В таком концентрированном виде азиатское «барство дикое», низкопоклонство, подхалимство, угодничество были немислимы в просвещенном европейском Петербурге.

Даже в тех случаях, когда один из этих «текстов» в литературном произведении сюжетно отсутствовал, тем не менее он подразумевался как второй элемент оппозиции. Пример такой симметрической конструкции дан в романе Пушкина «Евгений Онегин». В нем три хронотопа, определяющих пространство русской жизни:

Петербург, Москва и усадьба. При этом Москва находится посередине между двумя названными полюсами русской жизни. У Пушкина она и «сердце» России, и узел отечественной истории, и «девичья», и «ярмарка невест», и «буфер» между Западом и Востоком, Петербургом и деревней. Стоит заметить, что поэт, создавая хронотоп «белокаменной Москвы», использует ряд сугубо московских архитектурных образов: Кремль, Петровский замок, «старинные главы» соборов, монастырей. «Старая столица» показана в движении картинами, которые возникают в сознании читателя, совершающего вместе с Татьяной путешествие по Москве (гл. VII, строфы XXXVII–XXXVIII).

Москва не только участвует в диалоге с Петербургом, но и сама организует внутренний диалог, который на протяжении веков пополняется все новыми и новыми знаками. В XIX веке содержание этого диалога составляли главным образом две антиномии: Москва как оплот косности и консерватизма и Москва — мир охранительной патриархальности, истинного семейного уклада, что ярче всего изображено Львом Толстым в романе «Война и мир». Вместе с тем эта Москва — хранительница древних традиций, русского духа и хлебосольства.

В XX веке Москва приобретает новые черты, другие культурно-семантические знаки¹. Среди разнообразия московских текстов (А. Чехов, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Белый, М. Цветаева) особый интерес вызывает булгаковская Москва, получившая наиболее заверченный образ в романе «Мастер и Маргарита».

Выявление семантических доминант петербургского и московского текстов позволяет организовать диалог в культуре, диалог авторских моделей столиц, хронотопы которых образуют архитектурные и топонимические знаки и образы, картины быта и жизни, а также нравственное состояние общества, социальные и духовные устремления людей.

Е. Э. Дробышева²

АПОЛОГИЯ УМЕСТНОСТИ В ПРОСТРАНСТВАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Проблематика взаимоотношений *своих* и *чужих* в пространстве человеческого *обще-жизния* всегда актуальна. В какое бы время, в каких бы исторических условиях ни жил человек, процессы самоидентификации всегда разворачиваются в этой системе координат.

¹ См. книги А. Мертваго «Москва и Петербург» (1908), В. Шульгина «Три столицы» (1922), Е. Замятина «Москва — Петербург» (1933), М. Уварова «Петербург и Москва» (1993).

² Профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук. Автор 83 научных публикаций, в т. ч.: «Аксиология постмодерна: ирония», «Архитектоника культуры в аксиологическом измерении», «Роль концепта “архитектоника культуры” в социогуманитарной исследовательской парадигме», «Актуальная культура: сетевой режим», «Поколение как фактор культурной архитектоники». Член Санкт-Петербургского философского общества, Российского культурологического общества.

Сегодняшний мир как никогда преподносит нам массу информационных поводов, актуализирующих данный бинарный архетип. Несмотря на набирающие силу глобализационные и мультикультуралистские тенденции, говорить об их тотальности категорически не приходится. В противовес им активизируются фундаменталистские и глокализационные процессы, подчас пугая цивилизованный мир дыханием хтонических глубин коллективной исторической памяти.

В рамках предложенной к обсуждению темы представляется интересным остановиться на феномене собственно *своего*, а также роли данного концепта в процедурах самоидентификации субъекта, понимаемого предельно расширительно — как личности и/или культурной общности. Кто мы? Откуда и куда идем? Есть ли место на планете, где мы уместны? Эти и подобные

им вопросы вызывают постоянный интерес у нашего современника, невзирая на происходящие с ним исторические изменения.

Уместность (или вернее *у-местность* в значении совпадения с местом, топосом), на наш взгляд, — одна из важнейших аксиологических констант, определяющих ощущение человека в мире, — человека как носителя этнических, религиозных, ментальных, поколенческих ценностей и устоев. Картина мира, мировоззренческий микрокосм, архитектоника социокультурного пространства — все эти универсалии опираются на ощущение и переживание у-местности себя, своего рода и народа, социальной общности любого порядка в предлагаемых пространственно-временных обстоятельствах.

Толковые словари объясняют существительное «уместность» через прилагательное «уместный»: «Значение слова *уместный* по Ефремовой: 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: место, связанный с ним. 2. Вполне соответствующий месту, обстановке. Значение слова *уместный* по Ожегову: Соответствующий обстановке, сделанный кстати. Значение слова *уместный* по словарю Ушакова: уместный, уместная, уместное; уместен, уместна, уместно. Вполне соответствующий обстановке, являющийся вполне кстати, вовремя»¹.

Таким образом, мы имеем по меньшей мере две константные характеристики, через которые определяется *уместность* — *место* и *время*. Вполне очевидный, если не сказать банальный, промежуточный тезис. Однако если перевести разговор в плоскость культурфилософской рефлексии, данная очевидность отступит перед безграничным пространством интерпретаций, гиперссылкой, метафизических поворотов и эмпирических находок.

Для русского человека проблема у-местности особенно остра. Видимо, действительно существует какая-то историческая предпосылка, высший промысел о судьбе народа. Многие из нас, бывая в дальних странах, отмечали, как люди, живущие там, гордятся и любят свою землю — без надрыва и патетики, без государственного организующего начала и — самое главное — без явных для чужеземца на то причин. Общим местом для всех посещающих Финляндию является признание того, что финны «любят свою среду обитания» (цитирую слова гида, схватившего, как мне кажется, саму суть этой самой любви — не официальной, но и не романтической, вполне себе утилитарной и обыденной, но совершенно точно имеющей своим истоком укорененность — в буквальном смысле этого подзабытого слова).

Перенесемся из Северной Европы в Южную и наблюдаем за греками, итальянцами, испанцами. Как трогательно ухаживают они за своими, чаще всего небольшими, участками земли! Какой теплотой и постоянством веет от вечерних ритуалов, когда все население городка выходит на улицы и находит себе занятие — в разговорах, играх, кофе- и винопитиях, совместных просмотрах спортивных передач и бесконечных разговорах в барах и кофейнях. Для контраста

возьмем в пример туристские впечатления от посещения Азии. Везде мы увидим впечатляющие примеры совпадения людей с местом и временем своего земного пребывания.

Не то что в России. Да, безусловно, проблема дворцов и трущоб — неизбывная для всех стран. Практически всюду в стороне от парадных «открыточных» видов мы обнаружим и мусор, и не самые ухоженные территории. Но именно в нашей стране, так трудно и странно любимой народом, явно прочитывается вся гамма чувств, переживаемых человеком, чувствующим себя не вполне у-местным, причем как собственно месту (топосу), так и времени. Крайне редко встречаем мы ухоженные территории за пределами границ личных владений или городских пространств, находящихся в ведении казенных структур. Нет и объединяющей культуры совместного социального бытия. Забыты традиции парковых и уличных гуляний, не видно в кафе и барах не то что пенсионеров, но и людей среднего возраста. Контрастными ностальгическими нотками выглядят усилия отдельных (чаще пожилых) жильцов многоквартирных домов, обустривающих трогательные палисадники под окнами своих квартир на первых этажах. Тем явственнее на их фоне выглядит общепринятая практика отношения к городской среде — чаще потребительская, в лучшем случае — равнодушная.

Особенно ярко и выразительно о проблеме у-местности, укорененности, приютности высказываются писатели и поэты. Тема совпадения человека со своим временем и/или местом проживания (в идеале — с тем и другим, что убедительно схвачено М. М. Бахтиным в концепте *хронотоп*) дает поистине безграничное пространство для художественных экспликаций.

Всем еще со школьной скамьи известны сложные и изматывающие отношения Гоголя с Россией и Петербургом. Как писал Н. П. Анциферов, «перед Гоголем беспредельно раскинулась необъятная Русь, любимая и мучительная. В сладостном вихре носится по ее бесконечным просторам обвеванный буйным ветром, тоскующий по высшим формам бытия дух»².

А вот и знаменитый пассаж из «Мертвых душ» самого Гоголя: «Русь! Русь! Бедно, разбросано и *неприютно* (курсив мой. — Е. Д.) в тебе; открыто-пустынно и ровно все в тебе... ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздастся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне?.. И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда сама ты без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразая во глубине моей; неестественной

¹ Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/u1816.html>

² Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991. С. 67–74. URL: <http://literatura5.narod.ru/anziferof.html#1>

властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль. Русь!»¹.

Вот и еще одно суждение Гоголя, теперь уже конкретно — о Петербурге: «На Невском все обман, все мечта, все не то, чем кажется»². И разительным контрастом выглядят слова писателя о стране, в которой он был счастлив и, очевидно, у-местен: «Италия! Она моя!.. Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафе-

дра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...»³ «Родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет!»⁴

Как нам кажется, тема у-местности, обозначенная в данном формате, требует отдельного и пристального исследования. Сегодня жить в положении иванов, не помнящих родства, не просто беспечно, а буквально разрушительно.

В. Ю. Дунаев⁵,
В. А. Курганская⁶

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ «Я–ДРУГОЙ» В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛИЗАХ

В области социального познания значение феноменологии, согласно Э. Гуссерлю, заключается в том, что феноменологический анализ «устанавливает различия между “собственным” и “чужим”, которые мы переживаем, и обнаруживает для нас таким образом характеристики “жизни сообщества”» [1, с. 14].

Выявление на основе феноменологических процедур интенциональной структуры трансцендентальной intersубъективности как «конкретной первоосновы» смысла любой реальности, трансцендируемой сознанием, и определение специфики ее феноменологического поля становятся основной задачей трансцендентально-эйдетической феноменологии как, по определению самого Э. Гуссерля, намеченной еще Лейбницем универсальной онтологии, априорной науки об универсуме всевозможных форм существования: «Трансцендентальная intersубъективность есть конкретное независимое основание бытия, из которого все трансцендентное (в том числе все реальное в мире сущее) черпает свой смысл бытия как бытия сущего, взято-

го в чисто относительном и при этом не строго очерченном смысле, как смысле бытия интенционального единства, которое поистине создается трансцендентальным самополаганием, согласованным подтверждением и сущностно относящимся к этой сфере формированием устойчивых убеждений» [1, с. 21]. «Конститутивные анализы» раскрывают онтологические (поэтому ненатуралистические и внепсихологические) основания объективности систем мировоззрений, идеологий и воплощающих их социальных институтов — систем «согласованного подтверждения». В частности, первоначально статичная феноменологическая редукция становится своеобразной археологией жизненного мира (его интенциональных модификаций), вскрывая в его ценностях, нормах и институтах наложенные друг на друга седиментации (осаждения) слоев культурно-исторического сознания, образовавшиеся в процессе его генезиса. Эйдетическая редукция историчности открывает доступ к ее смыслу и его априорным структурам.

Мое *бытие-в-мире* (In-der-Welt-Sein) не раскрывается в анализе общества как объекта или как *окружающего мира* (Umwelt), формирующегося посредством абстрактно-теоретической установки. Социальное в феноменологическом анализе понимается не как Umwelt — окружающий мир, но как Lebenswelt — *жизненный мир*. Окружающий мир возникает как денотат представления — Vorstellung или, как этот термин обыгрывается в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, Vor-stellung, то есть пред-ставления, постановки перед собой, противопоставления «я» предметам, явлениям, процессам как объектам ментальной деятельности. Однако в феноменологическом анализе социальный мир необходимо открыть «не как объект или сумму объектов, а как постоянное поле или измерение существования» [2, с. 461], то есть как *жизненный мир*. Самим фактом нашего существования мы неразрывно связаны с этим неисчерпаемым социальным полем до всякой его объективации. М. Мерло-Понти подчеркивает, что свобода индивида как «основополагающая возможность» быть субъектом любого своего опыта и в то же время невозможность свести себя к частному содержанию любого наличного бытия *неотличима* от его укорененности в мире.

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml

² Гоголь Н. В. Невский проспект. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0090.shtml

³ Из письма Гоголя к В. А. Жуковскому (30 октября 1837 г.). Цит по: Анциферов Н. П. Указ. соч.

⁴ Из письма Гоголя к М. П. Балабиной (апрель 1838 г.). Цит по: Анциферов Н. П. Указ. соч.

⁵ Заведующий сектором политических технологий Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Структуры и апории аксиологической модальности социодискурса», «Концептуальные основания и стратегические приоритеты этнополитики современного Казахстана», «Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане» (в соавт.) и др.

⁶ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности» (в соавт.), «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп в Казахстане: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Философская антропология как метафизика свободы» и др.

Э. Гуссерль полагает, что в результате феноменологического анализа мы совершаем «усмотрение того, что сознание в самом себе наделено своим особым бытием, какое в своей абсолютной сущности не затрагивается феноменологическим выключением» [3, с. 75]. Но так ли это на самом деле? Не будет ли правильнее говорить о том, что «феноменологический остаток» сам возникает и принадлежит полю трансцендентальной рефлексии и утверждения о его абсолютной сущности имеют смысл только внутри феноменологического усмотрения? В. С. Соловьев отмечал: «Чистый субъект мышления есть феноменологический факт не менее, но и не более достоверный, чем все другие, то есть он достоверен безусловно, но только в составе личного содержания сознания» [4, с. 783].

В связи с этим необходимо отметить, что в феноменологии Э. Гуссерля, как это подробно разъясняется в «Картезианских размышлениях» (размышление пятое), «другой» дан мне в своем ноэтико-ноэматическом содержании как *аналог* или *коррелят* моего *cogito*, «*интенциональная модификация* моего объективированного “я”, моего первопорядкового *мира*» [5, с. 467]. Соответственно бытие «других» для меня *создается* особой операцией сознания — аппрезентацией или аналогизирующей апперцепцией, поэтому неизбежно возникает проблема «трансцендентального солипсизма» и путей выхода из него. М. Хайдеггер не устает указывать на то, что феноменологическое высказывание «Здесь-бытие есть по сути со-бытие» имеет экзистенциально-онтологический смысл, а не смысл сосуществования и взаимодействия многих субъектов¹. Согласно М. Хайдеггеру, знание себя основано в исходно понимающем со-бытии: «Присутствие экзистенциально определено событием и тогда, когда другой фактически не наличен и не воспринят» [7, с. 120]. Очевидно, что анализ М. Хайдеггером бытийного устройства события пронизан перекличками и полемикой с концепцией монадологической intersубъективности Э. Гуссерля. Согласно К. Марксу, человек только в обществе и может обособляться. На языке Хайдеггера аналогичное положение формулируется как тезис о том, что одиночество, разлука, безразличие, чуждость и тому подобное также есть (дефектные) модусы со-бытия. Тем самым М. Хайдеггер утверждает теоретическую бесплодность в области экзистенциально-онтологического анализа, говоря словами К. Маркса, «больших и малых робинзонад», то есть тех стратегий анализа, которые исходят из изолированного субъекта и его имманентного сознания и ищут перехода к трансцендентности «другого».

Решение проблемы intersубъективности, данное Гегелем в «Феноменологии духа», считает Ж.-П. Сартр, представляет «значительный прогресс по

¹ Для Э. Гуссерля intersубъективность является условием единства и многообразия мира, каким он раскрывается сознанием: «Каждый объект, будучи далек от того, чтобы конституироваться, как у Канта, простым отношением к субъекту, появляется в моем конкретном опыте многозначным; он дается первоначально как обладающий системами отношений к неопределенному множеству сознаний» [6, с. 257]. Следовательно, предполагается существование единого для всех сознаний трансцендентального поля без субъекта. Но тем самым вопрос о существовании «другого» не продвигается ни на шаг.

сравнению с Гуссерлем» [6, с. 259]. Для Гегеля человек есть для себя постольку, поскольку он утверждает по отношению к другому свое право быть индивидуальностью, самостоятельным самосознанием. Таким образом, первичным, фундаментальным фактом опыта самосознания является не *cogito*, но опыт соотношения бытия-для-себя и бытия-для-иного. Взаимное отношение сознаний реализуется в форме двойного движения взаимоисключения и взаимопризнания. В борьбе самосознаний я должен получить от другого признание моего бытия. Поэтому в самом своем бытии «я» зависим от «другого», мое сознание в самом его средоточии должно быть опосредствовано другим сознанием, а бытие-для-другого становится необходимым условием для-себя-бытия. «Самосознание есть *в себе и для себя* потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], то есть оно есть только как нечто признанное» [8, с. 99]. Возникающее в самосознании понятие Духа есть единство свободных и для себя сущих самосознаний: «я», которое есть «мы», и «мы», которое есть «я».

Однако, и в этом нельзя не согласиться с Сартром, глубокая диалектика господского и рабского сознания, их борьбы за признание и тому подобное как двойное движение самосознания в отношении к другому сознанию, принимающее вид «двусмысленного снятия двусмысленного инобытия» самосознания и его «двусмысленного возвращения в себя само», ведет не к бытийной самореализации конкретного индивида, а к объективному разъяснению универсальной структуры самосознания как формообразования (явления, феномена) духа. Точнее говоря, принципиальной структурой анализа Гегелем «опыта сознания» выступает тождество объективного и субъективного духа, возвышающееся до абсолютного, в-себе-и-для-себя бытия духа. Моменты противоположности в-себе и для-себя включены в имманентное движение самосознания, ими определяются целые исторические эпохи.

Так, например, Гегелем описывается «несчастное сознание» как ступень развития истины достоверности самого сознания. Несчастное сознание есть раздвоенное внутри себя сознание, разорванное на для-себя бытие единичного сознания и на в-себе бытие, принадлежащее неизменному потустороннему. Надежда слиться с неизменной сущностью сверхчувственного потустороннего и составить с ней одно целое должна остаться для единичного самосознания не осуществленной и не претворенной в действительность. Это единство «поражено разделением, опять подорвано внутри себя», поскольку действие сознания, подтверждающее ему его достоверность для себя самого — вожелание, труд, потребление — «превращается в действие, исходящее от “ничто” (Tun von Nichts)...» [8, с. 120], от лишнего сущности бытия.

Не составив особого труда провести параллели между аналитикой несчастного сознания в гегелевской «Феноменологии духа» и основными структурами феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра. Вместе с тем феноменологическая онтология Сартра, общим принципом которой является противоположение *бытия-в-себе* и *бытия-для-себя*, логически

последовательно разрабатывается как антитеза и гегелевской, и гуссерлевской феноменологии intersubjectивности, и как «история поражения» проекта Истории, провозглашенного Гегелем в его «Феноменологии духа» — проекта «реального единства общины и свободной индивидуальности».

Согласно Сартру, для рефлексивного описания отношения человека с бытием нужно описать не только для-себя-бытие, но и радикально отличный по своей онтологической структуре, хотя и столь же фундаментальный для человеческой реальности способ существования — бытие-для-другого¹. Эту фундаментальную для любого типа феноменологии проблему, на наш взгляд, можно попытаться хотя бы частично разрешить, предположив гипотетическую возможность достижения логико-семантического единства онтологии духовного самоопределения личности и герменевтики социально-исторического мира на основе феноменологии первичных ценностно-смысловых структур духовного плана реальности, порождаемых асимметрией проторефлексивных схем «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» как осей интенсивности порождения онтологических (ценностно-смысловых) диспозиций. Эта идея имплицитно и во многих аспектах реализована в ранних феноменологических текстах М. М. Бахтина, формально посвященных эстетике словесного творчества, но по сути открывающих перспективу создания нового типа рациональности философии духа и гуманитаристики в целом.

В феноменологической установке на описание чистой структуры данности открывается принципиальная внеположность ценностно-смысловых контекстов и пространственно-временных самопереживания «я» всей сферы налично данного и внешне выраженного. Исполненная то ли бесконечной иронией, то ли трагической безнадежностью взаимонепроницаемость этих двух феноменологических самоочевидностей, их безостановочное смещение, скольжение, кружение относительно друг друга демонстрируются М. М. Бахтиным на таком примере, как попытка опредметить для себя свой внешний образ. Непривычное усилие, необходимое для этого, совсем иного рода, чем когитальные способы построения «я-концепции»: «Мой зрительно выраженный образ начнет зыбко определяться рядом со мною, изнутри переживаемым, он едва-едва отделится от моего внутреннего самоощущения, не отрываясь от него сполна; я как бы раздваиваюсь немного, но не распадаюсь окончательно... Нужно некото-

¹ «Другой» является не только тем, кого я вижу, но тем, кто видит меня. Для другого я являюсь объектом, поэтому «другой» представляется радикальным отрицанием моего опыта. «Я рассматриваю другого, поскольку он является связанной системой опытов вне моей досягаемости, в которой я представлен как объект среди других. Но в той степени, в какой я стараюсь определить конкретную природу этой системы представлений и место, которое я занимаю там как объект, я радикально трансцендирую поле моего опыта; я занимаюсь феноменами, которые в принципе не смогут никогда быть доступны моей интуиции, и поэтому я превышаю права моего познания; я стараюсь связать между собой опыты, которые никогда не будут моими» [6, с. 252]. Невозможно составить таблицу соответствия между двумя системами представлений, которые конституируются спонтанно. Если я и другой изначально рассматриваются как две разделенные субстанции, лейбницевские монады, то связь между ними («intersubjectивность» или «интермонадность») оказывается невозможной.

рое новое усилие, чтобы представить себя самого отчетливо en face, совершенно оторваться от внутреннего самоощущения моего, и когда это удастся, нас поражает в нашем внешнем образе какая-то своеобразная пустота, призрачность и несколько жуткая одинокость его» [9, с. 32]. Что же здесь произошло? Я-для-себя как ценностно-смысловое целое свернулось в чистую интенсивность акта объективации, в продукт же его перешла схема представления «я» (с ее жутковатой призрачностью и пустотой), а живой образ «я» в его ценностно-смысловой наполненности и пластически-воззрительной данности самоопределился как предмет возможного созерцания *другого*.

Я для себя нахожусь как бы на касательной к любому типу пространственной выраженности. Напротив, пространственное и смысловое целое другого гомологичны (феноменологически пространство как таковое и есть артикулированность смысла во внешнем созерцании, его развернутость вовне). *Другой* собран и вмещен для себя весь в свой внешний образ. Здесь оптические линии контура телесности, ее вписанности в ландшафтные миры восприятия являются и линиями его ценностно-смысловой оформленности. Дело в том, что свое сознание я переживаю как бы объемлющим мир, охватывающим его. Поэтому в отношении *другого*, помещенного в этом пространстве в качестве его элемента, я непосредственно переживаю ценностно-смысловую оформленность живого пространства своего сознания в конкретной единственности ценностно-смыслового целого *другого* как отблеске чисто смыслового внутреннего центра «я». Действие же изнутри действующего, когитальный акт этого смыслового центра «я» для самого «я» принципиально отрицает ценностно-смысловую самостоятельность всей сферы налично данного².

² Аналогичные диспозитивы формируют смысловое пространство феноменологии акта созерцания субъектом своего зеркального отражения. Разглядывание своего отражения в зеркале порождает странный эффект мерцающего отождествления и противопоставления внешнего созерцания и саморефлексии, обоюдной нереальности внешнепространственной явленности телесного облика и изнутри переживаемой, не имеющей пространственных границ, как бы размытой самости. Феноменология акта созерцания собственного отражения блистательно раскрыта М. М. Бахтиным.

Положение перед зеркалом всегда несколько фальшиво. Мы видим отражение своей наружности, но не себя: я перед зеркалом, а не в нем. Ведь я сам не вхожу в конкретный действительный кругозор моего видения: «Я нахожусь как бы на границе видимого мною мира, пластически-живописно не сопряжен ему» [9, с. 30]. Поэтому между внутренним самоощущением и глядящим на меня из зеркала отражением необходимо вдвинуть экран возможной эмоционально-волевой реакции на мою наружность другого. Причем этот другой не может быть каким-то определенным человеком — в этом случае он вытеснит из поля моего представления мой внешний образ, и вместо себя я буду видеть его с его внешне выраженной реакцией на меня. Созерцая свою наружность сквозь призму оценивающей души возможного другого, я совершаю некую оптическую иллюзию, порождаю дутый, фальшивый продукт. Ведь ясно, что глазами этого фиктивного другого нельзя увидеть своего истинного лица: «Так как у нас нет подхода к самому себе извне, то мы и здесь вживаемся в какого-то неопределенного возможного другого, с помощью которого мы и пытаемся найти ценностную позицию по отношению к себе самому, из другого пытаемся мы и здесь оживить и оформить себя; отсюда то своеобразное неестественное выражение нашего лица, которое мы видим в зеркале [и] какого у нас не бывает в жизни» [9, с. 34–35].

Ничто внешне выраженное, приобщенное к единству действия *ego cogito*, не должно завершиться в устойчивое смысловое целое, внутри которого совершается действие. Тем самым определена возможность развертывания темы феноменологического истока картезианского *ego cogito* как своеобразной «философской лирики», где аподиктические смыслы и ценности сплошь имманентизированы самопереживанию достоянности своего, собранного в мысли существования.

Мое внутреннее самоощущение — «функцию моего *пустого* видения» — я не могу проецировать на мою внешнюю выраженность, почему она и противостоит мне в ценностной пустоте и онтологической беспочвенности. «Здесь как бы совершается оптический подлог, создается душа без места» [9, с. 34]. Самоочевидность акта *ego cogito* не может быть фиксирована во внешнем образе. Ведь в этом случае мое собственное место в акте «я мыслю» будет занято другим, и *ego cogito* превратится в механически-ассоциативную процессуальность, «духовный автоматизм». «Я сам» тогда оказываюсь в мертвой зоне действия, непричастный к его цели, ценности и смыслу, осуществляющимися и видимыми в ценностно-смысловом контексте «другого», «не-я». Таким образом, в мире любой фактичности, «уже-наличности», содержательной определенности, выраженности смыслов природы, культуры, как и в мире самоданности моей души, меня принципиально нет. Я весь еще предстою себе, освещая себя еще-не-исполненностью всегда должествующего быть смысла¹.

В традиционных («докритических», «догматических») системах метафизики различения трансцендентальных схем «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» не возникает вообще. В них отношение реф-

Тема двойника, ожившего портрета, тени, приобретающей независимость от тела, — все эти многократно обыгранные в литературе способы опредмечивания *alter ego*, самоудвоения личности в личине-маске являются проекциями феноменологически бесспорного факта: *я не один, когда я перед зеркалом*. В событие самосозерцания вмешан второй участник, фиктивный и необоснованный, но тотально формирующий оценку моей наружности. Отсюда проистекает досада и даже некоторое озлобление на возможного «автора» моей наружности, «недоверие к нему, ненависть, желание его уничтожить», невольное позирование перед зеркалом в желании придать лицу выражение, представляющееся желательным с позиции внешнего оценивающего взгляда другого, — взгляда, уплотненного почти до онтологической реальности, — целая гамма эмоционально-волевых реакций.

¹ Эти феноменологические особенности становятся и указаниями для историко-культурологических исследований. В модуле «я-для-другого», перехода самости во внешнюю «пластически-воззрительную» (А. Ф. Лосев) завершенность самоприсутствия существуют целые эпохи и культуры. Так, например, для Античности характерна эйдетическая символика — телесная проявленность смысла, воспринимаемая извне через позу, жест, ритм и пластику движений. Гармонически развитое, не знающее пыток и рабского труда тело — знак общественного статуса. Античная телесность в ее тождественности ценностно-смысловому целому «я» — это «я-для-других», глазами других, ибо отношение «я-для-себя» принципиально внеэстетично. В любом случае (если пластически-живописные характеристики действия наличны в сознании самого действующего, то действие его тотчас же отрывается от нудительной серьезности своей цели, от действительной нужности, новизны и продуктивности осуществляемого, превращается в игру, вырывается в жест» [9, с. 46], а на том конце этого замедленного жеста, растягивающегося на «эстетические стадии» (С. Кьеркегор) исторических эпох и культур, остается пустая интенсивность «паразитически завершенного» (М. М. Бахтин) единства «я-для-себя».

лексивности в целом со всей дифференциацией его структурных и смысловых уровней вводится в «единый план одного сознания» (М. М. Бахтин) и принимается за предел его асимптотического приближения к модулю абсолютной перцепции: «Самопониманию Ума», «Единому» «Монаде монад», «*Sensorium Dei*» и т. д. Однако субстанциализация рефлексивных процедур и конструкций при «догматическом обращении с понятием» (Кант) приводит к тому, что самоопределение личности происходит по отношению к положенной вне ее самодеятельности сущности, или в модуле «я-для-другого»².

Из состава первичных ценностно-смысловых структур духовного плана реальности М. М. Бахтин исключил схему «другой-для-другого». С одной стороны, эта схема логически необходима как недостающее звено логически возможных комбинаций рефлексивно удвоенных отношений элементов «я» и «другой». В то же время ее включение превращает *проторефлексивную триаду* «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» в *метарефлексивную тетраду*. «Другой-для-другого» — это структурный аналог позиции, запрещающей мыслить личность в терминах собственного двойника, фиксирующей радикальную невозможность увидеть субъективную сторону переживаний другого.

Alter ego в эйдетико-трансцендентальном синтаксисе — это не второе «я» в смысле дублирования моей эмпирической идентичности, но «вторая эго-структура», почему он и является *другим*, а не вещью. Как показывает Э. Гуссерль (особенно скрупулезно в пятом картезианском размышлении), «другой» дан мне посредством аппрезентации (представляющего перенесения или наложения), тем самым обретая статус интенциональной модификации *ego*, или статус *alter ego*. Ж. Деррида в полемике с Э. Левинасом, отказывавшимся называть другого *alter ego*, поясняет: «Другой является абсолютно другим лишь будучи эго, то есть, в некотором смысле, будучи тем же, что я» [10, с. 193]. Одновременно «странная симметричная очевидность» (Ж. Деррида) заключена в том, что я сам являюсь другим-для-другого, зная об этом. Поскольку схема «другой-для-другого» не должна быть выведена из интенционального плана самопереживания (в соответствии с принципом феноменологии: не существует априори, которое бы не зависело от своего интенционального конституирования), то она принимает вид (другой-для-другого)-для-я. Этой трансцендентальной

² Самоидентификация в модальности «я-для-другого» требует, чтобы этот «другой-для-меня» был непререкаемо и абсолютно авторитетен. Иначе недостижима онтологическая обеспеченность, равно как и ценностно-смысловая легитимность самоидентификации. Но здесь возникает апория, взрывающая изнутри этот способ самоопределения индивида. Поскольку я сам учреждаю авторитетную инстанцию моей самооценки, то эта мера моей онтологичности, принятая мной самим, в себе не авторитетна и не самообоснована. Ценностно-смысловой контекст самоидентичности остается случайным, подверженным капризам и произволу, то есть как раз внешним. Это «другое» есть тогда всего лишь «другое я», моя самопроекция в инстанцию самооценки, то есть ее субъективизация, а самоидентификация сводится пусть и к бесспорному, но лицедейству. Если же другой абсолютно объективен, защищен от моего влияния на него и принимается как нечто тотально самообоснованное до и помимо моего свободного решения, то я сам для себя столь же абсолютно лишаясь автономного смысла и ценности.

формой отношения *ego* и *alter ego* закрывается лазейка, обеспечивающая (в терминах М. М. Бахтина) собственное алиби в бытии за счет абсолютизации как инаковости, так и тождественности другого.

Соответственно в метарефлексивной матрице преобразуются (операцией итерации вхождения рефлексивного дифференциала *для-я*) и все остальные конструктивно-конститутивные элементы рефлексивной триады *я-для-себя* в (*я-для-себя*)-*для-я* и т. д. Тем самым вводится новый уровень или новый тип феноменологического анализа отношения «я–другой», требующий иной концептуальной модели, иной логики (многозначной или поливалентной логики) и иного метаязыка (не редуцируемого ни к языку *категорий*, ни к языку *экзистенциалов*) описания феномена intersубъективности.

Литература

1. Гуссерль Э. Феноменология / Э. Гуссерль // Логос. — 1991. — Вып. 1.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — СПб.: Ювента: Наука, 1999.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М.: Дом

интеллектуальной книги, 1999. — Т. 1: Общее введение в чистую феноменологию.

4. Соловьев В. С. Теоретическая философия / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1.

5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. — М.: Республика, 2000.

7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М.: Ad Marginem, 1997.

8. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Соч. — М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1959. — Т. IV.

9. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986.

10. Деррида Ж. Насилие и метафизика. Очерк мысли Эммануэля Левинаса / Ж. Деррида // Деррида Ж. Письмо и различие. — М.: Академический проект, 2000.

О. А. Жукова¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ МЕДИА

Подавляющее большинство приезжающих в Россию иностранцев — туристов, участников культурных и спортивных событий, профессионалов, претендующих на высокооплачиваемые рабочие места в различных отраслях экономики, — продолжают оставаться в плену стереотипов восприятия нашей страны. Собираемый образ постсоветских «русских» по-прежнему формируется в парадигме незнания и предубеждения, явно или неявно содержа в себе негативную для «цивилизованного мира» коннотацию «чужих». И если для интеллектуалов всего мира Россия прежде всего — страна Достоевского и Чайковского, русской иконы и балета, то в массе своей потенциальный гость страны черпает сведения об исторической и современной России из СМИ, телевизионных и кинематографических историй, зачастую создающих весьма определенную, политически ангажированную и, увы, недружелюбную «картину» жизни российского социума. И даже положительный образ России, создаваемый выдающимися представителями в первую очередь му-

зыкально-театральной и кинематографической культуры, крайне важен, но далеко не исчерпывает собой содержание российской современности — многообразия и позитивного смысла социально-культурных процессов, происходящих в ней.

В качестве примера приведу замечание Эктора Бабенко, выдающегося бразильского кинорежиссера, сценариста и продюсера, бывшего президентом XXXIV Московского международного кинофестиваля. Выступая на конференции в Российском институте культурологии в июне 2012 года, он справедливо отметил, что бразильцы практически ничего не знают об актуальной российской культуре. Русские культурные образцы, которые «экспортируются» за рубеж, представлены репертуаром Большого театра и некоторыми творческими коллективами и солистами, исполняющими классическую музыку. Опыт чтения русской литературы также достаточно скромный, ограничивающийся избранным наследием великой русской классики и частично Серебряного века. При этом один из самых эффективных каналов современной коммуникации — медийный — никак не способствует созданию образов другой культуры в культурно-информационном пространстве своей страны. Возразить режиссеру просто нечего. Разве что наш ответ будет заключаться в упоминании бразильского карнавала и знаменитых «мыльных опер» — телесериалов, имевших большой успех в 1990-х годах до того момента, когда отечественные компании перехватили

¹ Профессор философского факультета НИУ «Высшая школа экономики», доктор философских наук, кандидат культурологии. Автор более 180 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России», «Курс лекций по философии и истории русской культуры», «Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт.), «Лекции по истории русской культуры», «Метафизика творчества. Искусство и религия в истории культуры России», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры» и др.

лидерство в этом жанре и наполнили телевизионный контент собственной продукцией.

Справедливо возникает вопрос: как в процессе транскультурного диалога может быть самонастроен и использован важнейший для информационного общества инструмент межкультурной коммуникации — медийный? Каким образом он будет способствовать созданию адекватного образа человека другой культуры, которая с психологической точки зрения устойчиво воспринимается индивидом как «не своя» — то есть «чужая»? Если же мы станем рассматривать политического субъекта как коллективную личность, то проблема будет заключаться в выборе модели поведения и тех ценностей, которые определяют принцип международных отношений России и других стран. Учитывая ситуацию перехода обществ и экономик в информационную стадию развития, попытаемся ответить на вопрос: способна ли Россия как исторический субъект вписаться в проект глобального мира, освоить технологии информационного универсализма и стать лидером *новой философии развития*, отличной от действующей сегодня практики *противостояния «своих» и «чужих»*? Особую роль в этом процессе, как представляется, могут взять на себя современные *медиа* — телевизионные коммуникации и интернет-сети. Ведь функция инновационно-креативной доминанты, соответствующей экономике знаний, все чаще отводится им, и современные медиа все активнее выполняют роль медиатора между субъектами истории (странами, государствами, культурами, религиями, социокультурными институтами, корпорациями, индивидами).

Данная тенденция получает осмысление в современной научной литературе. Общий вывод исследователей — значение СМК как инструмента социализации постоянно возрастает. В связи со вступлением обществ в новую информационную стадию развития цивилизации массовые коммуникации выступают не только способом взаимодействия индивида и общества в многообразии его культурных форм и практик, но и важнейшим средством формирования *образцов социальной реальности*. Эти имиджевые образцы становятся мощными «игроками» как внутренней, так и внешней политики. Во многом именно через них осуществляется опознание «своего» и «чужого» в ситуации конкуренции социально-экономических и культурно-политических моделей жизни человека и общества, выстраивается иерархия целей и ценностей.

Современная Россия находится в острой фазе борьбы за свой исторический проект, пытаясь сформулировать и предъявить привлекательные образцы социальной реальности, способные конкурировать с западными образцами, выступающими критерием «цивилизованности». Однако политическая реальность такова, что в ситуации встречи с другими субъектами культуры и международных отношений часто как с одной, так и с другой стороны срабатывает логика разграничения «я» и «не-я» в духе коллективной идентичности «мы» и «они». Именно здесь возникает первичный комплекс переживания и опознавания «своих» и «чужих», в то время как возможность политического и межличностного диалога определяет иной тип отношения к контр-

агентам по принципу «свои–другие». В этой внутренней готовности к диалогу *чужой* становится потенциально *другим*, что снимает момент настороженности, агрессии и недоверия. Данную логику самопрезентации страны как *другой, но не чужой* пытается реализовать в своей политической практике Россия, примером чего является Олимпиада в Сочи, призванная создать позитивный образ новой России, готовой к общению, сотрудничеству и партнерству.

Необходимо отметить, что в этом процессе Россия пытается найти себе союзников, решающих сходные исторические, экономические и политико-культурные задачи. Она идет на сближение со странами, которые так же, как и Россия, находятся в ситуации «догоняющей модернизации» и которые, как и Россия, пытаются репрезентировать себя через национально-культурный образ — *не потерять свою идентичность и быть при этом открытыми миру*. Одним из ответов на вызовы современности стала новая геополитическая связка Бразилии, России, Индии, Китая и, чуть позже, Южной Африки — стран, соревнующихся с локомотивами современности (США, Японией, Евросоюзом) и заявляющих свои претензии на лидерство.

Эти идеи и цели были отражены в ряде документов. Особо выделим «Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц I саммита БРИК», принятое в Екатеринбурге 16 июня 2009 года, и «Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц II саммита БРИК», принятое в Бразилии 15 апреля 2010 года¹. Настоящие документы подтверждают намерения клуба БРИКС повлиять на существующую систему международных отношений. Одна из главных целей этого экономико-политического проекта — переход от однополярной гегемонии лидеров современности к многополярному миру. Историческим результатом данного процесса может стать постепенное изменение негативной изоляционистской аутсайдерской коннотации «свои–чужие» на позитивную формулу диалога «свои–другие», отвечающую логике партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и культурного обмена.

Острота текущего исторического момента подчеркивается тем обстоятельством, что уклад и границы национальных и этнических культур размыкаются под воздействием универсализирующих социальные практики технологий. Процессы социализации и культурной самоидентификации человека и общества значительно усложняются. Все это создает предпосылки нового типа взаимодействий между субъектами истории — странами, включенными в систему международных политических отношений и мирового хозяйства. Это хорошо видно на истории формирования клуба БРИКС, первоначально детерминированного экономическими интересами, а затем обратившего внимание на выражение национально-культурной составляющей. Культурно-цивилизационные отличия стран — участниц БРИКС рассматриваются здесь как неотчуждаемые основания политической субъектности в международных отношениях. Однако они значительно

¹ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия : сб. докл. конф. М. : ИЛА РАН, 2010. Прил.

трансформируются и видоизменяются в условиях глобализирующегося мира с его обменом интеллектуальными ресурсами и технологиями, свободой передвижения товаров и капитала.

Процессы глобализации способствуют интенсификации многообразных форм межкультурной коммуникации. Складывающийся на наших глазах тип информационной культуры задает новый формат межкультурных взаимодействий, что заставляет учитывать и реально *оценивать роль и масштаб влияния медийных коммуникаций* в системе межгосударственных отношений, в частности при создании позитивных или негативных образов стран и их представителей, носителей культуры. Во многом именно от образа, сформированного медийными средствами, будет зависеть восприятие *другого* как потенциально «своего» или «чужого» в ситуации встречи.

В этом контексте современные медиа могут выступить инструментом диалога, повышающим эффективность межкультурных и межличностных коммуникаций. Позитивный культурный эффект медиа в этом случае будет связан с идеей разнообразия, диалога и развития, что позволит повысить уровень доверия в системе международных отношений.

Носителями и выразителями этой новой этики диалога, организуемого по медийным каналам, вполне могут стать упомянутые страны БРИКС, чьи культуры имеют длительную историю существования и до настоящего времени несут на себе печать воздействия религиозных традиций с ярко выраженной моральной детерминацией. Сохранять свою идентичность пытаются Бразилия, культура которой представляет собой результат экспансии католической Европы. В России, где государственно- и культуuroобразующую роль взяло на себя православие, за последние два десятилетия роль церкви в жизни общества значительно возросла. Индия продолжает оставаться заповедником древних духовных практик. Коммунистический Китай продолжает ориентироваться на социально-этическое учение Конфуция. Южная Африка в культурно-политическом и государственном смысле является продуктом цивилизаторских усилий все тех же христианских миссионеров. Одним словом, все эти геополитические гиганты имеют культурно-исторический фундамент, ярко выраженную национально-культурную специфику, на основе которой создаются почвенные представления о «своем» и «чужом».

Вопрос заключается в том, насколько формула «свои–чужие» в ситуации встречи с другими субъектами политико-культурных отношений способна к «переконмутации» в диалоговую формулу «свои–другие»? В связи с этим можно отметить позитивную гуманитарную тенденцию, которая начинает проявлять себя в России. Идеи повышения эффективности межкультурных коммуникаций на основе диалоговой практики культурного взаимодействия становятся определяющими векторами развития в российской политике. Примером являются усилия России в международном олимпийском движении, в рамках которого создается ее новый образ, в том числе и медийными средствами. Сходные задачи решают и экономические форумы в Санкт-Петербурге, Мос-

кве, Иркутске, Красноярске, Перми, саммиты АТЭС, ШОС, ЕврАзЭС. Можно также привести пример Международного форума «Диалог цивилизаций», который за несколько лет превратился в крупнейшую площадку народной дипломатии, развивая принципы новой этики диалога культур и цивилизаций. Значимой гуманитарной площадкой стали и Международные Лихачевские чтения. Интеллектуальным заданием для участников этих форумов являются не только экономические проблемы, но и гуманитарная проблематика диалога между цивилизациями, образования для всех, биоэтики, общества знания, культурного разнообразия, этики окружающей среды, борьбы с нищетой, устойчивого развития. В повестку дня входят также темы сохранения национальной специфики в условиях универсальной цивилизации, инновации в области науки и образования, актуализации религиозных традиций в жизни современного человека и др.¹

Определенно можно сказать, что стратегия диалога для стран, желающих сформировать позитивный имидж на международной арене, наиболее продуктивна. Диалог выступает и как способ создания условий взаимопонимания, социальной адаптации и аккультурации человека, этнических и культурных сообществ, и как средство сохранения культурной идентичности, и как способ передачи социально-культурного опыта, и как модель сосуществования многообразных культурных традиций. В условиях информационного общества диалоговая стратегия в сфере межкультурной коммуникации во многом будет осуществляться *инструментарием современных медиа*, проявляя себя на различных уровнях. Другими словами, телевидение и иные средства массовой коммуникации с точки зрения содержания должны стать трансляторами ценностей, обеспечивающих продуктивное развитие культурно-политических наций.

Предлагаемая концепция медиа и телевидения как транскультурного медиатора в пространстве международной политики представляет собой не что иное, как культурно-политический вариант решения проблемы *эффективности социальных взаимодействий*. Роль межкультурной коммуникации в информационном обществе неизмеримо возрастает. Выстраивать инфраструктуру диалога культур и цивилизаций необходимо как на межличностном уровне, чему в немалой степени сегодня способствует сетевая структура организации информационной «глобальной деревни», так и на межгосударственном уровне — средствами культурной дипломатии. С периферии дипломатических интересов и процедур культурный диалог должен переместиться в центр и стать основой политической стратегии стран — участниц открытого мира. Межкультурные взаимодействия, выстраивающиеся как заинтересованный диалог, готовят гуманитарную почву для межгосударственных отношений. Без создания положительного образа «другого» участники большой политической игры обречены на конфронтацию, деление на «своих» и «чужих», неизбежно превращающих конкурентов в конфликтующих соперников. С этой точки зрения имидж

¹ БРИК как новая форма многосторонней дипломатии // Международная жизнь. 2010. 31 мая.

России, ее самопрезентация в мире во многом будут зависеть от способности трансформировать представления о «чужом» в своем собственном сознании. Создаваемые для этого государством медийные инструменты, как, например, недавно возникшее агентство «Россия сегодня», должны использоваться не как пропагандистский инструмент, а как канал трансляции смыслов современной России вовне. При этом диалоговая стратегия международной дипломатии будет в первую очередь отражать культуру диалога внутри самой нации.

Логично предположить, что один из самых мощных инструментов информационного общества — современные медиа, развивающие систему телевидения и Интернет, — должны соответствовать декларируемым целям новой культурной политики России на уровне содержания и технологий, коммуникативных стратегий, инфраструктуры и модели управления. В этом случае цель образовательно-просветительского контента современных медиа — создание позитивных образов *не только своей страны, но и сотрудничающих контрагентов*. К области задач можно отнести создание условий для понимания основополагающего культурного единства человечества, демонстрацию окружающим богатства национальных культур этих стран, насчитывающих тысячелетние истории, обретение базового знания о проблемах интернационального сотрудничества и путях его разрешения.

С нашей точки зрения, в этом процессе необходимо выделить и сделать предметом философско-культурологического и социально-политического анализа формирующееся публичное пространство в России, в организации которого ведущая роль сегодня принадлежит телевидению и Интернету. Нас интересуют не только творческие возможности современных медиа, их информационный профиль и социальная «механика», но и «медийный» потенциал, то есть способность выстраивать срединное пространство культуры для взаимодействия политики, экономики, науки, религии, философии, искусства. Важно оценить существующую практику социокультурного применения СМИ — их роль в социально-политической, экономической и духовно-культурной сферах жизни активно обновляющихся обществ.

В контексте межкультурных взаимодействий и формирования позитивных образов стран — участниц международных отношений своеобразная миссия медиа как мощного культурного инструмента и самостоятельного института общественного развития заключается в достижении определенных социальных и политических эффектов. Инновационный потенциал медиа, в том числе телевизионных, будет реализован в том случае, если оно станет медиатором — посредником в общественном диалоге. Задача медиа — не «промывать мозги», а *оптимизировать творческие ресурсы наций* при решении внутриполитических и геополитических проблем. Тем самым современные медиа будут способствовать формированию общего культурного пространства европейских и неевропейских стран, утверждать ценности духовной, интеллектуальной и политической свободы, создавать атмосферу понимания между участниками политического диалога *в условиях*

открытого общества. В этом случае мы сможем говорить об эффективности социальных взаимодействий в сфере публичной политики и культурного строительства посредством медиа, о новых культурных прорывах, конституирующих социальную реальность современности.

Собственно в этом и заключается современное культурологическое мышление, которое центрирует политическое пространство вокруг ценностей личности, культуры и общества. В любом случае исторический результат развития современного общества не предрешен, а значит, и не исключены возможности развития стратегии эффективности социальных взаимодействий в качестве гуманитарного стержня современных медиа и телевидения.

Конечно, мы должны признать, что образовательной и культурно-просветительской ролью современные СМИ давно не довольствуются. Они активные интерпретаторы событий, взаимодействующие с социальными институтами и влияющие на их внутренний порядок и статусные позиции. Информационная политика медиа в эпоху острой конкуренции культурных образцов и стилей жизни, борьбы за первичные ресурсы, перекройки политической карты мира, социальных революций изменилась и начала определяться новым типом целеполагания. Отчетливо прослеживается тот факт, что целью СМИ стало направленное воздействие на оценки, мнения и поведение людей, групп и институтов в горизонте предполагаемой политической и экономической выгоды в пользу клиента-заказчика, которым может выступать государство, различные статусные элиты или отдельные игроки на конкурентном поле. Телевидение в данном процессе оказалось едва ли не самым эффективным средством воздействия на общественное мнение, более похожим на откровенную манипуляцию. Правящие элиты мира в этом смысле не имеют «национальных противоречий» — они охотно используют СМИ, монополю владения информационными инструментами. Телевидение стало признаком «общества регулируемой информации», которому в последнее время принято противопоставлять «общество свободного распространения информации — интернет-общество»¹.

Однако и в современной культуре с ее жесткой борьбой интересов элит все же остается гуманитарно-гуманистический канал трансляции духовно-культурных ценностей на уровне и системы образования, и персональной творческой стратегии жизни, и государственной культурной политики СМИ. Именно на этом поприще современные медиа могут проявить свою культуротворческую миссию, *трансформируя образы «чужих» в образы «других»*, отличных от «своих», но не менее интересных и способных к продуктивным взаимодействиям. В этом случае медийные межкультурные коммуникации в рамках международного сотрудничества создадут мощные предпосылки для синтезирования духовных традиций культур на основе новой философии взаимоуважения и сотрудничества, исключающей конфликт «своих» и «чужих».

¹ Эйдман И. В. Прорыв в будущее: Социология интернет-революции. М., 2007. С. 336.

А. Е. Зимбули¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: НРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Свой своему поневоле брат.

Русская пословица

Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь.

Евр. 13: 9

Бей своих, чтобы чужие боялись.

Русская пословица

Противопоставление «свой–чужой», «мы–они», «родные–посторонние», «ближние–дальние», «друзья–враги», «наши–не-наши» — естественное порождение общественной жизни. И как все естественно возникающее, оно имеет свои множественные историко-культурные плюсы и минусы. Попробуем рассмотреть самым беглым образом во многообразии этого противопоставления, обращая внимание прежде всего на нравственно-ценностную его сторону. Прежде всего задумаемся о том, где подобная дихотомия выступает как нечто разрушающее культуру, душевно опустошающее, препятствующее гуманности и справедливости. Блат, кумовство, круговая порука, болельщицкие войны, религиозный или политический фанатизм, национализм, расовая или половая сегрегация, дедовщина в армии — все это, очевидно, явления контрпродуктивные как для общечеловеческой, так и для индивидуальной культуры. За явлениями подобного рода просматриваются животный эгоизм, дикость замкнутости и ригидности, групповая заносчивость, недоверие и злоба, — стало быть, данные явления нужно изживать, минимизировать. Тому порукой издавна укореняемые в разных этносах и этносах взаимоуважение, терпимость, толерантность, справедливость, отзывчивость, принципиальность.

Вместе с тем нельзя забывать, что дихотомия восприятия и отношений носит естественный характер, поскольку коренится в многообразии реального мира. Скажем, даже еда объективно бывает: *скудной и изобильной; эстетичной и неэстетичной; вкусной, безвкусной и невкусной; полезной, бесполезной, вредной; желанной и вынужденной.*

И неразличение особенностей еды вряд ли следовало бы признать признаком высокой культуры. Помните, в одном из романов Кобо Абэ герой сообщал, каких трудов стоило ему приучить себя к тому, чтобы подбираемые среди отходов продукты употреблять в пищу, не обращая внимания на рассогласование их вида, запаха и вкуса. Вряд ли такую всеядность (буквальную!) стоит считать завоеванием культуры. То же следует сказать и о многих других областях жизни. Допустим, неужели тождественны неосведомленность и бытовое хамство? Надо ли одинаково воспринимать и оценивать чьи бы то ни было действия, отступаю-

щие от общепринятых по неопытности или творимые из упрямства?

Тому, что именуется в последние несколько лет толерантностью, требуется отыскать предельно точно прописанную сферу и рамки применения. Ведь культурное волевое неразличение допустимо прежде всего лишь применительно к индивидуально-вкусовому–невкусному, привычному и непривычному. А вот уже эстетичное–неэстетичное может затрагивать интересы окружающих. С чего бы тогда в большинстве сообществ вырабатывались представления о внешнем виде, позах, жестах, оскорбительных для окружающих? Получается, что там, где оценка касается не только интересов отдельно взятой персоны, но и ее окружающих, терпимость–снисходительность–толерантность очень даже сомнительны. Вправе ли руководитель оркестра сквозь пальцы смотреть на дурную игру музыканта? Или может ли руководитель ансамбля внеоценочно относиться к тому, что кто-то опаздывает на репетиции? Ведь рядом с одним систематически опаздывающим в коллективе исполнителей могут множиться новые проявления нерадивости.

Итак, уже эстетичное–неэстетичное часто имеет надличностное значение, и толерантная неразличимость, проявляемая в данном ракурсе, рискует перерасти в проявление безнравственности, в неуважение к пусть не очень культурно продвинутому большинству. Согласитесь, содействовать эстетическому развитию желательнее не оплеухами–затрещинами–провокациями, а как-то более цивилизованно. И что тогда уж говорить про различие собственно этичного–неэтичного! В какой степени можно здесь проявлять сдержанность, терпимость, толерантность? Представляется, что проявлять их можно и даже нужно, но не давая им перерасти в попустительство злу, в нескритичность, вседозволенность.

Впрочем, здесь явно имеют место две возможности–крайности. Одна — то самое неразличение, попустительство, отказ от нравственных оценок: «И ты прав, и ты прав». «Не мне судить о тонких (субъективных, не допускающих доказательств) вопросах морали», «Даже Христос призывал: не судите, да не судимы будете». Первая крайность — в сущности отказ от утверждения высших ценностей культуры. Вместе с тем Христос и вправду это говорил². Но, насколько можно понять из контекста Нагорной проповеди, а также из дальнейших событий, связанных с земной жизнью Христа, он призывал вовсе не к отказу от нравственных оценок, а к отказу от оценок скоропалительных и однобоких. Вообще вопрос о том, какова логика нравствен-

¹ Профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «*Nomo Aesthetikus* как предмет этических раздумий», «Нравственный мир: три пространства, три времени», «Целевые ценности в пространстве культуры», «Русское “авось”», «Парадоксы и алгоритмы нравственной оценки», «Факторы ненасилия», «Человек и природа: в поисках целостности и гармонии» и др.

² Мф. 7: 1.

ных оценок в рамках разных традиций христианства, в иных культурных традициях, — тема, заслуживающая отдельного рассмотрения. Сейчас продолжим задаваться вопросами попроще, чтобы подойти к рассмотрению второй из упомянутых крайностей. Допустим, как следует сквозь призму максимальной гуманности и толерантности воспринимать сюжеты, которые связаны с соблюдением армейской или производственной дисциплины в областях высоких технологий?

Очевидно, что там, где речь идет не об абсолютной импровизации, а о тех или иных рамочно предписываемых процессах, толерантность (снисходительность) попросту губительна! Рамки возможных отступлений от нормы в устной и письменной речи, в дорожном движении, в упомянутой музыке, медицине, образовании, сельскохозяйственном и промышленном предпринимательстве, в международных отношениях всегда чреваты рисками. Кроме того, было бы неразумно и даже противоестественно полагать, будто всепрощающая всепринимаящая толерантность способна что-то создать, кроме изначальной установки благодушия и добродетельности. Скорее в царстве абсолютной толерантности будет иметь место не позитивное культуротворчество, но равнодушие, «пофигизм», цинизм.

Когда во время недавнего экзамена по этике я мимоходом упомянул про жительницу Лондона, которая уже три года как официально состоит в браке со своей собакой¹, то студентка-собеседница презрительно проронила: «Ну что ж, совет да любовь!». В ее интонации я услышал приблизительно: «Туда им и дорога!»

От себя смело заявляю: это не наш образ жизни. И очень хотелось бы надеяться, что и впредь нашим не станет. Как бы это ни расходилось с планами тех, кто проталкивает идею равного достоинства так называемых «натуралов» и представителей ЛГБТ. Не знаю, кто как, а я не хотел бы даже рассуждать на тему о равном достоинстве человека средней воспитанности и того, кто, скажем, прилюдно ковыряет в носу. Различаемые «мы–они» в этой плоскости, убежден, имеют право на противопоставление и дистанцирование. Равно как и люди, различаемые по ведущим нравственно-психологическим параметрам: ответственные/безответственные, честные/нечестные, трудолюбивые/ленивые, отзывчивые/жесткие, справедливые/несправедливые, мужественные/трусливые, щедрые/жадные, благодарные/неблагодарные, скромные/заносчивые и т. п. И дело не в том, что сам отдельно взятый человек обязательно напрямую будет себя идентифицировать с праведниками, тружениками, героями. Тут достаточно даже того, от кого он дистанцируется. Уже это объективно — шаг по направлению к акту нравственно-ценностной самоидентификации.

Когда малыш-герой знаменитого стихотворения Маяковского обещает отцу: «Буду делать хорошо и не делать плохо!», фактически происходит акт нравственного выбора, самоопределения. Или, если хотите, нравственного самопрограммирования. Маленький че-

ловечек уже способен для себя решать, с кем ему хотелось бы дружить, общаться, на кого он желал бы быть похожим. Он выбирает нравственно-ценностное «мы». В то же самое время на кого-то он, напротив, не хотел бы быть похожим, не желал бы с ними общаться, даже не хотел бы, чтобы его с ними сравнивали. То есть уже в раннем возрасте дети обязательно проходят процедуру нравственно-ценностной самоидентификации с самоопределением в пространстве «мы–они», «свои–чужие». И эта процедура в решающей степени зависит от житейской опытности и/или этической грамотности их опекающих старших.

Есть все основания считать формирование способностей и мотивированных усилий включаться в данную процедуру одной из главных задач воспитания². Очень выразительно в свое время были продемонстрированы возможные результаты недостаточно окультуренной инструментальной противопоставления «мы–они» в кинофильме «Бакенбарды». Насколько помнится, там все начиналось со вполне благопристойной идеи уважения к наследию самого великого русского поэта. А потом вылилось в бесчинства, фанатизм, отупление тех, кто ратовал за высокие духовные ценности. Это и есть та самая вторая крайность, анонсированная в вышеприведенных рассуждениях. Крайность некультурного утверждения высших ценностей культуры.

Понятно, что образ жизни, правила, психологическое наполнение повседневного и праздничного общения вырабатываются не только историей, не только в процессе воспитания, но и нашими постоянно возобновляющимися усилиями. В связи с этим не мешало бы вдуматься в то, какие ценности стоят за принципом толерантности. Думается, что основная ценность, защищать и утверждать которую призвана толерантность, — это ценность субъекта. Свободного, суверенного, неповторимого, самодостаточного субъекта.

Даже если речь идет о субъекте групповом — допустим, о ценности субкультуры, представляющей иной этнос или иную религиозную конфессию, — толерантность предполагает некую атомарность. А вот когда мы попытаемся представить более сложные взаимоотношения — даже такой пример, как взаимоотношения оркестра и слушателей, — тут толерантности явно недостаточно. В адрес того, кого мы уважаем, мы можем адресовать критику, советы, иронию, обличение — много того, что спокойно-отстраненная или холодно-снисходительная толерантность совершенно не предполагает. Индивида, не способного определить для себя векторы нравственных ценностей, не умеющего различать должное–допустимое–недопустимое, нельзя назвать зрелым нравственным субъектом. Там же, где выбор вектора уже наметился, где самоидентификация «мы» состоялась, где происходит здоровый процесс нравственной социализации, на пороге нравственной зрелости обязательно возникает новая проблема. Проблема выстраивания отношений самоопределившегося субъекта с окружающими — с теми, кто разделяет, и с теми, кто не разделяет его

¹ Дословно переписываю записку из газеты: «А жительница Лондона Аманда Роджерс уже три года состоит в браке... со своей собакой. Причем псина — женского пола. На церемонии бракосочетания присутствовали 200 гостей» (Главное. События недели // АиФ. 2014. № 12).

² Воспитание способности различения как предупреждение экстремизма // Экстремизм как цивилизационный вызов : колл. моногр. / науч. ред. В. Ш. Сабиров. Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 355–363.

ценностные предпочтения. Особенно проблематичны, пожалуй, отношения с «они». То есть возникает закономерный вопрос: когда уже произошла самоидентификация и соответственно растождествление со значительным множеством тех, кто не сподобился попасть в искомое «мы»? Именно на этой стадии можно попасть в ситуацию, которая выходит из-под нравственного, интеллектуального и волевого контроля¹.

Противопоставление «мы» и «они» происходит как в смысле, эмоциональном, так и в поведенческом ракурсах. И одно дело, если, условно говоря, человек коллекционирует марки или читает научную фантастику, не допуская мысли, что все, кто не интересуется подобными делами, — идиоты, скоты, толпа. Или если человек вступил в передовую политическую партию и занимается общественно полезными социальными проектами, но не включается в перебранки-драки с теми, кто посещает митинги других партий. Однако раньше или позже энергетика служения высшим личным и групповым ценностям «раскручивает маховик», и удержаться от резких оценочных суждений, высокомерия, замкнутости и враждебности в адрес «других» становится все труднее.

В связи с этим представляется, что необходимы совместные социально-психологические, этические, культурологические проекты, результаты которых могли бы методологически обрисовать возможности утверждения высших ценностей культуры, с одной стороны, без риска впасть в агрессию по отношению к общности «они», а с другой — без заболевания «чужебесием», когда все родное «мы» воспринимается как вместилище исторических устарелого, обветшавшего, вырождающегося. В подобных случаях самоидентификация оказывается не в радость, а в муку и стыд, пусть очень ча-

сто и порожденные неумением взвешенно оценить достоинства и недостатки своей культуры. По результатам исследований удалось бы не голословно призывать обычных людей к ответственности за отечественную и мировую культуру, и за сохранение целостности себя, семьи, страны, планетарных ценностей.

Прежде чем подвести краткие итоги, зададимся еще одним вопросом: можно ли полагать, что пословица «Гусь свинье не товарищ» не политкорректна, или она реально отражает целый разряд объективно складывающихся ситуаций, в которых реально противопоставляются разнокачественные субъектные характеристики, и в данном противопоставлении нет ничего обидного, вызывающего, унижительного? Ведь кто-то чемпион, а кто-то просто болельщик. Кто-то герой, а кто-то зритель на празднике, где героя чествуют лично или прославляют посмертно. Убежден, что в самом по себе различии обычного, рядового человека и героя, обычного человека и подонка нет ничего нравственно предосудительного. Напротив, именно на подобном противопоставлении зиждется возможность культуры к саморазвитию.

Про Хемингуэя рассказывают, что он утверждал: «Счастье — это крепкое здоровье и слабая память». Очень даже вероятно, что есть люди, которые так думают и даже готовы целенаправленно направлять усилия на реализацию подобной программы достижения счастья. Каждый человек свободен в выборе векторов и маршрутов жизненного пути. Даже такие, кто принципиально эгоистичен. И этика в союзе с другими гуманитарными науками призвана показать для всех людей возможность свободного, объективного, непредвзятого, самоопределения — без крайностей взаимотриципания и самоуничтожения.

О. П. Зубец²

КУЛЬТУРА НЕ БЫВАЕТ ЧУЖОЙ

Дихотомия понятий «свой–чужой» является внешней для этики и задействована по большей части в историко-культурологических и историко-антропологических исследованиях. Философско-этический взгляд обращен в первую очередь на мораль как отношение человека с самим собой, причем такое отношение, которое задает весь мир в качестве человеческого: этот мир во всем возможном многообразии является для морального субъекта «моим», человек полагает себя абсолютным началом этого мира и ответствен

за него как за свой поступок. Поэтому пространство чужого в этике может быть помыслено лишь как такое, в котором нет морали, как *дикое* пространство, не-человеческое.

От понятия «чужого» принципиально отличается понятие «другого» — как второго «я», порождения «я»: его поступки — мои поступки, я несу за них ответственность. «Другой» тождествен мне в человеческом качестве, тогда как «чужой» не принадлежит человеческому, моральному пространству.

Становление морали как ценностно-нормативно-пространства исторически описывается как распространение норм, ценностей на «чужих», превращение «чужих» в «своих», то есть в «других». Не моего в мое. В оптике субъекта морали это «заполнение мира своим именем», словами из «Алквиада».

Итак, исторически ценностно-регулятивное пространство развертывалось через превращение «чужого» в «другого» (не-человека, зверя — в человека:

¹ Об этом см., например, главу «Ситуация выходит из-под контроля» в книге Ф. Зимбардо «Эффект Люцифера» (С. 171–214).

² Старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни»; статей «Аристократизм как основание поступания», «Ложь как самоустранение», «Megalopsukhos, Magnanimus, Величавый», «Нужен ли друг тому, кому мало что нужно», «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали», «О гордости», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холосте» и др.

представитель иного племени, бывший существом дикого пространства, включался в расширяющиеся границы человеческого пространства). В диком пространстве человек сам перестает быть человеком, но становится зверем, то есть действует по логике взаимной охоты друг на друга и исключительно с целью выживания. В нем юноши учились быть волком или медведем, в нем доминирует стремление выжить, имитируя зверя и становясь им, в нем невозможно выжить, воспроизводя формы внутриплеменной жизни. В этом опыте задается связь между убийством и пребыванием в диком, то есть не-человеческом пространстве: чужой возникает как тот, кого ты убиваешь ради выживания, и который убивает тебя ради того же; чужое пространство и есть пространство дикости, в котором человек подчиняется не законам человеческого сообщества, а законам природы — охотится сам и становится объектом охоты. Превращение в зверя, в существо дикого пространства облегчалось разнообразными ритуалами, манипуляциями с психикой и телом и на более поздних этапах истории (берсерки), и даже в наше время этот опыт есть в любой армии.

Историческое расширение человеческого пространства осуществлялось как превращение «чужого» в «другого», превращение дикого существа, зверя в человека. В становлении морали индивидуально-ответственного поступания это есть превращение «чужого» в *моего* «другого», в того, чьи поступки являются моими поступками, я являюсь их началом, я ответствен за них, мое отношение с «другим» есть развертывание моего отношения с самим собой и осуществление бытия меня самого. Само понятие «другого» возникает в этике как ответ на, пожалуй, главный вопрос — что есть во мне *самое свое*: этот вопрос порождает целый ряд понятий: познания самого себя, заботы о себе и, наконец, полагания себя в качестве начала. Познание самого себя задает «другого» (друга) как своего рода зеркало: но в основе подобной оптики лежит то, что отношение к «другому» «происходит из отношения к самому себе» (Аристотель, EN 1166a 1). Пространство морали есть пространство индивидуально-ответственного поступка, то есть такого поступка, началом которого, абсолютной конечной причиной которого являюсь я сам. Именно в поступке, в его инициации, принятии решения о нем человек из возможного становится действительным в бытии, осуществляет то, что Аристотель называет предпочтением «себя в себе, а не другого в себе» (в данном случае под «другим» понимается все, что ограничивает мою изначальность в деятельном образе жизни — для Аристотеля этим другим могут быть и мнения окружающих, и необходимость): бытие в качестве начала и есть бытие в качестве человека, точнее — в качестве субъекта морали, предпочтение себя в себе есть предпочтение в себе не человеческого, но божественного: быть абсолютной причиной и есть божественное. Значит, «другой» возможен в моральном пространстве исключительно как такой «другой», который не разрушает предпочтение себя в себе, а это возможно, только если «я» есть начало и этого «другого». У Аристотеля в «Никомаховой этике» есть очень важное утверждение: «...даже прекрасней ока-

заться причиной [прекрасного поступка] для друга, нежели совершить его самому» (EN 1169 33–34). Если перенести данную идею и логику Аристотеля (вне которой невозможен и современный этический взгляд) на область культуры, становится очевидным, что человек остается в ней постольку, поскольку он выступает ее носителем и автором: другая культура возможна, лишь поскольку мое отношение к ней воспроизводит мое отношение к собственной культуре, это есть отношение к культуре как таковой, включенность в нее. Видение мира другого народа как культуры порождается отношением к нему, воспроизводящим отношение к собственной культуре, то есть основанным на субъектности, установлении себя в качестве начала. Можно сказать, что возможность другого на бытие другим порождено единичностью ценностного субъекта.

В современном мире отличающийся по своей культуре народ является не «чужим», а «другим» — именно в силу этого его инаковость есть именно инаковость культуры (сама культура, ее возможность опирается на фундамент морали, включенности в человеческое пространство). И именно поэтому иная культура обладает особой привлекательностью и яркостью, а человек иной культуры особо интересен. В диком пространстве нет никакой культуры — ни чужой, ни собственной: культуре, любой ее форме предшествует бытие внутри человеческого пространства, человеческого мира, то есть в моральном пространстве: быть человеком значит быть моральным субъектом. И культура не может быть чужой — чужое находится вне поля культуры, вне поля человеческого. Иная культура может называться чужой, но на языке морали, в оптике морали она возможна лишь как *моя*, как мое другое. Я могу морально отнестись к ней, только отнесясь к ней как к собственному творению (поступку, ценностям), иначе она не может быть дана мне в качестве культуры, а лишь в качестве вещественно-природной данности.

После страшного опыта мировой войны Ханна Арендт пишет об ответственности человека за все, что совершают люди, и об ответственности каждого народа за то, что совершают все другие народы: это единственный способ оставаться и в мире культуры. Иными словами, «другая» культура есть *моя* культура в той степени, насколько я являюсь человеком. Близкую идею высказывает в своей афинской лекции Бадью (январь 2014 г.): «Принцип единства мира не противоречит нескончаемой игре тождеств и различий. Просто нужно признать, что эти идентичности должны отодвинуть на задний план свое отрицательное измерение (противопоставление “другому”) и выдвинуть на передний план положительное измерение (развитие “себя”)». Если следовать мысли Аристотеля, это означает задать мир и другого как проекцию отношения к себе и породить многообразие мира способностью отвечать за него.

Гуманистически-оптимистическое восприятие превращения «чужого» в «другого» в ходе исторического расширения морального пространства обрывается трагическим опытом человечества, который реализовал возможность обратного движения, превращения «другого» в «чужого» — в предельном смысле им

стал Аушвиц. Вот как описывает мир внутри Аушвица Primo Levi в знаменитой книге-воспоминании выжившего «Канувшие и спасенные»: «Однако, едва попав в лагерь, люди испытывали настоящее потрясение. К их полной неожиданности, мир, в который они оказались ввергнутыми, был ужасен, но ужасен непостижимо, поскольку не подходил под известную модель: враг находился снаружи, но и внутри тоже, слово “свои” не имело четких границ, не существовало противостояния двух сил, расположенных по разные стороны границы, да и самой границы, одной-единственной, тоже не существовало, их было множество, этих границ, и они незримо отделяли одного человека от другого. У лагерных новичков еще оставалась надежда на солидарность товарищей по несчастью, но и эта надежда не оправдывалась: найти союзников, за очень редким исключением, не удавалось; лагерное мироздание населяли тысячи отдельных монад, которые постоянно вели между собой скрытую отчаянную борьбу. Когда в первые же часы пребывания в лагере со всей беспощадностью обнаруживалось, что агрессивность зачастую исходит от тех, кто по логике должен быть союзником, а не врагом, это настолько ошеломляло, что человек полностью терял способность к сопротивлению. Многим такое открытие стоило жизни, не в переносном, а в самом прямом смысле слова: трудно защититься от удара, которого не ждешь».

Это пространство, в котором перед задачей выжить отступало какое-либо иное целеполагание, это мир, в котором выбор был сведен к выбору между убийством и убийством, соучастием и соучастием, в котором нет «другого», нет «моего» — даже моего имени, моего тела, знания, нет моей культуры: все это *не мое*, так как я или лишен этого (например, имени) или все *мое* подчинено *не моему* и имеет смысл лишь постольку, поскольку дает хоть малейшее преимуще-

ство в борьбе за выживание (например, знание немецкого языка). Умение играть на музыкальном инструменте уже есть лишь возможность попасть в оркестр и таким образом, может быть, выжить, но это умение уже совершенно обесценено в своем прежнем смысле творчества, эстетического, культурного: в нем все иссушено, преобразено в соучастие в зле, ведь именно звуки музыки теперь обманывают тысячи людей, идущих в газовую камеру, обеспечивая работу «фабрики смерти». Это дикое, внеморальное пространство, и поэтому в нем нет «другого» и нет места культуре.

«Другой» дан моральному субъекту, когда его взгляд обращен на порождаемый им мир: «другой» — это человек, которого запрещено убивать и которого невозможно убивать, не уничтожая себя. И этот запрет невозможного порождает возможность культуры. «Чужой» — тот, кого убивают в логике дикого пространства, убивают в силу того, что убивающий сам уже не принадлежит человеческому пространству, сам стал «чужим», сам уже убит в своем человеческом качестве, в качестве того, кто совершает ответственный поступок. В «К генеалогии морали» Ницше связывает пространство чужого с превращением человека в зверя: «эти же люди ... там, где начинается чужое, чужбина, ведут себя немногим лучше выпущенных на волю хищных зверей» (хотя для него этот хищный зверь есть «роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия»).

В этом диком пространстве уже невозможна культура, которая есть форма *человеческого* существования. Нет культуры зверя. Культура поэтому не может быть чужой, она является культурой, лишь постольку она есть «моя». И «чужой» не может быть носителем, автором культуры. Культура может быть «другой», но лишь оставаясь *моей*. Она не может принадлежать тому, кого я убиваю, так же как и тому, кто убивает. Культура не может быть чужой.

С. Н. Иконникова¹

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: РАЗНЫЕ, НО НЕ ЧУЖИЕ

Динамизм социально-культурной жизни современной России опережает прогнозы, создавая новые ситуации неопределенности и непредсказуемости будущего, вызывая разлом привычных стереотипов и ценностных ориентиров. Если прежде перемены совершались постепенно, в течение длительного периода, то теперь

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контур истории культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония “цветущей сложности” — союз этики и эстетики», «Теория культуры» и др. Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

они происходят «обвально» и не всегда учитывают возможности приобретения нового опыта. В общественных настроениях и личном восприятии перемен в социальной и культурной жизни обнаруживаются два крайних полюса: состояние апатии и безразличия к переменам или проявление активного сопротивления, критики и агрессивности. Между ними располагаются умеренные оптимисты, искренне надеющиеся на позитивный характер перемен и мудрость власти; фаталисты, рассматривающие перемены как расплату за прошлые ошибки, к ним примыкают консерваторы, призывающие к прежним временам.

Маятник колебания настроений этих групп имеет значительную амплитуду, захватывая различные социальные слои и субкультуры, вовлекая в активное действие тех, кто был в стороне, оставался на обочине, не проявляя особого интереса к реформам. Скорость

перемен перемещается из центра на периферию, вовлекая в них новые социальные группы, преодолевая инерцию сознания и сопротивление реформам. Средства массовой информации всячески нагнетают обстановку, распространяя скептическое отношение к будущему, подрывая доверие к новым проектам и реформам. Современное общество не имеет четкой социальной программы, в результате даже новые социальные структуры продолжают действовать по-старому, и это отражается в настроениях ностальгии по прежним временам, идеализации прошлого и скептическом отношении к переменам. Прежнее общество было подобно монолиту, имело четкую социальную и политическую структуру, жесткое подчинение власти, всеобщую идеологическую программу. Сохранение монолита было главной стратегией политической и культурной деятельности.

Однако монолиты крепки, но не вечны. Они также подвержены старению, от них откалываются отдельные части, они со временем рассыпаются, исчезают, оставляя реликты исторической памяти. Такова судьба многих империй и цивилизаций. Происходит «плавление» твердых тел, еще недавно считавшихся незыблемыми. Твердые структуры меняют не только форму, но теряют четкие очертания, социальное и культурное предназначение.

Для того чтобы двигаться вперед, социальная система должна «снять тормоза», увеличить подвижность, открыть простор инициативе, объявить старые структуры безнадежно устаревшими, подлежащими «переплавке», замене новыми.

Так возникает «Вторая современность», которая создает гибкие структуры социума, ускоряет процесс развития, дает новые ценностные ориентиры, открывает простор инициативам. Вначале она развивается в форме отказа, но затем новые идеи, социальные институты и культурные ценности обретают необходимую устойчивость, создавая условия для разработки сценария позитивного развития событий, прогнозирования предполагаемых перемен и настроений. Именно в новых социальных условиях приобретает особую роль проблема идентичности поколений как духовного измерения отношения к модернизации и трансформации российского общества. Феномен взаимодействия и смены поколений является важным фактором динамики исторического развития. Изменчивость — ключевая особенность современного российского общества, подвижность, мобильность, миграция становятся показателями образа жизни. Стремительно меняются не только мода, но и стили жизни, политические симпатии и художественные предпочтения. Мир постепенно избавляется от визовых режимов, открывает возможности свободного перемещения не только туристов. Болонская система образования создает пространство для профессионального совершенствования, развития межкультурного обмена.

В этих условиях обретает новый смысл взаимодействие поколений в различных сферах жизни и деятельности. Именно поэтому столь популярным стало понятие идентичности как символической ценности, связанной с принадлежностью к определен-

ной социальной группе, с которой связаны общие переживания. Идентичность выражается общим понятием «мы» как знаковой характеристикой ментальности, особенностей восприятия жизни, совпадения характерных черт социального и нравственного поведения.

Идентификация достаточно четко определяет границы данной группы, отличия «своих» от «чужих»; «наших» от «не наших». Биполярность идентификации может быть резкой, и тогда она становится источником социального и культурного напряжения, способствует возникновению конфликтов, стимулирует агрессию и насилие. Поэтому механизм идентификации необходимо использовать с осторожностью, сочетая с принципами толерантности, доброжелательного отношения к социальным и культурным различиям. Проблема идентичности имеет широкий диапазон значений — от семейного и возрастного уровня до регионального, национального. Не менее важно представление о цивилизационной идентичности, основанной на общей истории, политических событиях, религиозных верованиях, достижениях художественной культуры, особенностях повседневной жизни.

Смена поколений создает «пульсацию» в истории культуры, определяя границы преемственности и новаторства. Понятие поколения фиксирует временной интервал приблизительно 25–30 лет, что означает смену поколений в столетие. Каждое поколение проходит весь возрастной цикл жизни от рождения до смерти и представляет социально-демографическую группу сверстников, приблизительно одинаковых годов рождения, современников исторических событий. Жизненное пространство поколения зависит от средней продолжительности жизни, социальных обстоятельств, генетической наследственности. Войны, репрессии, массовые эпидемии, катастрофы, преступность, уровень социального обеспечения уменьшают продолжительность жизни. В результате подобных обстоятельств поколения не могут реализовать своих возможностей, оказываются в положении «пропавшей генерации», общество лишается творческих импульсов.

Социальные трансформации и позитивное развитие во многом зависят от креативных импульсов поколений.

В современной России действуют три поколения и формируется самое молодое. Старшее поколение приближается к предельному возрасту, но сохраняет активное отношение к жизни, знание традиций и память о прошлых событиях. Это поколение называют «дети войны». Оно хранит память о прошлом по «прежним временам», хотя и сохраняет критическое отношение. Идентичность отражает жизненный опыт прошлых лет.

Второе поколение — поколение 1950–1960-х годов, его часто именуют «шестидесятниками» или детьми «оттепели». Процесс идентификации совпал с периодом либерализации, падения «железного занавеса», распространением литературы русского зарубежья, музыкального творчества «Битлз», экологического движения, общечеловеческих ценностей. Это поколение романтиков, увлеченных высокими идеями и интересами,

подготовило интеллектуальную основу трансформации России.

Третье — «поколение 90-х», его называют «поколением надежд», иногда «поколением будущего». Оно сложилось в результате распада СССР, сокращения прежнего состава Союзных Республик, преобразования общественных отношений, распространения рыночной экономики.

Оно прошло трудный путь становления в новых условиях, смены ценностных ориентиров, приобрело

опыт самостоятельной деятельности, освоило технологию медиакультуры и рыночных отношений. Оно активно вступает в систему управления, предпочитает профессии менеджера и юриста, увлекается спортом и туризмом в зарубежных странах.

Взаимодействие поколений создает представление о позитивном процессе идентификации, постепенном возникновении общего настроения взаимопонимания, формировании национального единства русского мира.

А. В. Ильичев¹

«ЧИСТЕЙШЕЙ ПРЕЛЕСТИ ЧИСТЕЙШИЙ ОБРАЗЕЦ»: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР

В 1796 году в Германии вышла в свет книга «Сердечные излияния монаха — любителя искусств» без указания имени автора. Она была составлена из статей об искусстве В. Г. Вакенродера, но издана его другом Л. Тиком, поместившим между ними две-три своих работы. Книга открывалась рассказом, которому была суждена блестящая будущность. Вакенродеру довелось выразить новые — романтические — представления о художнике и искусстве на заведомо подложном материале биографии Рафаэля, связанном с созданием Сикстинской Мадонны². Значительными в легенде оказались несколько мотивов: 1) связь художественного творчества с религиозным наитием (что выразилось в мотиве «видения»); 2) «выход» искусства за свои границы в область запредельного (искусство фиксирует реальность внеэмпирического характера).

В своей книге Вакенродер так рассказал о создании Рафаэлем его знаменитой Мадонны: «В темноте ночи взор его был привлечен светлым сиянием на стене напротив его ложа, и, присмотревшись, он увидел, что висевший на стене и незаконченный им образ Богоматери стал, в кратчайшем луче света, вполне завершенным и подлинно живым образом. Божественность образа так захватила всю его душу, что он разрыдался. Образ смотрел на него неопишимо-трогательно, и всякий миг казалось, что вот-вот он сдвинется с места» (пер. А. В. Михайлова). По замечанию исследователя, «легенда, созданная Вакенродером, дает несчетные рефлексии в романтической литературе и живописи»³, причем не только в искусстве и литературе немецкой, но и в русской. Более того, сама фигура Рафаэля, который воспринимался как образец классического ху-

дожника, стала приобретать романтические черты⁴, что в конце концов привело эстетику к дилемме «Рафаэль—Рембрандт», которая была для XIX столетия символическим выражением двух прямо противоположных систем искусства. «Несмотря на то что обе эти системы исходили из реальной действительности, одна была обращена преимущественно к явлениям прекрасного или преображала, идеализировала видимое, другая же воспроизводила обыденные, часто даже уродливые явления жизни»⁵ (ср.: «Тьфу! прозаические бредни, / Фламандской школы пестрый сор!»⁶). Поэтому не удивительно, что русские писатели-романтики не только не прошли мимо самой легенды, но восприняли ее как выражение особой философии искусства.

Первенство тут принадлежит В. А. Жуковскому. Собственно, с легендой о Рафаэле у Жуковского связана статья «Рафаэлева Мадонна», опубликованная в «Полярной звезде» (1824) и оказавшая огромное влияние на формирование русской романтической эстетики.

Основанием статьи Жуковского послужило его письмо к великой княгине Александре Федоровне от 19 июня 1821 года: «Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не приходило. Однажды он заснул с мыслью о Мадонне, и, верно, какой-нибудь ангел разбудил его. Он вскочил: она здесь, закричал он, указав на полотно, и начертил первый рисунок. И в самом деле, это не картина, а видение... И точно приходит на мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся, и тайна неба открылась глазам человека... Он писал не для глаз, все обнимающих во мгновение и на мгновение, но для души, которая чем более ищет, тем более находит... Один раз душе человеческой было подобное открытие; дважды случиться

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Веленья Божию, о Муза, будь послушна...: тема поэта и поэзии в каменноостровском цикле Пушкина», «Поэтика реминесценций в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века: разбор и анализ», «Поэзия А. С. Пушкина: анализ и интерпретация», «Русская поэзия XVIII—XX веков: интертекстуальные связи: опыт анализа»; «От Илариона до Бердяева: духовно-нравственные ориентиры русской литературы».

² См. блестящую статью: Михайлов А. В. Вильгельм Генрих Вакенродер и романтический культ Рафаэля // Советское искусствознание '79. М., 1980. Вып. 2. С. 207–237.

³ Там же. С. 213.

⁴ Эйгес И. Пушкин и Жуковский // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.: АН СССР, 1941. С. 210–213; Семенко И. М. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. М., 1975. С. 133–134.

⁵ Верцман И. Е. Проблемы художественного познания. М., 1967. С. 297.

⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: АН СССР, 1957–1958. Т. V. С. 203. В дальнейшем ссылки на произведения А. С. Пушкина даются по этому изданию с указанием тома и страниц прямо в тексте статьи.

оно не может»¹. Очевидно, что для Жуковского легенда о создании картины Рафаэлем обернулась уникальным примером реализации не только всеобщих эстетических закономерностей романтического искусства, но очень близких самому Жуковскому. Причем не только идейно, но и образно. Именно это позволило Жуковскому прямо в текст письма включить отрывок из своего стихотворения «Лалла Рук», посвященного адресату письма — великой княгине Александре Федоровне: «Я был один; вокруг меня все было тихо... потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется... она (душа. — А. И.) была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. Гений чистой красоты был с нею: «Он лишь в чистые мгновенья / Бытия слетает к нам, / И приносит откровенья / Благодатные сердцам. / Чтоб о небе сердце знало / В темной области земной, / Нам туда сквозь покрывало / Он дает взглянуть порой...»

Стихотворение «Лалла Рук» имело свою историю возникновения. Поводом для его создания явился праздник, данный в Берлине 15 января 1821 года прусским королем Фридрихом по случаю приезда его дочери — великой княгини Александры Федоровны и зятя — будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы Т. Мура «Лалла Рук». Роль индийской принцессы Лаллы Рук исполняла Александра Федоровна, ученица Жуковского, к которой поэт испытывал теплые чувства.

Любопытно отметить то обстоятельство, что легенда о создании Рафаэлем картины с изображением Мадонны объединилась в письме Жуковского со стихотворением «Лалла Рук», созданным под впечатлением от «живых картин» по мотивам поэмы Т. Мура. И в том и в другом случае предметом осмысления становится преобразующая сила искусства. Жуковский обращается не к самой действительности, а к действительности, уже эстетически преобразенной искусством. Именно поэтому темой размышления Жуковского становится прекрасное в его романтически-мистическом понимании. Образ «гения чистой красоты» объединил в одном контексте и статью, и стихотворения Жуковского — и то, и другое явилось выражением эстетических представлений поэта.

Давно отмечено, что образ «Гения чистой красоты», появившийся в пушкинском послании «К...» (1825), навеян как раз циклом стихотворений Жуковского «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (1821) и «Я музу юную, бывало» (1824). Сравнительно-сопоставительный анализ этих произведений был сделан И. Эйгес и И. М. Семенко². Сравнение убедительно показало, что Жуковский, отталкиваясь от конкретной ситуации, создает стихотворение, имеющее философско-эстетическое значение. Все конкретное из текста убрано, помимо абстрактной ситуации явления прекрасного, вызывающего лирико-философские медитации с центральной темой «воспоминания», которое навечно остается в душе. Пушкинское стихотворение, с одной стороны, как бы вновь возвращает абстрактно-поэтическую идею Жуковского в лоно реальности. Тут

уже «Гений чистой красоты» — не видение в мистическом смысле, а конкретная женщина; тут, как бы это ни было больно для романтика³, возможно забвение этого прекрасного («И я забыл твой голос нежный / Твои небесные черты» (II, 265). Но, с другой стороны, Пушкин не только сохраняет универсализирующую тенденцию, идущую от романтизма, с которой связан синтетический характер любовного чувства, включающего в себя «И божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь», но создает двойственную мотивировку происходящего — явление гения чистой красоты связано с таинственной жизнью души поэта: «Душе настало пробужденье: / И вот опять явилась ты», что позволяет понимать образ «гения чистой красоты» в пушкинском стихотворении в очень широком смысле — от образа женщины до образа Музы, заданном контекстом творчества Жуковского.

Пушкин, с одной стороны, конкретизирует образ «гения чистой красоты», а с другой — сохраняет его сложный, синтетический характер. Это «помогает Пушкину разбить ощущение чересчур ограниченной конкретности и открывает путь к обобщениям, к философскому раздумью»⁴.

Но посланием «К...» не исчерпываются рефлексии этой темы Жуковского в творчестве Пушкина.

В 1830 году в Болдино Пушкин пишет стихотворение «Мадонна», которое, как нам кажется, связано и с легендой о рафаэлевой Мадонне, и с ее переработкой Жуковским.

Ситуация создания Пушкиным стихотворения «Мадонна» отчасти напоминает ту, которая связана с созданием Жуковским стихотворения «Лалла Рук». Прежде всего следует сказать о том, что сложилось устойчивое мнение, связывающее стихотворение «Мадонна» с Н. Н. Гончаровой. Ассоциация «Гончарова—картина—Мадонна» складывалась довольно прихотливо. Во-первых, сама красота Гончаровой часто вызывала именно такую ассоциацию. Напомню, что, по воспоминаниям В. Ф. Вяземской, «жену свою Пушкин иногда звал: “моя косяя Мадонна”». У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным здоровым ее смыслом. Она тоже любила его действительно»⁵. В дневнике Д. Ф. Фикельмон читаем: «Это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, веселая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное»⁶.

Очевидно, не случайно то обстоятельство, что Н. Н. Гончарова — постоянная участница «живых картин», одного из модных светских развлечений. Так, на Святках в конце 1829 года состоялось празднество у московского генерал-губернатора князя Дм. Вл. Голицына. А. Я. Булгаков писал о «живых картинах», которые были представлены там: «Все в восхищении

³ Ср.: «Забить “небесные черты!” Это была настоящая пощечина романтизму». Гуревич А. Проблема нравственного идеала в лирике Пушкина // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 130.

⁴ Шталов С. Е. О художественном своеобразии стихотворений Пушкина «К...» и «Пророк» // Учен. зап. Таджикского ун-та им. В. И. Ленина. Сер. филол. наук. Сталинабад, 1958. Т. 19. Вып. 2. С. 44.

⁵ Цит. по: Русский архив. 1900. I. С. 398.

⁶ См.: Измайлов Н. В. Пушкин в дневнике гр. Д. Фикельмон // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М., 1963. С. 34–35.

¹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб., 1902. Т. 12. С. 10–12.

² Эйгес И. Указ. соч. ; Семенко И. М. Указ. соч.

от картин. Их заставили повторить несколько раз. Картина, изображающая Дидону, была великолепно... маленькая Гончарова в роли сестры Дидоны была восхитительна»¹. Несмотря на то что Пушкин в это время находился в Петербурге, известие об успехе Гончаровой все же неминуемо дошло до него. П. А. Вяземский присутствовал на празднестве и описал его в письме к Пушкину: «А что за картина была в картинах Гончарова! Ты... бы от восхищения»². И наконец, замечательно письмо Пушкина невесте от 30 июля 1830 года: «Часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды». В комментарии к стихотворению Т. Цявловская указывает, что речь идет о «Мадонне» итальянского мастера, приписываемой кисти Рафаэля и продававшейся в Петербурге³. Разумеется, это была не Сикстинская Мадонна. Впрочем, в пушкинском стихотворении образ Мадонны не ассоциируется именно с Сикстинской. Тут дело в том, что обращение к теме Мадонны повлекло за собой ассоциации с легендой о видении Рафаэля и со стихотворениями Жуковского. В этом смысле становится значимым выделение одной картины из множества других: «Не множеством картин старинных мастеров / Украсить я всегда желал свою обитель <...> Одной картины я желал быть вечно зритель, / Одной...» (III. 176).

Речь идет об особенной, из ряда вон выходящей картине, единственной в своем роде. Это напоминает уникальность создания Сикстинской Мадонны.

Но особенно важным оказался центральный ход — вместо картины возникла сама Мадонна: «Исполнились мои желанья. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна».

В легенде Мадонна, прежде чем быть нарисованной, возникла как мистическая реальность. У Пушкина

на Мадонна также является не как изображение на картине (хотя тема картины задана), а непосредственно, наяву.

Создавались условия, при которых вся описанная ситуация могла восприниматься как аналогичная той, которая рассказана в легенде о Рафаэле. Контекст романтической легенды, в котором воспринималось стихотворение, придавал особую одухотворенность образу Мадонны. Этому способствовала и соотносительность образа Мадонны с романтическими стихотворениями Жуковского. Если раньше (в послании «К...») Пушкин интерпретировал мистический образ «гения чистой красоты», придав ему черты реальной женщины, то теперь он и не стремится к этому: «Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец».

Ассоциация с Рафаэлем поддерживалась и стиховой формой. Стихотворение написано в форме сонета, который ассоциировался у Пушкина прежде всего с эпохой европейского Возрождения: «Суровый Дант не презирал сонета; / В нем жар любви Петрарка изливал; / Игру его любил творец Макбета; / Им скорбную мысль Камозэн облакал» (III, 167).

Словом, Пушкин воспроизводит не только основной мотив легенды о рафаэлевой Мадонне, соотнося его со своей биографией, но учитывает и характер его интерпретации в творчестве В. А. Жуковского. Однако бытовой контекст не давал возможности для полного развития всех потенциальных смыслов, заключенных в мифе-легенде, да и Пушкин не стремился поддержать их. Ибо сразу же образ Мадонны стал ассоциироваться с реальной Гончаровой и сюжет получил не мистическое, а метафизическое звучание.

Е. А. Кайсаров⁴

ФЕНОМЕН БИНАРНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Смена культурной парадигмы в России, ставшая результатом Петровских реформ, сопровождалась преодолением коммуникативных барьеров, замкнутости средневековой культуры, этнических, гендерных, эстетических стереотипов, плюрализмом культурных кодов. Новая модель культурного развития строилась на бинарных оппозициях типа «старое–новое», «Запад–Россия», «свое–чужое».

¹ Русский архив. 1901. Ч. III. С. 382.

² Переписка А. С. Пушкина : в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 275.

³ Цявловская Т. Примечания. Указ. соч. С. 720. См.: Цявловский М. А. Стихотворение «Мадонна» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 396–403.

⁴ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др.

К началу XVIII столетия взаимоотношения России и Западной Европы вступили в новую фазу. Рывок Европы в науке, совершенствовании техники и новых форм экономики создал значительный разрыв в уровне развития России и Запада. Петр I ясно осознает угрозу и превосходство европейских стран. Ответом на это стало ускоренное освоение русскими западных достижений, которое происходило на фоне налаживания коммуникаций в различных областях. Так, резко расширяются международные контакты России. Она входит в Северный союз, объединивший усилия Дании, Польши и Саксонии, учреждает постоянные дипломатические миссии в ведущих государствах Европы — в Голландии (1699), Дании (1700), Священной Римской империи (1701), Турции (1701), Франции (1702), Великобритании (1706).

Восстанавливается обычай династии браков, который обеспечивал Петру I родственные связи

с европейскими правящими домами. Регулярными стали его поездки на Запад. Помимо широко известного пребывания Петра I в европейских государствах во время посольств 1697–1698 и 1716–1717 годов, царь ездил за границу еще восемь раз. Была создана государственная система учебы его подданных за границей и приглашения на русскую службу иностранцев. И наконец, Россия обретает самое совершенное средство коммуникации XVIII века — морской флот. Страна получила возможность извлекать сверхприбыль из морской посреднической торговли, а создание в начале XVIII века более 200 мануфактур увеличило возможности страны как делового партнера.

Интенсивные контакты рубежа XVII–XVIII веков, быстрое приобщение русского общества к западной культуре создавали новую ситуацию общения двух миров, которая предполагала процесс взаимного понимания друг друга, взаимовлияния друг на друга. Каждое из обществ имело свою картину мира, свои системы ценностных ориентаций, поэтому для русской стороны общение с Европой означало существенное изменение картины мира, в которой возникли новые смыслы и установки, заменялись прежние представления. Отношение к чужой культуре есть сложный сплав недоверия к чужому и стремление его узнать и освоить, привязанности к своему быту, этническим особенностям.

Преобразования Петра не предполагали тотального отказа от «своего». Они были направлены на использование «чужого» для модернизации «своего». Это объясняет то, что политика развития контактов с высшим миром была основана на нескольких неукоснительно соблюдаемых принципах. Первым из них был принцип выгоды отношений для России. Вторым принципом — сохранение за царем (или Русским государством) права контроля и регулирования, открытости, возможности изменить политику, что и делалось на протяжении царствования Петра I¹.

Русские того времени в целом были народом этноцентричным, то есть ориентировались на свои представления и с большой настороженностью относились к чужим ценностям. В русском самосознании Россия являлась центром политического мира как единственная православная страна, Святая Русь, Третий Рим, противостоящий странам неверных, еретических религий. Той сферой, с которой начался слом этноцентричности сознания русских и которая позволила выработать установку на необходимость перенимания западного опыта, являлось военное дело и связанные с ним наука, техника и промышленность. Изумление западноевропейскими техническими достижениями стало связываться с оценкой его по шкале «свое–чужое» и «хорошо–плохо», что означало формирование установки, по которой «чужое» западноевропейское, должно быть лучше «своего» русского.

Положительный образ Европы в русском самосознании сломал барьер критического отношения, не-

доверия в восприятии, естественный и нормальный по отношению к чужому этносу. Перенимая научные знания и технические навыки Запада, русская страна одновременно усваивала основные элементы европейской картины мира — географическую модель мира, идею прогресса, понимаемую как эволюцию от глубокого варварства к культуре, образ процветающего западноевропейского государства вместо святого христианского царства и т. п.

В высказываниях русского монарха «чужие» — «все европейские земли», они же — страны образованные, отличительной чертой которых являются «искусства, науки, образ жизни». Этому противостоит «свое», находящееся в «непроходимом мраке невежества». Противопоставление старой традиционной культуры новой началось еще в XVII веке, до Петра и его реформ. Д. С. Лихачев подчеркивал, что «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью. Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился не только к тому, чтобы расширить разрыв между Русью и Россией, но и утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота»². Петр решительно проводил смену всей «знаковой системы»; насильственное изменение облика высших классов, их одежды, обычаев, внесение в язык иностранной терминологии для всей системы государственной и социальной жизни, изменение характера увеселений, различных «символов и эмблем» и т. п. Он сам первый заботился о создании своего нового образа царя. Вместо малоподвижного, церемониального недоступного государства вся Русь с его пышными титулованиями и пышным образом жизни Петр творил образ царя-труженика, царя-плотника, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя. Судя по высказываниям современников, невежественные русские характеризовались царем как «лишенные рассудка», то есть ума. Однако исключенные «от славы мудрости человеческой», они обладали теми же душевными способностями и физиологическими свойствами, что и европейские народы. Как считал Петр, и европейские народы были прежде «грубы и незнающие», следовательно, отличие составляло лишь образование и воспитание, и русским нужен только руководитель да их собственное согласие, чтобы пробудить «аки от сна» свои «душевные дарования»³.

Царя-преобразователя интересовало прежде всего «просвещение» русских людей, приобретение ими современных навыков и знаний. Петр I навязывал своим подданным представление о их варварстве, пытаясь тем самым разбить барьер отторжения европейских достижений как «чужих» и сделать психологически возможным усвоение полезных для российского общества европейских достижений.

Ситуацию ученичества России в отношении Запада Петр рассматривал как временную. В последние годы своего правления он позволял себе в адрес Запада-учителя высказывания типа: «Нам Европа

² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 182.

³ Агеева О. Г. Указ. соч. С. 38.

¹ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех городов в свете...» — Град святого Петра. СПб., 1999. С. 26.

нужна на несколько десятков лет, после этого мы можем вернуться к ней задом»¹. Царь считал, что Россия в ближайшее столетие примет духовную эстафету от Европы, а та исчерпает свои ресурсы. Уже в 1720-е годы появляется нацеленная в будущее идея Петербурга как одного из центров мировой культуры, которая непосредственно связывается с назначением России, преемницы западной цивилизации. Когда в 1712 году Петру I предложили титул императора всевропейского, то в речи канцлера Г. И. Головкина про-

звучало два основания для данного назначения — выигранная война со Швецией и присоединение России к обществу европейских народов.

Таким образом, первоначально связанные с политическими, экономическими, военными и идеологическими задачами европейские культурные ценности, воспринятые русскими людьми, стали важным фактором социокультурной динамики петровских времен, определяя ценностные ориентации и видение мира.

И. Ф. Кефели²

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Заявленная тема секции «Свои и чужие в глобальном мире», на мой взгляд, весьма актуальна и многопланова, а потому предполагает различные варианты ее осмысления и интерпретации. «Свой–чужой» — это, по сути, антропологическая и геополитическая калька диалектического единства и борьбы противоположностей. Как же оппозиция «свой–чужой» раскрывается в различных сферах человеческой деятельности — от локальной до глобальной? Прежде всего на память приходит система опознавания «свой–чужой», которая давно применяется в военной авиации для различения своих самолетов и самолетов противника. Эта же система получила применение уже на рубеже XX–XXI веков в боевых и антитеррористических операциях для идентификации собственных солдат, которые рискуют попасть под огонь «своих», и слежения за потенциальным противником. В ходе операции «Копье Нептуна», проведенной 2 мая 2011 года силами DEVGRU (SEAL Team Six) с применением таких систем, был уничтожен террорист № 1 Усама бен Ладен. Цель такой операции вытекает из секретной программы Пентагона «Метки, отслеживание и поиск (TTL)», в соответствии с которой уничтожение цели обеспечивается выполнением следующих задач:

- идентификация цели (набор характерных строго индивидуальных признаков, позволяющих однозначно «опознать» цель среди других однородных объектов);
- определение географического местоположения, локализация;
- выделение цели из группы других объектов (толпа людей, семья, обслуга), не подлежащих уничтожению;

¹ Агеева О. Г. Указ. соч. С. 40.

² Заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 180 научных работ, в т. ч.: «Культурология. Основы теории и истории культуры» (отв. ред., соавт.), «Судьба России в глобальной геополитике», «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика» (в соавт.), «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Л. Н. Гумилев: pro et contra» (науч. ред., сост.), «Математические начала глобальной геополитики» (в соавт.) и др. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

— обеспечение сопровождения цели до момента нанесения удара (уничтожения)³.

Знакомство с подобной информацией порождает невольное чувство тревоги: все мы ходим в век нано- и информационных технологий не под богом, которым теперь никого не удивишь, а под «Копьем Нептуна». Нарушения же в функционировании подобной системы приводят к трагическим последствиям. Так, потери российской авиации в краткосрочной пятидневной войне с Грузией в августе 2008 года — шесть сбитых самолетов, из которых четыре были сбиты «своими», погибли четверо членов экипажей российских самолетов. Такие неоправданные потери продемонстрировали накопившиеся к тому времени в Вооруженных силах России серьезные проблемы с координацией и управлением войсками в зоне боевых действий. Практическое отсутствие взаимодействия между Сухопутными войсками и ВВС РФ привело к тому, что они вели фактически две отдельные войны⁴.

Интересное замечание о поводе рассматриваемой оппозиции «свой–чужой», но из совершенно другой области, сделал ливанский поэт, публицист и общественный деятель Мухиэддин Али. По его представлениям, востоковедение как отрасль научной деятельности является продуктом западной культуры (в том числе науки), связанной с бинарным подходом мышления и выраженной простой формулой «свой–чужой», которая характерна для всех без исключения этнических, культурных, религиозных, национальных и других групп⁵. В электронной «Энциклопедии безопасности» я обнаружил одно довольно интересное замечание, касающееся характеристики новой роли геополитики в эпоху постмодерна: «XXI век стал не только веком конца идеологий, но и веком геополитики в чистом виде. Геополитика на сегодня — важнейший инструмент для правильной ориентации в системе опознавания “свой–чужой”»⁶. Возьмем этот тезис

³ <http://topwar.ru/11776.html>. (дата обращения: 29.02.2012 г.)

⁴ <http://slon.ru/russia/110423.xhtml>. (дата обращения: 10.03.2014 г.)

⁵ Мухиэддин А. Расширенный Ближний Восток, регионоведческий подход. URL: <http://www.geopolitics.ru/common/publics/110.htm> (дата обращения: 18.01.2009 г.)

⁶ <http://survivity.ru/2012/02/geopolitika-kak-bazovyj-orientir> (дата обращения: 05.11.2013 г.)

на вооружение (хотя и неизвестен его автор), поскольку он тесно связан с суждением К. Шмитта о «номосе» Земли. Земля — это небесное тело, а «номос» Земли представляет собой ее, Земли, глобальное распределение и порядок. Иначе говоря, речь идет об исторически изменчивом глобальном мироустройстве. В одной из работ, относящихся к 1955 году, Шмитт задается вопросом о формировании нового мироустройства, рассматривая три варианта будущего «номоса» Земли:

— самая простая возможность — один из партнеров сегодняшней всемирной противоположности (Востока и Запада, Земли и Моря) победит другого. «Победитель был бы тогда единственным господином мира»;

— удержание равновесия прежнего «номоса» благодаря усилиям США, которые могли бы «держат» и обеспечивать равновесие прочего мира»;

— «образуются многие самостоятельные большие пространства или блоки, которые осуществляют между собой равновесие и тем самым установят новый порядок Земли».

Последняя из перечисленных возможностей представляется автору рациональной в том смысле, что «большие пространства осмысленно разграничены и гомогенны в себе». «Безудержно образуется новый “номос” нашей планеты, — заключает Шмитт. — Многие видят в этом лишь смерть и разрушение. Некоторые думают, что переживают конец света. В действительности мы переживаем только конец прежнего соотношения Земли и Моря»¹. Как следует из приведенных выше рассуждений, оппозиция «свой–чужой» фундируется противостоянием Востока и Запада, Земли и Моря, однополярного и многополярного мироустройства.

Ален де Бенуа, французский политический философ, основатель и теоретик движения «Новые правые», посвятил К. Шмитту серьезную работу, в которой он достаточно четко интерпретировал суждения немецкого мыслителя относительно альтернативы типов мироустройства в концепции «номоса» Земли. Если мир будет однополярным, «он неизбежно будет подчинен, — указывает Ален де Бенуа, — гегемонии господствующей державы, которой сегодня может быть только США. То есть это будет объединенный мир, который Шмитт уподобляет концу политического, поскольку сущность последнего предполагает, что мы всегда можем во множестве действующих лиц выделить, кто враг, а кто — друг (политическое есть лишь постольку, поскольку существуют, по крайней мере, две разные политики). Если же мир останется “политическим” миром, он необходимо должен быть многополярным миром, составленным из “больших пространств” (Großräume) — культурных пространств и плавильных котлов цивилизации, но также геополитических пространств, которые одни лишь могут осуществлять регуляцию и диверсификацию по отношению к всеохватному движению глобализации»².

Приведенные выше размышления носят, скорее, реферативный характер, поскольку предваряют комплексный анализ звеньев одной цепи — глобального мироустройства современности, геополитических закономерностей, определяющих это мироустройство, и оппозицию «свой–чужие» как конкретное проявление единства и борьбы противоположных начал, тенденций, направлений развития социума.

С. М. Климова³

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОИ–ЧУЖИЕ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Существует мнение о наших особенных проблемах в системе высшего образования (далее — ВО), возникших в связи с распадом СССР, мировым кризисом, глобализацией, переходом на рыночные отношения и т. д.⁴ Это, безусловно, верно, и «российская модель образования должна основываться именно

¹ Шмитт К. Новый номос Земли // *Gemeinschaft und Politik*. 1955. Н. 1. S. 7–10.

² Бенуа А. де. Карл Шмитт сегодня. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2013. С. 155.

³ Профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Философско-эпистолярный диалог Льва Толстого и Николая Стрехова», «Эссенция и экзистенция любви: “Дух” и “Запах” (“Sophia” Вл. Соловьева и “Парфюмер” П. Зюскинда)», «Агиографические элементы романа Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”», «Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина», «Феноменология святости и страстности в русской философии культуры» и др.

⁴ Дружилов С. А. Реформа высшего образования в России: отрицательный вектор // *Человек*. 2013. № 5. С. 50–60.

на российских реалиях: культуре, институтах (в той их части, которая поддерживается массовым поведением людей и организаций) и ресурсах»⁵. Но зачастую это лишь общие фразы идеологов реформы высшего образования, которые не только не стремятся сохранять национальную культурную идентичность, но и не в состоянии это сделать в силу противоречия данного посыла самой сути реформы, нацеленной на глобализацию, интернационализацию и маркетизацию данного процесса. Трудно найти официальный документ, в котором был бы всерьез прописан национальный компонент, логически обоснованно доказано, *зачем и почему* мы должны ориентироваться на ту или иную (западную, восточную или американскую) модель образования, непременно и срочно войти в мировой рейтинг лучших вузов мира, читать

⁵ Российское образование–2020: модель образования для инновационной экономики / А. Е. Волков [и др.] // *Вопросы образования*. 2008. № 1. С. 33.

лекции по-английски и печататься на английском языке в высокорейтинговых западных журналах¹.

Попытаемся самостоятельно ответить на эти вопросы, обратившись мировому опыту: ибо в основе очень многих реформ ВО лежит, как правило, ясно сформулированная «национальная идея», отражающая идеологические амбиции государства и вузов, удачно балансирующих между глобализацией и собственной культурной автономией и национальной идентичностью. При этом для стран, на которые мы сегодня ориентируемся (США и страны Евросоюза), идея реформирования весьма прозрачна — статья *мировыми лидерами* в области образования (и не только) и диктовать свои образцы остальным.

Итак, возможно, наша цель — также встать в один ряд с лидерами и даже обогнать их в стремлении быть лучшими и наиболее успешными в мировом экономическом, политическом и культурном пространствах. Глобализация никому не оставила шанса сохранить и законсервировать свою систему. Но есть разные подходы и способы решения проблемы; можно осуществлять крутую ломку своих традиционных институций, а можно плавно и «мягко» производить переход на новые рельсы в жизни страны и в системе образования, учитывая ее реалии, менталитет и «разрывы» (gaps), из которых на сегодняшний день наиболее очевидными стали следующие: *межпоколенческий* — разрыв между младшим и старшим поколениями профессорско-преподавательского состава (далее — ППС); дисциплинарный — разрыв между жесткими и мягкими дисциплинами и перцептивный — разрыв, который более правомерно назвать ментальным, определяющим отношение и степень переживания ППС происходящих реформ. Все три тесно связаны друг с другом, и именно они во многом определяют ситуацию «своих–чужих» в реформе высшего образования в России.

Базовым основанием разрывов следует считать не *нашу* «вековую» отсталость от *них*, не отсутствие достойного финансирования, не наше необдуманное желание форсированного вхождения в глобализационные процессы и маркетизацию ВО, но реальное противоречие между действиями людей (планирование и реализация пунктов реформирования системы) и их ментальным восприятием у разных поколений ППС, которое выступает «последствием» этих действий и наглядно репрезентируется в ситуации перехода в транзиторных² обществах, каковым является Россия на сегодняшний день.

¹ Как данность все эти требования прописаны в указе № 559 от 7 мая 2012 года и Госпрограмме «Развитие образования до 2020 года». К этому времени 5–15 крупнейших исследовательских университетов с компактными кампусами, обеспечивающими международные стандарты для студентов и профессорско-преподавательского состава, войдут в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов; а уже к 2015 году доля публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science) вырастет до 2,44 %.

² Kuzio T. Transition in post-communist states: Triple or quadruple? // Politics. 2001. № 21 (3). P. 168–177. Возможно, наши политики и экономисты определяют происходящие процессы по-другому, тогда им будет больше по душе выражение “path-dependent” — «курс зависимости», введенный Д. Старком

Не имея возможности всестороннего анализа происходящих процессов и их последствий, остановимся на латентном противостоянии и разрыве ментального характера между двумя поколениями ППС, который выявляет и обостряет кризис в академической среде. Одно назовем «Поколение мы» (с условной возрастной вилкой 45–65 лет), другое — “Generation me” (поколение 35–45-летних молодых)³. «Мы» — это поколение советских («из бывших», как говаривали когда-то) интеллигентов, которые, несмотря на активную борьбу государства со своим коллективистским социалистическим прошлым, продолжают придерживаться идеалов «общественного блага», верить в наличие фундаментальных (метафизических) смыслов и ценностей, определяющих не только их собственную жизнедеятельность, но и целелогающую содержательность государственного менеджмента, исполнять долг и иметь нравственные обязательства перед вузом и своими «учениками».

Происходящие реформы, однако, строятся на совершенно другом идеологическом и ценностном фундаменте, носителями нового дискурса реформ ВО стало поколение “Generation me”, призванное не только скорейшим образом расправиться с прошлым образованием, но и с прошлым «Поколением мы», его способом мышления и дискурсом. Для современных реформаторов личность как цель не существует прежде всего дискурсивно; в их глоссарии нет понятий служения, любви к Родине и прочей «советской риторики», но есть такие языковые единицы, как «поставщики и потребители услуг», «консультанты», «креативщики», «проектировщики», «многообразные рыночные категории в образовании», «инвестиции в человеческий капитал» и соответственно рыночно-ориентированные идейные клише в обсуждении реформирования и состояния ВО. Именно это поколение олицетворяет новый общественный менеджмент (NPM), возглавляет современные реформы высшего образования и является главным оплотом и надеждой к их «успешному внедрению».

Безусловно, данная межпоколенческая оппозиция — не вульгарно мифологическое «мы–они»; она внутри пористая и разнообразная. Так, «Поколение мы» делится на традиционалистов и прогрессистов, на локально и глобально-информированных исследователей и т. п. Данная типология, как и любая другая, схематична, но есть признак, по которому мы можем четко уловить межпоколенческий разрыв: это быть *своим* или *чужим* реформе ВО.

Дальнейший анализ будет построен на выстраивании данной оппозиции в отношении базовых положений реформы и отношения к ней со стороны «Поколения мы» и “Generation me”.

в 1992 году (Stark D. Path dependence and privatization strategies in East Central Europe // East European Politics and Societies. 1992. № 6. P. 17–51).

³ Добавлю, что представленная дифференциация поколений не имеет строго демографически-социологического обоснования, оно скорее социально-культурное и гражданственное.

Г. Г. Коломиец¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭСТЕТИКЕ, ИЛИ ВЫЗОВ К ДИСКУССИИ О ЛЕГИТИМНОСТИ ПОП-КУЛЬТУРЫ

Среди многоцветного спектра эстетических теорий и практик XX–XXI веков обращает на себя внимание вызов, брошенный современной американской прагматической эстетикой, защищающей эстетическую легитимность популярного искусства, эстетику повседневности, новые формы художественного выражения, не принимаемые сторонниками классики, традицией и соответственно континентальной европейской аналитической эстетикой. В искусстве сложилась острая ситуация, которую в контексте диалога культур можно обозначить как «свои и чужие» (или, если острее поставить вопрос, имея в виду противостояние, то без соединительного «и»: «свои–чужие»). Поскольку весь чувственно воспринимаемый мир и воздействующая сила искусства, в котором существует разделение на «высшие» и «низшие» формы художественного выражения, на «высокую» классику и «низкую» субкультуру массмедиа, влияют на мироощущение и человеческое поведение, постольку проблема «свои и чужие» в современной эстетике и искусстве представляется актуальной, приобретая социально-политическую окраску и этическую значимость.

Современная прагматическая эстетика, в отличие от сложившихся моделей классических философских эстетических теорий, трактуя эстетику как искусство жизни, ориентирована на «демократическое переосмысление искусства вообще». В частности, она претендует на рассмотрение способов эстетизации этики и позиционирует эстетику этически и политически в том смысле, в каком поднимает вопросы мотивов насилия, жестокости, преступности — того, что нередко звучит в музыке рэпа и культуре хип-хопа. Рэп (*англ.* стук, удар, говор) — своеобразная песня, ритмичный монотонно-резкий речитатив с броской, вызывающей, режущей подачей слова, сопровождаемый тяжелым ударным битом, появившийся в среде афроамериканцев и стремительно распространяющийся с конца XX века глобально, стал носителем иного представления об истине и красоте. Однако он столкнулся с социально-политической силой, с неприятным эстетическим содержанием враждебно настроенной американской критики, выносящей свой вердикт в теле- и радиопередачах и не предоставляющей эфирного времени тем рэперам, кто ассоциируется с «анде-

граундом». Песня рэпа, со своей стороны, усиливает вызов, отстаивая легитимность эстетико-художественного статуса, прибегая к словам насилия: «Вы говорили, что это не было искусством, / так теперь мы готовы разорвать вас на куски», а в ответе противников рэпа звучит: «Ты можешь даже быть ранен, мой друг». Заметим, что символическое противостояние посредством текста песни и жесткого бит-ритма музыкального сопровождения, тем не менее, небезобидно, угрозы жестокости и борьбы переходят подчас границы, выливаясь в реальность.

Американская прагматическая эстетика говорит о том, что популярное искусство, включая рэп, не лишено недостатков и пороков, оно требует усовершенствования. Вместе с тем нельзя не считаться с его эстетической ценностью, которая заключается в сильном социокультурном воздействии.

Прагматическая эстетика призывает признать художественность и творческие ценности популярного искусства, определяющего стиль жизни молодых. Она указывает, что произошел разрыв между природным и культурным, между элитным, катарсически и возвышающим воздействием искусством меньшинства и массовым, чуть ли не наркотически биовоздействующим искусством большинства. Это состояние, или скорее процесс (что опаснее), внутреннего противоборства.

Мы бы сказали в контексте заявленной темы, что тезис «свои» и «чужие» в мировосприятии находит выражение в музыкальной культуре, причем «свои/чужие» не на национальной, религиозной, сословной почве, а именно на почве глобальных процессов по непосредственно схваченному мироощущению, эстетическому переживанию и художественно-образному выражению в искусстве. В то время как в устоявшемся традиционном искусстве природное и культурное, естественное и искусственное гармонично могли сочетаться, рэперы не чувствуют гармонии, устойчивости мира и видят истину и красоту по-своему, в дисгармоничном отсутствии своего места в мире — это то, о чем они информируют нас в песнях.

В чем же социально-политическая сила рэпа, хип-хопа, за что американское общество, на словах утверждающее либеральную демократию, на деле практикует цензуру и акты запрета рэпа, противопоставляя его вечному высокому искусству? Это несмотря на то, что большинство американцев эстетическое удовольствие получают от популярной культуры, рэпа. А сила его — в способности влиять на социальное настроение и его последствия. По словам музыкального обозревателя «New York Times», рэп — «самый быстрорастущий жанр народной музыки и излюбленный саундтрек миллионов слушателей».

В прагматической эстетике, размышляющей о культуре хип-хопа, противопоставление «свои–чужие» выступает как противопоставление большинства сторонников рэпа, поддержанных широкой публикой

¹ Профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор 150 научных работ, в т. ч.: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание: аксиологический подход», «Искусство как способ быть в мире, или К вопросу о коммуникативной функции искусства», «Функции музыки в социуме. Фундаментальные проблемы культурологии», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «О тенденции сближения научного и художественного способов познания. Научное искусство», «Музыкальное как универсальная эстетическая категория», «Человек в техносфере: взаимодействие науки и искусства в аспекте выражения человека творческого» и др. Член Президиума Всероссийского научного совета по музыкальному образованию, член Российского философского общества.

и называющих себя «мы», то есть свои, меньшинству, критикам, которые для рэперов — «вы», «они», то есть чужие.

Прагматическая эстетика призывает прислушиваться к большинству, к тем, кто принял поп-музыку, и «даже если мы не любим рэп сам по себе, — пишет американский эстетик Р. Шустерман, — то мы должны принимать его инструментальное значение в сохранении традиции инновационной черной музыки, которая создала ритм, блюз и рок — музыкальные жанры, чья популярность среди белого населения абсолютно бесспорна»¹.

Эстетика, как академическая дисциплина, отстраняется от поп-музыки, хип-хопа, рэпа как от чуждого ей словесно-музыкального звучания и недостойного философского содержания, в то время как рэперы заявляют о необходимости верно понимать рэп, вошедший в индустрию популярной музыки как самосознательный, самоутверждающийся вид искусства, имеющий, на их взгляд, эстетическую и художественную ценность.

Обращаясь к эстетике Т. Адорно, скажем, что популярное искусство критиковалось как коммерциализированное, относящееся к развлекательному искусству, теперь же оно, по мысли прагматической эстетики, должно получить художественный статус, эстетическое признание, иначе оппозиционно настроенные рэперы не исключают жестокие формы борьбы, защищая права хип-хопа, требуя достойное эстетическое признание правящими кругами американского общества.

Как полагает неопрагматическая эстетика, задача эстетиков и этиков, интеллектуалов — совершенствовать современный рэп, учитывая то, что ему пока еще немногим более двадцати лет. Для этого следует не отгораживаться от чуждой для интеллектуалов культуры, не отстраняться от проблемы «свои и чужие» в современных формах маргинального или концептуального искусства, нередко социально политизированного, а погрузиться в дискуссию, теорию и практику. И вообще обратиться к недооцененной социально-полити-

ческой роли искусства как формирующей образ, вкус и стиль жизни, а не стоять на позиции пренебрежительного отношения в контексте «свои–чужие».

Возникает вопрос: изменит ли интеллектуально-разумное, осведомленное участие философов, эстетиков, социологов и политиков в дискурсах о современной молодежной музыке, популярной культуре рэпа противостояние хип-хопа и высокого искусства, изменит ли ситуацию, связанную с воспитанием вкуса и отношением большинства к высокому искусству? Сможет ли усовершенствованная культура хип-хопа, претендуя на высокохудожественный статус, в будущем заменить миссию высокого искусства в мире прекрасного, социально значимого в этико-эстетическом плане? Во всяком случае сейчас мы видим социально-политическую значимость искусства хип-хопа и бит-сигналы рэпа, которые посылаются нам, «чужим», интеллектуалам. Имеем ли мы, интеллектуалы, элитарная публика, право сказать, что это «они» для нас «чужие»? Во всяком случае можно сказать, что музыкальная эстетика рэпа по стилю и смыслу музыки, характеру и содержанию текста указывает на некоммуникабельность, невозможность диалога, нежелание идти на диалог, нежелание понимать и принимать другого, не слышать другого. Это музыка одиночества, разрыва и взрыва, связанного с тем, что происходит в глобальном мире.

Как я полагаю, политиками подчас недооценивается сам факт эстетического переживания, которым наполнена жизнь каждого из нас, находящего выражение не только в искусстве, но и за рамками символического, метафорического, мыслящего образами искусства. Этот эстетический порыв или взрыв обращен к широкой аудитории. Другой важный момент, на который я обращаю внимание, заключается в том, что само искусство, как давно было замечено эстетиками, активно принимает участие в становлении истории, подталкивает и прогнозирует социально-политические события.

¹ Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства: науч. моногр. : пер. с англ. М., 2012. С. 331.

Л. К. Круглова¹ИДЕИ И. А. ИЛЬИНА О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»

Необходимым моментом обсуждения и решения любой сложной проблемы является обращение к идейному наследию прошлого. Это в полной мере относится к проблематике «свой–чужой», которая нашла отражение в творчестве многих русских мыслителей. К их числу относится и И. А. Ильин.

Проблематика «свой–чужой» находит свое место в трудах Ильина главным образом в смысловом поле проблемы своеобразия русской культуры, что неслучайно, поскольку уже сама постановка вопроса о своеобразии, то есть о *своем* образе, подразумевает его отличие от «иного», «другого» и, наконец, «чужого».

Понимание И. А. Ильиным своеобразия русской культуры базируется на его идее, согласно которой культура есть «живая, духовная, творческая, содержательная дорога наверх к святине, к совершенству человека»².

Признание Ильиным человекотворческой миссии культуры приводит его к мысли, что основы всякой человеческой жизни и культуры должны быть едиными. Таковыми он считает свободу, любовь и предметность³.

Смысловое ядро этой «триады» — предметность. На этот счет у Ильина есть очень четкие разъяснения. «Жить предметно, — говорит он, — значит связать себя с такой ценностью, которая придаст жизни высший, последний смысл»⁴.

Именно предметность определяет, по Ильину, направления всей деятельности человека. Без нее и любовь, и свобода могут стать не созидательной, а разрушительной силой. В особенной мере это касается свободы.

В настоящее время, когда под знамена свободы становятся бандиты, фашисты и всякого рода отщепенцы, это звучит как нельзя более актуально.

С указанных выше позиций Ильин определял, в чем состоит своеобразие русской культуры. «Русская идея есть идея сердца»⁵, — говорит он. Смысл этой идеи, согласно Ильину, заключается в том, что глав-

ное в жизни есть любовь⁶, и именно она является основной духовно-творческой силой русской души. «Без любви, — говорит Ильин, — русский человек есть неудавшееся существо... без любви он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности»⁷. Излишне говорить, что об этой идее Ильина надо помнить в первую очередь различного рода реформаторам, ставящим целью преобразование тех или иных сторон жизни России. Надо отметить, что примеры использования этого свойства русской души можно найти в нашей недавней истории, но они в основном связаны с манипуляторскими действиями определенных политических группировок. Достаточно вспомнить, например, лозунг избирательной кампании 1996 года «Голосуйте сердцем», который сыграл свою роль в обеспечении победы Ельцина на президентских выборах 1996 года.

Одним из важнейших проявлений русской любви, определивших специфику русской культуры, Ильин считал «живое созерцание», за которым «скрывается сила творческого воображения»⁸.

Идея любви неизменно пробуждает в человеке то, что философ называет «живой совестью». Это, по Ильину, «...не совесть, угрызаящая за несовершенство в прошлом добра или за совершение в прошлом зла, но совесть, как творческая энергия, энергия любви и воли, направленная вперед, к будущему, к предстоящим свершениям»⁹.

Согласно Ильину, своеобразие русской культуры состоит также в понимании и во внешних проявлениях свободы, «которая выражается в органической естественности и простоте...»¹⁰

Главный вывод из всего сказанного для Ильина заключается в том, что сердце, созерцание, свобода и совесть составляют *первичные качества* (курсив мой. — Л. К.) русской культуры, а отличительные качества западной культуры — воля, мысль, форма и организация — являются для русской культуры вторичными качествами. Однако, как подчеркивает Ильин, «...самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры... из ее первичных сил»¹¹.

Принципиальным для проблематики своеобразия русской культуры и связанной с ней проблематики «свой–чужой» является вопрос о возможности заимствований из другой культуры. Ответ Ильина на этот вопрос имеет совершенно бескомпромиссный характер: он считает, что «чужая культура, пусть даже превосходная, — это цветок с чужой почвы, чужого

¹ Заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных работ, в т. ч.: «Культурология», «Теория культуры» в 3 ч. (ч. I «Введение в теорию культуры», ч. II «Структура и функция культуры», ч. III «Цивилизация. Культура. Гуманизм»), «Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология», «Культурфилософская концепция евразийства в контексте современности: Н. С. Трубецкой», «Ценностные горизонты российской культуры в аспекте проблемы национальной безопасности», «Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики», «Культура как ресурс национальной безопасности», «Культура Петербурга: антропологический аспект» и др.

² Ильин И. А. Творческая идея России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1996. Т. 6, кн. II. С. 592.

³ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 2, кн. II. С. 180.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 2, кн. I. С. 420.

⁶ Ильин И. А. О русской идее. С. 420.

⁷ Там же. С. 421.

⁸ Там же. С. 421–422.

⁹ Ильин И. А. О чувстве ответственности // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 2, кн. II. С. 345.

¹⁰ Ильин И. А. О русской идее. С. 423.

¹¹ Там же. С. 428.

климата, продукт чужой жизни, содержание чужеродного действия»¹, поэтому «если кто из нее что-то берет, он наносит ущерб своему собственному, свободному, национально-творческому акту»². Здесь обращает на себя внимание та резкость, с которой Ильин противопоставляет «свое» и «чужое». Однако, утверждая, что «принцип перенимания чего-либо ложен», Ильин вместе с тем признает, что возможен «творческий перенос». Он имеет место тогда, когда на основе собственного нового содержания используются направленные и метод, сформулированные кем-то раньше. Таким образом, по Ильину, «творческий перенос может быть славным, но тогда он уже будет считаться не переносом, а творческим делом»³. Вероятно, нет необходимости говорить о том, сколь актуальны эти идеи для современной России.

Оценивая значение духовного наследия И. А. Ильина, нельзя пройти мимо того факта, что его идея о том, что важнейшей из фундаментальных ценностей русской культуры является любовь, находится в явном противоречии с его идеей о сопротивлении злу силой. При этом надо отметить, что вторая из названных идей нашла подробное и обстоятельное обоснование в специальной работе «О сопротивлении злу силою» и имела гораздо большее воздействие на современников, нежели идея любви. Обращает на себя внимание, что сам Ильин приложил немало усилий к тому, чтобы согласовать между собой эти две идеи, подчеркивая, что «любовь кончается там, где начинается зло»⁴. Один из самых мощных аргументов И. А. Ильина в пользу тезиса о необходимости сопротивления злу силой заключается в том, что «обиженный может и должен простить *свою* обиженность», но он не имеет права «простить от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель родины»⁵. Однако, соглашаясь с этими аргументами, нельзя не отметить, что идея Ильина о сопротивлении злу силой представлена у него несколько односторонне и нуждается в существенных дополнениях. В связи с этим необходимо, как представляется, обратиться к идее, которая была выдвинута и обоснована Б. П. Вышеславцевым. Она заключается в том, что радикальное преодоление зла возможно только за счет положительного созидания добра⁶. Здесь обращает на себя внимание, что речь идет именно о *радикальном* преодолении зла, то есть о преодолении решительном в конечном счете. Представляется, что синтез этих идей возможен как в теоретическом, так и в практическом плане. С одной стороны, нельзя не признать, что во многих ситуациях необходимо сопротивление злу силой. Но с другой — нельзя забывать о том, что борьба, сопротивление — это необходимый, но недостаточный способ преодоления зла. Радикальная победа над злом достигается за счет созидательной деятельности во имя любви и добра.

¹ Ильин И. А. Творческая идея России. С. 619.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1996. Т. 5. С. 141.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М. : Республика, 1994. С. 20.

Представляется, что это имеет прямое отношение к чрезвычайно важной теме, проходящей красной нитью через все творчество Ильина и имеющей прямое отношение к проблематике «свой–чужой». Это тема существенной асимметрии во взаимоотношениях Россия–Запад и Запад–Россия, «чуждости» России Западу и «нечуждости» Запада России. Так, Ильин отмечает, что «наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников, у нас есть дар вчувствования и перевоплощения»⁷.

В противоположность этому Западная Европа, по Ильину, не знает России. С этим связаны весьма негативные следствия, потому что «*неизвестное* всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. *Огромное неизвестное* переживается всегда как сущая опасность»⁸.

Страх и опасения Запада перед лицом неизвестной и непонятной для него России, в свою очередь, «оборачиваются» постоянной опасностью для России. Ильин описывает этот процесс «оборачивания» довольно подробно и убедительно. Он говорит: «Страх унижает человека, поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. <...> Европейское большинство и особенно его демократические министры кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают о ее ослаблении»⁹.

С сожалением можно отметить, что картина, нарисованная Ильиным, как будто списана с современной действительности. В связи с этим возникает вопрос: «Что делать в такой ситуации?». И здесь, видимо, полезно вспомнить об идее радикального преодоления зла за счет положительного созидания добра. В соответствии с этим необходимы не только сопротивление, борьба, укрепление военной мощи, но и в первую очередь и главным образом тщательная, напряженная работа, направленная на строительство процветающей России, привлекательность которой для людей всего мира преодолит все кордоны незнания, недоверия и вражды.

Обсуждая эти проблемы, нельзя не отметить, что в творчестве, да и в биографии И. А. Ильина мотив борьбы, сопротивления оказался все-таки доминирующим по отношению к мотивам созидания, любви, что сказалось и на решении проблемы «свой–чужой». В связи с этим возникает принципиальный вопрос об отношении к духовному наследию прошлого. Представляется, что он может быть решен только одним способом: бережное отношение к духовному наследию должно выражаться в использовании всего ценного, что имеется в нем, и в пресечении попыток «выплескивать вместе с водой и ребенка» и принижать значение духовного наследия на том основании, что в нем имеются моменты, не во всем созвучные современности.

Это в полной мере относится к комплексу идей Ильина, связанных с проблематикой своеобразия

⁷ Ильин И. А. Против России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 1. С. 64.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же.

русской культуры и находящейся в этом смысловом поле проблематикой «свой–чужой». Эти идеи могут и должны использоваться в качестве одного из концептуальных оснований культурной политики всех уровней в нашей стране. Кроме того, идеи И. А. Ильина о свободе, любви, предметности как основании челове-

ческой жизни и культуры имеют большой методологический и эвристический потенциал в решении вопросов, связанных с определением отношения к проектам глобальной культуры и поискам системообразующих ценностей, которые сделали бы возможным само ее существование¹.

Л. В. Лыткина²

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СМЫСЛОВОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XIX ВЕКА (Проблемно-тематический и архитектурный уровни)

Понимание «лица не общего выражения» культуры предполагает не только «вживание и вчувствование в мир своей культуры» (Н. Соенко), но и постижение культурных кодов чужой культуры. По утверждению М. М. Бахтина, «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на наши вопросы, новые смысловые глубины. При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются»³. История формирования российской журналистики XIX века как особого феномена передачи информации в условиях политизированной страны служит наглядным подтверждением положений ученого.

К числу «непосещаемых коридоров трансляции информации» (Н. Озерова) в русской журналистике XVIII–XIX веков относилась этнологическая проблемно-тематическая область. «Чужой» для журналистики Российской империи была культура ее малых народов, инородцев. Полиэтнический и поликонфессиональный мир страны оставался «вещью в себе» (И. Кант), выпадал за пределы востребованных проблемно-тематических порталов. Непоступление информации и, как следствие, отсутствие интереса к судьбам малых народов России в обществе породило эффект отстраненности. «Локальные культуры» на страницах

периодики «подвергались сублимации, компрессии и формализации»⁴.

Именно эти процессы при отображении кодов культур малых народов Российской империи обращали на себя внимание в первых образцах провинциальных изданий. В 1811 году в Казани начала выходить «политико-учено-литературная» газета «Казанские известия» (1811–1820), в Харькове — «Харьковский еженедельник», в 1813–1816 годах в Астрахани — газета «Восточные известия». Издания стремились к публикации материалов о жизни и обычаях «инородческих племен», проживавших на этих территориях.

На протяжении 1820–1850-х годов проблематизация этнологического нарратива не осознавалась ни редакторскими, ни издательскими частями российских газетно-журнальных контентов. Не изменилось положение и с началом выхода в 1839 году газеты «Губернские ведомости». Первая и вторая полосы представляли издание официально-казенного и информационного типа, третья и четвертая, хотя и публиковали региональный материал, тяготели к формированию универсального культурного кода в трактовке национального.

Во второй половине XIX века появляются первые издания, стремящиеся рассмотреть национальные закономерности развития малых народов России, отказавшись от «эмпирического, описательного регистрирования» (Р. Бикмухамедов) жизненных реалий. Конец XIX — начало XX века с особой остротой выдвинули проблему национальной специфики российских инородцев, путей формирования их самосознания, сохранения культурного наследия. Стало очевидным, что каждый народ вносит свой вклад в общегосударственный процесс. Журналистика этого периода также обращается к проблемам этнокультурного взаимодействия, межэтнической коммуникации. Одним из достаточно успешных изданий в решении проблемы смысловой оппозиции «свой» (русская культура) и «чужой» (культура и быт инородцев) стал журнал «Живая старина» (1891–1916).

Информационная политика издания была прописана его основателями следующим образом: журнал будет способствовать «записыванию и изучению

¹ См. об этом: *Круглова Л. К.* Проект глобальной культуры: pro et contra // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: моногр. Сыктывкар, 2013. С. 56–63; *Она же.* Проект глобальной культуры: поиск системообразующих ценностей // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2013. С. 307–309; *Она же.* Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология. СПб., 2013.

² Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века: взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка», «Очерковая проза Европейского Севера России», «Российская журналистика Александровской эпохи», «Статьи Л. Н. Толстого начала XX века», «Российская протоглянцевая журнальная периодика» и др.

³ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1973. С. 356.

⁴ *Озерова Н. И.* Герменевтика в культурологии: электронные экспертно-аналитические системы как феномен культуры // Герменевтика в гуманитарном знании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2004. С. 50.

памятников народной словесности, поверий, преданий, примет, народного быта с его обычным правом... домашним обиходом и строем, с внешнею обстановкою, с народным вкусом и чувством к изящному, с народными воззрениями религиозными, нравственными, общественными, государственными и международными»¹.

Существенную часть содержания журнала составляли материалы, созданные в жанре этнологического (этнографического) очерка: «Три года в Якутской области» В. Приклонского, «Мордовская свадьба» Е. Евсеева, «Отчет о поездке к олонекским карелам летом 1893 года» и «Отчет о поездке в Чудской край» Н. Ф. Лескова, «Тавреньга Вельского уезда» А. Шустикова, «Угасание инородческих племен Тобольского Севера» А. Якобия, «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» Н. Иваницкого, «Мирозерцание наших восточных инородцев: вотяков, черемисов и мордвы» В. Мошкова, «Христианство у вотяков со времен первых исторических известий о них до XIX в.» П. Луппова, «Пермяки» В. Яновича, «По Чердынскому уезду: поездка на Вишеру, на Колву, на Печору» Н. Ончукова, «Община у зырян» М. Большакова, «Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники» И. Кривошекова, очерки К. Жакова — «Этнологический очерк зырян», «Некоторые черты из исторической и психической жизни вотяков. Историко-этнологический очерк», «По Иньве и Косе (у пермяков). Этнографический очерк». Жанровое своеобразие произведений может послужить материалом для рассмотрения концепта «свой–чужой» на уровне архитектоники текста. Очерк — особый жанр, сочетающий в себе художественную и публицистическую типизацию.

Методологической основой анализа медийного текста могут стать размышления Г. В. Ф. Гегеля о функциях творца традиционного эпоса: «... что он рассказывает, должно показаться субъективно от него отдаленной и самой по себе замкнутой действительностью как по содержанию, так и по изображению; с этой действительностью он не должен вступать ни в какую безу-

словно субъективную связь ни с точки зрения сюжета, ни с точки зрения рассказа»².

Суждения Гегеля позволяют выделить три повествовательные разновидности: презентативную, свойственную историческим поэмам-эпосам; трансформативную, характерную собственно художественным произведениям нового и новейшего времени; экспозитивную, присущую медийным публикациям. Автор подобных текстов вступает (нарушая требования, высказанные Гегелем) в «безусловно субъективную связь» с изображаемым «с точки зрения рассказа». Такой тип повествования (или повествовательная тенденция) предполагает ориентацию на реальные события, строгую документальность, актуальность темы, создание сюжета по логике мысли повествователя с возможностью прямых оценок, бесфабульную и широкоохватную композицию.

Но очерковая проза требует обращения и к трансформативной повествовательной тенденции с включением «игровых» эпизодов, когда слово героя приобретает самостоятельное значение, отдельные фрагменты сюжета могут создаваться по принципу комбинации лиц и событий, а произведение по литературно-родовым свойствам тяготеет к объективно-эпическому представлению мира и человека. Именно такими по своим архитектурным свойствам являются этнологические очерки К. Ф. Жакова, ученого-филолога и этнографа, писателя, автора оригинальной философской концепции лимитизма (предела и переменного). Научное исследование факторов, формирующих психический склад «финских инородцев» в России рубежа XIX–XX веков, проведенное в жанре этнографического очерка, помогло в будущем Жакову-писателю в образном отображении жизни современных ему финно-угорских племен. Созданные им национальные типы могут показаться противоречивыми, их поступки — часто непредсказуемыми, характеры — лишены логики поведения. Но К. Жаков строит свои рассказы и очерковую повесть «Сквозь строй жизни» с учетом собственных научных открытий в области этнологии малых северных народов, запечатленных в очерковых произведениях.

¹ Цит. по: Неклюдов С., Ахметова М. О журнале «Живая старина» // Антропологический форум. 2008. № 8.

² Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 4 : Лекции по эстетике. Кн. 3. С. 225.

И. В. Малыгина¹

«СВОИ–ЧУЖИЕ»

В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛОМОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Разговор на тему «“Свои–чужие” в глобальном мире» не может быть полным без обращения к проблеме культурно-цивилизационной идентичности, а потому актуализирует тему вечного, трудного, и по-прежнему незавершенного диалога двух равновеликих цивилизаций — Запада и Востока, то ли обещающих однажды «сойти с мест» и сделать шаг навстречу друг другу, то ли продолжающих наращивать потенциал взаимного непонимания и опасения.

Казалось бы, в ситуации глобального переплетения народов и культур эта вечная оппозиция может считаться исчерпанной, а известная максима Р. Киплинг утрачивает прежнюю безусловность и объективность. Никогда прежде западные и восточные культуры не нарушали с такой легкостью сопредельных границ и не прорастали так уверенно на противоположном цивилизационном полюсе.

Но в том-то и дело, что культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в сценарии глобального проекта. Как ни парадоксально это звучит, но идея глобального мира, «мира без границ», важной парадигмой мышления и социального взаимодействия сделала именно феномен границы. Другое дело, что относительная проницаемость и пластичность территориальных рубежей в полной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, маркирующих пространства «своего» и «чужого», которые к тому же все больше смещаются в ментальное пространство и выстраиваются вокруг идентичностей. Идентичность как способ разрешения экзистенциальных вопросов «Кто я?» и «С кем я?» и становится сегодня объяснительным принципом социокультурной динамики и культурного взаимодействия.

У Амина Маалуфа, французского писателя ливанского происхождения, конечно, были основания заметить: «Множество преступлений в современном мире совершаются от имени или во имя идентичности». Эту мысль поддерживают и российские исследователи, акцентируя, что именно покушение на сакральные чувства причастности человека той или иной культурной традиции лежит в основе фундаменталистских акций, столь многочисленных в последнее десятилетие. И только по этой причине «они квалифицируются как движения борцов за культурные ценности традиционализма, на которые покушается социальный и техно-

логический прогресс, представляемый ныне западной цивилизацией»².

Таким образом процесс «столкновения» культур и цивилизаций, в достаточной мере осмысленный в рамках современного социогуманитарного дискурса, постепенно «сублимирует» в пространство оппозиции культуры и цивилизации, «сопротивления традиционных культур и народов тотальному наступлению на них “цивилизации без святых и героев”»³, особой модальностью которой оказывается дихотомия «традиция–модернизация». Позволю себе предположить, что все многообразие и конфигуративность культурных сценариев и цивилизационных столкновений в глобальном мире зачастую «стягиваются» к глубинному противоречию *традиционности и модернизации*.

Крайние формы этого противостояния проявились в феномене современного терроризма. Это «вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, который ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать духовные формы существования и ценностные способы регулирования социальных отношений»⁴.

Разделяя данную позицию, современные исследователи склонны расценивать 11 сентября 2001 года и многие другие террористические акции как события, абсолютно «культурные» по своим причинам, как акты борьбы «за сакральную неприкосновенность традиционной культуры». Конец XX — первое десятилетие XXI века войдут в историю как «эпоха восстания традиционалистов», возникшая в ответ на вторжение индустриальной культуры «на территорию традиционных культур к востоку от Европы»⁵.

Таким образом, взаимоотношения и «зеркальная» рефлексия традиционности и модернизации в современной культурной ситуации содержат в себе потенциальный конфликт, который разворачивается преимущественно на оси «Восток–Запад», поскольку именно эти цивилизации стали в современной культуре символами: в первом случае — традиционности с ее силой обычая, а во втором — превосходства «логоса» и последовательного рационалистического преодоления традиции. Поэтому именно в плоскости «Запад–Восток» обнаруживают себя самые глубокие разломы современного многополярного мира. Можно заметить, что не составили исключения события, развернувшиеся на наших глазах на Украине и разделившие страну баррикадами на Запад и Восток.

¹ Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор. Автор более 80 публикаций, в т. ч.: «Между Западом и Востоком: диалоги на границах культурных миров», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”», «Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах», «Контуры новой российской идентичности», «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности». Член Российского культурологического общества.

² Флиер А. Я. Будущее возврату не подлежит // Креативность в пространстве традиции и инновации : тез. докл. и сообщ. Третьего Российского культурологического конгресса с междунар. участием. СПб. : Эйдос, 2010. С. 539.

³ Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–93.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Флиер А. Я. Культурология 20-11. Авторский сборник эссе и статей. М. : Согласие, 2011. С. 89.

Этот вывод фиксирует один из наиболее тревожных рисков для России, цивилизационная идентичность которой исторически формировалась на границах культурных миров Востока и Запада, а рефлексия на эту тему всегда содержала в себе неразрешимую проблему. Если Петр Чаадаев утверждал: «Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, и у нас нет традиций ни того, ни другого»¹, то Николай Бердяев, напротив, говорил о неразрывности и одновременно неизбежном конфликте восточного и западного начал в русской душе. Была и третья точка зрения, согласно которой Россия оказывается то ли отдельным «третьим культурным материком между Европой и Азией» (Г. Федотов), то ли границей, за которой соединение западных и восточных традиций оборачивается столкновением двух совсем не дружественных сил. Александр Блок напишет:

Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Очевидно, что в поисках цивилизационно-культурной идентичности Россия исторически тяготела к западноевропейской модели, особенно после Петровских реформ, которые, как написал в свое время Г. Федотов, «вывели Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создали породу русских европейцев»². Но, с другой стороны, даже важнейший идентификационный признак — принадлежность к христианскому миру — Россия унаследовала не из Рима, как большинство европейских народов, а с Востока, из Константинополя.

Особенность российской культуры такова: веками здесь переплетались славянские культурные традиции с византийской, западноевропейской, мусульманской и языческой кочевой культурами. Поэтому при всех естественных проявлениях глобализма и ориентации на модернизационное развитие, ментально и культурно Россия не свободна от восточного традиционализма. И именно в идентификационном диапазоне «Запад–Восток» (причем Восток исламский) сегодня обнаруживает себя внутригосударственное, внутринациональное напряжение.

В поисках возможностей разрешения этого противоречия современные аналитики предлагают различные сценарии, в том числе достаточно радикальные. Можно услышать, например, что назрела необходимость *целенаправленного преодоления* «традиционных моделей социокультурной динамики». Аргументация такова: «Во-первых, они малоэффективны по своим результатам и, во-вторых, становятся слишком опасными в формах своего противостояния социальному прогрессу»³. Правда, каковы способы «целенаправленного преодоления» традиционности и как широк их диапазон, автор концепции умалчивает.

Подобная точка зрения отражает довольно распространённую на Западе позицию, согласно которой единственная возможность «приобщить» восточные народы к «правильной» западной цивилизации — их

европеизация или американизация. Сценарий не новый, он во многом повторяет установки эпохи колониального раздела мира и, как прежде, тяготеет к «монологическому диктату». Но отвечает ли он вызовам современной ситуации, которая побуждает размышлять не просто о том, как жить вместе человечеству, обреченному на взаимозависимость в глобальном мире, а как жить, не утрачивая различий в культуре и идентичности?

Невозможно представить мир, лишенный устоявшейся символической и идентификационной системы координат — мир без Запада и Востока, — не думаю, что свободный от конфликтов, но совершенно точно лишенный не только своего сегодняшнего обаяния, но и роскоши бесконечного открытия и постижения друг друга.

И кто выиграет от такого сценария? Наверное, не Восток. И уж точно не Запад, который исторически формировал свой образ на контрасте с Востоком, как отмечает Эдвард Саид в своем знаменитом исследовании «Ориентализм». Поскольку Восток — это «не только сосед Европы, но еще и <...> ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого». И добавляет: «...европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “я”»⁴.

Естественным в связи с этим оказывается вопрос о формах и принципах коммуникации в мире, с одной стороны, осознающем необходимость интеграции перед лицом глобальных проблем, а с другой — одновременно демонстративно манифестирующем свою культурную и цивилизационную неоднородность. Именно поэтому, очевидно, столь востребованными научным дискурсом примерно в одно и то же время оказались концепции толерантности и мультикультурализма, увы, не оправдавшие в полной мере возлагаемых на них надежд, но со всей отчетливостью провозгласившие важнейший гуманистический принцип — признание самоценности «иного» в культуре.

Между тем реализация данного принципа невозможна без реабилитации гуманистических приоритетов в социокультурной динамике; невозможна, пока субъектом межкультурных коммуникаций не станет качественно иной тип личности. Не «глобальный» человек — маргинал с невнятной идентичностью, а человек, глобально мыслящий, в идеале — универсально образованный и одинаково комфортно существующий в культурных мирах и Востока, и Запада. Такой тип личности, для которой презумпция невинности традиции — ценность столь же безусловная, как преимущества модернизации.

Похоже об этом грезят не только философы, но и художники. Вспомним «рассказанный» Джеймсом Кэмероном и покоривший весь мир пронзительный миф об Аватаре, который стал и границей, и посредником между «своими» и «чужими», между культурой и цивилизацией, между традицией и модернизацией, причем в их предельных формах и уже межгалактических измерениях. Правда, хеппи-энда не произошло.

⁴ Саид Э. Ориентализм. М.: Русский Мир, 2006. С. 8–11.

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 43.

² Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 178.

³ Флиер А. Я. Культурология 20-11. С. 89.

Известный российский писатель Г. Чхартишвили для такого «идеального субъекта» придумал название «новый андрогин»¹. Вполне уместная метафора, если вспомнить, что мифических андрогинов боги разделили не как-нибудь, а по вертикальной оси, то есть на Восток и Запад. И это внушает надежду на то, что стремление к целостности и гармонии (в том числе

в культурно-цивилизационном смысле) заложено в генетическом коде не только человека, но и человечества.

Звучит завораживающе и... очень похоже на очередную миф в копилку глобализационного дискурса. Но есть ли альтернатива? Глобальной культуры не случилось, а современный мир по-прежнему артикулируется в терминах «своих» и «чужих».

А. А. Маршак²

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА МОДИФИКАЦИИ ДИХОТОМИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ»

В современных условиях глобального мира резко возрастает запрос на аутентичность. В мире существует множество бинарных культурно-мировоззренческих позиций, обладающих разным статусом. Особенно это характерно для России с ее мультикультурным и религиозным поликонфессионализмом. Многочисленные исследования, как авторские, так и коллег-социологов³, свидетельствуют, что в настоящее время в России наличествуют четыре ярко выраженных типа культуры, которые взаимодействуют между собой.

Во-первых, это культурный тип так называемых традиционалистов (А. Гофман), характерный для тех слоев общества, которые олицетворяют процесс пробуждения культурного самосознания российского народа и возрождения культурно-исторической памяти.

Во-вторых, носители либеральных взглядов. Деятели либерального толка, захватив властный ресурс, сформировали рыночную экономику и пытаются экстраполировать ее принципы на культуру, предельно коммерциализировав духовную жизнь, где на месте человеческой нравственности и гуманизма появляется «мораль профессионала» и каждый сам за себя.

В-третьих, еще одним культурным течением является консервативное направление — как ответ на распад традиционной национальной культуры, на распространение либерально-демократических преобразований. Консервативная культура противостоит модернизации, призывает к сохранению традиционно-архаической компоненты российской духовности,

в том числе с учетом положительного исторического опыта.

В-четвертых, в современной российской культуре особое место занимает религиозное сознание. Оно базируется на поликонфессиональности, множественности религиозных течений, их влиятельности в обществе как части культурно-исторического процесса.

Эти четыре культурных направления в общественном социокультурном процессе современной России соотносятся с функционированием различных субкультур и олицетворяют собой поликультурное состояние российского общества.

Социокультурная ситуация современной России характеризуется внутренними противоречиями евразийского состояния культуры и внешним противодействием с западными идеологемами и культурными практиками.

В этих условиях необходим поиск преодоления социокультурных реформаций и конкретных форм модификации оппозиции «мы» и «они» в современной цивилизации. Налаживание такого диалога возможно на основе социокультурной идентичности, но при сохранении национального самосознания.

Конкретное проявление дихотомии «свой–чужой» проистекает из различия современных культурных практик и отражается в общественных ценностях. В свою очередь показатели ценностей лучше всего проявляются в сфере национальной идентичности. При этом приоритетными являются социокультурные ценности, определяющие вектор культурного развития стран и народов.

Если говорить о проявлении дихотомии «свой–чужой» в стереотипах национального социокультурного самосознания, то следует обратиться к конкретным выразителям культурных ценностей. Тут следует вспомнить, что еще в начале 70-х годов прошлого века, на пороге создания Европейского сообщества была принята Декларация европейской идентичности, позиция которой модифицировалась вплоть до конца века. В результате среди культурных ценностей единой Европы были названы мир, свобода мнений, социальная справедливость, терпимость, открытость, уважение к истории, культурное разнообразие⁴. Безусловно, эти понятия идентичности отражали геополитические

¹ Чхартишвили Г. Ш. Но нет Востока и Запада нет. О новом андрогине в мировой литературе // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 262.

² Главный научный сотрудник Сектора социологии культуры Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, ряда учебников и учебных пособий: «Социокультурная динамика в современном российском обществе», «Социология», «Общая социология», «Социология культуры», «Молодежь и культура села», «Становление социально активной личности», «Социальные проблемы культурного развития современной молодежи», «Социология культурно-духовной сферы», «Культурология» и др. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

³ См., например: Россия: многообразие культур и глобализация / отв. ред. И. К. Лисеев. М.: Канон + ООН «Реабилитация», 2010; Занесоцкий А. С. Философия и социология культуры: избранные научные труды. СПб.: СПбГУП, 2011; Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. СПб.: СПбГУП, 2013; Маршак А. Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии. М.: НИЦ «Академика», 2013.

⁴ См.: Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012. С. 144, 147.

интересы европейских стран и интерпретировали мировоззренческие основы евроцентризма.

Иные идеологемы были заключены в идентификационных принципах в России. Прежде всего на идентификацию повлияли изменения географических и политических параметров Российского государства, произошедшие в начале 1990-х годов. Российскую идентичность, по существу, охватил кризис. Формировавшиеся столетиями идентификационные ценности деформировались, их основы потребовали модификации. Однако, как показали социологические исследования, типологические признаки российского национального самосознания как мировоззренческий аспект общероссийской идентичности в целом продолжают сохраняться¹. К их числу можно отнести: патриотизм, историческую память, преемственность поколений, культурные традиции, культурную безопасность, духовную близость, внутреннюю свободу, этноизоляционизм при стремлении к межэтническим контактам, дозированное доверие к властям и церкви.

Итак, мы видим, что в самих понятиях идентификации заложены глубокие противоречия, формирующие условия для расширения пространства как минимум аксиологических конфликтов и проявления дихотомии «мы–они».

Далее вынесем за скобки нашего анализа рассмотрение европейских идентификационных ценностей, отнюдь не умаляя их значения, для проекции универсальных механизмов модификации «своего» и «чужого» в условиях глобального мира. Остановимся более подробно на моделях российской идентичности в свете их роли в создании основ мировоззренческой модификации дихотомии «свой–чужой».

Есть такая точка зрения, что наличие оппозиции «свой–чужой» является началом для становления демократии и предтечей гражданского общества. В проявлениях этой дихотомии на практике, дескать, осуществляется возможность непосредственного диалога, что способствует формированию мировоззренческой основы национальной идеи. Однако эмпирический анализ действительности показывает, что диалог сам по себе не является конструктивной возможностью для успешного решения задачи сотрудничества и выработки толерантных идей общественного развития. О его действительно продуктивных возможностях можно говорить тогда, когда в полной мере будет учтено, «насколько конфликтными, несовместимыми, противоположно ориентированными или, наоборот, сходными и потенциально общими представляются... интересы своих и чужих»².

Именно в этом смысле нужно рассматривать роль социокультурной теории в анализе соотношения оппозиции «свой–чужой», чтобы этот диалог был действительно демократическим, бесконфликтным, нужно в его основу положить условия социокультурной идентичности. Чтобы такой диалог функционировал, он

должен быть построен на коллективной идентичности. Последняя, в свою очередь, наиболее приспособлена к мультикультурности в глобальном мире, в большей степени позволяет преодолевать кризис идентичности. Для выработки позитивных мировоззренческих идей требуется не конфронтация в освещении социокультурной динамики, а солидарное представление культурной идентичности.

Обратимся к последнему свежему примеру проявления дихотомии «свой–чужой» в оценке событий на Украине и, в частности, вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. Осуществление этого процесса с соблюдением норм международного права, что было подтверждено в выступлениях ряда политических деятелей, вызвало раскол в оценках отдельных групп российской интеллигенции.

19 марта 2014 года в Москве прошло мероприятие под претенциозным названием «Конгресс против войны, против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма». Этому предшествовала информация о митинговой войне. Две группы деятелей культуры опубликовали в СМИ письма, где была дана оценка событий на Украине. Одни высказывались в поддержку позиции Президента РФ по Украине и Крыму, а другие выразили несогласие с политикой властей. Кроме того, накануне были проведены общегражданские акции, одна из которых была организована оппозиционными партиями с целью высказать протест против решения властей, в поддержку украинского народа, а другая — с позиции противодействия «нацистскому мятежу» на Украине и защиты от него украинского народа.

Если обратиться к анализу материалов этих мероприятий, к содержанию и форме риторики их участников, то легко заметить, что речь идет об одном и том же — о роли и месте интеллигенции в современном мире, об отношении к общечеловеческим ценностям, о поиске консенсуса между властью и обществом. Однако способы выражения, даже жестикология ораторов выражала явное несогласие и конфронтацию друг с другом. Выражение патриотизма, исторической памяти одними рядились в термины «агрессивное государство», «авторитаризм власти» других. Угроза фашизма и национализма подменялась упрощенным разговором о том, что фашизм «самодельный», что бесчинствует просто шпана и, дескать, это происходит «потому, что при всякой революции всегда поднимается пена».

Этот пример, хотя он и базируется на точке зрения лишь определенной части «самопровозглашенной интеллигенции» (Л. Улицкая), характеризует отсутствие социокультурной идентификации, ее, как уже отмечалось, кризис. И вместе с тем это дает повод говорить о культурной идентичности как мировоззренческой основе модификации дихотомии «свой–чужой».

Итак, резюмируя сказанное, делаем следующие выводы:

1. Проявление дихотомии «свой–чужой» в современных культурных константах носит объективный характер, является отражением демократической модели общественного устройства.

¹ См.: Россия на рубеже веков / отв. ред. М. К. Горшков. М., 2000 ; Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2004.

² Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М. ; СПб. : Университетская книга, 2013. С. 117.

2. Данная дихотомия включает в себе геополитические как конструктивные, так и деструктивные начала культурных позиций и национальных особенностей идентичности.

3. Российский феномен дискурса «свой–чужой» своеобразен не только как фактор внутренней социокультурной динамики, но и как условие противостояния западной и европейской культуры, их менталитета и общественного своеобразия.

4. В российской практике данная дихотомия отражает в определенной мере содержание мировоззренческой основы национальной идеи.

5. Преодоление конфликтогенного состояния дихотомии «свой–чужой» связано с ценностными, морально-нравственными и образно-символическими модификациями «своего» и «чужого», с выработкой новых стереотипов и потребностей, а в целом — общественной солидарности.

6. Позитивный процесс развития и преодоления разделительных черт между «свой» и «чужой», «мы» и «они» носит соревновательный и открытый характер, связан с преодолением условий застарелых противоречий (прежде всего межэтнических и межнациональных), исторической несправедливости, психологической несовместимости, с выработкой новых символов и образов социокультурной идентичности.

7. Социокультурная идентичность создает условия для культурного диалога, в рамках которого возможно формулирование основы мировоззрения, способного моделировать дихотомию «свой–чужой».

Таким образом, центральным фактором социокультурной идентичности является ее мировоззренческая основа, при помощи которой возможна модификация дихотомии «свой–чужой» как главный конструкт развития в глобальном мире.

А. М. Мелихов¹

РУССКОЕ ГЕТТО И ПРОИЗВОДСТВО ГЕНИЕВ

Проблема национальной дискриминации всегда касалась русских только одной стороной — их обвиняли в том, что они дискриминируют какие-то национальные меньшинства («других»). Поэтому они (мы) оказались совершенно неготовыми к тому, что дискриминируемыми («другими») могут оказаться они сами. Я хочу сказать — национально униженными.

Что важнее — жизнь или честь? Выбор тяжкий для каждого, но для народов, для наций такого выбора просто нет, так как для них честь и есть жизнь. Ибо людей объединяет в нацию прежде всего стремление обрести или сохранить достоинство, то есть чувство причастности к чему-то прекрасному, почитаемому и бессмертному или уж хотя бы долговечному, продолжающемуся за пределами их личного существования. Становление наций, по-видимому, не случайно стало особенно бурным именно в эпоху упадка религии, и распад их скорее всего делается возможным не ранее, чем массы обретут какие-то новые формы утоления важнейшей экзистенциальной потребности — потребности идентифицироваться с чем-то великим, почитаемым и долговечным, что почти невозможно представить без пышной родословной и чарующей перспективы, какие изобретает для себя каждый народ в своих грезах в периоды национального подъема.

¹ Писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Колочий треугольник» и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

А до тех пор национальные унижения будут переживаться гораздо более мучительно, чем личные, ибо чувство социальной ничтожности, которое пытаются в нас заронить наши недруги, почти каждый из нас имеет возможность компенсировать в кругу друзей, тогда как те, кто посягает на наше национальное достоинство, стремятся отравить само лекарство, для большинства едва ли не единственное, которое способно хоть отчасти смягчить ощущение экзистенциальной заброшенности. А потому самый решительный шаг к распаду Советского Союза сделала в свое время наша родная коммунистическая партия, присоединив к торговле нефтью и пушниной торговлю национальным достоинством: когда сургутский нефтяник, камчатский рыбак и воркутинский шахтер увидели на дверях валютного бара табличку «Только для белых», они поняли, что страны, где их уважают, больше нет.

Каждый народ может существовать лишь до тех пор, пока ощущает себя избранным, хотя бы в собственном воображении (впрочем, никакой другой избранности не бывает). А тот круг народов, внутри которого существует согласие об их совместной избранности, сегодня по-видимому и можно назвать пышным словом «цивилизация».

Я наглядно ощутил это несколько лет назад в Новом ковчеге Франкфуртской книжной ярмарки. Пока идеологи евразийства еще только грезили о евразийской цивилизации, организаторы уже приступили к ее практическому конструированию. Необозримый ангар, в котором был отведен участок для России, заполняли следующие страны: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Белизе, Бенин, Босния, Ботсвана... В латинском же написании Россия с соседями выглядела так: Romania, Russia, Rwanda... Территориально же нашими соседями были Иран, Ирак, Турция, Индонезия...

Наверняка нас всех объединили просто по территориальному признаку, но ведь именно так и было сконструировано большинство колониальных наций, в том числе и упомянутая Индонезия, являвшая собой до прихода колонизаторов труднообозримый конгломерат островов, племен, языков и языков. Ее, как и многие другие будущие государства, включили в единую структуру чужеземные владыки — и что же? Через самый короткий в историческом масштабе срок возникло пассионарное ядро мечтателей, сочинивших и поверивших в некую единую родословную, в некий возвышенный и трогательный образ современной *их* нации, в чарующую историческую перспективу... Словом, возникла национальная греза, создавшая народ, уже способный подняться на борьбу и победить в мучительной войне.

Как нарочно, именно на Франкфуртской ярмарке я прочел роман главного российского сиониста Владимира Жаботинского «Самсон Назорей», в котором автор изобразил чувства еврея, пытающегося выйти из гетто, чтобы сделать своим в более высококультурном и могущественном обществе: неотесанные евреи в романе приезжают к изысканным филистимлянам на некую «декаду дружбы», питая к хозяевам смешанные чувства полунасмешки-полувосхищения, а уезжают, исполненные беспримесной враждой. Нечто подобное произошло и в реальности, когда самая энергичная, одаренная и честолюбивая часть еврейской молодежи попыталась выйти из гетто в большой блистающий мир, в котором их приняли с объятиями не настолько широко распростертыми, как им грезились. Тогда-то Жаботинский и призвал евреев освободиться от унижительной влюбленности в чужую культуру — унижительной влюбленности свинопаса в царскую дочь, влюбленности, обращающейся в ненависть, когда она натывается на пренебрежение возлюбленной. Дело каждой национальной культуры — воспевать собственный народ, а чужие достижения для этого использовать, вместо того чтобы поклоняться им. Это свойственно дикарям — утилитарное превращать в эстетическое, винтовочные гильзы вставлять в уши, тарелки вешать на шею.

Так не пора ли и нам понять, что *всякое* гетто является источником фанатизма и социального прожектерства? Российской элите нужно максимально ослабить территориальную, профессиональную и культурную изолированность хотя бы наиболее многочисленных и пассионарных национальных меньшинств. Памятуя, что соблазн разрушает национальное единство гораздо более надежно, чем угроза. Которая, если только она не достигает масштабов геноцида, как правило, лишь стимулирует изоляционистские национальные грезы.

Исторический опыт показывает, что до самого последнего времени (а достижения мультикультурализма пока что заключаются главным образом в обещаниях) народам удавалось жить в относительном мире лишь в тех домах, у которых был могущественный и расчетливый хозяин — имперская или национальная элита уверенного в себе большинства, которая одних ассимилировала, а других разделяла и над всеми властвовала, соблазняя потенциальных лидеров национальных дви-

жений индивидуальными карьерами внутри имперского тела за пределами их национальных гетто. Поэтому вместо того чтобы раздражать русских упреками в недостатке толерантности (страх за свое национальное достоинство, национальное достояние рождает гнев абсолютно рефлекторно у всех народов без исключения), было бы неизмеримо более мудро укреплять в них уверенность, что их достоянию ничто не угрожает: толерантность — миссия сильных и уверенных, слабые, испуганные не бывают толерантными. А для культурного и политического доминирования русских и в самом деле пока что нет никакой серьезной угрозы. Национальные меньшинства внутри России пока что не посягают ни на отдельную территорию, ни на отдельную долю во власти, ни на государственные права своего языка или собственного образования.

Вековая история прорыва из гетто российского еврейства заставляет задуматься о проблеме, грозящей сделаться куда более масштабной. В последние годы обитателями некоего гетто на обочине «цивилизованного мира» начинают ощущать себя уже не евреи, а русские. При этом намечаются ровно те же способы разорвать унижительную границу, которая ощущается ничуть не менее болезненно даже в тех случаях, когда она существует исключительно в воображении (человек и может жить только в воображаемом мире). Первый способ — перешагнуть границу, сделаться большими западниками, чем американский президент. Второй — объявить границу несуществующей: все мы, мол, дети единого человечества, *безгранично* преданного общечеловеческим ценностям. Третий — провозгласить свое гетто истинным центром мира, власть в экзальтированное почвенничество. И четвертый, самый опасный, — попытаться разрушить тот клуб, куда тебя не пускают.

В истории Нового времени самые ужасные вещи творили сильные, вообразившие себя слабыми. Реальную опасность фашизма создает не голод голодных (голод ее только обостряет), но слабость сильных, разумеется, воображаемая. И одна из задач западного мира заключается в том, чтобы в воспитательных целях всячески подчеркивать могущество России. Но эти мудрецы, мерами строгости уже вырастившие Ленина, Сталина, Гитлера и Муссолини, вряд ли способны понять: строгость, даже обоснованная, неизбежно укрепляет стены национальных гетто. А вместе с ними — нескритичность и утопизм.

Поэтому мы должны позаботиться о себе сами. Прежде всего нам нужно освободиться от желания кому-то нравиться — как этого и требовали от евреев первые сионисты. Но причастность к вечности и хотя бы не слишком редкие восхищенные взоры мирового сообщества все же необходимы каждому народу. Однако и то и другое создается прежде всего научной и культурной аристократией. Укрепление и развитие национальной аристократии и является наилучшей профилактикой ксенофобии. Когда имена и достижения русских ученых, музыкантов, режиссеров, писателей, инженеров (равно как спортсменов и предпринимателей) будут почтительно повторять на международной арене — только тогда в России и начнет слабеть

то опаснейшее для всего человечества ощущение, что западный мир сговорился держать нас на ролях второго сорта.

Кто спорит, повышение уровня и качества жизни наиболее обеденных — важнейшая гуманитарная и государственная задача. Но создание условий для развития наиболее одаренных есть вопрос национального выживания. Поэтому одним из важнейших национальных проектов России становится производство гениев. Это бескорыстная поддержка самых талантливых

и романтических, широчайшая сеть школ для одаренных детей, особенно в провинции, и предельный простор для творчества, когда они вырастут, ставка на долговечность, а не на пресловутую «эффективность», выраженную, разумеется, в рублях, как это только и делается у лавочников и лакеев, для которых не бывает великих людей.

И, конечно же, постоянное прославление творцов, а не шутов и прохвостов, ныне пирующих на государственном телевидении.

Л. А. Меньшиков¹

СВОЕ И ЧУЖОЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Вопрос о соотношении своего и чужого — краеугольный камень культуры. С постановки этого вопроса культура началась. Осознание наличия чего-либо иного за пределами собственной личности — начало любого творческого акта. Так человек творит себя, так человек творит культуру. На противопоставлении своего и чужого основываются все формы культуры: осознание социальности как принадлежности к группе (одной из многих), осознание собственности как принадлежащей мне или другому, осознание власти как стремление подчинить или подчиниться другому, осознание искусства как способности и возможности произвести или сделать что-либо иное. Оставаясь во все времена важнейшим принципом культурогенетических процессов, диалектика своего и чужого неоднородна исторически. Можно выделять различные стадийные формы этого отношения — традиционное, «цивилизационное», художественное и иные. Принципиально новое соотношение своего и чужого возникает в постмодернистской культуре — культуре современного глобального мира.

Постмодернизм для решения вопроса о соотношении своего и чужого обращается к поэтике. Свое и чужое здесь могут надевать маски читателя и автора, текста и контекста. Автору бессмысленно пытаться рассказать читателю о смысле произведения, поскольку этот смысл все равно не может быть понят читателем. Поэтому должна быть выбрана другая стратегия. Стратегия превращения чужого в свое. Чтобы понять, кем человек является на самом деле, нужно проследить его судьбу. Так же — и с художественным текстом,

и с культурой в целом. Если смысл для передачи не доступен, то нужно показать в произведении, как этот смысл рождался в сознании автора. Тут и начинаются внутренние, происходящие в рамках произведения рассуждения о его создании, о технике и поэтике, какой она представляется автору. Это есть процесс перевода чужого в свое. Это есть обязательная черта постмодернистского подхода к творчеству: в его рамках автор «может рассказать, почему и как он работал»². Раскрывая процесс созидания текста, автор проявляет, демонстрирует его многоуровневость, тем самым задавая его бытие как текста поэтического. Поскольку поэтичность как раз и представляет собой то качество искусства, которое сводится к его неисчерпаемости, к способности порождать все новые и новые смыслы. Каждый новый смысл — это по-новому осмысленный чужой смысл. Поэтичность в этом случае — качество постмодернистского языка, который всегда изъясняется при помощи многоуровневой метафоры как основания поэтического текста. В его основе — всегда бессознательный импульс, который неосознаваем, но достаточно назойлив и силен — тот импульс, который заставляет искать разрешение через сопоставление несопоставимых реальностей, перенос смысла с одного объекта на другой. Такой импульс — всегда ощущение, чувство некоторой невыраженности и вместе с тем потребности выразить, наличия неявного смысла, но смысла очень глубокого и настойчиво стремящегося к тому, чтобы быть выраженным. Чужое само стремится стать своим. Но этот импульс вместе с тем — воспоминание, поскольку за ним всегда стоит обширный опыт жизни в культуре, напоминание об уже поглощенных, но еще не выраженных в творчестве смыслах. Эти смыслы выглядят как свои, понятные, но еще являются чужими. Это «эхо интертекстуальности»³, которое выражает в рамках вновь рождающегося смысла всю историческую многозначность и культурное многообразие, лежащие в основании каждого акта творчества — весь мир чужого, созданный до начала каждого нового акта творчества.

¹ Заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, проректор по учебно-методической работе Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Энциклопедии на границах эпох», «Тотальное искусство за порогом молчания», «Культура постмодерна», «История культуры как “вечное возвращение” стиля», «Новые традиции и постмодернистское искусство: О методологии изучения», «Современная философия в Европе и России», «Художественные манифесты 1960-х годов: Флюксус и его автор», «Сетевой флюксус», «Искусство “без границ” как новая форма креативности», «Философия культуры. Идеи о культуре в истории западной общественной мысли» и др.

² Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». СПб.: Symposium, 2007. С. 13.

³ Там же. С. 14.

Автор, выражая собственную поэтику, сам стремится осознать, какая поэтика руководила им в момент творчества. Он может не представлять себе правила, в соответствии с которыми творил, может осознавать, что творил без правил. Но это не значит, что он не имеет правил или не знает их. Чужое может быть скрыто или маскироваться под свое, но оно все равно остается чужим. Автор просто-напросто находится под властью классического дискурса, который скрывает от него правила и заставляет его скрывать эти правила от читателя. Постмодернизм же понуждает художника открыть правила и для себя, и для читателя — для того чтобы дать ему понять, как рождается смысл, и научиться рождать смысл самому, для того чтобы показать ему, что он всегда был и будет чужим в мире культуры. Только так можно избавиться от насилия со стороны автора и сделать акт художественного восприятия действительно свободным.

Свобода творчества не вполне свободна, потому что она определяется теми основаниями, из которых оно исходит, она абсолютно определяется чужим. Один из крупнейших теоретиков постмодерна У. Эко открывает существенное для глобальной культуры понимание того, что причина творчества коренится в рассказывании — в стремлении рассказывать. Он подчеркивает, что «человек от рождения — животное рассказывающее»¹. Стремление рассказывать определяет его и как автора, поскольку любое творчество предполагает вербальное объяснение автора с самим собой, и как читателя, который для того, чтобы понять воспринимаемое, должен выстроить его в форме нового, уже читательского рассказа. Стремление рассказывать толкает творить. Но творить из чего? Из того, что хорошо известно автору, из того, что он наилучшим образом освоил на протяжении своей жизни, из того, что полноценно осмыслено им и может быть выстроено в соответствии с определившейся в сознании автора логикой в виде последовательного и несбивчивого рассказа. Рассказывание — всегда рассказывание из чужого. Только чужое говорит автором, автор молчит, если в нем нет чужого, и акт творчества оказывается невозможным.

Примером механики творчества в современных условиях является «говорение» чужой культуры, внутри которого может оказаться автор. Именно в таких рассуждениях о творчестве для У. Эко органично возникает тема его первого романа — тема Средневековья. Эта тема выбрана им потому, что в тот период он как автор жил и говорил ею: «Средневековье — моя мысленная повседневность»². Для него первой причиной, по которой та или иная тема становилась основанием творчества, являлась непосредственность ее восприятия и осмысления автором, доступность для целостного и ничем не опосредованного захвата сознанием. «Современность я знаю через экран телевизора, а Средневековье — напрямую»³, — писал У. Эко. Так свое оказывается чужим, а чужое — своим. Здесь существенны два момента. Во-первых, наше творчество всегда направлено только на то знание, которое имеет своим предметом прошлое, оно исторично, может

иметь своим содержанием только известное, то есть то, что уже случилось, поскольку именно оно может стать непосредственным фактом нашего сознания, не разделяемым более ни с кем другим. Чем древнее предмет нашего творчества, тем с большей уверенностью мы можем претендовать на единоличное владение им в момент рассказывания о нем и тем меньше желающих осудить такое творчество. Во-вторых, Средневековье как предмет творчества имеет особую привлекательность для постмодернистского сознания, поскольку это была эпоха, в значительной степени родственная постсовременности как визуально-эмоциональная культура, наиболее обостренно воспринимающая свою кризисность. Чужое и свое связываются через цикличность истории, через повторение событий, которое существует лишь виртуально — в сознании знающего о нем человека.

Автор, обращаясь к прошлому, пытается примерить на себя его маску и представить читателю иллюзию подлинности прошлого, пытается показать, что прошлое для него — свое. Для того чтобы приобрести такую маску, автор вживается в повседневность избранного им прошлого. Он учится жить так, как могли бы жить его персонажи в подходящем им прошлом. Он сам стремится стать прошлым. Но пересказывая прошлое, неизбежно понимаешь, что «всякая история пересказывает историю уже рассказанную», а «во всех книгах говорится о других книгах»⁴. Тем самым Эко обосновывает принцип вторичности творчества — всякое прошлое, о котором мы рассказываем, представляет собой также и рассказ о прошлом. Любой вновь создаваемый художественный мир отсылает к иному, предшествующему художественному миру, который, в свою очередь, еще к одному, и так — до бесконечности. Онтология любого текста сводится к онтологии предшествующего текста, бытие любого рассказа определено наличием некоей истории. То есть чужое и свое всегда являются лишь двумя сторонами одной медали — чужое имеет тенденцию в какой-то момент обращаться в свое, а свое затем — в чужое. Из этого следует техническая сторона постмодернистского творчества, которое может быть представлено как разворачивание множества оберток, закрывающих одна другую, как снятие множества чешуек с луковицы, за которыми открываются все новые и новые, как игра в матрешку. Рассказы о прошлом представляют собой конверты, оборачивающие друг друга. И вопрос о том, сколько таких конвертов, то есть последовательных рассказов о прошлом будет от этого прошлого отделено и помещено в пространство произведения, — вопрос, решаемый только произволом автора, его свободным желанием. Но произвол читателя заключается в том, что он может заворачивать авторское произведение в новые конверты. Каждый из таких конвертов — большая и развернутая цитата либо множественность отсылок, возникающих в сознании читателя, — позволяет ему на основании авторского произведения создать связный рассказ о прошлом, в котором опять наблюдаются диалектика и взаимопереходы своего и чужого. Смысловое зерно, подлинное авторское слово, которое формулируется

¹ Эко У. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

⁴ Эко У. Указ. соч. С. 25.

на основании личностного понимания истории, всегда тщательно скрыто за слоями цитат и представляется чем-то отличным от них, но на самом деле, будучи раскрытым, также демонстрирует свою полнейшую определенность прошлым, включенность в него как в пространство своего.

Рождается ли это зерно в сознании автора до того, как произведение начнет созидаться, или же только после того, как оно уже будет создано? Создание произведения — как сотворение нового мира, в этом процессе всегда есть нечто космологическое, оно происходит тогда, когда еще «слова не участвуют»¹ в возникновении смысла. Но У. Эко не дает однозначного ответа на вопрос об авторстве — космологичность искусства для постмодернистского дискурса так и остается проблемой, определенность в вопросе, свое это или чужое, для постмодерна невозможна. Мы чувствуем присутствие новизны, но знаем, что ее в произведении нет, поскольку оно целиком и полностью обусловлено историческими рамками рассказываемой истории. Мы видим, что все уже было, что все это присутствует в нашем опыте, но новизна, отстраненность и потаенность — спутники чужого — все равно отражены в любом тексте. Онтологизм всегда проявляется в момент сотворения художественного произведения как атрибут акта творчества, как некоторый намек на возможность открытия смысла, но с пониманием того, что стало результатом творчества, он оборачивается глобальным историзмом, пониманием

растворенности в тексте культуры как пространстве своего.

Космологичность акта творения в искусстве нельзя оставлять без внимания, пеня на его бесперспективность и обреченность, на растворение в истории. Творение происходит непременно. Поскольку прежде чем нечто рассказывать о прошлом, нужно это прошлое восстановить в некоем новом виде. В тот момент, когда рассказчик к нему обращается, оно уже не существует как реальность, но лишь как след, воспоминание. Поэтому, несмотря на всю его определенность, мир прошлого требует сотворения, требует нового устройства силами автора. И автор, прежде чем создать произведение, вынужден в собственном сознании творить мир, который отразится в будущем произведении. Степень обустройства творимого мира во многом связана с историческим стилем, в рамках которого работает автор. Чем заботливее и уважительнее стиль относится к прошлому, чем более он осознает его непреходящую ценность, тем уютнее и подробнее будет обустроен в сознании автора описываемый мир. Это отразится в деталях и точности следования исторической картине. Чем более стиль будет уверен в своей самоценности и независимости от прошлого (уверен, как мы убедились, совершенно напрасно), тем более туманным, мистическим и размытым будет сотворяемый автором мир. Но тем ближе оказывается чужое к своему, а свое к чужому, тем больше шансов на их бесконфликтное существование в пространстве культуры.

М. В. Москалюк²

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА

Активный, стирающий многие существующие и вымышленные границы процесс глобализации достиг в экономической и политической области необратимых результатов. Но дискуссии на тему «свой–чужой» не только не теряют социогуманитарной актуальности, но и становятся все более острыми и глубокими по содержанию, все более многоплановыми. Искусство, как сфера духовной самореализации человека и способ образного переосмысления действительности, показывает нам яркий и сложный пример бытования оппозиции «свой–чужой». При этом история и современность искусства демонстрируют, что при кажущейся очевидности деление «свой–чужой» не является дихотомическим принципом. Слишком многое, воспринимавшееся современниками как чужое, непри-

емлемое, со временем становится своим. Например, произведения сибиряка Василия Сурикова вызвали полную обструкцию критики, выставки импрессионистов на Парижских салонах вызвали неутешительную реакцию публики. Сегодня же сложно представить что-то более традиционное и включенное в общемировое человеческое наследие.

Рассмотрение процессов перетекания «чужого» в «свое» в этих или других подобных примерах истории искусства для теоретического искусствоведения могло бы быть весьма продуктивным. Под углом бинарной оппозиции «свое–чужое», безусловно, могли бы вскрыться и новые грани постоянного взаимопроникновения культур: как, зачем, в каких формах начинает осваивать, репродуцировать, творчески трансформировать чужие по мировоззрению, религиозным представлениям, эстетическим предпочтениям художественные практики тот или иной творец? Например, как объяснить столь активное освоение Анри Матиссом, Пабло Пикассо и целым рядом выдающихся художников начала XX века африканского, китайского, японского, древнерусского художественного наследия?

Но сразу оговоримся, что обширную проблематику «своего и чужого» в искусстве мы сознательно сужаем

¹ Эко У. Указ. соч. С. 9.

² Директор Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова, профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, доктор искусствоведения. Автор ряда публикаций, в т. ч. книг: «Все, что в сердце. Художники Красноярья вчера, сегодня, завтра», «Художественная жизнь Сибири 1870–1920-х годов», «Русская живопись второй половины XIX века: идеал и реальность», «Суриков и русское искусство начала XX века» и др.; статей: «Проблема идеального в философии и искусстве», «Нравственно-эстетический аспект художественного образования», «Живописные метаморфозы» и др.

до практической задачи формулирования неких критериев, которые бы позволили аргументировать общечеловеческую ценность художественного произведения и с определенной долей вероятности предсказывать возможность перехода того, что сегодня находится в разряде непонятного, чуждого в нужное и свое. Актуальность данной задачи определяется тем, что в области современного искусства неизбежно наличие острейших споров. «Что такое хорошо и что такое плохо»? Где границы допустимого в авторском художественном высказывании? Что навсегда останется чуждым и неприемлемым, а что имеет шансы в восприятии потомков стать своим, обрести законное место?

К сожалению, подобные дискуссии ведутся не просто с кардинально противоположных позиций, но зачастую эти позиции вовсе никак не определены. Подчеркнем также, что данная проблематика относится не только к области художественной критики, которая со времени своего возникновения по сегодняшний день с почти одинаковой степенью убедительности может присваивать статус «шедеврального» или «провального» одним и тем же явлениям художественной жизни. В не меньшей мере она актуальна для понимания роли искусства в сохранении моральных ценностей, составляющих фундамент существования человеческой цивилизации.

Известно, что в художественном наследии есть достаточно большая группа работ, содержание которых выходит далеко за рамки общепринятой человеческой морали. Вспомним, например, мрачного фантаста, «почетного профессора кошмаров» нидерландца Иеронима Босха (ок. 1450–1516), ставшего в последние годы едва ли не самым популярным художником прошлого. Для нормального человека совершенно очевидна противоестественность, абсолютная чуждость предложенных им совмещений в одном персонаже человеческого и звериного, живого и мертвого, антропоморфного и машинного, физического совершенства и сексуальной извращенности.

Вершинами творчества великого испанского художника Франциско Гойи (1746–1828) вполне справедливо считаются такие циклы офортов, как «Капричос», «Тавромахия», «Диспаратес» («Причуды» или «Глупости»). Перенасыщенные интеллектуальными призраками листы будоражат наше воображение во многом благодаря выходу в сферу того мира жестокости, насилия, предательства, извращения, который на бытовом, каждодневном уровне существования человека абсолютно неприемлем, однозначно чужд человеческой цивилизации. И наконец, ярчайший в этом ряду пример — сюрреалист Сальвадор Дали (1904–1989). Среди самых известных его работ общепризнаны такие композиции, как «Великий Мастурбатор», «Податливое сооружение с вареными бобами (Предчувствие гражданской войны)», «Искушение святого Антония» и множество других, откровенно шокирующих своим содержанием. В беспредельной фантазии монструозных мотивов Дали идет дальше Босха и Гойи. Содержание тех визуальных образов, которые он предлагает зрителю, зачастую уже не перекладывается на вербальный язык и предстает отталкивающе чуждым.

Но вполне цивилизованные и добропорядочные граждане считают данных мастеров своими любимыми художниками, обращаются к их творчеству на протяжении всей жизни. Почему, за счет чего Босх, Гойя, Дали и другие мастера могут не только вторгаться в запретную зону, на которой человеческая мораль раз и навсегда поставила табу, но и предъявлять человечеству чуждое и запретное несметное число раз, закрепив его навеки на холсте немеркнущими красками, на бумаге штрихами и линиями?

Ответ однозначен. Одновременно с безобразным и Босх, и Гойя, и Дали с непостижимой полнотой и глубиной выразили красоту и богатство реальной действительности, при всех предельных аспектах содержания сохранили кипящее и волнующее ощущение жизни. Колористическая и композиционная красота творений Босха и Дали безупречна. Соотношения черного и белого, штриха и пятна, бархатистость фактуры офортов Гойи равно завораживают и профессионала, и любителя. Глубокие проникновения в сокровенные, запретные пласты внутреннего мира человека прочно спаяны в их работах с высочайшим уровнем художественности, который может быть достигнут только наличием гениальной одаренности и редкостным профессионализмом.

Итак, выход за границы человеческой морали в сфере искусства вполне допустим, и в истории искусства тому есть немало ярчайших примеров. Но убедительным и нужным человечеству такой выход будет только при условии, что он совершен по самым высоким законам искусства. Облаченное в эстетическую форму «чужое» перестает угрожать «своему», оно держит необходимую дистанцию, перестает быть опасным. Именно в визуальной художественной форме все запретные грани во внутреннем мире человека могут человеком же и переосмысливаться, переживаться, прорабатываться.

Неслучайно эстетические категории бинарны: прекрасное–безобразное, возвышенное–низменное, трагическое–комическое. Тревожно-беспокойный, галлюцинонизирующий, ирреальный мир, где находят свое воплощение тайные монстры человеческого сознания, воссозданный в безупречных художественных формах великих творцов и закреплённый в материальном мире в виде конкретных произведений искусства, как бы ни было это парадоксально, необходим для сохранения человеческой морали, для очищения и оздоровления человеческой души. Через идеальную художественную форму временно (процесс восприятия произведений искусства индивидом всегда имеет временные границы) снимается табу с абсолютно запретного в реальном человеческом бытии. Думается, именно таким образом, через искусство, через эстетическую форму, человечеству в целом и каждой конкретной личности в частности не только возможно, но и необходимо соприкасаться с «чужим». Освоенное через мир искусства, оно перестает быть тайным и страшным, следовательно, можно найти механизмы его распознавания, осознания, а значит, и регулирования. Появляется уникальная возможность приручения внутренних монстров, обуздания внутренних бесов. Так как опыт восприятия произведений ис-

куства всегда сугубо индивидуален, личностен, то подобное искусство позволяет обозначить и разделить «свое» и «чужое» в себе самом.

Но в опыте создания и восприятия художественных произведений есть трудноразличимая грань, переход через которую приводит к тому, что антиморальное, античеловеческое, однозначно «чужое» перестает осознаваться «чужим». Оно настолько красиво подано, что возникает соблазн его «присвоить» или хотя бы поиграть, позабавиться с ним. Почему такого соблазна нет при восприятии Босха, Гойи, Дали? Ведь весь кошмарный мир и у них изображается в безупречной эстетической форме, такой же как и изображение уникальных реалистических деталей или же зачастую идиллических в своей безмятежной красоте фрагментов пейзажей. Но при этом мир кошмаров у них остается миром ирреальным, абсолютно невозможным в действительности. Такое ощущение возникает из-за перенасыщенности, заостренности до предела художественной образности монстров воображения, смердящих серным запахом образов преисподней. Это намеренное рассмотрение «чужого» как бы под гигантским увеличительным стеклом, его концентрированность и сгущенность и являются неким маркером, который не позволяет окончательно разрушить границы между прекрасным и безобразным, возвышенным и низменным. Когда границы размыты до такой степени, что уже не считаются зрителем, антиморальное, античеловеческое вписывается художником в общую картину мира как изначально ей присущее, тогда эстетическое преобразование зла, его замаскированность красотой наносит непоправимый ущерб. В конце концов подобные творения в целях самосохранения исключаются человечеством из художественного наследия.

Следовательно, вторым критерием, позволяющим прогнозировать необходимость, жизненность произведения искусства, является его не разрушительный, а созидательный со стороны этических норм характер. Этот характер обуславливается наличием в самом языке, в образном тексте произведения таких приемов (в каждом случае индивидуальных, присущих только конкретному автору), которые помогают разделить «свое–чужое» в сконструированном по законам красоты мире. «Произведение искусства не только сообщает, информирует, но и провоцирует некую эстетическую деятельность читателя, зрителя, слушателя. Произведение искусства рассчитано в акте своего творения не только на пассивное восприятие, но и на активное соучастие», — писал Д. С. Лихачев¹. В этом процессе активного соучастия зритель и должен иметь возможность приобретать позитивный этический и эстетический опыт, исходя из нераздельного единства содержания и формы.

Далее в попытках определения критериев, позволяющих оценивать произведение искусства как необходимый не только их создателю, но и человечеству в целом опыт образного переосмысления действительности, опыт духовного познания и самопознания, обратимся еще раз к мысли Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В статье «Искусство памяти и память искусства» он констатирует: «Что давало каждому народу, например, обращение к национальным корням? Если это обращение не было продиктовано узким национализмом, стремлением огородиться от других народов и от их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо расширяло и разнообразило культуру данного народа, обогащало его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым. Обращение к старому, возрождение старого, сохранение его — это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории. Задержку в развитии создает не приверженность к истокам, а отказ двигаться вперед». И далее: «Ценность культуры прежде всего определяется тем, как она создавалась, какая в ней “заложена память”. Если культура создавалась путем накопления многовекового опыта, она не может быть низкой. Если она создавалась путем отрицания всего предшествующего, то это вообще не культура»².

Полностью разделяя данную позицию, хотелось бы заострить ее злободневность для современного художественного процесса. Искусство не создается из ничего. Предшествующий опыт техник и технологий, языка и формы, национального и интернационального в конкретной творческой практике может декларироваться как необходимый, важный или, наоборот, как отвергнутый, преодоленный, ненужный. Но вербальные декларации и визуальные образы отнюдь не являются кальками друг друга. Созданное в результате творческого акта произведение зачастую несет смыслы, которые сам автор предполагает скрытыми. Не забудем также, что произведение оживает, перестает быть предметом из определенного материала (краски и холста в живописи, металла, камня, дерева в скульптуре) только в диалоге со зрителем. Единственное условие диалоговоскрешения — процесс восприятия искусства. Само же восприятие есть такой же активный творческий акт созидания идеальных смыслов из реальной материи, как и акт создания данного произведения. Получается, что произведение всегда говорит само за себя, какую бы глубокую концепцию по его прочтению нам ни предлагали извне.

И именно здесь возникает проблема последующей включенности в человеческий духовный опыт таких современных художественных практик, как перформанс, хэппенинг, апт-арт и др. Конечно, современные цифровые технологии позволяют полноценно зафиксировать действие, претендующее называться визуальным искусством. Однако основной смысл подобных форм творчества — непосредственная вовлеченность зрителя в процесс. Видео же в дальнейшем просматривается как информация об имеющем место быть событии, со-творческого акта восприятия художественной акции при этом не происходит. В какой-то мере осознание данного факта очевидно и в происходящих изменениях современной нам художественной жизни. С начала 2000-х годов наблюдается новый поворот от процессуальности в сторону объекта и некое разочарование

¹ Лихачев Д. С. Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Блиц, 1999. С. 62.

² Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время : литературно-критический сборник / сост. Н. П. Утехин. Л. : Лениздат, 1984. С. 73.

в возможностях современных технологий для воплощения духовного опыта.

Выше мы адресовались к общепризнанным примерам подлинного искусства, вошедшего в число мировых художественных ценностей. В ряду Гойи, Босха, Дали вряд ли корректен следующий пример, однако позволим его себе. Акция Олега Кулика «человек-собака», его тридцатилетняя «зоофрения» (так он определил свое направление), стала достоянием не только российской, но и мировой общественности, так как в образе собаки он объездил Европу и Америку. Рассматривать акции Кулика в категориях искусства бессмысленно, нам необходимо лишь заострить внимание, как легко выдается «чужое» за «свое» в современном художественном процессе. Ведь арт-критика вокруг Кулика позиционирует его не просто гением, а именно истинно «русским художником». Вот короткие цитаты Марата Гельмана: «Олег стал самобытным художником, который в своем творчестве проявляет русский характер, русскую дикость. С одной стороны, он опустил человека до собаки, с другой стороны, продемонстрировал равенство человека и животного, основу русской этики». «Вот эта его обостренность на этических проблемах — истинно русская черта, и его юродство — тоже». К сожалению, не замечать подобные перевертыши нельзя, многими данные сентенции воспринимаются абсолютно серьезно. Поэтому мы и актуализировали необходимость присутствия профессиональных критериев в современном дискурсе об искусстве.

Подводя итоги, отметим, что прогнозировать возможность будущего произведения искусства, которые сегодня кажутся непонятными и чужими, можно только при наличии следующих условий:

— то или иное создание может считаться произведением искусства (следовательно, включаться в копилку общечеловеческого духовного опыта), когда оно обладает высоким уровнем художественной формы. Для изобразительного искусства это непереносимое наличие убедительных профессиональных композици-

онных, колористических, ритмических, пластических решений;

— произведение искусства может работать с любым, даже табуированным на уровне обыденного сознания содержанием, но это содержание в конечном итоге должно формировать высокие этические нормы, разделять добро и зло согласно вечным общечеловеческим ценностям. Когда содержание агрессивно негативное, исходя из инстинкта самосохранения, оно неизбежно будет отвергнуто во времени;

— при всех радикальных поисках современного языка выражения для воплощения нового содержания освоение мирового и национального художественного опыта, претворение традиции являются необходимыми условиями включенности произведения в будущем в сферу высокой культуры;

— духовные поиски творца обязательно должны быть облачены в такую материально-художественную форму, которая позволяет эмоционально многократно воспринимать ее независимо от времени и пространства создания.

В сфере искусства глобализация осуществилась давным-давно и многосторонне. Искусство тысячами успешно существует без языковых границ (не зная испанского, итальянского, арабского и сотен других языков, мы в полной мере постигаем великие создания мира). Кроме того, благодаря искусству мы легко преемлем и временные границы, ведь наскальные рисунки первобытных людей не менее ценны для нас сегодня, чем уже упомянутые шедевры Босха, Гойи, Дали. С другой стороны, существуя в общечеловеческих категориях этических и эстетических ценностей, именно искусство позволяет нам понять и почувствовать уникальность чужой культуры, индивидуальность чужой души, основы чужой религии. Таким образом, в глобальном масштабе оппозиция «свой–чужой» в искусстве продуцирует исключительно перспективный диалог, способствуя развитию человеческой цивилизации.

А. П. Назаретян¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В «ВЕК БИФУРКАЦИЙ»

Поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете.

Митио Каку. Физика будущего

Недавно в публичной дискуссии склонный к парадоксальным суждениям эрудит-«западник» доказывал, что Россия чуть ли не пустоцвет на древе человечества. Он рассуждал примерно так: в Англии произошла промышленная революция, итальянцы открыли электричество, и т. д., и т. п. «А чего не было бы в мире, если бы не было нашей страны?»

В аудитории преобладала неконформистски настроенная молодежь, и в ответ на риторический по интенции вопрос было неуместно рассказывать про Гагарина, Толстого и Айвазовского — на столь очевидные ходы в рукаве у оппонента наверняка имелись крапленые карты, так что спор грозил превратиться в досужую игру. Чтобы перехватить инициативу, требовалось что-то неожиданное, и, следуя сослагательной интриге вопроса, я ответил коротко: «Если бы не было России, не было бы XXI века»...

Ответ дан не в полемическом задоре — это результат многолетних исследований, сосредоточенных в последнее время в Центре мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН [2]. При углубленном изучении переломных вех истории и предьстории человечества обнаруживается, что в прошлом оно неоднократно находилось на грани гибели из-за накопившихся последствий собственной деятельности. Последний по времени глобальный кризис пришелся на XX столетие, и полвека назад никто не мог гарантировать его благополучное завершение. Анализируя общественные настроения 1960-х годов, мы видим, насколько малы были шансы планетарной цивилизации дожить до XXI века. И насколько велика заслуга СССР в том, что человечеству все же удалось выкарабкаться из-под военно-политических и экологических (связанных более всего прочего с массивными ядерными испытаниями) завалов середины прошлого века. В книге [2] показано также, что Октябрьская революция, ставшая катастрофой для России, дала мощный импульс прогрессивным социальным преобразованиям в «цивилизированных» странах.

Вопреки распространенным убеждениям новые глобальные угрозы отличны по содержанию от тех, которые удалось преодолеть в XX веке. Не обсуждая их здесь подробно, обратим внимание на одно из самых удивительных открытий начала XXI века. Во-первых,

в социально-исторической, биологической и космической фазах универсальной эволюции прослеживаются сквозные векторы, так что совокупная сложность Вселенной последовательно возрастала. Во-вторых, серия независимых расчетов, проведенных учеными разных специальностей в Австралии, России и США, показано, что на протяжении 4,5 млрд лет эволюция биосферы и общества ускорялась в соответствии с простой логарифмической формулой (которая, возможно, распространяется и на эпохи космической эволюции, непосредственно предшествовавшие образованию Земли и Солнечной системы). Ни космические и геологические катаклизмы, ни появление на Земле людей с их свободой воли и обильными безрассудствами не изменили эту преемственную тенденцию: временные периоды между глобальными катастрофами (с последующими качественными усложнениями биосферы и антропосферы) сокращались в убывающей геометрической прогрессии. При экстраполяции в будущее выяснилось, что около середины XXI века гиперболическая функция исчерпывается, то есть кривая обращается в вертикаль, скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами — к нулю (рис. 1). В математике это называют сингулярностью, за которой должна наступить фаза бифуркации — смена миллиардолетних тенденций.

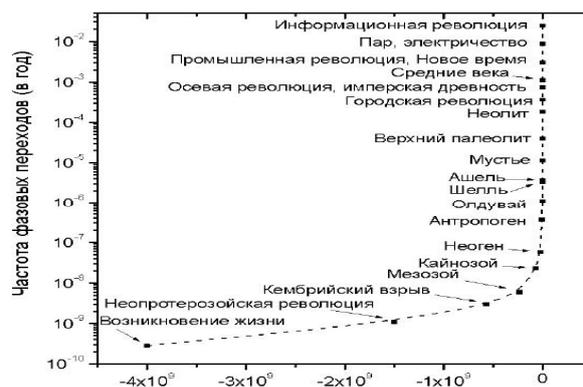

Рис. 1. Масштабная инвариантность распределения биосферных фазовых переходов во времени (по [3])

Ученые и философы обсуждают, какая же предметная реальность скрывается за этим математическим выводом [8]. По всей видимости, на горизонте грандиозный перелом в эволюции общества и природы на Земле, сопоставимый с появлением жизни. Согласно оценкам, полученным с использованием синергетических моделей и современных методов глобального прогнозирования, за этим могут последовать:

¹ Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук. Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории». Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы», «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии», «Нелинейное будущее» и др.

а) обвал планетарной антропосферы (простой аттрактор); б) временная стагнация на пике возможной сложности (горизонтальный странный аттрактор); в) прорыв в новую — космическую фазу эволюции (вертикальный странный аттрактор).

Принципиальная возможность третьего (прорывного) сценария теоретически показана в новейшей астрофизике и подтверждена моделями эвристики. В новейших естественно-научных публикациях подробно аргументируется вывод о том, что сознание представляет собой «космологически значимый факт» и перспектива развития Метагалактики определяется перспективой развития разума. Более того, имеются основания полагать, что эра спонтанного роста сложности Вселенной близится к завершению, и если дальнейшая эволюция в принципе возможна, то она может быть только сознательно управляемой. Но для этого требуется сознание, способное выдержать неограниченный рост инструментального потенциала: согласно закону техно-гуманитарного баланса именно рассогласование технологических возможностей с качеством культурно-психологических регуляторов всегда провоцировало антропогенные кризисы, катастрофы, а во многих случаях — саморазрушение социальных организмов, подорвавших природные и геополитические основы своего существования.

Таким образом, сценарии развития Земной цивилизации за порогом прогнозирования упираются в вопрос о том, успеет ли сознание выработать средства саморегуляции, соразмерные технологиям, развивающимся в режиме небывалого ускорения.

Стержневой глобальной проблемой XXI века становится дефицит смыслов. В стремлении заполнить смысловой вакуум люди обращаются к религиозным и квазирелигиозным идеологиям (конфессиональный, национальный и прочий фундаментализм), которые построены по ментальной матрице «они–мы», разделяя мир на своих и чужих, так что образ врага искони служил фактором групповой консолидации [4]. Между тем мир вступил, по выражению американского программиста, в эпоху «знаний массового поражения» [5]. С развитием науки новейшее оружие становится все более дешевым и доступным, выходя из-под контроля государств и «вменяемых» правительств. Размывающиеся грани между боевыми, производственными и обиходными технологиями, а также между состояниями войны и мира делают Землю как никогда хрупкой, зависимой от прихоти пассионарных вождей и отдельных технологически «продвинутых», но не обремененных грузом социальной ответственности провокаторов. При этих обстоятельствах условием сохранения планетарной цивилизации в XXI веке становится способность разума вырваться из оков макрогрупповой (конфессиональной, национальной, классовой и т. д.) идентичности и освоить стратегические смыслы, свободные от разобщающих идеологий.

Вот почему сегодня «национальные идеи» становятся эффективными в той мере, в какой они строятся не на патриотическом, но на космополитическом основании. А именно: что способна сделать та или иная

страна для обеспечения жизнеспособности планетарной цивилизации в ближайшие десятилетия.

Россия в текущем столетии имеет шанс стать для мирового сообщества столь же важным сохраняющим фактором, каким она послужила в прошлом столетии. Такая настоятельная потребность обусловлена напряжениями текущего исторического этапа.

Победа в холодной войне породила у западных лидеров эйфорию, чувство вседозволенности и безнаказанности, комплекс катастрофофилии, выражающийся иррациональным стремлением к «маленьким победоносным войнам». В 1990-х годах заметно снизился интеллектуальный уровень внешнеполитических решений. На смену своего рода гроссмейстерам, проводившим в 1970–1980-х годах блестящие комбинации, нацеленные на сохранение стабильности даже самых одиозных режимов (дабы избежать коммунистического проникновения) и сложившегося международного порядка пришли игроки пятого разряда, не умеющие просчитывать последствия дальше одного хода. Импульсивные действия, за которыми глубокомысленные экономические и политические обозреватели склонны усматривать далеко идущие планы, в действительности раз за разом оборачиваются проигрышем для их инициаторов и расшатывают устойчивость мировой политической системы.

В 2003 году мне доводилось писать об этом в американской печати [7], анализируя события в Югославии и Ираке, и с тех пор примеры драматически множатся. В самые последние годы провокации в Египте, Северной Африке, Сирии, Украине не только сопровождалась множественными человеческими жертвами, но и приводили к явно контрпродуктивным эффектам. Эпигоны из США, поощрявшие агрессивную толпу на Тахрире в 2011 году, не ждали, что «победа демократии» приведет к власти братьев-мусульман. Разжигая беспорядки на Майдане в конце 2013 года, американские политики и их европейские последователи едва ли стремились привести Украину на грань гражданской войны — они, как прежде, самоуверенно вмешались в события, не изучив страну и сложившуюся ситуацию...

Историко-психологический анализ показал, что подобная симптоматика («предкризисный синдром»), спровоцированная рассогласованием между технологической мощью и качеством регуляторов, обычно предшествовала кризисам и катастрофам. В частности, специалист по истории позднего Рима Сюзан Маттерн провела прозрачную параллель между действиями современных американских политиков и римских политиков в преддверие краха Империи [6]. Сегодня это чревато самоубийственными глобальными последствиями.

Вместе с тем крах биполярного мира вывел на поверхность террористические группы, пестовавшиеся оппозиционными военными блоками и затем одичавшие, как бездомные псы (экологи знают, что собачьи стаи, заняв нишу уничтоженных людьми волков, представляли еще большую опасность). При небывалой доступности новейших средств разрушения неуправляемый конфликт между религиозными фанатиками

и фетишистами западных форм демократии грозит обвалом планетарной цивилизации. В итоге дальнейшие исторические события будут развиваться в сторону «простого аттрактора», то есть к разрушению антропо- и биосферы.

Сегодня многое в судьбе цивилизации может зависеть от того, найдется ли своевременно надежный стабилизатор, обеспечивающий становление по настоящему многополярного мира. Таким стабилизирующим фактором имеет шанс стать сильная, трезвая и демократическая Россия, и использование этого исторического шанса могло бы составить мировоззренческую подоплеку новой «национальной идеи».

В российской культуре жива оригинальная традиция светского (то есть не замешанного на религиозно-идеологических конфронтациях) планетарного мышления, представленная космической философией. Ее провозвестник князь В. Ф. Одоевский изложил суть такого мышления наглядной схемой. «При всяком происшествии, — писал он, — будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке: 1-е, человечеству, 2-е, родине, 3-е, кругу друзей или семейству, 4-е, самим себе. Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели» (цит. по [1, с. 681]).

Выстроенная таким образом иерархия ценностей приоритетов сегодня впервые становится по настоящему исторически востребованной, и Россия может сделаться ее знаменосцем. Для этого, вместо заигрывания со средневековыми суевериями под предлогом «возвращения к истокам», следует ясно обозначить курс на укрепление технически мощного, независимого, прогрессивного и авторитетного государства. Воспитательная работа и политическая пропаганда должны апеллировать не к «патриотизму» и тем более не

к «православию» (все это безнадежно тривиализирует современные задачи), а к миссии трезвого модератора в игре политических амбиций на международной арене. Только в таком — над-идеологическом — контексте российская внешняя политика способна стать по настоящему перспективной и привлечь активных сторонников за рубежом, каковых во множестве имела советская политика в период расцвета интернациональной коммунистической идеологии.

Литература

1. *Медведев Ю.* «На границе грядущего с беспредельным» / Ю. Медведев // Русская фантастика XIX — начала XX веков. — М.: Правда, 1986. — С. 680–692.
2. *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании / А. П. Назаретян. — М.: Инфра-М, 2014.
3. *Панов А. Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI) / А. Д. Панов. — М.: ЛКИ, 2008.
4. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / Б. Ф. Поршнев // Историческая психология и социология истории. — 2010. — Т. 3, № 2. — С. 185–219.
5. *Joy B.* Why the future doesn't need us? / B. Joy // Wired. — 2000. — Apr. — P. 238–262.
6. *Mattern S.* Rome and the enemy. Imperial strategy in the Principate / S. Mattern. — Berkeley: Univ. of Caliph. Press, 1999.
7. *Nazaretyan A. P.* Power and wisdom: Toward a history of social behavior / A. P. Nazaretyan // Journal for the Theory of Social Behaviour. — 2003. — Vol. 33, № 4. — P. 405–425.
8. Singularity hypotheses. A scientific and philosophical assessment / A. H. Eden [et al.] (eds.). — Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2012.

А. А. Оганов¹,
И. Г. Хангельдиева²

МНОГОЛИКОСТЬ ИНАКОВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Проблема инаковости в современном мире и российском обществе как явления культуры заслуживает специального внимания со стороны представителей различных наук, и прежде всего культурологических. И как это принято в исследованиях подобного рода, следует начинать с уточнения ключевых понятий. Причины возникновения разного рода конфликтов довольно часто коренятся в различиях культур и цивилизаций. Различия трактуются как основания к развитию противоположностей, которые воспринимаются и оцениваются как полярности. К таким полярностям в культуре в целом и в российской в частности можно отнести понятие «инаковости». В научном обиходе оно равно применимо как на уровне культур, цивилизаций, многообразных социокультурных явлений, масштабных социальных общностей и групп, так и на уровне индивидов.

Как известно, понятие «инаковость» — производное от слова «иной», то есть неидентичный. В инаковости подчеркиваются отличительность и несходство. Иной — это своеобразная антитеза чему-либо или кому-либо, элемент двоичности, противопоставления: «я–не я», «свой–чужой», «мужское–женское», «плюс–минус», «черное–белое», «сырое–вареное», «богатый–бедный» и т. д.

В нашей культуре слово «иной» близко религиозным понятиям «инок», «иночество». Это слова из словаря старославянского языка. Лингвисты и знатоки древнерусского языка отмечают, что «инок» является калькой с греческого monachos, что в буквальном смысле означает «живущий в одиночестве».

В современной православной традиции инок еще не монах в традиционном смысле слова. Инок — это человек, который решил стать монахом. Монашество для него иная форма бытия и служения вне мирской жизни. Инок — человек, еще не принявший постриг,

но стремящийся к нему и пытающийся уйти из мира светского в мир духовно-религиозный с другой системой координат в оценке духовно-нравственных смыслов. Инок по сути уже не мирской, но и еще не монашеский. Он только на пути к своей цели. У него есть возможность вернуться в мирское пространство, пока не осуществлен постриг и не дано новое имя. Но и в такой трактовке инок воспринимается как некая антитеза обычным нормам бытия.

Далее в данном контексте инаковость, чуждость и другость будут рассматриваться как синонимы. Это не случайная ремарка, так как в концепциях различных исследователей эти понятия стихийно разводятся. Так, у К. Юнга «чужой» — враждебная антитеза «своему», начиная с древнейших архетипов, а у М. Бахтина иной — это другой, который не отторгается как чуждый, а притягивается, так как становится интересным в силу своей инаковости. Думается, что данные понятия могут быть разведены и их специфичность аргументирована, но здесь это не является принципиальным.

Инаковость — явление универсальное и вечное. Она проявляется как общечеловеческая характеристика. Если довести интерпретацию чуждости до логического конца, то она практически становится характеристикой любого человека в силу его единичности и уникальности. Но достаточно часто она интерпретируется как нечто из ряда вон выходящее, подчас нездоровое, отталкивающее, несущее отрицательные коннотации. Но по сути другость — это качественная характеристика чего-либо или кого-либо, которая подчеркивает ее отличительность и несовпадение с другими. Совпадение в контексте культуры — это нонсенс, тождественными, и то только по внешним признакам, могут быть близнецы, но в сущности и они будут не идентичны, так же как и те, кто в будущем может быть клонирован. Внешнее сходство не есть признак сходства внутреннего.

Инаковость многообразна. Ее можно дифференцировать на разные типы, в частности:

- природную;
- социокультурную;
- объективную и субъективную;
- внешнюю и внутреннюю;
- случайностную и необходимую;
- явленную и сущностную;
- поколенческую и пр.

Природная инаковость характеризуется как натурально-естественная. К данному типу инаковости следует относить врожденные различия, например расового или этнического свойства, передающиеся по наследственному коду. С расовой точки зрения в человечестве принято выделять три наиболее общих классических типа расового деления: европеоиды, негроиды, монголоиды. В мире тысячи этносов, среди которых есть относительно крупные этнические группы, которые имеют значительные отличия. Например, славяне, арабы,

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 150 научных работ, в т. ч. монографий: «Логика художественного отражения», «Теория отражения и искусство», «Произведение искусства и художественный образ», «Творчество и развитие культуры», «Философия культуры и искусства» и др. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы» и медалью «Шувалов» Российской академии художеств.

² Декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор около 200 работ, в т. ч. монографий: «Музыка: театр, кино, телевидения», «Взаимодействие и синтез искусств», «Музыка в синтетических видах искусства», «Культура и рынок: современные тенденции», «Прикладная культурология», «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» и др. Главный редактор тетради «Культурология» в сборнике научных трудов «Тетради Международного университета в Москве», ежегодника «Прикладная культурология: предпринимательство в культуре», член редколлегии электронного журнала «Медиамузыка». Член Комиссии по малому и среднему предпринимательству Федерального собрания РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

китайцы, индусы и т. д. Эти расы и этносы имеют явные несовпадения по внешним признакам.

Социокультурная инаковость вторична по отношению к природному началу, часто она достигается сознательным путем. В подобном случае человек ставит себе цель измениться и достичь эффекта «белой вороны» в силу определенных причин, которые для него являются чрезвычайно важными. В качестве примера можно привести такие социокультурные явления, как уже упомянутое иночество, ересь, диссидентство, культуру андеграунда, разнообразные субкультуры, разнообразностью которых можно считать и контркультуру. Все указанные культурные феномены актуализуются сознательно через целеполагания.

Субъект в социуме отстраивается от себе подобных по разным поводам, причинам и разными средствами. Часто основной мотив подобной отстройки — это желание человека не быть похожим на повседневное его окружение и исповедовать иные ценности. Каждый из приведенных примеров в том или ином случае акцентирует именно позицию несхожести и антитезности. Можно вспомнить распространенные ранее субкультуры хиппи или панк-культуру, более поздние субкультуры готы, анимешников, ванилик и многих других. Для подобных субкультур характерны эпатаж, вызов общественным традиционным ценностям, транспарантная приверженность новому образу жизни и стилю поведения. Это — форма эскапизма, протестных настроений, неудовлетворенности. В результате люди объединяются в локальные группы на основе единых ценностей, и эти группы начинают функционировать по собственным правилам.

Культурная среда в отношении инаковости может являться объективным фактором становления человека. Среда могут быть весьма разнообразными и по отношению к инаковости. В одной среде инаковость отторгается, к ней относятся враждебно, как на уровне природной, так и социокультурной, в другой среде такая же инаковость поддерживается.

Субъективно инаковость может гипертрофироваться или, наоборот, нивелироваться. Субъект может осознавать собственную инаковость, но вписывать ее адекватно в процессы социализации и инкультурации. В истории культуры можно найти много примеров, когда носитель инаковости осознавал ее как явную жизненную проблему, но преодолевал ее силой собственных усилий и воли. Такие люди, как правило, могут заслуженно снискать общественное признание. Иногда же субъект не способен это сделать даже с помощью других.

Осознание своей другости для многих является процессом весьма болезненным, сложным, длительным, требующим больших духовных затрат, не только собственных, но и сторонних. Сторонний круг очень часто ограничивается ближайшим пространством (эффект вытянутой руки), что крайне ограничивает динамику и эффективность процессов инкультурации и социализации, которые в некоторых сложных случаях проходят практически заново.

Внешняя инаковость считается сразу и является признаком явного отличия. Внешняя несхожесть может быть не только яркой и явной, обращающей на себя внимание, но и являться как природной, так и социокультурной.

Внутренняя инаковость — это инаковость скрытых форм, для понимания и осознания которой требуются время и определенная установка. Случайностная инаковость — это отличие, которое может возникнуть спонтанно и просуществовать недолго. Инаковость положения и обстоятельств, инаковость закономерная детерминирована рядом объективных факторов, полное преодоление которых практически невозможно.

Инаковость явленная характеризуется различными формами закрепления во внешних конфигурациях. Сущностная инаковость — это инаковость внутреннего мира человека, не зависящая от всех других форм инаковости, отличающая одного человека от другого.

Что касается поколенческой инаковости, то резкий скачок цивилизационного прогресса, запустивший процесс тотальной глобализации и всеобщего распространения информационно-коммуникативной сети, явил собой эпоху кардинальных перемен во всех сферах человеческого бытия, включая пространство культуры поколений. Применительно к постперестроечной российской действительности без преувеличения можно сказать: «Распалась связь времен». Современное поколение, которое совершенно неслучайно называют «поколением www», родилось в одной руке с компьютерной мышкой, а в другой — с мобильным смартфоном или планшетом. Электронные гаджеты и самые различные приспособления драматично отделили друг от друга поколения отцов и детей. Скачкообразная культурная метаморфоза усложнила вхождение старшего поколения в новую реальность. Сегодня уже в пору говорить о нем как о «потерянном поколении».

Проблема инаковости и другости заслуживает обстоятельного изучения в широком контексте глобальных социокультурных перемен.

И. В. Палагута¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В АРХАИЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В археологии и истории первобытных обществ в течение XX века сложилась серия стереотипов об относительно мирном развитии архаических обществ, своеобразном «золотом веке». Оно утвердилось в науке благодаря трудам американской исследовательницы М. Гимбутас, представившей культуры неолита и энеолита Европы, развивавшиеся в VII–III тыс. до н. э. как «цивилизацию Великой Богини»². Такой взгляд сложился преимущественно на основе впечатления от их искусства. Оттолкнувшись от факта доминирования в мелкой пластике женских статуэток, изображение исследовательницы увязало с ним господствовавшие в эволюционизме XIX века идеи матриархата с связанными с ним представления о том, что изначальные формы религии должны быть связаны с культом Великой Богини плодородия, Богини-матери (заметную роль здесь сыграли реконструкции Дж. Фрэзера и Р. Грейвса³). Аналогичные идеи, высказанные академиком Б. А. Рыбаковым⁴, долгое время господствовали и в отечественной науке.

Однако в последние годы стало очевидно, что подобные представления требуют серьезного пересмотра.

Первые достоверные свидетельства актов вооруженного насилия засвидетельствованы в обществах охотников и собирателей позднего палеолита⁵.

Сложившаяся напряженная военная обстановка в эпоху перехода к производящему хозяйству в обществах ранних земледельцев и скотоводов Ближнего Востока наглядно иллюстрирует возникновение там первых оборонительных сооружений еще в VIII–VII тыс. до н. э. (Иерихон, Хаджилар, Телль-Магзалия, Телль-эс-Саванн и др.).

Не являются исключением и раннеземледельческие культуры Европы, ставшие объектом реконструкций М. Гимбутас. На это указывает традиция возведения оборонительных сооружений, возникшая на юго-востоке Европы с появлением первых земледельческих поселков в VI тыс. до н. э. (Неа Никомедия, Сесккло, Димини, Отзак в Греции; Овчарово, Голямо Делчево,

Виница в Болгарии и др.)⁶. С расширением земледельческого мира строительство оборонительных сооружений распространяется в регионы Нижнего и Среднего Дуная, в Карпатском бассейне, а с формированием культуры Триполье-Кукутени в конце V тыс. до н. э. — к востоку от Карпат, на территориях современных Молдовы и Украины.

Судя по ряду имеющихся данных, военные столкновения в эпохи неолита и медного века зачастую вели к тотальному уничтожению конкурирующих сообществ. Это также прекрасно иллюстрируют археологические источники по неолиту и медному веку Европы. Раскопки слоев рубежа V–IV тыс. до н. э. (культуры Гумельница) теллей Юнаците в Болгарии и Пьетреле в Румынии представляют яркие картины сожженных поселений с разбросанными по ним останками их жителей. Примечательно, что следы массового истребления целых коллективов присутствуют не только в плотно заселенных областях Юго-Восточной Европы, но и в относительно менее плотной зоне расселения носителей неолитической культуры линейно-ленточной керамики в Центральной и Западной Европе⁷.

Необходимо отметить, что археологические и этнографические материалы из других регионов мира представляют достаточно много аналогичных примеров⁸. Их вполне можно сопоставить и с данными древних письменных источников. Достаточно привести в качестве примера «Книгу Иисуса Навина», где подробно описан процесс захвата территорий с тотальным уничтожением обитавшего там населения. По всей видимости, истребление сообществ-конкурентов является характерной чертой военных конфликтов в наиболее ранних комплексных обществах. А предположение о том, что в доистории человечества существовали периоды без войн, является всего лишь иллюзией.

В определенный момент война здесь становится одной из форм специализированного ремесла, особой отраслью производства, где необходимые ресурсы добываются путем регулярного ограбления соседей. Такую систему, когда военные походы регулярно проводятся осенью, после созревания урожая, описывают источники по ранней истории Рима (Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский). Однако условием ее функционирования является сложение относительно плотной и устойчивой системы земледельческого расселения с достаточной высокой производительностью ресурсов.

По-видимому, в доистории Европы этот рубеж обозначается в энеолите — раннем бронзовом веке

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Искусство Древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)», «Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites», «Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.», «“Technical decoration” of the Tripolye Ceramics», «Элементы “технического” орнамента и проблемы интерпретации декора керамики Триполье-Кукутени» и др.

² Русский перевод работы 1991 года см.: Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006.

³ См.: Hutton R. The Neolithic Great Goddess: a study in modern tradition // *Antiquity*. 1997. № 71. P. 91–99.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

⁵ Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 311–332; Vencl S. Stone Age Warfare // *Ancient Warfare. Archaeological Perspectives* / ed. by J. Carman and A. Harding. Stroud, 1999. P. 57–72.

⁶ См.: Палагута И. В. Мир искусства // Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э. СПб.: Алетей, 2012. С. 69–75.

⁷ Chapman J. The Origins of Warfare in the Prehistory of Central and Eastern Europe // *Ancient Warfare. Archaeological Perspectives*. Stroud, 1999. P. 101–142. Поселение эпохи медного века на Нижнем Дунае / С. Ханзен [и др.] // *Stratum plus*. 2011. № 2. С. 17–88; и др.

⁸ См.: *Ancient Warfare. Archaeological Perspectives*. Stroud, 1999.

(IV–III тыс. до н. э.), когда появляются специализированные формы оружия, используемые не для охоты, а в конфликтах между человеческими сообществами, — каменные боевые топоры-молоты и бронзовые кинжалы.

Следующий этап обозначает на рубеже III–II тыс. до н. э. распространение боевых колесниц с конной запряжкой. В социальном плане он связан с формированием воинской аристократии. Мнение об относительном мирном развитии первой европейской — Мinoйской — цивилизации, складывающейся в этот период в Эгейском бассейне, утвердившееся на основании впечатлений от ее искусства, может быть обманчивым: голландское искусство XVII века создает то же впечатление, но создавалось оно на фоне череды кровопролитных войн¹. Здесь — та же иллюзия, которая породила и миф о «цивилизации Великой Богини».

По всей видимости, характер ведения войны существенно меняется с формированием государств, когда во главу угла ставится не борьба за территории, а парал-

лельное вовлечение в систему эксплуатации все новых масс населения. Такой принцип, реализованный еще в первых древневосточных государствах, двигавший также и римскими завоеваниями, лежал в основе завоевательных войн вплоть до начала XX столетия. Вершиной его стало формирование колониальных империй, созданных странами Европы, доминирование «мира-экономики» которой наметилось еще с XV–XVI веков.

Значительные изменения происходят после двух мировых войн (1914–1918 и 1939–1945 гг.), когда становится очевидным, что захват территорий оказывается неэффективным и убыточным из-за издержек в процессе их удержания и контроля над проживающим там населением. Это показал последовавший вслед за Второй мировой войной крах мировой колониальной системы. Гораздо более эффективной является эксплуатация природных и человеческих ресурсов стран с контролируемыми политическими режимами. Однако особенности функционирования этой системы лежат уже вне поля представляемого доклада.

О. В. Плебанек²

«ЧУЖОЙ–СВОЙ» И «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1. Концепт Чужого восходит к авторам, разрабатывающим методологию анализа Другого. Этому феномену посвятили свои работы Б. Вальденфельс, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Э. Левинас, Ф. Ницше, П. Рикер. Симптоматично, что феномен Другого привлек к себе внимание на излете позитивистской социологии. Классическая научная парадигма вообще не предполагала наличия более чем одного наблюдателя, и позиция Другого не могла появиться в поле классической социологической мысли. Поэтому в социальном знании познающий субъект рефлексировался как безличный, универсальный наблюдатель, а само социальное знание мыслилось как объективное и рациональное.

2. Феномен Другого появляется в пространстве науки в связи с двумя обстоятельствами — онтологическим и гносеологическим. Если классическая социология формировалась как наука в русле европейского дискурса, на базе европейской эмпирики и для обслуживания европейского социума, то для возникновения понимающей социологии потребовались коренные изменения самого объекта познания — социальной реальности. Вовлечение в мир-систему западных общественных систем в конце XIX — начале XX века обнаружало несоответствие процедур субъект-объектных

отношений в процессе познавательной деятельности в социальной сфере реальным (субъект-субъектным) отношениям и процессам. Появление инокультурных самодостаточных систем на арене социокультурных взаимодействий не могло не отразиться введением нового концепта — помимо Универсального наблюдателя, и даже взамен Универсальному наблюдателю появляется Другой как способ познания себя.

3. Переход к неклассическим принципам познания легитимировал рекурсивный способ познания социальных объектов, при котором Чужой (как объект Универсального наблюдателя) вглядывается в Универсального наблюдателя как Чужого. Эта линия в социальных исследованиях стала активно развиваться в связи с возникшей проблемой самоопределения и самоидентификации во взаимодействующем мире. Симптоматично поэтому, что импульс новых подходов в социальном знании исходил от исследователей, представляющих как раз западные системы (Э. Саид, Ф. Фанон, Г. Спивак и др.). Ситуация, потребовавшая новых подходов в социальном знании, характеризовалась нарастанием дизъюнктивных процессов: в отличие от предыдущих эпох, когда рост доминирования западноевропейской цивилизации практически не встречал противодействия, в означенную эпоху геополитические субъекты нуждались в демаркационных средствах, одним из которых стал концепт Чужого.

4. Завершение организационного оформления геополитических субъектов знаменовалось объявленным столкновением цивилизаций, которое на практике так и не случилось. Обнаруженные автором «столкновения», «горячие» разломы довольно быстро перестали быть войной цивилизаций. Война всех против всех (цивилизаций), объявленная Хантингтоном, не состоялась,

¹ Weingarten J. War scenes and ruler iconography in a Golden Age: some lessons on missing Minoan themes from the United Provinces (17th c A. D.) // Polemos. Le contexte guerrier en Égée à l'Age du Bronze. Actes de la 7 rencontre Egéenne internationale. Université de Liège, 14–17 avril 1998. Liège, 1999. P. 347–359.

² Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное познание: субъективизм versus субъектность», «Постнеклассическая классика социального познания», «Сознание и культура в естественно-научной картине мира» (в соавт.), «Культура — классический объект постнеклассического знания», «Парадигмальные основания анализа социальной реальности» и др.

потому что дали о себе знать более сложные связи. Мир больше не делится на «свой–чужой». Обнаружилась система сложных взаимодействий, в которой уже недостаточно дихотомии. Поэтому современные цивилизационные и межкультурные взаимодействия могут быть обозначены как система «чужой–свой — свой–чужой». В этой системе геополитические и социокультурные субъекты устанавливают связи с Другим по принципу «чужой–свой», выбирая в качестве партнера из стана «чужих» комплементарных по каким-либо признакам субъектов.

5. Комплементарные взаимодействия имеют онтологические источники в механизме кооперации, который предполагает, что кооперироваться (интегрироваться) могут только системы, находящиеся относительно друг друга в дополнительных отношениях, так как подобные (одноклассовые) системы могут только конкурировать. Онтологическое содержание социальных взаимодействий потребовало смены гносеологических оснований социальных исследований, в связи с чем в социальном знании легитимировался принцип постнеклассического познания — принцип дополнителности.

6. Сложная геополитическая и социокультурная картина со многими игроками, сменившая двуполярную систему, реанимировала стереотип восприятия Другого, характерный для эпохи рождения мир-системы. Рождение христианского мира не просто раскололо мир на европейский (христианский) и неевропейский. Самоорганизация на религиозной основе и самоопределение в сочетании религиозной и цивилизационной самоидентификации привели к появлению максимы «ренегат — больший грешник, чем язычник», то есть отступник (бывший свой) — больший враг, чем враг (актуальный чужой). В современную эпоху сложных многополярных отношений необходимость искать союзников по принципу дополнителности (комплементарности, разнородности) привела к тому, что «свой», находящийся в конкурентных отношениях, стал восприниматься как «свой–чужой», который к тому же больше «чужой», чем «чужой–свой». Именно такой стереотип восприятия «своего–чужого» и «чужого–своего» в настоящее время ставит непреодолимую преграду между близкими и родственными народами, что провоцирует в современности не столкновение цивилизаций, а «растрескивание» геополитических целостностей.

М. Р. Проскуряков¹

ОБРАЗ «ВРАГА» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Оппозиция «свой–чужой» является основополагающей в характеристике сложных, социальных и политических объектов в периоды кризиса и войны. Данная антитеза создает возможность представления идеологии как противопоставленных друг другу контрарных начал. В сфере политических и социальных исследований она обладает значительным методологическим потенциалом, применима в развернутой и всеобъемлющей форме для интерпретации концептуальной картины мира, разорванной географическими рамками, идеологией, политическими противоречиями.

Оппозиционность и агрессивная противоречивость политических идей начала XX столетия нашли выражение в масштабном дискурсе, представленном в чередовании кровавых событий и политических текстов. Для политической действительности России XX столетия именно оппозиция «свой–чужой» послужила универсальным механизмом развертывания социальных и культурных смыслов. Исследователи революционной и советской эпох назвали совокупность идей и событий, воплощенную в текстах, дискурсом.

Дискурс — речь, погруженная в жизнь, сами политические идеи и создаваемые ими события революции и Гражданской войны. Понятие дискурса возникает именно в связи с событиями и смыслами периода социальных революций и катастроф. Главным свойством дискурса как политического явления называют оппозиционность, поскольку противоречие между «своим»

и «чужим», соратником и врагом является основным механизмом порождения политических событий. Такая тотально идеологическая модель дискурса оказывается успешной, например, при интерпретации дискурса СМИ военного времени, не имеющего аналогов по концентрации фактов оппозиционных отношений.

От подготовки октябрьского переворота и до сложения Советского государства технология «образа врага» стала источником политических событий и культурных смыслов эпохи. В различных системах социального устройства с успехом применялась формула «разделяй, властвуй». Данная технология позволила многократно усилить и ускорить действия политического переворота и в царской России.

Поиск и уничтожение врагов внутри страны лавинообразно увеличивали количество «своих», сторонников, поскольку основной политической задачей охоты на врагов является не уничтожение и подавление несогласных, а существенное и интенсивное увеличение числа лояльных. Приблизительно известно количество жертв Гражданской войны, террора, политических репрессий. Однако не сосчитаны те, кто присоединился и выжил, став «своим».

Дискурс Гражданской войны еще «не остыл», сохраняет колоссальный эмоциональный заряд смертной боли и ненависти миллионов русских людей. Попытка осмыслить забытый опыт борьбы и гибели — едва ли не самый важный результат современной исторической и философской мысли. Ее выводом стало представление об «образе врага» как универсальной технологии дискурса и любой оппозитивности как свойстве

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУ, доктор филологических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Смысл текста как самоорганизующаяся система», «Концептуальная структура текста» и др.

идеологии, проявляющемся в отношении неприятия/прятия с позиций противодействия. К подобным выводам приходят и те, кто начал осмысливать сравнимые с трагедией Гражданской войны последствия перестройки.

Марксизм — всего лишь колоссально успешная спин-технология. Политический террор и классовая борьба стали технологией устрашения, позволившей добиться легитимности диктатуры. Собственно, все учение Маркса, доработанное большевиками в увлекательной и прагматичной форме, есть описание поиска, опознания и уничтожения врага. Поиск, опознание и уничтожение врага стали для советского человека повесткой дня, а для советского государства — наиболее эффективным способом поддержания легитимности диктатуры. Обнаруживая, узнавая и уничтожая врагов, человек XX века становился все более лояльным и устрасшим. По мере роста страха и лояльности исчезли многие свойства души и признаки российской культуры. Страх и уничтожение «чужих» позволили создать миллионы «своих».

В конце прошлого столетия с изменениями в российской действительности технология «образа врага» устарела, и ей на смену пришли более современные «гуманные» спин-технологии. В начале 1990-х годов в политическом процессе новой России мы еще наблюдали инерцию применения «образа врага» в чистом виде. Политики тех лет использовали эту технологию в противопоставлениях «мы—они», «свои—чужие», «наши — не наши», «враги—друзья», поляризуя картину мира. Политический дискурс 1990-х отдаленно напоминает дискурс революционной России начала XX века именно присутствием антиномий, противоречивых, борющихся идей и творческих решений.

Уже с начала 2000-х годов мы наблюдаем плавное выравнивание политического дискурса, который становится все более единообразным и аморфным.

Следует отметить, что технология создания «образа врага» является по преимуществу атрибутом военного времени, предполагает эскалацию конфликтных стратегий на всех уровнях внешней и внутренней политики. Данная технология в наши дни используется как составная часть формирования геополитического процесса.

В сфере внешней политики Россия не применяет слово «враг» по отношению к другим участникам мировой политики. Даже слова «конкурент» или «оппонент» не применяются к давним «врагам» России. В критические моменты международной политики, в ходе острого противостояния Россия, называя своих оппонентов, пользуется термином «партнер». Геополитические векторы противопоставления «свой—чужой» проходят через регионы, по которым возможен транзит углеводородов с Ближнего Востока и из Средней Азии на европейский рынок. Стоит наложить политическую карту «оранжевых революций» на карту месторождений и маршрутов нефте- и газопроводов, и все становится ясно. Основная ось дискурса борьбы пролегает через страны, по которым возможна или осуществляется транспортировка энергоресурсов в страны Евросоюза.

Технология создания «образа врага» входит в пакет услуг «оранжевых революций», ставших международным геополитическим проектом. Россия не вмешивалась в события политических переворотов и смены власти в Сирии, Грузии, Турции, Югославии, Ливии, Египте, однако, очевидно, и не считала данные политические события направленными против своих интересов. В большинстве случаев последствия «оранжевых революций» не ослабляли эти позиции, а лишь перераспределяли и проясняли сферы влияния в регионах. Таким образом, «оранжевые революции» представляют собой механизм тактического перераспределения контроля ресурсов. Кто бы ни инициировал передел политической власти в ходе «оранжевых» переворотов, чьими руками ни выполнялся бы этот передел — в его результатах всегда заинтересованы несколько разнонаправленных сил. Россия и США — враги в недавнем прошлом, как это ни удивительно, сегодня находят общий язык в выстраивании новых осей геополитического влияния.

Возможно, сегодняшнее «партнерство» через десятилетия обернется противостоянием, но пока интересы России представлены в «оранжевых» странах. Данное предположение подкрепляется недавними событиями на Украине. «Свои» и «чужие» политические силы существуют в этом регионе уже столетия без каких-либо перспектив найти общий язык. Разделенная мощным тектоническим разломом между Западом и Востоком, Украина никогда не была устойчивым политическим образованием. В условиях кризиса поддерживать целостность этого государства стало невозможно. Кроме того, система транспортировки и распределения энергоносителей превратилась для Украины и некоторых европейских государств в основной инструмент противостояния интересам России. Созданная в годы холодной войны украинская система газо- и нефтепроводов морально и технологически устарела, стала для России камнем преткновения на пути к европейским рынкам. Газовые проекты минувшего и текущего десятилетий, в которые Россия вложила сотни миллиардов, создали более эффективные, дешевые пути. Судьба Украины была предрешена уже несколько лет назад. События последних месяцев — Евромайдан — были призваны в мягкой, ненасильственной форме перераспределить сферы влияния России, США и европейских государств в регионе. Однако вмешательство некоторых маргинальных политиков в государственный переворот послужило катализатором гражданской войны. Как можно наблюдать на определенных примерах, «оранжевые революции» применяют технологию «образа врага» на короткий промежуток, в локализованном политическом пространстве, для реализации относительно точных «хирургических» вмешательств и являются, по сути, альтернативой гражданской или мировой войне. Внешняя нейтральность России к происходящим событиям мировой политики является следствием продуманной и успешной геополитической стратегии.

Успешная внешняя политика, позволившая России сосредоточить значительные финансовые ресурсы, вылилась в серьезные неудачи в государственном строительстве и модернизации экономики. В современной

политике нет «своих» и «чужих», легитимная власть не имеет врагов. В борьбе с нелояльными олигархами в начале минувшего десятилетия ни один из них не стал «врагом государства», не был признан политической силой или авторитетом.

По сути, минувшее десятилетие ознаменовалось незаметным переделом собственности олигархических элит. В ходе огосударствления экономики нелояльные регионы, финансовые группы и бизнесы получили новых руководителей (по преимуществу военных) и новые векторы развития. Этот передел не всегда проходил мирно, но ни один из его участников так и не стал врагом, соперником, политическим оппонентом. Напротив, о большинстве никто так и не узнал, а самые непокорные были повержены на поприще, которое считали для себя наиболее успешным и безопасным. Сегодняшний бизнес демонстрирует лояльность легитимной власти во всех государственных начинаниях.

Получив колоссальные средства на модернизацию экономики и социальной сферы, государственный аппарат сам стал распределителем и потребителем этих ресурсов. Когда отяжелевшая бюрократическая структура потеряла возможность роста внутри экономических псевдопроектов и определенных законом границ, бюрократия начала экспансию в социальную сферу. Примером может служить система образования, которую бюрократия поглотила, сделав государственные университеты частью правительства и уничтожив сотни вузов под предлогом оптимизации. Следующими в орбиту бюрократической экспансии попали СМИ, которые, утратив большинство журналистских функций, стали выполнять задачи государственного подразделения по связям с общественностью.

Создание «образа врага» создает существенные пробелы в генетической памяти. Наши деды и прадеды, остро ненавидевшие друг друга на полях Гражданской войны, не передали свою ненависть потомкам: современное поколение равнодушно и к «господам офицерам», и к «комиссарам в пыльных шлемах». Однако Гражданская война начисто стерла память сословной принадлежности. Современник не знает себя в пределах двух-трех поколений, и некому рассказать ему

о «своих». История российской культуры как научная дисциплина напоминает бульдозер на старом кладбище.

В современном информационном пространстве отсутствует необходимость применения «черно-белых» технологий прошлого. «Свои» и «чужие» опознаются с помощью методик исследования массовых аудиторий. Такие системы анализа массовых аудиторий, как «Google Analytics» или «Яндекс-метрика», позволяют с абсолютной точностью определить содержание интересов, политических убеждений, поведенческих предпочтений и других параметров. Мир перестал быть черно-белым, и для каждого из многих оттенков есть свой Facebook и свой Майдан.

Технология исследования портретных изображений «Google Faces» позволяет, загружая в компьютер «лица», искать подобные или идентичные среди изображений, хранящихся в Интернете. Исследование фотографий дореволюционной России фактически не выявляет сегодняшних соответствий: предъявляя фотографии современников, можно найти сотни похожих и подобных, фотографии же людей начала прошлого века система не ассоциирует ни с кем. Вероятно, этот фотографический дискурс с изображениями аристократов, князей, купцов, офицеров, крестьян, солдат, чьи лица преисполнены внутренним достоинством, уверенностью, благородством, — единственное, что осталось от тех, кого культурный современник желал бы назвать «своими». Стертые через несколько лет Гражданской войны эти лица — редкий культурный опыт опознания и созерцания «своих».

Напротив, только тот «образ врага», который возникает вне родной культуры, может передаваться по наследству, храниться в культурной памяти десятилетия. Так, некоторым россиянам знакомо беспричинное чувство страха перед немецкой речью, чужие образы горящих городов и разрушений, чувство горя и утраты из другого времени, из опыта ушедших близких. Война создает «образы врага», которые могут дремать многие десятилетия и стираются лишь новой войной: «И часто, спеша к трамваю / Иль над книгой лицо склоня, / Вдруг слышу ропот огня — / И глаза закрываю» (В. Ф. Ходасевич).

В. Ш. Сабиров¹,
О. С. Соина²

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И МЕОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ЗЛА

В решении вопроса о природе зла и его онтологических основаниях исторически сложились две религиозно-этические традиции.

Согласно манихейству — религиозному течению, возникшему в III веке в Персии, весь мир расколот на две враждебные силы, два противоположных принципа бытия: добро и зло, свет и тьму, Бога и дьявола. Развитие мира есть следствие борьбы этих сил. Две основополагающие идеи составляют суть манихейства: во-первых, онтологический дуализм; во-вторых, субстанциональность не только добра, но и зла. Христианская традиция стоит на принципиально других духовно-этических основаниях: на онтологическом монизме и отрицании субстанциональности зла. По христианской версии мир един, он есть творение Всемогушего и Всеблагого Бога, порождение Абсолютного Добра. Зло же есть следствие отпадения от Добра, а Дьявол — падший ангел, у которого сохраняется шанс вернуться к Богу через акт свободного выбора добра. Поскольку все божественное творение изначально было благим, а следовательно, и *добрым*, Псевдо-Дионисий Ареопагит считает, что «зло есть не-сущее, и его нет в сущем»³. Бог как Абсолютное Добро и есть Сущий, а зло, не имеющее субстанциональной основы бытия, есть не-сущее (ме-он — по-гречески). Вопрос об истинности двух названных религиозно-этических традиций в трактовке природы зла лежит не столько в теоретической плоскости, сколько в духовной и метафизической сфере. Выбор той или другой концепции делается каждым человеком на основе собственного духовного и нравственного опыта с опорой на совокупные религиозно-этические переживания человечества. Не теоретическое содержание, а практические следствия двух религиозно-этических подходов к проблеме зла имеют здесь решающее значение.

Путь манихейского дуализма, к сожалению, весьма влиятельный в различных культурных традициях и межличностных отношениях, — это путь перманентной вражды и поиска врагов, то есть сил зла, нуждающихся в уничтожении, поскольку каждый человек или социальное движение не только декларируют свою

приверженность добру, но и часто искренне верят в то, что именно они есть носители добра как такового, добра по преимуществу, а потому они просто обязаны противостоять безжалостной агрессии злых сил. Между тем это сопротивление злу *во что бы то ни стало*, любой ценой, без поблажек и компромиссов и уж, разумеется, без всякого снисхождения к его мнимым или настоящим носителям также может стать не менее агрессивным и разрушительным, чем его предполагаемое или действительное воздействие на человека. Эту сложную духовную *инверсию добра* в мире прекрасно осознавали многие философы. Так, Н. А. Бердяев писал: «У людей есть непреодолимая потребность в козле отпущения, во враге, который виновен во всех их несчастях и которого можно и должно ненавидеть. Это могут быть евреи, еретики, масоны, иезуиты, якобинцы, большевики, буржуазия, международные тайные общества и т. п. Революция всегда нуждается во враге для своего питания и выдумывает врага, когда его уже нет, то же самое и контрреволюция. Когда найден козел отпущения, то человек чувствует себя лучше. Это есть объективация зла, выбрасывание его во внешнюю реальность...»⁴ Логика развития нравственного сознания, впитавшего в себя установки, подобные манихейским, складывается следующим образом: в случае возникновения какой-либо жизненной проблемы человек ищет не причины, их породившие, объективные или субъективные факторы, вызвавшие их к жизни, но пытается найти виновников вонне, которые «находятся» и из своих и ближних превращаются сначала в других и своих, а по мере углубления проблем — во врагов, наделяемых к тому же демоническими и inferнальными чертами. Понятно, что в таком случае очень трудно бывает возвратиться к исходной позиции и попытаться установить диалог между «жертвой» и «обидчиком». По такой логике часто разворачиваются не только межличностные конфликты, но и международные коллизии.

Хорошо понимая опасность субстанционализации зла в практическом плане, многие отечественные мыслители настаивали на меонической природе зла, подчеркивая тем самым ее сложность и предостерегая от упрощенных способов его преодоления.

Но какие же преимущества в понимании зла дает отрицание его субстанциональности, и как она влияет на нравственные переживания и поступки человека?

Во-первых, усложняется картина мира, а феномен зла обретает своеобразную «объемность» и духовную глубину. Поэтому требуется более тонкая работа ума и чувств, дабы предметно локализовать конкретные проявления зла и выработать соответствующую им стратегию его преодоления. Более того, именно понимание человеком меонической природы зла продуцирует очень глубокое, духовное, выверенное решение

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Два главных вопроса этики И. А. Ильина (в соавт.)», «Этика и жизнь (о двух типах этического знания)» (в соавт.) и др.

² Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Онтология совести» (в соавт.), «Этика и жизнь (о сотериологическом аспекте этического знания)» (в соавт.) и др.

³ Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 58.

⁴ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 113.

отказаться от установки на прямолинейное физическое уничтожение явных или мнимых носителей зла.

Во-вторых, меоническая концепция зла предотвращает духовный бунт человека. Она открывает возможность для правильного осмысления проблемы теодицеи и антроподицеи. Весьма показателен в этом плане оригинальный способ решения, предложенный С. Л. Франком. В своей книге «Непостижимое» мыслитель констатирует, что в своей последней духовной глубине реальность зла выступает как нечто непостижимое. За этим утверждением следует вывод о принципиальной неразрешимости теодицеи рациональным способом. «Легко усмотреть реальность зла через ненависть к нему и обвинение в нем кого-либо другого, — пишет С. Л. Франк. — Но тогда остаешься совершенно слепым в отношении истинного, иррационального метафизического существа зла — уже потому, что не замечаешь, что в этой ненависти, как и в гордыне обвинительной установки, сам судящий уже пленен и соблазнен извращенностью зла. Этим прегражден единственный путь к подлинному постижению непостижимого существа зла — путь в собственную глубину, в которой одной через сознание моей виновности непостижимое становится видимым. <...> И так как всякое постижение есть в конечном счете усмотрение связи с первоосновой, с Богом, то именно этим преодолевается зло как безосновность и небытие и восстанавливается нарушенное единство с Богом. Единственно возможное постижение зла есть его преодоление и погашение через сознание вины. Рациональная и отвлеченная теодицея невозможна; но живая теодицея, достигаемая не мыслью, а жизнью, возможна во всей своей непостижимости и трансрациональности»¹. Отказываясь от рационального способа постижения теодицеи, Франк радикально меняет точку зрения на проблему зла, переводя его из внешнего объективированного и моралистического плана во внутренний, духовно-нравственный, в метафизическую глубину самой личности человека. Говоря о вине как способе постижения зла, С. Л. Франк имеет в виду персонифицированную ответственность человека за все зло мира, а не только за свои личные проступки и преступления. Здесь обнаруживается духовная перекличка идей философа с суждениями старца Зосимы из «Братьев Карамазовых», поучавшего будущих «русских иноков»: «И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему совершиться... Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской, друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что к гордости сатанинской приобщись и на Бога взорпщешь»².

В-третьих, меоническая концепция зла позволяет усмотреть трансцендентные источники благ, кото-

¹ Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 348.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 290.

рых удостаиваются люди. Эту метафизику жизни хорошо осознавал Ф. М. Достоевский, полагавший, что помощь человеку в самые отчаянные моменты его жизни может приходиться от самых неожиданных людей и из самых невероятных источников. Задумаемся над «странным» вопросом: кто же действительно помогает человеку в романах Достоевского? Кто спасает, поддерживает и укрепляет духом всех этих беспредельно несчастных и изверившихся в Боге и людях Мармеладовых, генералов Иволгиных и капитанов Снегиревых, которым зачастую «уже некуда больше пойти»? Кто просто, без всяких «теорий» и благородных порывов, не на словах, а на деле помогает всем этим людям выжить в совершенно безнадежной ситуации? Мы не без удивления можем констатировать: как правило, самое реальное и серьезное содействие несчастным приходит отнюдь не со стороны людей солидных и обеспеченных и — главное — высокоморальных, не, тем более, от социальных организаций, различных «обществ милосердия», призванных «по долгу службы» профессионально обеспечивать такого рода поддержку. В реальной жизни, когда нужна быстрая, энергичная и очень действенная помощь, ни благородных спасателей с толстыми кошельками и добрыми чувствами, ни благонадежных социальных союзов, где в равной мере наличествуют и добродетель, и деньги, рядом с отчаявшимся человеком, как правило, не обнаруживается, и ему приходится погибать в одиночку — страшно и беспощадно. И, тем не менее, казалось бы, вопреки всему, без помощи и поддержки человек не остается; до конца погибнуть ему не дают; вот только помощь и поддержка являются со стороны совершенно иных инстанций, нежели те, на которые он по наивности или по привычке полагался и рассчитывал. Если бы добро исходило бы только от хороших людей с самыми что ни на есть благими намерениями, жизнь давно прекратилась бы или же стала сущим адом. Моралистическая селекция добра *на добро по разумному обоснованию* с выявленными «положительными» намерениями и *на добро по побуждению* без предварительно фиксируемой позитивной мотивации неизбежно разрушила бы духовно-нравственную целостность человечества, и моральное бытие людей мало-помалу превратилось бы в систему утонченнейшего этического сыска и почти юридического *принуждения* к добрым делам. Это законническое, морально-правовое отношение к добру в высшей степени противоречит духу и букве христианского вероучения, такого, каким видели его величайшие отцы Церкви, запрещавшие осуществлять над человеком *процедуру дознания* глубинных оснований его моральной мотивации. Вот что говорил по этому поводу архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст: «Сколько бы стали говорить многие и негодовать, если бы Бог повелел прежде с точностью разведывать жизнь, узнавать поведение и поступки каждого, а потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всего этого труда. Для чего же навлекаем на себя излишние заботы? Иное — судия, иное — подающий милостыню. Милостыня потому так и называется, что подаем ее и недостойным. <...> Так прошу, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх

надлежащего. Ибо все достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы ни пришел к нам с нею, не станем ничего разыскивать более, потому что мы подаем не по нраву, а по человеку, и жалеем его не за добродетель, но за несчастье, дабы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, дабы самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия»¹. И только потому, что все падшие «блудники и грешники» Достоевского «не знали за собой никаких ценностей, а только надеялись на Бога»², добро «узкими путями» все-таки приходит в мир и, каза-

лось бы, безо всяких на то оснований укрепляется в нем. Именно в силу этой парадоксальности добра в сфере человеческих отношений оно действительно может быть названо «даром Божиим» — *любовью* Спасителя к несчастному человеку, на какой бы степени греха он ни находился и какие бы проступки ни совершал. Если бы добро исходило только от добрых, то трудно было бы догадаться о наличии божественного источника добра, но поскольку добро приходит в мир и через злых людей, то здесь уже трудно усомниться в том, что за ним стоит Бог.

Т. Б. Сиднева³

ГРАНИЦА-ИЗОЛЯЦИЯ И ГРАНИЦА-ДИАЛОГ В СТАНОВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В современном гуманитарном знании все более принципиальную значимость приобретает категория «граница», которая осознается как один из важнейших методологических путей исследования структурной многосоставности и смысловой множественности культуры. Использование термина «по умолчанию», как заведомо известного и само собой разумеющегося, сегодня является не только неплодотворным, но и методологически ошибочным.

Понятая как полифункциональная, иерархическая «нелинейная» система — граница — позволяет увидеть в многослойности и плюралистичности современной культуры те механизмы, которые регулируют ее внутреннее пространство и определяют возможность сосуществования различных и даже взаимоисключающих пластов жизненного мира.

Среди ключевых функций границы как «культурной универсалии» (Ю. Лотман) исходными являются разделение, «маркирование» различных территорий, их изоляция и замыкание. В этом значении граница может быть осмыслена «как путь оформления собственной самобытности, собственной оригинальности»⁴. Осознание «рубежей» и «пределов» является важным регулятором самоидентификации различных явлений и процессов.

В существовании искусства граница-изоляция имеет принципиальное значение, поскольку изначально

требует «эстетического отрешения» художника, «внежизненная активность» которого связана с выходом «за пределы переживающей жизнь души» и является условием порождения эстетически значимого объекта⁵. История самоопределения искусства неизменно связана с обозначением его автономной суверенной территории и обретением внутренней замкнутости художественного произведения как организованной целостности.

Не менее существенным качеством границ является их способность соединять различное, создавать условия для *диалога*. Взаимная открытость рядоположенных суверенных пространств, отделенных друг от друга, неизбежность их «встречи», контакта, диалога является важной смысловой составляющей категории границы. Для П. Флоренского в границе принципиальным является встречное движение территорий, он определяет ее как место встречи «сближающихся миров».

Диалог, как непрерывный процесс приема и передачи информации, обуславливает возникновение взаимной зависимости граничащих друг с другом различных «территорий». Обоснование диалога М. Бахтиным предполагало необходимые для «события взаимодействия голосов» знание и понимание языка другого, открытость другому, создание «равноправными и равнозначными сознаниями» общего смыслового пространства⁶.

Мобильность искусства, его чувствительность к изменениям сознания, его природное стремление к поиску и открытию обуславливают вовлеченность искусства во все сферы жизненного пространства, неизбежность его контакта с миром, преодоления барьеров и границ с иными областями культуры. Множественность «ликов» художественной практики, проявляющаяся в ее видовой, стилевой и жанровой, технологической разнородности, находится в непосредственной зависимости от открытости и диалогичности границ.

¹ *Святитель Иоанн Златоуст*. Избранные поучения. М., 2001. С. 463.

² *Флоренский П. А.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского мировоззрения // *Флоренский П. А.* Соч. : в 4 т. М., 1999. Т. 3, кн. 1. С. 460.

³ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 150 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Искусство как метафора бытия», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика для творческих вузов», «Искусство в поисках истины: между элитой и массой», «Шум и музыка: логика взаимопревращений», «Современное искусство в ситуации смены парадигм» и др. Член Союза композиторов РФ.

⁴ *Лихачев Д. С.* Два типа границ между культурами // *Лихачев Д. С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 3. С. 47.

⁵ *Бахтин М. М.* Автор и герой эстетической деятельности // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 68.

⁶ Там же. С. 195–196.

Таким образом, весь художественный процесс можно представить как непрерывное установление и разрушение границ: замысла и его воплощения, создания художественного произведения и его интерпретации, определение пределов традиции и новаторства, барьеров между традицией и обновлением, «высоким» и «низким», между искусством и не-искусством.

Современная техногенная цивилизация обусловила создание единого коммуникативного пространства, в котором характерная для границы диалектика разделения и соединения, изоляции и диалога, стабилизации и хаотизации развертывается во всей полноте и масштабности. В русле этого процесса музыкальное искусство открывает беспрецедентные возможности формирования глобального пространства культуры. Интенсивное становление звукового образа эпохи, связанное с воздействием массмедиа, сопровождается радикальными изменениями тембрового, динамического, ритмического мышления. Меняется представление об источнике звука, способах звукоизвлечения, масштабах воздействия звучания на аудиторию. Как неотъемлемая часть медиакультуры (кино, телевидение, радио, Интернет, мобильный контент) звук стал важнейшим фактором формирования национальных и метанациональных ценностно-смысловых ориентиров общества.

Общеизвестно и всесторонне аргументировано представление о музыке как некоем универсальном языке, преодолевающем границы вербальных значений, разрушающем барьеры визуальной ограниченности и осуществляющем «прорыв» к бессознательным процессам и тайнам мироздания. В становлении глобальной культуры музыка может быть отнесена к ключевым *символам безграничности* — преодоления пределов и рубежей. И действительно, музыкальная культура образует пестрый и многоликий звуковой образ современной эпохи, в котором сфокусирована плюралистичность состояния культуры в целом. Причем взаимная открытость границ различных музыкальных ментальностей, традиций и диалектов делает их интересными друг другу и взаимно притягательными. Преодолеваются границы оппозиций «Восток–Запад», «академическое–неакадемическое», «старое–новое», «авторское–анонимное», которые обнаруживают единые корни и общее основание. Профессиональные эксперименты на границе некогда автономных сфер музыки становятся общей тенденцией времени (и объединяют поэтику композиторов, имеющих различные эстетические платформы: Д. Крама и К. Штокхаузена, Х. Лахенмана и Д. Куртага, А. Кнайфеля и В. Тарнопольского, Э. Артемьева и Э. Морриконе). «Музыка без границ» — эта формула становится одной из характерных и широко распространенных в реальном и виртуальном пространстве. Характерная для музыки установка на открытую диалогичность обусловила то, что синтетические художественные и шоу-проекты, как правило, имеют в основе звуковой пласт.

В то же время наряду с очевидной открытостью границ музыке присуща особая чувствительность к установлению пределов и рубежей: маркирование суверенной звуковой территории является исходным мо-

ментом возникновения и развертывания музыки в культуре. Генетически обусловлено характерное для музыки разграничение тишины и звучания, эстетическая «изоляция» музыкального звука от шума, различение консонанса и диссонанса, горизонталь и вертикали, текстовой регламентации и импровизации, завершенности и открытости формы и т. д.

Актуальная звуковая среда культуры демонстрирует расширение временных и географических пределов, открывает безграничные технические и творческие возможности, провоцирует на преодоление культурных (эстетических, нравственных, религиозных, политических) барьеров.

В становлении глобальной культуры единство изолирующей и диалогизирующей функций границы в музыке может быть определено как потенциальная заданность необходимости творчества: сама звуковая среда обуславливает неизбежность ее эвристического постижения. И здесь мы обращаемся к проблеме «поведения на границе». М. М. Бахтин утверждал, что явления подлинной культуры могут быть только «феноменами границы». Своего рода продолжением бахтинских размышлений является суждение Д. С. Лихачева, который писал, что самосознание воспитывается на границах культур. В этом русле чрезвычайно важным оказывается воспитание особого *пограничного* мышления, которое предполагает понимание суверенности традиций и неизбежности их диалога.

Современная ситуация среди других острейших проблем ставит вопрос о постижении колоссального звукового опыта цивилизации, который в известной мере является опытом границы. Условием полноценности данного опыта является творческое переживание различных языков и диалектов музыки, предполагающее понимание диалектики открытости–закрытости границ между различными «суверенными» территориями — будь то аутентичная музыка Ренессанса и барокко, джаз, рок-музыка, эстрада, романтические или авангардные композиции академической музыки. Размышляя о важной значимости чуткого слышания в создании новой музыки, патриарх немецкого музыкального авангарда Х. Лахенманн замечает: «Слушание — это тоже искусство, это особый творческий путь, когда человек работает со своим слухом, воспоминанием, тоской по прекрасному». Композитор очень точно называет это сознание «объемным», требующим полного погружения в звучание: «Когда музыка заставляет меня слушать, и слушать так, чтобы я старался все уловить и ничего не пропустить, тогда я нахожусь на том уровне, который мы называем искусством»¹. «Объемное» вслушивание и есть путь, который формирует опыт границы.

Полноценность опыта границы находится в непосредственной зависимости от понимания диалектики отношения «своего» (суверенного, внутреннего) и «чужого» (внешнего, иного). Борис Тищенко, говоря о влиянии различных традиций на его композиторское творчество, отмечал, что «музыкальная материя — это та же пища для души»: «Она в меня входит, становится

¹ Лахенманн Х. Искусство ничего не должно : интервью Е. Мусаелян // Играем с начала. 2014. № 1. С. 4.

мною. Есть много музыки, которую я присваиваю... — все это моя духовная пища»¹.

«Присвоение» чужого, требующее затрат духовных и душевных сил, является важнейшим условием формирования полноценного слушательского опыта — пограничного по своей сути. Диалог и изоляция обозначают здесь важное единство толерантности, допускающей право на существование *разной* музыки,

и нетерпимости к эрзац-образцам, открытости к множественной акустической информации и избирательности восприятия. В конечном счете музыка должна быть понята не только как отражение жизни, но и как «воплощение человека, свидетельство его существования»². Только на этом пути и возможно постижение глобального музыкального пространства, свидетелями интенсивного становления которого мы являемся.

М. В. Силантьева³

МЕНТАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРА «СВОЙ–ЧУЖОЙ» КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время вектор партнерских политических и экономических симпатий в нашей стране явно смещается в сторону восточных соседей, прежде всего — партнеров по АТЭС. Тому есть множество причин, но главная из них лежит на поверхности: это наличие протяженной общей границы с Китаем — одним из ключевых членов данного объединения (имеющего в своем составе, как известно, 21 страну, преимущественно «с береговой линией у Тихого океана», — включая США). Заинтересованность России в развитии Сибири и Дальнего Востока создает условия для взаимовыгодного сотрудничества, которое по понятным причинам является более предпочтительным, чем недоверие и конфронтация. Другой важный фактор, толкающий Россию в сторону восточноазиатского «центра силы» в современных международных отношениях (где тон задают именно эти страны)⁴, — это позиция консолидированного «Запада», отличающаяся в лучшем случае недоверчивой осторожностью по адресу «русской цивилизации»⁵. А в худшем речь может идти о динамичном цивилизационном отталкивании, основанном на признании несоизмеримости цивилизацион-

ных моделей обеими сторонами российско-атлантического диалога⁶. При этом следует четко понимать, что культурные границы данных моделей определяются не только «внешними» демаркационными линиями (политическими, экономическими, социально-правовыми укладами, исторически сложившимися «в разных форматах»). Необходимо также иметь в виду разницу «внутреннюю» — между аксиологическими (этическими, религиозными, эстетическими и другими) «системами координат», принятыми на вооружение соответственно «Западом» и «Москвой».

Как минимум, наличие существенной разницы в трактовках ценностных оснований культуры наблюдается на уровне лингвистических и лингвокультурных констатаций, согласно которым «Запад» относится к низкоконтекстным культурам, а Россия — к высококонтекстным.

Можно, конечно, порассуждать на тему о том, насколько вообще подобная градация совпадает с реальным положением дел и не связана с социально-образовательными *культурными стратами*, соответствующими общечеловеческому идеалу культурного развития. Тогда в определенном смысле любая культура установит разницу между высококонтекстными «высокими» стратами интеллектуально-властной элиты — и «низкоконтекстными» стратами потребительского уровня (кстати, далеко не всегда совпадающими с «бедными» слоями населения). С другой стороны, культуролого-семантический потенциал русского языка даже в современный период его существования заметно отличается, например, от американского английского, рассмотренного на «параллельном» уровне социальных страт. Русский язык, при всей своей выразительности, будет более склонен к «фигуре умолчания» по целому ряду вопросов, требующих действенного решения. Для американца вопрос «сказать или не сказать», «обсудить или не обсудить» в большинстве случаев просто не встанет. Напротив, «фигура умолчания» будет восприниматься как признак адаптивного невежества, — например, неумения справиться с психологическим дискомфортом, соответствующим диффузной подростковой идентичности.

¹ Музыка большой идеи... Беседы с Б. Тищенко : интервью В. Степановской // Журнал любителей искусства. 1997. № 6–7. С. 19.

² Арановский М. Музыка. Мышление. Жизнь. М., 2012. С. 291.

³ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Экзистенциальные проблемы этики творчества Н. Бердяева», «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Проблемы языка философии и науки эпохи “нового средневековья” в творчестве Н. Бердяева», «Трансцендентальные мосты между временем и вечностью», «Духовный потенциал транзитивных социумов: опыт “включенного наблюдателя”», «Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества», «Элитное образование в МГИМО: философско-культурологический подход к проблеме качества», «Философия права в глобализирующемся мире: образовательный проект и общественный заказ» и др. Член Российского философского общества.

⁴ Хотя они и сотрудничают при этом не только с США, но также Австралией и Канадой, входящими в АТЭС.

⁵ Скорее всего, некоего идеологического фантома или геополитического проекта по типу «Москва — Третий Рим», чем реального состояния дел, — имеющего, однако, на сегодняшний день значительный интегративно-политический потенциал в самой РФ (что заставляет относиться к данному проекту с максимальной возможной научной серьезностью). См.: Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. URL: http://www.patriotica.ru/religion/panarin_grav_.html (дата обращения: 06.04.2014).

⁶ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М. : РОССПЕН, 2010.

Таким образом, благодаря сравнению типичных «атлантических» и «русских» черт поведения в поле зрения исследователя оказывается *проблема разницы «семантической дистанции»*, принятой в разных цивилизационных моделях. В одном случае это сокращенное «расстояние понимания», характерное для высококонтекстных культур (именно потому здесь от коммуникаторов не требуется немедленная вербализация каждого «кванта» ситуации взаимодействия). И, напротив, низкоконтекстные культуры связаны с увеличенным «расстоянием понимания» (именно поэтому здесь требуется обсуждение, уточняющее позиции контрагентов общения по каждому сколько-нибудь существенному вопросу). В русском языке существует выражение, очень точно описывающее «столкновение» русского менталитета с низкоконтекстным по отношению к нему способом общения: «простота хуже воровства».

Но насколько американская модель поведения и свойственное ей «расстояние понимания» отличаются от русских аналогов, настолько же отличается от них модель восточная. Только со сдвигом в другую сторону. То есть русская культура оказывается для восточной модели «слишком» низкоконтекстной; и там, где китаец или японец будет «просто молчать», скосив глаза в сторону, русский, подобно «слишком простому» американцу, начнет объяснять вещи, кажущиеся адресату тривиальными или даже неприличными.

По существу, можно говорить об *относительности «шкалы контекстности»*, создающей своеобразную «разность потенциалов» общения с представителями иных цивилизационных моделей со сдвигом в ту или иную сторону. Об этом необходимо помнить, чтобы не обольщаться по поводу возможного «сверхпонимания» особенностей «русской души» со стороны азиатских партнеров. Тем более, что в культурологическом смысле главной чертой этих партнеров считается *прагматизм*¹. В свою очередь, именно прагматизм очень часто вынуждает их к общению даже в тех ситуациях, когда оно в силу каких-то причин эмоционального (или даже рационального) порядка не вызывает особого энтузиазма.

Тем не менее необходимость преодолеть отчужденность, заданную объективными и субъективными обстоятельствами в процессе межкультурной коммуникации, сегодня часто опирается как раз на чувственность, «хорошо просчитанную» стратегиями освоения «чужого» культурного пространства.

Рассмотрим лишь один пример, связанный с разработкой и осуществлением стратегии проникновения на российский рынок товаров из Китайской Народной Республики. Пример тем более показательный, что демографическая проблема в современном Китае все еще остается проблемой. Ее глобальный характер тем более очевиден на фоне специфического вектора экологического поведения этой страны на международном арене (река Амур на сегодняшний день настолько загрязнена фенолами, сбрасываемыми туда производствами с китайской стороны границы, что в районе

Хабаровска местные жители в ней не рискуют не только купаться, — даже опустив палец, можно получить серьезный химический ожог). Уже в силу названных причин не вызывает удивления факт расселения граждан этой страны по всему миру (через такие миграционные «подъемники», как торговля, наука и образование, дешевые (и, добавим, как правило, качественные) рабочие руки, например, в сельском хозяйстве, строительстве и т. д.).

Китайское правительство поддерживает своих мигрантов в том случае, когда они остаются гражданами Китая (в том числе «не по бумагам, а по убеждениям»), создавая максимально благоприятные условия для их проживания в других странах (пример — земельные китайские банки для выкупа земли китайцами, — там, разумеется, где она, при наличии известных ограничений, все-таки наличествует «в свободной продаже», и др.).

Одним из треков подобной поддержки и выступают маркетинговые стратегии, связанные с промышленным дизайном и рекламой. Прежде всего, данные стратегии заинтересованы преодолеть барьер «свой–чужой», выступающий едва ли не ведущим подсознательным механизмом блокирования межкультурного взаимодействия на уровне национального менталитета, — что связано, в том числе, с конкретными социально-политическими событиями, сохранившимися в глубинах исторической памяти народа.

В качестве «растворителя», призванного разрушить названный барьер, выступает определенная эстетическая программа, целью которой является создание не просто нейтрального, но благоприятного и даже привлекательного имиджа китайских товаров для русского покупателя. Примечательно, что первоначальной аудиторией, на которую направлено данное воздействие, выступает женская часть населения, наиболее эмоционально лабильная и вместе с тем невероятно консервативная с точки зрения изначально заложенных в процессе воспитания аксиологических ориентиров. Для латентно осуществляемого снятия подсознательных барьеров здесь используется нарядная одежда, поражающая, с одной стороны, своей необычностью («бросается в глаза», привлекает внимание), а с другой — оказывающаяся «вписанной» в контекст символов, характерных именно для русской культуры, привычных русскому глазу. К числу таких символов на раннем этапе проникновения китайских товаров на российский рынок относятся стилизованные (полуфигуративные-полусимволические) растительные орнаменты (непереплетающиеся ветви с раздвоенными в разные стороны концами и листья бамбука, напоминающие листья ивы), исполненные на текстиле (ткани для мебели, драпировки, шторы; верхняя одежда — пальто, платья, халаты и т. д.). Затем постепенно в семантическое пространство этих образов входят типично китайские символы, непротиворечиво вписывающиеся в заданный контекст, — речь идет об иероглифах, воспроизводящих своим внешним обликом ритмические фигуры описанного выше растительного орнамента. Постепенно таких знаков становится все больше, и они вытесняют исходные растительные

¹ Мартыненко Н. П. Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007.

символы. «Напряженность» новизны и вместе с тем ее причастность традиционной символической запускает маховик моды, и вот уже едва ли не каждая вторая женщина (любого возраста и комплекции) оказывается облечена в одежду из ткани, непривычным образом сочетающей семантику «своего» и «чужого».

Хорошо бы, конечно, знать — являются ли благопожеланиями те символы, которые представлены на подобных невербальных «культурных носителях». Вместе с тем, очевидно, что постепенно происходит, с одной стороны, насыщение рынка подобными товарами (и, как следствие, «усталость» потребителя от примелькавшегося тренда); с другой стороны, данный товар тем самым выполняет свою основную функцию — приучить потенциальных покупателей к возможности присутствия данных знаков и символов в культурном пространстве «своей» повседневности, сделать его обыденным.

Следующий шаг стратегии освоения инокультурного пространства предполагает: 1) перенос найденных решений на иные материальные носители (например, иероглифическое письмо «перемещается» с пальто на сапоги); 2) поиск новых дизайнерских решений (например, сочетание цветовой семантики бледно-зеленого нефрита в экспорте бытовых предметов (чашечек, рюмок, валиков для массажа) с ненавязчивой рекламой достижений китайской медицины в журналах для домохозяек); и 3) освоение новых путей невербальной коммуникации (например, сектора общественного питания путем создания сетей китайских ресторанов и т. д.). Постепенное развитие положительных коннотаций со специфическими приемами приготовления пищи, свойственными китайской кухне благодаря качественной визуальной рекламе, созданию интимных и слегка загадочных интерьеров китайских ресторанов, поддержание там атмосферы доброжелательности и, главное, качественного исполнения блюд с изменением рецептуры применительно к весьма «неострому»

русскому вкусу (при их сравнительной дешевизне) — все это способствует «перестройке» пищевого рефлекса у посетителей таких ресторанов, число которых медленно, но неуклонно возрастает.

Далее «в игру» включаются выставки произведений искусства, концертная деятельность и другие художественные треки, демонстрирующие, во-первых, самобытность Китая; во-вторых, его причастность к древнейшим корням культуры человечества. Сюда же следует отнести интенсивный обмен студенчеством (с российской стороны происходящий в основном в приграничных районах, где для начала определить ребенка в школу, изучающую китайский язык, а затем отправить его на учебу в КНР теперь считается не только престижным, но и жизненно необходимым; с китайской стороны пока что наблюдается интерес в основном к образовательным структурам столичных городов и мегаполисов).

Культурологически корректно предположить, что следующий шаг на путях демонтажа барьера «свой–чужой» со стороны граждан Китая, временно либо постоянно проживающих на территории России, — это создание смешанных семей, — что и происходит сегодня на Дальнем Востоке (пока что в основном в сельской местности). Разумеется, говорить о полном «снятии» культурных границ и в данном случае преждевременно. Однако стоит обратить внимание на описанные пути перераспределения ценностных доминант, характерных для определенных национально-территориальных констелляций. Отсутствие регулирования (разумеется, достаточно тонкого, не «лобового») в этой сфере может привести к ситуации, когда однажды граждане России «проснутся в совсем другой стране». Опасность культурного доминирования со стороны восточных партнеров исходит не меньшая, чем со стороны западных. Преодолеть ее можно только путем такого сотрудничества, которое дает возможность развиваться «своему», а не только плодотворно взаимодействовать с «чужим».

В. В. Согрин¹

АНТИАМЕРИКАНИЗМ И РУСОФОБИЯ КАК ДИСКУРСЫ «СВОЕГО–ЧУЖОГО»

На рубеже 1980–1990-х годов, по завершении горбачевской перестройки, казалось, что проблема «свой–чужой» в отношениях России и США снята. Сначала М. Горбачев, а затем и Б. Ельцин объявили Россию и США однородными цивилизациями, приверженными единым общечеловеческим, а на поверку либерально-

демократическим ценностям. Россияне захотели построить у себя преуспевающее общество по американской модели, а американцы с умилением смотрели на образумившихся «варваров». Но так продолжалось недолго. До запуска ельцинских радикальных реформ, принесших вместо североамериканского рая удручающую латиноамериканскую модель не лучшего образца. К тому же США, победив главного геополитического соперника, теперь хотели утвердить единоличное мировое лидерство, включая в свой имперский универсум все и вся, «меняя режимы» и «зачищая» «варварские» цивилизации. Россияне этого не стерпели. Антиамериканизм возродился. США ответили неблагодарным «варварам» адекватно — реанимацией русофобии. Дискурс «свой–чужой» в восприятии Россией США, а Соединенными Штатами России был восстановлен.

¹ Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 250 научных работ, в т. ч. монографий: «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Политическая история США, XVII–XX вв.», «Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина», «Исторический опыт США», «Демократия в США. От колониальной эры до XXI века», «Центральные проблемы истории США» и др. Главный редактор журналов «Новая и новейшая история» РАН, «Общественные науки и современность». Председатель Российской ассоциации историков-американистов.

Когда я называю антиамериканизм и русофобию дискурсами, это означает, что оба феномена рукотворны, они созданы или властью, или заинтересованными группами как массовые коммуникативные системы, призванные зомбировать, подчинять народы угодным стереотипам, позволяющим удерживать духовное и политическое господство верхов.

Антиамериканизм. В период президентства В. Путина критическое отношение российской власти и СМИ к США углублялось. Официальная идеология, озвучиваемая ведущими телеканалами и прессой, подвергла жесткой критике США за гегемонизм, иные пороки, целенаправленно насаждала антиамериканизм. Вместе с тем российская элита посылала своих детей на учебу в западные университеты и обзаводилась недвижимостью на Западе. При встречах и переговорах с американскими лидерами российские руководители ведут себя так, как будто США являются их партнером. Россия последовательно заключает с США важные и полезные договоры о сокращении стратегических ядерных вооружений, контроле над их нераспространением (соглашения по Ирану и Северной Корее), ликвидации химического оружия в Сирии, сотрудничает в борьбе с терроризмом в Афганистане, укрепляет отношения с НАТО. В 2008–2014 годы полнокровно реализовывалась в высшей степени позитивная *перезагрузка* российско-американских отношений. Подобные факты дают основание утверждать, что антиамериканизм является для российского руководства продуктом, рассчитанным на внутреннее потребление, инструментом мобилизации масс в свою поддержку, поскольку иные инструменты в дефиците. Властью создан и успешно насажден дискурс *антиамериканизма*.

Конспирологическая теория стала излюбленным средством российских СМИ в пестовании антиамериканизма. Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург» Н. Стариков в своих исторических передачах на радио «Русская служба новостей» (РСН)¹ последовательно доказывает, что российская грабительская приватизация 1990-х годов была проведена в соответствии с замыслами и по указке США. При этом никаких документальных доказательств конспиролог не приводит. Также он не смог привести доказательств о вербовке М. Горбачева американскими спецслужбами в судебном иске против первого и последнего президента СССР.

Телеканал РЕН-ТВ, активно насаждающий конспирологический подход относительно США, в передаче 16 января 2013 года утверждал, что американские спецслужбы заразили раком венесуэльского президента У. Чавеса, отправили на тот свет четырех других негодных латиноамериканских лидеров, а американский сионистский капитал давно и последовательно плетет нити заговора против России, как и всего прогрессивного человечества.

Ряд российских СМИ использует более тонкие средства пестования антиамериканизма. Примером может служить телеканал «Russia Today», созданный российским правительством как контрпропагандистский и рассчитанный на зарубежную аудиторию. На теле-

канале работают американские дикторы и обозреватели, прекрасно владеющие английским языком, так же как дикцией и артикуляцией. В регулярных передачах о США эти американские граждане по заказу и на деньги российской власти раскрывают исключительно «оборотные стороны» Америки, призванные показать, что она погрязла во всех смертных грехах. Как профессиональный американист, признаю, что это хорошо документированные передачи, которые невозможно назвать фальсификацией. Но также невозможно назвать раскрытие американской темы объективной, поскольку позитивные стороны американской цивилизации вообще не показываются. Объективным раскрытием американской темы можно назвать только такое, в котором содержится выверенный и взвешенный баланс разных сторон Америки.

На современном этапе в антиамериканском дискурсе особое место заняла борьба против культурных атрибутов новейшего западного либерализма, в первую очередь против однополых браков, гомосексуализма и (в малой степени) лесбиянства. Ведущий кремлевский пропагандист В. Соловьев сделал понятие «либерасты» позывным своих вещаний на массовую аудиторию. Он регулярно повторяет, что США занимают первое место в мире по изнасилованиям мужчин, что современный либерализм неизбежно ведет к торжеству зоофилов, некрофилов и т. д.

Вывод: кроме того, что антиамериканский дискурс создает необъективный и глубоко отвратительный образ *чужого*, он противоречит официальной установке российской власти на воспитание в обществе толерантности в отношении других культур, смягчение, а не пестование инстинктов агрессии.

Русофобия. США отвечают России не менее отвратительной и необъективной русофобией. Возрожден и активно распространяется миф о России как о необузданном варварском народе, органически не способном к восприятию цивилизованных форм и норм существования. Определение России как «рычащего медведя», по сути, стало в США общепринятым. Американский политолог Д. Саттера внес в этот русофобский образ свой вклад, указав, что «медведь» рычит на «диком Востоке»².

Русофобский дискурс в США является рукотворным. Его творят часто профессиональные политтехнологи. Наибольшую известность среди них приобрели З. Бжезинский, идеолог мессианского крыла Демократической партии США, и Р. Пайпс, идеолог мессианского крыла Республиканской партии США. Р. Пайпс с начала своей карьеры доказывал, что россиянам органически присуще извращенно-варварское восприятие свободы, которая в русской ментальности подменена волей: «Воля означала полную необузданность, право на буйство, гулянку, поджог. Она была абсолютно разрушительным понятием»³.

Русофобами был сотворен образ *homo soveticus*, который «в изображении американцев предстает

² Наиболее полный анализ современной американской русофобии см.: Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007. М., 2009.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 206.

¹ В частности, в передаче от 21 февраля 2013 года.

не просто как отчужденное от общества и политики *пассивное существо*, ориентирующееся на сильную власть, сильное государство, на вождя — эту современную разновидность царя-батюшки. Он предстает как существо, *не испытывающее внутренней потребности в свободе*, ибо по натуре своей, по своей психологии «советский человек» — крепостной, чтобы не сказать *раб*, действующий в соответствии с присущим ему стадным инстинктом¹.

На современном этапе американские русофобы утверждают, что *homo soveticus* в постсоветской России реанимирован. Особую роль в утверждении этой идеологии сыграла статья Р. Пайпса «Бегство русских от свободы», опубликованная в 2005 году в “Foreign Affairs”. Тоталитарная органика русского народа, согласно выводу Пайпса, широко подхваченному в США, стала главной причиной успеха вождистского режима В. Путина. Россиян наделяют всяческими морально-нравственными пороками: «Простой Иван — это представитель постепенно вымирающего народа, ибо, напоминая нам американцы, Россия стоит перед демографической катастрофой, преодолеть которую с помощью мер, предложенных в последний год-два властями, едва ли возможно. Как и его предки, нынешний россиянин если и не алкоголик, то человек, испытывающий пристрастие к спиртному, ведущий нездоровый образ жизни (курение, невысокая степень вовлеченности в занятия спортом, плохое питание), и потому человек нередко больной (сердечно-сосудистые заболевания, онкология, в последние годы — СПИД). Он не трудоголик, чтобы не сказать лентяй... не умеет ценить время — как свое, так и чужое, склонен к крайностям. А неуважение к частной собственности сделало его еще и вороватым»².

Российский философ-американист Э. Я. Баталов так обобщает образ нашего соотечественника, созданный в американском русофобском дискурсе: «Итак, формируемый американцами образ нового россиянина... несет в себе многие черты *homo soveticus*, а в чем-то — и подданного Его Величества, жившего в России сто и более лет назад. В сущности, заокеанские авторы описывают специфическую разновидность личности, которую Эрих Фромм назвал “авторитарной” и которая была исследована более

полувек назад в известной работе Т. Адорно “Авторитарная личность”. Типичными чертами авторитарной личности являются страх перед свободой и ответственностью, преклонение перед лидером (вождем) и отождествление последнего с государством, культ власти и повиновения, антиинтеллектуализм, догматизм, ксенофобия. Авторитарная личность по самой своей природе предрасположена к восприятию антидемократических ценностей и является благодатным “человеческим материалом” для построения тоталитарного и авторитарного общества»³.

США хотят, чтобы Россия кроила по американским лекалам не только демократию, но также культурные нормы. Массовая культура американской модели уже завоевала сердца миллионов россиян. Но США хотят большего. Они требуют, чтобы Россия приняла нетрадиционные однополые браки, предоставила свободу по американской модели геям.

США, первыми в мире провозгласившие приверженность мультикультурности, на самом деле отказывают другим народам, в том числе российскому, в праве иметь иную культуру, нежели американская. США, например, убеждены, что исламские народы хотят и готовы жить по американским лекалам, им в этом нужно помогать, «сменяя режимы», этому препятствующие. Но на практике режимы, пришедшие к власти в результате «арабской весны», утверждают фундаменталистские порядки и исполнены к Америке еще большей неприязни, чем прежние светские авторитарные режимы. «Аль-Каида» провозглашает, что борется против США не потому, что там демократия, а потому, что они хотят насадить неприемлемую американскую модель в мусульманских странах.

Вина антиамериканизма и русофобии не в том, что они показывают, что США не такие, как Россия, а Россия не такая, как США. Их вина в том, что они сознательно окарικатуривают друг друга. Они творят опасные, унижающие достоинство народов мифы. Их вина в том, что антиамериканизм требует от США стать такими, как Россия, а США требуют от России прекроить себя по американским лекалам. В обоих случаях принципы цивилизационного разнообразия, мультикультурности и плюрализма, равенства цивилизаций и культур, толерантности разрушаются.

¹ Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. Указ. соч. С. 194.

² Там же. С. 204–205.

³ Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. Указ. соч. С. 205.

О. И. Ставцева¹

СВОЙ, ЧУЖОЙ, МНОГИЙ...

(К анализу концепта «множество» в современной мысли)

Концепты «свой–чужой», их противопоставление вводят нас в тематику взаимоотношений с «другими», вторжения «других» в нашу культуру, встречу или исключение их, отсылают к концепциям толерантности и мультикультурализма. Действительно, в современной культурной ситуации, которую можно описать исходя из идей глобализации и взаимодействия культур, мы видим вокруг себя, общаемся, имеем дело с представителями других культур. Так ли они чужды нам? Отличаем ли мы их от «своих»? Приложимы ли к ним категории «свой», «чужой», явно говорящие нам о границах культур? Я постараюсь ответить на эти вопросы, обращаясь к концепции известного современного итальянского философа Паоло Вирно, который рассматривает новый тип социальных и политических субъектов.

Для осмысления современной публичной сферы П. Вирно применяет понятие «множество», противопоставляемое им понятию «народ»². В новоевропейской философии, в частности у Т. Гоббса, множество не используется широко, скорее рассматривается негативно, сводится к «естественному состоянию», из которого необходимо выйти, чтобы стать государством. Если раньше понятие «множество» каким-то образом мыслилось в эпоху господства государственно-центричного мышления, то современное множество сопряжено с категориями «частное», «индивидуальное». «Современное множество состоит не из “граждан” и не из “производителей”. Оно находится посередине между “индивидуальным” и “коллективным”, и разница между “индивидуальным” и “коллективным”, и разница между “общественным” и “частным” для него не имеет значения»³.

Прибегая к хайдеггеровской оппозиции страха и тревоги⁴, Вирно проясняет различие между традиционным и современным типами общества. Вирно отмечает, что само это различие определенного страха и неопределенной тревоги есть и в традиционных обществах, он как раз и знаменует собой границу между «своим» и «чужим»: «Страх размещается внутри общества, внутри его форм жизни и связей. Тревога... появляется тогда, когда мы удаляемся от исходного общества с его разделяемыми большинством привычками и общеизвестными “языковыми играми”. Вне общества опасность повсеместна, непредсказуема, посто-

янна и, суммируя, тревожна»⁵. Альтернативой страху Вирно считает уверенность, гарантируемую обществом, альтернативой тревоге — опыт, предлагаемый религией.

Таким образом, очевидно, что чертами традиционной культуры являются отчетливость границы между «своим» и «чужим», разделение между «внутри» (мир привычного) и «извне» (враждебное, чужое). Понятие множества основывается на исчезновении подобного разделения, и мы считаем нечто чуждым только в той степени, насколько мы сохраняем приверженность к определенной традиционной культуре, которую мы можем называть в данном случае «своей». Мы постоянно находимся под воздействием чего-то непривычного и неожиданного, отчасти из-за постоянно изменяющейся и обновляющейся реальности, в которой нет разделения на стабильное, внутреннее и неизвестное, внешнее, поэтому, как утверждает Вирно, различие между тревогой и страхом исчезает, но не они сами: «наблюдается полное наложение друг на друга страха и тревоги»; «страх всегда тревожен, описанная опасность ставит нас перед лицом общей рискованности существования в мире»⁶. Особенностью способа бытия множества является тотальная незащищенность по отношению к миру. Вирно характеризует ее словами М. Хайдеггера так: «невозможность ощущать себя в собственном доме»⁷. Ответом на эту незащищенность являются опасные поиски защиты: «передача своих прав суверену (сильному или опереточному, неважно), судорожной расталкивание других локтями ради собственной карьеры, ксенофобия...» — перечисляет Вирно различные стратегии успокоения, принятые множеством, отмечая при этом, что колебаний между этими стратегиями «народ», единый с верховным сувереном, не знает⁸. Множество, не ощущающее себя в собственном доме, подобно бездомным, иностранцам, чужим. Это колебание, поиски защиты Вирно связывает с такой чертой, описанной многими пишущими о городах авторами (Г. Зиммель, В. Беньямин и др.), как инфантильность городского поведения. Она выражается в неопределенности, неустановленности поведения горожан, отсутствию твердых привычек, традиционных сообществ, этоса, то есть всего того, что составляет основу устойчивых обществ. «Повторение, которое нечем заменить, преобладает», — констатирует Вирно⁹.

Множество не противоположно Единому, оно есть собрание отделившихся от традиционных культур единиц, «результат бегства от Единого», — пишет Вирно¹⁰.

¹ Вирно П. Указ. соч. С. 24.

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

² Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

³ Там же. С. 16.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ад Маргинем Пресс, 1993. С. 184–190.

⁵ Вирно П. Указ. соч. С. 24.

⁶ Там же. С. 25. Так, российский исследователь концепции множества П. Вирно А. Пензин комментирует: «потеря работы вызывает конкретный страх, но связана и с тревогой как опытом неопределенности» (Пензин А. Паоло Вирно: «грамматика множества» как антропология капитала // Синий диван. 2006. № 8).

⁷ Вирно П. Указ. соч. С. 26–27.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 40.

Особую рациональность, присущую множеству, Вирно описывает с помощью марксовского понятия «всеобщий интеллект» (General Intellect). Под всеобщим интеллектом понимаются наука, знание в целом, которое используется в современном производстве, способность к мысли и вербальной коммуникации, Интернет, а также господство «общих мест» в речи. Это иной тип универсальности, нежели государственное, политическое единство. И в этом смысле, на фоне отсутствия традиционных обществ, специфических черт, привычек, обычаев и тому подобного, в современной культуре нет чужих, поскольку нет и своих, все одинаковы, одни из многих, единицы множества.

Таким образом, если совсем недавно принято было мыслить современную культурную ситуацию в терминах идентичностей, вторжения чужого в мою культурную среду, толерантности, «плавильного котла» или, позднее, мультикультурализма, то предлагаемое Паоло Вирно описание, исходящее из понятия множества, создает другую перспективу анализа, отражающую динамические изменения и структурные конфигурации современной культурной ситуации.

Подобным образом ситуацию описывает С. Жижек, когда характеризует страстные поиски людьми своих

«корней», возвращение к различным формам этнической или религиозной «сущности» как бессильные перед лицом глобального наступления капитала: «в области самих идентичностей, вызванных наступлением капиталистической глобализации, присутствует внутренний разрыв: с одной стороны, так называемые внутренние “фундаментализмы”, основной формулой которых является формула идентичности своей собственной группы, предполагающей практику исключения угрожающих Других... с другой стороны, существует постсовременная мультикультуралистская “политика идентичности”, нацеленная на терпимое сосуществование постоянно меняющихся, “гибридных” групп, ведущих свой особый образ жизни»¹. Подорванность постсовременной идентичности приводит к ее почти полному, за исключением внешних свойств, размыванию, исчезновению. Как отмечает Жижек, раздельная линия между мультикультуралистской политикой идентичности и фундаментализмом чисто формальна, а фоном, на котором процветает это множество групп, является капиталистическая глобализация. В связи с этим в теоретическом поле важным является вопрос о событии или жесте универсальной истины, который изменил бы эту ситуацию в целом.

А. И. Субетто²

ПРОБЛЕМА «СВОИ–ЧУЖИЕ» В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НООСФЕРНОЙ ПЛАНЕТАРНОЙ КООПЕРАЦИИ НАРОДОВ-ЭТНОСОВ НА ЗЕМЛЕ

Дихотомия «свой–чужой», которая в том или ином виде присутствует во взаимодействии этносов, социальных страт и групп, классов общества, является своеобразной формой социально-психологического, культурного отображения в процессах социализации и сознания человека конкурентной парадигмы истории, когда действовала доминанта закона конкуренции, господствовал мир эксплуатации, войн и насилия.

Особенность переживаемого исторического периода всем человечеством планеты Земля состоит в том, что произошла *первая фаза глобальной экологической катастрофы*, процессы которой продолжают разви-

ваться. Ее появление на рубеже 1980–1990-х годов обозначило, с одной стороны, *пределы рыночно-капиталистической формы бытия* и ее обслуживающей системы ценностей и культуры, а с другой стороны, *экологический конец классической, стихийной истории на базе доминирования закона конкуренции*, а также мира эксплуатации, войн и насилия, и, я думаю, *конец сложившейся рефлексии с делением на «свой» и «чужой».*

Человечество вступило в *эпоху великого эволюционного перелома*, направленную на смену парадигм истории человечества. Происходит переход *от истории стихийной на базе доминирования закона конкуренции и механизма отбора*, действующего принципа Гоббса «человек человеку волк» («война всех против всех»), который Дж. Сорос подтвердил в своей работе «Кризис мирового капитализма», — *к истории, управляемой на базе доминирования закона кооперации и механизма общественного интеллекта* (коллективного разума). Здесь императив выживания человечества в XXI веке выступает как императив ноосферной планетарной кооперации этносов, императив становления ноосферного духовного экологического социализма и в целом ноосферной цивилизации.

Императив выживаемости человечества предстает как императив гармоничного взаимодействия человечества как целого с биосферой и планетой Земля — своим домом как единым целым, что требует, в свою

¹ Жижек С. Шекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 286–287.

² Доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Гранд-доктор философии (Grand PhD). Автор более 1100 научных и публицистических работ, в т. ч.: «Системогенетика и теория циклов», «Системологические основы образовательных систем», «Императив выживаемости, тотальная неклассичность будущего бытия человечества и новый гуманизм», «Русский космизм и сферное учение», «Бессознательное. Архаика. Вера», «Капиталократия (Философско-экономические очерки)» и др. Лауреат Международного конкурса «Современные теоретико-методологические аспекты устойчивого развития этносов» (ЮНЕСКО) за создание уникальной научной разработки «Ноосферизм — арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке» в области мировой и глобальной экономики, геополитики и управления (2010), лауреат премии им. П. А. Сорокина (2011). Награжден медалью Швейцера «За гуманизм и служение Отечеству» за серию работ по учению В. И. Вернадского.

очередь (и на это обратил внимание первый директор Римского клуба А. Печчеи), своеобразной «человеческой революции», которую можно охарактеризовать как *ноосферную человеческую революцию*.

В рамках действия этого императива *дихотомия «свой–чужой», которая питалась конкурентными отношениями, трансформируется в дихотомию «свой–иной», которая уже выражает собой кооперационные, комплементарные отношения*. И эта трансформация есть часть предстоящей ноосферной человеческой революции.

«Иной» несет другое смысловое наполнение. *Атрибут «иной» по своему смыслу является отражением этнического, языкового, культурного, цивилизационного, государственного* (с точки зрения устройства), *социального разнообразия форм общественной жизни внутри человечества как единого целого*, в определенной степени отражающих разнообразие «кормящих» ландшафтов (по Л. Н. Гумилеву), климатогеографических условий хозяйствования и хозяйственного природопользования, биогеоценозов и т. д., и т. п.

При этом надо подчеркнуть одну закономерность — чем больше разнообразие кооперируемых существ в единое целое, тем выше его качество. Если конкуренция раскрывает себя на «экстенсивном разнообразии», эксплуатируя «одинаковое», поскольку ее источником является борьба за выживание в рамках одной «экологической ниши», то кооперация раскрывает себя на «интенсивном разнообразии» (то есть на разнообразии качеств этих существ), включая в действие не отношения «поляризации», «отталкивания», «борьбы», а отношения «дополнения», «комплементарности», «притяжения», «сотрудничества».

Содержание эпохи великого эволюционного перелома состоит в том, что она меняет приоритеты доминант в рамках своеобразной «диалектики доминант»: доминанта закона конкуренции сменяется доминантой закона кооперации, и на передний план выходят механизм общественного интеллекта и исторический закон идеальной детерминации в истории через общественный интеллект.

Какая за этим стоит объяснительная теоретическая система? Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система на базе развития учения о ноосфере В. И. Вернадского и ноосферно-ориентированного синтеза наук и ноосферная парадигма универсального эволюционизма.

Ноосфера есть новое качество биосферы, в котором коллективный человеческий разум — общественный интеллект — встраивается в ее гомеостатические механизмы (и планеты Земля) и начинает управлять социоприродной эволюцией и гармонией, с учетом действия законов-ограничений, выражающих функционирование этих гомеостатических механизмов (например, законов Бауэра–Вернадского, закона компенсаторной функции биосферы А. Л. Чижевского и др.).

Можно сказать, что ноосферный этап в эволюции биосферы, в глобальной эволюции Земли и в истории человечества отражает собой их «оразумление». За этим стоит принципиальное изменение взгляда

на закономерности любой прогрессивной эволюции. Доказывается, что любой «конус» прогрессивной эволюции демонстрирует два сопряженных «метазакон»:

— «метазакон» — сдвиг от доминанты закона конкуренции и механизма отбора к доминанте закона кооперации и механизму интеллекта (как механизму эволюции, выражающему собой «опережающую обратную связь», то есть «управление будущим»);

— «метазакон» оразумления или интеллектуализации эволюционирующих систем — как следствие действия первого метазакон.

Фактически ноосферная парадигма универсального эволюционизма, которая составляет одно из теоретических оснований ноосферизма в авторской идентификации, предстает как объединение дарвиновской (селектогенез), кропоткинской (условно ее можно назвать коогенез, от слова «кооперация») и берговской (номогенез) парадигм эволюционизма.

Действие указанных «метазакон» по отношению к социальной эволюции человечества и обозначило эпоху великого эволюционного перелома как социально-эволюционную бифуркацию — смену социальной эволюции с доминантой закона конкуренции социальной эволюцией с доминантой закона кооперации.

Причем *одновременно заканчивается история человечества как относительно «автономная» история, когда человек и общество, экономика только потребляли ресурсы природы, нисколько не заботясь о биосфере, о сохранности ее разнообразия, что и привело к катастрофическому сокращению биологического разнообразия, плодородия и плодородия почв — этого витального базиса жизни, уменьшению запасов чистой пресной воды, к угрожающему повышению рисков климатической бифуркации*.

Конец «автономной» истории человечества означает конец «перинатального» развития человеческого разума в «утробе» биосферы, под «защитным зонтиком» ее компенсаторных механизмов. Биосфера была «беременна» человеческим разумом, она его «выращивала» внутри себя вследствие действия метазакон «оразумления». *Эпоха великого эволюционного перелома обозначила одновременно эти «роды» действительного человеческого разума и действия начального ноосферной эволюции как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества, которая и есть единственная модель устойчивого развития (она являлась предметом «мозгового штурма» трех конференций ООН — «РИО–1992», «РИО+10», «РИО+20» в 1992, 2002 и 2012 гг.)*.

Становление действительного человечества, таким образом, есть становление ноосферного человечества, объединенного одной целью — раскрытием своих творческих и созидательных потенций, ростом разумности истории ради укрепления ноосферной гармонии между ним и природой с постепенным выходом на космические просторы Вселенной.

А это означает становление ноосферной планетарной кооперации народов-этносов на Земле ради

сохранения всего богатства жизни на планете, ради общего дела (в терминологии Н. Ф. Федорова), которым становится созидание «ноосферы будущего».

Дихотомия «свой–чужой» становится «рудиментом» прошлого, когда доминировали конкуренция, войны и насилие, который приобретает смысл «барьера» на пути реализации императива экологической выживаемости. Этот барьер должен быть культурой, сознанием, духовно-нравственной рефлексией преодолен. В этом контексте ценностные установки индивидуализма, индивидуалистической «свободы от», социалдарвинистские, неомальтузианские установки препятствуют объединению человечества ради сохранения своей жизни и жизни биосферы. Английский ученый-историк А. Дж. Тойнби в своей работе «Постижение истории» с горечью заметил: «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять... Отсюда можно заключить, что че-

ловечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. В то же время совершенно очевидна насущная необходимость объединиться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру — самоуничтожение, к чему подталкивают человечество гонка ядерных вооружений, невосполнимое истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды...»¹

Россия — цивилизация, давшая своей историей пример кооперации народов и этносов на евразийской территории — 1/8–1/6 части континентальной суши. Россия, будучи евразийской формой кооперации народов-этносов, «скрепом» которой выступали русский народ, русская культура и русский язык, на мой взгляд, является примером этой будущей планетарной кооперации этносов, реализующей ноосферный императив, когда дихотомия «свой–чужой» заменяется более мягкой дихотомией «свой–иной».

А. В. Толшин²

МАСКИ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

Прежде чем говорить и оценивать конструктивные возможности или деструктивный потенциал символики «своего» и «чужого», обнаружим некие общие законы, по которым формируется эта оппозиция в культуре человечества. В этом нам поможет такой универсальный феномен, как маска (предмет, который надевается на лицо человека). Этот феномен имеет прямое отношение к оппозициям «свой–чужой» и «я–другой», так же как и к другим бинарным оппозициям, им соответствующим: равенство/неравенство; сведение половых различий к минимуму / максимализация половых различий; сакральность/секулярность; жизнь/смерть; отсутствие статуса / статус; молчание/речь и т. д. При этом оппозиции могут выявляться различными типами масок: ритуально-обрядовыми, карнавальными, маскарадными, театральными.

Думается, что возможность рассмотреть область действенных функций феномена маски также придаст высказыванию конкретность.

Моделирование образа при помощи маски — это специфический способ осуществления биологических, социальных, производственных целей коллектива — его «базовых потребностей» (В. Е. Гусев, 1976). Если имя

в архаичных культурах определяет сферу Собственного, то маска олицетворяет границу с миром Чуждого, с которым можно столкнуться лицом к лицу. Чуждое предполагает не только людей других племен и народов, но и все разнообразие проявлений природного мира и процесс приспособления к нему. Маска в большей степени является инструментом обозначения и познания, каковыми представляются и бинарные оппозиции. Свое скрыто, и если выявляется, то в соотношении с маской. Познание протекает в живом игровом действии, которое выявляет оппозицию «я–другой». «Я–другой» — это я, играющий в маске; я преображенный; я с чужим лицом; я, принявший на себя роль другого; я, исследующий природу другого в соотношении с природой собственной. Кстати, это один из фундаментальных принципов театрального искусства. В театре Древней Греции лица протагониста и хора были скрыты под масками.

Одной из составляющих понятия «другой», полагает Ж. Делез, является человеческое лицо, но «лицо и само должно быть рассмотрено как концепт, имеющий свои собственные составляющие»³. Во многих языках мира слова, обозначающие маску, переводятся как «второе лицо», «чужое лицо», «фальшивое лицо», «лицо поверх лица». Освоение культурной оппозиции «я–другой» в маске потребовало от человека чувства единства с социумом, воображения, интеллекта, эмпатии, способностей к мимезису и пластической выразительности. Эта оппозиция — основа развития многих видов исполнительских искусств.

По К. Леви-Строссу⁴, оппозиционная структура сознания, в которой наряду с тезисом присутствует

¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории : пер. с англ. / сост. А. П. Огурцов. М. : Прогресс, 1991. С. 597, 598.

² Артист Академического театра комедии им. Н. П. Акимова, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, член Союза театральных деятелей РФ. Автор монографий «Маска: ритуал, модель, актер», «Маска, я тебя знаю», методических пособий и статей. Исполнитель ролей в спектаклях: О. Уайльд «Как важно быть серьезным» (каноник Чезюбл), У. Уичерли «Деревенская жена» (Фрэнк Харкорт), Б. Нушич «Доктор философии» (Симо Ячменич), Е. Шварц «Тень» (Цезарь Борджиа), А. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского» (Федор), А. Галин «Ретро» (Леонид), Э. Скарпетта «Голодранцы и аристократы» (Оттавио Фаветти), М. Химен, А. Левин «Сплошные неприятности» (генерал Поллард), С. Моэм «Уловки Дороги Дот» (Джеймс Бленкинсол) и др.

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина ; Ин-т эксперимент. социол. М. ; СПб. : Алетейя, 1998. С. 30.

⁴ Леви-Стросс К. Жан-Жак Руссо — основатель гуманитарных наук // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 1 (2). С. 223–233.

антитезис, позволяет понять другие, «чужие» сознания и культуры, чужие маски, чужие оппозиции, которые можно рассматривать как универсальные. Такие оппозиции и прослеживаются в системе масок у многих народов. Так, в русской культуре ряженья — это оппозиции мужского–женского, своего–чужого, нечеловека–человека, молодого–взрослого, не состоящего в браке — состоящего в браке, живого–мертвого, социально высокого — социально низкого. Один из членов такой оппозиции бывает отмечен особо — он воплощается в определенных персонажах как инверсированная форма¹.

При переходе от одной популяции к другой универсальные оппозиции нередко трансформируются. Этому способствуют исторические и локальные обстоятельства: зона контактов с соседними народами, войны, торговые и матримониальные обмены, общность языка, миграции, заимствования, желание народа утвердить себя по-иному — выбрать те стили жизни, от которых соседи отказались. Так, пластические аспекты масок — носителей одного и того же сообщения или мифа инвертируются подобным же образом при переходе к соседней популяции. При этом обычай одной маски утрачивается и возникает новая маска, схожая и в то же время отличающаяся от первой. Леви-Стросс сформулировал это так: «Когда при переходе от одной группы к другой пластическая форма сохраняется, то семантическая функция инвертируется. Наоборот, когда семантическая функция сохраняется, то инвертируется пластическая»².

Раскопки святилища Артемиды Орфии в Спарте (ок. 600 г. до н. э.) и исследования Ж. Б. Картера показывают многообразие культурных связей и заимствований ранней Античности и соединение форм в греческой культуре. Происхождение кривляющихся демонических масок связывается Картером с проникновением в греческую мифологию и искусство истории Персея и Горгоны и иконографии из ассирийско-вавилонских источников, существовавших за одну тысячу лет до масок Спарты. Эволюция из старых вавилонских лиц в маски VII века представляется ясной, и эти маски могут сохранять функциональную идентичность с демоном Хамбаба из вавилонского эпоса Гильгамеш. В свою очередь появившаяся одновременно традиция маски героя была оппозицией традиции маски демонической. Она прочно укрепилась в Восточном и Западном Средиземноморье и пришла в Грецию в виде бородатых воинов и небородатых юношей. При этом воин-герой мог быть как соперником демона, так и его телохранителем. Облик идеализированного героя-воина в Спарте заимствован из семитских традиций и моделей. Так, маски героя из Хазора (XIV в. до н. э.), Хайфы (800–650 гг. до н. э.) аналогичны пуническим или финикийско-карфагенским. Ханаанеяне заимствовали маски из семитской культуры Месопотамии, которую привезли на Кипр перед началом II тысячелетия. Потомки Бронзового века ханаанеяне, которых греки называли финикийцами, исполь-

зовали терракотовые маски в своих колониях в Западном Средиземноморье. В ходе интенсивной торговли и колонизации в VIII и VII веках до н. э. финикийцы представили маску в Спарте.

Оппозиция «свой–чужой» ярко проявляется в «лиминальные фазы» развития общества, периоды «жизненных переломов» (А. ван Геннеп, В. Тэрнер). Эта ситуация позиционируется как определенное состояние человека или общества, при котором конфликт достигает той степени, когда лишь средством ритуала можно либо восстановить социальную структуру, либо узаконить раскол и переход к другому состоянию. Эти важнейшие значения ритуала определяют и функции маски как одного из основных инструментов ритуальной практики, и природу разрешения конфликтов оппозиции «свой–чужой». Проходя последовательно через ряды жизненных переломов и повышения статуса, человек структурно растет.

Культура существует как интегральная система, как ансамбль. В ней все составляющие оказываются совершенно необходимыми, каждый отдельный предмет, обычай, какое-либо верование представляет собой ценность, выполняя социальную функцию с позитивным для общества значением. Рождение оппозиции «свой–чужой» было необходимо как способ познания мира, прием биологического и духовного группового и индивидуального выживания. Поэтому маскам как инструментам культурного взаимодействия были присущи взаимная перемена пластических форм и семантических функций. В этом процессе «свой» и «чужой» могли трансформироваться, им присваивался иной, несвойственный смысл. История показывает, что различные игровые формы культуры, в которых используется маска, могут неконфликтно существовать вместе, опосредованно влияя друг на друга и частично перекрывая другое «культурное поле». Об этом свидетельствуют практика применения масок в мистерии цам (Тибет, Китай, Монголия, Бурятия) или обряды с посмертной маской в татышской культуре (I–IV вв.) на территории Сибири.

Формирование новых типов культуры приводит к изменению семантических и пластических значений масок, меняет вектор направления их функций. Развитие культуры демонстрирует необходимость этого знака в различные исторические периоды. Особенно велико значение маски во времена больших политических, социальных и культурных перемен. Проблемы и противоречия общественной жизни диктуют и выбор определенного вида масок. Действия с маской — ограниченный по времени феномен. Он может не повторяться в истории культуры в своем первоначальном виде. Но его функции, как мы это наблюдали, инвертируются и остаются жизнеспособными.

В современном обществе маска продолжает быть выразительным инструментом оппозиции «свой–чужой»: сатирическая маска высмеивает «чужого» политика; лозунги, нанесенные на лоб маски, выражают «свою» информацию о ее носителе; маски современных секретных обществ, как и в древности, побуждают к социальной сплоченности против чужаков. Анонимность человека под маской акцентирует подчиненность

¹ *Ивлева Л. М.* Ряженья в русской традиционной культуре. СПб.: РИИИ, 1994. С. 220.

² *Леви-Стросс К.* Путь масок / пер. с фр. А. Б. Островского. М., 2000. С. 64.

авторитету, усиливает групповую принадлежность, служит способом подавления личностного начала. Маска в явлении терроризма и способах борьбы с ним представлена такими функциями, как сокрытие лица, ведущее к анонимности при исполнении действий, как знак определенного психологического единства, инструмент устрашения потенциального противника и жертв.

В XXI веке революционные события в различных странах демонстрируют широкое применение маски противоборствующими сторонами конфликтов: это

регулярная армия, спецслужбы, повстанцы, сепаратисты, просто хулиганы. Все они используют маски для создания неких образов: солдата, повстанца, борца за справедливость. Соккрытие лица под маской означает продуктивность временной «потери» лица для участия в данных событиях и акциях. Человек без лица — это создание «чужого» лица, психологическая защита, устрашение, возможность уйти от личной ответственности. Оппозиция «свой–чужой» применительно к маске освоена и в современной психотерапевтической практике, арт-терапии.

Р. А. Урицкая¹

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СВОЙ» В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДИАСПОР ЕВРОСОЮЗА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представители так называемого «русского мира», то есть русскоязычные диаспоры, сегодня расселены по всем уголкам планеты и в этом отношении могут служить некой моделью глобализации. В данном контексте представляется интересным рассмотрение вопроса о критериях этнокультурной самоидентификации населения диаспор, в особенности молодого поколения.

Как известно, в основе процесса самоидентификации лежит устоявшееся представление о понятиях «свой–чужой». Исторически соотнесение собственного «я» каждого конкретного индивида с той или иной социокультурной группой всегда было связано со следующими категориями: этнос, религия, гражданство (подданство), общий культурно-исторический опыт, в частности язык общения. При этом в различные исторические эпохи доминировала какая-то одна из вышеперечисленных категорий.

Так, например, для западноевропейского Средневековья с его размытостью очертаний национально-государства (средневековая Европа была в большей степени Европой правящих династий, нежели национальных государств) базовым фактором в определении «свой» служила принадлежность к латинской Римско-католической церкви с единым для всех ее главой.

В советскую эпоху при признании кого-то «своим» определяющим являлось гражданство СССР.

По каким же критериям сегодня происходит деление на «своих» и «чужих» в молодежной среде русскоязычных диаспор Евросоюза?

Прежде всего рассмотрим такую категорию, как этнос. Современные диаспоры, так же как первая (1920-е гг.) и вторая (1940-е гг.) волны русской эмиграции, мультиэтничны. Русские, украинцы, белорусы,

татары, евреи, цыгане, народы Кавказа и другие представляют русскоязычную диаспору Франции; немцы, русские, евреи, казахи, украинцы — Германии; греки, русские, грузины, абхазы — Греции. Самым пестрым по этническому составу является русскоязычный букет Испании, Финляндии, Болгарии и Чехии, о чем можно судить по публикациям в русскоязычной прессе европейских стран, а также по зарегистрированным в Евросоюзе русскоязычным культурным ассоциациям². Сам собой напрашивается вывод о том, что принадлежность к тому или иному этносу не является цементирующей основой диаспоры.

В равной мере это относится и к религиозной составляющей, так как все русскоязычные диаспоры европейских государств традиционно мультиконфессиональны. Кроме того, нельзя не принимать во внимание тот факт, что русскоязычная молодежь Евросоюза, как и коренное население входящих в него стран, воспитывается в условиях традиций светского государства, прививаемых в государственной школе.

Общественные дебаты по вопросу о содержании и практическом приложении принципа светскости государства и следующих из него принципов светскости образования в государственных школах и светскости государственной службы за последние 10 лет привели европейское сообщество к пониманию того, каково содержание светскости как основы конституционного строя и демократической ценности.

Что касается культурно-исторического опыта русскоязычной молодежи Европы, то он состоит из трех

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 40 научных и научно-методических публикаций, в т. ч.: «Они любили свою страну. Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.», «Проект Европа: 400 лет истории (1610–2010)», «Взаимоотношения общества и государства», «Образование как часть политической системы современной России».

² Данные ассоциации действуют в соответствии с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств, разработанной в Совете Европы. Как следует из текста Конвенции, «потрясения, имевшие место в европейской истории, продемонстрировали, что защита национальных меньшинств необходима для стабильности, демократической безопасности и мира на европейском континенте. Плуралистическое и подлинно демократическое общество должно не только уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, но и создавать соответствующие условия, позволяющие выражать, сохранять и развивать эту самобытность».

основных компонентов: молодежной субкультуры, не несущей в себе какой бы то ни было этнокультурной специфики; культуры страны проживания и собственно русской культуры.

При этом для большинства доминирующим компонентом является молодежная субкультура, что роднит русскоязычную молодежь с коренными европейцами.

Что же позволяет детерминировать индивида как «своего»?

Прежде всего, конечно, владение русским языком в качестве родного. Абсолютно двуязычная молодежь (русский и язык страны проживания) в отношениях с представителями старшего поколения в семье общается преимущественно на русском языке. Таким образом обеспечивается преемственность усвоения русского языка как родного. Стимулом и благоприятной почвой для сохранения русского языка молодежью является возможность поддержания тесных связей с метрополией: поездки к родственникам в Россию, обилие русскоязычных и российских СМИ (пресса, радио, телевидение и, конечно, Рунет), доступных в странах Европы. «Живой» и живо звучащий на улицах европейских городов (по крайней мере мегаполисов) русский язык объединяет всех на нем говорящих в некое сообщество.

Однако следует отметить, что для молодежи не в меньшей, если не в большей, степени объединяющим фактором является «русский» менталитет, то есть устойчивые модели поведения, характерные для русскоязычных сверстников.

Именно усвоенные поведенческие «традиции» обуславливают определение понятия «свой». В данной ситуации во многом происходит стереотипизация образов:

— «свой» — щедрый, компанейский, отзывчивый, смелый, веселый, эмоциональный, открытый;

— «чужой» (француз, немец, финн) — жадный, замкнутый на себе, трусливый, «тупой».

В данном контексте тенденциозны попытки объяснить именно различной ментальностью периодически возникающие конфликты между русскоязычной молодежью и коренным населением европейских стран.

Анализ публикаций русскоязычной прессы Европы показывает наиболее высокий уровень конфликтности в Германии, Финляндии, Польше, Чехии.

Отдельной темой, лежащей в основном в политической плоскости, является положение русскоязычной диаспоры в странах Балтии.

А. В. Успенская¹

ПОНЯТИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотрение семантического поля слова «чужой» в русском языке, несмотря на всю его широту, позволяет констатировать, что спектр его значений простирается от нейтральных до отрицательных коннотаций. Само это слово активизирует целый ряд взаимосвязанных смыслов. «Чужой» — существующий за пределами родной, «нашей» культуры, странный, не такой, как «мы», то есть необычный, и соответственно непонятный; еще одна ступень отчуждения — обладающий неизвестными силами и способностями, возможно сверхъестественными; наконец, враждебный и опасный.

Положительные коннотации этому слову практически несвойственны. В этом русская ментальность не уникальна. Такой подход был характерен и для европейской средневековой культуры, и ранее для первобытнообщинного строя.

Если в первобытном мире оппозиция «свой—чужой» основывалась в первую очередь на кровном родстве, то доминировавшая в Западной Европе до конца Средневековья, эта оппозиция имела формы не столько социального и культурного, сколько религиозного противопоставления. Насильственная христианизация

восточногерманских и западнославянских земель, проводимая «сверху», нередко вызывала отторжение у низших сословий, при этом социальная рознь принимала формы религиозной. В средневековых текстах слово «крестьянин» (*rusticus*) нередко имеет синоним — «язычник» (*paganus*). Заметим, что в древнерусский язык это слово вошло со сходным, но не идентичным значением: «поганые» — это не просто иноверцы, но прежде всего враги (в фольклоре одно из средоточий зла — Идолище поганое). Согласно ортодоксальной средневековой идеологии христиане — носители света, им же противостояли демонизируемые еретики, колдуны, иноверцы, воспринимаемые как представители сил тьмы. Их количество по мере продвижения к концу света и последней, окончательной битве со злом должно было увеличиваться и требовать все более жестких мер противодействия. В то же время враг, если он даже формально и являлся единоверцем, приравнивался к верующим неправильно, то есть к еретикам, отступникам, предателям. Неудивительно, что широкие народные антифеодальные движения принимали в Европе облик религиозной Реформации. Разумеется, отождествление «чужого» с неверным, врагом противоречило повседневной практике межкультурного общения, а потому соблюдалось далеко не всегда. Однако понятие толерантности, безусловно, существовавшее в средневековом быту, особенно в больших городах, стало обретать статус признанной идеологии только в эпоху Просвещения.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

Однако если в русском языке слову «чужой» также сопутствуют отрицательные оттенки смысла, то само представление о чужом как «ином», «другом» — иноземце, иноверце, иноплеменнике, сложившееся еще в Древней Руси, далеко не так однозначно. Можно констатировать, что на Руси в целом сложилось достаточно терпимое отношение к чужому, этому способствовал многовековой опыт жизни рядом с чужими, не пришедшими на русскую землю, а живущими на своей земле бок о бок с русскими, необходимость совместно обороняться от более сильного противника.

Кроме того, официальная идеология, зафиксированная в летописях и «Словах», поддерживаемая большинством, провозглашала добровольное принятие Русью «чужой», византийской веры — православие стало «своим», и это был осмысленный, сознательный выбор. Важное значение для Руси, заимствовавшей и христианство, и многие культурные парадигмы от Византии, имело и то, что Византия в большей степени, чем Западная Римская империя, сохранила нормы древнегреческого мира.

Греческая культура по-своему уникальна. Само слово ξένος оказывается многозначным: оно одновременно означает и «чужой», и «гость», и «друг». То есть человек, пришедший без явных враждебных намерений, является и гостем, и другом. Иноземец, странник пользовался защитой государственных законов практически во всех греческих полисах. В Греции был повсеместно распространен культ Зевса Ксения (гостеприимного). У Гомера оказывать приют нищим странникам — богоугодное дело: «Ныне же встретился нам злополучный бездомный скиталец: / Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевс посылает / Нищих и странников...» (Одиссея, VI, 207–208). Именно под влиянием греческой, а позднее византийской культуры на Руси рядом со словом «чужой» утверждается синоним «странный» («странный человек») — и в значении «паломник», и просто «странствующий, прохожий», и в значении «необычный, вызывающий удивление человек», — и это слово имеет другие коннотации — от нейтральных до положительных.

Один из главнейших законов древнегреческого мира — закон гостеприимства. Ксенофобия считалась тяжким грехом. Эти народные нравственные нормы воплотились в греческих мифах. Например, в «Илиаде», как бы ни пылал ненавистью Ахилл к царю враждебной Трои, Приаму, но, когда тот безоружный приходит к нему умолять о выдаче тела сына, Ахилл не может его прогнать или ответить оскорблением. Известен и миф, напрямую посвященный культу Зевса Гостеприимного, — о Филемоне и Бавкиде.

Русская культура испытала двойное влияние древнегреческой культуры — через православные византийские источники и непосредственное, когда в результате реформ Петра I она стала активно вбирать в себя западноевропейские ценности. При этом характерно, что латинские источники, сама римская культура, воспринимались более отчужденно, чем греческие. Рим ассоциировался с цивилизацией — с ее пороками, жестокостью, угнетением и невинным страданием, Греция — с представлениями о гармонии

человека, природы и культуры, «золотым веком» человечества.

В русской классической литературе представлены многообразные рецепции греческой культуры, представлявшей общечеловеческим идеалом не только в эстетическом, но и в этическом плане. При этом происходит восприятие «чужого» как «гостя» и «друга».

В лирике Ф. И. Тютчева греческие нормы приобретают характер нравственного императива:

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

1829

В арсенале творческих средств Н. В. Гоголя античные элементы играют важную роль, возводя, казалось бы, низменное и бытовое к возвышенному и трагическому. Чтобы понять, как функционирует у Гоголя прием насыщения текста не только античными образами, но и этическими представлениями, обратимся к повести «Старосветские помещики», первой в сборнике «Миргород». Общеизвестно недоумение Белинского, в целом высоко оценившего повесть: «Две пародии на человечество... пьют и едят, и едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарованье?»¹ Это мнение породило даже целую традицию: герои осуждались за бессмысленный, растительный образ жизни, хотя и отмечалась их любовь друг к другу. Между тем герои Гоголя существуют не в реальном пространстве, где подобные оценки могли бы иметь смысл. Место жительства героев, вне всякого сомнения, — легендарный «золотой век». Как отмечал уже Г. А. Гуковский, на первой же странице Гоголь демонстрирует черты идеального, а не реального пространства²: действительно, сад одновременно цветет и плодоносит — в саду стоят деревья, «потопленные багрянцем вишен и яхонтовым морем слив». Отсутствие холодного времени года, обилие еды и питья, отсутствие катастрофических событий, и вообще всякого зла, а главное — доброта и гостеприимство обитателей — все это создает идиллический хронотоп, наиболее полно осуществленный в легендарном «золотом веке». И судить героев надлежит именно по законам этого хронотопа, когда самыми главными добродетелями являются, как еще когда-то отмечал Ф. Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», «гармония и мир персонажа с собой и с внешней средой»³.

Сравнение с героями древнегреческого мифа также призвано возвысить персонажей, на первый взгляд ничем не примечательных. Гоголь настойчиво называет их Филемоном и Бавкидой, и на этом сравнении стоит остановиться особо. Древнегреческий миф, особенно ярко зафиксированный в «Метаморфозах» Овидия⁴, повествует о ничем не примечательных старике и старухе, единственными добродетелями которых были любовь

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. 1953–1959. Т. II. С. 220.

² Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. Л., 1949. С. 79–80.

³ Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 440.

⁴ Ovid. Metamorphoses. VIII, 621–725.

друг к другу и гостеприимство, однако добродетели эти оказались практически уникальными в этом мире. Но если у Овидия боги наградили за праведность Филемона и Бавкиду: их жизнь была долгой и беспечальной, а вместо смерти боги даровали одновременное преобразование, сделав их дубом и липой («Праведных боги хранят: почитающий сам почитаем»), то в повести Гоголя благополучное легендарно-сказочное разрешение сюжета невозможно. И если у Овидия на месте жилищ нечестивых соседей пруд с лягушками, а домик стариков стал храмом Зевса Гостеприимного, то у Гоголя добродетель не будет награждена, и для его героев невозможно высокая, мифологическая реализация. Их смерть не одновременна, Афанасию Ивановичу предстоят долгие мучения в разлуке, а на месте их разоренной усадьбы остается заросший пруд.

Именно то, что герои, исполняющие божественный завет гостеприимства и любви как к «своему», так и к «чужому», не получают награды в современном мире, является, по Гоголю, одним из эсхатологических признаков: мир ушел от идеала «золотого века», приблизившись к веку железному с его разобщенностью, враждой и злобой, — и это показано в последней повести сборника «Миргород», повествующей о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» старики Базаровы, воплощающие лучшие качества мира «отцов» — любовь и кротость, радушие, гостеприимство, также сравниваются с Филемоном и Бавкидой. Базаров же, с пренебрежением отвергающий этот мир, оказывается не способен к дружбе, трагически одинок и несчастен.

В русской литературе восприятие чужого как враждебного противоречит представлениям об идеале. Если же оно соотносится с этическими нормами традиционного, патриархального общества, то общества, уже изжившего себя, находящегося в стадии разрушения. Недаром героям, пребывающим в недрах традиционного общества, исповедующим его веру, Н. Добролюбов дал меткое название — «темное царство», то есть это мир,

прежде всего лишенный нравственного света, любви и истины. Таков в трагедии А. Н. Островского «Гроза» образ Феклуши-странницы, приятельницы и собеседницы Кабановой. На первый взгляд эта героиня не имеет отношения к основному сюжету трагедии, однако это истинное порождение темного царства, его певец, глашатай. В ее рассказах, несмотря на их фантастичность, видна железная логика. Она противопоставляет свое, «наше», и «чужое». И чем дальше от нас чужое, тем более враждебным оно представляется.

У нас — «благоепие», «рай и тишина», люди «добродетелями, как цветами, украшаются». У них, в других городах, — «Содом... шум, беготня». Москва — «суетный народ... ему мерещится, что его манит некто, а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна...» — то есть люди подвержены дьявольскому соблазну, фактически общаются с Сатаной: «огненно-го змия стали запрягать». Для Феклуши это признаки приближения к концу света: «и время-то стало в умаление приходиться». Еще дальше, в других странах, — «где царей-то нет православных, а салтаны земель правят» — еще более греховный мир, «все неправедные»: там правят «салтан Махнут турецкий», «салтан Махнут персидский» «и что ни судят они, все неправильно». Еще дальше, на краю земли, — мир чудовищ, «люди с песьими головами». Эта ксенофобия, отторжение «чужого» оборачивается злобой и ненавистью и к «своим» — темное царство придерживается ветхозаветной суровой справедливости («око за око»), но не ведает новозаветного понятия любви и милосердия, что отразилось в трагической судьбе главной героини.

Таким образом, в русской классической литературе косность, нелюбовь к новизне, ксенофобия, недоверие к разуму и знаниям соотнесены с отрицательными персонажами. Любовь, гостеприимство, открытость, радушие соотнесены с представлением об идеале, и в этом находит отражение стихийно складывавшийся в российской ментальности нравственный кодекс, соединивший древнегреческие и новозаветные христианские нормы.

В. Б. Устьянцев¹

ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА ОППОЗИЦИИ «МЫ–ОНИ» В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ МОДУСАХ КУЛЬТУРЫ

Основания бытийственности человеческого «я» и исходные формы идентичности субъекта в социаль-

¹ Заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных работ, в т. ч. монографии «Жизненное пространство, человек, риски»; учебных пособий «Введение в социальную рискологию», «Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем» (в соавт.); статей «Ценностное бытие человека», «Социальная память: этапы исторической динамики» и др. Член президиума Российского философского общества. Награжден орденом «Labore et Scientia — Трудом и Знанием».

ном мире в последние десятилетия занимают ключевые позиции в проблемном поле философии. Фундаментальные свойства многогранного бытия человека раскрываются в пространственных и временных структурах дихотомии «мы» и «они». Обозначенный познавательный горизонт мало изучен и довольно часто облекается в форму метафор. Взять хотя бы достаточно известный афоризм: «Бог взял себе время, а людям оставил пространство». В этом высказывании проследживается справедливое утверждение о роли пространства как «первоначала» бытийственности индивиду. В связи с этим пространство предстает исходной формой развертывания социально-психологических

общностей «мы–они». Выступая в качестве необходимого феномена «мы», пространство не только становится средством идентичности проживающих вместе, сообщая, но и дает возможность «разглядеть» социальные очертания индивидов, объединенных в «они».

Исходная пространственная организация «мы–они» первоначально может реконструироваться на *социально-психологическом уровне*. Благодаря довольно простой структуре названные социально-психологические общности объединяют самые различные социальные группы, слои, связанные единой территорией, менталитетом, сложившимися стереотипами общения, общепринятыми в межличностной среде правилами и нормами поведения. Если «мы» локализовано территорией, национальными интересами, традициями и остро нуждается в сохранении и воспроизводстве своего жизненного пространства, то «они» могут быть повсюду, в ближайшем и дальнем окружении, являться в расплывчатых, мифифицированных образах, мыслиться в понятиях — «чужая жизнь», «чужие традиции», «чужая территория». В коллективном сознании тех, кто объединен общим духом «мы», непрерывно рождаются психологические установки на доверительные, нейтральные или враждебные установки к «чужим». В предельно общем социально-психологическом пространстве, где зашлабась бинарная оппозиция «мы–они», коллективные эмоции, чувства, настроения, смыслы подвергаются трансформации и контролю со стороны социальных, прежде всего политических, институтов, регулирующих массовые психологические потоки.

Пространственные структуры социально-психологических общностей институализируются, вливаются в *пространство политики*. Изменение архитектуры пространства сопровождается изменением облика «своих» и «чужих». Достаточно рельефно такие изменения можно наблюдать в пространстве политического порядка. Стремление общности «мы» сохранять свое внутреннее пространство в условиях политического порядка поощряется властными структурами. Массовые политические манифестации, митинги, демонстрации в поддержку «нашей» власти эпизодически заполняют пространство порядка бурными эмоциональными всплесками, символическими действиями. Политические лозунги, плакаты-образы, патриотические песни как символы политического порядка становятся необходимым элементом пространственного бытия «мы». Эмоциональная преданность «нашей» власти сопровождается неприятием «чужой» власти, чужих норм, чужого порядка. «Мы» выталкивает массовые политические сомнения вовне, в массовое сознание, в социальные сети, где начинает оживать «образ врага». В пространстве порядка образуется духовная матрица для более сложных отношений «я — не я» в мире культуры, науки, образования, при этом политические контрасты оппозиции «мы» и «они» утрачивают свою прямолинейность и гасятся в различных формах межкультурного диалога.

Новые духовные основания оппозиции «мы–они» проявляются в культурном пространстве. Представляя культуру, ее духовную сущность с позиций расширения или сокращения сферы влияния ценностей на со-

знание индивидов, культурное пространство порождает различные поля оценивания индивидами коллективного «я». «Мы» в пространстве культуры отличается подвижной системой ценностей, посредством которой раскрывается собственная значимость в жизненном пространстве социума, происходит объемное восприятие «чужих», их поведения, образа жизни, приоритетных ценностей и предпочтений.

Можно утверждать, что ценностная матрица «мы» во многом определяет способы идентичности и границы влияния коллективного разума на культурное, шире, социальное пространство «своего» социума. Центральное место в этой матрице занимают ценности, выражающие значимость культурной общности, ценности, устанавливающие подвижную грань между традициями коллективной памяти и способностями к инновациям. Предельное приближение к ценностному ядру культурного пространства «мы» выражают ценности национального самосознания, национального характера. Примером универсальной культурной идентичности можно назвать используемое в межнациональном общении утверждение — «мы — русские». Это утверждение — символ русского характера. Именно в национальном характере раскрываются ценности, способные сплотить людей, направить усилия этноса на возрождение и процветание национальной культуры, цивилизации в целом. Академик Д. С. Лихачев духовную основу национального характера русских связывает со стремлением к свободе и справедливости. Анализируя культурный контекст интерпретации национального характера в свете оппозиции «мы–они», Д. С. Лихачев обращает внимание на искаженное восприятие ценностей русского характера с позиций массового сознания Запада: «На Западе до сих пор убеждены, что русским свойственна не только терпимость, но и терпение, а вместе с тем покорность, безразличие, низкий уровень духовных запросов»¹. Отказываясь принимать искаженную трактовку черт национального характера русских, Д. С. Лихачев стремится с позиции позитивных ценностей национальной культуры найти в пространстве культуры «пути развития духовной множественности, духовной свободы» русского человека. В зависимости от ценностей национальной культуры реализуется социокультурная направленность «мы», раскрывается (или должна раскрываться) творческая созидательность в экономике, науке, образовании.

Время как категория, выражающая устойчивую форму бытия человека и общества, открывает новый горизонт оппозиции «мы–они». В модусах времени: прошлое–настоящее–будущее обнаруживаются разные формы проявления оппозиции «свои–чужие». Сознание субъектов, объединенных социальной реальностью в явление «мы», способно мысленно воссоздать *прошлое*, оценить текучесть настоящего и выстроить планы на будущее.

Осознание прошлого дополняется его опредмечиванием в традициях как основных средствах коммеморативных практик. Чем разнообразнее и устойчивее

¹ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 4.

традиции в культурном пространстве «своих», тем выше уровень их групповой солидарности. Постоянно воспроизводя традиции в национальных праздниках, военных мемориалах, музеях, архивах, люди, объединенные деянием народного духа, национальным самосознанием, стремятся преодолеть разрыв с прошлым, реализовать свою идентичность в истории. Места памяти, созданные усилиями тех, кто стремится увековечить историю страны, народа, героических личностей, часто становятся полями столкновения идейных, ценностных конфликтов «своих» и «чужих». Прошлое, материализованное в настоящем в институте социальной памяти, приобретает ценностную окраску, все чаще превращается в фактор политического, культурного противостояния. Опираясь на прошлое, субъекты оппозиции «мы–они» могут усиливать или обесценивать значимость настоящего, находить возможности консенсуса противодействующих сил или, наоборот, обострять негативное отношение к местам памяти, игнорировать роль национальных ценностей в культурном пространстве.

Взаимодействие временных модусов *настоящего и прошлого* в особой системе «свои–чужие» во многом обусловлено современным состоянием культурного пространства, достижениями научно-технического прогресса и зрелостью гражданских отношений, норм и принципов. *Ценность настоящего* как временного модуса определяется вовлеченностью социальных общностей в осознание и освоение действительности. Настоящее по отношению к «мы–они» амбивалентно. С одной стороны, в настоящем происходит обретение общей идентичности «мы» посредством установления общности взглядов, убеждений, жизненных установок, передачи социального опыта новому поколению, преодоления устаревших стереотипов и формирования новых ценностных установок по отношению к чужим. С другой стороны, пребывание в настоящем, наполненном рисками, конфликтами, настроениями неопределенности, оказывается испытанием для «я», поглощенным оппозицией «мы–они». Оказываясь в заорганизованном мире настоящего, индивид в самых различных социальных проявлениях своей сущности, включая «мы», испытывает социальное давление, ощущает тесноту повторяющихся временных потоков настоящего. Человек, оказываясь в институциональном настоящем, по мнению Д. С. Лихачева, стремится преодолеть жесткие границы настоящего, раскрыть собственную идентичность

в модусах настоящего, прошлого, будущего. «Человеку тесно жить только в настоящем. Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранности памяти на будущее...»¹. Социокультурная память, преодолевая «тиранию» настоящего, открывает возможность для реализации ценностного человека в мире культуры. Необходимым звеном объединения памяти о прошлом и движения коллективных субъектов в будущее становятся инновации, где происходит объективация «нового», создание новых моделей поведения для «своих» и многоплановых отношений к «чужим».

Определенные жизненные ориентиры для коллективных субъектов, оказавшихся в ролевых структурах «мы–они», содержатся в *модусе будущего*, в более общем контексте выражающего потенциальное, еще не реализованное бытие общества и человека. Проблемное поле «мы в будущем» может рассматриваться с позиции интуитивистского, мифологического, рационалистического подходов. Интуиция выражает возможности развертывания коллективного «мы» и «они» как коллективного бессознательного в интересах будущего; мифологема «мы» и «они» подвергают сомнению или разрушают привычные представления о своих и чужих, наделяя их нереальными, порой пугающими признаками и свойствами в будущем; рационалистическое обоснование будущих состояний «мы–они» основано на знаниях и накопленном исследовательском опыте, представлено в виде прогнозов, сценариев развертывания ситуаций коллективного сознания в ближайшей или долгосрочной перспективе.

Конкретизацией проблемы «мы в будущем» является прогностический анализ национального характера как социокультурной матрицы «мы» в модусах времени. Модель будущего в применении к национальному характеру оказывается на пересечении рациональных и иррациональных подходов. Д. С. Лихачев, выявляя динамику национального характера в ценностях настоящего и будущего, справедливо утверждает: «В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем»². Анализируя национальный миф о счастливом будущем, мыслитель стремится обосновать рационально-прогностический горизонт развертывания русского характера. Свойственное русским стремление во всем доходить до пределов возможного необходимо, по его мнению, направлять в сознательное русло, используя для этого богатые возможности национальной культуры, общечеловеческие ценности, достижения мировой культуры.

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 377.

² Там же. С. 5.

Л. И. Харченкова¹

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РУССКИХ И ФИННОВ

Проблема «своего–чужого» в настоящее время является одной из фундаментальных в гуманитарном знании и необыкновенно актуальной в связи с современными социальными и культурными процессами. Культурные различия не существуют сами по себе, и только контакты с другими придают тем или иным элементам культуры статус дифференцирующего признака. Соприкосновение «своего» и «чужого» свидетельствует о пересечении границ и смене угла зрения коммуникантов. «Чужое» необходимо для постижения «своего», без опоры же на «свое» невозможно познание «чужого».

Данные опроса, проведенного среди русских и финских студентов с целью определить различия в аксиологических предпочтениях русских и финнов, в полной мере подтверждают вышесказанное. Респондентам было предложено проанализировать ряд основополагающих понятий, таких как хаос и беспорядок, природа и культура, время, пространство, мировоззрение и др.

Ответы студентов свидетельствуют о том, что отношение к хаосу и беспорядку существенно различается в рассматриваемых культурах. В финской культуре представления о порядке связаны прежде всего с обществом и домом: а) «Финны привыкли к тому, что их общество очень упорядоченно и стабильно»; б) «Финны любят планировать и организовывать все точно; если у финна беспорядок, появляется хаос и все идет неправильно». Русские респонденты продемонстрировали более широкое и объемное понимание хаоса и беспорядка, нормального и аномального. Понятие нормы связывается с традициями, религиозными предписаниями, воспитанием, правом: «С ненормальным ассоциируется некое уродство, нечто нехорошее, враждебное, непонятное. Неизвестное тоже может рассматриваться как ненормальное (например, в фантастических книгах о пришельцах, мутантах). Нормальное — то, что узаконено повторениями, но и абсолютная норма вызывает иногда неприятие, так как не дает места фантазии, творчеству. То, что нормально, отражено в законах правового общества, религиозных предписаниях, стереотипах поведения».

Понятие о человеке у финнов связано с присущими финскому менталитету представлениями об упорстве, старательности, физическом и психическом равновесии, во многом сформировавшимися под влиянием лютеранства: «Финский человек здоровый, упорный и старательный... Жизнь для того, чтобы жить, и лозунг

“Живи и радуйся!” абсолютно в силе». В ответах русских респондентов отмечается философское отношение к человеку, его жизни и смерти, сформированное длительной православной традицией, при этом выделяется триада «тело–душа–дух»: «Человек представляет собой гармонию тела и души, объединенных духом. Тело и душа — природная часть человека. Дух — его стремление к вечному совершенству. Тело — материя, душа — движение, а дух — совершенство. Болезни даны человеку для того, чтобы осознать свое тело; победив их, человек может победить (приручить) природное в себе. Жизнь — это праздник, дар человеку, а смерть — это главный вопрос для человека».

Финнов отличает традиционно уважительное и бережное отношение к природе: «Природа имеет большое значение для многих финнов. Сельское хозяйство, охота и рыболовство очень долгое время были важными промыслами, и они сейчас для многих достаточно важны, во всяком случае как хобби. Природа близка к людям в совершенно конкретном смысле: города сравнительно небольшие, и попасть “на природу” можно безо всяких хлопот».

Примечательно, что в финских анкетах акцентируется мысль, будто культура — это нечто элитарное, для избранных, не для всех: а) «Понятие культуры для финна — нечто “большое”, как опера или театр, и в конечном счете предназначено для маленькой группы людей»; б) «Слово “культура” обозначает что-то большое, высокое, не для “обычного” человека».

Российские студенты пишут о сопоставлении идеального и реального в отношении к природе, каким оно должно быть и каким зачастую является сегодня: а) «Природа и культура — понятия противоположные. Цель человека — приручить природу, максимально стараясь ее не искалечить. Но “мы не можем ждать милостей от природы”, только путем постоянного контроля над природой (своей) человек может достигнуть гармонии с ней, потому что природа — это хаос, а культура — некий космос, упорядочение. Природа — то, что дано, культура — то, что создано»; б) «Человек, по точному определению Блеза Паскаля, — “мыслящий тростник”, то есть, с одной стороны, человек — часть природы, но с другой — не совпадает с ней, выламывается из нее. Природа — это “открытая книга”, данная человеку Богом. Надо учиться читать!»

Говоря о духовных ценностях, финские респонденты подчеркивают прагматизм, свойственный финской культурной традиции. В религии же их привлекает прежде всего обрядовая сторона: а) «Финская культура и финское общество скорее материалистические, чем духовные. Большая часть финнов принадлежит церкви, но чаще всего это означает лишь участие в церковных обрядах, как, например, свадьба и похороны»; б) «В Финляндии лютеранские ценности. Большинство финнов состоит в церкви, но многие не ходят в церковь регулярно. По-моему, религия не является главной в нашей культуре».

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных и методических работ, в т. ч.: «Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному», «По одежке встречают... Секреты русского костюма (лингвострановедческий словарь)», «Духовные и ценностные приоритеты населения России» (в соавт.), «Прикладные аспекты межкультурной коммуникации (на примере русско-финского взаимодействия)» (в соавт.), «Креативный потенциал текстов массовой культуры (на примере рекламы)», «Смена ценностных предпочтений россиян и ее отражение в языковом сознании» (в соавт.) и др.

В ответах российских студентов подчеркивался приоритет духовных ценностей, что, с нашей точки зрения, является этнической константой для русского этноса: а) «Несмотря на тяжелейшие условия нынешней жизни в России, расслоение общества и кризис идеологии, “здоровая” часть общества понимает: единственность выхода — в духовном возрождении страны»; б) «Духовные ценности — это терпимость, доброта, справедливость, гармония с миром и с собой, бесмертие, развитие индивидуальности, любовь».

Категория времени является достаточно значимой в финской культуре, финнов отличает бережное отношение к своему и чужому времени, все планируется заранее, опаздывать не принято: «Финны относятся ко времени очень серьезно: согласованное время выдерживают как в бизнесе, так и в личной жизни. Одним днем не живут, но тщательно планируют будущее».

Цикличность природных событий и явлений определила идею магической фигуры — круга, увиденного древними славянами в мире, поэтому неслучайно в ответах российских студентов слышатся отголоски этих древних языческих представлений: а) «Время — вечно. В России оно идет по кругу (а не по спирали, как в других странах). Настоящее зависит от того, на какой срок имеется представление о будущем»; б) «Бег по кругу, то есть настоящее, будущее — возвращение прошлого. Время — веремья — веретено».

Модели пространства в финской и русской культурах значительно различаются. Финну в силу специфики менталитета (привычка жить обособленно, хуторская система хозяйствования) необходимо сохранение дистанции, не случайно стереотип «одинокий финн» существует в сознании не только русских, но и самих

финнов (в известной финской песне поется: “*yksinäinen suomalainen*” — «одинокий финн»): «Финну необходимо пространство вокруг себя. Только близким разрешается сильно приближаться, “приближение” остальных нежелательно. Прикосновения между чужими людьми также нежелательны».

Пространство оказало решающее влияние на формирование национального русского характера, в частности обусловило появление таких черт, как стремление к воле, свободе; максимализм, широта души, гостеприимство и другие: а) «Для России пространство — одно из главных ее достоинств и в то же время самая серьезная проблема. Русский человек “широк”, потому что огромна Россия»; б) «“Широка страна моя родная”. Пространство — безграничное. “Степь да степь кругом. Путь далек лежит...” Пространство — в основном в горизонтали, огромные равнины, грандиозные масштабы».

Следует отметить, что работы русских студентов отличает рефлексия, в них отражаются процессы самоанализа и наблюдается переход неявного знания в явное, логически расчлененное. С точки зрения психологов, «потребность в рефлексии возникает вследствие сомнений относительно исходных позиций своей жизнедеятельности. Рефлексия — это не только интроспекция собственной психики, но и осмысление своей жизненной программы, соотношения целей, мотивов, ценностей, установок, стремлений, социальных и нравственных требований»¹.

Итак, аксиологические предпочтения, а также этнические константы финских и русских студентов существенно различаются. Их дальнейшее изучение и осмысление — путь к гармонизации диалога культур.

¹ Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологический словарь-справочник. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Н. В. Эйльбарт¹

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЯКОВ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Проблема культурного взаимовосприятия между различными славянскими народами приобретает особую остроту применительно к двум наиболее многочисленным из них: полякам и русским, и именно здесь мы можем весьма четко проследить всю неоднозначность, двойственность их акцептации друг друга. С одной стороны, языковая близость, общие народные традиции, рожденные еще славянским язычеством (например, праздник Ивана Купалы, Масленица, единый пантеон богов во главе с Перуном), делают польскую национально-культурную ментальность понятной русскому человеку, возводят ее в степень «своего», «родного», почти не отличающегося от собственно русского. Однако, с другой стороны, культура шляхетской Польши, основанная на католицизме и традициях, пришедших из Западной Европы, сводит это понимание практически на нет, превращая польскую ментальность в чуждую и непонятную, и в конечном счете делает из поляка врага, «посланца враждебного Запада и папы римского», желающего России зла. В свою очередь поляки, восхищаясь русским языком и русской народной музыкой, в особенности танцевальной, считая ее великолепным выразителем «славянской души», видят угрозу в российской государственности «азиатского типа», попирающей, по их мнению, человеческие права и свободы, превращающей своих граждан в покорных рабов и угрожающей родной Польше потерей независимости. Образ «чужого» и враждебного по отношению к польской национальной ментальности в российском обществе приобретает особую остроту в условиях своего рода столкновения двух славянских культур в рамках единого государства — Российской империи, длившегося более ста лет и берущего свое начало в последней четверти XVIII века в связи с тремя разделами Речи Посполитой.

Вышеупомянутая двойственность в восприятии поляка, с одной стороны, в качестве родственника, а с другой — врага, как нельзя лучше отражена в творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, порой весьма иронично подчеркивавшего в своих произведениях российское понимание польского национального характера: легкомыслие, надменность, лживость и продажность. «Не верю чести игрока, любви к России поляка», — восклицает поэт в стихотворении «Моя родословная». В его поэме «Борис Годунов» Дмитрий Самозванец хвастает тем, что «поляков безмозглых

обманул». В то же время Пушкин недвусмысленно восхищается патриотизмом Т. Костюшко и талантом А. Мицкевича: «Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях!». Реагируя на восстание в Польше в 1830 году, поэт называет его в письме к Дельвигу «делом семейственным, старинной и наследственной распрей», которое, впрочем, «надобно задумать». С точки зрения Пушкина, возникает образ поляка — некоего «блудного сына», предавшего единую семью славянских народов, которого следует по-родственному наказать.

Ветренность, ненадежность, спесивость — такими красками рисует поляков Л. Н. Толстой в произведении «Война и мир». Когда Наполеон во главе своей армии вступает в Вильно, который незадолго до этого оставили русские войска, «толпы народа с восторгом встречали и провожали его. Во всех окнах улиц, по которым он проезжал, были выставлены ковры, знамена, вензеля его, и польские дамы, приветствуя его, махали ему платками». Когда адъютант российского императора Александра I граф Балашев посещает Наполеона в Вильно, то застаёт в его приемной «польских магнатов, из которых многих видал при дворе русского императора». В то же время и для французов в интерпретации Л. Н. Толстого поляки оказываются ненадежными союзниками. В одной из сцен романа перед читателем предстает перебежчик из французского лагеря, польский уланский офицер корпуса Понятовского, так объясняющий свой поступок: «Он перебежал потому, что его обидели по службе, что ему давно бы пора быть офицером, что он храбрее всех и потому бросил их и хочет их наказать». В то же время культурное восприятие русскими солдатами польских крестьян, по чьим деревням они следовали на пути к Аустерлицу, отраженное Толстым, выглядит как братское, родное, в отличие от чуждого, немецкого. «Там всё как будто поляк был, всё русской короны, — говорит один солдат другому, — а нынче, брат, сплошной немец пошел». Таким образом, проводится четкая грань между шляхетским, лживым и враждебным, и крестьянским, славянским, родным, мало отличающимся от собственно русского.

Огромную пищу для насмешек над стереотипом поведения поляков в России, над их попытками приспособиться и вписаться в российское общество в качестве «своих», русской общественной мысли первой половины XIX века дает деятельность литератора и издателя Фаддея Булгарина, как на русский манер называл себя поляк Тадеуш Булхарин. Его ультраправое проправительственное издание «Северная пчела» и патриотические повести и романы о России не вызвали доверия у литературной общественности, считавшей автора лицемером и «продажным поляком», а эпиграммы о нем не писал разве что ленивый. «Он с французом — за француза, с поляком — он сам поляк», — иронично отзываясь о нем Н. А. Некрасов. «Россиио

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 60 научных работ, в т. ч. «Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ», «Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции», «Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты», «Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612–1613 гг.)», «Осада Смоленска Сигизмундом III в письмах ксендза Якуба Задзика (1610–1611 гг.)», «Поход гетмана Станислава Жолковского к Москве в письмах шляхтича Яна Гридича (1610 г.)» и др.

продает Фаддей, не в первый раз, как всем известно. Пожалуй, он продаст жену, детей, и мир земной, и рай небесный», — печально констатирует М. Ю. Лермонтов. Петербургский издатель Н. И. Греч, хорошо знавший Булгарина, в книге «Воспоминания о моей жизни» проецирует личные недостатки своего коллеги на особенности польского национального характера в целом, и делает это весьма однобоко: «Он был поляк, и в этом заключается все его оправдание. У поляков своя логика, своя математика, составленная из слияния правил иезуитских с понятиями жидовскими. Наносить всевозможный вред своему врагу, нападать на него всеми средствами, пользоваться всеми возможными случайностями, чтоб надоест ему, оскорблять его правдой и неправдой и утешаться мыслью, что цель оправдывает средства. Ложь, обман, лесть, коварство, измена — все эти гнусные средства считаются у них добродетелями, когда только ведут к предположенной цели. Станем ли обвинять легавую собаку, что она, по внушению своей природы, гоняется за дичью, а кошку — что она ловит мышей?».

Образ поляка, мошенника и интригана, ненавидящего все русское и не гнушающегося нанести удар в спину, предстает перед нами в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. В «Униженных и оскорбленных» автор выводит образы двух карточных плутов, «гаденьких полячков», безжалостно запутывающих и разоряющих пожилую женщину, Тургенев же в повести «Первая любовь» описывает польского аристократа графа Малевского, жестокого интригана под маской внешнего лоска, без тени дворянской чести, всегда готового преподнести сопернику «отравленную конфетку».

Таким образом, можно констатировать, что практически весь XIX век в русской общественной мысли, отражением коей и является русская классическая литература, преобладает неприятие польской национально-культурной ментальности, характеризуемой в основном в качестве чуждого славянству явления,

обусловленного влиянием католицизма и иезуитов. Однако на рубеже XIX–XX веков взгляды на данную проблему меняются, начинается сближение славян перед растущей немецкой угрозой, поиск общего, «своего», приходит на смену восприятию польского в роли «чужого», «западного». Эта грань весьма четко прослеживается в одном из ранних рассказов М. Горького «Старуха Изергиль» (1894). Среди любовников Изергиль фигурируют два польских шляхтича, один из которых с истинно славянской щедростью и размахом продает все свое имущество, дабы осыпать ее золотом, другой же вызывает уважение своим героизмом, сражаясь за свободу греков. «Он любил подвиги», — говорит Изергиль. «А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно». В целом весь XX век проходит под знаком определенного рода трансформации в понимании польской национальной ментальности в русском культурном контексте, от полунеприятия «чужого» до подчеркивания «своего», славянского, общего, отличного от чужого, враждебного славянству Запада. Например, в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» ярким стереотипом щедрого и хлебосольного поляка становится образ шляхтича Борейко (кстати сказать, реального исторического лица), который протянул веревку на дороге перед своим домом, дабы путники не проезжали мимо и разделяли с гостеприимным хозяином его трапезу. Здесь поляки уже не враждебны России, они объединились с ней против общего врага — шведов — и в полной мере могут теперь быть своего рода «членом семьи», «двоюродным братом».

Движение по пути от неприятия к акцептации, от «чужого» к «своему» в отношении восприятия поляков русскими в широком смысле продолжается до настоящего времени, и эта тенденция может послужить залогом устойчивости двух славянских культур перед глобализацией, являющейся, с нашей точки зрения, одинаково чуждой всем славянам, устраняя таким образом опасность для их самобытного существования.

О. Ю. Юхнина¹

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И ОСВОЕНИЕ ОПЫТА «ДРУГОГО»

Культурная ситуация начала XXI века характеризуется сложностью и многозначностью. Среди наиболее обсуждаемых в современном культурологическом дискурсе — проблема «другого».

В историческом процессе можно наблюдать, как в пределах каждой эпохи отношения между «своим» и «чужим» меняются. Уже Новое время приносит совершенно иное понимание соотношения «своих»

и «чужих», в силу общения с этим «другим», иным становится и его восприятие. Этот процесс протекал в результате географических открытий, астрономических наблюдений, которые, меняя картину мира, давали представление о бесконечности, тем самым создавая возможность иного восприятия «чужого».

XX век, расширив временные и пространственные границы культуры, объединил в единое поле те культуры, которые отдалены во времени и географически.

Сегодня культурное пространство объединяет все человечество и, следуя идеям М. М. Бахтина, должно пониматься как «большой диалог», что обусловлено и современной культурной ситуацией. Возможность

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Стиль модерн как художественное явление в культуре XX века», «Современная архитектура в историческом пространстве Петербурга», «Новая жизнь промышленных зданий. Лофт-проекты Петербурга» и др.

диалога самостоятельных национальных культур, при сохранении их самобытности, уникальности, является особенностью культуры второй половины XX века, и именно в этом контексте понятен особый интерес к образу «другого». К. Н. Леонтьев писал «всякая нация тем и полезна другой, что она другая».

Постигая образ «другого», мы всегда должны помнить, что он «другой», не отрицать его, а найти точки соприкосновения. Своеобразие «своего» обретает специфику только в процессе общения и осознания «чужой» культуры.

Подобный опыт нам может дать любая культура, взаимодействуя с иными культурными пространствами и откликаясь на них и тем самым создавая образы «другого», «постороннего».

Русская культура, не являясь исключением, дает нам примеры открытости и диалогичности. Процесс подобного взаимодействия культур в России происходил именно в Санкт-Петербурге, отличительной чертой которого стала открытость «другому», желание понять его.

Взаимодействие с другими культурными традициями в пространстве Петербурга можно проследить в становлении и развитии архитектуры.

Уже в начале XVIII века, приобщаясь к европейскому градостроительному и архитектурному опыту, Санкт-Петербург как новая столица получает неизвестный прежде в русском градостроительстве регулярный план городского решения — невский трезубец ориентированных на Адмиралтейство улиц, образцовую застройку по «типовым» проектам для людей разных сословий.

При Петре I традиции европейской архитектуры были обозначены в начале голландско-немецким классицизмом, простым и прозаичным, трансформировавшимся в конце его царствования в некую вариативность барокко, названного «петровским», в зданиях Двенадцати коллегий, Большого дворца в Петергофе.

Традиции европейского барокко, более пышного, великолепного, парадного, получили развитие при Елизавете Петровне, в творчестве Ф. Б. Растрелли, удивительным образом сочетавшего в себе и некие черты классицизма (в строгости и прямолинейности планов), и собственно барокко (в динамике и пластике фасадов), и рококо (в причудливости узоров, цветовых решениях).

Архитектурный язык классицизма, получивший развитие в Петербурге времен Екатерины II, был сформулирован в Европе на исходе эпохи Возрождения и главной чертой имел обращение к формам античного зодчества с его идеями гармонии, строгости, монументальности и логической ясности. В постройках

Петербурга этот стиль сочетал строгость линий, а в начале своего становления и мягкую пластику. Постройки Ж.-М. Валлен-Деламота, А. Ринальди, Ю. М. Фельтена придавали особое изящество не только Петербургу, но и пригородам. Обращение к античности, к строгим ордерным решениям показывает черты героического и ужествленного стиля зрелого классицизма в зданиях Академии наук, Екатерининского института, Александровского дворца в Царском Селе архитектора Джакомо Кваренги.

Начало XIX века в Петербурге — время высококлассицизма, становление «русского», «петербургского» ампира. Стиль ампира, возникнув во Франции периода правления Наполеона I, отличался монументальностью, богатым декором, наличием военной символики и эмблематики и в свою очередь обращал нас к художественным формам Римской империи, Древней Греции, Древнего Египта. Этот стиль был призван воплотить идеи могущества власти и государственности, которые были реализованы в грандиозных ансамблях К. Росси, придавших Петербургу имперское величие.

Новые поиски николаевского времени, когда классицизм уступает место направлению, получившему название «эkleктика», самой сутью которого является использование элементов «исторических» архитектурных стилей (как своего, древнерусского, зодчества в традициях неорусского стиля, так и нового осмысления европейской архитектуры в формах неobarocko, неоготики, неоренессанса, неорококо) дают нам максимальную вариативность стилевых поисков европейской архитектуры XV–XVIII веков осмысленных в постройках Петербурга.

Конец XIX — начало XX века ознаменовались поисками нового стиля в архитектуре. Истоки петербургского модерна видятся в традициях западноевропейской архитектуры, с его асимметричностью, особой живописностью гнутых «растительных» линий, миром флоры и фауны и фантастическими образами, созвучными поискам символизма.

Особое звучание стиль модерн в Петербурге получил под влиянием шведской и, в большей степени, финской архитектуры национального романтизма, получившего название северного модерна.

Петербург своим появлением и развитием демонстрирует новый этап развития русской культуры, заявив об этом кардинальными изменениями во всех сферах жизни. Это было многогранное взаимодействие в области наук, искусства, образования, ремесла, архитектуры. Своеобразие Петербурга видится в том, что становление и развитие его культуры — это сознательная установка на культурный диалог, особенностью которого стала открытость «другому», желание его понять.

Ю. Г. Ястребов¹

ЭХО ИЗ БУДУЩЕГО

Понятийный тандем «свои–чужие», по всей видимости, сопровождает человечество столько времени, сколько оно существует. Собственно, всех людей по отношению к нам мы разделяем на «своих» и «чужих». Извечный конфликт, зафиксированный в них и между ними, длится из века в век. Об этом свидетельствуют данные философии, педагогики, психологии, лингвистики. Кстати, исследования современной лингвистики показывают, что понятия «свой» и «чужой» относятся к самым древним пластам языков.

Означенная проблема не потеряла актуальности и в наши дни. Свежий пример: среди недавних мероприятий глобального характера первое место наверняка заняли зимние Олимпийские игры в Сочи, где понятие «свои и чужие» проявилось наиболее сильно, ярко и убедительно, затмив даже кровопролитие на киевском Майдане. За своих олимпийцев болела без преувеличения вся Россия. Разумеется, подобное можно сказать о любой другой стране, чьи спортсмены защищали честь своих национальных флагов. Но ведь, болеля за «своих», мы волей-неволей отделяем «чужих». Горячо желая победы «своим», мы, не осознавая этого, выступаем против победы «чужих», то есть «не своих». Собственно, так происходит всегда, и не только на спортивных ристалищах, но и в различных жизненных ситуациях.

Думаю, многие согласятся со мной, что грандиозные шоу на открытии и закрытии Олимпиады, организаторы которых не пожалели народных средств на фантазии приглашенных сценаристов и режиссеров, представили Россию, казалось бы, во всей красе исторической ретроспективы. Но во всей ли?

Ответ на этот вопрос получили три миллиарда зрителей и слушателей, на которых ссылались СМИ и глашатаи Олимпиады, когда после передачи олимпийской эстафеты представителю Южной Кореи всему миру был преподан урок. Урок нравственности, самоуважения, любви к национальному искусству. Вспомним: первое, что сделали хозяева будущей зимней Олимпиады, — продемонстрировали звучание своего народного, самого популярного в Корее, 12-струнного музыкального инструмента с необычным для нас названием. Беру на себя смелость напомнить, инструмент называется «каягым». Это «родственник» наших гуслей звончатых, которые, как и каягым, представляют собой один из древнейших национальных инструментов. Как известно, гусли часто упоминаются в народном эпосе — былинах, сказках, поэмах, составляя неотъемлемую часть культуры и исторической памяти, которую напрочь отшибло у тех, кто писал сценарий гран-

диозного действия, наверняка призванного не унижить, а возвеличить хозяйку Олимпиады. Воистину хотели как лучше, а получилось как всегда.

Кстати, национальному шедевру России, каковым является известный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», Дмитрий Сергеевич Лихачев посвятил один из основных научных трудов. Так вот, главное действующее лицо поэмы — рассказчик, своего рода гид, как известно, легендарный гуслиар-сказитель Боян, именем которого отечественными мастерами-конструкторами был назван один из вариантов русской гармоники. Боян сегодня, смею надеяться, известен повсеместно в России, чего не скажешь о скоморошьей домре и балалайке.

К стыду и сожалению, ни одному из национальных русских музыкальных инструментов не нашлось места в исторической ретроспективе России как на открытии, так и на закрытии Олимпиады. Это ли не подтверждение того, что «свои» иногда становятся «чужими»? А в данном случае еще хуже: свои национальные инструменты преданы забвению, чуть ли не анафеме.

Слово «анафема» вызвало в памяти исторический факт: «костры инквизиции» на берегу Москвы-реки, когда польхали «гудебные», «бесовские» инструменты скоморохов — дудки, гудки, домры и др. Это омерзительное по сути «мероприятие» было проведено согласно царскому Указу «Об исправлении нравов и уничтожении суеверия», изданному в 1648 году Алексеем Михайловичем, прозванным в народе Тихошаишим. Это в православной-то Руси! Как видим, история ничему не учит, повторяясь и повторяя свои ошибки сотни лет спустя.

А теперь перейдем к противоположной ситуации: когда «чужие» становятся «своими». Бывает ли такое? Сколько угодно! К примеру, домрово-балалаечные оркестры по сей день широко распространены за пределами своей родины, по всему миру: в Австралии, Канаде, Бельгии. В США имеется даже Американская ассоциация балалайки и домры (BDAA). Практически во всех штатах есть коллективы русских народных инструментов. В Финляндии три года назад Гельсингфорский домрово-балалаечный оркестр, старейший среди зарубежных коллективов, отпраздновал 110-летний (!) юбилей. За это время, казалось бы, чужие для финнов русские народные инструменты стали своими.

Но это все примеры не из моего личного опыта, а почерпнутые из книг, наблюдений, умозаключений и т. д. Естественно, возникает вопрос: в какой степени меня самого в реальной жизни коснулись словосочетания «свой и чужой», «свои и чужие», «мы и они»? Конечно, подобные «уроки» встречались на моем пути, причем неоднократно и в самых разных жизненных ситуациях.

Так, в 1976 году, оказавшись в Ленинграде в связи со своим диссертационным исследованием, я получил более чем знаменательный урок. Мне готов был прийти на помощь ректорат Института культуры,

¹ Профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, кандидат искусствоведения, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор свыше 200 публикаций, в т. ч. четырех монографий: «Основы баянной аппликатуры», «Виктор Акулович и его “Скоморохи”», «Владимир Бесфамильный», «Уральское трио баянистов». Научный редактор англо-русского и русско-английского музыкального словаря. Редактор сборников статей «Методические записки по вопросам музыкального образования», «Школа–училище–вуз: проблемы и перспективы».

но в номенклатуре специальностей, по которым принимались диссертационные работы, не значился «Баян». Вот если бы исследование было посвящено латиноамериканским или африканским инструментам, никаких проблем с прикреплением на секторе инструментоведения не возникло бы. Другое дело — баян. Через год защита все-таки состоялась. Это была пятая в стране кандидатская диссертация в области баянного исполнительства и педагогики.

Не скрою, тот факт, что в России русские народные инструменты не входили в номенклатуру специальности «Музыкальное искусство», оставил неизгладимый след в моей душе. С тех пор много воды утекло, но русские народные инструменты в России по многим параметрам продолжают оставаться «чужими».

Вот показательный пример. Два года назад, когда была предпринята попытка создания Всероссийской ассоциации оркестров народных инструментов, вдруг обнаружилось, что в Реестре оркестрового исполнительства отсутствует такой жанр, как «оркестр народных инструментов». Есть симфонический, эстрадный, духовой, эстрадно-симфонический, камерный, но оркестра русских народных инструментов нет. Воистину сапожник без сапог!

«Но позвольте, как это нет?» — могут возразить мне. Как известно, 23 ноября 1896 года состоялась премьера оркестра русских национальных инструментов, ставшего мировой «новинкой». Об этом свидетельствуют триумфальные зарубежные гастроли Великорусского оркестра под управлением его основоположника Василия Андреева. «Чужие» для немцев, англичан, американцев, французов русские народные инструменты в одночасье стали «своими». Французская Академия изящных искусств избрала своим почетным членом этого выдающегося деятеля народно-инструментального искусства России. Правительство

Франции удостоило В. В. Андреева высшей награды — «Золотой пальмовой ветви».

Прошло 100 лет. И вот в 1988 году на праздновании 100-летия со дня основания Великорусского оркестра американцы вручают нам в качестве поистине бесценного подарка запись, сделанную на гастрольях оркестра в Америке в 1910 году. Своих записей этой национальной жемчужины у нас не сохранилось, а может, и не было их.

Но печальная история русских народных инструментов в России продолжается и в наши дни. Достаточно сослаться на формирование с последующим утверждением (регистрацией) в Министерстве юстиции РФ Межрегиональной общественной организации «Профессиональное сообщество деятелей национального академического исполнительского искусства». Но почему только академического? А другие направления исполнительства и педагогики? Увы, в Уставе этого «новообразования» понятие «народные инструменты» вообще отсутствует. Таким образом, «свои» стали «чужими» не только на официальном закрытии зимней Олимпиады, но и среди профессиональных деятелей народно-инструментального цеха современной России.

Многим известно приписываемое то ли Жан-Жаку Руссо, то ли Расулу Гамзатову выражение, ставшее крылатым: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее в тебя выстрелит из пушки». Сидя у экрана телевизора, когда на закрытии Олимпиады зазвучал корейский народный инструмент, я почти физически ощутил, как в меня «выстрелило» эхо будущего наших русских народных инструментов. И до сих пор, не покидая, будоражит мысль: будут ли русские народные инструменты в России своими? Время покажет. Вот такие, как любит повторять Владимир Познер, нынче времена!

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- О. Н. АСТАФЬЕВА   заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. С. ГЛАГОЛЕВ   профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ   директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Е. Э. ДРОБЫШЕВА   профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук
- О. А. ЖУКОВА   профессор философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук, кандидат культурологии
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ   ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- А. Е. ЗИМБУЛИ   профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук
- С. Н. ИКОННИКОВА   профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- И. Ф. КЕФЕЛИ   заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- С. М. КЛИМОВА   профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ   профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- А. Б. КУДЕЛИН   директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- И. В. МАЛЫГИНА   заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор
- А. П. МАРКОВ   профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- А. Л. МАРШАК   главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. П. НАЗАРЕТЯН   главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук
- В. Ф. ПЕТРЕНКО   заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
- З. Н. ПОНОМАРЕВА   доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук
- Т. Б. СИДНЕВА   проректор, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

- М. В. СИЛАНТЬЕВА профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- В. А. ТИШКОВ академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на заседании нашей секции. Слово предоставляется Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Приглашая вас на Чтения, мы акцентировали нашу просьбу строить свои выступления по принципу диалога, предварительно ознакомившись с докладами на сайте. Иначе конференция снижает свой конструктивный потенциал. Есть один момент, на который я хотел еще раз обратить ваше внимание. Академик Янин в опубликованном к моей книге о Д. С. Лихачеве предисловии сказал, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был одним из первых энциклопедистов Нового времени. К сожалению, ученые-энциклопедисты лет 150 назад практически исчезли с авансцены развития науки — из-за того, что наука становилась все более и более специализированным занятием. И такая ситуация отрицательно сказывается на развитии гуманитарной науки в целом. Академик Лихачев был одним из первых, кто почувствовал, что узкую специализацию наук надо дополнять интеграцией. Поэтому я еще раз хотел бы акцентировать внимание участников Чтений на необходимости встраивать тезисы и мысли своих выступлений в общий контекст развития гуманитарной науки. К сожалению, сегодня универсальные знания утрачиваются не только отдельными научными институтами, отдельными учеными, но и университетами. А изначально университетское образование ставило своей целью открыть перед студентами универсальное знание. Я все чаще замечаю, в том числе и по нашему Университету, как трудно людям высокой научной квалификации ввести в процесс обсуждения острейшей проблематики диалога культур. Поэтому я призываю вас: давайте мы будем от Чтений к Читаниям стараться исповедовать универсальную гуманитарную методологию, не ограничиваясь рамками своих учебных курсов или докторских диссертаций.

На одних из прошлых Чтений Михаил Борисович Пиотровский высказал мысль о том, что каждый человек должен учиться жить в разных культурах. Правда, сейчас мы видим, что рецепт оказывается не универсальным и его очень сложно претворить в жизнь. Когда я это услышал лет семь назад, то подумал о том, что надо сначала научить людей жить по-человечески в своей культуре. Но в процессе глобализации оказалось, что мы не только в мире, но и в своей стра-

не живем в разных культурах, и надо учиться сосуществовать вопреки всем нашим разногласиям и несовпадениям. Это огромная теоретическая и образовательная проблема, которая год от года становится все актуальнее.

Успеха вам в работе секции!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Александр Сергеевич, большое спасибо Вам как председателю Оргкомитета. Приглашаю к микрофону Александра Петровича Маркова.

А. П. МАРКОВ: — В дискуссии на секции принято (и вчера к этому призывал Александр Сергеевич) вступать в диалог с идеями, прозвучавшими на пленарном заседании. Оставаясь в границах заявленной в названии секции парадигмы «свои–чужие», я хотел бы вступить в неравный (и в определенном смысле самонадеянный) диалог с интереснейшими идеями ведущего нашей секции академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

Прежде всего отмечу те мысли академика, с которыми я солидарен: «чужие» — это те, с которыми мы не хотим быть вместе, они нужны, чтобы противостоять им и тем самым лучше понять себя. Культурные различия (язык, обычаи и т. п.) — основа маркировки «своих» и «чужих». Философско-культурологические теории, ориентированные на объединяющие людей общегуманистические принципы диалога и рационального дискурса, содержат в себе собственные ограничения. В них нет изначального универсализма, что делает их этически уязвимыми.

Но ряд основополагающих тезисов Абдусалама Абдулкеримовича вызывает желание поспорить. Позвольте вам их напомнить. Тема «свои» и «чужие» несовместима с теорией диалога культур в глобальном мире. Базовая идея концепции диалога культур — признание многообразия и разнообразия культур как блага, как благотворной формы развития человека и общества. Понятое в таком качестве культурное многообразие исключает взгляд на него изнутри одной культуры — такой взгляд делает неизбежным членение людей по культурным признакам на «своих» и «чужих».

Мои возражения следующие. Первое. Ценность многообразия не исключает идентификации каких-то элементов многообразия как «чужих», а даже предполагает. Как известно, диалог — это взаимодействие «разностей» на площадке общего (М. М. Бахтин).

И в диалоге «другой» может восприниматься как «чужой». Более того, углубляющееся понимание другого становится основанием для восприятия его как чужого.

Второе. Концепция диалога культур совместима с пониманием дихотомии «свои–чужие» — в силу фундаментальности данного механизма культурогенеза. Как известно, оппозиция «свои–чужие» является базовым основанием культуры, проявлением глубинных и универсальных социально-культурных механизмов ассоциации и диссоциации. А это значит, что один и тот же элемент культуры (язык, традиция, ценность) выступает и как основание для солидарности, объединения, и как фактор обособления культурного сообщества от других: соединяя, он разделяет. Механизмы ассоциации и диссоциации составляют основу культурной динамики, выступают ключевым фактором формирования национально-культурной идентичности и средством консолидации общности «мы». Разновидностью этих механизмов является универсальный для культуры принцип бинарности (то есть двойственности, антиномичности), который лежит в основе человеческого сознания и познания (И. Кант назвал антиномию «ключом познания»). Считается, что бинарный архетип — ключевой атрибут европейской культуры, «атом» европейского типа рациональности.

Механизмы ассоциации и диссоциации имеют древнейшее происхождение. Я в этом контексте процитирую Б. Поршнева: «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения». В частности, Б. Поршнев объяснял «распадение» человечества еще на заре человеческой истории («на великое множество общностей с разными искусственными признаками их обособления и культурами») как результат действия механизмов суггестии и контрсуггестии. Создание в древности собственного языка в этом контексте можно рассматривать в качестве универсального способа самозащиты формирующегося культурного сообщества: объединяя общность, язык одновременно противопоставляет ее всем другим «лингвокультурным сообществам» (множество языков — это возможность не понимать «других», способ не слышать их «команд»).

Таким образом, на всех уровнях социального бытия негативное отношение к «другим» так же естественно и закономерно, как позитивное к «своим» — данная оппозиция является источником энергии консолидации общности, ее самосознания. П. Флоренский писал о том, что «должны быть внешние условия, которые помогали бы внутреннему собиранию».

Более того, данная оппозиция выполняет свою конструктивную функцию даже в своих крайних формах, когда «другой» становится «врагом». Образ «врага», даже в том случае, когда он искусственно создается, во-первых, способствует консолидации социальной или этнокультурной общности «мы». Во-вторых, он становится внешним фактором (или источником) мобилизации духовных сил нации (сегодня в контексте событий на Украине, которая своими действиями в адрес России с помощью СМИ «упакована» в образ врага, мы видим впервые за несколько десятилетий всплеск патриотизма).

Дело в том, что «образ врага» ставит нацию на границу небытия, очевидная беда стимулирует защитные силы нации и культуры. Для нас это особенно характерно — мы обладаем способностью объединяться в беде и демонстрировать подвиг самопожертвования, когда Родине угрожает смертельная опасность. Это качество связано с выраженностью в структуре национального характера такой ментальной черты, как совесть — в смысле со-настроенности на другой голос, чужую боль. В-третьих, «отталкивание» от образа врага способствует духовно-нравственной идентичности. Вот почему во всех культурах всегда можно обнаружить полюса добра и зла, жизни и смерти. Как известно, в христианской культуре эти полюса представлены образами Христа и антихриста. С помощью этих персонифицированных оппозиций культура помещает человека в энергетическое «поле» тяготения, и ты вынужден сделать свой выбор — с кем ты.

Опасения Абдусалама Абдулкеримовича по поводу деструктивных последствий рассматриваемой оппозиции обоснованны — за ними грядет кровь. Но причины крови не в самой оппозиции, а в ее характере. Можно выделить несколько факторов усиления «негативного поля» по отношению к «другому» (которые одновременно являются причинами повышения значимости и увеличения масштаба «образа врага»).

Во-первых, отсутствие (или утрата) смысла жизни (для общества — отсутствие значимой национальной идеи). В такой ситуации возникает экзистенциальная пустота (и в масштабе общества, и в индивидуальной плоскости). В такой ситуации происходит гиперболизация образа врага, который находит свое выражение в националистической идеологии — наиболее опасной форме оппозиции «мы–они», в которой граница между «своими» и «чужими» проходит по критерию «почвы и крови».

Во-вторых, состояние кризиса идентичности. Особые функции (и напряженность) образ «врага» выполняет на «границе» культурных миров: «враг» в таком случае становится ведущим фактором обретения идентичности, он помогает консолидировать общность «мы» путем отталкивания от «они». Характерным примером такого варианта оппозиции является Украина, которая на протяжении почти всей своей истории, но особенно в последние два десятилетия, обретает национально-культурную и государственную идентичность в конструировании образа врага в лице России.

В-третьих, значимым фактором экспансии конфликтности (и враждебности) по отношению к «чужому» является «культурный перфекционизм» (чрезмерно высокие стандарты национально-культурных притязаний, возможности достижения которых, с одной стороны, консолидируют общность «мы», с другой — усиливают по их достижению истощают энергию нации и провоцируют усиление компенсаторных механизмов диссоциации, в том числе и в форме конструирования «врага» и последующим стремлением его уничтожить). Психология объясняет мотивационную основу перфекционизма острым «конфликтом достижений», когда одинаково сильно выражены мотивы «стремление к успеху» и «избегание неудачи». Обнаруживается

очевидная связь «перфекционизма» с двумя группами состояний: с одной стороны, с депрессивными и тревожными расстройствами, состоянием эмоциональной дезадаптации, с другой — с выраженной «враждебностью» (склонностью наделять других людей и этнические группы негативными качествами) или даже агрессией, в основе которой лежит намерение причинить вред другому человеку (Н. Г. Гаранян).

«Культурный перфекционизм» типичен для русской истории: масштаб наших национально-культурных притязаний представлен уже в самой формуле русской идеи, с ее напряженной миссионерской энергией («Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать»), которая утвердила Московское княжество как преемника Римской империи и Византии. Но еще в больших масштабах это выражает идея построения коммунизма как «царства Божьего» на земле.

Результатом действия всех перечисленных выше факторов становится хроническая разбалансированность общества, вызывающая системные и многоуровневые напряжения, внутри которых формируется специфическая «идеология ненависти» (К. Гириц). Л. Н. Гумилев назвал носителя такой идеологии «этнокультурной химерой», или антисистемой, для которой характерны отрицательное (или негативное) мирозерцание и ненависть к «врагу» как крайняя форма оппозиции.

Но опасность антисистемы в другом: она стремится оформить образ «врага» символикой, выводящей его за границы «человеческого», что «развязывает» руки для беспощадного и безжалостного его истребления. Так когда-то европейцы вырезали индейцев, которых они по бесчеловечности ритуалов посчитали разновидностью обезьян. Так поступали фашисты на оккупированных территориях Советского Союза. Так поступают сегодняшние бандеровцы на Украине, для которых население юго-востока — это колорады, жуки, которых надо и можно уничтожить. Антисистема чаще всего образуется в зоне контакта, на границе, она формируется в ситуации незавершенного духовно-нравственного выбора (а в сегодняшней ситуации Украины и России — в результате политических манипуляций «игроков» глобального мира, которым выгоден конфликт на границе России и Европы).

Такого рода оппозиция античеловечна и деструктивна, и пока есть оппозиция «свои–чужие», существует опасность перерождения ее конструктивных вариантов в деструктивные и антигуманные формы. Неслучайно культура инициирует проекты, снимающие агрессивную энергетику оппозиции «мы–они». В частности, М. Мид в свое время предлагала проект «революции метафор», в рамках которого планировалось создать единый мировой язык, исключив из него «категории зла». В этом же ряду находятся глобальный проект формирования культуры толерантности, которая должна была путем устранения образа «врага» сделать межличностную и межкультурную коммуникацию более терпимой и конструктивной. К сожалению, толерантность, решая в определенной степени данную задачу, одновременно уничтожает «иммунитет нравственности», который основан на различии добра

и зла (в том числе как «своего» и «чужого»), способствуя тем самым расширению границ аномии (в публицистике проект толерантности схвачен метафорической формулой «нравственный СПИД человечества»).

Абдусалам Абдулкеримович предлагает свой способ устранения ее причин, то есть самой основы деления на «своих» и «чужих», а именно: во-первых, включение в теорию диалога культур в качестве аксиологической предпосылки признания самоценности человека как человека в лице каждого индивида (цитирую: «признание этого до всех его культурных определений и отличий, а соответственно и признание его права на культурное развитие и оформление в том виде и направлении, которые он сам находит правильными и нужными»); во-вторых, утверждение в качестве объединяющего принципа природного единства всех людей (еще одна цитата из выступления: «Эта мысль древних греков о том, что природное единство людей выше их культурных различий, наполняется в свете глобализации новым более глубоким и теперь уже вполне историческим смыслом. Она уже сама становится принципом культуры»). И завершающий вывод академика: культурные различия вторичны по отношению к различающимся в этом аспекте индивидам, поэтому они «не могут быть основанием для их маркирования в качестве чужих. Только при такой предпосылке и при таком расширении концепция диалога культур получает надежную опору и оказывается изначально и принципиально универсальной». Для закрепления этой мысли в культуре предлагается утверждение изначально и абсолютного запрета на насилие в отношениях между людьми: «Существует, на мой взгляд, только одна возможность для того, чтобы закрепить эту мысль в культуре, а именно — принять ее в качестве безусловной истины и императива действия. Собственно, это уже было сделано, когда было сказано: “Прощайте врагов ваших” и был выдвинут идеал ненасилия в качестве единственно возможной линии поведения, снимающей гибельное для человеческого существования разделение людей на “своих” и “чужих”. Речь идет об изначально и абсолютном запрете на насилие в отношениях между людьми, запрете на него в каких бы то ни было формах и без каких бы то ни было исключений».

Мои возражения сводятся к следующему. Природное единство — иллюзия. Именно природа разделяет нас, заставляя убивать друг друга — за средства существования, внимание женщин, материал для человеческих пороков. Приоритет природного единства людей над их культурными различиями уводит нас в язычество, в тупиковый вариант развития человечества. Вера, что запрет на насилие решит проблему, — это «гуманитарный романтизм» (запреты не решают проблемы, скорее наоборот — провоцируют противоположные модели поведения, об этом писал еще апостол Павел, называя причины неудачи «проекта» Моисея). Христианство, декларируя общечеловеческое единство и призывая «прощать врагов ваших», не просто запретило насилие: оно предоставило человеку и миру уникальный психокультурный механизм «снятия» энергии противостояния «мы–они» — путем прощения, духовная и сакральная сила которого возвышает его

над законом и справедливостью. Прощение не предполагает соглашения со злом — оно его преодолевает: путем активизации духовных сил, избавления от разрушительных для души чувств мести и раздражения, ожесточенности и злобы. Не случайно Нагорная проповедь Христа призывает «не судить», «любить врагов ваших», «благословлять проклинающих вас» и «благодарить ненавидящих вас». Духовную основу и «тайну» прощения составляет любовь — бескорыстная и жертвенная, чистая и сострадающая, верящая в человека как образ и подобие Божье. Именно такую любовь являет нам распятый Христос, обращаясь к Богу с просьбой о спасении своих мучителей: «Отче! Отпусти им, ибо не ведают, что творят!». Акт прощения не просто лишает «другого» разрушительной энергии — он дает его совести шанс проснуться, ощутить стыд за совершенное и совершить духовное покаяние. Но прощение духовно обогащает и того, кто прощает, лишая человека деструктивной энергии обиды и ненависти, возвышая его над эгоизмом и укрепляя в любви.

И последний тезис. К сожалению, в глобальном мире механизмы диссоциации начинают активно доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военного характера. Препятствием на пути расширения пространства деструктивных форм поляризации в системе «свои–чужие» могут стать позитивные основания национально-культурной идентичности, которые, увы, в глобальной культуре теряют свою конструктивную энергетику. В такой ситуации значимым ресурсом снижения конфликтного противостояния «мы–они» (и прежде всего между Россией и Европой) может стать осознание надвигающейся катастрофы, которое способно перевести конфликтное противостояние в совместный поиск шансов и перспектив выживания. В таком случае общим для народов и культур символом «врага» становится надвигающаяся беда, а площадкой для межкультурного диалога России и Европы — понимание масштабов грядущей катастрофы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Большое спасибо. Слово предоставляется Акопу Погосовичу Назаретяну.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Сегодня в исторической социологии широко обсуждается так называемый закон Веркко, именованный по фамилии финского криминолога, который в 1930-е годы первым выдвинул предположение, что во все времена и во всех культурах главным источником насильственной смертности оставались не войны, не военные сражения, а семья. То есть чаще всего люди убивали друг друга внутри рода. И для того, чтобы как-то ограничить насилие внутри рода, испокон веков, начиная с эпохи палеолита, люди изобретали врагов. Это необходимый механизм внутренней консолидации, который хотя бы немного ограничивал внутривидовую агрессию.

Тема моего выступления — как выстраивать национальную идею России. Сегодня наши политики и политологи говорят про национальную, государственную идеологию, которая запрещена Конституцией Российской Федерации по целому ряду причин, одна из кото-

рых состоит в том, что понятие идеологии исторически себя дискредитировало.

Слово «идеология» появилось в XVIII веке благодаря группе французских биологов-материалистов, которые пытались создать физиологическую науку о мышлении. Они отождествили мозг с желудком, при этом рассуждали следующим образом: желудок перерабатывает пищу и производит экскременты. Мозг вырабатывает правильные реакции для выживания или, как говорят, перерабатывает информацию и при этом производит экскременты. Мышление — это экскременты мозга. Так они выстраивали науку о мышлении, которую называли идеологией. После Наполеона Бонапарта, который придал крайне негативное значение этому слову, в европейском представлении идеология трактовалась как надуманное теоретизирование, предназначенное для оправдания интересов одной большой группы в ущерб интересам другой. В общем-то, в этом значении Маркс с Энгельсом и использовали ложное сознание. В России Плеханов придумал, а Ленин подхватил такой оксюморон — научная идеология, истинная идеология и т. д.

Сейчас нам пытаются навязать государственную идеологию, но реально мы сталкиваемся с тем, что отсутствуют внятные государственные стратегии. Они отсутствуют не только у России, но и у Соединенных Штатов Америки. Современная мировая геополитическая система достигла максимальной стабильности к концу 1970-х годов, с тех пор она всячески расширялась. По ментальной матрице мировая цивилизация должна оставаться двухполюсной. Из системной экологии мы знаем: когда одна из экологических ниш опустошается, например отстреливают волков, их место занимают одичавшие псы, которые оказываются гораздо страшнее волков. Нечто подобное произошло и в современной геополитической системе. Опустевшая ниша стала заполняться террористами, фундаменталистами, а они гораздо страшнее сбалансированной системы, сформированной к концу 1970-х годов.

Ключевая заслуга Советского Союза в XX веке — в том, что наступил XXI век. Именно СССР человечество обязано тем, что оно до сих пор существует. Вполне могло получиться иначе. В 1960-е годы и даже в начале 1970-х вероятность того, что вся история человечества оборвется, была очень велика. В свое время в Австралии, России и США проводились независимые расчеты на разном материале, с разными математическими аппаратами, которые показали, что на протяжении нескольких миллиардов лет существования Земли обозначилась тенденция ускорения эволюционных процессов. Это ускорение подчиняется простому логарифмическому закону, то есть временной лаг между глобальными катастрофами и глобальным фазовым переходом сокращается с геометрической прогрессией. При экстраполяции этой кривой оказывается, что примерно в середине XXI века человечество дойдет до точки сингулярности. То есть функция исчерпается. Значит, либо произойдет обвал, возможно, мы подходим к концу истории, либо какой-то вариант стабилизации, либо прорыв. Сейчас Россия имеет все шансы вернуть себе ту нишу, которую она занимала в XX веке.

И от этого зависят перспективы мировой цивилизации в XXI веке.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Светлане Мушаиловне Климовой.

С. М. КЛИМОВА: — Хочу поблагодарить организаторов конференции за приглашение. Это действительно уникальная возможность — побывать на Лихачевских чтениях. Мое выступление посвящено теме «“Свой–чужие” в реформе высшего образования» — это не глобальная, а скорее локальная проблема. Прежде всего мне хотелось бы вспомнить известный афоризм о том, что хитрость объективного заключается в том, что последствия наших действий не всегда совпадают с нашими намерениями. И я хотела бы взять его за основу тех разломов, которые происходят у нас сегодня в процессе реформирования. И то, как эти процессы воспринимаются и отражаются и в общественном сознании, и в представлениях профессорско-преподавательского состава. Ни для кого не секрет, что процессы реформирования высшего образования проходят без учета настроений, традиций, национального компонента. Гораздо менее очевидны причины, почему и как это происходит. Я выделила только одну причину, назвав ее межпоколенческим разрывом, под которым я понимаю разрыв между старшим и младшим поколениями профессорско-преподавательского состава. Из этого разрыва происходят и другие. Для высшего образования это междисциплинарный разрыв — между «жесткими» и «мягкими» дисциплинами, а также ментальный разрыв, определяющий отношение преподавателей к реформам. В этих разрывах и заложена оппозиция «свой–чужой» в реформе высшего образования в России.

Базовым основанием разрыва являются реальные противоречия между сутью реформ и их восприятием разными поколениями преподавателей. Я выделила два поколения, одно назвала «поколение мы» (45–65 лет) — это поколение советской интеллигенции, а другое — “generation me” (35–45 лет). «Поколение мы», несмотря на то что происходит сейчас и происходило ранее, продолжает оставаться коллективистски ориентированным: верит в метафизические смыслы и аксиологию; имеет обязательства и долг не только перед собой, своей семьей, но и перед студентами, обществом, государством и своей историей. В высшем образовании это до сих пор ведущая производительная сила, главный кадровый потенциал.

Однако происходящие реформы замешены совершенно на другой идеологии, носителями этих идей и прежде всего дискурсами (хотелось бы говорить об этой реформе именно через дискурс) является поколение, которое я назвала “generation me”. Это поколение призвано смыть все ценностные ориентиры «поколения мы». Для современных реформаторов человек как цель не существует, то есть ни в одном документе мы не найдем понятия и слова «личность» (я имею в виду документы, посвященные реформе высшего образования). Что есть в этих документах? Все, кто работает в высшей школе, знают эти термины: «поставщики», «потребители услуг», «консультанты», «креатив-

щики», «проектировщики», «инвестиции в человеческий капитал», «социально-гуманитарные технологии» и другие рыночные категории образования и соответственно рыночные идейные клише по обсуждению реформирования высшего образования.

Термин “generation me” возник в начале 1980-х годов, во времена правления Рональда Рейгана, когда внимание сместилось с общественного блага и национальных задач на поиск минимизации уплаты налогов и рост индивидуального богатства. Общественное благо сменилось интересами частной жизни. К этому поколению следует отнести генерацию людей, рожденных в СССР, в закатный период брежневского правления, примерно с середины 1970-х и позже. Они получили советское начальное и среднее образование и соответствующий нравственный импульс воспитания, существенно скорректированный в период перестройки. Для этого поколения свойственно столкновение идей, в которых они воспитывались, и идей, которые подарила перестройка. А это совершенно разные люди с разными установками, но всех их объединяет рационалистическое мировоззрение, эгоцентризм, прагматизм и нравственный коллективизм. Весь мир для них — объект захвата. Жажда обладания привела к доминированию новых ментальных, культурных, аксиологических установок целиком сосредоточенного на себе “generation me”. Именно это поколение сегодня олицетворяет новый общественный менеджмент, возглавляет современные реформы и является главным фактором их успешного внедрения.

Это не просто оппозиция «мы–они». Межпоколенческие субкультуры внутренне дифференцированы. «Поколение мы» делится на консерваторов, инноваторов. Есть локально информированные коллективисты, и есть глобально информированные коллективисты. Есть очень отсталые преподаватели из «поколения мы», которые совершенно не ориентируются в реалиях, читают по учебникам столетней давности, но при этом готовы целиком отдавать себя вузу, работать на общественных началах, жертвовать всем для коллектива, относятся к вузу как к семье и хотят этого же от вуза. Глобально ориентированные коллективисты — это те преподаватели, которые вписались в сегодняшние реалии, кто реально движет науку, образование, но при этом им присуще коллективистское сознание. То же самое с “generation me”. Есть индивидуально ориентированные: они просто пересаживают в вузе и работают ради того, чтобы провести время. Для них преподавание — то же самое, что и любая другая профессия, никакой души они туда не вкладывают. И есть глобально ориентированные индивидуалисты, и эти будут добиваться всего. К сожалению, сегодня они управляют «поколением мы», которое продолжает исповедовать коллективистскую идеологию, живет не только целями максимизации прибыли, но и чувством долга, верой в метафизические смыслы бытия, ответственностью не только перед студентами, но и перед обществом, государством, историей.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю к микрофону Ирину Викторовну Малыгину.

И. В. МАЛЫГИНА: — Спасибо большое, уважаемые коллеги. Я хочу продолжить говорить о том, с чего начал Аноп Погосович. Действительно, глобальной культуры не случилось, несмотря на то что прозрачность территориальных границ возросла. Это компенсируется тем, что нарастает плотность культурных границ, которые к тому же все больше смещаются в пространство идентичности. Поэтому все еще не исчерпаны разговоры о диалоге культур, о необходимости каким-то образом научиться его выстраивать.

В связи с этим возникает вопрос: то, что сегодня происходит, это диалог или нет? Если я говорю о диалоге, то в первую очередь имею в виду, что это такой тип коммуникации, при котором обязательно происходит изменение с обеих сторон субъектов. Это могут быть изменения в типах мировоззрения, моделях социального поведения, системах ценностей и т. д. Следовательно, второй принципиальный момент — для того, чтобы получился диалог, необходимо сочувствие, интуиция. Когда начинают вести диалог, человек уже дает себе установку, что он готов к пониманию точки зрения оппонента. А для этого очень важно встать на позицию своего оппонента, как бы выровнять исходные позиции. То есть если мы сразу не выравниваем позиции, то диалог невозможен. И третий момент. Только сочувствие, готовность к сопереживанию, к пониманию позиции другого делает возможным переход «чужого» на другой уровень, на уровень «другого», с которым и хочется выстраивать отношения. С этой точки зрения я буду полемизировать с господином Чуровым, который вчера размышлял о войне как форме диалога.

Если вы согласитесь с моей трактовкой диалога, то тогда она в эту схему не вписывается, потому что это уже не диалог, а конфликт, все что угодно, но не диалог. Вчера разговор зашел о Первой мировой войне, которая провозглашалась как война за цивилизацию. Война за цивилизацию — это война за культуру. Мне кажется, что Первая мировая война сформулировала конфликт цивилизаций и культур, привела к переустройству мира, так как это был конфликт в технологическом отношении развитых и ориентированных на модернистский подход развития государств и государств, которые придерживались традиционалистского сценария развития. Этот конфликт традиции и модернизации — одна из модальностей конфликта культуры и цивилизации, а разворачивается этот конфликт чаще всего на оси «Восток–Запад» по тому принципу, что традиционно западная цивилизация ассоциируется с модернизацией, а восточная — с традицией. И самый глубокий разлом современного мира сегодня проходит по этой оси. Причем до недавнего времени в основном имели в виду мусульманский Восток, но Украина внесла поправки в этот сценарий.

Говорят, что это наступление цивилизации без святых и героев на ценности традиционных культур. Такую точку зрения поддерживают многие современные аналитики. Это по большому счету вполне культурное явление, потому что оно явилось реакцией защиты традиционных культур, которые находятся к востоку от Европы, от наступления западной цивилизации. Мы вынуждены согласиться с этим, однако должны учиты-

вать еще и тот момент, что этот риск содержит в себе и российская культура, российская цивилизация, потому что мы все время балансируем на границе двух культурных миров — восточного и западного.

Проблема российской идентичности в российском самосознании вызвала непримиримые противоречия. Если Чаадаев считал, что мы на самом деле не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, то Бердяев, наоборот, говорил, что два этих начала встречаются в нашей душе. Была и третья точка зрения, согласно которой Россия — то ли третий культурный материк, то ли та граница, за которой все позитивные и продуктивные моменты восточного и западного взаимодействия себя исчерпывают. Известные отечественные культурологи говорят, что пришла пора ставить вопрос о последовательном преодолении традиционного типа социокультурной динамики, правда, умалчивается, каковы способы его преодоления.

Мы понимаем, что эти сценарии не новы и хорошо знакомы по эпохе колониального раздела мира. Но такие сценарии уже не пройдут. Концепции толерантности, мультикультурализма, в общем-то, тоже оказались очень уязвимы. Видимо, нужно воспитывать другого субъекта этого диалога. Это должен быть человек с глобальным мышлением, который синтезировал бы в себе ценности западной культуры и интуицию востока, для которого презумпция ценности традиций стала бы таким же категорическим императивом, как понимание полезности благ цивилизации и модернизации. Но я не уверена, что такой тип человека имеет шансы сформироваться в ближайшее время.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Не будучи философом, я фактически не пользуюсь такими категориями, как «цивилизация» и «диалог». Я назвал бы нашу секцию не «Свои–чужие», а «Мы и они». Потому что эта фундаментальная оппозиция включает в себя понятие «свой–чужой», но не ограничивается им. Есть довольно упрощенная трактовка, как и почему складывается социальная коалиция. К примеру, этнические группы складываются на основе оппозиции, включая отторжение, неприятие или даже враждебное отношение к другим, к не своим. Тем не менее в этой оппозиции заключен следующий смысл: почему «мы» не такие, как «они»? То есть не отторжение, не неприятие, а гораздо более сложные чувства. Чем мы отличаемся, почему другие?

Но есть и другие элементы: зависти, почтения, комплекса неполноценности. Это можно наблюдать среди групп меньшинств по отношению к большинству, доминирующему над каждым этническим сообществом. Поэтому оппозиция не обязательно строится на отторжении, а тем более враждебности.

Второй момент также заслуживает обсуждения: что такое «мы» и кто такие «они»? Здесь тоже прослеживается внутренняя динамика исторической подвижности. Мы обладаем сложной идентичностью, наша идентичность дрейфует. Есть такое понятие «дрейф идентичности». Граница понятия «мы» проникаемая,

подвижная. Для того чтобы ощущать себя русскими, не нужно иметь татар соседями. Люди одержимы тем, чтобы выделять группы, а потом искать между ними различия. Нас гораздо меньше интересует схожесть, чем различия. Почему-то гуманитариев интересует одержимость различиями, особенно в этнической сфере. В этом смысле понятие сложной культурной идентичности присуще не только народным коллективам. Но есть еще и сложность на уровне индивида. Человек вмещает в себя гораздо больше идентичности, чем мы можем представить. У него есть понятие малой или большой родины. И нет большой родины, если у тебя нет малой. Эти понятия абсолютно не взаимоисключающие. Такой инструментальный подход характеризует современную личность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Сейчас слово предоставляется Ольге Николаевне Астафьевой.

О. Н. АСТАФЬЕВА: — Абдусалам Абдулкеримович, спасибо за то, что вы дали мне слово после Валерия Александровича, потому что он затронул важную проблему взаимодействия в современном мире национальных и региональных культур. Мне кажется, эта проблема требует всеобщего обсуждения.

В этом контексте я хотела бы поговорить о проблеме «своего» и «чужого» в рамках проектов трех важных документов: Концепции культурной политики, Закона о культуре и Стратегии культурного развития России. После того как мы получили документ о стратегии социокультурного и социально-экономического развития России, мы, наверное, должны были удивляться тем, что культуре там было уделено определенное внимание. На самом деле сегодня общественный запрос на культуру очень велик, и не только в России, но и во всем мире. Разговоры о неэкономических ресурсах культуры, которые способны стать рычагом, стимулом развития территории — это уже устойчивый тренд в мировой политике и во всех документах международных организаций. Конечно, уровень этого интереса различен. С одной стороны, он открывает перед нами перспективы внимания к гуманитарному развитию и гуманитарным идеям. С другой — ставит перед нами очень серьезную конфликтную проблему между тем, как мы понимаем свою культуру и как трактуем чужую, то есть проблему понимания сущности культуры, ценностей «своего» и «чужого» этнокультурного мира. Мы привыкли к стандартным определениям, фиксируя некоторое единство с определенной смысловой организацией всех ее элементов. Относительно единства у нас нет сомнений. Но проблемой для теоретиков и философов является то, как определить смыслы культуры, каким образом понять, что сегодня представляется для нас важным, какая иерархия ценностей и смыслов выстраивается в современном мире. Это проблема концептуализации смыслов будущего развития России, неразрывно связанной с образом культуры, который мы строим, с аксиологическими основаниями, на которых базируется эта концепция, и соответственно со стратегиями, которые выстраиваются на ее основе.

По существу, эти вопросы проблему диалога переводят на другой уровень понимания, связанный с открытостью, переориентированием национальной культуры не только на будущее, но и на переосмысление традиций, понимание их как основы для выстраивания перспектив развития. Идея культурного развития может стать центральной для создания нового открытого пространства, в котором будут сочетаться современные образы культуры и определенные противоречия. Это нормальная ситуация поиска собственной идентичности — локальной, глобальной, национальной.

Вопрос в другом: будет ли та культурная политика, о которой мы говорим, базироваться исключительно на старых ценностях или мы выстроим новый уровень, на который сегодня ориентирована концепция национальной политики? Здесь возникает серьезный вопрос: только государство как субъект культурной политики способно согласовать концептуальные линии, заложенные в концепции национальной политики? На мой взгляд, стратегия перехода к новой культурной политике — это стратегия развития региональных культур с точки зрения идентичности, а не только этнокультурного разнообразия.

В завершение хотелось бы сказать, что сейчас эта тема серьезно обсуждается, потому что проблем в социокультурном пространстве России значительно больше, чем те, которые были обозначены в моем сообщении. Эти проблемы сопрягают культурное и социальное, пересекаются с напряженным социальным полем, и понимание всей этой сложности становится важным условием для выстраивания межкультурного диалога.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо. Это действительно фундаментальная коллизия, посмотрим, как она проявится в сентябре, когда закончится обсуждение Концепции культурной политики России. Она пока не опубликована, разослан последний, третий, вариант. Он стал гораздо лучше, с учетом критики, которая была высказана в открытом письме Института философии РАН, и наших замечаний. Мы не делали публичных заявлений, но представили очень жесткую критику. Мы — это три автора, академика: А. М. Молдован как представитель филологов, А. Н. Макаров — историков и я как представитель Отделения историко-филологических наук. Сейчас этот документ гораздо лучше выглядит, он вынесен на обсуждение (до сентября), и есть возможность по нему высказаться. Но самую глобальную коллизия верно подметили: в этой концепции культурной политики нет того, что есть в государственно-национальной стратегии, — нет понятия российской национальной культуры. Под национальной культурой подразумеваются партикулярно-этнические культуры, а понятие российской культуры как национального феномена отсутствует. Кроме того, полностью отрицается существование массовой культуры, которая связывает нас со всем миром в глобальном пространстве. То есть фундаментальная методологическая слабость в этом документе есть, поэтому я обращаюсь к тем, кто здесь присутствует и до сентября может поучаствовать в обсуждении, — нужно это обязательно сделать.

Слово предоставляется Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — По отношению к постановке проблемы «Свои–чужие» в глобальном мире у меня всегда возникает вопрос: «А хорошо ли мы понимаем, где свои, а где чужие? И в чем состоит “свойство” или “чужость” того или иного человека?». В 1978 году Эдвард Саид опубликовал книгу об ориентализме. Эдвард Саид — не мусульманин, он христианин, палестинец, прожил большую часть жизни в США. Он выступает как защитник ислама, и его книга — настоящий крик души. Саид демонстрирует вопиющее непонимание европейским миром арабского мира, в том числе мусульманского.

В связи с этим хочу привести некоторые примеры. Начну с самого простого. В советские времена в газете «Известия» была опубликована история, которая могла бы послужить основой для «мыльной оперы»: молодой русский парень в Татарии, как говорят теперь — в Татарстане, влюбился в татарскую девушку, она согласилась выйти за него замуж при условии, что он примет ислам, и он согласился это сделать. И заканчивается эта публикация такой фразой: «Венчаться молодые будут в мечети». Это замечательное подтверждение того, насколько мы, христиане, не понимаем людей, с которыми тысячелетия живем в одной стране, бок о бок. Прежде чем осудить чужих, надо понять, где свои и где чужие, выучить то, что рядом с нами, с чем нам приходится жить.

Вот я хожу по мечети Омейядов в Дамаске, и там находится могила Иоанна Крестителя, которому поклоняются все мусульмане. Представьте себе христианский погост, на котором расположена могила мусульманского святого. Может такое быть? Задайте себе эти вопросы, попробуйте ответить на них и после этого начинайте судить.

В 1980 году Виталий Вячеславович Наумкин, директор Института востоковедения, издал перевод аль-Газали — книгу «Воскрешение наук о вере» (а я был ответственным редактором). Кто-нибудь из сидящих здесь читал этот выдающийся трактат? Там нет ничего из того, что мы представляем себе об исламе, все совершенно наоборот.

Приведу еще один пример. Эмир Абделькадер, возглавлявший Алжир в XIX веке, 30 лет сопротивлялся французским колонизаторам. Затем его предали свои же, отправили в почетную ссылку в Дамаск. Там началась резня христиан. И он несколько тысяч христиан защитил от резни, потому что «мы, мусульмане, стариков, детей, женщин не позволяем убивать без суда и следствия». Потом его как национального героя привезли во Францию и вручили ему орден Почетного легиона — человеку, который 30 лет воевал с французскими колонизаторами. И если мы будем чаще обращаться именно к таким фактам, то будем устанавливать действительно подлинный диалог. Не буду повторять свой доклад, но, в частности, хочу сказать, что там упоминается термин «авраамический монотеизм». Он идет, между прочим, от философа Владимира Соловьева, у которого есть блестящая работа «Магомед», показывающая сходство этих религий.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Термин «авраамические религии», которые восходят к патриарху семитских племен Аврааму и в той или иной мере признают Священное Писание Ветхого Завета, принадлежит Соловьеву?

А. Б. КУДЕЛИН: — Да, Соловьев об этом говорит. Он показывает сходство религий. Хочу подчеркнуть, что прежде чем мы будем говорить «свои» и «чужие», давайте попытаемся разобраться. Если внимательно изучать чужие культуры, то выяснится, что очень многие вещи, которые мы приписываем нашим оппонентам, на самом деле являются плодом нашего ошибочного восприятия. Это очень трудная работа, но только она, на мой взгляд, может выступать основой нормального диалога. Поэтому давайте не будем «мирно» бомбить чужие города и сопротивляться тому, что люди защищают свою культуру.

В. А. ТИШКОВ: — Александр Борисович, то, о чем вы говорите, в психологии называется проекцией, это защитный механизм личности и культуры. Спасибо. Слово предоставляется Ольге Анатольевне Жуковой.

О. А. ЖУКОВА: — Уважаемые коллеги, позволю себе отреагировать на состоявшиеся вчера и сегодня выступления. Вчера в возникшем поле интеллектуального напряжения в буквальном смысле «подвис» вопрос: а с чем идти в будущее? Какова его идея? Разумеется, не ответив на вопрос о том, что представляет собой реальность, как она может быть описана, мы не сможем сконструировать идею будущего. Вчера обсуждение проблемы диалога культур в общем-то свелось к двум сценариям: диалогу в условиях войны и мира — очень часто звучала эта емкая формула. Вопрос в том, кто организует или кто принуждает или навязывает мир или войну. «Принуждение к миру» сейчас звучит уже так привычно для уха после событий 2008 года. Кто эти агенты войны и мира? Они все те же, что и в эпоху модерна, когда развернулись две самые страшные войны на европейском континенте, — это державы и властные элиты, преследующие свои интересы, или глобализирующиеся в постиндустриальном мире, если использовать терминологию философии, социологии и культурологии. Сегодня эта конфигурация меняется. Собственно, кто творящий субъект современной истории? Ступень развития современной цивилизации характеризуется как информационное общество, когда знание и информация являются самым дорогим товаром. И мы можем констатировать следующее: рынок производителей информации начинает конкурировать с рынком потребителей информации. Новый глобальный игрок — это пользователь медиа, которые стали тотальными по своему инфраструктурному охвату. Этот игрок добавился к уже существующим глобальным игрокам — политическим, экономическим субъектам, осуществляющим исторический процесс.

Возникает вопрос: насколько свободен этот пользователь медиа или он все тот же объект манипуляций,

в первую очередь массовой культуры, поскольку мы с вами все-таки описываем состояние современности? И здесь рождается такая ассоциация. У Ирины Викторовны возник образ традиционного общества, а я бы сказала, что это традиционное общество очень напоминает древневосточную деспотию. Потому что главный актор современности — экономические, политические игроки, которые реализуют свой субъектный интерес, а именно — стремятся к господству и сохранению такого социального порядка, который обеспечивает им их доминирование. Это даже не идеократия, это ближе к очень явной форме деспотии, о контурах которой мы с вами должны задуматься. Сегодня, в условиях глобализирующегося мира, колоссальная энергия человеческих масс успешно канализируется с помощью неизменяемой триады «власть, насилие, деньги» (в данном случае деньги можно рассматривать в широком смысле — как ресурсы). Мы видим, что декларируются ценности всемирной демократии, но при этом механизмы контроля и управления сосредоточены в руках отдельных политических и бизнес-элит. А вот издержки борьбы этих правящих элит в буквальном смысле слова списываются на народы и культуры: за все отвечают народы и культуры. Примеры такого вторжения в суверенные пространства культур и народов очевидны, они приводят к тяжелым последствиям — к варварству, архаизации. Если брать уровень культуры, то это огромное количество утраченных культурных ценностей в наши дни, не говоря уже о временах Первой и Второй мировых войн.

Мы должны констатировать и еще один факт. Информационное публичное пространство, которое создается так называемый универсализм современной цивилизации, тоже приватизировано, или, если хотите, узурпировано, и находится под тотальным контролем. В этом смысле глобальное коммуникационное пространство поделено, сегментировано и также является полем и ареной конкуренции, соперничества и конфликтных столкновений. Кто формирует этот образ реальности? В первую очередь, конечно, политика в идеологическом контексте. И здесь налицо две коммуникационные стратегии — соперничество и сотрудничество. Крайние их точки — конфликт и стратегия продуктивного сотрудничества (обозначим ее как диалог). И вот тогда возникает собственно эта оппозиция «свой–чужой». В этих двух коммуникационных стратегиях, если мы говорим о конфликтной версии, «своему» противопоставлен «чужой». Если мы говорим о диалоговой стратегии, то «своему» противопоставлен «другой». Проблема в том, что культивируется в этом публичном пространстве, какая установка на восприятие «другого». Уже было отмечено, что сегодня в буквальном смысле слова возникают «призраки» прошлого, несущие упрощенную, однослойную интерпретацию картины мира, которая примитивизирует образ реальности. Не только примитивизирует, но и в значительной степени искажает.

Мы видим, что информация, конечно, это характеристика массового общества. Человек массы — такая невыделенная личность, но обладающая индивидуальными характеристиками, в том числе и своим индиви-

дуальным психологическим и информационным пространством. По отношению к этому индивиду, не выделенному в массе, тем не менее, осуществляется все та же классическая форма насилия, которая сегодня имеет и свою информационную ипостась. То есть работа идет в первую очередь с массовым сознанием, в котором активно конструируются модели мира (конструируются, подчеркну, в определенном дискурсе). Крайние противопоставления в этой формуле «свой–чужой» приводят в буквальном смысле к войне дискурсов. И вообще все, что сегодня можно сказать о характере ведения информационной войны, — это, скорее, именно война дискурсов. Информационная война идет на уровне массового сознания и, конечно, использует инструментарий массовой культуры.

Здесь возникает следующий вопрос: а кто является кредитором базовой идеи, в рамках которой формируются эти массовые представления? Кто кредитор мнения? Кто, если хотите, эксперт в истине? Кто взял на себя эту роль, эту миссию? В данном случае нужно говорить о том, что для современных медиа они являются репрезентантами все тех же интересов глобальных игроков. Буквально в последние два года мы стали свидетелями «цветных» революций, которые устраиваются как сетевые революции. Последний пример — реакция премьер-министра Турции Эрдогана на активность пользователей в сети и попытка закрыть «Твиттер» и YouTube, которая не увенчалась успехом, потому что Конституционный суд запретил ему это делать. Тем не менее мы видим, насколько серьезно воспринимается медийный инструментарий для создания и разрушения социального порядка.

И мы не можем дистанцироваться от той сложной ситуации, которая возникла на Украине, мы погружены в этот информационный контекст и видим простую корреляцию, которая свидетельствует о состоянии массового сознания: степень агрессии напрямую зависит от степени незнания предмета. Так, социологическое исследование показало, что чем хуже респонденты западного, американского, мира знают, скажем, где географически находятся Крым и Украина, тем скорее они готовы проявить агрессию и тем жестче требуют наказать Россию.

Что мы как гуманитарии, являющиеся носителями и хранителями высших истин, можем сделать в такой ситуации? Мы можем бороться за человека, по крайней мере взять на себя эту задачу. На теоретическом уровне можно говорить о формуле эффективных социальных коммуникаций, которую можно расшифровать как формулу гармонизации политико-культурных отношений, — то, что, в общем-то, укладывается в формулу устойчивого развития. И здесь как раз исходная формула «свой–чужой», за которой просматривается, как справедливо сказал Валерий Александрович, более фундаментальная, рожденная языческим сознанием формула «мы и они», должна быть перекоммутирована в «свой–другой». Только в этом случае она существует как некий диалог и установка на восприятие «другого» как «своего–иного». Таким образом, остается только изменить дискурс современных медиа, чтобы заработала не конфронтационная,

а диалоговая формула. Но здесь мы, конечно, оказываемся пока еще в состоянии гуманистов-утопистов, взывая к вечному миру по-кантовски или к ненасилию по Махатме Ганди. Тем не менее, мне кажется, это гуманитарно-гуманистическое требование должно стать реальной политической стратегией. В противном случае от войны дискурсов мы действительно перейдем к настоящей войне.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Аркадию Львовичу Маршаку.

А. Л. МАРШАК: — Наверное, как и все присутствующие в этом зале, я нахожусь под впечатлением от вчерашнего пленарного заседания, выступления на этом заседании группы ученых. И я для себя сделал следующий вывод: во-первых, диалог, который произошел вчера, состоялся; во-вторых, были высказаны две принципиально противоположные точки зрения. Одни выступающие говорили о том, что диалог необходим, что это определенная форма существования цивилизационного общества, его развития, а другие отрицали диалоговую форму обсуждения, и некоторые даже упоминали о том, что диалог — это какая-то архаика, с которой нужно решительно покончить для того, чтобы двигаться дальше, вперед. Отвечая на аргументы последних, я хотел бы, перефразировав высказывание одного политического деятеля XX века, сказать, что диалог, может быть, не совсем совершенная форма, но лучшего ничего не придумали. Он существует, он есть и будет дальше развиваться. При этом, как мне представляется, существуют по крайней мере три фактора, которые определяют диалог как данность.

Первый — это экономический фактор, который приводит к расколу нашего общества, к появлению определенной группы богатых людей, презирающих всю остальную массу населения, низводящих ее до нищенского положения и состояния второстепенной группы рода человеческого. Вчера Жан Терентьевич Тощенко приводил результаты социологического исследования, согласно которому за прошедшее десятилетие произошел резкий скачок роста очень богатых людей и их отрыв от остального населения.

Второй фактор — культурный. Это возникший еще в 70-е годы XX века культурный раскол между различными слоями населения, который также выдвигает необходимость диалога.

И, наконец, третий фактор — мировоззренческий, который сегодня проявляется с особой силой и тоже способствует расколу нашего общества.

Далее в своих рассуждениях и выводах я буду опираться на данные социологических исследований (я представляю небольшую группу социологов). Хочу только отметить, что реальность диалога во многом определяется лежащей в его основе теорией, в том числе и интерпретирующей причины усиления напряженности в системе «свой–чужой». Реакция на события на Украине, в частности связанные с вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации, во-первых, дает повод говорить о культурной

идентичности как мировоззренческой основе дихотомии «свой–чужой», ставит проблему выработки новых символов и образов социокультурной идентичности; во-вторых, показывает роль и место интеллигенции в поиске консенсуса между различными социальными силами, в том числе и между властью и обществом.

Преодоление различий между «своими» и «чужими», снижение пафоса непримиримости между «мы» и «они» предполагает разрешение межэтнических и межнациональных противоречий, в том числе связанных с переживанием этносами исторической несправедливости, психологической несовместимости. В этих процессах значительную роль играет уровень развития религиозной культуры общества. Приведу в связи с этим один пример, отвечая на выступление профессора Куделина. Я живу в Москве в спальном районе, где в соответствии с идеями Русской православной церкви строятся новые православные храмы. Эту работу возглавляет в прошлом атеист, а сегодня церковный угодник господин Резин, который старается услужить Русской православной церкви. С одной стороны, в этом ничего плохого нет — действительно в свое время было уничтожено огромное количество храмов. Но, с другой стороны, построили наш храм, нарушив все каноны православного вероисповедования. Во-первых, храм построен в низине, а над ним возвышается развлекательный центр под названием «Ханой». Во-вторых, этот храм строили гастарбайтеры-мусульмане с присущим им, так сказать, видением высоты, и они положили вокруг этого храма камни, которые мы видим в любом их построении, мечети и т. д. Храм, тем не менее, освятили, и теперь там проводятся службы. Я думаю, что у истинных православных людей это вызывает в некотором роде негативное восприятие.

И последнее: дихотомия «свой–чужой» остается главным конструктом развития в глобальном мире, но мировоззренческим условием ее модификации является национально-культурная идентичность, способная снимать враждебность даже в крайних формах противостояния.

В. А. ТИШКОВ: — А вот отец Феофан мне как-то говорил, что он гордится тем, что строить храмы на Северном Кавказе ему помогали местные жители — мусульмане. И толерантность заключается как раз не в том, что христианин терпит рядом мечеть, а мусульманин терпит рядом православную церковь, а в том, что один помогает другому возводить его храм.

А. Б. КУДЕЛИН: — Я видел в Кордове сооружение, которое называется Месquita — Кордовская соборная мечеть. Это наполовину мечеть, наполовину кафедральный собор. Там проходят службы, в которых участвуют и католики, и мусульмане. Причем сами испанцы, как настоящие, верные католики, отмечают, что мечеть сильнее в архитектурном плане, чем христианская часть. Перед входом по-арабски написано «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» — потому что христиане, которые первыми вошли сюда после того, как часть

мечети переделали в христианский собор, не говорили на романском языке.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Маргарите Вениаминовне Силантьевой.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я знаю похожую историю, когда в Бурятии храм Святителю Николаю помогали строить представители Агинского дацана. Ну и Агинский дацан, соответственно, получал, когда было нужно, материальную поддержку со стороны православных христиан. Так что, я думаю, дихотомия «свой–чужой» на самом деле может быть рассмотрена значительно глубже, чем только как антрополого-социальная категория, и здесь мне хотелось бы вернуться к истине.

Вчера у господина Петренко прозвучало выражение, что истина — это устаревшая гипотеза. Здесь можно, конечно, вспомнить и Ницше с его тезисом «Бог умер», где имеется в виду именно истина и смысл, но не могу не присоединиться к тем коллегам, которые с этим спорили. Это во многих выступлениях и сегодня прозвучало — все-таки человеческая социальная организация не может не учитывать ценности и смыслы.

Если говорить о ценностях, то у меня есть на этот счет такое соображение, которое я про себя называю «казус Эвелин Манделы», по имени супруги выдающегося политического лидера, можно даже сказать, религиозного героя борьбы за национальное определение чернокожего населения Южной Африки. В свое время, в 1990-е годы, на слуху был крупный скандал, и я сама слышала по радио эти жуткие истории о холодильниках, заполненных детскими трупами. На некоторой части африканского континента до сих пор существуют глубокие национальные традиции по поддержанию молодости и силы за счет специфических ритуальных действий. Мы знаем, что российские криминологи оказываются очень востребованными там, потому что местная полиция не берется за такие дела. Скажем, сохранились племена, где для того, чтобы пошел дождь, приносят в жертву семилетних мальчиков. Местное население отказывается принимать участие в поисках таких жертв, потому что оно включено в эту систему ритуальных практик. А некоторые несчастные родители, которые не включены так глубоко в традиции и которым жалко своих детей, просят помочь российских криминологов. И действительно, иногда детей находят, и даже живых. Я привела этот пример для того, чтобы показать, что ценность традиций тоже бывает разная, и если мы хотим на самом деле говорить о ценностях, то следует понимать, что дихотомия «свой–чужой» должна работать на определенном уровне.

Несколько слов о философских основаниях, упоминающихся, с моей точки зрения, в вопрос о том, что такое смысл. Это естественно, поскольку я следую традиции, уходящей корнями в то, что мы сегодня считаем основой европейской цивилизации. Это древнегреческий взгляд на смысл как на *логос*. Собственно, хочу сказать об этом смысловом понимании, мо-

жет быть, немного оппонировав тому, что говорил профессор А. Б. Куделин по поводу науки. Я думаю, что если филология — наука строгая, то философия — тоже наука, только веселая. В этом смысле мы должны приветствовать не невежество, а некоторую способность посмотреть со стороны на конкретные вещи. И действительно, конкретная вещь — наличие своеобразной последовательности, как вчера прозвучало, своей логики в позиции представителя, скажем, арабской культуры по сравнению с культурой христианской. Хотя даже здесь существует распространенная сегодня дихотомия массового сознания. На самом деле общих точек соприкосновения довольно много. Смысл и логос в таком практическом применении — это и есть понимание, общее для всех людей, потому что они — люди, потому что они могут быть причастны смыслу.

Теория, строго говоря, — это видение, причем такое, когда не просто смотришь, а понимаешь. Здесь можно говорить о реализме такой позиции. Мы сначала солим суп, в результате чего он становится соленым. Дальше можно идти, отрываясь от операциональных вещей, уходя в глубь вопроса о том, что такое смысл. И здесь теоретические рассуждения, как мне кажется, всегда лежат в глубине любых рассказов о важных практических событиях, потому что наш рассказ опирается на то, как мы видим и понимаем. Важно умение увидеть чужого как не просто другого, а как совсем другого. Это и особое отношение к смыслу, который выше, чем наши конструкции и модели. Если мы все сведем к нашим конструкциям и моделям, то будем вечно продуцировать своих оппонентов.

И здесь я хочу солидаризироваться с уважаемым Абдусаламом Абдулкеримовичем, потому что сама постановка проблемы выглядит немного забавно — где этот глобальный человек? В реальности его нет. Но если мы совершенно оторвемся от этой позиции, если потеряем веру в возможность «всечеловека» (пусть даже в форме религиозного идеала), то утратим даже надежду на то, что есть общая платформа для взаимопонимания. Мне кажется, сегодня в образовательном пространстве происходит ужасная партикуляризация, которой действительно может сопротивляться определенное сообщество. Я далека от мысли, что оно строится по гендерному или возрастному принципу. Это сообщество людей, понимающих тех, кто любит и верит в истину. И я очень благодарна, что Гуманитарный университет профсоюзов создал площадку для такого взаимопонимания.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Светлане Николаевне Иконниковой.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Уважаемые коллеги, я, как питерский человек, благодарю всех, кто пришел и с кем можно повидаться. Здесь все «свои». Это удивительная идентификация, которая поддерживает хорошее настроение и способствует эмоциональным, интеллектуальным и иным отношениям. Поэтому «свой», конечно, лучше «чужого». «Чужой»

может стать «своим», но для этого ему нужно пройти определенную дистанцию, чтобы освоить те правила, требования и свойства, которые есть у «своих».

Очевидно, этот процесс происходит во всем мире, потому что биполярность, на которой основана идентификация, — всеобщая. Свое выступление относительно взаимодействия поколений я назвала иначе, чем «свой–чужой». Это «другие», но не «чужие». Потому что дать эмоциональную оценку «других» как «чужих» — это значит вступить в ту борьбу, сопротивление, которое вызывает совершенно определенные последствия.

Поэтому первый тезис, который я хочу огласить, заключается в опасности идентификации в определениях «свой–чужой». Идентификация, как и любое определение, обладает эмоциональным накалом. Потому что если ты стал чужим, то как бы ты ни бился, все равно им останешься в том сообществе, которое тебя отвергло. Поэтому относиться к проблеме разделения на «своих» и «не своих», «наших» и «не наших» надо с большой осторожностью.

Второй тезис связан со взаимодействием поколений. Мы как-то давно не обращались к этой теме. Периодически мы, конечно, говорим о разных поколениях и взаимодействии между ними, однако в печати, публикациях, социологических исследованиях эта тема обсуждается с осторожностью. Но хорошо, что все-таки начали исследовать, чем отличаются поколения и как они ведут себя, кто из них является уважаемым идеалом, а кто остается непонятым, неизвестным, неопределенным, с надеждой на будущее, но пока еще не заявившим о себе в полной мере. И здесь у меня возникает целый ряд вопросов, связанных с процессом взаимодействия поколений. Слава богу, в российском обществе нет жесткого противопоставления «своих» и «чужих», особенно среди старшего поколения, которое выросло в других условиях и социальных установках, отличается своим режимом взаимодействия, узнаванием друг друга и определенной идентификацией принадлежности к поколению, как правило, очень дружескому. Даже в пределах одной возрастной категории всегда сопоставляется круг знакомств, друзей, которые были в прошлом и поддерживаются в настоящем. Однако у современного молодого поколения, я говорю о студенчестве и молодых специалистах, так происходит не всегда. Здесь велика степень противостояния и мала доля общности. Может быть, мы сами виноваты в том, что такие сообщества развалились или не поддерживаются молодыми людьми. В каком-то смысле такими «скрепами», как любят сейчас говорить, являются волонтерство и разные добровольные службы, но они так плохо организованы (за исключением, может быть, Олимпиады), такие вялые, малопродуктивные, что я не знаю, есть ли у них перспективное будущее, если они будут развиваться самостоятельно, без определенной государственной поддержки.

Третье — это Болонский процесс, который якобы совершается в нашем высшем образовании, но на самом деле таковым не является. Некоторое время назад я была экспертом по анализу организации пятидесяти вузов Германии и их включенности в Болонский про-

цесс. Болонский процесс основан на либерализации учебного процесса, предполагающей составление индивидуальной карты и основанной на личном выборе учащимся тех предметов, которые предлагает вуз. Это совсем другое, чем у нас. То есть мы сами разрушаем некоторые элементы действительности, которые способствуют формированию «своих».

Ну и, наконец, последнее — это определение перспектив того общества, в котором мы живем. Я не отношусь, как и все здесь присутствующие, к олигархам, но меня коробит, когда начинается критика всех без исключения богатых людей, что они нажили незаконно свое имущество и пр. В частности, в Петербурге есть человек, так сказать, высокого служения, олигарх Виктор Вексельберг, который создал в своем владении музей Фаберже, открыл его для всех и содержит на свои деньги. Мне кажется, можно увидеть позитивные моменты во многих богатых людях, а не делать их «чужими» или «иными», почти врагами, и т. д. Я считаю, это было бы толерантно и правильно.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, как только мы начинаем говорить о культуре, о взаимодействии культур, мы, конечно, вступаем в область большой неопределенности. Но, возможно, понятие культуры ценно и играет позитивную роль отчасти именно потому, что остается неопределенным, в него можно вкладывать разные смыслы и подвергать разного рода конкретизациям.

Разумеется, взаимодействие культур очень разнообразно, здесь можно выделить много аспектов, но я хочу зафиксировать ваше внимание на главной идее круглого стола — на взаимодействиях культур или людей, принадлежащих к разным культурам. Есть такой момент, когда различие культур становится аргументом для их вражеского противостояния, когда именно различия культур и апелляция к ним выдвигаются в качестве оснований для противопоставления по принципу «свой–чужой». Конечно, «свой–чужой» можно по-разному определять, но когда мы характеризуем кого-то как «чужого», мы тем самым как бы включаем его в орбиту наших отношений как того, с кем мы должны бороться. Это, может быть, лучше, чем вообще не знать его и т. д. Об этом можно долго рассуждать, но есть исторически выработанный и многократно проговоренный и продемонстрированный смысл, который все понимают. Чужой — это тот, каким мы не хотели бы быть; этот тот, с кем мы боремся; тот, кого мы должны победить. И значит, во взаимодействиях культур есть элемент, когда различие культур становится аргументом для подобного вывода. Отсюда возникает вопрос: действительно ли культуры в их различиях, в их многообразии, соприкасаясь, дают основание для того, чтобы людей делать «своими» и «чужими»?

Я считаю по-другому: противопоставление «своих» и «чужих» предшествует взаимоотношениям людей как представителей культур, и это изначально

противопоставление является следствием того, что мы смотрим на какую-либо культуру как на «чужую». Об этом говорилось в знаменитой книге «Ориентализм» — какими глазами надо смотреть на восточную, в частности исламскую, культуру, чтобы увидеть то, что обычно там видится. Достаточно вспомнить, как рисовали образы Мухаммеда в Средневековье, и многое другое. Когда я своим коллегам рассказываю, что в Тегеране сейчас есть синагоги, еврейские общины и иудеи в отпавлении своей веры не испытывают никаких ущемлений, мне не верят, потому что это никак не вяжется с исламским фундаментализмом. И поэтому я ставлю такой вопрос: если мы признаем разнообразие культур как ценность, как благо, дайте мне в теории точку, исходя из которой можно это принять, что это есть благо. Моя мысль: исходя из одной культуры, невозможно найти такую точку, вы обязательно разделите на «своих» и «чужих». А где же транскультурная позиция? Давайте обратим внимание на то, в каком мире мы живем. Что это за мир? Он глобальный, единый, то есть становится или уже стал единым. Какое из этого вытекает следствие для нас, людей, которые рассуждают о понятиях культуры, хотя бы выяснить, как культуры соединяют или разделяют людей? Возникает простая мысль: если это мир глобальный, то он принадлежит всем людям, которые живут в этом мире, — всем мужчинам и женщинам, взрослым и детям. И другого смысла вы не найдете. Александр Петрович говорит, что природное единство разделяет нас.

А. П. МАРКОВ: — Разделяет гораздо больше, чем культура.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Конечно, оно разделяет, ставляет нас бороться за свое жизненное пространство и т. п. Но я говорю о том, что если вы всерьез принимаете идею глобального мира, тогда нужно понять и принять, что природное единство перестает быть таковым, оно становится культурным императивом, историческим фактом. И это дает нам совершенно другую перспективу.

Вы говорите о том, что взаимодействие культур не может быть без противостояния, насилия, что одна культура должна быть выше, другая — ниже, эта мысль все время присутствует. Более того, указываете на то, что у христианства нет запрета на насилие, а есть требование прощения.

А. П. МАРКОВ: — В христианстве содержится не просто запрет — оно предлагает механизм преодоления насилия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Это Моисей призывал «Не убий». А в христианстве есть прощение — более высокая ступень человеческого развития, но она предполагает запрет на насилие. Конечно, это в определенном смысле возвращение. Эта ступень будет востребована в постглобальном мире. А мы пока живем в глобальном мире. И моя мысль проста: люди, принадлежащие к разным культурам, не будут вступать в отношения «свой-чужой», если изначально примут,

что в этом мире уже нет «чужих», все «свои». Вот это надо понять, принять и каким-то образом диалектически выразить и закрепить. Вы говорите, что не хотите никуда бросать якорь. И я не хочу. Но вы же видите миллионы людей, которые бросают якорь, которые приезжают сюда, живут с нами, другие люди, наоборот, уезжают. Посмотрите, сколько русских в Чехословакии и других странах. Не обязательно эти люди изменяют своей почве, просто даже способы обитания людей, их распределение меняются в этом мире. И наша задача это осмыслить в перспективе того, как нам жить вместе и не убивать друг друга. Это не следствие, если мы это будем рассматривать как следствие принадлежности к какой-то культуре, то мы ничего не добьемся. Это предпосылка, исходя из которой мы можем взаимодействовать как люди разных культур. Тогда все получится, и у нас будет другое отношение к самой культурной идентичности — что это не проклятье, а культурная идентичность, которая вписана в рациональную повседневную жизнь человека, тоже меняется, может быть. Здесь уже говорили, что форм идентичностей и способов их взаимоотношений много, но для того чтобы все это продуктивно работало, у нас должна быть какая-то другая исходная позиция. Это основная мысль, которую я хотел выразить.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо большое, Абдусалам Абдулкеримович. Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хочу сказать, что заявленная мною тема предполагает обсуждение этико-религиозного наполнения категорий «свой» и «чужой» в современных политических конъюнктурных процессах. Соответственно, здесь мы пересекаем ту демаркационную линию, которая была вербально провозглашена, но незаметно постоянно нарушалась: никакой политики, потому что прекрасные «пушистые» люди, простите за это сравнение, ходили вокруг блюда с горячей кашей — политикой, стараясь по возможности не обсуждать политические вопросы в данной аудитории. А между тем возникает вопрос — почему? Говорится о проблеме новой программы, касающейся культурного развития нашего Отечества. Но ведь экономическая стратегия, демографическая политика, система образования, культура, социальная система, в конце концов налаживание этнонациональных отношений — все это приобретет содержательное наполнение только тогда, когда будут деньги и люди, не ворующие эти деньги, когда будут созданы соответствующие структуры, которые станут последовательно реализовывать многолетнюю программу действий.

Меня волнует момент, связанный с этнической организацией современного общества. Приведу пример: в 1992 году гвардейцы Китовани с благословения центральной грузинской власти на танках въехали в город Сухум. У меня там были друзья — как абхазы, так и грузины. И вот два очень культурных, интеллигентных сотрудника общества «Знание», один мегрел, другой абхазец, зависимые друг от друга по работе — один из них пользовался патронажем другого и достаточно

преуспел в своей карьере благодаря этому патронажу, — находятся на противоположных сторонах улицы и не подходят друг к другу, потому что ситуация изменилась и этногрупповые структуры контролируют поведение того и другого. А я выступаю в качестве парламентаря, поскольку они оба — мои друзья (иду к одному, потом подхожу ко второму), такая челночная дипломатия. Я не Киссинджер, конечно, у меня нет таких больших претензий, но люди друг друга не слышат — не потому, что глупые или ограниченные, а потому, что групповой этнос дал команду и сформировал свои позиции. И мера включенности, зависимости определяет их поведение.

Я стараюсь показать, что политика — это дело, которое затрагивает всех. Воспользуюсь здесь формулой Ильи Григорьевича Эренбурга, написавшего: «когда я получаю письмо от ближайшего друга и газету, я сначала читаю газету, а письмо от близкого друга потом, потому что в газете могут быть новости, которые касаются моей судьбы, касаются судьбы моего друга и, может быть, судьбы всего человечества».

Приведу второй пример, может быть, более ранний по времени, но опять-таки лично пережитый. Это некоторая реальность, связанная в том числе и с этнокультурными процессами современности. Город Хасавюрт лет, наверное, за 14 до появления там генерала Александра Лебеда, подписавшего известное соглашение. Я оказался здесь его предшественником, правда, по другой линии. Местный житель, не буду называть его этническую принадлежность, рассказывает об обычаях своей общности, связанных с поддержанием авторитета рода, когда оскорбили девушку из этого рода. Авторитет на протяжении столетий поддерживался очень просто — обидчика убивали. И после каждого такого убийства начинался виток кровной мести. Но пришла советская власть и стала расстреливать соучастников кровнородственной мести. Расстреляла раз, расстреляла два, и руководители групп, авторитеты, задумались, потому что убивали самых молодых, самых горячих, самых воинственных, самых важных мужчин, надежду рода. Что делать, как быть? Собрали совещание (рассказываю подлинную историю), приняли компромиссное решение — на первый раз обидчика не убивать, но лишать его чести, то есть самой важной части мужского достоинства, после чего эту часть проворный мальчик, забравшись на самое высокое дерево, на самую тонюсенькую ветку, которая может его выдержать, привязывает и закрепляет — достать практически невозможно. Утром все селение знает, кого оскорбили, это смертельная обида. У обиженного два варианта: либо бежать от позора, потому что это огромный позор, либо остаться, тогда его зарежут, тут уже никакие законы не защитят.

Кстати, эти традиции описаны в той части «Архипелага ГУЛАГ», которую не все дочитывают. Солженицын предельно обстоятельно рассказывает о судьбе чеченского мальчика и благотворной роли совета старейшин, который постановил не включать в цепочку кровной мести этого школьника, мальчика, потому что он, что называется, ни при чем и убивать его нецелесообразно (там опять-таки было убийство на родовой

почве со всеми вытекающими последствиями). Вот такого рода проявления начнут усиливаться, когда будут ослабевать скрепы и влияние государства. А способы выживания, сотрудничества и взаимодействия людей, которые лишены, в общем-то, национальной государственной поддержки и могут реализовать себя только на основе принципа «своя рубашка ближе к телу» («своя рубашка» по крови, «своя рубашка» по доверию, «своя рубашка» по отношениям, которые сложились в этой этнической группе), — эта проблема, по моему, заслуживает большого внимания, в том числе и со стороны ученых.

А. Б. КУДЕЛИН: — Слово предоставляется профессору Андрею Евгеньевичу Зимбули.

А. Е. ЗИМБУЛИ: — Большое спасибо организаторам за прекрасно организованную конференцию. Особенно радует, что доклады были заранее размещены на сайте и с ними можно было ознакомиться. Я хочу отреагировать на то, что вчера и сегодня прозвучало в выступлениях. Все призывы замечательные: культура, свой лучше чужого, надо жить лучше. У Тэффи есть замечательный рассказ «Свои и чужие», где «свои» обижают, а «чужой» неинтересен, на «чужого» не реагируют.

Существует много определений культуры. Мне созвучнее всего объяснение, данное Степиным, что культура — это генотип социальной жизни, и Чавчавадзе — что это внутренний смысл человеческой деятельности. Есть разные культуры и субкультуры, в том числе паразитирующие. Можно воспринимать незнакомого, «чужого» не как угрожающего, а как экзотически влекущего, может быть, конкурирующего. Я могу, как призывал Кант, благоволить ко всему миру, но рядом со мной объективно находятся конкуренты, настроенные враждебно, относящиеся ко мне как к «понаехавшему» (особенно если учитывать мою нерусскую фамилию Зимбули). Здесь я не русский, а в Греции — не грек. Как мне быть? Я хочу жить здесь и хочу, чтобы здесь стало лучше.

Мне понравились многие выступления. Диалог с отшельником, интересным человеком, мне понятен, с ним мне было бы проще общаться, я стал бы духовно богаче, чем вести диалог с коррупционером, исламским фундаменталистом, грабителем, пиратом. Отец моей студентки был капитаном корабля, захваченного сомалийскими пиратами, он погиб. Действующие в наше время пираты — это субкультура. Кто с ними должен вступать в диалог? Я не знаю. Возможно, это должен быть диалог оружия. Всем нужны мир, гармония обычной человеческой жизни, даже Виктору Конюхову обычная жизнь нужна. А продавцу оружия или организатору наркотрафиков нужно что-то другое, а не обычная гармония и простая человеческая жизнь. А как с ними общаться — с наркоманами и с теми, кто их снабжает?

Мир состоит из разных людей. Но, на мой взгляд, разнообразия не должно быть слишком много, и кому-то следует ограничивать себя. Культура должна быть умной, сильной, совестью. И совесть должна помогать

нам, может быть, ограничивать друг друга, самих себя. Даже дети знают, что свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается нос соседа. И нужно придерживаться этого императива. Кстати, у Аристотеля, Канта и Достоевского звучали близкие высказывания, что долгие годы мирной, сытной и спокойной жизни разобщают и развращают людей. Хотя понятно, что война — это плохо.

Культура не бывает чужой. Определенные структуры бывают враждебными, необъективными и деструктивными. И, наверное, необходим коллективный подход к решению проблемы — группироваться со всеми. На остановке в Петербурге, где я сажусь в трамвай, недавно обновили павильон: раньше был стеклянный, сейчас — красивый металлический. Но по секрету мне сказали, что фирма, которая поставляет металлические павильоны, видимо, сама посылает людей разбивать стеклянные. Это тоже своеобразная субкультура.

Кроме мира, доброжелательности, совместного решения проблем, культуры, в которой мы сосуществуем (в разных долях и в разных ролях), нужно признать, что этого мало: надо еще выстраивать взаимоотношения. И предполагается, что в этих взаимоотношениях нужно, кроме взаимного уважения, проявлять и принципиальность.

На недавно проведенной конференции по толерантности в СПбГУ говорили, что толерантности в нашем мире мало, что толерантность — от безразличия. Из раскритикованного на пленарном заседании кодекса строителей коммунизма что-то, наверное, можно взять, потому что себя нужно уважать и требовать уважения от соседей, но в первую очередь начинать надо с себя и применять к окружающим.

Существуют разные субкультуры, разные типы личностей: жулики, наивные люди, шарлатаны, труженики, паразиты, люди, склонные, как сейчас говорят, все купить и продать (так говорят о молодежи). Недавно в кинофильме я увидел младшеклассников (3–4-е классы), которых завели в комнату и сказали: «Стреляйте. Стреляешь направо — попал в мишень, получаешь деньги, налево — получаешь не ты, а класс». Им уложили эксперимент, заявив: «Посмотри, как стреляли до тебя твои одноклассники». При этом обманули, что большая часть стреляла для себя. Показывали мучения детей.

Сегодня в новостях в Интернете увидел сюжет, что где-то спилили поклонный крест. Никаким кумирам не поклоняйся и ничьих святынь не оскверняй. В этом настоящий смысл человеческой деятельности. Если мы будем жить так, то всем нам будет лучше.

А. Б. КУДЕЛИН: — Благодарю Вас. Слово предоставляется профессору Галине Григорьевне Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Я тоже хочу начать с примера. На мне украшение, привезенное из Якутска, это своеобразный якутский амулет. Когда я его надела, то меня спросили: «Что это означает?». Я знаю, что конский хвост — символ для якутов. И мне говорят: «Как же Вы, Галина Григорьевна, русская, православная, надели языческое, чужое?».

Эстетика повседневности, на которую мы подчас не обращаем внимания, играет важную роль. Мне пришлось долго объяснять. Философ — тоже человек, и ничего чувственное, эстетическое в повседневности ему не чуждо, и этим тоже надо заниматься.

Прочитав тексты докладов, размещенные на сайте, я сразу обратила внимание на то, что мне близка мысль, представленная в статьях Светланы Николаевны Иконниковой и Ольги Прокофьевны Зубец: не столько «свои–чужие», сколько «разные» и «другие». Это интересная точка зрения, когда мы должны поставить вопрос не противостояния, борьбы, насилия, монолога, а именно диалога, взаимослышания, возможной совместимости, той транскультурной точки, которую мы должны найти и в чем я вижу наше человеческое достоинство. Мы в теории призываем к толерантности, а на деле все равно остаемся в оппозиции «свои–чужие».

На пленарном заседании приводился пример «Евровидения». Заметьте, что вчера все говорили о том, кто победил, а о том, что было представлено и как, — нет. Но ведь это прежде всего музыкально-художественный проект, а не политический акт. Предварительно насмотревшись анонсов, я просто посмотрела «Евровидение» как таковое. И первое, о чем подумала, прослушав всех исполнителей, — что № 1 будет именно Вурст, хотя я даже не поняла, что это за артист. На следующее утро в теле- и радиопрограммах услышала, что «Евровидение» выбрало эпатаж. А почему не такая точка зрения: «Евровидение» выбрало голос? Я, прослушав всех певцов, сразу отдала приоритет этому голосу и лишь потом узнала, что это трансвестит. То есть это художественный проект, если мы будем политизировать, как к этому относиться, то, наверное, не пойдем молодых, к кому подчас обращено это искусство. Как к этому относиться? Вчера прозвучало — без эмоций, без нагнетания истерики, мудро. Может быть, нам нужно выбрать максимы по отношению к проблеме, поставленной сегодня, — «свои» и не «чужие», а «другие» или «разные».

Еще один момент, который я отметила в выступлениях. Часто в речах звучали слова «эстетика», «эстетическое», которые, как правило, связываются с красотой. Но не следует забывать, что эстетическое — это еще и совершенное, причем в высоком смысле слова. Между прекрасным и безобразным градаций достаточно много, и это не что иное, как ценностное отношение человека к миру. Как говорил Хайдеггер, в XX веке мы считали, что эстетика — это наука о красоте, но сегодня эстетика занимается истиной бытия. И слова «гармонизация», «симфонизация» нашего бытия тоже звучали в докладах, а это эстетические категории.

Из тезисов докладов, которые были выложены в Интернете на сайте «Площадь Лихачева», мне не понравился, например, доклад искусствоведа из Красноярска Марины Москалюк, которая приводит в качестве примера прекрасное художественное искусство Сальвадора Дали или Босха, считая их чужими по отношению к высокой классике. Меня это удивило, потому что мы живем в совершенно другую эпоху и должны знать с точки зрения той же эстетики, что существует

не один тип искусства (именно как художественный образ, как мы представляем себе искусство).

В настоящее время сложились уже четыре типа искусства. Первый тип — искусство, где воздействует художественный образ. Но есть и другие три типа, с которыми мы взаимодействуем, но, наверное, плохо осмысливаем, — это маргинальное, концептуальное и виртуальное искусство. В этих трех видах искусства действует не художественный образ, а концепты, другие интересные явления, которые «завлекают» молодежь. Почему мы от этого отстраняемся?

Мой доклад связан с легитимностью современной поп-культуры, которая сегодня осмысливается современной американской эстетикой. И в качестве контекста мне хотелось бы избрать слова уважаемого Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, которые изложены в «Философских заметках», где он высказывает мысль о противостоянии тоталитаризма и демократии. А поскольку мы говорим о демократическом обществе, то хотелось бы здесь обратиться на это внимание. Он пишет: «В основе тоталитаризма лежит представление о человеке как добром (по крайней мере, потенциально добром) существе. Он исходит из того, что людей портит среда, и ставит своей целью преобразовать ее таким образом, чтобы сами условия общественной жизни, их разумно продуманная организация позволяли людям адекватно обнаружить свою нравственную сущность. Демократия основана на представлении о человеке как существе, способном на зло. Она ограничивает свою цель тем, чтобы блокировать зло, общественно опасные деструкции человеческого поведения». И далее Гусейнов приводит слова американского профессора, который говорил о трех видах недоверия, существующих в американской демократии, — это недоверие граждан друг к другу, граждан к государству, разных ветвей власти друг к другу.

В контексте блокирования проявлений человеческого зла, общественно-абстрактной деструкции, а также мотива недоверия Ричард Шустерман, который представляет современную прагматичную эстетику, рассматривает отношение американского общества к современной поп-культуре, в частности к хип-хопу или рэпу. В беседе со своими студентами я выясняю, что как раз на Украине жесткий рэп с негативными словами был наиболее распространен.

И в заключение я хочу сказать, что эстетическое, которое социально воздействует на нашу жизнь, недооценено. Следует не отстраняться от современных форм маргинального, актуального или концептуального искусства или сравнивать их с великой классикой. Может быть, стоит научиться вникать в современную молодежную культуру? Как говорил профессор Тишков, задать вопрос: почему мы не такие? К сожалению, в нашей стране искусство недооценивается с точки зрения его прогностической функции. Напомню слова великого Фридриха Швейгера, который говорил, что искусство не только отражает и осознает действительность, но и активно участвует в становлении человеческой истории.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Елене Эдуардовне Дробышевой.

Е. Э. ДРОБЫШЕВА: — Возникает много разных коллизий на темы, которые поднимают коллеги. Александр Петрович сказал о том, что не хочет никуда уезжать. И это интересная позиция, обозначим ее как позицию № 1. Позиция № 2 — это та, которую часто демонстрируют во всем мире и о которой уже говорили, в том числе наши студенты. По опросам, от 30 до 60 % студентов готовы уехать за рубеж. Показатель зависит от специальности, которую получают студенты: чем выше ценность их образования, тем больше их специальность может быть востребована и тем чаще они демонстрируют готовность уехать. Два полюса: одни никуда не хотят, другие стремятся уехать. В сети «ВКонтакте» и других ресурсах есть группы типа «Пора валить». Люди обмениваются опытом своего «сваливания» или подготовки к этому процессу.

Мы говорим о «своем» и «чужом», и я хочу обозначить проблему собственно «своего»: кто такие мы, откуда идем, чего хотим? И в связи с этим важна проблема укорененности — кто я, живущий на своей земле, в своем хронотопе? У Бахтина очень точно схвачено и время, и место: уместен ли я здесь?

Тема моего доклада связана с апологией уместности в пространствах самоидентификации. Я постараюсь вписать свой экскурс в то, о чем говорили коллеги. Валерий Александрович тоже говорил о важной проблеме «мы–они», нужно определиться с тем, кто такие мы.

Например, москвичи и петербуржцы — пресловутый поребрик или бордюр? Жители двух столиц чувствуют между собой большие различия в языке, ментальности, восприятии и демонстрируют это на различных уровнях. Что говорить о разных поколениях, об отношениях людей, живущих в одном пространстве, но демонстрирующих разные сексуальные ориентации (например, ЛГБТ-сообщество, которое всячески пытается здесь о себе заявить, но это не получается так, как в Европе и мире)? То есть возникает много проблем с собственным процессом самоидентификации.

Цыгане — народ, который кочует, но при этом сохраняет свою самоидентификацию, то есть они чувствуют себя уместными практически везде, они прикочевали и быстро вокруг себя организуют микрокосм.

Русские — другие. Особенно в 1990-е годы, когда открылся «железный занавес» и появилась возможность путешествовать, возникали такие ситуации, что русские, слыша русскую речь за границей, старались не опознавать себя как русских, чтобы не ассоциироваться с варварской толпой, которая в мешочки складывает еду после завтрака и пр.

Мы это действительно видим в русском пространстве. И с русскими, с их уместностью, укорененностью вообще возникает большая проблема. Приведу цитату из произведения «Мертвые души» Н. В. Гоголя: «Русь! Русь! Бедно, разбросано и неприятно в тебе». Вот эта неприятность (я делаю упор на этом термине) и означает неуместность. «Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? <...> И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!

Русь!» Действительно, человеку, живущему на Руси, в Петербурге, здесь неуютно. И совершенно другое он пишет об Италии: «Италия! Она моя!.. Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафедра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...». И еще одна цитата: «На Невском все обман, все мечта, все не то, чем кажется».

Те, кто был в Финляндии, видели: как только мы пересекаем границу, сразу становится заметным трепетное, заботливое отношение финнов к среде обитания. У нас, к сожалению, и в столицах, и в небольших городах, и в деревнях много равнодушного, иногда даже деструктивного отношения к окружающему пространству. Мы не можем его включить в свое жизненное пространство, мы с ним боремся. И эта постоянная война, которая происходит внутри русского населения (я обозначаю среднюю тенденцию), эта проблема неуместности существует и гонит нас куда-то в ментальном плане. Мы часто говорим о том, что родились не в то время, страдаем о прошлом, ушедшем Советском Союзе или мечтаем о будущем. Когда мы бываем за границей, в Европе или Азии, то с умилением смотрим на пожилых людей, которые ходят вечером в уличные кафе. От этого веет уместностью, укорененностью. Наши бабушки и дедушки никогда не выезжали за пределы своего дома... То есть у нас люди возраста 30+ практически не соотносят себя с этим жизненным пространством в плане досуга, а стараются формировать его у себя дома.

В окружающем мире по-другому. Я видела в Индии и хижины, и дворцы, и, казалось бы, вопиющую антисанитарию, но в то же время абсолютную гармонию человека с миром. Примеров можно приводить много. В завершение я хочу обозначить проблему, которая, как мне кажется, присуща именно русскому разброзанному сознанию: кто мы, где мы, куда идем? И насколько мы относимся с тем хронотопом, где мы находимся?

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — Оппозиция «свои—чужие» имеет большое значение и подразумевает границы. Граница, понятая как сложная, полифункциональная иерархическая система, включает прежде всего маркирование территории. Юрий Лотман говорил о том, что граница — это культурная универсалия, которая предполагает прежде всего изоляцию, отстранение. Но не менее важным для границы является диалог, открытость, взаимодействие. И в этом отношении граница является условием для взаимодействия своего и чужого. Сегодня говорили о диалоге, о границе, но хочу отметить важный момент. Диалог — это не только открытость и толерантность, но это еще создание единой территории, которая требует охраны, защиты и заботы. В русле категории «граница» центром проблематики, пожалуй, может быть названа музыкальная культура, которая сегодня имеет далеко не эстетическое значение. Она включена в этические, политические, этнические и самые разные проблемы. Музыка имеет особое значение, поскольку сегодня мы живем в мире всеобъемлющего звучания, от которого никуда не деться.

В лифте, дома, в супермаркете, на улице, в транспорте — всегда и везде звучит музыка. И это определяет ее особую роль в формировании глобальной культуры.

Музыка отражает разные ментальности и диалекты, особенности Востока и Запада, она может быть академическая и неакадемическая, авторская, анонимная — все это сегодня вовлечено в единое пространство. И в этих условиях важно формировать пограничное мышление, как сказал Хаусхофер, пограничное сознание, которое изолируется от имитаций, подмен, но в то же время открыто разным традициям. Один из мэтров немецкого авангарда Хельмут Лахенман описывал восприятие музыки следующим образом: «Я слушаю и стараюсь слушать так, чтобы уловить все и ничего не пропустить, только тогда я нахожусь на том уровне, который мы называем искусством».

Но что зачастую происходит сегодня? Сегодня одна из болезней культуры в целом и музыкальной культуры в частности — это зеппинг (практика переключения телевизионных каналов с помощью пульта). Одно из опаснейших последствий — когда в этом калейдоскопе, быстро сменяя друг друга, смешиваются разные звуки, не позволяя вслушиваться и вникать в звучащее. Музыка звучит везде, но это ее обесценивает.

Отечественный композитор Владимир Мартынов говорил о том, что легкая доступность обесценивает музыку. Это напоминает пример, когда Бах, чтобы послушать Букстехуде, целые сутки шел пешком. Нельзя забывать и о том, что сегодня музыка нередко сводится к фастфуду, легкой пище, не важно, какого качества, для чего она, главное — набить желудок. И об этом сегодня говорят разные композиторы, это действительно опасная тенденция, когда легкая доступность открывается нам оборотной стороной.

Несколько слов по поводу выступления Галины Григорьевны Коломиец. Действительно, Кончита Вурст преподнесла нам образец мастерски сделанной композиции, она показала, что такое профессиональное пение. Но этот сюжет доказывает (не случайно к этому, казалось бы, не самому значительному в нашей жизни сюжету мы обращаемся неоднократно), что музыка, как и искусство в целом, сегодня не имеет стерильного эстетического значения. При значимости музыкальной композиции мы понимаем, что этот сюжет сегодня включен в политику, гендерную, философскую проблематику. Одна из характерных черт искусства сегодня — не в сугубо эстетическом его значении, а в общечеловеческом.

Возвращаясь к музыке, хочу напомнить одно высказывание, которое я прочитала у Платона: «Музыка напрямую связана с возвышенными состояниями, именно поэтому крайне опасно использовать ее в низких целях». Как современно сегодня звучат эти строки.

А. Б. КУДЕЛИН: — Большое спасибо. К микрофону приглашается профессор Игорь Федорович Кефели.

И. Ф. КЕФЕЛИ: — Мое выступление посвящено геополитическому дискурсу оппозиции «свои—чужие», «мы—они». Перед тем как изложить свои тезисы, я хотел бы высказать несколько крамольную мысль,

которая родилась у меня после выступления Светланы Николаевны Иконниковой. Если можно было бы давать эпиграфы к секциям, то для нашей подошло бы название фильма из советской киноклассики «Свой среди чужих, чужой среди своих». Старшее поколение прекрасно помнит этот фильм, который смотришь мучительно, находишь позицию того и другого, определяешь героя этого классического фильма. Поэтому при рассмотрении оппозиции «свой–чужой», «свои–чужие» надо определять позицию исследователя, его культурную идентичность, понимание культуры чужого, другого мира, другого этноса.

Во многих выступлениях и докладах, в частности в докладе профессора Чурова, который обострил проблему, диалог культур рассматривается в контексте мира как диалог национальных культур. А когда возникает вопрос «война как диалог культур», мы сразу должны рассматривать оппозицию «война–мир». Действительно, диалог культур не ограничивается только сферой мира, но должен включать и сферу войны, конфликтов, противостояний, в данном случае — противостояний геополитического свойства, которые в настоящее время приобретают характер глобального противостояния.

О судьбах культуры в глобальном мире также много говорилось и вчера, и сегодня, в частности Абдусалам Абдулкеримович еще раз обратил на это внимание, но, на мой взгляд, надо идти дальше. В каком направлении? В рамках оппозиции «свой–чужой» о каком глобальном мире мы должны вести речь? О глобальном мире, который однополюсен, или о том, который, по мнению многих ученых, в том числе отечественных, является или становится полицентричным, глобальным? Но полицентричный мир, в котором говорят о геодивергенции как центре, полюсе этого полицентричного мира, снимает вопрос об оппозиции «свой–чужой».

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хочу обратить внимание на некоторую некорректность в обсуждении темы «Христианство и война» на конкретных примерах. Пример первый. Идет обсуждение дипломной работы на тему «Священная война в средневековой христианской культуре» и выясняется, что священная война в христианстве началась в связи с подготовкой Крестовых походов. В Европе накопилось большое количество рыцарей, которые грабили, были разбойниками вместе со своими слугами. Убийство человека, а тем более христианина — смертный грех. И эту массу направили на Ближний Восток, пообещав немедленное снятие всех грехов и, более того, молитву Папы во спасение души человеческой.

Второй пример. Обсуждалась диссертация «О нравственных основах войны в современном русле философии второй половины XIX — начала XX века». Я в качестве члена диссертационного совета сказал: из всех названных авторов только два были на войне — это Л. Н. Толстой и Ф. А. Степун (его знаменитое произведение «Из писем прапорщика-артиллериста»). Остальные в лучшем случае были философскими журналистами. Я думаю, что всем не имеющим прямого отношения к участию в войне соответствующим кодексом,

не только моральным, но, возможно, и уголовным, нужно запретить судить об этих вопросах в обязывающей форме.

А. Л. МАРШАК: — Солидаризируюсь с мнением академика Асмолова из Московского университета, с его точкой зрения, я хочу сказать, что переход диалога в разряд «свой–чужой» — это пример варваризации общества. С моей точки зрения, это совершенно правильно. Когда возникает противопоставление, то начинается варварство. Поэтому я хочу поддержать всех тех, кто призывает к лояльному обсуждению диалога, то есть к диалогу как некому способу лояльного обсуждения. Я бы хотел особо поддержать точку зрения академика РАН А. А. Гусейнова, мне близко его осознание того, что происходит.

З. Н. ПОНОМАРЕВА¹: — Я хочу высказать мнение, может быть, уводящее от чистой науки в практику. Мне кажется, что в каждом выступлении было что-то интересное. Хотелось бы вынести для нашего сообщества практические рекомендации, потому что мы постоянно отстаем, проигрываем. Двадцать лет Украина готовила этот кошмар, падение, которое произошло в стране. Мы видели там националистические, фашиствующие, антироссийские настроения. Мы смеялись над анекдотами: «Как москали говорят “пыво” — “пиво”. Повбывав бы». Что бы мы сейчас ни говорили, неплохо было бы наконец выработать рекомендации, что делать, чтобы «свой» не становился «чужим».

Мы сейчас все смотрим только на Запад. Я работала в университете в Китае и постоянно бывала в китайском посольстве. И я увидела (не только в Китае, где это было видно особенно ярко), как мы «своих» сделали «чужими». Как мы «своих» китайцев, которые любили нашу культуру, знали русский язык, литературу, наше кино, постепенно выдавили из своей сферы влияния и отправили к американцам, немцам, которые привозили и раздавали книги, бесплатно учили немецкому, английскому языкам. А наше посольство, кроме помпезных мероприятий, когда приезжали какие-нибудь ансамбли и деятели искусства, перестало что-либо делать. А раньше каждую неделю показывали бесплатные кинофильмы, и китайцы очень переживали из-за того, что этого больше нет. Каждый из нас, мне кажется, может что-то сделать, чтобы те «свои», которые еще остались, не переходили в разряд «чужих». Потому что очень легко потерять «своих» и гораздо труднее «чужих» сделать «своими».

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Я хотел бы дополнить замечания Абдусалама Абдулкеримовича. Собственно говоря, основания общие — концептуальные основания теории систем. Существует закон необходимого разнообразия Эшби, который не работает без закона иерархических компенсаций. Он состоит в том, что совокупный рост разнообразия системы обе-

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Заголовок и подзаголовок СМИ: семантико-синтаксические особенности», «Этнокультурная составляющая речи», «Промотор кинофильма с позиций речевой культуры» и др.

спечивается ограничением разнообразия на несущих уровнях. Это закон, работающий в физике, биологии, лингвистике, социологии, психологии, то есть общий. Сегодня для того, чтобы росло совокупное культурное разнообразие, разнообразие прежде всего микрогрупповых культур, должно ограничиваться макрогрупповое разнообразие, то есть должны быть общечеловеческие ценности. Все должны следовать некому набору норм четко признанного поведения. И только в этом случае рост разнообразия может быть продуктивным. По этому закону, когда растет разнообразие, на несущем уровне обваливается верхний слой. Что Господь Бог сделал в Вавилоне? Повысил разнообразие кодов, и совместная деятельность оборвалась. Каждая культура заострена на ментальную матрицу традиционной, исходной культуры. Если мы эту заостренность убираем, остается антураж и т. д. Этот момент, как мне кажется, надо иметь в виду, чтобы представлять себе глобальную перспективу.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Я хочу вернуться к вопросу, который был задан предшествующим выступающим: «Что делать?». Во-первых, ответ мы услышали у А. А. Гусейнова: осмыслять. Философы должны осмыслять, и естественно все это нужно публиковать. Конечно, осмысление должно подниматься на уровень просвещения и образования. Я вспоминаю выступление профессора из Афганистана, который говорил, что многие проблемы в нашем обществе происходят из-за недостатка образования.

Несколько слов о «Евровидении». Одна студентка на занятии сказала: «У меня маленький сын. Как я ему объясню, что сейчас произошло?». Нужно так и объяснить, что мы разные люди, не «свой-чужой», а «разные», «другие», и что в этом мире и в природе могут быть отклонения, но есть и нормальные, хорошие, счастливые. Не с позиции «свой-чужие», а «другие». С той позиции, которую предложил профессор Гусейнов, с транскультурной точки, которую мы должны найти.

Профессор Чуров вчера говорил об объективной истории. В гуманитарных науках, как мне кажется, не может быть, в отличие от математики, объективной реальности, которая не зависит от системы ценностей интерпретатора. Черчилль в свое время сказал, что Россия — это страна с непредсказуемым прошлым. У Назаретяна есть интересная статья «Истина как мифологическое понятие», адресую к этой публикации.

В завершение хочу напомнить цитату из Достоевского, где он говорит устами одного из персонажей: «Если бы на одну чашу весов положили истину, а на другую чашу — Христа, то я бы предпочел быть с Христом, а не с истиной».

— *Будда говорил, что надо быть самому себе светильником, вне зависимости от собственного опыта.* (реплика из зала)

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — В любой гуманитарной науке есть аксиологический компонент, и потому нет ис-

тины, независимой от позиции наблюдателя, интерпретатора.

— *И в физике то же самое.* (реплика из зала)

С. М. КЛИМОВА: — Я хотела бы сказать несколько слов по итогам прошедшей дискуссии. Мне показалось, что она была выстроена в оппозиции теорий и фактов, и один приводил аргумент из теории, а другой — аргумент из фактов. Поэтому я приведу пример из обыденной жизни, для того чтобы потом, может быть, подвести под теорию. Культура моих отношений с дворником из Таджикистана очень стандартная: поздороваться, улыбнуться, попросить что-то сделать, принять эту помощь. Но фундаментально его культура мне чужда, и я могу, если мне нужно, ее изучить, но могу и не изучать — это в основании. На метафизическом, онтологическом уровне мы все-таки чужие, и мы эту категорию должны принять, но мы близки на уровне повседневности или, так сказать, феноменального общения.

Лев Николаевич Толстой задолго до Дмитрия Сергеевича Лихачева выработывал принципы не просто диалога, а именно способности соединить мир «своих» и «чужих». Пример — когда Хаджи-Мурат сидит у графа Воронцова. И диалог происходит через улыбку, соприкосновение, подарок.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется Александру Петровичу Маркову, который начал сегодняшнюю дискуссию.

А. П. МАРКОВ: — Во-первых, я хотел бы отметить интересный ракурс проблемы, который прозвучал в дискуссии. Валерий Александрович Тишков высказал интересную мысль о том, что, помимо конфронтации, помимо жесткого диалога, в определенных случаях к врагу может формироваться чувство, похожее на любовь. В основе этого феномена лежит универсальный механизм идентификации, истоки которого восходят еще к ритуальному канибализму.

Дело в том, что предельно острая форма оппозиции («мы-они»), проявляющаяся в агрессивном противостоянии, борьбе, подсознательно запускает механизм идентификации с «врагом», в результате которой субъект на бессознательном уровне интериоризует («усваивает») качества объекта оппозиции. Даже если конфронтация фактически завершается победой одной из сторон, «победитель» невольно отождествляет себя с побежденным, идентифицирует себя с ним. В свое время писатель Владимир Тендряков проявление этой закономерности увидел в психологии крестьянских восстаний, вожди которых спешили занять место убитого помещика, включая и его спальню со всеми ее «атрибутами». Или поведение революционеров, которые после изгнания царя поспешили въехать в его хоромы. И другое его остроумное наблюдение: после разгрома фашистской Германии победители засадили улицу М. Горького в Москве липами, невольно скопировав образ берлинской Унтер-ден-Линден, а вскоре стали травить космополитов так же, как

в недалеком прошлом это делали побежденные. В рамках такого же сценария действовали демократические силы в Советском Союзе второй половины 1980-х годов. Вступив в борьбу против идеологии, построенной на насилии и классовой борьбе, в своем отрицании они продолжали оставаться в плену большевистской психологии, используя соответствующие методы и тактику. Даже придя к власти, они не смогли избавиться от наследия, продолжая действовать по старому коммунистическому сценарию, поменяв в нем лишь знак исповедуемых ценностей. Следовательно, любые формы борьбы (и особенно идеологического противостояния), даже если она заканчивается поражением одной из сторон, в определенном смысле приводят к поражению и самого победителя.

Другая идея, которая получила развитие в рамках дискуссии, — по поводу необходимости и целесообразности создания «универсального человека». Мы недавно видели такого универсального человека по имени Кончита. Мне кажется, размышления на эту тему свидетельствуют об антропологической катастрофе, о кризисе, который переживает европейская культура. И кризис этот спровоцирован самой системой гуманитарного знания. Дело в том, что кризисно-деградационная динамика смысловой сферы современной культуры связана в основном с антропологическими моделями, которые родились в системе гуманитарного знания. В частности, антропологический проект «нового язычника», который существенно «потеснил» классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры. Контуры проекта человека как «высокоразвитого животного», как справедливо отметил в свое время М. Шелер, содержатся в натуралистических, позитивистских и прагматических течениях философской мысли (в позитивизме Бэкона, Юма, Конта, Спенсера, Милля, в эволюционном учении Дарвина, в работах Шопенгауэра, Ницше, Фрейда, а сегодня — в философской парадигме постмодернизма). Созданный в русле этого направления «проект человека» в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле: человек как *antropos*, то есть существо, устремленное в сферу духа. Мне кажется, смысл гуманитарного знания (и гуманитария) — не провоцировать хаос и не звать «тьму» (помните пронзительные строчки Варлама Шаламова: «Зови, зови ночную тьму, и тьма придет»), а верить, что классическая антропология, христианская модель личности — это базовая основа человеческого бытия на все времена.

Еще одна мысль — по поводу характера и перспектив межкультурного диалога и о его возможностях блокирования растущего в мире вала ненависти. Мне кажется, нуждается в корректировке концептуальная основа диалога. Мы в плену у парадигмы М. Бахтина, который писал свои гениальные тексты в иные времена. Диалог — это пустая рамка, в которую можно поместить любой «портрет». Но есть красивое русское слово «отношение», которое предполагает отдачу, жертвенность. Надо что-то отнести, принести в дар, чтобы получить отклик, ответ. И мне кажется,

что парадигма коммуникации как «от-ношения» созвучна нашей ментальности. Мы все что-то «относили» другим, приносили в жертву собственное благополучие. И утверждение диалога в смысле отношения (на практике, в системе гуманитарного знания) — это реальная перспектива сокращения в мире зоны ненависти и зла.

И последнее. Оппозиционность моего первого выступления по отношению к идеям академика Гусейнова была больше в целях оживления дискуссии. Но она продиктована не только задачами секции, но и моей неизменной любовью к Абдусаламу Абдулкеримовичу и восхищением его интеллектом. Я обратил внимание, что после комментариев моих выступлений Абдусаламом Абдулкеримовичем я лучше понимаю смысл того, о чем только что говорил.

Я в своем выступлении говорил о конструктивности уникальных, психокультурных практик, основанных на таких энергиях души и сердца, как понимание, прощение, любовь. Мне кажется, что этими практиками в большей степени владеют женщины, но есть надежда, что и мы, мужчины, научимся любить и прощать. А, как известно, «по вере вашей да будет вам».

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — В истории человеческого рода не было таких периодов, моментов, когда бы не было войны, насилия. Поэтому все трактаты о вечном мире или о том, что можно избежать насилия, — в какой-то мере утопия. Ибо конфликт, в том числе его крайняя форма — открытый конфликт, то, что мы называем войной, — это часто разрешение каких-либо противоречий или же меседж, в данном случае послание, на которое требуется реакция. Поэтому мы вправе говорить о культуре войны, культуре насилия либо антропологии насилия. Но здесь все-таки мы должны пойти дальше, чем Ханна Арендт или другие специалисты, авторитеты, которые изучали проблему насилия.

Высказывается идея, что насилие — это форма катарсиса и очищения. Современная гуманитарная наука не разделяет обращения к насилию как к обязательной форме очищения, катарсиса. И в этом отношении миротворческие практики, которые вырабатываются, и основные свершения людей (строительство жилищ, храмов, рождение детей и пр.) происходят в основном не в годы войны, а в мирный период, который должен превалировать. Поэтому предполагая, что мы никогда не будем жить в вечном мире, тем не менее нужно сказать, что это стремление, моральная установка должны существовать у нас. Кстати, в мировой антропологии появилось интересное направление — вышла книга «Societies and peace» («Общества в состоянии мира»). Обнаружилось, что столетиями существовали, правда, более изолированные этнические, региональные сообщества, которые не знали войны, открытого насилия, и они умели находить пути разрешения конфликтов. «Societies and peace» — интересная исследовательская линия, на которую и философы, и антропологи, и психологи могли бы обратить внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мне кажется, Валерий Александрович употребляет слово «насилие» в широком смысле.

В. А. ТИШКОВ: — Физическое, прямое насилие — убийство. Но есть и косвенное насилие.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Косвенное насилие — вся наша общественная жизнь. Весь вопрос — в понятиях и границах. Толстой говорил: насиловать — это силой принудить другого делать то, чего он не хочет, подчинить его. Известны аргументы, что насилия всегда было много, оно было продуктивным в истории и пр. В свое время Ганди выдвинул простой тезис: «Ненасилия было больше, чем насилия. Если бы было наоборот, то у меня бы не было возможности написать это письмо, а у вас — прочесть его».

Представьте себе город, в котором ежегодно домов, которые уничтожаются, сгорают, больше, чем домов, которые строятся. В определенный момент этот город перестанет существовать — элементарная логика говорит о том, что общество держится только на дисбалансе в сторону ненасилия. Слова имеют много разных смыслов, но есть первичный строгий смысл. И когда возникло отрицание насилия? Не убий — вот грань.

Иногда чеченцы, дагестанцы в Москве, радуясь, танцуют лезгинку на улице. И людей это раздражает. Это для них непривычно. Но в то же время в Москве уже много лет празднуют День святого Патрика — и никого это не раздражает. Подумайте, почему так? Из-за того, что лезгинка другая, чем русские танцы, а День святого Патрика — праздник русский? Нет. Значит, изначально существует какое-то другое отношение.

В. А. ТИШКОВ: — Так заряжено, предписано.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Заряжено. На кавказцев реагируют так, а на ирландцев — иначе.

В. А. ТИШКОВ: — Спросите у поколения, которое выехало в годы войны из Москвы и Ленинграда в Ташкент, Самарканд, как они чувствовали себя среди людей другой культуры, которых не могли понять? Сегодня прозвучала мысль, что я поздороваюсь с дворником-таджиком, но это человек другой культуры. Это неправильно. Люди, которые жили и воспитывались там (в том числе в Ташкент выехали и Академия наук, и все гуманитарии), ответят иначе. Нам нужно обратить внимание на индоктринацию. Проблемы индоктринации, так же как всякие флешмобные практики, — это новые явления, которые обретают простые формы. Откуда берутся живые бомбы? Когда человек, сознание которого — *Tabula rasa*, после прочтения трактата совершает этот путь в террор: учится пилотировать «боинг», заводит семью и знает, что он погибнет? Это сложная человеческая природа. Проблемы индоктринации, как мне кажется, недостаточно изучены и учитываются.

А мы ищем социальные корни терроризма, политические притязания...

А. Б. КУДЕЛИН: — Сегодня состоялась содержательная дискуссия, прозвучали хорошие сообщения, что подтвердило и заключительное обсуждение. Я опасался, что наше обсуждение превратится в некую журналистику, потому что проблемы, которые мы поднимали сегодня, близки к тому, чтобы скатиться в плоскость, когда собственно научная часть, несмотря на то что мы находимся в научном сообществе, будет заглушена. К счастью, ни вчера, ни сегодня этого не произошло. Выступающие нашли такое соотношение фактов, чтобы они были понятны тем, кто их слушает, с одной стороны, и научная составляющая при этом была бы достаточно сильной, с другой стороны.

Кто-то из выступавших сегодня противопоставил факты и теоретическую составляющую. Мой друг Михаил Борисович Пиотровский говорил, что если заставить его выбирать работу, где есть факты без концепции или концепция без фактов, то он выберет факты без концепции. Но на самом деле, как считает Пиотровский, если человек способен с пудовыми гириями фактов подняться и парить в воздухе, следить за этими фактами — это самое замечательное.

К нам в издательство (серия «Литературные памятники») поступила рукопись прекрасного автора Иехуда Галеви. Я прочитал текст в русском переводе (а русский и иврит для тех, кто его перевел, родной): «Испания — родина моя». Я знаю, что в то время, когда Иехуда Галеви писал, Испании как таковой не существовало. Были королевства и пр. В еврейском тексте — земля сефардов. Это не то же самое, что Испания. Сразу начинается другое рассуждение.

Сегодня один из участников дискуссии говорил о проблеме христианской культуры в мусульманском мире. Огромная часть арабской культуры — христианская. Александр Сергеевич Запесоцкий в своем выступлении отметил, что в Средние века литература была анонимна, но, к примеру, все произведения, опубликованные в томе «История всемирной литературы», имеют авторов. Значит, важно, прежде чем мы перейдем к обобщению, чтобы пудовые гири фактов были у нас на ногах.

Приведу четверостишие С. Я. Маршака, для того чтобы мы на чужую культуру не смотрели как на нечто враждебное:

Жму руку дуракам обеими руками,
Как многим, в сущности, обязаны мы им!
Ведь если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

Другая культура имеет право на существование. Нужно попытаться проникнуть в нее, а после этого уже рассуждать. После того как мы ее поймем, у нас не возникнет желания ее принижать. Я считаю, что нет маленьких культур, маленьких языков, маленьких народов, все культуры должны быть оценены по достоинству. Большое спасибо!

Секция 4 ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

---

16 мая 2014 г. Лекционный зал №5, СПбГУП

Руководители секции:

Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Л. МАКАРОВ	директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Часть I. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. Е. Аврутин¹

ГОСУДАРСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Анализируя проблемы и риски развития мировой экономической системы, В. В. Путин подчеркнул, что «Россия может и должна достойно сыграть роль, продиктованную ее цивилизационной моделью, великой историей, географией и ее культурным геномом, в котором органично сочетаются фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком»².

Чтобы играть такую роль, помимо всего иного необходимо понимать и практически использовать фундаментальные социокультурные и аксиологические связи, детерминирующие сущностные харак-

теристики и сбалансированное функционирование трех системных компонентов жизнеобеспечения социума: государства, экономики, права. Ядром сбалансированного функционирования этих относительно самостоятельных систем выступает Конституция и как юридический акт, и как уникальное политико-правовое явление, воплощающее единство общедемократических и социокультурных ценностей, отражающих национально-исторические особенности становления и развития системы российского конституционализма³.

Эта очевидная истина приобретает совершенно иное звучание в условиях определенной трансформации, я бы сказал — дрейфа, конституционного права от статуса одной из отраслей публичного права к статусу отрасли публично-частного права, распространяющего процессы конституализации на все сферы политической, социально-экономической, правовой, культурной жизни.

¹ Профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, полковник милиции в отставке. Автор более 100 научных трудов по криминологии, оперативно-разыскной деятельности, теории управления в сфере обеспечения правопорядка, теории эффективности правоохранительной деятельности, в т. ч.: «Криминологический анализ преступности в регионе. Методология. Методика. Техника», «Логико-правовые и социальные основания построения и оценки концептуальных моделей эффективного функционирования органов внутренних дел», «Преступность и общество: проблемы социогенеза», «МВД России 1991–2001 гг.», «Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы» и др.

² URL: <http://izvestia.ru/news/511884> (дата обращения: 17.04.14).

³ См.: Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционального правосудия // Теория и практика российского конституционализма: сб. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 77-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. ред. В. И. Фадеев. М.: Издат. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 15.

Сразу уточню, что в моем представлении конституализация — это процесс проникновения конституционных ценностей в качестве обязательных императивов в различные компоненты жизнедеятельности социума, требующие правового регулирования. При этом конституционное право обеспечивает не предметное сближение публичного и частного права, а сближение методов правового регулирования, минимизирующее «заточенность», например, административного права исключительно на императивные методы регулирования в политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности государства и общества.

Выбор средств государственно-властного воздействия, обеспечивающего относительную автономность существования политической и экономической властей, характер взаимоотношений власти и бизнеса, — это всегда выбор правовых режимов осуществления публичного администрирования, поддержания свободы хозяйственной деятельности, предпринимательства.

Для административно-командной системы как особого характера административно-правового регулирования и государственного управления в СССР этот выбор заключался в постоянном наращивании нормативного массива, жестко регулирующего экономические отношения, ограничивающего свободу предпринимательства, трудовую мобильность, не ориентированного на защиту частной собственности.

Совершенно иные ценности заложены в действующую Конституцию Российской Федерации. Однако полностью демонтировать административно-командную систему пока не удалось, как не удалось решить и одну из главных задач административной реформы: переориентировать деятельность органов управления на результат, на обеспечение законности и открытости публичного управления, на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и юридических лиц¹.

Отсюда необходимость теоретического обоснования и практической реализации такого правового режима функционирования публичной власти, который бы гарантировал, с одной стороны, максимальное ограничение самой возможности административного произвола, неоправданного вмешательства в сферу индивидуальных и корпоративных интересов хозяйствующих субъектов, с другой — повышение эффективности государственного регулирования жизнедеятельности общества в интересах национальной безопасности, социальной справедливости, поддержания достойного уровня жизни населения Российской Федерации.

Помимо всего прочего, это предполагает конституционализацию *текущего законодательства*, действующего в социально-экономической сфере, а также — и это, может быть, главное — конституционализацию *публичной власти*, всех элементов и процедур публичного управления, понимаемую мною как процесс *интериоризации* соответствующими должностными лицами конституционных ценностей и *реализации* их в практической деятельности.

Подчеркивая особую значимость конституционализации публичного управления, я исхожу из понимания опасности, по словам Н. С. Бондаря, нового, глобального конституционного противоречия, проявляющегося «в очередном витке сближения и порой слияния политической и экономической власти»². Слияние власти и экономики, их политизация и бюрократизация, нарушая принцип относительной автономности функционирования государства, экономики и права, способны исказить конституционно заданные формы, методы, средства регулирования экономических отношений, превратить в фикцию конституционные ценности, связанные, в частности, с принципами основ конституционного строя о свободе экономической деятельности, о едином экономическом пространстве, о многообразии и равноправии различных форм собственности (ст. 8), с гарантиями создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7).

К числу средств минимизации подобных рисков я отнес бы конституционализацию нормативной модели публичного экономического порядка на основе конституционных ценностей как юридического воплощения формируемого в рамках конституционализма аксиологического, телеологического, праксиологического видения действительности. Существующая нормативная модель публичного экономического порядка скупо намечена в тексте Конституции России и весьма противоречиво и непоследовательно воспроизведена в многочисленных законодательных и подзаконных актах федерального и регионального уровня, массив которых весьма условно можно назвать экономическим законодательством. Помимо пробельности или избыточности правового регулирования в сфере экономических отношений это не позволяет в должной мере оценить *степень реальности* нормативной основы разделения политической и экономической власти, соответствие этой основы и процессов ее реализации духу и букве Конституции России.

Эта проблема не только нашей страны. С ней в той или иной степени сталкиваются все страны, в которых сформирован или формируется цивилизованный рынок. Став в свое время достижением нового буржуазного строя и западной модели конституционализма, самостоятельность и относительная автономность политической и экономической власти постоянно испытывается на прочность реалиями развития ведущих экономических держав мира, сопровождаясь громкими коррупционными скандалами в Италии и Германии, США и Великобритании.

Не случайно именно с Запада в Россию пришли идеи конституционной экономики, сформулированные рядом ведущих представителей западной экономической науки, в частности Дж. Бьюкененом и Р. Швером, в работах которых в том или ином контексте звучат термины «конституционная экономика» и «конституционный выбор»³.

² Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 18.

³ См.: Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6; Шверм Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.

¹ См.: Ноздрачев А. Ф. Контроль: правовые новеллы и нерешенные проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 18–28.

Мне представляется, что термин «конституционная экономика» может нести в себе по меньшей мере два значения.

Во-первых, его можно воспринимать как синоним *легальной* экономики, которая существует *официально*, в рамках действующего в данной стране и в данное время конституционно-правового поля. Эта система может быть рациональной и нерациональной, целесообразной и нецелесообразной, эффективной и неэффективной в зависимости от избранных *критериев* оценки.

Во-вторых, понятие «конституционная экономика» может рассматриваться как *антитеза* тоталитарной государственной экономики, отражая процессы сближения Запада и России, стремящейся вернуться в «лоно мировой цивилизации».

И все же более удачным мне представляется другое понятие — «*конституционность экономики*» как синоним легальных экономических отношений и легальной экономической деятельности, «правила игры» участников которой базируются на их четком закреплении в конституционном и текущем законодательстве.

Конституционность экономики имеет и чрезвычайно важный *политико-правовой аспект*. В диалектике взаимосвязи государственных и экономических институтов политическая власть на первый взгляд играет ведущую роль хотя бы в силу монопольного права на законодательство и государственное принуждение. Однако экономическая власть «...легко приобретает

определенную независимость: используя коррупцию, она может воздействовать на закон»¹.

Обе эти тенденции в своем крайнем проявлении одинаково опасны для социума и конституционного строя: *государственный интервенционизм* способен нивелировать действие объективных экономических законов, подчинить развитие экономики сиюминутным политизированным и идеологизированным целям государственного управления; *экономический интервенционизм*, понимаемый как принцип, теория и практика вмешательства экономики в процессы формирования и функционирования политической власти и государственных институтов, способен подчинить волю должностных лиц госаппарата интересам отдельных финансово-промышленных групп.

В связи с этим опасность для прогрессивного общественного развития представляет не власть политическая или экономическая, а любые формы ее бесконтрольности. В ее преодолении нормы конституции играют ведущую роль, формализуя как юридические средства сдерживания трансгрессивной природы государственной власти, так и социальные ориентации национальной экономики. При существовании этого баланса в равной мере можно отвергнуть как догму, рассматривающую государство в качестве силы, подавляющей экономику, так и догму об экономике, диктующей свою волю политической власти.

С. А. Антипин²

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ. ФЕНОМЕН ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА КИТАЯ

Китайская экономика выходит на первое место в мире, обгоняя экономику США, уже в 2014 году. Ранее делались прогнозы, что это произойдет лишь к 2020 году. Серьезные успехи хозяйственного развития Китая, решение многих социально-экономических проблем вызывают естественный интерес к изучению китайского общества, менталитета жителей Поднебесной и возникшей на этой базе новой, весьма успешной экономической модели.

Успех Китая неслучаен. В китайской цивилизации представление о жизни тесно связано с рынком. С древних времен жизнь в Китае представлялась в виде отношений кредитора и заемщика. Согласно традиционным верованиям в начале жизненного пути человек получал кредит из «небесной сокровищницы» в виде некоторого количества энергии и умирал, когда кредит был потрачен целиком.

Бумажные деньги впервые появились в Китае. Сначала в качестве ритуала их сжигали на похоронах умерших как прототип денег, сделанных из драгоценных металлов. Якобы в загробном мире умершие родственники могли ими воспользоваться.

Важная особенность отношения китайцев к жизни, не имеющая аналогов в других странах, это отношение к ней как к прообразу торговли. Другими словами, для них важна меновая стоимость, а потребительной стоимости в их представлениях не было места. Вместе с тем для китайцев деньги без жизни — ничто. Однако деньги в китайском обществе являются главным выражением и мерилем любви и солидарности в рамках семьи. Здесь первостепенное значение придается материальным интересам. Китайские родители дарят детям на Новый год красные конверты с деньгами, давая им наглядный урок важности денег как личной симпатии. Деньги в различных видах дарят в качестве талисманов на праздники.

В целом же китайская культура не придает исключительного значения ни чистому капитализму как безграничному накоплению капитала, ни предрасположенности к непроизводительным расходам или, наоборот, культу сокровища, характерному для докапиталистической эпохи. Жизненному укладу и менталитету китайцев свойствен некий баланс денежной экономики, трудового процесса и переживания жизни как таковой. Например, китайские торговцы традиционно склонны снижать цены за счет более быстрого оборота капитала (следовательно, и больших усилий) и довольствоваться даже незначительной прибылью; китайцы готовы

¹ Russell B. Power. L., 1938. P. 128.

² Заместитель генерального директора Института исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, доктор экономических наук, профессор.

работать почти круглые сутки без выходных и праздников (единственное исключение — недельный отдых на Новый год). Современные китайские предприниматели любят подчеркивать, что истинная мера жизненного счастья — это работа, которая одновременно приносит доход и моральное удовлетворение. Очевидным фактом является то, что китаец умеет находить интерес в любой работе и потому прилежно ее выполняет. Где есть неподдельная личная заинтересованность и хорошие навыки, там легко появиться и общественному, и экономическому успеху. Отсюда и высокая конкурентоспособность китайских предприятий и магазинов там, где есть китайские общины.

Китайцы всегда делали акцент на способности человека жить совместно с другими людьми и находиться с ними во взаимовыгодном обмене, считая это самым естественным свойством человеческого сознания. Обращение денег и финансов китайцы уподобляли циркуляции жизненной энергии в организме: чем свободнее осуществляется это обращение, тем больше пользы для всего общества. По китайским представлениям, жизнь нужно использовать для того, чтобы зарабатывать деньги, а чтобы жить воистину — нужно быть богатым. Уравнение вовсе не самое очевидное и даже противоречащее здравому смыслу и законам экономики. Первое учит, что «не в деньгах счастье», а второе требует признать, что деньги должны делать деньги. Китайцы же бессознательно попытались совместить экономическую абстракцию и жизненную конкретность. В результате они поставили некий жесткий предел своему историческому развитию, но сумели избежать одной жгуче-острой проблемы, преследующей западную цивилизацию, — проблемы разрыва между меновой и потребительной формами стоимости, «сущностью» и «обменом».

Если присмотреться внимательнее к китайскому жизненному идеалу, не трудно обнаружить в нем поразительные параллели собственно коммерческой деятельности. Китайцы традиционно считают высшей ценностью не что иное, как «питание жизни» («ян шэн»). Соответственно они стремятся использовать все возможности и средства для улучшения качества жизни, повышения духовной чувствительности или, говоря в понятиях китайской традиции, «накопления жизненной энергии». Последнее, очевидно, выступает как своеобразный аналог капитала, в котором и воплощается как нельзя более естественный жизненный идеал китайцев: получение от жизни как можно более чистого и здорового удовольствия. Способы получения этого удовольствия бесконечно разнообразны и охватывают решительно все стороны и даже все нюансы человеческой практики, особенно примечательно в этом отношении представление китайцев о сексуальной практике: последнее трактовалось как способ увеличения запасов семени в организме мужчины, что укрепляло его жизненные силы и, в конечном счете, способствовало рождению многочисленного и здорового потомства.

В старом Китае бытовало понятие «управление жизнью», а менеджерская и предпринимательская деятельность неизменно воспринимается китайцами как условие жизненного счастья. В социальном плане той

областью, в которой для китайцев сходится богатство и счастье, стало семейное и клановое единение индивидуальной жизни. Уточняя сказанное выше, заметим, что деньги в Китае ценятся в той мере, в какой их можно конвертировать в здоровое и радостное самочувствие жизни, но взятое не в форме поверхностного и безнравственного гедонизма отдельных лиц, а в глубине родовой мощи и подчиненное моральному императиву. В хозяйственной жизни традиционное отношение китайцев к богатству предстает как хозяйская рачительность, которая в узких рамках повседневности кажется крепко поставленной бережливостью, даже скупостью. Во всяком случае, китайские общества отличаются самой высокой в мире нормой сбережений. На рубеже 1990-х годов, по данным социологических опросов, среди студентов разных стран наибольшее значение бережливости придавали молодые люди в Китае. По некоторым данным уровень сбережений среди жителей Пекина достигает 70 % — фантастическая цифра по западным понятиям.

Возможно, следуя этой традиции, много лет в Китае поддерживалось «двойное положительное сальдо» (по счету текущих операций и по счету движения капитала), валютные резервы страны очень быстро росли: со 165,6 млрд долларов в конце 2000 года до 818,9 млрд на конец 2005-го. В марте 2006 года КНР по этому показателю опередила Японию и вышла на первое место в мире, а на конец июня 2009 года китайские резервы достигли астрономической цифры — 2131,6 млрд долларов. В результате Китай оказался одним из крупнейших в мире экспортеров капитала по официальной линии: только в 2008 году страна увеличила вложения в американские казначейские облигации с 477,6 млрд до 727,4 млрд долларов и стала крупнейшим кредитором США.

Многие специалисты считают, что успехи китайской экономики связаны с доступом к недорогому труду талантливых людей на всех уровнях. С этим нельзя не согласиться, однако это лишь одна составляющая успеха Китая. Помимо этого китайское правительство сумело организовать для своих предпринимателей свободный доступ к государственной и интеллектуальной собственности по низкой цене. Китай сумел обеспечить самостоятельность и разумную меру ответственности в сочетании с материальной заинтересованностью менеджменту своих предприятий.

Китайские менеджеры могут обогатиться, создав успешную глобальную компанию, вместе с тем государственные органы помогают им смягчить последствия неудачных решений.

Важным обстоятельством, способствующим успеху КНР, стала глобализация мировой экономики. Она создала преимущества для развивающихся стран, поскольку знания, технологии и комплектующие стали более мобильными и доступными для них. В мире, состоявшем из отдельных рынков, защищенных таможенными барьерами, различными торговыми запретами, товары и информация распространялись медленно. Это создавало виды конкуренции, отличные от нынешних — глобальных. В настоящее время товары и информация распространяются по миру мгновенно.

Подобно тому, как они впервые в мире использовали реактивный двигатель, китайцы оказались на данном этапе сильнее других в использовании возможностей логистики издержек. Их опыт, безусловно, заслуживает глубокого изучения ведущими мировыми компаниями, поскольку их собственная стратегия вымостила китайцам путь к успеху. Например, стремление получения комплектующих из-за рубежа, модульность товаров и услуг, «глобальная экономика знания», более доступный рынок талантливых специалистов и профессиональных услуг, а также растущая возможность скупать иностранные компании. Помимо вышеизложенного особенность подхода китайских компаний к конкуренции состоит в следующем:

— потребителю предлагается высокая технология по низкой цене;

— предлагается большой выбор товаров в том сегменте, который раньше считался стандартизованным массовым рынком;

— китайские фирмы применяют метод стоимостной инновации.

Однако наибольшее значение в деле обеспечения ускоренного экономического роста китайской экономики, на наш взгляд, имеет хорошо продуманная «стратегия выхода за рубеж», а точнее новые формы конкуренции, которые заслуживают глубокого изучения как с позиции фундаментальной экономической науки (экономической теории), так и с позиции прикладных экономических наук, особенно логистики. Эта стратегия позволила китайским фирмам за короткий промежуток времени добиться впечатляющих результатов.

Тамаш Бауэр¹

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Культура в широком смысле — это совокупность ценностей, убеждений, норм и обычаев, распространенных в данном обществе, которая определяет поведение членов общества. Совместная культура, то есть совпадение ценностей, убеждений, норм и обычаев, определяющих поведение отдельных членов общества, — это предпосылка нормального сосуществования членов общества, когда противоречия между их интересами и стремлениями не приводят к взрывам, а остаются в допустимых пределах.

Конституционная культура — это совокупность формальных институтов как правил функционирования государства (самой конституции и важнейших законов, определяющих взаимоотношения между государством, частными лицами и различными организациями) и неформальных институтов как узуса при применении конституции и указанных законов. Формальный подход предполагает, что соблюдение конституции и законов обеспечивает необходимую стабильность при сосуществовании различных лиц и организаций. Однако само формальное право, по мнению автора, часто оказывается недостаточным и нуждается в поддержке со стороны неформальных институтов. Одна из форм проявления диалога культур заключается во взаимном восприятии неформальных институциональных начал. В том случае, если представления приблизительно совпадают, данный диалог может быть реально продуктивным. Чтобы доказать этот тезис, я обращаюсь к опыту Венгрии.

Новая венгерская демократия возникла после постепенного распада коммунистического строя в связи с процессом экономического и — вследствие этого — политического ослабления СССР. В отличие от стран СНГ, но подобно ряду стран Центрально-Восточной

Европы, основатели новой Венгерской Республики согласились на введение парламентарной системы, в основном по примеру ФРГ (тогдашней Западной Германии). В такой системе парламент выбирается общенародным голосованием, а абсолютное (но простое) большинство депутатов выбирает премьер-министра, который формирует правительство. Правительство подотчетно парламенту. Оно под руководством премьер-министра определяет и осуществляет свою политику в области экономики, просвещения, культуры, обороны, внешних связей и т. п. Законодательные инициативы в этих областях требуют согласия простого большинства депутатов, чтобы обеспечить правительство и стоящему за правительством большинству депутатов возможность проведения своей политики по поручению избирателей.

Исходным пунктом моих рассуждений является развитие правовой системы Венгрии за последние четыре года. В 2010 году национально-популистская партия «Фидес» победила на выборах и достигла большинства — выше двух третей в парламенте. Подобная ситуация означает, что правительственное большинство получает практически неограниченные полномочия. В частности, оно может изменить конституцию или отменить ее и принять новую по своему усмотрению, не учитывая мнения других. Далее оно может назначать на все руководящие должности в государстве, включая и те, в отношении которых по конституции требуется квалифицированное большинство, то есть две трети. После прихода к власти действия «Фидес» носили соответствующий характер. Какой, я покажу позже.

Однако хочу подчеркнуть, что это не первый случай в Венгрии, когда правительство имеет большинство в парламенте (свыше двух третей депутатов). Двадцать лет тому назад, в 1994 году, в результате выборов возникало коалиционное правительство двух сильнейших тогда партий — социалистов и либералов, которые пользовались большинством мест в парламенте

¹ Профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия). Научные интересы: трансформационные процессы в бывших социалистических странах. Автор более 50 научных работ, опубликованных на английском, немецком, венгерском, русском и других языках, в т. ч. монографии «Инвестиционные процессы в условиях плановой экономики».

(72 % депутатов). Венгры были в такой степени разочарованы предыдущим национально-консервативным правительством, что на выборах обеспечили квалифицированное большинство двум бывшим оппозиционным партиям. Таким образом возникло новое правительственное большинство, власть которого фактически не была ограничена.

Все-таки коалиция социалистов и либералов отказалась от того, чтобы воспользоваться возможностями, обеспеченными квалифицированным большинством по конституции. Депутаты обязали себя не вносить изменения в конституцию без согласия по крайней мере части оппозиции. Они более или менее придерживались этой линии на протяжении всего периода деятельности парламента того созыва. Более того, при выборе кандидатов на государственные должности, подчиненные не правительству, а парламенту, они соблюдали правило совместного решения с оппозицией. Новые члены Конституционного суда, омбудсмены, председатели Счетной палаты и Верховного суда, а также Генеральный прокурор выбирались парламентом по согласованию с оппозицией. Руководство государственного радио и телевидения тоже назначалось независимым надзором, который возник в результате согласованного с оппозицией решения парламента. Однако надо учитывать, что в некоторых случаях большинство не сдержало своих обещаний (один раз не выбрали нового судью в Конституционный суд по соглашению с оппозицией и при создании новой структуры управления судов приняли закон без согласия оппозиции), но эти случаи остались исключением и не стали правилом. И правительство, и оппозиция тогда считали, что действуют по неформальным правилам венгерской демократии, которые предполагают, что конституция и законы, регулирующие соотношения между органами власти, и права человека требуют согласованных действий большинства и меньшинства в парламенте. В случае нарушения этого правила тогдашняя оппозиция всегда протестовала выходом из парламента, а большинству (в рядах которого сидел и автор настоящего доклада) было стыдно.

Через 16 лет история повторилась. Народ снова был сильно разочарован, в этот раз правительством социалистов и либералов, и на выборах 2010 года голосовал в большинстве за национально-популистскую партию «Фидес». Снова возникло правительственное большинство, в этот раз не двух, а одной партии. «Фидес», однако, пользовалась квалифицированным большинством иначе, чем ее предшественники. «Нам очень надо один раз победить», — отмечал в свое время лидер партии В. Орбан, и, победив, он показал, что имел в виду. Во-первых, новое большинство приняло — без согласования с оппозиционными партиями — новую конституцию, в одностороннем порядке отражающую те ценности, на которых основана политика правящей партии и которые поддерживают ее сторонники. Во-вторых, приняв ряд законов, правительственное большинство перестроило государственную структуру, подчинив правительству СМИ и управление судами. В-третьих, оно назначило своих людей, в том числе депутатов, на все государственные должности, включая и те, где

требуется политическая нейтральность. По сути дела, был обновлен принцип номенклатуры: все государственные деятели подчинялись премьер-министру Орбану, игравшему роль генсека при коммунистической системе. Вследствие этих изменений Конституционный суд, Счетная палата и омбудсмен все меньше выполняют свою контрольную функцию в государстве, прокуратура стала агентом правящей партии и выступает против политиков оппозиции, а государственное радио и телевидение стало мощным средством агитации и пропаганды в руках правящей партии.

Отметим, что независимые органы часто подчиняются правительству по законам, которые мало отличаются от законов ряда западных стран (и «Фидес» часто ссылается на это). Например, руководство государственного радио и телевидения назначается премьер-министром (как в Великобритании), президентом как главой исполнительной власти (как во Франции) или правительствами земель (как в Германии). Прокуратура подчиняется правительству в большинстве демократических стран. В США члены Верховного суда, исполняющего функции охраны конституции, назначаются президентом, а в Германии часто бывает, что политики с правительственной должности переходят в Конституционный суд или сотрудник федерального канцлера становится председателем Центрального банка. И все-таки независимость Конституционного суда, Центрального банка или нейтральность государственного радио и телевидения в этих странах не нарушаются. Почему?

Опыт старых демократий показывает, что если британский премьер-министр, французский президент или советские премьер-министры германских земель назначают руководства государственных СМИ, если чешский президент назначает членов Конституционного суда, то речь идет о назначении лиц, которые пользуются профессиональным авторитетом и способны действовать независимо. Значит, и те лица, которые назначают, и те, которых назначают, действуют на основе конституционной культуры данной страны, в соответствии с ней от назначенных ожидается независимая и нейтральная деятельность, а от тех, которые назначают, ждут соответствующего выбора назначенных лиц. Развивается узус, который не менее чем правовая норма обязывает как того, кто назначает, так и того, кого назначают, соблюдать ожидание общественности и поступать политически нейтрально, в соответствии с основными конституционными нормами. Тот, кто нарушает этот конституционный узус, подвергается решительному осуждению со стороны общественности и рано или поздно слагает с себя полномочия. Таким образом узус становится составной частью конституционной культуры данной страны. Судить независимо от политической власти от судей требует не только закон, но и профессиональная честь.

Почему нужен узус и недостаточно правовой нормы? Жизнь многообразна и постоянно меняется, а правовые нормы выполняют свою роль в жизни общества — могут стать ориентиром для его членов, если будут реже меняться. Они не могут охватывать разнообразные ситуации в государственной жизни. Приведу

примеры. Законодательства некоторых стран стремятся регулировать несовместимость государственных должностей с разными видами хозяйственной деятельности. Правовые нормы часто не совпадают с оценкой общественной ответственности. К правовой норме часто добавляется узус: что принято и что нет. В политических программах телевизионных и радиопередач правительство и оппозиция и даже отдельные партии должны получать пропорциональный доступ к эфиру. А как поступать в отношении экстремистских партий? Их тоже выпускать на экран? В последние десятилетия в период предвыборных кампаний глав исполнительной власти (президентские выборы в США, Латинской Америке и Франции, парламентские выборы в большинстве европейских стран) принято организовывать телевизионные дуэли. При этом надо решать множество вопросов: «Надо ли обязывать кандидатов участвовать?», «Как обеспечить равные условия для всех кандидатов?», «Надо ли ограничивать влияние правительства на СМИ?». Все это легче регулировать узусом, чем строгой правовой нормой. Так это происходит на практике.

В странах, где в течение нескольких десятилетий, как в Германии, или даже столетий, как в Англии, укрепилась конституционная культура, которая успешно регулирует сложные взаимоотношения между отдельными субъектами государственной жизни, можно отказаться от строгих и подробных правовых норм. Однако в случае, например, бывших социалистических стран, где конституционная культура пока слаба, многие отношения нуждаются в регулировании путем правовых норм.

Новейший опыт Венгрии показывает, как конституционная культура в состоянии становления может быть повреждена и даже разгромлена ударами со стороны новой власти, которая стремится к расширению своего поля действия. В начальной стадии трансформации, кроме принятия множества новых законов, составлялись и неформальные правила государственной жизни, которые стали узусом, то есть частью конституционной культуры страны. Они охватили различные области государственной жизни более гибко и полно, чем сами законы. Пользуясь квалифицированным большинством, правительство «Фидес» оттолкнуло многие ограничения путем изменения законов, а узус просто проигнорировало и таким способом постепенно развалило развивающуюся конституционную культуру.

Пока конституционная культура сохраняется, она независимо от принятых, часто ошибочных законов ориентирует членов общества, что правильно, а что нет. А если конституционная культура повреждена или даже разгромлена, исчезает необходимый ориентир для всех участников государственной жизни. Именно это наблюдается в настоящее время в Венгрии.

Возникает вопрос: «Разве нарушение конституционной культуры опасно и государство и общество в це-

лом не могут действовать на основе управления исполнительной властью и проведения законов, постоянно приспособливая их к меняющимся условиям?». При нормальных, бесконфликтных условиях это более-менее возможно. В таких условиях имеется достаточно времени для приспособления правовых норм к меняющимся условиям, и правительство со всеми подчиненными ему ведомствами, опираясь на слой чиновников, может провести свою линию. В случае кризисов, однако, положение существенно изменяется. Условия работы государственных органов быстро меняются, чиновники теряют ориентиры, и государство перестает быть средством, способным для управления. Именно в такое время возрастает роль конституционной культуры как ориентира.

Как экономист, я должен отметить, что нарушение конституционной культуры имеет весьма опасные последствия в экономике. Охрана частной собственности и соблюдение договоров — это основа конституционного порядка в области экономики. Этот принцип сталкивается с иными приоритетами государства, и такие конфликты решаются приговорами судов и Конституционного суда. Живая конституционная культура ограничивает число таких конфликтов. В области бизнеса преобладает взаимное доверие, что способствует стабильному развитию. Нарушение конституционной культуры, наоборот, подрывает взаимное доверие и таким способом препятствует экономическому развитию. Именно это проявляется в спаде инвестиций и экономическом застое.

Следует упомянуть и еще один аспект, а именно диалог культур. Новое, демократическое устройство возникло в Венгрии в рамках своеобразного диалога с сообществом демократических стран. Венгрия как страна, в которой в течение нескольких десятилетий сочетались элементы советской и западной экономической, политической и конституционной культур, начала постепенно освобождаться от элементов советских культур и развивать элементы западных. В течение подготовки вступления страны в Евросоюз это перешло в длительный формальный диалог между венгерским правительством и органами Евросоюза подобно всем другим странам, присоединяющимся к ЕС. Этот формальный диалог являлся продолжением предыдущего неформального диалога. Шаги, принятые правительством В. Орбана в направлении вытеснения элементов западной экономической, политической и конституционной культур, привели к новой волне формального диалога: целого ряда процессов по нарушению Венгрией обязательств в разных органах Евросоюза и судов в Страсбурге и Люксембурге. Такой вариант «диалога культур» сильно вредит государству. Внутри страны создается впечатление, что Европа нас угнетает, а у других стран — что Венгрия несерьезная страна.

О. В. Вербовая¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В современном мире в условиях глобализации особую актуальность приобретают вопросы модернизации правовой системы государства. Россия и Казахстан глубоко интегрированы в европейскую (романо-германскую) правовую систему, что не может не оказывать влияния на тенденции развития как в целом их правовых систем, так и отдельных правовых, в том числе уголовно-правовых, институтов.

В нынешний век глобальных вызовов и угроз как никогда необходим диалог культур, составной частью которых является право. Только интеграция и сотрудничество способствуют выработке совместных решений, основанных на общечеловеческих ценностях. Общей ценностью для гражданского общества и правового государства выступают права человека. Причем права человека являются безусловными универсальными ценностями независимо от национально-культурного контекста. При этом универсальность прав человека не является посягательством на культурное разнообразие, функционирование национальных правовых систем. Напротив, это есть основание для межкультурного диалога и определения общих для его участников признаков.

Казахстан и Россию связывает множество исторических, экономических, социально-культурных и правовых традиций, свидетельством чего является идентичность их правовых систем. Вопрос в том, в каком направлении они будут развиваться дальше и насколько смогут обеспечить реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина. Важно, чтобы государственно-правовая идеология, являющаяся фундаментом правовой системы, отвечала по своим ценностям параметрам правовой культуры большинства населения страны.

Рассмотрим обозначенные подходы на примере модернизации уголовного законодательства Казахстана и России в современный период их развития.

В настоящее время в Казахстане осуществляется модернизация законодательства, прежде всего уголовного и уголовно-процессуального, в целях обеспечения перехода с 2015 года на новую модель уголовного судопроизводства. В парламенте страны уже прошло обсуждение и одобрен проект новой редакции Уголовного кодекса², разработанного в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период до 2020 года³. Основной целью модерниза-

ции уголовного законодательства является повышение уровня защищенности правоохраняемых интересов личности, общества и государства от современных вызовов и угроз. Реформируется кардинально также уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное законодательство.

Аналогичные процессы идут в России, где также намечены меры по совершенствованию уголовно-правовой политики и определяются направления ее дальнейшей модернизации. Заложена разработка новых УК и УПК РФ. При этом в целях повышения доверия граждан к правоохранительной системе в процессе реформирования законодательства важная роль будет отведена созданию и укреплению механизмов общественного контроля.

Анализ проводимых в Казахстане и России реформ уголовного законодательства показывает, что осуществляются они в основном двумя путями: либо за счет рецепции отдельных норм и институтов зарубежного (европейского) права, причем в отдельных случаях не всегда адаптированных к своим правовым системам, либо путем имплементации норм международного права в национальное уголовное законодательство, приводя его тем самым в соответствие международно-правовым стандартам.

Такие подходы позволяют рассматривать модернизацию российского и казахстанского законодательства в контексте мирового культурного развития.

Что касается первого направления реформы законодательства, остановлюсь в качестве примера на вопросе классификации преступлений и их соотношения с административными правонарушениями в проекте новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК), в котором кардинально изменены подходы к этому вопросу. Разработчиками законопроекта впервые предпринята попытка найти теоретический баланс между уголовной и административной ответственностью. В определенной мере это им удалось. Так, законопроектом вводится новая категория запрещенных уголовным законом деяний — «уголовные проступки», которые отличаются как от преступлений в традиционном для казахстанского уголовного права смысле слова, так и от административных правонарушений. Критерием разграничения преступлений и проступков выступает степень их общественной опасности, выраженная в наказании. Что касается преступлений, то здесь сохраняется прежняя классификация и традиционно выделяются четыре категории преступлений. Аналогичная категоризация предусмотрена и российским уголовным законодательством (ст. 15 УК РФ). При этом в проекте УК РК изменен подход к рецидиву, при определении которого не будет учитываться совершение уголовных проступков, преступлений небольшой и средней тяжести. Не будет образовываться неоднократности совершение одного проступка и одного преступления, чтобы исключить

¹ Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор ряда научных и научно-методических публикаций: «Криминология» (сост.), «Уголовный процесс Российской Федерации» (сост.), «Безопасность предпринимательства и личности» (сост.), «К вопросу о реформировании уголовного законодательства Казахстана» и др.

² Досье ITS на проект Уголовного кодекса Республики Казахстан (новая редакция) // Электронный ресурс СИС «Параграф» (дата обращения: 05.03.2014).

³ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года : Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 // Казахстанская правда. 2010. 27 авг.

усиление репрессивности уголовного закона. Такой подход законодателя не вызывает возражений.

В практической плоскости в новую категорию уголовных проступков переводится часть административных правонарушений, рассматриваемых согласно КоАП РК преимущественно в судебном порядке, а также часть преступлений небольшой тяжести (свыше 100), которые предусматривают более мягкие наказания, чем лишение свободы. Соответственно нынешний административный арест будет преобразован в новое уголовное наказание в виде краткосрочного ареста за совершение уголовного проступка. При этом на концептуальном уровне соединяются преступления и проступки путем введения терминологического неологизма «уголовное правонарушение» (ст. 10).

Таким образом, в законопроекте в категорию уголовных проступков переведено более 100 составов преступлений небольшой тяжести, а также включено 58 составов административных правонарушений из КоАП РК.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в новом УК РК в разряд проступков можно перевести все преступления небольшой тяжести, в том числе которые наказываются лишением свободы сроком до одного года (около 30 норм) и до двух лет (около 100 норм). При таком подходе после реформы УК около трети преступлений могут перейти в разряд проступков, не влекущих за собой судимости. В целом это отвечает уголовной политике государства.

Безусловно, введение категории проступка потребует адаптации к ним действующей системы наказаний, а также пересмотра сроков давности привлечения к ответственности, которые за проступки должны быть минимальны, и сроков судимости. Вместе с тем включение в уголовное законодательство большого количества составов административных правонарушений вызывает некоторое опасение в отношении возможного возникновения в перспективе серьезного их противопоставления уголовным правонарушениям. Против перевода из административного в уголовное законодательство столь большого перечня составов правонарушений высказывались и многие депутаты. Основным аргументом являлось то обстоятельство, что по количеству тюремного населения Казахстан является не самой благополучной страной: 34-е место среди стран, показывающих наихудшие показатели. До 2017 года поставлена задача выйти за круг 50 стран с наибольшим количеством заключенных на 10 тыс. населения. Вопрос заключается в том, будут ли международные организации, занимающиеся вычислением этого коэффициента, относить к тюремному населению тех, кого подвергнут аресту за уголовные проступки. Пока международные организации склонны брать эти показатели в расчет, что не будет способствовать решению поставленной государством задачи.

Тем не менее в целом такой подход будет вполне оправданным и своевременным, требующим нового понимания предмета уголовного права и его границ. При этом введение в законодательство обозначенных выше и иных новелл, безусловно, требует серьезно-теоретического фундамента, учета ряда научных

и сравнительно-правовых аксиом в целях недопущения ошибок на концептуальном уровне. На данный момент это не всегда выдерживается.

Постсоветская правовая доктрина пока еще не соединила на концептуальном уровне принципы административно-деликтного права и процесса с принципами классического уголовного права и процесса, чего от нее требуют современные международно-правовые стандарты. В таком контексте анализ соответствующих норм проекта новой редакции УК РК показывает, что единая уголовно-правовая природа уголовных и административных правонарушений не нашла в нем своего полного понимания и должного разрешения. Решение вопроса в этой части в процессе реформирования уголовного законодательства, что поддерживается многими учеными, должно опираться на ряд важнейших теоретических постулатов. Прежде всего отмечается необходимость выработки единого доктринального понятия, которое бы охватило все три категории правонарушений (преступления, проступки и правонарушения), содержащихся в двух кодексах (уголовном и административном)¹. При новом подходе, реализуемом в законопроекте, казахстанская правовая система исходит из дуализма источников уголовного права в широком смысле слова: Уголовного кодекса (преступления и проступки) и административного законодательства. Соответственно требуют решения и другие вопросы применительно к предложенной новой классификации правонарушений (сроки давности, судимости и пр.). Что касается России, то УК РФ подходит традиционно к решению данного вопроса, ограничившись понятием преступления (ст. 14 УК РФ) и их категоризацией (ст. 15 УК РФ). Будет ли изменен такой подход, покажет начавшаяся реформа уголовного законодательства.

Что касается выбора второго направления реформирования национального законодательства по его приведению в соответствие международно-правовым стандартам, то общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры давно уже признаны Конституциями России и Казахстана составной частью их правовой системы, а также выступают материальными источниками уголовного права. В большей степени это касается системы Особой части, реже — Общей части УК.

В качестве примера данного направления реформирования законодательства остановлюсь на регламентации в проекте УК РК принципа действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших уголовное правонарушение за пределами Республики Казахстан (ст. 8). Данной нормой предусмотрено расширение юрисдикции уголовного закона на граждан РК и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РК, независимо от места совершения преступления против мира и безопасности человечества либо террористического или экстремистского преступления. Подобное право расширительной юрисдикции в отношении собственных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РК, предусматривается Конвенцией Шанхайской организации

¹ Головкин Л. В. Анализ Концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан // Электронный ресурс СИС «Параграф» (дата обращения: 06.03.2014).

сотрудничества против терроризма, Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма и другими международными договорами. Казахстан в этой части имплементировал международные нормы в национальное законодательство. Уголовным законодательством России, которая также является участницей вышеназванных международных договоров, расширительная юрисдикция распространяется и на иные общеуголовные преступления, что выходит за рамки вышеназванных конвенционных норм.

С учетом сказанного можно заключить, что реформы уголовного законодательства России и Казахстана

ориентированы на основные направления мирового культурного развития, способствуют преодолению возникающих противоречий национальных правовых систем. В 2015 году планируется создание Евразийского союза, что также неизбежно приведет к реформированию права на евразийском пространстве и конвергенции национальных правовых культур.

Вместе с тем при проведении правовых реформ следует опираться на собственные правовые традиции, а любые инновации должны быть адаптированы к национальной правовой системе и найти опору в правовой культуре общества.

Бернхард Вольф¹

РАЗВИТИЕ РОССИИ КАК ГЛОБАЛЬНОЙ СИЛЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Современный характер взаимоотношений России и Германии можно обозначить как уникальный социально-экономический феномен. После ужасающей войны, унесшей жизни десятков миллионов людей, русские и немцы стали не только экономическими и торговыми партнерами, но и в значительной мере просто друзьями. Германия помирилась не только со своим заклятым врагом на Западе — Францией, но и со своими восточными соседями — Польшей и Россией, внесшей существенный вклад в процесс ликвидации фашистского режима. Сегодня существует множество контактов частного характера, подтверждающих дружественный характер отношений между русскими и немцами. Автор неоднократно убеждался в этом и на личном примере. В настоящее время Россия наряду со странами ЕС и США — важнейший экономический и торговый партнер Германии.

В 2012 году Россия вступила в ВТО, то есть сделала важный шаг в контексте глобального развития. Этому предшествовала длительная стадия переговоров, в ходе которых неоднократно проводились дискуссии и даже поднимался вопрос о целесообразности данного шага. Автор на протяжении всего этого периода был сторонником положительного решения данного вопроса. Тем самым Россия на долгие годы обеспечила себе позицию полноправного участника глобальных процессов, создала новые предпосылки для разнообразных форм сотрудничества со многими странами. Здесь важно подчеркнуть не только экономический, но и социально-культурный аспект. К моменту вступления России в ВТО данная организация уже охватила более 150 стран и постепенно приобрела подлинно глобальное значение. Вступление в ВТО положительно отразилось на глобальном статусе России, так как подтвердило ее готовность соблюдать некоторые «правила игры», сформировавшиеся в условиях глобализации.

Одним из самых простых и наглядных вариантов иллюстрации тех выгод, которые может получить национальная экономика в результате участия в международной торговле, является теория сравнительных пре-

имуществ Д. Рикардо. Иногда эту концепцию неверно интерпретируют. Отмечается, что в условиях либерализации международной торговли выгоды получают страны, экспортирующие только высокотехнологичную продукцию обрабатывающей промышленности. При этом страны — экспортеры сырья не получают никаких реальных выгод. Такой подход справедлив, вероятно, для эпохи колониализма. Так, экономическая мощь Великобритании базировалась исключительно на эксплуатации ресурсной базы колоний. Если же речь идет о сотрудничестве равных партнеров, то экспорт сырья приносит достаточные финансовые ресурсы, которые могут быть направлены в различные сферы экономики и в конечном счете — на создание предпосылок для экономического развития.

В исследованиях Всемирного банка принято делить национальные экономики развивающихся стран на две большие группы. В первую группу входят «страны-глобалисты», то есть государства, которые стремятся активно участвовать в международной торговле. К другой группе относятся «страны-неглобалисты», которые дистанцируются от участия в международных торговых операциях. Эти исследования показывают, что разрыв между развитыми и развивающимися странами по уровню доходов на душу населения действительно увеличивается. В то же время обращает на себя внимание следующая любопытная деталь. Именно те развивающиеся страны, которые активно участвуют в международной торговле, показывают наиболее высокие темпы роста. При этом «неглобалисты» преимущественно находятся в состоянии стагнации. Ярким примером является экономика Китая, которая прошла через длительный период экономической «закрытости», а теперь активно участвует в международной торговле. Можно предположить, что активное участие в международной торговой деятельности дает некий «культурный заряд», в обществе утверждается идеология инновационного развития и конкурентоспособности, что, в конечном счете, выражается в экономической эффективности и достаточно высоких темпах экономического роста.

Данное положение в полной мере справедливо и для России, которая, в отличие от многих развивающихся

¹ Профессор Высшей школы экономики г. Людвигсхафен (Германия).

стран, представляет собой большую экономическую и политическую силу. Следует отметить, что Россия имеет хорошие традиции в некоторых отраслях (космическая техника, оборонная промышленность) и демонстрирует в них достаточно высокий уровень международной конкурентоспособности. Идеология экономической изоляции не имеет в России каких-либо реальных перспектив. Нужно продолжать курс на активную интеграцию в глобальные хозяйственные процессы, важным шагом в данном направлении явилось вступление в ВТО. Помимо участия в международных торговых операциях, следует также стимулировать приток прямых иностранных инвестиций. Тем самым в страну осуществляется трансферт технологических и менеджерских подходов, который формировался в зарубежных странах на протяжении многих десятилетий, происходит профессионально-культурное обогащение персонала и экономика диверсифицируется. Обеспечение диверсификации экономической структуры в России в результате участия в глобальных процессах — вопрос времени.

В данном контексте можно посмотреть и на ситуацию на Украине, сложившуюся в настоящее время. Либерализация торгового порядка способствует сближению национальных экономик, укрепляет мирный характер их существования. Речь идет о реализации известного принципа «трансформация через сближение».

Что касается поведения России по отношению к Крыму, то здесь автор разделяет точку зрения бывшего канцлера ФРГ Х. Шмидта — всемирно известного и признанного политика. Следует с пониманием отнестись к присоединению Крыма к России, так как «российский элемент» в истории Крыма очень значителен. Что касается оценки с позиции международного права, то этот момент по крайней мере дискуссионный. Позиция ЕС и США представляется необоснованной. По определению Х. Шмидта, санкции против России представляют собой «глупую игрушку». К счастью, они носят лишь символический характер. Но их усиление может причинить большой вред ЕС и США. Правовой статус современной Украины все же неоднозначен, нынешнее правительство имеет времен-

ный статус. И следует с пониманием отнестись к позиции России, которая берет на себя часть ответственности за судьбу российского населения, проживающего на востоке Украины. Нельзя забывать и о том, что США неоднократно демонстрировали миру, что надо делать, если соотечественники за рубежом подвергаются опасности. Здесь можно приводить много исторических примеров. Фактическая аннексия Техаса, дискриминация коренного населения Америки, применение атомных бомб в Японии, война во Вьетнаме и недавняя операция в Ираке — все эти факты свидетельствуют о том, что США зачастую предпочитают решать многие проблемы силовыми, а не дипломатическими методами. Автор надеется, что эти методы останутся в прошлом. Современные кризисные ситуации должны решаться мирным путем, и главным инструментом является многосторонний переговорный процесс.

Следует обратить внимание еще на один аспект проблематики. США не всегда позитивно воспринимают сотрудничество России и Германии. Периодически они пытаются направить Германию на рельсы «западного курса» и тем самым усилить роль НАТО. В принципе это довольно опасная и бесперспективная тенденция. Все глобальные державы должны сегодня стремиться понять друг друга и найти компромисс. Крайне нежелательно, если Россия в ближайшее время переориентирует свою политику на восточное направление. В будущем это негативно скажется на экономиках ЕС и США. Следует, однако, обратить внимание и на тот факт, что в современном мире достаточно разумных политиков, которые готовы принимать взвешенные решения. И те механизмы, которые в свое время привели к развязыванию Первой мировой войны, к счастью, сегодня уже не работают.

При этом продолжают осуществляться проекты в рамках глобального сотрудничества. Так, россияне, американцы и немцы сотрудничают в рамках проекта по превращению космодрома Байконур в международную космическую станцию. Количество и масштабы подобных проектов должны в будущем увеличиваться. Подобные примеры «разумного поведения» вселяют надежду на успешное преодоление кризисной ситуации.

В. Г. Графский¹

РОЛЬ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В МИНИМИЗАЦИИ КОНФЛИКТНОГО РАСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Право, в особенности правовой закон или правовое соглашение (договор частного или публичного назначения), в силу своей вездесущности и определенной степени властной влиятельности практически всегда взаимодействует со всеми важнейшими ценностными ориентациями человека — от ориентации на счастье, здоровье, благополучие и безопасность до традиционных гарантий защиты от всяческих невзгод и напастей.

При этом в ценностных ожиданиях человека помощи от правовых законов так или иначе присутствует надежда и одновременно уверенность в том, что в деле наведения порядка, противостоящего разгулу насилия и хаоса, истинный закон в благоустроенном государстве предназначен, говоря словами Монтескье, «быть похожим на смерть, которая никого не пощадит». Разумеется, каждая значимая для индивида ценностная ориентация воспринимается в данном случае, если придерживаться наиболее авторитетных трактовок социальных психологов и философов, как привычная смысловая категория, которая сложилась и зафиксирована в результате обобщения типичных ситуаций в общественной и личной жизни людей и групп.

Существенным является также должный учет случаев появления смыслоутраты отдельных ценностных ориентаций в человеческом восприятии и устремлениях, поскольку это ведет к оскудению жизнедеятельности вообще и человеческого общения в особенности. Общечеловеческие ценностные ориентации, такие как здоровье, образование, мораль, семья, должны сознательно восприниматься приоритетными по сравнению с материальными. Одновременно с этим необходимо поддерживать ощущение связанности человека с мирозданием, которая имеет следствием отказ от философии вседозволенности по отношению к законам и закономерностям природы. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на мир правового общения и регулирования, в котором его участники имеют перспективу выступать с потенциально противоположными интересами и оказаться в различных измерениях масштаба конфликтности — от частного и публичного до общегосударственного, общечеловеческого и даже космического.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение к журналу «Право Украины») и др.

Существующее в литературе различие ценностей по областям жизнедеятельности или предметно-нормативного регулирования (общественные, антропологические, экономические, политические, правовые ценности и т. д.) нередко зауживает восприятие проблематики ценностей в ее природной целостности и тем самым сильно ее упрощает. В этом случае «плюрализм наук» о ценностях напоминает плюрализм наук о человеке или обществе — подобный плюрализм нередко почти полностью отказывается или волей-неволей закрывает путь к характеристике человека или общества, а равно и к совокупности всех человеческих ценностей как некоего природного единства, именуемого иногда «множественным единством» или «единством во множестве».

Люди объединяются в государство «ради благой и счастливой жизни» (Аристотель), тем самым благо и счастье являются доминирующими в нормально устроенном государстве и все возможные индивидуальные и групповые ориентации в жизнедеятельности такого объединения людей имеют согласное подчиненное или, напротив, несогласное (расходящееся), конфликтное и деструктивное ценностно-ориентированное проявление. Наиболее известным по формулировке является несовпадение и фактическое обособление двух областей правового общения и регулирования — область публичного и область частного права. Однако обе эти области получают еще одно фундаментальное, но вместе с тем обособленное измерение, когда для оценки правильности (а также справедливости) организации внутригосударственного регулирования и правового общения вводится критерий наличия в организации и деятельности государства и его граждан нацеленности на достижение общего блага.

Области публичного и частного права, таким образом, составляют две сосуществующие, но не совпадающие в своих устремлениях и ориентациях культурные общежительные ценности с нацеленностью на достижение общего блага государства и, конечно, его граждан, предстающих и узнаваемых вовне в частных лицах или их устойчивых группировках либо в тех или иных общностях (этнических, политико-территориальных, профессиональных и т. д.). В международном общении и в некоторых политических и национально-государственных общностях более узкого масштаба примиряющей деятельности наибольшее уважение получают принципы мирного сосуществования, а также так называемые общие принципы международных отношений, ограничиваемые обычно десятью. Общеизвестным с незапамятных времен является правило-принцип, которое отражено в Евангелии и получило в XVII веке название «золотого правила», требующее, в частности, не делать ближнему того, чего не пожелаешь себе (Мф. 7: 12; Лк. 6: 31). Специальные исследования показали любопытную особенность закрепления

этого правила в канонических текстах мировых религий и древних политических наставлений. Это правило обнаруживают в Торе (его узнают в правиле «возлюби ближнего, как самого себя» — Левит. 19: 17), а также в более близких по смыслу (практически идентичных) высказываниях Будды, Конфуция и пророка Мухаммеда. Кроме того, его вычитывают в этико-политических построениях и комментариях Августина, Фомы Аквинского, Гроция, Канта, Кельзена, Фрейда, а в сравнительно недавнее время — Хабермаса и Ролза, Сартра и Рикера и других выдающихся философов и правоведов современности. Универсальность «золотого правила» воодушевляет некоторых мыслителей на построение планетарной этики, однако мы ограничимся акцентом именно на специфической универсальности воздействия этого правила на минимизацию ценностных расхождений в правовом общении.

В настоящее время в связи с ускоренной и разнообразной интенсификацией международного общения людей, групп и организаций внутригосударственное публичное и частное право становится взаимосвязанным с международным публичным и частным правом. Многие перечисленные ценностные ориентации приобретают не только внутригосударственное, внутринациональное распространение и регулирование, но одновременно (или по отдельности) также внешнее международное, межгосударственное, региональное и универсальное международное регулирование. С учетом того обстоятельства, что современное представление о ценностных ориентациях людей и коллективов получают все более разнообразное признание и фиксацию, такие ориентации начинают получать свое отображение и в деятельности основных субъектов международного правового общения в лице государств, неправительственных организаций, отдельных хозяйствующих субъектов от индивидуальных предпринимателей до транснациональных корпораций. Таким образом, сфера разнящихся и конфликтующих ценностных ориентаций получает новые области проявлений своей напряженности и демонстрации умиротворяющего регулирования.

Самой насыщенной и разнообразной областью столкновения ценностных устремленностей и позиций является, конечно, внутригосударственное правовое общение лиц и организаций, а наиболее вместительными разновидностями такого общения были и остаются споры и конфликты на почве лично-имущественных и административных правонарушений, а также конфликты на почве нарушений карательных законов, ограждающих от виновных и умышленных посягательств на жизнь, здоровье или имущественные права граждан и коллективов. Если принять во внимание, что все или, по крайней мере, основные ценностные устремления ориентированы на поддержание и укрепление основ достойной и перспективной жизни — с удовлетворением потребностей в пище, жилище, здоровье и одновременно в умственном, физическом и духовном образовании, то картина ценностных ориентаций сильно усложнится и может стать с трудом обозримой. Это же затруднение может возникать в восприятии правовых разновидностей и гарантий защиты

этих ценностных ориентаций. Здесь становятся существенными наличие или отсутствие (пробельность) соответствующего законодательного регулирования, надежность справедливого судебного разбирательства и последующего решения и многое другое. Очень важную роль при этом играет законопослушность граждан и организаций, которая отчасти стимулируется и гарантируется применением приемов убеждения и принуждения к исполнению законных требований официального права или законного принуждения согласно принятому законному приговору суда.

Многоликий современный глобализм (либеральный, великодержавный и др.) сталкивается со столь же многоликим традиционализмом (религиозным этнополитическим, феодальным) и продолжающимся национально-освободительным движением, что придало этому цивилизационно-культурному противостоянию небывалый по организованности глобальный социоэкономический, политический и международно-правовой характер. В этих условиях в силу разных обстоятельств и складывающихся перемен Россия оказалась средоточием многих глобальных проблем с культурно-цивилизационной составляющей, что с новой силой актуализирует проблему осмысления культурных тенденций в мире, и в особенности проблему междисциплинарного анализа и минимизации расхождения культурных ценностей. Культура в ее широком понимании есть не просто созданная человеком материальная и духовная среда обитания и не только среда функционирования права, экономики, политики, государственного управления и многих других социальных практик — она, по сути, также важная и жизненно необходимая среда существования и проявления постоянных и вековечных противостояний и конфликтности многих культурных ценностных ориентаций. В частности, таких фундаментальных, как современные и традиционные, новые и старые, политические и аполитические, моральные и правовые, частные и публичные и др. Преодоление конфликтности несводимо только к развитию диалоговых форм общения и сотрудничества. Необходима тщательно продуманная и выверенная общественным сознанием вместе с обобщенной социальной практикой политика или заново изобретенная под давлением острой ситуационной необходимости доктрина мышления, обсуждение и решение задачи минимизации расхождения и конфликта культурных ценностей.

Возможности права в этом деле вовсе не безграничны, хотя в литературе имеются и противоположные мнения, делающие ставку на «мощь права» (С. Левин «Разрешение конфликтов», 1998). Дело в том, что право в виде законов и прецедентов нередко абстрагируется от множества важных для облика субъекта обстоятельств и характеристик. Оно одновременно может равным образом обходиться со всеми, обобщает происходящее по относительно узким формализованным критериям и тем самым не вникает в конфликты до их корней, а только разрешает их тем или иным предписанным образом. К этому надо добавить и учесть те многочисленные и существенные для правового регулирования перемены, которые происходят в совре-

менном государстве, обществе и мире. Полвека назад американский политолог Д. Истон констатировал, что ко многим людям в США пришло понимание опасностей, которые влекут за собой такие современные макропроцессы в жизни общества, как быстрая и нерегулируемая индустриализация, этническая и половая дискриминация, мировая бедность и ядерная война. В первой декаде нулевых годов, в особенности после кризиса 2008 года, набор опасностей несколько

поменялся. Обращает на себя внимание наблюдение Ж. Агтали (2009). Он пишет, что сложилась небывалая в истории ситуация: хотя сильное национальное государство должно создавать рынок, а тот — усиливать демократию, в действительности глобальные рынки, в том числе финансовые, создают сами себя, без видимого участия государства. В итоге получается, что никакой институт не способен создать правовое пространство для рынка в планетарном масштабе.

А. А. Джагарян¹

ГОСУДАРСТВО И ИДЕОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: К ПРЕОДОЛЕНИЮ КРИЗИСА ПРАВОСОЗНАНИЯ

Правовое развитие современного глобализирующегося мира имеет сложный, внутренне противоречивый характер, в значительной степени определяется действием актуальных социально-культурных факторов, среди которых следует принимать во внимание как впечатляющее расширение взаимодействия, диалогового партнерства различных культур, традиций, цивилизаций, так и их конкурентную борьбу, разные формы проявления конфликтов, столкновений.

Существенными являются также претензии отдельных наиболее развитых в промышленном отношении стран на роль культурного гегемона и соответственно попытки определенному, сформировавшемуся в конкретных социоисторических условиях типу мировоззрения придать универсальное начало и качество всеобщего достояния. Обусловленные подобным, по сути авторитарным, видением глобализации процессы, с одной стороны, связаны с известной инфляцией национальных культур и схематизацией, приданием формалистически инструментального характера внедряемым взамен прежних, традиционных, новым универсальным ценностям. С другой стороны, они характеризуются отчетливой радикализацией автономизационных, националистических настроений, обнаруживают в себе признаки духовной дезориентации современного человека, ищущего комфорта вне состояния Родины, но не удовлетворяющегося и достатком в отрыве от национально-культурной среды; они служат явственным свидетельством нарастающего кризиса современного правосознания.

В этом, как и в ряде других моментов, находит отражение подмеченная еще И. А. Ильиным своеобразная трагикомедия правовой жизни: даже уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием,

но сохраняет от идеи права лишь схему и использует ее произвольно, так что возникающее «неправое право» порочит, компрометирует подлинное право². Подлинное же право, по мысли И. А. Ильина, определяется прежде всего духовно-нравственными целями: ограждением духовного достоинства человека от его умаления, а также творческим развитием, нравственным совершенствованием личности, притом что по своей сути они глубоко национальны.

В связи с этим, говоря о кризисе современного правосознания, надо учитывать не только усиливающиеся противоречия в реализации фундаментальных правовых ценностей, включая прежде всего резко обострившуюся сегодня коллизия свободы и безопасности, и во многом связанный с отсутствием общепризнанных эффективных средств их преодоления дефицит доверия к традиционным государственно-правовым институтам. Речь должна идти также о проблемах иного, более глубокого уровня, которые, уже не будучи сущностно связаны с борьбой за право и утверждением его лучших форм, определяются постепенно накапливающейся и все чаще прорывающейся различным образом энергией сознательного или безотчетного игнорирования, дискредитации, ниспровержения самих основ правопорядка, утратой спасительной веры в силу права как принудительной реализации минимального добра. Это касается, в частности, отступлений, в том числе на глобальном уровне, от базовых принципов права в угоду конкретно-практической целесообразности (в борьбе за власть, на финансовых рынках и т. п.), предпочтений, нередко отдаваемых односторонне силовым методам решения геополитических и иных проблем в соотношении с диалогово-согласовательными, гармонизирующими правовыми процедурами. Предпринимаются попытки само право свести к некоему культурно-индифферентному, алгебраическому инструментарию, находящемуся по ту сторону морали и призванному оформлять и обслуживать любые, даже самые изощренные, проявления самореализации и гедонистические потребности любого «авангардного» меньшинства безотносительно к их связи

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор свыше 140 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.) и др.; соавтор учебника «Муниципальное право Российской Федерации».

² Ильин И. А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. С. 162–163.

с системой традиционных ценностей. Секулярность современного права нередко выдается за категорический разрыв с религиозно-нравственными основаниями, и, как следствие, вновь можно наблюдать приметы нарастающего воинствующего (уже либерально-анархического) атеизма, в том числе в виде запретов (явных или подразумеваемых) внешних символических проявлений религиозной самоидентификации.

Можно видеть также (в частности, довольно отчетливо это обозначилось в событиях на сопредельном России геополитическом пространстве) примеры того, как легко и стремительно цивилизованные институты публично-правовой жизни отвергаются и выхолащиваются, подменяются примитивными формами уличного, площадного управления («майданократии»). Массовым инстинктам толпы пытаются придать значение самодовлеющего фактора правообразования и на этой основе оправдать якобы правовое творчество без опосредования данного процесса устоявшимися социокультурными механизмами и рационализированными процедурами. М. Мамардашвили, видевший суть цивилизации в сложности искусственных форм, полагал, что в таких редуktивных ситуациях как бы разрываются «социальные мускулы», каковыми являются в том числе формализованное право и этика, и лишённые этих органов культуры люди становятся беззащитными перед буйством страстей, оказываются под действием законов, полностью определяемых элементарными потребностями, прежде всего борьбой за выживание¹.

Одновременно в этих процессах находят свое проявление тенденции, связанные с распространением радикальных социально-психологических установок, в том числе основанных на абсолютизации социального протеста. Приобретая систематический, устойчивый характер, они по целевой направленности уже не сводятся ни к изменениям личного состава публичной власти, ни даже к коррекции политического устройства, а со временем все больше превращаются в самоценные отрицания, питают пафос перманентной революции и формирование принципиально противогосударственного и антиправового мировоззрения. И нельзя не сказать, что связанный с этим культ анархизма лишь подкрепляется свойственными современному либеральному сознанию представлениями о человеке как конечной мере оценки предметного содержания свободы, справедливости, демократии, как и иных социальных ценностей, институтов.

В этом плане будет справедливым вывод о том, что современный системный кризис правосознания является производным от социально-нравственного, духовно-культурного кризиса. Расширение формальной демократии (как внутри страны, так и на международной арене) ведет к усилению, а не к ослаблению (снятию) идеологических противоречий, включая коллизии и конфликты между либеральными и консервативными (традиционными), универсалистскими и специфически-национальными ценностями (их различными интерпретациями). При этом плюралистическое коммуникативное пространство демократического общества

¹ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. С. 115–122.

не только не может оставаться свободным от идей, доходящих до самой грани того, что еще можно считать адекватным запрету агрессивного насилия, но и неизбежно включает в себя относительно широкий спектр нетрадиционных идейно-политических, социальных представлений, которые способны подвергать опасности устойчиво-целостное правовое развитие гражданского политического сообщества в длительной перспективе, включая восприятие такого сообщества лишь как объекта совокупного индивидуального потребления.

При таких условиях усиливается потребность в эффективных механизмах обеспечения и поддержания идейно-духовной, культурно-социальной целостности объединенных в демократическое правовое сообщество людей, и соответственно речь должна идти об адекватном характеру социоисторических изменений повышении роли и значения имманентных праву и государству их идеологических функций. Неслучайно дискуссия об идеологии приобретает в нашей стране все более широкий и напряженный характер.

В основе формирования и обеспечения ценностно-нормативного единства современного демократического общества должно лежать понимание того, что систематическое воспроизводство такого единства в условиях расширяющегося взаимодействия культур и цивилизаций требует прежде всего активно-организующего участия государства. Оно выражает обусловленные историческими, культурными и иными традициями, а равно актуальными представлениями народа о будущем всеобщие интересы гражданской политической нации, хотя к ним и не сводится. Демократическое правовое социальное государство призвано утверждать и поддерживать идейно-ценностные основания и пределы гражданского общежития, реализацией которых определяется как сохранение субъектной целостности народа в конституционном строе, так и достижение обуславливающих эту целостность целей социально-культурного прогресса. Вместе с тем именно справедливым взаимодействием суверенно равных государств, основанным на признании социально-культурного, цивилизационного многообразия и исторической неравномерности развития, определяется формирование цивилизованного международного правопорядка. Соответственно современное государство ориентировано на обеспечение организации идеологических отношений в целях гарантирования незыблемости фундаментальных правовых ценностей, как они отражены в национальном самосознании, и формирования прочной идейной убежденности человека как гражданина, связанного предметным пониманием свободы и ответственностью за судьбу, как свою и своих близких, так и своего Отечества.

Идеологическая функция государства, подразумевающая в том числе организацию культурно-просветительской и нравственно-воспитательной работы, государственно-правовой пропаганды и просвещения, реализуется на основании и в соответствии с конституцией, в рамках конституционной идеологии. Сама конституция служит кодификацией юридически опосредованных фундаментальных ценностей и идеалов народа, сформированных в его преемственно-историческом развитии

в контактах с другими народами, является отражением и основой для актуализированного обеспечения баланса между суверенной автономией и открытостью для международного общения. Введенный действующей российской Конституцией запрет на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 2 ст. 13) означает не выведение государства из идеологической сферы, а определение характера его присутствия в ней как связанного с утверждением, выражением и ограждением именно конституционных (содержательно тождественных эксплицированным или имплицитным конституции) ценностей и идеалов.

Конституционная идеология представляет собой систематизированное выражение релевантных современному конституционализму (как достоянию всего человечества, а не одной отдельно взятой культурной традиции) представлений, взглядов, идей, характеризующих сложившееся в обществе на основе восприятия традиций предков и осознания ответственности перед будущими поколениями, освоения опыта взаимоотношений с другими народами автономное ценностное видение справедливого общественно-государственного жизнеустройства и направлений его развития, обеспечивающих устойчивое воспроизводство суверенной демократической национальной государственности на базе гарантирования достойной жизни и свободного развития человека. Она нормативна, поскольку входит в механизм конституционно-правового регулятивного воздействия, и универсально-всеобща, поскольку связывает все субъекты права конституционно опосредованными характеристиками идеологического компонента политических, экономических, социальных, духовно-культурных и иных общественных отношений. Вместе с тем конституционная идеология строится на сочетании национального и наднационального начал: конституционным признанием универсальных ценностей человечества, связанных со свободой, уважением достоинства личности, равенством, справедливостью, подтверждается и обусловленность восприятия народом их сути и соотношения с учетом особенностей развития конкретной страны. В этом плане конституционная идеология служит основой для сбережения национальной правовой культуры и одновременно диалога между различными национальными правовыми культурами.

Конституционная идеология не отвергает идеологический, культурный плюрализм, но укладывает его на определенные ценностно-нормативные основания

и полагает ему пределы. При всем возможном разнообразии любые идейные течения, взгляды, мнения, убеждения, входящие в публичный дискурс, должны быть содержательно и по предметной направленности соотносимы с идеологической основой конституционного строя и ограничены нерушимостью образующих ее ценностей. При этом конституционная идеология, будучи принципиально правовой, является и нравственно обусловленной: в ней находят свое выражение правовой дух и правовая совесть нации, ее представления о роли права в формировании и ограждении добра, а также в его утверждении в мире, мировом сообществе.

Квинтэссенция российской конституционной идеологии заключена в соединении ценностей естественно-духовного достоинства человеческой личности, свободно и ответственно самоопределяющейся в социально-государственном единстве, и суверенной демократической государственности, обеспечивающей духовно-культурную идентичность и устойчиво-целостное правовое развитие объединенных в многонациональный народ людей. Поэтому реализация государством его идеологической функции должна быть направлена прежде всего на укрепление автономной правовой и нравственной самоорганизации человека, по мере роста уровня которой только и должны обеспечиваться адекватные преобразования в государственно-политической системе. Также и воздействие на российскую среду иных культурных традиций не может оставаться без внимания: диалоговые формы международных связей, стремление к которым конституционно и социально оправдано, предполагают вместе с тем обеспечение условий, включая нормативные, для сохранения национальной идентичности, имея в виду прежде всего отношения с так называемыми культурами-донорами, и одновременно обустройство наиболее тесных интеграционных культурных связей со странами, традиционно тяготеющими к русскому миру.

Глобализация, активно реализуемая сегодня в правовой сфере, не может интерпретироваться как выбор «правильной стороны истории», но само по себе глобальное развитие, не исключая динамику конституционно-правовых отношений, должно рассматриваться как своего рода функция согласования и объединения усилий множества культур, традиций, цивилизаций. Конституционная идеология, лежащая в основе государственной политики, дает для этого необходимые предпосылки и инструментарий.

А. А. Дорская¹

ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ²

Правовая реформа — это хронологически ограниченный процесс преобразования правовой системы страны, затрагивающий правотворчество, правовой массив, правопонимание, правоприменение, который предшествует или следует за реформированием политической, экономической или социальной сферы и имеет целью качественное улучшение жизни большинства членов общества. Причем и удавшиеся, и неудавшиеся реформы считаются социальными потрясениями³.

Сегодня существуют самые разнообразные классификации правовых реформ. Одна из них — по источнику реформирования. Здесь можно выделить четыре варианта: реформы, опирающиеся на позитивный отечественный опыт прошлого, правовые традиции; реформы, представляющие собой эксперимент по созданию инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов; реформы, в результате которых осуществляется рецепция принципов и норм зарубежного права, для России, как правило, европейского; реформы по приведению элементов правовой системы страны в соответствие международно-правовым стандартам. То есть как минимум два варианта из этой классификации — третий и четвертый — рассматривают правовые реформы в России в контексте мирового культурного развития.

Реформы, в результате которых осуществляется рецепция принципов и норм зарубежного, как правило европейского, права, предпринимались в России неоднократно. Сюда можно отнести и заимствование вместе с христианством источников права Византийской империи — Номоканона, Эклоги, Прохирона и других, и использование Литовского статута при создании сначала Сводного судебника 1606 года, а затем Соборного уложения 1649-го, и петровские правовые реформы, и систематизацию российского права М. М. Сперанским, и правовые реформы периода «великих реформ» и Первой российской революции, а также современные правовые реформы.

Оценки такому виду реформ даются диаметрально противоположные. Так, Ю. В. Оспенников отмечает

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние норм церковного права на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность» и др. Член Российской ассоциации международного права.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности»), проект № 14-03-00172.

³ См.: Карпов В. И., Новокианов О. Н. Формирование правовой культуры личности и общества как основа обеспечения национальной безопасности России в период реформ // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10 (58). С. 80.

ет, что «в течение последних четырех столетий Российское государство не раз переживало попытки правящих кругов европеизировать основные сферы жизни российского общества. Казалось бы, более чем четырехвековой опыт безуспешной европеизации может являться убедительным свидетельством неэффективности подобных попыток, однако в современной России вновь предпринимаются настойчивые попытки привести образование, науку, экономику, политику и право в соответствие с европейскими стандартами⁴. В ряде исследований подчеркнуто, что именно в правовой сфере Россия всегда отличалась от Запада. «Наше законодательство, — пишут С. В. Мельник и Е. А. Трусова, — почти совсем не находилось под влиянием римского права, игравшего очень видную роль в законодательствах западных народов»⁵. Однако существуют и абсолютно другие оценки. Например, С. К. Осипов считает, что «доминирующей идеологией всех преобразований, носящей стратегический характер, является построение в России общества, аналогичного западному, то есть ориентация на полную вестернизацию и унификацию всех сторон общественной жизни»⁶. Правда, историки права скептически оценивают возможность таких реформ. Так, Т. В. Шатковская справедливо отмечает, что «в российском варианте следует исходить из огромного заряда традиционализма, успешно перерабатывающего любые инновации, полученные с Запада»⁷.

Пожалуй, в истории России нет ни одной правовой реформы, которая вызвала бы одинаковую реакцию именно с точки зрения соотношения собственной правовой традиции и западного развития. Например, безусловно, одной из самых масштабных и результативных была правовая реформа Александра II. Однако, как отмечает С. К. Редков, «в ходе реформирования общественно-политической жизни России передовой частью общества были высказаны опасения по поводу распространения индивидуализма, вызванного экспансией европейской модернизации. Русские мыслители считали, что новые продукты массовой культуры, пришедшие с Запада, несут разрушительную энергетику для культурной самобытности российского общества и личности в отдельности»⁸.

Впервые тема о реформах по приведению элементов правовой системы России в соответствие между-

⁴ Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М.: Nota Bene, 2007. С. 5.

⁵ Мельник С. В., Трусова Е. А. Институт коммерческого представительства согласно отечественной правовой традиции. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. С. 20.

⁶ Осипов С. К. Социально-политические традиции православия и протестантизма в условиях модернизации российской государственности. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. С. 4.

⁷ Шатковская Т. В. Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в аспекте российской правовой традиции. Ростов н/Д: РИЦ РГЭУ (РИНХ), 2011. С. 4.

⁸ Редков С. К. Реформы XIX века и их влияние на правовую культуру российского общества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 4. С. 61–62.

народно-правовым стандартам стала разрабатываться в российской юридической науке в конце XIX века. Например, Л. А. Камаровский в 1890-е годы писал: «Между трактатами и законами существуют многообразные и живые связи. Часто издаются законы, сообразные с трактатами, и, наоборот, заключаются последние для дальнейшего развития и осуществления первых... Здесь нужно строго разграничивать соприкасающиеся области государственную и международную: нельзя одобрить ни перенесения государственных принципов на почву международную... ни поддержки каких-либо порядков международными мерами...»¹. В советское время ей не уделялось большого внимания. Абсолютно новая ситуация в вопросе соотношения внутригосударственного и международного права возникла после одобрения 12 декабря 1993 года всенародным референдумом Конституции РФ, в которой общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации признаны составной частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15)². Соответствие нормативно-правовых актов международно-правовым стандартам стало одним из критериев результативности реформирований в правовой сфере.

Международно-правовые нормы заняли новое, более значимое место в правовой системе России. Так, из общего числа законов, принятых, например, Госу-

дарственной Думой РФ третьего созыва (1999–2003), было 18 федеральных конституционных законов и свыше 700 федеральных законов³. При этом в число подписанных президентом федеральных законов вошли 156 законов о ратификации международных договоров и соглашений.

Однако многие проблемы еще требуют разрешения. Дискуссионными остаются вопросы присоединения России к Статуту Международного уголовного суда, Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и т. д.

Таким образом, правовые реформы в России, безусловно, сориентированы на основные направления мирового культурного развития, в число которых входят выработка универсальных международно-правовых стандартов и интернационализация национальных правовых систем стран Европы. Однако самобытность России, в том числе и правовая, ощущается на протяжении всех исторических этапов и должна учитываться при разработке концепций и механизмов реализации правовых реформ. В целом можно констатировать, что практически любая правовая реформа в России представляет собой процесс взаимодействия национальных правовых норм, отличающихся множеством особенностей, и международного или европейского влияния.

В. В. Зябриков⁴

ЕДИНАЯ ТИПОЛОГИЯ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

На смену поиску ключевого фактора успеха во внутренней среде организации, характерному для теории конкурентоспособности фирмы в XX веке, сегодня должна прийти гармонизация элементов внутренней среды организации — культуры, стратегии, структуры и т. д. Не менее важно и формирование однородной корпоративной культуры фирмы, которая соответствует особенностям национальной деловой культуры.

В то же время теория менеджмента пока не дает надежного инструмента для диагностики типа культуры. Если у Ч. Хэнди (1978), который вслед за Р. Гаррисоном (1972) поделил все культуры на четыре типа (культура личности, власти, роли и задачи), тип культуры имеет системообразующее значение, то у многих

авторов теория культуры всего лишь обслуживает нужды отдела по работе с персоналом, то есть превращается в «придаток» теории менеджмента, описывающий микроклимат организации. Действительно, непросто разобраться в том, чем отличается культура «лианы» от культуры «кочующей орхидеи» в типологии Майка Бурке, включающей наряду с этими еще шесть типов культур.

Поэтому необходимо «расчистить завалы» произвольных классификаций, основанных на обобщении частного опыта конкретных организаций, и тогда деловая культура сможет занять подобающее ей центральное место в теории стратегического менеджмента, стать центральным звеном в модели организации, которое предопределяет остальные элементы ее внутренней среды. В последние десятилетия в литературе по стратегическому менеджменту активно обсуждается вопрос: стратегия определяет структуру (А. Чандлер) или структура определяет стратегию (И. Адизес)? Автор предлагает оригинальный ответ на поставленный вопрос: первичным при построении организации является культурный фактор, образующий общий контекст, в рамках которого и вырабатывается стратегия, и формируется структура организации. То есть можно сказать, что именно культура задает и стратегию, и структуру организации, а при ее проек-

¹ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. М., 1892. С. 31–33.

² Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237; 2009. № 7.

³ Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания РФ: <http://www.duma.gov.ru>

⁴ Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Общий менеджмент (курс лекций)», «Концепция интеллектуальной организации», «Типология и эволюция организационной культуры», «Стратегия, культура и структура организации», «Культура определяет стратегию и структуру», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Стратегический менеджмент, кооперационная структура и корпоративная культура фирм нового типа» (в соавт.) и др.

тировании вопрос диагностики типа культуры становится первоочередным¹.

Иерархия видов деловой культуры

Существующие виды деловой культуры разделяются по уровням экономики (микро-, мезо- и макроуровню) соответственно на организационную, корпоративную и национальную деловую культуру. Организационная культура — это культура отдельной организации (юридического лица); корпоративная культура — это культура корпоративного центра, которая обычно оказывает существенное влияние на культуры входящих в состав фирмы организаций; национальная деловая культура характеризует особенности ведения бизнеса в той или иной стране.

Для характеристики типов организационной и корпоративной культуры исследователи, как правило, используют внутренние параметры фирмы, например внутрифирменное распределение власти (Ч. Хэнди). В то же время для формирования классификаций национальных деловых культур обычно применяются более общие критерии, такие как отношение ко времени и пространству, человеческой природе и так далее (Г. Хофстед) или параметры кросс-культурного взаимодействия (Р. Льюис).

В то же время, по мнению автора (который обобщает схемы Э. Шейна и У. Холла), культура — как на уровне фирмы, так и на уровне страны в целом — включает одни и те же четыре базовых элемента, которые можно представить в виде центрального круга и концентрических колец. В этой схеме важнейшим элементом является *менталитет*, представляющий «ядро» культуры — глубинные подразумеваемые ценности (центральный круг). Менталитет определяет явно выражаемые *ценности и убеждения* (второй уровень культуры), которые в свою очередь задают *паттерны* поведения (третий уровень), формирующие *символы и артефакты* — «внешнюю оболочку» (четвертый уровень культуры).

Счастливым исключением в массе разноплановых типологий представляет лишь классификация Ф. Тромпенаарса², который дал одни и те же названия организационным и национальным деловым культурам. Так, например, Тромпенаарс ассоциирует организационную культуру семейного типа (на уровне фирмы) с деловыми культурами целого ряда азиатских стран, в частности Японии, Сингапура, Южной Кореи (уровень страны в целом).

Автор настоящего доклада считает весьма продуктивной идею систематизации типов деловой культуры с использованием одной и той же идеологии на уровне фирмы и страны в целом, поскольку сущность культуры не меняется в зависимости от масштаба ее рассмотрения. Независимо от масштабов культура имеет один и тот же набор элементов и является самоподобной структурой.

¹ Зябриков В. В. Культура определяет стратегию и структуру // Финансовый бизнес. 2012. Вып. 6. С. 48–51.

² Тромпенаарс Ф., Хэмиден-Тернер Ч. Четыре типа корпоративной культуры : пер. с англ. Минск : Попурри, 2012.

Универсальная классификация организационных культур

В статье 2007 года³ автор настоящего доклада показал, что разные исследователи, используя различные термины, говорят, по сути, об одних и тех же четырех основных типах организационной культуры:

- культуре профессионала, или адхократической культуре, по К. Камерон и Р. Куинн (1999);
- культуре лидера (клановой);
- культуре бюрократа (бюрократической);
- культуре предпринимателя (предпринимательской).

Те же четыре типа выделяют в своих классификациях Ч. Хэнди (1978), Р. Акофф (1980), Г. Минцберг (1998). К этим авторам можно добавить Т. Дилл и А. Кеннеди (1982), А. Вилдавского (1987), Ф. Тромпенаарса (1998).

Вероятно, первым, кто ограничил многообразие существующих типов культуры четырьмя, несмотря на существование других типологий с пятью и восемью типами культуры, был американский консультант и исследователь Ларри Констинтин. По его словам, «...базовыми служат четыре парадигмы, характеризующиеся своими наборами свойств в области управления, лидерства, принятия решений, организации взаимодействия и коммуникаций, психологических особенностей людей, способных комфортно и продуктивно работать в рамках соответствующих форм»⁴.

Подавляющее большинство исследователей выделяют одни и те же фундаментальные типы культуры, соответствующие четырем первичным фундаментальным ролям бизнесмена: профессионал, лидер, бюрократ (администратор) и предприниматель.

Единая типология деловых культур

Автор настоящего доклада произвел систематизацию эмпирических данных о национальных деловых культурах, полученных Г. Хофстедом, Р. Льюисом и Ф. Тромпенаарсом на основе трехмерной системы координат: индивидуализм–коллективизм, рациональность–эмоциональность, однородность–неоднородность (в качестве вспомогательного параметра)⁵. В результате удалось выделить четыре характерных культурных кластера: азиатский, немецкий, американский и скандинавский.

Критерий «индивидуализм–коллективизм» на макроуровне соответствует критерию важности профессиональных или управленческих навыков на уровне фирмы. Индивидуалистические культуры, берущие начало в протестантской этике, характерны для США, Великобритании, Нидерландов, стран Скандинавии. В них человек рассматривается как цель развития,

³ Зябриков В. В. Типология и эволюция организационной культуры // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 194–199.

⁴ Емельянов Е. Н., Поварницына С. Е. Психология бизнеса. М. : Армада, 1998. С. 255.

⁵ Зябриков В. В. Типология национальных деловых культур // Прогнозирование инновационного развития национальной экономики в рамках рационального природопользования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пермь, 2012. Т. 1. С. 264–281.

а устройство общества — как средство достижения этой цели, обеспечивающее реализацию *прав человека*. Вместе с тем предполагается личная ответственность человека за свои действия (бездействие). Среди аспектов индивидуализма Макс Вебер выделял такие необходимые бизнесмену качества, как чувство собственного достоинства, способность к самоуправлению, неприкосновенность частной жизни и возможность свободно развиваться. Важнейшей ценностью индивидуалистических культур является свобода, а паттерном (стереотипом поведения) — конкуренция.

Напротив, в коллективистских странах, таких как Китай, Япония, Сингапур, Индонезия, Россия, преобладает ориентация на общие цели и идеи, а интересы сообщества (семьи, клана, народа) доминируют над интересами индивидуума, поэтому совершенствование личности является лишь средством достижения групповых целей. Важнейшие ценности коллективистских культур — благополучие группы и справедливость, общие интересы в них преобладают над частными, поэтому очень важен мотив солидарности, а типичный паттерн (образец поведения) — сотрудничество.

Согласно второму параметру предлагаемой классификации — «рациональность–эмоциональность» (соответствует «обезличенность–личность лидера» на уровне фирмы) в группу рациональных входят те страны, где решения принимаются с преобладанием разума над чувствами, на основе здравого смысла, анализа и логических, последовательных рассуждений, выявления причинно-следственных связей и применения формализованных алгоритмов. Центральной фигурой в таких странах является человек-мыслитель с левополушарным мышлением.

Остальные страны, в том числе Россия, относятся к группе эмоциональных. Действительно, у нас эмоциональный интеллект зачастую играет в бизнесе большую роль, чем рациональное мышление. В таких странах решения принимаются обычно на основе интуиции и чувств, мышление имеет преимущественно образный характер, восприятие мира является целостным (синтетическим), гармоничным. Так принимает решения художник, обладающий правополушарным или двуполушарным мышлением.

Таким образом, русская деловая культура является коллективистской, эмоциональной и неоднородной,

поэтому Россия входит в азиатский кластер, которому на уровне фирмы соответствует культура лидера (культура семейного типа).

Предлагаемая классификация позволяет решить три основные задачи:

— культурное позиционирование страны в отношении деловой культуры;

— определение стран с совместимыми культурами для импорта инструментов менеджмента (для России это страны азиатского кластера);

— определение траектории культурной эволюции, и в первую очередь следующего типа культуры, переход к которому планируется. Россия может заимствовать инструменты и опыт менеджмента из стран соседних культурных кластеров. По общему признаку коллективизма это страны центральной (немецкой) группы, по схожему эмоциональному принципу принятия решений — страны северной (скандинавской) группы.

В то же время западная (американская) группа стран несовместима с восточной (азиатской), для которой характерна высококонтекстная семейно-клановая культура. Понятно, почему предпринятая в 1990-х годах попытка прямого (без адаптации) переноса американских методов ведения бизнеса на российскую почву потерпела неудачу.

Наконец, планирование *естественной* траектории развития русской деловой культуры указывает на переход от кланового типа в центральный кластер стран с бюрократической культурой, аналогично тому, как бюрократическая культура сменяет культуру лидера в организации при ее переходе из стадии детства в стадию юности.

Отметим, что инновационный путь развития России в эпоху постиндустриального капитализма предполагает использование *оптимальной*, а не естественной, траектории, предполагающей движение в сторону скандинавских стран с культурой профессионалов, что одновременно станет кратчайшим «путем в Европу». Согласно выдвинутой академиком Д. С. Лихачевым концепции происхождения России страна образовалась по линии Север–Юг под скандинавским и болгаро-византийским влиянием, поэтому движение России «на север» будет одновременно и возвращением к корням.

С. В. Игнатьева¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ (Теоретико-правовой аспект)

Процесс реформирования российской экономики, становление предпринимательского хозяйства, основанного на экономической самостоятельности, ответственности и конкуренции производителей, требуют переосмысления места и роли государства и права в экономике, форм и методов государственного воздействия с учетом соблюдения оптимального баланса механизмов рыночной саморегуляции и государственного регулирования рынка. Объективная необходимость государственного вмешательства в экономические процессы, обусловленная несопадением, а нередко и противоположностью интересов предпринимателей, производителей, потребителей и общества в целом, сегодня мало у кого вызывает сомнения. Такая противоречивость интересов обусловлена самим характером товарного (рыночного) хозяйства. Задача государства — смягчить эти противоречия, обеспечить эффективное функционирование бизнеса при условии социальной защищенности человека — в этом одно из важнейших направлений его деятельности как средства сохранения стабильности в обществе.

Однако диапазон взглядов на роль государства и степень его воздействия на рыночные отношения весьма расплывчат. За идеей государственного регулирования экономических и социальных процессов, общей и ценностной по своему характеру, стоит огромное множество концепций и теорий, различных по своей идеологической окраске и философско-мировоззренческой направленности, отвечающих курсу разнообразных политических движений и партий. Эти теории консервативные и либеральные, демократические и авторитарные, естественно-правовые и юридико-догматические.

В различных типах рыночной экономики роль государства различна. В одних моделях регулирующая роль государства менее значима (Англия, США), в других — значительно более весома (ФРГ, Япония, Франция), в третьих — государство занимает в экономике умеренные позиции (Италия, Испания). Однако каковы бы ни были роль и степень участия государства в рыночной экономике, ясно одно — государственность нельзя оторвать от хозяйственной жизни. И если уж встает вопрос, то не о государственности как таковой, а лишь о ее мере. Какой же ей быть в России? Перспективы

развития рыночных отношений в России во многом будут зависеть от правильного выбора общей концепции взаимодействия государства, права и экономики. Между тем разработка такой концепции, определение основных целей и ориентиров рыночных преобразований сегодня как никогда являются актуальной задачей.

В условиях жесткой борьбы за существование, конкуренции резко возрастает социальная поляризация общества, социальное неравенство различных групп населения. Вследствие этого возникают вопросы: берет ли на себя государство функцию регулирования распределительных отношений; правомерно ли перераспределение доходов между различными социальными слоями общества через государственный бюджет, налогообложение и кредитование; устарели ли идеи равенства и справедливости в новых условиях; можно ли создать общество социальной справедливости в условиях рынка?

Нам представляется, что ни авторитарное общество, ни социальное правовое государство в современных условиях не могут игнорировать принципы справедливости и общечеловеческой морали. Те же модели рыночного хозяйства, которые основаны на жестких стандартах, связанных с борьбой за существование, конкуренцией, минимизацией роли государства в социальной защите индивида, не применимы в России.

Решающими аргументами для реальной политики должны стать в первую очередь достигнутые результаты в социально-экономической сфере. Именно они должны быть самым объективным критерием правильности сделанного выбора или, напротив, необходимости смены курса. Наше общество уже исчерпало возможности определять ориентиры развития методом проб и ошибок, экспериментируя на практике. Слишком велика цена. Поэтому актуальной становится проблема моделирования социальной ситуации и разработка на этой основе научно обоснованных прогнозов развития рыночных преобразований в России.

Любое общество может успешно развиваться, если опирается на четко обозначенные реальные цели, на научно обоснованные прогнозы своего жизнеустройства. В современных условиях нет ясности в позиции государства по отношению к свободе хозяйствующих субъектов экономической жизни. Между тем этот вопрос находится в эпицентре политической, экономической, правовой и философской мысли уже несколько столетий, с момента зарождения буржуазных отношений.

Однако механический перенос западных экономических и правовых моделей, как мы уже отмечали, пока не дает положительных результатов в силу разных обстоятельств. Порой в качестве главного из них называют то, что российский человек в силу своей природы, психологии или, как сейчас говорят, менталитета не подготовлен к восприятию свободы, откры-

¹ Профессор кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Государство и предпринимательство в России», «Финансовое право», «Сравнительно-правовая характеристика концептуальных подходов к пониманию роли государства в условиях рыночной экономики в России и за рубежом», «Административная и налоговая ответственность за нарушение налогового законодательства» (в соавт.), «Механизм государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности», «Гражданско-правовые аспекты валютного регулирования», «Предпринимательская деятельность как объект государственного управления», «К вопросу о правовой природе валютных правоотношений» и др.

тому обществу. В связи с этим, создавая концепцию государственно-правового регулирования экономических отношений в нашей стране, необходимо, с одной стороны, опираться на опыт мировой цивилизации взаимодействия государства и рыночной экономики, учитывая нормы международного права, достижения философской, правовой, экономической мысли в решении этой проблемы. С другой — учитывать традиции и особенности культурно-исторического развития России. Такой междисциплинарный, комплексный подход к исследованию проблемы позволяет сформулировать концепцию, соединяющую воедино интересы развития государства с интересами конкретного товаропроизводителя как в сравнении с прежним опытом, традициями своей страны, так и с учетом общемирового цивилизационного процесса. Разработка такой концепции, объясняющей закономерности и особенности взаимодействия государства и новых субъектов экономических отношений в условиях нового геополитического статуса Российской Федерации, имеет не только большое теоретическое значение с позиций проблематики теории государства и права, концепции прав и свобод личности в демократическом обществе. Разработка такой концепции становится также актуальной практической задачей, ибо, не имея таких основных принципов и ориентиров регулирования экономических отношений, не могут быть определены направления развития экономического законодательства по конкретным сферам его действия. Для развития таких общих принципов и положений сформулированной концепции должны разрабатываться и приниматься отдельные законы: о собственности, акционерных обществах, банках, инвестиционной деятельности, налогообложении и т. п. Такая схема вполне логична и жизнеспособна, так как, с одной стороны, дает законодателю возможность программировать свою деятельность и, главное, принимать скоординированные между собой законы. С другой стороны, такой подход позволяет разрабатывать законопроекты с учетом тех закономерностей и способов самоорганизации системы, которые в наибольшей мере соответствуют новым, еще только зарождающимся общественным отношениям и будут способствовать их переходу на устойчивые формы своего развития в будущем.

Следует отметить, однако, что круг задач, стоящих на повестке дня в области практической реализации новой концепции государственно-правового регулирования рыночной экономики, гораздо более широк: нам предстоит не только сформулировать те основные идеи и принципы, которые лягут в основу новой философии предпринимательского права, но и дождаться формирования своего рода новой психологии в условиях рынка, поскольку при отсутствии последней, как указывает И. Ф. Покровский, трудно рассчитывать на эффективность сколь угодно концептуально проработанного правового механизма¹. Очевидно и то, что формирование такой психологии — достаточно непростой и довольно растянутый во времени процесс. Однако этот процесс может развиваться, лишь имея в своей основе ту новую философию права, которую предстоит сформулировать нашей науке.

Важным вопросом в деле практической реализации философии предпринимательского права является правовая культура, ее роль в утверждении верховенства закона, правопорядка, гарантий прав личности. Внимание к вопросам правовой культуры еще больше повышается в связи с развитием рыночных договорных отношений, реализация которых в значительной мере зависит от уровня правосознания и правовой культуры граждан и должностных лиц.

Отличительные традиции культурно-исторического, национального, духовного развития Российского государства необходимо учитывать при разработке механизма социальной адаптации общества к современным условиям реформирования экономики, что является одной из важнейших задач переходного периода.

Без воздействия государства на эти процессы невозможно реальное преобразование общества. Такое воздействие особенно важно в сфере защиты прав человека, в стремлении смягчить негативные последствия рыночных отношений.

В наших реалиях правового нигилизма и произвола, когда современный российский рынок складывается в значительной мере криминальным путем, а тяготы общества за производимые преобразования имеют непомерно высокую цену, идея становления правового социального государства приобретает особую остроту.

¹ Покровский И. Ф. Формирование правосознания личности. Л. : ЛГУ, 1972.

М. В. Карасева (Сенцова)¹

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ПУБЛИЧНЫЕ ФИНАНСЫ: ДИАЛОГ ПОДСИСТЕМ КУЛЬТУРЫ

Право представляет собой многозначный феномен, а именно: политический, экономический, культурный и др. Право как явление культуры так или иначе воплощает в себе все ценностные установки культуры данного исторического периода. Поскольку право является нормативным регулятором общественных отношений, постольку и ценностные установки времени, то есть культурные постулаты, выражаются в нем прежде всего через правовые нормы, то есть правила поведения. Отсюда можно говорить о праве как нормативно-ценностном потенциале духовной культуры². Однако надо понимать, что право как нормативно-ценностный потенциал культуры является не только выразителем существующей общечеловеческой культуры, но и одновременно ее причинным фактором. Иначе говоря, «ценностные установки самого права можно рассматривать в качестве общих контуров правовой культуры любого общества»³. Не случайно к историческим памятникам правовой культуры относят не только законодательные и судебные, но и определенные философские тексты, юридическую публицистику и т. д.⁴

Ценностный потенциал культуры объективируется через право и в праве неоднозначно. Это обусловлено тем, что право не монолитно, а представляет собой систему, в которой выделяются прежде всего различные отрасли права. Каждая отрасль права, будучи связана с другими в систему, в то же время относительно обособлена, то есть регулирует относительно обособленный круг общественных отношений. В связи с этим проявления каждой отрасли права как субкультурного феномена могут быть достаточно своеобразны, автономны и т. д. Можно заметить, что каждая отрасль права как феномен субкультуры весьма специфично выражает общие культурные ценности современности и в то же время имеет весьма специфичные ценностные установки, обусловленные особенностями самой отрасли права. Например, важнейшей ценностью гражданского права как отрасли, регулирующей экономические отношения, является свобода гражданского догово-

ра, а одной из ценностей уголовного права — неотвратимость наказания за совершенное преступление.

Если говорить о праве как явлении культуры в контексте с экономикой, то ярче всего, пожалуй, этот аспект может быть проявлен в сегменте «финансовое право — экономика». Это обусловлено тем, что финансовое право — это отрасль права, непосредственно регулирующая экономические отношения, а точнее — ту часть этих отношений, которая составляет публичные финансы.

Финансовое право, будучи непосредственно связанным с экономикой, а точнее, с публичными финансами, позволяет при рассмотрении его во взаимосвязи с последними в контексте культуры выявить определенные тенденции.

Прежде всего анализ финансового законодательства и публичных финансов свидетельствует, что эти феномены как подсистемы культуры развиваются совершенно синхронно. Причина этого главным образом в том, что отношения публичных финансов в подавляющем большинстве случаев не существуют иначе как в правовой форме. Поэтому *важнейшей особенностью развития публичных финансов и финансового права в контексте культуры является то, что культурные ценности в этом сегменте проявлены почти всегда в единстве и тождестве. Точнее, ценностные установки финансового права можно рассматривать в большинстве случаев одновременно и как контуры культуры в сфере публичных финансов. Соответственно судить о них легче всего исходя из анализа финансового законодательства и финансового права в целом.*

Подходя к анализу культурной составляющей публичных финансов и финансового законодательства, надо иметь в виду, что ценностные установки в сегменте этих явлений так или иначе в своем формировании обусловлены обязательным присутствием в этих отношениях публичного субъекта (государства, муниципальных образований) и его максимальной заинтересованностью в их развитии. Соответственно *для публичных финансов, как и для финансового права, важнейшими культурными ценностями являются налоговая законопослушность и финансовая дисциплина.* Не случайно одной из актуальных задач сегодняшнего дня является проблема развития налоговой культуры в обществе. Однако достижение вышеназванных культурных стандартов невозможно без того, чтобы в сфере публичных финансов и финансового законодательства не соблюдались ценностные установки культуры в самом широком понимании, то есть не обеспечивался бы баланс сил и интересов членов сообщества, что позволяет сбалансировать общественные отношения и создать условия для их эволюции⁵. В сфере публичных финансов и финансового права баланс интересов как культурная установка со-

¹ Заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Бюджетное и налоговое правовое регулирование: единство и дифференциация» (в соавт.), «Бюджетное и налоговое право России: политический аспект», «Деньги в финансовом праве», «Финансовое правоотношение», «Tax law in Russia» и др. Директор Российского филиала Центра информации и организации исследований публичных финансов и налогового права стран Центральной и Восточной Европы. Член научного комитета Европейской ассоциации профессоров налогового права (Нидерланды), член редакционной коллегии журнала «Финансовое право».

² См.: Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 5.

³ См.: Максимова Е. Е. Право как феномен культуры. URL: <http://pravnist.ru>.

⁴ Борц И. В. Право и литература — направление в зарубежных междисциплинарных исследованиях // Государство и право. 2013. № 9. С. 73.

⁵ См.: Ромашов Р. А. Правовые культуры России и Запада: существует ли двухсторонняя интеграция? // Философия права

временности проявляется прежде всего через баланс интересов налогоплательщика и государства. Данная культурная установка в налоговом законодательстве и публичных финансах весьма важна, ибо обеспечивает политику налоговой справедливости, без реализации которой сегодня невозможно достижение интересов государства в сфере налогообложения, а параллельно — обеспечение налогового законопослушания и финансовой дисциплины.

Проявления баланса интересов налогоплательщика и государства в налоговом законодательстве весьма многообразны. Прежде всего налоговый законодатель, устанавливая право налогоплательщика на зачет и возврат излишне уплаченных, а также возврат излишне взысканных налогов, предусматривает возможность ответственности государства за задержку возврата этих налогов (ст. 78 и 7 НК РФ). Таким образом, интересы государства в получении налоговых платежей и обеспечении доходной базы бюджета балансируются с интересом налогоплательщика на своевременный и полноценный возврат излишне уплаченных, а тем более взысканных налогов. Разновидностью баланса финансовых интересов государства и налогоплательщика являются налоговые вычеты, которые широко применяются в налоговом законодательстве. Суть вычетов (профессиональных, имущественных, социальных) заключается в том, чтобы суммы денежных средств, законно изымаемых в пользу государства, не достигали размеров, при которых значительно ухудшалось бы материальное положение физических лиц. Перечень проявлений баланса интересов налогоплательщика и государства в налоговом законодательстве и публичных финансах может быть продолжен.

Помимо отмеченного нельзя не заметить, что такие традиционные для западной культуры либеральные тенденции, как гражданская инициатива, переход к гражданскому обществу публичных функций, начинают постепенно проникать в отечественное право и экономику. При этом в сфере публичных финансов и финансового законодательства переход к гражданскому обществу публичных функций как элемент правовой культуры современности проявляется весьма специфично. Сегодня в отмеченной сфере такой переход недостаточно фиксирован, ибо представлен системой парафискальных сборов, которые появились относительно недавно. Фактически государство вместо реализации своего права на установление налога устанавливает сборы, право взимания и использования которых передается негосударственным субъектам. К числу таких сборов сегодня относятся: сборы с производителей и импортеров звукозаписывающих устройств, плата за загрязнение окружающей природной среды, третейские сборы, страховые взносы в Агентство по страхованию вкладов, отчисления на цели энергосбережения и др.

Парафискальные сборы существуют во многих государствах Запада. В этом отношении следует констатировать, что Россия в сфере развития финансового

законодательства использовала элементы правовой культуры западных стран.

В целом следует подытожить, что *синхронность развития финансового права и публичных финансов как подсистем культуры предполагает одновременное включение в это развитие ценностей как общечеловеческой, так и правовой культуры.*

Однако нельзя не заметить и другое явление. В случае конкуренции ценностей правовой культуры и экономических (финансовых) ценностей, имеющих не менее важное культурное значение, приоритет, по крайней мере иногда, отдается экономическим культурным ценностям.

Надо признать, что одной из важнейших экономических культурных ценностей, а точнее финансовых, является государственный бюджет, который относится прежде всего к числу материальных общественных благ. В демократическом государстве бюджет является национальным достоянием, показателем национального богатства. Вместе с тем бюджет государства является одновременно и плановым актом, появление которого в истории человеческой цивилизации требовало возникновения и развития определенных демократических институтов, определенного духовного роста нации. Ведь бюджет как акт, содержащий все статьи доходов и расходов, обеспечиваемый строгой ответственностью исполнительной власти и контролем, появился из потребности государства в расширении доходных источников казны, а также из потребности сословий (народного представительства) в контроле за расходованием финансовых ресурсов¹. В связи с этим бюджетное устройство, уровень бюджетной дисциплины, разработанность правового регулирования в сфере бюджета также являются показателями финансовой и одновременно правовой культуры общества.

Вся финансовая деятельность государства опосредует бюджет, «завязана» на нем. Соответственно наполнение бюджета, обеспечение поступления в бюджет доходов — приоритетная задача государства на каждом историческом этапе. Правовое регулирование уплаты налогов в бюджет как основного бюджетного дохода осуществляется в рамках налогового права, являющегося составной частью права финансового. Уплата налогов является конституционной обязанностью (ст. 57 Конституции РФ). Исходя из этого, по логике правового регулирования неуплата налогоплательщиком в бюджет налога должна признаваться в качестве правонарушения, за которое следует юридическая ответственность. Последняя при рассмотрении ее в контексте анализа культуры также представляет собой явление правовой культуры. Однако Налоговый кодекс РФ за неисполнение налогоплательщиком налоговой обязанности предусматривает не применение мер юридической ответственности, а принудительное исполнение налоговой обязанности путем обращения взыскания в бесспорном порядке на денежные средства, а затем и имущество организации и индивидуального предпринимателя (ст. 46, 47 НК РФ).

в России: история и современность / под ред. В. Г. Графского. М., 2009. С. 59.

¹ См.: *Озеров И. Х.* Основы финансовой науки. М., 1908. Вып. 2. С. 3.

Возникает вопрос: в чем причина такой позиции законодателя? Ответ достаточно прост: применение мер юридической ответственности в вышеуказанной ситуации приводило бы к затруднениям в наполнении бюджета, ведь юридическая ответственность требует установления вины налогоплательщика и соответственно деятельности суда или иного специального органа, а также соблюдения определенной установленной законом процедуры. Поскольку неисполнение налогоплательщиком своей налоговой обязанности — явление не исключительное, а рядовое, постольку применение к нему мер юридической ответственности в каждом случае потребовало бы больших затрат государства и задержки в поступлении доходов в бюджет.

Итак, в контексте рассмотрения публичных финансов и налогового права как явлений культуры следует констатировать, что в системе конкуренции экономических и юридических культурных ценностей, то есть бюджета и юридической ответственности, бюджет представляет собой более значимую культурную ценность, нежели юридическая ответственность.

Причина этого заключается не в неравенстве экономической и правовой культуры, а в целесообразности сохранения в некоторых случаях явлений материальной культуры (бюджета), даже, если это необходимо, через игнорирование некоторых ценностей правовой культуры (юридической ответственности).

Е. А. Куikliна¹

«ГЕОМЕТРИЯ» РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Для обеспечения будущего нашей цивилизации необходимы переход в ноосферу и выполнение условий коэволюции, то есть единства общества и природы. Это означает кардинальную перестройку не только самой общественной структуры человечества, но и всего характера его эволюционного развития. Человек должен, по существу, создать новую (ноосферную) нравственность, культуру, сформировать ноосферное мировоззрение.

О неизбежности перехода биосферы в ноосферу В. И. Вернадский говорил еще в начале XX века, что и явилось основой для формирования научных предпосылок феномена, который позже получил название концепции устойчивого развития.

Обеспечение устойчивого развития — объективно обусловленная тенденция, одна из закономерностей становления гуманистически-ноосферного постиндустриального общества, магистральный путь эволюции ноосферы (по В. И. Вернадскому) и обеспечения коэволюции общества и природы (по Н. Н. Моисееву).

За период времени, прошедший после опубликования доклада «Наше общее будущее», — более 25 лет, ситуация в мире изменилась. Необходимость учета существенной динамики изменения факторов внешней и внутренней среды требует актуализации концепции устойчивого развития в условиях современных инно-

вационных вызовов и угроз. И прежде всего данный тезис относится к необходимости актуализации целей устойчивого развития.

Традиционно считалось, что целями развития того типа, который ассоциируется с устойчивым развитием, являются три цели — экономического, социального и экологического характера. В настоящее время следует говорить о четырех целях устойчивого развития, которые можно определить как экономическая эффективность, социальная справедливость, экологическая целостность и экономическая (технологическая) безопасность.

Ранее с целью визуализации устойчивое развитие можно было представить в виде равностороннего треугольника («треугольника устойчивого развития»), вершинами которого являлись соответствующие цели (экономическая, социальная и экологическая), а площадь треугольника можно было определить как «пространство устойчивого развития». В современных условиях необходимо дополнение этой геометрической фигуры осью, которая проходит внутри треугольника и является неким «ребром жесткости». Означенная ось идентифицируется с экономической безопасностью, то есть четвертой целью устойчивого развития. Таким образом, «треугольник устойчивого развития» (как двухмерная фигура) становится трехмерной фигурой — «пирамидой устойчивого развития».

Критерием успешности экономической системы является способность отражать угрозы и минимизировать риски, чтобы «быть всегда»². Таким образом, экономическая безопасность может быть достигнута в том случае, если степень зависимости от доминирующей экономики, а также степень обострения внутриполитической, социальной и экономической ситуации не превышают предела, который грозит потерей национального суверенитета, значительным снижением уровня и качества жизни населения, экологической

¹ Заведующая кафедрой макроэкономического регулирования, профессор кафедры экономической теории и прикладной экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук. Автор 165 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Инвестиционная стратегия развития Северо-Востока России в условиях рыночной экономики», «Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов», «Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами», «Современные проблемы управления социально-экономическими системами и процессами» (в соавт.), «Устойчивое развитие России в контексте ноосферной парадигмы развития» (в соавт.), «Российский и зарубежный опыт стимулирования частных инвестиций: инвентаризация налоговых льгот и прочих мер поддержки» (в соавт.).

² Национальная идея России : в 6 т. / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М. : Научный эксперт, 2012. Т. VI.

катастрофой либо срывом достижения глобальных стратегических целей.

С чем ассоциируется достижение социальной цели устойчивого развития в современных условиях глобализации и обострения конкуренции за ресурсы? Если рассуждать в глобальном контексте, то это прежде всего рост социокультурной значимости страны, повышение ее социокультурного веса на мировой арене. Эта цель «заточена» на сохранение национальных черт и особенностей народов, ее населяющих, актуализацию национальных традиций и ценностей, ярко выраженную специфику национального менталитета, наличие распознаваемых цивилизационных алгоритмов, цивилизационных фильтров и барьеров в процессе социокультурной интеграции стран глобализирующегося мира. Для достижения этой цели необходимы консолидация на основе разделяемой всеми гражданами объединяющей национальной идеи, защита национальных интересов, ценностей и идеалов.

К сожалению, массовая культура в ряде случаев оказалась сильнее национального культурного ядра многих успешных в экономическом отношении стран. В глобальном мире в стремительном потоке социокультурных взаимодействий и агрессивной культурной экспансии выживают лишь те культуры, которые оказываются способными адаптироваться к стремительно меняющемуся миру, не теряя при этом своей уникальности и самобытности.

Сегодня уже неоспоримым фактом является циклический характер развития мировой экономики. В основе экономического развития лежит смена технологических укладов, а кризисы, войны, стандарты потребительского поведения, образ жизни и прочее определяются циклами технологического развития; именно смена технологических укладов выступает движущей силой технологических и социально-экономических прогрессивных изменений в мире.

По оценке Ю. В. Яковца¹, шестой технологический уклад вступит в фазу зрелости в 2030–2040-е годы, после чего начнется его понижающая волна и подготовка к освоению седьмого технологического уклада, который будет определять конкурентоспособность на мировых рынках товаров и услуг в 2060–2070-е годы. Технологии шестого уклада — это, безусловно, иные критерии оценки человека как создателя, иная шкала иерархии ценностей, иные высшие принципы ценности. Таковыми высшими принципами ценности, по нашему мнению, должны быть: социальный гуманизм; экономический рост и экономическое развитие; устойчивость долгосрочного экономического роста и развития; экономическая и технологическая безопасность.

В данном контексте речь идет о перспективе революции сознания, которая утвердит новую шкалу оценок и приоритетов развития и прогресса в соответствии с цивилизационным генетическим кодом каждой нации, определяющим историческую преемственность в развитии «локальных» цивилизаций. Именно цивилизационный генетический код включает время рождения цивилизации, ее исторические корни, их древность и направленность в дальнейшем развитии, культурную

и ментальную идентичность, традиции и особенности труда, иерархий, концепций и типов управления.

Предсказывать будущее — дело достаточно неблагодарное, можно только говорить с некоторой вероятностью о неких тенденциях и закономерностях, прогнозах циклов развития и т. д. Если рассуждать о том, какие характеристики будут соответствовать социуму шестого, седьмого и последующих за ними технологических укладов, то можно с уверенностью сказать: это будут «умные» люди, находящиеся на вершине «пирамиды потребностей» А. Маслоу. И чем дальше, тем больше будет абсолютный показатель «умности», обусловленный их культурными (как минимум) и ноосферными (как максимум) кодами. По мнению академика Л. И. Абалкина², Россия готова к будущим качественным переменам, если они будут признаны всеми членами общества и будут обеспечивать социальный прогресс. Наиболее предпочтительным решением проблемы этих перемен является стратегическая реализация в сотрудничестве с мировым сообществом.

В последние годы произошли значительные изменения в Вестфальской системе мира, складываются новые контуры геополитического пространства и новая система глобального мира. Как нам представляется, в настоящее время в создании современной архитектуры мира существует тенденция к формированию «треугольника цивилизаций» с тремя вершинами: «североамериканской» (США); «тихоокеанской» (Япония, Китай и Южная Корея); «европейской» (Россия и Западная Европа).

США находятся на вершине «технологической пирамиды»³ и обладают достаточным потенциалом для непрерывного создания новых технологических принципов, что, собственно, и обуславливает их устойчивое стремление к экспансии, вытеснению всех геополитических противников из всех возможных зон, «цветным» революциям. «Тихоокеанский» претендент на лидерство в глобальном развитии, основными акторами которого являются Япония и КНР, обуславливает свое место в «цивилизационном треугольнике» 25–30 % мирового рынка нанотехнологичной продукции и 3,5 % ВВП доли расходов на науку (Япония), а также устойчивыми темпами экономического роста в 10 % на протяжении длительного периода времени (КНР). При этом не следует забывать, что реализация суперактивной модели развития инновационной экономики Японии базируется на национальной идее — «превращение в нацию, основанную на интеллектуальной собственности». И в этой глобальной архитектуре современного мира миссия России — уравновешивать «североамериканский» и «тихоокеанский» полюса развития, поддерживать баланс.

Результаты научных исследований процессов развития экономических систем, цикличности динамики, смены технологических укладов необходимо оценивать в терминах и категориях мировой экономической мысли; это — результат интернациональной мысли ученых всего мира. Основополагающими для теории

² Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения : очерки. М. : Наука, 2002.

³ Деягин М. Г. Драйв человечества: глобализация и мировой кризис. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2009.

¹ Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М. : Наука, 1999.

экономического развития, раскрывающими характерные для нее свойства неравновесности, неравномерности и цикличности, являются научные школы, развивающие работы русского ученого Николая Кондратьева и австрийского ученого Йозефа Шумпетера. Продолжая традицию Н. Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, исследователи инноваций распространили их не только на технологию и экономику, но и на другие сферы жизни общества, включая науку, политическую и социальную жизнь, культуру, этику, религию. Так, в разгадках тайны инновационной динамики, закладывании основ теории инноваций в ритме циклично-генетических закономерностей развития общества принимали участие:

— Питирим Сорокин (Россия–США) — обосновал объективность повышения активности совокупности различных цивилизаций (в том числе КНР, России, Японии, Индии) и устранения доминирования западной цивилизации;

— Саймон Кузнец (Россия–США) — эмпирически обосновал толкование экономического роста, которое привело к новому, более глубокому пониманию экономической и социальной структуры и процесса развития в целом;

— Фернан Бродель (Франция) — обосновал наличие не только полувековых кондратьевских циклов, но и вековых трендов протяженностью от 150 до 300 лет;

— Герхард Менш (Германия) — обосновал положение о базисных, улучшающих и псевдоинновациях,

взаимосвязи долгосрочных циклов в области изобретений, инноваций в экономике;

— Арнольд Тойнби (Великобритания) — доказал, что рост цивилизации является поступательным движением и цивилизация развивается «благодаря порыву, который ведет их от вызова через ответ к дальнейшему вызову»;

— Ю. В. Яковец (СССР–Россия) — обосновал концепцию взаимосвязи различных по длительности циклов развития общества и разных его элементов (сфер), включающих триаду родственных мировых цивилизаций;

— Масааки Хироока (Япония) — доказал, что длинноволновые циклы всей мировой экономики синхронизированы и индустриализация запоздавших стран пришлась на периоды подъема кондратьевских циклов.

Весь ход нашей истории убеждает, что только путем активизации творческих начал человека в процессе экономической и социальной деятельности могут быть реализованы его надежды на лучшее. Сотрудничество стран и народов, обмен знаниями, взаимное ознакомление с достижениями в науке и образовании, литературе и искусстве, то есть диалог культур и партнерство цивилизаций, облегчают нахождение международного согласия и открывают участникам дополнительные возможности поступательного развития.

В. В. Лапаева¹

ПРИВАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В настоящее время все мы переживаем переломный момент в общемировом культурном развитии, который ознаменован крахом социалистической системы, претендовавшей на создание привлекательной для всего человечества модели общества будущего. Суть этой модели, ее теоретическая квинтэссенция, полностью воплотившаяся на практике (что лишает смысла все разговоры о каком-то еще возможном «хорошем» социализме), состояла в уничтожении частной собственности и создании экономики на базе обобществления средств производства. Поэтому главным инструментом слома социалистической системы стала приватизация так называемой социалистической собственности. После первой, самой мощной волны приватизации, пришедшейся на 1990-е годы, прошло уже 20 лет.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правового понимания: правовая теория и практика», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и многопартийность в современной России», «Право и политика: из научной публицистики»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Советник Конституционного Суда РФ. Член редколлегии журнала «Социс». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

Однако до сих пор это общецивилизационное по своим масштабам и последствиям событие, обозначившее водораздел между разными историческими эпохами (до и после социализма), не стало предметом серьезного научного анализа и широкого общественного обсуждения.

Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что отношение к приватизации социалистической собственности зависит от понимания места и роли социализма в общецивилизационном прогрессе человечества. А в этом вопросе существует уже упрочившийся в веках раскол позиций между левой идеей отрицания частной собственности, которая не утратит своей актуальности до тех пор, пока собственность на средства жизнеобеспечения не будет доступна каждому человеку, и правой идеологией, увязывающей свободу с наличием частной собственности. Для преодоления этого раскола, исключающего возможность конструктивного диалога, необходима теория, которая способна диалектически снять антагонизм между противниками и сторонниками частной собственности. С позиций такого подхода я и хотела бы рассмотреть поставленную проблему.

Если оставить в стороне уже утратившие научную актуальность постмодернистские представления

о безвекторном (хаотичном) движении истории и согласиться с тем, что основное направление общечивилизационного развития задано продвижением человечества по пути к свободе, то вопрос можно поставить так: «Является ли социализм ошибкой истории или это некий промежуточный этап на пути к большей свободе, который подготовил почву для возможного рывка?». Признание социализма исторической ошибкой означает, что для возврата на путь капиталистического развития «все средства хороши», главное — сделать это как можно быстрее. Если же исходить из того, что «история не делает таких эпохальных ошибок»¹, то надо интерпретировать социализм как строй, содержащий в себе потенциал для перехода не к коммунизму (жизнь показала, что этот путь заблокирован), а к какому-то иному, принципиально новому обществу устройству.

Чтобы понять, о каком обществе может идти речь, необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, почему возврат на рельсы капиталистического развития сталкивается с такими серьезными, а для ряда стран (в том числе и для России) скорее всего непреодолимыми трудностями. Вопрос, на который надо ответить, звучит так: «*Можно ли ожидать, что в обозримой перспективе на базе проведенной приватизации сформируется нормальная рыночная экономика и адекватные ей политико-правовые формы?*». Этот вопрос с разной степенью интенсивности актуален для всех постсоциалистических стран. Рассмотрим его на примере российского опыта.

В настоящее время у нас и во властных структурах, и в научном сообществе, по-видимому, преобладает оптимистическая оценка перспектив капиталистического развития страны. В целом сложилось представление о том, что в России уже существуют все формальные атрибуты рыночной экономики — частная собственность, господствующие позиции негосударственного сектора, рыночная инфраструктура и т. д. Созданы и формальные институты демократии, которые, правда, носят еще имитационный характер. При этом неразвитость демократических институтов, их несоответствие существующим в этой области международным стандартам оцениваются по-разному.

Сторонники теорий евразийства, византийства и иных подобных идеологических конструкций, обосновывающих политико-правовую самобытность России, считают, что западная модель правовой демократии, в основе которой лежит принцип приоритета прав человека, не адекватна российской ментальности, ориентированной на приоритет общественных и государственных ценностей. Они полагают, что рыночную экономику в России надо строить с опорой на авторитарные инструменты управления, и любят при этом ссылаться на Китай. Однако такой подход не учитывает, что *демократические институты являются имманентным элементом рыночной экономической системы*. Хорошо изученный правовой опыт Запада (чего нельзя сказать о правовой практике современного Китая) свидетельствует о том, что принципиально

важный для рыночной экономики баланс между свободным развитием экономических отношений и их публично-правовым регулированием может быть найден только на основе реальной политической конкуренции. Как показывает практика, именно живая многоканальная связь экономической подсистемы общества со всеми иными социальными подсистемами за счет механизмов парламентского представительства социальных интересов способна обеспечить нормальное развитие цикличной по своей природе рыночной экономики. Без политической конкуренции, главным признаком которой является периодическая ротация властных элит по итогам демократических выборов, невозможно уловить тот момент, когда перекося в сторону слишком «свободного» рынка означает поворот к монополизации экономики либо, напротив, когда чрезмерное вмешательство со стороны государства начинает блокировать развитие частной инициативы. А значит, невозможно обеспечить экономическую конкуренцию (основу рыночной экономики), даже если властные элиты будут искренне к этому стремиться. Экономика, функционирующая в отсутствие демократии, — это скорее всего лишь имитация рыночной экономики. Возможно, что в течение какого-то периода она может быть эффективной за счет привходящих, то есть не относящихся к самой экономике, внешних факторов. Но подобный исторически случайный опыт не поддается воспроизведению и не может быть взят за ориентир.

Другие оптимисты, полагающие, что можно выстроить рыночную экономику на базе уже сложившихся отношений собственности, считают, что для этого необходимо лишь обеспечить надлежащую демократическую инфраструктуру, то есть создать независимую и некоррумпированную судебную систему, вырастить «класс неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев»², сформировать представительную власть, способную к адекватному законодательному выражению социальных интересов и т. д. Но они не учитывают, что *демократия как политико-правовая форма опосредования капиталистической экономики выросла из преодоления феодального симбиоза власти и собственности*. Этот процесс не был, а возможно, и не мог быть доведен до конца в рамках капиталистической системы, что в значительной мере обуславливает известные недостатки современной демократии. Но данное обстоятельство не меняет того, что демократические институты формируются только на базе разграничения власти и собственности и что степень демократии определяется мерой такого разграничения. Между тем приватизация, проведенная в России в 1990-е годы, привела как раз к слиянию власти и собственности.

Неверно думать, что социалистическая административно-командная система была тем симбиозом власти и собственности, от которого мы ушли благодаря разгосударствлению общенародной собственности путем ее приватизации. Для такого симбиоза нужна была реальная собственность, соответствующая экономическому и правовому смыслу данного понятия.

¹ Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 137.

² Неэкономические грани экономики: непознанное взаимодействие / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. С. 23.

Но социалистическая собственность, как писал академик В. С. Нерсесянц, — это не собственность в строгом смысле слова, а сплав «монополии коммунистической политической власти с монополией хозяйской власти... централизованный фонд производительных сил страны (включая и самих производителей), находящийся в ведении монопольной коммунистической власти»¹. Отсюда следует, что социалистическое государство было не субъектом права собственности, но лишь «деспотическим представителем общества, который распоряжается общественным достоянием не на основе права и не в правовых (и экономико-правовых) формах, а посредством диктаторских, принудительно-командных методов и средств»².

Так называемая социалистическая собственность принадлежала не государству, а народу. Именно благодаря приватизации была изменена природа социалистической квазисобственности, и она впервые на самом деле — в экономико-правовом смысле — была огосударствлена: государство наравне с созданными им другими частными собственниками стало полноценным субъектом рыночных отношений. Таким образом, *приватизация как неправовая форма десоциализации общенародной собственности означала не разгосударствление этой собственности, а, напротив, ее огосударствление*. А поскольку государство в лице своей бюрократии создавало новых собственников по своему усмотрению (иное при такой модели десоциализации собственности просто невозможно), то слияние власти и собственности было неизбежным. Избранная же при этом самая неправовая, то есть самая произвольная, самая пренебрежительная к интересам большинства граждан, схема приватизации³ лишь усугубила неправовой характер демонтажа социалистической экономической системы, но не породила его.

С позиций такого подхода пресловутая российская коррупция — это всего лишь верхушка айсберга, точнее — видимая часть того краеугольного камня, который лежит в основе нашей экономики, а именно *неофеодального симбиоза власти и собственности*. Подобная основа нынешней экономической системы порождает нелегитимность собственности, зависимость крупных собственников от власти, непрекращающийся передел собственности, бегство капитала из страны и неизбежно вытекающие из этого негативные последствия для социально-экономического развития России. Неофеодальная основа отношений собственности во многом предопределяет и соответствующие ей политико-правовые формы. Во многом, но не во всем, что оставляет надежду на развитие.

Если оценивать ситуацию с большой долей мрачного оптимизма, то можно сказать, что эта надежда связана с тем, что с точки зрения уже известной логики исторического развития от социалистического рабства через неофеодализм в принципе можно когда-нибудь

¹ Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 10.

² Там же.

³ По классификации Мирового банка российская приватизация обозначена как инсайдерская (См.: Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. 2-е изд. М., 2010. С. 336).

прийти к капитализму. Но у России нет возможности, как прежде, веками «вариться в собственном котле». Если наша страна в ближайшее время не впишется в процессы глобализации с присущей им универсализацией политико-правового развития, то ее место в глобальной экономике будет определяться потребностями других стран в природных ресурсах.

Сказанное означает, что движение к реальной демократии надо начинать уже сейчас. А параллельно с этим на развивающиеся демократические институты надо предпринимать возможные шаги, направленные на *разграничение власти и собственности*. Для этого прежде всего необходимо начать общественную дискуссию, по итогам которой можно было бы нащупать контуры приемлемого на данный момент *общественного договора о собственности*. Это очень трудный, а возможно и взрывоопасный дискурс, успех которого в немалой степени будет зависеть от научного сообщества, являющегося в сложившихся условиях, пожалуй, наиболее компетентным и ответственным субъектом социального процесса. А поэтому до широкого общественного обсуждения необходимо всесторонне проанализировать проблему (которую, честно говоря, мы до сих пор замалчивали) в научной среде.

В основе научного анализа социальных реалий всегда лежит некая априорная теоретическая конструкция, которая служит исходным критерием для оценки данной реальности, а затем меняется или уточняется по итогам исследования. В данном случае нам нужна *идеальная* (в смысле — предельно желательная) *модель правовой десоциализации общенародной собственности*. С позиций наиболее теоретически последовательного, на мой взгляд, понимания права как формы и меры свободы в общественной жизни, определяемой на началах формального равенства, в юридической науке предложена теоретическая конструкция, опирающаяся на следующие положения.

1. *Идея десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации изначально имела неправовой характер*, поскольку это общественное (а вовсе не государственное!) достояние не может быть передано отдельным частным (то есть не всем, а некоторым) лицам.

2. Общенародный характер социалистической собственности означает, что все мы — наследники этой собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано *право на равную долю во всей десоциализуемой собственности*, то есть право на индивидуализированную (но не частную, потому что она есть у каждого) гражданскую собственность.

Речь, разумеется, идет не о физическом делении поровну самих объектов собственности, а о применении юридической конструкции равнодолевой собственности, которая передается в аренду, то есть во владение и пользование того лица, которое решит стать хозяйствующим субъектом. В такой конструкции гражданская собственность — это прирожденная и неотчуждаемая доля в том социалистическом наследстве, которое сложилось в результате насильственного обобществления средств производства, а затем было сохранено

и упрочено трудом нескольких поколений советских людей. Помимо этого, каждый может сколь угодно наращивать свою собственность в рамках рыночных отношений. По мнению автора этой идеи — В. С. Нерсисянца, общество, где все граждане имеют прирожденное и неотчуждаемое право на определенный минимум собственности, — это новый тип общественного устройства (*цивилизм*), представляющий собой диалектический синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности (которая по природе своей может быть лишь у некоторых, но не у всех), и социализма, отрицающего частную собственность.

Подобные идеи не могли быть реализованы в постсоветской России, что стало ясно уже после первого этапа массовой приватизации, в результате которого заметно поубавился романтический подъем, связанный с крахом социализма. А последующее развитие событий обнажило такие неожиданные характеристики российского общества, которые еще предстоит осмыслить. Однако все это, разумеется, не снижает критерияльного значения рассматриваемой правовой конструкции для оценки предстоящего нам общественного договора между большинством членов общества, лишенным собственности на средства производства, меньшинством, получившим собственность

по итогам приватизации, и государством, выступающим в двух своих ипостасях — в качестве собственника огосударственных объектов социалистической собственности и в качестве публичной власти. Без такого договора, который смог бы в достаточной степени легитимировать собственность путем корректировки итогов приватизации, трудно рассчитывать на возможность нормального экономического и правового развития России.

А в общеисторическом масштабе концепция общественного строя с неотчуждаемым минимумом индивидуальной собственности — это возможный вариант решения актуальной задачи, которую И. Валлерстайн (один из наиболее авторитетных современных критиков капитализма как неэгалитарной социальной системы) обозначил так: «Наша задача сегодня, и на ближайшие пятьдесят лет, — задача утопистики. Это задача — представить себе и, преодолевая преграды, попытаться создать <...> новый социальный порядок. <...> Мы должны вступить в громадный всемирный мультителог, ибо решения никоим образом не очевидны. И те, кто желает продолжать настоящее под другими личинами, очень сильны. <...> Пусть это будет конец ложной современности и начало, впервые, истинной современности освобождения»¹.

Л. Ф. Лебедева²

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Международная миграция населения, охватившая почти все страны и территории мира и затрагивающая интересы миллиардов жителей как в принимающих, так и в отдающих мигрантов государствах, стала важнейшим фактором развития человеческого общества, взаимодействия культур. Активизация миграционных процессов не ограничивается количественным ростом числа мигрирующего населения, доли иммигрантов в населении принимающих стран, влияния мигрантов на рынок труда, но приводит также к глубоким социально-культурным изменениям. Способствуя взаимовлиянию культур, международная миграция населения

в то же время может привести к возникновению межкультурной напряженности.

Тенденции международной миграции населения в конце XX — начале XXI века позволяют говорить о новом этапе влияния миграционных процессов на расширение возможностей для межкультурных коммуникаций народов, стран, цивилизаций; на осознание разными обществами как носителями определенного культурного наследия необходимости поиска новых подходов к достижению взаимопонимания, развитию диалога культур.

Адекватная оценка этих возможностей и потенциально конфликтных ситуаций, вызванных расширением миграционного обмена, требует комплексного анализа социальных, культурных, экономических, правовых аспектов международной миграции населения. Но прежде всего — глубокого понимания, что мигранты — это носители определенной культуры, то есть всего того, что создано людьми в процессе физического и умственного труда, социальной организации, формирования общественного сознания, представлений, поведенческих моделей.

В эпоху глобализации международная миграция населения способствует расширению спектра форм межкультурного взаимодействия, охватывая обмен накопленными знаниями, опытом, навыками, подходами к решению как региональных, так и глобальных проблем; концепциями, научными достижениями и т. п. Однако следует учитывать, что процесс

¹ Валлерстайн И. После либерализма М., 2003. URL: <http://nashol.com/2012062865855/posle-liberalizma-vallerstain-i-2003.html> (Гл. 7 : Конец какой современности?).

² Директор Центра социально-экономических исследований Института США и Канады ФАНО, профессор кафедры международной экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор экономических наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века (опыт США)», «Бюджетные приоритеты США», «США: государство — человек — экономика: региональное измерение», «Социальная политика в XXI веке», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США», «Государство и развитие человеческого потенциала в конце XX — начале XXI в.» и др. Член редколлегии журналов: «США–Канада: экономика, политика, культура», «Человек и труд», «Россия и Америка. XXI век», «Русский инженер». Член диссертационных советов по специальности «мировая экономика» в Институте США и Канады, в Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова.

международной миграции населения отличается крайней неравномерностью глобального перераспределения культурных ресурсов между странами и регионами мира.

Ускорение роста масштабов миграционных потоков, увеличившихся только за первое десятилетие XXI века на 57 млн человек (что в 2,7 раза больше, чем за предшествующее десятилетие), сопровождается их концентрацией в ограниченном числе стран; усложнением структурного состава мигрантов по мотивам, качественным характеристикам мигрирующего населения, в том числе с учетом их этнокультурного состава, общеобразовательного уровня, профессиональной подготовки, трудовых навыков, участия в общественных организациях и т. п. По мере вовлечения в миграционный обмен разных стран, территорий, групп населения растет и вероятность увеличения этнокультурной и религиозной дистанции между иммигрантами и коренными жителями.

По данным Доклада ООН по миграции населения в 2013 году, за пределами стран происхождения проживает 232 млн человек, или 3 % населения мира. При достаточно равномерном распределении мигрирующего населения по континентам (в Европе и Азии проживает почти одинаковое число мигрантов — 72 млн и 71 млн человек соответственно; в Северной Америке — более 52 млн человек) свыше половины мигрантов сосредоточены в 10 странах мира, в том числе 45,8 млн человек — в США, далее со значительным отставанием следуют Россия (11 млн человек), Германия (9,8 млн человек), другие принимающие страны¹. При этом состав иммигрантов по странам происхождения существенно изменился.

Усиление поляризации в мировом распределении человеческих ресурсов находит выражение не только в прогрессирующих различиях между ведущими центрами притяжения мигрантов и странами их происхождения. Новый этап характеризуется также дальнейшим размежеванием принимающих стран — по количеству и качественному составу иммигрантов, по их доле в рабочей силе, по степени их воздействия на изменение расово-этнического, конфессионального, профессионального, возрастного состава населения этих стран.

Если в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доля иммигрантов в общей численности населения в течение первого десятилетия XXI века увеличилась с 9,9 до 11,6 %, то в Австрии — с 10,4 до 15,5 %; в Ирландии — с 8,7 до 17,2 %, в Швейцарии — с 21,9 до 26,6 %. При этом в силу особенностей этнокультурного состава иммигрантов, в том числе активизации притока мусульманского населения (доля которого в разных городах Швейцарии, например, уже составляет 5–8 % общего числа населения), в западноевропейских странах усиливается неоднородность социально-культурного пространства.

Столь масштабный приток мигрантов, обладающих различными ценностями культуры, социальными представлениями, нормами поведения, особенностями об-

щения, в западноевропейские страны вызвал определенную напряженность в обществе. Речь идет не только об изменениях в этнокультурном составе населения принимающих стран, но также о влиянии на культуру предпринимательства, досуга; на этику трудовых отношений; на социальные и потребительские ориентиры и т. п.

Предоставление иммигрантам гражданских прав, социальной защиты, помощи в трудоустройстве можно считать первым этапом их адаптации, следующий этап — социально-культурной адаптации — потребует гораздо более длительного периода.

Вместе с тем в ряде других стран, например в Корее, Японии, в силу культурно-исторических традиций, особенностей регулирования миграции, несмотря на постепенное, хотя и значительно более медленное, чем в среднем по странам ОЭСР, увеличение доли иммигрантов (до 1,9 и 1,7 % соответственно), население сохраняет этническую однородность².

Усиливаются различия и в региональном распределении мигрантов в рамках национальных границ принимающих государств, соответственно увеличивая культурное разнообразие на уровне городов и регионов. В США, например, при доле иммигрантов в общей численности населения 12,9 % в ряде штатов, в том числе в Калифорнии, Нью-Йорке, Нью-Джерси, этот показатель превышает 20 %, а в некоторых городах составляет более 30 % (в Сан-Франциско, Нью-Йорке — 35 %, в Лос-Анджелесе — 40 %).

Активизация миграционного обмена оказывает далеко неоднозначное влияние и на страны-доноры. В информационную эпоху у мигрантов значительно больше возможностей сохранить свою культурную идентичность, более тесные связи со страной происхождения, особенно если основной целью является трудовая эмиграция на ограниченный период времени. Считается, что в странах происхождения мигрантов последствия их перемещения обычно ведут к росту доходов, повышению качества потребления, расширению возможностей получения образования, общему улучшению культуры и быта. Вместе с тем страны происхождения мигрантов в возрастающей степени испытывают влияние культуры стран, где они трудятся.

Масштабы и способы денежных переводов мигрантов на родину, будучи исключительно сложным и многогранным явлением, зависящим от множества объективных и субъективных обстоятельств, экономических и правовых регуляторов, от развития финансовых услуг, являются предметом пристального внимания экономистов, юристов, представителей финансовых структур. Однако не стоит забывать, что в основе своей эта поддержка соотечественников, ее формы связаны с культурными традициями общества происхождения, семейным воспитанием, устоявшимися моделями поведения, что крайне важно учитывать при анализе конкретных финансовых потоков, их перспектив.

По данным Всемирного банка, в 2012 году денежные переводы мигрантов на родину превысили 530 млрд долларов. По абсолютным масштабам лидировали Индия, Китай, Филиппины, Мексика, Нигер,

¹ International Migration Report 2013 // UN Department of Economic and Social Affairs. 2013. Dec.

² OECD International Migration Outlook. OECD, 2012.

а по поступлениям переводов в процентах от ВВП стран-доноров — Таджикистан (47 %), Либерия (31 %), Киргизия (29 %). Столь высокий уровень зависимости от поступлений, связанных с миграцией населения, безусловно, оказывает влияние и на взаимоотношения между странами приема и странами-донорами мигрантов, особенно в случаях их значительной привязки к одной принимающей стране. Если переводы мигрантов стран СНГ осуществляются в основном из России, то в Северной Америке — это преимущественно переводы из США в Мексику, так как почти все эмигранты из Мексики, занимающей первое место в мире среди стран происхождения и третье (после Индии, Китая) по объему получаемых денежных переводов, сосредоточены в США.

В материалах возрастающего числа исследований на международном и национальном уровнях, положениях принятых резолюций наряду с признанием позитивного вклада миграционного обмена в развитие мирового сообщества, межкультурного взаимодействия отмечается рост напряженности в ряде принимающих стран, ограниченность набора инструментов регулирования миграционного движения при зачастую диаметрально различающихся интересах сторон.

Особое внимание необходимо обратить на отстаивание разработки научно обоснованных подходов к исследованию всего комплекса состояния, факторов, последствий миграционного движения населения от динамичных изменений его состава, а также от многообразия направлений все более ошутимого воздействия притока иммигрантов на социально-культурное, экономическое пространство принимающих стран. Фрагментарные данные по столь чувствительной и потенциально конфликтной тематике могут привести к искажению представлений о современных тенденциях миграции населения, а это чревато падением доверия к источникам, их предоставляющим; к возможностям

проведения адекватной политики; к возрастанию рисков социальной напряженности между группами мигрирующего и местного населения.

Формирование системы показателей для всесторонней оценки происходящих трансформаций, связанных с международной миграцией населения, крайне важно не только для разработки и реализации миграционной политики, но и для адекватного общественного восприятия миграционных потоков, преодоления взаимных заблуждений. Одним из важнейших направлений совершенствования оценки влияния миграционных процессов на диалог культур является проведение исследований готовности иммигрантов к межкультурному диалогу, к признанию ценностей национальной культуры принимающей страны, а также готовности последней к признанию своеобразия иной культуры. Вероятность того, что существующие культурные различия между иммигрантами и местным населением, в том числе религиозные, этнические, поведенческие, связанные с культурой быта, досуга, с трудовой этикой и тому подобные, могут стать источниками конфликтов, усиливается в случае их сочетания с проблемами трудоустройства, учреждения собственного дела, отсутствия источников дохода. Поэтому развитие межкультурного диалога требует углубления междисциплинарных исследований, усилий всех участвующих сторон.

Учитывая многогранность глобального процесса миграции населения, его неоднозначное влияние на межкультурное общение стран и народов, использование возможностей миграционного обмена как ресурса развития и диалога культур может быть успешным лишь при согласованных действиях, при участии государственных структур всех ветвей власти, бизнеса, профсоюзов, гражданского общества, при налаживании сотрудничества на международном, региональном, местном уровнях.

О. В. Мартышин¹

ПРАВО И РЕЛИГИЯ: ДИАЛОГ ПОДСИСТЕМ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Религия — первая историческая форма общественного сознания в древних, средневековых и более поздних традиционных обществах — представляла и в какой-то степени представляет собой доныне всеобъемлющее мировоззрение. Она охватывала

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

все стороны жизни человека, как личной, частной, так и социальной, служила руководством и в сфере идей, и в практической деятельности.

Универсализм религии соответствовал холистскому, то есть нерасчлененному, характеру общества. Оно представлялось как органическое целое, уподобляясь таким образом большой семье. В основе холистской системы лежало единство религии и власти, с возникновением государства религия становится государственной. Социальные нормы столь же едины. Они не делятся на религиозные, правовые и относящиеся к морали. У древних иудеев (и не только у них) любое отклонение от правил считалось безбожием². В рамках религиозной системы регулирования общественных

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 278.

отношений постепенно складывалась функциональная дифференциация. Появлялись нормы, которые по своему назначению носили правовой характер. Но они представляли собой часть единого комплекса правил, исходили из основополагающих ценностей религии. Как писал В. С. Соловьев, вся жизнь «строилась на двойном устое религиозного и государственного закона»¹.

Раннее христианство, не связывавшее себя с государством, ни римским, ни иудейским, нанесло удар по системе холизма. И хотя император Константин, сделавший христианство религией Римской империи, восстановил единство, оно все же, по словам Д. С. Мережковского, «дало трещину, из которой вырвалось подземное пламя»². Этой трещиной явилась христианская идея двух властей — духовной и светской — и соответствующая ей противоречивая практика. Там, где существует не одна власть, между ними рано или поздно возникают соперничество и конфликты.

В Европе безраздельное господство церкви ушло в прошлое вместе со Средневековьем. С эпохи Возрождения неуклонно набирал силу процесс постепенного ослабления влияния католицизма на разные стороны общественной жизни. В этих условиях и функциональная дифференциация способствовала освобождению от опеки церкви. Секуляризацию справедливо связывают с существенными сдвигами в области науки, техники, производства, обмена, культуры, которые привели к формированию нового мировоззрения — гуманизма, носившего в основном светский характер. Но не меньшую роль в этом процессе сыграли два политических явления, непосредственно связанных с церковью: борьба королей и пап в XIII веке и реформация, положившая конец монополии Ватикана и создавшая предпосылки для религиозной свободы. Древний и средневековый холизм был нарушен. Эти тенденции усилились в эпоху буржуазных революций, когда закладывались основы новых отношений между государством и религией. Складывались они по-разному — в одних случаях постепенно, в других — в ходе радикальной ломки старой системы, случались и возвраты к прошлому. Однако в масштабе крупных исторических эпох смысл перемен сводился к ослаблению воздействия религии на государство, право и общество. Ни одна страна не избежала секуляризации, хотя формы и результаты ее неодинаковы.

При множестве нюансов, комбинаций и переходных форм ныне известны три основных типа правового регулирования государственно-религиозных отношений: система государственной религии, система конкордата и система отделения³.

Система государственной религии — своего рода воспоминание о холизме, сохранение древней традиции. Она характерна для многих мусульманских государств. Ее теоретической базой служит провозглашенное исламом в отличие от христианства единство ду-

ховной и светской власти. Степень этого единства различна — от подчинения государства власти духовного вождя в Иране до умеренного ислама в Индонезии. Но современный мир знает и иные образцы режима государственной религии. Классический пример — Великобритания. Государственный статус англиканской церкви сочетается ныне с высокой степенью религиозной свободы, подобно тому как сохранение монархии нисколько не препятствует функционированию демократического режима. Хотя некоторые исторические привилегии англиканства сохраняются, британцы дорожат в них более формой, чем существом. Традиция наполняется новым содержанием. Смягченный, вернее, не столь откровенный вариант государственной религии представляет господствующая, или доминирующая, религия. Этот институт характерен для православной Греции.

Система конкордата предполагает не единство религии и политической власти, а всего лишь сотрудничество государства с религиозными организациями, заключившими с ним соглашения. Она практикуется в ФРГ, Италии, ряде других стран, в частности на постсоветском пространстве в Грузии. Конфессии, заключившие конкордат, пользуются определенными привилегиями. Приобретя статус «общественных объединений», или юридических лиц публичного права, они освобождаются от налогов, получают возможность преподавать религию в школе, окормлять верующих в армии, больницах, тюрьмах и т. п. Известное неравенство религий существует и здесь, но степень его снижается тем, что каждая из них обладает правом при соблюдении четко определенных условий заключить конкордат. Если в Веймарской Германии статус общественных объединений был признан только за католиками и лютеранами, то в ФРГ ситуация принципиально изменилась. В земле Гессен (в ФРГ конкордаты заключаются на уровне земель) 25 из 100 религиозных сообществ обладают статусом общественных организаций⁴.

Наиболее последовательной формой секуляризации является отделение религии от государства. При этом утверждается принцип не сотрудничества, а невмешательства, отстраненности, хотя соблюсти его в полном объеме и во всех случаях очень трудно. Отсюда компромиссы и непоследовательность. Классическими типами отделения церкви от государства в западном мире считают США и Францию. В США сложилась «мягкая форма» отделения со многими отступлениями (присяга президента на Библии и т. п.), а во Франции в начале XX века — более строгая.

Формы секуляризации повсеместно определялись национально-историческими особенностями, состоянием не только религиозной, но и политической и правовой культуры. Наша страна до образования современной Российской Федерации опробовала и пережила два режима государственно-религиозных отношений: систему государственной религии в царской России с делением вероисповеданий в Своде законов Российской империи на господствующую религию, терпимые

¹ Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8. С. 250.

² Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М., 2004. С. 316.

³ Феррари С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-религиозных отношений. М., 1998. С. 111, 115.

⁴ Варнке Ю. Церковно-государственная система в Германии после объединения // Мировой опыт государственно-религиозных отношений. С. 75–76, 79.

и гонимые¹ и, при советской власти, систему радикального отделения церкви от государства, осуществляемого на основе государственного атеизма и идеологической борьбы с религией, периодически сопровождаемой репрессиями. В Советском Союзе сложилась особая, наиболее радикальная форма отделения религии от государства. При этом государственная идеология приобретала квазирелигиозный характер. Страны социалистического лагеря давали образцы как более мягкого (Польша, ГДР), так и более жесткого (Албания) государственного атеизма.

Падение советской власти не могло не поставить проблему по-новому. Хронологически первый вариант ее решения содержится в Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года. Он полностью соответствовал международным соглашениям и пактам о правах человека. В законе провозглашались: свобода религиозных и атеистических убеждений и практики, подлежащая ограничению только на общих для правовой системы основаниях; равенство религий; отделение религиозных и атеистических организаций от государства; светский характер государственной системы образования. Знаменательно следующее положение ст. 10: «Государство в вопросах свободы исповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения». Закон 1990 года пережил РСФСР и продолжил действовать в новом государстве, потому что Конституция РФ 1993 года исходила из тех же основных ценностей — светского государства, отделения религиозных объединений от государства и их равенства перед законом.

Принятый 26 сентября 1997 года Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» наметил некоторые новые тенденции. В преамбуле религии подразделяются на группы: православие, сыгравшее особую роль в истории, становлении духовности и культуры России; и религии, «составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России», из коих названы только христианство (непонятно, всякое ли), ислам, буддизм и иудаизм. Напрашивается неупомянутая третья группа религий, которую законодатель не относит к историческому наследию народов России. Ничего не говорится также о нерелигиозных формах проявления свободы совести. Такая дифференциация в официальном тексте не способствует утверждению принципа равенства перед законом независимо от религиозных убеждений. Поделив религиозные объединения на «религиозные группы» и «религиозные организации», закон наделяет их неравными правами. Деятельность, которая по закону 1990 года разрешалась всем религиозным объединениям, превратилась в прерогативу исключительно религиозных организаций. Только они могут «производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения» (ст. 17, п. 1); осуществлять благотворительную деятельность; создавать культурно-просветительные, об-

разовательные учреждения, средства массовой информации; обладать собственностью на здания и иное имущество и т. п. (ст. 16, 17, 18, 20, 21, 23).

Подтверждая отделение религиозных учреждений от государства, действующий закон не случайно не воспроизводит положение предшествующего закона о нейтральности государства в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений. Новый закон свидетельствует о государственном покровительстве «религиозным организациям», о создании льгот и благоприятных условий, в том числе для их предпринимательской деятельности (ст. 4, 18, 23). Существенные недостатки закона ныне признаны Правительством РФ, направившим в Государственную Думу предложения о внесении в него изменений².

Закон 1997 года ознаменовал поворот в конфессиональной политике РФ. РПЦ как главная и самая массовая религиозная организация претендует на особое место в жизни государства, на роль едва ли не единственной хранительницы национальных традиций и духовных ценностей, творца национальной идеи, важнейшей опоры государства. Эти стремления пользуются поддержкой органов власти. Для государственно-религиозных отношений в сегодняшней России симптоматичны такие явления, как проникновение религиозных мотивов в государственную символику (гимн, герб), внедрение в жизнь категории «традиционных религий» вместе с их пропагандой и привилегиями, преподавание основ религиозных культур в школе, введение должностей священников в армии, флоте, местах лишения свободы, закон о защите чувств верующих и т. п. Все они свидетельствуют о сокращении сферы светскости государства.

Дело доходит до того, что сам принцип светского государства подвергается сомнению. Десекуляризация выдается за закономерность современного мира. В литературе, в том числе юридической, выражается сожаление по поводу десакрализации государства и права, раздаются призывы ввести систему конкордата или даже объявить православие государственной религией³. Если перевести эти lamentации и призывы на язык политической и правовой культуры, напрашивается вывод, что вместо поиска новых решений и синтеза, который не игнорировал бы ни один из этапов исторического развития России и сочетал бы подлинную свободу совести и религиозной жизни с нейтральностью государства в этих вопросах, предлагается возврат к изжившей себя дореволюционной системе. Не случайно в православной среде находятся люди, пытающиеся выдать византийско-русский принцип симфонии властей за лучшее воплощение светского государства. Идея светского государства нуждается в разработке, уточнении и защите, а наше законодательство и практика — в приведении в соответствие с этим важнейшим конституционным принципом.

² Независимая газета. 2014. 27 марта. С. 3.

³ См.: Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 531–539; Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 198–199; Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002. С. 147; и др.

¹ См.: Дорская А. А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб., 2004. С. 171.

А. А. Моисеев¹

КОНФЛИКТ КУЛЬТУР В РАМКАХ ОДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: О НЕКОТОРЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ПО УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ

18 марта 2014 года был подписан международный Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (далее — Договор). Согласно Договору, который применяется с даты подписания и вступил в силу после ратификации 21 марта 2014 года, Крым считается принятым в Российскую Федерацию, в составе которой образованы новые субъекты — Республика Крым и город федерального значения Севастополь; лица, проживающие на этот день на территории новых субъектов Федерации, признаны российскими гражданами, но имеют право в течение месяца заявить о своем желании сохранить имеющееся гражданство. На территории Крыма начали действовать законодательные акты Российской Федерации. Сухопутная граница Крыма с Украиной объявлена границей Российской Федерации, морские пространства в Черном и Азовском морях подлежат разграничению на основе принципов международного права.

Решение о принятии Договора было основано на результатах свободного и добровольного референдума, проведенного в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 года, в ходе которого народы Крыма приняли решение за «воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации» и против «восстановления действия Конституции Республики Крым 1992 года и статуса Крыма как части Украины».

Фактически правовой акт, на заключение которого 18 марта 2014 года дала свое суверенное согласие Россия, касался предложения со стороны другого независимого государства — Республики Крым заключить международный договор о его принятии в состав Российской Федерации. Ранее (17 марта 2014 г.) Президент России своим указом, также исходя из суверенного права любого государства, признал Республику Крым в качестве суверенного и независимого государства — субъекта международного права, учитывая волеизъявление народов Крыма на референдуме 16 марта 2014 года.

Такой Договор соответствует положениям ст. 65.2 Конституции РФ и конституционному закону², согласно ст. 4.2 которого принятие в состав Российской Федерации «иностранного государства или его части» осуществляется по взаимному согласию России и за-

интересованного государства в соответствии с международным договором, причем «инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства... является данное иностранное государство» (ст. 6.1). Так и произошло с Республикой Крым.

Другими словами, Российская Федерация в соответствии с международным правом воспользовалась своими неотъемлемыми правами на признание государства, а также на заключение международного договора, результатом которого по взаимному согласию сторон стало появление в ее составе двух новых субъектов Федерации — «Республики Крым и города федерального значения Севастополь» (ст. 2 Договора).

По смыслу международного права любое государство вправе заключить международный договор, потому что это ему выгодно. Подписание Россией международного договора с Республикой Крым о воссоединении, кроме этого, имеет существенные исторические основания, а также озабоченность безопасностью соотечественников на Украине и в Крыму, которые, в частности, были озвучены в Обращении Президента к депутатам Федерального собрания, руководителям регионов России и представителям гражданского общества 18 марта 2014 года (далее — Обращение Президента РФ).

Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя (далее — Декларация) была принята Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом 11 марта 2014 года. В Декларации содержится указание на «право народов на самоопределение», а также на «подтверждение Международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права».

Следует подчеркнуть, что реализация права на самоопределение затронула население Крыма, на которое согласно разд. 10 Конституции Украины распространялся автономный правовой статус, юридически относящийся именно к правам народов.

Референдум в Крыму прошел 17 марта 2014 года с соблюдением современных демократических и правовых требований, но в условиях незаконного и преступного характера тех, кто представляет себя после государственного переворота украинской властью в Киеве, в условиях разгула ультранационалистов, экстремистов и т. п.

14 марта 2014 года назначенный Верховной Радой так называемый исполняющий обязанности президента Украины А. Турчинов подписал указ о приостановлении действия Декларации как не отвечающей Конституции и законам Украины. Ссылки на нарушение Конституции Украины со стороны так называемой

¹ Декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор. Вице-президент Российской ассоциации международного права. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Надгосударственность в современном международном праве», «Суверенитет государства в международном праве», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)» и др.

² Федеральный конституционный закон РФ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» № 6-ФКЗ от 17 декабря 2001 г.

«новой власти», которая захватила и присвоила себе государственные полномочия экстремистским путем, грубо нарушив нормы той самой украинской Конституции, как минимум звучат неубедительно.

Можно утверждать, что в условиях нелегальной «власти» нормы Конституции не применяются, поскольку не имеют необходимой «гипотезы», то есть обстоятельств, при наличии которых норма подлежит применению и приобретает значение юридического факта. Напротив, действия крымских властей в сложившихся на Украине условиях имели правомочный и демократический характер. В итоге убедительного результата референдума была провозглашена независимая суверенная Республика Крым, в которой город Севастополь получил особый статус.

Не вдаваясь в геополитические интересы и стратегии некоторых западных государств, вызывает недоумение их позиция непризнания очевидных результатов крымского референдума, который якобы носит неправомерный, антиконституционный характер. Напротив, даже согласно ст. 138.2 Конституции Украины «к ведению Автономной Республики Крым относятся... организация и проведение местных референдумов», причем возможный предмет таких референдумов в Конституции не ограничивается. Всем должно быть понятно, что легитимность референдума не может зависеть от мнения США или Евросоюза, а лишь от свободного и добровольного волеизъявления народа.

Позиция российской власти была озвучена 18 марта 2014 года в Обращении Президента РФ, где он отметил, что «Россия не вводила войска в Крым, а лишь усилила свою группировку, при этом не превысив предельную штатную численность, предусмотренную международным договором»¹, в целях защиты «жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников и личного состава воинского контингента вооруженных сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины» в условиях беспредела и угроз ультранационалистических экстремистов. Право на использование российских войск президентом за рубежом было подтверждено решением парламента государства².

Политический кризис начался на Украине в ноябре 2013 года, когда кабинет министров объявил о приостановке евроинтеграции государства. 22 февраля 2014 года произошел антиконституционный насильственный государственный переворот. Сразу после переворота Парламент Украины, нарушив достигнутые договоренности между президентом В. Януковичем

¹ Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 21 апреля 2010 г., включая Соглашение между Украиной и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 г.; Соглашение между Украиной и Российской Федерацией о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 г. и Соглашение между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, от 28 мая 1997 г.

² Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации № 48-СФ от 1 марта 2014 г.

и лидерами оппозиции, неправомерно изменил украинскую Конституцию, незаконно отстранил Президента Украины от власти, сменил руководство самой Верховной Радой, МВД, Минобороны, Службы безопасности Украины и 27 февраля 2014 года утвердил так называемое «правительство народного доверия».

Согласно ст. 111 Конституции Украины предусмотрены четыре способа прекращения полномочий президента государства: заявление об отставке, по состоянию здоровья, в результате смерти, а также импичмента. Ни один из этих способов, очевидно, не соответствуют ситуации с Президентом Украины В. Януковичем, который под угрозой физического уничтожения ультранационалистов с Майдана вынужден был покинуть территорию государства.

Очевидно, что мирные граждане Украины вышли на Майдан не от хорошей жизни и ситуация бесправия и нищеты возникла на Украине не в один момент, чем, кстати, и воспользовались экстремисты.

Сам по себе феномен Майдана никогда не имел всеобщего народного масштаба поддержки и признания в стране, о чем также свидетельствуют последующие трагические события на юге и востоке Украины. Майдан и его лозунги не создают правовых оснований ни по отношению к признанию легитимного статуса так называемой «новой власти», ни по отношению к ее решениям и действиям.

Юридически В. Янукович продолжает сохранять свою легитимность как президент государства, а самопровозглашенные так называемые «новые представители» государственной власти Украины ее не имеют. Следовательно, нелегитимным является и антиконституционное решение Верховной Радой от 22 февраля 2014 года об отстранении президента В. Януковича от власти.

Отсутствие правоспособности государства как следствие отсутствия законных и эффективных представителей украинского государства не дает правовой возможности российским властям признать тех, кто себя назвал «новой властью» на Украине, осуществлять официальные контакты с украинской стороной, проводить двусторонние консультации в соответствии со ст. 7 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией от 1997 года. Более того, признавая незаконную власть, западные государства встают на путь поддержки криминального государственного переворота, содействуя преступным действиям и грубого нарушения норм международного права.

Центральный вопрос в ситуации кризиса на Украине, спровоцированного антиконституционным переворотом в Киеве в результате вооруженного захвата власти экстремистами, связан с вопросом о законности самой власти. Те, кто захватили власть на Украине вооруженным путем, совершили уголовное преступление и их действия не могут иметь юридической силы для Российской Федерации.

В настоящее время люди, захватившие власть на Украине, допускают грубые нарушения не только демократических основ, но и норм национального и международного права, начиная от попрания

Конституции Украины, а также грубых и массовых нарушений прав украинских граждан, включая неправомерное применение силы против них и угрозу дискриминации по языковому и национальному признакам, поддержку националистов, неконтролируемое распространение оружия среди экстремистских группировок, а теперь дошли до дискриминации по признакам гражданства, возраста, пола в вопросе пересечения государственной границы и т. п.

Безусловно, Украина в силу суверенитета, источником которого является ее народ, не исчезла как субъект международного права, но возникает базовый вопрос о правоспособности государства: кто законно представляет государственную власть в Киеве?

Другой важнейший вопрос, который требует незамедлительных мер всего международного сообщества, касается защиты прав русскоязычного населения, соотечественников, которым как минимум, согласно международному праву, должны быть обеспечены права, присутствующие национальным меньшинствам. Статья 3 Закона «О национальных меньшинствах в Украине» 1992 года относит к национальным меньшинствам «группы граждан Украины, которые не являются украинцами по национальности, обнаруживают чувства национального самосознания и общности между собой».

Российскому государству не безразлична судьба его граждан, соотечественников, проживающих за рубежом и на Украине в частности. Однако, исходя из упомянутых принципов международного права, несмотря на звучащие с разных сторон призывы и обвинения, руководство России не намеревается неправомерно вводить и применять свои вооруженные силы на территории соседнего государства.

Как известно, только международное сообщество в лице Совета Безопасности ООН может предпринять соответствующие меры по «поддержанию международного мира и безопасности... для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» (ст. 1.1 Устава ООН), а также в ситуациях грубых и (или) массовых нарушений прав человека. Можно констатировать, что в существующей ситуации на Украине имеются признаки обеих упомянутых угроз, однако СБ ООН пока не достиг единого понимания его членов о причинах и перспективах сложившегося положения на Украине.

Основной конфликт на Украине в настоящее время развивается в связи с наличием глубоких противоречий между так называемой «новой украинской властью» и южными и восточными регионами государства, которые выступают за большую самостоятельность регионов в форме федерации. Безусловно, федерация может привести к перераспределению управленческих, финансовых и других ресурсов в государстве, но позволит сохранить само государство, в противном случае, по оценкам многих аналитиков, Украине грозит гражданская война и возможен развал государства.

Важно не забывать, что восстание населения в юго-восточной части Украины против нелегальной «новой власти» возникло как протест и следствие силового государственного переворота в Киеве, который произошел в условиях жесткого противостояния экстремистов

и националистов с законной властью, под прикрытием лозунгов Майдана столкновения привели к сотням пострадавших.

Подменяя причины и следствия, не замечая свой неконституционный статус, «новая власть» игнорирует требования населения юго-восточных регионов и даже преступно применяет против него вооруженные силы под предлогом «антитеррористической операции».

Продолжение противостояния может привести к постановке вопроса со стороны международного сообщества о признании участников мирного протеста в юго-восточной части Украины в качестве «восставшей стороны». Согласно международному праву под «восставшей стороной» понимаются отряды сопротивления, повстанцы, участники гражданской или национально-освободительной борьбы, контролирующей определенную территорию в своем государстве, ведущие борьбу, в том числе вооруженную, против диктаторских, антиконституционных и иных антидемократических режимов или за самоопределение своего народа и получившие международно-правовое признание *ad hoc* со стороны других субъектов международного права. Международно-правовой статус восставших дает им законное право для проведения переговоров в качестве стороны, установления прямых контактов с признающими государствами с целью получения помощи и поддержки из-за рубежа.

17 апреля 2014 года состоялись четырехсторонние переговоры в Женеве по вопросу кризиса на Украине с ЕС, США и Россией. Делегация России считает, что сам факт переговоров не означает для России признания в качестве законной «новой украинской власти», о чем российская сторона прямо заявила. Сторонам переговоров в Женеве удалось выработать совместный документ, в котором зафиксирован призыв ко всем украинцам — сторонам конфликта, включая и незаконные вооруженные формирования так называемой «новой власти», ультранационалистов и экстремистов всех мастей и др. Министр иностранных дел России С. В. Лавров отметил необходимость «немедленного начала широкого национального диалога в рамках конституционного процесса, который должен быть инклюзивным, транспарентным и подотчетным», а также «признание участниками того непреложного факта, что этот кризис должны урегулировать сами украинцы». При этом упоминаний о проявлениях терроризма, в оправдание вооруженных действий «новой власти» против мирных украинских граждан на юго-востоке государства, в Женевском документе не содержится.

Россия не может оставаться равнодушной к трагическим событиям в соседнем государстве, к настоящему и будущему своих соотечественников на территории Украины и предпринимает возможные дипломатические и политические меры. Однако согласно международному праву в настоящее время для непосредственного влияния на ситуацию своими силами, очевидно, необходимы соответствующие полномочия со стороны ООН. Если рассуждать о возможностях вне международно-правового поля, то, исходя из исторического опыта примирения конфликтующих сторон, можно вспомнить об отрядах добровольцев.

Р. А. Ромашов¹**КУЛЬТУРА КАК СРЕДА КОММУНИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА****Культура как инструмент
и результат преобразования мира**

Выделение из мира природы человека как разумного коллективного существа ознаменовалось появлением феномена человеческой культуры. Культура представляет собой продукт человеческой деятельности, средство познания мира, инструмент и результат его преобразования. Мир (бытие) представляет собой неразрывное единство объективной (природы) и субъективной (культуры) реальностей.

«Человек культурный» преобразует мир, внося в природу и культуру изменения как конструктивного (созидательного), так и деструктивного (разрушительного) характера. Культурой в таком понимании является любая результативная человеческая деятельность независимо от субъективной оценки ее последствий. Дворцовые ансамбли Лувра и Петергофа точно так же, как и лагеря смерти Дахау и Освенцим, представляют собой образцы культуры, характеризующие страны и народы на определенной ступени их исторического развития.

Человеческое сообщество — это мир культуры, объединяющий различные по форме и содержанию сегменты, взаимодействующие как в диалоговом, так и в конфликтном режиме. При этом диалог культур основывается на мультикультурализме и «праве на культурное сосуществование». Конфликт культур в свою очередь принимает за основу противопоставление «правильной» культуры (цивилизации) и бескультурия (варварства). Варварство либо подлежит включению в культурный контекст, либо уничтожается ради «торжества истинной культуры».

**Культура как контекст взаимодействия права
и экономики**

Вплоть до настоящего времени понятия «право» и «экономика» рассматриваются в качестве самостоятельных, обособленных культурных подсистем. Вместе с тем в современном мире и право, и экономика приобретают характер «всепроницающих» явлений. Не существует государства, права, экономики, религии, культуры «самих по себе». Следовательно, говоря о соотношении государства, права, экономики, мы имеем дело не столько с миром «субстанций, вещей, обладающих определенным набором свойств»², сколько с миром процессов, выражающихся в том, «что связывает две стороны — сторону активную, действующую (это тот, кто совершает процесс), и сторону пассивную, претерпевающую (совершаемое действие, реализуемая

функция)»³. Использование процессуального подхода к пониманию феноменов государства, права, экономики позволяет перейти от институциональной модели их видения (государство — это государственные органы и должностные лица; право — законы и механизмы законодательства и правоприменения; экономика — система хозяйствующих субъектов) к функциональной, предполагающей акцентирование внимания не столько на тех, кто исполняет (а точнее, должен исполнять) те или иные операции, сколько на самих совершаемых (либо не совершаемых) действиях, выражающихся в сложной системе политических, правовых и экономических коммуникаций.

Если согласиться с тем, что право и экономика — детерминирующие системы, то вполне логично говорить о том, что в современных условиях существуют такие комплексные межотраслевые образования, как экономическое право и правовая экономика.

Экономическое право — это нормативная общность (нормативный комплекс), включающая правовые нормы, регламентирующие экономические отношения.

В качестве критерия объединения правовых норм в обособленную общность «экономического права» выступает предмет правового регулирования — общественные отношения в сфере экономики. С учетом разнообразия самих экономических отношений, которые в плане юридической квалификации могут быть как правомерными, так и противоправными, в качестве методов правового регулирования задействуются как регулятивные, так и охранительные средства, закрепленные в различных существующих отраслях права (конституционном, гражданском, административном, уголовном).

Представляя собой структурно-функциональный элемент системы права, экономическое право (равно как и информационное, энергетическое, медицинское, водное, лесное, воздушное, морское, космическое и т. д.) не должно рассматриваться в качестве некоей вновь образованной «межотраслевой отрасли», поскольку это попросту нелогично. Отраслевое право, являясь по сути правом национальным, в своем функционировании ограничено границами государства, в то время как информация, энергия, воздушное и морское пространство, экономика представляют собой явления интернационального характера.

В системе экономического права следует выделять три относительно самостоятельные и вместе с тем детерминирующие подсистемы: внутригосударственного, межгосударственного и международного права. К примеру, если мы будем рассматривать экономическое право применительно к России, то в качестве сегментов можно выделить внутригосударственную составляющую, объединяющую нормативно-правовые акты, нормативные договоры, юридические обычаи, регламентирующие экономические отношения в пределах юрисдикции Российского государства;

¹ Начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внутренней службы. Автор более 300 научных работ, в т. ч.: «Теория государства и права», «Истоки и источники права», «Конфликтология», «История конституционализма», «Тюрьма как “град земной”» и др.

² Смирнов А. В. О подходе к сравнительному изучению культуры. СПб.: СПбГУП, 2009. С. 15.

³ Смирнов А. В. Указ. соч. С. 16.

межгосударственную составляющую, включающую двусторонние и многосторонние договоры, регламентирующие экономические отношения на уровне двух и более государств; и, наконец, международную составляющую — международное экономическое право, представляющее совокупность существующих и находящихся в стадии становления и развития принципов и норм, регулирующих экономические отношения между субъектами международного права¹.

Источниками экономического права в зависимости от уровня правового регулирования могут выступать правовые акты национального права (законодательство, договоры, обычаи), межгосударственные договоры (двусторонние и многосторонние), а также акты и принципы международного права. При этом следует еще раз подчеркнуть, что в реальности перечисленные составные элементы экономического права являются собой интегрированные системы, не существующие в «чистом» виде.

Определившись с системным статусом экономического права, следует выяснить, как соотносятся понятия «экономическое право» и «правовая экономика». Как уже ранее отмечалось, экономическое право представляет собой юридическую категорию — нормативную общность, объединяющую нормы государственного, межгосударственного и международного права, регламентирующие коммуникативные отношения в экономической сфере. При этом сами экономические коммуникации для экономического права являются предметом правового регулирования и в зависимости от конкретных ситуаций могут квалифицироваться и как правомерные (экономические правоотношения), и как противоправные (экономические проступки и преступления).

Рассматривая экономику в качестве объекта правового регулирования, следует разграничивать три основных предметных направления:

— легальный бизнес и узаконенную хозяйственную практику;

— теневую экономику — хозяйственную и предпринимательскую деятельность, уклоняющуюся от официального учета и контроля, часто (но не всегда) носящую противоправный характер;

— криминальную экономику — особую разновидность профессиональной преступной деятельности, связанной с получением доходов противозаконным путем².

Правовая экономика представляет собой сегмент экономической системы, находящийся в «поле» правового регулирования. Иными словами, правовая экономика — это экономика официальная (узаконенная). В отношении правовой экономики действующее право (представленное системой источников и механизмов правотворчества и правореализации) играет роль юридического гаранта, механизма стимулирования, средства стабилизации, а также инструмента восстановления нарушенных экономических прав и осуществления юридических обязанностей в области экономического взаимодействия.

Экономическое право, выступая в качестве юридической основы правовой экономики, в свою очередь зависит от действующего политического режима, а также от сложившейся в обществе ментальности, определяемой типом национальной культуры. По мнению К. Ю. Сурикова и Д. В. Белобородова: «Сегодня в России деньги начали определять не только состояние повседневного менталитета, но и все, что формирует духовные основы современной культуры»³. Сказано может быть чересчур категорично, но в одном авторы, безусловно, правы. Сегодняшняя Россия живет в контексте культуры «общества потребления», в рамках которой деньги и все, что в той или иной степени с ними связано, выходят на первый план в системе национально-культурных ценностей и целевых приоритетов, задающих направленность экономико-правового развития. Вместе с тем столь же очевидно и то, что в российском обществе сохраняются и, более того, получают официальную поддержку идеи уравнительной справедливости, положенные в основу социалистической системы хозяйствования. В сложившейся ситуации коммуникация экономического права и правовой экономики приобретает противоречивый характер и чревата многочисленными конфликтами интересов. Разрешение этих конфликтов может носить как эволюционный (конституционный), так и революционный (силовой) характер.

¹ Об определении и структуре международного экономического права см.: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?R0pMI mkztgwuktul!,gxytul!vwgiu

² См.: *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика : учеб. пособие для вузов / под ред. В. Я. Кикотя, Г. М. Казиахмедова. М. : Норма, 2006. С. 11.

³ *Суриков К. Ю., Белобородов Д. В.* Доверие и деньги. Самара : Асгард, 2014. С. 5.

Е. С. Садовая¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Глобализация, формируя единое экономическое, правовое пространство и открывая перед человечеством невиданные ранее возможности экономического роста и социального прогресса, ставит одновременно и трудноразрешимые задачи. Современные национальные государства в рамках мирового сообщества действительно становятся все более зависимыми друг от друга. Процесс глобализации усиливает технологические и экономические взаимосвязи между ними. Активно действуют старые и создаются новые международные экономические и политические организации, складывается система международного права и правоприменения. Все это ведет к более тесному объединению человечества в рамках мирового сообщества, формируя в конечном счете глобальное социокультурное пространство. Однако в этом объединяющемся сообществе существуют не только отношения сотрудничества и общие интересы, но и конфликты, и разногласия.

Современный мир все больше опирается в объективные ресурсные ограничители дальнейшего экономического роста, основанного на прежней парадигме развития. Воспользоваться плодами глобализации могут только те, кто стал неотъемлемой частью нового разделения труда и прочно удерживает завоеванные позиции, что, несомненно, обостряет конкуренцию между странами за «место под солнцем» и актуализирует задачу обеспечения более справедливого «прогресса для всех». В то же время даже имеющиеся результаты этого роста все менее справедливо разделяются между людьми — растет неравенство и между странами и внутри стран между отдельными социальными группами, обостряя противоречия, носившие до этого времени латентный характер. В связи с этим внимание исследователей сфокусировалось на проблемах не просто активизации экономического роста, но и придания ему более социального характера, а говоря шире, на проблемах поиска адекватных глобальных целей общественного развития. Мы говорим о том, что А. Этциони назвал «глобальным нормативным синтезом»², а также о построении на этой основе глобальной системы регулирования социального развития.

Однако формирование мирового сообщества как единого субъекта регулирования сталкивается со множеством противоречивых идентичностей, которые именно в период экономического кризиса наиболее явно противостоят тенденциям дальнейшей глобализации. Этот процесс еще в начале 1990-х годов вызвал к жизни такое понятие, как «глокализация». И хотя оно прошло определенный путь эволюции, в трактовке различных авторов отражаются противоречивость процесса включения в глобальный мир различных локальных идентичностей и одновременно сопротивление угрозе утраты суверенитета национальными государствами в связи со стремлением последних к более жесткой автономии. В этих условиях даже социально-экономические противоречия современного мира все чаще приобретают форму межконфессиональных, межнациональных конфликтов. Оказывается, что для того, чтобы решить задачи балансирования интересов экономического роста и социального развития, нужны не только определенная финансово-бюджетная и денежно-кредитная политика, но и творческие многосторонние действия с комплексным подходом к экономике, социальной сфере, охране окружающей среды и сохранению многообразия культур. Уникальные варианты реализации глобальных социальных практик в региональных условиях и позволяют ученым использовать термин «глокализация» для описания региональных различий в условиях единого мира³.

При этом наличие субъектов, преследующих противоположные цели, актуализирует задачу не столько поиска общих целей, сколько выработки механизма согласования противоположных интересов на основе консенсуса. Не случайно в экспертном сообществе складывается новая концепция международных отношений на основе межцивилизационного диалога, при которой устойчивость этим отношениям придает именно факт взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур. Как отмечается в Докладе о человеческом развитии 2013 года: «Более честный и справедливый мир требует пространства для многообразия голосов и систем общественного дискурса»⁴. Лишь на такой основе могут быть созданы соответствующие механизмы международного, а затем и глобального регулирования. Причем вопросы эти из плоскости теоретической очень быстро перешли в плоскость необходимости принятия срочных, можно сказать «пожарных», мер экономической и социальной политики. Речь уже идет не столько о корректировке прежней политики, но о кардинальной смене вектора социально-экономического развития даже для многих ранее благополучных

¹ Заведующая сектором проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.), глава «Социальные дисбалансы» в монографии «Глобальная перестройка» (отв. ред.: А. А. Дынкин, Н. И. Иванова) и др.

² Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004.

³ Robertson R. Globalizations: Time-Space and Homogeneity — Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: Sage, 1995. P. 28–29.

⁴ Доклад о человеческом развитии – 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. М., 2013. С. 9.

стран и о необходимости стабилизации политической ситуации.

Помимо проблемы формулирования целей глобального управления социальным развитием, есть еще один вопрос, без ответа на который проблема эффективно-го глобального социального управления решена быть не может. Каковы должны быть механизмы реализации заявленных целей? Именно в этом контексте усилился интерес к возможности создания новых и повышения эффективности уже существующих институтов и механизмов международного регулирования социального развития, а также возможности формирования системы глобального управления социальным развитием. Нельзя сказать, что мировое сообщество не было озабочено этими проблемами вплоть до последнего времени. Идеи создания системы глобального управления все шире распространяются в экспертном сообществе и на уровне международных организаций. Так, в рамках программ развития ООН вполне определенно говорится о том, что «в одиночку страны менее способны защитить себя от пагубного влияния финансовых кризисов или болезненных эффектов глобального потепления. Национальные действия не гарантируют гражданам страны доступа к глобальным общественным благам. Некоторые страны не способны удовлетворительно защищать права человека своих граждан. Для всех стран лучшей стратегией является ответственный суверенитет, то есть учет при формулировании национальной политики долговременных интересов мира в целом»¹.

Однако, учитывая комплексный характер проблем, требующих своего разрешения, невозможно говорить о создании некой автономной глобальной системы регулирования социального развития. Речь должна скорее вестись о глобальной системе согласования социальных и экономических процессов. Одновременно предлагаемые сегодня решения, касающиеся создания системы глобального регулирования, представляются весьма неоднозначными или по крайней мере несвоевременными в силу их сложной реализуемости.

Можно обозначить несколько проблем, требующих своего разрешения при формировании системы глобального регулирования. Во-первых, как отмечается в упоминавшемся выше Докладе о человеческом развитии, для того, чтобы некие международные институты могли рассматриваться в качестве координирующих структур, «они нуждаются в мандате, удовлетворительной экспертизе и ресурсах, позволяющих им посредничать и содействовать, анализировать и реагировать на зачастую расходящиеся интересы, а также предлагать осуществимые и выгодные всем результаты». Однако ставить вопрос о полномочном мандате, каким бы то ни было международным организациям в современных условиях обострения политической ситуации в мире очень сложно.

Во-вторых, возникает проблема легитимности и репрезентативности таких институтов. Так, предлагаемые варианты формирования глобального парламента², которые предусматривают представительство ве-

дущих политических партий каждой из стран-членов ООН и зависимость численного представительства каждой страны не от размеров ее финансового вноса, а от численности населения, реализовать еще сложнее. Вопрос численного представительства той или иной страны в таком глобальном парламенте вряд ли можно решить сегодня. Очевидно, что новая роль стран с формирующимися рынками должна отражаться и в мировой политике, но это вопрос длительного времени и непростых согласований, если учесть что решения парламента должны быть обязательными для всех, иначе идея теряет смысл.

В-третьих, структуры глобального регулирования должны иметь в своем распоряжении достаточные финансовые средства, что потребует переформатирования современной системы международных финансов, а это в условиях финансово-экономического кризиса и множественности противоположных интересов практически нереализуемо. Во всяком случае даже менее радикальные попытки ограничения роли финансовых институтов, принимаемые на самом высоком международном уровне, на сегодняшний день успехом не увенчались.

В-четвертых, глобальная система регулирования предполагает наличие не международного, а наднационального права, пусть даже основывающегося в большей мере на «мягкой силе», нежели являющегося жестким сводом неких норм. Формирование такой системы права не может не опираться на единую для всего мирового сообщества систему ценностей. В какой-то мере это происходит в социальной сфере, возможно даже быстрее, чем в какой-либо иной сфере международных отношений. Ведь глобализация унифицирует не только экономическое, правовое и культурное пространство современного мира, уничтожая идентичности, базирующиеся в рамках национальных государств, но и социальные притязания граждан, которые становятся все более едиными, независимо от экономического положения различных стран. Тем не менее и здесь противоречий ничуть не меньше, чем точек соприкосновения интересов.

Наконец, вопрос санкций за нарушение решений, принятых глобальными институтами согласования (регулирования). Еще более неоднозначными, чем названные выше, выглядят предложения определить «согласованные пороги насилия или зверств, которые автоматически активировали бы международное вмешательство», идеи «ответственного суверенитета», при котором государства могут обладать национальным суверенитетом, только если они проводят политику, одобряемую мировым сообществом. Впрочем, и сами авторы Доклада о человеческом развитии, предлагающие эти «новации», подчеркивают, что их реализация возможна лишь в том случае, если этими институтами «будут выполняться предварительные условия глобальной беспристрастности и справедливости»³, что пока трудно представить даже в теории.

Так или иначе, претворение в жизнь основных принципов глобального регулирования и решение

democracy-20-launch-manifesto-global-democracy (дата обращения: 08.09.2012).

³ Доклад о человеческом развитии – 2013. С. 117.

¹ Доклад о человеческом развитии – 2013. С. 116.

² *Beeston K.* Time for Democracy 2.0, The Launch of the Manifesto for a Global Democracy // *Global Policy Journal*. 2012. 5 July. URL: www.globalpolicyjournal.com/blog/05/07/2012/time-

провозглашенных задач наталкиваются на современные реалии. Международное сообщество не только не сформировалось как единое целое, но, более того, отношения, складывающиеся внутри него, все более противоречивы, усиливаются старые противоречия и возникают новые действующие лица, интересы которых пока достаточно трудно согласовать.

Возможно, именно к регулированию социальных и социально-трудовых отношений в наибольшей мере применимы термины «глобальное» (в плане широты охвата этими механизмами национальных государств) и «наднациональное», а не «международное», поскольку согласование позиций осуществляется между основными субъектами социально-трудовых отношений, а не между отдельными государствами. В этом смысле Международную организацию труда можно назвать площадкой, позволяющей всем заинтересованным сторонам — правительствам, работодателям и профсоюзам — сближать подходы к решению проблем занятости и регулирования социально-трудовых отношений, реализуемые затем на национальном уровне. Такое сближение национальных практик создает реальные предпосылки для более тесной координации политики в мировом масштабе. Кроме того, значение МОТ состоит в том, что в ее рамках отрабатываются принципы ведения переговоров и согласования весьма противоречивых интересов относительно перспектив развития социально-трудовой сферы и становления глобальной системы регулирования социального развития. Этот процесс должно облегчать и то обстоятельство, что социальная сфера — наименее конфликтная область международных отношений.

Это, как мы отмечали выше, есть суть идеологии и основной организационный принцип МОТ. Уровень охвата мирового сообщества этими механизмами регу-

лирования позволяет говорить не просто об их национальном характере, но о действительно глобальном. В то же время совершенно очевидно, что в ближайшее время говорить о трансформации системы глобального согласования принципов социального развития в систему глобального регулирования социальной сферы в полном смысле этого слова, а тем более в систему глобального управления, не приходится. Прежде всего потому, что отсутствуют два важнейших признака управления — наличие единого управляющего центра, а также обязательность и контроль над выполнением соответствующих норм. При всех положительных возможностях, открывающихся в случае формирования под эгидой МОТ глобального трудового кодекса, представить себе, что в ближайшее время эта организация может превратиться в глобальное министерство труда, невозможно. Речь скорее должна вестись о совершенствовании механизмов международного регулирования социально-трудовой сферы, приобретающего черты регулирования глобального.

При этом важнейшим условием, определяющим эффективность механизмов глобального регулирования социального развития, будет способность становящегося более единым мирового сообщества не просто вобрать в себя все многообразие культурных, исторических и других форм реализации населяющих планету народов, но и предоставить им в рамках единой общности широкую культурную автономию. Анализируя практику социального развития стран в последние десятилетия, можно сказать, что глокализация в ее социальном измерении — это наличие конвенциональных целей развития и общих норм, реализовывать которые, особенно в сложных экономических условиях, мировому сообществу придется на региональном или даже на локальном уровне.

В. В. Трофимов¹

ПРАВОВАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы правового развития с точки зрения его движущих сил, интенсивности, закономерностей относятся к числу наиболее значимых и вместе с тем не в полной мере разрешенных. Философский уровень данного вопроса главным образом был отражен методологией диалектического материализма, социально-философский — исторического материализма, собственно правовой уровень — нормативистским подходом в правовопонимании. Объясняя некоторые из зако-

¹ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 210 научных работ, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве»; соавтор ряда коллективных монографий, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах.

нов развития права как нормативного и социального явления, все названные уровни познания не учитывали главного — каким образом в праве в ходе его культурной эволюции сочетается искусственное (то, что привносится в правовую материю разумной деятельностью субъектов юридической компетенции) и естественное (то, что отражает глубинную природу человека и общества). Не было высказано однозначного суждения о том, какими процессами определяется ход правовой эволюции: объективными или субъективными, «естественно-историческими» (общесоциальными) или теми, которые инициируются в рамках рациональной (планмерно-сознательной) официальной юридической деятельности. Однако ответ на данный вопрос необходим: он позволит достичь уровня теоретической определенности в данном предметном поле, то есть добиться более точного решения научных

задач и соответственно изменить отношение к целому ряду практически ориентированных вопросов (правотворчество, правоприменение, правовая конкретизация и других, раскрытие которых требует обоснованности суждений).

Проблема для юридической науки непростая, однако если не получается кардинально разграничить естественное и искусственное в праве, что подтверждает сам факт длительной многовековой дискуссии о том, какое «право» является собственно правом — естественное или позитивное, то необходимо прийти к возможности их синтеза. Основной познавательной проблемой становится, таким образом, нахождение общего знаменателя для интеграции естественного (объективно эволюционирующего права) и искусственно моделируемого права как элемента «ноосферы» (определяемого субъектами юридической компетенции (правотворчества/правоприменения) в рамках процесса правового развития как феномена культуры. На какой же основе допустимо объединить естественное и искусственное в праве, констатировать это в качестве единого развивающегося процесса?

Во-первых, начать нужно с понимания того, что правовое развитие отражает те же закономерности, что свойственны культуре в целом. И поскольку культура — это явление целостное, синтезирующее различные не только социальные, но и природные начала, то и право, как элемент культуры, отражает те же законы в своем развитии. Культура — это целостное явление, которое включает разные уровни, материальные и духовные аспекты, единство прошлого, настоящего и будущего, поэтому и рассматривать проявления культуры (в том числе право) необходимо с позиции целостного, комплексного подхода. Как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, «представляется чрезвычайно важным рассматривать культуру как некое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания...»¹. «Итак, культура представляет собой единство, целостность, в которой развитие одной стороны, одной сферы ее теснейшим образом связано с развитием другой»².

Ф. А. Хайек, относящийся к редкому типу ученых-универсалов³, выражая свое понимание относительно эволюции социальных норм и институтов, высказывал интересное на этот счет суждение: «Культурная эволюция не является продуктом разума, сознательно проектирующего институты, а представляет собой результат процесса, в котором культура и разум развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении. Это, кажется, теперь начинают понимать. Вероятно, имеется не более оснований утверждать, что мыслящий

человек создал свою культуру, чем утверждать, что культура создала его разум»⁴.

Во-вторых, требуется менять мыслительные алгоритмы, с помощью которых происходит и познание, и оценка окружающих явлений. Модель классического типа рациональности, на которой главным образом и основывается традиционная юриспруденция, не в состоянии преодолеть этот разрыв между «объективным» и «субъективным», естественным и искусственным в праве. Разумность самого «жизненного мира» (состоящего из людей и взаимодействий) в традиционной гносеологии права практически не предполагается (называются лишь обезличенные материальные факторы, которые неким образом находят отражение в сознании законодателя и определяют содержание принимаемых им нормативных решений). С точки зрения классической эпистемологии именно субъект познания является собой некий эталон истины, поскольку именно он способен правильным образом отобразить происходящее вокруг, воспринять те самые материальные условия и на основе сделанных выводов принять определенные решения⁵. Та же логика была задействована и в правовом творческом познании.

Установка отечественного правоведения на преобразование, управляющее воздействие на основе «познания закономерностей» делала вполне востребованной известную «теорию отражения» (получившую разработку и обоснование в марксистско-ленинской философии). Данная конструкция, выражая определенную гносеологическую концепцию, задавала показательные ориентиры, в том числе для специально-научных теорий (имеется в виду также теория права).

В свою очередь для многих современных неклассических и постнеклассических эпистемологий отказ от субъектоцентризма становится почти принципиальным. Если для классической теории познания субъект выступал как некая непосредственная данность, а все остальное вызывало сомнение, то для современной теории познания проблема субъекта является принципиально другой. Познающий субъект понимается в качестве изначально «включенного» в реальный мир и систему отношений с другими субъектами. Вопрос не в том, как понять сознание внешнего мира (или даже доказать его существование) и мира других людей (субъектов), а как объяснить генезис сознания субъекта, исходя из этой данности. Мир субъекта, таким образом, оказывается культурно-историческим продуктом: «Человек суть существо культурное, определяемое культурой»⁶.

В связи с новыми познавательными ориентирами вполне можно говорить о необходимости увеличения когнитивного опыта, стремящегося преодолеть абстракцию гносеологического субъекта и традиционное раздвоение «на субъектно-объектные отношения»,

¹ Лихачев Д. С. Культура и ее роль в жизни человека // Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре / сост., подгот. текста и вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М., 2006. С. 95.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 103. Как замечает А. С. Запесоцкий, «... глубокий научный потенциал... имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем...» (см.: Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 50).

³ См.: Козлихин И. Ю. Правопонимание Ф. А. Хайека // Правоведение. 1992. № 5. С. 67–73.

⁴ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 477.

⁵ См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемика главы. М., 2002. С. 29.

⁶ Честнов И. Л. Культурологический подход к анализу права // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 года. СПб., 2006. С. 323.

обращающегося к тому, что М. Шелер называл философствованием «из полноты переживания жизни». Субъект познания предстает в этом случае как задающий предметные смыслы, понимающий, интерпретирующий и расшифровывающий глубинные и поверхностные, буквальные смыслы. Эта деятельность мышления существенно дополняет отражательные и кумулятивные моменты познания, являясь не менее фундаментальной, чем они. Однако активность субъекта интерпретирующего нередко существенно выше активности субъекта отражения, ведь, в отличие от последнего, он должен обладать значительным объемом специального знания, внутренним, личностным и смысловым контекстом, владеть приемами смыслополагания и смысломчитывания, быть включенным в коммуникации и постоянно находиться в диалоге с другим для решения общих проблем. Этот подход к правопознанию, несомненно, важен для решения в том числе правовых проблем¹.

В современной философии субъектно-субъектные отношения исследуются путем рассмотрения диалога, понятия коммуникативной рациональности, вопросно-ответного дискурса. Эта реальность продуцируется актуальным взаимодействием человека с другими людьми, возникновением особой сферы «между» (М. Бубер). В данном контексте идеальное выступает в пространстве «между» объектом и субъектом, его невозможно экспериментально обнаружить ни на стороне объекта, ни на стороне субъекта, взятых изолированно друг от друга². Применяя высказывание структуралиста К. Леви-Стросса и конструктивиста Ж. Деррида, такой подход позволяет изучать не только «отраженные, но и преломленные лучи»³.

Таким образом, очевидной является насущная для юридической науки, как и для всех иных наук, потребность переосмысления и переоценки многих когнитивных форм, учитывающих многое из того, от чего должна была отвлекаться классическая теория познания⁴.

Социально-правовое исследование также должно проводиться с учетом того, что его предмет не является природным, естественным объектом, существующим по собственным законам, внешним по отношению к исследователю. Он представляет собой объективацию — в тех или иных социальных, политических, юридических установлениях и институтах, формах, явлениях и прочим — субъективных установок, целей, намерений, мотивов деятелей, выступающих в качестве реальных субъектов социально-культурных исторических процессов. Таким образом, в праве в силу его природы изначально происходит синтез и объективного (того, что пришло из жизни и культуры), и субъективного (того, как это «внешнее» преобразовалось во внутреннем мире личности).

Среди намечаемых возможных путей выхода за пределы традиционной эвристической модели называется эволюционно- или естественно-исторический способ познания (так называемая эволюцион-

ная эпистемология). Исследования отечественных (М. К. Мамардашвили, И. Т. Касавин и др.) и зарубежных эволюционных эпистемологов (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер, К. Поппер, С. Тулмин, Э. Эзер и др.) констатируют, что человек принадлежит природному миру и должен рассматриваться наряду с другими его составляющими. Само приспособление к этому миру и вся жизнь человека предстают как процесс познания, а из этого следует, что модели эволюции и самоорганизации сложных систем необходимо применять и к познавательной деятельности человека. В этой теории познания сама эволюция представлена как познавательный процесс решения проблем методом проб и ошибок, а органическая адаптация интерпретируется как приращение знания. Тем самым познавательный процесс перестает быть чем-то только специально организуемым и рассматривается как реализующийся во всех видах человеческой деятельности⁵.

Одно из позитивных, по мысли Л. А. Микешинной, следствий принципов постмодернизма, существенных для синтеза когнитивных практик, — это понимание необходимости «расшатать» привычное бинарное мышление в оппозициях, снять упрощенную редукцию к противоположным, взаимоисключающим моментам по принципу дизъюнкции (или/или). Возможные для этого пути: субъектно-объектное взаимодействие в контексте субъектно-субъектных отношений; дополнительность, гармонизация; мультипарадигмальность. Выстроенная заново философская абстракция субъекта познания («целостного», «участствующего»), а не только «гносеологического») может стать основанием и предпосылкой синтеза различных когнитивных практик. В основе диалога и синтеза прежде всего должен лежать принцип доверия субъекту познания как участнику жизни, правомерность принятия которого находит существенное подтверждение не только в истории философии и науки, но и в положениях *эволюционной эпистемологии*, рассматривающей жизнь как процесс познания, а познавательный аппарат — как результат коэволюции природных и социокультурных факторов⁶.

И, в-третьих, желательно менять не только свое отношение к процессу познания, но и иначе видеть сам предмет познания, изначально понимать всю его сложность, избегать упрощенного взгляда и излишне настойчивого стремления к редукции. В этом смысле дополнительную «монету» в «копилку» проводимого методологического подхода преподносит *современная онтология*, создаваемая *синергетическим* видением реальности. Так, проводя типологию изучаемых науками объектов, В. С. Степин констатирует, что «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем», которые «требуют для своего освоения особой категориальной сетки»⁷. «Сложным,

¹ См.: Микешинная Л. А. Указ. соч. С. 18–20.

² См.: Микешинная Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997. С. 202.

³ Цит. по: Микешинная Л. А. Указ. соч. С. 48.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ См.: Мамардашвили М. К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996. С. 22.

⁶ См.: Микешинная Л. А. Указ. соч. С. 54–56.

⁷ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 7.

многоплановым и разноуровневым феноменом является и право»¹.

Современные синергетические представления, включаемые в методологический арсенал гуманитарного знания, содержат очень важную (можно сказать «ключевую») идею «универсального (глобального) эволюционизма», который сводится не только к «общевселенской» идее развития, но и включает идею связи эволюционных и системных представлений².

Изучаемые объекты все чаще предстают как различные варианты процессов самоорганизации, становления и функционирования исторически развивающихся систем. Для саморазвивающихся систем по-новому ставится проблема «искусственного» и «естественного». Противопоставление естественного (как возникающего без вмешательства человека) искусственному (как результату деятельности человека, основанному на вмешательстве в ход естественных процессов) уже не является абсолютным. Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации ее потенциальных возможностей, как один из нескольких вероятных сценариев развития системы. Синергетическое описание предполагает, что «в состояниях неустойчивости в точках бифуркации система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, а сами эти воздействия не являются чем-то таким, что насильственно меняет природу саморазвивающейся системы. Ее сущностной характеристикой является актуализация определенных сценариев развития в зависимости от особенностей внешних воздействий. Причем возможны не всякие сценарии, их выбор в точках бифуркации определен генетическими особенностями системы. С этой точки зрения деятельность, актуализируя те или иные сценарии, «русла» развития системы, становится «соучастником» естественного процесса эволюции. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная, и как результат естественного развития. В этом аспекте различие естественного и искусственного может сохранять свой смысл»³.

Данную модель, на наш взгляд, можно с достаточной долей уверенности экстраполировать на право как сложный саморазвивающийся феномен и на этой основе понять правовой процесс как со-развитие (коэволюцию)⁴ естественно-социального (общественного) и искусственного (обусловленного государством) источников правовой динамики, как синер-

гетическое единство сил, приводящих в движение сложноорганизованный механизм воспроизводства права. В свою очередь, понять его действие, как имеющего характеристики сложной саморазвивающейся системы, невозможно только в русле классического мировоззренческого подхода (классические идеализации познающего субъекта не будут в этом случае полностью адекватными). В связи с этим актуальным здесь становится появление особого субъекта познания как «реального эмпирического субъекта», «становящегося», «возникающего в сложном потоке коммуникаций».

Принятие такой точки зрения уже на уровне фреймов (схем) познания, исследования процесса правового развития позволит иначе увидеть весь мир правовых явлений. Понять его в качестве находящегося в постоянном становлении, развитии, движении, преобразовании на основе сочетания объективного и субъективного, со-развития (коэволюции) естественного и искусственного, формального и неформального, позитивного и негативного, рационального и иррационального в едином течении «правовой жизни»⁵.

Думается, будет правильным и теоретически более перспективным остановиться на научном представлении о том, что в правовом развитии задействованы различные силы, между которыми существует объективная взаимосвязь, предложив, таким образом, рассматривать процесс развития права как коэволюционный процесс (как процесс со-развития). Это предполагает, что объективное и субъективное, естественно-социальное и искусственное (рационально-организованное) находятся в постоянном переплетении и взаимодействии, что отражает сам сложный процесс организации социально-правовой жизни общества. Ф. А. Хайек определяет эту «двойственность» через термины «таксис» (рационально построенный порядок) и «космос» (спонтанно возникший порядок). «Космос» является сверхрациональной конструкцией, «таксис» же выражается главным образом в нормах публичного права, которое называется рациональным коррективом спонтанно выросшей правовой системы («космоса» или частного права)⁶.

При понимании процессов правового развития нужно исходить из этих важных, на наш взгляд, общеметодологических положений. В этом видится тот ориентир, который не позволит впасть в крайности подходов, выражающих стремление видеть в качестве источников права (его эволюции) какое-либо одно начало. Как отмечает И. Л. Честнов: «Наиболее эвристически ценными, вытекающими из постклассической картины мира философскими принципами — постулатами научного исследования права — являются, как представляется, исходные положения диалогической онтологии...»⁷.

⁵ См. также: Трофимов В. В. Методология исследования правообразования // Современные методы исследования в правоведедении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 444–484.

⁶ См. об этом: Исаев И. А. Право и общество (социолого-правовые проблемы в современной западной науке) // Право XX века. Идеи и ценности / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2001. С. 299–300.

⁷ Честнов И. Л. Указ. соч. С. 323.

¹ Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 8. «Право, — отмечает В. А. Бачинин, — является открытой системой, находящейся в отношениях активного информационного взаимодействия с социумом и способной к самоорганизации» (см.: Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. СПб., 2001. Гл.: «Правовая социология и синергетика». С. 36).

² См. подробнее: Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 198–200; Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 644–645.

³ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность С. 14.

⁴ См., например, о проблемах применения коэволюционной модели: Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества» // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 15–25; Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Там же. С. 26–32.

Модернизация правовой системы, приспособление ее к новым, более динамичным условиям жизни должны сопровождаться (не говоря в данном случае об определенной перестройке юридического мышления) формированием более надежного и вместе с тем мобильного арсенала способов правового созидания. На современном этапе развития общества важно создавать предпосылки для комплементарного взаимодействия двух основных начал — спонтанного (стихийно-природного) и планомерно-рационального. Необходимо прийти к выводу о построении обновленной правовой концепции, которая позволяла бы учитывать как естественно-социальное начало в процессе развития права, так и роль в этом процессе субъектов юридической компетенции (рациональное начало). В последнем случае право, являясь феноменом культуры, предстает как результат сознательной и планомерно

осуществляемой деятельности, формируется и действует как своеобразный (по Ф. А. Хайеку) «рациональный корректив спонтанно выросшей правовой системы»¹.

Правовое развитие следует понимать как *двуединный (естественно-социальный и рационально-организованный) процесс, в котором природа социума и разум субъекта юридической компетенции развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении*. В правовой жизни есть два источника динамики права — объективный (не связанный с волей субъекта правотворчества или правоприменения; здесь право развивается в силу внутренних потенций к преобразованию и самовоспроизводству) и субъективный (определяемый волей законодателя/правоприменителя), взаимно дополняющие друг друга в ходе культурно-правовой эволюции.

Н. Н. Турецкий²

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Правовая культура — неотъемлемая часть общей культуры народа, базируется на ее началах, является отражением уровня ее развития, менталитета народа. Формирование правовой культуры зависит не только от развития других видов культуры (политической, моральной и религиозной), но и от стабильности действующего законодательства.

В научной литературе приводятся различные определения понятия «правовая культура». По мнению многих ученых, под правовой культурой понимается «определенный уровень правового мышления и чувств, восприятия правовой действительности», а также «надлежащая степень знания населением законов и высокий уровень уважения норм права, их авторитета». По мнению других, правовая культура — это качество правовой жизни общества, понимание и соблюдение права каждым членом общества.

Думается, в полной мере отражает суть правовой культуры ведущий исследователь этой области в России М. Б. Смоленский: «Правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующейся созданием и утверждением правовых ценностей»³. С этих позиций правовая культура общества отражает определенный уровень правосознания, совершенства законодательства и юридической практики и охватывает все ценности, которые созданы людьми в области права. Как видно из приведенных определений, правовую культуру рассматривают как в отдельном случае одного человека — индивидуальная

правовая культура, так и общества в целом — правовая культура общества.

Любой культуре для существования и развития необходимы прежде всего диалог и взаимодействие. Под диалогом культур понимается открытость культур друг другу. Диалог культур — это также возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами и одно из необходимых условий процесса творчества в искусстве. Как отмечает доктор культурологических наук, профессор А. С. Запесоцкий, диалог культур способен если не ликвидировать, то сгладить очень многие противоречия, которые обостряются сейчас и внутри стран⁴.

После распада Союза Советских Социалистических Республик в правовой культуре произошли кардинальные изменения. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, заключенное в Минске 8 декабря 1991 года, создавало условия для сохранения и развития культур всех народов государств-членов. Основной целью Содружества является осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях. Начало XXI века характеризуется продолжающейся интеграцией различных этнических, экономических и геополитических формирований.

В связи с этим наибольшую актуальность приобретает озвученная Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым идея создания нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза⁵. В апреле текущего года в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Президент Казахстана Н. А. Назарбаев выступил с лекцией

¹ См.: *Исаев И. А.* Указ. соч. С. 300.

² Директор НИИ государства и права им. акад. Гайрата Сапаргалиева (Астана, Казахстан), доктор юридических наук, профессор. Секретарь Казахстанского союза юристов. Автор свыше 150 научных публикаций (учебники, монографии, статьи), в т. ч. «Президентская власть в Казахстане на рубеже эпох» (в соавт.) и др.

³ *Смоленский М. Б.* Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. 2003. № 1.

⁴ *Запесоцкий А. С.* Культура должна вести за собой экономику. 23 мая 2007 г. URL: <http://www.rg.ru/2007/05/23/lixachev-chteniya.html> (дата обращения: 10.05.2014).

⁵ В марте 1994 года в МГУ им. М. В. Ломоносова Н. А. Назарбаев впервые озвучил идею о создании на пространстве СНГ нового интеграционного объединения — Евразийского союза государств.

«От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции». В своем выступлении он отметил динамизм евразийского интеграционного процесса и важность подписания договора о Евразийском экономическом союзе.

Цели Евразийского экономического союза выдвигают особые требования к его правовым и организационным механизмам. Н. А. Назарбаев убежден, что «экономическая интеграция активизирует и сделает более глубокими культурно-гуманитарные связи между народами стран-участниц. XXI век однозначно делает культурный сегмент важнейшей составляющей национальных экономик, приносящих солидный процент роста ВВП. Это и туризм, в том числе историко-культурный, экологический и медицинский. Это образовательные услуги, которые особенно важны для инновационно-индустриального развития и систем управления. Это сектор экономики развлечений, спорта и производства информационного продукта. В то же время важно, чтобы процесс культурно-гуманитарной интеграции не размывал духовно-культурного разнообразия евразийского пространства доминированием какого-то одного сегмента. Я считаю недопустимой эрозию национального содержания культур любой из наших стран. Поэтому важно поощрять изучение в школах и вузах государств-участников истории, литературы, культурного наследия и языков друг друга»¹.

Основой диалога культур в Казахстане являются закрепленные на высшем законодательном уровне принципы равенства граждан вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Для этого в целях укрепления межнационального диалога по инициативе главы государства в Казахстане был создан уникальный институт — Ассамблея народа Казахстана.

В связи с этим выделим термин «толерантность», который в современном мире применяется самостоятельно (прямого перевода этот термин не имеет). Однако надо отметить, в данном контексте основой особенной модели межнационального поведения нашего государства является именно толерантность, обозначающая терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям.

В 2007 году, в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Республики Казахстан, Ассамблея народа Казахстана стала конституционным органом, выполняющим один из главных принципов демократического государства — укрепление стабильности и межнационального согласия, реализации прав и свобод человека. В подп. 20 ст. 44 Конституции Казахстана закреплено, что президент Республики Казахстан образует Ассамблею народа Казахстана. В ст. 51 Конституции закреплено, что девять депутатов мажилиса избираются Ассамблеей народа Казахстана. Тем самым создан неизвестный ранее институт национального представительства — институт прямых выборов Ассамблеей девяти депутатов мажилиса парламента².

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. 28 апреля 2014 года URL: <http://www.akorda.kz> (дата обращения: 06.05.2014).

² Майлыбаев Б. А., Малиновский В. А. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. Алматы: Паритет, 2010.

Статьей 4 Конституционного закона Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» установлено следующее: «Пятнадцать депутатов сената назначаются президентом республики с учетом необходимости обеспечения представительства в сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества»³.

В соответствии с положениями Закона «Об Ассамблее народа Казахстана» Ассамблея является учреждением без образования юридического лица, которое формируется президентом республики и способствует разработке и реализации государственной национальной политики. Она осуществляет свою деятельность на всей территории Казахстана.

Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа (ст. 3).

Согласно ст. 4 Закона основными задачами Ассамблеи являются возрождение, сохранение и развитие национальных культур, языков и традиций народа Казахстана, насчитывающего более 130 этносов.

Большим политическим успехом народа Казахстана стало обсуждение, а впоследствии и принятие Ассамблеей важного концептуального документа — Доктрины национального единства Казахстана, в основе которой лежат общие ценности, главной из них является независимость.

Важно также подчеркнуть, что «за прошедшие со дня образования годы Ассамблея народа Казахстана завоевала высокий международный авторитет и стала поистине внутриказахстанской моделью ООН, важным элементом политической системы, полноценным и высокоэффективным институтом гражданского общества, одним из важнейших инструментов цивилизованного осуществления в республике межнациональной политики, гражданской консолидации представителей всех этносов... И сегодня можно с уверенностью утверждать, что в Республике Казахстан успешно реализована новая формула стабильности полиэтнического, поликонфессионального общества — стабильность как результат согласования интересов всех этносов. Это, в свою очередь, основа для проведения в стране как политических, так и экономических реформ»⁴.

Многие известные политики и общественные деятели отмечают высокую общественную стабильность Казахстана. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан назвал Казахстан «примером межнационального согласия, стабильного, устойчивого развития для других государств мира». В ходе своего визита в Казахстан в сентябре 2001 года Папа Римский Иоанн Павел II заявил, что «мир и согласие в Великой степи приятно удивляют и доказывают, что мир в многонациональном государстве можно сохранить». М. Тэтчер отметила:

³ Конституционный закон Республики Казахстан от 16 октября 1995 г. № 2529 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов».

⁴ Вишниченко В. Г. Костанайская областная Ассамблея народов Казахстана: история создания и становления. Костанай: Костанайский печатный двор, 2006. С. 13.

«Пессимисты, должно быть, думали, что этническое и религиозное многообразие вашей страны послужит причиной для распрей и ослабит Казахстан. Однако все вышло наоборот. Вы служите примером для других»¹.

Проводимые в Казахстане съезды лидеров мировых религий стали хорошей формой межконфессионального и межкультурного диалога. Впервые Съезд лидеров мировых и традиционных религий был создан в 2003 году по инициативе Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. Основной целью Съезда является развитие культуры толерантности и взаимоуважения в противовес идеологии ненависти и экстремизма. Основной задачей является сотрудничество и взаимодействие со всеми международными организациями и структурами, нацеленными на продвижение диалога между религиями, культурами и цивилизациями.

На настоящее время прошло четыре съезда: в 2003, 2006, 2009 и 2012 годах. В рамках IV Съезда был создан координирующий орган — Совет религиозных лидеров. На пленарном заседании IV Съезда открыт интернет-ресурс, посвященный вопросам формирования и укрепления глобальной толерантности и доверия².

При интеграционных процессах особенно остро встает вопрос о различиях культур. В связи с этим толерантность становится важным критерием при формировании диалога между культурами.

Согласно стратегии «Казахстан–2050» новый политический курс состоявшегося государства, гражданский мир и межнациональное согласие — наша главная ценность. Мир и согласие, диалог культур и религий в нашей многонациональной стране справедливо признаны мировым эталоном. Приоритетом модернизации внешней политики является интенсификация международного сотрудничества в культурно-гуманитарной, научно-образовательной и других смежных сферах. В своем послании глава государства отметил, что следует дать новые импульсы развитию всеказах-

станской культуры. Следует разработать долгосрочную Концепцию культурной политики. В ней надо обозначить меры, направленные на формирование конкурентоспособной культурной ментальности казахстанцев, развитие современных культурных кластеров³. В текущем году в целях реализации послания будет разработана долгосрочная Концепция культурной политики Республики Казахстан.

В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2013 года оглашено, что 2014 год объявлен в России Годом культуры. «Он призван стать годом истинного просветительства, обращения к нашим культурным корням, к вопросам патриотизма, нравственности и морали. Мы знаем всеохватывающую, объединяющую роль культуры, истории, русского языка для нашего многонационального народа и с учетом этого должны выстраивать государственную политику, в том числе в сфере образования»⁴.

В заключение отметим, что Казахстан делает все необходимые шаги для непрерывного диалога между культурами и религиями, являясь в своем роде посредником между культурами Востока и Запада. В Казахстане созданы необходимые условия для удовлетворения запросов и потребностей представителей различных конфессий, которые, в свою очередь, опираются на традиции, в том числе правовую культуру.

Из вышесказанного следует, что диалог культур и толерантность являются важными элементами стабильности общественных отношений. В настоящее время общество объективно нуждается не только в социально-экономической, политической, но и в правовой стабильности, которая зависит от стабильности действующего законодательства страны. Диалог культур является важнейшей основой стабильности общественных отношений, в том числе при острых демократических процессах смены власти и проведения общенациональных референдумов.

¹ Турецкий Н. Н. Законодательная ветвь власти Казахстана. Алматы: Норма-К, 2011.

² Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Краткая информация. URL: <http://www.religions-congress.org/content/view/358/41/lang.ru/> (дата обращения: 10.05.2014).

³ Послание Президента Республики Казахстан — лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия “Казахстан–2050”: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012 года. URL: <http://www.akorda.kz/> (дата обращения: 10.05.2014).

⁴ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию РФ. 12 декабря 2013 года.

Е. Ф. Чеберко¹,
Э. С. Марасанов²

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Сегодня человеческое сообщество не первый раз в своей истории переживает системный кризис. На глобальном уровне практически на всех участках жизнедеятельности цивилизационные конфликты дошли до крайней точки. В области политической мир балансирует на грани мировой войны. Региональные войны практически не прекращаются. В области экономической мировое сообщество еще не пришло в себя после кризиса 2008–2009 годов, а уже готово войти в новую его стадию. Нет ни одного участка социокультурного пространства, которое не охвачено кризисными явлениями. Все это значит, что существовавшая на протяжении веков парадигма общественного развития себя исчерпала и необходим переход к новой, в рамках которой может быть решен существующий цивилизационный конфликт.

Один из наиболее авторитетных разработчиков данной проблемы академик Н. Н. Моисеев в конце прошлого века так сформулировал ее: «Конец века подвел человечество к рубежу, за которым оно становится единым организмом и приобретает общую цель, которую, может быть, не все пока осознают: общепланетарный гомеостаз. Никакое государство, даже США, самостоятельно не сможет обеспечить собственную стабильность. “Железные занавесы” исчезают сами собой — они для всех смертельны!

Однако у этого в муках рождающегося организма пока еще нет института, формирующего общее понимание ситуации и — самое главное — общую волю; института, способного направить усилия людей на достижение этой общей цели. Люди еще не осознают происходящего и живут в оковах собственного локального эгоизма, как это было во времена палеолита»³.

Вспомним два наиболее глубоких системных кризиса из прошлого. Первый угрожал исчезновением человека в связи с неспособностью природы прокормить за счет естественных ресурсов ничем не сдерживаемый прирост населения. Выход был найден в результате появления сельского хозяйства. Впервые нависшая над

человечеством угроза была решена с помощью технического прогресса, путем смены технологического уклада.

Второй кризис был связан с исчерпанием ресурсных возможностей доиндустриальной цивилизации. Знаменитый «мрачный пророк» Томас Мальтус предрек незавидное, никчемное существование человечества на минимальном прожиточном уровне и благом для него считал войны и эпидемии, стихийные бедствия, сокращающие народонаселение.

Это был первый глобальный, уже чисто цивилизационный кризис. Потребовались революционные изменения во всех областях человеческой жизни, и прежде всего в производительных силах. Технологически вопрос был решен с появлением парового двигателя, что привело к появлению фабрик и стало началом индустриальной эпохи развития человечества в его капиталистической упаковке.

Принципиальные подвижки в производительных силах и экономических отношениях сопровождались и были бы невозможны без разрушения системы старых ценностей и формирования новой системы общественных отношений. Мирская по своей сути протестантская этика легализовала в глазах общества новое положительное представление о богатстве в форме накопленного капитала и средстве его достижения — капиталистическом предпринимательстве. Во время кризиса как никогда остро проявляются цельность и взаимная зависимость отдельных частей комплекса общечеловеческой культуры.

В период исчерпания какого-то определяющего жизнь социума ресурса наступает деградация общественных отношений, что и находит свое отражение в появлении норм морали, которые снимают табу даже с поступков, которые нарушают базовые общественные устои. Можно предположить, что именно во время первого кризиса у некоторых племен появилась традиция поедания себе подобных.

Второй кризис породил страшные религиозные войны, которые по относительным критериям некоторые историки относят к одним из самых тяжелых в мировой истории по своим последствиям. Социокультурный кризис начался с религиозных дискуссий по поводу отношений собственности, без решения которых нельзя было подняться на новый уровень развития общественных отношений. Дискуссии трансформировались в ереси и привели к братоубийственным войнам, в которых мораль и право уходят на дальний план.

Можно сделать вывод, что смена технологических укладов сопровождается серьезными подвижками в социокультурных отношениях и, более того, невозможна без них. Причем исторический опыт свидетельствует, что стадии подъема, процветания нового технологического уклада сопровождаются подъемом всей совокупности отношений, объединяемых понятием культуры в узком смысле. И наоборот, исчерпание возможностей

¹ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч. книг: «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макрэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.); статей «Механизмы реализации государственной инновационной политики» (в соавт.), «Развитие сектора малого предпринимательства как фактор повышения инвестиционной привлекательности региона» (в соавт.) и др.

² Заместитель декана экономического факультета, старший преподаватель кафедры экономики и управления СПбГУП. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Институционально-пространственный синтез и геоэкономическая конкуренция», «Особенности институционального проектирования конкурентных пространств в динамике стратегического регионального планирования». Ответственный секретарь Общественно-консультативного совета при управлении Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу.

³ Моисеев Н. Н. Экологический социализм. М., 1998. С. 26–27.

технологического уклада приводит к упадку социокультурных институтов.

При этом здесь следует отказаться от рассуждений об их взаимной первичности или вторичности как приводящих к бесплодной дискуссии. Конечно, смена уклада имеет логику саморазвития, но решающую роль играет внешний импульс — уровень и интенсивность противоречия, сложившегося в обществе. Мы сейчас переходим к шестому технологическому укладу. Противоречие носит сегодня масштаб не меньший, чем в упомянутых двух случаях, и выход из кризиса видится только радикально революционный. Речь идет о революционных изменениях, меняющих парадигму общественных отношений.

Опять возникла угроза существованию человечества. Впервые об этом на высоком уровне заговорили в Римском клубе, который без преувеличения сыграл выдающуюся роль в привлечении внимания не только общественности, но и руководителей всех стран к проблемам экологии и бедности. Появилась концепция устойчивого развития — Киотский протокол, который, несмотря на неоднозначные оценки его результатов, сыграл серьезную роль в приобретении опыта решения общемировых проблем на высшем уровне. Не был до конца реализован и программный документ «Повестка дня на XXI век». Не будем останавливаться на всех причинах. Назовем главную на сегодняшний день — ресурсную. Земля не в состоянии обеспечить семь с лишним миллиардов своего населения необходимыми ресурсами.

Стороны конфликта уже встали в позиции силового противостояния. С одной стороны — обладатели основной части дефицитных ресурсов, твердо настроенные на сохранение статус-кво. С другой — те, кто не менее решительно настроен разрушить статус-кво и получить доступ к дефицитным ресурсам. Причем во главе последних стоит страна, богато одаренная природой, но которой контроль над ключевыми факторами существования человечества нужен для установления своего политического мирового господства. Поэтому нужно быть предельно наивными, чтобы допустить, что ее отношения с Россией могут строиться на иных принципах, кроме соперничества.

Россия обладает слишком большой и богатой территорией, чтобы ее оставили в покое. Правда, известный публицист Александр Гордон пишет: «Если мы будем копать в своем огороде и повернемся к остальному миру, извините, задницей, то и мир успокоится. Ведь сейчас мы всех сильно напрягаем».

Маловероятно, что сам Гордон верит, будто, смилив гордыню, можно отсидеться «в огороде». Находятся люди, которые относятся к нашей стране с генетической ненавистью и не скрывают этого. Наиболее одиозная фигура, естественно, — З. Бжезинский. Достаточно напомнить его наиболее часто упоминаемые в прессе высказывания: «Мы уничтожили СССР, уничтожим и Россию... Россия — это вообще лишняя страна... Это — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу». Но настоящим девизом для внешней политики США стало следующее изречение Бжезинского: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России».

Но даже такой риторикой можно было бы пренебречь, если бы США и их сателлиты не демонстрировали каждый день, что любое посягательство на «идеалы демократии» (то есть на геополитические интересы США) немедленно карается несоразмерно жестоко. Единственное, что их останавливает, — боязнь «асимметричного ответа», если он возможен. «Повернувшись к миру задницей» (по рекомендации Гордона), мы тотчас получим по ней пинка, поскольку такая поза не будет вписываться в какие-либо принципы демократии.

Между тем можно проблему ресурсных ограничений снять или смягчить существующее геополитическое противоречие, не прибегая к крайностям. Для кардинального решения сегодняшнего глобального противоречия необходимо иметь два условия. Первое связано со сменой технологического уклада, поскольку старый не решает проблемы ресурсных ограничений сегодняшнего дня. Второе — со сменой существующих сегодня неэффективных форм присвоения результатов общественного производства. То есть исчерпали свои возможности прорывного развития как пятый технологический уклад, давший человечеству колоссальный импульс развития (компьютер, Интернет, индустрию космоса, атомную энергетику и многое другое), так и капиталистическая форма организации производства, то есть частнокапиталистическая форма присвоения.

На пороге появились альтернативные возможности решения стоящих перед обществом задач. Это шестой технологический уклад, принципиально меняющий направление научно-технического прогресса и, главное, способный решить ресурсную проблему. Кроме того, возникли новые формы организации общественного производства — прежде всего речь идет о государственно-частной форме, получившей уже сегодня в мире широкое распространение.

И. А. Честнов¹

ПРАВОВОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Тенденции, происходящие в современном мире, отличаются двумя противоположными векторами: глобализацией и локализацией². Возможно, движение социальных групп, культур и обществ к локализации представляет собой ответную реакцию на глобализацию, происходящую темпами, опережающими возможности психологической адаптации. Нивелирование различий вызывает вполне оправданное стремление сохранить свою самобытность.

Особое значение при этом придается сфере культуры — культурной самобытности наций, этносов и даже отдельных групп. Движение же к культурной автономии обнаруживается все в большей степени на локальном уровне — местного самоуправления³. С одной стороны, эта тенденция не может не приветствоваться, хотя бы в силу важности, ценности любой культуры. Более того, для выживания человечества унификация, сопровождаемая процессом глобализации, должна быть уравновешена минимумом разнообразия. Но, с другой стороны, чрезмерное развитие локализации ставит под сомнение не только существование национальной культуры на уровне отдельного социума, но и их управляемость.

Обозначенная проблема имеет прямое отношение к праву, выступающему формой фактически существующих общественных отношений. Одновременно реформирование законодательства должно учитывать тенденции, происходящие в том числе в культурной автономизации и сегментаризации современного общества.

Фактически мультикультурность возникает уже в 1970-е годы вследствие динамики коммуникаций и перемещений народов. Рост культурных контактов приводит к формированию плюралистических обществ прежде всего в границах крупных государств. Параллельно, во многом стимулируя этот процесс, в некоторых государствах формируется политика мультикультурализма, призванная способствовать сохранению культурной самобытности культур и их толерантно-

сти во взаимоотношениях. Так, в 1971 году Канадское федеральное правительство провозгласило национальную мультикультурную политику, которая была направлена на разрушение дискриминационных установок и культурное соперничество. Эта политическая концепция устанавливает, что в Канаде, «хотя и существуют два официальных языка, нет никакой официальной культуры, и никакая этническая группа не имеет превосходства над любой другой». Далее политическая концепция утверждает, что другие культурные общины «представляют собой существенные элементы в Канаде и заслуживают правительственной поддержки, чтобы вносить свой вклад в региональную и национальную жизнь теми способами, которые происходят из их наследия, но все же являются определенно канадскими»⁴.

Осмыслением очерченной проблемы в 1980–1990-х годах занялись прежде всего социальные философы. Наиболее перспективным направлением их исследований явилась концепция мультикультурализма, сформулированная одним из первых Ч. Тейлором⁵. Представители мультикультурализма небезосновательно утверждают, что содержание современного общества образовано множеством культур, отличающихся разнородными, порой противоречащими друг другу ценностями. Важно то, что человек существует сразу одновременно в нескольких культурных сферах-пространствах⁶. Поэтому сегодня нет замкнутых, самодостаточных, целостных культур. Любая культура, очерчиваемая привязкой к социуму, языковой нации или территории, характеризуется множественностью значений, ей приписываемых, различающихся (может быть, не противоположными, но разными) ценностными ориентациями⁷.

Подобная стратегия была предложена в других плюралистических обществах. В Австралии прежние взгляды были в значительной степени ассимиляционистскими, но они эволюционировали в сторону

⁴ Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков, 2007. С. 406.

⁵ Taylor Ch. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton (NJ), 1994. (Нем. пер. Taylor Ch. Multiculturalismus und die Politik der Erkennung. Frankfurt a/M, 1993).

⁶ Отсюда вытекает знаменитый тезис постмодернизма о «расколотости “я”-сознания» или в более умеренной версии: «многомерности личности». См.: Gillet G. A Discursive Account of Multiple Personality Disorder // Philosophy, Psychiatry and Psychology. 1997. № 4; Self and Identity: Contemporary Philosophical Issue / D. Kolak, R. Martin (eds.). N. Y., 1991.

⁷ В связи с этим С. Бенхабиб заявляет: «Всякое сложное человеческое общество в любой момент времени состоит из множества материальных и символических практик со своей собственной историей. В этой истории запечатлены следы борьбы за власть, за некие символы и обозначения — короче, за культурную и политическую гегемонию, которой добиваются группы, классы и представители разных полов. Никогда не бывает единой культуры, одной логически выверенной системы верований, символов и обычаев, которая распространялась бы по всему кругу человеческой деятельности» (Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М., 2003. С. 71).

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права», «Постклассическое правовопонимание», «Постклассическая теория права» и др.

² Английский социолог Р. Робертсон ввел новое понятие «глобализация» для фиксации происходящих в глобальном мире двух взаимосвязанных процессов — гомогенизации и гетерогенизации (Robertson R. Glocalization: Time-space and homogeneity — heterogeneity // Global Modernities. 1995. P. 40).

³ По данным на середину 1990-х годов 11 % жителей государств Европы и Северной Америки отождествляли себя с миром или континентом, 29 % — со страной и 57 % — с городом или провинцией (Global Civil Society 2001. Oxford, 2001).

интеграционистских представлений. В начале 1970-х годов правительство направило страну по мультикультурному курсу, заявляя, что «Австралия — мультикультурное общество... одно из наиболее космополитических обществ на земле». Позже, в 1978 году, политика мультикультурализма была формально подтверждена австралийским правительством¹. Аналогичная политика была провозглашена в Швеции, ФРГ, Нидерландах и других западных государствах.

Мультикультурализм в области права утверждает, что поскольку отсутствует единая для всех времен и народов культура, выражающаяся как законченная система ценностей, а также рационально обоснованная иерархия ценностей², постольку каждая культурная группа имеет (должна иметь) свою систему правовых норм и руководствоваться только ею. При этом культурные различия объявляются основополагающими, фундаментальными (так как именно они обеспечивают идентичность людей), всякое внешнее воздействие на эти различия должно оцениваться как величайшая несправедливость³.

Правовая политика, выражающаяся в законодательстве, реагирует в странах Запада на претензии все большего числа групп на юридическое закрепление их автономии и предоставление особого правового статуса двойко. Политика ФРГ, например, состоит в интегрировании гастарбайтеров в правовую систему, но не в силу их членства в конкретной этнической группе, а на основании их правового статуса как индивидов. Отдельные права им предоставляются как работникам и личностям. Конституция ФРГ таким образом предоставляет отдельным индивидам определенные права просто потому, что они человеческие существа. Именно эта корпоративная статусная идентичность обеспечивает таким людям определенные наборы прав и льгот⁴. Иная система существует в Нидерландах. С 1982 года там законодательно была определена группа этнических «официальных меньшинств». Когда этническая группа добивается статуса официального меньшинства, получают удовлетворение ее претензии на социальную поддержку в жилищной и образовательной областях, в сфере занятости и др. Одновременно эти группы приобретают права на учреждение культурных, религиозных и образовательных организаций, а также обучение своему родному языку в качестве второго языка. Таким образом голландцы практикуют модель «культурных анклавов» и «сохранения культур»⁵.

¹ Бенхабиб С. Указ. соч.

² В связи с этим представляется уместным привести мнение А. Макинтайра о том, что не существует теоретически нейтральной, дотеретической основы, позволяющей рассудить спор конкурирующих мнений, особенно в области морали (*MacIntyre A. Three Rival Versions of Moral Inquiry: Encyclopaedia, Genealogy and Tradition. L., 1990. P. 173*).

³ См.: Чукин С. Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000. С. 248 и след.

⁴ Бенхабиб С. Указ. соч. С. 92.

Заметим, что в ФРГ существуют отдельные группы (а не отдельные индивиды), отличающиеся особым правовым статусом. Так, например, государство в ФРГ, занимая в принципе нейтральную позицию, тем не менее поддерживает связи с религией и оказывает ей прямую или косвенную помощь, одинаково относясь к официально зарегистрированным конфессиям (*Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2006. С. 548–549*).

⁵ Бенхабиб С. Указ. соч. С. 93.

Эту двойственность политики мультикультурализма анализирует Н. Рулан. Юристы, по его мнению, вырабатывают некоторое число категорий, отнесение к которым индивида означает для него определенные правовые последствия. Их формирование и многократное увеличение ставит под сомнение «республиканский принцип» — принцип равенства. Другими словами, наделение отдельных лиц или групп особым правовым статусом свидетельствует о том, что в равенстве могут быть различия⁶. Так, например, французское законодательство не признает особый статус (а значит, юридическое существование) корсиканцев как нации⁷ или даже этноса, хотя признает таковой за коренными народами «заморских территорий»⁸.

В общем и целом принцип формального равенства предполагает, что права человека относятся исключительно к отдельным индивидам, а не к отдельным группам⁹. Поэтому «позитивная дискриминация» (особый правовой статус) допускается, как, например, формулируется в решениях Конституционного совета Франции, только исходя из разницы в социальном положении или в целях общественного интереса¹⁰. Однако очевидно, что граница (мера) разницы в социальном (и культурном) положении, признаваемом дискриминационным, весьма относительна и контекстуальна: в одни исторические эпохи и у одних культур-цивилизаций это одни критерии отнесения различий к «не-терпимым», а значит, дискриминационным, а в другие (и у других) — иные. В любом случае универсальных критериев такого выделения и, следовательно, наделения определенных групп, категорий населения определенным правовым статусом не существует. Это зависит прежде всего от господствующего в данную эпоху и в данной культуре мировоззрения, формирующего общественное мнение.

Это же касается и такой категории, как «общественный интерес» или «общее благо». По мнению либералов, общественного интереса как реально существующей целостности не существует, а следует вести речь об интересах отдельных личностей. Поэтому, как утверждает Р. Дворкин, ограничение прав человека ссылками на общественный интерес, общественную безопасность и тому подобное недопустимо¹¹. Проблематичность такого подхода состоит в том, что мера (ограничения) прав человека определяется свободой другого.

⁶ Рулан Н. Указ. соч. С. 556–557.

⁷ Во Франции нация понимается как воля к совместному проживанию — «ежедневный плебисцит», благодаря которому удается подняться выше частных разногласий. Поэтому Конституция Франции отрицает происхождение как основу нации и вытекающую отсюда дискриминацию (Там же. С. 572–573).

⁸ Там же. С. 592 и след. При этом Н. Рулан отмечает, что французское законодательство в этом вопросе находится в противоречии с международным правом, «которое в течение последних двадцати лет стало более открытым к правам коренных народов, и потому время от времени она (Франция) навлекает на себя его санкции» (Там же. С. 596).

⁹ Поэтому «как отдельная личность, каждый представитель коренного населения имеет право на уважение местных особенностей в рамках, установленных французским правом, но они не могут составлять подмножества внутри нации» (Там же. С. 595).

¹⁰ Там же. С. 563.

¹¹ «Главная суть требования того или иного права... состоит в том, что индивид имеет основания требовать защиты от меньшинства, пусть даже в ущерб общим интересам» (*Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 206*).

Другими словами, объем моих прав ограничен правами другого. Но ограниченность ресурсов, объектов притязаний (например, государственных должностей, льгот и пособий) неизбежно приводит к конфликту притязаний одного индивида и другого. Либеральная конструкция меры прав человека разрешить этот конфликт не в состоянии.

По мнению же сторонников коммунитаризма, мера прав человека определяется господствующими в обществе убеждениями¹. Такой подход представляется гораздо более предпочтительным по сравнению с красивой утопией либерализма, уповающей на «золотое правило». Именно признание, выражающееся в массовом поведении и ментальном образе-оценке соответствующего института, должно определять (и определяет на уровне обычаев) отношение населения к социальным (и правовым в том числе) институтам, которые суть мера возможного, должного или запрещенного поведения. Одновременно господствующие в социуме предпочтения и оценки должны определять категории населения, которые могут претендовать на особый статус (в том числе и правовой)². Выявление критериев признания множества фактически существующих и требующих юридического оформления социокультурных групп (категорий) населения — важнейшая задача социальной антропологии права, которая настоятельно требует серьезных научных исследований.

Правовой мультикультурализм в уголовном праве многих западных государств выражается в учете специфики культуры виновных при квалификации деяния и вынесения решения по делу. Сторонниками мультикультурализма оспаривается справедливость наказания представителя культуры меньшинства в соответствии с законами, отражающими культуру большинства. По их мнению, справедливость по отношению к конкретному обвиняемому означает, что незнание закона должно быть основанием защиты для лиц, выросших в чужой культуре. Делается вывод, что учет культурных особенностей ничем не отличается от учета других социальных признаков личности, в том числе пола, возраста, психического состояния³.

Для обоснования уголовно-правовой политики мультикультурализма сформулирован термин «преступление (правонарушение), обусловленное культурой», — поступок представителя культуры меньшинства, который считается преступлением в правовой системе доминирующей культуры. Этот же поступок в культуре преступника выглядит как нормальное поведение (например, насилие, обусловленное защитой чести). В качестве культурно обусловленных могут

¹ Walzer M. Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality. Oxford, 1983.

² В связи с этим антиномия «личность – социальная группа» (и соответственно права личности и права коллективного образования) представляется мнимой, так как личность и социальная группа взаимообуславливают, взаимодополняют друг друга. Более того, закрепление в норме права особого статуса автоматически делает его безличностной, «неединичной» категорией, так как норма права по определению распространяется на неопределенный круг лиц. Поэтому норма права сама по себе очерчивает группу лиц, которые, соблюдая, исполняя или используя ее, превращаются в юридическую групповую категорию (например, учащиеся, военнослужащие и т. д.).

³ Бибик О. Н. Введение в культурологию уголовного права: моногр. М., 2012. С. 187.

выступать деяния, совершенные согласно традициям, обычаям, которые продолжают неофициально существовать, несмотря на уголовные запреты (например, убийство ведьмы или уплата выкупа за невесту)⁴.

Так, американка японского происхождения утопила двоих малолетних детей и сама пыталась (неудачно) покончить жизнь самоубийством из-за измены мужа. Суд признал эти действия соответствующими древнему японскому обычаю и практически оправдал ее, назначив один год тюремного наказания, который она провела, находясь под следствием. По другому уголовному делу суд оправдал американца китайского происхождения за убийство жены вследствие ее неверности, сочтя эти действия согласующимися с китайским обычаем смывать позор кровью. В третьем уголовном деле американка лаосского происхождения была похищена с места работы и принуждена к вступлению в половой акт. Насильник-иммигрант лаосского происхождения был приговорен к 120 дням тюрьмы и 900 долларам возмещения нанесенного ущерба, так как его племя такой способ выбора невесты считает обычным⁵.

Очевидно, что критерии правовой политики (и уголовно-правовой в частности) исторически изменчивы и зависят от господствующего в соответствующем социуме мировоззрения, учитывающего «общемировые» тенденции, устанавливаемые доминирующими на мировой арене субъектами. «Деяние характеризуется в качестве преступного именно с точки зрения культуры», — справедливо замечает О. Н. Бибик⁶. Именно те социальные группы, которые выдают себя за носителей господствующей или официальной культуры, и осуществляют правовую политику — номинацию деяний как правовых (правомерных или противоправных).

Другая проблема практического свойства, относящаяся к мультикультурализму на международном уровне, состоит в теоретическом осмыслении правомерности вмешательства в дела другого государства (то есть правомерности нарушения государственного суверенитета) в связи с нарушением в нем прав человека. В 2001 году Международной комиссией по интервенции и государственному суверенитету во главе с известным теоретиком-международником Ф. Дэнгом была разработана концепция суверенитета как ответственности. Суть ее в том, что если государственная власть грубо нарушает права подданных (населения, проживающего в данном государстве), осуществляет внутреннее управление, не соответствующее международным стандартам, то другие нации имеют право и обязаны вмешаться в дела этого государства, а также предотвратить негативные последствия такой интервенции⁷. Тем самым правительства, не осознающие своей ответственности перед народом (с точки зрения международного права), расплачиваются суверенитетом. Известный социолог, ныне профессор

⁴ Бибик О. Н. Указ. соч.

⁵ Coleman D. L. Individualizing Justice through Multiculturalism: The Liberals' Dilemma // Columbia Law Review. 1996. Vol. 96, № 5. Другие примеры «преступлений, обусловленных культурой» и «культурно обоснованной защиты от уголовного преследования» см.: Бибик О. Н. Указ. соч. С. 190–247. Об учете культурных особенностей в российском уголовном праве см.: Там же. С. 222–247.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Цит. по: Etzioni A. Sovereignty as responsibility // Orbis. Oxford, 2006. Vol. 50, № 1. P. 71–73.

факультета международных отношений Университета Дж. Вашингтона А. Этциони, лидер коммунитаризма и автор теории «Хорошее общество», утверждает, что в таком социуме провозглашается ответственность членов общества как друг перед другом, так и перед общим процветанием. Поэтому народ — активные граждане — в определенных случаях сохраняет за собой право обратиться в международные органы для наведения порядка и предотвращения геноцида, этнических чисток, массовых убийств, насилия. При этом тот, кто намеревается предпринять гуманитарную интервенцию, должен получить одобрение как собственного народа, так и населения, выступающего объектом интервенции¹. Соглашаясь в принципе с мнением известного ученого, хотелось бы заметить, во-первых, что достаточно проблематичным остается механизм определения согласия населения на проведение интервенции. Во-вторых, содержание прав человека и их нарушения должны определяться не европоцентристскими стандартами, выдаваемыми за универсальные, а региональными конвенциями, которые достаточно активно формируются в современном «глокализирующемся» мире.

Сегодня все чаще раздаются голоса о том, что политика мультикультурализма потерпела крах. «Последние неудачи мультикультурализма, — пишет О. Н. Бибик, — все больше ставят под сомнение возможности учета культурных различий в уголовном праве в интересах виновного. Можно констатировать, что указанная политика потерпела крах, о чем официально заявили лидеры ведущих европейских стран. Отмечается, что мигранты должны больше интегрироваться в доминирующие культуры. Причем особый акцент делается на проблеме исламского экстремизма»². Однако если под политикой мультикультурализма понимать необходимость учета того, что современное общество является сложноорганизованным, часто многосоставным (по терминологии А. Лейпхарта), в любом случае плюралистическим, то есть мультикультурным³, то какая-то политика, учитывающая эту реальность, неизбежно должна проводиться. Это может быть стратегия «плавильного котла», господствовавшая в США в XIX — начале XX века, которую можно именовать ассимиляционной; это может быть политика сегрегации или маргинализации тех социокультурных групп, которые признаются «меньшинствами»⁴; наконец, это может

быть стратегия диалога (в разных его вариантах) или интеграции, выражающаяся в делиберативной политике. От того, что мультикультурализм будет объявлен несуществующим, он никуда не исчезнет. Поэтому все равно все государства, в том числе и международные организации, не могут не заниматься этой проблемой.

Главная проблема политики правового мультикультурализма, как и правовой политики вообще, — это определение меры правовых различий. Право закрепляет социальные статусы, складывающиеся и существующие в данном социуме, и тем самым определяет меру различий между ними (людьми, идентифицирующими себя с данным статусом). Юридическая категория правосубъектность и есть юридическая форма социального статуса. Но отношения между социальными статусами зависят от множества факторов, не поддающихся рациональному расчету. Они конструируются тем же «первичным произволом», что и любой социальный институт (собственно, социальный институт можно рассматривать как совокупность социальных статусов) во взаимодействии с потенциально безграничным количеством обстоятельств и в конечном счете складываются спонтанно. Поэтому научно доказать, что такая-то социальная группа должна обладать таким-то правовым статусом, невозможно. Поэтому прав О. Н. Бибик, утверждающий, что «ни одна система наказаний в мире не имеет под собой какого-либо точного расчета и обоснования. ...Метод определения вида и размера наказания — это terra incognita уголовного права, а также права вообще. Кроме общих ориентиров, система наказаний оказывается обусловленной культурой, субъективными представлениями, пусть и опирающимися на объективные последствия преступных деяний»⁵.

Именно господствующая правовая культура (правовая культура государствующей социальной группы) задает критерии различия правого (правомерного и противоправного). Но правовая культура — это не эссенциалистская сущность, как представлялось в эпоху Нового времени, когда культуру отождествляли с артефактами «высокой» элитарной культуры, а процесс воспроизводства правовой реальности⁶. Поэтому изменения в «политическом поле» неизбежно приводят не только к изменению законодательства, но и представлений о праве широких масс населения и правовых практиках. Поэтому политика правового мультикультурализма постоянно изменяется и будет изменяться.

группу, то теперь они подчеркивают свою особость. Если афроамериканцы 50-х из кожи вон лезли, чтобы стать неотличимыми от соотечественников англосаксонского происхождения, то в 80-е колоссальную силу набирает тенденция *black is beautiful*. Если вплоть до конца 70-х иммигранты из Азии и Латинской Америки предпочитали «стусеваться» и активно вовлекались в процесс ассимиляции, то с середины 80-х они энергично и даже агрессивно подчеркивают свою культурную несхожесть с большинством американского населения. Происходит демонстративный возврат к прежней, «до-иммигрантской» идентичности» (*Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. С. 25*).

⁵ Бибик О. П. Культурная обусловленность уголовного наказания : моногр. М., 2013. С. 134.

⁶ В связи с этим уместно привести высказывание С. Бенхабиб: «...культура... не является данностью, а формируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами; они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей» (см.: Бенхабиб С. Указ. соч. С. XXXV).

¹ Etzioni A. Op. cit. P. 74–82.

² Бибик О. Н. Указ. соч. С. 221.

³ Именно так трактовался термин «мультикультурализм» изначально в конце 1980-х годов, когда он возник: «...уважение большинства к меньшинствам, равный статус различных культурных традиций, право индивидов на выбор собственной идентичности» (*Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001. С. 29*). Совсем не обязательно понимать мультикультурализм как эссенциализм, то есть признание культурных различий как всегда-уже-данных (именно так трактует мультикультурализм как тип дискурса и идеологии В. Малахов. См.: *Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 158*). В духе «постмодернистского» мультикультурализма вполне уместна его трактовка как конструктивистского или конструируемого мультикультурализма.

⁴ Если начальный — «оптимистический» — этап мультикультурализма был ориентирован на сближение культур (культуры меньшинств с доминирующей культурой), то сегодня — с 1990-х годов — наблюдается радикализация инаковости. «Если раньше индивиды, принадлежащие этническим и культурным меньшинствам, скорее противились выделению себя в особую

Часть II. ЭКОНОМИКА, ПРАВО, КУЛЬТУРА НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

С. Б. Байзаков¹

О НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Виктор Гюго, великий французский писатель, утверждал, что ни одна армия не способна остановить идею, момент воплощения которой уже настал. Сегодня, как никогда ранее, настал момент создания научно-методологических основ евразийской интеграции и инновационной технологии управления экономикой стран единого экономического пространства. Познание закономерностей, изучение и признание единых исторических корней социально-экономического развития наших стран выступают как основа для построения необходимой инновационной технологии управления рыночной экономикой, основанной на научно-методологических принципах и точных единицах измерения экономических индикаторов макроэкономической динамики.

Экономика стран Евразийского экономического пространства (ЕЭП) относительно развитых стран мира характеризуется быстрыми темпами развития. Эта тенденция требует новых и ярких идей для дальнейшего наращивания мощи экономики каждой страны, входящей в ЕЭП. Потребность в них возникает в связи с тем, что развивающимся странам не в полной мере подходят современные инструменты экономической политики развитых стран мира, для которых характерны эволюционные, более устойчивые и сравнительно медленные темпы роста. С учетом этих объективных предпосылок развития стран ЕЭП, а также современных тенденций глобализации мировой экономики актуальным становится определение качественно новых инструментов анализа и управления, обеспечивающих обоснованность принимаемых решений.

По мере усиления внешнеэкономических связей между государствами, с одной стороны, и развитием межотраслевых отношений, усложнением корпоративных связей внутри страны — с другой, будет расти потребность в совершенствовании технологии управления макроэкономической динамикой. Необходимо преодолеть накопившиеся застойные явления в технико-технологическом уровне инструментов анализа, прогнозирования и управления рыночной экономикой и добиться его соответствия современному уровню научно-технического и технологического развития реального и финансового секторов экономики.

Потребность развивающихся стран мира в качественно иной технологии принятия управленческих решений должна быть соотнесена с ее востребованностью самой сферой производства материальных и духовных благ и услуг. Так, не случайно лидеры развитых стран мира регулярно принимают пакты об эко-

номическом росте и финансовой стабильности, которые отвечают спросу на «умную» инструментальную базу системного анализа и регулирования рыночной экономики. Отсюда определена задача поиска новых инструментов анализа и выбора управленческих решений, адекватных задачам устойчивого развития экономики каждой страны ЕЭП. Эти инструменты должны отвечать современному уровню технологического прогресса и иметь право называться «кирпичиками» высоких технологий управления в общей системе трансформирующейся мировой экономики, в первую очередь стран ЕЭП.

Стремление и российских, и казахстанских школ экономики, занятых изучением проблем выбора единицы измерения мировой валюты и разработкой инструментов управления экономикой стран ЕЭП, опирается на естественные законы развития: российская — на законы природы, казахстанская — на законы рыночной экономики. Законы рыночной экономики, так же как законы природы, отражают объективно происходящие процессы, которые не зависят ни от поведения людей, ни от их воли. Так, землетрясение представляет собой проявление естественно протекающих в земной коре процессов. Точно так же экономический кризис представляет собой проявление происходящих в рыночной экономике объективных процессов. Эти проявления объективно происходящих процессов в рыночной экономике позволяют людям открыть соответствующие экономические законы, учитывать их при регулировании развития рыночной экономики, точно так же как физики учитывают закон Ома при исследовании трения изучаемых материалов.

Технология экономического управления, построенная на основе познанных законов рыночной экономики, служит антикризисным панцирем, обеспечивающим безопасное развитие экономик стран мира. Поскольку нельзя отменить законы рыночной экономики никакими декретами, то недооценка их разрушительных сил может вызвать негативные явления, схожие с теми, которые пережил мир в 2007–2009 годах.

В условиях глобализации законы рыночной экономики имеют куда большую разрушительную силу, чем слепая сила природы, которая действует локально. Так, закон земного притяжения может сломать шею только одному человеку, если он пренебрегает силой падающего предмета, а нарушение одного из законов рыночной экономики может расстроить экономику даже такой мощной страны, как США.

Совместными усилиями казахстанских и российских ученых исследованы теоретические основы обеспечения сбалансированности и определены инструменты качественной оценки макроэкономической

---

¹ Научный руководитель Института экономических исследований (г. Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор.

динамики и индикаторов экономического роста, которые изложены в книге, опубликованной в Казахстане под названием «Сбалансированный экономический рост: практика измерения и область применения». Книга написана авторским коллективом, включающим группу известных ученых — представителей России (А. Арменский, Б. Большаков, С. Кочубей) и Казахстана (С. Байзаков, А. Темирбулатов, Р. Рахметова)¹.

В ней подробно изложены два диаметрально противоположных подхода к определению индикаторов измерения стоимости денег в национальных и мировых валютах. Согласно одному из этих подходов, которого активно придерживается Научная школа устойчивого развития (Дубна, Московская обл.), базой исчисления стоимости денег в национальных и мировых валютах считается энергия, как физическая величина товарной субстанции денег.

В соответствии с другим подходом, который интенсивно поддерживается казахстанской школой сбалансированного экономического роста, базой исчисления стоимости денег в национальных и мировых валютах считается реальный вклад научно-технологических достижений в темпы роста производства товаров и услуг. А энергия (измеряемая в ваттах), золото, группа

важнейших товаров и услуг, рациональный бюджет, доллар, любая другая денежная и товарная субстанции вообще становятся равноценными эквивалентами, скажем, тенге или SDR в точке сбалансированного экономического роста, определенной вкладом научно-технологического прогресса.

В итоге эти два подхода, при выполнении определенных условий, дают одни и те же результаты сбалансированного экономического роста. Таким образом, конечный результат, на который каждая страна мира стремится ориентировать свой бюджет, на взгляд авторов книги, оказывается индикатором сбалансированного роста экономики этой страны. Силой, влияющей на характер изменения данного индикатора сбалансированного роста, авторы считают рискованные действия участников рынка между двумя моментами времени. К сожалению, эти риски не всегда оказываются полезными, а совокупные вклады реализованных в экономике научно-технологических мероприятий — положительными.

Таким образом, авторы не только обосновали различия между предлагаемыми подходами, но и стремились найти принципы и условия их схождения в единой точке сбалансированного экономического роста.

Е. Ю. Винокуров²

ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРАЗОСКЕПТИЦИЗМА: ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Введение

На евразийском пространстве формируется новый устойчивый феномен — евразоскептицизм. Аналогично евроскептицизму он проявляется как в массовом сознании, так и в эволюции мнения бизнес- и государственных элит, представителей малого и среднего бизнеса, экспертного сообщества. Эйфория по поводу успешного запуска Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) закончилась. Отношение к евразийскому проекту становится все более приземленным. На этом фоне снижается и уровень общественного одобрения евразийской интеграции.

В критическом отношении к попыткам реинтегрировать постсоветское пространство нет новизны — оно сопровождало процессы (ре)интеграции на протяжении последних 23 лет. Сомнениям подвергались как цели, так и методы этих процессов, причем как изнутри (из интеграционного ядра, в которое устойчи-

во входят Россия, Казахстан и Беларусь³), так и извне. Скептицизм сегодняшнего дня качественно отличается тем, что развивается как органическая часть интеграционного проекта — Таможенный союз, Единое экономическое пространство и формирование Евразийского экономического союза, — признанного состоявшимся как его сторонниками, так и противниками.

Евразоскептицизм как спутник Таможенного союза находится в зачаточном состоянии. Социологи «Интеграционного барометра Евразийского банка развития (ЕАБР)» фиксируют в среднем 68-процентную поддержку ТС гражданами государств-участников (падение на два процентных пункта по сравнению с 2012 г.). Для сравнения: общеевропейский опрос «Евробарометр» фиксирует общую поддержку Евросоюза на уровне чуть выше 50 %. Кредит доверия и резерв прочности у евразийской интеграции есть. Однако уровень критического восприятия ТС, ЕЭП и формируемого ЕАЭС в ближайшие годы может повыситься.

Данная статья продолжает серию разработок по евразийской интеграции, опубликованных ранее в журнале «Россия в глобальной политике»⁴. В ней дается характеристика состояния и динамики общественного мнения по вопросам региональной интеграции.

³ Система индикаторов евразийской интеграции / Евразийский банк развития. Алматы, 2010.

⁴ Винокуров Е., Либман А. Постсоветский интеграционный прорыв // Россия в глобальной политике. 2012. Май-июнь; Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Там же. 2013. Март-апр.

¹ Сбалансированный экономический рост: практика измерения и область применения : моногр. / авт. кол.: С. Байзаков, Б. Большаков, А. Арменский, С. Кочубей, А. Темирбулатов, Р. Рахметова ; под науч. ред. С. Байзакова. Алматы : Экономика, 2014.

² Директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, доктор экономических наук. Автор 110 научных работ, в т. ч.: «A Theory of Enclaves», «Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism» (в соавт.), «Holding-Together Integration: 20 Years of the Post-Soviet Integration» (в соавт.) и др. Главный редактор журнала «Евразийская экономическая интеграция» и ежегодника «Eurasian Integration Yearbook».

Состояние и динамика евразоскептицизма

Статья основана на данных «Интеграционного барометра ЕАБР» — постоянного проекта Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития¹.

Один из центральных вопросов исследования — изучение мнения граждан стран региона СНГ о целесообразности вхождения их государств в ТС и ЕЭП, а также о восприятии данных интеграционных объединений населением. Формулировки вопросов различались в зависимости от того, входит страна в эти объединения или еще нет. Соответственно в странах — участниках объединений задавался вопрос об отношении к ТС и ЕЭП, а в остальных странах — о желательности присоединения к ним.

Уровень одобрения ТС и ЕЭП в странах-членах находится на достаточно высоком уровне. Наиболее высокий уровень поддержки участия в данных объединениях был зафиксирован в Казахстане (73 %). Одновременно там же зафиксировано снижение уровня одобрения ТС и ЕЭП на 7 % по сравнению с 2012 годом (тогда этот показатель достигал 80 %). Это произошло в основном за счет увеличения числа казахстанских граждан, относящихся к участию своей страны в ТС и ЕЭП безразлично (с 10 % в 2012 г. до 15 % в 2013 г.). Отрицательно к ТС и ЕЭП относятся 6 %.

Снижение уровня поддержки участия в обоих интеграционных объединениях произошло и в России: если в 2012 году одобрение выражали 72 % респондентов, то в 2013 году этот показатель снизился до 67 % (падение на 5 %). Кроме того, в России самой высокой среди стран — членов ТС и ЕЭП оказалась динамика роста безразличного отношения к экономической интеграции, которое за минувший год возросло с 17 до 24 % (рост на 7 %). Отрицательное отношение российских граждан к этим процессам остается на уровне 5 %.

В Беларуси уровень поддержки населением участия своей страны в ТС и ЕЭП увеличился по сравнению с прошлым годом с 60 до 65 %, приблизившись к российским показателям. Это произошло на фоне несколько улучшившейся экономической ситуации и масштабной помощи со стороны России. Процент граждан, безразлично относящихся к ТС, снизился на 5 % (с 28 до 23 %), но, как и в России, остается высоким. С 6 до 3 % уменьшилось количество отрицательных оценок интеграции.

Другие вопросы, заданные респондентам в рамках «Интеграционного барометра ЕАБР», выявляют более критический взгляд, особенно в сферах товарных предпочтений, науки и техники, а также образования:

— в 2013 году по сравнению с 2012-м белорусы (–12 %) и россияне (–8 %) стали отдавать меньшее предпочтение товарам из СНГ. Наиболее привлекательным источником иностранного капитала оказалась группа стран «остального мира», находящихся за пределами Евросоюза и СНГ. Инвестиции от соседей по постсоветскому пространству (читай: России) в общественном сознании отнюдь не являются приорите-

том. Возможно, это связано с тем, что в общественном сознании российские инвестиции не ассоциируются с технологическим прогрессом и модернизацией производств (хотя на практике все далеко не так однозначно, о чем свидетельствуют данные о диверсифицированных российских прямых инвестициях в СНГ, полученные в рамках другого постоянного проекта ЦИИ ЕАБР — «Мониторинг взаимных инвестиций»);

— аналогичная картина выявлена и в отношении приоритетных партнеров в области науки и техники: во всех странах региона СНГ большинство упоминаемых в качестве желательного научно-технического партнера получили Япония, США и Германия. Вероятно, это связано с восприятием России как страны, во многом утратившей в последние 20 лет лидирующие позиции в научно-техническом прогрессе;

— негативные долгосрочные тренды характерны для образовательного обмена. Если еще в 1990-х годах такие признанные образовательные центры, как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Алматы, Екатеринбург и Омск, успешно конкурировали с западными университетами в соотношении «цена–качество», то сейчас, по мнению респондентов, эти преимущества утеряны. Для России действует еще один фактор, не связанный с качеством образовательных систем, — бытовой шовинизм. Разумеется, нужно учитывать, что тренды в образовании достаточно долгосрочны и устойчивы. Они относятся к двум постсоветским десятилетиям в целом, а не собственно к краткой истории ТС и ЕЭП.

Предпочтения населения по наиболее привлекательным странам-партнерам в области научно-технического сотрудничества и образования являются особенно важными в силу того, что напрямую связаны с долгосрочной стратегической конкурентоспособностью. Поэтому низкие показатели интереса населения стран региона СНГ к соседним странам в этих вопросах должны восприниматься, на наш взгляд, в качестве сигнала тревоги.

Не менее беспокоящим фактом с точки зрения перспектив евразийского интеграционного строительства является довольно высокий уровень автономности в некоторых странах региона СНГ, что выражается в отсутствии интереса к какой-либо стране из предложенного респондентам списка. Под автономностью понимается сосредоточенность граждан на внутри-страновых проблемах и ресурсах, относительное отсутствие интереса ко всему спектру взаимодействия с миром — от торгово-инвестиционного сотрудничества до культуры. В целом, чем богаче страна, тем больше ее население склонно к автономизации развития. Исключение составляет Казахстан, достаточно открытый к внешнему миру.

В общем же граждане как стран-участниц ТС, так и их соседей настроены достаточно оптимистично. В странах «тройки», например, три четверти респондентов и более полагают, что интеграционный проект будет либо нарастать, либо зафиксирует достигнутое, но сокращаться в любом случае не будет.

¹ Интеграционный барометр–2013 / Центр интеграционных исследований ЕАБР. СПб., 2013. Сент. URL: <http://www.eabr.org/tr/research/centre/projectsCII/>

² Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад № 15 / Центр интеграционных исследований ЕАБР. СПб., 2012. URL: http://www.eabr.org/tr/research/centre/projectsCII/invest_monitoring/

Опыт евроскептицизма

В той или иной форме скептицизм сопровождает дискуссии о постсоветской интеграции с самого начала. Однако евразоскептицизму как спутнику произошедшего в последние годы интеграционного прорыва не больше года, в то время как его старший европейский родственник — евроскептицизм — уже имеет богатую историю. Представляется полезным сравнить оба явления на основе социологических данных.

Опросы, проводимые в Евросоюзе в рамках «Евробарометра», демонстрируют более низкий уровень одобрения интеграционного объединения. Население действующих членов Евросоюза в среднем оценивает приобретения своей страны от участия в европейском общем рынке скорее положительно, но доля таких ответов в среднем по странам лишь немного превышает 50 %. Примечательно, что в первой половине 2000-х уровень одобрения был существенно выше, но снизился на фоне хронического кризиса еврозоны. В некоторых европейских странах доля отрицательных оценок в настоящее время сопоставима с долей положительных и даже превышает ее (Великобритания, Венгрия, Италия, Австрия, Латвия, Греция, Кипр). Население таким образом переносит часть вины за неадекватную фискальную политику и раздувание пузыря непроизводительных активов со своих национальных правительств на Брюссель.

Таким образом, внутреннее восприятие экономических интеграционных объединений на постсоветском пространстве в целом более позитивно, чем в Евросоюзе. Впрочем, между вопросами двух «барометров» есть существенная разница, и данные прямому сравнению в строгом смысле не подлежат. Европейцев спрашивали о том, что ЕС им уже дал. На фоне экономического кризиса европейцы отнюдь не склонны позитивно оценивать влияние интеграции на свои жизни. Граждан же стран Таможенного союза спрашивали об общем отношении к созданию ТС. Поскольку ТС пока мало затронул повседневную жизнь граждан, оценки даются скорее на основе ценностного восприятия («Быть вместе и дружить — это хорошо и правильно»).

Аналогичный вывод можно сделать в результате сопоставления оценок в странах, не входящих в интеграционные объединения. На ноябрь 2012 года из шести стран — кандидатов на вступление в ЕС лишь в двух, Македонии и Черногории, доля положительных оценок участия в европейском общем рынке превышала 50 %. В Турции эта цифра порождена десятилетиями неудачных попыток вступить в ЕС. В Сербии — реакция значительной части общества на поддержку ЕС сил, разрушивших Югославию. В Исландии — реакция на «жесткую посадку» 2008 года и т. д. На постсоветском пространстве лишь в одной стране оценки ТС и ЕЭП оказались смещены в отрицательную часть шкалы (в Азербайджане, где 53 % не согласны с присоединением своей страны к ТС и ЕЭП, и лишь 37 % хотели бы этого присоединения). Это следствие карабахского синдрома. В остальных странах сторонников экономической интеграции оказалось заметно больше, причем в некоторых случаях их доля составляет три четверти населения и более (Кыргызстан — 72 %, Таджикистан — 75 %, Узбекистан — 77 %).

Причины евразоскептицизма

Вызывается евразоскептицизм рядом факторов. Кратко перечислим несколько возможных причин.

Во-первых, на уровне общественного сознания все чаще звучит вопрос: «А что конкретно мне дал Таможенный союз?» Отношение к евразийской интеграции становится более приземленным. И если на уровне рядовой белорусской семьи на этот вопрос ответить несложно («Посмотрите на свой счет за коммунальные услуги»), для казахстанской или российской семьи ответ на этот вопрос дать сложнее.

Во-вторых, недовольство средних и малых национальных производителей, прежде всего в Казахстане, вызывает усиление позиций российских производителей на общем рынке.

В-третьих, на уровне правительств и крупнейших компаний особое недовольство вызывают обилие нетарифных барьеров, защищающих российский рынок, и пока нереализованный на практике принцип равного доступа к трубопроводной и железнодорожной инфраструктуре РФ. Присутствуют и опасения по поводу грядущего равного доступа к госзакупкам. У российских предпринимателей есть свое «асимметричное» недовольство нетарифными барьерами Беларуси и Казахстана, но в силу несопоставимых размеров и значимости рынков это недовольство не столь очевидно артикулируется.

В-четвертых, вне зависимости от реальных успехов и неудач в экономическом объединении с асимметрией государств-участников (ТС, Меркосу, НАФТА) неизбежны периодические волны негативных сантиментов относительно доминирующей экономики. Даже на фоне реальных успехов негатива, направленного против России, на которую приходится 75 % населения и более 85 % ВВП «тройки», не избежать. В ТС все усугубляется широко распространенными опасениями возврата к советскому прошлому.

Профилактика евразоскептицизма

Можно утверждать, что в настоящее время нет оснований для панического восприятия евразоскептицизма. В целом общественные оценки состояния и перспектив взаимной кооперации и интеграции стран региона преимущественно положительные. Вместе с тем относительно позитивная «амбулаторная карта» евразийского интеграционного проекта не дает поводов для самоуспокоения. Так, одной из проблем в данном контексте видится все еще низкий уровень осведомленности о реалиях и возможностях евразийской интеграции как со стороны населения, так и со стороны бизнес-сообщества.

В связи с этим желательно на пространстве формируемого ЕАЭС проводить активную работу по информационному продвижению процессов интеграции¹. В отсутствие превентивных и проактивных информационных мер множество негативных образов и клише довольно легко «прирастает» к евразийскому

¹ Бурлинова Н. Евразийская интеграция: среди мифов и рифмов // Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия»: [информ.-аналит. проект]: [сайт]. URL: <http://www.picreadi.ru/integracionnye-processy-na-prostranstve-sng/ekspertnoe-mnenie-2.html#more-2829>; Перевалова Н. Что такое Таможенный союз? Презентация ролика // Однako. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_30020/

интеграционному проекту и успешно используется многочисленными силами, препятствующими евразийской интеграции. Чего стоят такие слоганы, как «Тяежный союз» или «Евразийский союз = Советский Союз 2.0». Вместе с тем идеология евразийского интеграционного процесса заключается в прагматическом ожидании экономических выгод на основе равноправия и уважения суверенитета государств-участников. Позитивный сдвиг в восприятии целого интеграционного объединения возможен лишь в результате активной долговременной и системной работы всей информационной инфраструктуры Евразийского экономического пространства. Важно решить проблему элементарного невежества, обусловленного незнанием того, что такое ТС и ЕЭП, как работает ЕЭК и в чем смысл создания ЕАЭС.

Европейский Союз в этом отношении более чем успешен. Он уделяет много внимания собственному информационному позиционированию на мировой арене. На продвижение европейских экономических интересов работают много инструментов. Мощный информационный компонент, функционирующий на основе грантовых конкурсов, есть и у «Восточного партнерства».

Интеграционный PR евразийского проекта необходим для повышения его привлекательности как внутри, так и вовне. Партнеры по евразийской интеграции стоят в начале этого пути. В России примерами могут служить Фонд поддержки публичной

дипломатии им. А. М. Горчакова и Российский совет по международным делам. Но этого, конечно, мало. Основным каналом системной работы должны стать массовые СМИ. При этом важно не подменять информационную работу пропагандой, на которую у постсоветских граждан устойчивая аллергия. Очевидно, что у гигантского по масштабу евразийского проекта имеются слабые места. Возникают и ситуации краткосрочного негатива, к которым необходимо прибегать, чтобы добиться долгосрочных позитивных эффектов. Умалчивать о них — контрпродуктивно.

Заключение

Скептицизм — нормальный этап в развитии интеграционного проекта. Евразоскептицизм станет постоянным спутником евразийской интеграции. Периодический мониторинг общественного мнения по вопросам интеграции высветит «болевы точки», по которым нужно работать. В краткосрочном плане особую значимость приобретают информационное позиционирование евразийской интеграции, системная профилактика евразоскептицизма в форме серьезного и взвешенного диалога с обществом и бизнесом. В долгосрочном плане интеграцию можно считать успешной, если она будет работать на благо граждан. Это требует проведения последовательной политики, нацеленной на повышение не только доходов, но и производительности и нахождение для членов союза перспективных ниш в международном разделении труда.

В. А. Лепехин¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С нашей точки зрения, среди обилия экономических теорий, концепций и подходов сегодня в мире по понятным причинам доминирует одна экономическая теория (она же методология), которую некоторое время назад можно было определить термином «политэкономия капитализма», а сегодня уже стоит определять понятиями «политэкономия глобализма» или, что более верно, «политэкономия глобального капитализма».

Соответственно все, что не укладывается в рамки названной теории и методологии, экономической наукой сегодня не считается, хотя на самом деле назван-

ная политэкономическая теория-доктрина также имеет мало отношения к собственно научному знанию. Во всяком случае любой объективный (а значит, близкий к научному) анализ происходящих в мировой экономике процессов неизбежно восстает против основных положений ведущих концепций официальных экономических стратегов Запада.

Таким образом, сегодня десятки тысяч европейских, американских (а вслед за ними российских и др.) ученых-экономистов заняты по сути тем, что пытаются совершенствовать теорию и практику «глобальной экономики», не смея выйти за ее рамки. Продолжение обсуждения и описания плюсов и минусов «единственно верного» монетаристского подхода к анализу экономических процессов — вот чем по преимуществу занимается современная экономическая квазинаука.

Между тем известно, что мировая экономика находится сегодня в глубоком кризисе, если не в тупике, а ее глобализация (особенно в продвигаемом Западом формате монополизации и сверхцентрализации функций лидерства, финансового контроля, информационного и интеллектуального сопровождения и т. п.) встречает сопротивление со стороны разного рода сил, заинтересованных как в развитии научного знания,

¹ Генеральный директор Института ЕвразЭС, советник РФ 1-го класса. Член бюро Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции (с 2012 г.). Депутат Государственной Думы РФ 1-го созыва. Автор федеральных законов («Об общественных объединениях», «О политических партиях» и др.) и законопроектов («О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в РФ», «Об объединениях предпринимателей (работодателей)» и др. Автор более 300 научных статей и ряда монографий: «Модернизация–2012» (в 3 т.), «Лоббизм в современной России», «От “Новой России” к евразийской цивилизации», «Солидарная цивилизация» (в 4 т.) и др. Член редакционного совета журнала «Образование. Наука. Научные кадры», главный редактор Евразийского новостного портала www.eurasec.com (с 2012 г.).

так и в становлении многополярного мира, и, как следствие, в наличии некоторого множества конкурентных и суверенных мировых экономических, политических, информационных и других субъектов... Специфика глобальной экономики, увы, приемлет только один дизайн архитектуры мировой системы десижн-мейкинга — пирамидальный, и, хотя в этой системе пока еще существуют несколько конкурирующих центров принятия решений (Вашингтон, Лондон, Гонконг), тенденция развития мировой экономики такова, что это относительно и формальное триединство очевидно стремится к установлению фактической монополии. В любом случае Россия сегодня является периферией глобальной экономики, для которой характерны все черты провинциальной, колониальной и все более зависимой, а потому неустойчивой, неэффективной и высокорисковой экономической системы.

В нашей стране сегодня нет осмысленного элитами и общепринятого на федеральном уровне взгляда на проблемы национальной экономики, нет основанной на научном подходе и аналитическом методе экономической стратегии, но есть две прямо противоположные и взаимоисключающие экономические тактики. Первая тактика, опирающаяся на общую теорию глобального капитализма, — курс на продолжение прозападных «либеральных реформ» и приведение российской экономики к общекапиталистическому знаменателю. И вторая тактика — линия на сохранение некоей суверенности в принятии экономических решений и проведение более или менее самостоятельной экономической политики при опоре на государственные институты. Аналогичное сочетание двух тактик мы видим в большинстве стран постсоветского пространства, стремящихся к сохранению реального национального суверенитета (Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Азербайджан и др.) перед лицом растущих внешних угроз.

Россия — не единственная страна, элиты которой с разной степенью активности стремятся избежать поглощения национальной экономики глобальным рынком, но, пожалуй, единственная из стремящихся к суверенности стран, позиция которой достаточно значима в геополитическом масштабе. В этом контексте поиск и обретение Россией и группой связанных с ней евразийских стран суверенной и эффективной экономической модели становятся не просто способом выживания, но предметом большой геополитической игры.

Альтернатива глобальной экономической теории — это, как видится многим, концепция региональной экономики. В данном контексте Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России — это, очевидно, региональный проект, призванный защитить внутренние рынки ряда постсоветских стран от наступления глобального и агрессивного мегарынка, смягчить процесс и последствия поглощения глобальной субъектностью национальных экономик. Вместе с тем Таможенный союз (а также ЕЭП, ЕАЭС и иные форматы постсоветской интеграции) — очевидная альтернатива глобальным игрокам не только в «территориальном» разрезе, то есть по линии противостояния «глобальный–регио-

нальный», но также в содержательно-качественном смысле: по линиям «пирамидальный–горизонтальный», «централизованный–сетевой», «монополизованный–дисперсный», «капиталистический–иной», «зависимый–суверенный», «компрадорский — национально ориентированный» и пр.

Так, выбирая из двух альтернативных моделей экономической интеграции (глобальной и региональной) оптимальную для себя, страны — члены ЕврАзЭС и будущего ЕАЭС, как известно, сделали выбор в пользу регионального проекта. По факту такой же выбор совершила и Республика Крым. Западные и прозападные экономисты сегодня утверждают, что руководство Армении, Киргизии и других постсоветских стран якобы выбирало или продолжает выбирать между эффективной (западной) и неэффективной (российской) моделями экономики. Мы же считаем, что дилемма — применительно к Украине, Армении, Киргизии, Молдове и ряду других государств и государственных образований (Абхазии, Приднестровью, Южной Осетии, Крыму и т. п.) — заключалась и заключается в другом: либо согласиться с превращением национальной экономики в один из зависимо-периферийных сегментов глобальной или региональной западной экономической системы со всеми вытекающими из этого факта последствиями (разорением населения, уничтожением национального производства, потерей возможности самостоятельно определять свою судьбу и т. п.), либо попытаться сохранить собственную экономику как суверенную.

Ежегодный Гайдаровский форум призван консолидировать так называемых «экономических убийц» — либеральных политиков и экономистов, содействующих трансформации российской экономики в экономику зависимого и периферийного типа. Он объединяет в основном специалистов в области финансового управления, фондового рынка, медиабизнеса, информационных технологий, сферы услуг, то есть тех сегментов экономики, которые развиваются как элементы глобального рынка. Вторая площадка объединяет в основном маргинальных экономистов и производителей среднего уровня и призвана выработать и представить некую альтернативу первой — ровно в той системе координат, которую мы определили как противостояние, прежде всего по линии «капиталистический–иной».

Нами внимательно изучены темы заседаний и круглых столов Московского экономического форума, и мы видим, что утвержденная организаторами мероприятия проблематика сверхактуальна, но сформулирована политизированно — в основном по принципу отрицания основных постулатов либеральной экономики с позиции больше постсоветских (административно-плановых), чем модернизационных подходов. Выработка альтернативного концепта на основе «политэкономии социализма» становится самоцелью, и это, как мы полагаем, серьезный минус МЭФ. Эффективная экономическая теория, безусловно, далека от содержания докладов участников Гайдаровских форумов, однако она так же далека и от содержания большинства тех докладов и выступлений, что звучат

в рамках мероприятий Московского экономического форума.

Модели суверенной и одновременно эффективной экономики, с нашей точки зрения, находятся за пределами и классической политэкономии капитализма, и той модели, которую принято называть социалистической или социал-реформистской. Таким образом, насущная задача экономической науки (во всяком случае российской экономической мысли) сегодня состоит не в том, чтобы содействовать усовершенствованию экономики капитализма или даже ее адаптации к нуждам группы евразийских стран, и не в том, чтобы заменить эту экономику какой-то противоположной моделью (условно: заменить частную собственность государственной, приватизацию — национализацией, ссудный процент — демереджем, свободную конкуренцию — планированием, ВТО — совокупностью таможенных союзов, а Европейскую зону свободной торговли — аналогичной Зона свободной торговли СНГ), но в том, чтобы найти оптимальную и прагматичную формулу обустройства национальной экономики, основными качественными показателями которой стали бы ее эффективность и конкурентоспособность.

Сегодня в пространстве евразийской экономики выразителями такой прагматичной позиции выступают президенты России и Казахстана Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев, которые формулируют перед правительствами названных стран задачи именно в предельно прагматичном и деполитизированном ключе, вызывая критику в свой адрес со стороны «левых» и «правых» экономистов, стремящихся подвести экономические системы России и Казахстана под «конкретные» (капиталистические или социалистические) понятия и принципы. Оба президента не дают национальным экономикам ни «слиться» под глобальные рынки (как это случилось с экономикой большинства вестернизированных стран Восточной Европы и бывшего СССР), ни вернуться в административно-расточительное прошлое. Но сегодня, после событий на Украине, ситуация с экономикой стран ЕЭП существенно усложнилась. Так, если президентам евразийских стран до сих пор приходилось балансировать между либеральной и постсоветской моделями экономического развития (между задачами модернизации страны и потребностями политической стабилизации), то ситуация вокруг Украины, в частности санкции западных стран в отношении России, подтолкнула российское руководство к поиску вариантов *мобилизационного* развития.

Все названные дилеммы (а теперь уже и трилемма) характерны сегодня не только для России, но также для всех без исключения стран постсоветского пространства. Таким образом, формула суверенной экономики в странах ЕЭП, очевидно, должна строиться на сочетании задач модернизационного развития национальной экономики (в его невестернизированном варианте) с задачами мобилизационного (в его неадминистративном варианте) развития.

Возможно ли решение на пространстве Евразии такой многоцелевой и сверхмногофакторной задачи? Это

покажет время. Но сегодня сверхважно понять, что суверенность — то качество, та характеристика национальной экономики, которая открывает перед любой суверенной страной возможности модернизационного рывка. Такие возможности открываются сегодня перед Крымом, избравшим, как известно, путь суверенного развития, перед Арменией и Киргизией, подписавшими договор о намерении присоединиться к ЕАЭС, а также перед Россией, вынужденной противостоять давлению со стороны глобальных игроков путем обращения к собственным ресурсам и технологиям самообликации.

Параметры суверенной экономики известны. Это не только самоуправляемая финансовая система и отечественная индустрия, на чем заикнулись сегодня большинство *нелиберальных* экономистов, но и ускоренное экспортное производство и преодоление разного рода зависимостей как от импорта, так и от зарубежных потребителей отечественного сырья. Развитие теории суверенной экономики предполагает осмысление понятия «национальное достояние» с последующей модернизацией правовой системы страны, которая должна быть сориентирована не только на защиту различных типов частной и государственной собственности, но также на защиту и рост капитализации так называемых национальных (цивилизационных) активов и развитие института миноритарных акционеров.

Теория суверенной экономики предполагает проработку проблематики «смешанной экономики», «инновационной экономики», «солидарной экономики», «солидарных активов» и т. п. Она должна быть сопряжена с разработкой модернизационных отраслевых и региональных концептов и проектов, с обеспечением информационной безопасности и защитой интеллектуальной собственности, а также с приоритетным развитием институтов и механизмов обеспечения капитализации муниципальной собственности и новой экономической субъектности в виде муниципальных образований и предприятий, разного рода комьюнити в таких, например, сферах экономики, как ЖКХ.

Одним из ключевых направлений теории суверенной экономики должны стать исследования и практические разработки в области обеспечения кадровой независимости державы. Это то направление отечественной экономической мысли, в котором за последние четверть века не сделано практически ничего. Нужно понимать, что на постсоветском пространстве сегодня формируется региональная (евразийская) экономика, которая призвана функционировать по своим особым законам, не сводимым к законам функционирования глобальной экономики и национальных экономик стран «золотого миллиарда». И для того, чтобы эта экономика была эффективной и конкурентоспособной, она должна стать для начала *суверенной* и самодостаточной, что, впрочем, не означает ее закрытости, автаркичности и авторитарности. Евразийская экономика должна быть частью мировой экономики, но равноправной и самоуправляемой.

А. И. Лученок¹

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ИНТЕГРАЦИЮ СТРАН ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время ведется активная работа по сближению юридических норм стран — членов Единого экономического пространства, несколько сложнее обстоит дело с приведением к единому знаменателю неформальных норм. Сложной проблемой является учет специфики национального менталитета.

Республика Беларусь, Российская Федерация и Республика Казахстан являются постсоветскими странами, что обуславливает достаточную близость неформальных правил взаимоотношений между их гражданами. Вместе с тем следует признать и наличие определенной специфики менталитета граждан каждой из этих стран, обусловленной национально-историческими особенностями развития. В частности, россияне чувствуют себя наследниками Российской империи и Советского Союза, в то время как белорусское население входило составной частью в эти государства и как территориальная общность людей играло серьезную роль на мировой арене только во времена Великого княжества Литовского (XIII–XIV вв.).

В ситуации, когда развитие Северо-Западного края Российской империи и Белорусской ССР в составе Советского Союза во многом зависело от решений, принимаемых в российских столицах, в общественном сознании на территории нынешней Беларуси были сформированы установки на подчиненность и зависимость от решений центра. Со своей стороны законопослушание позволяло надеяться на поддержку. Такой подход позволил, в частности, быстро восстановить экономику Белорусской ССР после Великой Отечественной войны за счет централизованной массивированной помощи финансами, материально-техническими и трудовыми ресурсами. В сознании белорусского населения сформировалось четкое представление о том, что пребывание в едином союзе с Россией благотворно сказывается на уровне жизни. Поэтому распад Советского Союза был в целом воспринят с настороженностью.

Попытки восстановить ранее сложившиеся отношения в рамках Союзного государства России и Беларуси, а затем путем образования Таможенного союза и Единого экономического пространства нашли в Беларуси понимание и доброжелательное отношение. Находят поддержку и другие меры по объединению земель бывшей Российской империи. В частности, на белорус-

ском телеканале ОНТ в ток-шоу «Позиция» в результате телефонного голосования на вопрос «Как вы относитесь к результатам референдума в Крыму?» 89 % проголосовавших белорусов поддержали результаты референдума о присоединении Крыма к Российской Федерации. Поддерживая Россию, жители Беларуси надеются на развитие экономического сотрудничества.

Республика Беларусь обладает ограниченными сырьевыми, топливно-энергетическими и финансовыми ресурсами, что вынудило власти страны усилить централизованные начала в управлении экономикой. Кроме того, было сохранено доведение директивных показателей на всех уровнях управления. В результате возникла специфическая институциональная модель, которую можно назвать доминантно-патерналистской. Главная цель этой модели — обеспечение максимально возможного уровня жизни населения при безусловном доминировании государства во всех социально-экономических процессах. Это соответствует ментальности большей части населения страны, привыкшей к государственной поддержке и надеющейся на сохранение такой поддержки и в будущем. Особенно этот менталитет свойствен лицам пожилого возраста, которые играют в обществе все более весомую роль из-за старения населения: если в 2013 году доля населения Беларуси старше 60 лет составляла 19,6 %, то к 2025 году она достигнет 28 %.

В отличие от классических макроэкономических подходов, доминантно-патерналистская модель не ориентирована на решение стоящих перед страной социальных проблем за счет временного снижения уровня жизни населения. Это является и достоинством, и недостатком: с одной стороны, население доверяет властям, проводящим активную политику по социально-экономической защите граждан, а с другой стороны, чрезмерная твердость в проведении такой политики в ряде случаев оборачивается для экономики Республики Беларусь серьезными негативными последствиями. Например, для обеспечения постоянного роста доходов населения в долларовом выражении в течение нескольких лет курс белорусского рубля был практически стабилен и находился на уровне 3 тыс. белорусских рублей за один доллар США. При росте затрат в экономике стабильный курс белорусского рубля снижал конкурентоспособность белорусских товаров за границей и уменьшал валютные поступления в страну. Как следствие, в 2011 году возник валютный кризис, приведший к девальвации белорусского рубля в 2,8 раза.

Девальвация отрицательно отразилась на уровне жизни населения из-за ускорения темпов инфляции, но в то же время позволила резко повысить конкурентоспособность белорусских товаров на зарубежных рынках. Однако последующий рост затрат из-за импортной составляющей и увеличение заработных плат, компенсирующее снижение уровня жизни

¹ Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, доктор экономических наук, профессор. Автор 152 научных публикаций, из них 5 индивидуальных и 12 коллективных монографий, в т. ч. «Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства», «Макроэкономическое регулирование в посткризисной экономике», «Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Республике Беларусь», и статей: «Методологические подходы к проведению экономической политики в рамках институциональной теории», «Институционализм и белорусская экономическая модель», «Макроэкономическое регулирование в Республике Беларусь: национальный и региональный аспекты», «Методологические вопросы проведения эффективной антиинфляционной политики в Республике Беларусь» и др.

после девальвации, привели к очередному снижению конкурентоспособности белорусских товаров. В 2013 году рост затрат на производство продукции происходил в основном из-за увеличения расходов на оплату труда, что в целом приятно для населения, но вредно для экономики.

Политика увеличения доходов населения вытекает как из необходимости учета общей ментальности населения, так и из потребности сохранения в стране квалифицированной рабочей силы. В конце 2013 года номинальная среднемесячная заработная плата в Республике Беларусь была в 1,7 раза меньше, чем в Российской Федерации, и в 1,3 раза меньше, чем в Республике Казахстан. Поскольку Россия является одним из ближайших соседей, с которой в рамках Единого экономического пространства установлены условия свободного перелива рабочей силы, то из Беларуси началась активная трудовая миграция.

Отток квалифицированной рабочей силы из Беларуси привел к тому, что в России эти работники стали создавать добавленную стоимость для иностранного (пусть и союзного) государства. Часть денег гастарбайтеры возвращают домой, но основная часть созданной ими добавленной стоимости остается в России.

Потеря части добавленной стоимости создает в Беларуси проблемы, связанные с формированием бюджета, а также с финансированием государственных расходов, в том числе и на социальную защиту населения. Из-за недостатка средств в Беларуси пенсии почти в полтора раза меньше, чем в России. Напряженность ситуации смягчается сохранением патерналистской политики субсидирования жилищно-коммунального хозяйства, однако такие возможности снижаются из-за обострения фискальных проблем. Возникает необходимость или в отказе от патерналистской политики, или в поиске новых источников ее финансирования.

При белорусском менталитете, ориентированном на поддержку «из центра», функционирование Республики Беларусь в рамках Единого экономического пространства также достаточно часто воспринимается по той же патерналистской схеме. Только в этом случае надежды возлагаются на единое государство в рамках формирующегося Евразийского экономического союза. При этом не в полном объеме воспринимаются идеи деятельности союза на конкурентных принципах с «отсеиванием» слабых звеньев экономической цепочки и выживанием только эффективных хозяйственных структур. Как вполне адекватная воспринимается практика ЕС, когда сильные государства поддерживают слабых, забывая о том, что такая поддержка носит временный характер и дополняется мерами по снижению уровня жизни в дотационной стране.

В Едином экономическом пространстве в результате перехода на мировые цены на энергоносители и другие сырьевые ресурсы, обострения конкуренции, ограниченности других реальных форм поддержки экономики Республики Беларусь со стороны центральных органов Евразийского экономического сообщества может произойти охлаждение отношений между Беларусью и этой международной организацией, что отразится на динамике интеграционных процессов.

Таким образом, к основным задачам формирования Евразийского экономического сообщества следует относить не только согласование правовых документов и выработку экономических механизмов взаимодействия государств, но и создание институциональной среды, в которой будет формироваться менталитет равноправного партнерства. При этом целесообразно предусмотреть инструменты выравнивания условий хозяйствования, в том числе путем временного перераспределения централизованных ресурсов в пользу партнеров, имеющих объективные экономические проблемы по сравнению с другими странами сообщества.

Р. А. Мамедова¹

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Сегодняшняя культурная жизнь на пространстве Евразии сложна и противоречива. С одной стороны, последние десятилетия характеризуются возрождением народного творчества, расширением спектра культурных инициатив. Раскрепощается сознание народа, исчезает чувство культурной изоляции, в национальную память возвращаются многие ценности, несправедливо преданные забвению. С другой стороны, обнаруживаются негативные тенденции и процессы в социально-культурной сфере, вызванные многими факторами, в том числе разрушением того

общественно-политического и духовного уклада, который существовал в бывшем СССР, резкой сменой ценностных ориентаций, складывающихся на протяжении многих поколений. В ситуации экспансии рыночной идеологии возрастает опасность утраты национального духа культур, их вестернизации. Психология потребительства и выгоды, агрессивно утверждающая себя в обществе, примитивизирует смысл человеческого бытия, сводя его к «машине потребления», ослабляет и разрушает механизмы культурной преемственности, препятствует естественному перетеканию культуры от прошлого к настоящему и будущему. Рыночная идеология, создавая иллюзию цивилизационной общности евразийского пространства, в реальности размывает духовную уникальность и блокирует конструктивный диалог национальных культур народов Евразии. К сожалению, нередко и в государственной культурной

¹ Заведующая отделом Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент НАН Азербайджана, доктор искусствоведения, профессор. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Музыкальная психология», «Литература и музыка» и др. Член Союза художников и Союза композиторов Азербайджана, член редколлегий ряда ведущих научных журналов республики.

политике основной акцент делается на развитие массовой коммерческой культуры, которая рассматривается в качестве необходимого компонента демократического общественного устройства и рыночной экономики, основы гражданского общества и правового государства.

Еще одним фактором, препятствующим межкультурной коммуникации в рамках евразийского пространства, являются процессы интенсивного национального возрождения, оборотной стороной которых становится искусственное обособление национальных культур. Повышенное и напряженное внимание к проблемам, отличиям и достоинствам своего народа вполне естественно и неизбежно в период резких цивилизационных перемен — в такой ситуации идеология национальных движений нередко принимает воинственный характер, что в какой-то мере оправдывается остротой проблем и значительностью задач национально-культурного возрождения. Гиперболизация собственной значимости в данном случае становится компенсаторным механизмом, с помощью которого нация пытается понять свою духовную самобытность и обрести национально-культурную идентичность.

В связи с этим возникает острая необходимость, с одной стороны, понять духовное единство культур евразийского пространства, которое складывалось на протяжении многих десятилетий интенсивного диалога и сотрудничества, с другой стороны, определить уникальность и неповторимость каждой национальной культуры в общем спектре «евразийского мира». Актуальной задачей современного культурологического знания становится изучение духовной специфики национальных культур в рамках общего евразийского пространства, вне которой межкультурный диалог становится проблематичным. Вл. Соловьев подчеркивал, что «национальные различия должны пребыть до конца веков: народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма»¹. И. А. Ильин развитие национального самосознания рассматривал в качестве важнейшего условия реализации творческой природы человека: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличие есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор»². Культурология сегодня вырабатывает методологическую базу государственной культурной политики, приоритеты и цели которой выстраиваются с учетом этнокультурной уникальности и самобытности ре-

гиона, понимания места и роли национальной культуры в жизни человека и общества.

Известно, что национальная культура обретает свою самобытность в концептосфере языка, в репертуаре народных традиций, в активном диалоге с другими культурами. На основе понимания этого механизма в системе культурологического знания активно утверждает себя метод компаративистики, в рамках которого история всемирной культуры предстает как история диалога национальных культур³. Сравнительная методология выделяется в отдельную отрасль гуманитарного знания в связи со специализацией предметов исследования внутри гуманитарных наук, а также усилением значимости национального самосознания и роли национального фактора в социальной истории и истории культуры⁴. Компаративистский подход опирается на сравнение различных культур, во-первых, с целью выявления общих, универсальных принципов их функционирования, во-вторых, пытается отыскать различия, фиксирующие их духовную самобытность и уникальность. В основе компаративистской методологии познания лежит герменевтический метод «вживления» себя в другую культуру, растворения в ней, рассмотрения ее «изнутри», что становится важнейшим условием выявления внутренней гармонии культурной традиции (Т. Д. Шапошникова). Специфика и преимущества этого метода состоят в том, что непосредственному сопоставлению национальных культур предшествует понимание уникальности и неповторимости каждой из сравниваемых культур, выяснение глубинных оснований идентичности коллективного субъекта — носителя культуры. В этом плане данный метод, помимо научных задач, выполняет функцию диалога культур, ставляя исследователей глубинно вникать в сущность исследуемого феномена. Компаративистские исследования становятся важнейшей формой межкультурного диалога представителей различных традиций и национальных научных школ, в процессе которого происходит конструктивный обмен знаниями, способствующий взаимопониманию.

Методология сравнительного анализа чрезвычайно актуальна сегодня, в эпоху активных межкультурных контактов и интенсивного межцивилизационного общения. Изучение процессов взаимодействия и взаимовлияния национальных культур, входящих в структуру евразийского мира, влечет за собой последовательное и обязательное использование компаративного метода, а также его совершенствование, выявление новых, еще не раскрытых его граней, выдвижение все более сложных и актуальных исследовательских задач.

Одним из постулатов компаративистики, берущих начало в классической этнологии, является утверждение типологического родства сравниваемых культур разных народов в пределах одного региона. Преимущество такого подхода состоит в расширении геогра-

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 201.

² Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 7. С. 83.

³ Компаративистика (лат. comparatio — равное соотношение, соразмерность, сравнение, сличение, взаимное соглашение) — совокупность методов, используемых в различных областях гуманитарного знания, опирающихся на общеполитическую методологию сравнения и востребующих познавательные возможности базовых логических операций.

⁴ Охотников О. В. Компаративистика // Кемеров В. Философская энциклопедия. М.: Панпринт, 1998.

фических рамок исследования, синтезе теоретических и философско-культурологических поисков. Мировоззренческой доминантой, лежащей в основе сравнительного исследования специфики евразийской культуры, является понимание сущностных констант национальных культур, формирующихся в региональном контексте с учетом адаптационных ресурсов культуры, отвечающей на «вызовы» времени. При этом не теряет своей актуальности проблема понимания общих закономерностей и логики культурных процессов — концептуализация мира в рамках национальной культуры происходит на базе универсалий и стереотипов общецивилизационного характера.

В этом контексте можно обозначить приоритеты исследований культурного мира Евразии: во-первых, изучение общих оснований культурного пространства; во-вторых, исследование специфики культуры каждого народа. Компаративистская методология позволяет понять культурный шифр национальной специфики, который раскрывается в этническом самосознании, народных традициях, морали, мыслительных моделях, определяющих специфику менталитета, — все эти общие и достаточно мощные фундаментальные основания играют важную, а порой и решающую роль как в процессах становления национальных культур, так и в характере межкультурного диалога в рамках евразийского пространства.

Безусловно, перспективным направлением исследований культурных оснований евразийского пространства является изучение исторических этапов взаимодействия народов данного региона. В рамках этого направления важен полицентрический характер исследования локальной специфики, когда сравнительный анализ сквозных горизонтальных линий дополняется исследованием синхронного ряда в пределах исторически сложившихся типологических общностей. Принципиальное значение имеет логика исторического мышления, неизбежным следствием которой является умение подойти к сложному целому культуры в ее историческом движении, в единстве и развитии ее слагаемых частей. В таком случае за разнообразием региональных проявлений можно обнаружить магистральные, общие линии исторического развития Евразии, понять культурные универсалии, соотношение «индивидуализирующих» и «генерализирующих» характеристик.

Важно подчеркнуть, что изучение общецивилизационной основы, выявление генетического родства межкультурных связей будет способствовать формированию представления о целостности культурного мира Евразии, пониманию жизненных установок, об-

раза мыслей, душевного склада, устойчивых образов и эмоциональных предпочтений народов, населяющих этот огромный регион. Весь этот культурный шифр работает на общую духовную настроенность, формирование общей картины мира, скрепляемой единством географического пространства, на уникальность и устойчивость национальных традиций народов Евразии — каждая из национальных культур представляет собой целостный динамический организм со своей духовной доминантой и внутренней логикой развития. Вместе с тем близкие многолетние контакты оказывали благотворное влияние, способствуя развитию и консолидации каждой культуры, возникновению в ней новых творческих импульсов.

Исходя из общей логики исторического процесса, понимания единых оснований и истоков духовной культуры народов Евразии, можно предположить, что возможности компаративистской методологии будут значительно расширены за счет ее интеграции с евразийской культурологической парадигмой, которая зародилась в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Н. Трубецкого, М. Бицилли, Л. Карсавина, П. Савицкого, П. Сувчинского и нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха и Н. Гумилева. Сегодня концепция евразийства начинает оказывать существенное влияние на формирование мировоззренческих основ политики культурного диалога и сотрудничества народов Евразии. Как известно, евразийцы подвергали критике культурно-исторический европоцентризм, отрицали универсалистское восприятие культуры, господствующее в европейском самосознании, следствием которого была классификация народов на культурные и дикие, некультурные. В рамках евразийства национальная культура понимается как духовная целостность, формируемая географическим и этнографическим многообразием народов Евразии, а нация рассматривается как «симфоническая личность» — совокупный носитель культурного опыта и традиций.

Сегодня социально ответственные гуманитарии утверждают, что перспективы выживания человечества в значительной степени будут связаны с пониманием фундаментальной роли национальной культуры в жизни человека и общества, а также с утверждением универсального, планетарного духа культурных ценностей. Мы считаем, что изучение национальных культур в контексте единого евразийского пространства позволит не только понять этнокультурные особенности, но и определить возможности мирного, бесконфликтного сосуществования народов и государств огромного мира.

Л. В. Сокольская¹**КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Исследование правовых аспектов межкультурных контактов показывает, что государства, общества, народы находятся в постоянном культурном взаимодействии. Межкультурный контакт различных социумов в научной литературе принято называть «аккультурацией». Если контактируют правовые культуры двух и более социумов, то научному исследованию подлежит правовая аккультурация.

Правовая аккультурация — это продолжительное воздействие друг на друга правовых культур различных социумов, необходимым результатом которого являются изменение первоначальных структур культуры контактируемых социумов и формирование новой правовой культуры. Поскольку культура вообще и правовая в частности — это историческое явление, то и правовая аккультурация — также историческая категория, зависящая от конкретных культурно-исторических реалий, сложившихся в определенном пространственно-временном континууме².

Современный межкультурный контакт протекает в форме диалога и предполагает взаимоотношения между равными субъектами, между социумами-партнерами, поэтому в научной литературе все чаще используются такие понятия, как «диалог культур» и «диалог цивилизаций», основанные на принципах межкультурной толерантности³. Сближение политических и правовых систем государств, углубление эффективности их взаимодействия И. И. Лукашук называет «интернационализацией», М. Н. Марченко определяет как «системную, многоаспектную и разноуровневую интеграцию», а Д. А. Сахаров называл «конвергенцией»⁴. Так, в работе А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) отмечается, что сближение и взаимное обогащение двух систем возможны, если каждый строй продемонстрирует преимущества, которые будут усвоены его антиподом. Речь в основном идет об экономической конвергенции и в меньшей степени — о политической или правовой, так как в тот исторический период про-

поведовалась «идеологическая борьба» между лагерями социалистических и капиталистических государств. В более поздней его работе «Конвергенция, мирное сосуществование» (1989) дается определение конвергенции как исторического процесса сближения капиталистической и социалистической мировых систем, осуществляющегося в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах. Конвергенция, по мнению А. Д. Сахарова, является необходимым условием решения глобальных проблем мира, экологии, социальной и геополитической справедливости⁵.

В 1960–1970-х годах теория конвергенции разрабатывалась Р. Ароном, Дж. К. Гэлбрейтом, П. Сорокиным, У. Ростом, Г. Шельски и О. Флехтхеймом и др. Если проанализировать их работы, то можно прийти к выводу, что в политико-правовой сфере конвергенция проявлялась в увеличении сходства между различными правовыми культурами, находящимися на одинаковых этапах исторического развития. Устранение экономического неравенства сглаживает социальные конфликты, приводит к либерально-демократическим преобразованиям. Сближение в правовой сфере выражается в постепенной подготовке национального законодательства к изменениям в соответствии с требованиями мирового сообщества, меняющимися экономическими условиями. Конвергенция правовых культур вызвана конкуренцией и противоречием правовых идей, принципов и норм различных социумов, что приводит к выработке системы универсальных правил поведения, способных преодолевать возникающие противоречия между различными социокультурными системами.

Можно предположить, что единое индустриальное общество, которое образуется в результате конвергенции неодинаковых экономических систем, соединит в себе преимущества обеих, при этом не унаследует их недостатки. А взаимовлияние противостоящих друг другу правовых культур приведет к рождению смешанной (общей) культуры. Тем самым будут преодолены раскол политико-правовых систем и конфликт цивилизаций. Процесс конвергенции в современных условиях становится единственной альтернативой самоуничтожению человечества.

В современной юридической литературе понятие юридической (правовой) конвергенции применяется при изучении процесса возникновения сходных явлений в правовой сфере различных социумов⁶. Правовая конвергенция достаточно хорошо освещена в докторской диссертации О. Д. Третьяковой, однако проблема конвергенции правовых культур осталась неисследованной⁷. На наш взгляд, правовая конвергенция

¹ Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук. Автор более 100 научных и научно-методических публикаций, в т. ч.: «Взаимодействие правовых культур в историческом процессе» (монография), «Интеграция национальных правовых систем постсоветских государств», «Формирование единого правового пространства и глобального права в евразийском регионе», «К проблеме евразийской правовой интеграции», «Возрождение евразийской правовой культуры российского общества» и др.

² В зависимости от положения социума (донор, реципиент, партнер), вступающего в межкультурный контакт, механизма взаимодействия, конкретных культурно-исторических условий различают следующие исторические формы правовой аккультурации: рецепция, экспансия, ассимиляция, интеграция и конвергенция. См.: Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево : МГОИ, 2013.

³ Например, с 2007 года проблема диалога культур и цивилизаций ежегодно обсуждается на Международных Лихачевских научных чтениях. См.: <http://www.lihachev.ru/chten/>

⁴ Марченко М. Н. Глобализация и ее воздействие на современное национальное государство (методологический аспект) // Теоретико-методологические проблемы права. М., 2007. С. 56 ; Лукашук И. И. Глобализация, государство, право XXI в. М., 2000. С. 44.

⁵ См.: Андрей Дмитриевич Сахаров : библиограф. справ. : в 2 ч. М., 2006. Ч. 1.

⁶ Сурко Е. В. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. 2008. № 8. С. 69.

⁷ Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012.

возникает на основе экономической, политической, этнической конвергенции и предполагает мирное сосуществование современных социокультурных систем. Под конвергенцией подразумевается достижение взаимного приспособления друг к другу и формирование единых для контактирующих сообществ правил поведения. Вновь созданная система правового регулирования основывается не на принадлежности к своей или чужой культуре, а на принципе межкультурной толерантности и формировании единой правовой культуры.

Суть данного феномена фактически сводится к правовой аккультурации, так как в основании находится процесс культурного контакта, в результате которого формируются единое правовое пространство и новая правовая культура. Формирование единого правового пространства осуществляется путем модернизации, интернационализации и унификации права. Процесс конвергенции предполагает добровольность со стороны участников. Неудачная конвергенция может стать одной из причин юридического национализма. Обязательными условиями современной конвергенции являются:

- а) взаимное уважение государств к интересам друг друга;
- б) равноправие сторон, установление партнерских отношений;
- в) признание национальных особенностей как неотъемлемой части правовой культуры социумов;
- г) отказ от правовой экспансии в любой форме.

Итак, правовая конвергенция — это современная форма правовой аккультурации, предполагающая добровольный двусторонний (многосторонний) процесс сближения правовых культур социумов-партнеров, в результате которого образуются единое правовое пространство и новая правовая культура.

Развитие современных информационных технологий делает невозможным культурную изоляцию отдельного народа или государства. Сегодня мы становимся свидетелями политической, экономической и, как следствие, правовой конвергенции. Мировое общество испытывает потребность в правовом единении. Создаются международные государственные, общественные организации и объединения на Евразийском политико-правовом пространстве.

В результате конвергенции национальных правовых культур на евразийском постсоветском пространстве возникают объективные предпосылки формирования евразийской правовой культуры. Евразийская культурная система — это не взаимное приспособление социумов, а новое культурное пространство, наполненное новыми правовыми идеями, ценностями, знаниями. В некоторых случаях формирующаяся правовая культура тесно взаимосвязана с прежними правовыми институтами и традициями, в других — возни-

кают новые формы правового регулирования, которые существуют без исторического образца, исторических корней. Национальные правовые культуры в подобных условиях могут терять некоторые собственные правовые элементы, которые ценны, но не адаптивны. При формировании евразийской правовой культуры культурное многообразие не выравнивается, а принимает новые формы, которые только отчасти и не всегда интегрируются со старыми.

Конвергенция евразийских государств имеет свои социокультурные основания: общность территории, языка, исторического и культурного развития, единство культурных традиций, демографические и миграционные процессы, толерантное отношение к этническим и религиозным ценностям народов, проживающих на данной территории. В результате конвергенции в Евразии возникают новые целостности, обладающие качественно новыми свойствами, например единое евразийское экономическое пространство, евразийское политическое и правовое пространство и др. Сегодня мы становимся участниками создания Евразийского союза, который может стать не только предтечей новой геополитической структуры, но и основой формирования евразийской правовой культуры в третьем тысячелетии.

Процесс конвергенции национальных правовых культур на евразийском пространстве будет углубляться и реализовываться поэтапно. Первый этап можно назвать «*постсоветским*», так как конвергенция затрагивает ближний круг стран СНГ, имеющих длительные социокультурные контакты, единые исторические корни. Данный этап фактически начался сразу после распада СССР и «парада суверенитетов» в 1991 году, а завершится примерно в 2015 году созданием Евразийского союза. Второй этап — «*евразийский*» — начнется с создания Евразийского союза как глобального экономического, политико-правового объединения. К государствам Союза могут присоединиться страны Восточной Европы, Азии и Востока. Данный этап ознаменуется формированием евразийского права, евразийской правовой культуры¹. Третий этап — «*континентальный*» — объединит государства всего Евразийского континента и фактически завершит формирование евразийского правового пространства, мирового правопорядка на основе принципов разумности, справедливости, равенства, свободы. Этот третий гипотетический этап еще предстоит осмыслить, но уже сегодня народам, проживающим на территории евразийского континента, необходимо осознать, что конвергенция национальных правовых культур, формирование евразийского правового пространства и евразийской правовой культуры — это объективные процессы, которые необходимо исследовать.

¹ См.: Назарбаев Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.

Б. К. Султанов¹

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Республика Казахстан с момента обретения независимости выступает за региональное сотрудничество. Наряду с евразийским форматом экономической интеграции Казахстан предпринимал неоднократные попытки осуществить начальную фазу интеграционного экономического проекта в Центральной Азии. По мнению президента Казахстана Н. А. Назарбаева, развиваясь как единое пространство, страны Центральной Азии смогут создать «пояс экономического благополучия», который будет надежной преградой для международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика и нелегальной миграции².

В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы, принятой в январе сего года, подчеркивается стремление Казахстана к развитию региональной интеграции в Центральной Азии для решения накопившихся социально-экономических, водно-энергетических и иных проблем. Трансформация региона в единый интегрированный субъект международной политики и экономики позволит также обеспечить стабильное и устойчивое развитие Центральной Азии и в сфере безопасности³.

По инициативе Казахстана был создан ряд региональных структур в Центральной Азии, которые, впрочем, остались на бумаге: Центральноазиатский союз, Центральноазиатское экономическое сообщество, организация «Центральноазиатское сотрудничество». Уже несколько лет лидеры стран региона рассматривают очередной проект главы Казахстана — создание Союза Центральноазиатских Государств (СЦАГ).

Кооперация в Центральной Азии, как и в любом регионе, может строиться только на понимании общих для региона проблем как в сфере торгово-эко-

номических связей, так и в области обеспечения безопасности. Но уже более двух десятилетий совместные проекты «пробуксовывают», несмотря на неоднократные заверения глав государств региона об общности исторических, культурных, языковых, этноконфессиональных факторов.

В то же время Республика Казахстан совместно с Беларусью и Россией активно участвует в поэтапном создании модели евразийской экономической интеграции по следующей схеме: ЕврАзЭС — Таможенный союз (ТС) — Единое экономическое пространство (ЕЭП) — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

До 1 мая 2014 года должен быть подготовлен проект соглашения о создании Евразийского экономического союза, который будет рассмотрен и подписан главами Беларуси, Казахстана и России. Предполагается, что до конца 2014 года этот документ будет ратифицирован парламентами указанных стран. 1 января 2015 года Евразийский экономический союз должен начать работу.

Необходимо иметь в виду, что помимо проекта Беларуси, Казахстана и России, предусматривающего создание Евразийского экономического союза, существуют еще три интеграционных проекта:

а) лоббируемый США проект «Большой Центральной Азии», трансформированный в настоящее время в проект «Новый Шелковый путь»;

б) китайский проект создания «Экономического коридора Шелкового пути», объявленный во время сентябрьского визита в 2013 году в республики Центральной Азии лидера КНР Си Цзиньпина;

в) проект тюркской интеграции, инициируемый Анкарой.

Создание Евразийского экономического союза осуществляется в непростых внешне- и внутривнутриполитических условиях. На Западе, в основном в США, против этого интеграционного проекта выступил ряд влиятельных политиков и экспертов. Тон критическим высказываниям задала бывший госсекретарь США Х. Клинтон, остро прореагировавшая на статью В. В. Путина, посвященную интеграционному проекту для Евразии, опубликованную в начале октября 2012 года в газете «Известия». В частности, по словам Х. Клинтон, американские власти намерены помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции. «Давайте не делать ошибок, — призвала Х. Клинтон, — мы знаем, что является целью, и мы попытаемся найти эффективный способ для замедления или предотвращения этого процесса»⁴.

Не удивительно, что большинство американских экспертов оценивают политику России в Центральной

¹ Директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор исторических наук, доцент, заслуженный деятель Республики Казахстан. Автор 11 книг (в т. ч. в соавт.) по проблемам международных отношений и безопасности: «Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев: хроника деятельности (1 декабря 1991 г. — 31 мая 1993 г.)», «Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии», «Политика и интересы мировых держав в Казахстане», «Становление внешней политики Казахстана: история, достижения и взгляд в будущее», «Современная политическая история Казахстана (1986–2006)» и более 200 статей, в т. ч.: «Стратегия “Казахстан–2050”: основные векторы внешней политики», «По-соседски. А значит — по-братски» и др. Член Научно-экспертного совета при Ассамблее народа Казахстана, Научно-экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасности (Москва), Экспертного совета при Совете безопасности Республики Казахстан. Член редакционных коллегий журналов Института мировой экономики и международных отношений РАН «Мировая экономика и международные отношения» и «Россия и новые государства Евразии». Награжден орденом Дружбы.

² Назарбаев Н. А. Выступление на IV Евразийском медиафоруме. Алматы, 19 апреля 2007 года. URL: www.akorda.kz

³ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы: утверждена Указом Президента Республики Казахстан 21 января 2014 года. URL: www.akorda.kz

⁴ Клинтон Х. США не допустят воссоздания СССР под новыми названиями — «Таможенный союз или Евразийский союз» // Взгляд. 2012. 7 дек. URL: www.centrasia.ru/news/

Азии исходя из принципа «что хорошо для России, то обязательно плохо для США»¹.

Профессор С. Бланк, научный сотрудник Американского совета по внешней политике в Вашингтоне, напомнив, что Х. Клинтон в свое время оценила Таможенный союз как «попытку ресоветизации Центральной Азии», сделал вывод, что Кремль «ясно обозначил, что не признает суверенитет и независимость не только стран Центральной Азии, но и всего постсоветского пространства»².

В то же время в самой России либералы, считающие, что будущее России находится на Западе, а не в Азии, и российские националисты, требующие сохранения европейской идентичности и выступающие против сотрудничества с республиками Центральной Азии, все откровеннее выступают против евразийского экономического проекта.

Аналогичные процессы наблюдаются и в Казахстане. По сравнению с 1990-ми годами в умонастроениях определенной части казахстанского населения, поддерживающего оппозиционные группы и движения, а также казахских националистов, произошла определенная трансформация. Необходимо отметить, что у лидеров казахстанской оппозиции, в последние годы взявших на вооружение националистические лозунги, отсутствуют какие-либо серьезные политические и социально-экономические программы, которые могли бы привлечь на их сторону широкие слои казахстанцев. Поэтому оппозиционные политики хватаются за любой формационный повод, чтобы громко заявить о себе. В последнее время таким поводом для них явились Таможенный союз и создающийся Евразийский экономический союз.

Казахстанские оппозиционеры и националисты, во-первых, подхватили тезис Х. Клинтон о том, что Евразийский экономический союз является прологом к воссозданию Советского Союза под руководством Москвы. Во-вторых, они доказывают, что авторитарная Россия, где наблюдаются нарушения прав человека, процветает коррупция, много бедных и нищих, не может быть образцом для подражания. В-третьих, для Казахстана в качестве партнеров по интеграции больше подходят такие страны, как Турция, США, Япония, Индия, Иран, исламские государства. Если для российских либералов и националистов будущее связано с Западом, то для казахских идеальным вариантом является создание Тюркской конфедерации с населением 250–300 млн человек. Поэтому важнейшим направлением внешней политики Казахстана, по их мнению, должен быть тюрко-мусульманский вектор. Комментарии, как говорится, излишни.

Попытка объединения политических сил, выступающих против интеграционных процессов Казахстана, России и Беларуси, имела место в 2010 году, когда оппозиционные Объединенная социал-де-

¹ Цит. по: Новый Шелковый путь: нефть, газ и люди. США, Россия и Китай в Центральной Азии после вывода американских войск из Афганистана. URL: www.golos-ameriki.ru/content/ (дата обращения: 30.10.2013).

² Там же.

мократическая партия «Азат», Коммунистическая партия Казахстана и незарегистрированная партия «Алга» выступили с резкой критикой планов создания Таможенного союза и потребовали денонсации этого соглашения. Лидеры этих движений утверждали, что интеграция с Россией и Беларусью ущемляет суверенитет Казахстана. Оппозиционеры инициировали референдум. Однако подписей, необходимых для всенародного голосования, они собрать не смогли³.

И это не случайно. Согласно результатам социологического исследования, проведенного по заказу Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, большинство респондентов (73,7 %) положительно оценивает деятельность Таможенного союза (ТС). Большинство опрошенных в той или иной степени поддерживает дальнейшее развитие интеграционных процессов на основе Таможенного союза и создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — 84,9 % респондентов. В этническом разрезе создание ЕАЭС поддерживают 79,1 % респондентов-казахов, 88,9 % респондентов-русских, 89,4 % респондентов — представителей других национальностей, проживающих в РК.

Большинство опрошенных полагает, что основной сферой интеграции в рамках Евразийского союза должна оставаться экономическая (79,5 %). Считают возможной интеграцию в политической сфере 58,8 % респондентов; 47,3 % опрошенных граждан — интеграцию в культурно-гуманитарной сфере; 20,8 % респондентов — интеграцию в военной сфере⁴.

Данные социологического исследования, проведенного казахстанскими экспертами, в целом совпадают с результатами, полученными аналитиками Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. Согласно этим данным, в странах — членах ТС и ЕЭП наблюдается относительно высокий уровень одобрения интеграционных проектов: в Казахстане — 73 %, России — 67 %, Беларуси — 65 %. В то же время российскими экспертами отмечается определенное снижение поддержки населением участия в интеграционных объединениях в 2013 году по сравнению с 2012 годом. Так, по российским данным, в Казахстане уровень поддержки снизился на 7 % (с 80 % в 2012 г.), отрицательно к ТС и ЕЭП в Казахстане сейчас относятся 6 % граждан⁵.

В этих условиях необходима новая концепция евразийской интеграции в отношении:

- стран европейской части СНГ, ядром притяжения для которых является экономика России;
- стран Центральной Азии, которые экономически тяготеют к Казахстану.

В связи с этим целесообразно определить приемлемые для всех участников правила интеграции, обусловленные созданием Евразийского экономиче-

³ Новый Шелковый путь: нефть, газ и люди.

⁴ Восприятие гражданами вопросов евразийской интеграции и участия Казахстана в Евразийском союзе: результаты социологического исследования (Алматы, КИСИ, ноябрь 2013 г.).

⁵ Интеграционный барометр ЕАБР-2013 / Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития // Аналитическое резюме. 2013. Доклад № 16. С. 12.

ского союза, в частности рассмотреть возможность разносторонней интеграции.

Курс на евразийскую экономическую интеграцию является одним из ключевых направлений современной внешней политики Казахстана.

Вместе с тем первые годы функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства показали, что в интеграционном процессе для Казахстана наряду с плюсами имеются и минусы.

Наблюдавшийся первоначально резкий количественный рост казахстанского экспорта в Россию и Беларусь стал частью увеличения экспорта по всем направлениям, что произошло во многом благодаря восстановлению спроса в мировой экономике. Но при этом не изменились ни географическая, ни номенклатурная структуры экспортных поставок Казахстана, основу которых, как и прежде, составляют сырье и обрабатываемая продукция промежуточного цикла.

Переход к ЕАЭС должен осуществляться постепенно, без излишней поспешности, со всесторонним учетом и критическим переосмыслением опыта становления и нынешних проблем Европейского Союза (ЕС), который воспринимался как самый успешный и эффективный пример регионального наднационального интеграционного объединения.

Важнейшую роль в развитии евразийской интеграции играет процесс смены поколений. Нынешний этап интеграции осуществляется поколением, для которого советские ценности были частью менталитета и идентичности. К сожалению, для нового поколения общие исторические, мировоззренческие и культурные аспекты будут иметь менее весомое значение, а на первый

план выдвинуты политические, социально-экономические и географические факторы.

В связи с этим, не умаляя важности развития экономического пространства, необходимо предпринимать энергичные усилия для сохранения евразийского культурно-гуманитарного и цивилизационного пространства и, более того, придания ему второго дыхания.

Создаваемый Евразийский экономический союз не направлен против третьих стран или других объединений. Более того, создаваемый союз заинтересован в максимальном сотрудничестве с глобальным миром.

Казахстан совместно с Беларусью и Россией принимает участие в создании Евразийского экономического союза в духе стратегического партнерства, доверия и дружбы, поскольку в основу создаваемого объединения заложены понятные всем принципы: экономический прагматизм; уважение суверенитета; добровольность интеграции; равноправие при принятии всех решений; эволюционность развития; открытость евразийского пространства для всех государств¹.

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев на встрече с дипломатическим корпусом 5 февраля 2014 года в Астане, обращаясь к критикам евразийской экономической интеграции, в очередной раз подчеркнул, что Евразийский экономический союз не является политической организацией и преследует цели исключительно экономического сотрудничества, продиктованные нуждами государств — членов этой организации. Поэтому Казахстан призывает зарубежные государства к внимательному изучению задач и целей ЕАЭС для поиска путей развития совместного сотрудничества².

Г. Ф. Фейгин³

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ

Региональная интеграция представляет собой одну из наиболее значимых тенденций в развитии мировой экономики и общества в целом. В настоящее время функционируют более 200 региональных

¹ Заявление для прессы по итогам заседания Высшего евразийского экономического совета. Москва, 24 декабря 2013 года. URL: www.kremlin.ru/transcripts/

² Назарбаев Н. А. Выступление Президента Казахстана на встрече с главами зарубежных дипмиссий, аккредитованных в Казахстане. Астана, 5 февраля 2014 года. URL: www.nomad.su

³ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

интеграционных образований. Несмотря на различия в количестве участников и уровне интеграции, в рамках этих блоков преследуются принципиально идентичные цели. Так, в значительной мере решается проблема ограниченности ресурсов. Недостаток ресурсов в одной стране может быть восполнен за счет другой страны, вступившей в соответствующий региональный интеграционный союз. Кроме того, если структуры участников регионального блока взаимно дополняют друг друга, могут возникать синергетические эффекты, способствующие повышению эффективности производства. Региональная интеграция представляет собой реализацию некоторой модели, то есть ценностной установки, которую должны принимать все участники блока. Должна сформироваться определенная *региональная культура*, которая в значительной мере определяет

стабильность и поступательное развитие интеграционных процессов. В случае если лежащие в основе интеграционной модели социокультурные установки не поддерживаются всеми странами, входящими в состав блока, развитие интеграции может натолкнуться на существенные барьеры даже при наличии определенной экономической выгоды.

В современной социально-экономической литературе часто возникает вопрос о соотношении понятий «глобализация» и «регионализация». Противоречат ли они друг другу или же являются двумя сторонами одной медали? В современном мире наблюдается относительно новая тенденция, интерпретация которой дает дополнительную информацию для ответа на данный вопрос. Речь идет о межрегиональной интеграции, имеющей различные формы проявления. Так, блоки формируются по критериям, в соответствии с которыми в блок могут входить страны, расположенные в разных регионах (АТЭС). Заключаются также соглашения о сотрудничестве между отдельными региональными блоками. Тем самым регионализация уже не сводится к интеграции в условиях некоторой территориальной замкнутости. Переход к межрегиональной интеграции все больше позволяет интерпретировать региональные блоки как одну из форм проявления глобализации.

В данном контексте большой интерес представляют евразийские интеграционные проекты. Евразия — крупнейший материк в мире. Проживание на одном континенте означает некоторую (по мировым масштабам) территориальную близость, что изначально обуславливает потенциал для региональной и межрегиональной интеграции. Однако Евразия как территория для создания интеграционных блоков характеризуется рядом особенностей. Гигантские размеры материка означают, что отдельные страны находятся на значительном расстоянии друг от друга. Кроме того, население Евразии необычайно мультикультурно. Взяв за основу теорию деловых культур Р. Льюиса, можно заключить, что на территории Евразии проживают представители всех культурных общностей, то есть моноактивные (Германия, Великобритания), полиактивные (Португалия, Испания) и реактивные (Китай). На территории Евразии расположены своеобразные центры всех ведущих религий. Населяющие Евразию народы говорят на сотнях различных языков. Наконец, и уровень экономического развития расположенных в Евразии стран далеко не одинаков — по показателю ВВП на душу населения одни страны превосходят другие иногда в десятки раз. Поэтому неудивительно, что интеграционные образования на территории Евразии изначально возникли и начали развиваться на относительно ограниченных территориях. Ведущими интеграционными блоками в настоящее время являются ЕС (28 стран Европы) и АСЕАН (10 стран Азии).

Тем не менее вопрос о создании межрегиональных блоков в форме евразийской интеграции постоянно обсуждается на различных уровнях. Среди интеграционных проектов, имеющих евразийский масштаб и значение, можно выделить следующие.

— *Идея Евразийского экономического союза* (Россия, Белоруссия, Казахстан). 1 января 2012 года эти страны создали Евразийское экономическое пространство (ЕЭП), которое само по себе является интеграционным блоком. Сейчас речь идет о дальнейшем углублении интеграции. Евразийский экономический союз может начать функционировать 1 января 2015 года. К нему могут присоединиться и другие государства (в частности, Армения, Киргизия). Интерес к тесному сотрудничеству проявляют и некоторые другие страны (в частности, Вьетнам, Израиль, Индия), так что уже в ближайшей перспективе может возникнуть крупное интеграционное образование евразийского масштаба.

— *Образование единого пространства Россия–ЕС*. Эта идея высказывалась еще в начале 2000-х годов. Мировой экономический кризис 2008–2009 годов и последующий долговой кризис в ЕС несколько замедлили процесс осуществления конкретных шагов в направлении реализации данного проекта. Очевидно, что Россия и Европейский Союз имеют взаимодополняющие экономические структуры и огромные традиции в области сотрудничества в различных сферах. Кроме того, политика ЕС ориентирована на расширение (в том числе и на Восток). В процессе расширения ЕС все ближе подходит к российским границам. Поэтому создание единого пространства Россия–ЕС органично вытекает из логики происходящих процессов и представляется лишь вопросом времени. Данный проект также имеет евразийский масштаб, так как значительная часть территории России находится в Азии.

— *Расширение существующих региональных блоков и сотрудничество между ними*. В данном аспекте наибольшее значение имеет сотрудничество ЕС и АСЕАН. Обсуждается, в частности, вопрос об образовании зоны свободной торговли, включающей оба блока. В связи с тем, что интеграционная модель ЕС признана АСЕАН в качестве ориентира, можно предположить, что и данный проект имеет будущее. Однако в настоящее время кооперация ограничивается двусторонними соглашениями и сотрудничеством по отдельным направлениям.

— *Осуществление крупных проектов в отдельных отраслях*. На территории Евразии существует несколько центров, вносящих значительный вклад в современное мировое экономическое развитие. В качестве «мировых центров» выступают прежде всего страны ЕС и Китай. Быстро развивается также экономика Индии, демонстрирующая в последние годы высокие темпы экономического роста. В связи с этим существует большой потенциал для масштабного экономического сотрудничества в таких сферах, как энергетика, транспортные коммуникации, компьютерные технологии и т. д.

Обозначенные направления свидетельствуют о большом интеграционном потенциале на евразийском уровне. Однако существует достаточно острая проблема. Она связана с социально-культурными барьерами, которые отчетливо проявляют себя уже на уровне региональной интеграции, и еще более

обостряется, когда переходит на межрегиональный уровень. Это положение можно подтвердить многочисленными примерами. Недавний долговой кризис в еврозоне показал, что не все входящие в нее страны способны (в том числе и по причинам социально-культурного характера) проводить экономическую политику, в полной мере соответствующую концепции, лежащей в основе создания еврозоны. Одним из основных кандидатов на вступление в ЕС является Турция. Принятие Турции в ЕС означало бы выход за «географические» границы Европы, так как Турция частично расположена в Азии. Однако вступление Турции в ЕС постоянно откладывается. Одна из причин носит ярко выраженный социально-культурный характер. Во всех странах, входящих в ЕС, доминирует христианская религия. Вступление Турции означало бы появление в ЕС первой исламской страны. Последствия данного феномена предсказать трудно.

Социально-культурные особенности порождают многообразие экономических моделей, сочетающихся с различными политическими режимами. Так, в Китае проводится курс на построение «социализма с китайским лицом» под руководством ком-

мунистической партии. При этом стремительно развивается частный сектор, создается конкурентоспособная экономика, привлекающая большие объемы иностранного капитала. В противоположность Китаю некоторые страны (например, Северная Корея) фактически сохранили прежнюю политическую систему, не проведя при этом экономических реформ.

Данные примеры показывают, что на территории Евразии расположено большое количество непохожих друг на друга социально-культурных образований. В этом заключается целый ряд препятствий на пути осуществления интеграционных проектов евразийского масштаба. Не случайно некоторые проекты реализуются относительно медленно, а некоторые из них до сих пор остаются лишь идеями. Будущее евразийской интеграции зависит от того, в какой мере удастся выработать интеграционные модели, учитывающие культурное разнообразие и базирующиеся на принимаемых различными культурами ценностных установках. Поступательное движение глобализации как мегатенденции в развитии мировой экономики дает основание предположить, что эта цель достижима. Но ее достижение — вопрос определенного времени.

В. А. Шамахов¹

КЛАСТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Более чем десятилетняя деятельность Евразийского экономического сообщества, успешное функционирование Таможенного союза и Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, подготовка к созданию в 2015 году Евразийского экономического союза, уникальный опыт строительства Союзного государства России и Белоруссии позволяют сделать выводы о ши-

роких перспективах развития интеграционных процессов в евразийском регионе.

В настоящее время особую актуальность приобретают теоретические и научно-прикладные исследования данных процессов, которые оказывают существенное влияние на развитие стран Евразии как региональной интеграционной общности, являющейся центром превосходства в мировой политике и экономике XXI века. Россия и дальше намерена играть ведущую роль в процессах экономической интеграции на евразийском пространстве. Она открыта к любым формам и моделям интеграции.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) проделал большую работу по созданию интеграционных моделей развития образования, науки и молодежного сотрудничества. Разработка концептуальных основ долгосрочного стратегического межвузовского сотрудничества на евразийском пространстве должна реализовываться в соответствии с особенностями развития региональных социально-экономических и политических процессов.

В ходе создания таких проектов СЗИУ, как Международный образовательный консорциум «Евразийская лига вузов государственного и корпоративного управления», Евразийский молодежный кластер, был применен механизм кластерного моделирования.

¹ Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, действительный государственный советник РФ 1-го класса. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Внешнеторговое ценообразование» (в соавт.), «Таможенное регулирование в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС» (в соавт.), «Реформа государственной службы и задачи подготовки кадров государственных и муниципальных служащих» (в соавт.), «Роль филиалов СЗАГС в формировании единого образовательного пространства в сфере подготовки государственных и муниципальных служащих», «Профессионализм на государственной гражданской службе: технологии достижения» и др. Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, Экспертно-консультативного совета при Законодательном собрании Ленинградской области, Экономического и Кадрового советов при губернаторе Санкт-Петербурга, Комиссии по формированию и подготовке резерва управленческих кадров в Санкт-Петербурге. Удостоен благодарности Президента России В. В. Путина, награжден десятью медалями, орденами Льва Финляндии, Святого Владимира и Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви и другими знаками отличия.

Кластер — это интеграционный механизм, обеспечивающий интенсивное развитие образующих его организаций, их эффективное партнерство.

Важнейшим инструментом, способствующим развитию единого международного научно-образовательного пространства, является создание научно-образовательных кластеров, объединяющих вузы стран евразийского партнерства. Интеграция, объединение и координация усилий вузов в научно-образовательный кластер будут способствовать созданию условий стабильного, устойчивого развития образовательных институтов в единую систему, связанную отношениями подготовки конкурентоспособных и востребованных специалистов.

Само определение «кластер» предусматривает совокупность размещенных на ограниченной территории организационных и производственных структур (участников кластера), что характеризуется наличием:

- системы эффективной коммуникации между участниками кластера, основанной на использовании современных высоких технологий;

- механизма координации деятельности и кооперации всех участников кластера (эффективный менеджмент);

- синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого участника кластера за счет высокой степени их кооперации, а также внедрения инновационных образовательных программ и различных научных разработок.

Современные тенденции развития высшего профессионального образования определили новые подходы к его организации, среди которых одним из наиболее перспективных является кластерный. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации создание кластеров представляется как важнейшее направление формирования общенациональной системы поддержки инноваций и развития России. Интеграция в кластере определяется как объединение различных структур и как нахождение новой формы сопряжения их потенциалов с целью производства инновационного продукта.

Целями образовательного кластера являются повышение качества профессиональной подготовки, удовлетворение текущих и перспективных потребностей работодателей в высококвалифицированных специалистах. Основные задачи образовательного кластера:

- построение эффективной системы межвузовского партнерства;

- развитие интегрированных систем непрерывного образования;

- гармонизация подходов к развитию национальных систем образования;

- консолидация усилий по выработке единой стратегии развития интеллектуального потенциала в области науки и инноваций.

Вузы стран евразийского пространства имеют научно-образовательную базу для формирования на основе кластерного подхода эффективной мо-

дели изучения стратегических векторов развития процессов евразийской интеграции в долгосрочной перспективе — Международного образовательного консорциума «Евразийская лига вузов государственного и корпоративного управления» (далее — Консорциум).

Приоритетным направлением деятельности Консорциума станет реализация совместных международных учебных программ и научно-исследовательских проектов в рамках сотрудничества в области образования и науки с различными вузами стран евразийского партнерства, что будет способствовать развитию межвузовского сотрудничества, генерации новых знаний и формированию единой инновационной интеллектуальной среды.

Инициатива создания Консорциума принадлежит Северо-Западному институту управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Лига представляет собой международный образовательный открытый консорциум, созданный на основе добровольного и равноправного объединения высших учебных заведений в сфере государственного и корпоративного управления стран евразийского пространства.

Деятельность Консорциума не только позволит укрепить межвузовское сотрудничество, но и будет способствовать развитию единого научно-образовательного кластера на евразийском пространстве, что, в свою очередь, позволит в перспективе создать систему эффективных наднациональных органов в сфере образования и науки Евразийского союза (ЕАС).

Студенты и молодые ученые Института при поддержке представителей президентских академий Белоруссии и Казахстана явились учредителями общественной организации по содействию развитию международного молодежного сотрудничества «Евразийская молодежная ассамблея», призванной способствовать формированию единой коммуникативной площадки для активного и заинтересованного обсуждения проблем и перспектив молодежной деятельности и установления контактов с молодежными сообществами стран евразийского партнерства.

Центром евразийских исследований СЗИУ РАНХиГС была разработана кластерная модель международного молодежного взаимодействия — Евразийский молодежный кластер. Практическим воплощением данной модели стало принятие резолюции участников Первого евразийского молодежного инновационного конвента, проходившего в Санкт-Петербурге с 14 по 16 апреля 2014 года.

Конвент проводился под патронажем Законодательного собрания Ленинградской области, его организаторами выступили Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, региональная общественная организация по содействию развитию молодежного международного сотрудничества «Евразийская молодежная ассамблея».

Молодые ученые, студенты, представители молодежных организаций и бизнес-сообщества выработали решение о формировании международной коммуникативной площадки, которая объединит наиболее активных, обладающих инновационным мышлением молодых ученых, парламентариев, представителей молодежных общественных объединений, бизнес-сообщества.

Данный кластер будет представлять собой молодежное движение, которое будет способствовать росту научно-исследовательского, профессионального и творческого потенциала молодежи, ее активному участию в жизни общества, выработке инновационных решений актуальных проблем евразийской интеграции.

Основными целями создания Евразийского молодежного кластера являются:

— формирование единого пространства для конструктивного диалога молодежи, помогающего осоз-

нать перспективы евразийских интеграционных процессов и разобраться в их специфике;

— объединение научного, инновационного, культурного потенциала молодежи стран евразийского партнерства;

— строительство стартовой площадки для карьерного и личностного роста молодежи в научно-исследовательской, проектной деятельности и предпринимательстве.

Объединение интеллектуального и инновационного потенциала молодежи позволит ей принимать участие в выработке согласованных решений задач евразийской интеграции.

Использование кластерного подхода при формировании социально-политических, научно-образовательных проектов и инициатив позволяет выработать эффективные механизмы интеграционных взаимодействий на пространстве создаваемого Евразийского союза.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- С. А. АНТИПИН заместитель генерального директора Института исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, доктор экономических наук, профессор
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- М. В. КАРАСЕВА (СЕНЦОВА) заместитель декана юридического факультета по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Ю. В. КОСОВ заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. В. ЛАПАЕВА главный научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА директор Центра социально-экономических исследований Института США и Канады ФАНО, профессор кафедры международной экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор экономических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- В. С. ПЕРЕБОЕВ руководитель направления Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, кандидат политических наук
- Г. М. РЕЗНИК президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Е. С. САДОВАЯ заведующая сектором проблем труда и занятости Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Л. В. СОКОЛЬСКАЯ доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, кандидат юридических наук
- Н. Н. ТУРЕЦКИЙ директор НИИ государства и права им. акад. Гайрата Сапаргалиева (Астана, Казахстан), доктор юридических наук, профессор
- Г. Ф. ФЕЙГИН профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги. От имени Оргкомитета я поделюсь с вами некоторыми взглядами, а потом предоставлю слово вам, профессионалам. Я хочу еще раз обозначить тот тезис, с которым вчера выступал на Пленарном заседании.

У университетов есть своя миссия, чего сегодня в большинстве университетов не понимают. Университет должен давать студентам интегральное знание, универсальное. Надо сказать, что общая линия развития университетского образования не только в стране, но и в мире такова, что все факультеты разделяются на отдельные школы. Если посмотреть на западную структуру университетов, то это практически набор школ, слабо связанных друг с другом. То есть теряется «юниверсал»-знание, комплексное представление о Вселенной. Это, с одной стороны, понятно, потому что общий массив знаний становится все больше и освоить его все труднее. Но, с другой стороны, это недопустимо, потому что специалист, которого выпускает университет, становится, по Козьме Пруткову, подобен флюсу, то есть односторонним, неспособным ориентироваться в ситуации.

Например, здесь, в Университете, мы это сразу заметили по судейской практике, когда у нас реформировалась социально-экономическая система в стране и судьи вдруг оказались совершенно не готовы к хозяйственным спорам, к их ведению. Ситуация изменилась, законы поменялись, ну вроде бы что такого, в чем проблема? Можно судить по новым законам. Какие трудности? Но оказалось, что судьи к этому не готовы, потому что они не ориентируются в социально-экономической проблематике. Там, где было уголовное право, судьи понимали по традиции значение социума и как-то с этим справлялись, а в области экономических преступлений непонятно, «что такое хорошо и что такое плохо». То же самое происходит, когда речь идет, например, о судебной практике в части закона о СМИ, защиты чести и достоинства, то есть широкого круга новых явлений.

Экономисты у нас в стране не понимают, почему не срабатывают реформы, которые они задумывают. Если вы посмотрите на деятельность нашего правительства, то оно всерьез убеждено, что развитие экономики зависит от банковских процентов и тому подобного. Но почему у нас такой банковский процент, когда во всем мире в пять раз меньше и можно брать длинные кредиты? На этот вопрос уже никто и ответа особо не ищет. Давайте чуть-чуть изменим монетаристскую политику — чуть влево, чуть вправо, споры идут вокруг этого. И очень крупные фигуры или люди, которые оказались на том месте, где должны быть крупные фигуры, морочат нам голову тем, что, дескать, надо мелкий вид регулировать в хозяйственном механизме и тогда все заработает. А экономические реформы не входят в противоречие с культурой, с менталитетом населения.

У нас пропагандируется очень важная идея о том, что демократия — неременный спутник экономического подъема и что если будет демократия, за ней автоматически последует экономический подъем. Ну, я уж не спрашиваю про того, кого у нас демократически

избирают в арабских странах почему-то, после чего следуют войны, катастрофы. Например, на Ближнем Востоке ХАМАС побеждает. Обратимся к современной истории Южной Кореи и увидим, что после войны там был потрясающий экономический провал, когда один из очередных военных диктаторов слепо копировал все механизмы Соединенных Штатов. Потом был потрясающий подъем. Но он был связан не с демократией, а с тем, что очередной диктатор отказался от слепого копирования всего, что делали американцы, особенно в области культуры, и сказал: мы будем опираться на наши традиции, нам надо брать, конечно, все передовое с Запада, но все это должно проходить через призму нашей национальной культуры, самосознания, традиций и т. д. И вдруг — взлет Южной Кореи. Наконец, когда Южная Корея достигла такого уровня общественной зрелости, когда пришла демократия, экономический рост быстро замедлился, и очень существенно.

Лихачевские чтения призваны преодолеть проблемы в науке, которые сложились в разных областях знаний, и возродить одну из важнейших миссий университета — поиск важнейших узловых точек, где разные отрасли знания должны сходить вместе. В свое время я написал книгу о Лихачеве, а предисловие к ней — академик Янин, знаменитый исследователь новгородских рукописей и в целом древнерусской культуры, равновеликий по масштабу Дмитрию Сергеевичу. В частности, он отметил, что Лихачев — один из немногих в сфере гуманитарного знания, кто первым почувствовал необходимость возвращения к энциклопедизму, утерянному в науке примерно 150 лет назад, и я с ним согласен. После того как люди широких познаний, такие как Вольтер и Дидро, ушли с исторической арены, ученые исследуют более узкие, локальные проблемы. В структуру Российской академии наук входит большое количество специализированных институтов, которые занимаются углубленной проработкой различных важных научных проблем в рамках каждой дисциплины. Янин пишет о том, что у нас историки не разговаривают с литературоведами, люди сидят в соседних кабинетах и друг к другу вообще не заходят, поэтому очень сложно составить объективную картину тех или иных процессов, хотя логика научного творчества этого требует. В свое время Д. С. Лихачев пришел к нам в Университет именно потому, что ощутил тягу к смежным отраслям знания, а потом и к спасению своего предмета исследований в широком контексте общекультурного развития.

Я должен сказать, что все сидящие здесь, в Президиуме, люди — блестящие, потрясающие ученые и практики, которые давно сами ощутили такую же тягу и тоже к этому пришли. И Генри Маркович не случайно выигрывает сложнейшие юридические процессы, это человек, который осмысляет юриспруденцию в очень широком культурном контексте. Судьи это чувствуют, и они его слушают. То же самое могу сказать — если бы Гадис Абдуллаевич Гаджиев не ставил свое понимание Конституции, конституционного и судебного процесса в очень широкий контекст культуры, он не стал бы членом Конституционного Суда,

не взошел бы на олимп правоведения. Валерий Леонидович Макаров — академик, директор выдающегося экономико-математического института — всегда очень ярко выступает по различным проблемам культурного развития. Все это свидетельствует о том, что если мы — педагоги, профессура, студенты — хотим добиться больших успехов в своей предметной деятельности, мы должны уметь ее поместить в широкий контекст общекультурного развития.

К сожалению, мне как председателю Оргкомитета необычайно трудно побуждать ученых, участвующих в Лихачевских чтениях, писать доклады в таком контексте, потому что каждый хочет писать о конкретной профессиональной проблеме, которая его волнует. Но, тем не менее, мы все время просим специалистов и считаем очень важным на Лихачевских чтениях говорить не об узкопрофессиональных проблемах, а об экономике как части культуры, во взаимосвязи с культурой, о юриспруденции как части культуры, во взаимосвязи с культурой и т. д. И я призываю участников этой секции именно в таком контексте вести разговор. Мы поделили доклады на две группы: более общей тематики — экономика и право в контексте мирового культурного развития и более конкретной — экономика, право, культура на пространстве Евразийского экономического союза. Поскольку проблематика ЕврАзЭС сейчас имеет огромное значение для развития страны.

Владимир Путин провозгласил очень яркую идею, на которую мировое сообщество как-то не обращает внимания, ее пытаются интерпретировать так, будто Россия хочет восстановить Советский Союз. На самом деле идея Путина звучит иначе. Я специально изучал целый ряд документов, Путин говорит примерно следующее: если каждая из стран придет к европейскому образу жизни поодиночке, она будет находиться в очень уязвимом положении. То есть Россия, безусловно, идет в сторону Евросоюза. И вот когда с политической деятельностью страна вдруг оказывается оппонентом Евросоюза, это не наш выбор, не российский. Мы ощущаем себя европейцами, идем к образу жизни и стандартам Евросоюза, но даже России очень опасно выходить на контакты с Евросоюзом одной, потому что экономическая мощь недостаточна. И, конечно, мы должны переходить на стандарты Евросоюза постепенно, это невозможно сделать мгновенно и для этого требуется длительный период. Соответственно, Россия оказывается в уязвимом положении. Тем более в уязвимом положении оказываются Казахстан, Украина и т. д. Поэтому идея нашего Президента состояла в том, чтобы страны, находящиеся на близком уровне социально-экономического развития, объединились и вместе двигались к европейским стандартам жизни. Иначе мы окажемся в положении стран Восточной Европы, которые сейчас раздергивают — выдергивают рабочую силу, приватизируют из-за рубежа ведущие отрасли экономики и т. п. То есть Путин говорит — мы должны быть вместе с ЕС, но для этого нам нужно объединиться и вместе подтягиваться к европейскому уровню, и для России эта задача остается первостепенной. И мне, конечно, было бы очень интересно, чтобы ведущие специалисты в области экономики, правоведения, которые сейчас участву-

ют в Лихачевских чтениях, тоже обратились к проблемам ЕврАзЭС, выступая экспертами по представленным здесь докладам данной тематики. Поскольку лишь экономически ЕврАзЭС соединен быть не может, сразу встают вопросы об общем правовом поле, о роли языка и культуры, о таможенных правилах, трудовой миграции и ее регулировании, о преодолении различий менталитетов, преодолении ксенофобии и тому подобного, то есть возникает целый комплекс проблем, которыми занимаются Лихачевские чтения.

Желаю плодотворной работы.

Г. М. РЕЗНИК: — Друзья, приветствую всех вас от имени Президиума. Еще раз — мы рады всех вас видеть. И Александр Сергеевич Запесоцкий — большой демократ, демократическим путем назначил нас в этот Президиум. Для затравки — небольшая ремарка: дело в том, что Александр Сергеевич напрасно записал меня в демократы. Я скорее либерал. И я за то, чтобы признавалась священной и неприкосновенной частная собственность. Когда частная собственность в таком статусе существует, даже какие-то мощные потрясения, которые испытывает государство, как было сейчас на территории Европы, в конечном счете не приводят к хаосу и в целом к гибели стран.

Первое слово предоставляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, мы живем во время глобальных перемен. И самой значимой переменой всей нашей жизни стал крах социалистической системы. Сутью социалистической системы является уничтожение частной собственности на средства производства, и отсюда — соответствующие ей адекватные политико-правовые формы. Поскольку суть состояла в уничтожении частной собственности, исходным моментом всех перемен стала так называемая приватизация социалистической государственной собственности. Я говорю «так называемая приватизация», потому что на самом деле это была не приватизация, а десоциализация государственной собственности. Должна была быть десоциализация общенародного состояния, то есть переход этого общенародного состояния в частные руки. Таким образом, именно приватизация стала переломным моментом между двумя эпохами: до и после социализма. И это глобальное, эпохальное с точки зрения всего общечивилизационного развития человечества явление до сих пор у нас не стало предметом сколь-нибудь серьезного философского, экономико-правового анализа. Оно не стало даже предметом широкого и серьезного общественного обсуждения. Крика было много, но серьезного разговора, ориентированного на какой-либо общественный договор о собственности, не состоялось.

Почему так произошло? Думаю, во многом из-за того, что отношение к социалистической собственности, приватизации — это во многом отношение к социализму как строю и к лежащей в его основе коммунистической идее. А здесь уже много веков существует противостояние между сторонниками уничтожения частной собственности — это носители левой идеи —

и либералами, такими как Генри Маркович, которые тоже вполне справедливо полагают, что в основе свободы индивида лежит частная собственность. На пленарном заседании было сказано: между двумя принципиально несовместимыми позициями не может быть диалога, потому что там нет взаимопонимания. Для того чтобы состоялся разговор между этими принципиальными точками зрения, необходимо ввести в контекст новую позицию, опирающуюся на некий третий принцип. С позиции подобной теории я бы и хотела поговорить о проблеме.

Такая теория была разработана в российской философии права в конце 1980-х годов академиком Нерсесянцем. Вопрос, который он поставил, звучал так: являлся ли социализм ошибкой истории? То есть было ли это колоссальное напряжение человеческих сил, в первую очередь всех, кто населял Советский Союз, результатом ошибки и, попросту говоря, глупости? И он ответил на этот вопрос: нет, это не было ошибкой. Социализм вообще входит в логику исторического развития движения к свободе как строй по природе своей негативный к капитализму, поскольку он основан на отрицании права частной собственности. Но отрицая данное право и кровавыми, насильственными способами утверждая негативное начало, социализм создает предпосылки для диалектического синтеза. Поэтому вопрос состоит в том, какой синтез может быть получен на базе диалектического соединения социализма и капитализма.

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, я хотела бы спросить: а зачем вообще нужен такой синтез? Не проще ли нам всем, уставшим от социальных экспериментов, вернуться на проверенный историей капиталистический путь развития? Я думаю, что можно было бы и вернуться, если бы этот путь не был заблокирован теоретически. На практике, поскольку, как опять сказал Генри Маркович, жизнь богаче теории, возможно, какие-то постсоциалистические страны пойдут к капитализму и, многие не любят этот термин, цивилизованному рынку. Они войдут в капитализм с помощью Запада и каких-то других факторов, о которых я сейчас не буду говорить, но это не относится к нашей стране. Для России этот путь *теоретически* заблокирован, на практике тоже, может быть, нам что-то и удастся. Почему?

На самом деле доминирует представление, что теоретически как раз дорога открыта, но есть практические трудности. Их там много, разные перечисляют. Те, кто так рассуждает, говорят, что в целом у нас создана основа рыночной экономики, частной собственности, доминирует государственный сектор, созданы негосударственный сектор экономики, рыночная инфраструктура, формальные институты демократии. Некоторые даже, например Александр Сергеевич Запесоцкий, говорят, что демократия вообще-то и не нужна, можно построить рынок с опорой на авторитарные методы, и ссылаются на Китай (в данном случае он сослался на Южную Корею). Не буду останавливаться на этом тезисе, скажу только, что Россия — это не Китай и не Корея. Самое главное, хорошо изученный западный опыт, чего нельзя сказать об опыте этих стран,

свидетельствует, что демократия является имманентным атрибутом рыночной экономики. А что такое демократия? Это ротация политических элит по итогам выбора. Только благодаря такой ротации возможно соответствие циклическому характеру рыночной экономики и нахождение оптимального баланса между свободным развитием рынка и его публично-правовым регулированием. Без демократии рыночная экономика — это, скорее всего, имитация рыночной экономики.

Еще одни оптимисты, надеющиеся на наш возврат к капитализму, говорят: да, нам надо построить реальную демократию, создать независимый суд, некоррупционное чиновничество и эффективно работающий парламент, и тогда все будет хорошо. Они не учитывают другого важного обстоятельства. Дело в том, что демократия вообще как движение от феодализма к капитализму выросла из разграничения властей собственности. Суть нашей приватизации, которая по классификации Международного банка названа инсайдерской, заключалась в том, что произошло огосударствление собственности. Неверно думать, что это административно-командная система социализма была основана на соединении властей собственности, а мы путем приватизации ее разгосударствили. На самом деле в результате приватизации и создания многих частных собственников было создано и государство как частный собственник. Оно вступило в рыночные отношения и впервые стало реальным собственником. При социализме никакой реальной собственности не было. Было просто публичное властное управление хозяйственным конгломератом. Поскольку другого варианта становления собственности не было, то слияние властей собственности при такой модели приватизации было предопределено. Оно было предопределено при любой модели приватизации, потому что произошла передача общенародного достояния в частные руки.

Любая приватизация, даже если бы она была лучше, является неправовой формой десоциализации собственности. Вопрос состоит в том, какой должна быть правовая модель приватизации. Нам надо обязательно построить такую теоретическую конструкцию идеальной, желательной модели приватизации для того, чтобы начать этот разговор. Это не значит, что такая модель будет реализована, она выступит теоретическим критерием для оценки ситуации. Без данного критерия наука не работает.

Кратко расскажу о сути концепции цивилизма Нерсесянца. Идея десоциализации социалистической собственности путем ее приватизации изначально носила неправовой характер, поскольку общественное, а не государственное достояние не может быть передано отдельным частным (то есть не всем) лицам. Второй тезис: общенародный характер социалистической собственности означает, что все мы — наследники этой собственности в равной мере и с равным правом, и за каждым гражданином страны изначально должно быть признано право на равную долю от десоциализации этой собственности. То есть право на *индивидуальную*, но не частную собственность. В чем отличие? Индивидуальная собственность — это собственность на средства производства, которые есть

у каждого гражданина просто потому, что он гражданин этой страны. Таким образом, это приращенное право по данной конструкции. Частная собственность может быть только у некоторых, и она и накапливается у некоторых, монополизирована. Разница между обществом, где есть индивидуальная собственность на средства производства и частная собственность, принципиальна с точки зрения Нерсисянца. Речь, конечно, не идет о примитивном физическом делении. Речь идет о применении юридической конструкции равнодолевой собственности, которая передается в аренду, то есть во владение и пользование того лица, которое решит стать хозяйствующим субъектом. На эту справедливо поделенную собственность человек может уже сколько угодно наращивать свою частную собственность и, соответственно, развивать экономику. Такая конструкция у нас, конечно, не могла быть реализована. И понятно почему: когда романтический подъем эпохи перестройки спал, то стало ясно, что наше общество — вообще очень большое общество, это было даже неожиданно для многих. Но я думаю, что эта концепция имеет общецивилизационное значение, и, как всякая хорошая теория, она рано или поздно реализуется в том или ином варианте.

Г. М. РЕЗНИК: — Валентина Викторовна, Вы сказали, и я с Вами абсолютно согласен, что Россия — это не Китай и не Корея. Тогда ответьте, а Россия — это Европа?

В. В. ЛАПАЕВА: — Конечно, Россия — это Европа. Во всяком случае с точки зрения права нам надо стремиться к европейским стандартам и не надо этого стесняться. Дело в том, что если мы хотим построить рынок (назовем его «капитализм» или как-то иначе), без реальной демократии этого не сделать. Но рынок надо строить параллельно с работой по разграничению права и собственности, и здесь, как сказал Александр Сергеевич Запесоцкий, демократия даже где-то мешает. Если опираться только на демократию, игнорируя общественный договор по поводу собственности, мы проблему не решим. Нам нужен честный разговор с обществом для того, чтобы легитимировать сложившуюся собственность. Потому что, если собственность нелегитимна, экономика работать не будет. Капитал будет уходить из страны, и никто не станет сюда инвестировать. Нам нужно легитимировать собственность, а параллельно работать над укреплением демократии.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо большое. Хочу сказать, Вы пролили бальзам на мою израненную последней пропагандой душу, когда четко сказали, что Россия — это Европа.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Валентина Викторовна, Вы говорите об идее академика Нерсисянца и предлагаете вариант приватизации, основанный на применении долевой собственности. Но ведь, по сути дела, в нашей стране эта идея Нерсисянца была реализована применительно к приватизации сельскохозяйственной земли — все земля была приватизирована по принципу

долевой собственности. К чему это привело? К тому, что сейчас эта земля совершенно не осваивается, она зарастает кустарниками, то есть эта идея оказалась совершенно неэффективной. С помощью каких аргументов Вы можете доказать, что этот вариант приватизации лучше, чем тот «воровской», как его называют, который у нас был?

В. В. ЛАПАЕВА: — Гадис Абдуллаевич, во-первых, я говорю не о приватизации, а десоциализации собственности. Но дело даже не в этом. Это очень продуманная концепция, она предлагает создание общенародного фонда, куда будут поступать доходы от использования объектов теми, кто стал субъектами хозяйствования. Предполагается, что из этих фондов каждому гражданину будет поступать его доля от капитализации этого общенародного достояния. То есть, когда выпускают капитализацию, каждый из нас имеет право на свою долю. Задача фонда состоит в том, чтобы «отцепить» деньги граждан от государства и таким образом вывести граждан из-под давления этого бюрократического коррумпированного государства. То есть все эти социальные расходы, которые мы получаем через налоги, мы могли бы получать через этот фонд напрямую. Идея состояла в уменьшении зависимости человека от политической власти в конечном итоге. А что там с землей, я, честно говоря, просто не знаю. Надо разбираться, почему там не сработал этот механизм. Вероятно, все было передано опять в общегосударственную копилку, и как чиновники ее расходуют — это уже другой вопрос.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Валентина Викторовна, у меня также вопрос, касающийся приватизации и ее моделей. Когда в конце 1980-х годов решался этот вопрос, специфика ситуации состояла в том, что никто в стране не имел финансовых ресурсов, чтобы эту собственность купить, и право наследования тоже никто не мог иметь, поскольку с 1917 года прошло уже 70 лет. В Вашей концепции предусмотрен какой-то критерий, с помощью которого человек может доказать свое право на собственность? Допустим, в Германии это были западные немцы, которые купили восточное предприятие, и т. п.

В. В. ЛАПАЕВА: — Каждый гражданин, который родился, имеет равное право на свою долю социального наследства, это приращенное право. Кто-то взялся бы вести хозяйство, не всем же быть собственниками. Доходы же от деятельности тех, кто захотел и стал эффективным собственником, шли бы в общую копилку. А то, что они сверх этого нарастили за счет своих собственных усилий, это была бы уже их частная собственность. Таким образом, предусмотрено соединение частной и индивидуальной собственности.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемая Валентина Викторовна, Вы действительно представили проект Нерсисянца как третий путь между капитализмом и социализмом или коммунизмом. С Вашей точки зрения, это единственный путь или есть другие варианты?

Нельзя ли рассматривать современные социал-демократии как тоже третий путь, и некапиталистический, и несоциалистический?

В. В. ЛАПАЕВА: — Современная социал-демократия — это, собственно, капиталистический путь, только с большими социальными компромиссами со стороны властной элиты. Это просто капиталистическое общество, наученное горьким опытом социализма, сделало такие уступки. Но это не меняет принципиально строя. А цивилизм — это строй, когда у каждого гражданина есть доля собственности на средства производства. То есть это принципиально другая конструкция. Есть ли еще какие модели, я не знаю. Я считаю, что это теоретически обоснованная модель.

Г. М. РЕЗНИК: — Благодарю Вас. Слово предоставляется Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Постараюсь отойти от узких вопросов, как просили организаторы. В современном мире в условиях глобализации особую актуальность приобретают вопросы модернизации правовой системы государства, и в том числе, я думаю, эти проблемы актуальны как для России, так и для Казахстана. Возникает вопрос, в каком направлении двигаться, поскольку правовое поле — это очень важный момент для модернизации всех направлений жизнедеятельности общества. Анализ проводимых и в Казахстане, и в России реформ показывает, что мы в основном интегрируем европейскую правовую систему двумя способами. В первую очередь — за счет рецепции отдельных норм институтов зарубежного, прежде всего европейского права в нашу правовую систему. Во-вторых, за счет имплементации норм международного права в национальное законодательство. Такие подходы позволяют рассматривать модернизацию законодательства именно в контексте мирового культурного развития.

На примере отдельных моментов реформирования законодательства в Казахстане хочу показать, насколько мы сейчас сближаемся с европейской правовой системой. На сегодняшний день у нас в парламенте рассмотрен во втором чтении ряд законопроектов, в том числе проект новой редакции Уголовного кодекса. Это абсолютно новый Уголовный процессуальный кодекс, административные и уголовные исполнители. Я хочу продемонстрировать, как идет эта интеграция, на основе такой базовой категории уголовного права, как преступление или правонарушение. У нас впервые за весь период (и советский, и современный) существования законодательства изменился подход к определению преступления, было введено понятие уголовного правонарушения, куда входят и преступления, и уголовные проступки. Этот подход давно существует в европейской системе права. На сегодняшний день в нашем уголовном законодательстве это понятие тоже есть, что привело к тому, что около 100 норм из разряда преступлений перешли в разряд уголовных проступков. И из административного законодательства тоже достаточно много составов правонарушений попали в эту

категорию. Такой подход заставил законодателя пересмотреть многие уголовные институты. Я считаю, что это современно, актуально, это действительно новые подходы.

Однако мы не можем просто копировать европейские нормы и положения в свое законодательство. Мы должны учитывать специфику нашей правовой системы, уровень нашей правовой культуры, поскольку эти нормы должны быть не просто зафиксированы, они должны начать работать. А так происходит не всегда. Например, в одном из вариантов новой редакции Уголовного кодекса в Казахстане предполагалось ввести уголовную ответственность юридических лиц. Однако выяснилось, что это требует пересмотра ряда институтов, в том числе системы наказания, применительно к ответственности юридических лиц. С одной стороны, это обязывает на другом уровне пересмотреть концептуальное положение в науке уголовного права, в том числе касательно вопроса субъекта преступлений или субъекта уголовной ответственности; с другой стороны, мы должны говорить о пересмотре источников уголовного права, то есть, по сути, должны выходить за предмет уголовного права, рассматривать его шире, чем традиционно принято. И мы отказались на сегодняшний день от введения уголовной ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве, поскольку эта ответственность, по сути, уже давно прописана и существует в административном законодательстве Казахстана. В этом контексте хотелось бы сказать, что диалог необходим, но без учета правовой системы государства мы ничего сделать не сможем.

Сейчас уже объявлено о том, что начинается реформа и в российском уголовном законодательстве. С учетом близости наших правовых систем, связей между Казахстаном и Россией, модернизация законодательства в наших странах, на мой взгляд, должна идти в одном направлении, тем более в рамках Таможенного союза, в рамках ЕврАзЭС и т. д. Для того чтобы работали все остальные институты, у нас должно быть одинаковое правовое поле.

Хочу обратить ваше внимание еще на один важный момент. Ряд изменений законодательства, не только уголовного, осуществлялся у нас за счет рецепций, но без глубокой теоретической проработки. Поэтому я считаю, что необходимо в первую очередь на концептуальном уровне проработать все положения, а потом уже закреплять их непосредственно в новом законодательстве.

Второе направление, которое я обозначила, — имплементация норм международного права в национальное законодательство. Это как раз то, что позволяет сблизиться нашим правовым системам, и то, к чему обязывают международные договоры, которые подписывают наши страны. Но, опять-таки, при имплементации норм международного права, особенно при установлении уголовной ответственности за отдельные преступления, мы должны в первую очередь учитывать специфику собственной правовой системы. На сегодняшний день отмечается, что иногда уголовный закон сам по себе избыточен, там появляются достаточно много новых составов преступлений, в чем,

в общем-то, нет необходимости. Допустим, в Российском уголовном кодексе помимо основного состава мошенничества предусмотрено несколько вариантов мошеннических действий, что в перспективе при классификации данных деяний вызовет соответствующие проблемы. Если при имплементации мы будем учитывать особенности наших правовых систем, это, во-первых, позволит избежать последующих проблем на этапе применения права и, во-вторых, станет подтверждением эффективности всех проводимых в стране реформ.

В. Л. МАКАРОВ: — Казахстан — это Европа или нет?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Мы являемся частью континентальной европейской системы права. Мы этого никогда не отрицали, мы говорили о том, что основные положения советской системы права строились на этом, но с учетом нашей специфики в тот момент. В 1990-е годы мы очень много заимствовали именно из континентальных институтов. И сейчас однозначное направление — Казахстан интегрируется в европейскую систему права.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — 4 % территории Казахстана находится за Уралом, это Европа, но остальная территория...

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Все равно мы смотрим в эту сторону. Поэтому я и поднимаю вопрос о близости наших правосистем, о том, что мы должны двигаться в одном направлении. Я уже говорила, в России тоже объявлена реформа и будет разрабатываться новая редакция Уголовного кодекса. Поэтому, чтобы нам было легче взаимодействовать в рамках единого пространства, необходимо на концептуальном уровне проработать все эти положения. На сегодняшний день мы декриминализовали многие экономические преступления, что также свидетельствует о перспективах развития. На данном этапе мы поняли, что не решим проблем только за счет уголовных репрессий, особенно в сфере экономической деятельности, поэтому государство старается использовать меньше уголовно-правовых средств. У нас очень многие составы были декриминализованы именно из блока экономических преступлений. Я считаю это достаточно позитивным на сегодняшний день моментом.

Г. М. РЕЗНИК: — Ольга Викторовна, у меня к Вам вопрос. Те инновации, которые связаны с принятием Уголовного кодекса, все-таки субсидиарны. Вообще уголовное право — это пара фраз на тему десяти заповедей. И кардинальные изменения Уголовного кодекса могут свидетельствовать о том, что какой-то из принципов уголовного права подвергается ревизии. Вы сказали, что более широко трактуется определение преступления, теперь это правонарушение, то есть то, что в Европе было уголовными проступками, а у нас, соответственно, относилось к административному законодательству. Но все-таки принципы уголовного пра-

ва, я надеюсь, не пересмотрены, потому что при кардинальном изменении это означает, что классическая теория, которая лежит в основе Уголовного кодекса европейских стран, заменена, скажем, социологической. Введено, например, понятие общественной опасности личности вместо определения преступления. Насколько кардинальные изменения произошли в Уголовном кодексе Казахстана? Либо речь идет о новых составах, поскольку жизнь меняется, что-то появляется, что-то исчезает?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Нет, настолько кардинальных изменений не произошло, поэтому мы говорим не о новом Уголовном кодексе, а о новой редакции. У нас будет новая редакция уголовно-процессуального законодательства — с 2015 года там вводится новая модель уголовного судопроизводства, поскольку будет исключена стадия возбуждения уголовного дела и существенно изменится подход в процессуальном законодательстве.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Марине Валентиновне Карасевой.

М. В. КАРАСЕВА: — Уважаемые коллеги, поскольку у нас на секции разговор о праве и экономике в контексте культур, то мне, как специалисту в области финансового права, представляется, что необходимо говорить о финансовом праве и публичных финансах в контексте культур. Финансовое право — одна из отраслей права, которая регулирует экономические отношения, ту их часть, которая представляет собой публичные финансы. Но именно в этом контексте финансового права и публичных финансов, а тем более в контексте культуры, мы, ученые, юристы, никогда этой проблемы не касались. Мы вообще не касались проблемы права и культуры на отраслевом уровне. Если в общей теории права, философии права об этом как-то упоминается, что-то говорится, то отраслевые юридические науки никогда не рассматривали право в контексте культурных ценностей. Но если судить по вчерашнему и сегодняшнему заседаниям, нам действительно есть о чем поговорить.

В целом можно сказать, что проблема иерархии культурных ценностей в конкретных отраслях права сегодня уже назревает, имеет практические выходы и ее надо решать. Что касается рассматриваемого аспекта, прежде всего надо отметить: право в целом и финансовое право в частности отражают определенный уровень культуры в обществе. Но отражают этот уровень специфично, так же как и всякая отрасль права. И мы это можем обнаружить, найти, исследовать. Но в то же время мы должны понимать, что право, как и экономика, является резервом или, так сказать, стимулом общекультурного развития. И причина этого в том, что право в целом и всякая отдельная его отрасль имеют собственные культурные ценности или, иначе говоря, обладают субкультурой. И эти собственные культурные ценности в каждой отрасли права, как и в каждом сегменте экономики, влияют на развитие общей культуры в обществе.

Я могу привести примеры из финансового права, но, может быть, это несколько сложно для понимания в целом, поэтому дам пример сначала из гражданского права, потому что об этом все имеют представление. Важнейшей ценностью именно гражданского права является свобода гражданского договора. То есть гражданский договор должен быть свободным, и чем выше степень свободы этой, так сказать, ценности гражданского права, тем выше, безусловно, вообще свобода отношений в обществе, в самых различных его сегментах. Более того, тем выше такая культурная ценность, как возможность гармонизации интересов членов этого общества. Если степень свободы гражданского договора в праве высока, то и общество стремится к реализации такой культурной ценности, как баланс, гармонизация интересов, и все меньше, так скажем, старается решать вопросы принудительным, каким-то агрессивным путем. Что касается финансового права и публичных финансов в контексте, то финансовое право как отрасль права обладает своими культурными ценностями, то есть своей субкультурой, а публичные финансы как экономический сектор обладают своей субкультурой.

Первая тенденция в развитии финансового права и публичных финансов заключается в том, что субкультура и культурные ценности в этих сегментах развиваются идентично и синхронно. Потому что публичные финансы не могут существовать иначе как в правовой форме, экономисты это знают, поэтому для экономики и финансов очень важно право. И в связи с этим те культурные ценности, которые характерны для финансового права, характерны и для публичных финансов. И судить об этих ценностях мы можем исходя из анализа финансового законодательства.

Приведу пример. Ценностью финансового права является налоговое законопослушание. Но мы можем сказать, что это же является ценностью и публичных финансов (только назовем ее иначе — добропорядочный, законопослушный налогоплательщик). Или: бюджетная дисциплина, финансовая дисциплина в целом — ценность публичных финансов. Но это же ценность и для финансового права. Финансовое право эту ценность делает предметом разработки в законодательстве. Точно так же, как добропорядочный налогоплательщик — это некая ценность, к которой мы сегодня пришли. Мы видим необходимость в этом добропорядочном налогоплательщике, знаем, что без этого сегодня уже нельзя, и право начинает разрабатывать эту ценность как предмет правовой деятельности.

И в этом смысле, конечно, ценности финансового права влияют на общее развитие культуры, так же как и ценности публичных финансов, которые развиваются синхронно. Они, в общем-то, идентичны в большей части случаев и влияют на общую культуру в обществе. Но здесь есть и другой аспект, который можно выявить при анализе, и он пока идентичен. Как я сказала, в науке вообще не разрабатывалась эта проблема, но если покопаться, видимо, можно найти что-то новое. Как я обнаружила, иногда возникает конкуренция ценностей между субкультурой финансового права и субкультурой публичных финансов. В публичных финансах важ-

нейшей культурной ценностью является бюджет — это то, к чему пришло общество на определенном этапе его развития, национальное достояние, то, без чего невозможно обеспечить жизнедеятельность государства. И мы все согласны, что он необходим, его надо выполнять. Вообще в праве, в частности в финансовом, существует такая субкультурная ценность, как юридическая ответственность. Здесь можно говорить о финансово-правовой или налоговой ответственности, но это уже отдельный вопрос.

В этой конкуренции побеждает материальная ценность, экономическая, то есть бюджет, а не духовная. Почему? Есть юридическая ответственность, и есть теория юридической ответственности, разработанная правовой наукой. Однако специалисты в области налогового права знают, что здесь юридическая ответственность имеет усеченный характер. Если налогоплательщик не выполняет свою конституционную обязанность, то государство заставляет его выплачивать неуплаченный налог и возлагает на него дополнительное обременение — пеню. И если он не уплачивает это дополнительное обременение, то государство взыскивает ее в бесспорном порядке, то есть не вводит пеню в систему юридической ответственности. Потому что, если бы оно ввело пеню в систему юридической ответственности, то надо было бы устанавливать вину налогоплательщика. Специальный орган в процессуальном порядке рассматривал бы этот вопрос, что привело бы к тому, что бюджет не мог бы быстро получить свои деньги и это дополнительное обременение — пеню. Это вредно для бюджета и с точки зрения культуры, так как бюджет — это величина абсолютная, нежелезобетонная юридическая ответственность. В конкуренции культурных ценностей бюджет побеждает, если мы говорим о правовом контексте. Такой аспект диалога субкультур тоже существует.

Сейчас, если позволите, отвечу на вопрос, который вы задавали первым двум докладчикам: «Является ли Россия Европой?». Я хочу ответить в чисто прикладном аспекте, а не в теоретическом. Мир на нас в этом плане смотрит по-разному. Я была свидетелем следующего разговора. Я являюсь членом Европейской ассоциации профессоров налогового права. Это известная организация, которая зарегистрирована в Амстердаме и работает на весь мир. Я была первой, кто вступил в эту Европейскую ассоциацию от России, до этого никого не было. Я подала заявление и все необходимые документы в 2006 году. И когда президиум Ассоциации их рассмотрел, то меня приняли только в качестве коллективного члена. Когда я услышала, что Россия принимается в лице Карасевой Марины Валентиновны в качестве коллективного члена, я постеснялась президиуму задать вопрос. Но за мной сидел профессор налогового права из США, который спросил: «Скажите, а почему Россия принимается в качестве коллективного члена? Разве Россия не член Совета Европы? Россия — это не Европа?» И председатель ответил: «Вы знаете, ответа на этот вопрос мы однозначно дать не можем». Но самое главное здесь что? Что мы приняты в Европейскую ассоциацию, просто Россия не может быть членом научного комитета и что-либо определять. Ну, в общем,

для Европы этот вопрос не однозначен, а для Соединенных Штатов — однозначен. Они считают нас Европой. Не знаю, являемся ли мы Европой, поэтому выступаю от России в качестве коллективного члена.

Г. М. РЕЗНИК: — Когда хотят, они считают нас своими. У меня к вам такой вопрос. Все-таки как при разработке Налогового кодекса РФ туда была введена презумпция невиновности налогоплательщика? Кстати сказать, против этого сильно возражали, потому что говорили, что мы впереди планеты всей, и в налоговом праве зарубежных государств, тех самых, так сказать, продвинутых, цивилизованных, правовых, все-таки такой презумпции нет. Вы сказали, что перевес в конкуренции ценностей в сторону бюджета, а как с презумпцией невиновности?

М. В. КАРАСЕВА: — Как она была введена непосредственно и кто это придумал, я не знаю.

Г. М. РЕЗНИК: — Я знаю, но не скажу.

М. В. КАРАСЕВА: — Я тоже слышала, но, в общем, я этого не знаю точно. Мы должны понимать, что презумпция невиновности — это правовой принцип.

Г. М. РЕЗНИК: — Но в гражданском праве ее нет.

М. В. КАРАСЕВА: — Да, но мы должны помнить, в каких условиях принимался Налоговый кодекс. Он был принят в 1998 году. Это было время, когда налогоплательщик очень жестко боролся за свои права. Это стало происходить начиная с 1993 года, после того как президент Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». И, соответственно, стало вводиться огромное количество налогов. И налогоплательщики стали создавать ассоциации и включаться в этот процесс.

Г. М. РЕЗНИК: — Я прекрасно помню, в каких условиях принимались эти законы, потому что принимал участие в разработке некоторых законодательных актов. Я полностью с Вами согласен, и печаль овладевает моей душой.

М. В. КАРАСЕВА: — Так вот, для того чтобы успокоить налогоплательщика, обеспечить культурную ценность — гармонизацию интересов налогоплательщика и государства, государство шло тогда на различные шаги. Поэтому, я думаю, это как раз вопрос права.

Г. М. РЕЗНИК: — Все правильно, это очень хороший пример, когда при принятии конкретного политического решения надо учитывать, между прочим, время и место.

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ, доцент кафедры экономики и управления СПбГУП: — Уважаемая Марина Валентиновна, я хочу в Вашем лице задать вопрос юристам, которые тут присутствуют. Вы сказали, что ценностью гражданского законодательства является свобода

заключения договора. Исходя из этого, надо думать, что количество законов уменьшается по ходу заключения договора. Поэтому не является ли отмена всех законов вообще достижением цели гражданского законодательства, поскольку тогда все точно будут свободны? Это был риторический вопрос, а его конкретное воплощение в следующем. Не кажется ли Вам, что в последнее время наше общество испытывает некоторое эвристическое воздействие со стороны юридического кодекса нашей страны, которая напиримала столько законов, тем самым уменьшив дееспособность населения страны до такого состояния, что ему уже просто безразличны эти законы? Является ли эта тенденция постоянной регламентации все более мелких вопросов процессом, который этим, конечно, подрывает законность как таковую?

Г. М. РЕЗНИК: — Право подрывает, наверное?

Д. С. БАКЛАНОВСКИЙ: — Да, право.

М. В. КАРАСЕВА: — Что касается первого вопроса: если мы уничтожим все законы, то свобода гражданского права будет обеспечена, — здесь как раз, я думаю, ваше заблуждение связано с тем, что вы не юрист. Ибо вы экономист, и в данном случае задаете мне экономический вопрос, а не юридический. Свобода гражданского договора — совершенно конкретное понятие, которое имеет определенные рамки в гражданском праве. Я не буду здесь говорить, что это такое, но это не свобода делать что хочешь. Это разные вещи: свобода делать что хочешь и свобода гражданского договора.

Теперь что касается второго вопроса — не много ли законов и не стоит ли регулировать какие-то отношения менее тщательно, чем, может быть, сегодня регулируется. Конечно, в обществе существует проблема пределов правового регулирования. Знаете, вообще эта проблема мало затрагивается, но она решается. Решается медленно, и какой-то концепции решения этой проблемы, в частности проблемы необходимости правового регулирования тех сфер, которые должны быть отданы на самостоятельную реализацию субъекта, еще не найдено. Поэтому мы двигаемся пока путем проб и ошибок.

Г. М. РЕЗНИК: — Прошу выступить профессора Георгия Борисовича Клейнера.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Мне выпала доля установить гармонию между гендерным составом, а также между экономистами и юристами, поскольку я отношусь все-таки к экономическому «племени». Я хотел бы это осуществить на примере установления связи между выступлениями первого и второго докладчиков нашей сегодняшней секции. А именно между тем, что сказал Александр Сергеевич Запесоцкий, и очень интересными вопросами, связанными с приватизацией, которые подняла Валентина Викторовна Лапаева. Так вот, я хотел бы гармонизировать эту связь.

Я бы хотел обратить внимание на момент, связанный с понятием человека в экономической теории.

Это понятие крайне важно, и в рамках экономических, теоретических парадигм оно отражается по-разному. Отсюда вытекают и разные юридические воплощения экономических положений. И эту разницу я вижу в идеях четырех крупных деятелей в области экономической теории и обществоведения вообще, начиная с Адама Смита и заканчивая Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Человек у Адама Смита — это тот, кто получил название «гомо экономукус». Это односторонний человек, который кроме экономики и своей выгоды ничего не видит. Но, к счастью, каким-то образом это коррелирует и, возможно, гармонизирует с общей выгодой. А может быть, и нет. Здесь человек предстает как автор бизнес-проектов, он что-то производит, что-то пытается продать, и т. д. Это одно понятие о человеке, от которого стали уходить по мере развития экономической теории. Человек стал представляться все более целостным и системным, хотя это не было последовательным движением. В так называемой программной статье Торстейна Веблена, опубликованной в 1898 году под названием «Почему экономика не стала еще эволюционной наукой?», Веблен укорял экономистов за то, что человек экономический не является развивающимся человеком. И в этом смысле экономика отстает от антропологии и других социальных наук. Значит, человек развивающийся — это мечта, которая, собственно говоря, до сих пор остается несбыточной. В трудах Вернадского был заявлен человек космический, в котором все сливалось в одно целое: и космос, и земля, и небо, и все, что между. И наконец, человек Дмитрия Сергеевича Лихачева — это земной реальный человек, который интегрирует в себе все влияния, условия на этой самой земной реальной почве, с учетом совести, традиций, своей и чужой траектории, и т. д. Мне кажется, что современная экономическая теория могла бы воспринять образ такого человека как ядро описания этой современной экономики. Это тем более важно для российской экономики.

Моя позиция состоит в том, что экономическая теория тоже носит национальный характер в смысле привязки к крупным цивилизационным группам стран. Но в России, поскольку она сама является цивилизацией, как многие считают, и я присоединяюсь к этой точке зрения, должна быть самостоятельная национальная экономическая теория, не совпадающая с неоклассической, неоинституциональной и другими теориями. Национальная экономическая теория необходима для национального экономического законодательства и национальной экономики как хозяйства. Я думаю, что это вызов, который сейчас уже обозначился достаточно ясно. В центре этой теории должен стоять человек, так сказать, «хомо росиус», который обладает определенными особенностями по сравнению с человеком европейским. (Я сейчас не говорю о том, куда мы стремимся, хотим ли мы стать похожими на Европу или нет; стать похожими можем стремиться, но важно, из какой точки мы исходим.) У всех нас сейчас есть дело. И в этом смысле представляется, что создание национальной экономической теории, ориентированной на национальный экономический субъект, — это

вызов, который стоит перед экономической теорией. Совсем недавно проходил Московский экономический форум, на котором рассматривалось много вопросов. К сожалению, этот вопрос там затронут не был.

Теперь посмотрим, как это выглядит с точки зрения того процесса, о котором говорилось во втором выступлении, а именно процесса приватизации. Это процесс, который охватывает два вида сущностей: субъекты, то есть социальные субъекты — люди, и объекты, то есть собственность, которая стала результатом приватизации. До приватизации, когда собственность была общенародной, или государственной, она использовалась разными людьми в согласии и системном взаимодействии друг с другом. Рабочий использовал свой станок, не будучи его собственником, но он использовал этот станок в согласии и гармонии с использованием других станков и со всем экономическим процессом. Когда произошла приватизация, случилось то, что я бы назвал гранулированием собственности. Вокруг каждого объекта собственности образовалась некоторая граница, которая привязывалась к какому-то субъекту, и системные связи между многообразными экономическими явлениями образования были нарушены. Мы это знаем, так как разрушилась связь между наукой, производством, образованием и т. д.

И сейчас, мне кажется, задача состоит в переосмыслении юридической науки. Хотя я говорю об этом условно, не являясь юристом, но, по-моему, необходимо сочетание интегрированного субъекта с сохранением его целостности при дифференциации объекта, поскольку объект в современной сложной экономике вовлечен в самые разнообразные взаимодействия с другими объектами, будь то средства производства или собственность на предприятии и т. д. Там происходят сложные процессы и нет гранулирования. Искусственное гранулирование, которое сделала приватизация, привело к снижению целостности и комплексности экономики в целом. Мне кажется, что итоги приватизации, не в том смысле, что кому досталось — это отдельный вопрос, а с научной точки зрения, с точки зрения сочетания экономики, системности и социальной, должны быть пересмотрены.

Г. М. РЕЗНИК: — У меня к Вам вот какой вопрос: согласны ли Вы с тем, что прилагательное «социальный» к предпринимательству применять не совсем корректно? Социальным должно быть государство, а предприниматель должен быть чисто экономическим человеком. Если Вы не согласны, то кратко обоснуйте, пожалуйста, что такое социальный предприниматель в отличие от какого-то несоциального. Понятно, что я не беру во внимание незаконные, преступные виды деятельности.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Вы сформулировали две существующие в обществе точки зрения. Первая: предприниматель является социальным, если производит качественную продукцию по нормальным ценам и платит налоги. И все, точка. Вторая точка зрения: обязанности предпринимателя, которые он должен выполнять,

чтобы быть членом общества, чрезвычайно широки. Они должны охватывать заботу о работниках, территории, участие в благотворительности, выборах в органы власти и т. д. Что из этого мы должны принять? Одна точка зрения — это гранулирование и ограничение предпринимателя. Можно рассмотреть такой пример, как в нашем случае привел Генри Маркович Резник. Он ведущий нашей секции, поэтому сейчас от всего отвлечемся и будем действовать так, как он говорит, до известной степени. Другая точка зрения — системный подход — говорит: да, это ведущий нашей секции, известный юрист, человек, которого знает вся страна, — попробуйте этого не учесть, и вам придется иметь дело с Генри Марковичем. Точно так же происходит системный учет предпринимателя как члена общества, человека, через которого проходит путь из прошлого в будущее, потому что предприниматель является инноватором, привносящим технологии, которые созданы вчера и создаются сегодня, в будущее. Если он этого не сделает, то этого не сделает никто. Таким образом, системный подход к социальному и экономическому в целом требует комплексного рассмотрения человека-предпринимателя.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы сказали про вызов, связанный с созданием национальной экономической теории. Конечно, никто не будет оспаривать наличие национальных экономических интересов или национальных моделей в разных странах. Но есть общеизвестные достижения современной экономической теории, которые изучают наши студенты: кривая спроса, кривая предложения, модели и т. д. Вопрос такой: есть ли необходимость изучать теорию, где рассматриваются все эти модели, то есть, скажем, российская кривая спроса или французская кривая предложения и т. д.? Или надо все достижения оставить и разработать другую концепцию, которая будет считаться национальной экономической теорией, или даже не одной?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Конечно, понятие спроса, как и многие другие понятия, можно применять в любой точке планеты. Но кривая спроса — это глубоко национальное дело. Кривая спроса, где спрос зависит от цены и больше ни от чего, это очень серьезно. Студенты это изучают, потому что проходят весь путь развития теории, а на самом деле современная экономическая теория превзошла неоклассическую, основанную на примитивных спросо-предложенческих крестах, где спрос и предложение зависят от цены. От чего зависит, покупаете ли вы то или иное изделие или нет? От цены? В том числе. А еще от чего? Да много от чего. В России одна позиция потребителя, в Германии другая, в Бангладеш третья. Кто будет оспаривать, что потребители в разных странах ведут себя по-разному? Вряд ли кто.

Так вот, по мере развития экономической теории требуется все более подробный учет поведения производителей, потребителей, посредников и т. д. И, к сожалению, университетским курсом экономики в настоящей экономической науке, а тем более в юридической науке, которая использует этот экономический фунда-

мент, не обойтись. Неоклассическая теория уже неоднократно критиковалась, после нее на первый план стала выдвигаться институциональная теория, где факторами принятия решения являются институциональные, а не просто функциональные выгоды. За ней последовала эволюционная теория, которая говорит о том, что фактором является прошлое — сегодня мы поступаем примерно так, как поступали вчера, и т. д. Экономическая теория не едина. Она находится в развитии.

В. В. ЛАПАЕВА: — Скажите, пожалуйста, что Вы имеете в виду, говоря об интеграции гранулированных предпринимателей, субъектов хозяйствования? Есть, собственно, два пути — авторитарно-тоталитарный и демократический.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Как бороться с этой гранулированностью — сложный вопрос. Человек пытается создать вокруг себя зону безопасности и стремится к гранулированности, пока не понимает, что такая зона должна быть прорвана, должны быть контакты с другими людьми и т. д. Есть фактор, который идет от самого человека, и есть фактор, который идет сверху, от правительства, от господствующего экономического мировоззрения. Значит, надо эту гранулированность превращать в единый комплекс. Может быть, кто-то меня упрекнет в любви к Советскому Союзу, но я не расписываюсь в любви, как и не расписываюсь в ненависти, я говорю о том, что народно-хозяйственный комплекс Советского Союза, создание которого было завершено где-то к 1980-м годам, имел большое значение. Эффективный или нет — это отдельный разговор, но единый комплекс. Создание единого комплекса предпринимателей, потребителей, посредников, пенсионеров и так далее необходимо для развития национальной экономики. Если мы будем работать только на дифференциацию, наша экономика развалится, что мы порой и видим. Интеграция — это тот этап, который мы сейчас должны пройти. Как это сделать? Сверху и снизу — путем изменения, во-первых, экономического мировоззрения; во-вторых, отчасти законодательства. Сейчас создается закон о промышленности. Это важный интегрирующий фактор, который призван нашу раздробленную, разбросанную промышленность собрать в нечто единое, целостное и эффективное.

Л. И. АЛЕКСЕЕВА, доцент кафедры отраслей права СПбГУП: — У меня вопрос по той части приватизации, которая касается земель сельхозназначения. Наши сельхозземли было разрешено приватизировать бывшим колхозникам, но это стоило от 50 до 100 тыс. рублей. Таких денег у обычных труженников не было, поэтому они продавали земли по договорам иностранным компаниям. На этом фоне какую модель развития сельского хозяйства в России Вы можете предложить? И вопрос юристам: каким образом можно прекратить эту незаконную передачу земель иностранным гражданам?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Тут уже говорилось: как предотвратить неэффективное использование земель,

неэффективное использование оборудования, неэффективное использование других ресурсов, лесов и так далее — это все один и тот же вопрос, который связан с расщеплением понятия собственности. Моя позиция: рассматривать понятие собственности как триединство — владение, распоряжение, пользование (у Олсона 11 видов всяких действий), этот комплекс сейчас не выдерживает давления реальной экономики. Он распадается, расщепляется на отдельные составляющие, которыми надо заниматься. Надежды на то, что можно их собрать, сгруппировать и отдать эффективному собственнику, нереальны.

Г. М. РЕЗНИК: — Одна реплика, Георгий Борисович. Нам известно, какой народно-хозяйственный комплекс был сформирован у нас при советской власти. Это на 70 % милитаризованная экономика, в которой человек жил по остаточному принципу. Нам нужно помнить этот урок тоталитарной экономики. Это мое частное мнение. Приглашаю на трибуну профессора Людмилу Федоровну Лебедеву.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, мы много говорили и слышали о значении Международных Лихачевских научных чтений и в плане теоретического осмысления происходящих процессов, и в практическом плане выработки государственной политики — и внешней, и внутренней. Сегодня здесь присутствуют студенты, которым я, честно говоря, очень завидую, поскольку они еще на студенческой скамье познают социально-культурные основы развития общества, а также уважаемые Валерий Леонидович Макаров, регулярно посещающий наши Чтения; Александр Оганович Чубарьян как директор гуманитарного учреждения, совершенно уникального не только в России, но и в мире, основанного на академических институтах. С моей точки зрения, на более высоком централизованном уровне нужно ставить вопрос о том, чтобы социальные культурные основы познания мира были введены в институтах и университетах, причем не только в гуманитарных. К сожалению, я приобщилась к Международным Лихачевским чтениям, уже пройдя определенный путь экономиста, но хочу сказать совершенно искренне, что участие в них дало мне очень много новых импульсов и открыло новые подходы к анализу социально-экономических явлений.

Все это в полной мере относится и к проблемам миграционного движения населения. Почему я решила обратить внимание уважаемой аудитории сегодня именно на этот процесс? В последние десятилетия, хотя и раньше, конечно, тоже, с активизацией движения населения естественно активизируется и научная мысль. Что любопытно, анализируют эти процессы демографы, этнологи, экономисты, сейчас пристальное внимание обращают финансисты, потому что наблюдается большой рост переводов от эмигрантов на родину. Я хотела напомнить о том, что мигрант — это прежде всего носитель культуры. И сегодня по результатам очень многих исследований оказывается, что в тех странах, где иммиграционная политика прово-

дится с учетом социально-культурных различий, она оказывается более эффективной.

Недавно я читала статью с новыми данными ООН: сейчас в мире насчитывается 232 млн мигрантов. Много это или мало? В статье было сказано, что, дескать, это составляет 3,2 % населения. Я уважаю средние показатели, но если их использовать в отрыве от реальных показателей, фрагментами, это иногда приводит к очень серьезным заблуждениям, потому что во многих странах это уже 30 % и даже более. Но самое главное, что в ряде стран, в том числе и европейских, буквально за последние полтора десятилетия изменилось социально-культурное пространство. Это прежде всего Швейцария, Австрия, Финляндия, Бельгия, где в принципе до конца прошлого века оно было более или менее социально и культурно однородным. Это не Америка, страна эмигрантов, которые селились там столетиями. В Швейцарии сейчас насчитывается 28 % населения иностранного происхождения, из них в крупных городах Швейцарии 5–8 % — мусульманского. Здесь уже речь идет и о мудрости принимающей страны, и о мудрости мигрантов. Это важно, потому что первый этап — легальное оформление пребывания, даже трудоустройства — не везде проходит очень гладко, но тем не менее мигранты адаптируются. А далее наступает самый сложный этап, который, может быть, займет десятилетия. И мы все, по крайней мере по новостям, в последние десятилетия были свидетелями разных конфликтов.

Таким образом, миграция — это колоссальный ресурс, и демографический, и экономический, и политический — какой угодно, это новые возможности для человека, государств, территорий. Но это и новые огромные риски. У меня, безусловно, нет ответов на все вопросы, которые связаны с сегодняшними миграционными проблемами. Помимо изменения социально-культурного пространства ряда стран в последние десятилетия и связанных с этим проблем, хотелось бы отметить еще две тенденции, которые связаны скорее с будущим. Первая — так называемая возвратная миграция. Это очень актуально, кстати, и для России, и для многих стран постсоветского пространства. Буквально в последние 10–15 лет Китай, Индия, Южная Корея проводят столь гибкую и продуманную политику, что речь идет уже о массовой реэмиграции на родину. Я не буду сейчас останавливаться на том, какой это экономически, демографически важный ресурс, но это очень важно, в том числе и для России. Причем речь идет именно об элите носителей культуры, о наиболее высококвалифицированных кадрах в разных областях знания.

Вторая тенденция тоже связана с будущим и некоторым, может быть, снижением в дальнейшем значения фактора, который сейчас, конечно, очень важен, — это стремление к лучшей жизни, поиск лучшего трудоустройства и т. д. С развитием информационно-коммуникационных технологий в глобальном мире уже сейчас формируются потоки кадров, которым, в общем-то, неважно, где работать. На передвижение населения уже влияют экологический, культурный, общественный, климатический факторы. С развитием

виртуальной занятости необходимость передвижения куда-то, где ты можешь найти работу, снижается для большей части молодежи. И здесь очень важен правовой аспект регулирования, защиты работника, занятого в любой точке мира виртуально.

А. И. ШЛАФМАН, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП: — Исследуя множество процессов по взаимодействию предприятий стран, мы замечаем, что чем выше концентрация капитала в отдельных отраслях или точках мира, тем больше миграция населения в эти точки. То есть найти работу в месте, где растет капитал и объединяются предприятия, проще, потому что там развивается бизнес, растет активность. Допустим, когда в России в 1990-х годах рушилась экономика, Америка была просто венцом желаний, куда хотели ехать, и поэтому росла миграция. Концентрация капитала в это время в Америке была высока. Сейчас мы наблюдаем обратную ситуацию. И мне кажется, этот факт очевиден: в какой стране происходит концентрация капитала, туда и мигрируют. Я не прав?

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Вы знаете, это классика, которую мы изучали по учебникам. На самом деле сейчас процессы гораздо более многообразны, и они связаны с глобализацией, ТНК, МНК и т. д. И совсем не обязательно ехать в Америку. Кстати, то, что все едут в Америку, — иллюзия. На самом деле 72 млн мигрантов насчитывается в Европе, 71 млн — в Азии и 54 млн — в Америке. Причем процесс устойчивый. Если в западноевропейских странах социокультурное пространство меняется, то в Америке 12,9 % населения иностранного происхождения. Пик был 100 лет назад — 15 %. И население это весьма устойчивое. Там основные изменения связаны с тем, что идет лавина из Латинской Америки, из Мексики. То есть сейчас фактор концентрации капитала перестает быть решающим, и связано это как раз с глобальными производственными процессами, но это уже другой разговор.

Г. М. РЕЗНИК: — Только одна фраза: если рассмотреть очень короткий период существования Соединенных Штатов Америки, 200 с небольшим лет, окажется, что все американцы — иностранного происхождения. Слово предоставляется профессору Евгению Федоровичу Чеберко.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов за Лихачевские чтения. Это действительно грандиозное событие в научной жизни, и когда слушаешь выступления на пленарном заседании, предварительно читаешь тезисы, то испытываешь небольшое потрясение. Потрясение это заканчивается тем, что появляются какие-то интересные мысли и т. д. Я хотел бы отметить выступление, которое произошло на меня, и не только на меня, наибольшее впечатление. Это выступление Георгия Борисовича Клейнера, к которому я хотел бы дать свои комментарии.

В частности, я хотел бы остановиться на тезисе о детерминизме. Было сказано, в общем-то, что

экономический детерминизм исчез, а культурологический не появился. Надо искать какую-то другую, третью ситуацию для решения этого вопроса. Я обратил внимание, что во всех выступлениях специалисты и не специалисты стараются дать свое определение культуры, не такое уж отличающееся от других, но в чем-то индивидуализированное, так скажем. И в этом отношении профессор Клейнер пошел на такой интересный, хотя и не оригинальный вариант: он, в общем-то, заручился поддержкой столь авторитетного специалиста в области культурологии, как Александр Сергеевич Запесоцкий. И поступил он совершенно правильно. Мне вспомнился известный случай из серии анекдотов. В свое время, когда конструкторы, работавшие с Королевым, конструировали луноход, возник спор: Луна имеет твердую поверхность или покрыта толстым слоем пыли? От этого зависела конструкция машины. Долго спорили и ни к чему не пришли. Королев слушал-слушал — расходятся мнения 50 на 50. В конце концов, подошел к доске и написал: «Луна твердая», и подписал: «Королев». В нашем случае, если принять определение культуры, которое дает Александр Сергеевич, то следующий шаг должен быть сделан в сторону соотношения культуры и экономики как таковой.

И здесь возникает вопрос: действительно ли отсутствует детерминизм, то есть определение с чьей-то стороны первичного и вторичного? Спор этот, конечно, из серии о курице и яйце — что первично, но здесь возникает вот такая проблема. Когда были названы имена четырех серьезных специалистов-классиков, я имею в виду Смита, Веблена, Вернадского и Лихачева, то у меня возник вопрос: «По какому принципу все-таки шло это распределение?». Потому что у первых двух ученых связь культуры и экономики можно отследить, у третьего — в меньшей степени, а с четвертым, речь идет о Лихачеве, возникает достаточно серьезный вопрос: «Можно ли говорить о связи его идей с экономикой?». Тем более если подходить чисто формально. Я в свое время специально знакомился с трудами Лихачева с целью найти какие-нибудь экономические мысли. Он, в общем-то, практически ничего по этому поводу не высказывает. И какой смысл здесь подходить с этой точки зрения?

Есть давняя традиция великих мыслителей говорить относительно будущего. В этом ряду я бы начал не со Смита, а с создателей теории утопического социализма (прежде всего имеется в виду утопия Т. Кампанеллы «Город Солнца»), которые уже сталкивались с прозвучавшей здесь проблемой собственности. Лучше такой провокационной темы, как собственность, в такой аудитории и придумать нельзя, но почему-то не зацепились за нее. Была высказана мысль (возможно, я ее не очень четко воспринял), что при социализме не было субъекта собственности и, может быть, даже собственности как таковой. Это совершенно непонятный тезис, потому что собственность здесь можно рассматривать как триединство, но если подходить экономически — это прежде всего присвоение в какой-то общественной социально-экономической форме. Если есть присвоение, то есть отношение к собственности, есть

собственник. Не всегда его можно обнаружить, но это другой разговор.

Почему я про отношения собственности вспомнил? Потому что создатели утопического социализма уже столкнулись с этой проблемой. Собственники все равны. Где же взять мотивацию, как заставить человека работать, если он такой же собственник, как и другой? Работает хорошо, лучше или не работает вовсе — все равно получает столько же. Эта проблема стала головной болью всех дальнейших создателей здания социализма — сначала утопического, потом научного. Маркс к этому подошел совершенно элементарно, гениально, я бы даже сказал. Он проблему не решил, но он ее снял своим знаменитым тезисом: «Труд станет первой жизненной потребностью всех членов общества...» Все. Поставив труд на уровень, можно сказать, физиологических потребностей, мы решим проблему. Утром встаешь и думаешь прежде всего о том, где бы поработать побольше.

Г. М. РЕЗНИК: — Маркс же опровергал утопии.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Есть ли будущее у такого общества? Я думаю, да. Академик Абалкин говорил, что социализм — это не теория, это тенденция развития будущего. И в этом отношении с ним нельзя не согласиться. И поэтому здесь, когда речь идет о Лихачеве, то мне понятно, в каком направлении движется идея, очень богатая и очень интересная сама по себе. Но профессор Клейнер сам пишет: «Социальный человек — это не сегодняшний день».

Г. М. РЕЗНИК: — Сама идея блестящая. Говорили же, что Маркс утопистов опроверг, собственно говоря, поставил все на научные рельсы, а в итоге получилась чрезвычайно интересная формула. Вместо этих мечтаний родилась абсолютная утопия во всем, потому что Маркс — это очень мощный мыслитель, справедливости при жизни хотел.

Е. Б. ЧЕБЕРКО: — Значит, здесь мы с этими идеями сталкивались уже. В частности: наверное, всем знакома фамилия Янжул, это дореволюционный российский академик, который в свое время написал книгу «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)». В ней автор утверждал, что жизнеспособность народа зависит от его совести. То есть в данном случае есть ряд мыслителей, которые сюда встраиваются лучше, чем названные, но автору виднее.

В общем, из тезисов профессора Клейнера я сделал вывод, что детерминизм присутствует и у него. В частности, в его мысли о том, что в тот период, когда подойдут к идеям, уже реализованным Лихачевым, совесть будет фактором, определяющим развитие, а культура будет определять экономику. В этом сомнений, я думаю, нет. Но это отдаленное историческое будущее. А что касается сегодняшнего дня, то наблюдается явная тенденция атомизации собственности, то есть все больше назревает усиление коллективистских начал. Это мировая тенденция, которая явно отслеживается. И в этом отношении, если учесть, что в основе

российских институтов лежат все-таки коллективистские начала, никуда от этого не деться. Я думаю, что будущее у нас есть.

Г. М. РЕЗНИК: — Я предоставляю слово профессору Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Я хочу поговорить о диалоге права и религии. Это развивающийся процесс, который каждый день приносит что-то новое, особенно в нашей стране, где последние два десятилетия происходят очень сложные трансформации. Диалог этот — явление давнее, но не вечное. Был очень длительный этап в истории человечества, когда религии не с кем было вести диалог, потому что она была господствующей силой, которая монополизировала все стороны общественной жизни. По словам знаменитого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, «она была всем и во всем». Этот период, когда она была всем и во всем, закончился с эпохой Возрождения, когда начался процесс секуляризации, который, я думаю, продолжается до сегодняшнего дня. Хотя в последние 10–15 лет сначала на Западе, а потом у нас появился контртермин, стали говорить о десекуляризации и постсекулярном обществе. Тем не менее, я считаю, что процесс секуляризации не исчез и не исчезнет, с ним начался диалог.

Этот диалог привел к массе разных соотношений между религией, правом и государством. Они очень разнообразны, но условно их можно поделить на три категории. Государственная религия — это сохранение старой, десекулярной системы; система конкордата, то есть соглашения между какими-то конфессиями и государством; и наконец, система отделения государства, а следовательно и права, от религии. Чем объяснить это разнообразие систем? Конечно, национально-историческими особенностями. Что имела Россия в историческом плане при соотношении права и религии? Две системы — систему государственной религии до революции и систему воинствующего государственного атеизма после нее, при советской власти. После падения советской власти этот вопрос не мог не быть поставлен по-новому.

И вот что происходит в этом плане в нашей стране и жизни. У нас есть два очень важных документа, два закона о религии. Первый закон о религиозных организациях был принят в 1990 году, причем еще в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, но действовал до 1997 года, уже в новом государстве — современной Российской Федерации. Каковы отличительные признаки этого закона? Я бы выделил три важные черты. Первая: религиозные организации ставятся как бы в один ряд с атеистическими организациями, и речь идет об отделении от государства как религиозных, так и атеистических организаций. Это совершенно резонно после официальной атеистической системы. Вторая: четко проведен принцип равенства всех религиозных движений. Абсолютно всех. И очень примечательна третья черта, которую мне хотелось бы выделить: в законе прямо говорится, что государство нейтрально по отношению

к любой религии и любому мировоззрению. Закон ранний, еще советский, доперестроечный, который продолжал действовать в Российской Федерации, поскольку полностью соответствовал принципам Конституции 1993 года и международным пактам, соглашениям и конвенциям по правам человека.

Закон 1997 года имеет несколько иной характер, и я хотел бы в нем выделить три основные черты. Первая: об атеизме, о неверии ничего не сказано, хотя закон называется «О свободе совести». Речь идет только о религиозных убеждениях. Вторая важная черта: в преамбуле к этому закону выделяются три категории религиозных движений и организаций. Прежде всего православие, как религия, внесшая особый вклад в развитие российской истории и культуры. Затем перечень из четырех звеньев религии, которые являются неотъемлемыми составными частями российской истории. И невольно возникает вопрос: наверное, существуют религии, которые не являются неотъемлемыми чертами российской истории? Значит, в преамбуле уже содержится намек на неравноправие. В тексте закона он проведен четко и последовательно, потому что все религиозные движения разделены на религиозные организации и группы, четко фиксированные по организационному принципу. Религиозные организации обладают большими привилегиями. Вернее сказать: религиозные группы не могут позволить себе целый ряд акций, которые считаются совершенно естественными для каждого религиозного и нерелигиозного движения. Например, они не могут издавать работы, которые пропагандируют их убеждения, и пр. Приводится довольно длинный перечень. Значит, принцип неравноправия не провозглашен, но, по существу, проведен в законе 1997 года. Ну и в связи с этим третья черта: так понравившееся мне положение о нейтральности государства исчезло.

Надо сказать, что в марте этого года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу предложения по изменению закона 1997 года, что свидетельствует о признании его несовершенства. Но речь идет о частичном смягчении неравноправия, установленного этим законом. Я думаю, что закон 1997 года стал заметным и принципиальным поворотом в конфессиональной политике нашего государства. Вместо нейтральности в нем явно прослеживается покровительство государства религиозным движениям, причем движениям определенного рода, которые вошли в первые две категории, упомянутые в преамбуле закона. Это чувствуется во всем, во всей нашей жизни. Взять, к примеру, преподавание «Основ религиозных культур и светской этики» в школах или появление священников в армии, на флоте, в системе Федеральной службы исполнения наказаний.

Возьмите наши гимн и герб. Вспомните гимн: «Россия — священная наша держава... хранимая Богом родная земля». Может быть, это и замечательно, но ведь в Конституции написано, что наша родная страна — светское государство. Зачем же «священная держава», зачем же «хранимая Богом»? Возьмите герб России, герб Москвы. Они тоже проникнуты религиозно-монархическими реминисценциями, от этого ни-

куда не денешься. Дело зашло настолько далеко, что сам принцип светского государства, а ведь ему сопутствуют еще два очень важных принципа: принцип равенства всех религиозных и антирелигиозных движений как мировоззрений и принцип свободы совести, ставится под сомнения не только в нашей практике, но и в нашей литературе и журналистике.

Если позволите, я закончу свое выступление примерами, которые мне показались особенно красноречивыми в плане призывов такого рода. Есть такой журналист, который, я думаю, всем известен, — Михаил Леонтьев. Знаменит и замечен он своей преувеличенной поддержкой не официальной, но официозной позиции.

Г. М. РЕЗНИК: — Это не журналистика, это иначе называется уже.

О. В. МАРТЫШИН: — По-моему, его официальный статус именно таков, но сейчас его деятельность довольно широка: он что-то издает и занимает какие-то должности. Вот что Михаил Леонтьев сказал в апреле 2007 года: «Может быть, концепция светского демократического государства недостаточна с точки зрения политических задач. Веротерпимость и равенство религий — разные вещи. Сейчас тактически нецелесообразно закреплять за РПЦ статус государственной церкви, но двигаться к этому целесообразно». Можно было бы сказать про Леонтьева, перефразируя русскую поговорку: «Что у умного на уме, то у Леонтьева на языке». Правда? Беда в том, что он не одинок. Но Леонтьев — журналист, что с него взять? Он имеет право на свободу совести и изъяснения любой своей точки зрения.

Еще один пример. Дипломированный юрист — доктор юридических наук И. В. Понкин написал несколько книг по этой проблеме: «Современное светское государство», «Государство и религия в России» и др. Я вам приведу его высказывание о свободе совести применительно к атеизму. Вот что пишет доктор юридических наук Понкин: «Если рассматривать право на атеистические убеждения как право не исповедовать никакой религии, то таковое закреплено в статье 28 Конституции Российской Федерации. Если же атеизм рассматривается как возможность беспрепятственной и неограниченной критики религии, религиозных объединений и верующих, то государство не только вправе оказывать такой форме атеизма какую-либо поддержку (что понятно. — *О. М.*) <...> но и должно всемерно ограничивать реализацию права на атеистические убеждения в таком его понимании в силе закрепленного ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации запрета на пропаганду или агитацию...»

Г. М. РЕЗНИК: — Нельзя никого оскорблять. В таком случае при критике религии, естественно, нельзя оскорблять представителей этих конфессий. Приглашаю к микрофону нашего гостя из Казахстана, юриста Николая Николаевича Турецкого.

Н. Н. ТУРЕЦКИЙ: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов за приглашение при-

ехать из Казахстана, чтобы принять участие в таком важном и интересном форуме, как Международные Лихачевские научные чтения. Казахстан по территории занимает 9-е место в мире, ее 88 % находятся в Азии, 12 % — в Европе. И у спортсменов всегда возникает проблема, в каких соревнованиях участвовать — в чемпионате Европы или чемпионате Азии. Футболисты решили участвовать в европейском чемпионате, а остальные в основном участвуют в азиатских играх. В 1994 году президент Назарбаев объявил, что необходимо создать Евразийский экономический союз, для того чтобы интегрировать различные вопросы. Недавно в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова он повторно озвучил свою идею и раскрыл несколько позиций, когда этот Союз будет подписан и какие вопросы будут там решаться. Предположительно будет создан надгосударственный орган управления, выполняющий небольшие функции. Если говорить о финансовых вопросах, ими в основном будет заниматься Алматы, вопросы культуры будет решать Минск, политические и экономические вопросы — Москва.

Я посмотрел, что же мне как юристу интересно в правовой культуре в контексте диалога культур Казахстана, чтобы озвучить на Лихачевских чтениях. И обратил внимание на два вопроса. Первый: Ассамблея народа Казахстана — это консультативно-совещательный орган, введенный в действие в 2007 году на конституционном уровне. Девять депутатов в Парламент избираются не по партийным спискам, а на Ассамблее народа Казахстана от различных этносов. Это является своеобразной Казахстанской организацией объединенных наций, где участвуют практически все этносы. Цель этой организации — межэтническое согласие в Республике Казахстан. Эти депутаты выполняют важнейшую функцию с точки зрения межэтнического согласия. Если какой-то конфликт происходит, то именно эти депутаты выезжают на места, чтобы его урегулировать.

И второй вопрос, который в Казахстане наиболее интересный и актуальный, чего нет ни в одной стране мира, — это Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Таких съездов уже прошло четыре, и каждый является большим событием для Астаны, когда приезжают представители практически всех конфессий мира, и столица в эти дни превращается в совершенно уникальный город, где ходят в различных религиозных одеждах. Мы этому удивляемся как простые жители и вместе с тем гордимся, что в Астане, в Казахстане существуют две такие важные миссии, как Ассамблея народа Казахстана и Съезд лидеров мировых и традиционных религий. В заключение хотел бы отметить, что в этом году в Казахстане идет подготовка концепции культурной политики Республики Казахстан. Ее принятие будет объявлено указом президента, и вопросы, связанные с культурой, будут развиваться согласно этому указу.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Сергею Анатольевичу Антипину.

С. А. АНТИПИН: — Я хочу поговорить об истоках китайского успеха. Нужно отметить, что, как экономист, в свое время я опубликовал статью в московском журнале «Конъюнктура оптовых рынков» и в «Китайском финансовом обозрении» (Пекин). Пришлось немного подстроиться под тематику конференции и говорить о культуре китайского народа, хотя, видимо, мной была поставлена амбициозная задача. Мы сегодня много говорили о лидере мировой экономики — Соединенных Штатах Америки. Но упустили из внимания, что в «Financial Times» на днях прошла информация, что Китай стал лидером уже в 2014 году. Хотя совсем недавно американцы утверждали, что лидерство Китая планируется где-то в 2020-е годы, когда он превзойдет их по объему производства. Тем не менее Китай выделился уже сейчас. Экономические и социальные успехи этой страны связаны с оригинальной экономической моделью, которая не повторяет другие модели и, безусловно, заслуживает внимания. И мы должны пристально ее рассмотреть.

Формирование китайской экономической модели связано с особенностями культуры китайцев, которая способствовала достижению такого выдающегося результата. Продолжая мысль профессора Клейнера, можно дать такой термин «china sapiens» — подобно «russia sapiens». Китайцы — особые люди, которые действительно сейчас продвигаются вперед, и делают это, надо сказать, мирным путем. В известном смысле они используют нашу страну в качестве громоотвода и заметно стремятся к достижению своего результата. Китайцы к войне относятся негативно, и к военным у них специфическое отношение. Китайская народная мудрость гласит: «Из хорошего железа не делают гвоздей» (то есть умный не пойдет служить солдатом). Тем не менее эта нация в последнее время преуспевает в рыночной экономике, особенно в глобальной. Отставание сократилось за счет доступа к мировым достижениям науки и техники.

Г. М. РЕЗНИК: — Но там 700 млн нищих, не забывайте.

С. А. АНТИПИН: — Мы не забываем, но было еще больше до недавнего времени.

Г. М. РЕЗНИК: — Колоссальный прогресс.

С. А. АНТИПИН: — В свое время, когда я изучал язык в воздушно-десантном училище, нашим ребятам предлагали переходить на сторону китайцев за два стакана риса в неделю. Согласитесь, если они сейчас экспортируют мясо, и мы можем его приобретать в наших магазинах, то это, бесспорно, прогресс.

Г. М. РЕЗНИК: — Мы в 1930-х годах экспортировали зерно, а в стране был голодомор. Просто-напросто крестьяне погибали с голоду. Это был искусственный голод, потому что зерно крестьянам не давали, но его отправляли на экспорт и получали прибыль.

С. А. АНТИПИН: — Я много раз бывал в Китае, посещал Пекин, Шэньчжэнь, Хэйхэ, Гонконг и так далее и, в общем-то, не наблюдал особенного голода. Более того, около года назад последний раз я был в Шидзячуане, крупном железнодорожном центре Китая. Так вот уровень образования и стремление к знаниям у студентов потрясающие. Они очень вдохновлены успехами своей страны, хотя и учатся во всем мире. Их университеты уже становятся первыми в мире. Во всяком случае, университет Синьхуа в настоящее время входит в первую пятерку. Уровень вырос значительно, и с этим нельзя не считаться.

Нужно сказать, что раз они рыночные люди, у них специфическое отношение к деньгам, да и вообще к жизни. Что касается религии, то в известной религиозной притче говорится, что вся жизнь — это кредит. На заре жизни китайцы берут кредит в «небесной сокровищнице», а потом, когда кредит выплачен, они умирают. Это свидетельствует о том, что они хорошо разбираются в кредитах и стараются избегать их в своей жизни. С деньгами тоже интересно. Первые бумажные деньги появились в Китае. Китайцы использовали их при похоронах. Реальные деньги — золотые, серебряные — не применяли, а в могилу родственникам клали бумажные деньги, чтобы они в другой жизни могли воспользоваться ими.

Деньги для них — это, наверное, основное понятие. Нельзя сказать, что они материалисты. Тем не менее деньги — это показатель успеха человека в жизни. Деньгами они одаривают своих родственников по праздникам, детей, показывая значение денег. Китайцы ценят деньги и умеют работать, работают очень много, практически день и ночь. Тут уважаемый профессор говорил об идее Маркса, что при коммунизме все будут работать, — в этом смысле у китайцев коммунизм. Они все работают очень много и празднуют только Новый год, наверное. Бизнесмены там очень серьезные.

Г. М. РЕЗНИК: — Сергей Анатольевич, Вы хорошо рассказали о Китае. Сформулируйте, пожалуйста, мораль: что нам для нашей культуры, для людей, которые живут не в Китае, нужно взять на заметку?

С. А. АНТИПИН: — Надо уметь торговаться. Надеюсь, наши долго торговались последнее время, чтобы подписать договор по поставке российского газа в Китай. Конечно, для нас это спасение, и Европа, думаю, вздрогнет немного. Хотя ничего плохого ни Европе, ни США я не хочу, там много хороших людей. Я всем советую, особенно студентам, обязательно посетить Китай и посмотреть, что там происходит.

Е. А. КУКЛИНА, *заведующая кафедрой макроэкономического регулирования Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент:* — Уважаемый коллега, скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете термин «глобализация» (введенный социологом Робертсоном) в контексте того, что называет-

ся «китаизация марксизма», и те модели, которые выбрал Китай для продвижения своей экономики?

С. А. АНТИПИН: — В общем-то, конечно, можно положительно оценить глобализацию. Это естественный процесс, никуда от этого не уйти. Другое дело — формы и правовая основа глобализации. Мы видим, что не все в порядке в этом плане в настоящее время, и Европа нам показывает в данном случае плохой пример, который не стоило бы брать на вооружение.

Г. М. РЕЗНИК: — Имеется в виду опять же «бородатая женщина».

Кирилл ЕРМАКОВ, *II курс, юридический факультет:* — Вы очень много изучали китайцев, китайскую культуру. Как Вы думаете, будет ли у них культурная экспансия на другие государства, и в частности на Россию?

С. А. АНТИПИН: — Сложный вопрос. Экспансия уже, видимо, идет. Нам нужно думать не о той войне, которая будет вестись под барабанный бой и горы трупов, а о стратагемах, о которых, наверное, знают многие. Китайцы считают так: нужно сидеть на берегу и ждать, пока мимо тебя проплывет труп твоего врага. То есть открытого столкновения не будет, но они уже занимают наш Дальний Восток, как всем известно. А в Хабаровске китайцы уже проникли во многие органы власти. Что будет, если там проведут какой-нибудь референдум? Вот об этом стоит подумать.

Михаил ХРУСТАЛЕВ, *IV курс, юридический факультет:* — Как Вы считаете, содружество с нашими китайскими партнерами носит искренний характер или же китайцы преследуют далеко идущие цели? Обращаюсь к Вам как к знатоку Китая, уже неоднократно там побывавшему.

С. А. АНТИПИН: — Это вообще сильно сказано. Я благодарен студентам за вопросы: в первый раз я поехал в Китай с двумя своими студентами, воспитанниками, и поэтому всегда с удовольствием работаю с этой аудиторией. Надо сказать, что с китайцами, конечно, нужно сотрудничать, вести переговоры. Они договороспособны, хотя переговоры проходят очень сложно, потому что они всегда торгуются. Вроде бьем по рукам, а они передумывают, и опять приходится возвращаться к одному и тому же делу. Они живут этим, понимаете, это их жизнь, и поэтому, конечно, договариваться нужно. Нам некуда деваться. У них такое количество населения, что они сейчас могут выставить армию в 2 млн или больше человек. И что, косить их лазером или еще что-то подобное делать? Это очень сложный момент.

А. С. ГРУЗИНОВ, *доцент кафедры государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики:* — Скажите, пожалуйста, каковы, на Ваш взгляд, позиции по целесообразности внедрения

в России тех экономических моделей, которые формируют специальные экономические зоны в Китае? Он их использует уже больше 20 лет, причем в разных зонах.

С. А. АНТИПИН: — Совершенно верно. Учитываются особенности каждой экономической зоны. У нас в различных свободных экономических зонах, в регионах это тоже существует. Но эти модели не всегда дают желаемый результат. У китайцев это действует просто великолепно. Например, Шэньчжэнь показывает выдающийся результат. Когда я приехал туда, то был потрясен. До этого я был в Пекине, но Шэньчжэнь по сравнению со столицей — это совершенно современный город. Правда, там поселили только людей с высшим образованием и моложе 30 лет. Создали, как говорится, потемкинскую деревню в известном смысле. Но вряд ли китайцы смогут подтянуть весь остальной мир к этому.

Г. М. РЕЗНИК: — Я предоставляю слово доценту Виктору Васильевичу Зябрикову.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Уважаемые дамы и господа, я хотел бы поговорить о единой типологии деловой культуры. Прежде всего дам определение, что такое культура, обращая внимание только на одно словосочетание — негенетическая память коллектива. Я считаю, что это словосочетание очень ярко иллюстрирует данное понятие. Почему теперь мы можем говорить о единой типологии культуры? Потому что формально существуют три разных типа культуры. Организационная культура — это культура в рамках отдельной организации, отдельного юридического лица, корпоративная культура — это культура корпоративного центра, крупных хозяйственных объединений и, наконец, национальная деловая культура — это культура в масштабах страны. Так вот я попытаюсь предложить типологию, которая будет состоять из четырех типов культуры и будет общей для разных видов культуры. На чем основана типология? Существует так называемая модель культуры Холла, которая включает три базовых элемента: совместные ценности — это ядро культуры; стереотипы поведения — это внешняя оболочка культуры и, наконец, на поверхности мы видим артефакты и этикет.

Я добавил к этой модели типологию Шейна, и в результате, как мне кажется, будет правильным изучать не три, а четыре слоя. Первый — это менталитет, основные подразумеваемые ценности; совместные ценности — это то, что человек может выразить, например ответить в анкете так или иначе; паттерны, стереотипы поведения и внешняя оболочка — это артефакты и символы. Но мы обязаны различать культуру труда и культуру управления. В России зачастую это просто совершенно разные вещи. Одно дело — культура рабочих, и совсем другое — культура управленцев. Но в основе лежит взаимосвязь власти и культуры. Генри Минцберг говорил, что организационная культура есть зеркальное отражение власти. То есть власть как бы навязывает некое влияние, а культура показывает, как это влияние отражается на коллективе. Существуют

иные типы власти сводятся к тому, что она может быть основана на вознаграждении и на насилии и страхе. Такой тип мотивации называется «кнул и пряник». Это, по сути, все-таки экономическое управление, не совсем менеджмент.

Харизма и институт подражательства — это основной фактор власти для России. Власть называется эталонной, или референтной. В России — это культура лидера. Власть может быть традиционной, основанной на условных рефлексках. Она может быть легитимной, основанной на «правилах уличного движения», то есть на законных инструкциях. Это концепция, которую Вебер считал идеальной. И, наконец, еще один источник власти — это экспертная власть, или «власть садовника», власть консультанта, по сути. Я хотел бы сказать, что различных способов управления всего лишь четыре: экономический, социокультурный, который используется в России, политический и технологический.

Сама типология строится следующим образом. Бизнес начинается с возникновения бизнес-идеи. В рамках бизнес-идеи основатель ищет партнеров. Отношения равноправия предполагаются культурой профессионалов, или адхократией. Когда фирма регистрируется, мы переходим к культуре лидера, который управляет процессом. Это стадия «детства» компании. Следующая стадия — стадия «юности», когда идет масштабирование, по сути, тиражирование бизнеса. Здесь очень хорош политический способ управления на основе бюрократии. И, наконец, когда фирма достигает своего расцвета, в стадии «зрелости», мы имеем дело с предпринимательской культурой, и здесь применяется экономическое управление. Таким образом, эти четыре типа исчерпывают все возможные классификации культуры. Я полагаю, что все остальное — это уже детализация.

Развитие идет, как я сказал, по этим схемам, через кризисы. Я хотел бы выделить особую роль адхократии, или культуры профессионалов. Здесь происходит бифуркация, раздвоение траектории. Есть несколько вариантов: можно погибнуть, можно попытаться пройти этот круг второй раз, а если эта галактика рассыпается, следует выходить на следующий виток спирали, то есть концепция развития фирмы из культурной теории следует как восходящая спираль. Разные авторы по-разному трактуют последовательность стадий, но суть одна. Видно, что закономерность у всех примерно такая. Например, наиболее известные авторы Камерон и Куинн говорят, что сначала адхократия, потом клан, затем иерархия и, наконец, рынок. Это наглядно показано в классической схеме жизненного цикла организаций, я думаю, что это наиболее ясная схема.

Хотел бы обратить внимание на противоречивость, антагонизмы некоторых типов культуры. Существует четкий антагонизм между культурой профессионалов (кстати, если мы хотим строить инновационное общество, то нам надо делать ставку на профессионалов) и культурой бюрократов. В России провозглашается инновационный путь развития страны, а на самом деле, по факту, укрепляется бюрократия. Совместное движение невозможно в принципе, потому что

профессионалы презирают бюрократов, которые отвечают взаимностью. Точно так же есть два противоположных типа культуры. Есть культура, основанная на патриотизме и верности своему лидеру, это российский тип культуры, когда вы готовы работать на фирме в любом качестве, среди молодежи есть такие люди. И этой культуре противостоит культура космополитов. Наши предприниматели-олигархи говорят: «Где прибыль, там и родина», им важно зарабатывать деньги, страна роли не играет. Итак, есть два антагонистических типа культуры. И разные авторы дают разные названия одним и тем же типам культуры. То есть это классические схемы: названия разные, но суть одна и та же.

И последнее, о чем я хочу сказать: аналогичная картина наблюдается и на макроуровне. Я думаю, что это может вызвать дискуссию. Дело в том, что если провести классификацию по тем же координатам на макроуровне в масштабах страны и поделить все культуры на культуры индивидуализма и культуры коллективизма — по одной координате, по второй, по ординате, — на культуры, где решение принимается на основе рациональных соображений, и эмоциональные культуры, то мы увидим Россию в первом квадрате восточного типа. То есть в России культура такая же, как в Греции, и, я думаю, религиозные мотивы играют определенную роль. Так же как в Китае. На самом деле в России азиатская модель ведения бизнеса и принятия управленческих решений. Меня это не радует, возможно, это грустная констатация, но она основана на фактах. В то же время третья координата, которая здесь использована, дается по центру, — это координата, учитывающая неоднородность культур. Культура России неоднородна, она сдвинута к центру, и точно так же культура США неоднородна.

В заключение хотелось бы отметить, что если мы сегодня пытаемся охарактеризовать русскую национальную деловую культуру, то мы должны признать, что она имеет азиатский характер. Заимствование чего-либо из США, что активно происходило в 1990-е годы, противопоставлено русской культуре. И не зря русская культура отторгает это, у нее выработан своего рода иммунитет. Американизмы типа аутсорсинга, бенчмаркинга и всего, что заканчивается на «инг», у нас зачастую не приживаются. Я думаю, что сегодня надо использовать, в частности, японский опыт, для России он был бы органичен. Интересно, что Япония в свое время это доказала. Японское чудо во многом было сделано на советских успехах. Заимствовали не только изобретения советских авторов, но и методы стимулирования персонала и целую часть менеджмента. Поэтому вывод такой: необходимо использовать опыт этих стран. Опыт Китая для нас тоже крайне важен. Хотя можно сказать, что у Китая вообще не может быть союзников, потому что это срединная империя, и она настолько выше всех прочих, что может иметь только попутчиков.

Г. М. РЕЗНИК: — Виктор Васильевич, у Вас великолепная дисциплина мышления. Но у меня к Вам есть вопросы. Вы сказали, что для нас абсолютно неприемлема американская модель. Вы имеете в виду

отторжение культуры власти, бюрократической культуры, или Вы так характеризуете реальную культуру нашего предпринимательства? И еще: не кажется ли Вам, что то, что обеспечило, как Вы сказали, японское чудо, сейчас по меньшей мере выдыхается? В общем-то, экономика Японии стала буксовать. Может быть, все-таки здесь какие-то временные факторы включить, что на каком-то этапе, наверное, та или иная модель целесообразнее? Но нужно внимательно отслеживать ток времени, и в таком случае одна модель должна смениться другой моделью.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Сначала про Японию. Секреты японского чуда, на мой взгляд, определяются американской оккупацией Японии. Все было очень просто. То есть японцам в какой-то степени повезло, что они были оккупированы американцами. И то, что принудительно внедрялось, обошлось малой кровью для Японии. Что касается первого вопроса, то любое общественное явление имеет политическую, экономическую, социокультурную, технологическую составляющую. В связи с этим я уверен в том, что Россия будет задыхаться без американских технологий, потому что они носят глобальный характер. И то, что сейчас происходит, на самом деле кошмар для страны, потому что Россия тщательно впитывала в себя американские передовые технологии.

И еще один момент: я считаю, что экономические законы во многом универсальны, то есть тоже носят глобалистский характер, а вот два других элемента — социокультурный и политический, должны обладать определенным своеобразием. В этих аспектах подстраиваться ни под кого не нужно, а надо обращаться к собственным истокам. И в частности, в русской модели бизнеса, менеджмента давно назрела такая тематика, но она очень слабо развита. Я думаю, что необходимо гармоничное сочетание. Здесь уже упоминался термин «глокализация», который я воспроизвожу в таком контексте. А что касается перспектив развития, то можно вспомнить Дмитрия Сергеевича Лихачева, который считал, что, во-первых, Россия — это Европа, а во-вторых, она возникла по вертикальной оси «из варяг в греки», то есть под скандинавским и болгаро-византийским влиянием Север-Юг. Если бы я был президентом...

Г. М. РЕЗНИК: — «Если б я был директором...» — такая рубрика была в «Литературной газете».

В. В. ЗЯБРИКОВ: — ...я бы ввел Россию в Скандинавию, то есть шведская модель социализма — это то, что нужно России. Можно изучить общество, которое создала, например, Дания, или посмотреть норвежский опыт использования нефтедоходов — все это подходит России просто идеально. И тут демократия в полном объеме, потому что идеалы датской ментальности в основном демократического типа. Но это, скорее, мечты.

С. П. БЕЗНОСОВ, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП. — Уважаемый Виктор

Васильевич, я так понял, что при выделении четырех типов культуры Вы использовали два критерия, и оба количественные. Известно, что количественные критерии при типологии чего-либо — это прямая дорога к субъективизму и волонтаризму. Например, степень оволосения: два волоска на голове — это мало, а в супе — много. Вопрос: правильно ли я понял, что Вы не осознаете опасность, когда берете в качестве типологии количественный критерий?

Г. М. РЕЗНИК: — Скажем так: не опасность, а ограниченность. Пожалуйста.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Нет, я сторонник измерения культуры. Культуру надо измерять и применять как важнейший элемент менеджмента. Более того, я считаю, что на основе культуры можно построить всю систему управления на фирме. В частности, конкретный ответ: я в своем исследовании использовал данные трех авторов — Хофстеде, Тромпенаарса и Льюиса, и убрал противоречия. То есть измерение культуры — это нормально.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Я хочу поблагодарить организаторов Чтений за возможность выступить с этой трибуны. Не первый раз мне выпадает честь поделиться волнующими меня проблемами и в первую очередь послушать ведущих представителей российской науки в широком гуманитарном контексте. Здесь у нас есть возможность обменяться мнениями в междисциплинарном режиме.

Генри Маркович обозначил гендерное равенство, а я позволю себе восстановить межпоколенческое равенство и обращаю свое выступление в первую очередь к студенческой аудитории. Я хочу поставить проблему, которая мне кажется сейчас актуальной, даже, может быть, не сиюминутно для нашей страны, сколько для будущего. И молодым людям, находящимся здесь, придется так или иначе решать эту серьезную социокультурную, экономическую, отчасти политическую проблему.

Мир изменился кардинальным образом, не всегда даже осознаваемым, и глобальный мир требует других подходов к управлению. Постановка проблемы не на уровне экспертного сообщества уже осуществляется — в рамках Организации Объединенных Наций, программ развития ООН, в частности в последнем докладе о человеческом развитии. Эта задача порождает много проблем и противоречий, то есть, решая одну проблему, мы множим другие.

Я бы хотела кратко остановиться на контексте, в котором происходит обсуждение становления новой системы управления в глобальном развитии, в частности на социальном аспекте этого процесса. С исчезновением Советского Союза у человечества осталась одна приемлемая модель развития, которую можно назвать моделью социального и демократического государства. И в то время, когда эта модель стала маяком для всего

мира, сама модель начала испытывать серьезные проблемы. Институты, которые раньше занимались социализацией экономики, развитием, обеспечивали прогресс, демократию, сейчас все хуже справляются с этой задачей. Выборы в Европарламент покажут, насколько хорошо работает этот институт. Зачастую демократическим путем приходят к власти отнюдь не демократические правительства. Это и экономические институты, и институты, которые ответственны за социальную политику. Проявляется это в том числе и в социально-трудовой сфере ухудшением ситуации.

Я позволю себе не согласиться с Генри Марковичем. Вчера наряду с другими блестящими выступлениями его доклад был одним из самых ярких. Он говорил о том, что происходит гуманизация. Однако данные статистики свидетельствуют о том, что это не совсем так. Наблюдается ухудшение по разным параметрам, начиная от качества занятости и трудовой жизни и заканчивая механизмами регулирования социально-трудовых отношений (лизинг, аутсорсинг, перевод трудовых отношений в гражданско-правовые формы и т. д.). Кстати, когда кто-то из предыдущих ораторов сказал, что у нас эти формы не приживаются, — я с этим не согласна. Многие промышленные предприятия переводят основные производства на лизинг и аутсорсинг, например, в области металлургии.

Одним из наиболее ярких примеров ухудшения ситуации в социально-трудовой сфере может служить рост незанятости. В странах с жесткой правоприменительной практикой это выражается в росте безработицы, в других странах — в скрытой, неформальной занятости и т. д. Это одна из причин ухудшения ситуации. Дело в том, что современная социальная политика базируется на трудовой сфере, здравоохранении, образовании, социальном и пенсионном обеспечении. Поэтому, когда ухудшается качество занятости и занятость сокращается, исчезает основа современной социальной политики. Одной из причин, приводящих к этому, является прогресс, в первую очередь технологизация современной экономики. Вряд ли можно назвать хотя бы одну отрасль экономики, которая сможет обойтись без присутствия человека. А если учитывать, что тех, кто претендует на рабочие места, 3,5 млрд, то мы понимаем, что главная конкуренция сегодня — это конкуренция за рабочие места. Причем не просто качественные рабочие места, а за рабочие места вообще. И если раньше мы говорили о том, что безлюдной становится промышленность, то сейчас уже речь идет о сфере обслуживания, торговле, социальном обеспечении, то есть о наиболее трудоемких отраслях современной экономики. Каким будет мир за пределами занятости — философский вопрос.

Ко мне обратилось немецкое издательство, найдя в одной из моих работ упоминание об этих проблемах. Они сказали, что сейчас развитые страны первыми столкнулись с этой проблемой. И 60 % безработицы во многих южноевропейских странах, молодежная безработица — это реальность. Я думаю, что это не конъюнктура рынка, а межпоколенческий сдвиг. Это уже отнюдь не социально-экономическая, а социокультурная, политическая проблема.

Заканчивая свое выступление, процитирую стихи французского автора:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой.

Мы должны думать о работающей системе и решать этот вопрос. Упомянутая здесь глобализация, несмотря на то что этот термин был придуман еще в нулевых годах, актуальна как никогда. Потому что есть конвенционные цели развития, сформулированы даже критерии социального прогресса, но социальные практики носят конкретный и локальный характер.

Г. М. РЕЗНИК: — Большое спасибо. Слово предоставляется профессору Григорию Феликсовичу Фейгину.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Если говорить о евразийских интеграционных проектах, то идея евразийства так или иначе связана (это можно отнести не только к ЕврАзЭС) с проблемой соотношения двух понятий — регионализации и глобализации. За последние два-три десятка лет региональные интеграционные процессы развивались стремительно. Сегодня в мире более 200–250 региональных интеграционных образований (самые известные — Евросоюз, АСЕАН, МЕРКОСУР, Андский пакт, гораздо больше менее известных).

Возникает вопрос: как соотносятся глобализация и регионализация? В частности, высказываются такие полярные мнения, что на самом деле глобализация не существует, а есть региональные группы, региональные интересы, которые создаются для того, чтобы противостоять другим. Я хочу обратить внимание на достаточно известную и полезную для многих исследований концепцию венгерского экономиста Белы Балашша, который выделяет пять интеграционных ступеней — это зона свободной торговли, таможенный союз, экономический союз, валютный союз и политический союз. Как бы мы ни относились к этой классификации, она дает возможность проверить глубину, то, до какой степени нужно интегрироваться. Кроме того, эта концепция позволяет обозначить концепцию и модель интеграции.

Можно много говорить о ЕврАзЭС и других формах интеграции. Вопрос заключается в том, как интегрироваться и что лежит в основе. Некоторые высказывают мысль, что не надо было отказываться от Советского Союза, нужно было что-то подправить, и все было бы хорошо, но возникает вопрос — по какой модели развиваться дальше.

Я думаю, что не существует противоречия между глобализацией и регионализацией. Можно говорить о последовательной смене ступеней: региональный уровень, межрегиональный и глобальный. Сегодня сильно не столько региональная интеграция, сколько межрегиональная. По сути, это трансатлантическая экономическая зона. Евросоюз и Североамериканская зона свободной торговли (США, Канада и Мексика) сегодня стремятся создать такое межрегиональное образо-

вание. Или другой пример — Азиатско-Тихоокеанский регион. То есть страны объединяются, находясь на разных континентах, по определенному критерию, например тихоокеанская граница (США, Китай, Австралия, Перу). Разные страны входят в Азиатско-Тихоокеанский регион. Но все не заканчивается региональным уровнем. Существует и межрегиональная интеграция. Евразийство — это пример перехода от региональной интеграции к межрегиональной.

Интересно, что европейская интеграция — это вронкообразный процесс. Сначала было 6 стран, сегодня в Евросоюзе 28 стран. По сути, у Европы резервы расширения почти исчерпаны. Кого еще можно в Европе принять в Евросоюз? Страны из бывшей Югославии, Украину, Белоруссию. Куда дальше? Дальше — Россия и Азия.

Важно, что в регионе легче интегрироваться, то есть с соседями уживаться проще. С ними можно, конечно, и конфликтовать, и ругаться, и воевать. История Европы — это история многочисленных войн. Но в конце концов через эти войны Европа пришла к достаточно эффективно работающей интеграционной модели. Сегодня в Евросоюзе есть проблемы. А как их может не быть? Как можно объединить Швецию и Португалию, чтобы страны с такими разными историями и процессами в ходе интеграции не имели проблем? Но тем не менее сегодня это Шенген, зона без границ.

Я хочу сказать, что дальше выходить на межрегиональный уровень в рамках континента проще, но Евразия все-таки имеет свою специфику. Это самый большой в мире континент. Здесь необычайно мультикультурный состав населения, даже если посмотреть только на языковую составляющую. В Латинской Америке говорят на двух языках: испанском и португальском, Северная Америка (Канада и США) — англоязычная, Мексика — испаноязычная. Сколько языков в Евразии, в одной Европе? Существуют большие различия и в уровне экономического развития.

Поэтому идея евразийства возникла вовремя. ЕврАзЭС — один из проектов, который так или иначе стоит на повестке дня. Но еще совсем недавно высказывалась идея о едином пространстве России и ЕЭС, расширении существующих блоков и сотрудничестве между ними. Например, АСЕАН и Евросоюз тесно сотрудничают. АСЕАН даже заявляет о том, что Европейский Союз — образец для них. То есть они еще не так далеко зашли по пути интеграции, как Европа.

Модель Балашша хороша тем, что все блоки можно исследовать на предмет широты и глубины интеграционных процессов. В Евросоюзе есть почти все, кроме политического союза. Если бы они приняли Конституцию, то, наверное, стояли бы на пятой ступени. Но они ее не приняли, а заменили Лиссабонским договором, который близок к политическому союзу, но не идентичен.

Существуют и социокультурные барьеры. Сегодня много проблем социокультурного характера. С одной стороны, очень амбициозная идея — Евразийский проект, или как вместе прийти к Европе. С другой стороны, даже в Европе долгой кризис, в Греции, среди прочего, социокультурная проблема. Ментальность

греков не позволяет им так обращаться с деньгами, скажем, как ментальность шведов, поэтому у них долговой кризис. Или Турция. Экономика Турции мощнее, чем экономика Румынии. Но почему-то Румыния в Евросоюзе, хотя кто-то тоже говорит, что принята преждевременно, а Турция — нет. Потому что Евросоюз, среди прочего, — христианский проект. Там нет ни одной страны, где бы сейчас не доминировала христианская религия. Если принять Турцию, появится исламская страна. Эти амбиции непросто реализовать с такими социокультурными проблемами.

Г. М. РЕЗНИК: — Большое спасибо. Когда греки проели все деньги, они вышли на демонстрации с лозунгами: «Лучше умереть от пули, чем от работы».

С. П. БЕЗНОСОВ: — Сколько критериев выделения этих пяти подразделов использовал Балашша?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Здесь качественные критерии. Например, зона свободной торговли: скажем, они договариваются, что у них нет пошлин внутри, но с третьими странами они могут иметь свою таможенную политику. Таможенный союз означает, что они проводят единую политику в рамках всего союза. Экономический союз означает, что они, кроме всего прочего, имеют абсолютно безграничные формы предпринимательства и т. д. Есть один базовый критерий перехода на новую ступень. Ведь каждая ступень включает в себя все предыдущие.

С. П. БЕЗНОСОВ: — При одном критерии не может получиться пять рубрик.

А. С. ГРУЗИНОВ: — Почему, на Ваш взгляд, Балашша не рассматривал возможность военного союза? Хотя это тоже качественный критерий.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я думаю, что политический союз, последняя ступень, означает, что страны настолько глубоко интегрированы, что, по сути, стали одной страной. Может быть, он имел в виду, что если страны доходят до политического союза, отсюда вытекает и военная интеграция.

Егор ЛИПИН, III курс, юридический факультет: — Какие, по Вашему мнению, существуют тенденции преодоления социокультурных барьеров?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Есть, безусловно, очень много примеров культурного сотрудничества, совместных образовательных программ, бизнес-проектов, то есть представители разных культур постоянно друг с другом встречаются. Один немецкий коллега мне сказал, что он, будучи в Китае, убедился, что у немцев и китайцев много общего в менталитете. Безусловно, многообразие контактов стирает культурные барьеры, но они все равно остаются. Поэтому я думаю, что настоящее евразийство, евразийская интеграция — это вопрос все-таки ближайших десятилетий, когда эти барьеры действительно могут постепенно стереться

за счет количества контактов, которое может перейти в качество.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ¹: — Уважаемые коллеги, хочу вернуться к вопросу, с которого началась наша конференция, — диалог культур. Что понимается под диалогом, какие формы диалога? На пленарном заседании Владимир Евгеньевич Чуров сказал, что война — это тоже форма диалога. Мне представляется, что основной формой диалога является совместное бытие разных культур, разных цивилизаций.

Приведу пример. Когда мы говорим о диалоге, я представляю себе стол: с одной стороны сидят одни люди, с другой — другие, и они пытаются говорить друг с другом и понимать. Мне кажется, что совместное бытие в рамках одного государства — это круглый стол, за которым сидят совершенно разные люди, которые пытаются жить вместе. Представьте себе, что за большим круглым столом сидят граждане Российской Федерации и хозяйка пытается их накормить. Она несет, скажем, вяленую конину, строганину, мацу. Непонятно, все ли гости будут довольны этим угощением. А самое главное, что люди, познакомившись за этим круглым столом, могут выстроить различные отношения, например роман. Например, если это будут представители Петербурга, Москвы, начнется цветочно-конфетный период, если это будет, скажем, представитель Кавказа, то он может жениться вторым браком одновременно на жене погибшего брата и т. д.

Когда мы говорим о диалоге, надо обязательно говорить о его форме. Я как юрист хочу поднять вопрос о формах государственного устройства, которые позволяют нам жить вместе. Какое отношение это имеет к культуре? На самом деле все мы живем в так называемой правовой культуре, которая помогает нам жить в сообществе. В первобытных обществах существовал какой-то правопорядок, в котором жили люди. Исследователи говорят о правовом режиме. Что понималось под правовым режимом? Это прежде всего обычное право и некие религиозные установления. Возник некий этнорелигиозный режим (этно — отношение к некоему национальному сообществу, которое связано с природной средой обитания). Все прекрасно понимают, что этнорелигиозный режим на Кавказе и у якутов разный.

Гагик Арутюнян, председатель Конституционного суда Республики Армения, сказал, что существует понятие так называемой конституционной культуры — это культура, которая зарождается в этнорелигиозных режимах и приводит к образованию конституционного государства. Важно другое — что эти режимы

¹ Заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «О статусе субъекта Российской Федерации», «Исторические и правовые особенности субъектного состава РФ», «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Федеральное вмешательство» и др. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса.

существуют, и они чрезвычайно долговременны, от них трудно отстраниться, сделать вид, что их нет. Сейчас таких режимов в нашем светском государстве достаточно много. И надо сделать так, чтобы эти цивилизации совместно проживали, это должен быть настоящий диалог культур.

Человечество выработало две формы государственного устройства, связанные с реализацией конституционной культуры, — это так называемая культурно-национальная автономия и федеративные отношения. Федеративные отношения всегда соотносятся с территорией, но дело в том, что территория — достаточно условное понятие, потому что эти этнорелигиозные режимы в ситуации миграции населения распространяются и уходят с территорий.

Если мы возьмем национально-культурные автономии как форму государственного устройства, то увидим другую ситуацию. На самом деле национально-культурная автономия не носит правового характера. Это ситуация достаточно болезненная. Еще марксисты в XIX веке отмечали, что там невозможен правовой режим. Это очень интересная вещь, и я хотел бы, чтобы уважаемые студенты занялись созданием неких федеративных отношений (федерация в переводе означает «союз»), которые основаны не на территориальных субъектах, а на сообществах экстерриториального характера.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо. Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Перебоеву.

В. С. ПЕРЕБОЕВ¹: — Для меня большая честь представить Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития на столь значимом мероприятии. Хотелось бы сначала сказать несколько слов о Евразийском банке развития. Это международная финансовая организация, межгосударственный институт, способствующий интеграции евразийского пространства. Евразийский банк развития был создан в 2006 году по инициативе президентов Казахстана, Кыргызстана и России. В настоящее время в него входят 6 стран-членов. Мы ожидаем вступления дополнительных членов, в том числе за пределами постсоветского пространства. Наш банк управляет средствами антикризисного фонда ЕврАзЭС. В 2011 году в рамках Евразийского банка развития был создан Центр интеграционных исследований, который занимается прикладными исследованиями Таможенного союза, его функционирования в едином экономическом пространстве, изучением эффектов расширения этого экономического пространства и евразийской интеграции в целом, а также проблемами трудовой миграции, общественного восприятия евразийской интеграции, проблемами исследования инвестиционных потоков между странами и регионами СНГ и многими другими вопросами, в том числе и такими, как макроэконо-

мическое моделирование стран — членов Таможенного союза. Мы разрабатываем единый модельный комплекс совместно с Евразийской экономической комиссией и в официальном партнерстве с ними.

Сегодня я хотел бы представить один из наших проектов — «Интеграционные параметры» Евразийского банка развития. Этот проект посвящен исследованию общественного восприятия евразийской интеграции. Также я хотел бы передать вам некоторые материалы, которые публикует и издает наш Центр благодаря директору Евгению Юрьевичу Винокурову.

В проекте «Интеграционные параметры» Евразийского банка развития мы исходим из того, что создание Евразийского экономического союза, перспективы его формирования и развития евразийской интеграции в целом, в первую очередь евразийской экономической интеграции, невозможно оценивать в отрыве от общественного мнения, общественного восприятия и социальной поддержки этих процессов. В настоящее время именно социальная востребованность, потребность в этих процессах и их привлекательность для населения, бизнеса становятся зачастую на одном уровне с экономической целесообразностью евразийской интеграции.

Для того чтобы вовремя выявлять тревожные тенденции в общественном восприятии тех или иных направлений евразийской интеграции, в 2012 году учредили проект. В рамках этого проекта проводились исследования общественного мнения в 12 странах постсоветского пространства (страны СНГ + Грузия), были опрошены тысячи человек. Один из центральных элементов нашего исследования — выявление интеграционных предпочтений населения в экономической, политической и социокультурной областях. Интеграционные предпочтения мы определяем через понятие «притяжения к той или иной стране». При этом в рамках опроса формулируются максимально простые вопросы, посредством которых выявляется притяжение стран постсоветского пространства к тому или иному блоку.

Что имеется в виду под блоками? Три категории — социокультурное, политическое и экономическое притяжение — мы распределяем по трем классам: притяжение к странам постсоветского пространства или бывшего СССР, к странам Евросоюза и за пределы постсоветского пространства, Евросоюза, то есть притяжение к странам остального мира. Отдельно исследуется аспект, когда респондент не выбирает ни один из этих секторов.

Еще один важнейший элемент нашего опроса — изучение мнения граждан стран — членов Таможенного союза, а также изучение мнения граждан стран, не входящих в Таможенный союз, о перспективах присоединения их стран к Таможенному союзу или единому экономическому пространству.

Я хочу представить результаты исследований 2013 года (исследования 2014 года будут представлены в сентябре, сейчас проводятся новые замеры общественного мнения во всех странах и регионах СНГ). Поддержка Таможенного союза совместно с поддержкой европейской интеграции странами — членами

¹ Руководитель направления Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Российская Федерация и интеграционные процессы на постсоветском пространстве», «Вступление Кыргызстана в ТС и ЕЭП: последствия для рынка труда и человеческого капитала» (в соавт.) и др.

Таможенного союза находится на довольно высоком уровне: наиболее высокая поддержка — в Казахстане, на втором месте — в России, на третьем — в Белоруссии. При этом если в Казахстане и в России за год произошло снижение уровня поддержки участия этих стран в Таможенном союзе, то в Белоруссии, наоборот, — рост уровня поддержки участия в Таможенном союзе. Что касается перспектив присоединения других стран и регионов СНГ к Таможенному союзу и единому экономическому пространству, то наиболее высокая поддержка присоединения к Таможенному союзу выявлена в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане и Армении, то есть три из этих стран — ближайшие кандидаты на вступление в Таможенный союз. Тревожные тенденции обнаружены прежде всего на Украине и в Молдове, в этих двух странах за год поддержка перспектив присоединения к Таможенному союзу снизилась в среднем на 20 %, то есть на 20 % выросло отрицательное отношение к такой перспективе. Наиболее отрицательное отношение — в Азербайджане, здесь 53 % выступают против присоединения этой страны к Таможенному союзу.

Мы сопоставили эти данные с «евробарометром»: в Европейском союзе поддержка этих стран выражается со значительным уровнем скептического отношения. В Евросоюзе поддержка участия этих стран в едином рынке достигает 50 %, а на всем пространстве коллективное отношение значительно выше.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Юрию Васильевичу Косову.

Ю. В. КОСОВ¹: — Тема моего выступления — «Интеграционные инициативы в сфере образования, науки и молодежного сотрудничества на евразийском пространстве». Сегодня в приветственном слове Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о важности евразийского направления. Мы уже заслушали целый ряд интересных докладов, которые касались таких общих принципиальных моментов либо евразийской интеграции в целом, либо экономической интеграции как бесспорного ядра мейнстрима евразийских интеграционных процессов в целом. Но евразийская интеграция, конечно, не будет полной и не состоится, если не будет

¹ Заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Мировая политика и международные отношения», «Европейская интеграция и развитие отношений России и Европейского Союза» (в соавт.), «Российская наука международных отношений: к обретению собственного лица», «Народовластие на службе у элит» (в соавт.), «Взаимосвязь энергетической и экологической безопасности в условиях современного мирового экономического кризиса», «Методологические основы компетентностного подхода», «Феномен глобализации в современных международных исследованиях», «ОДКБ может стать сплоченной военно-политической организацией», «Евразийская интеграция вышла на качественно иной уровень», «Экономический вес Запада уменьшается с каждым годом», «Развитие европейской региональной политики: путь к углублению сотрудничества или к конфликту?» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Управленческое консультирование», член редакционных коллегий журналов «Евразийская интеграция» и «Балтийский регион».

интеграции не только в таком глобальном измерении, но и на уровне контрактных сфер деятельности общества, конкретных организаций, которые тоже должны участвовать в этом процессе.

Одним из важных направлений является создание общего образовательного пространства, которое может формироваться через взаимодействие вузов европейского региона, студенческие образовательные обмены, то, что называется студенческой образовательной мобильностью. Достаточно интересным подходом, который разрабатывают у нас в Академии, является и кластерный подход к интеграции в сфере образования, к концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Создание кластеров представляется важнейшим направлением формирования общенациональной системы поддержки инноваций и развития в России. Интеграция в кластере представлена как объединение различных структур и как нахождение новой формы сопряжения их потенциалов с целью производства инновационного продукта. Мы полагаем, что целями образовательного кластера являются повышение качества профессиональной подготовки, удовлетворение текущих и перспективных потребностей работодателей в высококвалифицированных специалистах. Основные задачи образовательного кластера: построение эффективной системы межвузовского партнерства, развитие интеграционных систем непрерывного образования, гармонизация подходов к развитию этнонациональных систем образования. В итоге должен быть получен определенный синергетический эффект.

Первые попытки такой интеграции мы осуществляем в Евразийской ассоциации академий в области государственного управления, которые были созданы при главах государств Евразийского региона (прежде всего это академии при президентах России, Белоруссии, Казахстана, но участвовали и другие страны).

Другой важный момент — инициатива идет от молодежи, от студентов. Сейчас создается целый ряд молодежных организаций, которые занимаются проблемой евразийской организации. На базе президентских академий России, Белоруссии, Казахстана создана Евразийская молодежная ассамблея. И надо сказать, что в Петербурге в середине апреля был проведен первый Евразийский молодежный инновационный конгресс, который поддержали правительства Петербурга и Ленинградской области и в котором принимали участие ребята из десяти стран (я курировал этот проект, но в общем-то это была инициатива молодых людей).

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо, Юрий Васильевич.

Л. В. СОКОЛЬСКАЯ: — Постулат, что государства, народы находятся в постоянном культурном контакте, сегодня известен всем. Существуют различные формы межкультурного контакта: экспансия, рецепция, интеграция, конвергенция и другие. Формы межкультурного контакта изменяются в историческом процессе, меняется положение социума вступающего в контакт, средства, методы и способы его осуществления.

Мне трудно согласиться с репликой Генри Марковича Резника, что насилия стало меньше. Вовсе нет, его не стало меньше, просто оно стало менее открытым, приобрело латентный характер и теперь осуществляется иными средствами и методами.

С этой трибуны мы уже упоминали такую форму межкультурного контакта, как интеграция, которая, по моему мнению, предполагает взаимодействие между социумом-донором и социумом-реципиентом. Иными словами, вокруг доминирующего социума интегрируются другие. И, как верно отметил в своем докладе профессор В. В. Миронов, доминирующий социум распространяет свои идеи на другие сообщества различными путями, в том числе через право.

Как явствует из сообщений предшествующих докладчиков, Россия и Казахстан стремятся интегрироваться в Европу, поэтому охотно перенимают многие западноевропейские правовые институты. Хочу возразить: может быть, Европе пора подумать о возможной интеграции в евразийское культурное пространство?

Мой доклад посвящен проблеме конвергенции правовых культур на евразийском культурном пространстве. Почему именно конвергенция, а не интеграция? Потому что правовая конвергенция — это современная форма межкультурного контакта, которая предполагает добровольный двусторонний (многосторонний) процесс сближения правовых культур социумов-партнеров, в результате которого образуются единое правовое пространство и новая правовая культура.

Сегодня мы становимся свидетелями политической, экономической и, как следствие, правовой конвергенции. Мировое сообщество испытывает потребность в правовом единении. Как верно подчеркнул на пленарном заседании академик А. А. Гусейнов, природное единство людей — это историческая реальность. Поэтому и создаются международные государственные, общественные организации и объединения на евразийском постсоветском пространстве.

В результате конвергенции национальных правовых культур на евразийском постсоветском пространстве возникают предпосылки формирования евразийской правовой культуры, когда культурное многообразие не выравнивается, а принимает новые формы, которые только отчасти и не всегда интегрируются со старыми.

Конвергенция евразийских государств имеет социокультурные основания: общность территории, языка, исторического и культурного развития, единство культурных традиций, демографические и миграционные процессы, толерантное отношение к этническим и религиозным ценностям народов, проживающих на данной территории. В результате конвергенции в Евразии возникают новые целостности, обладающие качественно новыми свойствами, например единое евразийское экономическое пространство, евразийское политическое и правовое пространство и др. Сегодня мы становимся свидетелями и участниками создания Евразийского союза, который может стать предтечей образования не только новой геополитической структуры,

но и основой формирования евразийской цивилизации в III тысячелетии.

Процесс конвергенции национальных правовых культур на евразийском пространстве будет углубляться и реализовываться поэтапно. Первый этап можно назвать «постсоветским», так как конвергенция затрагивает ближний круг стран СНГ, имеющих длительные социокультурные контакты, единые исторические корни. Данный этап начался фактически сразу после распада СССР, в 1991 году, и завершится примерно в 2015 году созданием Евразийского союза. Второй этап — «евразийский» — начнется с создания Евразийского союза как глобального экономического, политико-правового объединения. К государствам Союза могут присоединиться страны Восточной Европы, Азии и Востока. Данный этап ознаменуется формированием евразийского права, евразийской правовой культуры. Третий этап — континентальный — объединит государства всего Евразийского континента и фактически завершит формирование евразийского правового пространства, мирового правопорядка на основе принципов разумности, справедливости, равенства, свободы. Третий гипотетический этап еще предстоит осмыслить, но уже сегодня следует осознать, что конвергенция национальных правовых культур, формирование евразийского правового пространства и евразийской правовой культуры — это объективные процессы, которые необходимо исследовать.

Г. М. РЕЗНИК: — Спасибо аудитории за внимание. Слово предоставляется академику Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Судя по реакции, аплодисментам, наше заседание прошло успешно и понравилось присутствующим. Мы живем в уникальной стране, у нас не единая культура, как у китайцев, американцев, у нас много культур, больше ста языков, национальностей. Мы настолько уникальны, что говорить о единой культуре не приходится.

У Китая другая культура, и в чем-то нам не нужно брать с них пример (например, они за преступления отрубали головы). Мне кажется, нам у Китая надо взять на вооружение принятие важных решений. Допустим, чтобы ввести на уровне местного самоуправления голосование, они сначала проводят эксперимент. Мы не научились ставить эксперименты. Мы вводим Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» сразу для всех. Возможно, где-то он будет хорошо работать, но в большинстве случаев — плохо. Нужно сначала провести эксперимент и т. д. И наши юристы все правильно сделали, но в Китае есть понятие эксперимента, а у нас — нет. Это хороший опыт, наверное, надо его у них позаимствовать.

Мы много говорим о ЕГЭ. Сначала нужно было провести эксперимент. Причем мало просто его провести, потом его результаты следует детально проанализировать. Поэтому к юристам много претензий.

Мне лично понравились многие выступления, все выступающие — профессионалы в своей области.

Но главное — они отразили, как на это воздействует культура.

Г. М. РЕЗНИК: — Я не случайно задал вопрос относительно того, Европа мы или не Европа. Этот вопрос очень важен. Нам нужно определяться. Выдающийся правовед профессор Иоффе говорил, что, если понятие нагружать несвойственным ему значением, оно лопнет. Почему я либерал? Потому что не надо наделять понятие либерализма значениями, которые ему несвойственны. Либерал ставит акцент на творчество, инициативу, созидание, а социальные идеи — немного другое, это справедливость и распределение. Искусство управления государством заключается в том, чтобы ни одна идея до конца не уничтожала другую.

У России действительно сложнейшая история. В нашей культуре много намешано. Как говорил выдающийся мыслитель Померанц, национальная культура россиянина представляет собой многослойный пирог. Последнее тысячелетие страна возведена в ранг христианской культуры, я полагаю, что нам нужно определиться, потому что сейчас, в связи с событиями на Украине, вновь высказываются мнения о том, что мы не Европа, у нас особый культурно-исторический код, самобытность. Это код был у всех народов, просто многие страны его преодолели раньше, а у нас остался

этот общинный код. Постоянно возникает соотношение — индивид и коллектив, сейчас фактически государство. Не нужно говорить нам о восприятии восточных моделей. Китай — это колоссальная культура, они другие. А если рассматривать Китай с экономической точки зрения в той ситуации, в которой он находился, — это Советский Союз в 1920-е годы: колоссальный избыток дешевой рабочей силы и мало капитала.

Что нас гонит, мучит? Наша жизнь коротка, и нам хочется справедливости при жизни. Но мы, люди науки, должны выбирать рациональный путь, основанный на достижениях объективной действительности, данной нам в ощущениях, и ни в коем случае не делать ставку на некоторые архетипы, мифы, традиции и пр.

И последнее. Не дай Бог заняться воспитанием нового человека. Такой эксперимент был поставлен в Советском Союзе: воспитали новый тип советского человека, в котором сочетались агрессия и послушание. Упрек, который Юрий Афанасьев бросил последнему Верховному Совету — агрессивно послушное большинство — относится к большинству представителей старшего поколения, к которому я тоже отношу себя. Мы постоянно «задавливаем» в себе те качества, которые воспитывала советская власть, это двойные стандарты, цинизм. Не дай Бог, чтобы эти качества восприняла молодежь, которая находится в этом зале.

Секция 5

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Лихачевский форум старшеклассников России)

---

16 мая 2014 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции:

Н. В. БУРОВ директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, народный артист России, профессор

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

М. ГОРИНА, А. ДУБИНЮК, Д. ЖЕЛЕЗНАЯ, К. ЖИТИНА, М. КОБЕЛЕВА, А. КУЛИКОВА, М. СЕНИЧЕВА, А. СОРОКИН, Д. ХОЛОДЯКОВ, Н. ШЕВЧУК — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья, с приветственным словом выступит ректор нашего Университета, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте! Мне приятно видеть вас на Международных Лихачевских научных чтениях. Радует, что в этом зале собралась молодежь, которая имеет склонность к умственной деятельности и проявляет интерес к подобным мероприятиям.

Выступая перед вами от имени Оргкомитета, я хочу привлечь ваше внимание к двум аспектам деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Первое: Дмитрий Сергеевич начинал свою деятельность как специалист в достаточно узком направлении филологической науки. Он был медиевистом, специалистом, который изучает историю Средних веков нашей страны, в том числе рукописи, артефакты, рукописную литературу. За всю свою жизнь Дмитрий Сергеевич прошел интересный путь — от увлечения своим предметом до интереса к культуре в широком смысле этого слова (культура — все то, что не природа, человеческая деятельность во всем ее многообразии). Д. С. Лихачев написал ряд интересных работ, например, о садах, парках, о том, как должны развиваться города, как надо относиться к Петербургу, о шедеврах русского зодчества, о том, как русское зодчество приживалось в Петербурге и пробивало себе дорогу среди разных архитектурных направлений. Размышляя об этом опыте Д. С. Ли-

хачева, я хочу сказать, что, чем бы ни занимался человек в своей жизни (он может быть инженером, физиком, администратором, менеджером, чиновником), настоящего успеха он добьется, только если интересуется культурой в широком смысле слова.

И второе, о чем я хотел бы сказать. Что главное в деятельности Д. С. Лихачева? Главное — это служение добру. Мне кажется, что основная задача человека, который учится в школе и получает образование, — это даже не приобрести конкретные знания по своему предмету и набрать высочайшие баллы по ЕГЭ, хотя это неплохо. Самая главная задача человека в юные годы — научиться различать добро и зло. Если в школе этого не произошло, то можно считать, что жизнь до данного момента прошла зря. Если вообще в течение жизни не удастся этого сделать, то вся жизнь пройдет бесполезно.

Сейчас молодежи предлагаются другие идеалы: зарабатывать деньги, иметь шикарные автомобили, носить хорошие костюмы и т. д. Все это замечательно. Но за всем этим нельзя потерять самое главное — представление о добре и формирование в себе потребности служить добру. Это самый главный урок жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева. И я хочу пожелать вам найти в жизни собственный путь служения добру. Желаю вам успехов!

Е. П. ЕФИМОВА: — Наш конкурс творческих работ старшеклассников «Идеи Дмитрия Лихачева и современность» в 2013/14 учебном году проводится в восьмой раз. Он включен в Перечень олимпиад и иных конкурсных мероприятий, по итогам которых

представителям талантливой молодежи вручаются премии Министерства образования и науки РФ от имени Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. В жюри нашего конкурса входят известные ученые, литературоведы, историки, журналисты, писатели, представители ведущих школ Санкт-Петербурга. Решением жюри школьники — участники конкурса и их педагоги-наставники награждаются специальными дипломами.

В этом году в нашем конкурсе приняли участие 412 школьников из 42 регионов России и Республики Казахстан. При этом значительная часть работ поступила из малых городов и школ, расположенных в сельской местности. Победители и призеры конкурса, занявшие по итогам заочного тура I, II и III места, будут выступать перед вами на Лихачевском форуме старшеклассников России. Ваши сверстники получили уникальную возможность донести до аудитории основные положения своих творческих работ. Форум завершится награждением победителей и призеров. Лучшие работы конкурсантов будут опубликованы на научном сайте «Площадь Лихачева». Возглавляет работу Лихачевского форума старшеклассников России председатель Общественной палаты Санкт-Петербурга, директор музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор, народный артист России Николай Витальевич Буров.

Н. В. БУРОВ: — Дорогие ребята! Я довольно часто, далеко не один раз в году, бываю в том месте, где осталась материальная память об академике Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Я говорю о том печальном месте, которое принято называть погостом, или кладбищем. Кладбище это находится в Комарово, совсем недалеко от нашего города. Туда часто приезжают люди для того, чтобы поклониться праху Анны Андреевны Ахматовой, десятков деятелей литературы, науки, культуры, которые покоятся на этом кладбище. И вот в самом заросшем месте, под глухими елями (такое ощущение, что в густой лесной чащобе) высится большой крест из серого полированного гранита. Этот крест стоит точно над прахом Дмитрия Сергеевича Лихачева. Дмитрий Сергеевич наверняка не думал, каков будет памятник над его могилой, но крест получился как маяк в лесу. Если на него посмотреть, постоять рядом минутку, захочется понять, что же это был за человек, который вдруг сплотил нас настолько, что мы год за годом, из поколения в поколение собираемся здесь, в Пушкинском Доме, в других местах не только нашего города, но и страны для того, чтобы еще и еще раз мысленно обратиться к творческому и научному наследию этого гиганта мысли XX и самого начала XXI века. Что такого он собрал воедино, высказал, что до сих пор заставляет нас относиться к его мыслям как к живым, путеводным и способным помочь нам сориентироваться в этом сложном, постоянно меняющемся мире?

Темы творческих работ из года в год меняются, как и состав участников. Те, кто присутствовал на первых заседаниях Лихачевского форума, уже давно выросли, закончили высшие учебные заведения и сами ориентируются в этой жизни, находят свое место, а самые

сильные и крепкие уже помогают окружающим их людям идти дальше. Что же значат для нас Дмитрий Сергеевич Лихачев и его совершенно удивительные концепции, которые, как мне кажется, могут показать путь не только филологу или философу, но и просто человеку, которому нужно найти ориентир в этой жизни? Вы знаете, мы — поколение стареющее, думающее о том, чтобы постепенно сойти со сцены. Мы, естественно, заинтересованы в том, чтобы то, что дорого, близко нам, и то, во что мы верим как в Бога, в цель, осталось и со следующими поколениями, потому что вы, наши дети и внуки, тоже должны найти ориентиры и сохранить и нашу Родину, и нашу культуру, и место русской культуры в мировой культуре. Русская и мировая культура — это взаимосвязанные сосуды, которые никак не разъять, они не только подчиняются физическому закону сообщающихся сосудов, но и имеют более высокие, тонкие и противоречащие физике константы.

Я советую, если когда-нибудь вам доведется побывать в Комарово, обязательно дойдите, лучше пешком, до Комаровского кладбища. Вы увидите там множество имен, но по дороге к Анне Андреевне Ахматовой обязательно загляните направо, в этот глухой еловый лес, где темно даже в самый яркий солнечный летний день, постойте немного возле этого восьмиконечного креста и вспомните, что вы знаете о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Даже если совсем немного, все равно, я уверен, это даст вам возможность ориентироваться в своей жизни дальше и помогать тем, кто еще ни разу не задумывался об этом имени, о том великом наследстве, которое делает всех нас духовно богаче. Мне кажется, Дмитрий Сергеевич Лихачев всегда будет актуален, интересен, и я, во всяком случае, не предвижу какой-либо ревизии, которая оказалась бы способна обесценить все то, что он оставил нам в наследство. Я уверен, что сегодня прозвучат замечательные доклады, возникнут новые мысли, претендующие на то, чтобы сделать заявку на серьезное, может быть даже научное, исследование. Не стройте иллюзий насчет того, что вы уже «ухватили Бога за бороду», так не бывает, но вы сделали очень серьезный шаг вперед, добились своей первой большой победы, ну а дальше Бог в помощь — и вперед!

Е. П. ЕФИМОВА: — Приглашаю на трибуну победительницу конкурса Анастасию Дубинюк, учащуюся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 1 г. Новоангарска Тюменской области.

Анастасия ДУБИНЮК: — Прежде всего я хотела бы выразить свою признательность людям, благодаря которым смогла прикоснуться к наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева. Предлагая в качестве тем для размышлений изречения ученого, организаторы конкурса помогают старшеклассникам определиться в выборе собственного жизненного пути, ответить на многие актуальные вопросы сегодняшнего дня, задуматься над проблемами культуры и образования. Хорошо, что участие в конкурсе предполагает серьезное изучение творчества академика Лихачева, имя которого мало кто знает в средней школе.

Только в 9-м классе я прочитала одну из его работ. Хорошо помню свое удивление, когда, открыв прекрасно иллюстрированное издание «Слова о полку Игореве», увидела статью с необычным названием «Объяснительный перевод “Слова о полку Игореве”». «Почему перевод?» — спросила я себя. Ответ нашелся сразу, стоило начать чтение. Дмитрий Сергеевич обращает внимание юных читателей на язык, которым написано произведение. Благодаря пояснениям и дополнениям, сделанным ученым, текст древнерусского автора сразу стал понятным и доступным. Потом я прочитала еще несколько работ о древнерусской литературе.

Среди цитат, которые были предложены в этом году в качестве тем для творческих работ, я сразу выбрала свою: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит». Сразу вспомнилась история: как-то Сократа попросили высказать мнение о неизвестном ему человеке, одетом в богатые одежды. Долго смотрел Сократ на человека, а потом сказал: «Да заговори же ты наконец, чтобы я мог тебя узнать!». Мыслей у меня было много, а как изложить? Как упорядочить? Помогла книга Дмитрия Сергеевича «Письма о добром и прекрасном». Я начала учиться эпистолярному жанру.

Письмо первое. Язык, на котором говорит ученый, уникален. Вроде бы тот же самый, русский, но удивительно чистый и нарядный. Это как вода в водоемах — тоже вроде бы одинаковая, но если есть выбор, то все мы будем пить из прозрачного родника. Когда у Лихачева спрашивали о секретах его правильной речи, он советовал учиться у актеров столичных театров. Но утверждение, что все работники СМИ говорят правильно, устарело. Все чаще проникают на сцену, экран и в книги слова, не украшающие речь, а обедняющие ее. Студент Дмитрий Лихачев, учившийся красноречию по древнерусской литературе, был сослан в лагерь на долгие пять лет за то, что не хотел говорить на новом языке, появившемся в России в результате ломки всего старого. Больше всего тогда Лихачева тревожило, что из русской речи навсегда уходили красивые слова, исполненные глубочайшего смысла: милосердие, сострадание, благонадежность. А если уходят из языка такие слова, значит, умирают в человеке и лучшие качества.

Письмо второе. Радужные барские усадьбы и званные ужины, неспешные беседы у самовара в беседке, совместные чтения — это XIX век. И письма. Были они и в XX веке. Наши бабушки и дедушки влюблялись, расставались, ждали друг друга. Вся жизнь — в письмах. Сегодня все иначе: детский сад, школа, университет. Редкие телефонные звонки, SMS, смайлики. Неужели только время виновато в том, что пропало живое общение? Современный ритм жизни требует простоты речи, краткости, лаконичности, доступности, понятности. Языковая норма изменчива. И Лихачев, понимая это, предупреждал о той опасности, которая грозит языку, если относиться к нему небрежно. И вот уже появилось новое поколение молодых специалистов, которых работодатели окрестили кратко и емко — «жертвы ЕГЭ». Не умеем говорить, затрудняемся в подбо-

ре убедительных аргументов, допускаем орфографические и пунктуационные ошибки в письменной речи, орфоэпические и грамматические — в устной. Можно обижаться на систему образования, винить новую форму итоговой аттестации в школе. Но среди злободневных вопросов современности по-прежнему остается не только «Кто виноват?», но и «Что делать?».

Письмо третье. «Не поддаваться влиянию среды, если она затягивает», — советовал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Как талантливый психолог, он всегда видел тесную взаимосвязь внутреннего достоинства человека с его словом: «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души». Никогда не прибегал ученый к ненормативной лексике, даже в лагере, где мат был пропуском в свои ряды. А сегодня вся наша страна напоминает лагерь. Особенно живуч мат в школьной среде. «Понастоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо», — пишет Лихачев. Существует ли универсальное лекарство от этой чумы? И как сохранить себя здоровым? Мат часто становится нормой, если в окружении человека по-другому не разговаривают. Значит, надо искать другое общество и средство защиты. Многие современные ученые видят его в негрубом красивом хамстве и советуют обзавестись сборниками крылатых изречений. И тогда не надо будет называть глупого человека, отдающего неправильные указания, в ущерб себе дураком, достаточно процитировать Горация: «Меньшим безумием было бы носить в лес дрова».

Письмо четвертое. Хорошему языку надо учиться у актеров, как советовал Дмитрий Сергеевич. Читать книги, которые написаны хорошим русским языком. Смотреть качественные фильмы, как зарубежные, так и отечественные. Не поддаваться соблазну... А хватит ли у меня сил и терпения? Не брошу ли я все на середине пути? Думаю, что книги Лихачева помогут мне справиться с искушением быть такой же, как многие мои ровесники: жить сегодняшним днем, не задумываясь о своем будущем, успешность которого зависит в большей степени от умения говорить правильно. Я уверена, что знакомство с наследием академика Лихачева стало лишь первым моим шагом в сложном, но по-настоящему необходимом поиске собственного стиля речи. Работа трудная, но я не боюсь.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Кристине Житиной, учащейся 10-го класса лицея № 1 г. Киселёвска Кемеровской области, занявшей II место.

Кристина ЖИТИНА: — Я очень рада, что в моей читательской биографии появились книги великого публициста и ученого, наставника и учителя, гражданина и патриота Дмитрия Сергеевича Лихачева. В «Письмах о добром и прекрасном» я нашла утверждение Дмитрия Сергеевича о том, что «о каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и тем идеалам, которыми он живет...». Так какие же они, «нравственные вершины»? Д. С. Лихачев обозначил их следующим

образом: «Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру и беспамятных к прошлому».

Первая часть высказывания Д. С. Лихачева открывается безличным предложением, в котором отсутствует исполнитель действия. Но весь парадокс заключается в том, что суждение великого гуманиста обращено к лицам, которым не безразличен окружающий мир. Мир, в котором мы живем и который уже созидаем. Для меня в этих словах заключена, если хотите, программа жизни. Давайте вместе с вами, словно по лестнице нравственного развития личности, предложенной Дмитрием Сергеевичем, постараемся подняться до тех вершин, к которым нас зовет наставник...

«Не должно быть слепых к красоте...» — повторяю я вслед за академиком Лихачевым. И здесь вспоминается «формула красоты», выведенная Н. Заболоцким:

...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Ответ очевиден: красота — внутри человека. Ее не нужно прятать за косметикой и красивой одеждой. Она проявляется в блеске глаз, в улыбке... В поступках и делах... Она освещает человека изнутри, и этот свет видят окружающие. В этом году мне довелось увидеть красоту человека труда, когда в нашем лицее проходила встреча с первым Героем Труда Российской Федерации Владимиром Ивановичем Мельником, машинистом горно-выемочных машин шахты «Котинская», работающим в нашем шахтерском городе.

«Не должно быть... глухих к слову...» — продолжаю повторять я за ученым. Я живу в небольшом провинциальном городке Кузбасса, который находится далеко от известных центров российской культуры. Мое прикосновение к культуре происходит через фильмы, телепередачи, экскурсии, книги. Мне вспоминаются слова из романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»: «Все, что вы ищете, существует в мире, но простой человек разве только одну сотую может увидеть своими глазами, а остальные 99 он познает через книгу». Книги, на мой взгляд, и есть средоточие культуры. Жаль, что в наш компьютерный век книга уходит на второй план. Вероятно, мы, люди, просто стали забывать, что значит читать, осмысливая каждое слово, слышать каждое слово, чувствовать душу. Д. С. Лихачев как-то заметил: «...автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться...». Но что читать? Готова прислушаться здесь к его совету: «Определите свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классической. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?».

«Не должно быть... глухих к настоящей музыке...» — утверждает Дмитрий Сергеевич. Второй год я с интересом наблюдаю за телепроектом «Голос». Болею за конкурсантов, радуюсь победам, огорчаюсь неудачам... Иногда пою вместе с ними... когда песни поют на русском языке, что, к сожалению, быва-

ет редко. Но это все по ту сторону экрана. А я здесь... в Сибири... Но я радуюсь тому, что во многих регионах Кузбасса сегодня возрождаются традиции народного творчества, причем хорovým пением интересуются и молодые люди. Каким образом, казалось бы, безнадежно устаревший фольклор может успешно существовать и развиваться в нашем информационном пространстве? Однако мой край богат творческими людьми. В нашем городе вот уже 30 лет существует хор ветеранов под руководством С. И. Гранкина. А народный коллектив оркестра русских народных инструментов под руководством заслуженного работника культуры РФ В. М. Алиференко знают далеко за пределами нашего города. В этой музыке — наша русская душа, наш русский характер.

«Не должно быть... черствых к добру...» — призывает нас Дмитрий Сергеевич. По мнению Д. С. Лихачева, «доброта — это человеческое качество, ценнейшее из всех». Сегодня многие телеканалы смакуют истории из жизни звезд эстрады и кино, показывают многочисленные телешоу с известными людьми. И вдруг среди всего этого блеска и суеты появляется история турецкой женщины, взявшей на себя великую миссию Матери для неизвестного юноши. Бессребреница нашего XXI века... Акция «Всем миром» сплотила прошлым летом все наше общество. Мы стали не только свидетелями, но и участниками телевизионного марафона в поддержку пострадавших от наводнения на Дальнем Востоке. Всякий раз, набирая SMS с кодовыми цифрами, мы совершали свое восхождение на вершину добра. А мне вспоминается репортаж о магаданской бабушке, связавшей 300 пар носков пострадавшим от наводнения. И новогодний визит президента на Дальний Восток, и встреча с семьей военного, погибшего при ликвидации последствий наводнения, — также образец человеческого участия и доброты.

Д. С. Лихачев убежден: «Не должно быть... беспамятных к прошлому». Мне 17 лет, а городу, в котором я живу, — 75. Но именно уроки истории и литературы помогают мне пройти вместе с моей страной основные исторические вехи.

Я учусь в лицее, который носит имя Евгения Костюнина, нашего выпускника — майора милиции, погибшего при исполнении служебного долга в Чеченской Республике. Самым «молодым» в нашем городе является памятник погибшим воинам в горячих точках планеты. Там всегда цветы... Там останавливается время... Чтобы мы помнили!

Дмитрий Сергеевич также подчеркивал, что у детей есть очень важная и полезная черта. Им свойственно интересоваться стариной, рассказами о своих прабабушках и прадедушках, об истории края. Лихачев говорил, что ощущению себя в истории помогают литература, искусство, традиции, обычаи. Ребята нашей школы — активные участники интернет-проекта «Страницы семейной славы», сделанного с целью создания всенародной электронной Книги Памяти. Я горда тем, что я — участница проекта «Имя Победы». Я и мои ровесники получили возможность сформировать свое отношение к военному человеку, воинскому долгу, воинской чести и военной службе.

Что же такое наследие Д. С. Лихачева? Книги, статьи, письма — да. Но в большей степени это те духовно-нравственные вершины, к которым должен стремиться человек.

Действительно, изучение книг, статей, писем и воспоминаний Дмитрия Сергеевича Лихачева помогает нам становиться добрее, умнее и жить по тем высоким духовно-нравственным меркам, которые начертаны в творениях ученого. Мы обращаемся к наследию академика Лихачева, чтобы разбудить свою совесть, припасть к истокам родной культуры, задуматься о важнейших чертах характера, на которых, по словам, А. С. Пушкина, основано «самостоянье человека, залог величия его». Я думаю долг молодых — хранить память о Дмитрии Сергеевиче как об Учителе доброго и прекрасного... И тогда нравственные вершины, о которых говорил публицист, обязательно покорятся... Дело за малым. Мы должны снять его книги с полки и начать медленно и вдумчиво постигать их смысл. Только бы хватило нам, молодежи, ума, таланта, терпения воспользоваться духовными сокровищами, оставленными в наследство Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Е. П. ЕФИМОВА: — Приглашаю на трибуну Даниила Холодякова, учащегося 10-го класса средней общеобразовательной школы № 37 г. Ярославля, занявшего II место.

Даниил ХОЛОДЯКОВ: — Тема моей работы представляется интересной не только для раскрытия роли Дмитрия Сергеевича Лихачева в исторических исследованиях, литературоведении и культуре России. Эта тема открывает возможность рассказать, как неожиданно переплетаются судьба Д. С. Лихачева, история страны и жизнь семьи автора данной работы.

Всех нас словно пронизывает поток времени, мы в его русле, и порой совершенно неожиданно оказываемся рядом с теми, кто одним своим появлением меняет жизнь страны. Таким был Д. С. Лихачев, историк, открыватель древних текстов и великой русской культуры, защитник национальных сокровищ и создатель новых философских концепций развития общества. А рядом с ним жили совершенно обычные люди. Именно об этом удивительно сказал Д. С. Лихачев: «Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем...». Мне чрезвычайно близка мысль о том, что каждый из нас отвечает за все, что происходит и с ним лично, и с его семьей, и с миром, где он живет. И подтверждением этому стала судьба тех, кто дал начало нашему роду.

В грозном 1918 году встретились в Ростове Великом мои прадед и прабабушка — неграмотный парень-железнодорожник, всю жизнь ограждавший свою жену от любых бед, приносимых временем и властями, и выпускница последнего курса Смольного института благородных девиц, оплакавшая расстрелянного мужа, бежавшая с ребенком от арестов и ставшая верной женой встреченному в вихре войны простому парню, — которые впоследствии вместе воспитали четырех сыно-

вей. А Дмитрий Сергеевич Лихачев, тогда Митя, учился в это время в реальном училище К. И. Мая, читал отцовские книги и думал о будущем. И несколько раз удивительно соприкасались судьбы Д. С. Лихачева и представителей семьи Холодяковых.

В 1930 году зэк Лихачев был отправлен на Беломорско-Балтийский канал, где в это же время уже возил тачку другой мой прадед, Иван Тихонович, получивший семь лет по печально известной 58-й статье. Вряд ли они встречались, бывший студент и бывший техник Ярославского паровозоремонтного завода, но их судьбы прошли рядом. Впереди у Дмитрия Сергеевича была война, блокада, голодные пайки, смерть отца от недоедания...

А недалеко, на Пулковских высотах, защищал город (и, выходит, защищал Лихачева) другой мой прадед, Михаил Федорович, а где-то рядом рыл окопы мальчишка Витя Холодяков, которому только что исполнилось восемнадцать. Их взвод назвали истребителями танков. Этим мальчишкой, грозой фашистских танков, был мой дед, а мой прадед где-то рядом воевал зенитчиком, защищая Ленинград от налетов.

А в Казани, куда был эвакуирован Дмитрий Сергеевич, в госпитале, возможно, слушала лекцию «Об обороне русских городов», которую читал «профессор из Ленинграда» для раненых красноармейцев, прозрачная от усталости и недоедания санитарка, попавшая в армию с первого курса ярославского мединститута, — моя бабушка.

Мне дороги эти сближения, дорога память о людях, проходивших рядом с великим ученым, может быть, даже заслоняя его от беды, и дороги слова Д. С. Лихачева: «Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности». Именно память, четвертое измерение жизни, сохраняет для меня и для России ту удивительную близость поколений, которая и делает нас нацией, не дает рассыпаться ни государству, ни семье.

История человечества в первую очередь как история культуры — вот об этой связи, единстве, пронизывающем поколения, и думал академик Лихачев, создавая собственную концепцию развития цивилизации, говоря о четвертом измерении жизни.

При подготовке творческой работы я обратился к трудам А. С. Запесоцкого, который, на мой взгляд, ярче всех выразил суть идей Д. С. Лихачева. Я понял, как взгляды Дмитрия Сергеевича создают очень стройную и логичную картину развития мира не в борьбе классов, но прежде всего в стремлении — не всегда осознанном — человечества прийти от жестокости, эгоизма, стяжательства к гуманистическому пониманию мира и человека.

Важен ответ Д. С. Лихачева на вечный вопрос, что представляет собой Россия: по Лихачеву, Россия — самая европейская часть Европы, ее было бы естественнее назвать Скандовизантией. Отсюда следует совершенно новый взгляд на допетровскую Русь. Академик убежден: чтобы обосновать все преобразования, Русь постоянно изображали неподвижной, отгороженной от мира, лишенной самобытной культуры, и вся

семивековая русская история была отвергнута и оклеветана, хотя наполнена выдающимися достижениями русского духа и таланта. По сути, ученый предлагает культуросцентричную концепцию истории, в соответствии с которой он и отдельных исторических деятелей оценивает не по успехам в войнах и захватам территорий, а по влиянию на развитие культуры.

«Декларация прав культуры», подготовленная группой сотрудников Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов под руководством Д. С. Лихачева, стала вершиной его творчества. Идея Декларации заключается в том, что необходимо официально принять международным сообществом ряд принципов и положений, важных для сохранения и дальнейшего развития культуры как достояния человечества. В Декларации вводится понятие «гуманитарная культура», ориентированная на развитие созидательных начал в человеке и обществе. В Декларации Д. С. Лихачев дает свое, альтернативное понимание глобализации. Он видит в ней процесс, движимый в первую очередь не экономическими, а культурными интересами мирового сообщества. Глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей развитых стран, а для всего человечества, как гармоничный процесс мирового развития.

Свой долг перед Россией, ее народом и наукой выполняют не только выдающиеся ученые, но и те, кто скромно и подвижнически работает в музеях и библиотеках, храня великую русскую культуру.

Наш Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник обладает одной удивительной особенностью: в 1985 году в нем открылась единственная в России экспозиция «Слово о полку Игореве» — выдающийся памятник древнерусской культуры», созданная при участии и поддержке Дмитрия Сергеевича Лихачева. Организаторам удалось воплотить мысль Дмитрия Сергеевича: «Более чем семь с половиной веков живет “Слово о полку Игореве” полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и ширится».

Важная черта деятельности музея — упорная борьба с набирающими силу попытками доказать фальсификацию подлинности «Слова...». Сейчас выявилась масса «разоблачителей», утверждающих, что и Мусин-Пушкин, и Малиновский, и Погодин неоднократно приобретали фальшивые древние рукописи, поэтому «Слово...» — тоже из их ряда... Я уже несколько лет занимаюсь русским и английским языками, историей и литературой в ярославском центре образования школьников «Олимп». Наши преподаватели, специалисты факультета филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, рассказывали, как они со студентами по просьбе музея вели фонетические исследования над лексикой «Слова...» и пришли к выводу, как и их коллеги из других университетов, что подделка такого уровня точности в прошлом невозможна.

«Любовь к родному краю переходит в любовь к своей стране — к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре», — писал Лихачев. Музеи, в частности яро-

славский музей «Слова...», участвуют в этой благородной работе, именно поэтому с 1985 года по инициативе Д. С. Лихачева в Ярославле раз в два года стали проходить научные чтения, которые привлекали специалистов из России и зарубежных стран. Сейчас они обрели статус «мемориальных Лихачевских».

Д. С. Лихачев считал, что именно библиотеки хранят и несут то самое «четвертое измерение» мира — ощущение единства личности и мирового культурного процесса.

В процессе написания творческой работы я связался с Галиной Алексеевной Лебедевой, директором Опочининской библиотеки. Галина Алексеевна с энтузиазмом рассказала о необычной судьбе библиотеки и дружбе с Дмитрием Сергеевичем. Дружба академика с мышкинцами началась в конце 1980-х годов. Он, как председатель Фонда культуры в то время, оказывал помощь в реконструкции культурного центра, реставрации храма и старинного особняка. Это благодаря его стараниям здесь реализована идея создания музея Мыши. В Опочининской библиотеке сегодня хранится целая коллекция книг с автографами академика, множество писем.

Именно по предложению Д. С. Лихачева появился и орден Мыши, которым теперь награждают за заслуги перед городом.

Общество не может существовать и развиваться без таких понятий, как честь и достоинство, милосердие и доброта, без стремления познать новое и способности бережно, с любовью хранить свое прошлое. Историческая память, о которой упорно говорил Дмитрий Сергеевич, — это и память о далеком от нас во времени князе Игоре, и память о веках великой русской культуры, и память о моих прадедах, остановивших фашизм, это историческая память моего народа. Это то четвертое измерение мира, которое рождает культуру, а именно история культуры и становится сейчас историей цивилизации, и в осмыслении этого заключается главная заслуга Д. С. Лихачева.

Огромное спасибо организаторам этого конкурса за возможность познакомиться с работами Д. С. Лихачева, критически взглянуть на свое знание истории и культуры России и понять, как много еще предстоит узнать, прочитать, обдумать.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Марии Гориной, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 93 г. Тольятти Самарской области, занявшей III место.

Мария ГОРИНА: — Заканчивая обучение в школе и приоткрывая дверь во взрослую жизнь, начинаешь задумываться о том, кто ты есть, чем ты отличаешься от своих ровесников, каковы твои жизненные перспективы, с какими проблемами в новой самостоятельной жизни ты можешь столкнуться. Эти и многие другие вопросы волновали общество во все времена, потому что ответы на них — это то будущее, в котором будут сосуществовать все поколения. Но так ли легко найти ответы? Как отмечают исследователи, время глобальных реформ, захлестнувших Россию,

«сломало» систему прежней морали, существенно перевернув все нравственные ценности. Старшему поколению, у которого в памяти еще свежо воспоминание «о днях былых», сложно адаптироваться в нынешних условиях, сохраняя прежнюю систему ценностей; молодому поколению еще сложнее в этом плане, так как у него своей системы ценностей еще нет, а если и есть, то условная... Когда тебе 17–18 лет, то кажется, что вся жизнь впереди, и если сделаешь какие-либо ошибки, то есть много времени, чтобы их исправить.

К сожалению, наше поколение не успевает адаптироваться к быстро изменяющимся экономическим, политическим, духовным и социальным сторонам жизни. И в этот момент особенно важным становится вопрос о ценностных ориентациях молодых людей. Кто для нас сейчас может стать тем самым носителем ценностей, который своим жизненным примером, авторитетом донесет основные идеи жизни до молодого человека?

Замечательно, когда Учитель своим жизненным примером подтверждает все им написанное или сказанное. Таким является Д. С. Лихачев. Прочитав «Письма о добром и прекрасном», я нашла ответы на многие вопросы, раскрывающие суть человеческих взаимоотношений, смысл человеческого бытия, понятие дела человека и т. д. Особенно мне запомнились слова о том, что «человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни — оглядывать прошлое и заглядывать в будущее», которые и стали темой моего сочинения.

Рано или поздно каждый из нас задается вопросами: «Кто я?», «Какое место я занимаю в обществе?», «Что я могу сделать для других?». Рассматривая общество как многочисленные «я», понимаешь, что от самосовершенствования каждого зависит все вокруг. Если между людьми (как и в семье) есть доверительные отношения, то общество (семья) становится сплоченным и сильным. С одной стороны, я всего лишь человек, живущий по законам общества, его малая частица. А с другой стороны, я — это та самая молодежь, от которой зависит будущее моей семьи, города, страны и мира в целом.

Сегодня нашему поколению жить непросто. Мы, как, впрочем, и все остальные, сталкиваемся с целым рядом проблем. Основной из них справедливо можно назвать рост безнравственности, следствием чего становятся преступления, алкоголизм, наркотики — с одной стороны, уход от действительности в виртуальный мир, где ты супергерой и можешь осуждать все происходящее вокруг, — с другой. Окружающая нас действительность немало способствует этим проявлениям — фильмы, которые призывают к насилию, реклама пива и сигарет, сайты с открытой пропагандой сексуальной свободы и т. д. Как противостоять такой рекламной кампании, призывающей жить легко и беззаботно, удовлетворяя свои потребности низшего уровня?! Как определить, для чего ты живешь?

И тут возникает извечный русский вопрос: «Что делать?». Что делать молодым людям, которые только вступают на порог взрослой жизни?

При ответе на этот вопрос важно помнить, что исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Хотя отрадно заметить, что в России в последние годы стало интенсивно развиваться молодежное волонтерское движение.

Несмотря на атмосферу недоверия и отчуждения, в России всегда находились люди, готовые творить добро и помогать ближним. Из средств массовой информации мы регулярно узнаем о том, как обычные люди принимают активное участие в помощи больным детям, оплачивают дорогостоящие операции, помогают бездомным.

За последние 20 лет понятие «волонтер» сильно изменилось. В связи с растущим числом социальных проблем, в решении которых при сложившейся экономической ситуации волонтеры стали незаменимы, волонтерское движение стало развиваться. Появились люди, которые добровольно готовы потратить свои силы и время на пользу обществу или конкретному человеку.

Хотелось бы пожелать им следовать призыву Д. С. Лихачева: «Стремитесь ходить путями добра так же просто и безотчетно, как вы ходите вообще. Тропинки и дороги нашего прекрасного сада, который зовется окружающим миром, так легки, так удобны, встречи на них так интересны, если только “исходные данные” выбраны вами правильно».

Примером такого проявления милосердия, сострадания и заботы может стать трагедия в городе Беслане в сентябре 2004 года, которая показала яркие примеры самопожертвования во имя другого человека. 18 учителей погибли от пуля террористов, спасая школьников. Это страшное событие всколыхнуло весь народ России и вызвало самые добрые чувства помощи (приносили вещи, сдавали кровь, перечисляли средства).

Ярким примером доброты и сострадания являются действия людей, оказывающих помощь жителям Дальневосточного региона России в 2013 году при наводнении. В результате стихийного бедствия тысячи человек остались без крова. Вся помощь пострадавшим, в буквальном смысле слова, легла на плечи не только государства, но и простых людей, которые откликнулись и тоннами собирали вещи, продукты, бытовую технику, предметы гигиены для пострадавших, предлагали временное убежище. Многие общественные организации, молодежные движения организовали сбор гуманитарной помощи, российское телевидение провело акцию по сбору средств пострадавшим.

Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ отметил участие молодежи в ликвидации последствий наводнения и призвал к возрождению традиций милосердия: «Нам нужно возрождать и традиции милосердия. Предлагаю организовать в России широкое движение добровольцев, готовых работать... оказывать посильную помощь». И как не вспомнить здесь слова Д. С. Лихачева: «Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе». Это «неразменный рубль».

Хотелось бы отметить, что сегодняшнему волонтеру доступны многие направления деятельности,

в которых можно себя попробовать. Экология, помощь животным, уход за больными, решение детских проблем, строительство новых и реконструкция уже имеющихся объектов, работа с людьми, отстаивание чьих-то интересов и тому подобное — бескорыстная помощь нуждающимся и проявление доброты к ним, самопожертвование во имя ближнего, на благо человечества, мира, а главное — самого себя.

Иногда, задумываясь о своем будущем, я мечтаю не только о том, что буду успешной в профессии, в семье, но и о том, что моя жизнь будет полезна обществу. Задумываясь о смысле жизни, конечно же, определяешь цель и стремишься ее достигнуть. Но носит ли она какую-то ценность? Как прожить жизнь так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»? Ответ на этот вопрос мы тоже можем найти у Д. С. Лихачева, который утверждает, что ключом к пониманию всего происходящего должна стать история. История семьи, рода, страны, цивилизации. Он писал: «Тот, кто не интересуется историей, прошлым, обедняет свое настоящее, будущее. Прошлое же — это гигантская кладовая культуры, доступная каждому, кто захочет обогатить свое настоящее и обеспечить будущее».

Как в истории нашего Отечества, так и в жизни каждого человека, отдельной семьи, школы и города происходят события — большие и малые, простые и героические, радостные и скорбные. Для собственной памяти люди пишут дневники, мемуары. Память народная сохраняется через устное предание. Лихачев пишет: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. “Беспмятный” — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки... Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести».

Возвращаясь к вопросу о цели в жизни, о том, что необходимо делать добро, поднимаясь «над самим собой, над своими личными повседневными заботами», отмечу слова Д. С. Лихачева: «Сфера добра большая. Она прочная, хотя и труднее достигается, чем формируется сфера зла. Сфера добра ближе к вечности. Вот почему сфера добра требует от каждого из нас внимания к истории — своей и мировой, к культурным ценностям, накопленным всем человечеством».

Анализируя прошлое и настоящее, задаю себе вопросы: «Как наше поколение может творить добро?», «Способна ли я сама оторваться от повседневных забот и уделить время, заботу другим людям?». И испытывая небольшое сомнение, отвечаю себе: «Да. Способна, как и тысячи моих ровесников». Важно лишь пом-

нить: «В жизни надо иметь свое служение — служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен».

Для себя я сделала вывод о том, что сейчас задача молодого поколения состоит в возрождении традиций и нравственных ориентиров. Нам необходимо оглянуться назад и из прошлого «взять» то хорошее и доброе, что сделает нас сплоченными, гуманными и творящими добро. Нравственное перерождение позволит нам жить достойно, не погрязая в потребительстве и карьеризме ради удовлетворения своего «я». Д. С. Лихачев писал по этому поводу: «Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим».

Основными перспективами становления нравственного самосознания молодежи сегодня могут стать:

- развитие молодежных организаций, движений, так как социальная активность молодежи обладает большим потенциалом для решения социальных проблем. Наиболее ярким примером таких движений является волонтерское движение, добровольная общественная деятельность которого сегодня не только помогает решить многие вопросы в обществе, но и способствует развитию активности и ответственности, повышению уровня толерантности и других значимых качеств в молодежной среде;

- образование, основанное на духовно-нравственном развитии молодежи;

- пропаганда положительных примеров проявления милосердия, заботы и доброты со стороны подрастающего поколения.

Преклоняясь перед взглядами Д. С. Лихачева, я поддерживаю его высказывание о том, что все нужно начинать с себя: «Небольшой шаг для человека, большой шаг для Человечества». Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество в один момент нельзя, исправить себя просто. Накормить ребенка, перевести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным и тому подобное — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Дарья Железная, учащаяся 11-го класса гимназии № 1 г. Артема Приморского края, занявшая III место.

Дарья ЖЕЛЕЗНАЯ: — Всемирно известный русский историк, литературовед, писатель, академик РАН Дмитрий Сергеевич Лихачев — один из величайших деятелей XX века. Он был не просто ученым, но и духовным лидером России. Его творческое наследие — гордость гуманитарной науки — по праву можно считать основой нравственного воспитания молодого поколения. В своих рассуждениях на нравственно-моральные темы Дмитрий Сергеевич затрагивал такие важные вопросы, как патриотизм, саморазвитие, история России, национализм, образованность, отношения

природы и человека и другие, неизменно актуальные и сейчас.

Одна из них — проблема зла в человеке — особенно интересует меня в связи с ужасными событиями, происходящими в мире ежедневно. Взрывы, захваты заложников, убийства не могут оставить равнодушным нормального человека, вызывают внутреннее противоречие, порожденное вечной борьбой добра и зла.

В своих нравственных заповедях Д. С. Лихачев открыто высказал свое мнение о воздействии «зла» на человека: «Ни зависти, ни жадности, ни злобы ты в сердце никогда не допускай. Не помни зла и злого пожалей».

Зло в широком смысле является источником всех человеческих пороков. Какая бы ни была ситуация, корни ее причины сплетены со злом. В своих книгах «Я вспоминаю» и «Письма о добром и прекрасном» Дмитрий Сергеевич говорит о тех качествах, которые человек должен в себе воспитывать, не поддаваясь злой стороне внутреннего «я»: совесть, доброта, честь, интеллигентность и т. д.

Совесть — это осознанное внутреннее чувство, которое позволяет различать хорошее и плохое, определять собственные нравственные обязанности и осуществлять контроль своих поступков. Этой нравственной категории Лихачев посвятил отдельную работу «Тревоги совести».

Говоря о мелких проявлениях бессовестности в людях, Лихачев сформулировал такое понятие, как «нравственный дальтонизм». Автор поясняет: «Мы разучились различать цвета, точнее — отличать черное от белого. Кража есть кража, воровство есть воровство, бесчестный поступок остается бесчестным поступком, как бы и чем бы они ни оправдывались! А ложь есть ложь, и в конце концов я не верю, что ложь может быть во спасение».

Дмитрий Сергеевич дал свое, на мой взгляд, очень точное определение чести: «Честь — это достоинство нравственно живущего человека». Честь, как и совесть, является инструментом самоконтроля. Это качество наряду с добротой, интеллигентностью, порядочностью формирует положительный морально-нравственный облик человека, и потому честь — одно из самых ценных качеств.

Интеллигентность, по мнению Лихачева, — это «способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям». К сожалению, не все понимают слова Дмитрия Сергеевича о том, что интеллигентность может напрямую влиять на здоровье и долголетие человека. Наблюдения академика могут убедить, что так оно и есть: «Дело в том, что злобная и злая реакция на окружающее, грубость и непонимание других — это признак душевной и духовной слабости, человеческой неспособности жить... Душевная слабость ведет к физической слабости. Я не врач, но я в этом убежден. Долголетний опыт меня в этом убедил». Это высказывание — отличная мотивация для воспитания в себе интеллигентности, которую Дмитрий Сергеевич считает социальным долгом.

Доброта — это искренний, добрый, светлый поток энергии, исходящий из души человека. Это то, что веч-

но противостоит источнику всех человеческих пороков — злу. В третьем письме книги «Письма о добром и прекрасном» автор задается вопросом: «А в чем самая большая цель в жизни?» и сам дает ответ: «...увеличивать добро в окружающем нас». Дмитрий Сергеевич определяет добро как «счастье всех людей», и это абсолютно логично: если добро порождает все хорошее, естественно, оно же является основой для счастья, а счастье — это высшая степень удовлетворенности духа, насыщения добром и светом.

Но на действия человека не может влиять одно лишь добро или зло. Вне зависимости от морально-нравственных качеств личности осуществление каких-либо действий контролирует ум. Ум без доброты постепенно захватывает зло во всех его проявлениях: зависть, подлость, алчность и т. п.

Истоки всех этих явлений лежат в том самом «малом обмане», «малом воровстве», о котором писал Лихачев. Впустив в свою душу маленькое зло, человек наивно думает, что это единичный случай и не стоит ни о чем задумываться. Со временем зло увеличивается, завладевает человеком, меняет его, отравляет и в итоге распространяется в окружающем мире.

А. С. Запесоцкий написал книгу «Д. С. Лихачев — великий русский культуролог», в которой говорит об истории создания «вершины жизненного пути Д. С. Лихачева» — «Декларации прав культуры».

На данный момент Декларация в полном объеме не принята. А. С. Запесоцкий считает, что «мировое сообщество еще не созрело в полной мере для принятия идей Д. С. Лихачева», а правительства многих государств вовсе не видят необходимости в дополнительной правовой защите культуры.

Д. С. Лихачев нес в себе мощнейшую энергию добра и света, теперь, после его смерти, это продолжают делать его бессмертные труды. Изучение работ Дмитрия Сергеевича Лихачева повлияло и на мое мировоззрение. Я пересмотрела свое отношение к некоторым морально-нравственным качествам человека, переосмыслила их ценность. Его книги помогли мне научиться защищать свой внутренний мир от «маленького» зла и осознать, что для того, чтобы распространять добро, нужно всего лишь обрести его в своей душе, посмотреть на мир через призму добра, отвергая зло.

На сегодняшний день своим жизненным (особенно в творческой сфере) девизом считаю высказывание Д. С. Лихачева: «Жизнь — это прежде всего творчество, но это не значит, что каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной или ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто добрую атмосферу вокруг себя».

Е. П. ЕФИМОВА: — Прошу на трибуну Марию Кобелеву, учащуюся 11-го класса гимназии № 1 г. Новотроицка Оренбургской области, занявшую III место.

Мария КОБЕЛЕВА: — Я думаю, что в жизни каждого присутствующего здесь книга занимает важное место, ведь именно она — бессменный спутник

в судьбе развитого человека. Она сопровождает нас на всех этапах жизненного пути — от колыбели до могилы.

И, конечно, не возникает никаких сомнений в том, что книга — не просто бумажные листочки в переплете, а одушевленное существо. Книги, как и мы, люди, имеют свой уникальный характер. Одна книга несет в мир добро и светлые идеи, вторая — негатив и агрессию, а третья и того хуже — не имеет своего мнения, глупа, пуста и бесполезна. «Одним словом, книга живая, имеющая жизнь», — считал академик Д. С. Лихачев.

Меня, как человека равнодушного к судьбе моего поколения, а значит, и к будущему России, волнует проблема чтения как источника духовных, созидательных ценностей, который в скором времени может быть утрачен, если не забить тревогу прямо сейчас. Именно поэтому я выбрала как тему для своей творческой работы высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева «Книга всегда найдет того, кому она нужна». Эту работу я посвятила освещению деятельности Д. С. Лихачева, направленной на популяризацию книги и чтения в современном мире. Опираясь на письма, статьи и научные труды ученого, я стремилась доказать, что многие его инициативы не утратили своей значимости и в современном мире. Более того, я постаралась глубже развить идеи Лихачева для максимального использования их в сегодняшней социальной практике.

Так, я предложила свой план по претворению в жизнь программы идей академика Лихачева.

1. Привлечение общественного внимания, в том числе со стороны правительства, к библиотекам и профессии библиотекаря; повышение престижа труда работника библиотеки.

Это, во-первых, повышение оплаты труда служащих книгохранилищ.

Во-вторых, учреждение в каждой библиотеке различных конкурсов с награждением финалистов (например, «Библиотекарь года»), что привлечет общественное внимание к этой профессии.

В-третьих, введение в старших классах средних школ, лицеев и гимназий профориентационных часов с целью привлечения внимания подростков к профессии работника книгохранилищ. Приглашение библиотекарей с рассказом о своей работе. Такой классный час лучше всего было бы оформить в виде дружеской и непосредственной беседы учеников с библиотекарем.

Для того чтобы библиотеки стали более востребованным местом интеллектуального досуга населения, необходимо проводить в них культурные мероприятия, посвященные важным событиям в сфере литературы и ее деятелям.

2. Благотворительные книжные акции; социальные скидки на книжную продукцию.

Это, например, скидки на покупку книг в определенной сети магазинов в размере 8–10 % для школьников и студентов.

На мой взгляд, нужно учреждать специальные центры раздачи книг бедным слоям населения, где бесплатная выдача будет осуществляться по предъявлению справки о доходах семьи, состоянии здоровья

и т. д. А жертвовать книги в такой центр смогут не только меценаты и волонтеры, но и все равнодушные люди.

Чтобы сделать книжную продукцию доступной абсолютно для всех слоев населения, необходимо установить максимум стоимости книги с учетом количества страниц, качества бумаги и переплета; выпустить дешевую серию книг, включающую только произведения русских классиков. Такая книга может быть в мягком переплете, но непременно по цене, не превышающей 60 рублей.

3. Год книги в России; социальные программы для привлечения людей к чтению; воспитание у молодежи любви и уважения к художественному слову; пропаганда чтения как ценности в современном мире.

Например, необходимо пропагандировать чтение в разных СМИ — на телевидении, радио, в печатной и интернет-прессе. Интервью с видными учеными на телевидении могли бы способствовать появлению у молодежи заинтересованности стать такими же уважаемыми и образованными людьми, а следовательно, уже сейчас, в юности, обратиться к учению, книге.

Как говорил Д. С. Лихачев, «книжное чтение» и «почитание книжное» должны сохранить для будущих поколений свое высокое место в нашей жизни, в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтобы не дать замусорить наше сознание различного рода «чтивом» и бессодержательной, чисто развлекательной безвкусицей. В книгах ученому были дороги не только слова, но и мысли, чувства людей, которые писали эти книги или о которых эти книги были написаны. Он сам обогащался, читая книги, и всегда делился найденными духовными сокровищами с окружающими.

В сохранении книги, представлений о ее значимости, незаменимости, святости я вижу одну из важнейших культурных миссий поколения конца XX — начала XXI века. Нам нужно вооружиться молодостью, энергией и нравственной силой для борьбы с необразованностью и темнотой нравов, что, к сожалению, все еще имеет место даже в нашем просвещенном веке Интернета и высоких технологий. Нужно приложить все силы, чтобы книга в нашей стране стала доступнее бутылки водки, а чтение стало престижнее, чем употребление алкоголя. Мы должны сделать так, чтобы каждая книга непременно нашла своего читателя, чтобы каждый читатель ни в коем случае не остался без своей книги.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Анне Куликовой, учащейся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино», занявшей III место.

Анна КУЛИКОВА: — Я очень рада возможности выступить здесь и поделиться мыслями, на которые меня натолкнули книги Дмитрия Сергеевича Лихачева. Отправной точкой в моей работе стала его цитата: «Для внутренне богатого человека весь мир неисчерпаемо богат». И с этой цитатой нельзя не согласиться. Мы смотрим на этот мир своими глазами, но белый, черный он или разноцветный — зависит от нас самих.

Меня всегда восхищали люди, которые в обычном могли видеть необычное, в скучном — интересное, в тусклом — яркое. По моему мнению, внутренний мир человека — это очень актуальная тема в наши дни. Мы живем в век суперскоростей, где нет времени даже на себя. Вспомните людей утром в автобусах — они все с хмурыми лицами, едут на нелюбимую работу и думают только о житейских проблемах. Я думаю, если человек занят только этим, он не развивается духовно и не становится богаче. Но жизнь на самом деле удивительна и прекрасна.

В своей работе я рассматривала трех личностей: это писатель Кир Булычев, режиссер Джеймс Кэмерон и аниматор Хаяо Миядзаки. Имя Кира Булычева, как мне кажется, известно всей стране. И хотя, наверное, не каждый читал его книги, однако, я думаю, его имя у многих на слуху. Для меня этот писатель стал самым первым и лучшим пророком и фантастом. Его произведения говорят об огромном и богатом мире, который не может не привлекать своей красотой.

Невозможно, говоря о творческих и духовно богатых людях, не упомянуть имя создателя многих новейших технологий в мире кино и телевидения. Конечно же, я говорю о Джеймсе Кэмероне. У талантливого человека нет границ, он всегда устремляется вперед, к мечте, к необычному, ведь мир не дает ему стоять на месте.

Еще один прекрасный человек, чей духовный мир уже много лет заставляет людей восхищаться, — это известнейший японский аниматор Хаяо Миядзаки. Для меня его произведения всегда будут примером. Мне кажется, что любой человек может развивать и расширять свой мир, ведь нельзя переставать радоваться небу, морю или новому дню, ведь мир вокруг нас прекрасен.

Е. П. ЕФИМОВА: — Приглашаю на трибуну дипломанта нашего конкурса Никиту Шевчука, учащегося 10-го класса средней общеобразовательной школы № 180 Красногвардейского района Санкт-Петербурга.

Никита ШЕВЧУК: — Моя работа посвящена двум современникам — Л. Н. Гумилеву и Д. С. Лихачеву. Это люди одного поколения, настоящие ученые, отстаивавшие свои идеи, оба не понаслышке были знакомы с лагерями. И даже в этих нечеловеческих условиях они продолжали заниматься изучением окружающего мира: Дмитрий Сергеевич, например, находясь на Соловках, изучал картежные игры уголовников. Позже он написал статью о признаках примитивизма в блатном языке. А Лев Николаевич написал в Норильске историческую статью на блатном языке: «История отпадения Нидерландов от Испании». Кроме того, свою первую статью Лев Николаевич подарил Дмитрию Сергеевичу, что говорит об их давней дружбе. Одну из последних своих книг, самую известную, — «Этногенез и биосфера Земли» — он тоже передал Д. С. Лихачеву с дарственной надписью. Точно так же Дмитрий Сергеевич дарил ему свои книги. Лихачев, в частности, написал: «Дорогой Лев Николае-

вич, как жаль, что мы живем на разных полюсах нашего города, и поэтому мы не часто с вами видимся». И Д. С. Лихачев, и Л. Н. Гумилев уважительно относились друг к другу, несмотря на расхождения по многим вопросам.

Воспоминания о лагерной жизни отразились не только в творчестве, но и в обычной жизни этих двух великих людей. Так, у Льва Николаевича в столе лежала шутивая записочка: «Начальник шмонает, клади на место и книг не кради!», потому что у него постоянно что-нибудь пропадало.

Именно об отношениях Лихачева и Гумилева интересно и подробно рассказывает на страницах своих книг («Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» и «Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия») ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий.

О Л. Н. Гумилеве как о талантливейшем преподавателе географического факультета Ленинградского государственного университета я часто слышал от доброго друга нашей семьи, бывшей студентки Л. Н. Гумилева Виктории Николаевны Вехновской, которая с восторгом рассказывала о запомнившихся ей на всю жизнь лекциях по народоведению, в рамках которых Лев Николаевич раскрывал свою теорию пассионарности. С тех пор я и «заболел» Гумилевым. Для меня было открытием, что Лев Николаевич Гумилев был сыном двух гениальных поэтов — Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Но я его открыл для себя как ученого, «просветителя и первопроходца в науке». Мне захотелось подробнее узнать о творческом пути Л. Н. Гумилева и становлении его научных взглядов, трудном жизненном пути, который не сломил его, а лишь закалил характер, сделал целеустремленным.

В интервью, опубликованном в газетах «Ленинградская правда» (от 30 декабря 1990 г.) и «Неделя» (№ 6 за 1991 г.), на вопросы журналистов Л. Н. Гумилев ответил: «Я не был одинок, я был вместе со своей страной, со своим народом. И если сегодня есть люди, которые считают, что я сделал что-то заслуживающее внимания и доброго слова, я счастлив...».

По мнению Л. Н. Гумилева, «не зная истории своего Отечества, трудно быть патриотом... Без знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории — с наследием прошлого. В двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу не пошло». Насколько актуально сейчас звучат эти слова!.. Именно поэтому я и выбрал тему: «Там, где сходятся нити памяти нашей истории... — там возрождается наша культура» (Л. Н. Гумилев «Пассионарий русской истории»).

Сегодня создан фонд «Мир Л. Н. Гумилева». По телевидению и радио идут передачи с записями его лекций, выступлений, воспоминаний о нем. Есть интересные документальные фильмы и печатные работы о Гумилеве, его воззрения поддерживаются или критикуются, то есть живут в науке, а главное — постоянно выходят в свет его книги, притягивающие к себе новых читателей и почитателей таланта этого выдающегося ученого и литератора.

Как отмечал Д. С. Лихачев, его знакомство с идеями Л. Н. Гумилева состоялось в 1972 году, когда он представлял работы Гумилева к печати. Но знакомы они были задолго до этого. Я нашел упоминание, что в 1964 году Л. Н. Гумилев неоднократно ссылается на труды и публикации Д. С. Лихачева. В его работах ясно звучит, что он считает Лихачева наиболее авторитетным специалистом по культуре Древней Руси.

Если судить по публикуемым материалам, то с 1964 года знакомство и сотрудничество Д. С. Лихачева и Л. Н. Гумилева не прерывалось. Из отзыва в отзыв Д. С. Лихачев повторял: «Автор — не мальчик в науке» и более того: «Автору такого калибра, как Л. Н. Гумилев, не следует навязывать мелкие замечания или собственные мнения». И далее: «Как специалист по истории культуры <...> я приветствую расширение научного видения в сторону естествознания». Хочется отметить, что давать такие оценки опальному историку — это настоящий гражданский поступок, подвиг для любой эпохи, а ведь Д. С. Лихачев прекрасно понимал, что антигумилевская кампания санкционирована сверху...

Первый официальный отзыв датирован 1984 годом (не случайно написан на бланке академика), а затем — 1987, 1988, 1989 годами. Кроме того, было еще письмо в ЦК КПСС в 1987 году, инициированное Лихачевым (его подпись стоит первой).

На одну из последних прижизненных книг Гумилева — «География этноса в исторический период» (авторское название «Конец и вновь начало») — одну из внутренних рецензий писал Д. С. Лихачев.

В библиотеке Л. Н. Гумилева (Мемориальная квартира Л. Н. Гумилева) хранится книга Д. С. Лихачева «Поэзия садов» (Л. : Наука, 1982) со следующей дарственной надписью: «Дорогому Льву Николаевичу с любовью, уважением и восхищением. Д. Лихачев. 24.V.84».

Истинный энциклопедист, Лев Гумилев работал на пересечении различных дисциплин: истории, географии, востоковедения, философии, психологии. Последователи отмечали его интуицию и тягу к интеграции наук — новаторский подход к исследованиям. Многочисленные противники в СССР и на Западе отвергли теорию этногенеза, разработанную Гумилевым.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокую оценку работ Л. Н. Гумилева, которую дает в своих рецензиях академик Д. С. Лихачев. Он ставит его имя в один ряд с именами крупнейших отечественных ученых: В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и Н. И. Вавилова.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Арсению Сорокину, учащемуся 9-го класса гимназии № 397 им. Г. В. Старовойтовой Кировского района Санкт-Петербурга.

Арсений СОРОКИН: — Изучение истории России — это прежде всего наше отношение и любовь к своему Отечеству, другим народам и странам. Академик Д. С. Лихачев писал: «Если вы любите свою мать, вы поймете и других, любящих своих родителей,

и эта черта будет вам не только знакома, но и приятна. Если вы любите свой народ, вы поймете и другие народы, которые любят свою природу, свое искусство, свое прошлое».

Наше время — время глобального научного знания. Д. С. Лихачев — один из основоположников современного направления интеграции гуманитарных наук. Осмысление литературы как органической части этой системы, по всей видимости, способно принести замечательные плоды новым поколениям последователей Дмитрия Сергеевича.

Актуальность работ Дмитрия Лихачева состоит в том, что он сумел систематизировать весь ранее накопленный материал и поднять изучение древнерусской литературы на совершенно новый, современный научный уровень.

Мне представляется особенно важным отметить вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в изучение отечественной истории. В истории, в отличие от многих других наук, имеется ахиллесова пята: объект исторической науки — прошлое — можно назвать нереальной реальностью. Правильность наших знаний о том, что было раньше, проверить сложно. Опыты, эксперименты для подтверждения теорий и гипотез (как это происходит в других науках) в истории во многом неосуществимы. Можно ли быть уверенным в истинности наших представлений о прошлом, в возможности познания истории вообще? Чем дальше от нас исторические события, тем иной раз труднее воспроизвести и понять их. Узнавание когда-то уже бывшего в сегодняшних событиях, давно ушедших героев в себе и окружающих дает человеку стойкость пережить трудные времена, ведь знание истории показывает, что все уже было — и все прошло. Пословица говорит: «Учись на чужих ошибках, а не на своих».

Древнерусская культура всегда была независима, так как в течение тысячелетия она основывалась на периферических направлениях, интегрировав их, создав между Европой и Азией свою независимую культуру. Благодаря культуре появляется и государственность. Многие культуры разных народов оставили свой след в Древней Руси. В древнерусской литературе развилось искусство повествования, лаконичные характеристики, умение создавать краткие философские обобщения. Она помогает понять древнерусскую культуру как то, что объединяет нас под общим началом и историей. Между историей и литературой существуют тесные связи, прежде всего между важнейшими факторами и понятиями. Характерна для истории и литературы близость в плане способов отражения действительности.

Д. С. Лихачев — выдающийся исследователь русской словесности, его заслуги в деле развития и популяризации этой области велики. Осмысление всего научного и нравственного наследия ученого только начинается. Д. С. Лихачев дает и свое видение глобализации как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе, движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами. В его трудах есть широта взгляда, подчиненная неумолимой логике основополагающего интереса:

познать суть России через ее культуру, в динамике становления и развития.

Лихачев — человек будущего. Он вглядывается в прошлое, чтобы помочь нам заглянуть в будущее. Своей жизнью, своим подвижничеством Дмитрий Сергеевич не раз доказал «любовь к своему народу, к своей местности, к памятникам ее культуры». Он по-настоящему гордился историей своей страны, несмотря на тяжелый жизненный путь. Не озлобиться, не пасть духом, работать для страны и людей, защищать все самое ценное — это нравственный подвиг человека, достойного восхищения и подражания.

Идеи Д. С. Лихачева обогащают нас не только приобщением к культуре прошлого, но и правильным отношением к настоящему. А это во многом предопределяет и наше будущее. Его добрые и мудрые книги учат понимать людей, изучать прошлое нашей Родины, видеть прекрасное вокруг себя, понимать искусство, любить жизнь.

Е. П. ЕФИМОВА: — Приглашаю к микрофону Марину Сеничеву, учащуюся 9-го класса Политехнической гимназии г. Нижнего Тагила Свердловской области.

Марина СЕНИЧЕВА: — Характерная черта интеллектуальной жизни российского общества — постоянный поиск смысла его существования. В настоящее время ведутся горячие споры: нужна ли сегодняшней России общенациональная идея, если нужна, то какой она должна быть? На VII заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году Президент РФ В. В. Путин призвал «срочно искать национальную идею». По мнению президента, «национальная идея не появится, если государство не станет над этим работать», Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. В настоящее время этот вопрос активно обсуждается в СМИ, проводятся социологические опросы, свое мнение высказывают представители разных возрастов и слоев общества.

Понятие национальной идеи можно определить следующим образом — это форма познания жизни народа, не только отражающая устройство его жизни, но и направленная на преобразование этого устройства. Она отражает мечты о будущем предыдущих и живущих поколений, а также доступные живущим поколениям возможности преобразований.

Чтобы узнать общественное мнение по вопросу разработки национальной идеи, мною был проведен социологический опрос среди учащихся 7–11-х классов Политехнической гимназии, учителей и родителей учащихся. Основной целью опроса было узнать, как представители разных возрастов относятся к национальной идее, заинтересованы ли они в ее формировании, и выявить основные ценности граждан на современном этапе. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Интересна ли вам проблема национальной идеи в России?». Мы выяснили, что молодое поколение заинтересовано в этой проблеме больше, чем взрослые: 66 % опрошенных дали положительный от-

вет, 16 % — отрицательный и 18 % затруднились ответить. При опросе взрослого поколения мы получили другие результаты: число давших положительный и отрицательный ответы равно.

Можно сделать следующие выводы. Во-первых, национальная идея в сознании каждого гражданина представлена по-разному, у каждого свое понимание и осознание идеи нации. Большинство опрошенных считают, что национальная идея — это «то, что способно поднять самосознание граждан» и «пробудить патриотизм в людях». Во-вторых, опрошенные осознают свою значимость в развитии государства, поэтому уверены, что разработать национальную идею должен народ, а не высшие законодательные органы или президент. В-третьих, мы смогли выявить основные ценности общества на современном этапе, которые необходимо воплотить в идее: социальная справедливость, единство, равенство и свобода наций, патриотизм и здоровье нации. Необходимо найти такую идею, которая смогла бы соединить все эти ценности и направить действия общества в нужное русло. В-четвертых, представители взрослого поколения уверены, что идея нации должна основываться на стремлении поддержания национального своеобразия и индивидуальности. Однако молодое поколение считает, что возможна адаптация национальной идеи другого государства в нашей стране, так как мы должны соответствовать уровню других стран и быть похожими на них.

Таким образом, граждане заинтересованы в формировании национальной идеи России. Они осознают ее необходимость как стержневого, смыслообразующего принципа, формирующего жизнь государства.

Е. П. ЕФИМОВА: — С заключительным словом выступит Николай Витальевич Буров.

Н. В. БУРОВ: — Приведу известные строки В. Маяковского:

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо?

Обратите внимание: не отец пришел к сыну рассказать о том, что такое хорошо и что такое плохо, а сын пришел к отцу, чтобы спросить его об этом. Радует, что вы сами размышляете над высочайшими категориями, которые являются неотъемлемой частью наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева. Радует география участников нашего форума, я с радостью обнаружил «города, где я бывал, по которым тосковал». Хочу заметить, что большие знаменитые города часто «больны» высокомерием по отношению к малым городам. Я надеюсь, что Санкт-Петербург имеет «лихачевскую прививку» для выработки иммунитета от этой постыдной болезни. Санкт-Петербург всегда ощущал себя культурным, духовным, научным центром, у которого есть

долг перед всей страной, потому что когда-то он создавался всей страной.

Мне понравилось, что все выступавшие сегодня волновались, причем волновались по существу. И если получается это волнение уложить в русло выступления, возникает эмоциональная красота. Мне понравилось, что сегодня во время выступлений отсутствовала «дедовщина»: несмотря на разницу — 9-й, 10-й и 11-й классы, у всех были равные условия, и внимание ко всем было одинаковое. Мне понравилось, что размышления, заданные раздумьями Лихачева, касались практических вещей, прозвучали советы в адрес общества, которое должно обратить внимание, в частности, на состояние библиотечного дела. Прекрасно, что такие мысли начинают тревожить молодежь. Библиотека, сегодня видоизменяясь, переживая временные неудобства, связанные с переходом на другие носители информации, всегда будет необходима любому обществу.

Мне интересно было послушать размышления о волонтерстве. В конце 2013 года я получил благодарственное письмо, большую золотую медаль и значок «Волонтер президента США» от Б. Обамы (я воспринимаю это как черную метку). Наверное, за то, что являюсь председателем Общественной палаты Санкт-Петербурга. Это подтолкнуло меня к размышлению о том, что такое волонтерство и добровольчество, в чем они сходны и различны, а над ними находится благотворительность как высшее проявление гуманного, гуманитарного, равнодушного общества.

Все темы, которые сегодня были затронуты в докладах, — это темы-слоганы из Лихачева, квинтэссенция его мыслей. Сегодня каждый такой слоган объясняется, глубоко трактуется и применим к нашей жизни и как девиз, и как развернутое сообщение и размышление по этому поводу.

Сегодня прозвучало много размышлений о красоте. Известна великая фраза: «В человеке все должно быть прекрасно...». Д. С. Лихачев дает оригинальный ключ к раскрытию этой темы. Красота окружающего нас мира совершенствуется, дизайн становится все интереснее, все более развитым. Мы наблюдаем колоссальное богатство человеческих цивилизаций, добавляя с каждым годом все новое и не выбрасывая старое.

«Макияж» окружающего мира, человека — и в противовес этому опасность «речевого мусора», когда красивый человек открывает рот. Именно от этого предостерегал Дмитрий Сергеевич Лихачев, оберегал и, как хороший доктор, ставил нам прививки. Сегодня прозвучали размышления на эту тему, и мне кажется, что это очень важно.

Россия в этом году отмечает 700-летие со дня рождения Сергия Радонежского, одного из величайших святых русской земли. И эта тема сегодня прозвучала. Я хочу посоветовать всем прочитать Житие Сергия Радонежского и попросить у него сил для того, чтобы ориентироваться в дальнейшей жизни.

Отрадно, что Лихачев и его наследие не превращаются в шутку (как у Д. Хармса в отношении целого ряда великих столпов российской культуры). Мы не воспринимаем наследие Д. С. Лихачева через призму шутки. Я хочу пожелать вам не стать жертвой необъяснимого слогана, «речевого мусора» и, как сказала Анастасия Дубинюк в начале наших слушаний, не стать жертвой ЕГЭ.

Еще один небольшой совет от человека, который долгие годы занимался «речевой кухней». Сейчас все чаще можно отличить молодого человека, который активно и успешно изучает иностранный язык, особенно английский: и в жертву хорошему английскому произношению приносится произношение на русском языке. Овладение иностранным языком достойно высшей похвалы и уважения. Но не забывайте, пожалуйста, о русском языке, не только удивительно богатом и разнообразном в словарном выражении, но и имеющем особую мелодику. Лингафонную лабораторию по изучению русского языка можно устроить дома: найдите в Интернете аудиовersion хорошего литературного произведения, возьмите его бумажный вариант и прочитайте так, как будто вы учитесь читать вслух, это будет своеобразное литературное караоке. Попробуйте найти с помощью великих мастеров старого русского театра интереснейшие мелодические конструкции, которые принесут вам еще одно великое богатство — умение, способность выражать мысли на родном языке красиво и мелодично.

В добрый путь, дорогие мои!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 355
Аврутин Ю. Е. 474
Аксюмов Б. В. 275, 335, 345, 347
Антипин С. А. 476, 548, 563–565
Асадуллин Ф. А. 21, 258, 272
Астафьева О. Н. 357, 452, 459
Багдасарьян Н. Г. 277, 335, 339
Байзаков С. Б. 528
Бауэр Тамаш 478
Бирженюк Г. М. 280
Бондарь Н. С. 24, 190, 208
Борев Ю. Б. 282
Борисенко О. А. 285
Буров Н. В. 287, 574, 575, 586
Ван Хунцзя 29, 190, 199
Вебер Шломо 32, 190, 206, 258, 261
Вербовая О. В. 481, 548, 553, 554
Ветчинова М. Н. 289, 335, 345, 347, 348
Вильпен Доминик де 222, 224, 235, 236, 237–240
Винокуров Е. Ю. 529
Вольф Бернхард 483
Воронцов А. В. 359
Воронцова Т. А. 360
Вятр Ежи 36, 190, 208, 258, 260
Гаджиев Г. А. 38, 190, 203, 474, 548, 552, 554
Гатилов Г. М. 21, 42, 190, 197, 243, 258–267, 269–273
Глаголев В. С. 362, 452, 465, 470
Голигорский Ю. С. 190, 206, 243, 258, 265, 270
Горина М. 574, 579
Горшков М. К. 45, 275, 335, 336, 339, 340, 353
Горшкова В. В. 291
Графский В. Г. 485
Гриценко Г. Д. 365
Гришанин Н. В. 366
Громько А. А. 52, 190, 209, 258, 267
Гуревич П. С. 369
Гурова Ю. И. 292
Гусейнов А. А. 55, 190, 201, 355, 452, 453, 456–459, 464, 465, 473
Давыдов Д. В. 32
Денисов А. В. 294
Джагарян А. А. 487
Дмитриев А. В. 58, 335, 340
Довер П. А. 32
Доманский В. А. 373
Дорская А. А. 490
Дробышева Е. Э. 374, 452, 468
Дубинюк А. 574, 575
Дунаев В. Ю. 376
Ефимова Е. П. 574–576, 578, 579, 581–586
Железная Д. 574, 581
Житина К. 574, 576
Жукова О. А. 380, 452, 460
Запесоцкий А. С. 21, 60, 190, 191, 193, 195, 197–218, 221, 222, 234, 235, 239–242, 258, 259, 335, 336, 452, 453, 548, 549, 574
Запесоцкий Ю. А. 295, 335, 343, 344
Зимбули А. Е. 384, 452, 466
Зинченко Ю. П. 66
Зубец О. П. 386
Зябриков В. В. 491, 548, 565–567
Иванов И. С. 222, 232, 235, 239, 241
Иванова С. Ю. 298, 335, 351
Игнатьева С. В. 494
Иконникова С. Н. 388, 452, 463
Ильинский П. О. 68, 258, 264
Ильичев А. В. 390
Ингимундарсон Валур 71, 190, 204
Исаев А. К. 76
Кайсаров Е. А. 392
Карам Халиль 78
Карасева (Сенцова) М. В. 496, 548, 554, 556
Касулидис Георгиос 190, 210, 258, 270
Катышева Д. Н. 299
Кефели И. Ф. 394, 452, 469
Кёхлер Ганс 80
Клейнер Г. Б. 85, 190, 216, 548, 556–558
Климова С. М. 395, 452, 457, 471
Кобелева М. 574, 582
Коломиец Г. Г. 397, 452, 467
Комиссаренко С. С. 301
Конев В. А. 303
Косов Ю. В. 548, 571
Костина А. В. 305
Круглова Л. К. 399
Куделин А. Б. 88, 190, 204, 355, 452, 460, 462, 465–469, 471–473
Кузнецова Т. В. 309, 335, 341
Куклина Е. А. 498, 564
Куликова А. 574, 583
Курганская В. Д. 376
Лапаева В. В. 500, 548, 550, 552, 553, 558
Лебедева Л. Ф. 503, 548, 559, 560
Лекторский В. А. 93
Лепехин В. А. 532
Ливеровский А. А. 548, 569
Лученюк А. И. 535
Лыткина Л. В. 401
Макаров В. Л. 97, 190, 205, 474, 548, 554, 572
Макаров Е. И. 98, 190, 200, 275, 335–337, 339–345, 347, 348, 350–354
Малыгина И. В. 403, 452, 458
Мамедов Ф. Т. 246, 258, 261
Мамедова Р. А. 536
Мамонтов В. К. 249, 258, 271
Мансуров Т. А. 101
Мануильский М. А. 335, 340, 341, 350
Марасанов Э. С. 522
Марк Хуан А. 104, 190, 213, 222, 224, 227, 230, 232, 241, 258, 266
Марков А. П. 106, 452, 453, 465, 471
Мартышин О. В. 505, 548, 552, 561, 562
Маршак А. Л. 405, 452, 462, 470
Мелихов А. М. 407
Меньшиков Л. А. 409
Мешков А. Ю. 222, 227, 237, 238, 240, 241
Миронов В. В. 111, 190, 211
Моисеев А. А. 508
Монтес Мануэль Ф. 116, 190, 210, 258, 263
Морагинос Мигель А. 124, 190, 195, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 243, 258, 259, 270, 273
Мосейко А. Н. 311, 335, 343–345
Москалюк М. В. 411
Назаретян А. П. 415, 452, 456, 460, 470

- Наумкин В. В. 131, 190, 207, 243, 258, 260
Никонова С. Б. 137
Оганов А. А. 418
Осокин Ю. В. 324
Охота А. П. 335, 353
Палагута И. В. 420
Перебоев В. С. 548, 570
Петренко В. Ф. 139, 191, 217, 452, 471
Пигров К. С. 314
Пиотровский М. Б. 21, 191, 192
Плебанек О. В. 421
Пономарева З. Н. 452, 470
Попова С. В. 318, 335, 352
Проданов Васил 142, 191
Проскуряков М. Р. 422
Расторгуев В. Н. 179
Резник Г. М. 146, 191, 212, 474, 548, 550, 552–554, 556, 557, 559–573
Ромашов Р. А. 511
Сабилов В. Ш. 425
Садовая Е. С. 513, 548, 567
Садохин А. П. 320, 335, 348, 350
Санаи Мехди 148
Сеничева М. 574, 586
Сиднева Т. Б. 427, 452, 469
Силантьева М. В. 429, 453, 463
Смирнов А. В. 154, 191, 215, 258, 272
Снапковская С. В. 322, 335, 341–343
Согрин В. В. 258, 262, 263, 431
Соина О. С. 425
Соколов К. Б. 324
Сокольская Л. В. 539, 548, 571
Соловьева Л. Н. 327
Сорокин А. 574, 585
Спирина Е. А. 328
Ставцева О. И. 434
Субетто А. И. 435
Султанов Б. К. 541
Титова Л. Г. 331, 335, 337, 349
Тишков В. А. 21, 158, 191, 195, 355, 453, 458–460, 462–464, 472, 473
Толочко П. П. 165, 191, 202, 258, 263, 273
Толшин А. В. 437
Тощенко Ж. Т. 191, 217
Третьяков В. Т. 169, 191, 214
Трофимов В. В. 515
Турецкий Н. Н. 519, 548, 562
Урицкая Р. Л. 439
Успенская А. В. 440
Устьянцев В. Б. 442
Файетта Мишель 252
Фейгин Г. Ф. 543, 548, 552, 558, 568, 569
Хангельдиева И. Г. 418
Харитоновна Е. В. 254, 258, 264, 273
Харченкова Л. И. 445
Холодяков Д. 574, 578
Хренов Н. А. 171, 191, 218
Чеберко Е. Ф. 522, 548, 560, 561
Черешнев В. А. 21, 179, 191, 194, 258, 268
Честнов И. Л. 524
Чжан Иу 181, 259, 263
Чжоу Сяофэн 182
Чубарьян А. О. 184, 191, 198, 243, 259, 269
Чуров В. Е. 186, 191, 200
Шабанов Л. В. 333
Шамахов В. А. 545
Шевчук Н. 574, 584
Эйльбарт Н. В. 447
Юхнина О. Ю. 448
Яковенко А. В. 188
Ястребов Ю. Г. 450

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

15–20 мая 2014 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *А. М. Бриль*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технические редакторы: *А. Ю. Ванеева, Л. В. Климкович*

Корректоры: *И. Н. Чугунова, О. В. Афанасьева,*

Т. А. Кошелева, Н. В. Стрельникова

ISBN 978-5-7621-0791-4

Подписано в печать с оригинала-макета 26.08.14. Формат 60х90/8

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 74,0. Тираж 500 экз.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ООО «Реноме»

190000, г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 19, лит. А, п. 1Н

**ЛЕКЦИИ И ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В СПБГУП (1993–2013)**

Трехтомник с лекциями и докладами членов Российской академии наук в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов представляет собой уникальное издание. На протяжении двух десятков лет Российскую академию наук и СПБГУП связывает плодотворное научно-педагогическое сотрудничество. Выдающиеся отечественные ученые — члены академии выступают в студенческих аудиториях Университета, на различных научных и общественных форумах, проводимых в СПБГУП. Это убедительный пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки, продуктивного участия научной элиты страны в университетском учебном процессе, в становлении молодых российских интеллектуалов.

В трехтомник вошли 367 текстов 104 членов Российской академии наук (55 академиков, 45 членов-корреспондентов, 4 иностранных членов РАН). В первом и втором томах опубликованы 77 лекций членов РАН, прочитанные студентам СПБГУП, в третьем томе представлены доклады и выступления ученых на конференциях и различных мероприятиях, состоявшихся в Университете.

Среди авторов-академиков — президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, вице-президенты РАН Ж. И. Алферов, Е. П. Велихов, А. Д. Некипелов, Н. А. Платэ, выдающиеся ученые Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, А. А. Гусейнов, В. И. Жуков, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, В. А. Лекторский, Д. С. Лихачев, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, Ю. В. Наточин, Г. В. Осипов, А. М. Панченко, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Н. А. Симония, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Е. П. Чельшев, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.

Представленные тексты посвящены новейшим исследованиям и тенденциям в философии, экономике, юриспруденции, социологии, психологии, истории, политологии, культурологии, археологии, филологии и других науках.

В выступлениях членов академии рассматриваются актуальные проблемы современности: диалог культур в эпоху глобализации, гуманитарные аспекты современной цивилизации, перспективы развития российской экономики, укрепление духовно-нравственных основ общества, сохранение культурного наследия, пути реформирования отечественного образования, роль культурного и материального факторов в развитии социума и др.

Издание представляет ярчайший срез достижений академической научной мысли за последние 20 лет.

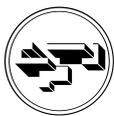
Адресовано ученым, преподавателям, студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

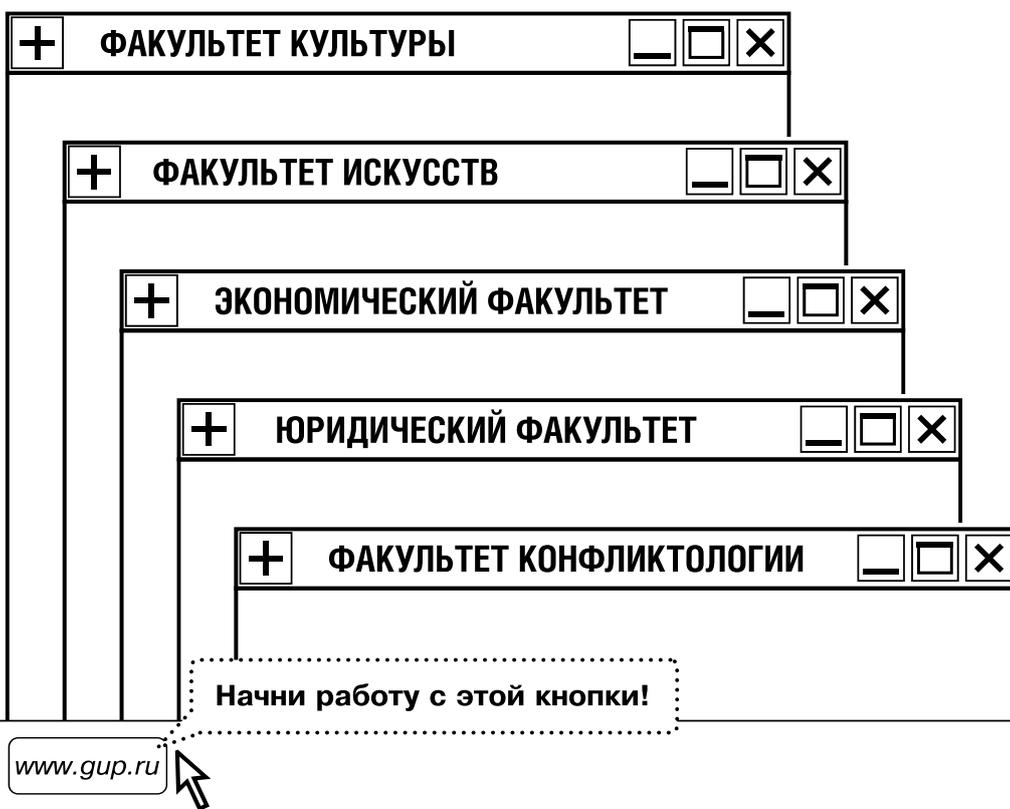
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы